ТРУДЫ

ТРЕТЬЯГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА

ВЪ РОССІИ.

БЫВШАГО ВЪ КІЕВѢ ВЪ АВГУСТѢ 1874 ГОДА.

Съ рисунками въ текстѣ и съ отдѣльнымъ атласомъ, заключающимъ въ себѣ 25 таблицъ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

КІЕВЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКАГО УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМІРА.

1878.

Печатано по распоряженію Редакціоннаго Комитета по изданію трудовъ третьяго Археологическаго Съѣзда.
Предсѣдатель Редакціоннаго Комитета *В. Модестовъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРОГО ТОМА.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Стран.

ОБЪЯСНЕНІЕ СТРАБОНОВЫХЪ СВИДѢТЕЛЬСТВЪ

о мѣстностяхъ Воспора Киммерійскаго[1]).

Рефератъ **И. Е. Забѣлина.**

Страбоново описаніе морскаго пути по восточному берегу Азовскаго моря и вокругъ Таманскаго полуострова, кн. XI, гл. V, §§ 4—14, при всей ясности и простотѣ его показаній, представляетъ однако немало затрудненій, особенно когда приходится повѣрять его съ нашими картами или съ тѣми свидѣтельствами и толкованіями, какія сдѣланы путешественниками, изучавшими самую мѣстность.

Наука по этому поводу накопила уже довольно соображеній, предположеній, догадокъ и даже непреложныхъ рѣшеній, болѣе или менѣе основательныхъ. Она посвятила этому вопросу даже особое спеціальное изслѣдованіе, каково сочиненіе г. Герца: „Археологическая топографія Таманскаго полуострова, М. 1870". Но при всемъ томъ Страбоново сказаніе не только не сдѣлалось отъ того яснымъ, но еще больше спуталось и совсѣмъ превратилось въ ученыя потемки. Здѣсь, какъ и въ математическихъ вычисленіяхъ, одна неточность или ошибка неизбѣжно пораждала другую, третью и цѣлый рядъ невѣрныхъ толкованій, возникавшихъ естественнымъ путемъ только по поводу однажды утвержденной невѣрной посылки.

Первый камень, положенный въ основаніе невѣрныхъ объясненій Страбонова описанія, находится въ сочиненіи французскаго путешественника Дюбуа[2]), заключенія котораго безъ малѣйшей повѣрки приняты нашими учеными за непогрѣшимую истину.

Главная мысль Дюбуа заключается въ томъ, что Таманскій полуостровъ подвергся уже въ историческое время очень значительнымъ измѣненіямъ, такъ что Страбоновы по-

---

[1]) Прилагается карта, № 1.

[2]) Dubois de Montpéreux, Voyage autour du Caucase, Paris, 1843, часть V, стрр. 1—103.

казанія уже не совпадаютъ съ теперешними очертаніями этой земли; что полуостровъ измѣнилъ свой видъ отъ многихъ причинъ, а именно отъ дѣйствія грязныхъ вулкановъ и отъ засоренія древнихъ устьевъ рѣки Кубани наносными песками и иломъ отъ ея потока. При Страбонѣ полуостровъ представлялъ будто бы цѣлую полинезію, нѣсколько островов, которые, отъ дѣйствія указанныхъ причинъ, срослись потомъ въ одно цѣлое. Дюбуа вообще вѣрилъ, что безъ помощи геологіи ни археологія, ни наука древней географіи здѣсь объяснить ничего не могутъ. Въ этомъ онъ ссылается на знаменитаго Риттера, который, раздѣляя тоже мнѣніе, просилъ путешественника заняться спеціально этой таинственной Киммерійской страной. Руководясь такими соображеніями, Дюбуа направилъ одно устье Кубани въ Таманскій заливъ, куда она будто бы впадала во времена Страбона, и доказывалъ это по преимуществу геологическими изысканіями, произведенными при общемъ обзорѣ мѣстности. Существующее и донынѣ Страбоновское устье, вмѣстѣ съ заливомъ (Кубанскимъ), въ который оно впадаетъ, онъ перенесъ въ заливъ Таманскій и далъ Таманскому заливу Страбоновское имя: Корокондамскій. Этотъ, въ полномъ смыслѣ книжный, ученый потокъ Кубани былъ принятъ въ наукѣ за неопровержимую истину, которая уже не требовала ни разбора, ни сомнѣній, не требовала даже и доказательствъ. Изыскатели старались только подтвердить эту истину и выяснить всѣ другія указанія Страбона сообразно съ этимъ несомнѣннымъ его свидѣтельствомъ, такъ какъ соображеніе Дюбуа стало приниматься уже за свидѣтельство самого Страбона. Г. Герцъ, какъ и другіе ученые, уже прямо выражается: „Таманскій заливъ, *какъ намъ извѣстно по Страбону,* назывался Корокондамскимъ лиманомъ... *Самъ Страбонъ говоритъ,* что Таманскій заливъ изливается въ 10 стадіяхъ отъ мѣстечка Корокондамы (Тамани) въ море... *Страбонъ* въ § 9 *говоритъ,* что Таманскій лиманъ получилъ свое имя отъ мѣстечка Корокондамы, близъ него лежавшаго.... Что Корокондамскій лиманъ или Таманскій заливъ, *по словамъ Страбона*, изливался въ Черное море, это не требуетъ дальнѣйшихъ объясненій“...[1]).

Казалось бы гдѣ и найти подробное критическое и обстоятельное объясненіе невнятныхъ словъ Страбона, какъ не въ сочиненіи, посвященномъ прямо археологической топографіи Таманскаго полуострова, именно въ трудѣ г. Герца. Этого должно было ожидать, имѣя въ виду особое заявленіе автора, что въ своемъ трудѣ онъ дастъ будущимъ изслѣдователямъ края по отношенію археологическихъ раскопокъ, *руководство,* а для утвержденія этого руководства на познаніяхъ древности—археологическую топографію.

---

[1]) Археологическая Топографія г. Герца, стр. 27, 28. См. также: Изслѣдованіе о Кубанской дельтѣ г. Данилевскаго, въ Записк. Географич. Общества по общей географіи, т. 2-й, СПб. 1869, стр. 60—65, 106, гдѣ авторъ, принимая соображенія Дюбуа за несомнѣнныя истины, критически ихъ разсматриваетъ и приходитъ къ заключенію, что предполагаемое устье Кубани было залито изверженіями грязныхъ вулкановъ, при чемъ и самую почву нѣсколько приподняло.

Личное знакомство со страною и содѣйствіе многихъ лицъ, присылавшихъ письменныя сообщенія, нерѣдко съ самаго мѣста изслѣдованій, служили ручательствомъ не только за полноту изслѣдованія, но и за всестороннюю его обстоятельность.

Къ сожалѣнію, уважаемый авторъ не совсѣмъ прямо понялъ свою задачу. Вмѣсто того, чтобы въ самомъ же началѣ своего труда собрать всѣ свидѣтельства древнихъ объ этой странѣ, допросить каждаго свидѣтеля, такъ сказать, на очной ставкѣ, что̀ и ка́къ онъ говоритъ и говоритъ-ли истину, самъ-ли былъ очевидецъ или говоритъ съ чужихъ словъ, вѣрно-ли передаетъ чужія слова или по незнанію путаетъ, прибавляетъ свои соображенія и догадки: вмѣсто того, чтобы представить читателю вполнѣ самые тексты древнихъ свидѣтельствъ и по нимъ перевѣрить всѣ заключенія и показанія позднѣйшихъ или новѣйшихъ толкователей и выведенныя истины сообразить съ натурою мѣстности,— вмѣсто этихъ простыхъ, но всегда вѣрнѣйшихъ пріемовъ археологическаго изслѣдованія, г. Герцъ пошелъ по иному пути и обратился прежде всего къ геологіи, и собственно къ дальнѣйшему развитію и утвержденію фантазій французскаго путешественника, сочиненіе котораго послужило для новаго изслѣдователя и образцомъ и основаніемъ.

По необходимости мы должны войти въ нѣкоторыя пререканія съ изслѣдованіемъ г. Герца, такъ какъ оно прямо касается нашего вопроса, разрѣшаетъ и объясняетъ этотъ вопросъ на основаніи мнѣній, скрѣпленныхъ уважаемыми авторитетами, и вообще представляетъ какъ бы послѣднее слово науки, вѣнецъ всѣхъ изысканій по этому предмету.

Геологія, при помощи сочиненія г. Данилевскаго: „Изслѣдованія о Кубанской дельтѣ“ и при сообщеніяхъ г. академика Абиха, раскрыла г. Герцу, что: 1) Таманскій полуостровъ есть собственно дельта Кубани, даже одна только часть, западная половина этой дельты (стр. 6, 7, 9, 10, 37). 2) Какъ дельта, Таманскій полуостровъ состоялъ прежде изъ многихъ островов, представлялъ архипелагъ, Кубанскую полинезію, и именно такую форму онъ имѣлъ во времена классической древности (стр. 31, 32, 35, 119). 3) Теперешній свой видъ полуостровъ получилъ отъ наносныхъ песковъ и ила съ Кубани, отъ постояннаго засоренія различныхъ устьевъ этой рѣки, и отъ дѣйствія грязныхъ вулкановъ, которые своими изверженіями способствовали тоже засоренію этихъ устьевъ, что все происходило со временъ классической древности и вслѣдствіе чего „въ настоящее время Кубань совершенно измѣнила свои теченія“ (стр. 21).

Надо согласиться, что дельтою можетъ называться такое расположеніе суши въ устьяхъ большихъ рѣкъ, которое своею фигурою на самомъ дѣлѣ напоминаетъ фигуру греческой буквы △, давшей это топографическое названіе. При этомъ геологи очень справедливо замѣчаютъ, что дельты рѣкъ суть земли, завоеванныя у моря рѣчными наносами, что не одна Кубанская, но и всякая дельта вообще есть морской заливъ, постепенно выполняемый наносами (Изслѣдованіе о Кубанской дельтѣ, 71). Въ устьяхъ Кубани ничего подобнаго мы не находимъ. Здѣсь, напротивъ, отъ устьевъ выдвигается далеко въ море

большой полуостровъ самостоятельнаго геологическаго происхожденія, на которомъ въ общемъ характерѣ его геологической постройки не видится ни малѣйшихъ признаковъ, чтобы онъ былъ, такъ сказать, порожденъ рѣкою Кубанью, какъ напрасно утверждаетъ г. Данилевскій (стр. 71, 122), говоря, что „Кубанскій заливъ имѣлъ ту особенность, что былъ, такъ сказать, общимъ Азовскому и Черному морямъ, съ группою острововъ у мѣста соединенія обоихъ морей, впослѣдствіи сросшихся, какъ отъ наносовъ Кубани, такъ и отъ дѣйствія грязныхъ вулкановъ въ одно цѣлое, составляющее нынѣшній Таманскій полуостровъ“. Напротивъ того, этотъ полуостровъ есть продолженіе тѣхъ же Кавказскихъ отгорій, горныхъ отроговъ, идущихъ дальше за проливъ на Крымскій полуостровъ. Рѣка Кубань въ своемъ теченіи только встрѣтилась съ нимъ и обогнула его толщу на право въ Азовское и на лѣво въ Черное море. Его суша, по увѣренію г. Данилевскаго (стр. 123), одинаковаго происхожденія со всѣмъ восточнымъ берегомъ Азовскаго моря отъ устья Дона до Кубани и самъ же г. Данилевскій свидѣтельствуетъ, что „конечно, въ цѣломъ этотъ полуостровъ не можетъ считаться обязаннымъ своимъ происхожденіемъ наносамъ Кубани, и потому причисляется къ Кубанской дельтѣ пока только по однимъ формальнымъ причинамъ, потому что лежитъ въ пространствѣ, ограниченномъ моремъ и развилинами Кубани“ (стр. 13) [1]).

Что Таманскій полуостровъ представлялъ нѣкогда группу острововъ, это вѣрно, ибо онъ весь состоитъ изъ разбросанныхъ невысокихъ горныхъ кряжей, направляющихся по большей части отъ запада къ востоку и раздѣленныхъ обширными низинами, что все встрѣчается и въ восточномъ или Керченскомъ отдѣлѣ Крымскаго полуострова. Но когда море было такъ высоко, что полуостровъ представлялъ группу острововъ, архипелагъ,

---

[1]) „Когда я въ первый разъ посѣтилъ эту мѣстность въ маѣ 1864 г., пишетъ г. Данилевскій, стр. 123, я еще не успѣлъ прочесть V тома путешествія Дюбуа, тома, гдѣ этотъ превосходный путешественникъ описываетъ Таманскій полуостровъ; но при первомъ обзорѣ пришелъ къ заключенію, что это былъ архипелагъ острововъ, лежавшій предъ южною частью Кубанскаго залива, сплотившихся между собою посредствомъ наносовъ рукавовъ Кубани, изливавшихся между этими островами. По прочтеніи описанія Дюбуа и вторичномъ посѣщеніи полуострова, я нашелъ, что даже относительно границъ и числа этихъ острововъ, я могу только подтвердить то, что сказалъ объ нихъ Дюбуа. Я считалъ, правда, что для этого сплоченія достаточно было однихъ наносовъ Кубани, и что для этого нѣтъ надобности прибѣгать къ дѣйствію грязныхъ вулкановъ... Охотно беру эту мысль назадъ... Принятіе участія въ засореніи древняго Фанагорійскаго рукава Кубани грязныхъ вулкановъ даетъ намъ ключъ къ объясненію нѣкоторыхъ обстоятельствъ, безъ этого трудно объяснимыхъ. Мнѣ кажется только, что острова (главные), изъ которыхъ состоялъ Таманскій полуостровъ.., въ общемъ своемъ составѣ обязаны своимъ происхожденіемъ не дѣйствію грязныхъ вулкановъ, какъ говоритъ Дюбуа, V, 22, а что они одинаковаго происхожденія со всѣмъ восточнымъ берегомъ Азовскаго моря, отъ устьевъ Дона до Кубанской дельты...“ Такъ еще не установились и колеблются даже и геологическія заключенія о Таманскомъ полуостровѣ.

тогда и нижнее теченіе Кубани по крайней мѣрѣ верстъ на 60 было покрыто также моремъ, и стало-быть устье рѣки находилось очень далеко отъ этого архипелага, представляющаго теперь ея дельту. Объ этой отдаленной эпохѣ намъ нечего и говорить. Безъ сомнѣнія, къ этой же допотопной или же около потопной эпохѣ относится и начальное образованіе грязныхъ сопокъ, по мѣстному названію „блевакъ“.

Недоразумѣнія науки заключаются въ настойчивомъ утвержденіи ученыхъ изыскателей, что природа Таманскаго полуострова измѣнилась уже въ историческое время, „въ вѣка, очень неотдаленные отъ нашего времени“. Г. Герцъ, на томъ основаніи, что „новѣйшая наука указала на постепенное возрастаніе въ историческія времена наносныхъ земель въ дельтахъ такихъ рѣкъ, каковъ напр. Нилъ“, что вообще, чѣмъ больше засоряются устья большихъ рѣкъ, „тѣмъ болѣе города, въ нихъ лежащіе, основанные для торговыхъ сношеній, теряютъ свое первоначальное значеніе и наконецъ изчезаютъ изъ исторіи“, заключаетъ утвердительно, что „еслибъ азіятская столица Босфорскаго царства, Фанагорія, въ древности не погибла насильственно, то нынѣ она не имѣла бы никакого значенія вслѣдствіе физическихъ измѣненій, происшедшихъ въ мѣстности этой страны въ вѣка, послѣдовавшіе за ея паденіемъ и вѣроятно очень неотдаленные отъ нашего времени“ (стр. 7). Нельзя объяснить, почему-жъ бы все это было такъ. Городище Фанагоріи и доселѣ лежитъ на самомъ берегу Таманскаго залива, его топографическія условія нисколько не измѣнились, ибо подлѣ него даже и фантастическая Кубань никогда не протекала: фантастическое ея устье впадало въ заливъ по берегу верстахъ въ пяти, если не въ шести отъ городища и протекало отъ него по сушѣ верстахъ въ двухъ, если не въ трехъ; стало-быть городище питалось собственно морскимъ заливомъ, а не рѣкою. Г. Герцъ говоритъ (стр. 25), что „дѣйствіе грязныхъ вулкановъ, столь губительное для главнаго города азіатскаго Босфора, засорило и рѣчную его гавань“. Но слѣдуетъ еще доказать, что городъ Фанагорія былъ такъ обширенъ, что распространялся до предполагаемаго фантастическаго теченія Кубани. Судя по очевиднымъ признакамъ, онъ едва-ли распространялся болѣе полуторы версты въ квадратѣ.

Какъ бы ни было, но г. Герцъ старательно доказываетъ, что Таманскій полуостровъ состоялъ уже въ историческое время изъ многихъ островов. „Академикъ Абихъ, говоритъ онъ, признаетъ вполнѣ форму многоостровія, которую именно во времена классической древности имѣли земли дельты Кубани. Это мнѣніе, подтверждаемое новѣйшими геологическими изслѣдованіями, окончательно устанавливается извѣстіями, сообщаемыми объ этой странѣ писателями классической древности. Всѣ они ясно говорятъ, что страна состояла изъ острововъ . . .“ (стр. 32). Но именно писатели классической древности говорятъ только объ одномъ островѣ, разумѣя, какъ и Страбонъ разумѣлъ, весь полуостровъ Таманскій, а другіе прямо говорятъ только о полуостровѣ. Самое большое число остро-

вовъ, только *два,* упоминаютъ писатели Византійской эпохи. Всѣ эти свидѣтельства приводитъ самъ авторъ на стр. 32—35.

Стефанъ Византійскій, быть можетъ слѣдуя Амміану Марцеллину, свидѣтельствуетъ, что возлѣ Тавриды лежатъ два острова: Фанагорія и Эрмонасса. Такъ какъ эти имена принадлежали собственно городамъ, то еще не извѣстно, можно-ли въ точности принять это указаніе. Но г. Герцъ заставляетъ даже и самого Страбона доказывать эту весьма сомнительную истину. Страбонъ, указывая при устьѣ Кубани на Кавказскій берегъ, говоритъ, что тамъ въ Синдикѣ, въ странѣ Синдской, находятся города Эрмонасса и Апатуръ. Г. Герцъ толкуетъ (стр. 33): „Хотя Страбонъ не обозначаетъ географической формы Синдики, но *ясно,* что онъ при этомъ имени подразумѣвалъ слово *островъ,* лежащій по правую руку для въѣзжающаго въ Корокондамскій лиманъ". А такъ какъ „городъ Эрмонасса, по Страбону, лежалъ въ Синдикѣ, а Стефанъ Визант. говоритъ, что Эрмонасса былъ островъ, то ясно, заключаетъ г. Герцъ, что Синдика была островъ. [1])

Однако при всѣхъ стараніяхъ, вмѣсто многихъ острововъ, нашлось только два, „которые размѣрами были вѣроятно значительнѣе другихъ, присовокупляетъ г. Герцъ, почему о послѣднихъ (объ этихъ другихъ) древніе писатели вовсе не говорятъ" (стр. 34).

„При такомъ обиліи свидѣтельствъ греческихъ писателей, болѣе основательно знавшихъ географію своихъ странъ, продолжаетъ авторъ, свидѣтельства римскихъ писателей могутъ имѣть только второстепенное значеніе", именно по той причинѣ, прибавимъ мы, что они не только ничего не говорятъ о многоостровіи, но даже не называютъ и островомъ всей Таманской земли, хотя бы въ Страбоновскомъ смыслѣ. Плиній Старшій прямо говоритъ, что это полуостровъ. За это г. Герцъ отзывается о Плиніѣ, что онъ „почерпнулъ свое сочиненіе изъ сотней (sic) бѣгло имъ прочитанныхъ писателей", что „характеръ компиляціи, который носитъ на себѣ трудъ Плинія, не позволяетъ ожидать большой точности въ Естественной Исторіи этого писателя" (стр. 34). „На ряду со столь многочисленными свидѣтельствами греческихъ писателей, насъ не должны смущать слова Плинія", отмѣчаетъ г. Герцъ, и наперекоръ яснымъ показаніямъ древнихъ, что полуостровъ былъ собственно полуостровъ, продолжаетъ настаивать, что острововъ въ немъ было много. „Затрудненіе заключается въ томъ, говоритъ онъ увѣренно, что при неопредѣленныхъ (будто бы?) показаніяхъ греческихъ писателей, мы не знаемъ точнаго числа острововъ, изъ которыхъ состояла Кубанская полинезія. Дюбуа, основываясь на своихъ изслѣдованіяхъ нынѣшней почвы Таманскаго полуострова, принимаетъ *пять* острововъ, которымъ

---

[1]) Для оцѣнки этого силлогизма, замѣчаетъ г. Куторга въ своемъ обзорѣ сочиненія г. Герца, составимъ ему равносильный. Одинъ географъ говоритъ, что Академія Наукъ находится на островѣ. Другой географъ говоритъ, что Академія Наукъ находится въ Петербургѣ. Итакъ, *ясно, что Петербургъ есть островъ.*

даетъ слѣдующія названія: 1) Киммерійскій, 2) Фанагорія, гдѣ станція Сѣнная, 3) Синдскій, гдѣ Тамань, 4) Тирамбе, гдѣ Темрюцкій отселокъ, и 5) Темрюцкій, гдѣ городъ Темрюкъ. Между этими островами, замѣчаетъ г. Герцъ, могли находиться другіе меньшихъ размѣровъ, какъ напр. островъ, на которомъ существовала турецкая крѣпость Адассъ и которая, прибавимъ, была собственно каменная батарея въ 120 футовъ въ квадратѣ, стоявшая на болотной низинѣ прежняго русла Кубани, вблизи г. Темрюка (стр. 119). Если сосчитать подобные острова, то Кубанская полинезія въ дѣйствительности будетъ очень огромна, ибо въ этомъ случаѣ каждое взгорье будетъ островомъ.

Пять острововъ Дюбуа есть фантазія, основанная на самомъ поверхностномъ обзорѣ мѣстности. Его Киммерійскій островъ самъ собою распадается на два острова, ибо по срединѣ между сѣвернымъ и южнымъ кряжемъ тамошнихъ горъ существуетъ глубокая низина, по уровню суши ровная со многими другими низинами полуострова. Посредствомъ такой же низины между станицами Титаревскою и Стеблеевскою Синдскій островъ тоже отдѣлитъ отъ себя еще островъ—Стеблеевскій. Вообще, чтобы опредѣлить число острововъ, необходимо прежде всего опредѣлить ту высоту морскаго уровня, при которой они должны были существовать. Чѣмъ выше былъ этотъ уровень, тѣмъ больше было острововъ, ибо полуостровъ состоитъ, какъ мы говорили, изъ горныхъ кряжей. Понижая или повышая морской уровень, мы получимъ столько острововъ, сколько захотимъ. Между тѣмъ извѣстно, что назначенная даже отъ правительства ученая коммиссія академиковъ, послѣ прилежныхъ изысканій, рѣшила, что „уровень Азовскаго моря въ теченіи 2000 лѣтъ не измѣнился“ [1]). Слѣдовательно и суша Таманскаго полуострова точно также въ эти 2000 лѣтъ, въ общихъ своихъ чертахъ, не измѣнила своего уровня въ отношеніи къ морю.

Но геологическій взглядъ на археологическую топографію полуострова заставляетъ утверждать и доказывать, что его суша уже въ историческое время потерпѣла измѣненія отъ дѣйствія грязныхъ вулкановъ. Академикъ Абихъ (у г. Герца, стр. 32) свидѣтельствуетъ, что эти вулканы были „многоразлично дѣятельны со временъ классической древности“. Г. Герцъ, то указываетъ на эту дѣятельность, говоря, что ею засыпана рѣчная гавань Фанагоріи, то замѣчаетъ (стр. 7), что „пластическія формы полуострова менѣе всего подверглись измѣненіямъ отъ грязныхъ вулкановъ, хотя новѣйшіе геологи (г. Абихъ) приписываютъ имъ огромное вліяніе“.

Геологи (Дюбуа, Абихъ) однако говорятъ, что напр. сопка Шумукай, у сѣвернаго угла Таманскаго залива, дѣйствовала лишь въ глубокой древности. Г. Герцъ прибавляетъ къ этому, что „когда Греки поселились въ странѣ, то они покрыли вершину и бока этого вулкана, тогда уже давно угасшаго, своими курганами. Итакъ, заключаетъ онъ, со временъ историческихъ форма этого вулкана нисколько не измѣнилась“ (стр. 38). Надо за-

[1]) Обмелѣніе Азовскаго моря, Морской сборникъ, 1861, № 5.

мѣтить, что ни на вершинѣ, ни на бокахъ Шумукая нѣтъ вовсе кургановъ, въ чемъ мы удостовѣрились лично и въ чемъ каждый можетъ удостовѣриться на мѣстѣ. Тѣмъ болѣе невмѣстимо выраженіе: *покрыли*. Нѣсколько кургановъ находится только на небольшомъ песчаномъ отрогѣ горы Шумукая, идущемъ на западъ къ заливу и не представляющемъ никакихъ признаковъ, чтобы онъ образовался отъ грязей вулкана. Напротивъ того, другія такой же величины и болѣе значительныя сопки, напр. весь большой кряжъ, идущій по срединѣ полуострова, отъ запада на востокъ, почти отъ самой Тамани, если и не покрыты, то изрѣдка увѣнчаны довольно значительными курганами, можно сказать, самыми крупными на всемъ полуостровѣ. Стало быть въ историческое время они уже не дѣйствовали. Сопка Шумукай, не имѣющая вовсе кургановъ, можетъ указывать на свою относительную молодость въ сравненіи съ своими братьями, другими сопками. А если и она окончила свое дѣйствіе въ доисторическое время, то мы имѣемъ основаніе заключать, что въ историческое время дѣйствіе всѣхъ этихъ сопокъ такъ было незначительно, что на него не могли обратить никакого вниманія даже и любознательные Греки, не оставившіе объ этомъ никакихъ свидѣтельствъ. Ихъ молчаніе г. академикъ Абихъ объясняетъ тѣмъ, что вулканы на самомъ дѣлѣ были спокойны цѣлыя столѣтія, такъ какъ напр. и Везувій былъ спокоенъ цѣлыя 500 лѣтъ, отъ 1139 по 1651 г. Но въ такомъ случаѣ, какъ же съ этимъ примирить прежнее заключеніе г. академика, что здѣшніе вулканы со временъ классической древности столь многоразлично были дѣятельны (стр. 32)? Г. Герцъ примиряетъ это противорѣчіе такимъ образомъ: „Хотя эти псевдо-вулканическія явленія не могутъ имѣть значительнаго вліянія на формы земной поверхности (ссылка на Huot), тѣмъ не менѣе и они, вмѣстѣ съ другими явленіями, вызвали тѣ характеристическія физико-географическія различія, которыя существуютъ между настоящимъ и прошлымъ всего Босфора Киммерійскаго (ссылка на письменное сообщеніе г. Абиха, стр. 39)“.

Въ чемъ же однако могло заключаться дѣйствіе Таманскихъ блевакъ, которыя помогли засорить рукава и устья Кубани, совершенно измѣнить ея теченія и изъ многихъ острововъ образовать одинъ островъ или полуостровъ? Судя по тому, что̀ происходитъ теперь, на нашихъ глазахъ, можно заключать, что дѣйствія этихъ сопокъ никогда не прекращались. Только не должно разумѣть этого обо всемъ количествѣ Таманскихъ блевакъ и не должно разумѣть ихъ огнедышущими горами. Однѣ изъ нихъ умолкли въ незапамятные вѣка, обгладили свою поверхность при помощи вѣтровъ и годовыхъ перемѣнъ; образовали на своихъ вершинахъ и по бокамъ сплошной растительный тукъ или дернъ. На нихъ-то Греки и другія здѣсь жившія народности спокойно и безопасно сооружали свои курганы, даже съ каменными постройками. Другія, какъ Шумукай, окончили свое дѣло позднѣе и оставляютъ до сихъ поръ слѣды своихъ давнишнихъ дѣйствій, очень замѣтные по изрытому, неустроенному виду ихъ боковъ, а отчасти и вершинъ, покрытыхъ, подобно солончакамъ, особою растительностію. Третьи продолжаютъ свое дѣло и

теперь, каковъ напр. Иловой Ключь, господствующій надъ селеніемъ Ахтанизовкою и служащій восточнымъ отрогомъ Шумукая, какова блевака противъ городища Фанагоріи, вблизи станціи Сѣнной и т. п. Онѣ медленно и непримѣтно выпираютъ, выворачиваютъ изъ себя мало по малу иловую грязь, перемѣшанную съ мелкимъ камнемъ, какъ будто какіе пищеварительные остатки, отчего народъ очень мѣтко и очень вѣрно прозываетъ ихъ блеваками. Случались на нихъ и дѣйствительныя изверженія грязи, камней и даже огня, но очень рѣдко и притомъ безъ особенныхъ послѣдствій для окрестной мѣстности. Поэтому произведенныя гдѣ-либо измѣненія материка отъ такихъ изверженій ничтожны и вовсе не замѣтны, такъ какъ они ограничивались малыми мѣстностями, возлѣ самой горы. Вообще дѣйствіе блевакъ или грязныхъ вулкановъ на измѣненіе земныхъ формъ Таманскаго полуострова, въ общемъ характерѣ и въ частности относительно засоренія рѣчныхъ потоковъ, въ историческое время было или могло быть столь ничтожно, что о немъ не стоитъ и поминать, какъ не поминали объ этомъ и ученые Греки. Что было до потопа или вскорѣ послѣ потопа, о томъ археологіи разсуждать неумѣстно. Къ тому времени и относится многоразличная дѣятельность блевакъ, придавшая полуострову тотъ видъ и тѣ формы, съ какими онъ вышелъ предъ лице исторіи.

Намъ кажется, что именно такой допотопный, геологическій взглядъ на природу Таманскаго полуострова и на его археологію послужилъ главнѣйшею причиною, почему Дюбуа, а за нимъ и другіе, не могли правильно разслышать очень ясныя и точныя указанія Страбона. Въ разсужденіяхъ Дюбуа геологія перепуталась съ археологіей. Руководясь чисто геологическими соображеніями, онъ однако дѣлаетъ изъ нихъ выводы не геологическіе, а прямо археологическіе, отчего въ дальнѣйшихъ заключеніяхъ и выводахъ, построенныхъ по его плану, сама собою явилась геолого-археологическая путаница, вѣрнѣйшимъ и полнѣйшимъ изобразителемъ которой представляется „Археологическая топографія“ г. Герца.

Но кромѣ песковъ и ила Кубани, кромѣ вулканическихъ иловыхъ изверженій, измѣнившихъ будто-бы физическую природу полуострова, г. Герцъ присоединяетъ еще къ условіямъ такого измѣненія: 1) „*наростаніе* поверхности земли въ мѣстахъ, которыя были обитаемы и 2) возвышеніе уровня воды, выводимое изъ многихъ фактовъ“ (сравн. стр. 40, 43, 52). О наростаніи земли авторъ отмѣчаетъ, что „это явленіе не требуетъ объясненія, ибо на жилыхъ мѣстахъ въ теченіи вѣковъ насыпи наростаютъ“. Но въ какомъ смыслѣ такое наростаніе можетъ измѣнить природу страны, если оно ограничивается только жилыми мѣстами, собственно городищами? Да и на самыхъ городищахъ Таманскаго полуострова произведенныя раскопки доказали, что составъ ихъ насыпей не наросталъ постепенно, а подвергался время отъ времени революціямъ, переваламъ съ мѣста на мѣсто съ различными цѣлями. Въ Фанагорійскомъ городищѣ жилымъ мусоромъ

была засыпана значительная часть береговаго пространства, дабы образовать на заливѣ сушу, необходимую для города по тѣснотѣ нижней береговой его площади. Какъ въ Фанагорійскомъ, такъ и въ Таманскомъ городищѣ жилой мусоръ лежитъ надъ материкомъ очень толстымъ слоемъ, въ иныхъ мѣстахъ сажени на двѣ, на три и даже на четыре. Но раскопки этого мусора показали, что онъ не наросталъ добровольно, а былъ насыпаемъ, смотря по надобности. Въ Тамани изъ него насыпана надъ берегомъ высокая площадь для турецкой крѣпости. Въ Фанагоріи видно тоже, что мусоръ насыпался отчасти съ стратегическими цѣлями, а больше всего переваливался съ мѣста на мѣсто при поискахъ строительнаго матеріала, который выбранъ даже съ фундаментами съ самаго материка, въ чемъ мы съ 1864 г. не одинъ разъ убѣждались личными раскопками. Можно только одно сказать, что ни одного городища въ Таманскихъ мѣстахъ не осталось въ той цѣлости, въ какой оставила его древность, хотя бы опустошеннымъ и разоренными. Видимо, что каждый новый вѣкъ открывалъ въ этихъ городищахъ и новые поиски, по преимуществу за строительнымъ матеріаломъ. Извѣстно, что Суворовская крѣпость Фанагорія была выстроена изъ камней и мраморовъ Фанагоріи; мраморъ пережигали на известь. Нѣтъ сомнѣнія, что и прежнія турецкія крѣпости строились тоже изъ археологическаго строительнаго матеріала, какъ и всѣ батареи и редуты, какіе существовали здѣсь послѣ Грековъ, при Хазарахъ, Татарахъ, Туркахъ и при Русскихъ. Не говоримъ о казацкихъ поселеніяхъ, которыя отсюда же добывали камень для своихъ фундаментовъ. Какъ бы ни было, но наростаніе земли отъ жилаго мусора никакъ не можетъ идти въ счетъ при разсужденіяхъ объ измѣненіяхъ природы полуострова.

Возвышеніе уровня воды г. Герцъ доказываетъ тѣмъ, что Сѣверная и Южная косы Босфорскаго пролива когда-то были по своему горизонту выше, что у Сѣверной косы подъ водою видѣли колонны какого-то зданія, что Южная коса была прежде сплошною полосою, выше уровня воды, а теперь состоитъ изъ острововъ, что, по свидѣтельству старожиловъ, черезъ проливъ у Сѣверной косы Татары переходили на тотъ берегъ на верблюдахъ. Все это могло быть, но все это зависѣло не отъ возвышенія уровня воды, а отъ наслоенія песчаныхъ косъ, которыя, какъ извѣстно, повсюду на всѣхъ водахъ измѣняютъ даже свое положеніе. Затѣмъ уровень воды въ Босфорскомъ проливѣ измѣняется больше всего отъ морскаго теченія. Если бываютъ вѣтры отъ Чернаго моря, противъ Азовскаго теченія, онъ значительно поднимается; если вѣтеръ идетъ съ Азовскаго моря по теченію пролива, уровень воды такъ же значительно понижается. Это явленія случайныя и, можно сказать, ежедневныя.

Однако г. Герцъ увѣренъ, что морской уровень вообще по всему морю поднялся отъ временъ исторической древности (стр. 43). Доказательствомъ, по его мнѣнію, служатъ находящіеся на берегахъ курганы, которые нынѣ вполовину обрушились въ море. Онъ справедливо утверждаетъ, что курганы нѣкогда были расположены въ значительномъ

разстояніи отъ воды. „Явно, заключаетъ онъ, что при постоянно неизмѣнномъ уровнѣ воды, подобныя мѣста не могли бы имѣть мѣста“. Вопреки соображеніямъ г. Герца, существовало всеобщее убѣжденіе, что Азовское море сильно обмелѣло и постоянно убываетъ, слѣдовательно морской уровень понижается. Это убѣжденіе утверждалось на такихъ серьезныхъ практическихъ доказательствахъ, что правительство снаряжало даже особую экспедицію для изученія вопроса на мѣстѣ и особую ученую академическую коммиссію для рѣшенія, было-ли море когда-либо глубже. Коммиссія, призвавъ свидѣтельства древнихъ, пришла къ заключенію, какъ мы упоминали, что „уровень Азовскаго моря въ теченіи 2000 лѣтъ не измѣнился“ [1]).

Разрушеніе кургановъ на берегу моря или собственно разрушеніе береговъ происходило и нынѣ происходитъ не отъ возвышенія воды, а отъ постояннаго прибоя волнъ къ извѣстнымъ мѣстностямъ. Это явленіе въ дѣйствительности заслуживаетъ особаго вниманія со стороны археолога, ибо если что и измѣнило археологическій обликъ полуострова, такъ именно эти разрушенія его береговъ.

Особенно сильному дѣйствію морскаго прибоя подвергся западный и южный берегъ той половины полуострова, на которой находится городокъ Тамань. Здѣсь отъ мыса Тузлы до мыса Панагіи и далѣе отъ мыса Кишлы и до Бугоза весь берегъ осыпался въ море, быть можетъ на версту, если не на двѣ въ ширину. Оттого по всему пространству существовавшаго нѣкогда и теперь разрушеннаго берега разсыпаны подводные камни и Панагіей [2]) называется большой камень, лежащій въ морѣ далеко отъ берега и выдающійся скалою на поверхности воды. Всѣ эти камни суть простыя скалистыя основанія прежде бывшей матерой земли, представлявшей въ древности возвышенный и широкій берегъ, на которомъ вѣроятно существовали и курганы и городища. Во время поѣздки на этотъ берегъ въ 1872 г. мы видѣли, какъ даже теперешняя сельская, пробитая недавними колеями, береговая дорога прекращалась на одномъ береговомъ обрывѣ, показывая, что ея продолженіе по берегу еще недавно снесено уже въ море. Точно такимъ же образомъ море отвоевываетъ сажень за саженью близлежащія пахатныя земли и баштаны. Повсюду на берегу были видны трещины материка, какъ предварительныя отмѣтки, какая часть берега должна вскорѣ обрушиться въ воду.

---

[1]) Обмелѣніе Азовскаго моря, Морской сборникъ 1861 г., № 5. Членами ученой коммиссіи были академики: Беръ, Э. Ленцъ, Г. Гельмерсенъ, Л. Стефани, К. Веселовскій и А. Куникъ.

[2]) Мы слышали отъ Керченскаго жителя, бывшаго у насъ надсмотрщикомъ археологическихъ раскопокъ, Игната Павлова Опашняна, что въ молодости онъ однажды плылъ изъ Анапы съ старикомъ грекомъ, которому было лѣтъ девяносто и который, поровнявшись съ камнемъ Панагіей, благоговѣйно снялъ шапку и сталъ молиться. На вопросъ Опашняна зачѣмъ онъ молится камню, старикъ отвѣтилъ, что въ этомъ мѣстѣ на берегу стояла нѣкогда греческая церковь „Мать Панагія“. Она обрушилась въ море. Отъ Тамани эта мѣстность въ десяти верстахъ.

Итакъ, гряды подводныхъ камней, лежащихъ подлѣ всего этого побережья, суть признаки, по которымъ можно судить, какъ далеко въ море простирался нѣкогда береговой материкъ.

Точно также обваливается мало по малу въ море и берегъ у городка Тамани. По разсказамъ старожиловъ, лѣтъ 50 назадъ, этотъ берегъ простирался дальше въ море саженъ на 50 и больше [1]). Тоже самое происходитъ въ восточномъ углу Таманскаго залива съ берегами Фанагорійскаго городища и дальше отъ него къ востоку съ цѣлою группою кургановъ, которые мало по малу совсѣмъ осыпаются въ воду. Тоже происходитъ съ сѣверными берегами Таманскаго залива около Горѣлой горы. Тоже происходитъ и съ Азовскаго моря по Киммерійскому или сѣверному берегу полуострова.

Вообще, если въ физической природѣ Таманскаго полуострова произошли перемѣны со временъ историчеекой древности, важныя и въ археологическомъ отношеніи, то главнымъ образомъ эти перемѣны были совершены завоеваніями моря почти по всѣмъ берегамъ полуострова. Г. Герцъ вовсе не замѣтилъ этого обстоятельства. Ссылаясь на Лоцію Чернаго моря г. Павловскаго (Николаевъ, 1867), онъ упоминаетъ не только о каменныхъ, но даже и о коралловыхъ рифахъ, находящихся при западномъ и южномъ побережьи Тамани, и придаетъ этому обстоятельству совсѣмъ иное толкованіе. Такъ какъ по этому побережью существуютъ еще признаки греческихъ поселеній, то авторъ удивляется, какимъ образомъ могли находиться здѣсь поселенія, когда плаваніе къ берегу было такъ затруднено и такъ опасно, и заключаетъ: „Поэтому помѣщать здѣсь Корокондаму, какъ это дѣлаетъ Клапротъ, преждевременно“ (стр. 58). Но именно при Грекахъ здѣсь, на мѣстѣ каменныхъ рифовъ, вѣроятнѣе всего, существовала суша, а на ней если не Корокондама, то существовали другія какія либо поселенія, какъ по указаніямъ Страбона непремѣнно приходится. Говоритъ же г. Дюбуа, что Корокондаму=Тамань необходимо искать въ морѣ.

Мысль о большихъ будто бы измѣненіяхъ природныхъ формъ Таманскаго полуострова, происшедшихъ на памяти исторіи, такъ неуклонно проводимая г. Герцомъ и другими учеными, коренится главнымъ образомъ, какъ мы уже говорили, на мнѣніяхъ Дюбуа и на его утвержденіяхъ, что Кубань нѣкогда текла въ Таманскій заливъ вблизи городища Фанагоріи.

---

[1]) Г. Герцъ (стр. 52), толкуя это обстоятельство, замѣчаетъ, что оно служитъ „въ пользу высказаннаго имъ“ мнѣнія о возвышеніи морскаго уровня въ Таманскомъ заливѣ. „Волны, ударяя прямо объ утесъ, говоритъ онъ, разрушили постепенно древнюю почву и унесли ее съ собою, вмѣстѣ съ частью турецкой крѣпости. Поэтому Дюбуа остроумно замѣчаетъ, что древній городъ, лежавшій на этомъ мѣстѣ (будь это Корокондама или другой), нынѣ слѣдуетъ искать въ морѣ“.

Страбонъ говоритъ, что въ концѣ, именно въ концѣ, Воспорскаго пролива на азіатскомъ берегу находится селеніе Корокондама. Выше Корокондамы лежитъ обширное озеро (заливъ, лиманъ=все равно), которое такъ и зовутъ Корокондамскимъ. Озеро вливается въ море въ 10 стадіяхъ (около двухъ верстъ) отъ селенія. Въ озеро впадаетъ одинъ изъ рукавовъ Кубани (которая, какъ Страбонъ показалъ прежде, течетъ и на сѣверъ, въ Меотиду) и вмѣстѣ съ озеромъ, съ Меотидой (Азовскимъ моремъ) и съ рѣкою образуетъ островъ. Входящему въ Корокондамское озеро представляются города: Фанагорія и Кипы—налѣво, Эрмонасса и Апатуръ—направо, за Кубанью, въ Синдикѣ.

Если испытатель истины найдетъ Корокондаму въ нынѣшнемъ Бугозѣ (означающемъ потурецки устье), то безъ малѣйшаго затрудненія пойметъ, даже по картѣ, о чемъ собственно говоритъ Страбонъ. Однако Дюбуа толкуетъ совсѣмъ иное. „Объясненію этого мѣста Страбона, подавшаго поводъ къ безконечнымъ преніямъ между археологами, говоритъ г. Герцъ, много содѣйствовалъ Дюбуа. Опытному взгляду геолога наблюденіе надъ мѣстностью доказало, что Страбонъ говоритъ здѣсь о нынѣ изчезнувшемъ рукавѣ Кубани". По изысканіямъ Дюбуа, Кубань черезъ теперешній рукавъ Переволоку вливалась при Страбонѣ въ Ахтанизовскій лиманъ, „протекала его на всемъ протяженіи и потомъ въ сѣверозападномъ (должно читать: югозападномъ) направленіи, по нынѣ высохшему руслу, миновавъ грязную сопку Блеваки (противъ городища Фанагоріи), Шимордanскою бухтою впадала въ Корокондамитскій лиманъ, нынѣ Таманскій заливъ" (стр. 22).

„До настоящаго времени, продолжаетъ г. Герцъ, сохранились еще слѣды этого рукава Кубани какъ въ небольшихъ водныхъ пространствахъ или озерахъ (нѣтъ ни одного), находящихся на вышеозначенномъ пространствѣ, такъ и въ профиляхъ мѣстности и ея геологическомъ характерѣ. Отъ сѣверозападной (должно читать: югозападной или вѣрнѣе: западной) оконечности Ахтанизовскаго лимана до Таманской бухты нынѣшняя поверхность земли представляетъ продолговатое углубленіе, низменность, которая характеризуется даже особою растительностію, свойственною однимъ русламъ рѣкъ (ссылка на Дюбуа). Почти половину всего этого пространства и именно южную (должно читать: восточную или сѣверовосточную) занимаетъ большое озеро, являющееся естественнымъ продолженіемъ Ахтанизовскаго лимана и соединяющееся съ нимъ узенькою рѣкою. Протяженіе этой низменности отъ Шиморданской бухты до лимана равняется шести верстамъ.... Дюбуа даже принимаетъ, что этотъ рукавъ былъ главнымъ рукавомъ Страбонова Антикитеса... Вѣроятно основываясь на разсказахъ мѣстныхъ старожиловъ, онъ говоритъ, что не болѣе ста лѣтъ тому назадъ суда проѣзжали по этому пути" (стр. 22—23).

„Мнѣніе Дюбуа, продолжаетъ г. Герцъ, было провѣрено на мѣстѣ г. Жилемъ, директоромъ Императорскаго Эрмитажа [1]). Осмотрѣвъ мѣстность отъ озера, лежащаго на

[1]) Г. Жиль составилъ даже, по указаніямъ Дюбуа, карту этихъ мѣстъ во времена Страбона, помѣщенную въ великолѣпномъ Эрмитажномъ изданіи: „Древности Босфора Киммерійскаго".

сѣверозападъ (читай: на югозападъ или на западъ) отъ Ахтанизовскаго лимана, онъ удостовѣрился, что до самой Шиморданской бухты здѣсь есть углубленіе. Съ высоты степи онъ увидѣлъ въ направленіи отъ озера къ бухтѣ плоскій поясъ съ темнымъ оттѣнкомъ, отдѣлявшимся отъ зелени степи, и на немъ огромное множество кустовъ осоки... Этотъ плоскій поясъ очевидно былъ образованъ русломъ прежняго рукава Кубани".

„Къ этимъ доказательствамъ по письменному сообщенію г. Тизенгаузена, прибавляется еще слѣдующее: „На всей вышеупомянутой полосѣ не встрѣчается *ни одного* кургана, тогда какъ по обѣ ея стороны, т. е. на обоихъ берегахъ древняго русла рѣки Антикитеса, курганы появляются во множествѣ. Ясно, что протекавшая здѣсь рѣка не позволяла насыпать на этомъ мѣстѣ курганы".

„Мнѣніе Дюбуа, продолжаетъ г. Герцъ, раздѣляетъ и извѣстный нашъ геологъ, академикъ Абихъ. „По этой низменности, говоритъ онъ, во времена Страбона протекалъ рукавъ Антикитеса, котораго существованіе нынѣшній Киммерійскій полуостровъ превращало въ островъ. Дюбуа совершенно правъ, говоря объ эруптивныхъ дѣйствіяхъ, которымъ онъ приписываетъ самое значительное вліяніе на измѣненіе прежде существовавшихъ идрографическихъ отношеній во всей области, о которой идетъ рѣчь" (стр. 24). Г. Данилевскій свидѣтельствуетъ: „Не далѣе, какъ во времена Страбона, главный рукавъ Кубани вливался въ Таманскій заливъ у города Фанагоріи, близъ теперешней Сѣнной станціи (вливался?). Онъ не только превосходилъ тотъ рукавъ, который вливался въ Черное море, но и теперешнюю Протоку, какъ можно заключить изъ придаваемаго ей тогда названія—Малый Комбитесъ" (Изслѣд. стр. 106). Такъ точно повторяютъ одно и тоже и другіе изыскатели Таманской древности.

Поддерживаемая столькими авторитетами, которые на мѣстѣ изучали все это дѣло, мысль Дюбуа, по свидѣтельству г. Герца, готовилась и къ практическому осуществленію. Въ 1867 г. возникло намѣреніе сдѣлать Кубань удобною для пароходныхъ сообщеній. Чертили проэкты, какъ и съ какимъ моремъ легче и выгоднѣе ее соединить. Изъ трехъ проэктовъ „преимущество было отдано пути въ Таманскій заливъ, т. е. водному сообщенію, которое во времена Страбона представлялъ протекавшій здѣсь рукавъ Антикитеса" (стр. 24). Проэктъ однако не осуществился. Но къ тому же времени вѣроятно относится изслѣдованіе инженернаго офицера г. Бурмейстера. Онъ долженъ былъ удостовѣриться: вышеозначенная низменность дѣйствительно-ли представляетъ старинное русло рѣки? „Его развѣдки, впрочемъ не глубокія (не глубже 6 футовъ), замѣчаетъ г. Герцъ, не доказали справедливости высказаннаго такими учеными, какъ Дюбуа и Абихъ, предположенія: онѣ не обнаружили въ Шеморданской низменности ила, т. е. рѣчнаго русла. Но дно рѣки, отмѣчаетъ г. Герцъ, *покрытое вѣковыми наносами вулканической грязи,* можетъ находиться глубже шести футовъ". Затѣмъ г. Герцъ характеризуетъ развѣдки г. Бурмейстера слѣдующими словами: „Не говоря о запасѣ геологическихъ свѣдѣній и

обширности розысканій, необходимыхъ для рѣшенія этого вопроса, изслѣдователь, едва-ли знавшій о существованіи Страбоновой географіи въ то время, когда производилъ свои развѣдки на Таманскомъ полуостровѣ, отнесся къ этому вопросу, кажется, слишкомъ поверхностно“ (25).

Къ сожалѣнію, намъ не извѣстны подробности этихъ любопытныхъ и очень важныхъ развѣдокъ. Вѣрно г. Бурмейстеръ имѣлъ значительныя геологическія и очень научныя основанія высказаться противъ принятой истины. Къ тому же, для развѣдки ила вовсе не надобно обладать какимъ-либо особымъ запасомъ геологическихъ свѣдѣній и совсѣмъ не надо знать Страбонову географію, которая, какъ увидимъ, вполнѣ тоже противорѣчитъ ученымъ фантазіямъ.

„Отчего же произошло это засореніе древняго рукава Кубани? все-таки спрашиваетъ г. Герцъ. Дюбуа, а за нимъ Жиль объясняютъ, что близлежащіе вулканы — блеваки „засыпали грунтъ земли и русло древняго рукава Антикитеса“. Къ этому г. Герцъ присоединяетъ еще „нанесеніе песковъ самою рѣкою, окончательно засорившихъ ложе рѣки“. Между тѣмъ, г. Данилевскій въ томъ же своемъ изслѣдованіи о Кубанской дельтѣ (стр. 63, 64), свидѣтельствуетъ, что „загражденіе устья не произошло обыкновеннымъ путемъ засоренія,—его залило изверженіями грязныхъ вулкановъ, или самую почву нѣсколько приподняло“. Но въ томъ весь вопросъ, когда это случилось?

„Въ высшей степени замѣчательно, прибавляетъ г. Герцъ, что дѣйствіе грязныхъ вулкановъ, столь губительное для главнаго города азіатскаго Босфора, потому что оно засорило и рѣчную гавань его, принадлежитъ временамъ очень позднимъ: оно началось вѣроятно гораздо позже временъ Страбона, можетъ быть тогда, когда древній городъ уже не существовалъ [1]). Это обстоятельство слѣдуетъ имѣть въ виду, замѣчаетъ авторъ, потому что оно принадлежитъ также къ вопросу о времени происхожденія грязныхъ вулкановъ Таманскаго полуострова...“ (стр. 25). Мы видѣли впереди, что губительное дѣйствіе блевакъ тѣже ученые относили къ глубокой или до-исторической древности.

Такими и подобными доказательствами мнѣнія Дюбуа утверждены въ наукѣ за настоящую истину. Говоря о Таманскомъ заливѣ, никто уже не сомнѣвается именовать его по Страбону Корокондамскимъ. О Тамани тоже не сомнѣваются, что она есть Страбонова Корокондама. Кёлеръ указываетъ, что въ имени Тамань сохраняется послѣдній слогъ Корокон—*дамы, дамъ*. „По мнѣнію г. Бруна, русскіе превратили имя древней Корокондамы въ Тмуторокань, принявшей у византійцевъ форму Таматарха, что и подало

[1]) **По свидѣтельству Прокопія Кесарійскаго, Фанагорія и Кипы были взяты и срыты варварами въ его время, т. е. въ половинѣ VI вѣка. Съ 703 г. имя Фанагоріи не упоминается уже больше, какъ замѣчаетъ Риттеръ, у Кеппена: Древности сѣвернаго берега Понта, стр. 42.**

поводъ арабскимъ географамъ назвать этотъ городъ Матерха, тогда какъ итальянскіе моряки наименовали его Матригою" (стр. 28).

„Что Корокондамитскій лиманъ или Таманскій заливъ, *по словамъ Страбона*, изливался въ Черное море, это не требуетъ дальнѣйшихъ объясненій", заключаетъ г. Герцъ.

Надо только изумляться, какъ предвзятая какая-либо истина покоряетъ себѣ ученые умы и совершенно запутываетъ самое простое и ясное дѣло.

Таманскій заливъ вливается, какъ всѣмъ видимо по картѣ, а еще виднѣе на самомъ мѣстѣ, не въ Черное море, а въ Воспорскій или Керченскій проливъ. Тамань=Корокондама стоитъ не въ двухъ, какъ говоритъ Страбонъ, а по прямой линіи въ восьми верстахъ отъ угла его впаденія въ проливъ, не говоря о Южной косѣ, которой, очень вѣроятно, при Страбонѣ еще не существовало. Если даже объемъ Таманскаго залива уменьшить въ половину и принимать его бассейнъ только до двухъ небольшихъ косъ, выдающихся на его срединѣ отъ сѣвера и отъ юга, то и до этого предѣла отъ Тамани считается не двѣ, а цѣлыхъ четыре версты. Слѣдовательно въ мѣстоположеніи Корокондамы=Тамани является значительное разногласіе съ Страбономъ. Затѣмъ Страбонъ весьма точно и опредѣлительно говоритъ, что Корокондама находится въ концѣ Воспорскаго пролива: „Здѣсь конецъ такъ называемаго Воспорскаго пролива", замѣчаетъ онъ, дойдя до Корокондамы. Могъ ли это говорить Страбонъ, имѣя въ виду Тамань, которая находится по срединѣ пролива и въ добавокъ еще въ сторонѣ отъ прямаго пути, который описываетъ географъ. „Прямо отъ Корокондамы, продолжаетъ Страбонъ (§ 14), идетъ плаваніе на востокъ" и тотчасъ указываетъ Синдскую гавань, вблизи Анапы, а потомъ Баты (Новороссійскъ), слѣдовательно держитъ путь уже въ Черномъ морѣ у Кавказскаго берега. Какимъ образомъ отъ Тамани, плывя на востокъ, попадемъ къ Новороссійску.

И все это вопіющее несогласіе съ Страбономъ, всѣ эти обширныя геологическія изысканія и доказательства, что Таманскій полуостровъ совсѣмъ измѣнилъ свою фигуру, всѣ эти глубокомысленныя и остроумныя соображенія и догадки, какъ могли случиться земныя перемѣны на полуостровѣ, вращаются около одного мѣста, весьма поверхностно осмотрѣннаго, по которому непремѣнно должна протекать Страбоновская Кубань.

Это мѣсто, такъ называемая на подробной столистовой картѣ и на картѣ Шуберта, *Сѣнная балка*. Оно въ сущности представляетъ характерную черту въ распредѣленіи суши на Таманскомъ полуостровѣ. Какъ мы говорили, полуостровъ основанъ изъ горныхъ, небольшихъ хребтовъ или кряжей, идущихъ по большой части въ направленіи отъ запада къ востоку. Между этими, болѣе или менѣе продольными высотами лежатъ таковыя же продольныя низины, долы и долины. Одну изъ такихъ продольныхъ низинъ занимаетъ Сѣнная балка, идущая отъ средины Таманскаго залива къ Ахтанизовскому лиману. По тому случаю, что съ обоихъ концовъ въ эту низину заливаютъ воды Таманскаго залива и Ахтанизовскаго лимана, въ ней помѣщаютъ фантастическое русло Кубани

и увѣряютъ, что низина отличается даже свойствомъ растительности, тощей, солончаковой, негодной для скота, съ почвою, весьма отличною отъ остальной степи. Дѣйствительно, не въ самой балкѣ, а на взгорьѣ у городища Фанагоріи и, главное, вокругъ горы блеваки находятся мѣста, изрытыя весенними потоками, даже обширныя сухія водоемины съ солончаковою растительностью, обозначающія вообще почву близлежащей блеваки; но въ самой балкѣ, о которой идетъ рѣчь и которая простирается въ длину верстъ на 6 и въ ширину версты на двѣ и на три, ничего этого не видно. Напротивъ, вся ея мѣстность есть мѣстность широкой долины и ея растительность отличается всѣми качествами превосходной степной растительности, доставляющей обильные урожаи сѣна, отчего балка и получила названіе *сѣнной*. Въ ней по большей части теперь процвѣтаетъ хлѣбопашество.

Стоитъ только сравнить съ этой низиной дѣйствительно существовавшее при Страбонѣ русло Кубани у Пересыпной станціи или мѣстность теперешняго ея русла, текущаго въ Кубанскій лиманъ, чтобы понять, что въ Сѣнной балкѣ никогда такого русла не существовало. Здѣсь нѣтъ и признаковъ рѣчнаго потока, нѣтъ и малѣйшихъ примѣтъ, что существовали здѣсь какіе-либо, хотя бы очень низменные, берега, чего, не смотря на столѣтія и тысячелѣтія и на всѣ губительныя изверженія блевакъ, не могло не остаться въ какомъ-либо углу балки.

Балка, напротивъ, сходитъ съ высотъ въ свою глубину незамѣтными, очень мягкими пологостями, разстилающимися на цѣлыя версты. Высыхающая постепенно цѣлыя столѣтія рѣка, наносящая пески и илъ, должна оставить почву въ неустроенномъ видѣ. Изверженія блевакъ должны оставить тоже, въ нѣкоторомъ смыслѣ, развалины почвы. И ничего этого въ Сѣнной балкѣ не видится. Очень замѣтно только, что допотопное море выровняло эту мѣстность какъ прекрасную степную долину. Увѣряютъ, что въ ея полосѣ не встрѣчается ни одного кургана. Мы никакъ не можемъ хорошо опредѣлить, что должно разумѣть подъ именемъ *полосы*, когда ширина глубины въ этой низинѣ простирается не на одну версту, и когда собственно никакой полосы здѣсь не примѣтно. Долина стелется широко во всѣ стороны къ горнымъ хребтамъ. Почти въ самой срединѣ всего пространства балки стоитъ весьма значительный курганъ, Орлова Могила, о которомъ г. Герцъ говоритъ, что неизвѣстно гдѣ онъ находится (стр. 65) и предполагаетъ его курганомъ длиннаго хребта, тянущагося отъ Карабетовой горы.

Къ юговостоку отъ этого кургана, вблизи Ахтанизовскаго лимана, также на самой низинѣ раскинуты еще три кургана, а у самой Шемарданской бухты, т. е. въ самомъ устьѣ Кубани, мы насчитали *двѣнадцать* кургановъ, стоящихъ, конечно, не на самомъ низменномъ мѣстѣ, заливаемомъ обыкновенно дождями, но и не на берегахъ полосы, которыхъ нигдѣ нельзя примѣтить. Сѣнная балка своимъ развѣтвленіемъ уходитъ какъ къ этой бухтѣ, такъ и къ Круглой горѣ (Васюринской), уходитъ дальше къ хребту Карабетовой горы и показываетъ вообще, что она образовалась не отъ потока Кубани, а въ

одно время съ этими хребтами горъ и составляетъ собственно луговую ихъ часть. Такими междугорьями—долинами во всѣхъ направленіяхъ покрыто все пространство полуострова. Точно такая, во всемъ подобная Сѣнной балкѣ, низина находится на Киммерійской сторонѣ полуострова, между сѣвернымъ и южнымъ кряжемъ тамошнихъ высотъ. Потомъ точно такая же низина идетъ отъ сѣверовосточнаго угла Таманскаго залива къ засохшему руслу Кубани у станціи Пересыпной, вдоль горнаго кряжа Шумукая. Эта мѣстность представляетъ какъ бы перешеекъ для Киммерійскаго полуострова. Страбонъ свидѣтельствуетъ (§ 5), что этотъ перешеекъ еще при Киммеріянахъ былъ огражденъ рвомъ и валомъ, слѣдовательно онъ зналъ о существующемъ здѣсь Киммерійскомъ валѣ, на который указываетъ и Геродотъ. По справкѣ на мѣстѣ, этотъ валъ состоитъ изъ пяти полотенъ (на картѣ Шуберта показано четыре), раздѣленныхъ четырьмя проѣздами. Валъ насыпанъ широко, мѣстами неправильно. Первое полотно отъ бухты Таманскаго залива значительно ниже слѣдующихъ полотенъ, восходящихъ въ гору. Къ уровню воды оно сходитъ на нѣтъ; средняя его высота аршина въ $1^1/_2$. Точно также и послѣднее, пятое полотно насыпано очень широко, но не высоко и сходитъ къ концу въ степи тоже на нѣтъ. Самая большая высота среднихъ полотенъ, аршинъ въ пять, находится по срединѣ всего вала. Сѣверная внѣшняя сторона полотенъ пологая; южная, подлѣ которой идетъ теперь едва замѣтный ровъ или, вѣрнѣе, каналъ, ложе потока, насыпано круто. Съ сѣверной стороны мѣстами выдаются отроги или отвалья, въ которыхъ воображеніе можетъ находить основаніе башенъ. Но видимо, что эти отвалы насыпаны случайно и какъ попало. Такое устройство вала, особенно ненадобная ширина полотенъ, перваго и послѣдняго, обнаруживаетъ, что валъ былъ насыпанъ не съ цѣлью защиты отъ врага, а прямо съ цѣлью соединить Азовское море съ Таманскимъ заливомъ, и что работы, по неизвѣстному случаю, а вѣрнѣе всего по открывшейся невозможности устроить здѣсь соединительный каналъ, были прекращены именно на пятомъ полотнѣ.

Такимъ образомъ еще во времена до-Геродотовской древности была попытка воспользоваться одною изъ Таманскихъ низинъ для проведенія канала и соединенія здѣшнихъ водъ. А это показываетъ, что физическое устройство полуострова остается неизмѣннымъ съ незапамятной древности.

Между селеніями Стеблеевкою и Титаревкою или между лиманами Ахтанизовскимъ и Бугазскимъ протягивается тоже между взгорьями низина, превосходящая своими качествами даже и Сѣнную балку. Академикъ Абихъ (у Герца стр. 32) указываетъ, что и здѣсь нѣкогда было соединеніе водъ изъ обоихъ лимановъ. Однако и здѣсь нѣтъ никакихъ и малѣйшихъ примѣтъ, обозначающихъ русло потока, и вся мѣстность представляетъ только глубокую и широкую долину. Всѣ такія долины, конечно, вмѣстѣ съ горами существуютъ отъ временъ потопа, когда теперешній полуостровъ, въ качествѣ своихъ горныхъ кряжей, въ дѣйствительности представлялъ многоостровіе. Но тогда о рукавахъ

и устьяхъ Кубани не можетъ быть и рѣчи. Она впадала въ море очень далеко отъ Таманской полинезіи. Всѣ геологи, начиная съ Дюбуа, совершенно справедливо говорятъ, что полуостровъ совсѣмъ измѣнилъ свое первобытное лице. Они только напрасно хотятъ доказать, что это произошло на исторической памяти. Дюбуа утверждаетъ даже, что въ этой странѣ не то было при Гомерѣ и Геродотѣ, что было при Страбонѣ, и не то было при Страбонѣ, что существуетъ теперь (V, 23). Однако болѣе осторожные изслѣдователи напротивъ того заключаютъ, что на исторической памяти никакихъ особыхъ измѣненій въ этой странѣ не произошло, что уровень Азовскаго моря съ глубокой древности остается тотъ же, каковъ и теперь. Если это вѣрно, то стало-быть и всѣ долины полуострова съ глубокой же древности и донынѣ остаются сухи, и протоковъ Кубани въ нихъ не существовало. О вулканахъ тѣже геологи утвердительно говорятъ, что „вообще вулканическая дѣятельность здѣсь очень незначительна, хотя вся эта страна нѣкогда по видимому поднялась изъ глубины моря. Но это должно было произойти, прибавляютъ они, въ до-историческое время, потому что все описаніе, какое оставилъ объ этой странѣ Страбонъ и которое очень точно, еще совершенно подходитъ къ нынѣшнимъ ея очертаніямъ, а равно къ ширинѣ пролива въ разныхъ его отдѣлахъ“.

Но такова сила какого-либо авторитетнаго ученаго положенія или тезиса. Тѣже уважаемые ученые свидѣтельствуютъ вотъ что: „Внутри острова Тамана произошли нѣкоторыя измѣненія, которыя *можно въ точности указать, благодаря именно точности Страбонова описанія.* Одинъ значительный рукавъ Кубани въ то время изливался въ Нижній Темрюкскій (Ахтанизовскій) лиманъ, а изъ него въ Таманскую бухту. *Здѣсь даже проходилъ торговый путь, описываемый Страбономъ.* Нынѣ лиманъ получаетъ изъ Кубани очень мало воды и соединеніе его съ Таманскимъ заливомъ совершенно прекратилось“ [1]).

Но если уровень моря въ теченіи двухъ тысячелѣтій остается тотъ же, то хотя бы Кубань и не давала больше воды въ сказанный протокъ, зато Таманскій заливъ по прежнему долженъ бы наполнять этотъ протокъ отъ своей стороны, чего въ натурѣ даже и при самомъ сильномъ возвышеніи уровня отъ вѣтровъ никогда въ этомъ мѣстѣ не случается. Сверхъ того въ настоящее время Кубань снова наполняетъ Ахтанизовскій лиманъ своею водою и течетъ теперь очень быстрымъ потокомъ мимо города Темрюка, поворачивая въ Верхній Темрюцкій лиманъ. Теперь по этому пути ходятъ пароходы. И все таки, Кубань, наполняя Ахтанизовскій лиманъ, не течетъ къ Таманскому заливу по фантастическому руслу, по той несомнѣнной причинѣ, что здѣсь, по высотѣ мѣста, она и прежде не протекала.

Должно вообще замѣтить, что наклоненіе Кубанскихъ водъ больше всего идетъ къ

---

[1]) Обмелѣніе Азовскаго моря. СПб. 1861, стр. 39.

сѣверу. Это и понятно, ибо позади, съ юга, лежатъ горы Кавказа, а съ запада препятствуетъ этому наклоненію гористый же Таманскій полуостровъ. Поэтому прямое, т. е. западное теченіе Кубани въ Кубанскій лиманъ и при Страбонѣ и теперь не почитается главнымъ, по крайней мѣрѣ на практикѣ. Общество Пароходства и Торговли, отыскивая пути для пароходныхъ сообщеній, должно было по необходимости признать Темрюкскій протокъ главнымъ русломъ, которое слѣдовало только немного разчистить и устроить по мѣстамъ его берега.

Въ древнемъ главномъ своемъ руслѣ у Пересыпи, а также въ прежнее время и у Темрюка, Кубань стала упадать съ того времени, когда въ ея верху отдѣлилась отъ нея къ сѣверу же „Протока". Этотъ упадокъ, конечно, совершался медленно и непримѣтно въ теченіи вѣковъ. Тогда главное устье обмелѣло и было *пересыпано* или моремъ, или, вѣрнѣе всего, Турками и Татарами съ цѣлью обезопасить себя отъ Донскихъ козаковъ. Самое прозваніе *Пересыпи* указываетъ, что это совершилось на памяти послѣднихъ столѣтій.

Любопытно, что о происхожденіи Кубанской Протоки зналъ уже Страбонъ. Онъ говоритъ, что Воспорскій царь Фарнакъ провелъ Кубань посредствомъ какого-то стараго канала въ землю Дандаріевъ и такимъ образомъ затопилъ ихъ область (§ 11). Протока, начинаясь у Копыла и, идя дальше къ сѣверу подъ именемъ Быстряка и впадая въ море у Ачуева подъ именемъ Черной Протоки, дѣйствительно теперь затопляетъ пространство верстъ на 60, такъ что еслибъ заградить ея выходъ изъ Кубани, то Кубань быть можетъ потекла бы полною рѣкою не только къ Темрюку, въ Азовское, но и въ Черное море, а изъ болотъ, гнѣздилищъ лихорадки, образовались бы земли, удобныя для хлѣбопашества.

Разсказъ Страбона о береговомъ пути отъ Дона по Азовскому морю и вокругъ Таманскаго полуострова есть какъ бы разсказъ самовидца, плывущаго вдоль побережій и указывающаго, гдѣ что находится и въ какомъ разстояніи лежитъ одно мѣсто отъ другаго. Онъ описываетъ только путь корабля, которому съ моря видны береговыя версты или береговыя урочища, весьма надобныя для моряка, чтобы знать, гдѣ онъ плыветъ. Его точка зрѣнія по преимуществу съ моря, а не по землѣ, что необходимо имѣть въ виду при объясненіи его показаній. Онъ останавливаетъ свое вниманіе на самыхъ характерныхъ топографическихъ примѣтахъ, такъ сказать на живыхъ урочищахъ, которыя показываются съ моря, и которыя на картахъ совсѣмъ изчезаютъ. Поэтому повѣрить его лучшій способъ самому проплыть по томуже пути и осмотрѣть берега съ его же вниманіемъ. Самыя цифры его измѣреній, всегда круглыя, вполнѣ обозначаютъ, что эти измѣренія указывались больше всего глазомѣромъ опытнаго моряка, чѣмъ какимъ-либо

другимъ способомъ. Очень естественно, что эти цифры невозможно положить съ математическою точностію на наши карты, которыя въ добавокъ всегда разногласятъ между собою и тѣмъ доказываютъ, что онѣ не совсѣмъ вѣрны. Притомъ измѣрять берегъ по глазомѣру съ моря и измѣрять его по сухому пути, хотя бы по картѣ — два способа, очень различные. Если оба способа будутъ соотвѣтственны въ общихъ чертахъ, въ общихъ основаніяхъ, то и этого весьма будетъ достаточно, чтобы принять Страбоновы мѣры безошибочными. Восточный берегъ Азовскаго моря отъ устья Дона до устья Кубани онъ дѣлитъ въ своемъ измѣреніи на три доли и упоминаетъ только объ этихъ двухъ рѣкахъ, о другихъ же не говоритъ ни слова.

Онъ пишетъ [1]): „Идя береговымъ путемъ впередъ отъ Танаида встрѣчаешь (натыкаешься, именно натыкаешься) сначала, въ 800 стадіяхъ отъ него, на такъ называемый Большой Ромбитъ, гдѣ самый обильный уловъ рыбы для соленья. Дальше опять черезъ 800 стадій—Малый Ромбитъ и мысъ, гдѣ тоже есть рыбная ловля, хотя и поменьше".

Неизвѣстно по какому случаю географы и ученые съ давнихъ временъ эти Ромбиты почитаютъ и именуютъ рѣками. По Страбону, который ничего не говоритъ что такое Ромбиты, видно однако, что это полуострова, имѣвшіе и до сихъ поръ сохраняющіе, особенно Большой Ромбитъ, форму или фигуру ромбоида или кособокаго четыреугольника, схожаго и съ формою рыбы камбалы. О Маломъ Ромбитѣ Страбонъ прямо и очень понятно говоритъ, что это не рѣка, а земля. „Малый же Ромбитъ, пишетъ географъ, населяютъ и обработываютъ сами Меоты". Не рѣку же они воздѣлывали и обработывали! Потомъ слово: встрѣчаешь (натыкаешься), отнесенное къ Большому Ромбиту, также очень ясно свидѣтельствуетъ, что здѣсь говорится не о рѣкѣ, которую въ морскомъ плаваніи встрѣчать невозможно, а именно о поперечномъ берегѣ, который плаватель отъ Дона береговымъ путемъ непремѣнно встрѣтитъ, какъ это видимо даже и по картѣ; на мѣстѣ же плаватель, держась прямаго направленія, еще издалека увидитъ, что идетъ прямо въ берегъ полуострова Ромбита. Этотъ берегъ оканчивается Долгой косой, которая очень далеко уходитъ въ море и продолжается подъ водою мѣлями еще дальше, такъ что въ плаваніи эту косу съ ея мѣлями необходимо огибать и дѣлать такимъ образомъ противъ прямаго пути крюкъ верстъ на 30, если не больше. Такъ плаваютъ теперь, но, судя по измѣренію Страбона, видимо, что такъ плавали и въ его время. Эта коса вмѣстѣ съ такою же косою, Бѣлосарайскою, на противоположномъ берегу моря, составляетъ въ нѣкоторомъ смыслѣ забору, какъ говорили Запорожцы, отдѣлявшую вершину моря, Донской его заливъ, отъ остальнаго морскаго пространства. Еще Геродотъ (IV, 100) имѣлъ очень

---

[1]) Пользуемся случаемъ, чтобы выразить искреннѣйшую благодарность профессору московскаго университета Ѳ. Я. Коршу, обязательно сообщившему намъ свой переводъ этой главы Страбоновой Географіи, по которому мы и приводимъ ея тексты.

ясное понятіе объ этомъ заливѣ, называя его „дальнѣйшимъ углубленіемъ" моря, въ которое впадаетъ Танаидъ. Страбонъ упоминаетъ объ островахъ, находившихся при Большомъ Ромбитѣ. По всему вѣроятію, эти острова существовали на Долгой косѣ, что можно усмотрѣть на картѣ.

Теперь Страбоновы измѣренія. Отъ устьевъ Дона до Долгой косы, составляющей вершину Большаго Ромбита, по картамъ можно полагать около 130 верстъ. Если въ верстѣ считать шесть стадіевъ, то 800 стадіевъ составитъ $133^1/_3$ версты, что къ истинѣ подходитъ очень близко. Страбонъ однако опредѣленной точки не ставитъ и неизвѣстно, гдѣ онъ останавливается у Большаго Ромбита.

„Опять черезъ 800 стадіевъ, говоритъ онъ, находится Малый Ромбитъ и мысъ". Это пространство достигается въ такомъ случаѣ, когда плаватель сдѣлаетъ по морю крюкъ въ 30 или 40 верстъ, обогнувши мѣли Долгой косы, и остановится у вершины полуострова, между Бейсугскимъ и Ахторскимъ лиманами, который и есть Малый Ромбитъ. Вблизи этого мѣста есть и мысъ, Ясенскій, на южномъ углу Большаго Ромбита.

„Отъ Малаго Ромбита, продолжаетъ Страбонъ, шестьсотъ стадіевъ до Тирамба и рѣки Антикита". Отъ указанной нами точки у Малаго Ромбита и до впаденія Кубани въ море у теперешней Пересыпи по картѣ находимъ 100 верстъ, что въ полной мѣрѣ равняется 600 стадіямъ.

Страбонъ опять не говоритъ, что такое Тирамбъ: онъ никакъ не обозначаетъ этого мѣста, ни городомъ, ни заливомъ, ни рѣкою. Позднѣйшіе географы и ученые стали почитать это имя городомъ. По всему вѣроятію словомъ Тирамбъ Страбонъ обозначаетъ Верхній Темрюцкій иначе Курчанскій лиманъ или заливъ [1]), въ который теперь впадаетъ Кубань посредствомъ Темрюцкаго гирла, и за которымъ къ западу, какъ идетъ Страбонъ, сейчасъ слѣдуетъ главное устье Кубани у *Пересыпи* (станція), изъ Ахтанизовскаго или Нижняго Темрюцкаго лимана. Хотя теперь это устье совсѣмъ занесено, *пересыпано* пескомъ, и особенно со стороны моря, однако вся его мѣстность до очевидности показываетъ, что здѣсь существовало обширное устье рѣки. Остаются еще высокіе берега и потоки, имѣющіе тоже свои берега, не говоря о свойствахъ растительности. Вообще по всей мѣстности существуютъ всѣ признаки и, такъ сказать, развалины оставленнаго рѣчнаго устья. Отъ этого мѣста, дальше на западъ, въ 120 стадіяхъ, существовало селеніе Киммерійское, которое служило стоянкою для плавателей по Азовскому морю: отсюда они

---

[1]) Можно догадываться, что слово Тирамбъ образовалось изъ того же слова Ромбитъ, приставкою въ его началѣ оконечнаго слога въ обратномъ произношеніи: ти-ромб-итъ, для обозначенія впадающаго ромбита въ противоположность ромбиту выходящему, каковы указанные полуострова. Верхній Темрюцкій заливъ и теперь своимъ очертаніемъ походитъ отчасти на фигуру ромбоида.

отправлялись въ дальнѣйшій путь. Теперь здѣшніе берега неприступны; но мы уже говорили, какъ море отвоевываетъ и до сей поры всѣ побережья, стоящія на сильномъ прибоѣ волнъ. При Страбонѣ здѣсь была пристань. По счету стадіевъ эта пристань должна находиться въ 20 верстахъ отъ Пересыпнаго устья Кубани, что падаетъ къ мысу Каменному и точнѣе въ мѣстность между мысомъ Каменнымъ и мысомъ Пеклы. Мѣстечко Киммерійское, по словамъ Страбона, стояло на мѣстѣ прежняго города. „Киммерійцы, говоритъ онъ, пользовались прежде великимъ могуществомъ на Воспорѣ; отъ нихъ и названіе Киммерійскаго Воспора. Ихъ выгнали изъ этихъ мѣстъ Скиѳы, а Скиѳовъ Эллины, которые основали Пантикапей (Керчь) и прочіе Воспорскіе города".

„Отсюда, продолжаетъ Страбонъ, двадцать стадіевъ до Ахиллесовой деревни, гдѣ Ахиллесово святилище. Здѣсь самое узкое мѣсто устья Меотиды, стадіевъ въ двадцать или больше. На противоположномъ берегу лежитъ деревня Мирмекій, по близости (отъ нея) находятся Гераклея и Парѳеній".

Имя Ахиллесовой деревни и святилища прямо указываетъ, что при Страбонѣ въ этомъ мѣстѣ существовала уже Сѣверная коса и что деревня находилась гдѣ-либо подлѣ этой косы. Греки обыкновенно длинныя косы въ водѣ посвящали, какъ бы ристалище, памяти Ахиллеса. Близь устья Днѣпра извѣстная Кинбурнская коса тоже прозывалась Ахиллесовымъ ристалищемъ. Такъ точно какъ и Парѳеніемъ они называли неприступную отвѣсную скалу, выражая понятіе о дѣвственности. Парѳеній—значитъ дѣвичій.

Если Ахиллесова деревня находилась на углу материка, откуда начинается песчаная Сѣверная коса, то счетъ стадіевъ до этого мѣста отъ Киммерійской деревни не оказывается точнымъ. 20 стадіевъ приблизительно равняются 4 верстамъ, а въ точности $3^1/_2$; между тѣмъ отъ Киммерійска до Ахиллесовой деревни по картѣ должно считать верстъ десять, разница на маломъ разстояніи довольно значительная. Сколько-нибудь объяснить это показаніе можно не иначе, какъ допустивъ, что Страбонъ считаетъ 20 стадіевъ до Ахиллесовой деревни не въ точности отъ самаго Киммерійска, а отъ угла суши, находившагося между обѣими деревнями, съ котораго начинается входъ въ Воспорскій проливъ. Въ такомъ случаѣ мѣра сближается въ точности. По морскому глазомѣру такой счетъ даже былъ очень естественъ.

Посредствомъ именъ: Ахиллесова деревня и Парѳеній, Страбонъ даетъ весьма вѣрную характеристику обоихъ береговъ начальной части Воспорскаго пролива, прибавляя за тѣмъ, что здѣсь самое узкое его мѣсто. Ясно, что онъ разумѣетъ не какой-либо точный пунктъ на материкѣ и на морѣ, а говоритъ вообще о верхнемъ бассейнѣ пролива, между Сѣверною косою на востокѣ и берегами теперешняго Ениколя и Маяка на западѣ.

„Отсюда (т. е. отъ этого узкаго мѣста), продолжаетъ географъ, до Сатирова памятника девяносто стадіевъ. Это курганъ, объясняетъ онъ, насыпанный на какомъ-то

мысу въ память одного изъ славнѣйшихъ владѣтелей Воспора. По близости деревня Патраэвъ...“

Палласъ, а за нимъ Дюбуа полагали, что Сатировъ курганъ стоялъ на Горѣлой горѣ, на грязномъ вулканѣ Куку-Обо, у подошвы котораго Дюбуа нашелъ и городище Патраэвъ. Какъ обыкновенно бываетъ, по уважительности авторитетовъ, это мнѣніе безъ всякой повѣрки пошло за истину и всѣ стали его повторять. При самомъ поверхностномъ соображеніи указанія Страбона съ мѣстностью, очень легко было усомниться въ этой истинѣ, ибо Страбонъ говоритъ о курганѣ, стоявшемъ на мысу, а не на горѣ, которая къ тому же находится верстахъ въ четырехъ отъ моря. Г. Лазаревскій, а за нимъ г. Тизенгаузенъ (у г. Герца стр. 108—109) отвергли фантазію Дюбуа и нашли мысъ для Сатирова кургана въ той же мѣстности, нѣсколько сѣвернѣе Горѣлой горы на скалистомъ обрывѣ, гдѣ и на самомъ дѣлѣ находилась старинная постройка, носившая названіе Каменной батареи. Но въ сущности, по морскому взгляду, мыса тутъ не существовало, а главное, это мѣсто слишкомъ расходится съ измѣреніемъ Страбона. Отъ узкаго мѣста пролива или хотя бы отъ Ахиллесовой деревни досюда едва можно насчитать восемь верстъ, а Страбонъ говоритъ о пятнадцати верстахъ. Притомъ это мѣсто находится за косою въ Таманскомъ заливѣ, слѣдовательно не на прямомъ пути, о которомъ собственно и говоритъ географъ. Если сказать, что при Страбонѣ Сѣверной косы не было, тогда значитъ не было и его „узкаго мѣста“ въ проливѣ, отъ котораго онъ идетъ въ своемъ измѣреніи.

Вообще требуется объяснить, долженъ-ли былъ Страбонъ въ своемъ плаваніи указывать на это или на другое подобное стороннее мѣсто. Онъ только-что вступилъ въ проливъ, только-что описалъ самое узкое его мѣсто, противъ котораго собственно и стоитъ Каменная батарея. Тогда онъ такъ бы и указалъ, что противъ узины пролива, на востокъ, въ сторонѣ, стоитъ курганъ Сатира. Но въ такомъ случаѣ это не было бы описаніе пути, а была бы побочная замѣтка для любопытства. Между тѣмъ у Страбона памятникъ Сатира есть какъ-бы верстовой столбъ, отъ котораго онъ идетъ дальше, къ другому верстовому столбу. Онъ въ слѣдъ за тѣмъ говоритъ, что „по близости (памятника) находится „деревня Патраэвъ, „отъ которой до деревни Корокондамы 130 стадіевъ“, около 22-хъ „верстъ, и прибавляетъ: „здѣсь конецъ такъ называемаго Киммерійскаго Воспора“. Слѣдовательно онъ плыветъ прямо по проливу до его конца, не сворачивая по сторонамъ. При словѣ Киммерійскій онъ дѣлаетъ такое поясненіе: „Называется такъ узкій проливъ при устьѣ Меотиды, простирающійся отъ *тѣснаго прохода* противъ деревни Ахиллесовой и Мирмекія до *самой* Корокондамы и лежащей противъ нея деревеньки на Пантикапейской землѣ по прозванію акра (что значитъ мысъ), которая отдѣляется отъ противоположнаго берега проливомъ въ семдесятъ стадій..... По всему проливу есть хорошія гавани“. Выраженіе: „до самой Корокондамы“ показываетъ даже, что она находилась

гдѣ-то вдали за предѣлами обозрѣваемаго пространства и служила оконечною точкою пути по проливу.

Чтобы провѣрить слова Страбона, лучше всего, конечно, наблюдать этотъ путь съ моря, съ того мѣста, съ котораго его наблюдали Греки-мореходы, пересказавшіе свои наблюденія Страбону. Намъ удалось нѣсколько разъ въѣзжать въ проливъ отъ Азовскаго моря, но, по обстоятельствамъ времени и погоды, только два раза были благопріятны для подобныхъ наблюденій. Вступая въ проливъ, глазъ плавателя видитъ по горизонту моря материкъ Таманскаго полуострова въ слѣдующемъ порядкѣ: прежде всего показывается берегъ той мѣстности, гдѣ находился Киммерійскъ и уголъ Ахиллесова селенья, спускающійся на нѣтъ къ Сѣверной косѣ. Дальше, на второмъ планѣ, виднѣется Горѣлая гора, сходящая своими пологостями въ видѣ конуса тоже на нѣтъ. Вдали за нею видны: хребетъ съ курганомъ Буеровою могилою, хребетъ съ курганами Близнецами, высокая Круглая гора, называемая Васюринскою, съ курганомъ же; хребетъ Карабетовой горы. Еще дальше виднѣются три кургана, одинъ большой и два поменьше на высотахъ самой Тамани; потомъ утесъ Лысой горы за Таманью, за которымъ слѣдуетъ невысокій хребетъ съ курганами неправильной формы или собственно со скалами, протягивающійся прямо къ Южной косѣ и оканчивающійся у этой косы отвѣсно обрывомъ въ море. Все это видимо глазомъ въ одной перспективѣ на всемъ протяженіи пролива по горизонту воды. И при этомъ самый величавый и наиболѣе бросающійся въ глаза видъ представляетъ Круглая (Васюринская) гора съ высокимъ курганомъ. Сѣверная ея сторона кажется отсюда почти отвѣсною, въ родѣ мыса, и на верху отвѣса высится еще значительный курганъ. Скорѣе всего этотъ курганъ и можно принять за памятникъ Сатира. Но къ сожалѣнію гора стоитъ далеко внутри матерой степи и никакъ не могла служить верстою для Страбона.

Нѣтъ сомнѣнія, что такою верстою былъ для него Таманскій мысъ надъ Южною косою. Это послѣдній видимый предметъ на горизонтѣ воды, по крайней мѣрѣ, когда смотрѣть отъ „тѣснаго мѣста“ въ проливѣ при входѣ изъ Азовскаго моря. Отсюда по Таманской сторонѣ—это конечный пунктъ берега. Дальше видно одно море.

За этимъ мысомъ Таманскій берегъ поворачиваетъ въ лѣво, нѣсколько къ востоку. Отъ берега на версту, а мѣстами на двѣ версты, подъ водою и въ иныхъ мѣстахъ высунувшись изъ воды, теперь лежатъ каменныя гряды, препятствующія проходу кораблей и дающія очень вѣроятное основаніе заключать, что по всему этому пространству при Страбонѣ лежалъ еще береговой материкъ, выдававшійся въ море значительнымъ мысомъ, на которомъ и стоялъ въ то время курганъ Сатира. Прибоемъ волнъ съ Чернаго моря весь этотъ берегъ и самый мысъ съ Курганомъ мало по малу обрушились въ море и оставили на память о себѣ только подводные камни. И теперь на самомъ мысу стоитъ небольшой курганъ, готовый тоже черезъ нѣсколько лѣтъ обвалиться въ море. Нѣтъ

также сомнѣнія, что Южная коса, которой, какъ заключаютъ, при Страбонѣ не существовало, образовалась отъ размыва песковъ того же берега. Все это подтверждается и показаніемъ Страбона о ширинѣ пролива въ его концѣ. Онъ говоритъ, что деревенька Акра-Мысъ, соотвѣтствующая теперешнему мысу Таклы, отстоитъ отъ противоположнаго берега на семдесятъ стадіевъ, что равняется $11^2/_3$ верстамъ. Теперь это разстояніе, въ самомъ узкомъ мѣстѣ, отъ мыса Таклы до мыса Панагіи, равняется почти четырнадцати верстамъ.

Отъ самаго узкаго мѣста (въ вершинѣ пролива, противъ Еникале) до Сатирова мыса на Таманскомъ берегу, слѣдовательно по прямому протяженію пролива, Страбонъ считаетъ *девяносто* стадіевъ, что равняется пятнадцати верстамъ и въ точности опредѣляетъ истинную мѣру этого разстоянія. Мы видѣли, что по Азовскому морю Страбонъ довелъ свой счетъ до Ахиллесовой деревни, потомъ говорилъ о самомъ узкомъ мѣстѣ въ проливѣ и затѣмъ продолжалъ: „*отсюда* до Сатирова кургана". Онъ, слѣдовательно, считаетъ теперь уже не отъ Ахиллесовой деревни, а отъ описаннаго имъ узкаго мѣста въ проливѣ, отъ котораго селеніе Ахиллесово осталось выше верстъ на десять. Этой мѣры Страбонъ не поминаетъ, потому что плыветъ не съ межевою цѣпью, а съ глазомѣромъ опытнаго, бывалаго моряка, указывающаго не столько точную мѣру, сколько главнѣйшія и важнѣйшія примѣты пути.

„По близости (отъ Сатирова кургана), говоритъ Страбонъ, находится селеніе Патраэвъ". Теперь, конечно, трудно указать это селеніе на размытомъ, обвалившемся берегу. Его мѣстность вѣроятно занята моремъ, хотя по указаніямъ археологовъ, требующимъ, впрочемъ, основательныхъ изысканій, на оставшихся берегахъ есть признаки поселеній, быть можетъ уже позднѣйшаго времени.

„Отъ деревни Патраэвъ до деревни Корокондамы сто тридцать стадіевъ" продолжаетъ географъ. Это равняется почти двадцати двумъ верстамъ и согласуется съ протяженіемъ берега отъ Сатирова мыса вплоть до Бугаза. По картѣ это разстояніе заключаетъ 25 верстъ. Но такъ какъ Страбонъ считаетъ не отъ самаго мыса, а отъ Патраэвъ, находившагося по близости, то болѣе точнаго обозначенія мѣры ожидать не возможно. Такимъ образомъ теперешній Бугазъ стоитъ на мѣстѣ древней Корокондамы. „Здѣсь, говоритъ Страбонъ, конецъ Киммерійскаго Воспора".

„Выше Корокондамы лежитъ обширное озеро, которое по ней зовутъ Корокондамскимъ. Оно соединяется съ моремъ въ десяти стадіяхъ отъ деревни". Все это точно также вполнѣ согласно съ положеніемъ Бугаза и съ разстояніемъ, около двухъ верстъ, отъ Бугаза до небольшаго пролива, посредствомъ котораго Кубанскій лиманъ соединяется съ моремъ.

„Прямо отъ Корокондамы, продолжаетъ Страбонъ (§ 14), идетъ плаваніе на востокъ. Въ 180 стадіяхъ лежитъ Синдская гавань и городъ, дальше въ четырехъ стахъ стадіяхъ

такъ называемые Баты (Броды) деревня и гавань". 180 стадіевъ до Синдской гавани равняется тридцати верстамъ. Это измѣреніе падаетъ по картѣ Шуберта на Джеметейское укрѣпленіе, стоящее по срединѣ между Джеметейскимъ или Благовѣщенскимъ полуостровомъ и Анапою, въ семи верстахъ отъ Витязевой станицы, находящейся внутри Кубанскаго залива, подлѣ которой, по разсказамъ, есть городище, а вверху на горѣ господствуетъ огромный курганъ, называемый Султанскимъ. Дальше на 400 стадіевъ или $66^2/_3$ верстъ находилась гавань и селеніе Баты, что приходится къ теперешнему Новороссійску и его заливу. Страбонъ сравниваетъ это мѣсто съ Синопомъ, говоря, что „этому мѣсту на всемъ побережьи (Чернаго моря) всего болѣе соотвѣтствуетъ на юго-юго-западъ Синопа", съ выдающимся въ море такимъ же полуостровомъ. Онъ, слѣдовательно, находитъ и тамъ и здѣсь одинаковыя характерныя черты и тѣмъ опредѣляетъ топографическія свойства мѣстности.

Такимъ образомъ Баты, какъ несомнѣнная мѣстность Новороссійска, можетъ для насъ представлять исходную точку для обратнаго плаванія. Отправляясь отсюда назадъ къ Короқондамѣ, мы попадемъ, по измѣренію разстояній, опять къ Бугазу, а не къ Тамани. Съ своей стороны такою же исходною точкою для обратнаго плаванія можетъ служить Корокондама=Бугазъ, отправляясь отъ которой вверхъ, мы можемъ повѣрить всѣ Страбоновы измѣренія до самаго Дона.

Отъ Батъ Страбонъ идетъ дальше по Черному морю и огибаетъ его до его устья или Ѳракійскаго Воспора. Глядя по сторонамъ, онъ описываетъ, какіе тамъ живутъ народы, какіе у нихъ порядки и обычаи. Но главнымъ образомъ онъ описываетъ обычный давно проторенный мореходный путь Грековъ отъ далекаго Дона-Танаида. Онъ никуда не поворачиваетъ съ этого пути, идетъ прямо, какъ по столбовой дорогѣ. Поэтому ученыя попытки отклонить его въ сторону тотчасъ производятъ замѣшательство въ его показаніяхъ и становятся причиною несправедливыхъ обвиненій этого строгаго географа въ неточности и въ ошибкахъ. По всему видно, что онъ описывалъ этотъ путь не по справкамъ и выпискамъ изъ множества книгъ, а по живымъ разсказамъ опытныхъ мореходовъ.

Къ чему же приводятъ насъ измѣренія Страбона, положенныя на теперешнія наши карты? Очевидно къ тому, что Таманская страна со временъ Страбона нисколько не измѣнила своего географическаго и топографическаго характера, за исключеніемъ устройства и очертанія береговъ и Сатирова мыса, который съ тѣхъ поръ давно отнесенъ въ море. Къ тому еще, что рѣка Кубань впадала главнымъ устьемъ въ Азовское море у Пересыпи и рукавомъ въ Кубанскій лиманъ, какъ течетъ въ этомъ мѣстѣ и теперь. Еслибъ она впадала въ Таманскій заливъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ указываютъ ей ученые, утверждая, что это былъ главный потокъ, что здѣсь проходилъ даже торговый путь, то Страбонъ непремѣнно упомянулъ бы объ этомъ третьемъ и столь значительномъ ея впаденіи; а онъ говоритъ только о двухъ.

Отъ перваго устья Кубани въ Азовское море, вокругъ всего полуострова, до другаго ея потока черезъ Кубанскій лиманъ въ Черное море у Бугаза, Страбонъ своею мѣрою насчитываетъ 310 стадіевъ, 60 верстъ; по картѣ же выходитъ около 85 верстъ—разница въ 25 верстъ, которая произошла вслѣдствіе неопредѣленныхъ показаній: *по близости, отсюда*, какъ Страбонъ выражается, говоря, напр., объ узкомъ мѣстѣ пролива. Цифра 60 верстъ хотя и не совсѣмъ, но приходится къ предполагаемому устью Кубани у Шемарданской бухты Таманскаго залива, если обогнуть Киммерійскій полуостровъ съ его косою и потомъ пересѣчь Таманскій заливъ. Это обстоятельство могло бы служить большимъ подтвержденіемъ принятой истинѣ. Но къ сожалѣнію съ нею несогласны дальнѣйшія мѣры Страбона и его указаніе, что Корокондама стоитъ въ самомъ концѣ Киммерійскаго Воспора. Корокондама=Тамань, какъ мы говорили, не находится даже и въ проливѣ, а отъ его конца отстоитъ, по водяному пути, слишкомъ на двадцать верстъ, т. е. на половину протяженія всего пролива.

Фантазія Дюбуа, безъ повѣрки подтверждаемая и утверждаемая ученостью многихъ его послѣдователей, безъ повѣрки же была принята и г. Куторгою [1]), который по своему знакомству съ классическою древностію одинъ только могъ вѣрно оцѣнить сочиненіе г. Герца, показавши, что это трудъ эпитоматорскій, совсѣмъ чуждый здравой критики и изученія древнихъ писателей и точно также совсѣмъ чуждый изученія самой мѣстности. По вѣрѣ въ авторитетное мнѣніе, и г. Куторга принялъ за непреложную истину, что Корокондамскій заливъ Страбона есть теперешній Таманскій заливъ и что въ него впадало устье Кубани. По этому только случаю, и именно при помощи строгой и правильной критики, сама собою возникла новая несообразность, которая, казалось, служила новымъ раскрытіемъ истины.

Руководясь изысканіями о томъ, какъ древніе Греки понимали въ опредѣленіи мѣстъ правую и лѣвую сторону, авторъ тотчасъ весьма основательно показалъ великую неточность въ прежнемъ толкованіи словъ Страбона при обозначеніи Таманскихъ мѣстъ. Страбонъ говоритъ: вплывшему (человѣку) на кораблѣ въ Корокондамскій заливъ показываются: на лѣвой сторонѣ Фанагорія и Кипы, а на правой, за Кубанью, Эрмонасса и Апатуръ. Ясно, что вплывая въ Таманскій заливъ должно искать двухъ первыхъ городовъ на лѣво, на сѣверномъ его берегу, а двухъ остальныхъ на право, на южномъ берегу, потому что путь по Таманскому заливу идетъ прямо отъ запада къ востоку. Ясно, стало-быть, что городище у станціи Сѣнной не должно принадлежать городу Фанагоріи, ибо оно находится, хотя и на лѣво, когда вплываешь въ устье самой Кубани, но зато на право, когда вплываешь въ заливъ. Страбонъ же говоритъ именно о плаваніи въ за-

---

[1]) О Таманскомъ полуостровѣ. М. Куторги. М. 1871 г. Русскій Вѣстникъ. 1870 года, Декабрь.

ливъ, а не въ устье рѣки. Въ доказательство этой истины для бо́льшей наглядности г. Куторга приложилъ и карту этихъ мѣстъ. Сомнѣваться нѣтъ возможности. Доказывая, что при обозначеніи правой и лѣвой стороны Страбонъ очень точно разумѣлъ прямой путь отъ запада къ востоку, „какъ простирается Корокондамскій или Таманскій" заливъ, авторъ прибавляетъ: „Это несомнѣнно вѣрно, и такое указаніе удовлетворяло, по греческимъ обычаямъ, всѣмъ требованіямъ; но Страбонъ имъ не довольствовался. Доводя свое описаніе до безукоризненной ясности, онъ самъ прибавляетъ нѣсколько далѣе, что прямое плаваніе отъ Корокондамы шло на востокъ (кн. XI, гл. 11, § 14). Съ бо́льшею опредѣленностью не могъ бы выразиться и новѣйшій географъ".

Но вотъ что невѣрно. Страбонъ послѣднее замѣчаніе, что прямое плаваніе отъ Корокондамы шло на востокъ, ставитъ тогда, когда отправляется въ путь отъ конца Воспорскаго пролива дальше по Черному морю, подлѣ Кавказскаго берега, указывая затѣмъ, по числу стадіевъ, Синдскую гавань и потомъ Баты. Къ плаванію въ Корокондамскій заливъ эта замѣтка вовсе не относится. Еслибъ мы поплыли по Таманскому заливу дальше на востокъ, то пришли бы въ тупикъ или же въ фантастическое русло Кубани, гдѣ все-таки не встрѣтили бы Кавказскихъ береговъ Чернаго моря, о которыхъ въ этомъ плаваніи, отъ Корокондамы на востокъ, Страбонъ свидѣтельствуетъ съ несомнѣнною очевидностію.

Ошибочныя толкованія показаній Страбона происходятъ главнымъ образомъ отъ того, что ими пользуются не во всей ихъ совокупности, а отрывочно и притомъ нисколько не соображаютъ ихъ съ характеромъ и положеніемъ мѣстъ, хотя бы по картѣ.

Отплывая отъ Корокондамы, Страбонъ покончиваетъ описаніе пути вокругъ Таманскаго полуострова. Онъ отмѣчаетъ, что полуостровъ посредствомъ Корокондамскаго озера или лимана и рукавовъ Кубани, впадающихъ, одинъ въ это озеро, другой въ Меотиду, образуетъ островъ, омываемый со всѣхъ сторонъ водою. Это замѣчаніе вполнѣ будетъ ясно, если мы вмѣстѣ съ Страбономъ остановимся у Бугаза въ Кубанскомъ заливѣ или озерѣ и будемъ смотрѣть къ теперешнему устью Кубани. Онъ говоритъ, что на упомянутомъ Таманскомъ островѣ, на лѣво отъ зрителя, существуютъ города Фанагорія и Кипы, мѣста которыхъ поэтому можно отыскивать повсюду на всемъ полуостровѣ, вблизи и вдали, потому что о разстояніи ихъ отъ зрителя Страбонъ не говоритъ ни слова. Но если мы остановимся передъ фантастическимъ устьемъ Кубани, по срединѣ Таманскаго залива, у Корокондамы=Тамани, то у насъ въ лѣво будетъ хотя и островъ, но островъ, составляющій только половину всей Таманской земли, а вправо останется вторая ея половина, еще островъ, о которомъ у Страбона нѣтъ никакой замѣтки. Положимъ, что при немъ Кубань не текла въ Кубанскій лиманъ и этотъ лиманъ тоже не существовалъ или былъ отгороженъ отъ моря сушею. Тогда все-таки должно очень объяснить и доказать, вѣрно-ли или невѣрно говоритъ Страбонъ, что у Корокондамы=Тамани Воспорскій про-

ливъ оканчивается, ибо въ природѣ здѣсь видимъ только его середину, а не конецъ. Не говоримъ уже о дальнѣйшихъ показаніяхъ Страбона по Черному морю.

Сверхъ того, вплывая въ Таманскій заливъ, какъ въ Страбоновъ Корокондамскій, мы встрѣчаемъ еще бо́льшую несообразность.

Очевидно, что предѣломъ Таманскаго залива должна служить Сѣверная коса и мысъ Таманскаго берега у Южной косы. Страбонъ, вплывая сюда, находилъ на лѣво Фанагорію и Кипы, на право Эрмонассу и Апатуръ. Мы же, вплывая въ этотъ заливъ, находимъ на право, проплывъ около 50 стадіевъ, какъ разъ Тамань=Корокондаму, т. е. то самое мѣсто, отъ котораго, по указанію Страбона, должны отправиться. Страбонъ, плывя по проливу и говоря о Таманской землѣ, обозначаетъ мѣста лѣваго берега, гдѣ у него помѣщается и Корокондама, а у насъ она является вдругъ на правомъ берегу.

Такимъ образомъ, вопреки г. Герцу, фантазія Дюбуа о здѣшнемъ устьѣ Кубани не только ничего не объясняетъ, но и совсѣмъ извращаетъ географію Страбона.

При всемъ томъ доказательства Дюбуа, что городъ Фанагорія находился на мѣстѣ теперешняго большого городища у станціи Сѣнной, очень справедливы, ибо и самый поверхностный взглядъ на эту мѣстность заставитъ непремѣнно сдѣлать такое заключеніе. Множество кургановъ, здѣсь находящихся, указываетъ и на богатство и на большое населеніе этого мѣста, по количеству кургановъ единственнаго на всемъ полуостровѣ. По Страбону, Фанагорія была столицею азіатскихъ Воспорцевъ и главнымъ рынкомъ для товаровъ, доставляемыхъ съ Меотиды и отъ лежащихъ выше варварскихъ земель.

Названіе другаго города *Кипы*, значитъ *сады*. Если по множеству и по богатству кургановъ и по оставшемуся значительному городищу можно съ большою достовѣрностію опредѣлить мѣстоположеніе древней Фанагоріи, то по имени *сады* съ такою же достовѣрностію можно полагать, что на мѣстѣ Кипъ стоитъ теперешняя Тамань, славившаяся своими садами при владычествѣ Турокъ. Остатки этихъ садовъ замѣтны еще были передъ Крымскою войною. Теперь все пусто и песокъ заноситъ даже самую церковь. Пав. Сумароковъ, видѣвшій Тамань раньше 1805 г., упоминаетъ, что за ея поселеніемъ „три четвероугольные окопа по верстѣ въ каждомъ бокѣ заключали въ себѣ плодовитые сады, которые чрезъ долгое время посѣкались, а въ послѣднія зимы, за недостаткомъ дровъ, совсѣмъ истреблены" [1]). Внутри поселенія существовалъ также обширный прудъ-озерко, который, какъ разсказываютъ, былъ выложенъ мраморными плитами [2]), что напоминаетъ уже Грековъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Таманское садоводство переходило по наслѣдству отъ народа къ народу, пока не досталось нашимъ Запорожцамъ.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о Страбоновой Синдикѣ.

---

[1]) Досуги Крымскаго судьи, С.Пб. 1805. Ч. II, стр 128.

[2]) Сѣверный Архивъ 1828 г. Ч. XXXV, стр. 280.

Страна Синдовъ или Синтовъ, извѣстная еще Геродоту, по свидѣтельству Страбона, находилась на право отъ входа въ Корокондамское озеро за Кубанью, слѣдовательно на лѣвомъ берегу Кубани, у Кавказскаго предгорья. Геродотъ этимъ именемъ, по видимому, обозначаетъ все побережье Таманскаго полуострова, говоря, что Скиѳы зимою въ повозкахъ, по льду, ѣздили черезъ Воспоръ къ Синдамъ (IV, 28), что между Синдикою и Ѳермодонтомъ (Терме, на южномъ берегу Чернаго моря, неподалеку отъ Самсуна) Черное море представляетъ самую большую широту (IV, 86). Вообще Геродотъ на азіатскомъ берегу знаетъ только Синдику и не знаетъ Фанагоріи. Это показываетъ, что страна Синдовъ въ то время играла въ тѣхъ мѣстахъ первенствующую, господствующую роль. Замѣчательно, что Геродотовское имя Синдовъ или Синтовъ сохраняется до сихъ поръ въ имени главнаго горнаго хребта, господствующаго надъ этою страною. Хребетъ направляется отъ Кубани, отъ сѣвера къ югу, позади Анапы, отъ горы Абрау вблизи Гастагаевской станицы и оканчивается горою Шобалезъ вблизи станицы Раевской. Онъ называется *Сенехтъ*.

Съ сѣвернаго наклона къ Кубани течетъ отъ него въ Кубань рѣка Абрау, въ нижней части называемая Чукубсъ. Параллельно съ нею съ западной стороны оттуда же течетъ р. Шоконъ [1]) и впадаетъ въ озеро или лиманъ Разноколъ, который наливается изъ Кубани посредствомъ многихъ ериковъ.

Отъ этого самаго мѣста черезъ протокъ Кубани, Переволоку [2]), Кубань впадаетъ въ Ахтанизовскій лиманъ, по которому вливалась при Страбонѣ въ Азовское море у Пересыпи, а теперь течетъ въ море же мимо Темрюка, заворачивая въ Верхній Темрюцкій лиманъ. Другое теченіе Кубани отсюда же направляется въ Кубанскій лиманъ. Такимъ образомъ озеро Разноколъ лежитъ въ срединѣ распаденія Кубани на два потока, въ Азовское и въ Черное Море. Мѣсто, по своему положенію, очень важное во всѣхъ отношеніяхъ. Отсюда можно было господствовать на обоихъ моряхъ. Очень естественно, что быть можетъ съ незапамятныхъ временъ здѣсь обитали властители этихъ странъ.

На Кавказскомъ берегу озера Разнокола при устьѣ р. Шокона, говорятъ, есть городище, а выше на небольшомъ горномъ кряжѣ существуетъ весьма замѣчательная группа огромныхъ кургановъ, числомъ семь, которые такъ и называются *Семь Братовъ*. Шесть изъ нихъ стоятъ въ одну линію по направленію отъ запада къ востоку. Седьмой братъ,

[1]) Карты: Подробная и Шуберта, а за ними и всѣ другія, показываютъ теченіе здѣшнихъ рѣкъ невѣрно. При составленіи прилагаемой здѣсь карты мы пользовались картою Кавказскаго края 1847 года.

[2]) Переволока названа отъ того, что въ прежнее время по этому высохшему руслу Кубани рыбалки (рыболовы) переволакивали свои лодки-дубы изъ Ахтанизовскаго лимана въ Кубань и въ озеро Разноколъ, въ которомъ ловилось множество рыбы. Особенно славились здѣшніе коропа.

самый огромный, около 150 сажень въ окружности и сажень 30 по откосу, стоитъ одиноко, къ югу отъ линіи другихъ Братьевъ, противъ перваго съ запада, на особой горѣ, отдѣленной съ сѣверной и южной стороны балками [1]). Противъ этого мѣста на западъ же не далѣе версты, внизу на лугахъ р. Шокона есть еще два кургана, тоже не малой величины. Отсюда же на югъ виднѣются двѣ отдѣльно стоящія горы, одна къ востоку, Гошауге, другая на западъ, Чажунды, на высотѣ которыхъ также видны группы весьма значительныхъ кургановъ. По сторонамъ Семи Братовъ раскидывается прекраснѣйшая мѣстность съ широкими и величественными удольями. Вдали съ сѣверозапада видны Темрюкъ верстахъ въ 20 и Титаревка верстахъ въ 25.

Ясно, что въ древности здѣсь было славное мѣсто и славный городъ. Этотъ городъ, скрытый внутри страны, свободно владѣлъ путями съ права и съ лѣва, въ Азовское и въ Черное море. Но какъ прозывался этотъ городъ? Страбонъ, смотря на эту мѣстность, прежде всего упоминаетъ Эрмонассу, потомъ Апатуръ, говоря о послѣднемъ, какъ о святилищѣ Афродиты. Эти два города находились, вѣроятно, гдѣ-либо по близости отъ входящаго въ Кубанскій лиманъ, такъ какъ Страбонъ ихъ указываетъ прежде, чѣмъ другіе Синдскіе города. Если поздніе географы упоминаютъ, что Эрмонасса находилась на островѣ, то можно предположить, что она существовала на теперешнемъ полуостровѣ, называемомъ по станицѣ Благовѣщенскій Степокъ, а по горѣ Джеметей, который лежитъ прямо противъ устья Кубани и не составляетъ однако ея дельты, т. е. ея наносовъ, а принадлежитъ къ самобытнымъ землямъ, образовавшимся одинаково съ Таманскимъ полуостровомъ изъ материковыхъ горныхъ кряжей.

На высотахъ этого полуострова есть нѣсколько кургановъ, показывающихъ, что здѣсь было поселеніе. Говорятъ, что есть и остатки городища. Одинъ путешественникъ, проѣзжавшій мѣстность въ 1824 году, быть можетъ справедливо заключалъ, что здѣсь могла существовать Эрмонасса [2]). Но, судя по объясненіямъ г. Куторги, что вообще разумѣлось въ древности подъ именемъ святилища [3]), еще съ большею вѣроятностію можно заключать, что здѣсь существовалъ Апатуръ.

Эрмонассу же можно отыскивать гдѣ-либо вблизи Витязевой станицы, гдѣ и Страбонъ глухо указываетъ мѣсто города и гавани, однако со стороны моря. Не стояла ли

---

[1]) Г. Герцъ (стран. 128) упоминаетъ, что эти курганы *совершенно обложены каменною бронею.* На мѣстѣ оказалось, что они обросли только очень густою травою и ни одного камня нигдѣ не найдено. Многочисленныя *письменныя сообщенія*, на которыхъ авторъ главнымъ образомъ основалъ описательную часть своего труда, по большей части или сказочны, или неточны, или невѣрны. По этой причинѣ пользоваться сочиненіемъ г. Герца безъ осторожной и разсудительной критики невозможно. Все оно требуетъ полнѣйшей перевѣрки.

[2]) У г. Герца стр. 60.

[3]) О Таманскомъ полуостровѣ, стр. 9—15.

Эрмонасса на устьѣ рѣки Напсухо, между Витязевой и Суворовской станицами, въ самомъ углу Кизилташскаго лимана?

О другихъ Синдскихъ городахъ Страбонъ говоритъ слѣдующее: „Въ Синдикѣ же, недалеко отъ моря, находится и Горгиппія, царскій дворецъ Синдовъ, и Аворака. Недалеко, вблизи отъ моря, значитъ не на самомъ берегу. Поэтому съ большою вѣроятностью можно назначать для Горгиппіи упомянутую мѣстность при раздвоеніи Кубани на рукава, на берегу озера Разнокола, у подножья хребта Сенехта, гдѣ находится величавая группа кургановъ Семи Братовъ.

Въ этой же мѣстности могла стоять и Аворака. Припомнимъ здѣшнюю гору Абрау и рѣку Абрау, имена которыхъ очень сходны съ Аворакой.

По берегу моря, не доходя Анапы, Страбонъ указываетъ Синдскую гавань и городъ, не именуя какой. Разумѣетъ-ли онъ какой либо изъ двухъ городовъ, названныхъ имъ при входѣ въ Кубанскій лиманъ, Эрмонассу, Апатуръ, или же говоритъ о новомъ городѣ—рѣшить трудно.

Отъ Синдики вверхъ по Кубани жили Аспурги, занимавшіе страну на 500 стадіевъ, 83 версты, между Фанагоріей и Горгиппіей, какъ выражается Страбонъ, обозначая только столичныя мѣста этихъ сосѣднихъ странъ. Имя Аспурговъ, вѣроятно, сохраняется въ имени Шапсуховъ, здѣсь же обитающихъ или недавно обитавшихъ, въ Большомъ Шапсухѣ, какъ называется ихъ область. Изъ ихъ стороны течетъ въ Кубань рѣка Атакумъ, напоминающая Страбоновское имя Кубани Антикитъ, Аттикитъ, текутъ въ Кубань же рѣки: Псыфль, Пшебшъ, Псакубсъ, Пчашъ, Пшишъ, напоминающія Птоломеевъ Псатисъ, что вообще показываетъ Аспургійское происхожденіе сказанныхъ именъ и для Кубани. Самая Кубань у Черкесовъ называется Пшизъ, что значитъ *князь рѣкъ*.

За страной Синдской и Горгиппіей, говоритъ Страбонъ, „идетъ побережье, занятое Ахеями, Зихами и Геніохами“, въ которыхъ нельзя не узнать береговой области *Натхо-Куаджъ*, такъ какъ и въ Зихахъ—Абад-*Зеховъ*.

Какiе могутъ быть сдѣланы выводы изъ названiй населенныхъ мѣстностей?

Рефератъ **Л. А. Износкова.**

Имѣя въ виду предложенный для рѣшенiя на Археологическомъ Съѣздѣ вопросъ: нельзя-ли сдѣлать нѣкоторыхъ, интересныхъ въ научномъ отношенiи, обобщенiй изъ современной номенклатуры рѣкъ, городовъ и селъ въ разныхъ полосахъ Россiи, въ настоящемъ сообщенiи я преимущественно буду говорить о названiяхъ мѣстностей Казанской губернiи и покажу, какiе, по моему мнѣнiю, могли бы быть сдѣланы выводы и обобщенiя изъ этихъ названiй.

Бо́льшая часть населенныхъ мѣстностей Казанской губернiи имѣетъ по два, или по нѣскольку названiй и во многихъ случаяхъ можно опредѣлить, какiя изъ этихъ названiй позднѣйшiя. Такъ напр. многiя села имѣютъ церковныя названiя и народныя, напр. с. *Рождественское, Высокая гора* № 14 [1]): первое названiе, по церкви, позднѣе втораго. Многiя мѣстности, заселенныя русскими, имѣютъ кромѣ русскихъ названiй, инородческiя, напр. дер. *Собакино, Янчурино* № 15 (съ татарскаго: *янна*—новый, *чуря*—потомки, новые потомки) и, разумѣется, второе названiе древнее перваго. Въ народѣ употребляется болѣе первое названiе, русское, слѣдовательно Русскiе поселились въ этой мѣстности давно: но съ другой стороны слова, изъ которыхъ составлено татарское названiе, показываютъ, что эта мѣстность не можетъ быть отнесена къ числу древнѣйшихъ населенныхъ мѣстностей. Въ губернiи встрѣчается также много мѣстностей, заселенныхъ Русскими, инородческiя названiя которыхъ употребительнѣе русскихъ, напр. с. *Кощаково, Троицкое* № 77. Первое названiе села извѣстно всѣмъ, между тѣмъ какъ второе употребляется только въ спискахъ. Такое сохраненiе мѣстностью прежняго инородческаго названiя можетъ быть, по моему мнѣнiю, отъ двухъ причинъ: 1) въ народѣ могли долгое время сохраняться преданiя объ

[1]) Номера означены по Списку населенныхъ мѣстъ Казанской губернiи. Изданiе Центральнаго Статистическаго Комитета Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

основателѣ селенія, или объ обстоятельствахъ, при которыхъ оно возникло, какъ напр. с. Коцаково, основателемъ котораго былъ Коцакъ, оказывавшій большое сопротивленіе Русскимъ при взятіи Казани и 2) самое заселеніе мѣстности Русскими могло быть въ недавнее время, такъ что новое названіе этой мѣстности, данное русскимъ населеніемъ, не усвоилось, напр. с. *Каймары, Кириловское* № 356, у жителей котораго сохранилось преданіе, что первые обитатели села были Черемисы (слово каймары черемисское, кай—*поди*, мары, мара—*Черемиса*), ушедшіе отъ Русскихъ на сѣверъ, и намъ дѣйствительно удалось провѣрить, что Черемисы, жившіе когда-то въ Каймарахъ, ушли въ Вятскую губернію и вновь заселенную тамъ мѣстность назвали тоже Каймары. Вообще, разсматривая инородческія названія заселенныхъ мѣстностей, во многихъ случаяхъ можно указать на передвиженія инородцевъ, вытѣсняемыхъ Русскими или другими инородцами и приблизительно можно составить понятіе о районѣ той мѣстности, который занимало первоначально какое либо инородческое племя, напр. въ сѣверо-западной части Лаишевскаго уѣзда есть нѣсколько деревень, заселенныхъ старо-крещеными Татарами. По очертанію лица, по одеждѣ и обычаямъ, они не походятъ на Татаръ магометанъ, живущихъ въ сосѣднихъ деревняхъ. Названія нѣкоторыхъ изъ деревень показываютъ также, что первыми обитателями ихъ были скорѣе Черемисы, а не Татары, напр. д. *Янасолы* (слова: *солы, сола*, прибавляются только къ названіямъ черемисскихъ селеній). Старожилы многихъ деревень помнятъ, что предки ихъ говорили другимъ языкомъ, не татарскимъ, и по нѣкольскимъ сохранившимся словамъ можно предполагать, что они финскаго происхожденія. Въ сосѣднихъ съ этими деревнями русскихъ и татарскихъ селеніяхъ сохранились также нѣкоторые признаки, по которымъ можно предполагать, что большая часть сѣверо-западной части Лаишевскаго уѣзда была заселена Черемисами, которые впослѣдствіи отатарились. Такъ напр. въ русскомъ селѣ *Венетъ (Троицкое)* № 999, мѣсто около церкви называется старымъ черемисскимъ кладбищемъ. Недалеко отъ татарской деревни *Читовъ* № 1060 есть старинное кладбище; раскопки, произведеныя на немъ въ 1870 году А. Н. Стояновымъ показали, что едвали оно можетъ быть признано татарскимъ. Читинскіе жители также не признаютъ это кладбище своимъ и предполагаютъ, что предки ихъ, основавшіе деревню Читу, около 300 лѣтъ назадъ тому, жили недалеко отъ Арскаго поля, примыкающаго къ Казани. На прежнемъ жительствѣ Татаръ, говорятъ, до сихъ поръ остались признаки могилъ, на поклоненіе которымъ и теперь пріѣзжаютъ Читинскіе Татары. Такимъ образомъ изъ названія деревень и различныхъ урочищъ и изъ сохранившихся въ народѣ преданій можно опредѣлить, какъ мы уже сказали, мѣстность, занимаемую инородческимъ племенемъ.

При изслѣдованіяхъ названій различныхъ мѣстностей, необходимо обращать вниманіе на народныя преданія о томъ, по какому поводу какая-либо мѣстность названа. Иногда, руководствуясь этими преданіями, можно узнать, что мѣстность, имѣющая, кромѣ другихъ,

названіе инородческое, инородцами никогда не была заселена и получила это названіе отъ окружающихъ ее жителей инородческихъ селеній, напр. русское село *Толномасъ, Александровка, Троицкое* № 195 (*толномасъ* татарск. — безтолковщина), получило названіе Толномасъ отъ жителей сосѣднихъ татарскихъ деревень, потому что это село образовалось изъ крѣпостныхъ крестьянъ, переселенныхъ изъ разныхъ губерній. Мѣстность, заселенная Русскими, получала иногда инородческое названіе, потому что эти Русскіе выселились изъ другой мѣстности, имѣвшей такое названіе, и новому поселенію дали прежнее имя. Такъ образовались деревни: *Русскіе Сарали* № 892, *Русскій Ашйбашъ* (въ спискѣ нѣтъ), или же русское населеніе приняло почему-либо названіе одной изъ сосѣднихъ инородческихъ мѣстностей, напр. деревни *Русскіе Кирби* № 949, *Русскіе Азилеи* №№ 1552, 1553 и проч. Вообще выселившіеся на „новыя" мѣста даютъ часто этимъ новымъ поселеніямъ прежнія названія, а потому по названіямъ селеній можно иногда опредѣлить, откуда переселились жители. Въ уѣздахъ Мамадышскомъ и Чистопольскомъ есть много селеній, жители которыхъ выселились изъ другихъ уѣздовъ, напр. дер. *Ключищи* № 1240—жители выселились изъ дер. *Ключищъ* № 1037 Лаишевскаго уѣзда; с. *Чурилино* (а не Чурилово, какъ означено въ спискѣ) № 1241,—жители вышли изъ с. *Чурилина* № 20, Казанскаго уѣзда. Если новое населеніе названо другимъ именемъ, то иногда по названіямъ улицъ, рѣкъ или другихъ какихъ-либо урочищъ можно узнать, откуда выселились жители, напр. въ деревнѣ *Дигитли* № 1465 одно изъ урочищъ носитъ названіе *Елабуга*. По названіямъ улицъ можно иногда предполагать, что мѣстность, заселенная въ настоящее время Русскими, была занята прежде инородческимъ населеніемъ, напр. въ Казанской подгорной *Ягодной Слободѣ* одна изъ улицъ носитъ названіе „*Кокуй*" и съ такимъ же точно названіемъ въ Тетюшскомъ уѣздѣ есть деревня № 1988. Въ с. *Воронцовъ Заводъ* № 1048 одна изъ улицъ носитъ татарское названіе *Ташлыкъ*. Въ Казанской губерніи есть много мѣстностей, названія которыхъ начинаются съ слова *таш* (татар. камень) напр. *Ташкичу* №№ 252, 376, 1234, *Ташевка* (село, русское) № 1506, *Ташовникъ* (пристань на Камѣ, недалеко отъ г. Лаишева, въ спискѣ не означенъ), *Ташкерменъ* № 888 и проч. Всѣ эти названія указываютъ на каменистую почву заселенной мѣстности. Названіе *Ташкерменъ* напоминаетъ также укрѣпленный городокъ, устроенный Татарами вскорѣ послѣ покоренія Казани на рѣкѣ Мёшѣ, изъ котораго они производили набѣги на горную сторону Волги. *Керменъ, карманъ*, по толкованію г. Золотницкаго,—*крѣпость, укрѣпленное мѣсто* [1]), слѣдовательно деревня Ташкерменъ въ переводѣ на русскій языкъ будетъ *каменная крѣпость*. Вѣроятно и другія мѣстности, носящія названія: *Кирмени, Кирменбашъ, Керменскій, Карманъ-касы, Карманъ-неръ, Кармановъ починокъ*, №№ 1405, 1398, 1401, 3580, 3746, 469, 1892 были

[1]) Отрывки изъ чувашско-русскаго словаря. Состав. Н. Золотницкій. Казанскія Губернскія Вѣдомости, 1872 года, № 18.

когда-то крѣпостцами. Такимъ образомъ, по названіямъ деревень и по мѣстоположенію ихъ можно до нѣкоторой степени прослѣдить, по какимъ направленіямъ устраивались укрѣпленныя мѣста, валы, засѣки, плотины. Въ губерніи есть также много деревень, въ названія которыхъ входятъ чувашскія слова буа или пувэ — *плотина* и сирь — *земля*, напр. *Бува Полевая, Бува-Херди, Буинска, Сюрбіялъ, Сюрбѣева*. №№ 2082, 2090, 2810, 3793, 2738, 3794, 2609, 2734 и по названіямъ этихъ деревень легко прослѣдить направленіе бывшихъ укрѣпленныхъ линій [1]).

Многія изъ деревень съ инородческимъ названіемъ расположены при истокахъ рѣкъ нынѣ существующихъ, или при такихъ, которыя были прежде. Названія всѣхъ подобныхъ деревень оканчиваются татарскимъ словомъ *башъ*, чувашскимъ *посъ*, черемисскимъ *вуй— голова, начало, истокъ*. Знакомясь съ мѣстоположеніемъ такихъ деревень, можно прослѣдить направленіе рѣчекъ, какъ нынѣ существующихъ, такъ и существовавшихъ прежде. Въ Лаишевскомъ уѣздѣ есть нѣсколько деревень, расположенныхъ возлѣ урочища, называемаго *„Старая Кама“* и есть преданіе, что оно было когда то русломъ рѣки Камы.

При изслѣдованіи названій мѣстностей необходимо принимать во вниманіе, въ какой средѣ находится разсматриваемая мѣстность. Случается иногда встрѣчать сходныя названія, но имѣющія разныя значенія, напр. деревни *Конь* № 1064 (тат.) и *Коняшкинъ* № 446 (чер.), *Семисола* (чер.) 2370, *Семитбашъ* (тат.) № 250, *Чудовка* № 1863, *Чудиновка* № 3235 и пр.

Многія изъ названій мѣстностей въ Казанской губерніи такія же, какъ и въ сосѣднихъ губерніяхъ и это большею частію объясняется тѣмъ, что изъ Казанской губерніи выселялись въ сосѣднія съ ними, или обратно. Вообще, если сравнить списки населенныхъ мѣстъ различныхъ губерній, то можно встрѣтить въ нихъ много селеній, рѣкъ и пр. съ одинаковыми названіями и, можетъ быть, опираясь на народныя преданія, можно указать на передвиженія народностей. Часто, конечно, одиноваковыя названія не указываютъ на передвиженія, въ особенности если названіе селенію дано по мѣстоположенію его, напр. *Полянки, Горки, Красногорка* и проч.

Объясняя названія своихъ деревень, жители часто указываютъ на основателей ихъ и называютъ этихъ основателей по именамъ деревень, но случается, что подобныя объясненія бываютъ невѣрны и потому при изслѣдованіяхъ названій весьма полезно собирать собственныя имена некрещеныхъ инородцевъ. Собирая эти имена въ разныхъ мѣстностяхъ Казанской губерніи и сличивъ ихъ съ названіями населенныхъ мѣстностей, я дѣйствительно нашелъ много одинаковыхъ названій, напр. *Бурнашево* №№ 1736, 1737, 2004, 1923, 1483, 1629, *Кудашево* №№ 1009, 3695, 327, 1021, 2513, *Токпердинъ* № 2441 и проч., названы по именамъ основателей *Бурнаша, Кудаша, Токперда*. При составленіи

[1]) Казанскія Губернскія Вѣдомости, 1871 года, № 100.

сборниковъ инородческихъ именъ, полезно также узнавать русскія значенія этихъ именъ, потому что, сопоставляя эти значенія съ народными преданіями, можно съ бо́льшею вѣрностію разъяснить названія населенныхъ мѣстностей, наприм. деревня *Янмурзина* №№ 3907, 3765, 3774, 3762 можетъ быть названа потому, что основателемъ ея былъ Янмурза, или же эту деревню могли основать новые, свободные люди, мурзы (*янна* — новый, *мурза*—свободный).

Такимъ образомъ, изслѣдуя названія селеній, улицъ, рѣкъ, урочищъ какой нибудь губерніи и сравнивая эти названія между собою, можно, мнѣ кажется, *опираясь на народныя преданія,* опредѣлить:

1) Поводъ, по которому какая-либо мѣстность получила названіе и, при сравненіи нѣсколькихъ названій одной и той же мѣстности, которое изъ нихъ болѣе древнее;

2) время заселенія мѣстности;

3) откуда и по какому поводу выселились жители въ занимаемую ими мѣстность и въ какомъ положеніи находилась эта мѣстность до переселенія;

4) какое вліяніе имѣли сосѣдніе жители на переселенцевъ:

5) въ какомъ направленіи расположены были укрѣпленныя мѣстности, засѣки, валы и плотины,

6) направленія русла рѣкъ.

Если прослѣдить названія населенныхъ мѣстъ разныхъ губерній, то изъ сравненія ихъ, вѣроятно, можно было бы вывести много весьма важныхъ и интересныхъ обобщеній въ научномъ отношеніи.

Просматривая отрывки изъ чувашско-русскаго словаря, составленнаго г. Золотницкимъ, можно видѣть, къ какимъ интереснымъ научнымъ обобщеніямъ пришелъ авторъ, изслѣдуя названія селеній въ Казанской и Симбирской губерніяхъ. Въ особенности въ этомъ отношеніи интересны его отрывки: 1) „Приставки *лык* и *сар*. Происхожденіе названій города Чебоксаръ и нѣкоторыхъ селеній“ [1]), гдѣ онъ указываетъ довольно много селеній, получившихъ названія по качеству мѣстности и по обилію произведеніями царства растительнаго; 2) „О происхожденіи названій городовъ Буинска и Цивильска и нѣкоторыхъ селеній“ [2]); 3) „Названіе Нижняго Новгорода по-чувашски, по-черемисски и по-татарски и объясненіе названій нѣкоторыхъ мѣстъ“ [3]); 4) „Происхожденіе названія Черемисъ“ [4]), въ которыхъ онъ по названіямъ городовъ, рѣкъ и селеній указываетъ на укрѣпленныя мѣстности.

---

[1]) Казанскія Губернскія Вѣдомости, 1871 года, № 83.

[2]) Тоже, 1871 года, № 100.

[3]) Тоже, 1872 года, № 18.

[4]) Тоже, 1872 года, № 45.

Еслибы такъ же подробно и съ такими же научными пріемами, какимъ слѣдовалъ г. Золотницкій, были произведены разслѣдованія названій во многихъ губерніяхъ и притомъ вмѣстѣ съ этимъ собраны были *народныя преданія* объ основателяхъ селеній, о томъ, по какому поводу даны названія мѣстностямъ, о выселеніяхъ жителей и о тѣхъ особенностяхъ, которыми они отличаются отъ жителей другихъ мѣстностей, то весьма возможно предположить, что, путемъ такихъ подробныхъ изслѣдованій на мѣстахъ, можно объяснить многія названія, происхожденіе которыхъ въ настоящее время неизвѣстно, и съ бо́льшею достовѣрностію указать границы, въ которыхъ обитали различныя племена въ различныя историческія эпохи.

ЗАМѢТКА О ПОУЧЕНІЯХЪ ЕПИСКОПА СЕРАПІОНА.

Рефератъ **Н. Я. Аристова.**

Въ числѣ вопросовъ, предложенныхъ къ обсужденію на III-мъ Археологическомъ Съѣздѣ въ Кіевѣ, встрѣчается между прочимъ слѣдующій: „Что такое *Драчь-Градъ*, который, по свидѣтельству проповѣди Серапіона, 4000 лѣтъ стоялъ и потомъ, во время проповѣдника (XIII в.), въ море погруженъ?“

Драчь-Градъ упоминается не въ одной проповѣди Серапіона,—объ немъ не разъ говорится въ русскихъ хронографахъ и житіяхъ святыхъ сербской или болгарской редакцій. Напримѣръ повѣствуется, что во время войны императора Константина Погоната (668—685 г.) съ Болгарами, послѣдніе отняли землю у Грековъ за Дунаемъ; „прежъ нарицашеся земля сія Мисія... Мнози бо бесчислени суще исполниша и сію страну Дунава и обону до *Драча* и далѣ, ибо Власи и Срьбіе и прочіи вси едино суть“ *(Обзоръ Хроногр. А. Попова, I, 155).* Въ концѣ X-го и въ началѣ XI-го столѣтія „Болгаре до Охрида и до *Драча*, и дале царствоваша“ *(ibid. 178);* а при Владиславѣ Ароновомъ сынѣ (1018 г.), императоръ Василій „оступи *Драчь-Градъ* — і убиенъ бысть, точію 2 лѣта и мѣсяцъ 5 бывъ“ *(ibid. 181).*

Чтобы рѣшить первую половину вопроса, что за городъ такой *Драчь*, не надо много ломать голову: стóитъ взглянуть въ нѣмецкую подробную карту, хоть, напримѣръ, карту Балканскаго полуострова *Кипперта*, и тамъ означенъ на восточномъ берегу Адріатическаго моря со стороны Албаніи, южнѣе Скутари, Durazzo, съ поясненіемъ въ скобкахъ—Dratsch. Въ древнее время онъ носилъ слѣдующія названія: у Грековъ *Δυῤῥάχιον*, а по іоническому именованію, какъ означено у Страбона—*Ἐπίδαμνος*; у Римлянъ — Dyrrachium, у Итальянцевъ — Durazzo, у южныхъ Славянъ, отъ которыхъ названіе перешло и къ Русскимъ — *Драчь-Градъ.* Изъ историческихъ свидѣтельствъ

видно, что городъ *Диррахій* не разъ подвергался землетрясеніямъ; хронографъ пишетъ: „Случижеся в лѣта царства *(Устина 518—527 г.)*, настися отъ Божия гнѣва *Драчю*, отъ него же бѣ Анастасии царь (512 г.), иже много създа ту и коньское позорище. Иустинъ же много сла на поновление града сего, и иже градъ нарицашеся прежде Епидавръ (читай: *Епидамнъ*),—и Риньфъ *(Коринѳъ)* же тогда падеся“ *(Обзоръ Хроногр. А. Попова, I, 62)*.

Несомнѣнно, что Серапіонъ говоритъ именно объ этомъ городѣ Дураццо или *Драчѣ*, потому что другаго Драча не существовало; но о какомъ его паденіи разсказываетъ и дѣйствительно-ли случилось потопленіе его въ морѣ во дни проповѣдника? Эта вторая половина вопроса труднѣе для рѣшенія, чѣмъ первая, и требуетъ обзора другихъ историческихъ обстоятельствъ, упоминаемыхъ въ поученіяхъ епископомъ. Всѣ свидѣтельства о современныхъ Серапіону происшествіяхъ, которыя встрѣчаются въ его проповѣдяхъ, носятъ на себѣ характеръ несомнѣнной истины и подтверждаются другими источниками. Это располагаетъ думать, что и о паденіи Драча извѣстіе его должно быть вѣрно.

Проповѣдникъ пишетъ: „Слышасте отъ Бога казнь посылаему на землю отъ первыхъ родъ до потопа на гиганты огнемъ, при потопѣ—водою, при Содомѣ—жюпеломъ, при Фараонѣ—десятью казней, при Хананиихъ—шершенми, каменьемъ огненнымъ съ небеси, при Судьяхъ—ратьми, при Давидѣ — моромъ, при Титѣ — плѣненьемъ, потомъ же трясеньемъ земли и паденьемъ града *(Ерусалима)*. При нашемъ же языцѣ чего не видѣхомъ? Рати, глади, морове и труси, конечное же — предани быхомъ иноплеменникомъ, не токмо на смерть и на плѣненье, но и на горькую работу“ *(изъ слова 4-го)*. „Слышасте, братье, самого Господа, глаголюща въ Еуангеліи: И въ послѣдняя лѣта будетъ знаменья въ солнци и въ лунѣ и въ звѣздахъ, и труси по мѣстомъ и глади. Тогда реченное Господемъ нашимъ, ныня збыстьея при послѣднихъ людехъ“ *(изъ 1-го слова)*. Не смотря на заимствованіе Серапіономъ изъ Евангелія текста, въ которомъ означены признаки кончины міра, и указанія на библейскія событія въ подтвержденіе своихъ словъ,—его изображенія послѣднихъ дней нельзя считать общими мѣстами или фразами, какъ водится часто у проповѣдниковъ. Каждая черта въ его поученіяхъ находитъ оправданіе въ событіяхъ того времени; не напрасно проповѣдникъ часто высказываетъ, что онъ былъ непосредственнымъ наблюдателемъ приводимыхъ имъ случаевъ жизни и свидѣтелемъ указываемыхъ явленій природы. Страшныя событія, какъ признаки кончины міра, совершались на его глазахъ: „При нашемъ языцѣ чесо не видѣхомъ? Рати, глады“ и проч. „Колко видѣхомъ солнца погибша и луну померькъшю!... Земли трясенье своими очима видѣхомъ!“... Значитъ, дѣйствительность представляла Серапіону живыя черты и свѣжія краски для изображенія конца жизни міра; оттого его поученія отличаются необыкновенной задушевностью и увлекательнымъ краснорѣчіемъ.

1) *Рати*. Въ Евангеліи сказано, что въ послѣдніе дни будутъ рати, „возстанетъ

языкъ на языкъ и царство на царство"... Серапіонъ указываетъ на тогдашнее тяжелое положеніе Россіи, страдавшей подъ игомъ Татаръ, судьба которой, какъ нельзя вѣрнѣе оправдывала это священное изреченіе о горькихъ послѣднихъ дняхъ вселенной. Богъ „наведе на ны, говоритъ онъ, языкъ немилостивъ, языкъ нещадящь красы уны, немощи старець, младости дѣтий... Разрушены божествены церкви; осквернени быша ссуди священии, потоптана быша святая; святители мечу во ядь быша; кровь отець и братья нашея землю напои, аки вода многа; князии нашихъ, воеводъ крѣпость исчезе; села наша лядиною поростоша" *(изъ 3-го слова)*. „Мы не покаяхомъся, дондеже землю нашу пусту створиша, и грады наши плѣниша, матери наша и сестры наша въ поруганье быша" *(изъ 1-го слова)*. „Убойтеся створшаго ны Бога; встрепещите суда Его страшнаго. Кому грядемъ? Кому приближаемся, отходяще свѣта сего?... Чему не видѣмъ, что приде на ны, въ семъ житіи еще сущимъ? Чего не приведохомъ на ся? Какия казни отъ Бога не въсприяхомъ? Не плѣнена ли бысть земля наша? Не взяти ли быша гради наши? Не вскорѣ ли падоша отци и братии наша трупиемъ на земли? Не ведены ли быша жены и чада наша въ плѣнъ? Не порабощени ли быхомъ, оставше. горкою си работою отъ иноплеменникъ? Се уже къ 40 лѣтъ приближаетъ томленіе и мука, и дане тяжькыя на ны не перестануть!... И въ сласть хлѣба своего изъѣсти не можемъ. И въздыханіе и печаль сушать кости наша!"... *(изъ 2-го слова)*. Всѣ эти подробности въ похожихъ выраженіяхъ описываются и въ лѣтописяхъ; считаю лишнимъ приводить ихъ въ подтвержденіе словъ Серапіона; только упомяну о необычайной точности указанія проповѣдника на счетъ времени Татарскаго плѣна, что „уже къ 40 лѣтъ приближаетъ томленіе и мука"... Слово сказано въ 1274 или 1275 г. во Владимірѣ; слѣдовательно со времени нашествія Татаръ (1237 г.), дѣйствительно прошло около 40 лѣтъ.

2) *Неурожай* и *голодъ*. Какъ волхвы въ XI вѣкѣ избивали старую чадь во время неурожая и голода; такъ и во время Серапіона повторилось тоже явленіе, и вотъ онъ вооружается противъ этого суевѣрнаго взгляда и варварской выходки. „Вы еще поганьскаго обычая держитеся; волхвованию вѣруете, и пожигаете огнемъ невинныя человѣкы, и наводите на весь міръ и градъ убийство... Отъ которыхъ книгъ или отъ кихъ писаний се слышасте, яко волхвованиемь глади бывають на земли, и паки волхвованиемь жита умножаються? То аже сему вѣруете, то чему пожигаете я? Молитесь и чтите я, дары приносите имъ, ать *(если)* строять миръ, дождь пущають, тепло приводять, земли плодити велять. Се нынѣ по 3 лѣтъ житу рода нѣсть, не токмо въ Русь, но въ Латѣнѣ, — се вълхове ли створиша?... И въ наша лѣта чего не видѣхомъ зла: многи бѣды и скорби, рати, голодъ, отъ поганыхъ насилье... Въ Лясѣхъ гладъ былъ 4 лѣта" *(изъ 4-го слова)*. Проповѣднику извѣстны физическія бѣдствія не только на Руси, но и за границей.

3) *Наводненіе*. „Драчь-Градъ 4,000 лѣтъ стоялъ, отъ моря потопленъ бысть, и нынѣ въ мори; въ Лясѣхъ отъ умноженья дождя 600 люди потопло, а иніи въ Перемышлѣ

градѣ 200 потопоша" *(Поѣздка Шевырева, II, 36)*. Это извѣстіе о наводненіи въ Польшѣ и Перемышли тоже надо считать совершенно вѣрнымъ: изъ Польскихъ хроникъ занесено слѣдующее свѣдѣніе въ Густынскую лѣтопись подъ 1271 г. „Бысть дождь великъ и поводь, яко и села и людей вода забираше" *(Густынск. 244. Кромера кн. IX, 215. Март. Бѣльскаго 168)*.

4) *Моръ на скотъ и на людей.* Серапіонъ пишетъ: Не перестаютъ у насъ „глади, морове животъ нашихъ... Кто же ны сего доведетъ? Наше беззаконье и наша грѣси, наше неслушанье, наше непокаянье" *(изъ 2-го слова)*. Это извѣстіе о падежѣ скота, вѣроятно, относится къ юго-западной Россіи и къ Польшѣ, о чемъ Серапіонъ хорошо могъ знать, находясь еще въ Кіевѣ. Дѣйствительно, въ Польскихъ хроникахъ подъ 1265 г. записано: „Явися звѣзда страшная, свѣтящи презъ мѣсяцей три, луча ку полудню испущающи; и потомъ бысть великій моръ во скотѣхъ" *(Густынск. 343. Кромера IX; Март. Бѣльскаго 184)*.

5) *Знаменія въ солнцѣ, лунѣ и въ звѣздахъ.* Эти небесныя явленія Серапіонъ не разъ видѣлъ въ теченіе своей жизни: „Колко видѣхомъ солнца погибша и луну померькъшю и звѣздное премѣненіе!" *(изъ слова 1-го)*. Изъ лѣтописей видно, что въ 1259 году было знаменіе въ лунѣ *(1 Софійск. 189)*; а зимой 1265 г. „явися звѣзда на западѣ, и отъ неа луча долга, яко хвостъ". Шла эта звѣзда „образомъ страшнымъ, испущающе отъ себе лучѣ великы; си же звѣзда нарѣчаеться власатая. Отъ видѣнія же сея звѣзды страхъ обья вся человѣкы и ужасть; хитреци же смотрѣвше тако рекоша: оже мятежь великъ будеть въ земли, но Богъ спасе своею волею—и не бысть ничтоже" *(Тверск. 403. Густынск. 344. Ипат. 202)*. Въ 1269 г. свѣтъ явился крестообразно *(Густынск. 244)*; въ 1271 г. опять было знаменье въ солнцѣ: на 5-й недѣлѣ святаго поста до обѣда, „погибе все, и паки наполнися" *(Никон. III, 54; 1 Новг. 62; 1 Соф. 197; Воскр. 172; Густынск. 344)*. Въ 1275 г. мая 3-го „бысть знаменіе в солнце яко круги, а посреди круговъ кресты, дуги же быша сини, зелены, желты, багряны, червлены, а дуги тѣ хребты бяху к себѣ" *(Никон. III, 59; Тверск. 405; Воскр. 172)*. Такое множество явленій небесныхъ при жизни Серапіона, въ связи съ другими бѣдствіями, поневолѣ наводили начитаннаго проповѣдника на мысль о кончинѣ міра, и онъ прилагалъ слова Евангелія: „въ послѣдняя лѣта будутъ знаменья въ солнци, и въ лунѣ и въ звѣздахъ", къ своему времени.

6) *Труси по мѣстомъ.* „Боитеся, братие, читаемъ въ поученіи, грозы и страха суда Божіа, внезапу бо день той пайдеть страшный... И земля убо от лица Господня трясется намъ на страхъ, и мнози грады пусты быша божіимъ гнѣвомъ" *(Правосл. Собес. 1858 г. II)*. „Земля, отъ зачала утвержена и неподвижима, повелѣньемъ Божіимъ нынѣ движеться, грѣхы нашими колеблется, беззаконья нашего носити не можеть... Се уже наказаеть ны Богъ знаменьи, земли трясеньемъ; не глаголеть усты, но дѣлы наказаеть.

Всѣмъ казнивъ ны, Богъ не отьведеть злаго обычая: нынѣ землею трясеть и колѣблеть; беззаконья, грѣхи многія отъ земля оттрясти хочеть, яко листвие отъ древа. Аще ли кто речеть:—преже сего потрясенія бѣша же. — Аще быша потрясения, рку: тако есть. Но что потомъ бысть намъ? Не гладъ-ли, не морови-ли, не рати-ли многыя?" *(изъ 1-го слова).* Это изображеніе землетрясенья, на которомъ долго останавливается Серапіонъ, можетъ объясняться тѣмъ, что онъ лично испыталъ его неотразимое впечатлѣніе: „Нынѣ земли трясенье своими очима видѣхомъ!" Въ Густынской лѣтописи замѣчено подъ 1258 г. „трясашеся земля" (стр. 342): но проповѣдникъ говоритъ, очевидно, о другомъ, болѣе позднемъ, землетрясеньи, которое случилось, какъ увидимъ ниже, въ 1271 г.

Если такъ много указаній Серапіона на разныя событія жизни и явленія природы подтверждаются фактами; то нельзя допустить, чтобы одно только извѣстіе о паденіи *Драча-Града* было имъ передано невѣрно: это противорѣчило бы общему характеру и строю его проповѣдей. Дѣйствительно, и замѣчаніе о гибели Драча принадлежитъ къ числу несомнѣнныхъ историческихъ данныхъ, хотя частности оказываются несовсѣмъ точными. Мѣсто это читается такъ: „О, маловѣрніи, слышасте казни отъ Бога: въ первыхъ родѣхъ потопа на гиганты, огнемъ пожжени ... при Титѣ плѣнъ на Ерусалимъ, потомъ трясеньемъ земли и паденьемъ града ... Потопъ бысть при Нои не про удавленаго, ни про утопленика, но за людскія неправды. — и иныя казни безщисленыя. *Драчь-Градъ 4,000 лѣтъ стоялъ, отъ моря потопленъ бысть, и нынѣ въ мори;* въ Лясѣхъ отъ умноженья дождя 600 люди потопло"... *(Поѣздка Шевырева II, 36).*

Это свѣдѣніе въ основѣ совершенно вѣрно, но въ частностяхъ или испорчено переписчикомъ, или неточно сообщено Серапіономъ по слуху. Городъ *Диррахій* или *Епидамнъ* основанъ на полуостровѣ Адріатическаго моря въ привлекательной, хотя нездоровой мѣстности, около 627 г. до Рожд. Хр., по свидѣтельству Евсевія; а Серапіонъ скончался 1275 г. Слѣдовательно, со времени заложенія, городъ Грачъ не стоялъ и 2,000 лѣтъ (только 1902 г.): а у проповѣдника означено 4,000 лѣтъ. Затѣмъ далѣе встрѣчается у него другая неточность, болѣе мелкая: по его словамъ, *Драчь-Градъ* „отъ моря потопленъ бысть"... Но этотъ городъ во времена Серапіона, именно въ 1271 г., затопленъ былъ моремъ отчасти; а главнымъ образомъ разрушенъ землетрясеніемъ и самое затопленіе произошло отъ этой же причины. Такая неточность опять наводитъ на мысль, что проповѣдникъ пользовался не прямыми извѣстіями, а сообщенными ему устными разсказами. Живя въ Кіевѣ, по сосѣдству съ Польшей и Перемышльскимъ краемъ, онъ зналъ, конечно, по слуху о тамошнихъ наводненіяхъ и другихъ бѣдствіяхъ; такимъ же путемъ почерпалъ свѣдѣнія и о паденіи *Драча-Града.* По крайней мѣрѣ, за недостаткомъ данныхъ, можно утверждать, что Серапіонъ извѣстіе о несчастной судьбѣ Драча вообще заимствовалъ не изъ книгъ (иначе было бы опредѣленнѣе), и въ частности—не изъ византійскаго историка *Пахимера,* его современника, который обстоятельно говоритъ въ своей

хроникѣ о разрушеніи этого города, пріурочивая его къ 1271 году. Вотъ вкратцѣ его замѣтки. Въ 1271 г. „постигло Диррахій страшное и плачевное бѣдствіе. Съ наступленіемъ мѣсяца *Кронія* тамъ стали постоянно слышать подземный необыкновенный шумъ, который по просту можно было назвать воемъ, предвѣщавшимъ близкое несчастіе. Въ одинъ день удары начали отзываться чаще и сильнѣе прежняго, и напавшій на жителей страхъ заставлялъ ихъ выбираться изъ города, чтобы въ случаѣ большаго зла, можно было спастись. Въ слѣдующую за этими дневными тревогами ночь, произошло самое страшное, какое бывало когда-либо землетрясеніе. Это было уже не просто косвенное, какъ говорятъ, содраганіе земли, а настоящее ея колебаніе и волненіе, вырывавшее городъ изъ самыхъ основаній и разбрасывавшее его по поверхности... Трескъ и шумъ произошли мгновенно и съ такою силою, что вскипѣло самое море, и находившіеся за городомъ думали, что это уже не начало болѣзни, а конецъ міра. Диррахій былъ городъ приморскій, разрушеніе открылось неожиданно, люди были въ такомъ ужасѣ, трескъ зданій падавшихъ одно на другое такъ великъ, что загородные жители, которыхъ было очень много, чувствуя это дрожаніе и слыша этотъ трескъ, почитали такое явленіе ничѣмъ инымъ, какъ преставленіемъ свѣта. Землетрясеніе продолжалось столько времени, что ничто не устояло, но все упало и засыпало людей, кромѣ одной крѣпости, которая удержалась и не поддалась этой катастрофѣ. По наступленіи дня, окрестные жители съѣзжались сюда съ лопатами, заступами и другими орудіями, и начали раскапывать развалины... Въ теченіи нѣсколькихъ дней, все сравнявъ съ землею лопатами, будто заскородивъ граблями, и собравъ богатую золотую жатву, окрестные жители и Албанцы оставили этотъ городъ, превратившійся теперь въ совершенную пустыню“ *(Пахимера 326—8. Визант. историки. С.Пб. 1862 г. т. I)*.

Серапіонъ не могъ получить свѣдѣнія изъ сочиненія Пахімера, который писалъ о событіяхъ съ 1255 до 1308 г., потому что былъ слишкомъ короткій срокъ отъ разрушенія Диррахія до произнесенія слова. Скорѣе можно думать, что посланные изъ Россіи въ славянскія земли или въ Византію принесли извѣстіе о страшномъ землетрясеніи и потопленіи этого города: самое названіе *Драчъ-Градъ* указываетъ на заимствованіе свѣдѣнія непремѣнно отъ южныхъ Славянъ. Притомъ въ это время Серапіонъ былъ еще архимандритомъ въ Кіевѣ, откуда еще не перенесена была митрополія и оттуда направлялись посольства въ православныя страны; слѣдовательно Серапіону легко было узнавать о заграничныхъ происшествіяхъ. Что же касается до непосредственныхъ сношеній русскихъ съ Византійской имперіей, то они въ эту пору происходили нерѣдко.

Въ годъ разрушенія Диррахія, императоръ Михаилъ Палеологъ и патріархъ Іоаннъ Веккъ стремились къ подчиненію папѣ Восточной церкви изъ видовъ политическихъ. Императоръ разсчитывалъ, что папа примиритъ его съ братомъ св. Людовика, воинственнымъ Карломъ Анжуйскимъ, который господствовалъ на Средиземномъ морѣ и

угрожалъ Греческой имперіи. Когда возникъ этотъ вопросъ объ уніи церквей, митрополитъ Кириллъ, вѣроятно, по желанію патріарха Цареградскаго, три раза посылалъ въ Константинополь Сарскаго епископа Ѳеогноста, который посвященъ былъ въ этотъ санъ въ 1269 г. *(Никон. III, 50)*. Надо полагать, что Ѳеогностъ въ первый разъ вернулся изъ посольства въ концѣ 1271 года, такъ какъ подъ этимъ годомъ встрѣчаемъ извѣстіе объ измѣнѣ православной вѣрѣ Византійскаго императора, которое должно быть записано со словъ кого-либо изъ посланныхъ съ Ѳеогностомъ: „тогда бысть во Грецехъ царь Мануилъ *(т. е. Михаилъ)* Палеологъ, первый же и Латынинъ бысть. Сей изгна Латыню из Царяграда, и царствова над Греки лѣтъ 24“ *(Никон. III, 55. Густынск. 342)*. Въ послѣдній разъ возвратился Ѳеогностъ изъ посольства въ Царьградъ въ 1279 г., какъ отмѣчено въ лѣтописи: „Прииде Ѳеогнастъ епискупъ Сараискии *въ третиия* зъ Грѣческия земли из Царяграда: посылалъ убо его пресвещенныі Кирилъ митрополитъ Киевски и всеа Русіі и царь ординскиі Менгутемиръ къ патріарху и ко царю Михаилу Палеологу Грѣческому, от пресвещеннаго Кирила митрополита грамоты и от царя Менгутемиря грамоты и поминки обою“ *(Никон. III, 68. Менгутемиръ—ханъ съ 1268 г. Ногай —съ 1277 г. Густ. 344)*. Отсюда понятно, какимъ путемъ доходили до нашихъ предковъ современныя свѣдѣнія о европейскихъ происшествіяхъ. Хотя очень немудрено, что Серапіонъ могъ сопровождать Ѳеогноста изъ Кіева въ Царьградъ и тамъ слышать о дивномъ событіи тогдашнемъ — гибели цѣлаго города Дураццо: но такое предположеніе ничѣмъ не подтверждается, а отъ возможности до дѣйствительности разстояніе огромное.

Черезъ три года послѣ разрушенія Диррахія, въ 1274 г. „пріиде изъ Кіева митрополитъ Кирилъ, и приведе съ собою архимандрита Печерьскаго Серапіона, и постави его епископомъ Володимерю и Суздалю и Новгороду Нижнему“ *(П. С. Л. VII, 172)*. Во Владимирѣ, конечно, и говорилъ онъ свою проповѣдь противъ суевѣрій, приводя въ доказательство свѣдѣнія, принесенныя изъ Кіева, о бѣдствіяхъ разныхъ народовъ. Въ добавокъ, въ годъ землетрясенія случилось солнечное затмѣніе, что также содѣйствовало мрачному настроенію воображенія и служило къ укрѣпленію мысли о послѣднихъ дняхъ міра. Къ тому же вело самое перенесеніе митрополіи изъ центра святыни—Кіева и византійская унія. Мысль о кончинѣ міра, подкрѣпляемая множествомъ горестныхъ обстоятельствъ, перешла у Серапіона въ непоколебимое убѣжденіе, проникаетъ всѣ его поученія и придаетъ имъ характеръ необыкновенной энергіи. Замѣчательно, что самъ митрополитъ Кириллъ, который привезъ Серапіона изъ Кіева, тоже писалъ подробно ему о кончинѣ міра: „Се уже видимо, любиміи, кончина міра приближися и урокъ житію нашему приспѣ, и лѣта сокращаются, и уже мало время житія нашего вѣка сего видѣти. Якоже Господь во евангеліи сице (рече): Востанеть бо языкъ на языкъ, и царство на царство, и страна на страну, и царь на царя, и князь на князя... И вся сія збышася“. *(Чт. Общ. Ист. 1847 г. № 8. Смѣсь)*. Это мѣсто, сходное съ поученіями Серапіона,

наводитъ на мысль, что между митрополитомъ и епископомъ неразъ шли разсужденія, что настали послѣдніе дни міра, хотя дѣло окончилось только послѣдними днями проповѣдника. Въ 1275 г. „представися епископъ Володимерскій Серапіонъ; бѣ же учителенъ зѣло въ божественномъ писаніи“ *(П. С. Лѣт. VII, 172)*.

Не въ одномъ божественномъ писаніи силенъ былъ краснорѣчивый проповѣдникъ: главная неотразимая сила его поученія состояла въ томъ, что онъ каждый случай жизни возводилъ къ общей идеѣ. Хотя свѣдѣнія о бѣдствіяхъ разныхъ народовъ онъ почерпалъ изъ библейской исторіи и о признакахъ кончины міра судилъ по сказанію евангельскому; но въ тоже время зорко слѣдилъ за всѣми явленіями современной жизни и знаменіями природы, и умѣлъ воспользоваться своими наблюденіями кстати и съ большимъ искусствомъ. Его занимали судьбы не одной Руси и поступки пасомыхъ, но и событія, возмущавшія теченіе жизни другихъ народовъ, и всѣмъ этимъ запасомъ знаній онъ ловко распоряжался для убѣжденія своихъ слушателей. Оттого проповѣди Серапіона проникнуты самымъ жизненнымъ и практическимъ началомъ. На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, слѣдуетъ заключить, что и въ картинѣ нравственнаго состоянія общества, современнаго проповѣднику, нарисованной такими живыми красками, недостатки жизни не измѣнены или преувеличины, а заимствованы цѣликомъ изъ дѣйствительности. Не сомнѣваюсь, что и эту сторону проповѣдей Серапіона исторія оправдаетъ блистательнымъ образомъ.

ЧТО ЗНАЧИТЪ РОССОВЛАХІЯ ВЪ ГРЕЧЕСКИХЪ ДОКУМЕНТАХЪ?

Рефератъ **В. И. Григоровича.**

Въ настоящемъ году правительство сдѣлало важное преобразованіе изданіемъ указа именовать Бессарабію не областью, а Бессарабскою губерніею. Не мое дѣло входить въ то, почему Бессарабская Область досел̂ѣ существовала, но прошу позволенія замѣтить какъ о словѣ Бессарабія, такъ и о томъ, какое названіе было бы, согласно съ исторіею, свойственнѣе Бессарабской области.

Слово Бессарабія примѣнилось случайно. Это натяжка. Въ старое время Бессарабіею назывались южныя земли вдоль по Дунаю отъ Рущука до Сулина на сѣверѣ и югѣ этой рѣки. Только со времени завоеванія Русскими Молдавіи, возникло названіе Бессарабіи и для земель по Днѣстру. Какое же названіе носили прежде эти земли по Днѣстру? Вспомнимъ сперва, что земли эти въ древности были заселены Тиверцами и Угличами, названными у Нестора *Толковины.* Слово *толковинъ* означало помощникъ, союзникъ (Русскихъ). Замѣчательно, что для этихъ-то земель употребляемо было въ XIV столѣтіи названіе Россовлахіи. Объ этомъ свидѣтельствуютъ протоколы Константинопольскихъ патріарховъ, изданные нынѣ подъ заглавіемъ: Acta Patriarchatus Constantinopolitani. Они же упоминаютъ и объ епископіи въ Аспрокастрѣ, т. е. въ Бѣлгородѣ, что нынѣ Аккерманъ. Итакъ, не смотря на то, что съ конца IX ст. страна эта была занята Печенѣгами, съ XI Половцами, а съ XIII Ногайскою ордою, видна какая-то связь между Толковинами, т. е. Тиверцами и Угличами, и Россовлахіею. Связь эту доказываетъ свидѣтельство русскихъ лѣтописей, что страна эта въ XII и XIII стол. находилась въ духовной и мірской зависимости отъ Галича.

Изъ этихъ показаній вывожу, что признаніе имени Россіи въ Бессарабіи можно отнести къ отдаленному времени. Достовѣрно это въ XIV столѣтіи. Въ XIV стол. именно грамоты патріаршія ясно отдѣляютъ митрополію Мавровлахіи съ городомъ Яссы отъ

Россовлахіи. Тогда-то вѣроятно усиленная колонизація Румыновъ и Русскихъ положила основаніе Молдавскому господарству, въ которомъ Мавровлахія тянулась вдоль по Пруту, Россовлахія—вдоль по Днѣстру. Стало-быть такъ называемая Бессарабія справедливѣе должна была носить имя Россовлахіи. Прибавлю къ этому еще и то, что когда уже возникла Молдовлахійская митрополія въ Сочавѣ (послѣ въ Яссахъ), то и тогда, какъ видно изъ позднѣйшихъ документовъ, былъ назначаемъ отдѣльный митрополитъ *Προϊλάβα*, власть котораго простиралась отъ Дуная вверхъ по Днѣстру, по правую и лѣвую сторону этой рѣки. Во время господства Буджакскихъ Татаръ этотъ митрополитъ *Προϊλάβα* ставилъ священниковъ въ Аккерманъ, Дубоссары и даже въ Хотинъ.

Не было ли такое признаніе власти митрополита *Προϊλάβα* слѣдствіемъ исконнаго признанія отдѣльности Россовлахіи отъ Мавровлахіи, т. е. Молдавіи?

Болѣе тщательные розыски по документамъ подтвердятъ мысль, что такъ называемая Бессарабская Область возвращена Русской землѣ по исконному ея призванію быть Россовлахіею, что и немѣшало бы напомнить нашимъ сосѣдямъ.

Гдѣ нужно искать ту рѣку, на берегахъ которой 5-го мая 1185 г. былъ разбитъ Игорь Святославичъ Новгородсѣверскій, и которая названа Каялой? [1]

Рефератъ **П. Е. Ваденюка.**

5 мая 1185 года, — а этотъ день приходился въ воскресенье, — удѣльный князь Новагорода Сѣверскаго, Игорь Святославичъ, былъ разбитъ Половцами на берегахъ какой-то степной рѣки, которая въ двухъ письменныхъ памятникахъ, дошедшихъ къ намъ изъ этой отдаленной эпохи, названа „Каялой“.

Это печальное событіе, имѣвшее своимъ послѣдствіемъ уничтоженіе шести русскихъ отрядовъ и плѣнъ четырехъ князей, нашло себѣ поэтическое выраженіе въ произведеніи, извѣстномъ подъ именемъ „Слово о плъку Игоревѣ“. Само событіе, равно какъ и весь походъ Сѣверскаго князя, взятые отдѣльно, не представляютъ ничего особеннаго и важнаго: они совершенно стушевываются въ массѣ фактовъ нашей исторіи; но по отношенію къ „Слову о плъку Игоревѣ“, точное изслѣдованіе ихъ является, такъ сказать, дѣломъ первой необходимости.

Ни размѣры времени, ни другія условія, съ которыми связано подобное изслѣдованіе, не позволяютъ мнѣ теперь выполнить эту задачу до конца; поэтому ограничиваюсь на этотъ разъ только частицей ея, предлагая свои замѣчанія и выводы относительно вопроса: „гдѣ была помянутая битва и гдѣ нужно искать рѣку Каялу?“ — вопроса, который, кстати замѣтить, до сихъ поръ еще точно не изслѣдованъ. Если, при дальнѣйшемъ изложеніи настоящей замѣтки, я и буду обращаться къ исторіи всего похода, то позволю себѣ дѣлать это настолько, насколько это необходимо для рѣшенія моей задачи.

Источниками Игорева похода служатъ:

во 1-хъ, само „Слово о плъку Игоревѣ“, именно тѣ мѣста его, которыя непосредственно воспроизводятъ различные моменты похода; и

---

[1]) Прилагается карта № 2 съ таблицею рода Ольговичей.

во 2-хъ, лѣтописные разсказы о походѣ, которые сводятся къ двумъ основнымъ типамъ: a) разсказу Ипатьевской лѣтописи (какъ напр. Густынской), и b) разсказу лѣтописи Лаврентьевской (какъ напр. Воскресенской, Переяславля Суздальскаго и пр.).

Что касается перваго нашего источника, то взятый самъ по себѣ онъ мало удовлетворяетъ историка Игорева похода, такъ какъ всѣ событія рисуетъ въ общихъ чертахъ и почти не представляетъ никакихъ частныхъ подробностей. Онъ главнымъ образомъ можетъ служить для повѣрки извѣстій, сообщаемыхъ лѣтописными разсказами.

Что же касается этихъ послѣднихъ, то, какъ я уже упомянулъ, они являются въ двухъ типахъ, совершенно отличныхъ другъ отъ друга какъ по языку, такъ и по содержанію, чѣмъ и обусловливается ихъ относительная цѣнность для историка Игорева похода.

Въ разсказѣ *Ипатьевской* лѣтописи послѣдній найдетъ подробныя указанія на то, ка̀къ совершался этотъ походъ, въ какое время и при какихъ обстоятельствахъ, какіе князья принимали въ немъ участіе; найдетъ упомянутыми такіе города и рѣки, которые извѣстны и нынѣ (какъ города: Новгородъ-Сѣверскій, Рыльскъ, Путивль, Трубчевскъ, Курскъ, и рѣки: Осколъ и Донецъ), и такіе, названія которыхъ не заключаются болѣе въ современной намъ географической номенклатурѣ (какъ напр. рѣки: Сальница и Сюурлій). Въ числѣ послѣднихъ онъ встрѣтитъ и занимающую насъ рѣку, которая приводится здѣсь всего одинъ разъ и которая, какъ и въ „Словѣ о плъку Игоревѣ“, названа „Ка̀ялой“.

Замѣчательно, что послѣднее названіе обставлено здѣсь извѣстной игрой словъ: такъ, заключая разсказъ о битвѣ 5 мая, лѣтописецъ говоритъ: „и тако во день святого воскресенія наведе на ня Господь гнѣвъ свой, *въ радости мѣсто* наведе на насъ *плачь* и во *веселье мѣсто—желю* (им. желя т. е. печаль), на рѣцѣ *Каялы*“...

Далѣе, въ разсказѣ Ипатьевской лѣтописи заключаются такія указанія, которыя слишкомъ мелочны для обыкновеннаго лѣтописца, какъ напр. расположеніе полковъ Игоря предъ первой битвой—3-го мая, или же имена Половецкихъ вождей, поразившихъ Игоря. Всѣ фазы движеній послѣдняго съ 1-го по 5-ое мая, равно какъ и обозначенія времени, отмѣчены въ Ипатьевской лѣтописи точно и опредѣленно. Уже по всему этому можно заключить о томъ, что этотъ разсказъ современенъ самому событію; послѣднее обстоятельство еще болѣе обнаруживается изъ сравненія этого лѣтописнаго разсказа съ поэтическимъ разсказомъ „Слова“, которое признано наукой современнымъ воспѣтому въ немъ походу. Кромѣ того, изъ подобнаго же сравненія обнаруживается еще и извѣстное непосредственное соотношеніе этихъ двухъ разсказовъ. Обобщенія, какія можно бы извлечь при этомъ сравненіи, могли бы составить предметъ особаго разсужденія; я ограничусь здѣсь только указаніемъ на то, что не только содержаніе, складъ и расположеніе частей разсказа Ипатьевской лѣтописи, но и отдѣльныя выраженія совершенно тождественны съ подобными „Слова о плъку Игоревѣ“. (Такъ напр. Слово: „Братіе и

дружино!“ — Ипатьевск. лѣт.: „Братья и дружино!“; Слово: „ищучи… *чти*, а князю *славы*“ — Ипат. лѣт.: „возложилъ (Богъ)… на насъ *честь* и *слава*“; Слово: „*обступиша*“—Ипат. лѣт.: „*выступати*“…; Слово: „*загородите* ворота“—Ипат. лѣт.: „*отвориша* ворота“… и проч.). А это все придаетъ первому особенную цѣнность и всѣ извѣстія его возводитъ на степень положительныхъ историческихъ свидѣтельствъ, свидѣтельствъ точныхъ и неоспоримыхъ.

Не тѣмъ характеромъ языка и содержанія отличаются лѣтописные разсказы втораго типа, напр. разсказъ лѣтописи *Лаврентьевской*. Съ перваго взгляда можно замѣтить, что онъ составлялся въ то время, когда походъ Игоря не представлялъ уже для слагателя интереса дня, что послѣдній не усвоилъ себѣ всѣхъ обстоятельствъ этого похода: однимъ словомъ, разсказъ Лаврентьевской лѣтописи представляетъ позднѣйшую и испорченную редакцію болѣе полныхъ первоначальныхъ редакцій. Въ немъ мы находимъ и крупныя ошибки: такъ, напр., лѣтописецъ заставляетъ Игоря итти на Переяславль, очевидно смѣшивая обстоятельство, случившееся за 3 недѣли предъ тѣмъ (около 1-го марта 1185 г.). Игорь дѣйствительно направлялся на Переяславль („ѣха полемъ перекъ возлѣ Сулу“ Ипат.), когда желалъ пройти на помощь Святославу Всеволодичу, но весенняя распутица помѣшала его предпріятію; или же вотъ еще примѣръ: лѣтописецъ заставляетъ русскихъ князей веселиться на отнятыхъ вѣжахъ 3 дня и затѣмъ сражаться 3 дня, тогда какъ событія, закончившія Игоревъ походъ, обусловливаются всего тремя днями (2—5 мая).

Относительно языка этого разсказа позволю себѣ ограничиться слѣдующимъ замѣчаніемъ: тогда какъ языкъ разсказа о походѣ Игоря Ипатьевской лѣтописи исполненъ жизни и драматизма,—языкъ Лаврентьевской вялъ и безцвѣтенъ. Однако и въ Лаврентьевской лѣтописи мы находимъ указанія, не заключающіяся въ Ипатьевской, но важныя въ историческомъ отношеніи. Ими я воспользуюсь при дальнѣйшемъ изложеніи моей замѣтки.

Изъ сравнительнаго обозрѣнія приведенныхъ источниковъ извлекаются слѣдующія положенія касательно исторіи Игорева похода:

1) Предпріятіе Игоря было неизвѣстно Святославу Всеволодичу — великому князю Кіевскому, старшему тогда въ родѣ Ольговичей; Игорь скрылъ отъ него свои приготовленія къ походу, „утаился“, по выраженію Ипатьевской лѣтописи.

2) Выступилъ Игорь изъ Новгородсѣверска во вторникъ на святой, 23 апрѣля 1185 года; прошелъ на Рыльскъ, гдѣ княжилъ племянникъ его Святославъ Ольговичъ, и соединившись съ дружиной послѣдняго, прибылъ въ Путивль, гдѣ княземъ былъ въ то время 12-тилѣтній сынъ Игоря Владиміръ; здѣсь Игорь стоялъ нѣкоторое время, ожидая помощи Ярослава Всеволодича, князя Черниговскаго.

3) Отсюда онъ прошелъ на востокъ, по Посемью, какъ это видно изъ слѣдующаго выраженія „Слова“: Всеволодъ, отвѣчая Игорю на приглашеніе къ походу, говоритъ: „а мои ти готови, осѣдлани, у Курьска — *на переди*“… Это слово есть нарѣчіе мѣста

дѣйствія—„впереди“, а не времени дѣйствія—„прежде“, какъ объясняли нѣкоторые. По отношенію къ Путивлю Курскъ будетъ впереди только въ томъ случаѣ, если отправляющійся изъ Путивля пройдетъ прямо на востокъ. Это направленіе и принялъ Игорь. Ему удобнѣе было итти по Посемью, гдѣ были разсѣяны сѣверскія поселенія и гдѣ такимъ образомъ онъ былъ у себя дома. Если къ тому же примемъ во вниманіе свидѣтельство Ипатьевской лѣтописи, что по пути Игорь собиралъ дружину, то указанное направленіе можетъ быть принято за самое вѣрное.

4) Пройдя мимо Курска, онъ повернулъ прямо на югъ, какъ это видно изъ того обстоятельства, что уже 1-го мая Ипатьевская лѣтопись застаетъ его на берегахъ Сѣвернаго Донца, гдѣ онъ и видѣлъ солнечное затмѣніе. Съ какого и на какой берегъ переправлялся Игорь чрезъ Донецъ? Изъ дальнѣйшаго разсказа лѣтописи видно, что послѣ переправы онъ въ тотъ же день подошелъ къ рѣкѣ Осколу, гдѣ два дня (1 и 2 мая 1185 г.) прождалъ Всеволода, который шелъ изъ Курска другой дорогой. При первомъ взглядѣ на карту мы должны будемъ отказаться отъ предположенія, что эта переправа состоялась гдѣ нибудь въ верхнемъ или среднемъ теченіи Донца, потому что невозможно въ одинъ день пройти пространство, заключенное между верхнимъ теченіемъ этой рѣки и Осколомъ. Значитъ она была совершена гдѣ нибудь тамъ, гдѣ это пространство самое незначительное, именно вблизи устьевъ послѣдней рѣки.

То обстоятельство, что лѣтопись умалчиваетъ о переходѣ Игоря черезъ Осколъ, тогда какъ не забываетъ упомянуть о переправѣ чрезъ такія незначительныя рѣчки, какъ Сальница и Сюурлій, позволяетъ предполагать, что Сѣверскій князь никогда и не переходилъ этой рѣки. Показаніе же Ипатьевской лѣтописи: „и тако поидоша къ Осколу“ можно объяснить тѣмъ, что Игорь ждалъ Всеволода на правомъ берегу Сѣв. Донца—у того мѣста, гдѣ съ противоположной стороны вливаются воды Оскола, и что слѣдовательно онъ перешелъ Донецъ съ лѣваго берега на правый.

Принявъ послѣднее, легко указать и направленіе пути Игоря съ береговъ Сейма: онъ шелъ по возвышенности, образуемой Донецкимъ кряжемъ между Донцомъ и Осколомъ, гдѣ изстари пролегала торная дорога (Изюмскій шляхъ), и куда въ XII вѣкѣ заходили поселенія Сѣверянъ.

5) Извѣстно, что соединившись съ Всеволодомъ 2-го мая на правомъ берегу Донца, дружины Игоря того же дня, а слѣдовательно въ *одинъ* переходъ, достигли рѣки Сальницы, пройдя которую, на разсвѣтѣ слѣдующаго дня подошли къ другой рѣкѣ—Сюурлію, гдѣ и встрѣтили первый половецкій отрядъ. Такимъ образомъ мѣсто первой битвы 3-го мая находилось въ разстояніи *суточнаго* перехода отъ мѣста переправы черезъ Донецъ.

6) Въ этой битвѣ, происшедшей 3 мая—въ пятницу—за рѣкой Сюурліемъ, Русскіе остались побѣдителями; преслѣдуя Половцевъ до поздней ночи, они зашли далеко въ глубь степей и ночевали въ чистомъ полѣ. Такимъ образомъ пройденное Русскими въ пятницу

пространство измѣряется всего *однимъ* днемъ пути. На разсвѣтѣ въ субботу предъ ними явились несмѣтныя силы Половцевъ; они выступали подобно темному бору, какъ говоритъ лѣтописецъ, и шли „отъ Дона и отъ моря", т. е. съ *юга* и *юговостока*, по выраженію пѣвца „Слова". Русскіе начали отступленіе. Естественно, они не могли отступать въ ту сторону, откуда наступали Половцы; движеніе Русскихъ поэтому было обратное: они шли по тому же направленію, по которому пришли, и этотъ субботній день отступленія долженъ былъ опять привести ихъ на берега Сюурлія же. Выраженіе лѣтописи: „хотяху бо бьючеся дойти р. Донця"—вполнѣ подтверждаетъ наше мнѣніе, что отступленіе Игоря совершалось къ сѣверу. Оно окончилось утромъ въ воскресенье полнымъ пораженіемъ и плѣномъ Игоря близъ рѣки, называемой и лѣтописью и „Словомъ" — рѣкой „Каялой", и у береговъ которой находилось какое-то „езеро"—по свидѣтельству Ипат. лѣтописи.

Принявъ въ соображеніе изложенное въ послѣднемъ пунктѣ, мы должны искать послѣднюю рѣку вблизи Сюурлія.

Вотъ тѣ положенія, которыя легко добываются изъ критики нашихъ источниковъ. Мы узнали такимъ образомъ, что несчастіе, постигшее Игоря, случилось на правой сторонѣ Донца, въ разстояніи однихъ сутокъ пути отъ переправы его чрезъ эту рѣку, точнѣе же — гдѣ-то вблизи р. Сюурлія; мы пришли также къ заключенію, что и Каялу слѣдуетъ искать тамъ же. Намъ остается только указать эти рѣки на картѣ подъ ихъ современными названіями.

Прежде чѣмъ приступить къ рѣшенію этой части моей задачи, считаю умѣстнымъ указать на тѣ мнѣнія, какія существуютъ въ нашей исторической литературѣ относительно мѣста битвы 5-го мая; ихъ два: первое, Карамзина, полагаетъ рѣку Сальницу—Саломъ, а рѣку Каялу—Кагальникомъ—лѣвыми притоками Дона; другое, Буткова, ведетъ сначала Игоря по тому пути, который указанъ мною, но Каялу считаетъ р. Кальміусомъ, впадающимъ въ Азовское море. Ни то, ни другое невѣрно: съ первымъ нельзя согласиться по простому соображенію, что въ 10 дней (23 апрѣля по 3 мая) Игорь не могъ зайти такъ далеко; второе не можетъ быть принято въ виду выведеннаго нами положенія, что Игорь не могъ отступать къ югу, къ берегамъ Азовскаго моря, откуда наступали Половцы. Этихъ изслѣдователей ввело въ заблужденіе выраженіе „Слова"—„на рѣцѣ Каялѣ—у Дону великаго"; но извѣстно, что въ XII вѣкѣ Дономъ назывался и современный С. Донецъ, какъ это указано авторомъ „Географіи начальной лѣтописи" Н. П. Барсовымъ.

Въ книгѣ Большаго Чертежа встрѣчается названіе Сальница, которое пріурочивается къ нынѣшнему Сухому Торцу, составляющему лѣвый притокъ р. Тора; послѣдній

впадаетъ въ рѣку Донецъ при посадѣ Рай - городокъ, въ разстояніи 50-ти верстъ отъ мѣста слiянiя рѣкъ Оскола и Донца, и составляется изъ двухъ рѣкъ—Казеннаго Торца и Кривого Торца (Карт. Екатерин. Губ., изд. Воен. Топ. Отд. Главн. Штаба, № 61-й). Устья Сух. Торца, названныя въ Большомъ Чертежѣ Сальницей, заключаются въ г. Славянскѣ и окружены солеными грязями и озерами, славящимися цѣлебными свойствами. Въ XVII вѣкѣ здѣсь были 4 значительныя соляныя озера, изъ которыхъ каждое носило отдѣльное названіе (Сухое, Торское, Моянное и Каяслеби: Геогр. Лекс. Гос. Рос., Ѳед. Полунина, М. 1773 г., стр. 396). Разстояніе отъ устьевъ Оскола, откуда началось движеніе Игоря 2-го мая до береговъ Сальницы — Сухаго Торца—maximum 25 верстъ, которое какъ разъ составляетъ дневной переходъ коннаго отряда.

Если такимъ образомъ Сальница лѣтописи—Сухой Торецъ, на что указывалъ еще Татищевъ въ вопросѣ о походѣ Мономаха 1111 г. и съ чѣмъ согласенъ авторъ „Географіи начальной лѣтописи“, то Сюурлій естественно долженъ быть принятъ за Торъ. Послѣднее можно бы вывести прямо изъ критики лѣтописныхъ извѣстій: въ томъ же Ипатьевскомъ спискѣ говорится, что Игорь во время бѣгства долженъ былъ перебраться за р. Торъ, гдѣ для него былъ приготовленъ конь. Кочевье Половцевъ, у которыхъ томился Игорь въ плѣну, было такимъ образомъ расположено у береговъ Тора. Здѣсь естественно представляется вопросъ: остались-ли кочевать тѣ Половцы, которые побѣдили Игоря 5 мая, на мѣстѣ своей побѣды?

Обыкновенно придонскіе Половцы свои зимовища располагали у устьевъ Дона, по сѣвернымъ и юговосточнымъ берегамъ Азовскаго моря. Весной они постепенно подвигались къ сѣверу, а когда наступающіе съ мая мѣсяца жары уничтожаютъ въ этихъ мѣстахъ растительность, ихъ кочевья подходили къ самымъ предѣламъ Сѣверской области, къ верховьямъ Псла, Сулы и Ворсклы. То обстоятельство, что разбитые 3 мая въ пятницу Половцы могли собрать такъ скоро сильную дружину (Късакъ, Кончакъ, Етебичъ, Токсобичъ, Колобичъ и Терьтробичъ), которая притомъ могла подоспѣть въ *одну* ночь (съ пятницы на субботу—съ 3-го на 4-е мая), и объясняется тѣмъ, что ихъ орды были уже на пути къ мѣсту своихъ лѣтовищъ.

Какъ извѣстно, послѣ побѣды надъ Игоремъ 5-го мая одинъ отрядъ Половцевъ подъ начальствомъ Късака пошелъ на Сѣверъ, въ Посемье, другой, подъ начальствомъ Кончака, на западъ—къ Переяславлю. Они должны были оставить свои кибитки—вѣжи кочевать въ удобной мѣстности, а таковою могли служить берега Сюурлія—Тора, какъ это видно изъ того, что уже 3-го мая Игорь встрѣтилъ здѣсь Половецкое кочевье. Здѣсь же должны были оставаться и русскіе плѣнники. Такимъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что Игорь сносилъ свой плѣнъ у Сюурлія-Тора, притомъ—*близъ мѣста постигшаго его несчастія.* Далѣе, припомню, что лѣтописцы умалчиваютъ о переправѣ Игоря чрезъ какую-нибудь рѣку при кратковременномъ движеніи его къ югу отъ береговъ Сюурлія — въ

субботу, 4-го мая; напротивъ, положительно свидѣтельствуютъ (Ипат. и Лавр.), что во время отступленія Русскіе томились безводьемъ, что и само отступленіе имѣло цѣлью достигнуть воды. Это отступленіе, какъ показано было выше, совершалось обратнымъ путемъ—къ сѣверу, къ берегамъ Сюурлія. Если же при движеніи 4-го мая къ югу съ береговъ этой рѣки Игорь не встрѣтилъ никакой другой, то и при обратномъ движеніи онъ могъ очутиться только опять на берегахъ Сюурлія-Тора.

Эти соображенія позволяютъ мнѣ предположить, что здѣсь-то пали Игоревы стяги утромъ 5-го мая, и что Сюурлій-Торъ и „Каяла"—названія одной и той же рѣки.

Корня перваго названія я положительно не знаю; быть можетъ онъ и русскій, именно тотъ, который заключается въ словахъ *тор*-ный и про-*тор*-ить, и который выражаетъ понятіе движенія. Корень втораго заключается въ татарскомъ языкѣ (П. Бутковъ. Вѣстникъ Европы 1821 г., ч. CXXI, № 21, въ примѣчаніяхъ), гдѣ *су*—значитъ *вода;* впрочемъ и арійскій корень sur или sṛu означаетъ (свѣтить, блестѣть, литься)—*течь*. Такимъ образомъ выходило бы, что „Сюурлій" есть половецкій переводъ „Тора".

Что касается третьяго названія этой рѣки—„Каяла", то оно одного корня съ *кая-ти*—осуждать, судить, и никогда не существовало какъ названіе географическое: оно всецѣло принадлежитъ поэтической изобрѣтательности пѣвца „Слова".

Многочисленныя явленія природы предостерегали Игоря, сами воины его предупреждали объ опасности, но онъ не внималъ ни голосу неба, ни совѣтамъ разсудка; онъ, кромѣ того, утаился своего старшаго родича, которому долженъ былъ повиноваться, и съ упрямствомъ продолжалъ углубляться въ степи. По современному міросозерцанію, такъ полно и ясно выраженному въ „Словѣ", начатое при такихъ обстоятельствахъ дѣло не могло кончиться удачей. А когда на берегахъ Тора Игорь дѣйствительно потерпѣлъ страшное пораженіе, то, по тому же міросозерцанію, оно было карой небесной, судомъ Божіимъ, или, какъ объяснялъ свое несчастіе и самъ Игорь (Ипат. лѣт.), „отместьемъ отъ Господа"...

Въ этомъ смыслѣ и рѣка, гдѣ совершился этотъ судъ, въ поэтическомъ языкѣ пѣвца „Слова" получила названіе Каялы—рѣки суда и осужденія...

„Каяла" такимъ образомъ названіе не географическое, оно изобрѣтено художникомъ-пѣвцомъ „Слова", и мы напрасно стали бы искать его по созвучію въ географическихъ современныхъ намъ названіяхъ рѣкъ. Мое объясненіе этого названія имѣетъ основаніе и въ томъ обстоятельствѣ, что въ другомъ мѣстѣ „Слова" (первое изданіе Тихонравова, 1866 г., стр. 5) рѣка Сожь, у которой были убиты въ 1078 г. Изяславъ Ярославичъ и Борисъ Вячеславичъ, „за *обиду* Ольгову", названа такимъ же именемъ: „съ тоя же (т. е. съ такой же, съ подобной) Каялы"... говоритъ о Сожи пѣвецъ „Слова".

Изъ „Слова" же это названіе занесено и въ Ипатьевскую лѣтопись, гдѣ оно встрѣчается всего одинъ разъ, и авторъ разсказа которой какъ будто бы старается объяснить

его значеніе: послѣ словъ „наведе на ня Господь гнѣвъ свой... на рѣцѣ Каялы“ — слѣдуетъ обширная вставка, гдѣ Игорь предается самоосужденію и которая начинается изъяснительно: „рече бо дѣи Игорь“...

Въ заключеніе своей замѣтки приведу нѣсколько словъ изъ маленькой, но прекрасной статьи академика Я. Грота: „О топографическихъ названіяхъ вообще“. Авторъ этой статьи говоритъ: „Топографическое имя почти никогда не бываетъ случайнымъ и лишеннымъ значенія. Въ немъ по большей части выражается или какой нибудь *признакъ* самаго урочища, или *характеристическая черта* мѣстности, или намекъ на *происхожденіе* предмета, или, наконецъ, какое нибудь *обстоятельство, болѣе или менѣе любопытное* для ума и воображенія“.

Эти положенія одинаково приложимы и къ Сальницѣ (Сухому Торцу), почва бассейна которой пропитана солью, и къ Тору (Сюурлію), едва пробирающемуся по низкой, болотистой равнинѣ.

Что же касается доказываемаго мною, что пѣвецъ „Слова“ изобрѣлъ названіе „Каяла“, то примѣры подобной изобрѣтательности мы находимъ у Даніила Заточника, который Переяславль называетъ Гореславлемъ, и у пѣвца „Слова“, гдѣ Олегъ Святославичъ названъ Гориславичемъ (отъ горя, которое переносилъ онъ лишившись удѣла, или которое причиняли другимъ его междоусобія).

Такимъ образомъ, на основаніи всего вышеизложенннаго можно полагать, что кровавая драма 5-го мая разыгралась на относительно маломъ пространствѣ, именно въ треугольникѣ, образуемомъ сліяніемъ Тора и Донца: что не Кагальникъ или Кальміусъ, а Сюурлій-Торъ сдѣлался для Руси рѣкой Ка̀ялой, и что здѣсь, у устьевъ Сухого Торца, при одномъ изъ соляныхъ озеръ, палъ послѣднимъ буй-туръ Всеволодъ!

О происхожденіи названія Лядскихъ воротъ въ Кіевѣ.

Рефератъ **П. О. Юрченко.**

Кажется, что первый г. Закревскій въ своемъ сочиненіи: „Лѣтопись города Кіева" (Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древности Россійскихъ 1858 г., книга 2, стр. 156) замѣтилъ: „*Лядскія или Польскія врата*". Позже встрѣчаемъ у нѣкоторыхъ историковъ это сопоставленіе, что Лядскія ворота суть польскія. С. М. Соловьевъ (Исторія Россіи, т. 3-й, изд. 3-е, 1872 г., стр. 36) говоритъ, что „они (ворота) носили названія *по тѣмъ частямъ города,* къ которымъ прилегали, *по ихъ народонаселенію,* напр. въ Кіевѣ были ворота Жидовскія, Лядскія"... Здѣсь причину наименованія воротъ Лядскими онъ именно видитъ въ населеніи, а не въ мѣстности, потому что далѣе (стр. 39), говоритъ, что „Лядскія ворота въ Кіевѣ указываютъ на *Польскій кварталъ или улицу*". При этомъ ниже почтенный историкъ видимо желаетъ связать названіе воротъ польскими съ пребываніемъ Поляковъ въ Кіевѣ для торговли. Между прочимъ онъ замѣчаетъ: „иноземное народонаселеніе жило въ *торговыхъ* городахъ, преимущественно въ Кіевѣ"... Нигдѣ онъ не исключаетъ Поляковъ изъ среды торговцевъ.

Покойный И. Д. Бѣляевъ въ своихъ „Разсказахъ изъ Русской Исторіи" (т. 1-й, стр. 56) утверждаетъ: „здѣсь (въ Кіевѣ) появились *слободы* или *улицы* изъ иноплеменниковъ, *торговавшихъ* чрезъ Кіевъ, таковы Хозарская или Жидовская, Лятьская улица". До этихъ указаній, взятыхъ для примѣра, раньше я не прослѣдилъ этого сопоставленія Лядскихъ воротъ съ Поляками, жившими около нихъ въ слободѣ или улицѣ для торговли. Но, сколько я помню, предшественники упомянутыхъ писателей не говорятъ о торговлѣ Поляковъ въ Кіевѣ.

Карамзинъ въ своей „Исторіи Россійскаго Государства" (т. 3-й, изд. 1816 г., стр. 201 и т. 4-й, стр. 12, прим. 8, изд. 1817), перечисляя всѣ народы, жившіе въ Кіевѣ, нигдѣ не переходитъ отъ названія воротъ „Лятскими" къ пребыванію возлѣ нихъ Поляковъ. Что касается современниковъ, то довольно сказать, что покойный Устряловъ, М. П. Погодинъ, Н. И. Костомаровъ, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ не находятъ Поляковъ въ Кіевѣ.

Я всматривался въ извѣстія лѣтописей и иностранныхъ писателей и не нашелъ нигдѣ упоминаній о томъ, что Поляки торговали въ Кіевѣ.

Но, помимо прямыхъ указаній, наука о древностяхъ вправѣ воспользоваться наведеніемъ. Это же послѣднее противъ упомянутыхъ историковъ. Въ другой разъ я позволю себѣ поговорить подробнѣе о связяхъ бассейна Вислы съ южной Русью. Въ настоящую минуту замѣчу только, что Поляки рано тянули къ западу, къ морю Балтійскому, что они никогда не были торговымъ народомъ, чуждались этого рода занятій, предоставивъ торговлю Ганзейцамъ или Евреямъ. Посредники ихъ въ этомъ дѣлѣ сносились съ Византіей еще задолго до прихода Татаръ бассейномъ Днѣстра и другихъ прилегающихъ къ нему рѣкъ, предпочитая послѣдній путь далекому обходу по Припети и Днѣпру.

Остается филологическій пріемъ, которымъ, вѣроятно, и воспользовались упомянутые историки. Въ этомъ случаѣ главную роль играетъ названіе воротъ „Лядскими". Послѣднее прилагательное тожественно со словомъ ляшскій, т. е. польскій. Въ такомъ смыслѣ это слово очень часто употребляется въ лѣтописи, напр. подъ 1030, 1031, 1145, 1146 и другими годами (Нестора лѣтоп., П. С. Р. Л. II, 21 и др.). Но вотъ вопросъ: названы ли эти ворота такъ потому, что возлѣ нихъ жили Поляки, или же по другой причинѣ, по которой и сами Поляки носили имя Ляховъ? Если ворота получили названіе отъ Поляковъ, живщихъ, какъ утверждаютъ С. М. Соловьевъ и И. Бѣляевъ, для торговли, то является маленькое недоразумѣніе, именно: почему они избрали такое неудобное для поселенія мѣсто? Руководствуясь „Лѣтописью" г. Закревскаго и планомъ, взятымъ изъ нея же въ атласъ г. Замысловскаго, и провѣряя показанія ихъ по лѣтописи Нестора и его продолжателей, мы находимъ, что дѣйствительно ворота Лядскія лежали на южной сторонѣ Кіева, именно „горы" и къ западу отъ „града". Къ этимъ воротамъ, съ южной стороны прилегали дебри, которыя простирались на югъ и юго-востокъ; къ западу и юго-западу прилегали сады и огороды; за дебрями, къ югу же, лежали пески, за послѣдними расположено было „перевѣсище". Изъ этихъ воротъ на югъ шла дорога въ „Печерскъ". Съ внутренней стороны къ занимающимъ насъ воротамъ примыкала площадь, отъ которой шли три улицы. Одна вела въ „градъ"; другая черезъ Златыя ворота переходила на дорогу въ Василевъ; а третья, прямая, чрезъ „гору" и ворота „Жидовскія" шла на Бѣлградъ въ Галицію. Мнѣ кажется, что здѣсь трудно было жить Полякамъ, т. е. латинамъ. Я думаю, что если допустить въ Кіевѣ Поляковъ-торговцевъ, то имъ безопаснѣе и удобнѣе было поселиться ближе къ рѣкѣ и дорогѣ, ведущей въ ихъ страну, изъ которой шли товары и подальше отъ святынь великокняжеской столицы, напр. на Подолѣ. Тамъ, гдѣ поселяютъ ихъ историки, можно было жить только плѣннымъ и заключеннымъ, а не свободнымъ иностранцамъ.

Обращу теперь, послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній, ваше вниманіе на значеніе слова „лядскій", встрѣчающееся у лѣтописца подъ 1151 и 1240 годами. Я не

обинуясь готовъ примѣнить объясненіе профессора Лавровскаго, составленное на основаніи указаній г. Микуцкаго (Мнѣніе о происхожденіи и коренномъ значеніи названія „ляхъ“. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1870 г., кн. 3). Въ этомъ объясненіи онъ говоритъ, что въ словѣ ляхъ *хъ* есть окончаніе, какъ уже замѣтилъ Шафарикъ (Сл. Др. 1847 года, т. 2-й, книга 2-я, стр. 194), существительнаго для обозначенія лица, а корень этого слова есть **ЛѦ**. Этотъ корень онъ прослѣдилъ въ языкѣ польскомъ, полабскомъ, румынскомъ, латышскомъ, скандинавскомъ, санскритскомъ. Для насъ важно преимущественно то, что представители этого корня сказываются въ современномъ польскомъ языкѣ и въ особенности русскомъ просторѣчіи (лядыкъ, ляцкій, ленде, люндо, линдинъ, лид, лидиманъ, linda, likh=лѣха). По словарю Даля, существительное, отъ котораго произведено прилагательное лядскій, до сихъ поръ живетъ въ русскомъ простонародномъ языкѣ (ля́да, лядá, ляди́на, ляши́на). Упомянутый нами корень **ЛѦ** послужилъ къ образованію также слова, которое обратилось въ собственное для обозначенія народа привислянскаго у Русскихъ, Поляковъ, Сербовъ, Мадьяръ, Литовцевъ (ляхъ, лехъ, лѣхъ, ляшкій, лендьелъ, линкасъ, ленкасъ, лянкасъ). Слова отъ этого корня у разныхъ народовъ служили для обозначенія расчищеннаго поля, а потомъ стали употребляться для обозначенія людей, занимавшихъ эти починки, затѣмъ стали означать владѣтелей земли, дворянъ (ср. нѣмец. Edelmann). Но такъ какъ это слово до сихъ поръ живетъ у простаго народа, то можно допустить, что вѣковъ 9 тому назадъ оно было общимъ. Г. Микуцкій въ Словарѣ Даля указываетъ на слова ля́да, лядá, ляди́на (запад. сѣвер.), лядо (ворон. курск.), ляшина (владимір.), которыя обозначаютъ росчисть, починокъ, насѣку, кулигу, пустошь, заросль, покинутую и заросшую лѣсомъ землю и пр. Таково же значеніе этого слова и въ другихъ, указанныхъ мною языкахъ. Конечно, мѣстность, обнаженную отъ лѣса, подъ Кіевомъ, естественно было назвать русскимъ словомъ ля́да, а ворота, прилегающія къ ней лядскими. И въ самомъ дѣлѣ, прислушайтесь, что говоритъ лѣтописецъ при описаніи осады Кіева Батыемъ, подъ 1240 годомъ: „Постави же Баты пороки городу подлѣ вратъ *Лядьскыхъ, ту бо бяху пришли дебри*“. Послѣднія слова я прямо отношу какъ объясненіе къ слову „лядьскыи“. Конечно, возлѣ дебрей неудобно вести осаду, а потому, какъ я полагаю, не постановку пороковъ хотѣлъ объяснить лѣтописецъ. Выбралъ же ихъ Батый какъ первый, сколько нибудь сносный пунктъ, переправившись чрезъ р. Днѣпръ ниже Кіева и двигаясь къ сѣверу по направленію къ городу.

Опытъ объясненія одного темнаго мѣста въ сказаніяхъ Геродота о древней Скиѳіи.

Рефератъ **П. О. Бурачкова.**

Въ одно изъ предъидущихъ засѣданій Археологическаго Съѣзда почтенный нашъ сочленъ И. Е. Забѣлинъ указалъ на ошибку ученыхъ при объясненіи разсказовъ Страбона о мѣстоположеніи Сатирова памятника на Босфорѣ и о теченіи рѣки Кубани.

Проведши нѣсколько лѣтъ на Таманскомъ полуостровѣ и повѣряя сказанія Страбона на мѣстѣ, г. Забѣлинъ пришелъ къ заключенію, единогласно принятому на Съѣздѣ, что мнѣніе ученыхъ объ измѣненіи теченія р. Кубани не имѣетъ основанія.

Слѣдуя примѣру г. Забѣлина, я смѣю указать еще на одинъ памятникъ, завѣщанный намъ древностію, а именно на храмъ Димитры въ окрестностяхъ Ольвіи.

Неизвѣстно почему ученые наши усвоили мнѣніе, что храмъ этотъ находился на лѣвой сторонѣ теперешняго Буга, тамъ гдѣ мѣстечко Станиславъ. Ложное убѣжденіе это основывалось на томъ, что Станиславъ представляетъ мысъ, имѣющій будто бы видъ корабельнаго носа и находится при сліяніи Буга (Гипаниса) съ Днѣпромъ, согласно повѣствованію Геродота, сказавшаго, что храмъ Димитры былъ построенъ на мысу супротивъ Ольвіи. Но позвольте замѣтить, что Станиславъ находится не супротивъ Ольвіи или торжища Борисѳенитовъ, а въ 30 верстахъ отъ него по діоганали, и будучи едва замѣтенъ, не представляетъ для плывущаго къ Ольвіи, или наблюдающему изъ нея, вида корабельнаго носа. Второе: какая надобность могла заставить Ольвіополитовъ строить храмъ свой за 30 верстъ отъ мѣста своего жительства въ странѣ варварской и содержать тамъ жрецовъ? Третье: какимъ образомъ объяснить себѣ противурѣчіе Геродота, сказавшаго ясно и опредѣлительно, что торжище Борисѳенитовъ находилось при Борисѳенѣ, текущемъ съ сѣвера, а не при Бугѣ?

Не желая утомлять вниманіе ваше подробнѣйшими соображеніями, я ограничиваюсь здѣсь указаніемъ, что впереди вверхъ по теченію Буга за Ольвіею въ двухъ верстахъ разстоянія находится другой мысъ, называемый Воложскою косою. Онъ какъ для плы-

вущаго къ Ольвіи, такъ и для наблюдающаго изъ нея представляетъ дѣйствительно подобіе корабельнаго носа и находится насупротивъ Ольвіи. Гдѣ же, какъ не здѣсь, т. е. при сліяніи Геродотова Борисѳена, при которомъ, по его мнѣнію, находилась Ольвія, и Гипаниса изливающагося съ нимъ въ одну заводь, приличнѣе было находиться храму Димитры, покровительницы города?

Совершенно справедливо, что въ настоящее время Воложская коса не представляетъ мѣста, удобнаго для существованія храма; но не могло ли и здѣсь повториться того же самаго, что произошло на Босфорѣ съ памятникомъ Сатира, т. е. что онъ покрылся водою? Насупротивъ Воложской косы образовалась коса другая, именуемая Русскою, слѣдовательно и сама природа указываетъ, что здѣсь могла произойти физическая перемѣна.

При началѣ Воложской косы найдено было священникомъ села Парутино пять патеръ, изъ нихъ три хранятся въ Одесскомъ музеумѣ и двѣ въ моемъ собраніи вмѣстѣ съ обломкомъ отъ капища, на которомъ изображено лице Димитры. Что же касается до Станиславскаго мыса, то здѣсь не только не было найдено чего либо подобнаго, но и самыя монеты находятся весьма рѣдко. При этомъ Станиславъ есть мѣсто, доступное только для рыбачьихъ лодокъ. Извѣстіе о нахожденіи здѣсь расписныхъ греческихъ вазъ, сообщаемое нашимъ почтеннымъ предсѣдателемъ въ своемъ классическомъ описаніи древностей Припонтійскихъ, едва-ли справедливо.

Оправданіе предположенія моего о мѣстѣ нахожденія храма Димитры на Воложской косѣ я желаю видѣть у самого Геродота, показавшаго, что отъ Ольвіи вверхъ по теченію Гипаниса находились святые пути, происхожденіе которыхъ мы не можемъ объяснить иначе, какъ мѣстомъ нахожденія ихъ за святымъ мѣстомъ или по дорогѣ, ведущей къ нему, т. е. къ храму Димитры.

Если мнѣніе мое о мѣстѣ нахожденія храма Димитры и Гипполаева мыса на правой сторонѣ Буга найдетъ поддержку въ средѣ ученыхъ, тогда смѣю думать, что ключь къ разгадкѣ многихъ изъ темныхъ мѣстъ въ сказаніяхъ Геродота о Скиѳіи будетъ найденъ. По крайней мѣрѣ мы убѣдимся, что Геродотъ, распредѣляя ближайшихъ сосѣдей Ольвіи по положенію относительно солнца, употреблялъ не тотъ компасъ, на который мы смотримъ теперь, повѣряя его сказанія. Геродотъ ясно сказалъ, упоминая о Каллипидахъ, Алазонахъ и проч.: „вотъ народы, обитающіе на западъ отъ Борисѳена, т. е. по долинѣ Гипаниса“, слѣдовательно онъ считалъ востокомъ не Станиславскій, т. е. Херсонскій берегъ, но Таврическій къ сторонѣ моря, такъ какъ онъ говоритъ, что Борисѳенъ течетъ съ сѣвера.

Преданія и суевѣрныя сказанія о кладахъ, какъ данныя къ вопросу объ археологической топографіи Гадячскаго уѣзда (Полтавской губерніи).

Рефератъ **П. С. Иващенко.**

При археологическихъ изслѣдованіяхъ подпочвы, безспорно самыми надежными указаніями служатъ письменныя и предметныя свидѣтельства о событіяхъ и явленіяхъ прошлаго, дающія ручательство, что предпринятыя изслѣдованія не останутся безплодными. Но кромѣ документальныхъ, такъ сказать, свидѣтельствъ, археологическому дѣлу могло бы служить посильную службу и устное народное слово. Не всѣ жизненныя явленія прошлаго времени засвидѣтельствованы исторіею и искусствомъ: многія изъ нихъ сдѣлались только предметомъ народнаго вниманія и устныхъ разсказовъ о нихъ, сохранившихся до нашихъ дней то въ видѣ преданій, то суевѣрныхъ сказаній. Преданія и сказанія о кладахъ особенно занимаютъ народную мысль и фантазію. Самыя *сказанія возникаютъ,* какъ сейчасъ увидимъ, *на почвѣ свѣжо-сохранившихся преданій,* близящихся къ фактамъ историческимъ. Мнѣ пришлось записать 15 сказаній названнаго рода о кладахъ на небольшомъ пространствѣ Гадячскаго уѣзда, которыя и предлагаю вниманію гг. членовъ Археологическаго Съѣзда вмѣстѣ съ тою мыслію, что такими и подобными имъ данными можно бы, по моему мнѣнію, пользоваться при археологическихъ изслѣдованіяхъ и описаніяхъ мѣстностей.

Я замѣтилъ, что суевѣрныя сказанія возникаютъ на почвѣ свѣжо-сохранившихся преданій; въ подтвержденіе этой мысли привожу сообщеніе о кладѣ, помѣщаемомъ около с. *Русановки,* въ лѣсу *Груньки,* принадлежащемъ землевладѣльцу П. И. Шкларевичу. Прежняя владѣлица лѣса, уже умершая помѣщица Сытенская, разсказывала нынѣшнему владѣльцу, со словъ старыхъ людей, что въ томъ лѣсу хоронили свое имущество окрестные жители во времена татарскихъ набѣговъ. Для помѣщенія имущества устроенъ былъ подъ горою *ліохъ* (подвалъ), двери отъ коего были выкопаны при Сытенской. Раскопокъ

она не дѣлала, боясь *наложить головою* (умереть). Нынѣшній владѣлецъ убѣжденъ, что въ указанномъ мѣстѣ дѣйствительно есть *лiохъ* и въ немъ кладъ, но самъ не рѣшается произвести раскопки. Говорятъ, что при ударахъ въ землю въ томъ мѣстѣ, гдѣ указываютъ *лiохъ*, слышенъ гулъ, свидѣтельствующій о подземной пустотѣ. Преданіе объ этомъ кладѣ общеизвѣстно въ окрестностяхъ указаннаго селенія.

Но рядомъ съ нимъ ходятъ между поселянами уже цѣлыя суевѣрныя сказанія о тамошнемъ кладѣ. Между ними есть такіе люди, которые, по заключенію мѣстнаго священника, готовы подъ присягой показать, что видѣли на мѣстѣ клада и *свѣчи*, и *дѣда*, и *бѣлую лошадь* и т. п. чудесныя знаменія кладовъ.

Изъ приведеннаго сообщенія о кладѣ видно, какъ легко народное воображеніе надѣляетъ чудесными аттрибутами то, что въ основѣ своей не противорѣчитъ исторіи мѣстной и о чемъ еще такъ живо сохраняется народное, даже болѣе, фамильно-землевладѣльческое преданіе.

Другія преданія и сказанія о кладахъ, числомъ 14, относятся народною памятью то ко временамъ борьбы съ Татарами и со Шведами, то просто къ разбойной дѣятельности извѣстныхъ или неизвѣстныхъ лицъ въ данной мѣстности, то къ исторически извѣстнымъ лицамъ; есть, наконецъ, такія преданія, основа которыхъ затемнена совершенно въ народномъ сознаніи.

Вотъ простой перечень ихъ.

1) На границѣ Гадячскаго уѣзда Полтавской губерніи съ Лебедянскимъ уѣздомъ Харьковской, около с. *Каменнаго* (по южно-русски Камьяне) есть пещеры съ большимъ входомъ. По преданію, въ нихъ прятались мѣстные жители съ имуществомъ своимъ во времена татарскихъ набѣговъ.

2) Около с. *Борокъ* (Бірки), въ урочищѣ *Матвіивщина*, въ *черномъ* лѣсу, въ *лiохахъ* (подвалахъ) спрятано имущество въ ожиданіи Шведовъ. Такъ разсказывалъ объ этомъ старый запорожецъ лѣтъ 50 тому назадъ.

3) Около с. *Русановки*, у *Робленихъ могилъ*, въ лѣсу, принадлежащемъ землевладѣльцу Рохубовскому, преданіе помѣщаетъ клады извѣстнаго своею разбойною дѣятельностію Горкуши, находившагося здѣсь въ началѣ 18 вѣка.

4) Около с. *Беева* есть лѣсокъ *Беевецъ*, въ которомъ, по преданію, жили разбойники и оставили послѣ себя клады.

5) Въ с. *Подставкахъ*, на мѣстѣ бывшей усадьбы А. А. Ставицкаго, уже умершаго, по словамъ преданія, сообщеннаго мнѣ образованнымъ землевладѣльцемъ Е. К. Бодиско, зарытъ кладъ Полуботкомъ.

6) Около с. *Ручекъ*, въ хуторѣ *Яковницѣ*, указываютъ кладъ-деньги, зарытыя подлѣ одного изъ погребовъ бывшею владѣлицею этой мѣстности. Фамильное преданіе говоритъ

объ этомъ какъ фактѣ несомнѣнномъ: а въ народѣ ходитъ сказаніе, что тамъ не разъ уже являлась горящая свѣча, какъ знаменіе клада.

7) Около *Борокъ*, въ *Слободкѣ*, на мѣстѣ *стараго* дома помѣщика Черныша, указываютъ кладъ. Въ 1842 году, приблизительно, производилъ на этомъ мѣстѣ раскопки профессоръ Грановскій вмѣстѣ съ Е. К. Бодиско. Нашли четырехугольное основаніе зданія, обломки столоваго сервиза и кафли и только.

8) Въ с. *Липовой Долинѣ*, по почтовой дорогѣ къ г. Ромны, съ лѣвой стороны, въ глиняномъ утесѣ открылось въ 1873 году отверстіе, ведущее въ глубь пещеръ, гдѣ примѣтны были какіе-то предметы. Отверстіе закрыто по распоряженію мѣстной администраціи.

9) Подлѣ *Массоковской* почтовой станціи, по почтовому тракту изъ г. Гадяча въ Зѣньковъ и Полтаву, говорятъ, есть кладъ.

10) Около с. *Разбишевки*, въ лѣсу, именуемомъ *Городище*, гдѣ, по преданію, былъ городъ, который неизвѣстно когда и вслѣдствіе какихъ причинъ прекратилъ свое существованіе, указываютъ кладъ. Лѣтъ 30 тому назадъ въ этомъ мѣстѣ отыскали рогъ какого-то необыкновеннаго животнаго. Рогъ имѣлъ въ длину 3 или 4 аршина, а вѣсилъ 3 пуда. Говорятъ, что рогъ этотъ доставленъ по начальству.

11) Около *Кіммічки*, въ *Молоденькомъ* лѣсу, преданіе помѣщаетъ кладъ — *гроши* (деньги). Разсказываютъ, что дѣвушкамъ, половшимъ ниву у ярка, явилась шкатулка съ деньгами; но когда, по перенесеніи дѣвушками этой шкатулки въ садъ одной изъ нихъ, онѣ отправились сказать объ этомъ своимъ матерямъ, кладъ скрылся.

12) Возлѣ с. *Берестовки*, въ лѣсу *Довжку*, говорятъ, есть *ліохъ*, происхожденіе котораго неизвѣстно. Лѣтъ 20 тому назадъ указывали на два дуба, стоявшіе будто бы у дверей этого *ліоху*. Одинъ изъ управляющихъ графа Строганова искалъ тамъ клада, но ничего не нашелъ.

13) Подлѣ с. *Свачои*, по пути въ Берестовку, въ $1/2$ верстѣ отъ *Чирвиного* хутора есть *Хуренки могилы* и въ нихъ кладъ. Въ ночь Великаго Воскресенія горитъ тамъ свѣча.

14) Около Русановки, въ урочищѣ *Шировщина*, за *Фощаной*, у *Вырвыхвоста* въ *Григоровомъ* лѣсу, есть чудесные клады: они являются въ видѣ горящихъ свѣчей, старыхъ-престарыхъ дѣдовъ и бѣлыхъ коней; но даются только *счастливцу*, какъ и всѣ вообще чудесные клады, по исполненіи времени произнесеннаго надъ ними заклятія. Тогда стоитъ свѣчу потушить, старику утереть носъ, коня взять подъ уздцы — и все это превратится въ *гроши*; это значитъ, что кладъ дастся самъ собой.

Вотъ тѣ немногія преданія и сказанія, которыя привели меня къ высказанной мною въ началѣ сообщенія мысли.

БОЛОХОВСКАЯ ЗЕМЛЯ И ЕЯ ЗНАЧЕНІЕ ВЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

Рефератъ **Н. П. Дашкевича.**

Изъ подготовительныхъ работъ къ созданію полной и обстоятельной картины прошлаго Русской земли, немалая часть должна придтись на долю исторической географіи, которая, на ряду съ множествомъ мелкихъ вопросовъ относительно отдѣльныхъ мѣстностей второстепенной важности, ставитъ и болѣе крупныя задачи.

Возьмемъ, напримѣръ, южнорусскую землю въ до-монгольскій періодъ. Опредѣленъ-ли *точно*, а не *гадательно* ея рубежъ со стороны Венгріи [1]) и отчасти со стороны Польши? Знаемъ-ли мы, какъ слѣдуетъ, разновременныя границы славяно-русскихъ племенъ и затѣмъ галицкихъ владѣній въ земляхъ, прилегавшихъ къ Черному морю и Дунаю?

Мало того: многое темно и въ мѣстностяхъ ближайшихъ къ тогдашнимъ центрамъ Русской земли.

Мелькнувшая какъ-то неясно въ южнорусской лѣтописи XII и XIII-го стол. Болоховская земля, по отзывамъ авторитетныхъ историковъ [2]), все еще остается загадочною, какъ по мѣстоположенію ея, такъ и по происхожденію ея князей.

Единственный источникъ, сказавшій намъ о ней, т. е. названная нами лѣтопись [3]),

[1]) Указанія г. Барсова на счетъ этого, чтобы быть принятыми въ наукѣ, нуждаются въ болѣе обстоятельныхъ основахъ.

[2]) К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, „Русская исторія“, томъ I; Н. И. Костомаровъ, „Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей“, 1 отд., вып. I (С.Пб. 1873), стр. 134. Тоже и у Зубрицкаго: „Исторія древняго Галичеко-русскаго княжества“, I (Львовъ 1852 г.), стр. 62.

[3]) Въ другихъ современныхъ лѣтописяхъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, и въ

къ счастію, не оставилъ насъ въ полной безпомощности и не только опредѣлилъ, хотя не совсѣмъ прямо и явственно для перваго взгляда, мѣстоположеніе ея вообще [4]), но на-

описаніяхъ путешествій того времени, о ней нѣтъ ни слова. Не упоминаютъ о ней и польскіе анналы XIII стол. (мы просмотрѣли ихъ по изданію Бѣлёвскаго—въ «Monum. Pol. historica», t. II, Lwów, 1872 —и Соммерсберга — въ «Silesiacarum rerum scriptores», t. II, Lipsiae, 1730), хотя Болоховскіе князья, по извѣстію нашей лѣтописи, пришли однажды въ непріязненное столкновеніе и съ Мазовіею (Ипатскій списокъ по изданію 1871 года, стр. 527). Оно случилось не позже 1243 г., потому что лѣтопись сообщаетъ о немъ при описаніи событій, имѣвшихъ мѣсто предъ возвращеніемъ Татаръ изъ похода на Западъ, а также и не непосредственно предъ этими событіями: начиная повѣствованіе о Болоховскихъ князьяхъ, лѣтопись выражается: „Онѣм(ъ) же одинако не помнящимъ добродѣанья ...“ Вѣроятно, это было послѣ 1234 г., когда Болоховскіе князья, принявшіе сторону Черниговскихъ, были захвачены въ плѣнъ Даніиловыми войсками: лѣтописецъ уже при описаніи этого послѣдняго событія упомянулъ бы о неблагодарности Болоховскихъ князей, на которую намекаетъ подъ 1241 г., еслибы они дали передъ тѣмъ обѣщаніе повиноваться Даніилу, но онъ этого не дѣлаетъ. Старанія Михаила Черниговскаго объ освобожденіи Болоховскихъ князей не только не увѣнчались успѣхомъ, но повлекли за собою рядъ потерь для него. И если Болоховскіе князья не тогда, а въ другое какое-то время дали обѣщаніе признавать Даніилову власть, то, очевидно, имъ удалось въ первомъ случаѣ уйти отъ него безъ подобныхъ условій. — Г. Соловьевъ предполагаетъ („Ист. Россіи“, III, стр. 211—212 по изд. 1862 г.), что все это случилось, „когда Даніилъ жилъ въ Вышгородѣ у Болеслава Мазовецкаго; князья Болоховскіе прибѣжали также въ Польшу отъ Татаръ; но Болеславъ не хотѣлъ принимать ихъ, а хотѣлъ ограбить. . . . .“ Этого нельзя сказать, вникнувъ поглубже въ лѣтопись. Болоховскіе князья не могли бѣжать отъ Татаръ во время опустошенія южной Руси; они должны были войти въ упоминаемое лѣтописью соглашеніе съ Татарами еще до прохода послѣднихъ мимо Болоховской земли, которая осталась цѣла. Не думаемъ также, чтобы Даніилъ и Василько, жившіе съ малою только дружиною у гостепріимно обошедшагося съ ними Болеслава (Ип., 523), могли рѣшиться на брань съ нимъ изъ-за своихъ враговъ. — Разсказъ нашей лѣтописи о вторженіи Болоховцевъ во владѣнія Болеслава Мазовецкаго довольно неясенъ. Не видно, во 1-хъ, причины этого нападенія: вторгнулись-ли Болохолскіе князья въ Мазовію, чтобы отомстить грабежемъ Даніилову союзнику, или же, какъ думалъ Карамзинъ (IV, прим. 20), они хотѣли овладѣть частью этой области? Допустить первое едвали позволятъ слова Болеслава, который, желая посуровѣе съ ними расправиться, не поставлялъ Даніилу на видъ, что Болоховскіе князья были общіе ихъ враги, а ссылался только на неподвѣдомственность ихъ Даніилу (значитъ, послѣднему нечего заступаться за нихъ). Напротивъ, одно выраженіе Болеслава („почто суть вошли *во землю мою, яко не вдахъ имъ?*“) благопріятствуетъ догадкѣ Карамзина. Не бѣжали ли Болоховцы, заслышавъ о Татарахъ, когда тѣ были на той еще сторонѣ Днѣпра, и не думали ли они поселиться въ Мазовіи на какомъ-нибудь свободномъ мѣстѣ? Во 2-хъ, непонятно, какъ Болоховскіе князья могли проникнуть въ Мазовію, когда она отдѣлялась отъ нихъ владѣніями Даніила и Василька, очевидно, бывшихъ тогда дома и, слѣдовательно, могшихъ помѣшать ихъ проходу.

[4]) Мы разумѣемъ въ особенности весьма важное для насъ лѣтописное извѣстіе подъ 1257 г.

звалъ даже главнѣйшіе ея города: „Деревичь, Губинъ и Кобудъ, Кудинъ, Городѣць, Божскый, Дядьковъ“ [5]).

При помощи этого-то, главнымъ образомъ, указанія и стараются ученые со времени Карамзина опредѣлить мѣстность Болоховской земли, полагая ее тамъ, гдѣ находятъ поселенія, по названіямъ своимъ напоминающія перечисленные въ лѣтописи города Болохова. Послѣ незабвеннаго нашего исторіографа, предполагавшаго сначала, что Болоховскіе князья жили къ югу отъ Бреста, а потомъ отказавшагося отъ рѣшительнаго приговора по этому вопросу [6]), вслѣдъ за извѣстнымъ Ходаковскимъ [7]), ученые обратились въ Подолію и начали располагать Болоховскую землю по теченію рѣки Бога [8]). Ходаковскій былъ направленъ туда, кажется, Кудинкою, найденною имъ у самой рѣки Бога [9]). Г. Соловьевъ думалъ найти подкрѣпленіе этой теоріи въ корнѣ названія одного изъ Болоховскихъ городовъ, именно Божскаго, которое, по его мнѣнію, происходитъ отъ рѣки Богъ [10]), а г. Барсовъ, въ первомъ изъ своихъ трудовъ по исторической географіи Россіи, указалъ въ тѣхъ же мѣстностяхъ также лежащее у Бога с. Губинъ и привелъ

[5]) Ип., 526.

[6]) Вмѣстѣ съ Ходаковскимъ Карамзинъ находилъ не мало основаній относить Болохово въ Подолію, но, съ другой стороны, его смущало, что „Болеславъ Мазовскій жаловался на то, что они самовольно захватили часть его владѣній . . . Слѣдственно Мазовія граничила съ ихъ княжествомъ?“ Ист. госуд. Росс., IV, прим. 20.

[7]) Ходаковскій высказалъ слѣдующее мнѣніе о Болоховѣ: „Болоховъ находился въ Подольской губерніи. Тамъ на дорогѣ изъ Кіева въ Галичь были и города Кудинъ Божскій (нынѣ Кудинка), Деревичи, Губинъ, Дядковъ, Бѣлобережье, Чернятинъ, область князей Болоховскихъ, въ окрестностяхъ и на берегахъ Буга, впадающаго въ Днѣпровскій лиманъ“. Исторія госуд. Росс., ibid.

[8]) Зубрицкій, Исторія др. Гал.-р. княж., III (Львовъ 1855), 137: „Жилища князей Болоховскихъ были на югѣ, на Волынской и Галичской границахъ отъ степи, на плодородной Подоліи, на Понизью, не подалеку отъ Каменця, отъ Бакоты,—между Бугомъ и Днѣстромъ“. — Петрушевичъ („Галицкій историч. сборн., изд. обществомъ Галицко-русской Матицы“, вып. II, Львовъ 1856, стр. 110): „Болоховскіе князья, бывъ иногда подручниками Романовичей, имѣли свой удѣлъ въ окрестностяхъ и на берегахъ Буга, впадающаго въ Днѣпровскій лиманъ“. — Г. Шараневичъ („Исторія галицко-володимирскои Руси“, Львовъ 1863, стр. 83) полагаетъ, что подъ Болоховскою землею должно разумѣть „надбужаньскіи области на Подолю“. — Н. И. Костомаровъ также говоритъ, что Болоховскіе князья владѣли берегами Буга („Р. Ист.“, вып. 1, стр. 134).

[9]) Ходаковскій слилъ два Болох. города въ одинъ: „Кудинъ Божскій“. См. выше.

[10]) „Исторія Россіи“, III, Сл. II, прим. 242, и Погодина „Изслѣд., л., з.“, IV (М. 1850), стр. 172.

[11]) Это замѣчаніе, находящееся только въ Ермолаевскомъ спискѣ, въ которомъ есть еще

замѣчаніе одного изъ самыхъ позднихъ списковъ южнорусской лѣтописи — Ермолаевскаго — о томъ, что „Болоховъ, Мунаревъ въ Подольской земли“ [11]).

Но поселенія съ названіями, напоминающими Болоховскіе города, какъ увидимъ ниже, встрѣчаются не въ одной только Подоліи. Изданіе въ послѣднее время подробныхъ картъ Военно-топографическимъ отдѣломъ Главнаго Штаба [12]) даетъ возможность значительно расширить кругъ этихъ поселеній и открываетъ существованіе нѣкоторыхъ изъ нихъ даже въ количествѣ двухъ - трехъ. Внѣ Подоліи находимъ и Болохово, даже не одно [13]). Нѣсколько пунктовъ, находящихся внѣ ея и носящихъ наименованія, близкія къ наименованіямъ Болоховскихъ городовъ, было указано г. Барсовомъ уже въ его „Матеріалахъ для историко-географическаго словаря Россіи“, вышедшихъ въ 1865 г. [14]), но это не отклонило тогда г. Барсова отъ исканія Болоховской земли исключительно въ Подоліи. А между тѣмъ весьма естественно рождается вопросъ о причинѣ предпочтенія именно Подоліи. У сторонниковъ разбираемой нами теоріи это не объяснено, не приведено удовлетворительныхъ историческихъ подкрѣпленій, а видны лишь голословныя утвержденія. Иногда эта гипотеза явно даже не сходится съ лѣтописными указаніями, которыя мы постараемся сейчасъ изложить.

нѣсколько подобныхъ толкованій, очевидно, было приписано въ то время, когда былъ скопированъ Ермолаевскій списокъ. По всей вѣроятности, оно основано на одномъ предположеніи. Впрочемъ, названіе Подоліи относилось тогда не къ одной Подольской губерніи, но охватывало гораздо большую часть южнорусской территоріи.

[12]) Онѣ изданы въ двухъ видахъ.

[13]) Въ Луцкомъ уѣздѣ встрѣчаемъ Болоховичи, а вблизи этихъ послѣднихъ немало мѣстностей, подходящихъ, по своимъ названіямъ, къ Болоховскимъ городамъ, и однакоже туда невозможно относить Болоховскую землю. Въ XVII столѣтіи (см. ниже) было, повидимому, Болохово вблизи м. Лысянки (Кіевской губерніи). Намъ сообщали, что тамъ и теперь есть урочище этого имени, но, къ сожалѣнію, мы не могли удостовѣриться въ справедливости этого сообщенія. Во всякомъ случаѣ, нахожденію Болоховской земли вблизи теперешней Лысянки (къ чему склоняется нѣсколько г. Барсовъ) противорѣчитъ разсказъ южнорусской лѣтописи подъ 1150 г., по которому „смежность мѣстъ по Галицкой дорогѣ къ Кіеву можно, кажется, опредѣлить такъ: Болоховъ, Мунаревъ, Перепетово поле, Ольшаница, Стугна, Тумащь, Васильковъ, Звѣнигородъ . . .“ Погодина „И., л., з.“, IV, 176—177. Тому противорѣчатъ и всѣ вообще лѣтописныя сказанія о Болоховѣ, а они имѣютъ первенствующее значеніе въ рѣшеніи нашего вопроса. — Поэтому мы не придаемъ никакого значенія и тому, что Чернятинъ есть, между прочимъ, въ Таращанскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи. — О Болоховѣ въ Галиціи см. ниже.

[14]) Деревичи, Бузовка. Къ Деревичамъ былъ пріуроченъ лѣтописный Деревичъ и въ „Учебномъ атласѣ по русской исторіи“, составленномъ и изданномъ подъ редакціею г. Замысловскаго.

Лѣтописнымъ извѣстіямъ рѣшительно противорѣчитъ и мнѣніе г. Шнейдера, помѣстившаго на изданной имъ въ 1874 году картѣ [15]) Болоховскую землю къ западу отъ Галича, невдалекѣ отъ Карпатъ, на томъ основаніи, что тамъ находятся мѣстности Болоховъ, Bolechów, Belejów.

Занимающій насъ вопросъ получилъ нѣсколько иную постановку только въ послѣднее время, благодаря оставленію въ сторонѣ традиціи относительно Подоліи: мы разумѣемъ новѣйшій трудъ г. Барсова [16]). Отъ установившихся предположеній отступилъ и г. Квашнинъ-Самаринъ въ замѣткѣ о Болоховскихъ князьяхъ, включенной имъ въ статью „По поводу Любецкаго синодика" [17]). Но и у этихъ ученыхъ не совсѣмъ правильно указана мѣстность Болоховской земли: у одного изъ нихъ предѣлы ея отодвинуты слишкомъ далеко на востокъ, у другаго — болѣе чѣмъ слѣдуетъ — на сѣверъ, и, во всякомъ случаѣ, и ихъ соображенія невполнѣ твердо обставлены [18]).

Точно также нуждаются въ болѣе твердой постановкѣ сужденія и относительно князей, стоявшихъ во главѣ Болоховской земли.

А между тѣмъ эта послѣдняя занимала немалое для того времени пространство и, кажется, отличалась довольно плотнымъ населеніемъ [19]), которое, какъ увидимъ, состояло несомнѣнно изъ славянорусcовъ. — Притомъ Болохово играло не послѣднюю роль въ исторіи южной Руси XIII стол. Галицко-Волынская лѣтопись, разсказывая покороче исторію борьбы Болоховцевъ съ Даніиломъ, старается затушевать это, но не успѣваетъ. Отъ внимательнаго изслѣдователя не ускользнетъ, что Болохово стояло во главѣ какого-то особеннаго движенія, которое никакъ не могъ преодолѣть Даніилъ Галицкій, и увлекало за собою значительную часть южной Руси. При скудости матеріаловъ для исторіи древнерусскаго общественнаго духа, мы думаемъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду это движеніе.

---

[15]) Archeologische Karte. — Вышедшіе листы ея были присланы издателемъ на археологическую выставку, устроенную на время съѣзда. — Что Болохово было не въ Галичинѣ, видно и изъ того, что тамъ вовсе не сохранилось мѣстностей съ названіями Болоховскихъ городовъ, а между тѣмъ Галиція подвергалась опустошеніямъ менѣе остальныхъ частей югозап. Руси.

[16]) „Очерки русской исторической географіи. Географія начальной лѣтописи". Варшава 1873. Примѣчанія, стр. LXIV.

[17]) При этомъ г. Квашнинъ-Самаринъ имѣлъ въ виду и наше замѣчаніе въ изслѣдованіи о княженіи Даніила Галицкаго. См. 4-ю кн. „Чт. въ Москов. Общ. Ист. и Др. Р." за 1873 г., отд. V, стр. 217.

[18]) Нужно сказать однако, что и тотъ и другой ученый коснулись этого предмета лишь мимоходомъ.

[19]) Она боролась съ Даніиломъ упорно и довольно долго, и князь этотъ однажды „возьма въ ней плѣнъ многъ". Ип., 526. Чрезъ какихъ-нибудь 15 лѣтъ послѣ того она опять оживаетъ.

Болоховская земля привлекла мое вниманіе среди занятій древнѣйшей исторіей южнорусскаго края, и я имѣлъ уже случай печатно высказаться по этому вопросу [20]). Въ настоящемъ сообщеніи я осмѣлился представить вниманію гг. ученыхъ результаты, къ которымъ я пришелъ при дальнѣйшихъ работахъ по этому вопросу.

Не имѣя притязанія на окончательное его рѣшеніе, я желалъ бы только обратить вниманіе гг. ученыхъ на нѣсколько собранныхъ мною фактовъ, которые, на сколько мнѣ извѣстно, были доселѣ игнорируемы. Представленныя мною по поводу этихъ фактовъ соображенія я предлагаю лишь какъ опытъ посильнаго заключенія на основаніи ихъ свода.

I.

Опредѣляя мѣстность, въ которой жили нѣкогда Болоховцы, ученые, по большей части, избираютъ исходнымъ пунктомъ лѣтописныя названія ихъ городовъ съ одной стороны и имѣющіяся на лицо подходящія указанія изъ современной географической номенклатуры съ другой.

Мы постарались ознакомиться самолично и—по возможнвсти — подробнѣе съ топографіей югозападнаго края и изъ мѣстностей, въ которыхъ встрѣчаются поселенія, напоминающія, по своимъ названіямъ, Болоховскіе города, мы сочли себя въ правѣ признать древнею Болоховскою землею только ту, къ которой можетъ подойти и *все остальное* сообщаемое лѣтописью объ этой землѣ, какъ прямо, такъ и косвенно.

Прежде всего мы озаботились свести и строжайше вникнуть во всѣ лѣтописныя извѣстія.

Изъ собранія и сопоставленія ихъ оказывается, что Болохово находилось между землями Кіевскою и Галицкою, на пути изъ послѣдней въ Кіевъ [21]), — передъ Мунаре-

---

[20]) Въ сочиненіи: „Княженіе Даніила Галицкаго, по русскимъ и иностран. извѣстіямъ“ (Кіевъ, 1873).

[21]) На этомъ пути, вѣроятно, было и Большево, въ которомъ остановился однажды Изяславовъ посланникъ, выѣхавши изъ Галича. — Одинъ только разъ въ лѣтописи Болохово является находящимся какъ бы на дорогѣ изъ Кіева во Владиміръ: „Поиде Мстиславъ отъ Кіева... и постигоша и (Половцы) у Болохова“ (Ип. сп. подъ 1172 г.). При остальныхъ указаніяхъ лѣтописи, это не имѣетъ для насъ рѣшающаго значенія. Прежде всего—можетъ быть, вмѣсто Болохово нужно читать Бороховъ (тепер. Боруховъ, или же, что вѣроятнѣе, — Борушковцы Новоградволынскаго уѣзда), какъ стоитъ въ спискахъ Хлѣбн. и Погод. Если же вѣрнѣе чтеніе „Болохова“ и если Мстиславъ не могъ бѣжать на Болохово, насъ занимающее, то нужно допустить вмѣстѣ съ г. Погодинымъ (см. его „Изслѣд., замѣч. и лекціи“ IV, 177) существованіе другаго Болохова (г. Погодинъ напрасно только различаетъ Болохово 1150 г. отъ

вымъ, стоявшимъ на той же дорогѣ [22]) невдалекѣ отъ Ярополча — теперешнихъ Яроповичъ (Сквирскаго уѣзда [23]), и передъ Володаревомъ, какъ полагаютъ — теперешнею Володаркою Сквирскаго уѣзда, очевидно, на югозападъ отъ нихъ [24]), во всякомъ случаѣ, — на югъ, невдалекѣ. Какъ бывшій по той же дорогѣ къ Галичу, упоминается въ частности и одинъ изъ Болоховскихъ городовъ—Божскій [25]). Изъ лѣтописей далѣе видно, что Бо-

---

Болохова, гдѣ жили занимающіе насъ Болоховцы: то и другое Болохово, судя по лѣтописнымъ указаніямъ, совпадаютъ), бывшаго гдѣ-то сѣвернѣе. Можетъ быть, онъ находился на мѣстѣ теперешнихъ Болоховичъ, хотя эти послѣдніе могли получить начало уже при Даніилѣ (см. ниже).

[22]) Ип. сп. подъ 1150 и 1159 гг.

[23]) Вблизи Яроповичъ есть Яроповцы. — Отъ Мунарева было недалеко къ дикимъ Половцамъ. Ип. подъ 1160 г., стр. 346. Очень жаль, что лѣтопись не сообщила, на какіе пункты шелъ Владимірко до прибытія къ Болохову; тогда мы имѣли бы возможность точнѣе еще опредѣлить положеніе послѣдняго. О лѣтописномъ Мунаревѣ какъ бы напоминаетъ тепер. Мошуровъ Уманскаго уѣзда. У Целларія (Regni Poloniae regionumque omnium ad id pertinentium novissima descriptio. Amstelodami 1659. P. 385) находимъ *Monkarowa*, но тутъ разумѣлся не Мунаревъ.

[24]) Слѣдовательно, она не могла простираться къ теперешней Звенигородкѣ, какъ думаетъ Барсовъ и, кажется, Петрушевичъ.

[25]) Ип. подъ 1251 г., стр. 305; въ сп. Хлѣбн. и Пог. Бужскій. — Мы думаемъ, что онъ тождественъ съ Божскимъ, упомянутымъ въ лѣтописи XIII стол. въ числѣ городовъ Болоховской земли. Божьскій 1151 г., очевидно, = Божскому (ин. Бужьскій, Бужескъ, Бузско, Бузко), встрѣчающемуся незадолго передъ этимъ въ той же лѣтописи (подъ 1146 г.—стр. 234, 1147 — 243 стр., 1148 — стр. 257 и 258). Послѣдній же былъ отдаваемъ князьямъ во временное владѣніе три раза вмѣстѣ съ Межибожьемъ (Ип., 234, 243 и 257), а два раза — вмѣстѣ съ Котельницею (ibid. 243 и 257), причемъ изъ лѣтописнаго текста можно замѣтить, что онъ находился невдалекѣ отъ Межибожья и, во всякомъ случаѣ, былъ ближе къ этому городу, чѣмъ къ остальнымъ тремъ, также составлявшимъ территорію надѣла, но, къ сожалѣнію, не названнымъ въ лѣтописи. Въ лѣтописи говорится такъ: „Изяславъ же, водивъ Всеволодича Святослава хресту, и да ему *Бужьскый и Межибожье* 5 городовъ . . . Тогда же Всеволодичь Святославъ держаше у Изяслава *Божьски* и *Межибожие*, Котелницю, а всихъ пять городовъ . . .“ (Ип., 243). Божскій въ оба раза соединенъ посредствомъ связующаго союза *и* съ Межибожьемъ, а Котельница и др. города ставятся рядомъ безъ этого союза; притомъ въ первый разъ, кромѣ этихъ двухъ городовъ, другіе вовсе не названы. Точно также, въ смыслѣ взаимной близости по мѣсту нахожденія, въ перечнѣ Болоховскихъ городовъ, Губинъ соединенъ съ Кобудомъ (Ип., 526: „Деревичь, *Губинъ и Кобудъ*, Кудинъ, Городѣць, Божьскый, Дядьковъ.“). Божьскый и Межибожье ставятся рядомъ и въ третьемъ случаѣ. Изъ предложенія Изяслава Ростиславу Юрьевичу: „иди въ Божьскый . . . постерези землѣ Руской оттолѣ“ (Ип., 258) видно также, что этотъ Божьскый съ окружавшею его территоріею находился въ украинной полосѣ отъ Половцевъ. Итакъ, Божскій 1146—1151 гг. по Ип. сп. находился, по всѣмъ соображеніямъ, въ той самой мѣстности, гдѣ въ XIII стол. была земля Болоховцевъ, а такъ какъ, кромѣ Божскаго

лоховская земля лежала къ югу отъ Хомора [26]), вблизи этой рѣки [27]) и города Каменца.

послѣднихъ, въ этомъ столѣтіи другаго не упоминается, то и нужно оба эти города считать однимъ. — Отъ Божскаго, о которомъ мы ведемъ рѣчь и который, какъ мы видѣли, иногда называли также Бужскимъ (Бузскомъ и Бузкомъ; см. выше) должно отличать Бужьискъ, или Бужескъ (въ XII Бузкъ и Бускъ), или Бужьскъ, который ни въ одномъ спискѣ лѣтописи не имѣетъ варіантовъ съ буквою *о* въ первомъ слогѣ и который, по лѣтописнымъ указаніямъ, находился гораздо западнѣе. Какъ первое названіе произошло, вѣроятно, отъ корня Богъ (рѣка), такъ второе отъ корня Бугъ. Употребленіе названія Богъ въ тѣ времена для рѣки этого имени несомнѣнно (см. Лавр., 344: въ поученіи Мономаха: „и на Богъ идохомъ"; ibid., 241), но, кажется, нѣкоторые тоже самое слово выговаривали: Бугъ; отсюда варіанты и въ названіи Божскій. Переходъ *о* въ *у* мы замѣчаемъ и въ другихъ названіяхъ: такъ, къ слову Поросье въ Хлѣбник. и Погод. сп. мы находимъ варіантъ Порусье (см. Ип. 329 и 612), встрѣчаемъ Добно и Дубно (Ип., 272). Тоже колебаніе звуковъ и въ томъ же самомъ корнѣ встрѣчается и въ настоящее время. Одна гора въ Кременецкомъ уѣздѣ слыветъ то подъ именемъ Бужьей, то подъ именемъ Божьей. Варіантъ Бужья, еслибы онъ не велъ своего начала изъ глубокой старины, странно было-бы встрѣтить при религіозномъ почитаніи, которымъ освящена эта гора (см. Wołyń pod względem statystycznym, historycznym i archeologicznym, przez Tad. Jerz. Steckiego. Serya 2-ga, Lwów, 1871, str. 88—89). Равнымъ образомъ Меджибожъ называютъ иногда Межибужьемъ. — Въ Бужскѣ, который долженъ былъ лежать на пограничьи Галицкой и Владимирской земель, заперся Давыдъ передъ Володаремъ. Этотъ же городъ лѣтопись разумѣетъ и подъ гг. 1168 и 1173. Но неизвѣстно, тотъ-ли самый Бужскъ, или какой иной, былъ захваченъ Владиміркомъ. Во всякомъ случаѣ, захватъ со стороны послѣдняго относился не къ Божскому. Божскій въ XII стол. принадлежалъ къ Кіевской землѣ (Котелница, съ которою его отдавали въ надѣлъ, была въ Кіевской области). На принадлежность къ ней Божскаго есть и прямое указаніе: когда Изяславъ лишилъ Ростислава Юрьевича данныхъ прежде городовъ, въ томъ числѣ и Божскаго, Юрій сказалъ: „тако ли мнѣ части нѣту ***въ Руской земли***, и моимъ дѣтемъ?" (Ип., 262). Бужскій, отнятый Владиміркомъ у Изяслава, какъ и другіе города, отхваченные у послѣдняго (Шумскъ, Тихомль, Выгошевъ и Гноиница. Ип., 313) принадлежалъ къ территоріи Владиміро-волынской. Всѣ эти пункты были взяты Владимиркомъ въ 1150 году. Лѣтопись сообщаетъ подъ этимъ годомъ, что, на возвратномъ пути изъ Кіева въ Галичъ, Владимірко, прогнавъ изъ Дорогобужа Мстислава Изяславича, „отъя городы всѣ" (обратимъ вниманіе, что въ лѣтописи нѣтъ ни слова о какихъ-нибудь захватахъ со стороны Владимірка до прихода его къ Дорогобужу, т. е. до перехода Горыни; Изяславъ претендовалъ вслѣдъ затѣмъ на владѣніе по Горынь); „идя и приде к Лючьску ..... и не може что створити, и иде в Галичь" (Ип., 281). Кромѣ этого захвата, на который Изяславъ тотчасъ же сталъ заявлять жалобы, о другихъ не упоминается, и мы имѣемъ полное право думать, что города, о которыхъ велись переговоры въ 1152 г., — въ томъ числѣ и Бужскъ, были тѣ самые, о которыхъ лѣтопись сообщаетъ подъ 1150 г. Послѣ взятія же послѣднихъ Владимиркомъ, Изяславъ, не владѣвшій тогда Кіевомъ, говорилъ: „стрый ми волости не дасть, не хочеть мене в Руской земли, а ***Володимеръ Галичской***, по его веленію, ***волость мою взялъ***, а опять къ Володимерю моему хочеть прити на мя" (Ип., 281—282). Подъ 1168 годомъ лѣтопись сообщаетъ, что въ

стоявшаго, кажется, у устьевъ ея въ Случь [28]) и бывшаго пограничнымъ городомъ Да-

---

Бужскѣ сидѣлъ Ярополкъ Изяславичъ (Ип., 361). Если этотъ городъ — тотъ самый, который былъ захваченъ Владиміркомъ — а сомнѣваться въ этомъ нѣтъ основаній, такъ какъ лѣтопись не дѣлаетъ ни малѣйшихъ разграниченій — то, значитъ, онъ отошелъ отъ Галича. Впрочемъ, вѣроятно, онъ скоро былъ возвращенъ, потому что Владиміръ Ярославичъ, прося Червна у Святослава Мстиславича въ 1173 году, говорилъ: „аже ти сяду въ Галичи, то Бужьскъ *твой* возъворочю и 3 городы придамъ к тому" (Ип., 384). Изъ слова *твой* можно, кажется, заключать, что Бужскъ былъ вновь отнятъ Галичанами уже у Святослава. Тотъ же Бужскъ, бывшій къ западу отъ Божскаго, разумѣется въ Ип. сп. и подъ 1233 г.: Даніилъ съ Владиміромъ Рюриковичемъ пошли на Венгровъ, отступавшихъ отъ Перемышля къ Галичу; „Василко же и Олександръ приде ко брату и снятася в Бужьска" (Ип., 513). — Въ Галицко-волынской лѣтописи встрѣчается еще два раза Бозкъ. Можетъ быть, во второмъ случаѣ (см. Ип., 511) вмѣсто Бозка нужно поставить Белзъ — варіантъ, находящійся въ Хлѣбн. и Погод. спискахъ, весьма заслуживающій уваженія и, во всякомъ случаѣ, имѣющій такое же право на принятіе, какъ и чтеніе, удержанное въ текстѣ, но все-таки Бозкъ другаго мѣста останется несомнѣннымъ. Какъ близко это названіе ни подходитъ къ названію Божскаго, вмѣсто котораго въ нѣкоторыхъ спискахъ иногда встрѣчается Бузко, однако невозможно допустить, чтобы оба эти названія обозначали одинъ и тотъ же городъ. Во 1-хъ, трудно предположить, чтобы одинъ и тотъ же дѣеписатель или редакторъ, какого должно принять для Галицко-волынской лѣтописи (см. наше изслѣд. о княженіи Даніила Галицкаго, стр. 3) различно назвалъ одинъ и тотъ же пунктъ, въ добавокъ хорошо ему извѣстный, въ разсказѣ о событіяхъ, случившихся на очень непродолжительномъ разстояніи другъ отъ друга (Бозкъ упоминается въ описаніи событій 1209 и 1231 гг. по Ип. сп., а Божскій подъ 1241 г.). Во 2-хъ, Бозкъ 1209 г. никакъ не можетъ быть пріуроченъ къ Божскому по своему мѣстоположенію; этотъ Бозкъ былъ на дорогѣ Мстислава Пересопницкаго, когда онъ шелъ къ Галичу; дѣлать лишніе обходы, избравъ путь на Божскій, не было повода. Точно также и Даніилу не приходилось поворачивать къ р. Богу въ 1231 г. по Ип. списку, когда театръ военныхъ дѣйствій былъ у Буга. Въ лѣтописи читаемъ, что одинъ изъ Даніиловыхъ воеводъ, ***Мирославъ***, убоявшись Венгровъ, „створи миръ с королемь безъ совѣта князя Данила и брата его Василка; рядомъ же ***дасть Белъзъ и Червенъ Олександру***. Королеви же посадивщу сына своего Андрѣя в Галичи с(ъ)вѣтомъ невѣрьныхъ Галичанъ. ***Мирославу же запревъшуся***, „***яко родомъ Червна не предалъ есмь имъ***", порокъ же ему имуще великъ отъ обою брату. — — ***королю стоящу во Володимъря***, князь же Данилъ прия великъ плѣнъ, около Бозку воюя (Ип., 510—511). — Въ лѣтописи упоминаются еще Бужковичи (Ип., 588), существующіе и теперь (во Владимірскомъ уѣздѣ).

[26]) „Придоша Галичане на Каменець и вси Болоховьсции князи съ ними, и повоеваша по Хомору, и поидоша ко Каменцю".

[27]) У самого Хомора тянулся лугъ, не принадлежавшій, кажется, къ Болохову: „Олександръ убоявъся злаго своего створения, поиде ко тьсту своему Киевъ; Данилъ же увѣдавъ, изыде на нѣ изъ Галича, угони и во Полопомь, и яша и въ лузѣ Хоморьскомь" (Ип., 514). Побережье Хомора было, кажется, на пограничьи Болоховской земли. Самые южные Волынскіе города съ этой стороны, упомянутые въ лѣтописи, лежали на Хоморѣ. Это — Микулинъ [тотъ,

ніиловыхъ владѣній въ концѣ двадцатыхъ годовъ XIII стол.[29]). Потомъ мы видимъ Каменецъ во власти Михаила[30]). Къ сѣверу отъ Болохова долженъ былъ быть, далѣе, Колодежный, а также Потетеревье, начиная съ поворота Тетерева къ востоку. Къ востоку отъ Болоховскихъ княжествъ находились Городокъ и Сѣмоць[31]), расположенные параллельно теченію этой рѣки по направленію къ сѣверу[32]), а за ними Котельница. При-

---

который встрѣчается и въ Ип. сп. (стр. 365) подъ 1169 г.; есть Микулинъ на Горыни, къ сѣверу отъ Гощи, но тотъ не можетъ быть принятъ въ разсчетъ] и Полонное. Г. Соловьевъ (II, прим. 78) упоминаетъ о м. Микулинцахъ Винницкаго уѣзда, но это едвали основательно. Въ Кіевскомъ уѣздѣ есть с. Микуличи, являющееся уже въ актахъ XV-го стол.

[28]) Судя по лѣтописному тексту, Каменецъ не могъ находиться къ востоку отъ Колодежна, на мѣстѣ теперешняго Каменя; онъ долженъ былъ быть на западномъ берегу Случи, —тамъ, гдѣ теперь Каменка, противъ мѣст. Мирополя (къ тому же выводу пришелъ и г. Барсовъ), или же на мѣстѣ теперешней Каменки, находящейся невдалекѣ отъ Увѣтохи (послѣднее менѣе вѣроятно); третья Каменка, которая сѣвернѣе, не подходитъ сюда. — Р. Каменку и деревню Каменку встрѣчаемъ и въ Житом. у. — Упомянутый въ лѣтописи Каменецъ является еще у Гваньини, который помѣстилъ его въ Волынской землѣ: **Kamieniec munitio, in colle sita (Sarmatiae Europeae descriptio. Alex. Guagnini. Spirae MDLXXXI. Fol. 59)**; о Каменцѣ Подольскомъ Гваньини говоритъ въ другомъ мѣстѣ.

[29]) Ип., сп. подъ 1228 г.: „... обсѣдоша Каменець".

[30]) Ип., 521. Полн. собр. р. лѣт., т. VII, 144. Ник. III, 5.

[31]) Даніилъ, послѣ воеванія Болохова, „веснѣ же бывши, посла сына своего Шварка на Городокъ и Сѣмоць и всѣ городы сѣдящия за Татары, Городескъ и по Тетерево до Жедечева". Ип. 555. Положеніе упомянутаго здѣсь городка пока неопредѣлимо. Вмѣстѣ съ г. Барсовымъ, древній Городокъ, съ наибольшею вѣроятностію, можно пріурочить къ теперешнему Райгородку Бердичевскаго уѣзда, затѣмъ его можно полагать или на мѣстѣ Городка, стоящаго у впаденія р. Самца въ Гопчицу, или на мѣстѣ Самгородка. Упомянемъ еще о Вирнигородкѣ и Халаимъгородкѣ (все въ Бердичевск. у.) и о двухъ Городищахъ (одно въ Житомирскомъ у., другое въ Сквирскомъ). — Положеніе Сѣмоця также не можетъ быть обозначено съ полною увѣренностію. Сюмаловка Новоградвол. уѣзда лежитъ слишкомъ далеко на сѣверѣ, а Семяки Винницкаго у. слишкомъ удалены на югъ. О Симаковцахъ, находящихся въ Галиціи, не можетъ быть и рѣчи. Сіомаки Летичевскаго уѣзда — въ центрѣ древней Болох. земли. Семаки Заславскаго уѣзда не подходятъ къ Сѣмоцѣ лѣтописи 1257 г., хотя могли бы быть приняты во вниманіе для Сѣмоця 1172 г. Остаются Семки Литинскаго у. и въ особенности Семаки Житомирск. и Симаки Хмѣльницкаго. — Поселенія съ подобными названіями были и въ восточной Россіи. См. „Матеріалы" г. Барсова, стр. 183—184. — Неизвѣстно, гдѣ находился и Жедечевъ. Жидовцы Сквирскаго у., Жидовцы-Булаи Бердическаго у., Жидовская Гребля Таращанскаго и Жидовчикъ того же уѣзда сюда не идутъ. Ближе всего подходитъ дер. Жидовцы Бердичевскаго уѣзда при ручьѣ, впадающемъ въ Гнилотетъ, какъ ближайшая къ Тетереву.

[32]) Значитъ, теченіе Тетерева до поворота его къ востоку могло принадлежать Болоховской землѣ.

луки, бывшіе нѣсколько южнѣе этихъ пунктовъ, въ XII стол. принадлежали къ Кіеву [33]); куда они относились въ XIII стол., неизвѣстно, такъ какъ мы не находимъ ихъ въ числѣ городовъ, упомянутыхъ въ лѣтописяхъ этого стол. Въ XII стол. не принадлежала къ Болохову, повидимому, и Копела, находившаяся къ западу отъ земли Черныхъ Клобуковъ, но въ XIII вѣкѣ предѣлы Болохова могли расшириться съ этой стороны, и точно обозначить ихъ нѣтъ никакой возможности. Къ югу Болоховская земля не могла простираться далеко по Богу, потому что ясно отличается лѣтописью отъ ниже лежавшаго Побожья, не принадлежавшаго къ ней и составлявшаго совершенно отдѣльную территорію. Вдоль этой рѣки Болохово могло тянуться только отъ загиба ея на югъ до Межибожья, которое въ XIII стол. было сначала Галицко-Волынскимъ городомъ [34]), а потомъ хотя и не принадлежало Романовичамъ, но не было однако и въ предѣлахъ Болоховской земли, отъ которой находилось къ западу [35]). Со стороны послѣдняго границы Болоховской земли должны были тянуться вдоль Волыни [36]) и Галиччины съ ея Понизьемъ [37]):

[33]) „Приде Володимеръ и взя Прилукъ". Лѣтоп. по сп. Лавр., 1146 года. стр. 296. Повидимому, былъ и другой Прилукъ. См. Соловьева II, прим. 89.

[34]) Даніилъ и Василько „пустиста Ярослава и даста ему Перемиль и потомь Межибожие". Ип., 502. Подъ 1234 г. лѣтопись въ числѣ галицкихъ бояръ назвала „Бориса Межибожьскаго". (Ип., 515).

[35]) Даніилъ „сгадавъ с братомъ и со сыномъ, посла Деонисия Павловича, взя Межибожие, потомъ же воевахуть людье Данилови же и Василкови Болоховъ, а Львови Побожье и люди Татарьскыя" (Ип., 555). Болохово воевалъ отрядъ князей, которыхъ владѣнія занимали сѣверную половину Галицко-волынской территоріи, а Побожье—отрядъ Львовскаго князя. Очевидно, Болохово было ближе къ Даніиловымъ и Васильковымъ владѣніямъ, чѣмъ къ Львовымъ, и находилось къ сѣверу отъ Побожья. Это мѣсто лѣтописи представляетъ самое вѣское доказательство въ пользу несостоятельности того мнѣнія, которое располагаетъ Болоховскую землю по теченію Бога: вдоль этой рѣки Болоховская земля тянулась на весьма незначительномъ разстояніи; она не могла спускаться далѣе загиба р. Бога на югъ, потому что тогда не была бы на дорогѣ изъ Галича въ Кіевъ. Подъ Побожьемъ лѣтописи, кажется, должно разумѣть земли по Богу именно отъ этого загиба. Въ XII стол., когда упоминается Болохово, это Побожье, повидимому, не было еще колонизовано Русскимъ племенемъ (сл. ниже). Русскіе занимали, кажется, только верховья Бога, гдѣ былъ Межибожье. Другое дѣло—побережье Днѣстра.

[36]) Такъ выходитъ по смыслу лѣтописнаго извѣстія, приведеннаго въ предыдущемъ примѣчаніи. Тогдашнія владѣнія Даніила и Василька могутъ быть опредѣлены довольно точно. Подъ 1261 г. передано извѣстіе, что, по приказанію Татаръ, „Левъ розмета Даниловъ Истожекъ, оттолѣ же пославъ, Львовъ розмѣта, а Василко пославъ Кремянѣць розмета и Луческъ".

[37]) Ип. сп. подъ 1189 г. упоминаетъ о восточной „украйнѣ Галичькой", на которой Ростиславъ Берладникъ „взя два города Галичькыи" (Ип., 447), но, къ сожалѣнію, не выразился опредѣленнѣе, гдѣ именно была эта украйна.

отсюда-то союзъ Болоховцевъ съ Венграми и Ростиславомъ, пытавшимся отнять Галичъ у Даніила [38]). Болоховская земля никогда не отождествлялась и всегда отличалась отъ спускавшагося внизъ по Днѣстру до моря Понизья, начинавшагося у Бакоты [39]), которая была главнымъ его городомъ и, со времени Татарскаго владычества, находилась на пограничьи Даніловыхъ владѣній отъ Татарскихъ [40]). Кромѣ Межибожья, выдававшимся пограничнымъ пунктомъ Галицко-волынской земли со стороны Болохова былъ Стожекъ [41]). — Наконецъ, въ половинѣ XIII стол. съ Болоховскою землею были какъ-будто смежны земли Чарнятинцевъ и Бѣлобережцевъ [42]), но, къ сожалѣнію, неизвѣстно,

[38]) Ип., 511, 516 и 526.

[39]) Ип., 525. — Въ 1223 году Галицкія суда спустились по Днѣстру въ Черное море, а оттуда поднялись по Днѣпру.

[40]) Понизье получило свое названіе отъ положенія по отношенію къ Галицко-русскому нагорью, съ которымъ оно тѣсно связано въ географическомъ отношеніи. Это усматривается не изъ одного источника. Извѣстный Гилльберъ де-Ланнуа говоритъ: «Et de Lombourg, passant parmy *la Russie la haute*, m'en alay en *Lopodolie*...» [Зап. Од. общ. ист. и др., т. III (Одесса 1853), 437]. Понизье было тѣсно связано съ Галичемъ, къ которому принадлежало, какъ можно заключать на основаніи показанія Эдризи (Lelewel, Polska wieków średnich, II, Poznań 1847, 390—391), и въ половинѣ XII стол. Въ сѣверо-восточной Россіи былъ свой „Низъ" (ин. „Низовьская земля"). Въ южной Руси названіе Низа было перенесено потомъ на побережье южнаго теченія Днѣпра. На границѣ Галиччины съ „полемъ" былъ Онутъ (Ип., 491; теперешнее сел. Онутъ у р. Днѣстра; тамъ же есть и ручей Онутъ. „Матеріалы для географіи и статистики Россіи", собр. офиц. Ген. Штаба. Бессарабская область. Сост. А. Защукъ. С.Пб. 1862, стр. 20). Затѣмъ на южной границѣ Галицкой земли находились Кучелминъ (два раза упоминается) и Ушица. Галицкая земля простиралась „отъ Боброкы доже и до рѣкы Ушицѣ и Прута" (Ип., 506). По Густ. лѣтописи, главнымъ городомъ Понизья былъ какъ бы Каменецъ Подольскій: „и посади Мстиславъ Белю зятя своего въ Галичу, а самъ сяде въ Каменци Подолскомъ" (П. с. р. л. II, 336). Въ Галицко-волынск. лѣтописи этому мѣсту соотвѣтствуетъ слѣдующее: „Мьстиславъ дасть Галичь королевичю Андрѣеви, а самъ взя Понизье; оттуда иде къ Торьцкому". Ип., 501. — Болоховская земля могла соприкасаться съ Понизьемъ. Но послѣднее едвали доходило въ XII стол. до р. Бога, если тогдашнія лѣтописи записали, что Половцы два раза удалялись за эту рѣку (см. ст. Бѣляева въ III т. Зап. Од. общ. ист. и др., стр. 31).

[41]) Въ лѣтописи нѣтъ упоминанія о какомъ-нибудь Гал.-волынскомъ городѣ въ тѣхъ мѣстностяхъ, который былъ бы восточнѣе Стожка. Недалеко отъ м. Теофиполя есть Даниловка, но это едвали лѣтописный Даниловъ. — Кременецъ и Бакота тоже какъ будто были самыми видными пунктами владѣній Романовичей на восточной окраинѣ.

[42]) „Шварко же приде поимавъ городы вся, и по немь придоша Бѣлобережцѣ и Чарнятинци и вси Болоховци къ Данилу". Ип., 555. Впрочемъ, придавая выраженію „и вси Болоховци" смыслъ: „словомъ, всѣ Болоховцы", „и остальные Болоховцы", можно думать, что Бѣлобережье и Чарнятинъ были отдѣльные, выдававшіеся округа̀ Болохова. Ходаковскій, кажется, такъ и думалъ.

на которой онѣ находились изъ трехъ окраинъ Болохова: на западной ли, на южной, или же на восточной [13]). Что касается меня, то я склоненъ думать, что Бѣлобережье и Чарнятинъ были къ западу отъ Болохова и находились у верховьевъ Случи.

[13]) Къ сѣверной онѣ едвали могли прилегать: тамъ нѣтъ ни одного поселенія, которое могло бы напоминать эти мѣстности, да и гдѣ ихъ тамъ расположить, если принимать въ соображеніе лѣтописи? — Судя по тому, что лѣтописи не говорятъ о подчиненіи Бѣлобережья и Чарнятина въ первый походъ Даніиловой рати на земли, подчинившіяся Татарамъ, должно думать, что Бѣлобережье и Чарнятинъ были къ востоку отъ Болохова (опять просимъ читателя обратиться къ не разъ уже цитированному нами мѣсту Ип. сп. подъ 1257 г., имѣющему огромную важность въ нашемъ вопросѣ). Къ юго-востоку и востоку отъ полагаемой нами для Болохова территоріи, дѣйствительно, есть нѣсколько Чарнятиновъ (Чернятинъ и Чернятинская слобода къ югу отъ Ровна, Б. Чернятинъ и просто Чернятинъ невдалекѣ отъ Самгородка въ Бердичевскомъ у., Чернятинцы въ Хмѣльницкомъ; Чернятинъ въ Таращанскомъ у. не можетъ быть принятъ во вниманіе), а на Богѣ мы нашли Березно. Но, если нѣтъ препятствій относить территорію древняго Чарнятина за Богъ, то этого нельзя сказать о Бѣлобережьи. Въ Галицко-волынской лѣтописи упоминается мѣстность такого названія еще въ слѣд. строкахъ: „По тѣх(ъ) же лѣтѣхъ движе рать Андрѣй королевичь на Данила (Даніилъ былъ тогда въ Кіевѣ), и иде к Белобережью. Володиславу же ѣхавшу во сторожѣ отъ Данила ис Кыева, и стрѣте рать во Бѣлобережьи, и бившимся имъ о рѣку Случь, и гониша до рѣкы Деревное изъ лѣса Чертова" (Ип., 510). Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно, какая рѣка разумѣлась тутъ подъ названіемъ Деревной: Деревичка ли, впадающая въ Случь съ лѣвой стороны, или же иная (въ Ровенскомъ у. есть сел. Деревно́). Во вскомъ случаѣ, все заставляетъ думать, что Даніиловъ воевода повернулъ обратно къ Кіеву, а не ко Владиміру Вол. (отступалъ не королевичъ, а онъ: см. „Княженіе Даніила Галицкаго" 61, прим. 1). Зубрицкій (III, 115) утверждаетъ противное, но, если соглашаться съ нимъ, то можно предложить вопросъ, какимъ образомъ, потерпѣвши пораженіе, Владиславъ направился въ сторону откуда шли его враги? Онъ былъ посланъ Даніиломъ для развѣдокъ о непріятелѣ („Володиславу же ѣхавшу *во сторожѣ* отъ Данила ис Кіева"... Ип., ibid.), а не ко Владиміру, гдѣ былъ оставленъ Василько („Данилови же снемшуся съ братомъ"), и, слѣдовательно, не имѣлъ надобности пробиваться непремѣнно туда. Далѣе: Чертовъ лѣсъ, бывшій на дорогѣ изъ Кіева во Владиміръ (Ип., 280) и начинавшійся у праваго берега Случи, — кажется, противъ Возвягля [точно опредѣлить его положеніе мы не можемъ; замѣтимъ только, что гранитныя возвышенія по берегамъ Случи у мѣстныхъ жителей называются Чертовыми греблями (Вол. Губ. Вѣд. 1868, № 116); невдалекѣ отъ Тетерева, къ западу отъ него, въ Житом. у. есть урочище Черты]. — не переходилъ Уши, къ которой онъ подходилъ у Ушьска (тепер. Ушично или же Ушомиръ), а оттуда еще далеко до Бѣлаго Берега Радомысльскаго уѣзда, стоящаго у Ирши, близъ впаденія ея въ Тетеревъ. — Толкуя, что Даніиловъ воевода направился къ западу, необходимо предположить, что Бѣлобережье находилось невдалекѣ отъ Чертова лѣса. Допуская же, что походъ Владислава имѣлъ противоположное направленіе, т. е. — что Владиславъ уходилъ на Чертовъ лѣсъ, можно двояко опредѣлять положеніе Бѣлобережья, упомянутаго въ приведенномъ мѣстѣ лѣтописи: оно находилось или у самой Случи, на берегу ея, противоположномъ тому, который былъ со стороны

Вотъ все, что можно извлечь изъ лѣтописей для опредѣленія мѣстности, въ которой была расположена Болоховская земля.

Кіева, и Венгры вступили въ битву съ Владиславомъ лишь только онъ показался, или же оно находилось гдѣ-нибудь за Случью, если идти изъ Кіева, не на особенно далекомъ отъ нея разстояніи, и Владиславъ успѣлъ уйти до рѣки, прежде чѣмъ они его догнали. При послѣднемъ предположеніи, неизвѣстно, обращаться ли къ среднему теченію Случи, у котораго проходилъ Чертовъ лѣсъ, или же къ ея верховьямъ, отъ которыхъ Даніиловъ воевода также могъ уходить на этотъ лѣсъ, разсчитывая укрыться въ немъ (преслѣдованіе въ этомъ лѣсу было какъ будто неудобно; см. Ип., 281: „послаша по Изяславѣ . . . и гониша по нихъ до Чертова лѣса"). Невдалекѣ отъ этихъ верховьевъ мы встрѣчаемъ: Берегели и Берегелинцы (въ Староконстантинопольскомъ уѣздѣ), Бережинцы и Бережесть (въ Острожскомъ) и — на верховьяхъ Горыни—Бережанку (въ Кременецкомъ у.). Бѣляевъ располагалъ Бѣлобережье именно у верховьевъ Случи. Лѣтопись, кажется, благопріятствуетъ такому толкованію: обѣ стороны бились „о рѣку Случь": лѣтописецъ какъ бы хотѣлъ сказать, что онѣ держались долго у ея береговъ, что естественно было при отступленіи Владислава на сѣверъ, отъ верхняго теченія Случи. Вспомнимъ при этомъ, что королевичъ шелъ на самого Даніила („движе рать Андрѣй королевичь *на Данила* . . . рекшу же Данилу князю Володимеру: „брате! вѣдаюче обѣю наю *идуть* наю" . . . .), бывшаго тогда въ Кіевѣ. По справедливому объясненію Зубрицкаго (III, 116), „цѣль Андреева похода была, очевидно, въ пользу Михаила Черниговскаго, чтобы отвлечь Даніила отъ вспомоществованія Владиміра Кіевскаго". Для чего же, послѣ этого, королевичу, шедшему *изъ Галича*, понадобилось идти болѣе длинною дорогою (этотъ путь къ Кіеву направлялся на Тихомль, Шумскъ, Пересопницу, Дорогобужъ, Корческъ, Ушескъ, Мичьскъ, Воздвиженье, Бѣлгородъ; см., напр., Ип., 276) и двигаться сначала на сѣверъ, а потомъ подъ прямымъ угломъ поворачивать на востокъ, когда онъ могъ идти чрезъ землю своихъ союзниковъ Болоховцевъ (былъ путь и чрезъ эту землю)? Подобное движеніе можно было бы объяснить лишь тѣмъ, что онъ на дорогѣ уже соединился съ принявшимъ его сторону Александромъ Белзскимъ, но изъ-за этого ему не стоило избирать такой путь. Да и Владиславъ, посланный для развѣдокъ, долженъ былъ держаться ближе къ мѣстностямъ, изъ которыхъ могла грозить опасность, т. е. къ галицкой границѣ. Не мѣшаетъ замѣтить здѣсь, что „отъ истоковъ Случи до м. Острополя, на протяженіи 115 верстъ и 100 сажень, она протекаетъ по пространству осадочныхъ породъ міоценовыхъ и древне-мѣловыхъ напластованій („Вол. Губ. Вѣд." 1868, № 94). „Южнѣе м. Ляховецъ обильно расположенъ и обнаруживается бѣлый мѣлъ по всѣмъ прибережнымъ р. Полквѣ мѣстностямъ" (Ibid., № 109). Точно также и въ другихъ мѣстахъ, ближайшихъ къ верховьямъ Случи и по самой Случи. См. Геологическо-геогностич. очеркъ Вол. губ. Г. Оссовскаго въ „Трудахъ Волынскаго Губ. Стат. ком.", вып. I (Житомиръ, 1867), стр. 273—274. — Изъ сказаннаго ясно, какъ мало вѣроятно предположеніе г. Погодина, стоящаго за теперешнее Бѣлобережье Дубенскаго уѣзда: послѣднее удалено на значительное разстояніе отъ Случи и отдѣляется отъ нея двумя рѣками, въ томъ числѣ одною довольно значительною — именно Горынью. Точно также не подходятъ къ лѣтописному Бѣлобережью: Берегъ Дубенскаго уѣзда, Бережцы Кременецкаго и Владимирскаго (ихъ четверо) и—по причинѣ слишкомъ сѣвернаго положенія—Бережницы на р. Горыни.—Г. Барсовъ („Матеріалы", стр. 20)

Если обратиться теперь къ поселеніямъ, носящимъ одно имя съ Болоховскими городами, то изъ ряда ихъ тѣ только, по нашему мнѣнію, могутъ быть признаны стоящими на территоріи древней Болоховской земли, которыя находятся въ границахъ, указанныхъ лѣтописью если не вполнѣ ясно, то все-таки довольно приблизительно.

Посмотримъ же, есть ли такія.

—

принимаетъ мнѣніе Зубрицкаго, по словамъ котораго (III, 115, прим. 94) „Бѣлобережьемъ называлась окрестность около рѣки Случи“ вообще. „Множество подобноименныхъ мѣстностей по Случу, говоритъ г. Барсовъ, какъ то: *Березники* (Бережки?), *Березно*, *Берездичи* и т. д. подтверждаютъ догадку Зубрицкаго. Но эта догадка произвольна. Указываемыя г. Барсовымъ мѣстности по Случу лежатъ лишь въ сѣверной части ея теченія, куда, какъ мы сказали, едва-ли могли идти Венгры, а заключать на основаніи названій этихъ мѣстностей, что окрестности Случи назывались Бѣлобережьемъ на протяженіи всего ея теченія, нѣтъ основаній. Во 2-хъ, въ корнѣ приводимыхъ г. Барсовымъ названій совсѣмъ другая основа, чѣмъ въ словѣ Бѣлобережье, хотя и слово берегъ превращается въ *берези*: Бѣлобережье какъ разбираемаго нами мѣста, такъ и начальной лѣтописи не называется Бѣлоберезьемъ, какъ угодно писать его г. Барсову, ни въ одномъ лѣтописномъ спискѣ. Великую Березну мы встрѣчаемъ также на Хоморѣ, на Корчикѣ—Берездовъ, въ Кременецкомъ уѣздѣ есть Бржезна и Березина. — Вотъ что мы нашли возможнымъ сказать о Бѣлобережьѣ, упомянутомъ въ Галицко-вол. лѣтописи подъ 1231 г. — Раждается вопросъ: то ли самое упомянуто и подъ 1257 годомъ? Поставленіе въ этомъ мѣстѣ лѣтописи жителей Бѣлобережья рядомъ съ жителями Чернятина (слѣдовъ котораго нѣтъ сѣвернѣе Хомора) и Болоховцами позволитъ отвѣчать на это утвердительно только въ случаѣ отнесенія Бѣлобережья 1231 г. къ верховьямъ Случи. Тамъ же мы встрѣчаемъ сгруппированными на небольшомъ пространствѣ: Чернятинъ великій, Чернятинокъ (Заславскаго уѣзда), Чернелевку (Старо-Константинопольскаго у.) и Чернелевскую слободу (того же уѣзда); изъ нихъ о Чернятинѣ Заславскаго уѣзда намъ извѣстно, что онъ существовалъ уже въ XVI стол. („Вол. Губ. Вѣд.“ 1868, № 6). Но легко могло случиться, что названіе Бѣлобережья и тогда, какъ и теперь, прилагалось къ нѣсколькимъ мѣстностямъ. Кромѣ упомянутаго Бѣлаго Берега Радомысльскаго уѣзда и Бѣлобережья Дубенскаго, намъ извѣстно Бѣлобережье въ предмѣстіи Владимира Волынскаго, встрѣчающееся уже въ актѣ XVI стол. („Архивъ юго-западной Россіи“, ч. I, т. I, стр. 372). Изъ лѣтописей видно, что Бѣлобережьемъ встарину называли берегъ подлѣ Килійскаго устья Дуная (Лѣт. п. Лавр. сп., 50 и 72. Соловьевъ, I, прим. 230); кромѣ того, въ нашихъ лѣтописяхъ упоминается еще Днѣпровская Убережь (Ип., 456). Въ XV стол. Бѣлобережье упоминается гдѣ-то на востокѣ литовскихъ владѣній. Въ одной подложной грамотѣ Льва Даниловича указываются Бѣлые Берега въ Галиціи („Гал. ист. сборн.“ II, 171. У Эриха Ляссоты (Tagebuch des Erich Lassota von Steblau, Halle 1866, S. 207) встрѣчаемъ Бѣлобережье на правомъ берегу Днѣпра, въ двухъ миляхъ отъ Чигирина. — Въ 1621 г. дер. *Бѣлые Берега* была надана Степанскому мон. („Кіевлянинъ“ 1850: „О городѣ Степанѣ“. Цит. въ „Вол. Еп. Вѣд.“ 1867, стр. 81). — Въ Польшѣ былъ свой Бялобржегъ — въ теперешней Радомской губ., и оттуда былъ родомъ извѣстный католическій епископъ Каменца Подольскаго — Мартинъ Бялобржевскій.

Таковыми оказываются: Деревичи и Губинъ Волынской губерніи [44]) и Кудинка Подольской [45]). Съ меньшею долею вѣроятности можно поставить вмѣсто этихъ пунктовъ Губино Бердичевскаго у. [46]), Кодню Житомирскаго [47]) и Буду Губичу Проскуровскаго [48]). Затѣмъ: Бутовцы Новоградволынскаго уѣзда [49]) *напоминаютъ* лѣтописный Кобудъ, которое-нибудь изъ Городищъ Житомирскаго уѣзда стоитъ, можетъ быть, на мѣстѣ лѣтописнаго Городца, а Дьяковцы Литинскаго уѣзда [50]),—на мѣстѣ лѣтописнаго Дядькова.

По мнѣнію г. Барсова, на мѣстѣ нынѣшняго Забужья, расположеннаго у рѣки Бога ниже Межибожья, могъ находиться древній Божскій. По смыслу лѣтописныхъ упоминаній объ этомъ городѣ, онъ, дѣйствительно, находился невдалекѣ отъ Межибожья [51]) и можетъ быть отыскиваемъ у самой рѣки Бога: лѣтописи не позволяютъ только полагать его южнѣе загиба этой рѣки, потому что тогда Божскій былъ бы слишкомъ не по дорогѣ къ Кіеву и значительно удалился бы отъ Межибожья; притомъ, въ половинѣ XII стол., когда о немъ говорятъ нѣсколько разъ лѣтописи, побережье Бога, начиная съ поворота его на югъ, не было еще колонизовано славяно-русскимъ племенемъ, которое встрѣчается тамъ гораздо позже [52]). Мы позволимъ себѣ однако замѣтить, что теперешнее

[44]) Деревичи—въ Новоградволынскомъ у.: тамъ же есть Слобода Деревичи; Губинъ — въ Староконстантиновскомъ уѣздѣ; неподалеку отъ него — Губча. О мѣстномъ преданіи Деревичъ (что тамъ прежде былъ городъ, разоренный Татарами) см. въ Географич. Слов. Семенова.

[45]) Въ Летичевскомъ уѣздѣ.

[46]) Остатки огибавшихъ это селеніе валовъ, высотою до 372 саж., и рвовъ, длиною до 500 саж., замѣтны и нынѣ. Фундуклей, стр. 43. Похилевичъ, „Сказанія о населенныхъ мѣстностяхъ Кіевской губерніи“, Кіевъ 1864, 272.

[47]) Она упоминается въ актахъ уже около 1415 г. (А. З. Россіи, I, № 26, стр. 37).

[48]) Она лежитъ къ востоку отъ Проскурова, невдалекѣ отъ Буга, вблизи Пироговецъ.

[49]) Въ актахъ намъ извѣстно упоминаніе Бутовцовъ въ началѣ XVII стол.

[50]) Впрочемъ, на этомъ послѣднемъ сближеніи мы не настаиваемъ. — Дядьковцы упоминаются въ источникахъ довольно рано.

[51]) См. выше.

[52]) Поэтому мы и оставляемъ въ сторонѣ Богополь, находящійся у Бога невдалекѣ отъ Ольвіополя, и Бугское, находящееся у той же рѣки противъ Вознесенска (Херсонской губ.).— Уже при Мономахѣ за Росью на Богу были Половцы (лѣт. по сп. Лавр., 241). Подъ 1171 г. въ Лавр. сп. (стр. 344) сообщается, что Половцы, ограбивъ западную часть Кіевской земли, ушли за Богъ: значитъ, проходъ черезъ послѣдній былъ свободенъ. Они опустошили тогда земли „за Кыевомъ“, т. е. находившіяся прямо на западъ отъ него (сл. лѣт. по Ип. сп. подъ 1172 г.: „Половци . . . здумаша: „. . . . поидемъ за Киевъ, возмемъ села и поидемъ с полономъ в Половцѣ; и ѣхаша за Кыевъ воеватъ. И приѣхаша *к Полоному*, к святѣй Богородицѣ граду к десятиньному, и к Сѣмычю; и възяша села безъ учета с людми . . .“ Стр. 379—380); слѣдовательно, уходя послѣ грабежа, они должны были переправиться черезъ Богъ довольно вы-

названіе Забужья едвали могло произойти отъ слова Божскій. Оно принадлежитъ къ тому разряду мѣстныхъ именъ, къ которому относятся: *За*буча у р. Бучи въ Кіевской губ., *За*стугна — у Василькова, *За*слуцкое у рѣки Случи (невдалекѣ отъ Староконстантинова: тамъ же Закузьминское); въ Полтавской губ. мы знаемъ *За*груновку, Засёлье (два села), Засулье (тоже два). Назовемъ далѣе: лѣтоп. Зарѣчьскъ—тепер. Зарѣцкъ въ Ровенскомъ уѣздѣ, Заброды въ Житомирскомъ, Заставье у Клевања, Залужье, Залѣшаны и Залисцы, Загорцы, Зарудье (въ нѣсколькихъ мѣстахъ), Загробелу въ Галиціи и множество т. п. Самое Забужье встрѣчается еще въ уѣздахъ Ровенскомъ и Брацлавскомъ: въ Кременецкомъ есть рѣка Забужина, въ Ровенскомъ сел. Збуже, а у с. Городска Радомысльскаго уѣзда мы нашли ручей Збужокъ. —Какъ на мѣсто, на которомъ могъ быть древній Божскій, мы, съ своей стороны, укажемъ на находящееся *вблизи Буга* селеніе Божиковцы Летичевскаго уѣзда, названіе котораго, путемъ постепенныхъ преобразованій въ разговорной рѣчи (примѣровъ этихъ преобразованій есть немало) могло очень легко произойти отъ слова Божскій. По своему положенію, эти Божиковцы вполнѣ подходятъ къ древнему Божскому. Они, какъ и Забужье, расположены невдалекѣ отъ Межибожья и приблизительно также стоятъ на прямой линіи, которую можно провести отъ Галича къ Кіеву. Замѣтимъ еще, что, при перечисленіи пяти городовъ, которые въ половинѣ

соко. Г. Погодинъ принимаетъ поправку этого мѣста на основаніи Татищева, предложенную Арцыбашевымъ, который вмѣсто Буга ставитъ р. Уголъ („Изслѣд." V, 146), но это неосновательно. — Подъ 1185 г., при описаніи похода Русскихъ князей на Половцевъ, въ Воскресенской лѣтописи говорится: „и перешедше рѣку искаша ихъ 5 дній". Эта рѣка въ рукописи Воскресенской и Алатырской названа Босъ, въ Карамз. Босе, а въ Арх. Богъ; въ Лавр. Уголъ. У Татищева встрѣчаемъ подъ 1159 г. слѣдующее извѣстіе: „Владиміръ Андреевичь согласясь съ Ярославомъ Изяславичемъ и Ярославомъ Галицкимъ, пошли на пришедшихъ Половцевъ *въ ихъ области по Днестру и къ Острогу*, встрѣтя ихъ между Мунарева и Рополчемъ, многихъ Половцевъ избили и Руской полонъ возвратили" („Исторія Россійская", кн. III, стр. 121). Тутъ пограничными оказываются области по Днѣстру и около Острога. — Что касается Побережья Днѣстра, то оно было во власти Русскихъ на всемъ своемъ протяженіи и упоминается, повидимому, даже у арабскихъ писателей. У Ibn-Sa'id Maghriby, между прочимъ, читаемъ: «A l'est (de *l'île des hommes*) se trouve la grand île (presqu'île) des Slaves, qui a environ 700 milles de longueur sur à-peu-près de 300 de largeur, et qui renferma des montagnes et des fleuves. Le chef lieu de cette presqu'île est la ville de Boulghâr, qui a donné son nom aux Boulghârs. Le poin le plus reculé où aboutit l'Océan, le long de cette côte, est la ville (la capitale) des Russes, qui sont une nation indomptable. Il a dans cette partie (de la terre) un grand nombre de pays barbares sur le bord du fleuve de Dnecht (Dniester?) qui est un des fleuves (les plus considérables) du monde et qui se jette dans la mer du coté du nord». «Mém. de l'Acad. Imp. des sciences de St.-Pet. VI-me série. T. II, 4 et 5 livraison (S.-Pet. 1834), p. 334. Сл. Ibn. Foszlan's und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit. Von C. M. Frähn. Pet. 1823, s. 32.

XII стол. Изяславъ три раза отдавалъ князьямъ во временное владѣніе на югозападной окраинѣ Кіевской земли, Божскій постоянно ставится впереди: за нимъ слѣдуетъ Межибожье, а за послѣднимъ Котельница. Очевидно, перечисленіе всегда производилось въ одномъ порядкѣ: отъ юго-запада къ сѣверо-востоку. Соотвѣтственно этому, и Божиковцы лежатъ на югозападѣ отъ Межибожья. Поручая Ростиславу Юрьевичу наблюдать, чтобы Половцы не грабили Русской земли, Изяславъ отправилъ его не въ Межибожье, которое также принадлежало этому князю, а въ Божскій: изъ этого видно, что послѣдній былъ ближе къ степямъ. Тоже можно сказать и о Божиковцахъ по отношенію къ Межибожью. — Кромѣ Божиковецъ, мы могли бы указать еще на Бозулинцы и на Богудзянку [53]).

Заканчивая перечень поселеній, которыя, если не съ полною, то все-таки съ значительною вѣроятностію, могутъ быть признаны стоящими на мѣстѣ одноименныхъ съ ними или подобноименныхъ городовъ Болохова, мы скажемъ, что отголосокъ этого Болохова, можетъ быть, слышится въ названіи Борушковецъ, села Новоградволынскаго у. (въ лѣтописи къ Болохову находимъ варіантъ Бороховъ).

Итакъ, тамъ, гдѣ, заключая на основаніи лѣтописныхъ извѣстій, должно помѣстить Болоховскую землю, и въ настоящее время есть три поселенія, названія которыхъ *совершенно* согласуются съ именами трехъ изъ семи упомянутыхъ лѣтописью Болоховскихъ городовъ; тамъ же есть села, напоминающія, по своимъ названіямъ, остальные города. Во всякомъ случаѣ, достаточно и того, что нашлось три поселенія: съ того времени, когда лѣтопись занесла на свои страницы имена Болоховскихъ городовъ, прошло 600 съ лишнимъ лѣтъ, и мало ли переворотовъ видѣли тѣ края, не разъ лишавшіеся жителей, вмѣстѣ съ которыми исчезали безслѣдно и ихъ селища? Тѣже изъ послѣднихъ, которыя уцѣлѣвали, являлись мало по малу, съ преображенными именами, иногда совершенно не похожими на прежнія [54]).

Всѣ отмѣченныя нами мѣстности лежатъ въ одной сплошной территоріи, на ко-

[53]) Въ своихъ „Матеріалахъ“ (стр. 16) г. Барсовъ указалъ на с. Бузовку въ Таращанскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи, на правомъ берегу Тикича Горнаго. — „съ едва замѣтными остатками древнихъ валовъ. Въ окрестностяхъ сохранилось преданіе, что Бузовка была когда-то многолюднымъ и богатымъ городомъ и называлась „Бузъ“. Но Божскій, о которомъ ведется рѣчь, и который былъ наданъ Давыду Игоревичу вмѣстѣ съ Дубномъ и Черторыйскомъ, едвали отстоялъ такъ далеко на востокъ отъ этихъ пунктовъ; находясь на мѣстѣ Бузовки, онъ былъ бы въ чрезполосности съ владѣніями остальныхъ князей. Другія извѣстія о Божскомъ также не дозволяютъ относить его такъ далеко на юго-востокъ. — Къ древнему Божскому не подходитъ и Бужанка, село у впаденія ручья этого имени въ Тикичъ.

[54]) Примѣровъ, за множествомъ ихъ, мы не приводимъ. Польскіе паны переименовывали иногда поселенія по своему вкусу.

торой, судя по лѣтописямъ, въ половинѣ XIII столѣтія не могло быть владѣній, принадлежавшихъ кому-нибудь иному, кромѣ Болоховцевъ, и которая находится на границахъ, указанныхъ лѣтописью для Болохова.

Порядокъ, въ которомъ расположены эти поселенія, соотвѣтствовалъ тому, который можно вывести изъ лѣтописи для Болоховскихъ городовъ. Отправившись однажды наказывать Болоховскую землю за отпаденіе ея, Даніилъ началъ опустошеніе ея, очевидно, съ сѣверныхъ ея частей и постепенно шелъ къ югу [55]); при осадѣ одного изъ самыхъ полуденныхъ ея пунктовъ — Дядькова — къ нему явился на помощь его печатникъ, отстаивавшій передъ тѣмъ Бакоту отъ напавшаго было на нее Ростислава Михаиловича. Такимъ образомъ, Деревичъ, названный первымъ въ ряду Болоховскихъ городовъ, разоренныхъ Даніиломъ, долженъ былъ быть самымъ сѣвернымъ изъ нихъ. Точно также въ ряду выбранныхъ нами мѣстностей самымъ сѣвернымъ оказывается нашъ Деревичъ. Въ лѣтописи за Деревичемъ слѣдуютъ: Губинъ и Кобудъ, Кудинъ [56]), Божскій, Дядьковъ; у насъ также постепенно спускаются къ югу: Губинъ и Бутовцы, Кудинка, Дьяковцы, Божиковцы.

Еслибы мы удалили Болоховцевъ изъ означенной нами территоріи, то мы не нашли бы кѣмъ замѣстить ее, и пришлось бы предположить, что между областями Галича, Волыни, Кіева и Русскими поселеніями по Богу оставалось пустое пространство.

Все это утверждаетъ насъ въ мысли, что Болоховская земля лежала именно въ предѣлахъ, очерченныхъ нами на основаніи лѣтописныхъ указаній, т. е. была расположена по верховьямъ Бога и по притокамъ обѣихъ его сторонъ до поворота его на югъ, по верхнему теченію Случи до впаденія въ нее Хомора и по верховьямъ Тетерева и его притокамъ не далѣе Гниломета. Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, Болохово находилось въ пунктѣ соприкосновенія древнихъ земель Галицкой, Волынской и Кіевской и занимало южную часть теперешняго Новоградволынскаго уѣзда, восточную часть уѣз. Староконстантиновскаго и Проскуровскаго, весь уѣздъ Летичевскій и, можетъ быть, также югозападную часть Житомирскаго и западную Бердичевскаго. Въ теперешней Кіевской губерніи оно могло простираться и далѣе на востокъ, но мы не можемъ положительно утверждать это.

[55]) Непосредственно передъ тѣмъ онъ былъ на сѣверѣ своихъ владѣній (см. Ип., 524—525), гдѣ онъ постоянно пребывалъ со времени Татарскаго нашествія; для прекращенія же безпорядковъ на юго-востокѣ, которые производили тамъ бояре, Даніилъ послалъ печатника Кирилла съ отрядомъ пѣхоты и конницы. Слухъ о новой попыткѣ Ростислава заставилъ его самого отправиться на югъ. Что онъ шелъ съ сѣвера, видно также изъ слѣдующихъ словъ лѣтописи: „Василько же князь осталъ бѣ стеречи землѣ отъ Литвы, послалъ бѣаше вое свое со братомъ“. Ип., 526.

[56]) Городецъ мы опускаемъ.

Остальныя мѣстности югозападнаго края, названія которыхъ сходны съ названіями Болоховскихъ городовъ, но не перечисленныя нами, не могутъ быть отнесены въ границы древней Болоховской земли и своими именами обязаны, по большей части, вѣроятно тому, что были заселены первоначально Болоховцами. Во вторую половину своего княженія Даніилъ ревностно заботился объ увеличеніи населенности въ своихъ владѣніяхъ, которыя лишились огромнаго количества жителей при татарскомъ разгромѣ, и, между прочимъ, осаживалъ въ своей землѣ военноплѣнныхъ. Туже, вѣроятно, участь имѣли и захваченные имъ во время опустошенія Болохова [57]). Отсюда-то, можетъ быть, ведутъ начало Болоховичи въ Луцкомъ уѣздѣ и Болоховъ, Болеховъ и т. п. [58]) въ Галиччинѣ. По сообщенію В. Б. Антоновича, о Болоховцахъ упоминается даже въ одной галицкой пѣснѣ, но, къ сожалѣнію, мы незнакомы съ этой пѣснею и потому не можемъ сказать, какихъ она разумѣетъ Болоховцевъ, и отголосокъ какой эпохи составляетъ это упоминаніе: времени ли удѣльно-вѣчеваго уклада, или періода, когда Болоховцы являются удалыми торговцами; равнымъ образомъ, по указанной причинѣ, мы не беремся рѣшить, чему приписать появленіе Болоховцевъ въ этой пѣснѣ, поселенію ли ихъ въ Галиччинѣ, или же какимъ-нибудь столкновеніямъ и сношеніямъ съ Червонорусcами.

Особенно много мѣстностей съ именами, похожими на имена Болоховскихъ городовъ, встрѣчается въ Ровенскомъ уѣздѣ и вообще въ средней Волыни [59]). Затѣмъ онѣ

[57]) Лѣтопись говоритъ: „Данилъ же возьма плѣнъ многъ вратися"... „плѣнивъ землю Болоховьскую и пожегъ". Ип., 526. „Богъ возмездье имъ дасть, яко не оста ничтоже во градѣ ихъ, еже бысть не пленено". Ibid., 527.

[58]) На нихъ указалъ уже Петрушевичъ. „Гал. ист. сб.", вып. II, стр. 110, примѣч. 25. Въ описаніи путешествія въ Турцію польскаго посольства въ 1557 году, принадлежащемъ Отвиновскому, читаемъ: «**Po obiedzie wołoskim ruszyliśmy się od Chocimia, nocleg w polu pod Bolochowcami, pokarm w Czebrówce za Prutem**» (**Biblioteka Polska. Serya na rok** 1860. **Zeszyt** 9. **Podróże i poselstwa polskie do Turcyj. Przygotowane do druku z rękopismu przez J. Kraszewskiego. Wyd. Kaz. Józ. Turowskiego. W Krakowie.** 1860. **Str.** 9). Подъ этими Болоховцами, бывшими между Хотиномъ и Прутомъ, можетъ быть, должно разумѣть теперешній Галицкій Болоховъ, а можетъ быть, иное какое-нибудь однородное съ нимъ поселеніе. Что касается „поля", упомянутаго подъ Болоховцами, то это слово употреблено здѣсь въ теперешнемъ смыслѣ, а не въ смыслѣ степи (сл. тамъ-же: «**Przez Busko pokarmowałem** *w polu*, **i nocleg w polu przed Nowosławicami**»). Послы постоянно кормили лошадей и ночевали въ полѣ.

[59]) Мы нашли: въ Ровенскомъ уѣздѣ — Деревянное, Губковъ (о немъ см. у Стецкаго: **Wołyń pod względem statystycznym, historycznym i archeologicznym, t.** I, **Lwów** 1864, **str.** 279—280), Городокъ, два Городища, Збуже, Дядьковичи (этого имени два селенія); въ Дубенскомъ — Божкевичи и Коблинъ; во Владимірскомъ — Губинъ, Божевъ и Божанку; въ Заславскомъ — Губельцы и урочище Городецъ (недалеко отъ сел. Миньковецъ, въ 3-хъ верстахъ отъ Бачмановки. „Еп. Вѣд." 1867, стр. 108); въ Новоградволынскомъ — Кудиновичи; въ Луцкомъ —

есть въ губерніяхъ Кіевской и Подольской [60]). Это, можетъ быть, зависѣло отчасти отъ многократности колонизаціи южной Руси.

II.

Обращаемся къ анализу чисто-историческихъ данныхъ относительно Болоховской земли.

Тутъ мы постарались также собрать и сопоставить всѣ лѣтописныя извѣстія, не оставляя безъ вниманія ни единой черты.

Опредѣленіе происхожденія и времени появленія Болоховскихъ князей еще затруднительнѣе уясненія мѣста ихъ жительства: о послѣднемъ въ лѣтописи находимъ довольно ясные намеки; о первомъ же приходится догадываться, съ трудомъ улавливая лѣтописныя данныя, косвенно наводящія на рѣшеніе вопроса. Несловоохотливый на этотъ разъ лѣтописецъ, который не особенно, впрочемъ, и благоволилъ къ Болоховцамъ, не догадывался, что, чрезъ какихъ-нибудь 600 лѣтъ, читая его разсказъ о вѣроломствѣ Болоховскихъ князей, будутъ задаваться вопросомъ о самомъ происхожденіи ихъ, о которомъ онъ не сказалъ ни слова.

Слѣды существованія Болоховской земли съ этимъ отдѣльнымъ названіемъ замѣчаются въ лѣтописи впервые въ половинѣ XII стол. Подъ 1150 г. въ Ипатскомъ спискѣ читаемъ: „и приде Изяславу вѣсть оже Володимиръ перешелъ *Болохово*, идеть мимо Мунаревъ къ Володареву“ [61]).

Въ то время, какъ и послѣ, населеніе этой земли, по всѣмъ соображеніямъ, принадлежало къ чисто Русскому племени, а не къ Половцамъ, или вообще къ какимъ-нибудь инородцамъ, какъ нѣкоторые утверждаютъ [62]).

Губинъ (въ актахъ упоминается уже въ XVI стол.) и Городецъ; въ Овручскомъ — Городецъ. Всѣ эти мѣстности лежатъ къ сѣверу отъ границы Даніиловыхъ владѣній съ территоріею Болохова. Послѣднее не могло быть за Горынью, на которой были Даніиловы города Тихомль, Гнойница, Изяславль, и за Хоморомъ, о которомъ выше.

[60]) Въ Радомысльскомъ уѣздѣ, невдалекѣ отъ Чернобыля, есть Губинъ; въ Уманскомъ — Городецкое; въ Звенигородскомъ—Бужанка. Въ Подольской губерніи, въ Ушицкомъ уѣздѣ, гдѣ должно было быть Понизье, встрѣчаемъ Деревяны, Губаръ, а въ Винницкомъ—Кудійовцы.

[61]) Ип., 278.

[62]) По мнѣнію Зубрицкаго (III, 138), Болоховцы образовались изъ смѣси крещеныхъ Половцевъ и русскихъ бѣглецовъ или плѣнниковъ, причемъ преобладающимъ остался половецкій элементъ. — Съ Зубрицкимъ соглашается и г. Барсовъ („Очерки“, прим. 110, стр. XXXIV).— Г. Шараневичъ („Ист.“, 104) признаетъ Болоховцевъ чистыми Половцами. Но съ Половцами ли рядомъ ставятся они въ лѣтописи?

Лѣтопись не даетъ ни малѣйшаго повода къ такого рода предположеніямъ: она всегда трактуетъ Болохово какъ Русскую землю, ни единымъ словомъ не намекая на иноплеменность его обитателей.

Эта иноплеменность немыслима и при соображеніи всѣхъ фактовъ, извѣстныхъ о Болоховѣ и его жителяхъ.

Во половинѣ XII столѣтія, какъ увидимъ ниже, Болоховскій край былъ еще несомнѣнно Русскимъ. Поселенія инородцевъ, если они имѣли въ немъ мѣсто, могли явиться только позже.

Но въ XII столѣтіи Болохово, какъ мы очертили его границы, было окружено Русскими землями почти съ трехъ сторонъ и вдавалось въ нихъ угломъ: съ запада къ нему прилегали галицкія владѣнія, съ сѣверо-запада и сѣвера — волынскія, съ сѣверо-востока кіевскія; а вдоль Бога, по мнѣнію Лелевеля, тянулся торговый путь, шедшій отъ Луцка и Пересопницы къ устьямъ Днѣпра. Въ XIII вѣкѣ русскіе появились съ юго-востока—въ Побожьи [63]). Въ тоже время, Болохово, какъ мы сказали, лежало на бывшемъ въ значительномъ употребленіи пути изъ Кіева въ Галичъ и, слѣдовательно, занимало важную стратегическую позицію. Неужели же послѣ этого Русскіе дозволили бы инородцамъ поселиться въ такомъ мѣстѣ и врѣзаться въ Русскія земли острымъ и длиннымъ клиномъ? Да и сами Половцы едвали выбрали бы такое сосѣдство.

Говорятъ, что это были Половцы крещеные, слѣдовательно, до извѣстной степени оцивилизовавшіеся; а оттуда де ихъ земледѣліе [64]), которое, видно, было у нихъ однимъ изъ главныхъ занятій и находилось въ цвѣтущемъ состояніи, если Татары обязали Болоховцевъ поставлять въ качествѣ дани въ орду пшеницу и столь любимое кочевниками [65]) просо; оттуда же отсутствіе со стороны Болоховцевъ набѣговъ [66]) и вообще незамѣтность въ нихъ свойствъ ихъ „дикихъ" собратьевъ.

---

[63]) См. ниже.

[64]) Замѣтимъ, что о земледѣліи у Черныхъ Клобуковъ, а тѣмъ болѣе у Половцевъ, мы не нашли извѣстій.

[65]) По свидѣтельству Абу-Долефа (половины X-го вѣка), Печенѣги употребляли въ пищу одно просо. По сказанію Ибнъ-Даста, наиболѣе воздѣлывалось оно и у Славянъ. Тоже говоритъ и императоръ Маврикій (Ибнъ-Дастъ по изданію Хвольсона, С.Пб. 1869, стр. 48, 30 и 133). Это было одно изъ наиболѣе распространенныхъ культурныхъ растеній (сл. г. Гаркави „Сказанія мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Русскихъ", С.Пб. 1870, стр. 86). По словамъ Броневскаго, Татарское простонародье употребляло въ пищу „толченое пшено, разведенное водою и молокомъ и называемое обыкновенно касса" (Зап. Од. Общ. исторіи и древн., т. VI, стр. 356; сл. ibid., V, 823—824). Бопланъ также говоритъ, что Татары изъ кушаньевъ любили очень кашу.

[66]) О вторженіи Болоховцевъ въ Мазовію см. выше. Это единственный случай, занесенный

Но въ указанномъ нами мѣстѣ не поселили бы даже такихъ Половцевъ. Вспомнимъ, что въ княжествахъ Кіевскомъ, Переяславскомъ и Черниговскомъ такимъ инородцамъ отводились окраины. А еслибы почему-нибудь и поселили, то обязали бы извѣстнаго рода службою, между тѣмъ какъ Болоховцы являются совершенно независимыми и выступаютъ въ походы—очевидно, добровольно—[67]) развѣ съ Венграми, да съ такими Черниговскими князьями, которые никакъ не могли надѣлить ихъ тою землею [68]). Притомъ — вовсе не какъ служилые инородцы—они вообще рѣдко показываются на войнѣ и въ теченіе какихъ-нибудь 25 лѣтъ, они, по Галицко-волынской лѣтописи, всего три раза участвовали въ военныхъ предпріятіяхъ. Еслибы Половцевъ надѣлилъ землями самъ Даніилъ, то лѣтопись упомянула бы о томъ, говоря о неблагодарности Болоховцевъ, но она этого не дѣлаетъ однако.

Изъ названій 7 упомянутыхъ въ лѣтописи Болоховскихъ городовъ только два позволяютъ сколько-нибудь сомнѣваться въ ихъ славянскомъ происхожденіи: мы разумѣемъ Кудинъ и Кобудъ; но и они еще могутъ оказаться славянскими послѣ филологическаго разбора, который мы предоставляемъ спеціалистамъ. Мы позволимъ себѣ только сказать, что Кобудъ, можетъ быть, нужно поставить въ связь съ древне-славянскимъ словомъ *кобь* [69]) или же *куда* [70]), а Кудинъ въ связь съ древне-славянскимъ *будъ* [71]). Въ XII столѣтіи въ Переяславской области было село Кудьново, а къ Кобуду въ настоящее время приближаются: Кобче Луцкаго уѣзда [72]), Коблинъ Дубенскаго, Кабатня Липовецкаго и

въ лѣтопись, когда Болоховцевъ можно заподозрить въ набѣгѣ просто съ цѣлью грабежа, но и этотъ фактъ, какъ мы видѣли, еще не разъясненъ.

[67]) Болеславъ Мазовецкій прямо указываетъ на ихъ независимость: „суть особнии князи". Ип., 527.

[68]) Болоховцы явились на сцену, когда Михаилъ и Ростиславъ еще не господствовали въ югозападной Руси. Могутъ сказать, что они помогали Черниговскимъ князьямъ въ благодарность за то, что были посажены ихъ отцами или родичами. Но въ Половцахъ трудно предположить такое долговременное чувство благодарности.

[69]) Теперь есть слово ко́ба (см. Словарь Даля, стр. 738). Печать Ратибора найдена недалеко отъ урочища Коба.

[70]) Слово ***буда*** встрѣчается и въ Ипатскомъ спискѣ (стр. 401). — ***Будовать, буда*** (поселеніе въ родѣ слободы) употребляется и теперь.

[71]) Отъ этого-то корня получило начало и прозваніе Куденевичъ для Демьяна богатыря, о которомъ упоминаетъ Ник. лѣтопись подъ 1148 г. (П. с. р. л. IX, 178). Съ Кудинымъ могутъ быть сближены: Кодинци Хорольскаго уѣзда, Кудинча — озеро Остерскаго уѣзда и рѣка Кудаша Ярославской губерніи.

[72]) Упомянуто въ актѣ 1585 года: „Архивъ юго-западной Россіи", часть I, томъ I, стр. 199.

Кобудъ и Кобызче Черниговской губерніи [73]). Само Болохово, можетъ быть, слышится въ названіи Белехова поля, бывшаго въ волости Владимира что на Клязьмѣ [74]).

По образу жизни, Болоховцы нисколько не разнились отъ массы Русскаго населенія. Бывъ хлѣбопашцами, они имѣли и города съ деревянными постройками, укрѣпленные греблями, т. е. рвами и насыпями [75]). Дядьковъ градъ былъ взятъ Даніиломъ не сразу, а только когда къ нему явился на помощь его печатникъ съ 3000 пѣхотинцевъ и съ тремя стами конницы. Такимъ образомъ, земля Болоховцевъ имѣла благоустроенный видъ. Замѣтимъ, что, при описаніи опустошеній, произведенныхъ въ ней Даніиломъ, лѣтопись ни слова не говоритъ о захватѣ имъ стадъ, долженствовавшихъ составлять одно изъ

[73]) По преданію, сохранившемуся у мѣстныхъ жителей, Ставища Радомысльскаго уѣзда въ древности назывались Ковбыжъ.

[74]) У Татищева это поле названо Болоховымъ (кн. III, стр. 211). — Болохово могло произойти изъ корня *волох, волхъ*. Въ одномъ изъ позднѣйшихъ памятниковъ встрѣчается Волоховецъ („Памятники Кіевской коммиссіи", II, отд. 1, 308: „Мельница подъ Иванъ-городомъ на р. Острѣ, у Волоховца"). Въ XV столѣтіи одинъ изъ князей назывался Болхъ, и отъ него выводятъ князей Болховскихъ. — Къ Болохову подходятъ еще: Балохы Луцкаго уѣзда, Болотьхова Мглинскаго, Булохово Остерскаго, Велихово (оз.) Ковельскаго и Велиховъ Луцкаго.

[75]) Даніилъ „*грады* ихъ *огневи* предасть и *гребля* ихъ *раскопа*". Г. Погодинъ думаетъ, что („Изслѣд." VII, М. 1856, 201—202), „греблею назывался и ровъ и насыпная (нагребенная) дорога черезъ ровъ. Такъ же думалъ и Карамзинъ. По мнѣнію Арцыбашева (Повѣствованіе о Россіи, т. I, М. 1838, № 1201), „слово гребля здѣсь [въ словахъ Ип. сп. подъ 1172 г. (они приведены у Карамзина: т. III, прим. 3): „и городъ его пожгоша, греблю роскопаша"] значитъ крѣпость: не было надобности раскапывать ни рва, ни плотины; но оплотъ, то есть крѣпость или валъ". На основаніи одного мѣста Ип. сп. подъ 1229 г. (стр. 504: „Станиславъ же Микуличь рече: Где то мы стояли, ту нѣсть воды, ни гребле высокы") мы думаемъ, что греблею назывался, кромѣ плотины, не только простой ровъ, но ровъ съ насыпью надъ нимъ (см. Ип. 547, гдѣ „гребля" въ такомъ смыслѣ). Раскапывали эту насыпь, а не плотину, служившую для сообщенія; землею изъ вала, вѣроятно, засыпали рвы. По наблюденію Д. Я. Самоквасова, городища были обведены рвами и валами. Впрочемъ, можетъ быть, подъ греблями Болоховцевъ въ лѣтописи разумѣлся валъ на границѣ Болохова: лѣтопись говоритъ, что „не оста ничтоже во *градѣ* ихъ, еже бысть не пленено" (Ип., 527); передъ этимъ же шла рѣчь о многихъ Болоховскихъ городахъ. Г. Барсовъ („Очерки" etc., примѣч., стр. LXIV) склоненъ видѣть остатки южнаго порубежнаго укрѣпленія Болоховской земли въ Зміевомъ валѣ, „который, начинаясь у Екатеринополя (Кальниболота) верстахъ въ 15 къ югу отъ Звенигородки, тянется въ югозападномъ направленіи вдоль Гнилаго Тикича мимо сел. Латышовой (Звенигородскаго уѣзда), Свердликова, Нерубайки, Подвысокаго, Наливайки (Уманскаго уѣзда) къ Бугу и оканчивается у рѣки Кодымы въ Балтскомъ уѣздѣ". Но этотъ валъ, кажется переходитъ и за Днѣпръ. — Нѣкоторые валы тѣхъ мѣстностей были насыпаны во время польскаго владычества. Между Богомъ и Божкомъ есть валъ, насыпанный Турками [Statystyczne, topograficzne i hisoryczne opisanie gub. Podolskiey. T. I (Wilno, 1820), str. 84].

главнѣйшихъ богатствъ Болоховцевъ, еслибы они происходили отъ недавно осѣвшихся кочевниковъ, и не упоминаетъ также о вежахъ, а, конечно, не преминула бы сказать о томъ и другомъ въ случаѣ захвата [76]).

Наконецъ, Болоховцы, которымъ лѣтопись ни разу не даетъ эпитета, какимъ надѣляла инородцевъ (она ни разу не называетъ Болоховцевъ „погаными"), не замѣчаются ни въ какихъ связяхъ съ этими послѣдними, а готовность отдаться Татарамъ обнаружили не только они, но, какъ увидимъ, и жители краевъ, въ славянствѣ населенія которыхъ никто не можетъ сомнѣваться.

Потому-то, что они, Русскіе, отстали отъ своихъ собратій для того, чтобы съ полною готовностію служить поганымъ, былъ такъ разсерженъ на нихъ и Даніилъ, который „на нѣ болшую вражьду (держа), яко отъ Татаръ болшую надежду имѣаху" [77]).

Въ мѣстности, гдѣ послѣ выступаетъ Болоховская земля, уже въ 1100 году мы встрѣчаемъ Русскій городъ Божскій [78]). Значитъ, уже тогда она была занята славянорусскимъ племенемъ, осѣвшимся тутъ съ той поры, когда его поселенія доходили до Чернаго моря [79]).

[76]) См., напр., Ип. 468, 498, 533; мы указываемъ только нѣсколько примѣровъ, но ихъ можно бы привести множество. — О Черныхъ Клобукахъ лѣтопись говоритъ не такъ, какъ о Болоховцахъ. У Клобуковъ, наряду съ городами, въ которыхъ они затворяли во время войны женъ и дѣтей, являются вежи (Ип., 296). — Мы беремъ только кочевниковъ, пришедшихъ въ болѣе близкія отношенія къ Русскому міру, а о нецивилизованныхъ Половцахъ нечего и говорить: ихъ бытъ достаточно извѣстенъ.

[77]) Ип., 526—527.

[78]) Лѣт. по Лавр. сп., стр. 264: „...посланнии же придоша к Давыдови и рекоша ему: „се ти молвять братья: ...се ти даемъ: шедъ сяди в Бужьскѣмь, въ Острозѣ, а Дубенъ и Черторыескъ то ти даетъ Святополкъ, а се ти даетъ Володимеръ 200 гривенъ, а Давыдъ и Олегъ 200 гривенъ". Вм. „Бужьскѣмь", который въ другой разъ въ томъ спискѣ подъ тѣмъ же годомъ названъ Божскимъ, въ сп. Радзивилловскомъ, Троицкомъ, Ип. стоитъ: „Божьскомъ"; въ Хлѣбн. и Погод.: „Бузскомъ". Г. Барсовъ соединяетъ слова „в Бужьскѣмь въ Острозѣ" и, вмѣсто двухъ, принимаетъ одинъ городъ — Бужскій Острогъ. Г. Соловьевъ противъ этого (II, прим. 133). Объ Острогѣ въ XII стол. упоминаетъ и Татищевъ (см. выше). Когда лѣтопись разсказываетъ, что Давидъ согласился на предложеніе князей, то объ Острогѣ не упоминаетъ, а говоритъ: „А Давыдъ сѣде Божьскѣмь, и посемь вдасть Святополкъ Давыдови Дорогобужь, в немже и умре" (Лѣт. по Лавр. сп., l. c.). Поэтому едвали вѣрно мнѣніе г. Барсова. — О томъ, что въ этомъ мѣстѣ лѣтописи разумѣлся Божскій Болоховской земли, свидѣтельствуетъ не только его названіе (Бужскъ, какъ мы видѣли, никогда не назывался Божскимъ), но и то, что онъ былъ отданъ Давыду сонмомъ всѣхъ князей, значитъ, былъ причисляемъ къ великому княжеству Кіевскому. Даръ Святополка изъ его собственно земель указанъ отдѣльно.

[79]) Этотъ край былъ заселенъ, вѣроятно, Тиверцами, о которыхъ въ XII-мъ столѣтіи напоминалъ, быть можетъ, **Tiwer**, встрѣчающійся у Эдризи (**Lelewel**, **Polska wieków średnich**, II,

Первоначальная исторія этого края также неизвѣстна, какъ и первая судьба многихъ другихъ.

Темны его судьбы и въ то время, когда онъ выдѣляется въ лѣтописи съ спеціально принадлежащимъ ему названіемъ.

Извѣстно, что то былъ вѣкъ дробленія и появленія въ качествѣ особенныхъ волостей даже весьма небольшихъ территорій. Является вопросъ: имѣло ли и Болохово своихъ отдѣльныхъ князей, изъ Владимірова ли рода, или изъ рода, господствовавшаго надъ этою землею еще въ до-историческія времена и продолжавшаго, какъ нѣкоторые думаютъ [80]), властвовать до Даніила, или же, наоборотъ, оно постоянно подчинялось непосредственному управленію князей какой-нибудь другой волости?

Къ сожалѣнію, не имѣя достаточныхъ данныхъ, мы не въ состояніи отвѣтить на это со всею положительностію.—Впрочемъ, намъ кажется, въ лѣтопись занесены факты, которые могутъ навести на отвѣтъ хоть сколько-нибудь.

Городъ Божскій, являющійся въ лѣтописи XIII столѣтія принадлежащимъ къ Болоховской землѣ и долженствовавшій быть на южной ея окраинѣ, въ XII вѣкѣ, вмѣстѣ съ Межибожьемъ, бывшимъ на западной границѣ Болохова [81]), входилъ въ составъ Кіевской земли. Не думаемъ, чтобы оба они составляли отрѣзанный ломоть. Необходимо предположить, что, съ своими округами, они прилегали къ другимъ Кіевскимъ владѣніямъ и связывались съ ними, по крайней мѣрѣ, узкою полосою земли, которая, въ такомъ случаѣ, непремѣнно должна была или пересѣчь на двое Болоховскую область, какъ мы очертили ея границы, или же совсѣмъ отхватить южную ея половину. Дѣйствительно,

---

Poznań 1847, 399; если такъ, то этотъ Tiwer могъ стоять на мѣстѣ теперешняго Тиврова). По лѣтописнымъ извѣстіямъ, Улучи и Тиверцы сидѣли по Днѣстру и Богу. Въ Ип. спискѣ и сходныхъ съ нимъ читаемъ: „а Улутичи, Тиверцы сѣдяху *по Бугу* и по Днѣпру, и присѣдяху къ Дунаеви; и бѣ множ(с)тво ихъ, сѣдяху бо по Бугу и по днѣпру“. — Нарушевичъ полагалъ, что Tibiani Кадлубка и Богуфала означали Tyweranow (t. IV, изд. 1783, str. 38). Также готовъ былъ думать и Карамзинъ (I, прим. 70). Но въ Słowniczk'ѣ къ хроникѣ Викентія говорится: «tibianei — rodzaj zaciążnego wojska» (Monum. Pol. histor., II, 452). — По мнѣнію г. Барсова („Очерки“, стр. 84), въ Побужьи Улучи сходились съ южными разселеніями Древлянъ. Позже верхнее Побужье, по мнѣнію г. Барсова (ibid., 118), было занято кочевниками. Весьма интересно было бы знать лѣтописныя свидѣтельства, на которыхъ утверждается это послѣднее мнѣніе г. Барсова. На стр. 120 г. Барсовъ выразился осторожнѣе.

[80]) Такое мнѣніе высказано кн. Долгоруковымъ въ его „Россійской родословной книгѣ“ (ч. III, С.Пб. 1856, стр. 10): „Князья Болоховскіе были въ древней Россіи единственными удѣльными князьями, непринадлежавшими къ племени св. Владиміра. Отъ кого ведутъ они начало? отъ древнихъ ли владѣтелей Древлянскихъ, или отъ хановъ Половецкихъ, неизвѣстно...“

[81]) См. выше.

во всѣ три раза, когда, по упоминанію лѣтописей, эти города давались Кіевскими князьями въ отдѣльное владѣніе, они соединялись съ Котельницею и, слѣдовательно, составляли съ нею одну сплошную территорію. — Послѣ этого несомнѣнно, что, если не вся, то, по крайней мѣрѣ, половина Болоховской земли считалась Кіевскою и не имѣла отдѣльной княжеской линіи, такъ какъ Кіевскіе князья уступали ее кому хотѣли. — Замѣчательно, что этотъ край началъ составлять особенный участокъ какъ разъ въ то время, когда въ лѣтописяхъ появляется спеціальное названіе Болоховской земли; въ Кіевской землѣ, очевидно, онъ составлялъ какую-то отдѣльную группу городовъ. Къ сожалѣнію, два изъ нихъ ни разу не названы въ лѣтописяхъ, а между тѣмъ, быть можетъ, мы узнали бы въ нихъ Болоховскіе города, названные въ лѣтописи XIII-го столѣтія. Впрочемъ, первые слѣды обособленія этого края мы замѣчаемъ уже въ годъ Витичевскаго съѣзда, когда Божскій былъ отведенъ для жительства Давиду Игоревичу.

Въ XII столѣтіи мы не замѣчаемъ, чтобы Болохово заявляло какія-нибудь стремленія, подобныя тѣмъ, какія обнаруживало въ XIII, хотя, если они были, къ тому представлялось не мало удобныхъ случаевъ: напр., во время борьбы Юрія съ Изяславомъ Мстиславичемъ. Вообще въ XII вѣкѣ Болоховская земля не выказала себя рѣшительно ничѣмъ особеннымъ. Могутъ сказать, что ея князья молчали потому, что автономія ея не подвергалась никакой опасности. Но при Владимiркѣ Володаревичѣ Галичъ довольно явственно обнаруживалъ притязательныя стремленія относительно пограничныхъ земель, и мы не думаемъ, чтобы плодородное и имѣвшее немалую важность въ стратегическомъ отношеніи Болохово [82]) подлежало въ этомъ случаѣ исключенію. Въ концѣ XII-го и въ началѣ XIII стол. „самодержецъ всея Руси, одолѣвшій всимъ поганьскымъ языкомъ" Романъ Мстиславичъ также не потерпѣлъ бы подъ бокомъ у себя самовольныхъ сосѣдей. Да и вообще въ XII вѣкѣ, вѣкѣ наибольшаго разцвѣта удѣльно-вѣчевой Руси [83]), родъ Владиміра св., достигшій въ то время господства надъ всѣмъ русскимъ славянствомъ и ревниво охранявшій свои на то првва [84]), не допустилъ бы неограниченнаго владычества инаго дома даже надъ небольшою частицею Русской земли [85]). — На основаніи всего этого мы думаемъ, что, если какая-нибудь часть позднѣйшей Болоховской земли, выдѣляясь

[82]) Оно лежало на прямой дорогѣ изъ Галича въ Кіевъ. Владимірко нѣсколько разъ шелъ тѣмъ путемъ.

[83]) Тогда совсѣмъ исчезаютъ и племенныя названія. Дреговичи упоминаются въ лѣтописяхъ еще подъ 1149 годомъ.

[84]) *Племенные князья* Вятичей, Ходота и его сынъ, должны были смириться уже въ XI стол. Лѣт. по Лавр. сп., 239.

[85]) Вся Русская земля представлялась отчиною господствовавшаго дома, и всякій князь могъ сказать подобно Изяславу: „мнѣ отцины въ Угрехъ нѣтуть, ни в Ляхохъ, токмо в Руской земли" (Ип., 281).

изъ Кіевской волости, и имѣла отдѣльную княжескую линію, то послѣдняя держалась лишь подъ условіемъ признанія верховнаго владычества князей изъ дома Владиміра св.

Но, повторяемъ, все побуждаетъ предполагать, что такой отдѣльной линіи тамъ не было.

Съ явными признаками отдѣльнаго и независимаго существованія Болоховская земля выступаетъ во второй четверти XIII столѣтія [86]), и тутъ-то она и пріобрѣтаетъ для насъ особенный интересъ.

Прежде всего обращаютъ на себя вниманіе ея князья.

Мы видѣли, какъ несправедливо относить жителей Болохова къ инородцамъ. Доказывая несостоятельность этого, мы тѣмъ самымъ опровергали и мнѣніе о половецкомъ происхожденіи Болоховскихъ князей, высказанное Зубрицкимъ и Шараневичемъ [87]).

На томъ основаніи, что, требуя выдачи этихъ князей отъ Даніила, князья Черниговской вѣтви, Михаилъ и Изяславъ, называли ихъ своею братьею [88]), Карамзинъ [89]) и Арцыбашевъ считали Болоховскихъ князей Ольговичами. Къ тому же склоняются и тоже повторяютъ и многіе новѣйшіе ученые [90]).

Но названіе Болоховскихъ князей братьею со стороны Михаила и Изяслава еще ничего не значитъ: нужно доказать, что оно должно быть принимаемо именно въ смыслѣ ихъ родства. Въ до-монгольскій періодъ князья титуловали другъ друга вообще братіею [91]); нерѣдко они также именовали иноземныхъ царственныхъ союзниковъ [92]) и даже членовъ дружины [93]). Также точно называлъ иногда князей народъ [94]), а они—лицъ народа [95]).

---

[86]) Болоховскіе князья въ лѣтописи упоминаются впервые подъ 1231 г.

[87]) См. выше примѣч. 62.

[88]) Ип., 516: „... нача посылати Михаилъ и Изяславъ, грозяча: „дай нашу братью, или прідемь на тя войною“.

[89]) „Ист. госуд. Росс.“, III, прим. 346.

[90]) Соловьевъ, „Ист.“, III, прим. 261. Забѣлинъ, „Опыты изученія р. древн. и ист.“, ч. I, М. 1872, 541. Квашнинъ-Самаринъ, „По поводу Любецкаго Синодика“, стр. 216.

[91]) Мстиславъ Владиміровичъ говорилъ Олегу: „не бѣгай никаможе, но пошлися къ *братьи* своей с молбою, не лишать тя Русьскые земли“. Лѣт. по сп. Лавр., 232. См. затѣмъ стр. 252, 262. Братьею князья называли не только родъ, совокупность всѣхъ князей—родичей, но и другъ друга, безъ всякаго отношенія къ тому, были ли они какіе-нибудь братья, или нѣтъ; нерѣдко братьями называли другъ друга князья различныхъ линій.

[92]) Изяславъ говорилъ венгерскому королю и князьямъ чешскому и польскимъ: „а язъ вы реку: *братье*, съ Рожества Христова полѣзите на кони“ (Ип., 269). Приглашая Мстислава Удалаго въ Галичъ, Лешко говорилъ: „*братъ ми еси*, пойди и сяди въ Галичѣ“ (Ип., 489).

[93]) Святославъ говорилъ: „уже намъ сдѣ пасти; потягнемъ мужьски братья и дружино“.

[94]) Лѣт. по сп. Лавр., 254.

[95]) Ibid., 259.

Далѣе: Болоховскіе князья не всегда непремѣнно помогали Черниговскимъ князьямъ въ борьбѣ ихъ съ Даніиломъ [96]).

Г. Соловьевъ замѣчаетъ: „Если это были дѣйствительно Ольговичи, то ихъ должно считать внуками Игоревыми, братьями родными или двоюродными Изяслава Владиміровича, которымъ удалось удержаться въ части Галицкихъ волостей послѣ несчастнаго 1208 года“. Дѣйствительно, изъ Ольговичей только эти и могли быть въ Болоховѣ. Но мы спросимъ, какъ они утвердились тамъ.

Болохово никогда не принадлежало къ Галицкимъ владѣніямъ, а еслибы оно и было покорено галичанами, то галицкіе бояре, отстаивая постоянно цѣлость своей земли [97]) и восторжествовавши надъ Игоревичами въ самомъ Галичѣ, не позволили бы удержаться ихъ ненавистному для бояръ роду и въ какой-нибудь изъ галицкихъ провинцій, совершенно обособивъ ее. Могутъ сказать вмѣстѣ съ г. Квашнинымъ-Самаринымъ, что Игоревичи „получили удѣлы отъ Всеволода Чермнаго, бывшаго великимъ княземъ во время избіенія ихъ. Понятно, что онъ помѣстилъ своихъ родственниковъ въ западной части Русской земли, по сосѣдству съ Галичемъ, на который они имѣли притязаніе“. Дѣйствительно, какъ видно изъ лѣтописей, Всеволодъ горячо принималъ къ сердцу бѣду своихъ родичей [98]), изъ которыхъ одинъ пособлялъ ему прежде въ борьбѣ за Кіевъ; но самъ Всеволодъ былъ изгнанъ изъ Кіева, а слѣдовавшіе за нимъ Кіевскіе князья не замедлили бы вытурить, какъ водилось постоянно, засѣвшихъ въ части Кіевской земли болѣе или менѣе чуждыхъ имъ князей. А еслибы этого не случилось, то осѣвшіеся внуки Игоря заявляли бы какъ-нибудь свою дѣятельность въ распряхъ за Кіевскій столъ,—распряхъ, которыя возбуждались постоянно Черниговскими князьями. Они не стояли бы особнякомъ отъ всякихъ дѣлъ въ теченіе какихъ-нибудь 20 лѣтъ.— Съ другой стороны, мы видимъ, что Болоховскіе князья были въ неразрывномъ союзѣ съ погубившими Игоревичей галицкими боярами и вовсе не добивались галицкаго стола. Г. Квашнинъ-Самаринъ при-

[96]) Напр., въ 1228 г. по Ип. сп. Болоховскіе князья не были съ Михаиломъ, въ 1255 г. они не сопутствовали Изяславу.

[97]) Это постоянная черта галицкой исторіи. Въ 1152 году бояре не допустили Ярослава Владиміровича возвратить Изяславу города, отнятые у него Владиміромъ.

[98]) По словамъ Новгородской лѣтописи (подъ 1214 годомъ), Всеволодъ „изгони . . . внукы Ростиславлѣ изъ Руси, такъ река: брата моя есте 2 князя повѣсили вы въ Галици, яко злодѣя, и положили есте укоръ на всѣхъ: и нѣту вамъ части въ Руськой земли“. Тогда-то Всеволоду и была полная возможность надѣлить Кіевскими землями своихъ родичей, которые не владѣли еще Болоховымъ во время княженія въ Галиччинѣ: когда Владиміръ Игоревичъ былъ изгнанъ изъ Галича, онъ бѣжалъ въ Путивль. Но Всеволодъ самъ былъ изгнанъ изъ Кіева въ годъ изгнанія Ростиславичей и вскорѣ послѣ того скончался въ Черниговѣ. А послѣ него княжили Мстиславъ Романовичъ (1214—23) и Владиміръ Рюриковичъ (съ 1223 г.).

числяетъ къ Болоховскимъ князьямъ упомянутаго въ лѣтописи подъ 1255 г. Изяслава, пытавшагося отнять Галичъ у Даніила, но это неосновательно. По мнѣнію г. Квашнина-Самарина [99]), этотъ Изяславъ — сынъ Владиміра Игоревича, спасшійся бѣгствомъ отъ казни, постигшей Игоревичей въ Галичѣ [100]): онъ потому и сдѣлалъ попытку отнять Галичъ, что былъ изъ этого рода. Не приводя тутъ возраженій, какія представляются противъ отождествленія Изяслава 1255 г. съ Изяславомъ Владиміровичемъ [101]), мы скажемъ только, что Изяславъ 1255 г. ни разу не является въ связи съ Болоховцами [102]), и относить его къ нимъ—скорѣе дѣло фантазіи, чѣмъ строгаго историческаго повѣствованія. Тоже самое можно сказать и объ отношеніи къ Болоховскимъ князьямъ Ѳеодора, котораго Изяславъ послалъ „ко Солемь" [103]). Вообще изъ извѣстныхъ намъ внуковъ Игоря, упомянутыхъ въ Любецкомъ синодикѣ и лѣтописяхъ нельзя никого помѣстить въ Болоховѣ, какъ нельзя никого выбрать туда и изъ остальныхъ членовъ дома Владиміра св. [104]).

Лѣтопись нигдѣ не намекаетъ на связь Болоховскихъ князей съ какою-нибудь вѣтвію этого дома.

Напротивъ, все заставляетъ думать объ особенности этого рода. Въ лѣтописи Болоховскіе князья обозначаются не такъ, какъ князья Владимірова дома, а совершенно отлично: они называются не по именамъ и отчествамъ (этотъ признакъ важнѣе, чѣмъ можно думать о немъ съ перваго раза), [105]) а прямо и исключительно упоминаются съ

[99]) Также думали Арцыбашевъ (кн. III, прим. 157) и Строевъ (см. Роспись V). Того же мнѣнія держится и Н. И. Костомаровъ („Р. ист.", I. 148).

[100]) Ип., 486.

[101]) Г. Погодинъ („Изсл., л., з.", VI, стр. 285) спрашиваетъ: „Неужели это все Изяславъ Володимеричь?" — Думаютъ, что онъ боролся съ Даніиломъ и въ тридцатыхъ годахъ XIII-го стол. (Погодинъ, l. c., VI, 281. Арцыбашевъ—кн. II, пр. 2212—колеблются), хотя Изяславъ, державшій сторону Михаила, въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ называется Мстиславичемъ. Соловьева Исторія Россіи, III, прим. 264.—Въ пятидесятыхъ годахъ XIII стол. Изяславъ долженъ былъ быть въ преклонномъ уже возрастѣ.

[102]) Въ 1235 г. по Ип. сп. объ освобожденіи Болоховцевъ хлопоталъ не только Изяславъ, но и Михаилъ Черниговскій, а вѣдь послѣдняго никто не причислитъ къ князьямъ Болоховскимъ.

[103]) Ѳеодоръ также не названъ княземъ Болоховскимъ. Отрицаніе принадлежности его къ князьямъ Болоховскимъ не мѣшаетъ однако считать его, вмѣстѣ съ г. Квашнинымъ-Самаринымъ, родственникомъ Изяслава. Ѳеодоръ былъ посланъ Изяславомъ „ко Солемь", можетъ быть, въ той надеждѣ, что хоть родичъ его спасется отъ Даніила.

[104]) Н. И. Костомаровъ также говоритъ, что нѣтъ возможности отыскать происхожденіе этихъ князей въ развѣтвленіи Рюрикова дома. „Р. ист. въ жизнеописаніяхъ важнѣйшихъ ея дѣятелей", вып. I, стр. 134.

[105]) См. „Изслѣд." г. Погодина, VII, 446—447. — Подъ 1249 г. лѣтопись называетъ по

именемъ своей земли. Что это была особенная група князей, видно и изъ политики ихъ: въ отношеніи къ Татарамъ они держали себя такъ, какъ ни одинъ изъ князей Владимірова рода.

Въ теченіе четверти столѣтія Болоховскіе князья вели самую упорную борьбу съ Даніиломъ Галицкимъ, которая, очевидно, отличалась тѣмъ же самымъ характеромъ, какой носило противодѣйствіе этому князю и со стороны другихъ князей южной Руси, напр. со стороны Владиміра Рюриковича и кн. Пинскихъ. Эта борьба имѣла цѣлью защиту автономіи. Даніилъ добивался отъ Болоховскихъ князей признанія верховной его власти, на этомъ условіи былъ готовъ оставить ихъ въ покоѣ и даже хлопоталъ за нихъ предъ Болеславомъ Мазовецкимъ, который, въ оправданіе своего желанія „разъграбити" Болоховскихъ князей, поставлялъ Даніилу на видъ, что эти князья не подвластны Романовичамъ: въ случаѣ несогласія Болеслава освободить Болоховскихъ князей, Даніилъ, такъ какъ эти послѣдніе „обѣщали работѣ быти" и „молились" ему, намѣренъ былъ объявить польскому князю войну: „Данилъ же и Василко за нѣ хоти съ нимъ брань створити" [106]. Давши Романовичамъ обѣщаніе повиноваться только въ надеждѣ освобожденія себя [107], Болоховскіе князья, уже задолго до того предъусматривавшіе притязанія Даніила и принявшіе сторону враговъ его еще въ то время, когда онъ и не думалъ заявлять своихъ централизаторскихъ стремленій [108], не перестали враждовать противъ него и теперь.

Несомнѣнно, что во всемъ этомъ они опирались на сочувствіе и поддержку со стороны населенія своей земли, въ массѣ котораго они совсѣмъ иногда скрывались [109].

Итакъ, въ одной изъ южнорусскихъ земель, въ Болоховѣ, принадлежавшемъ къ областямъ, которыя признавали господство Владимірова дома [110], въ XIII стол., ранѣе

именамъ и отчествамъ князей Черниговской линіи, помогавшихъ Ростиславу [см. Зубрицкаго „Ист. др. Гал.-р. княж.", ч. I (Львовъ 1852), стр. 28]. Отчего же бы эта лѣтопись отступала отъ такого обычая, говоря о князьяхъ Болохова, если и они были изъ Черниговской линіи? Тогда должна была быть свѣжа еще память о родственности Болоховскихъ князей съ Черниговскимъ домомъ.

[106]) Ип., 527.

[107]) Авторитетнѣе Даніила и Василька, бывшихъ въ дружбѣ съ Мазовецкими князьями, никто не могъ заступиться за Болоховскихъ князей.

[108]) См. выше. Болоховскіе князья воевали впервые противъ Даніила около 1231 года; обѣщаніе же повиноваться ему, по нашимъ соображеніямъ, было дано съ ихъ стороны послѣ 1234 г. Въ то время, когда они давали это обѣщаніе, они, по словамъ Мазовецкаго князя, были не вои Даниловы, но „особнии князи".

[109]) Ип. подъ 1257 г. (стр. 555): „....придоша Бѣлобережцѣ и Чернятинци и *вси Болоховци* к Данилу".

[110]) См. выше.

чѣмъ въ другой какой-либо изъ этихъ областей [111]), усаживаются князья совсѣмъ инаго рода, успѣвающіе получить признаніе даже со стороны иностранцевъ [112]). Въ томъ же Болоховѣ обнаруживается замѣтное стремленіе отрѣшиться отъ владычества членовъ господствовавшей тогда линіи.

Въ началѣ XIII-го столѣтія готовность къ тому проявлялась нѣсколько разъ и въ Галичѣ [113]), но, къ счастію, стеченіе обстоятельствъ помѣшало галицкой землѣ достигнуть обособленія.

Эти стремленія, бывшія наслѣдіемъ эпохи до-государственной розни племенъ и общинъ, о которой говорятъ не только наши лѣтописи, но и иноземныя извѣстія [114]), проглядываютъ и въ остальныхъ русскихъ земляхъ въ періодъ удѣльно-вѣчеваго уклада, въ который не дошли еще до мысли о построеніи изъ себя одного государственнаго организма; но только въ другихъ земляхъ подобныя желанія не простирались далѣе стараній имѣть своихъ *отдѣльныхъ князей изъ Владимірова рода* [115]).

Князьямъ Болохова, которые, если и роднились съ Рюриковичами, то развѣ путемъ брачныхъ союзовъ [116]), некому было доставить власти, кромѣ самого населенія, въ которомъ они находили поддержку: оттуда-то тѣсная связь Болоховскихъ князей съ этимъ населеніемъ. — Мы сказали, что они не могли быть ни потомками Владиміра св., ни крещеными инородцами. Н. И. Костомаровъ считалъ ихъ прежде обособившимися отъ князей боярами [117]). Но будь это волынскіе, галицкіе или кіевскіе бояре, Даніилъ отно-

[111]) Ранѣе чѣмъ въ Полоцкѣ.

[112]) Мы разумѣемъ вышеприведенныя слова Мазовецкаго князя.

[113]) Не мѣшаетъ, впрочемъ, имѣть въ виду, что княженіе въ Галичѣ *боярина* Владислава было непродолжительно; правленіе же иноземныхъ *королевичей* — другое дѣло. Притомъ все это устраивалось лишь одною боярскою кучкой. Вообще, видно, и тогда еще Русь готова была брать князей изъ-за границы съ такою же легкостію, съ какою, по сказанію лѣтописи, она приняла встарину Варяговъ.

[114]) См., напр., Масуди, Гаркави, „Сказ. мусульм. писателей", стр. 130.

[115]) Новгородцы говорили Святославу спустя немалое время послѣ начала централизаціи среди Славяно-русскихъ племенъ: „аще не поидете къ намъ, то налѣземъ князя собѣ". — Когда въ какой-нибудь области не ставало князя, то она задавалась вопросомъ, который, по словамъ Лавр. сп., въ 1175 г. поставили себѣ Ростовцы, Суздальцы и Переяславцы: „но кого хочемъ послати *въ своихъ князехъ*"?

[116]) Можетъ быть, Болоховскіе князья породнились этимъ способомъ съ Черниговскою вѣтвію, съ которою, повидимому, были въ союзѣ.

[117]) „Моногр.", I, 218. Одинъ разъ въ лѣтописи Болоховскіе князья ставятся какъ будто наряду съ Глѣбомъ Зеремеевичемъ, который, повидимому, былъ бояринъ, но, съ другой стороны, чѣмъ-то выдѣлялся изъ массы другихъ (онъ постоянно является между Галицкими бо-

сился бы къ нимъ совершенно иначе, и они не были бы названы въ лѣтописи „особными князьями". Остается предположить, что это были или лица туземныхъ княжескихъ родовъ, уцѣлѣвшихъ отъ до-государственной старины, какъ думаетъ въ послѣднее время Н. И. Костомаровъ, съ мнѣніемъ котораго мы не соглашаемся только въ томъ, будто они оставались не подвластными Рюриковичамъ не только въ XIII стол., но и до того времени, или же это были „лучшии мужи" мѣстнаго населенія, провозгласившаго ихъ князьями для того, чтобы имѣть кого выставить въ противовѣсъ дому Владиміра св. Въ то время старинные роды славяно-русскихъ князей не вполнѣ еще исчезли и, по общему историческому закону медленнаго и постепеннаго вымиранія всякой старины, не успѣли еще совсѣмъ затеряться въ массѣ, хотя давно уже господствовалъ иной домъ [118]). Въ Новгородѣ, по прямымъ свидѣтельствамъ, они продолжали существовать и въ XIV столѣтіи. На югѣ мы не встрѣчаемъ упоминаній о нихъ послѣ XI-го столѣтія: тутъ, въ особенности въ Кіевѣ, гдѣ князья господствовавшаго рода были съ давнихъ поръ, они стояли съ своими дружинами въ болѣе близкихъ отношеніяхъ къ мѣстному населенію, и, можетъ быть, авторитетъ ихъ подѣйствовалъ разрушительнѣе на это сословіе. Но о внутренней жизни Болоховской земли мы почти не имѣемъ никакихъ извѣстій и потому не можемъ съ рѣшительностію утверждать, что къ XIII-му столѣтію въ ней не было уже и слѣда старинныхъ княжескихъ родовъ. Напротивъ, украинное положеніе Болоховской земли склоняетъ думать, что эти роды не вполнѣ еще потеряли въ ней свое значеніе къ тому времени.

По всей вѣроятности, занимающіе насъ князья Болохова достигли власти въ этой землѣ въ смутное и печальное время южной Руси, наступившее послѣ кончины Романа [119])

ярами, но въ началѣ XIII-го стол. былъ въ какой-то связи съ княземъ Мстиславомъ Пересопницкимъ; упомянемъ при этомъ, что въ Новградволынскомъ уѣздѣ есть дер. Земремля]: „бѣ бо съ королевичемъ Александръ и Глѣбъ Зеремеевичь и инии князи Болоховьстии". Впрочемъ, это мѣсто можно толковать и иначе.

[118]) См. ст. В. Мстиславскаго „Огнищанинъ и княжь мужь" въ „Чт. въ И. Общ. ист. и др. Росс." 1860 г., № 4, стр. 5—6, 16—19. Въ виду фактовъ и свидѣтельствъ, приведенныхъ въ этой статьѣ, теряетъ значеніе мнѣніе г. Соловьева, что „родовой бытъ Славянскихъ племенъ сохранился при своихъ первоначальныхъ формахъ, не переходя въ бытъ клановъ, гдѣ старшинство было уже наслѣдственно въ одной линіи, переходило отъ отца къ сыну, тогда какъ у нашихъ Славянъ князь долженствовалъ быть старшимъ въ цѣломъ родѣ смотря по своему физическому старшинству". Ист. Россіи, I (изд. 4, М. 1866), 239.

[119]) Можетъ быть, Болоховцы руководились въ этомъ случаѣ примѣромъ Галичанъ: недаромъ Болоховскіе князья дружили такъ съ боярствомъ Галича. Они не выступали на сцену, пока усиленіе Даніила не возбудило серьезныхъ опасеній въ южнорусскихъ князьяхъ и не создало противъ него коалиціи. — Въ XIII-мъ стол. отъ Кіева отошло и бывшее вблизи Болохова Межибожье, которое мы видимъ въ распоряженіи Даніила и Василька (Ип., 502). —

и продолжавшееся и послѣ Калкскаго побоища, когда кіевскіе князья далеко уже не пользовались тѣмъ авторитетомъ и тою силою, какую имѣли прежде. Безпрестанная смѣна ихъ должна была разрушительно дѣйствовать на ихъ авторитетъ. Отдѣленіе отъ Кіева его областей, впрочемъ, все-таки подъ власть Рюриковичей, замѣчается и прежде: въ XIII же столѣтіи князья появляются и въ слишкомъ мелочныхъ пунктахъ. Въ томъ же вѣкѣ не упоминается, какъ принадлежащій къ Кіеву, и край, который мы отвели для Болохова.—Трудно думать, чтобы Болоховскіе князья появились къ началу 30-хъ годовъ XIII-го столѣтія, когда у Даніила завязалась борьба съ Черниговскими князьями.

Причина, по которой Болоховскіе князья были возвышены въ княжеское достоинство и такъ усердно поддерживаемы мѣстнымъ населеніемъ въ борьбѣ съ князьями Владимірова дома, объясняется, быть можетъ, при взглядѣ на положеніе, въ какомъ находились Болоховскіе князья въ своей землѣ. По всему видно, это были представители рода общинъ, группировавшихся около городовъ, между которыми не было даже главнаго. Лѣтопись не упоминаетъ о городѣ Болоховѣ, отъ котораго, какъ отъ важнѣйшаго, мы могли бы произвести названіе этой земли. Видно, что такъ называлась цѣлая мѣстность безъ отношенія къ центральному пункту этого имени. Лѣтопись однажды прямо даже говоритъ: „приде Изяславу вѣсть, оже Володимиръ перешелъ *Болохово*, идеть мимо Мунаревъ къ Володареву“ [120]). Подъ 1257 годомъ мы опять встрѣчаемъ намекъ, что Болоховымъ называлась цѣлая мѣстность. На основаніи лѣтописныхъ выраженій въ родѣ того, что „*вси* князи Болоховьсции изоимани быша“ [121]), можно думать, что этихъ князей было немало и, вѣрнѣе, цѣлая группа. Изъ того же, что они совсѣмъ не упоминаются иногда, а на сцену выступаютъ просто „Болоховци“, можно заключать, что эти князья не выдѣлялись изъ массы, были очень близки къ ней и сливались съ нею. Можетъ быть, они походили на тѣхъ общинныхъ князей, о которыхъ Древляне говорили: „а наши князи добри суть, иже распасли суть Деревьску землю“ [122]).

Осмѣливаемся сдѣлать выводъ, что отпаденіе Болохова вытекало именно изъ его стремленій возстановить у себя старинный порядокъ, существовавшій у Славянъ, дѣлившихся на общины съ выборными князьями во главѣ.

Наряду съ Болоховымъ господствовавшему дому, вѣроятно, не успѣло подчиниться предъ Татарскимъ нашествіемъ и Побожье, выступающее въ лѣтописи во второй половинѣ XIII стол. Колонизація Побожья началась, вѣроятно, послѣ 1224 г., когда Половцы значительно ослабѣли. Передъ тѣмъ имъ нанесено было значительное пораженіе Романомъ. Въ составъ Болохова XIII стол. вошла, можетъ быть, и часть этихъ вновь колонизованныхъ пространствъ.

[120]) См. выше.

[121]) Ип., 516.

[122]) Лѣт. по Лавр. сп., 54.

Ничего подобнаго не было бы, еслибы въ Болоховѣ властвовали Рюриковичи. И вотъ Болоховская земля попыталась освободиться отъ нихъ, пользуясь неурядицами между ними и ихъ разъединеніемъ. Тогда минули уже времена дружныхъ походовъ и вообще обширныхъ предпріятій Русскихъ князей, когда на первомъ планѣ поставлялись интересы *цѣлой* Русской земли. Въ 1223 году, подъ вліяніемъ Мстислава Удалаго опасность со стороны Монголовъ, которые были страшнѣе всѣхъ виданныхъ дотолѣ Русью враговъ, еще разъ соединила Русскихъ князей, но послѣ Калкскаго побоища ихъ не сплачивало уже и это.

Чтобы заручиться сильною поддержкою противъ враговъ, жители Болохова[123]) рѣшаются связаться съ Татарами. Въ то время, какъ населеніе другихъ Русскихъ земель бѣжитъ предъ этой страшною ордою, Болоховцы являются къ ней съ смиренными главами и вымаливаютъ пощаду на условіяхъ ежегоднаго взноса пшеницы и проса въ количествѣ, въ какомъ потребуютъ Татары. За то эти послѣдніе, при исправной уплатѣ дани, не вмѣшивались во внутреннюю жизнь подвластнаго имъ населенія.

Такія несомнѣнныя попытки Болоховской земли составляютъ, по нашему мнѣнію, замѣчательную ея особенность, которая выдѣляетъ эту землю изъ ряда другихъ Русскихъ областей.

Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ XIII-го столѣтія, вмѣстѣ съ Болоховцами, оказываются не признающими Даніиловой власти и жители земель, окружавшихъ Болохово: на западѣ—Межибожцы, на сѣверѣ—Возвягляне, на востокѣ—жители Городка, Сѣмоця и другихъ мѣстностей, бывшихъ между Болоховымъ и Тетеревомъ, жители Потетеревья; на югѣ—обитатели Побожья, а также въ точности неизвѣстно гдѣ жившіе Бѣлобережцы и Чарнятинцы.

Перечисленныя нами мѣстности подчинялись непосредственно Татарамъ, и Даніилъ, выступивъ на нихъ, по словамъ лѣтописи, „воздвиже рать противу Татаромъ“[124]). Одни изъ этихъ городовъ въ лѣтописи называются „сѣдящия за Татары“, жители другихъ — прямо „люди Татарьскыя“. Мы рѣшаемся отличать эти выраженія одно отъ другаго и думаемъ, что, въ то время какъ жители первыхъ городовъ не входили въ ближайшее соприкосновеніе съ Татарами, вторые—т. е. обитатели Побожья—или получали отъ нихъ управителей, или же прямо жили совмѣстно[125]). По извѣстію литовскихъ лѣтописей,

[123]) Не князья прежде всего, а сами жители рѣшились на это. Лѣтопись прямо говоритъ, что они „отъ Татаръ болшую надежду имѣаху“ (Ип., 527).

[124]) Ип., 555.

[125]) Татары заняли южныя окраины русской земли, повидимому, на первыхъ уже порахъ. По словамъ Рубруквиса, «**ab orificio Tanais versus Occidentem usque ad Danubium totum est subditum** (разумѣется: **Tartaris**)... **Inter se diuiserunt Scythiam, quae durat à Danubio usque od ortum**

когда Ольгердъ двинулся на Татаръ, отчичей и дѣдичей Подольской земли, значитъ, потомковъ тѣхъ самыхъ, которые овладѣли Подолiею при Даніилѣ, то засталъ, что они взимали дань съ Подолянъ чрезъ баскаковъ, обращавшихся за нею къ поставленнымъ надъ жителями начальникамъ [126]). Пришедши въ Подолiю, Литовцы застали, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, по словамъ Стрыйковскаго, «Tatarowie tak jako dziś w Przekopie, w ten czas mieszkali, zhołdowawszy i zniewoliwszy Russaków» [127]). Часть этихъ Татаръ, спасшаяся отъ Литовцевъ, убѣжала къ Черному морю и въ Перекопъ, а потомъ поселилась за Дунаемъ — въ Добруджѣ, и Стрыйковскiй видѣлъ ихъ во время путешествія по Турціи. По его словамъ, «większa część ихъ słowieńskim językiem mówią i gospodarstwem się bawią» [127]). Видно, поселившіеся въ Подоліи Татары начали подпадать Русскому вліянію. Можетъ быть даже ханы ихъ принимали крещеніе: одинъ изъ нихъ, по извѣстію литовскихъ лѣтописей, носилъ имя Дмитрея [128]). По замѣчанію Гваньини, Татары не знали употребленія хлѣба, за исключеніемъ тѣхъ, которые жили на границѣ Подоліи [129]). Эти послѣдніе могли заниматься тамъ земледѣліемъ съ древнѣйшихъ временъ [130]). Татары, владѣвшіе Подолiею передъ приходомъ Ольгерда, были „отчичи и дѣдичи Подольской земли", и очень могло статься, что при нихъ въ этой землѣ господствовалъ тотъ самый порядокъ, какой былъ заведенъ еще во времена Даніила. — О поселеніяхъ Татаръ у Бога говорятъ и монгольскіе источники [131]) и свидѣтельствуютъ названія нѣкоторыхъ населенныхъ мѣстностей [132]). Еще въ XIV столѣтіи мы встрѣчаемъ

solis (Halluyt's Collection of the early voages, travels, and discoveries of the english nation». Vol. I (London 1809), pp. 80—81.

[126]) Latopisiec Litwy i kronika Ruska. Staraniem i pracą Ignacego Daniłowicza, w Wilnie, 1827. 49—50. — Татары думали привести въ такую зависимость отъ себя и юго-восточныя окраины Даніилова государства: Бакоту и Кременецъ (Ип., 550).

[127]) Stryjkowski, II, str. 7 (по изд. 1846 г.).

[128]) Latopisiec Litwy i kronika Ruska, 49. Другой ханъ назывался Котлубей. Пана Котлубая мы встрѣчаемъ въ актахъ XVII-го столѣтія. Личность Котлубега не подлежитъ сомнѣнію. Узбекъ ввѣрилъ ему управленіе Крымомъ и близъ лежащими приморскими областями.

[129]) L. c., fol. 110 на обор.

[130]) Броневскій упоминаетъ о „безчисленныхъ стадахъ овецъ, рогатаго скота и лошадей турецкихъ и татарскихъ, которыя всегда тамъ паслись около границъ Россіи, Волыни, Кіева, Подоліи и Молдавіи" [„Зап. Од. Общ. ист. и др.", т. VI (Одесса 1867), стр. 335).

[131]) См. Hammer-Purgstall'я Geschichte der goldenen Horde in Kiptschak, Pesth 1840. (Стр. 772 (цитата заимствована у г. Шараневича). — По сказанію Виллани, Людовикъ Венгерскій совершилъ въ половинѣ XIV столѣтія походъ in Tartariam ultra Bogum fluvium.

[132]) По словамъ Сарницкаго, Татары «Podoliam vectigalem sibi magna ex parte reddiderunt. Unde Bacota, Balakley, Czapczakey, Kuczmien, Kaczibey et alia prodigiosa nomina munitarum arcium Podolicarum Scythicam phrasim et feritatem resonantia, quae pulsis Tartaris ad hunc diem permanent». См. Лейпцигское изд. Длугоша, t. II, col. 1134.

у сѣвернаго берега Чернаго моря Русскихъ, очевидно, оставшихся тамъ отъ прежнихъ временъ [133]). Можно думать, что они успѣли поладить съ Татарами, уплачивая имъ дань [134]). — При Литовскомъ владычествѣ, Подолія довольно быстро сдѣлалась цвѣтущею страною, а это было бы невозможно, еслибы она была занята Русскими, составлявшими коренной элементъ мѣстнаго населенія, только послѣ изгнанія оттуда Татаръ.

Неизвѣстно, всѣ ли жители перечисленныхъ нами выше мѣстностей добровольно подались Татарамъ, но несомнѣнно, что это можно сказать о многихъ изъ нихъ. Жители Возвягля отпали отъ Даніила послѣ того, какъ были принуждены подчиниться ему въ виду войскъ: „Возвягляне же солъгаша Шварномъ, поемше тивуна не вдаша ему тивунити“ [135]).

По сообщенію Галицко-волынской лѣтописи, покоривши всѣ эти мѣстности, Даніилъ думалъ двинуться къ Кіеву, но остановился потому, что Литовцы не сдержали своего слова и не явились въ пору на помощь. Какъ управлялись въ то время земли, тянувшіяся на востокъ отъ перечисленныхъ нами до Днѣпра, платили ли и онѣ дань непосредственно Татарамъ, или имѣли Русскихъ князей, которые упоминаются позже въ Кіевѣ [136]), мы

[133]) В. И. Григоровича „Записка антиквара о поѣздкѣ его на Калку и Калміусъ, въ Корсунскую землю и на южныя побережья Днѣпра и Днѣстра“. Одесса 1874, стр. 28—29. — „Гал. ист. сб., изд. Общ. Галицко-русской Матицы“, вып. III (Львовъ 1860), прим. 32, стр. LV. Память о совмѣстномъ житьѣ Русскихъ съ Татарами сохранилась, можетъ быть, даже въ одной пѣснѣ. См. В. Б. Антоновича и М. П. Драгоманова „Историческія пѣсни малорусскаго народа“, т. I (Кіевъ 1874), стр. 106. Подъ Волощиной, о которой говорится въ пѣснѣ, могла разумѣться и Молдавія, не только Крымъ. У Пахимера встрѣчаемъ извѣстіе, что съ Татарами Ногая „перемѣшались мало по малу Цихи, Готы, Русскіе...“

[134]) Эту дань вносили, повидимому, даже Русскіе болѣе западныхъ мѣстностей, признававшіе власть Галицко-волынскихъ князей. Когда Казиміръ обнаружилъ желаніе захватить земли, оставшіяся послѣ этихъ князей, то воспротивившіеся тому Русскіе вельможи отправили пословъ къ Татарамъ, которые declarant Casimirum Poloniae Regem, in recenti tempore terras Russiae, ex quibus Tartaris tributa pendebantur, occupasse, iurisque sui fecisse, et omnes datias et tributa, quae Tartaris cedere solebant, usurpasse. Dlug. lib. IX. ad a. 1344. — Другіе источники говорятъ, что Татарскій ханъ утверждалъ «regnum esse suum, tanquam sibi et suis progenitoribus censuale».

[135]) Ип.

[136]) Во второй половинѣ XIII-го столѣтія въ Кіевѣ долженъ былъ княжить упомянутый въ Сѣверскомъ синодикѣ Иванъ Владиміровичъ Путивльскій (ст. г. Квашнина-Самарина, l. c., стр. 222). — Кажется, что не только Кіевъ, но и территорія Кіевскаго княжества была отдана Татарами князьямъ Черниговской линіи: въ Сѣверскомъ и Елецкомъ синодикахъ одинъ изъ этихъ князей названъ „Вруцкимъ“. См. г. Милорадовича „Любечъ“ (М. 1871), стр. 37.— По извѣстію Русскихъ лѣтописей (Новгор., Воскрес. и Никон.) въ 1331 году въ Кіевѣ былъ

не можемъ сказать по неимѣнію данныхъ. Путешествовавшій за 10 лѣтъ до похода Даніиловыхъ войскъ Плано-Карпини сообщаетъ только, что Каневъ зависѣлъ непосредственно

княземъ Өеодоръ. По мнѣнію г. Квашнина-Самарина, „весьма вѣроятно, что Станиславъ (такъ названъ въ Литовскихъ лѣтописяхъ князь Кіева, при которомъ этотъ городъ былъ взятъ Литовцами) и Өеодоръ одно и тоже лицо“ (l. c., стр. 224). Это сдѣлается весьма вѣроятнымъ, если вспомнимъ, что Кіевъ, по извѣстію такъ-называемой Кіево-печерской рукописи, былъ завоеванъ Гедиминомъ въ 1333 году. По сказанію Густынской лѣтописи, Владиміръ Ольгердовичъ былъ посаженъ въ Кіевѣ Ольгердомъ въ 1362 году на мѣсто Өеодора (П. с. р. л. II, 350), — вѣроятно, того самаго, который упомянутъ подъ 1331 г. Приходится допустить, что при Ольгердѣ Кіевъ былъ вновь завоеванъ Литовцами, потерявшими было его. Съ этимъ согласуется то, что о Кіевской землѣ ничего не говорится при перечисленіи въ Литовскихъ лѣтописяхъ удѣловъ, розданныхъ Гедиминомъ, хотя эти лѣтописи упоминаютъ о Волыни (земляхъ Луцкой и Владимирской. Лѣт. Быx., стр. 17. Лѣт., изд. Данилов., 27). Г. Стадницкій старается объяснить это молчаніе Литовскихъ лѣтописей тѣмъ, что Кіевъ былъ отданъ Гедиминомъ упоминаемому тѣми же лѣтописями Ольгимунту Гольменскому, или же отпалъ отъ него подъ конецъ его правленія (**Synowie Gedymina, T. II**, 1853, str. 22—23). Можетъ быть, это нужно объяснять такъ, что Татары, бывшіе въ войскахъ Станислава (о чемъ говорится въ Кіево-печерской рукописи), не сразу уступили Кіевъ, на первыхъ порахъ изгнали оттуда Литовцевъ и тѣмъ вынудили къ борьбѣ Ольгерда, продолжавшаго Гедиминово дѣло. Трудно допустить, чтобы Татары отдали безъ бою и безъ всякаго вмѣшательства съ своей стороны такой важный пунктъ, какъ Кіевъ. Они воевали Литву уже передъ тѣмъ (въ 1325 г.), а въ 1336 году повторили свой набѣгъ. По сказанію Густынской лѣтописи (П. с. р. л. II, 348) въ Кіевѣ считался нѣкоторое время княземъ Иванъ Калита. Впрочемъ, мы не беремся распутывать вымыслы Литовскихъ извѣстій о покореніи Кіева Литовцами. Мы напомнимъ здѣсь читателямъ только замѣчаніе г. Шараневича („Исторія“, 280, прим. 77), что война Витовта съ Владиміромъ Ольгердовичемъ „подобна въ датахъ до войны въ р. 1319 ...“ Къ сближеніямъ г. Шараневича прибавимъ, что какъ, по сказанію Литовскихъ лѣтописей, Гедиминъ отдалъ Кіевъ *Ольгимунту*, такъ Витовтъ послѣ смерти Скиргайла отдалъ его Ивану *Ольгимунтовичу*. — По словамъ лѣтописи Быховца (стр. 16), Станиславъ, о которомъ мы уже говорили, былъ въ связи съ Романомъ Брянскимъ. Одинъ князь этого имени былъ въ Брянскѣ въ XIII стол., а другой въ XIV-мъ: съ 1356 г. Брянскъ принадлежалъ Литвѣ, но подъ 1375 г. мы опять встрѣчаемъ тамъ Романа. Во всякомъ случаѣ, на основаніи союза Станислава (Святослава? Въ XIV столѣтіи въ Черниговской вѣтви намъ извѣстенъ Святославъ Ивановичъ, скончавшійся въ 1386 г.) Кіевскаго съ княземъ Брянскимъ можно думать, что онъ былъ изъ Черниговскихъ князей. Къ тому же заключенію пришелъ и г. Квашнинъ-Самаринъ по поводу того, „что братъ послѣдняго Кіевскаго князя назывался Олегомъ“. „Извѣстно, что Мономаховичи гнушались этимъ вражьимъ именемъ, такъ что во всемъ ихъ племени буквально не было ни одного Олега“ (l. c. 224). О судьбѣ Станислава, послѣ потери имъ Кіева, Литовскій лѣтописецъ сообщаетъ слѣдующее: „И въ тотъ часъ будучи князю Станиславлю Кіевскому у Браньску выгнаному одъ великого князя Гидымина, и присла къ нему князь Иванъ Резански, будучи у старости своей, просячи его абы до него приехалъ, и дочку у него понялъ именемъ Ольгу, бо сына немелъ, только одну тую

отъ Татаръ, равно какъ и другое какое-то не названное имъ селеніе: они были управляемы какими-то praefecti; въ Кіевѣ же сидѣлъ въ то время Дмитро (у Плано-Карпини —Монгротъ), намѣстникъ Ярослава Суздальскаго. Имѣя князей, Кіевъ подпалъ однако сильнѣйшему гнету Татаръ, отъ насилія которыхъ, по сохранившемуся извѣстію, въ 1300 году жители совсѣмъ разбѣжались [137]). Въ XIV столѣтіи въ Кіевѣ упоминаются Татарскіе баскаки.

Какъ бы то ни было, примѣръ Болоховцевъ и ихъ сепаративныя стремленія не остались безъ вліянія на окружавшее ихъ населеніе, которое, по всей вѣроятности, не замедлило пойти по ихъ слѣдамъ въ подчиненіи Татарамъ, и стремленіе къ устройству изъ себя общинъ замѣчается не только въ Болоховѣ, но и въ другихъ смежныхъ съ нимъ мѣстностяхъ ю. Руси, въ которыхъ не видно даже и князей. Эти мѣстности присоединились къ Болохову если не сразу, то вскорѣ послѣ выступленія его противъ Даніила, потому что владѣнія послѣдняго съ Татарскаго нашествія, насколько можно видѣть изъ лѣтописей, уже не простирались далеко на востокъ. Болоховцы стояли впереди движенія и были самыми опасными противниками Даніила.

Татары скоро узнали о замыслахъ этого князя, принудили срыть укрѣпленія, воздвигнутыя имъ въ своей землѣ, и съ этого времени внимательно слѣдили за направленіемъ и поступками Галицко-волынскихъ князей. Съ другой стороны, въ Галицко-волынской лѣтописи нигдѣ нѣтъ указаній, по которымъ можно было бы заключать, что владѣнія Романовыхъ потомковъ послѣ Даніила простирались слишкомъ далеко за рѣку Горынь [138]), бывшую границею собственной Волыни и встарину [139]).

дочку, и по смерти его абы былъ великимъ княземъ Резанскимъ. И князь Станиславль до него ѣхалъ, и дочку в него понялъ, по смерти его былъ великимъ княземъ Резанскимъ" (Лѣт. Бых., стр. 16). Въ это время въ Рязани извѣстенъ Иванъ Коротополый, но у него былъ сынъ Олегъ, начавшій править въ Рязани вскорѣ послѣ смерти отца.

[137]) *Лѣт. по сп. Лавр., 461.*

[138]) Владиміру Васильковичу, а потомъ Мстиславу Даниловичу служилъ какой-то князь Поросскій, но кажется, что это была личная служба, а не съ землею: Юрій какъ бы состоялъ при Мстиславѣ на посылкахъ (Ип., 612). У барона Майерберга, писавшаго во второй половинѣ XVII-го столѣтія и, между прочимъ, интересовавшагося и прошлымъ Россіи и собиравшаго свѣдѣнія о немъ, говорится, что, послѣ Татарскаго нашествія, „когда поулеглась эта жестокая буря, Русскіе опять заселили Кіевъ, съ согласія Татарскихъ преемниковъ Батыя и съ обязательствомъ дани (Русскій переводъ, помѣщенный въ „Чтеніяхъ въ Имп. общ. ист. и др. Росс.", стр. 124). Мстиславъ встрѣтилъ однажды шедшихъ въ Польшу Татаръ у Борыни (очевидно, что онъ долженъ былъ выдти къ нимъ съ дарами на границу своихъ владѣній); Телебуга „оттолѣ пойде мимо Кремянѣць ко Перемилю" (Ип., 588). Въ Галицко-волынской же лѣтописи мы встрѣчаемъ еще указаніе, что Мстиславу Даніиловичу въ концѣ XIII-го столѣтія принадлежали Луцкъ и Дубно (Ип. 596; сл. ниже—въ III-й гл.—указаніе XIV стол.).—Выраженіе той

Послѣ всего этого есть полное право думать, что завоеванныя Даніиломъ у Татаръ Русскія земли тотчасъ же обратно отошли къ послѣднимъ и продолжали быть свободны отъ опеки какой-нибудь близкой правительственной власти. Онѣ такъ жили до подчиненія ихъ Литовцами.

Итакъ, уже въ XIII-мъ столѣтіи въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ южной Руси обнаруживается то стремленіе къ общинной жизни и самоуправленію, которое такъ ярко проглядываетъ въ позднѣйшемъ козачествѣ.

Кромѣ такой внутренней связи между Болоховцами и ихъ союзниками, съ одной стороны, и южнорусскими козаками съ другой, между ними, кажется, была и внѣшняя.

Мы сказали, что территорія Болохова захватывала собою часть позднѣйшей Подоліи.

Въ этой послѣдней, вскорѣ послѣ утвержденія въ ней власти Гедиминова дома, Литовскими хрониками упоминаются козаки, названіе которыхъ было въ ходу въ Крыму уже въ началѣ XIV-го столѣтія [140]): «Olgerd z Litwą dobył Braslawia, Skały, Sokolca i Smotrycy zamków pod Wołochy. Ubieżal potym w nocy Kamieniec i Czerwonygrodek za życzliwością kozaków Podolskich» [141]). Правда, мы встрѣчаемъ приведенное извѣстіе

же лѣтописи о Мстиславѣ, что онъ „одержа землю свою величествомъ олны по Татары, а сѣмо по Ляхи и по Литву“ (Ип., 613), неопредѣленно.

[139]) См., напр., утвержденіе Изяслава и его сына (Ип., 276).

[140]) См. Архим. Антонина „Замѣтки XII — XV вѣка, относящіяся къ Крымскому городу Сугдеѣ (Судаку), приписанные на греческомъ Синаксарѣ“ въ V т. „Зап. Од. общ. ист. и др.“, № 116. На сѣверѣ отголосокъ термина козакъ слышится, повидимому, въ началѣ XV-го стол.: въ Псковской лѣтописи упомянутъ подъ 1406 г. „Георгій Посадникъ Псковскій сынъ Филиповъ Козачковичь“. Обыкновенно первое упоминаніе о козакахъ на сѣверѣ относятъ къ 1444 г. По мнѣнію Арцыбашева (т. II, кн. III, прим. 1357, и IV, прим. LXVI), Рязанскіе козаки 1444 года были, вѣроятно, Донскіе. Сл. стр. 150 ст. Малиновскаго въ V-мъ т. „Запис. Од. общ. истор. и древн.“.

[141]) Stryjkowski, 19. — Замѣчательно, что къ тому же отдаленному времени готовы относить козачество и близкія къ народу преданія. По сообщенію Д. А. Синицкаго, за которое долгомъ считаемъ заявить здѣсь нашу признательность, въ с. Стѣнахъ Ямпольскаго уѣзда Подольской губерніи существуетъ преданіе, что церковь этого селенія основана *козакомъ* Нечаемъ въ 1365 г. Тамъ же показываютъ и камень съ какою-то надписью. Этотъ камень находился сначала у входа въ церковь, возлѣ порога, но потомъ, когда нѣсколько пострадалъ, былъ вынутъ, при чемъ надпись была наведена краскою. Въ настоящее время она, какъ намъ передали, имѣетъ слѣдующій видъ:

въ такомъ видѣ у позднѣйшаго компилятора—Стрыйковскаго, и двѣ Литовскія лѣтописи, въ ряду другихъ послужившія ему матеріаломъ, не говорятъ о козакахъ, но какъ извѣстіе о войнѣ Ольгерда съ Өедоромъ Корьятовичемъ принадлежитъ не Стрыйковскому, а лѣтописцамъ, трудами которыхъ онъ пользовался [142]), такъ тѣмъ же лѣтописцамъ могло принадлежать и упоминаніе о козакахъ. Стрыйковскій нерѣдко удерживалъ выраженія источниковъ, которыми пользовался, даже не зная, какъ понимать эти выраженія [143]); онъ передавалъ даже очевидныя для него бредни лѣтописей; свои поправки онъ часто предлагалъ въ скобкахъ и вообще излагалъ свой матеріалъ добросовѣстно [144]). Вопросъ, слѣдовательно, можетъ быть только относительно достоинствъ источника, изъ котораго Стрыйковскій почерпнулъ извѣстіе о козакахъ. Г. Стадницкій, признающій тенденціознымъ и неправдоподобнымъ сказаніе объ отнятіи Подоліи у Корьятовичей уже при Ольгердѣ, обращаетъ [145]) вниманіе на то, что хроника, относящая изгнаніе Өеодора Корьятовича изъ Подоліи ко временамъ Ольгерда, списываетъ лѣтопись, изданную Даниловичемъ, которая, напротивъ, относитъ это событіе къ Витовту; слѣдовательно, заключаетъ почтенный историкъ, болѣе вѣроятности на сторонѣ послѣдняго показанія. Но вѣдь такъ-называемая хроника Быховца не все заимствовала изъ лѣтописи, изданной Даниловичемъ, и отчего въ этомъ случаѣ самъ компиляторъ (авторъ хроники Быховца) сталъ бы выдумывать небывалыя вещи? Г. Стадницкій пытается объяснить это [146]), но не совсѣмъ удачно. Во всякомъ случаѣ, извѣстіе о козакахъ, взятое Стрыйковскимъ не изъ лѣтописи Быховца, а изъ памятника, который намъ неизвѣстенъ [147]) и о которомъ пока мы должны воздержаться отъ окончательнаго сужденія, весьма замѣчательно и важно. Оно представляетъ собою первое упоминаніе о Русскихъ козакахъ, какое только намъ извѣстно, и мы, сообразивъ это извѣстіе съ другими данными, осмѣливаемся думать, что Русское козачество развилось впервые именно въ Подоліи.

---

[142]) См. Лѣтоп., изд. Нарбуттомъ, стр. 20. **Synowie Gedymina, przez Kaz. Stadnickiego. T. I. Wydanie drugie, Lwów 1849.** Встрѣтивъ разнорѣчивыя показанія о времени отнятія Подоліи у Өедора Корьятовича, Стрыйковскій примирилъ ихъ, допустивъ двухъ Корьятовичей и два завоеванія Подоліи. Также думаетъ и г. Стадницкій (стр. 74). Такимъ же образомъ Стрыйковскій примирялъ и другія не сходившіяся въ хронологіи свидѣтельства.

[143]) Онъ самъ сознается въ этомъ. См. **t. II, str.** 311.

[144]) **Ibid.**, 257.

[145]) **T. I, str.** 67—70.

[146]) **Ibid., str.** 77.

[147]) Стрыйковскій несомнѣнно пользовался недошедшими до насъ лѣтописями. См. **t.** I, **Wiadomość o właściwych litewskich latopiscach, przez Ignacego Daniłowicza, str. 48—49**; сл. Стадницкаго I, 9. Даниловичъ напрасно различаетъ чисто Литовскія лѣтописи отъ Русскихъ; отдѣльныхъ, спеціально Литовскихъ лѣтописей не могло и быть.

Оно могло явиться тамъ въ то время, когда о немъ впервые упомянуто у Стрыйковскаго, т. е. при Корьятовичахъ, при которыхъ и даже послѣ которыхъ Татары продолжали грозить Подолью [148]).

Но гораздо вѣроятнѣе предположеніе, что зачатки козачества въ Подоліи, т. е. въ областяхъ, составлявшихъ извѣстное время южную половину Болоховской земли, или сосѣдившихъ съ нею, появились уже въ періодъ Татарскаго тамъ господства.

Не станемъ ссылаться на то, что, для своего развитія, козачество предполагаетъ, до извѣстной степени, свободу населенія той мѣстности, въ которой возникаетъ, свободу въ дѣйствіяхъ, въ распоряженіи собою, въ самозащитѣ и въ промыслахъ. Съ водвореніемъ же Литовскаго владычества въ Подоліи, дѣло охраненія этого края перешло къ правительственной власти и, слѣдовательно, уже не вызывало народную самодѣятельность въ такой мѣрѣ, какъ прежде, хотя народъ и въ то время нисколько не менѣе могъ заниматься разными степными промыслами.

Не станемъ указывать и на то, что южнорусское населеніе въ этотъ періодъ болѣе, чѣмъ въ другое какое-либо время, жило, хотя, конечно, по неволѣ, въ мирныхъ и иногда даже пріязненныхъ отношеніяхъ къ Татарамъ [149]), и что, слѣдовательно, въ то именно время удобнѣе всего было возникнуть и южнорусскому козачеству: извѣстно, что, по лучшимъ изслѣдованіямъ объ этомъ явленіи, южнорусское козачество находилось въ прямой связи съ Татарскимъ [150]).

---

[148]) Объ этомъ есть немало свидѣтельствъ. Изъ грамоты Александра Корьятовича 1375 г. Смотрицкому доминиканскому монастырю видно, что Татарамъ посылалась изъ Подоліи и дань. О томъ же свидѣтельствуютъ грамоты послѣдующаго времени.

[149]) Мы видѣли, что въ нѣкоторыхъ южнорусскихъ областяхъ Русское населеніе жило даже совмѣстно съ Татарами. Въ религіозномъ отношеніи Монголы вовсе не стѣсняли Русскихъ, и Корьятовичи на мѣстѣ Бакоты нашли «czerncy w hore» (Лѣт. Бых., 19). Тамъ, дѣйствительно, есть пещера, какъ и въ другихъ мѣстахъ [«Podole, Wołyń, Ukraina», t. II (Wilno 1841), str. 81].

[150]) Слово *козакъ*, по мнѣнію Н. И. Костомарова, взято изъ татарскаго. Впрочемъ, въ виду фактовъ, приведенныхъ въ ст. г. Бруна, помѣщенной въ V-мъ т. „Зап. Од. общ. ист. и древн.“, этотъ вопросъ не можетъ еще считаться вполнѣ рѣшеннымъ: можетъ быть, сами Татары заимствовали слово козакъ. Въ Генуэзскомъ колоніальномъ уставѣ 1449 г. козаки названы «casachi» — фактъ довольно интересный. Смѣшеніе козаковъ съ кайсаками встрѣчаемъ и у Гваньини: «Ultra Viatcam Regionem, et Cazanense Regnum Tartarorum tres Horde, qui Thumenski, Schibanski, et Cozacki appellantur, in campestribus habitant (Sarmatiae Europeae descriptio. Spirae MDLXXXI, fol. 107). Слово козакъ, какъ извѣстно, найдено и въ половецко-итальянскомъ словарѣ. — Слово *кошъ* — татарское; оно встрѣчается постоянно у Стрыйковскаго въ разсказѣ о Татарахъ (II, 253, 318, 327, 332, 333, 336, 370; сл. у Сарницкаго подъ 1501 г.).—Г. Кулишъ указываетъ еще на обычай носить чубы, какъ на татарскій.

Нѣкоторые [151]) указываютъ еще на время перваго изъ Гиреевъ, о которомъ современникъ его Длугошъ говоритъ, что этотъ ханъ «sub omni tempore sui Imperii, pacem optimam cum Regno Poloniae, et terris Prussiae, custodiuit et tenuit: humanus, ciuilisque, et bene agendi cupidus. Qui et suis potentiis Christianos contra Turcum, dummodo Casimirus, Poloniae Rex id sibi imperasset, enixius se iuvaturum obtulerat, et Thartaros a praedis et rapinis abstrahens, agros colere, mechanicas artes agere et elaborato aut mercato coëgerat vivere. In Polonos, qui apud illum agebant militiam, quo enixius in certaminibus pro eo susceptis, operam suam pro victoria nauassent, et in omnes Christianos undecunque ad se venientes, et in suo commorantes imperio, adeo humanus, ciuilis et liberalis, ut nequaquam barbaro homini et in ritibus Mahumeticis educato, quamuis nihil attinet mores natione perpendi, convenire videbatur, maiori Christianorum, quam suo damno extinctus est» [152]). Но, несмотря на все это, при первомъ Гиреѣ южнорусское населеніе едвали было уже въ столь близкихъ отношеніяхъ къ Татарамъ, какъ прежде.

Не могли повліять на развитіе южнорусскаго козачества Татары и во время нерѣдкаго участія въ войнахъ Литовско-польскихъ государей [153]).

Мы обратимъ вниманіе лишь на строй и условія жизни Подоліи предъ покореніемъ ея Литвою.

Эти условія вполнѣ могли содѣйствовать появленію козачества.

Жители Подоліи, предоставленные сами себѣ, очевидно, разбились на общины [154]), которыя, такъ какъ, по прямымъ лѣтописнымъ свидѣтельствамъ, въ странѣ не было городовъ [155]), могли состоять только изъ деревень. Они занимались земледѣліемъ, скотоводствомъ, пчеловодствомъ и охотою. Что таковы должны были быть ихъ занятія, это можно видѣть изъ позднѣйшихъ извѣстій о Подоліи, по которымъ она „превосходила всѣ сосѣднія съ нею страны плодородіемъ и красотою своей природы“. Шейноха такъ группируетъ извѣстія историковъ о Подоліи: „Въ древности разсказывали чудесныя вещи

[151]) Г. Кулишъ.

[152]) Длугошъ, t. II, col. 396—397. — У де-Ланноа находимъ извѣстіе о пріязни двухъ Татарскихъ князей съ Витовтомъ.

[153]) Такъ, напр., Татары помогали Витовту (Быхов., стр. 35, и Ник. V, 92) и Свитригайлу (Быхов., стр. 76). Вообще мы встрѣчаемъ Татаръ въ качествѣ пособниковъ Литовцамъ почти при каждомъ великомъ князѣ, начиная съ Гедимина.

[154]) Обращаемъ вниманіе читателей на то, что, по лѣтописямъ, у Подолянъ былъ не одинъ атаманъ, а нѣсколько.

[155]) **Daniłowicz, 50: «I tohdy w podolskoj zemli ne był ni odin horod, ni derewom rublenoho, ani kamenem budowanoho».** Изъ послѣдующаго видно, что въ Подоліи не было городовъ въ смыслѣ укрѣпленій, хотя на многихъ мѣстахъ, гдѣ при Корьятовичахъ являются города, уже были поселенія.

о великолѣпіи Подольской растительности, о цѣлыхъ тучахъ водящихся тамъ пчелъ, о плодородіи тамошней почвы... Въ необозримыхъ травяныхъ степяхъ Подоліи не примѣтишь бывало роговъ подольскаго вола... Воткнутый въ землю шестъ, забытый на полѣ плугъ закрывались въ продолженіе 3—4 дней высокимъ поростомъ роскошной травы. Ступишь ли гдѣ-нибудь ногой, вездѣ брызгали изъ подъ нея струи отличнаго меда... въ 50, 100 кратъ выходило зерно изъ земли. Посѣвъ въ 50 корцевъ пшеницы давалъ нѣкогда 1500 копъ сбору. Безъ всякаго удобренія сбирали иногда двѣ жатвы изъ одного посѣва...“ По словамъ мѣстныхъ жителей, такъ было еще въ XVIII столѣтіи.

Трудно допустить, чтобы Татары, обязавшіе жителей ежегоднымъ взносомъ извѣстной дани, этимъ и ограничивались. Весьма вѣроятно, что и тогда, какъ и послѣ, среди этого дикаго народа находились шайки, которыя, не удовлетворяясь договореннымъ, были не прочь отправиться за добычей помимо условленныхъ сборовъ. Населеніе должно было быть постоянно готово къ отпору этимъ грабителямъ и тутъ-то оно впервые и должно было пріобрѣсти тотъ воинственный закалъ, который легъ въ основу южнорусскаго козачества [156]). Южнорусскіе козаки, такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, на первой ступени своего генезиса, если и отличались воинственностію, то она далеко не была у нихъ на первомъ планѣ. Они не составляли еще тогда *военныхъ дружинъ*, которыя собирались впослѣдствіи, не переходили еще въ наступленіе, а ограничивались защитою тамъ, гдѣ нападалъ на нихъ непріятель, было ли то среди домашняго хозяйства, или среди занятій и промысловъ, ради которыхъ нужно было выходить за предѣлы своей земли. Поводовъ къ послѣднему обстоятельству было тогда немало. Рыбный промыселъ, о которомъ встрѣчаются ясныя свидѣтельства въ до-монгольскій періодъ, долженъ былъ продолжаться. Равнымъ образомъ, изъ домосѣдства должно было выдвигать скотоводство, добываніе мѣховъ и положительная необходимость въ нѣкоторыхъ продуктахъ. — Въ XV-мъ столѣтіи Подолія находилась въ оживленныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Румыніей и могла завязать ихъ еще въ XIV-мъ. Точно также она могла сбывать свои произведенія въ портахъ, принадлежавшихъ Генуэзцамъ, которые, какъ извѣстно, торговали кожами, мѣхами и хлѣбомъ [157]). Странствователей по степямъ ждали постоянныя опасности.

---

[156]) Замѣчательно, что Каффинскіе козаки, о которыхъ говоритъ уставъ для Генуэзскихъ колоній въ Черномъ морѣ, изданный въ Генуѣ въ 1449 г., также, повидимому, вели борьбу съ Татарами. Въ этомъ уставѣ читаемъ: „Если случится, что будетъ взята какая-нибудь добыча на сушѣ казаками оргузіями, или каффскими людьми, состоящая въ вещахъ, скотинѣ и волахъ Татаръ“ и т. д. („Зап. Од. общ.“, т. V. Уставъ для Генуэзскихъ колоній въ Черномъ морѣ, изданный въ Генуѣ 1449 г. въ послѣдній день февраля, стр. 758). „Названіе козакъ употреблялось у Генуэзцевъ въ значеніи наѣздника, удальца, отправляющагося за добычей верхомъ“ (ibid., стр. 830, прим. 108).

[157]) Объ итальянскихъ колоніяхъ на сѣверномъ берегу Чернаго моря см., между прочимъ,

Въ до-монгольскій періодъ на сторожѣ противъ кочевниковъ стояли князья съ дружинниками, теперь же должны были думать о себѣ сами промышленники. Вообще вся тогдашняя обстановка жизни въ Подоліи должна была содѣйствовать развитію рыцарскаго духа въ населеніи.

Выставляя отпоръ Татарамъ въ случаѣ явки ихъ за добычей сверхъ уговора, жители Подоліи нисколько тѣмъ не нарушали мира и положенныхъ условій съ цѣлою ордою. Другое дѣло, еслибы они вступали въ открытую борьбу съ послѣднею. Но этого не могло быть, потому что Татары дѣйствовали предусмотрительно и, видно, научившись на примѣрѣ Галича, Волыни и Польши, что̀ значатъ крѣпости, не позволяли возстановлять разрушенные города въ Подоліи.

Съ теченіемъ времени, когда, вслѣдствіе пораженій, какія Татары понесли отъ руки Литовцевъ, Русскіе почувствовали себя свободнѣе, они начали отваживаться на наступленіе и могли выдвигать изъ своей среды козаковъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово употреблялось у Татаръ.

Какъ бы то ни было, не слѣдуетъ оставить безъ вниманія, что въ первыхъ актахъ, упоминающихъ объ южнорусскомъ козачествѣ, оно нигдѣ не является съ характеромъ чисто военнаго сословія [158]), да и въ послѣдующее время южнорусскіе козаки не были какими-нибудь солдатами или людьми, жившими грабежемъ. Они занимались не войной только, но вмѣстѣ—и промыслами. Хозяйствомъ не брезгали даже Запорожцы, осуществлявшіе въ себѣ идеалъ южнорусскаго козачества. Въ этомъ, намъ кажется, кроется самое ясное указаніе на то, что южнорусскіе козаки выдвигались и жили въ массѣ домовитыхъ хозяевъ, съ которою не разрывали связей ни на минуту и отъ которой отдѣлялись развѣ своими подвигами, приносившими массѣ же пользу. Въ памятникахъ, относящихся къ началу XVI-го столѣтія, встрѣчается нерѣдко характеристичное выраженіе *ходить въ козаки,* употребляющееся и донынѣ въ Великороссіи.

Кромѣ условій жизни Подоліи, по нашему мнѣнію, не слѣдуетъ упускать изъ виду и того, что, по словамъ Литовскихъ лѣтописей, во главѣ отдѣльныхъ общинъ, во время Татарскаго владычества въ Подоліи стояли *отаманы* [159]), которыхъ избирали изъ мѣст-

---

ст. г. Бруна въ „Трудахъ перваго археологическаго съѣзда въ Москвѣ 1869“ (т. II. статья: „О поселеніяхъ итальянскихъ въ Газаріи“).

[158]) Въ сѣверо-восточной же Руси уже въ XV-мъ столѣтіи козаками назывался извѣстный отдѣлъ состоявшихъ на службѣ Татарскихъ войскъ. Впрочемъ, тамъ были козаки и другого рода (о нихъ см. у Н. И. Костомарова: Богданъ Хмельницкій, изд. 1870, т. I, стр. XIX).

[159]) См. Syn. Gedym., t. I, прим. 56, стр. XIII. Это слово какъ будто употреблялось въ такомъ смыслѣ и въ послѣдующее время. Въ описаніи Кіева и его замка, составленномъ королевскими люстраторами въ 1545 году, при перечисленіи „селъ замковыхъ“, между прочимъ,

ныхъ жителей[160]) Татары, вѣрнѣе — сами жители. Отъ этихъ отамановъ брали дань пріѣзжавшіе къ нимъ баскаки.

Остановимся на словѣ *отаманъ*.

Это слово отождествляютъ съ словомъ *гетманъ*, а послѣднее производятъ отъ Hauptmann[161]). Соглашаясь, что *гетманъ* могло произойти отъ слова Hauptmann[162]), для слова *отаманъ* мы рѣшаемся принять другое производство, находящее первообразъ его въ Татарскомъ словѣ *одаманъ*. Случайно оба эти слова, гетманъ и отаманъ, приближаясь другъ къ другу фонетически, сошлись и въ своемъ значеніи, и потомъ ихъ начали употреблять даже одно вмѣсто другаго. Оттуда-то ихъ отождествленіе. Но иногда они довольно явственно различаются въ актахъ[163]). Тогдашнее правительство никогда не употребляло слова отаманъ, и какъ въ правительственныхъ актахъ, такъ и въ историческихъ сочиненіяхъ оффиціально облеченные начальственною властію надъ козаками или вообще войсками назывались только гетманами. Литовскіе лѣтописцы обыкновенно не употребляли слова отаманъ, и приведенное нами мѣсто о Подоліи составляетъ аномалію.

Далѣе, слово гетманъ не было извѣстно въ древней Руси. Оно могло явиться въ русскомъ языкѣ чрезъ посредство Поляковъ или Литовцевъ, у которыхъ оно было въ особенномъ ходу, но жители Подоліи, при Татарахъ, еще не были знакомы ни съ тѣми, ни съ другими.

Остается допустить, что слово отаманъ перешло отъ Татаръ къ Подолянамъ уже до конца XIV-го столѣтія. Отъ Татаръ же оно перешло къ козакамъ и въ другихъ частяхъ Руси, гдѣ Литовское вліяніе едвали могло имѣть мѣсто[164]).

говорится: „Село *Петровцы* на Днепре, отъ замъку уверъхъ 2 мили. *Атаманъ* Микита Вареникъ даеть на замокъ меду полътретя ведеръца...“ и т. д. Потомъ перечисляются другіе, вносившіе что-нибудь на замокъ и монастыри. „Сборникъ матеріаловъ для исторической топографіи Кіева и его окрестностей“, отд. III, 30. — Сл. „Опись актовой книги Кіевскаго Центральнаго Архива, означенной по списку онаго подъ № 9“ (Кіевъ 1872), стр. 9, № 7 и 27, № 3. Видно, что въ селахъ были атаманы, выдѣленные чѣмъ-то изъ ряда своихъ собратій. — Въ Молдаво-влахійской грамотѣ 1495 г. упоминается „село Ризина где билъ Алекса ватаманъ“ („Зап. Од. общ. ист. и др.“, т. V, стр. 839).

[160]) Явившись въ Подолію, Корьятовичи, по словамъ лѣт. Быховца (str. 19), «woszli wo prуjaźń so Atamany»; это было бы невозможно, если бы атаманы были изъ Татаръ.

[161]) Даль, Толковый словарь, стр. 24.

[162]) Нѣкоторые производятъ это слово иначе (отъ Amtmann). Оно могло быть образовано въ противовѣсъ слову *отаманъ*.

[163]) Напр.: „Я, Крыштофъ Косинскій, на тотъ часъ *гетманъ*, а мы сотники *атаманья*, все рыцарство войска запорозского...“ (Архивъ юго-западной Россіи, ч. III, т. 1, стр. 54). Но въ томъ же самомъ актѣ козаки обязались „пана Косинскаго за атамана не меть“.

[164]) Слово ватаманъ встрѣчается уже въ сѣверныхъ актахъ XIV-го столѣтія (указаніемъ

Во всякомъ случаѣ, если примемъ, что Литовскія лѣтописи назвали представителей Подольскихъ общинъ въ періодъ татарскаго владычества такъ, какъ послѣдніе именовались въ дѣйствительности, то это послужитъ намъ огромною подмогой въ защитѣ свидѣтельства Стрыйковскаго о возникновеніи козачества въ то уже время: тогда будетъ весьма вѣроятно, что уже въ ту эпоху пастушескіе обычаи Татаръ начали проникать къ жившимъ по сосѣдству Подольцамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ — и военный характеръ татарскихъ пастуховъ. Но наше предположеніе не пострадаетъ и въ томъ случаѣ, если допустимъ, что самимъ лѣтописцамъ угодно было назвать отаманами начальниковъ отдѣльныхъ мѣстностей: тогда все-таки останется несомнѣннымъ, что Подольское населеніе при Татарахъ образовало изъ себя рядъ общинъ съ старшинами, предводительствовавшими при случаѣ. Вѣдь недаромъ же Литовскіе лѣтописцы употребили слово отаманъ.

Явившись въ Подолію, Корьятовичи, по словамъ Стрыйковскаго, тотчасъ же окозачились: «Tam tedy onym obłowem nad nadzieję ucieszeni krotofil kozackich z Litewskim i Ruskim rycerstwem używali» [165]).

Могутъ спросить: если южнорусское козачество возникло такъ рано, то отчего оно такъ долго не заявляло замѣтно своего существованія, и почему, послѣ трехъ упоминаній о козакахъ у Стрыйковскаго [166]), мы не встрѣчаемъ ихъ потомъ даже у этого писателя, а въ извѣстныхъ доселѣ актахъ они являются впервые только 89 лѣтъ спустя послѣ третьяго упоминанія о нихъ у Стрыйковскаго? [167]).

этого мы обязаны Н. И. Костомарову). Въ XVI столѣтіи козацкіе начальники назывались въ Московскомъ государствѣ атаманами, тогда какъ стрѣлецкіе — головами.

[165]) T. II, str. 8.

[166]) О первомъ мы уже говорили. Второе встрѣчается при описаніи похода на Татаръ Витовтова полководца Ольгерда въ 1397 г. Этотъ походъ не подлежитъ сомнѣнію (см. статью г. Бруна во II-мъ т. „Трудовъ перваго археологическаго съѣзда“, стр. 394—895). Послѣднее изъ упоминаній о козакахъ до начала XVI-го стол. относится къ 1410 году: Витовтъ Татаръ «tańcem królowi okazował, Litwe też zbrojno świetno roższykował swoję, kozaków rozdzieliwszy z usarzmy na troję». — Къ тремъ упоминаніямъ Стрыйковскаго можно прибавить еще четвертое, если «Polane» (о нихъ говорятъ и Русскія, и Литовскія лѣтописи), бывшіе въ Витовтовомъ войскѣ въ 1399 году, обозначаютъ козаковъ—степняковъ: «Lachowe» названы отдѣльно въ этомъ случаѣ, хотя иногда подъ словомъ «Poliane» должно разумѣть ихъ (см. Лѣтоп., изд. Даниловичемъ, стр. 54).

[167]) Въ извѣстномъ актѣ 1499 года. Впрочемъ, можетъ быть, къ Днѣпровскимъ козакамъ относится извѣстіе, найденное нами въ перепискѣ Ивана III съ Менгли-Гиреемъ. Въ 1493 г. московскій посолъ Иванъ Субота, бывшій въ Валахіи, „проѣзжая съ Волохскимъ посломъ близъ Очакова, претерпѣлъ нападеніе отъ *Черкасъ*, которые побили и плѣнили многихъ бывшихъ съ нимъ людей, что̀ и побудило Стефанова посла возвратиться къ своему государю; Иванъ же Субота пѣшій дошелъ до Менгли-гирея“. Вслѣдъ за тѣмъ послу Малечкину приказано было

Вслѣдъ за изгнаніемъ изъ Подоліи послѣдняго изъ Корьятовичей, эта страна сдѣлалась яблокомъ раздора между Литвою и Польшею, при чемъ въ концѣ концовъ досталась Польшѣ. Въ Подоліи быстро привилось панство, развитіе котораго составляло отличительную черту польскаго государства, а это панство вполнѣ исключало самостоятельность низшихъ классовъ и старалось сосредоточить въ своихъ рукахъ все, касавшееся завѣдыванія дѣлами страны [168]). Между прочимъ, къ панству должна была перейти и забота объ охранѣ края [169]). Низшее мѣстное населеніе, конечно, не было устраняемо панами отъ самостоятельной защиты края, но естественно, не играло при этомъ видной роли, и зачинавшееся козачество не могло получить широкаго развитія. Напротивъ, въ польской Подоліи возростало угнетеніе простонародья, вызвавшее въ 1492 году первую среди южнорусскаго народа реакцію польскому панству [170]). Замѣтимъ еще, что въ теченіе бо́льшей части Витовтова княженія Литовская земля, въ составъ которой входила и Подолія, была свободна отъ частыхъ и значительныхъ Татарскихъ набѣговъ [171]), благодаря дружественнымъ отношеніямъ Витовта къ ближайшимъ монгольскимъ ханамъ [172]). Мирныя отношенія польско и литовско-русскихъ земель къ Татарамъ продолжались, по приведеннымъ выше словамъ Длугоша, до смерти перваго Гирея, и, слѣдовательно, въ то время не было особенныхъ побужденій къ развитію козачества и во враждебныхъ отношеніяхъ къ Татарамъ. Поэтому оно могло существовать только въ зародышѣ и въ оставшейся за Литвою послѣ Витовтовой смерти Брацлавщинѣ.

Жители Приднѣпровья едвали могли выдвинуть козаковъ изъ своей среды одновременно съ Подольцами. Татарское владычество было свергнуто въ XIV столѣтіи и въ

стараться „о полученіи отнятаго Крымцами у Черкасъ грабежа принадлежащаго Россійскому послу Ивану Суботѣ и бывшимъ при немъ". Записки Од. общ. ист. и др., т. V, статья Ал. Малиновскаго: „Историческое и дипломатическое собраніе дѣлъ, происходившихъ между Россійскими Великими князьями и бывшими въ Крымѣ Татарскими царями съ 1462 по 1533 годъ", стр. 218—219.

168) Въ иномъ положеніи было крестьянство въ Литовскихъ земляхъ, въ особенности въ тѣхъ, которыя находились на югѣ Литовскаго государства. У сельскихъ общинъ существовали даже вѣча. Хотя памятники, упоминающіе о нихъ (1-я редакція Литовскаго Статута, акты. См. брошюру Иванишева: „О древнихъ сельскихъ общинахъ въ юго-западной Россіи", Кіевъ 1863), относятся къ XVI столѣтію, но нельзя думать, что эти вѣча тогда именно получили начало; это явленіе, безъ сомнѣнія, было остаткомъ старины.

169) См. у Длугоша мѣста, относящіяся къ Татарскимъ набѣгамъ.

170) Мы разумѣемъ возстаніе Мухи.

171) Малые, конечно, были.

172) О такихъ отношеніяхъ говоритъ Гилльберъ де-Ланноа (см. „Записки Одесскаго общества исторіи и древностей" и Кіевскія „Университетскія Извѣстія" 1873 года) и **Dlugosz** (XI, 409).

Приднѣпровьи, и уже съ того времени, имѣя крѣпкую опору въ литовско-русскихъ силахъ, мѣстное населеніе, свободное отъ панства въ томъ видѣ, въ какомъ послѣднее процвѣтало въ Польшѣ [173]), уже съ того—повторяемъ—времени могло выступать противъ Татаръ. Но не нужно забывать, что на первыхъ порахъ Литовскаго владычества оно было слабо вслѣдствіе своей малочисленности, хотя уже заявляло къ концу XIV-го столѣтія притязанія на самостоятельность отъ Литвы [174]). Въ 1300 г. митрополитъ Максимъ, „не терпя Татарскаго насилья, остави митрополью и сбѣжа ис Киева; и весь Кіевъ разбѣжался, а митрополитъ иде въ Суждальскую землю".

Карамзинъ, а вслѣдъ за нимъ и г. Погодинъ [175]) поставляютъ козаковъ, встарину называвшихся иногда Черкасами, въ связь съ Черными Клобуками, которые также названы Черкасами въ одномъ мѣстѣ Воскресенской лѣтописи. Къ этимъ ученымъ какъ бы примыкаетъ отчасти и г. Соловьевъ [176]). Но сближеніе козаковъ съ Черными Клобуками не имѣетъ прочныхъ данныхъ за себя.

Мало по малу, размноженіе и скопленіе [177]) населенія, отличавшагося отважною предпріимчивостью и не стѣсненнаго панскимъ гнетомъ, дало возможность развиться козачеству и въ Приднѣпровьи. Но здѣсь оно проявило себя нѣсколько иначе, шире и сильнѣе, нежели въ польской Подоліи, и послѣдняя обновила свое козачество, только нашедши опору въ козаччинѣ Приднѣпровья и Брацлавщины. Въ этомъ-то, можетъ быть, нужно искать объясненія того факта, что колыбелью южнорусскаго козачества называется обыкновенно Приднѣпровье [178]). По отдаленности времени, позднѣйшіе писатели не знали о древнемъ подольскомъ козачествѣ.

---

[173]) Паны были и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Кіевской области. О поземельномъ владѣніи и сословіяхъ на крайнемъ югѣ Кіевской земли въ періодъ отъ конца XV по начало XVII стол., отъ каковаго періода уцѣлѣли источники, см. въ „Изслѣд. о городахъ въ юго-западной Россіи" В. Б. Антоновича (предисловіе къ 1-му тому V-й части „Архива юго-западной Россіи". Кіевъ 1870), стр. 7—9; см. также предисловіе В. Б. Антоновича къ т. II-му VI-й части „Архива". стр. 11 и 14—15, и цитированную брошюру Иванишева, стр. 6—7.

[174]) Извѣстно, что князь Владиміръ Ольгердовичъ не хотѣлъ подчиниться Витовту, когда тотъ восторжествовалъ въ Литвѣ. Кажется, что Владиміръ опирался на симпатіи мѣстнаго населенія, которое, даже послѣ высылки Владиміра изъ Кіева, уступало Литовцамъ только съ бою (въ Черкасахъ и Звенигородѣ). См. лѣт., изд. Даниловичемъ.

[175]) „Изслѣд., л., з.", V, 205—208.

[176]) „Исторія Россіи", III, изд. 1862, 41. Т. I, изд. 4-е, стр. 27.

[177]) О бѣглецахъ въ Приднѣпровье находимъ извѣстіе у Михалона Литвина. Зиморовичъ также говоритъ о выселенцахъ изъ Галиччины, **qui angarias agrarias subterfugiebant.**

[178]) Съ этимъ какъ бы согласуется занесенное въ Литовскую Метрику преданіе объ основаніи при Гедиминѣ города Черкасъ, бывшаго однимъ изъ главныхъ городовъ и вмѣстѣ

Когда козачество образовало цѣлыя роты, когда оно начало обнаруживать свою не вполнѣ мирную дѣятельность въ обширныхъ размѣрахъ, когда названіе козаковъ стало прилагаться къ значительному количеству люда, тогда о козакахъ заговорили и оффиціальные акты. Не мѣшаетъ при этомъ вспомнить, что до насъ дошло весьма мало актовъ XV-го столѣтія, относящихся къ Украинѣ, а не будь этого, кто знаетъ, не встрѣтили ли бы мы козаковъ задолго до 1499 г.?—Съ начала XVI-го столѣтія козачествомъ начали пользоваться для защиты южнорусскаго края отъ Татаръ королевскіе старосты, и съ той поры козачество начало фигурировать и въ мало обращавшихъ вниманія на народную жизнь историческихъ сочиненіяхъ.

До того времени въ Подоліи это было чисто народное явленіе, которое, по своей мелкости [179], незначительности, безвредности [180] и существованію только на окраинѣ, не привлекало вниманія лицъ, стоявшихъ надъ массою, въ томъ числѣ—и писателей.

Но что козачество съ давняго времени было въ Подоліи, гдѣ оно упоминается исторіей почти одновременно съ приднѣпровскимъ, это не можетъ подлежать сомнѣнію [181].

аванпостомъ Днѣпровскаго козачества. Это преданіе вошло и въ грамоту Черкасамъ Сигизмунда-Августа. Болтинъ также приписывалъ основаніе Черкасъ—Черкасамъ, которые назывались козаками, но только относилъ это еще къ концу XIII-го столѣтія (за Болтина и Татищева готовъ стоять въ этомъ случаѣ г. Брунъ). У Герберштейна жители Черкасъ названы Черкасами, но онъ говоритъ: „Черкасы (Circassi), живущіе по Борисѳену, *суть Русскіе* и отличаются отъ тѣхъ Черкасовъ, которые, какъ я сказалъ выше, живутъ въ горахъ у Понта" (перев. Анонимова, С.-Петербургъ 1866, стр. 157). Это свидѣтельство довольно важно. Оно показываетъ, что если на мѣстѣ города Черкасъ и были первоначально поселенцы изъ народа Черкасовъ (за Днѣпромъ несомнѣнно былъ этотъ народецъ, слѣды котораго встрѣчаются долго. См. „Слѣды древняго рѣчнаго пути изъ Днѣпра въ Азовское море" г. Бруна въ V-мъ т. „Записокъ Од. общ. ист. и древн.", стр. 125—130), то — въ самомъ незначительномъ количествѣ, такъ что чрезъ $1^1/_2$ вѣка потомки ихъ совершенно затерялись въ массѣ Русскихъ. По словамъ Гваньини (Sarm. Eur. descriptio), жители Черкасъ въ его время назывались Черкасами. Весьма вѣроятно, что и у Гваньини, какъ и у Герберштейна, Татаръ и у всѣхъ вообще называвшихъ приднѣпровцевъ Черкасами, это слово получило свое названіе отъ города Черкасъ и замѣняло слово „Черкассцы". — Самое преданіе объ основаніи Черкасъ, едвали ведшее свое начало отъ времени основанія города, не составилось ли позже—по его названію?

[179]) Оттого-то Длугошъ и говоритъ нерѣдко о Татарахъ, что они грабили «nullo obstante» (t. II, col. 1089).

[180]) Тогда еще не установились правильныя дипломатическія сношенія и договоры съ Татарами, а съ Турціей Польша пришла въ непрерывныя соотношенія только со второй половины XV-го столѣтія. Поэтому ни Татары, ни Турки не заявляли еще безпрестанно повторявшихся впослѣдствіи жалобъ на козацкіе грабежи.

[181]) Можетъ быть, козаковъ, а не кого-нибудь инаго должно разумѣть подъ мѣстными жителями, собиравшимися иногда противъ Татаръ. При описаніи одного изъ набѣговъ Татаръ,

Подолія послѣ Волыни была самая населенная изъ южнорусскихъ земель, захваченныхъ Литовцами, и ранѣе другихъ начала устраиваться.

Еще при Герберштейнѣ не Приднѣпровье, а „Волынь изъ всѣхъ княжествъ Литвы" была „населена самымъ воинственнымъ народомъ" [182]). По всѣмъ соображеніямъ, на юго-востокѣ Волыни также издавна было *козачество:* тутъ встрѣчаемъ козаковъ въ 1512 году [183]), въ 1516 [184]) и д.

Замѣтимъ, что и съ 1499 года, когда, на основаніи перваго упоминанія объ южнорусскомъ козачествѣ въ актахъ, начинаютъ его генеалогію [185]) и когда обстоятельства болѣе прежнихъ благопріятствовали развитію козачества, это развитіе совершалось довольно медленно, и козачество пріобрѣло силу только 90 лѣтъ спустя. До того времени оно должно было формироваться еще медленнѣе, и не думаемъ, чтобы оно образовалось въ послѣдніе 20 лѣтъ предъ 1499 годомъ, что нужно предположить, принявъ теорію Н. И. Костомарова [186]).

По мнѣнію извѣстнѣйшихъ изслѣдователей этого явленія, оно было вызвано и имѣло своею задачею съ самаго же начала борьбу съ Татарами [187]).

Если такъ, то позволимъ себѣ спросить, почему же козачество образовалось такъ

у Длугоша говорится, что послѣдніе захватили въ Ровѣ одного знатнаго человѣка. Далѣе читаемъ: «*Terrigenam* Mroczkonem cum aliis terrigenis interficiunt . . .» (t. II, col. 91). Длугошъ не даромъ называетъ по имени и говоритъ объ убійствѣ этого простаго человѣка, тогда какъ вообще его интересовала знать. Подъ 1457 годомъ у Длугоша говорится о Подольскомъ правителѣ, что онъ напалъ на Татаръ, грабившихъ его землю, «continuo, rusticanis hominibus, ex villagiis proximis, operam suam ad id *sponte* et *devote* offerentibus» (col. 213).

[182]) Переводъ Анонимова, стр. 165.

[183]) Stryjkowski, II, 370.

[184]) Ibid., 389.

[185]) Польскіе историки того времени относятъ возникновеніе козачества къ началу XVI столѣтія. По мнѣнію Гваньини, козаки начались со времени похода Предислава Лянцкоронскаго на Бѣлгородскихъ Татаръ.

[186]) По мнѣнію Н. И. Костомарова, козачество возникло вскорѣ послѣ перваго шага къ заведенію польскихъ порядковъ въ русско-литовскихъ земляхъ, т. е. вскорѣ послѣ 1476 года, когда „Казимиръ Ягеллоновичъ уничтожилъ удѣльное Кіевское княжество и замѣнилъ его воеводствомъ" („Богданъ Хмельницкій". Т. I. Изд. 3. С.Пб. 1870. Стр. XVII). Самая послѣдняя формулировка мнѣнія почтеннаго ученаго о возникновеніи козачества, сколько намъ извѣстно, находится въ предисловіи его къ изданію для народа „Тараса Бульбы" (С.Пб. 1874 года. Изд. Фанъ-деръ-Флита).

[187]) Такъ объясняли возникновеніе козачества Старовольскій, Целларій, Зиморовичъ, Коховскій, Рудавскій, Пясецкій. Къ такому же объясненію прибѣгаютъ и новѣйшіе историки, начиная съ Энгеля (Fortzetzung der allgemeinen Welthistorie, 48 Theil, Halle 1796, s. 42).

поздно въ южной Руси, когда въ другихъ Русскихъ земляхъ оно было уже передъ тѣмъ, и когда южная Русь подвергалась татарскимъ нашествіямъ нисколько не рѣже сѣверо-восточной? [188]). Почему южнорусское козачество возникло такъ поздно, когда полная возможность организаціи его имѣла мѣсто уже со второй половины XIV-го столѣтія, — когда Литовское правительство признавало и вызывало самозащиту и когда вѣчная опасность должна была издавна развить въ украинскомъ населеніи козацкую отвагу и воинственность? Недаромъ подъ 1463 г. Стрыйковскій говоритъ о Брацлавскомъ воеводствѣ, что эта «prawie wszystka wołość ćwiczona w rycerskich postępkach dla najazdów Tatarskich» [189]). У Сарницкаго читаемъ: «ita Podolii noctes ac dies bello continuo vitam totam transigunt. O vires omni genere praemiorum dignos» [190]).

И намъ кажется, что, если южнорусское козачество и не связывается ничѣмъ съ воинственнымъ населеніемъ южной части Кіевской области до-монгольскаго періода [191]), то все-таки оно представляетъ собою весьма древнее явленіе на южнорусской территоріи, сягающее не ближе, какъ къ концу XIV-го столѣтія, и еслибы въ пользу такого мнѣнія не было никакихъ прямыхъ свидѣтельствъ [192]), то, тѣмъ не менѣе, оно имѣло бы право на существованіе.

Колыбелью южнорусскаго козачества, вслѣдствіе указанныхъ причинъ, мы рѣшаемся считать тѣ территоріи, гдѣ въ половинѣ XIII столѣтія лѣтопись помѣщаетъ Болоховцевъ и ихъ союзниковъ и единомышленниковъ, и это, по нашему мнѣнію, третья черта, сообщающая Болоховцамъ интересъ въ глазахъ историка.

---

[188]) По словамъ одной изъ грамотъ Владиміра Ольгердовича (если только она не подложна; она помѣщена въ „Описаніи Васильковскаго повѣта" Руликовскаго: Варшава 1853, стр. 33), Кіевскія земли „воевала орда Заволгска" еще предъ 1390 г. Затѣмъ Татары опустошали южную Русь послѣ битвы при Ворсклѣ. Намъ извѣстны еще набѣги ихъ до начала XVI-го столѣтія: 1448 г. (Dług. ad a. 1448, col. 45), 1450 (ibid., 63—64), 1452 (91 и 96 col.), 1453 (col. 105—106), 1453 (col. 108—109), 1457 (col. 213), 1469 (col. 449—450), 1474 (col. 515—516), 1478 (col. 572), 1489 (Stryjkowski, II, 288), 1493 (см. у Сарницкаго), 1494 (Stryjkowski, II, 297), 1498 (ibid., 304 и 305).

[189]) II, 266.

[190]) Descriptio Poloniae въ Лейпцигскомъ изданіи Длугоша (t. II), col. 1923.

[191]) Равнымъ образомъ, трудно связать южнорусскихъ козаковъ и съ Бродниками (происхожденіе и значеніе которыхъ до сихъ поръ еще удовлетворительно не выяснены), что пытался сдѣлать Арцыбашевъ (т. I, стр. 102, прим. 666). Сл. «Die Kosaken in ihrer geschichtlichen Entwickelung von A. v. B.». Berlin 1860, S. 23. Что касается Бродниковъ, то, кажется, они могутъ быть поставлены на одну доску съ Берладниками и отчасти Ушкуйниками.

[192]) Къ числу этихъ прямыхъ свидѣтельствъ мы относимъ то, которое находится въ привилеѣ Кіеву 1499 г. По 2-й ст. этого привилея, если у мѣщанина остановится купецъ или козакъ, то хозяинъ двора долженъ, по *давнему обычаю*, извѣстить объ этомъ намѣстника или воеводу.

Если такъ было на самомъ дѣлѣ и если, дѣйствительно, въ землѣ Болоховцевъ и ихъ союзниковъ было положено начало козачеству [193]), ставшему съ конца XVI столѣтія во главѣ народной самозащиты противъ польскаго племени, то они сослужили, сами того не подозрѣвая, великую службу южной Руси. Но въ ихъ время и въ ближайшее политика ихъ должна была быть крайне гибельна для этой Руси.

Тутъ мы приходимъ къ общей оцѣнкѣ значенія Болоховскихъ князей въ исторіи южнорусскаго края.

Мы не будемъ упоминать о поддержкѣ, какую Болоховскіе князья оказывали врагамъ Даніила въ первую половину его дѣятельности; мы вникнемъ лишь въ результаты отношеній этихъ князей къ Даніилу послѣ татарскаго нашествія.

Извѣстно, что въ половинѣ XIII-го столѣтія южнорусская земля подчинилась Татарамъ наравнѣ съ другими Русскими землями. Но въ то время какъ послѣднія тотчасъ же, по крайней мѣрѣ наружно, помирились съ совершившимся фактомъ, человѣкъ, заправлявшій югозападомъ Руси, изыскивалъ всѣ средства къ тому, чтобы сорвать путы, охватившія родную землю, не могъ надолго замаскироваться и сталъ весьма скоро въ натянутыя отношенія къ Татарамъ. Съ той поры уже нельзя было разсчитывать на вполнѣ мирныя отношенія къ нимъ, въ какихъ стояла Московская Русь.

Одновременно начала грозить опасность и со стороны занявшейся собираніемъ западно-русскихъ земель Литвы.

Съ половины XIV-го столѣтія къ этимъ врагамъ южной Руси прибавился новый— начавшая достигать объединенія Польша, да не прочь была пристать и Венгрія, принужденная въ XIII-мъ столѣтіи отказаться отъ своихъ завоевательныхъ стремленій.

Для успѣшной борьбы съ враждебными сосѣдями, изъ которыхъ два притомъ (Татары и — съ XIV столѣтія — Литва) обладали громадными матеріальными силами, югозападная Русь должна была выставить и съ своей стороны такія же силы: только съ ними она могла защитить свою самостоятельность въ борьбѣ съ непріятелемъ, который разсчитывалъ, по словамъ Плано-Карпини, именно на подавленіе противниковъ своею массою.

Послѣ татарскаго нашествія южная Русь сильно обезлюдѣла [194]), хотя не въ такой степени, какъ нѣкоторые представляютъ это [195]). Ей необходимо было болѣе, чѣмъ когда-

---

[193]) Не слѣдуетъ, впрочемъ, забывать разницы между козачествомъ Подоліи, о которомъ мы говоримъ, и южнорусскимъ козачествомъ XVI-го столѣтія.

[194]) Есть извѣстіе о выселеніяхъ изъ нея (Степ. книга). По словамъ Рюбрюквиса, южная Россія «tota vastata est a Tartaris, et adhuc quotidie vastatur» (Hakluyt's Collection, I, 89).

[195]) Напр., г. Кулишъ, по мнѣнію котораго, послѣ татарскаго господства уцѣлѣли только „остатки“ мѣстнаго населенія, и присоединенная къ Литвѣ югозападная Русь представляла

либо, по возможности, сгруппироваться въ однѣхъ рукахъ, по крайней мѣрѣ въ рукахъ одной семьи, и дружно стоять противъ враговъ. Въ этомъ была вся надежда на спасеніе. Отъ запада, который не прочь былъ заслоняться грудью Русскихъ, Русь получала помощь только на словахъ.

Даніилъ, съ дѣтства терпѣвшій отъ посягательствъ Поляковъ и Венгровъ на его родовое наслѣдіе, хорошо понималъ это и уже около времени татарскаго нашествія началъ довольно явственно работать для приведенія въ зависимость отъ себя всей юго-западной Руси. Онъ зналъ, что крутыя мѣры не привели бы ни къ чему, и, не изгоняя и не истребляя существовавшихъ князей, требовалъ отъ нихъ только, чтобы они признали верховное его господство.

Предъ самымъ татарскимъ нашествіемъ Даніилу удалось въ значительной степени достигнуть осуществленія своихъ завѣтныхъ стремленій. Онъ овладѣлъ „Рускою землею, Кыевомъ и Володимеромъ и Галичемъ, со братомъ си, инѣми странами“ [196]); ему обѣщали „работѣ быти“ даже крамольные Болоховцы [197]).

Послѣ татарскаго нашествія продолжали извнѣ мѣшать Даніилу въ обладаніи всею югозападною Русью только Черниговскіе князья, да и тѣ не могли уже разсчитывать на успѣхъ въ такой мѣрѣ, какъ прежде.

Но тутъ явились Болоховцы. Не возвышаясь надъ узкимъ сепаратизмомъ, они ждали только случая нарушить свое неискреннее обѣщаніе. Съ появленіемъ Татаръ въ южной Руси, Болоховскіе князья поспѣшили изъявить имъ покорность, надѣясь не только сохранить этимъ свои земли отъ опустошенія, но и удержать въ будущемъ полную независимость отъ Даніила. За Болоховымъ послѣдовало немало другихъ южнорусскихъ областей, оставшихся безъ князей. Татары не прочь были оказывать покровительство этимъ областямъ, такъ какъ нашли выгоднымъ для себя и старались расширить количество непосредственныхъ своихъ данниковъ, платившихъ дань натурою, т. е. хлѣбомъ. Кромѣ того, они ослабляли этимъ Даніила, котораго хорошо знали съ самаго начала по на-

---

собраніе безлюдныхъ или малолюдныхъ пустынь.—Многіе изъ жителей Галицкой и Волынской областей нашли себѣ убѣжище въ горахъ. См. „Княженіе Даніила Галицкаго, по русскимъ и иностраннымъ извѣстіямъ“, стр. 87—88. Болохово, какъ мы видѣли, было совсѣмъ даже пощажено Татарами: „оставили бо ихъ татарове...“ Подолія не была лишена населенія и по разсказу Литовскихъ лѣтописей. Въ папской буллѣ 1333 года явственно отличается многочисленный народъ, обитавшій въ странахъ, которыя прежде назывались Готіею. По этому документу, Греки и Татары причиняли тому народу, большею частію пребывавшему въ схизмѣ, великія неправды и оскорбленія. Г. Шараневичъ („Ист. Гал.-вол. Руси“, 142), кажется, довольно справедливо относитъ это къ Русскимъ Крыма и степей, прилегавшихъ къ Подоліи.

[196]) Ип., 536.

[197]) Мы полагаемъ, что это случилось до татарскаго нашествія.

слышкѣ о немъ. И когда, по минованіи татарской грозы, южнорусскіе князья вступали вновь въ обладаніе своими землями, и Даніилъ пожелалъ княжить въ югозападной Руси въ прежнихъ границахъ, то онъ сразу долженъ былъ придти въ столкновеніе съ Татарами, между тѣмъ какъ въ другихъ земляхъ Руси Татары оставляли отношенія отдѣльныхъ областей къ князьямъ въ томъ видѣ, въ какомъ это было до завоеванія, и не отдѣляли ни клочка земли въ свое непосредственное управленіе. Разумѣется, Даніилъ не посмѣлъ хлопотать въ ордѣ о признаніи его верховнымъ княземъ всей югозападной Руси; сохранилось даже извѣстіе, что южное великое княженіе было отдано Батыемъ одному изъ сѣверныхъ князей: Татары, очевидно, не довѣряли Даніилу, или хотѣли наказать его за то, что онъ не поспѣшилъ явиться къ нимъ съ изъявленіемъ покорности. Потомъ они потребовали отъ него даже Галича, желая показать, что они не потерпятъ, чтобы западный уголъ Русской земли былъ свободенъ отъ порабощенія.

Нѣсколько лѣтъ Даніилъ безмолвно глядѣлъ на это отчужденіе земель, снисканныхъ имъ пòтомъ и кровью, и ограничился только тѣмъ, что наказалъ разъ Болоховцевъ за помощь, оказанную противнику его Ростиславу.

Двинувшись, наконецъ, на отпавшія земли, Даніилъ тотчасъ же навлекъ на себя татарское нашествіе, заставившее его вторично смириться. Вообще Татары слѣдили весьма тщательно за Даніиломъ и успѣвали во время поражать его ударами, кажется, при содѣйствіи Болоховцевъ.

Такимъ образомъ, если югозападный край не сплотился при Даніилѣ, то въ этомъ въ особенности были виноваты Болоховцы съ ихъ сепаративными стремленіями, успѣвшіе ловко связать свое дѣло съ вопросомъ о верховномъ владычествѣ Татаръ въ югозападной Руси и поставившіе этимъ Даніилу неодолимую преграду.

А между тѣмъ какъ много помогло бы этому князю распоряженіе силами и этихъ отпавшихъ земель! Онъ уничтожилъ бы въ зародышѣ Литовское государство, которое, безъ того, оказалось равносильнымъ Даніилову, и могъ бы прочно утвердить тамъ свое вліяніе, которое его потомки удержали бы даже при своей разрозненности. Въ тоже время онъ былъ бы еще страшнѣе Татарамъ.

Но не станемъ вдаваться въ гаданія о томъ свѣтломъ будущемъ, какое могло бы достаться югозападной Руси послѣ Даніила, когда налицо ближайшіе печальные результаты, какіе повлекло за собою отмѣченное нами явленіе, имѣвшее мѣсто въ половинѣ XIII-го столѣтія въ срединныхъ земляхъ южной Руси.

На основаніи сказаннаго позволяемъ себѣ сдѣлать нѣсколько общихъ выводовъ.

При сосредоточеніи Русской земли, начавшемся на югѣ ея въ XIII столѣтіи, а на сѣверѣ въ XIV-мъ [198]), и здѣсь, и тамъ противниками его явились не только боровшіеся

[198]) Попытки сплоченія той и другой половины Руси замѣчаются и ранѣе, но онѣ не были довольно сознательны и не влекли за собою никакихъ прочныхъ результатовъ.

за свои владѣтельныя права князья отдѣльныхъ волостей, но, по мѣстамъ, и массы: на сѣверѣ — въ вѣчевыхъ общинахъ Новгорода, Пскова, Вятки, на югѣ — въ срединныхъ земляхъ юго-западной Руси, вошедшихъ въ стачку съ боярствомъ Галича.

Въ сѣверо-восточной Руси попытка централизаціи, какъ извѣстно, успѣла преодолѣть сопротивленіе и создала крѣпкое государство. На югѣ она также успѣла бы привести къ концу свое дѣло [199]), еслибы не то обстоятельство, что внутренніе враги нашли тутъ сильнѣйшую поддержку во внѣшнихъ. Содѣйствуя безсознательно сплоченію сѣверо-востока [200]), съумѣвшаго не выдать себя до послѣдней минуты, на югѣ, напротивъ, Татары съ самаго начала противодѣйствовали этому. Литва также на первыхъ порахъ не вмѣшивалась въ дѣла восточной Руси [201]), будучи отвлечена ближайшими интересами на западѣ, и также вначалѣ обращала особенное вниманіе на югъ Русской земли. Другихъ опасныхъ сосѣдей у сѣвера пока не было. Югъ же былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ подозрительными, враждебно и жадно смотрѣвшими на него сосѣдями и долженъ былъ создавать свое единеніе, устраивать свои внутреннія дѣла и заботиться о своемъ укрѣпленіи среди постоянныхъ помѣхъ и невзгодъ извнѣ.

III.

Послѣ 1257 года Галицко-волынская лѣтопись уже не упоминаетъ о Болоховѣ, можетъ быть — потому, что эта земля не оказывала болѣе виднаго вліянія на судьбы югозападнаго угла Русской земли. Да и Даніилъ около того времени началъ замѣтно дряхлѣть, а его преемники уже не преслѣдовали его широкихъ плановъ, касавшихся всей югозападной Руси.

---

[199]) Даніилъ успѣлъ было подчинить всѣ сопротивлявшіяся земли (см. Ип. списокъ подъ 1257 г.).—Въ лицѣ Льва мы встрѣчаемъ и на югѣ типъ князя, старавшагося *всѣми способами* захватить побольше земель. Извѣстно, что московскіе князья выиграли въ особенности благодаря настойчивому преслѣдованію стремленій, не входившему въ разборъ относительно средствъ, и личный характеръ этихъ князей имѣлъ огромное значеніе въ дѣлѣ возвышенія Москвы. Левъ также убивалъ (Войшелка), подходилъ съ хитростями (два раза къ Владиміру Васильковичу), прибѣгалъ къ захватамъ (отнялъ было у Мстислава Брестъ) и не прочь былъ покуситься даже на Польшу.

[200]) Уже Батый „почти Ярослава, давъ ему старѣйшинство во всемъ рускомъ языце“ (Ник. III, 18); при Татарахъ сразу должны были привыкать признавать безспорно старѣйшинство великаго князя. Симеону „всѣ князи Рускіи подъ руцѣ его даны“.

[201]) А когда она пришла въ столкновеніе съ Москвою, то Татары поддерживали сначала послѣднюю. Извѣстно, что Ольгердовы послы были задержаны въ ордѣ и выданы Московскому князю, „яко Олгердъ улусъ его пустошитъ, а князя великаго обижаетъ“.

Болохово не фигурируетъ рельефно и въ источникахъ для исторіи послѣдующаго времени.

Историческій интересъ Болоховской земли ограничивается, такимъ образомъ, для насъ временемъ Даніила.

Но я нахожу не лишнимъ, въ заключеніе, сказать нѣсколько словъ и о дальнѣйшей ея судьбѣ, хотя то будутъ, по большей части, лишь предположенія. Несомнѣнно одно: именно, что Болохово, какъ географическій терминъ, не исчезло совсѣмъ въ XIII или XIV стол., и слѣды существованія его замѣчаются довольно долго въ южной Руси.

Мы уже говорили, что въ концѣ концовъ Болохово должно было отойти отъ системы Галицко-волынскихъ княжествъ и, по всей вѣроятности, возвратилось подъ татарскую эгиду.

Изъ Литовскихъ лѣтописей видно [202]), что къ Кіевской области, предъ покореніемъ ея Литвою, принадлежали Вышгородъ, Овручъ, Житомиръ [203]), Черкасы, Каневъ, Путивль, Слеповродъ и, можетъ быть, позже упоминаемый Звенигородъ [204]). О другихъ же пунктахъ эти лѣтописи не говорятъ.

Въ составъ Волыни, завоеванной Литвою, также едвали вошла Болоховская земля, потому что, при перечисленіи оставшихся въ концѣ концовъ за Любартомъ городовъ Луцкой земли, принадлежавшихъ ему съ самаго начала его владѣнія въ этой землѣ, названы лишь Стожекъ, Даниловъ, Закамень, Шумскъ, Острогъ, Полонное и Меджибожъ [205]). Извѣстно также, что теперешнее мѣстечко Любаръ, расположенное у Случи, было основано этимъ княземъ на границѣ его владѣній. Позже Ѳеодору Даниловичу Острожскому были уступлены Ягелломъ лишь Острогъ, Корецъ, Заславль, Хлапотинъ [206]).

Точно также нѣтъ упоминаній о Болоховѣ и въ источникахъ, говорящихъ о Подоліи [207]),

---

[202]) Лѣт. Быховца, стр. 15 и 34. Лѣт., изд. Даниловичемъ, стр. 46.

[203]) Не въ то ли время поднялся этотъ городъ? До татарскаго нашествія о немъ нѣтъ упоминаній. Мутижиръ, о которомъ говорится въ Ип. сп. подъ 1162 г. (стр. 354), вѣроятнѣе — Мотыжинъ, чѣмъ Житомиръ (сл. Соловьева II, примѣч. 293. „Изсл., лекціи, з.“ Погодина, IV, 190).

[204]) Лѣт., изд. Даниловичемъ, стр. 46.

[205]) «Luceoriensis terra *cum omnibus territoriis primaevis et villis quemadmodum fuit a principio*». Эти слова очень важны для опредѣленія границъ Галицко-владимирской Руси послѣ татарскаго нашествія. Очевидно, что она не захватывала Болоховской земли.

[206]) «Castrum Ostrog cum districtu Ostroviensi, nec non districtus Korec, Zaslaw, Chłapotyn».

[207]) Едвали относится къ Болоховской землѣ то, что говорится о территоріи Бакоты въ договорѣ Поляковъ и Свидригайла, заключенномъ въ 1431 году. Впрочемъ, Бакота была, повидимому, не на особенно далекомъ разстояніи отъ Болохова. Замѣчательно, что она дважды отпадала отъ Даніила, именно сидѣвшій въ ней какой-то Милѣй, котораго лѣтопись называетъ

и князья Болохова исчезаютъ совершенно изъ исторіи [208]), если не предполагать ихъ въ ряду тѣхъ многочисленныхъ южнорусскихъ князей XIV-го и послѣдующихъ столѣтій, о которыхъ есть немало огульныхъ свидѣтельствъ [209]). Нѣкоторые думали, что Болоховскіе князья перешли за Днѣпръ и положили тамъ начало роду князей Болховскихъ [210]), но, какъ доказано г. Забѣлинымъ [211]), это не выдерживаетъ критики. Въ восточной Россіи были и Чернятинскіе князья, напоминающіе своимъ названіемъ дѣйствовавшихъ за одно съ Болоховцами Чарнятинцевъ, но, по своему происхожденію, они принадлежали къ роду Тверскихъ князей [212]). Нѣтъ извѣстій и о Болоховскихъ городахъ, если не думать, что прописанный въ одной грамотѣ Свидригайла [213]) Wasillus dux dictus *Boszki* получилъ свое прозваніе отъ Божскаго. Въ перечнѣ Русскихъ городовъ, включенномъ въ Воскресенскую лѣтопись и составленномъ, по всей вѣроятности, въ XV-мъ столѣтіи, Болоховскіе города не поименованы [214]). — Можетъ быть, они были разрушены Татарами, какъ и

баскакомъ (Ип., 549—550). Татары, очевидно, покушались оставить эту землю за собою и, пожалуй, могли отдать ее Болоховцамъ. Что касается Милѣя, то о немъ думаютъ различно. Карамзинъ и Петрушевичъ, вслѣдъ за лѣтописью, считаютъ его ханскимъ баскакомъ, Арцыбашевъ—градоначальникомъ, а Зубрицкій — однимъ изъ князей Болоховскихъ или подобныхъ имъ. Намъ кажется самымъ вѣрнымъ мнѣніе Арцыбашева: Милѣй могъ отпасть отъ Даніила и быть названнымъ въ лѣтописи баскакомъ, получивши власть вновь уже отъ Татаръ. — Въ упомянутомъ договорѣ 1431 г. говорится о какихъ-то *давнихъ правахъ* и льготахъ Бакоты, которыя были оставлены за нею до конца перемирія.

208) Мы не рѣшаемся настаивать на связи съ древнимъ Болоховымъ кн. «Wołożynskich», «imenem Suchty», встрѣчающихся въ Литовскихъ лѣтописяхъ при описаніи событій, совершившихся въ половинѣ XV-го столѣтія (Лѣт. Быховца, стр. 55). Точно также мы не приводимъ въ связь съ Болоховымъ и слѣд.: „А се боярскыи люди, дань дають Святой Софіи Премудрости Божіи: . . . у Клочькевичахъ зъ *Волшиньскои* земли з ведра меду и поданія . . .“ (Акты, относ. къ ист. зап. Россіи, т. I, № 26, стр. 37).

209) По словамъ Длугоша, въ половинѣ XIV-го столѣтія въ югозападной Руси Duces plures extabant (Lib. IX, ad a. 1349). — Въ 1399 г. съ Витовтомъ было „князей рускихъ пятдесятъ“ (лѣтописи русскія и литовскія); по свидѣтельству Супрасльской лѣтописи, ихъ было убито тогда 204. — Въ одной битвѣ Сигизмунда съ Свидригайломъ «rukami poymano kniazey sorok» (Быхов., 47).

210) „Россійская родословная книга“ Долгорукова (III, 10)—вслѣдъ за „Исторіей“ Карамзина (IX, прим. 381).

211) „Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи“, ч. I, 542—544.

212) П. с. р. л., VII, 245.

213) Przezd. I, 195.

214) Упоминаемые тамъ Божскій и Бѣлобережье, судя по тому, въ ряду какихъ мѣстностей поставлены, находились гдѣ-то въ сѣверо-восточныхъ областяхъ Россіи. Въ Воскресенской лѣтописи читается слѣдующее: „А се имена градомъ всѣмъ Русскымъ, далнимъ и

Подольскіе города, въ отмщеніе за подчиненіе Болоховцевъ Даніилу, или для того, чтобы лишить Болоховцевъ укрѣпленій.

У Эриха Ляссоты изъ ряда другихъ мѣстностей выдѣляется какъ-то странно окрестность Прилукъ [215]), гдѣ, по нашимъ соображеніямъ, могло быть Болохово, но оно при этомъ не названо.

Послѣ XIII-го столѣтія, въ извѣстныхъ намъ историческихъ памятникахъ, Болохово прямо подъ этимъ именемъ встрѣчается всего разъ—именно въ грамотѣ Сигизмунда III, разрѣшающей основаніе Лысянки (въ Звенигородскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи) и относящейся къ 1622 году [216]). Вычисляя права и обязанности мѣщанъ учреждаемаго города, король, между прочимъ, говоритъ: „во всѣхъ тамошнихъ лѣсахъ мы дозволяемъ имъ ловить всякаго звѣря, а въ рѣкахъ — какую кто можетъ — рыбу, какими угодно сѣтями, теперь и по окончаніи льготъ; но всякій Болоховецъ, который придетъ изъ полей съ рыбою, десятую изъ рыбъ долженъ отдавать въ замокъ нашему старостѣ, а другіе Болоховцы, если что будутъ имѣть, какъ водится въ остальныхъ мѣстечкахъ, должны давать обычный подарокъ на замковый урядъ“ [217]).

ближнимъ. — — А се грады Литовскіе: — — Торопѣць древянъ, Городно, Мацинъ, Бѣлаа, Морева, Воротынескъ, Шерпескъ, Деревягорескъ, Копертуевъ, Восътиобачерь, *Божескъ*, Мѣзескъ, Мещескъ, Мосалескъ, Опузе Сутѣскъ, Ясенецъ, Стрѣе. — — Восвято, Жижень, Іерусалимъ, Ржищевъ, *Бѣлобережье*, Самара, Броница . . .“

[215]) «Diese Stadt hatt ein sehr schönes fruchtbares und weites feldt und Treidtboden, darinnen sieht man hin und wieder viel kleine selzame heuser, mit schiesslöchern, einzlich stehen, darinnen die Pavern, wen sie etwan plözlich, und unversehens von den Tattern überfallen werden, lauffen und sich daraus defendirn wie den ein jeder Pawer, wen Er zu acker fehrt, sein handtrohr am Halss und seine Säbel oder Tessaken an der Seiten führt, weil sie die Tattern gahr offt heimsuchen und fast ni sicher für Ihnen sein. — Tagebuch des Erich Lassota von Steblau. Halle 1866. S. 201. Въ русскомъ переводѣ г. Бруна (С.Пб. 1873) стр. 15.

[216]) Она помѣщена въ „Архивѣ юго-западной Россіи“: ч. V, т. I (К. 1869), № XXXV.— О Болоховцахъ, упомянутыхъ въ путевыхъ запискахъ Отвиновскаго, см. выше. Названіе этой мѣстности слышится какъ бы въ фамиліяхъ Болхивца, о которомъ у Похилевича („Сказанія о насел. мѣстн. Кіевской губ.“, стр. 381), и Болиховскихъ. — Можетъ быть, Болохово должно разумѣть подъ «volocho», которое встрѣчаемъ невдалекѣ отъ Кіева на картѣ, составленной въ XV-мъ столѣтіи Фра Мауро для короля Португальскаго Альфонса V. Что подъ этимъ названіемъ должно разумѣть не Валахію, видно изъ того, что южнѣе находимъ «Ulachia granda» („Матеріалы для историко-географическаго атласа Россіи. Изд. Археографической Коммиссіи“. С.Пб. 1871“. Л. 2).

[217]) «Jednakże każdy Bołochowiec, z pol przyszedłszy z rybą, rybą dziesięta do zamku staroście naszemu ma dawać, a insi Bołochowcy, jaką kolwiek mając zdobycz, jako w inszych miasteczkach naszych zachowuje się, urzędowi zamkowemu pokłon zwyczajny mają dawać». Стр. 137. — Льготы,

Изъ приведенныхъ строкъ можно заключать, что еще въ XVII стол. въ Украинѣ существовали остатки Болоховцевъ [218]) подъ этимъ именемъ, совсѣмъ исчезнувшимъ изъ современной географической номенклатуры, и что потомки уподоблялись своимъ предкамъ: вѣдь промыселъ, которымъ они занимались и для котораго ходили *въ поля*, т. е. въ степи,[219]) требовалъ въ то время значительной отваги, и имъ не брезгали, между прочимъ, и козаки.

данныя Лысянкѣ, нерѣдко уступались мѣстечкамъ, которыя основывались вновь или же возстановлялись, но оговорки, подобной той, какая сейчасъ приведена, мы не встрѣтили въ извѣстныхъ намъ документахъ. Съ грамотой, данной Лысянкѣ, схожа пожалованная Сальницѣ въ 1607 г. (см. Balińskiego i Lipinskiego Starożytna Polska, t. II, Warsz. 1845, стр. 1014—1015).

[218]) Кажется, что подъ Болоховцами разбираемой грамоты должно разумѣть не проѣзжихъ или пріѣзжихъ торговцовъ, съ которыхъ также взималась дань, а жителей окрестности Лысянки. Не даромъ въ документѣ 1622 г. говорится о платежѣ пошлины только Болоховцами. Приведенная нами выдержка о нихъ стоитъ въ текстѣ, какъ ограниченіе правъ, предоставленныхъ *мѣстнымъ жителямъ*. Торговцовъ Болоховцевъ мы не встрѣчаемъ въ привиллегіяхъ другимъ мѣстечкамъ, и нельзя думать, чтобы извозомъ рыбы занимались исключительно Болоховцы. Важно выраженіе «z pol» въ связи съ «insi Bołochowcy»: очевидно, Болоховцы не жили постоянно и исключительно въ поляхъ. Вблизи Лысянки могли жить потомки старинныхъ насельниковъ Болоховской земли, которой границы могли проходить тамъ.

[219]) Степи называются такъ еще въ древне-русскихъ лѣтописяхъ. По словамъ одного писателя, польская „сторожевая линія выдвинулась въ степи до Брацлава, который съ одной стороны посылалъ свои разъѣзды къ Подольскому Каменцу, а съ другой къ Бѣлой Церкви. Бѣлоцерковскіе разъѣзды встрѣчались къ западу съ Брацлавскими, а къ востоку съ Кіевскими. По эту черту, до конца XVI вѣка, простиралась Украина, то-есть пограничная область Польско-Литовскаго государства“ („Вѣстникъ Европы“ 1874, мартъ, стр. 22). — Рыба добывалась въ значительномъ количествѣ въ Днѣпрѣ. Извѣстный Архидіаконъ Павелъ, спутникъ Антіохійскаго патріарха Макарія, проѣзжавшаго чрезъ южную Русь въ половинѣ XVII-го столѣтія, между прочимъ, говоритъ (по англійскому переводу): «Bread they furnished us in loads: and fish in quintals, from the plentiful cheapness of it among them; and its immense variety of Shape and colour astonished us: for, as we before mentioned, the great River Niepros is near them, and many ships sail out of it. As to the quality of the vessels which navigate this river, they are generally large. In measuring some of them, we found the length of their single timbers to be about one hundred and fifty spans; and there are many hollowed out of one huge piece of wood, of which the length is ten cubits. On this river the pass to the Black Sea» (The travels of Macarius, part the third, London MDCCCXXXII, pp. 239—240). — Были и другіе пути подвоза. По словамъ Броневскаго, два раза ѣздившаго посломъ Речи Посполитой въ Крымъ въ 1578 году, на Бугѣ былъ скалистый островъ, служившій „вѣрною защитою Братиславцамъ, которые ежегодно по нѣскольку мѣсяцевъ занимались тамъ рыбною ловлею. На этомъ островѣ и на другихъ лежащихъ на Бугѣ, въ апрѣлѣ, маѣ и іюнѣ постоянно находится около двухъ сотъ стрѣлковъ“ [„Записки Одесскаго общества исторіи и древностей“, т. VI, Одесса 1867. Описаніе Крыма (Tartariae Descriptio) Мартина Броневскаго, стр. 334].

Можетъ быть, въ то время были козаками и Болоховцы, жившіе на южной окраинѣ Рѣчи Посполитой [220]). Вспомнимъ, что, по словамъ Гродзкаго, козаками назывались не только жители низовьевъ Днѣпра, но также обитатели мѣстностей по теченію рѣкъ Днѣстра и Буга.

Съ меньшею вѣроятностію можно относить приведенныя слова королевской грамоты къ Болоховцамъ Галичины, или же думать, что Болоховцами въ то время назывались не столько жители какой-нибудь мѣстности, сколько люди, занимавшіеся тѣмъ или другимъ промысломъ, т. е., что слово Болоховецъ сдѣлалось именемъ нарицательнымъ [221]).

---

[220]) По словамъ Сарницкаго, Баръ былъ «arx munitissima, *in ipso aditu Scythiae excitata*».

[221]) Намъ сообщали, что въ смыслѣ нарицательнаго слово Болоховецъ употреблено еще въ одномъ изъ напечатанныхъ актовъ, но мы сами не встрѣчали его нигдѣ, кромѣ акта 1622 года. — Подъ Болоховцами этого акта не должно, конечно, разумѣть промышленниковъ, отправлявшихся въ Болохово, которое, по отведенному нами ему мѣсту, не могло служить пунктомъ рыбной ловли (тутъ не можетъ быть аналогіи съ Коломыйцами, каковымъ именемъ назывались привозившіе соль изъ Коломыи), равнымъ образомъ въ упомянутомъ актѣ едвали имѣлись въ виду и жители Галицкаго Болохова; въ грамотѣ прямо говорится о Болоховцахъ, что они привозили свои продукты «z pol».

О способѣ исполненія эпическихъ произведеній древнегреческими пѣвцами сравнительно съ малорусскими бандуристами.

Рефератъ **Ѳ. Г. Мищенко.**

Не можетъ въ настоящее время подлежать сомнѣнію, что у Іонянъ Малой Азіи поэзія, пѣніе и музыка, согласно съ естественнымъ ходомъ развитія тоническихъ искусствъ вообще, существовали долгое время нераздѣльно. Всякое поэтическое, или точнѣе стихотворное произведеніе было вмѣстѣ съ тѣмъ пѣснею, которая исполнялась подъ аккомпаниментъ струннаго инструмента.

Какъ во многихъ другихъ вопросахъ, касающихся до-историческихъ временъ Греціи, такъ и въ настоящемъ, источникомъ свѣдѣній служитъ для насъ Гомеръ. Только совмѣстною практикою трехъ дисциплинъ, послѣ развивавшихся отдѣльно, объясняется во 1-хъ то, что въ *Иліадѣ* и *Одиссеѣ* поэтъ-разскащикъ, самостоятельный ли онъ творецъ, или простой исполнитель чужихъ произведеній,—называется обыкновенно *пѣвцомъ, божественнымъ пѣвцомъ:* ἀοιδός, θεῖος ἀοιδός, ἐρίηρος ἀοιδός (Од. VIII, 471, 479—81; IV, 17; XVII, 518 и друг. Ил. XIV, 720; XVIII 604). Отсюда, во 2-хъ, произошла та тѣсная, постоянная связь, какую читатель Гомера замѣчаетъ между терминами, обозначающими пѣніе и музыку: ἀοιδὴ καὶ κίθαρις (Иліада XIII, 731), ἀοιδὴ καὶ κιθαριστύς (Ил. II, 599—600), или наконецъ φορμίζων ἀείδειν (Од. VIII, 263. Ил. XVIII, 603 и друг.). Фемій и Демодокъ, по словамъ поэта, начинаютъ прекрасную пѣсню, играя на формингѣ [1]: ὁ (Демодокъ) φορμίζων ἀνεβάλλετο καλὸν ἀείδειν (Од. VIII, 263), или: ἤτοι ὁ (Фемій) φορμίζων (Од. I, 155; XVII, 262).

---

[1]) φόρμιγξ отъ корня φρεμ черезъ метаѳезъ. Другая форма βρεμ: βρέμεσθαι, βρομός, βροντή.

Нельзя согласиться съ Отфр. Мюллеромъ (Geschichte d. Griech. Litteratur. I, стр. 54), будто звуки форминга служили только прелюдіей къ разсказу, будто разскащикъ бралъ на формингѣ, или киѳарѣ [1]) нѣсколько вступительныхъ аккордовъ и затѣмъ рецитировалъ свою повѣсть просто, безъ всякаго аккомпанимента. Мюллеръ опирался въ своихъ заключеніяхъ на примѣрѣ сербскихъ народныхъ пѣвцовъ, которые до нашихъ дней пользуются простѣйшимъ струннымъ инструментомъ, *гурлою*, именно въ томъ смыслѣ, какъ пользовались киѳарою, по мнѣнію нѣмецкаго ученаго, греческіе аэды. Кромѣ того, въ подтвержденіе своего мнѣнія, Мюллеръ указываетъ на такія выраженія, какъ φορμίζων ἀνεβάλλετο καλὸν ἀείδειν, которыя обыкновенно переводятся: „игрою (или играя) на формингѣ онъ *началъ* прекрасную пѣсню“. Но, во-первыхъ, есть въ гомеровыхъ поэмахъ нѣсколько мѣстъ, гдѣ поэтъ вмѣсто приведеннаго выраженія употребляетъ другое, очевидно не допускающее толкованія Мюллера и его послѣдователей, именно: ἔμελπετο φορμίζων, *пѣлъ играя на формингѣ* (Ил. XVIII, 604. Од. IV, 17; XIII, 27). Во-вторыхъ, ни подлинное значеніе слова ἀναβάλλομαι, ни способъ употребленія его Гомеромъ ничуть не обязываютъ насъ представлять себѣ дѣло такъ, какъ оно казалось Мюллеру и другимъ нѣмецкимъ филологамъ. Ἀναβάλλω—бросаю вверхъ, ἀναβάλλομαι откидываюсь вверхъ, или откидываю назадъ голову, что̀ обыкновенно дѣлаютъ пѣвцы при пѣніи для сообщенія гортани наиболѣе удобнаго положенія. Итакъ, ἀνεβάλλετο можетъ быть точнѣе всего передано на нашъ языкъ словомъ *приготовлялся*. Слѣдовательно, аэдъ „приготовлялся пѣть играя на формингѣ“. Такое пониманіе даннаго выраженія вовсе не исключаетъ аккомпанимента при дальнѣйшемъ исполненіи пѣсни и совершенно соотвѣтствуетъ тому способу исполненія народныхъ эпическихъ произведеній, очевидцемъ какого мы были на одномъ изъ засѣданій мѣстнаго отдѣла „Императорскаго Географическаго Общества“, въ томъ засѣданіи, когда однимъ изъ современныхъ бандуристовъ, извѣстнымъ Остапомъ Вересаемъ пропѣто было нѣсколько историческихъ думъ, пѣсенъ юмористическаго характера и другихъ. Приступая къ исполненію думы, бандуристъ беретъ предварительно на своемъ инструментѣ основную музыкальную фразу, исполняемую быстро, а затѣмъ весь речитативъ до конца пѣсни сопровождаетъ аккомпаниментомъ бандуры.

Единственно только такимъ, сопровождаемымъ музыкою исполненіемъ пѣсенъ, упоминаемыхъ Гомеромъ, оправдывается то тѣсное сочетаніе терминовъ музыки и пѣнія, то одинаковое ихъ положеніе, на которое мы указали выше, и которое не могло бы имѣть мѣста, еслибы игра на инструментѣ ограничивалась нѣсколькими предварительными

Пинд. ода Нем. XI, 7 βρέμεσθαι о звукахъ лиры. Срвн. латин. fremere, русск. бренчать. См. Curtius: Grundz. d. Griechisch, Ethymol. 482—483.

[1]) Что φόρμιγξ не отличался ничѣмъ существеннымъ отъ κίθαρις, это видно изъ такихъ сочетаній какъ κίθαριν φορμίζειν, Од. I, 155, или еще болѣе: κάθαριζειν φόσμιγγι, Ил. XVIII, 570.

аккордами. Для оправданія защищаемаго здѣсь положенія нельзя не обратить вниманія еще на слѣдующее обстоятельство: какъ въ IV, такъ и въ VIII кни. *Одиссеи* звуки инструмента должны неизбѣжно сопровождать представленія фигляровъ и танецъ Феакійцевъ отъ начала до конца, а между тѣмъ и здѣсь мы находимъ у Гомера обычную вступительную форму рѣчи: φορμίζων ἀνεβάλλετο καλὸν ἀείδειν [1]).

Итакъ, Фемія, Демодока, типическихъ пѣвцовъ на праздникѣ и пирахъ Агамемноновъ, Ахилловъ и прочихъ гомеровскихъ героевъ вѣрнѣе будетъ сравнивать съ малорусскими бандуристами, нежели съ сербскими гурлистами.

Но другіе ученые, признавая существованіе музыкальнаго аккомпанимента для короткихъ народныхъ пѣсенъ, какія свойственны первоначальному состоянію эпической поэзіи, отрицаютъ необходимость и умѣстность его для позднѣйшаго періода, когда эпическое творчество достигаетъ той высоты, на какой мы находимъ его въ поэмахъ Гомера; слѣдовательно Гомеръ и современные ему поэты, по мнѣнію этихъ ученыхъ, не обращались уже къ инструменту, исполняя свои произведенія простымъ речитативомъ, безъ музыки. Мнѣніе это основывается на свидѣтельствахъ древнихъ писателей, откуда и заключаютъ, что музыкальный аккомпаниментъ присоединенъ былъ къ декламаціи гомеровскихъ поэмъ сравнительно поздно и просуществовалъ недолго, причемъ называютъ Терпандра, лирическаго поэта VII вѣка до Р. Х., виновникомъ непривившагося нововведенія. Дѣйствительно о Терпандрѣ Плутархъ сообщаетъ: Τέρπανδρον κιθαρωδικῶν ποιητὴν ὄντα νόμων κατὰ νόμον ἕκαστον τοῖς ἔπεσι τοῖς ἑαυτοῦ καὶ τοῖς Ὁμήρου μέλη περιτιθέντα ᾄδειν ἐν τοῖς ἀγῶσιν (Μουσ. III). Къ свидѣтельству Плутарха близко по смыслу стоитъ слѣдующее извѣстіе Тимомаха о Стезандрѣ, сохраненное Аѳенеемъ (XIV, 638): Τιμόμαχος δ' ἐν τοῖς Κυπριακοῖς Στήσανδρον λέγει τὸν Σάμιον ἐπὶ πλεῖον αὐξῆσαι τὴν τέχνην καὶ πρῶτον ἐν Δελφοῖς κιθαρῳδῆσαι τὰς καθ' Ὅμηρον μάχας, ἀρξάμενον ἀπὸ τῆς Ὀδυσσείας.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что оба новатора, Терпандръ и Стезандръ, — современники, и что какъ реформа послѣдняго касалась, по словамъ Тимомаха, дельфійскихъ или пиѳійскихъ состязаній, такъ равно и нововведеніе Терпандра относилось, по всей вѣроятности, къ тому же народному празднику; вѣроятнѣе это тѣмъ, что, какъ извѣстно, Терпандръ трижды одерживалъ побѣду именно на дельфійскихъ празднествахъ. Такимъ образомъ, нѣтъ основанія понимать свидѣтельства Плутарха и Тимомаха въ томъ

---

[1]) Въ VIII кн. *Одиссеи* глашатай подаетъ Демодоку звучный формингъ, вокругъ пѣвца-музыканта располагаются юноши, искусные танцоры (δαήμονες ὀρχηθμοῖο), ударяя ногами о божественную землю. Одиссей изумлялся быстротѣ движеній ногъ ихъ, а пѣвецъ, „играя на формингѣ приготовлялся пѣть о любви Арея и Афродиты". — Въ IV кн. божественный пѣвецъ играетъ на формингѣ, а два фигляра, лишь только началась музыка (μολπῆς ἐξάρχοντος), закружились въ серединѣ зрителей (κατὰ μέσσους).

смыслѣ, будто эпическія произведенія до временъ Терпандра и Стезандра исполнялись въ Элладѣ простымъ речитативомъ, будто бы только благодаря вліянію этихъ двухъ даровитыхъ личностей вошелъ на нѣкоторое время въ обычай музыкальный аккомпаниментъ; изъ приведенныхъ нами свидѣтельствъ можно скорѣе всего заключать о томъ, что Стезандръ былъ первый, который пользовался аккомпаниментомъ киѳары при изложеніи поэмъ Гомера на *пиѳійскихъ играхъ*, что съ другой стороны Терпандръ положилъ эти поэмы на музыку номовъ, болѣе строгую, болѣе соотвѣтствовавшую требованіямъ его преимущественно спартанскихъ слушателей. Наконецъ, необходимо обратить вниманіе и на происхожденіе обоихъ артистовъ: оба они не доряне; Терпандръ родомъ изъ эолійскаго Лесба, а Стезандръ изъ іонійскаго Сама (Самоса); слѣдовательно реформа ихъ должна была имѣть значеніе распространенія господствовавшаго среди ихъ соплеменниковъ способа исполненія съ музыкальнымъ аккомпаниментомъ и на мѣстности дорическія, т. е. на тѣ части Эллады, населеніе которыхъ, менѣе одаренное въ эстетическомъ отношеніи, могло дѣйствительно обходиться безъ музыки, и народные поэты котораго могли быть простыми *сказителями* небольшихъ произведеній мѣстнаго эпическаго творчества, на подобіе извѣстнаго Щеголенка и другихъ великорусскихъ *сказителей* былинъ.

Однако мы знаемъ, что нововведеніе талантливыхъ пришельцевъ не принялось. Причина неудачи заключалась въ томъ, что ко времени ихъ эпосъ уступалъ мѣсто другимъ видамъ поэзіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и простая эпическая музыка должна была отступить передъ болѣе сложною и совершенною.

Впрочемъ при рѣшеніи настоящаго вопроса нельзя пройти молчаніемъ другихъ свидѣтельствъ древности, повидимому болѣе важныхъ и болѣе склоняющихъ вѣсы въ пользу господствующаго мнѣнія. Мы говоримъ о Платонѣ и Аристотелѣ. Нѣкоторыя выраженія этихъ философовъ показываютъ, что простая рецитація (ψιλὴ λέξις) считалась ими характеристическимъ признакомъ эпической поэзіи вообще. На стр. 278 Платонова *Федра* мы читаемъ: καὶ σύ τε ἐλθὼν φράζε Λυσίᾳ, ὅτι νὼ καταβάντε εἰς τὸ Νυμφῶν νᾶμά τε καὶ Μουσεῶν ἠκούσαμεν λόγων, οἳ ἐπέστελλον λέγειν Λυσίᾳ τε καὶ εἴ τις ἄλλος συντίθει λόγους, καὶ Ὁμήρῳ καὶ εἴ τις ἄλλος αὖ ποίησιν ψιλὴν ἢ ἐν ᾠδῇ συντέθεικε κτλ., гдѣ Гомеру приписывается наравнѣ съ другими ποίησις ψιλή въ противоположность ᾠδή, пѣснѣ. Точно въ томъ же смыслѣ выражается и Аристотель въ двухъ мѣстахъ своего трактата „О поэзіи“: ἥδε ἐποποιία μόνον τοῖς λόγοις ψιλοῖς ἢ τοῖς μέτροις χρωμένη (I); или: περὶ τοὺς λόγους δὲ καὶ τὴν ψιλομετρίαν (II).

Выше мы показали, что надлежащее пониманіе относящихся сюда мѣстъ *Иліады* и *Одиссеи* приводитъ къ несомнѣнному заключенію, что поэты предшествовавшаго Гомеру времени не обходились безъ музыкальнаго инструмента, что слѣдовательно аристотелево или Платоново опредѣленіе эпической поэзіи, какъ ψιλὴ λέξις или ψιλομετρία не можетъ

быть никакимъ образомъ принято для до-гомеровскаго періода, такъ какъ оно явно противорѣчитъ картинамъ увеселеній, рисуемымъ Гомеромъ.

Остается рѣшить, удобоприложимо-ли опредѣленіе философовъ къ самому Гомеру, и не принадлежитъ-ли оно къ числу многихъ ошибочныхъ представленій Эллиновъ о родной старинѣ.

Первоначальное назначеніе музыкальнаго аккомпанимента состоитъ въ томъ, чтобы помогать пѣнію, облегчать вокальное исполненіе; а потому болѣе значительные размѣры гомеровскихъ поэмъ сравнительно съ прежними народными пѣснями не могли быть достаточнымъ поводомъ къ устраненію аккомпанимента. Во-вторыхъ, эллинскій эпосъ достигъ у Гомера своего апогея, онъ одинъ безраздѣльно господствовалъ надъ умами и чувствами современниковъ поэта,—а потому онъ долженъ былъ выступать во всеоружіи своихъ средствъ, какъ выступили въ послѣдствіи лирика и драма. Извѣстно, что произведенія двухъ послѣднихъ видовъ поэзіи, неразрывно связанныя съ музыкою въ эпоху возникновенія и высшаго ихъ процвѣтанія, такъ что аттическая драма стояла ближе къ нашей оперѣ, чѣмъ къ простому драматическому представленію,—извѣстно, что эти самыя произведенія, равно какъ и позднѣйшія, назначались въ послѣдствіи для декламаціи, а еще позже, въ александрійскій и римскій періоды, для чтенія. Тоже самое должно было случиться и случилось на самомъ дѣлѣ съ поэзіею эпическою: когда Эллины начали спокойнѣе относиться къ прошлому, когда народныя эпопеи интересовали ихъ главнымъ образомъ своимъ содержаніемъ, а не художественнымъ исполненіемъ, когда, кромѣ того, выступили на сцену и разработаны были новыя разнообразныя музыкальныя мелодіи,—хоровая лирика Пиндара, хоры и мелодіи въ аттическихъ драмахъ, — тогда аэды-музыканты стѣснены были рапсодами. Понятна причина неудачи Терпандра, съ котораго и начинается быстрое развитіе тоническихъ искусствъ въ Элладѣ; попытка геніальнаго артиста была какъ бы послѣднимъ напраснымъ усиліемъ поддержать въ слушателяхъ угасавшій интересъ къ болѣе простой мелодіи, оказавшейся безсильной сохранить прежнее положеніе.

Позднѣйшіе рапсоды, исполнявшіе эпическія произведенія и въ томъ числѣ поэмы Гомера простымъ речитативомъ, съ лавровою вѣтвью въ рукахъ, были настоящими виновниками распространеннаго въ древности, усвоеннаго между прочимъ и обоими великими философами, представленія о Гомерѣ, Гезіодѣ и вообще о древнѣйшихъ поэтахъ, какъ о такихъ пѣвцахъ, которые относительно исполненія ничѣмъ не отличались отъ позднѣйшихъ рапсодовъ, современниковъ Софокла, Платона, Перикла. Рапсоды возводили свою родословную къ признаннымъ творцамъ народнаго эпоса, считали себя преемниками ихъ въ дѣлѣ воспѣванія „славныхъ подвиговъ" предковъ, унаслѣдовавшими отъ родоначальниковъ самую манеру исполненія. Такимъ образомъ въ этомъ случаѣ произошла довольно обыкновенная ошибка — распространеніе на мало извѣстную древ-

ность обычая современнаго, начало котораго терялось въ болѣе или менѣе отдаленномъ, неизвѣстномъ прошломъ. Къ тому же въ пользу господствовавшаго представленія о гомеровскомъ способѣ исполненія эпическихъ твореній свидѣтельствовало, по видимому, одно мѣсто въ „Θеогоніи“ Гезіода, гдѣ музы, позвящая автора въ званіе поэта, . надѣляютъ его *только* лавровою вѣтвью: ὥς ἔφασαν κοῦραι μεγάλου Διὸς ἀρτιέπειαι· καί μοι σκῆπτρον ἔδον, δάφνης ἐριθήλεος ὄζον δρέψασθαι θηητόν (ст. 30). Ссылаясь на это мѣсто, Павзанія находилъ историческую невѣрность въ статуѣ Гезіода, изображавшей поэта съ киθарою въ рукахъ (IX, 30, 3). Съ своей стороны мы, принимая въ соображеніе все вышесказанное, скорѣе обязаны признать въ этой чертѣ статуи вѣрность традиціи со стороны художника, а не уклоненіе отъ истины. Что же касается стиховъ *Θеогоніи*, то они свидѣтельствуютъ только о томъ, что символомъ званія поэта, знакомъ близости его къ божеству служила вѣтка лавра, не исключавшая, разумѣется, употребленія поэтомъ аккомпанирующаго инструмента.

Итакъ возможно - правильное толкованіе свидѣтельствъ Плутарха и Тимомаха, обнаруженіе подлиннаго источника не совсѣмъ точныхъ выраженій Платона и Аристотеля, высокое состояніе эпической поэзіи у Гомера, наконецъ взглядъ самого поэта на себя, какъ на *пѣвца*, — все это достаточно убѣждаетъ, что глава эллинскихъ поэтовъ, тотъ Гомеръ, который въ „Божественной комедіи“ идетъ впереди прочихъ товарищей своихъ по профессіи, какъ законный вождь ихъ, что онъ излагалъ подвиги и приключенія ахейскихъ героевъ, на пиршествахъ современныхъ владыкъ, не простою мѣрною рѣчью, какъ мы читаемъ его поэмы въ настоящее время, но въ цѣломъ рядѣ пѣсенъ, облегчая трудъ исполненія игрою на формингѣ. Музыкальный инструментъ имѣлъ для Гомера такое же значеніе, какое для малорусскаго пѣвца имѣетъ бандура, по самой конструкціи приближающаяся къ древне-эллинской киθарѣ: подыгрывая мелодію на струнахъ, Гомеръ помогалъ себѣ въ пѣніи; текстъ всегда преобладалъ надъ музыкою; при переходѣ отъ одной части къ другой, голосъ пѣвца останавливался для отдыха; въ такіе промежутки, дававшіе поэту возможность собраться съ мыслями, струны киθары звучали громче, музыка получала больше простора. Но могло случиться также, что для бо́льшей ясности и выразительности словъ пѣсни, для отдыха пальцевъ, пѣвецъ прекращалъ по временамъ музыкальный аккомпаниментъ, что̀ мы наблюдаемъ и у малорусскихъ бандуристовъ; вскорѣ послѣ перерыва аэдъ снова обращался къ аккомпанименту, сопровождавшему такимъ способомъ пѣніе отъ начала до конца. То обстоятельство, что гомеровскія поэмы по объему и художественнымъ достоинствамъ — не малорусскія думы, что между тѣмъ какъ Иліада содержитъ въ себѣ 15,693 стиха, а Одиссея 12,110, длиннѣйшая изъ историческихъ малорусскихъ думъ, помѣщенныхъ въ I томѣ Записокъ Югозападнаго Отдѣла Императорскаго географическаго Общества имѣетъ всего 182 стиха,—это обстоятельство служитъ скорѣе къ подкрѣпленію нашей мысли, нежели къ опроверженію ея.

Впрочемъ согласно съ нашимъ мнѣніемъ высказывались нѣкоторые ученые еще въ древности. Такъ Хамелеонъ и Гераклидъ изъ Понта, ученики Платона и Аристотеля, много занимавшіеся родною литературою и музыкою, утверждаютъ (Аѳен. XIV, 620), что пѣлись не только произведенія Гомера, но также Гезіода, Архилоха, Мимперма и Фокилида. Кромѣ того, въ раннихъ произведеніяхъ эллинской поэзіи находятся черты, свидѣтельствующія въ пользу того же факта. Въ сохранившемся до нашего времени фрагментѣ стихотворенія „Маргитъ" (Μαργίτης), которое Аристотель приписываетъ самому Гомеру (Περὶ ποιητικ. IV, 8), и которое во всякомъ случаѣ древнѣе *ямбовъ* Архилоха, пѣвецъ является съ *лирою* въ рукахъ, что́ указываетъ на существованіе аккомпанимента болѣе 100 или 200 лѣтъ спустя послѣ Гомера:

Ἦλθέ τις εἰς Κολοφῶνα γέρων καὶ θεῖος ἀοιδὸς
Μουσάων θεράπων καὶ ἑκηβόλου Ἀπόλλωνος,
φίλης ἔχων ἐν χερσὶν εὔφθογγον λύρην.

Въ одномъ изъ такъ-называемыхъ гомеровскихъ гимновъ къ Аполлону (XXI, 3) поэтъ обращается къ божеству съ слѣдующими словами:

σὲ δ'ἀοιδὸς ἔχων φόρμιγγα λίγειαν
ἡδυεπὴς πρῶτόν τε καὶ ὕστατον αἰὲν ἀείδει.

Если аккомпаниментъ лиры, замѣнившей киѳару, или формингъ, имѣлъ мѣсто при исполненіи эпическихъ стихотвореній еще въ VII вѣкѣ до Р. Х., когда возникла, какъ особый видъ, лирическая поэзія, то употребленіе музыкальнаго инструмента Гомеромъ и пѣвцами его школы должно стоять внѣ всякаго сомнѣнія.

До сихъ поръ, какъ замѣтили гг. слушатели, мы имѣли въ виду главнымъ образомъ родину гомеровскаго эпоса, Малую Азію съ прилегающими къ ней островами. Что касается различныхъ странъ материка Эллады, способовъ исполненія мѣстныхъ эпическихъ произведеній въ той или другой части европейскаго полуострова, то относительно ихъ необходимо ограничиться общими соображеніями. Нельзя не признать существованія начатковъ эпическаго творчества во всѣхъ углахъ Эллады, у всѣхъ представителей эллинскаго племени. Способы исполненія самобытныхъ народныхъ произведеній могли быть различны: тогда какъ въ однихъ мѣстностяхъ, преимущественно дорическихъ, выступали простые *сказители*, въ другихъ исполнителями были пѣвцы, аэды. Согласно съ этимъ, могли различно исполняться и гомеровскія поэмы, рано проникавшія на материкъ съ противоположнаго малоазійскаго побережья, пока наконецъ преобладаніе Іонянъ въ эстетическомъ отношеніи надъ прочими народностями не заставило даже Дорянъ подчиниться хотя на нѣкоторое время манерѣ исполненія древнихъ іонійскихъ пѣвцовъ.

Какъ долго этотъ послѣдній способъ исполненія съ музыкальнымъ аккомпанимен-

томъ существовалъ въ каждой отдѣльной мѣстности, какъ поздно онъ замѣненъ былъ декламаціей,—это зависѣло въ большой степени отъ того, на сколько удалена была каждая страна отъ центровъ эллинской культуры. Нововведенія проникали прежде всего въ центры просвѣщенія, въ большіе города, на публичные праздники и игры, тогда какъ въ мѣстахъ, лежавшихъ на периферіи эллинскаго міра, продолжали существовать еще долгое время прежде установившіеся способы исполненія: здѣсь населеніе долго еще довольствовалось поэзіею и музыкою отцовъ и дѣдовъ своихъ, удовлетворяясь и тою манерою исполненія, которая должна была давно потерять интересъ и прелесть для главныхъ пунктовъ исторической жизни.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ЛИЦЕВЫХЪ ПСАЛТИРЯХЪ.

Рефератъ графа **М. В. Толстого.**

Псалтирь Давидова занимала, какъ извѣстно, важное мѣсто въ древне-христіанскомъ мірѣ, по непрестанному употребленію псалмовъ и въ общественномъ богослуженіи, и въ частной, домашней молитвѣ. У нашихъ благочестивыхъ предковъ псалтирь была настольною книгою всякаго грамотнаго человѣка. По ней русскіе люди учились читать и писать: въ ней находили назиданіе, благодареніе Богу въ радостяхъ жизни, утѣшеніе въ скорбяхъ и печаляхъ. Позднѣе, когда суевѣріе стало смущать умы, люди суевѣрные, по той-же священной книгѣ, искали проникать въ тайны будущаго, примѣняя тексты ея къ своимъ гаданіямъ.

Такое всеобъемлющее значеніе псалтири требовало значительнаго числа списковъ ея во времена, предшествовавшія книгопечатанію. Эти списки любимой священной книги богатые люди усердно украшали великолѣпными заставками, вычурными и затѣйливыми заглавными буквами. Наконецъ, стали украшать псалтирь миніатюрами въ текстѣ или на поляхъ, съ цѣлью объясненія псалмовъ посредствомъ изображеній. Такихъ псалтирей мы вовсе не находимъ въ числѣ греческихъ рукописей; у насъ на Руси онѣ появляются не позднѣе XIII вѣка и извѣстны подъ названіемъ „лицевыхъ псалтирей". Впрочемъ, до нашего времени сохранилось весьма немного старинныхъ лицевыхъ псалтирей: пересмотрѣвъ нѣсколько сотъ рукописей въ главныхъ нашихъ книгохранилищахъ, я нашелъ не болѣе пяти лицевыхъ псалтирей. Изъ нихъ только двѣ харатейныя и обѣ принадлежатъ А. И. Хлудову.

Первая изъ нихъ—греческій палимпсестъ, т. е. рукопись, писанная поверхъ другой выскобленной рукописи на томъ же пергаменѣ. Первоначальная рукопись, сохранившаяся на концѣ, относится, по мнѣнію отца архимандрита Амфилохія, къ X, а написанная по

выскобленному пергамену къ XII в. Должно думать, что и при первомъ написаніи эта рукопись была также псалтирью, потому что отъ нея сохранилось нѣсколько превосходныхъ миніатюръ, соотвѣтствующихъ содержанію псалмовъ. Эти древнѣйшіе рисунки рѣзко отличаются красотою отъ миніатюръ XII в., нарисованныхъ по выскобленному пергамену.

Въ греческой псалтири библіотеки А. И. Хлудова миніатюръ весьма много и всѣ онѣ на поляхъ рукописи. Лучшія, какъ мы уже сказали, принадлежатъ первоначальной рукописи: таковъ напримѣръ рисунокъ перехода Израильтянъ чрезъ Чермное море съ Маріамью напереди. Замѣчательны: иконоборцы, поражающіе икону Христову (л. 67 об.), Спаситель, окруженный псами (19 об.), еретики съ высунутыми языками (70 об.), аспидъ глухій (56), старецъ (91 об.), на рѣкахъ вавилонскихъ; олицетворенія—моря (88 и 116), вѣтровъ (133), рѣкъ (41 и 75 об.), солнцевъ двухъ (48 об.).

Другая церковно-славянская псалтирь библіотеки Хлудова прежде принадлежала Лобкову. Хотя годъ написанія не означенъ, но, судя по почерку и поразительному сходству заглавныхъ буквъ съ таковыми же въ псалтири Сѵнодальной библіотеки 1296 года, можно съ достовѣрностію отнести эту рукопись къ концу XIII или началу XIV вѣка, какъ и сдѣлалъ это нашъ почтенный археологъ о. архимандритъ Амфилохій въ своемъ описаніи Хлудовской псалтири, помѣщенномъ въ III томѣ трудовъ Московскаго Археологическаго Общества.

Къ XV вѣку относится лицевая псалтирь Императорской Публичной Библіотеки, писанная на бумагѣ. Время написанія опредѣляется припискою на листахъ 371 об. и 372-мъ: Вь лѣто ѕцчг (1485) мсца Апрiлѧ на вскрніє хвѡ написана бы сiа ѱалтырь вь граде оутлече прi блговерномъ великωм кнзе iванѣ васильевиче и при блговѣрномъ кнзе андрѣе васильевиче и прi архиепкпѣ асаѳѣ многогрѣшною рꙋкωю раба бжiа Ѳеωра Климентiева сна Шаранова. Бумага очень плотная, большого формата; шрифтъ—крупный, красивый уставъ.

За тѣмъ слѣдуютъ двѣ лицевыя псалтири, писанныя въ послѣднихъ годахъ XVI вѣка, по заказу конюшаго боярина Дмитрія Ивановича Годунова и пожертвованныя имъ въ Кириловъ Бѣлозерскій монастырь и въ Троицкую Сергіеву Лавру. Теперь первая изъ нихъ находится въ Библіотекѣ Петербургской Духовной Академіи, куда поступила вмѣстѣ съ прочими Кириловскими рукописями, а послѣдняя перешла изъ Лаврской библіотеки въ собственность Московской Духовной Академіи. Наконецъ, къ лицевымъ псалтирямъ можно причислить: 1) Псалтирь XIV вѣка харатейную, прежде принадлежавшую Кирилову Новоезерскому монастырю, („мрю Кирила Белого,“ какъ сказано въ послѣсловіи), а нынѣ находящуюся въ румянцовскомъ музеѣ, и 2) налойную псалтирь Троицкой Сергіевой Лавры. Эта послѣдняя (не рукопись, а старопечатная книга), изданная въ 1634 году по благословенію патріарха Іоасафа и данная въ домъ Живоначальныя Троицы,

бывшимъ келаремъ старцемъ Симономъ Азарьинымъ въ 7167 (1659) году, украшена на поляхъ множествомъ миніатюръ.

Исчисливъ, такимъ образомъ, бывшія у насъ передъ глазами иллюстрированныя псалтири, скажемъ нѣсколько словъ объ особенностяхъ рисунковъ въ каждой изъ нихъ.

Другая Русская Хлудовская псалтирь отличается необыкновенною красотою своихъ миніатюръ. Онѣ носятъ на себѣ чисто византійскій характеръ, хотя рисованы не грекомъ, а русскимъ художникомъ съ греческихъ образцовъ, что́ ясно видно изъ ошибокъ въ греческихъ подписяхъ надъ рисунками, (напримѣръ προϊτης вмѣсто προφήτης, ιςαυροσις вмѣсто ἡ σταύρωσις, χερετε вмѣсто χαίρετε, πεδον вмѣсто παίδων, λογηνος вмѣсто λογικός, и проч.). Миніатюры помѣщены частію въ началѣ, или въ срединѣ текста псалмовъ, и служатъ для объясненія ихъ содержанія, частію-же при концѣ каѳизмъ, въ болѣе обширномъ размѣрѣ, занимая иногда по цѣлой страницѣ. Эти послѣднія заключаютъ въ себѣ исключительно исторію царя Давида. Особенно замѣчательны два большіе рисунка въ началѣ псалтири: на одномъ изъ нихъ изображено явленіе Спасителя, по воскресеніи его, двумъ Маріямъ. Лице Спасителя прекрасно и выразительно; волосы на головѣ темнокаштановые; борода небольшая. Въ вѣнцѣ вокругъ главы Его (какъ и на прочихъ рисункахъ тойже псалтири, нѣтъ буквъ О, Ѡ, N, но только три оконечности креста позади головы, какъ изображается вездѣ на греческихъ миніатюрахъ. Другой большой рисунокъ, на оборотѣ 1-го листа, представляетъ царя Давида, стоящаго на подножіи, въ вѣнцѣ съ подвѣсками и царской одеждѣ. Въ рукахъ его псалтирь,—трехструнный музыкальный инструментъ, и смычекъ. Надъ нимъ Св. Духъ въ видѣ голубя, сходящій съ облака, и подпись: „двдъ црь съставльі-стъ пѕлтрь". По правую сторону Давида стоитъ сынъ его Соломонъ, также въ царскомъ одѣяніи; онъ держитъ въ рукахъ осмиструнный инструментъ въ родѣ арфы. Вокругъ и внизу нѣсколько хоровъ музыкантовъ съ трубами, флейтами, бубнами, гуслями и другими инструментами; надъ хоромъ съ лѣвой стороны надпись: „пѕлтрь красенъ съ гусльми." Этотъ замѣчательный во многихъ отношеніяхъ рисунокъ превосходно скопированъ, по заказу А. И. Хлудова, въ хромолитографіи г. Гаврилова и приложенъ къ вышеупомянутой статьѣ о. архимандрита Амфилохія. Въ этой рукописи миніатюръ такъ много, и всѣ онѣ (кромѣ стершихся отъ времени) такъ хороши, что весьма трудно сдѣлать изъ нихъ выборъ. Впрочемъ, укажемъ на нѣкоторыя, имѣющія особое значеніе, или послужившія образцомъ для позднѣйшихъ лицевыхъ псалтирей.

Такъ, послѣ окончанія 2-й каѳизмы (озаглавленной: въ конецъ о тайныхъ сына) изображено распятіе Господне. По правую сторону Спасителя, висящаго на крестѣ и уже умершаго, стоятъ Божія Матерь и Іоаннъ Богословъ; по лѣвую сотникъ Логгинъ съ воинами, указывая правою рукою на Распятаго. Подпись вверху: „воззрятъ нань І-его прободоша." Подлѣ слуга съ фонаремъ, надъ нимъ надпись: „во тъ днь полудне по всей

земли свѣрѣ вжжгошѧ." Подъ крестомъ орошается кровію Спасителя голова Адамова. Ниже ея, возстаютъ изъ гробовъ почившіе праведники, простирая руки ко кресту: съ одной стороны Давидъ и Соломонъ, а съ другой „Каринъ и Лицеонъ", два сына Симеона Богопріимца.

Предъ 18 псалмомъ, (небеса повѣдаютъ славу Божію) въ крещальнѣ, подъ сѣнью, увѣнчанной четвероконечнымъ крестомъ, одинъ изъ апостоловъ, похожій на ап. Павла, держитъ руку на головѣ крещаемаго, вошедшаго въ купель. Надпись сверху: „Аплі суко соуть йбса, iако оконосiаще х҃а и просвѣщьше крещенькемъ цртвиiа iазыцьска".

При началѣ 28 псалма (принесите Господеви сынове Божіи) Іисусъ Христосъ, сидящій на тронѣ, благословляетъ двухъ апостоловъ, сходныхъ по виду съ Петромъ и Павломъ, на проповѣдь евангельскую. Надпись надъ миніатюрою: „прчтво сказаетъ апслы о тѣ суко рѐ принесѣте црквь iазыкъ".

Весьма красива миніатюра предъ 86 псалмомъ (основаніе его на горахъ святыхъ): Спаситель стоитъ на горѣ со свиткомъ въ лѣвой рукѣ, а правою благословляетъ именословно подходящаго къ Нему снизу горы съ простертыми руками человѣка, надъ которымъ подпись: „iасафъ". По лѣвую сторону Спасителя—алтарь съ сѣнью, на верху которой водруженъ четвероконечный крестъ съ двумя якорными рогами. Надпись надъ рисункомъ: „хс на горѣ елеонстѣи отъ оуда основанье стыiа цркви".

При псалмѣ 99 (надписаніе его—„во исповѣданіе"; начало: воскликните Богови вся земля) представлено нѣсколько молящихся въ воздѣтыми къ небу руками. Надпись: „вси рѐ члвци поiте Гу".

Въ миніатюрѣ предъ 129 псалмомъ (изъ глубины воззвахъ) праотецъ Адамъ выходитъ изъ мрачнаго вертепа, воздѣвая руки вверхъ. Надпись: „Гла первозданнаго из глоубиныа".

Предъ 136 псалмомъ (на рѣкахъ Вавилонскихъ, тамо сѣдохомъ и плакахомъ) изображены отроки въ горестномъ положеніи, на берегу рѣки; на деревѣ повѣшены два круглыхъ музыкальныхъ инструмента. Надпись съ боку: „Сiе отроци въ плѣнѣ".

Рисунокъ при 148 псалмѣ (хвалите Господа съ небесъ) замѣчателенъ по затѣйливости: Іисусъ Христосъ, сидящій на престолѣ, благословляетъ правою рукою, а въ лѣвой держитъ евангеліе. Надъ нимъ солнце и луна, выше луны „огнь", выше огня „воды превышнѧiа нбсъ". По сторонамъ—ангелы, престолы, силы; ниже ихъ по лѣвую сторону „древа, змиеве" и звѣри; надъ ними „дхъ боуренъ". На правой сторонѣ: „вѣтръ, горы, вси людие",—и все это олицетворено.

Такимъ же обиліемъ олицетвореній отличается изображеніе Крещенія Господня, предъ 113 псалмомъ. Здѣсь Іоаннъ, держа въ лѣвой рукѣ посохъ съ четвероконечнымъ крестомъ, возлагаетъ правую на главу обнаженнаго Спасителя, стоящаго въ рѣкѣ. По лѣвую сторону ангелъ держитъ одежду; сзади его горы разсѣлись или раздвоились (по выраженію

псалма: взыгрались), а внизу бѣжитъ море, олицетворенное въ видѣ уплывающаго чудовища, на которомъ сидитъ человѣкъ. Другое чудовище видно въ рѣкѣ подъ ногами Спасителя, сокрушившаго (по выраженію молитвы Богоявленскаго водоосвященія) главы зміевъ, гнѣздящихся въ водѣ. Между Іисусомъ и Крестителемъ водруженъ четвероконечный крестъ со словами: ІС. ХС. Надписи надъ рисункомъ нѣтъ, но онъ соотвѣтствуетъ стихамъ псалма: „море видѣ и побѣже, Іорданъ возвратися вспять, горы взыграшася яко овни" и проч.

Еще изящнѣе олицетвореніе утра при концѣ 4-й пѣсни, послѣ окончанія самой псалтири: старецъ пророкъ Исаія воздѣваетъ руки къ небу; на право—вечерняя заря, олицетворенная въ человѣческой фигурѣ, поддерживаетъ край неба, представленнаго въ видѣ свитка. Другой край тогоже свитка поддерживается другою фигурою—зарею утреннею, съ солнцемъ въ правой, и горящимъ свѣтильникомъ въ лѣвой рукѣ. Эта послѣдняя фигура вся красная, и край неба начинаетъ краснѣть отъ свѣтильника. Сверху надписи: „зоря вечерняя. зоря оутрьняя".

Эта великолѣпная псалтирь писана въ предѣлахъ Новгородскихъ, что видно изъ частаго употребленія буквы „ц" (напримѣръ „оцисти" вмѣсто очисти). Здѣсь буква ч вездѣ замѣняется буквою „ц", а если гдѣ написанъ ч, то непремѣнно по выскобленной буквѣ „ц".

Ближайшая къ Хлудовской, по времени написанія, харатейная псалтирь XIV в., Румянцевскаго Музея, о которой мы упомянули выше, не можетъ въ собственномъ смыслѣ назваться „лицевою", потому что незаключаетъ въ себѣ множества миніатюръ, приспособленныхъ къ объясненію псалмовъ. Въ ней только четыре рисунка во весь листъ; они искусно написаны красками и по очертаніямъ значительно изящнѣе другихъ, современныхъ имъ миніатюръ (напримѣръ Сунодальной Палеи тогоже времени), потому что они ближе къ византійскимъ образцамъ. Вотъ содержаніе этихъ рисунковъ: 1) передъ 3 кафизмою, Пс. 17, Давидъ стремительно обращается ко Христу, изображенному въ медальйонѣ, выражая своимъ движеніемъ слова псалма: „Вьзлюблю тя Ги". 2) Передъ 9 каѳ., Пс. 66, народъ, предъ благословляющимъ изъ облака Спасителемъ, поетъ: „Бже оущедри ны". 3) Передъ 13 каѳ. Пс. 91, Давидъ простираетъ руки къ Спасителю при текстѣ: „Благо е исповѣдатися Гсви". 4) Передъ 19 каѳ. Пс. 134, молящіеся старцы при текстѣ: „Хвалите имя Гне".

Теперь перейдемъ къ Углицкой или Шарановской псалтири Императорской Публичной Библіотеки. Здѣсь многочисленные и разнообразные рисунки помѣщены большею частію на поляхъ рукописи и весьма рѣдко въ самыхъ столбцахъ текста. Они нарисованы отчетливо и хорошо сохранили яркость красокъ, но далеко не имѣютъ того изящества въ очертаніяхъ, какое видимъ въ миніатюрахъ Хлудовской псалтири.

Нѣсколько изъ нихъ отличаются своего рода затѣйливостію въ изобрѣтеніи. Такъ

напримѣръ при текстѣ псалма 38: „сокровищуетъ и не вѣсть кому сбираетъ е“ представленъ старикъ, передъ которымъ слуга держитъ раскрытый мѣшокъ, наполненный золотомъ; ниже одинъ мальчикъ ведетъ коня, нагруженнаго такими же мѣшками, а другой тащитъ на спинѣ огромный тюкъ.

Рисунокъ къ тексту Псал. 91: „праведникъ яко финизъ процвѣтетъ“ изображаетъ нагаго старца, съ бородою до земли, окруженнаго фантастическими деревьями. Надъ головою его крестъ и надпись: „Ануфріе“.

При текстѣ Псал. 36: „видѣхъ нечьстива превъзносящася“, нечестивецъ представленъ какимъ-то чародѣемъ свирѣпаго вида, съ змѣею въ одной рукѣ и продолговатымъ сосудомъ въ другой.

При словахъ: „приложися скотомъ несмысленнымъ“ (Псал. 48) видимъ отрока, пасущаго свиней подъ тѣнью дерева; можетъ быть, художникъ хотѣлъ изобразить блуднаго сына изъ евангельской притчи.

Плачь Іудеевъ на рѣкахъ Вавилонскихъ, при псалмѣ 136, оказывается плохою копіею съ вышеописанной миніатюры Хлудовской рукописи, съ тою только разницею, что на деревьяхъ развѣшены вмѣсто струнныхъ инструментовъ круглой формы волынки и бубны.

Насажденіе винограда въ псалмѣ 106 олицетворено изображеніемъ старца, выжимающаго сокъ изъ виноградной кисти; надъ нимъ надпись: „Ное“.

При пѣсни Исаіи „оутренюетъ духъ мой“ утро является въ видѣ младенца въ красной рубашкѣ, стоящаго съ поднятыми къ небу руками, между входомъ въ храмъ и пророкомъ, идущимъ на молитву.

Вообще Углицкая псалтирь отличается олицетвореніями стихій природы, согласно общепринятымъ типамъ, заимствованнымъ изъ византійскаго искуства.

Конечно, Углицкій миніатюристъ, рисуя солнце, луну, море, не имѣлъ въ виду Аполлона, Діану, Нептуна и прочей нечисти и пакости языческой, но изображалъ условные знаки, допущенные какъ символы въ область древне-христіанскихъ представленій.

Такъ солнце и луна изображаются, при псал. 135, въ видѣ человѣческихъ фигуръ, скачущихъ на животныхъ, которыя запряжены въ колесницы: это не олицетвореніе свѣтилъ, а какія-то божества, держащія свѣтила въ рукахъ. Море представляется въ видѣ бородатаго человѣка, сидящаго на морскомъ чудовищѣ (при словахъ псалма 103: „се море великое и пространное“). Для олицетворенія рѣки принята другая форма: синій юноша изъ синяго-же сосуда льетъ синій потокъ; (при псал. 41) иногда потокъ изливается двумя фигурами изъ двухъ сосудовъ (при псалмахъ 64, 77 и 79). А въ миніатюрѣ Крещенія Господня (согласно съ текстомъ псалма 113: „море видѣ и побѣже, Іорданъ възвратися въспять“) и море и рѣка представлены въ видѣ символическихъ фигуръ: одна— бѣгущее море съ распростертыми руками; другая—отворотившійся Іорданъ, съ сосудомъ,

изъ котораго льется потокъ. Такое-же совокупное изображеніе моря въ видѣ мужеской фигуры верхомъ на чудовищѣ и вѣтра въ видѣ отрока находится при словахъ 106 псалма: „повелѣ бури и ста въ тишину". Такою неизмѣнностію принятаго типа символъ существенно отличается отъ аллегоріи, которая даетъ широкое поле вымыслу художника.

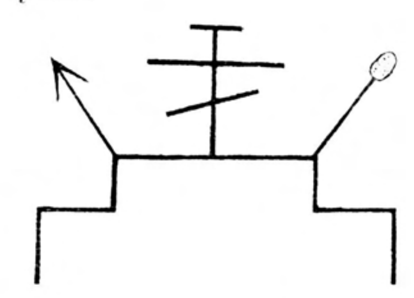
Впрочемъ извѣстно, что древне-христіанское искуство пользовалось и аллегоріею, только не произвольно выдуманною художникомъ, а заимствованною изъ общеизвѣстной притчи. Углицкая псалтирь предлагаетъ намъ замѣчательнѣйшій образецъ такой аллегоріи, при псалмѣ 143, для объясненія текста: „ч҃лкъ суетѣ уподобисѧ".

Здѣсь видимъ большое дерево съ надписью „древо е҃ житие ч҃лче". На деревѣ человѣкъ въ задумчивости; надъ нимъ подписано: „Се е҃ ч҃лвкъ прелести мира ес премлющихъ". Между тѣмъ двѣ мыши—бѣлая, съ надписью „д-нь" и черная—„нощь" подрываютъ корень этого дерева, а у самаго корня изъ зіяющей пропасти смотритъ страшное чудовище съ разверстою пастью: оно готово пожрать несчастнаго, когда упадетъ дерево, непрестанно подгрызаемое. Нелучшая участь ожидаетъ и человѣка, бѣгущаго подъ деревомъ: за нимъ гонится единорогъ, предъ нимъ пропасть съ чудовищемъ.

Эта притча была извѣстна нашимъ предкамъ изъ „исторіи о Варлаамѣ и Іоасафѣ", откуда въ весьма давнее время перешла въ прологи. Разсказывая притчу Іоасафу, Варлаамъ прибавляетъ еще одну черту, которой недостаетъ на рисункѣ: онъ говоритъ, что человѣкъ, утвердившись на вѣтвяхъ дерева, увидѣлъ четыре головы аспидовы, а отъ вѣтвей капало немного меду. Эту притчу Варлаамъ объясняетъ ученику своему такъ: единорогъ—смерть, гонящаяся за человѣкомъ; пропасть—міръ, исполненный золъ и сѣтей; дерево, за вѣтви котораго мы держимся, земная жизнь каждаго человѣка; мыши—день и ночь; аспиды—четыре стихіи, изъ которыхъ составленъ человѣкъ; чудовище или огнедышущій змій—утроба адская, а „медвяныя" капли—сладость міра, изъ-за которой человѣкъ нерадитъ о своемъ спасеніи. (Проф. Буслаева историческіе очерки русской народной словесности и искуства. Т. II. стр. 208).

Рисунки обѣихъ псалтирей, писанныхъ по заказу боярина Годунова, (Кириловской и Троицкой) очевидно одного происхожденія и одной общей редакціи съ Углицкими, но замѣтно отличаются отъ послѣднихъ большимъ изяществомъ формы, что даетъ намъ понятіе о томъ, какъ наша старина, при неизмѣнности типа, старалась постепенно усовершенствовать и облагородить внѣшнія формы иконописнаго преданія. Если, напримѣръ, мы взглянемъ въ Троицкой псалтири на изображенія солнца и луны (при псалмѣ 135: „слнце во область дне") или на изображенія рѣки въ видѣ двухъ античныхъ юношей, изливающихъ воду изъ кувшиновъ (при псал. 77: „рѣка Божія исполнися водъ"), и сравнимъ ихъ съ такими-же миніатюрами Углицкой псалтири, то ясно увидимъ, насколько Годуновскіе рисунки, по содержанію сходные съ Углицкими, отличны отъ нихъ по художественному

исполненію. Впрочемъ, нѣкоторые изъ Годуновскихъ рисунковъ отличаются самобытными очертаніями. Старецъ, согбенный надъ клюкою, выражаетъ собою слова псалма 89: „аще въ силахъ, 80 лѣтъ". При псалмѣ 72: „языкъ ихъ прейде до земли" видимъ двухъ человѣкъ съ красными языками, вытянутыми до земли. Миніатюра воздвиженія креста (псал. 98: „Взносите Гл Бл нашего") представляетъ святителя, держащаго надъ головою семиконечный крестъ съ копіемъ и губою.



Сверхъ того, въ миніатюрахъ этой рукописи помѣщено множество видовъ храмовъ одноглавыхъ, трехглавыхъ и пятиглавыхъ, палатъ, домовъ, башенъ и сѣней, увѣнчанныхъ крестами разныхъ формъ, иногда четвероконечными, а чаще осмиконечными.

Троицкая—Годуновская псалтирь имѣетъ также свои особенности въ рисункахъ. Здѣсь наиболѣе замѣчательны двѣ миніатюры съ западными костюмами: на одной изъ нихъ: (псал. 9 „убити неповиннаго") человѣкъ звѣрскаго вида, стриженный, съ обритою бородою, но съ длинными усами, замахивается дубиною на юношу. На другой два человѣка, въ европейской средневѣковой одеждѣ, и въ шляпахъ съ перьями, искушаютъ старца, который защищается отъ нихъ молитвою: „отъ чуждыхъ пощади раба твоего". Видно, что эти миніатюры принадлежатъ кисти художника, уже знакомаго съ западными образцами. Обѣ Годуновскія псалтири писаны въ Новгородскихъ предѣлахъ, какъ видно изъ особенностей мѣстнаго нарѣчія, сходныхъ съ Хлудовскою псалтирью; а извѣстно, что вліяніе западнаго искуства было сильно распространено въ Новгородскихъ и Псковскихъ мастерскихъ XVI вѣка.

Наконецъ, намъ остается сказать нѣсколько словъ о миніатюрахъ, украшающихъ поля старопечатной псалтири Симона Азарьина. Эти миніаторы частію рисованы чернилом отъ руки, частію же оттиснуты по вырѣзкамъ или по наколотому контуру, что̀ доказывается точнѣйшимъ сходствомъ при многократныхъ повтореніяхъ одного и тогоже рисунка (напримѣръ Рождества Христова, повтореннаго болѣе 20 разъ) или начатымъ рисункомъ (на л. 27), который испорченъ при оттискѣ, и потому оставленъ недоконченнымъ. Художникъ началъ было дѣлать краткія объясненія къ миніатюрамъ, надписавъ сверху: „выписано изъ книги псалтири толковой Василія Великаго"; но на 5 псалмѣ эти объясненія прекратились.

О содержаніи миніатюръ псалтири С. Азарьина нужно замѣтить, что въ нихъ пре-

обладаютъ новозавѣтныя событія, какъ-то: Рождество Христово, Воскресеніе съ Сошествіемъ Христа въ адъ, Распятіе Господне, Вознесеніе, Богоявленіе и проч., также таинства Крещенія и Евхаристіи. Каждое изъ этихъ изображеній повторяется многократно и большею частію безъ всякаго отношенія къ тексту псалмовъ.

Миніатюры вообще сдѣланы весьма искусно, съ сохраненіемъ строгаго византійскаго стиля. Нѣкоторыя изъ нихъ особенно замѣчательны по изобрѣтенію: такъ, при словахъ псалма 9 „хвалимъ есть грѣшный въ похотѣхъ дши своея“ представлены пирующіе грѣшники, которыхъ бѣсы вытаскиваютъ изъ храмины крючьями; внизу два человѣка бесѣдуютъ, при наушничествѣ бѣсенятъ. При псал. 40. „Блаженъ разумѣваяй на нища и убога“ Христосъ стоитъ сзади нищаго, получающаго милостыню. Въ числѣ разныхъ народовъ, при псал. 48: „оуслышите сія вси языцы“, въ числѣ ихъ красуются люди съ песьими головами (Кинокефалы). Въ миніатюрѣ Іудеевъ, отводимыхъ въ плѣнъ (псал. 77 „предастъ въ плѣнъ крѣпость ихъ“) враги похожи на татаръ. Исторія Іуды предателя представлена очень подробно на разныхъ рисункахъ: онъ получаетъ деньги, предаетъ Спасителя лобзаніемъ, бросаетъ сребреники, виситъ на деревѣ и низвергается въ адъ (при псалмахъ 85, 7, 48, 88 и 108). Животныя и явленія природы изображены подробно въ довольно крупныхъ миніатюрахъ при псалмахъ 8, 148, 134 и при пѣсни трехъ отроковъ. Въ миніатюрѣ Богоявленія (пс. 73: „стерлъ еси главы зміемъ въ водѣ“ изображены подъ ногами крещаемаго Спасителя діаволъ и два змія, поражаемые ангелами. Другихъ замѣчательныхъ миніатюръ, для краткости, не описываю.

Изъ разсмотрѣнія рисунковъ, украшающихъ вышеописанныя псалтири, мы можемъ, кажется, вывести слѣдующія заключенія:

I. Византійское искуство и письменность, на сколько мы знаемъ по дошедшимъ до насъ рукописямъ, рѣдко украшали псалтирь миніатюрами, соотвѣтствующими смыслу псалмовъ.

II. Лицевыя псалтири Русскихъ мастеровъ и грамотѣевъ появляются не позднѣе XIII вѣка, и притомъ впервые въ Новгородской области, постепенно совершенствуясь подъ вліяніемъ западнаго искусства.

III. Миніатюры въ древнѣйшихъ спискахъ лицевыхъ псалтирей сопровождались объясненіями, какъ видимъ въ псалтири Хлудовской. Позднѣе—объясненій уже не видно.

IV. Въ древнѣйшихъ лицевыхъ псалтиряхъ большая часть миніатюръ посвящается лицу царя Давида. Такъ, въ Хлудовской псалтири всѣ большіе рисунки передъ началомъ каѳизмъ взяты изъ жизни Давида, и почти на половинѣ малыхъ миніатюръ изображенъ тотъ-же Давидъ въ разныхъ положеніяхъ. Въ псалтири харатейной Новоезерской царь—псалмопѣвецъ представленъ на всѣхъ четырехъ рисункахъ: на двухъ изъ нихъ онъ занимаетъ собою весь рисунокъ, и на двухъ является въ медальонѣ, вверху другихъ лицъ.

V. Въ лицевыхъ псалтиряхъ XV и XVI вѣка замѣтно увеличивается число изображеній иносказательныхъ и олицетвореній, а равно изображеній изъ новозавѣтной св. исторіи.

VI. Съ тѣмъ вмѣстѣ, въ позднѣйшихъ лицевыхъ псалтиряхъ усматривается менѣе соотвѣтствія между миніатюрами и содержаніемъ псалмовъ. Такъ напримѣръ въ Годуновской Троицкой псалтири фантастическія птицы (по надписи „павы") не имѣютъ ничего общаго съ псал. 117, къ которому приложены. Въ миніатюрахъ псалтири Симона Азарьина можно указать весьма много такихъ, которые не имѣютъ ничего общаго съ текстомъ.

РУКОПИСЬ ПСАЛТИРИ XIV СТОЛѢТІЯ.

Рефератъ д-ра **Скимборовича.**

Habent sua fata libelli.
— Ovid. —

Графъ Толстой собралъ драгоцѣнныя свѣдѣнія о извѣстныхъ ему рукописяхъ псалтири. Пусть и я скажу нѣсколько словъ о рукописи, прекрасно писанной въ Кіевѣ, которая нынѣ находится въ Варшавѣ, въ библіотекѣ гр. Замойскихъ.

Еще въ 1861 г. занимающій почетное мѣсто въ ученомъ мірѣ Іосифъ-Игнатій Крашевскій напечаталъ въ Варшавскомъ журналѣ „*Польская Газета*“ (№ 151) очень любопытную статью, въ которой, между прочимъ, писалъ:

„На дняхъ, мы имѣли случай осмотрѣть одинъ изъ самыхъ древнихъ памятниковъ, если не самый древнѣйшій памятникъ славянской литературы, доселѣ *вовсе неизвѣстный* не только у насъ, но и за границею. Это—рукопись, которой мы должны отдать преимущество предъ другими и дать ей первое мѣсто между самыми замѣчательными памятниками славянской литературы. Рукопись эта заслуживаетъ вниманія, какъ по отношенію къ языку, такъ и по чрезвычайной важности для исторіи европейскаго и византійскаго искусствъ. Довольно сказать, что рукопись эта, начатая въ 1020 г. и оконченная въ 1095 г., есть псалтирь Давида, переведенная по приказанію перваго Кіевскаго епископа, всѣмъ извѣстнаго Михаила Гречина. Переводъ этотъ оконченъ былъ уже послѣ его смерти, что видно изъ слѣдующей надписи: „Лѣта 1095 списана бысть книга сія Давыда царя повелѣніемъ смиреннаго владыки Михаила, рукою грѣшнаго раба Спиридіона протодіакона, а писана въ градѣ въ Кіевѣ“.

Въ № 166 той-же *Польской Газеты* редакторъ ея Крашевскій пишетъ: „Печатая извѣстіе о славянской псалтири, мы основывались на запискахъ извѣстнаго славянофила

и профессора бывшаго Виленскаго университета Бобровскаго, который призналъ эту псалтирь памятникомъ XII вѣка", и проч.

Много я посвятилъ трудовъ, чтобы достать для фототипіи эту рѣдкую рукопись. Но каково было мое удивленіе, когда я увидѣлъ этотъ прославленный памятникъ письменности XI или XII столѣтія! Уже при первомъ на него взглядѣ весьма легко можно было отнести почеркъ книги не къ XI, а гораздо позже, къ началу XV или къ концу XIV вѣка.

Рукопись состоитъ изъ 229 страницъ, почти въ листъ небольшаго формата (in fol. min.). Внутри книги позже вклеены двѣ страницы на простой бумагѣ; рукопись-же на пергаменѣ. Слѣдуетъ предполагать, что эта рукопись, доставшаяся въ 1518 г. въ руки Авраама Іосифовича Глебицкаго, подскарбія (казнохранителя) короля Сигизмунда I, для него-же была вновь отдана въ бархатный переплетъ и очень красиво обновлена, что̀ и свидѣтельствуетъ надпись, находящаяся внизу первой страницы:

„Сей рабъ Божій, нареченный въ священномъ крѣщеніи Іоаннъ, а нарѣкломъ Авраамъ Езофовичъ, подскарбій земскій Великаго княжества Литовскаго, короля его милости Жизгимонта Казимировича, сію книгу глаголемую псалтиря съ дѣяніемъ, писанную золотомъ, киноваремъ и черниломъ, на паркоменѣ у десть (in-fol.), далъ есми ее въ церковь св. великаго Христова Чудотворца Николы перенесенія (9-го мая) святыхъ честныхъ мощей его въ Богомъ спасаемымъ градѣ Вильнѣ, для спасенія душнаго и вѣчное память" и проч.

Около текста, съ искусно раскрашенными и позолоченными буквами, на довольно широкихъ поляхъ рукописи, находится множество прекраснѣйшихъ и очень интересныхъ изображеній, иногда только аналогически связанныхъ съ самымъ текстомъ псалтири, какъ-то: изображенія Давида, Іисуса Христа, православныхъ святителей и разные символы, писанные сухими красками въ византійскомъ вкусѣ. Все это показываетъ, что живописецъ весьма тщательно и изящнѣе, нежели я видѣлъ въ другихъ подобныхъ рукописяхъ, (находящихся на нынѣшней археологической выставкѣ въ Кіевѣ) отдѣлывалъ всѣ упомянутыя украшенія. Въ греческомъ стилѣ здѣсь изображены: распятіе и нѣкоторые святые. На одной изъ украшенныхъ такимъ образомъ страницъ находится трехъ-купольный Софійскій храмъ (въ Кіевѣ), поддерживаемый ангеломъ, помѣщеннымъ въ серединѣ. Въ другомъ мѣстѣ, на 2-хъ маленькихъ картинкахъ представлены на колоннѣ истуканы рыцарей, которыхъ остроконечные щиты обращены къ землѣ, и проч.

Мнѣ кажется, что иллюстрація писана позже, ибо всѣ украшенія соединены съ текстомъ только красною линейкою и очень легкими чертами около словъ псалтири. На первой страницѣ рукописи изображенъ не царь Давидъ, пишущій псалмы (какъ утверждалъ одинъ изъ профессоровъ Варшавскаго университета) [1]), а совѣтъ нечестивыхъ.

---

[1]) Профессоръ Славянскихъ языковъ въ б. Главной школѣ Ив. Паплонскій въ статьѣ, печатанной въ *Варшавской газетѣ*.

Эта рукопись извѣстна была П. И. Кеппену, который ее разсматривалъ въ Николаевской церкви въ Вильнѣ, гдѣ она въ то время хранилась, и который переписалъ изъ нея нѣсколько листовъ [1]). Извѣстна была и митрополиту Евгенію, видѣвшему эту рукопись въ Кіевѣ. Въ письмахъ своихъ къ гр. Румянцову отъ 16 іюля и 10 сент. 1822 г. [2]) онъ говоритъ о ней слѣдующее:

„Иванъ Николаевичъ Лобойко привезъ мнѣ изъ Вильно для показу прекрасно сбереженный пергаментъ псалтири съ рисунками на краяхъ. Она писана въ Кіевѣ въ 1397 г. буквами большими совершенно сходными съ Остроміровымъ евангеліемъ.... Совѣтовалъ я ему послать къ Востокову нѣсколько листовъ fac-simile для соображенія палеографическихъ замѣчаній“.

И въ другомъ мѣстѣ тотъ-же митрополитъ пишетъ: „на вопросъ в. сіятельства, кому принадлежитъ псалтирь, показываемая мнѣ профессоромъ Лобойкою, отвѣтствую, что она принадлежитъ Виленскому уніатскому монастырю и продана быть не можетъ“.

Послѣ была она въ рукахъ другого профессора того же университета, Бобровскаго. Послѣ смерти его купилъ ее Владиславъ Трембицкій и оцѣнилъ въ 7,000 руб. Вмѣстѣ съ библіотекою покойнаго уже Трембицкаго купили псалтирь графы Замойскіе изъ Варшавы.

Хотя-бы мы въ упомянутой рукописи и не нашли никакого года, но по сербскому правописанію, введенному въ церковныя книги Кіевскимъ митрополитомъ Кипріаномъ (умершимъ 1409 г.), легко можемъ заключить, что рукопись псалтири относится къ концу XIV вѣка.

При дальнѣйшемъ изслѣдованіи Кіевско-Виленско-Варшавской рукописи, я нашелъ въ эпилогѣ къ псалмамъ не 1095 годъ, а 1397-й, на послѣдней-же страницѣ книги надпись: „Въ лѣто 6905 спи҃сана бы҃ кні҃га сі Давыда цр҃ѧ повелѣньемъ смиреннаго вл҃кы Михаила, роукою грѣшнаго раба Спирі́доньѧ протодіакона, а писана въ градѣ в Кіевѣ“.

Внизу этой надписи Крашевскій нашелъ будто-бы (какъ пишетъ) латинскій переводъ:

„Scriptum est hoc psalterium A⁰ ab incarnatione Dominica 1095 jussu Michaelis episcopi, Spiridione archidiacono, in urbe Kiovia“.

Но удивительнѣе всего, что уніятскій священникъ и ординарный профессоръ университета Бобровскій, вмѣстѣ съ ученымъ библіографомъ Трембицкимъ, сдѣлали столь важныя ошибки. Послѣдній изъ нихъ пишетъ:

„К. Бобровскій, у котораго я купилъ эту рукопись, сказалъ, что столь древней и прекрасной рукописи онъ не видѣлъ не только у насъ, но и за границею. Въ Ватикан-

[1]) См. Срезневскаго: Древніе памятники русскаго письма и языка—стр. 130 и 268.

[2]) Переписка митрополита Евгенія съ гр. Румянцевымъ. Вып. 2. Воронежъ 1870, стр. 58, 60.

ской библіотекѣ, между многими рукописями, которыя онъ (Бобровскій) описывалъ, самыя древнія не могутъ быть даже сравниваемы со столь прекрасною, какъ эта, рукописью 1096 г.“!?

Я велѣлъ сдѣлать 4 фотографическихъ снимка и отдалъ г. директору Публичной С.-петербургской библіотеки, тайному совѣтнику Делянову.

О НОВОНАЙДЕННЫХЪ СЕРЕБРЯНЫХЪ МОНЕТАХЪ СЪ ИМЕНЕМЪ ВЛАДИМИРА.

Рефератъ **Вл. Б. Антоновича.**

Весною 1873 года въ селѣ Гвоздовѣ (въ 25 верстахъ SW отъ Кіева) одинъ изъ крестьянъ, распахивая первый разъ поле, находившееся до того съ незапамятныхъ временъ подъ лѣсомъ, нашелъ кладъ, небезъинтересный для русской нумизматики. Кладъ этотъ состоялъ изъ слѣдующихъ предметовъ: 1) семи серебряныхъ гривенъ и 3 отрубковъ такихъ-же гривенъ: по вѣсу и формѣ экземпляры эти относятся къ типу Новгородскихъ гривенъ (каждая вѣситъ отъ 45 до 47 золотниковъ); 2) шести экземпляровъ мелкой серебряной ордынской монеты. По опредѣленію извѣстнаго спеціалиста по восточной нумизматикѣ, уважаемаго сочлена нашего съѣзда д-ра Блау (изъ Одессы), монеты эти распредѣляются слѣдующимъ образомъ: 4 экземпляра носятъ имя хана Гайатъ-Эддина, они чеканены въ Золотой Ордѣ 1330 года (христ. эры); 1 экземпляръ, съ именемъ Мухамедъ-хана, чеканенъ также въ Золотой Ордѣ 1359 года, и 1 экземпляръ, съ именемъ Мюридъ-хана, чеканенъ въ Гюлистанѣ 1364 года; 3) наконецъ, двѣ русскихъ монеты сохранили надпись славянскими буквами: володимиръ. На эти послѣднія мы и желаемъ обратить вниманіе въ настоящемъ рефератѣ.

Указанныя монеты неизвѣстны понынѣ въ русской нумизматикѣ [1]); мы представляемъ здѣсь точный снимокъ съ нихъ въ натуральную величину [2]):

[1]) Описаніе третьей подобной монеты помѣщено въ сочиненіи графа Э. Гуттенъ-Чапскаго, вышедшемъ годъ спустя послѣ 3-го археологич. съѣзда, въ одномъ изъ засѣданій котораго читанъ былъ настоящій рефератъ.

[2]) Гвоздовскій кладъ пріобрѣтенъ мюнцъ-кабинетомъ Университета Св. Владиміра, гдѣ и хранятся описываемыя монеты (№№ по каталогу: 7931 и 7932).

Желая опредѣлить мѣсто разсматриваемыхъ монетъ въ русской нумизматикѣ, я сличалъ типъ ихъ чекана со всѣми, извѣстными мнѣ, типами русскихъ монетъ и пришелъ къ заключенію, что онѣ должны быть отнесены къ ряду монетъ литовско-русскихъ XIV или начала XV столѣтія, т. е. къ числу тѣхъ монетъ, которыя чеканились въ великомъ княжествѣ Литовскомъ до введенія польскихъ монетныхъ типовъ (т. е. до 1417 г.). Мнѣніе это подтвердили многіе нумизматы-спеціалисты, внимательно разсматривавшіе наши монеты, въ томъ числѣ уважаемые сочлены нашего съѣзда: Ю. Б. Иверсенъ, Н. Н. Мурзакевичъ, Ф. К. Бруннъ, Я. Я. Волошинскій и др. Обращаясь къ изученію литовскихъ монетъ указаннаго времени, мы встрѣчаемъ значительную трудность для точной ихъ группировки. Трудность эта состоитъ въ томъ, что монеты эти весьма рѣдки. Пересмотрѣвъ всѣ имѣвшіеся у меня источники, за исключеніемъ экземпляровъ сомнительныхъ и описаній, повторяющихся въ нѣсколькихъ изданіяхъ, я могъ изучить только 25 типовъ литовскихъ монетъ указаннаго времени [1]).

Сличая рисунки, помѣщенные какъ на лицевыхъ, такъ и на оборотныхъ сторонахъ этихъ 25 монетъ, я нашелъ на нихъ изображенія слѣдующихъ предметовъ:

Такъ называемыя колонны (kolumny, stiebas) или ворота . . . . . . 23 раза.

Литовскій всадникъ (pogoń) . . . . 8 разъ.

Различныя видоизмѣненія тамги . . . . 9 разъ.

Топоръ съ водруженнымъ въ него крестомъ (или trifolium) . . . . . 3 раза.

Поверхность монеты оказалась неясною, совершенно истертою или представляла обратную сторону брактеата . . . . 7 разъ.

Оставивъ въ сторонѣ изображенія всадника и топора, какъ не имѣющія связи съ разсматриваемыми въ настоящемъ случаѣ монетами, мы сличимъ съ ними два другія изображенія.

Такъ-называемыя колонны представляютъ типъ самый постоянный и повторяющійся почти на всѣхъ литовскихъ монетахъ XIV столѣтія; не входя въ разсмотрѣніе значенія этого изображенія [2]), мы сличимъ только его начертаніе съ изображеніемъ, помѣщеннымъ

---

[1]) При этомъ я пользовался слѣдующими источниками: 1) Czacki—O Litewskich i Polskich prawach. т. I, статья: O monecie Polskiej i Litewskiej. 2) Swidziński—O monecie chanów Kipczaku, ze znamionami i nazwiskiem W. K. Litewskiego—въ сочиненіи Бартошевича „Pogląd na stosunki Polski z Turcją i Tatarami". 3) Киркоръ—монетное дѣло въ Литвѣ—въ „Древностяхъ", издав. Московскимъ Археологич. Общ. т. II. 4) Кене—Древнія Литовскія монеты—зап. Импер. Арх. Общ. т. V и VIII. 5) Гр. Е. Тышкевичъ—O kilku nowoodkrytych monetach na Litwie. Atheneum 1845 г. 6) Наконецъ, я пользовался двумя экземплярами самыхъ монетъ, принадлежащими мюнцъ-кабинету универс. Св. Владиміра и г. Карлу Бейеру (въ Варшавѣ).

[2]) О значеніи такъ-называемыхъ колоннъ высказаны были самыя разнорѣчивыя мнѣнія: повторяя сужденія старыхъ польскихъ геральдиковъ и литовскихъ анналистовъ, польскіе писа-

на лицевой сторонѣ разсматриваемыхъ монетъ: изображеніе колоннъ на извѣстныхъ понынѣ литовскихъ монетахъ встрѣчается не всегда въ одномъ видѣ, оно, съ теченіемъ времени, подвергалось различнымъ видоизмененіямъ, приставкамъ и сокращеніямъ: я представляю здѣсь рисунки различныхъ типовъ этого знака:

№ 1. № 2. № 3. № 4. № 5. № 6.

Рисунокъ, изображенный на ф. 1 встрѣчается чаще всего; по мнѣнію ученыхъ, занимавшихся литовскою нумизматикою (Кене, Киркоръ, Тышкевичъ и т. д.), монеты, отмѣченныя такимъ знакомъ, относятся къ княженіямъ Гедымина и Кейстута. Къ одному времени съ ними, или, быть можетъ къ концу XIII столѣтія относится рисунокъ на брактеатѣ, описанномъ Чацкимъ (ф. 2): оба типа болѣе всего напоминаютъ рисунокъ воротъ. Позднѣйшія видоизмененія колоннъ, приведенныя на монетахъ, описанныхъ Свидзинскимъ подъ номерами 4, 7, 8 и 10 (ф. 4, 5 и 6), встрѣчаются совмѣстно съ именами князей Витовда и Казимира (вѣроятно Казимира-Скиргайла, а не Казимира-Ягайловича), и относятся, слѣдовательно, ко времени 1392—1417 г. Такимъ образомъ, то изображеніе, которое находимъ на разсматриваемыхъ нами монетахъ (ф. 3), по начертанію своему занимаетъ середину и составляетъ какъ-бы переходную форму между начертаніями первой половины XIV ст. и начертаніями конца этого столѣтія и начала XV в.

На оборотной сторонѣ нашихъ монетъ, внутри кружка, составленнаго изъ точекъ, находится изображеніе тамги, совершенно тождественное съ изображеніемъ тамги, на монетѣ, описанной Свидзинскимъ подъ № 4 и похожее на тамги, находящіяся на двухъ монетахъ, изображенныхъ имъ-же подъ заглавіемъ его статьи, при чемъ на одномъ экземплярѣ Свидзинскаго тамга точно также окружена надписью имени Витовда, какъ на разсматриваемыхъ экземплярахъ она окружена надписью имени Владиміра.

Мы имѣемъ историческія основанія полагать, что ханы Золотой Орды считали себя въ правѣ въ XIV ст. выставлять свои клейма на нѣкоторыхъ литовско-русскихъ монетахъ. По свѣдѣніямъ западно-русскихъ хроникъ и русскихъ лѣтописныхъ сводовъ, желаніе избавиться отъ ханскаго клейма на монетахъ и замѣнить его своимъ клеймомъ составляло

тели: Нарбутъ, Бандке, Тышкевичъ, Киркоръ, Свидзинскій и др. признаютъ въ нихъ фамильный гербъ Гедымина. Даровскій (Znaki pieczętne Ruskie—Парижъ 1862) видитъ въ нихъ видоизмененіе славянской буквы ш. Кене высказываетъ самое правдоподобное, по моему мнѣнію, предположеніе, что колонны есть не что иное, какъ видоизмененіе герба Генуэзской Кафы, представлявшаго городскія ворота. Наконецъ, многія видоизмененія колоннъ и, въ томъ числѣ, и изображеніе, находящееся на разсматриваемыхъ монетахъ, Свидзинскій, Ю. Б. Иверсенъ и др. признаютъ изображеніемъ церковнаго знамени.

главную побудительную причину похода Витовда противъ Орды въ 1399 г. Споръ за тамгу не могъ быть улаженъ переговорами съ Темиръ-Кутлукомъ и Эдигеемъ и заставилъ В. К. Литовскаго дать несчастную для него битву на берегахъ Ворсклы. Тамга ханская исчезла изъ Литовскихъ монетъ только послѣ нѣсколькихъ удачныхъ походовъ Витовда противъ Золотой Орды (1401—1407). Впрочемъ, и раньше указаннаго времени, ханская тамга появляется не на всѣхъ литовскихъ монетахъ (мы встрѣтили ее только на 9 экземплярахъ изъ 25); очевидно ханы могли претендовать на этотъ знакъ ленной зависимости не по отношенію ко всему В. княжеству Литовскому, а только по отношенію къ извѣстной его области, находившейся прежде въ зависимости отъ Орды—областью-же такою была территорія Кіевскаго княженія. Вообще переходъ этого княженія подъ власть Литовскихъ князей совершенно не разъясненъ понынѣ историческою критикою. Разсказъ поздняго литовско-русскаго хрониста XVI в. (лѣт. Быховца), заимствованный у него и дополненный Стрыйковскимъ, затѣмъ перешедшій къ компиляторамъ, пользовавшимся трудомъ Стрыйковскаго, разсказъ этотъ—повторяется неизмѣнно въ историческихъ сочиненіяхъ, хотя онъ не выдерживаетъ вовсе исторической критики [1]). Во всякомъ случаѣ переходъ Кіева изъ зависимости хановъ подъ власть В. К. Литовскихъ совершился гораздо позже, чѣмъ обыкновенно полагаютъ и, вѣроятно, вначалѣ былъ неполный, ограниченный извѣстными условіями, прекратившимися лишь тогда, когда Витовду удалось окончательно одолѣть ордынскую силу въ началѣ XV столѣтія; одно изъ условій, сопряженныхъ съ уступкою Литовцамъ Кіева въ XIV столѣтіи и состояло вѣроятно въ обязательствѣ сохранять на Кіевской монетѣ ханскую тамгу, за которую Витовдъ и поднялъ споръ съ Эдигеемъ на берегахъ Ворсклы, въ 1399 году. Такимъ образомъ, сочетаніе тамги съ видоизмененными колоннами (воротами, знаменемъ), по моему мнѣнію служитъ указаніемъ, что данныя монеты чеканены были въ Кіевѣ въ то время, когда Кіевское княженіе, находясь уже подъ властью В. К. Литовскихъ, сохраняло еще нѣкоторые слѣды зависимости отъ хановъ Золотой Орды, т. е. между 1362 и 1407 годами.

---

[1]) На основаніи указаннаго разсказа установилось мнѣніе, будто Волынь и Кіевское княженіе были покорены Гедыминовъ въ 1320—1321 г.; извѣстіе это опровергается цѣлымъ рядомъ другихъ, болѣе достовѣрныхъ указаній. По грамотамъ потомковъ Даніила Романовича, сохранившимся въ Кенигсбергскомъ архивѣ, мы можемъ прослѣдить цѣлый рядъ независимыхъ русскихъ Волынскихъ князей до 1335 года, подписывавшихся: **Dux natus et dominus totius Russiæ minoris** или **Dux totius Russiæ, Galiziæ et Lodomeriæ**, выдававшихъ грамоты: **In civitate nostra capitali Wlodimiria**. По свѣдѣніямъ Воскресенской и Никоновской лѣтописей, въ 1332 г. (дѣло митрополита Ѳеогноста съ Новгородцами) и Волынь и Кіевъ лежали внѣ предѣловъ княжества Гедымина, въ Кіевѣ-же княжилъ сподручникъ Ордынскихъ баскаковъ—князь Ѳедоръ. Наконецъ, Густинская лѣтопись сообщаетъ, что этотъ князь Ѳедоръ былъ смѣщенъ Ольгердомъ только въ 1362 г. Вѣроятно, тогда только и установилось въ Кіевѣ господство великихъ князей Литовскихъ.

Если форма начертанія колоннъ и присутствіе тамги на разсматриваемыхъ монетахъ указываютъ на вторую половину XIV ст. или начало XV, то, написанное на нихъ, имя Владиміра, не только не противурѣчитъ этимъ положеніямъ, но еще болѣе подтверждаетъ ихъ и точнѣе дозволяетъ опредѣлить время, къ которому могутъ быть отнесены данныя монеты. По извѣстію Густинской лѣтописи, въ 1362 году „Ольгердъ, Кіевъ подъ Өеодоромъ княземъ взять, и посади въ немъ Володымера, сына своего“. Хотя о княженіи этого Ольгердовича до насъ дошло не много свѣдѣній, мы однако знаемъ, что онъ управлялъ Кіевомъ въ теченіи 30 лѣтъ. Въ Никоновской лѣтописи, подъ 1385 годомъ, мы находимъ о немъ слѣдующее извѣстіе: „егда прииде Діонисій митрополитъ изъ Царяграда отъ патріарха, и поима его князь Володимеръ Ольгердовичъ Кіевскій, внукъ Гедыминовъ, и седѣ въ поиманье, дондеже и преставись, и положенъ бысть въ Кіевской пѣчерѣ“. Наконецъ, лѣтопись Быховца сообщаетъ подъ 1392 годомъ, что „князю Володимеру Ольгердовичу, будучи въ Кіевѣ и не восхотѣвши покоры вчинити, чоломъ вдарити В. К. Витовду; князь-же Великій Витовдъ.... вывелъ его съ Кіева и далъ ему Копыль, а на Кіевѣ посади Скиргайла Ольгердовича“. Такимъ образомъ, по дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, княженіе Владиміра Ольгердовича въ Кіевѣ обнимало время съ 1362 по 1392 г., къ которому мы и можемъ отнести монеты литовско-русскія съ именемъ этого князя.

Нѣкоторое отступленіе отъ извѣстныхъ типовъ литовско-русскихъ монетъ XIV столѣтія представляетъ то обстоятельство, что имя князя надписано славянскимъ шрифтомъ. На 12 литовскихъ монетахъ съ надписями, относящихся къ указанному выше времени, употребленъ постоянно латинскій шрифтъ: на нихъ читаются имена: Alexander (Витовдъ), Cas(imirus) и Kjst(ut); одна только монета, описанная Рейхелемъ, представляетъ исключеніе: Кене прочиталъ на ней, написанное славянскою вязью, слово *печать;* но, судя по рисунку, приведенному Киркоромъ, надпись не достаточно ясна, и притомъ монета представляетъ типъ, литовское происхожденіе котораго подлежитъ сомнѣнію. Такимъ образомъ, основываясь на извѣстныхъ понынѣ монетахъ литовскихъ, можно-бы полагать, что славянскій шрифтъ не употреблялся для чеканенныхъ на нихъ надписей. Не смотря однако на это обстоятельство, я полагаю, что употребленіе славянскаго шрифта на литовскихъ монетахъ, чеканенныхъ Кіевскими князьями Ольгердовичами, вполнѣ умѣстно и естественно, если припомнимъ историческое значеніе въ жизни В. Княжества Литовскаго какъ самаго Владиміра Ольгердовича, такъ и его рода. О самомъ князѣ Владимірѣ мы знаемъ весьма немного фактовъ, но среди этихъ малочисленныхъ данныхъ, мы находимъ ясные слѣды борьбы его съ Витовдомъ и тяготѣнія къ русскому міру. Лишь только Витовдъ сталъ во главѣ В. Княжества Литовскаго, онъ съ напряженною энергіею смѣщаетъ и удаляетъ изъ удѣловъ тѣхъ князей—Гедыминовичей, около которыхъ групировалась русская партія. Витовдъ стремится къ созданію прочнаго единодержавнаго литовскаго государства и опирается для этой цѣли на литовско-жмудскій народный элементъ; встрѣ-

тивъ противудѣйствіе въ обрусѣлыхъ родичахъ, стоявшихъ за децентрализацію и за сохраненіе удѣльнаго порядка въ русскихъ областяхъ, онъ изгоняетъ одного за другимъ всѣхъ, болѣе выдающихся, представителей этого порядка. Первые удары Витовда направляются на Владиміра Ольгердовича, который „не хотѣлъ покоры вчинити и челомъ ударити". Въ первый годъ своего княженія Витовдъ смѣщаетъ его изъ Кіева и переводитъ въ ничтожный и отдаленный Копыльскій удѣлъ. Въ лѣтописи Быховца есть намекъ на то, что Владиміръ Ольгердовичъ уступилъ Кіевъ не безъ борьбы: когда въ 1455 году внуки Владиміра обратились къ Казиміру Ягайловичу съ требованіемъ предоставить имъ Кіевъ въ качествѣ отчизны, то В. князь, отказалъ имъ въ удовлетвореніи и притомъ напомнилъ просителямъ, что „дѣдъ вашъ бѣгалъ въ Москву и тѣмъ пробѣгалъ отчизну свою, Кіевъ". Располагая большимъ количествомъ извѣстій, относящихся къ потомкамъ Владиміра Ольгердовича, мы постоянно можемъ указать ихъ во главѣ русской партіи въ борьбѣ съ партіею литовско-польскою. Таковы обѣ линіи его рода: князья Бѣльскіе и Олельковичи. Бѣльскіе, вслѣдствіе борьбы съ Казиміромъ Ягайловичемъ, принуждены выселиться въ В. К. Московское; одинъ изъ Олельковичей—Михаилъ, бывшій кормленникъ Новгородскій, былъ казненъ въ Кіевѣ по приказанію Казиміра, вслѣдствіе обвиненія въ заговорѣ противъ жизни В. князя; другой Олельковичъ—Симеонъ, извѣстный обновитель Кіево-печерской обители, выдвигается русскою партіею какъ кандидатъ на престолъ В. княжества Литовскаго въ то время, когда чины В. княжества, недовольные давленіемъ Поляковъ на Казиміра Ягайловича, угрожаютъ ему удаленіемъ отъ престола и совершеннымъ отдѣленіемъ Литвы отъ Польши. Наконецъ, въ 1471 году польско-литовское правительство находитъ необходимымъ удалить Олельковичей изъ Кіева и обратить это княженіе, составлявшее опору Русской партіи, въ воеводство, которое и отдается въ управленіе воеводы „Ляха" Мартына Гаштолда. Такимъ образомъ, вспомнивъ историческую роль Владиміра Ольгердовича и его потомства, ихъ преданность русскимъ интересамъ и значеніе Кіева, на который постоянно опиралась русская партія, мы не можемъ не признать совершенно естественнымъ употребленіе русскаго шрифта на монетахъ, носящихъ имя главы, по преимуществу русскаго и православнаго, княжескаго рода Гедыминовичей.

Итакъ, приводя все сказанное о разсматриваемыхъ монетахъ къ общему итогу, мы находимъ, основанія полагать, что монеты были чеканены въ Кіевѣ въ княженіе Владиміра Ольгердовича, между 1364 и 1392 годами. Основанія эти состоятъ въ слѣдующихъ данныхъ:

На Кіевъ, какъ на мѣсто чеканки, указываютъ слѣдующія обстоятельства: 1) мѣсто нахожденія клада; 2) сочетаніе ханской тамги съ колоннами (воротами, знаменемъ?); 3) Славянскій шрифтъ надписи; 4) имя Кіевскаго князя Владиміра.

Время чеканки (1364—1392 г.) опредѣляется слѣдующими данными: 1) формою

колоннъ, посредствующею между колоннами монетъ Гедымина и Кейстута съ одной стороны и монетъ Витовда и Казимира съ другой; 2) присутствіемъ ханской тамги; 3) именемъ князя, правившаго съ 1362 по 1392 и 4) совмѣстнымъ нахожденіемъ въ одномъ кладѣ съ ордынскими монетами 1330—1364 годовъ.

Откуда привозился красный шиферъ, встрѣчаемый какъ въ древнихъ храмахъ, такъ и въ другихъ памятникахъ Кіева.

Рефератъ **Г. О. Оссовскаго.**

Желая разрѣшить вопросъ, предложенный археологическимъ съѣздомъ,— „откуда привозился красный шиферъ, встрѣчаемый какъ въ древнихъ храмахъ, такъ и въ другихъ памятникахъ Кіева", я считаю долгомъ, прежде всего, заявить вамъ, милостивые государи, о томъ, что мнѣ неизвѣстенъ ни одинъ письменный источникъ, могущій служить основаніемъ для сколько-нибудь опредѣленнаго разрѣшенія этого вопроса. Да и едва-ли таковой источникъ можетъ быть когда-либо быть открытымъ. Поэтому, для достиженія цѣли, я намѣренъ, для своихъ изслѣдованій, искать иной научной почвы, на которой бы можно было найти удовлетворительныя данныя, ведущія къ требуемымъ выводамъ. Почвою этою, въ настоящемъ случаѣ, можетъ, по моему мнѣнію, служить мѣстная геогнозія.

Если намъ съ достовѣрностью будетъ извѣстно мѣстонахожденіе искомыхъ геогностическихъ породъ и если опредѣлены будутъ съ точностью границы ихъ простиранія, то съ большою вѣроятностью можно заключать, что искомый матеріалъ взятъ съ той, а нѐ съ другой мѣстности. На такомъ предположеніи имѣютъ быть основаны мои заключенія относительно мѣста добыванія разсматриваемаго строительнаго матеріала.

Обращаясь къ краснымъ шиферамъ памятниковъ Кіева, я долженъ, прежде всего, обратить ваше вниманіе на то, что шифера эти, находимые въ памятникахъ Кіева, встрѣчаются въ нихъ совмѣстно съ другою, весьма подобною имъ каменною породою, краснаго-же цвѣта, но не слоистаго, какъ они, сложенія. Эта вторая порода называется *кварцитомъ*. Въ порядкѣ геологическаго образованія, обѣ поименованныя породы, какъ шифера, такъ и кварциты, представляютъ собою одинъ общій членъ напластованій *девон-*

ской формаціи, въ которомъ шифера занимаютъ нижній, а кварциты верхній этажъ напластованія. Замѣчу, между прочимъ, что нѣкоторые геологи относятъ періодъ образованія этихъ породъ къ болѣе древнимъ временамъ, чѣмъ періодъ образованія девонской формаціи. Я самъ непрочь-бы согласиться съ этимъ мнѣніемъ; но пока вопросъ этотъ вполнѣ еще не доказанъ и пока самое это предположеніе стоитъ на весьма шаткой еще почвѣ, то мы станемъ называть ихъ еще породами девонскими. Болѣе подробное изложеніе характеристичныхъ свойствъ этой формаціи повело-бы насъ въ область чисто геологическихъ изслѣдованій, не ведущихъ къ предположенной цѣли, не имѣющихъ связи съ археологическимъ интересомъ; поэтому, ограничиваясь этимъ краткимъ опредѣленіемъ формаціи, членомъ которой является разсматриваемый нами матеріалъ, обращаю вниманіе ваше, гг. сочлены, на то обстоятельство, что какъ въ памятникахъ Кіева, такъ и на мѣстѣ геологическаго порожденія, красный шиферъ является неразлучнымъ спутникомъ кварцита. Затѣмъ, перехожу къ обзору мѣсторожденій этихъ породъ.

Главными мѣстами развитія девонскихъ напластованій считаются, какъ извѣстно, графство Девонширское, въ Англіи, гдѣ породы эти впервые были открыты геологами и, по мѣсту открытія, формація получила названіе девонской; затѣмъ, берега Онежскаго озера у устьевъ р. Шокши, гдѣ горная порода, ихъ образующая, названа шокшинскимъ камнемъ, и наконецъ, въ восточной Галиціи, устья р. Златой-Липы и прилегающія къ ней окрестности, пласты которыхъ описаны геологомъ Пушемъ.

Доказывать невозможность привозки красныхъ шиферовъ изъ помянутыхъ мѣстъ въ Кіевъ было-бы лишне. Каждый пойметъ, что уже одно весьма далекое разстояніе каждаго изъ зацитированныхъ мѣстъ отъ Кіева дѣлаетъ почти невозможнымъ доставку этого матеріала изъ помянутыхъ мѣстъ. Если еще принять во вниманіе состояніе путей сообщенія въ то время, когда строились Кіевскіе памятники, какъ-то—Золотыя ворота, церковь Ирины, Софійская церковь и прочія современныя имъ постройки древности, и тогдашнія международныя отношенія, и размѣры тогдашней мѣновой торговли мѣстными продуктами, и множество другихъ затрудняющихъ условій, исчисленіе которыхъ лишне: то всякое предположеніе о возможности привозки шиферовъ изъ этихъ мѣстъ въ Кіевъ становится немыслимымъ. Конечно, въ настоящія времена можно-бы указать на нѣкоторые примѣры весьма далекаго переселенія этого матеріала. Между прочимъ, можемъ указать на то, что красные шифера Галиціи, изъ трембовельскихъ каменоломень, въ видѣ отшлифованныхъ плитъ, составляютъ полъ Рим.-кат.—каѳедр. костела въ Житомирѣ, въ городѣ, недалеко уже отстоящемъ отъ Кіева, что изъ громаднаго цѣльнаго блока Олонецкихъ кварцитовъ сооруженъ саркофагъ гробницы Наполеона I въ парижскомъ домѣ инвалидовъ, что, наконецъ, въ храмѣ Хр. Спасителя въ Москвѣ олонецкіе кварциты употреблены, совмѣстно съ Кіево-Волынскими гиперитами, для внутренней орнаментики этого храма. Но приведенные нами примѣры, сами по себѣ немногочисленные, исключительны и при

томъ объясняются разными особыми условіями современнаго нашего быта. Трембовельскія каменоломни неизвѣстны были и несуществовали вовсе во времена постройки Золотыхъ воротъ, а улучшенные нынѣ пути сообщенія облегчаютъ подвозъ этого громоздскаго матеріала въ обдѣланныхъ только формахъ, болѣе удобныхъ для провоза, но не въ глыбахъ и не въ грубыхъ, необтесанныхъ плитахъ, какія встрѣчаемъ во всѣхъ Кіевскихъ памятникахъ древности. Саркофагъ гробницы императора Французовъ существованіемъ своимъ обязанъ волѣ покойнаго императора Николая I, подарившаго на эту цѣль блокъ этого олонецкаго камня [1]). При постройкѣ же Московскаго храма проведена мысль употребленія строительнаго матеріала высшихъ достоинствъ и особенной красоты изъ разныхъ мѣстностей имперіи:—изъ природныхъ богатствъ обширнаго отечества воздвигнута эта святыня. Подобное явленіе можетъ приводиться въ исполненіе только въ современной жизни.

И такъ, при невѣроятной возможности привоза красныхъ шиферовъ изъ приведенныхъ нами мѣстностей, слѣдуетъ розыскивать другія, болѣе близкія Кіеву мѣсторожденія этой породы, мѣсторожденія, откуда возможность ея добыванія и доставки въ Кіевъ представилась бы болѣе удобною и вѣроятною. Эта мысль преслѣдовала меня и сдѣлалась главнымъ путеводителемъ при послѣдовавшихъ моихъ изысканіяхъ.

При осмотрѣ церкви св. Василія въ Овручѣ, я встрѣтилъ, какъ въ фундаментахъ, такъ и въ стѣнахъ этого древняго зданія, тѣже шифера и тѣже кварциты, которые видимъ въ Кіевскихъ памятникахъ, но съ тою разницею, что тамъ они находятся въ большемъ и преобладающемъ количествѣ. Кромѣ того, многія другія древнія постройки Овруча изобилуютъ тѣмъ же матеріаломъ; затѣмъ, древнія и новыя кладбища богаты множествомъ гробницъ и надгробныхъ плитъ изъ того же матеріала. Обстоятельство это навело меня на мысль, что Овручъ долженъ находиться гораздо ближе къ мѣсторожденію описываемой породы, чѣмъ Кіевъ. Дѣйствительно, послѣ непродолжительныхъ поисковъ я отыскалъ это мѣсторожденіе. Въ оврагахъ с. Здранекъ я открылъ обильное обнаженіе цѣлой формаціи, представляющей богатую картину ея напластованій, покоющихся въ по-

---

[1]) Не лишнимъ считаю при этомъ случаѣ упомянуть о томъ ошибочномъ мнѣніи, которое вкралось въ убѣжденіе парижанъ относительно рода камня, изъ котораго сдѣланъ саркофагъ. Парижане называютъ его *granit rouge antique de Finlande.* Ошибочное это мнѣніе вкоренилось не только въ убѣжденіе парижской публики, но вкралось и въ нѣкоторыя печатныя сочиненія, не скажу спеціальныя, но въ весьма популярныя, какъ напримѣръ гиды (guides) и т. п., которыя однако имѣютъ сильное вліяніе на распространеніе свѣдѣній въ массахъ неспеціальныхъ читателей. Въ видахъ исправленія этой ошибки, отмѣчаемъ здѣсь, что матеріалъ помянутаго саркофага не есть, какъ полагаютъ, красный античный гранитъ (granit rouge antique), но *красный кварцитъ*, и не изъ Финляндіи (гдѣ кварцитовъ вовсе нѣтъ), но изъ Олонецкой губерніи.

рядкѣ естественнаго ихъ образованія. Тутъ я нашелъ какъ шифера, такъ и сопровождающіе ихъ кварциты въ обнаженныхъ массахъ составляющими обрывистыя стѣны и дна многочисленныхъ глубокихъ овраговъ, изрѣзывающихъ окрестности с. Здранекъ и сосѣднихъ съ нимъ селеній. Открытіе это описано мною подробно въ статьѣ „*Норинская каменоломня*" и вошло въ составъ изданнаго Волынск. губ. Стат. Комитетомъ моего сочиненія, озаглавленнаго „Геологическо-геогностическій очеркъ Волынской губерніи". Послѣдовавшія затѣмъ мои геологическія изслѣдованія показали, что открытая мною формація занимаетъ своями напластованіями весьма длинное пространство серединной полосы Овручскаго уѣзда, простирающееся отъ западныхъ его границъ, прямо на востокъ, вплоть до окрестностей г. Овруча, и восточнѣе этого города появляется еще на поверхности земли въ с. Каменкѣ, на 15 верстъ восточнѣе Овруча лежащемъ. Результаты этихъ геологическихъ открытій, представляющихъ особенную важность для мѣстной геологіи, представлены мною были 3-му съѣзду русскихъ естествоиспытателей, а въ настояще время желательно мнѣ обратить ваше, мм. гг., вниманіе на значеніе этого открытія въ примѣненіи къ вопросамъ мѣстной археологіи,—къ разрѣшенію даннаго вопроса. Недалекое положеніе Овруча отъ Кіева, отношенія этихъ городовъ въ древнія времена, извѣстныя изъ исторіи и перешедшія къ намъ въ существующихъ понынѣ легендахъ и преданіяхъ, сохранившихъ въ народной памяти до нашихъ дней имена Ольги, Игоря, Владиміра и проч., указываютъ на то, что во времена построекъ Кіевскихъ памятниковъ мѣстности эти находились между съ собою въ общеніи, достаточномъ для разпознанія и заимствованія необходимыхъ и недостающихъ матеріаловъ, въ числѣ коихъ является не существующій въ Кіевѣ и въ его ближайшихъ окрестностяхъ каменный строительный матеріалъ. При такомъ съ одной стороны его недостаткѣ въ Кіевѣ и при обиліи въ указанныхъ мѣстностяхъ, примыкающихъ на весьма недалекое отъ Кіева разстояніе, онъ могъ быть оттуда получаемъ. Тожественность же литологическихъ свойствъ породы, обнаруживающаяся сравненіемъ глыбъ кіевскихъ памятниковъ съ глыбами, взятыми на мѣстѣ рожденія, непозволяетъ сомнѣваться въ томъ, что красные шифера эти и кварциты отечествомъ своимъ имѣютъ указанныя мѣстности Овручскаго уѣзда.

Убѣдившись въ этомъ, остается намъ изслѣдовать и выяснить еще одну сторону вопроса, именно: были-ли эти шифера привозимы въ Кіевъ непосредственно изъ мѣста ихъ рожденія, или же могли быть доставляемы изъ другихъ, такъ сказать передаточныхъ пунктовъ, которые могли находиться еще ближе къ Кіеву? Не совершались-ли какіе-либо новѣйшіе геологическіе процессы, не существовали-ли естественныя явленія, могшія повліять на сближеніе этого матеріала къ городу, а тѣмъ самымъ облегчавшія его подвозъ?

Отвѣтъ на это найдемъ въ орографіи края.

Бросивъ самый общій взглядъ на орографическія условія мѣстности, мы прежде всего останавливаемъ свое вниманіе на томъ явленіи, что р. Припеть,—этотъ главный коллекторъ

водъ сѣверо-волынскаго и южно-литовскаго полѣсья, получившій начало свое въ СЗ. углу Волынской губерніи, течетъ оттуда прямо на востокъ и, дойдя до точки, противулежащей западнымъ границамъ Овручскаго уѣзда, продолжаетъ свое теченіе въ томъ же направленіи, параллельно указанной нами полосѣ мѣсторожденія шиферовъ. Съ окончаніемъ этой полосы, т. е. за чертою восточнаго простиранія нашей породы, рѣка эта, у г. Мозыря, дѣлаетъ поворотъ къ ЮВ. и въ этомъ новомъ направленіи, слѣдуя почти по прямой линіи на Кіевъ, достигаетъ Днѣпра. Изъ многочисленныхъ притоковъ этой рѣки для насъ особенно интересны два правые, южные ея притоки: р. Уборть и р. Ужъ, съ лѣвымъ притокомъ своимъ рѣчкою Жеревомъ. Особенно интересными я назвалъ эти рѣки потому, что первая изъ нихъ прорѣзываетъ теченіемъ своимъ полосу мѣсторожденія нашей породы въ западной половинѣ ея территоріи, а послѣдняя съ своимъ притокомъ—восточныя ея окраины. Къ рѣкамъ этимъ сходятся многочисленные глубокіе и съ сильнымъ паденіемъ овраги и яры, пересѣкающіе всю мѣстность въ различныхъ направленіяхъ. Помянутые яры и овраги, какъ я уже замѣтилъ выше, имѣютъ стѣны и дна свои изъ каменныхъ массъ кварцитовъ и шиферовъ, коихъ поверхности изрѣзаны трещинами, образующими въ массахъ породы большія или меньшія отдѣльности,—большія или меньшія глыбы. Во время весеннихъ о осеннихъ полноводій, а также во время сильныхъ ливней яры и овраги эти наполняются водами, стремящимися быстро по каменному ихъ ложу въ видѣ временныхъ горныхъ потоковъ. Можно наблюдать, какъ воды такія въ этомъ быстромъ теченіи отрываютъ ослабѣвшія глыбы камня и, внося ихъ въ русло свое, исподоволь придвигаютъ къ русламъ тѣхъ рѣкъ—Уборти, Жерева или Ужа,—къ которымъ онѣ сходятся. Такой же процессъ продолжается дальше по ложамъ самыхъ уже рѣкъ. Волны сихъ послѣднихъ, получаемый изъ овраговъ матеріалъ умноживъ глыбами, оторванными собственнымъ теченіемъ, передвигаютъ его дальше, къ руслу и берегамъ Припети. Съ волнами послѣдней рѣки каменныя глыбы спускаются къ Днѣпру, въ ближайшія къ Кіеву окрестности.

Замѣтивъ этотъ геологическій процессъ, если перенесемся мысленно въ тѣ геологическія времена, когда горизонтъ Днѣпровскаго бассейна былъ выше нынѣшняго, когда, какъ многіе полагаютъ, водяной путь могъ соединять Балтійское море съ Чернымъ, то поймемъ, что нептуническіе дѣятели могли тогда съ большею силою и гораздо успѣшнѣе вліять на переселеніе кварцитовыхъ глыбъ и шиферныхъ плитъ изъ мѣста ихъ рожденія въ сосѣднія Кіеву мѣста. Такимъ и тѣмъ подобнымъ дѣйствіямъ приписать слѣдуетъ то явленіе, что на поверхности всего сѣвернаго угла Радомысльскаго уѣзда и на побережьяхъ р. Днѣпра встрѣчаемъ и нынѣ разномѣстно раскинутыя наносныя глыбы какъ кварцитовъ, такъ и шиф[illegible]овъ, совмѣстно съ глыбами разнородныхъ гранитовъ такого же наноснаго происхожденія. Сколько мнѣ извѣстно, въ послѣднія времена собираютъ еще эти камни въ сказанной мѣстности для ремонтированія кіево-московскаго шоссе. Между

Кіевомъ и Броварами, въ кучахъ приготовленнаго на эту цѣль каменнаго матеріала, я отличалъ весьма много кварцитовъ; по берегамъ Днѣпра я наблюдалъ на всемъ побережьи рѣки, вплоть до Трахтемирова, много такихъ же наносныхъ глыбъ.

Изъ всего сказаннаго мною, въ разрѣшеніе предложеннаго съѣздомъ вопроса, дѣлаю слѣдующіе выводы:

1. Какъ красные шифера, такъ и кварциты, находимые въ древнихъ памятникахъ Кіева, по мѣсторожденію своему происходятъ изъ Овручскаго уѣзда, гдѣ составляютъ собою одинъ и тотъ же членъ напластованій древнихъ геологическихъ осадковъ.

2. Привозимы они могли быть какъ изъ мѣста самыхъ логовищъ, такъ и изъ мѣстностей, нѣсколько сѣвернѣе Кіева лежащихъ, у побережья Днѣпра, между этимъ городомъ и устьемъ р. Припети, а также и изъ сѣвернаго угла Радомысльскаго уѣзда, гдѣ они и въ настоящее время находятся въ видѣ наносныхъ валуновъ, осѣвшихъ на песчаныхъ равнинахъ подъ вліяніемъ нептуническихъ дѣятелей, переселившихъ туда глыбы этихъ породъ изъ ихъ отечества,—Овручскаго уѣзда [1]).

Итакъ видимъ, что естественный процессъ способствовалъ тому, чтобы облегчить Кіевлянамъ обладаніе разсматриваемымъ строительнымъ матеріаломъ. Процессъ этотъ совершался въ нашей мѣстности тихо, медленно, въ теченіи весьма длиннаго новѣйшаго геологическаго періода, безъ особыхъ переворотовъ или катастрофъ. Если перенесемъ нашъ взоръ на другія мѣстности Европы, то невольно приходитъ воспоминаніе о подобной, но болѣе грандіозной геологической картинѣ ледниковой эпохи, въ которую Европа стала засѣяна эрратами. Какъ тамъ на сплотившейся холодной постели ледниковыхъ массъ неслись громадные, оторванные отъ лона горныхъ хребтовъ сѣвера обломки Скандинавскихъ скалъ на югъ и осаживались на равнинахъ Германіи и въ ущеліяхъ Альповъ, какъ неизгладимые памятники переворота: такъ тутъ болѣе тихимъ, но постояннымъ движеніемъ туземцы Овручанъ и Древлянъ, переселяемые волнами новѣйшихъ геологическихъ водъ, приближались въ Ю. В. направленіи къ Кіеву воплотиться въ историческихъ памятникахъ этой древней столицы, вмѣстѣ съ ея мѣстнымъ матеріаломъ, въ одно цѣлое, какъ бы предвѣстники имѣвшаго послѣдовать въ будущемъ сточенія исторической судьбы самыхъ народовъ, заселившихъ ихъ отечества.

---

[1]) Къ такимъ же переселенцамъ изъ Овручскаго и частью изъ Житомирскаго уѣздовъ слѣдуетъ отнести и всѣ прочія каменныя глыбы, состоящія преимущественно изъ разновидныхъ гранитовъ, которые вмѣстѣ съ шиферами и кварцитами составляютъ каменный строительный матеріалъ всѣхъ древнихъ Кіевскихъ построекъ.

О топографическомъ словарѣ всѣхъ славянскихъ земель.

Рефератъ **Мартина Коляра.**

Позвольте, мм. гг., обратить ваше вниманіе на важность и необходимость топографическаго словаря, который бы содержалъ въ себѣ не только имена мѣстностей, но также и имена горъ, ручьевъ, рѣкъ и озеръ во всѣхъ славянскихъ земляхъ и притомъ и въ тѣхъ областяхъ, гдѣ нѣкогда нашъ языкъ господствовалъ, но уже давно умолкъ. Исполнить этотъ трудъ будетъ тѣмъ удобнѣе, чѣмъ больше мы найдемъ пособій въ топографическихъ, хорографическихъ и въ историческихъ изслѣдованіяхъ о частныхъ мѣстностяхъ и земляхъ славянскихъ. Сборники актовъ, регесты и лѣтописи по всѣмъ землямъ, гдѣ нынѣ живутъ и нѣкогда жили Славяне, должны будутъ служить пособіями для этого монументальнаго труда. Необычайному трудолюбію и геніальности Шафарика мы обязаны первымъ образцомъ исторіи всѣхъ славянскихъ народовъ: намъ настоитъ священная обязанность дополнить топографическую часть его произведенія.

Начнемъ съ вопроса, какъ надлежитъ повести изданіе нашего словаря.

Отдѣльныя статьи должны слѣдовать одна за другою въ алфавитномъ порядкѣ: въ началѣ каждой должны быть изложены всѣ свѣдѣнія географическія, а затѣмъ историческія, и преимущественно первое указаніе лѣтописей, замѣчательнѣйшія событія, основаніе церквей и монастырей, извѣстныя соименныя фамиліи, происходящія изъ той или другой мѣстности, и памятники старины,—какъ то: курганы, могилы, древніе валы, городища и т. п.; наконецъ должно быть указано происхожденіе всякаго новаго названія мѣстности. При этомъ должна быть соблюдаема особенная осторожность съ устраненіемъ всякихъ необъоснованныхъ положеній.

Теперь посмотримъ, какое значеніе для славянскаго міра могло бы имѣть такое литературное предпріятіе и укажемъ, какія науки могли бы отъ него выиграть.

1) Что касается географіи, то Русскіе, которые вообще признаются лучшими географами въ Европѣ, наиболѣе съумѣютъ оцѣнить выгоды, какія могли бы произойти отъ нашего словаря для географіи. Довольно трехъ примѣровъ, чтобы показать, какъ знаніе именъ мѣстностей, находящихся у истоковъ ручьевъ и рѣкъ, можетъ способствовать къ разъясненію ихъ нынѣшнихъ названій. Рѣка Лучна, имѣющая истокъ выше города Лютомышля и впадающая въ Лабу, называлась нѣкогда по древнимъ документамъ Трестеницею по имени селенія выше Лютомышля того же имени; рѣка Хрудимка, которая рядомъ съ Лучною течетъ въ Лабу, называлась Каменицею по селенію того же имени. У самого города Табора есть большой прудъ, называемый Іорданомъ, въ который впадаетъ ручей Боротинскій и потомъ изъ пруда вытекаетъ въ рѣку Лужницу; настоящее имя этого ручья есть Тисменица — по такъ называемому Тисовому двору у города Тистебницы.

2) Славянская филологія также получила бы немало пользы отъ нашего труда. Имена городовъ и селеній часто сохраняютъ намъ формы языка, восходящія до древнѣйшей эпохи славянскаго языка. Носовая буква сохранилась у насъ въ Чехахъ въ именахъ селеній: Сендражичи, недалеко отъ Кралева Градца, Вендолы (Удолы) около Свитавы; далѣе есть селеніе Рамбузы въ Таборскомъ округѣ; кромѣ него Робузы въ Тичинскомъ, Крека Углава въ Пильзенскомъ окр. по нѣмецки называются Ангелъ (Angel), каковое древнее измѣненіе тоже удержало носовую. Согласная *л*, которая въ русскомъ языкѣ встрѣчается въ концѣ словъ: Переяславль, Екатеринославль, въ польскомъ на концѣ слова Трембовля, сохранилась и у насъ въ имени селенія Drhovel въ Пильзенскомъ окр. и въ имени города Litovel въ Моравіи. Достойны вниманія также измѣненія согласныхъ и цѣлыхъ слоговъ въ нашихъ названіяхъ мѣстностей. Селеніе Zlyčina у города Беруна нѣкогда называлось Kdyčina, селеніе Zbèšice, недалеко отъ Табора, — Kdèšice, Podèvusy около Клятова — Podeúsy, Úholice около Праги—Hoholice, Cimice около Граконика — Ctimiravesce. Во всѣхъ этихъ случаяхъ славянскаго филолога долженъ сопровождать историкъ, иначе онъ легко заблудился бы въ нашихъ селищахъ. Наконецъ приведу два примѣра, чтобы показать, какая требуется осторожность при объясненіи именъ славянскихъ мѣстностей. Около города Клятова есть селеніе, называемое Ves Pravovice, котораго дѣйствительное имя есть Bespramovice или Bespremovice отъ собственнаго имени Беспрема, отца Собегерда, предка графовъ Черниновъ изъ Худеницъ, упомянутаго около 1212 г. Въ округѣ Бенешовскомъ недалеко отъ Праги есть мѣстечко Vaclavice, и никто не подумалъ бы, что это названіе есть искаженное изъ имени Vladislavice, главнаго города древней жупы.

3) Для историка и археолога названія мѣстностей, хорошо объясненныхъ, суть какъ бы окаменѣлые первоначальные документы о почвѣ, поселеніи, первоначальной культурѣ, образѣ жизни, религіи, нравахъ и обычаяхъ и разселеніи нашихъ предковъ.

Названія мѣстностей: Хлумъ, Каменецъ, Ждаръ [1]), Хвойно, Бжезина, Дубрава, Водняны, Блата, Слатина, указываютъ, какова была первоначальная почва и мѣстность тамъ, гдѣ теперь стоятъ города и селенія тѣхъ же наименованій, указываютъ свойство и особенности почвы обозначенной этими названіями, уже измѣнившейся. Также есть много и такихъ именъ, изъ которыхъ узнаемъ первыя поселенія славянскихъ поселенцевъ, каковы Сѣчь, Просѣчь, Мыты [2]), Порубы, Полерады, Сушаны и т. п.

Въ отношеніи къ исторіи культуры Славянъ весьма важно то, что по именамъ мѣстностей мы можемъ знать образъ жизни и ремесла нашихъ предковъ. Въ селеніи по имени Щитари дѣлали щиты, въ Дегтяряхъ—деготь, въ Бечваряхъ — бочки [3]); въ Коваряхъ жили кузнецы, въ Ратаяхъ — землепашцы, въ Жерносѣкахъ высѣкали жернова. Нѣкоторыя имена мѣстностей произведены отъ именъ животныхъ, которыхъ держали Славяне; сюда относятся: Волари, Кравари, Свинари, Овчари, Кобыльники, Конепасы, Кокошко, Вчельницы [4]). Многія другія названія напоминаютъ деревья и растенія, воздѣлываемыя Славянами. Вспомнимъ только о безчисленныхъ производныхъ отъ священной Славянамъ липы; къ нимъ присоединяются: Яблонецъ, Грушованы, Вишнева, Винари, Хмѣльна. Многія другія названія происходятъ отъ растеній: Житне, Гpaхолуски [5]), Макотрусы, Репы и под.

Указавъ по именамъ мѣстностей образъ жизни и занятія нашихъ предковъ, обратимъ вниманіе на то, сколько свѣдѣній можетъ дать намъ топографическій словарь всѣхъ славянскихъ земель о религіи, нравахъ и обычаяхъ нашихъ праотцевъ. Въ названіяхъ Бѣлбожице, Лелево, Велесовъ, Муранъ, Туровецъ, Бесно, предъ нами воскресаютъ имена нашихъ древнихъ языческихъ боговъ: Бѣлбогъ, Лель, Велесъ, Морена, Туръ и Бѣсъ; имя селенія Святоборъ напоминаетъ намъ о древнемъ богослуженіи въ рощахъ и лѣсахъ; рѣчька Смутна недалеко отъ Табора такъ называется отъ могилъ, расположенныхъ по обоимъ берегамъ ея; названія Желенщы и Могильницы—того же происхожденія.

Физическія свойства нашихъ предковъ указываются въ названіяхъ: Гологлавы, Космоносы [6]), Всестары, Всехромы, Сивоглавы; частныя обстоятельства и случаи дали поводъ къ насмѣшливымъ прозвищамъ, какія встрѣчаемъ въ названіяхъ: Глупоглавы, Короглоды, Котопеки, Каливоды, Всетати и подобныхъ. Отъ нравовъ и обычаевъ происходятъ названія мѣстностей: Всегорды, Всехлапы, Любосвары, Семилы, Стискалы, Страдали, Домажилицы.

---

1) **Ždar** — гранитъ.
2) **Myt** — засѣка, застава.
3) **Bečvar** — бочаръ, **bečka** — бочка.
4) **Wčela** — пчела, **wčelnik** — пчеловодъ.
5) **Hrach** — горохъ.
6) **Kosmo** — криво, косо.

Особенность Чехіи и Моравіи, которой кромѣ Венгріи нигдѣ не встрѣчаемъ, — это названія мѣстностей, производныя отъ корня strehu—strici (стерегу—стеречь): Стражъ, Стражовъ, Стражище, Стражовицы, Стражницы, Стража Кона и т. п. Такія названія встрѣчаемъ не только на границахъ Чешской земли, но и на границахъ отдѣльныхъ жупъ внутри страны, такъ что почти каждое большое поселеніе, каждый жупный городъ нѣкогда имѣлъ свою стражу, свой сторожевой пунктъ. Названія эти—остатки того времени, когда нужда требовала зоркой бдительности отъ жителей страны, которые каждую минуту должны были опасаться непріятельскихъ набѣговъ.

До сихъ поръ я не говорилъ о томъ, какъ важны для культурной исторіи Славянъ мѣстныя названія, произведенныя отъ собственныхъ именъ: я позволилъ себѣ сказать объ этомъ въ концѣ своего сообщенія, потому что отсюда мы получаемъ наиболѣе свѣта относительно исторіи отдѣльныхъ славянскихъ племенъ. Прежде всего мы должны установить существенное различіе между названіями, принадлежащими ко времени христіанства, какъ Павловичи, Петровичи, Яновичи, Мартиничи, и между названіями, начало которыхъ восходитъ ко времени болѣе раннему, каковы: Хрудимъ, Куримъ, Болеславъ, Литомеричи, Гораздовичи, Страконичи: различіе это много поможетъ намъ къ опредѣленію древности мѣстностей, когда нѣтъ никакихъ документовъ и никакой исторіи. Этимологія здѣсь дополняетъ исторію и учитъ насъ тому, что въ названіяхъ мѣстностей: Премысляне, Незамысличи, Мнетичи, Воиничи, Гостивичи, мы сохранили имена своихъ древнихъ вождей: Премысла, Незамысла, Мнаты, Воина и Гостивита; въ именахъ Казинъ, Тетинъ, Любушинъ и Кроковъ или Краковъ, народъ нашъ еще почитаетъ Крока своего судію и отца трехъ мудрыхъ дочерей: Кази, Тети и Любуши.

Было бы слишкомъ обширно говорить о происхожденіи всѣхъ названій мѣстностей, напоминающихъ намъ нашихъ государей, королей и князей: каждый изъ насъ — Русскій, Полякъ, Сербъ, Чехъ найдетъ очень большое количество такихъ названій въ предѣлахъ своего отечества. Въ заключеніе своего сообщенія я обращусь къ предмету, который мнѣ представляется наиболѣе важнымъ и котораго до сихъ поръ мало касались — къ топографическимъ параллелямъ и къ тому значенію, какое имѣютъ въ славянскомъ мірѣ одноименныя селенія, произведенныя отъ собственныхъ именъ.

Въ этомъ отношеніи я тщательно изслѣдовалъ Чешскую землю и достигъ замѣчательныхъ результатовъ. Тождественныя названія поселеній могутъ ясно показать, какимъ путемъ шла славянская колонизація Чешской земли. Положеніе этой страны, со всѣхъ сторонъ окруженной горами и потому отдѣленной отъ другихъ странъ, весьма много помогло мнѣ въ моихъ изысканіяхъ. Возьмите топографическую карту Чехіи и обратите вниманіе на видныя одноименныя мѣстности и ихъ положеніе: вы найдете, что тѣ же названія селеній, какія находятся въ нижнемъ и среднемъ теченіи нашихъ рѣкъ, повторяются, преимущественно въ западной и южной Чехіи, и въ верхнемъ теченіи у истока

и верховьевъ тѣхъ же рѣкъ. Какая причина этого? Владѣтельные роды Чешской земли, размножившись въ поселеніяхъ, основанныхъ на нижнемъ и среднемъ теченіи рѣкъ, уходили съ своею дружиною вверхъ противъ теченія и заселяли окраины по близости пограничнаго лѣса. На рѣкѣ Мжѣ въ нижнемъ переднемъ теченіи находятся селенія: Кижица, Словица, Свинна, Святой Крестъ, Буковецъ, Оплоты, и такія же одноименныя поселенія повторяются на верхнемъ теченіи Мжи, въ особенности на рѣкѣ Радбузѣ, которая находится между передними притоками Мжи. Владѣтельный родъ Витковичей, изъ которыхъ особенно прославилась фамилія гг. изъ Розенберга (panů z Rozenberga) переселилъ южныхъ Чеховъ и далъ новымъ поселеніямъ названія, встрѣчающіяся около Табора и Будеёвичь, каковы: Буровско, Вздѣтовъ, Гузна, Звиковъ, Годоничи. Такую колонизацію, о которой говоримъ, можемъ также слѣдить въ древней Греціи и найдемъ много одноименныхъ мѣстностей въ Малой Азіи, Ѳракіи и Европейской Греціи.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ историческихъ доказательствъ, что одноименныя поселенія основаны переселенцами, вышедшими изъ мѣстностей того же имени, я останавливаюсь на названіяхъ мѣстностей производныхъ отъ именъ собственныхъ, оставляя въ сторонѣ топическія (произведенныя отъ свойства почвы) имена мѣстностей, потому что одинаковыя свойства почвы могутъ также служить причиною одноименныхъ поселеній. И въ отношеніи къ мѣстностямъ, названія которыхъ происходятъ отъ именъ собственныхъ, я ограничиваюсь тѣми именами лицъ, которыя имѣютъ чисто-славянское происхожденіе.

На сѣверѣ и на сѣверо-востокѣ Чехіи найдете цѣлыя группы мѣстностей, имена которыхъ нигдѣ въ Чехіи не повторяются, какъ только на югѣ этой страны. Это покажутъ намъ нѣсколько очень ясныхъ примѣровъ. Между городами Чешскимъ Дубомъ и Турновомъ (въ сѣверо-западной части Чехіи) есть селенія Гастиборичи, Собеславичи, Боржовичи и Падаровичи, которыя всѣ четыре находятся у Табора въ южной Чехіи и въ такомъ видѣ: Собеславъ, Властиборъ, Боржовичи и Подаровъ; селенія Радвановичи и Гроховичи около Турнова найдете также около города Mladé Vožice, отстоящаго въ трехъ часахъ отъ Табора; тоже самое обстоятельство имѣетъ мѣсто и относительно селеній Rašovice и Radhostovice около того же Mladé Vožice и около города Костельца выше Орлицъ въ сѣверо-восточной Чехіи. Подобнымъ образомъ селенія Годзовичи и Богданецъ найдете и около Турнова и около Кутныхъ Горъ.

Приведенные до сихъ поръ примѣры группъ одноименныхъ мѣстностей относятся къ восточной части Чехіи; теперь приведемъ нѣсколько подобныхъ же примѣровъ изъ Чехіи западной. Въ Хабаровицкомъ округѣ на сѣверѣ земли Чешской находите селенія Стрежовъ и Божтѣшичи, которыя также находятся недалеко отъ Баварской границы въ округѣ Клятовскомъ; селенія Лестковичи и Турна около города Лѣска (Lišku) въ южной Чехіи напоминаютъ намъ городъ Турновъ и селеніе Лестковъ (Lestkow) въ сѣворовосточной

Чехіи; названіе города по имени Нетоличи къ югу отъ Лѣска съ близкимъ къ нему селеніемъ по имени Звиретичи я могу вамъ указать также въ сѣверовосточной части Чехіи между городами Баковымъ и Соботкою. Есть также одноименныя группы мѣстностей въ восточной и западной Чехіи.

Изъ всѣхъ этихъ примѣровъ группъ одноименныхъ мѣстностей, я полагаю, довольно ясно видно, что значительная и даже наибо́льшая часть Славянъ, переселявшихся въ землю Чешскую, подвигалась въ свое новое отечество отъ сѣвера и сѣверовостока.

Вы, мм. гг., сопровождали меня въ моихъ разностороннихъ путешествіяхъ по Чехіи; теперь я, въ свою очередь, долженъ отправиться къ вамъ, въ восточныя славянскія земли и показать, что Славяне всюду держались того же правила при заселеніи новыхъ мѣстностей. Уже Шафарикъ въ своихъ „Древностяхъ", тамъ, гдѣ говоритъ о частныхъ жупахъ Славянъ, указываетъ мѣстности, которыя своимъ названіемъ напоминаютъ древнія племена, какъ напр. Дудлебы въ Галиціи, въ Чехіи и у южныхъ Славянъ, Хорватцы въ Чехіи и т. п. У мѣня не много топографическихъ параллелей внѣ границъ моего отечества, но тѣмъ не менѣе могу назвать нѣкоторыя случайно собранныя. Около Беруна, города въ Чехіи, находятся три селенія: Чеховичи, Присѣдничи и Кдичина: эти названія, сгруппированныя не въ далекомъ разстояніи одно отъ другого, повторяются въ Галиціи въ Сапочскомъ округѣ; около города Писка есть селенія Судомиръ и Радомысль,—имена, повторяющіяся въ названіяхъ города Сандомира на Вислѣ въ Русской Польшѣ и города Радомысля на рѣкѣ Санѣ недалеко отъ ея впаденія въ Вислу. Около древняго главнаго города Польши Крушвицы на Гопельскомъ озерѣ находятся мѣстечки Рогово и Витково: и на югѣ Сербіи также найдете одноименныя селенія Крушевацъ (Крушевица), Роговчица и Витково не въ дальнемъ разстояніи одно отъ другого, что́ тѣмъ болѣе замѣчательно, что недалеко отъ Черногоріи также была жупа, по имени Крушевица.

Чтобы показать важность топографическихъ пареллелей въ исторіи Славянъ, я приведу историческій фактъ, относящійся еще къ 1038 году. Болеславъ, князь Чешскій, въ этомъ году овладѣлъ городомъ и крѣпостью Гдечемъ въ Великой Польшѣ (мѣстность эту теперь называютъ Гичь) и переселилъ его жителей въ Чехію, гдѣ и назначилъ имъ Чермный лѣсъ около Беруна. Эти поселенцы заняли лѣсъ и построили тамъ мѣстечко Лоховичи и селеніе Гедчаны, въ названіи которыхъ и до сихъ поръ звучитъ имя ихъ древняго родного города. Подобное воспоминаніе о древней славянской родинѣ живетъ у насъ въ близкомъ сосѣдствѣ древнихъ жупъ Волынской и Дублебской, въ каковомъ сосѣдствѣ, по Нестору, жили Волыняне и Дублебы и въ славянской прародинѣ.

Я вкратцѣ представилъ вамъ, мм. гг., причины и основанія, по которымъ было бы желательно, чтобы предпринято было составленіе всеславянскаго топографическаго

словаря, и думаю, что въ принципѣ никто не захочетъ спорить противъ этого дѣла. Знаю, что съ нимъ соединены большія трудности, знаю, что потребуется цѣлый сонмъ и соборъ ученыхъ для его выполненія, знаю также, что въ нѣкоторыхъ славянскихъ земляхъ нѣтъ еще такихъ пособій, за которыя можно было бы взяться, какъ за готовый матеріалъ для нашего труда: но все это не удержало меня отъ намѣренія предложить вамъ краткое слово о необходимости и важности этого труда. Если пока нельзя приступить къ изданію всеобщаго славянскаго топографическаго словаря, то пусть каждый изъ насъ, Русскій, Полякъ, Сербъ, Чехъ, трудится по части систематической топографіи своей страны или области, имѣя въ виду ту цѣль, чтобы изъ частныхъ подготовительныхъ работъ и сочиненій могъ создаться — какъ изъ чистыхъ притоковъ свѣтлый и прозрачный потокъ — достойный памятникъ народа могущественнаго, даже могущественнѣйшаго въ Европѣ — народа Славянскаго.

ЯНЪ ЛАСИЦКІЙ И ЕГО СОЧИНЕНІЕ: DE DIIS SAMOGITARUM.

Рефератъ **А. Θ. Мѣржинскаго.**

Тщательно и критически разсмотрѣвъ сочиненія, излагающія Литовскую миѳологію, мы пришли къ полному убѣжденію, что эта наука находится въ весьма жалкомъ состояніи. Намъ необходимо оставить эти сочиненія въ сторонѣ и обратиться прямо къ источникамъ и въ нихъ искать настоящихъ свѣдѣній, не изуродованныхъ ложной ученостью. Но источники литовской миѳологіи въ настоящее время стали чрезвычайно шатки [1]), особенно же разсужденіе Ласицкаго, извѣстное въ литературѣ подъ заглавіемъ: De diis Samogitarum. Ученые и не ученые миѳологи ссылаются на него, а знаменитый Якобъ Гриммъ не колебался напечатать отрывокъ изъ него съ рекомендательными словами: „die, für die kenntniss der litauischen mythologie höchst schätzbaren, nachrichten des Johann Lasicz etc." Получивъ послѣ многочисленныхъ розысковъ изъ Петербургской библіотеки вѣрную копію этого сочиненія, изданія Грассера (1615 года), я сравнилъ текстъ ея съ отрывкомъ перепечатаннымъ въ обоихъ Эльзевирскихъ изданіяхъ и съ текстомъ полученнаго мною послѣ Мангардова изданія [2]). Подробно разсмотрѣвъ этотъ источникъ, я сдѣлалъ критическія замѣчанія о его достоинствѣ и помѣстилъ ихъ въ Анналахъ Краковскаго ученаго общества [3]). Этотъ трудъ былъ первымъ опытомъ на поприщѣ критики источниковъ литовской миѳологіи. Если я относительно нѣкоторыхъ объясненій и перемѣнилъ въ настоящее время свое мнѣніе, о чемъ отчасти упомяну впослѣдствіи, во всякомъ случаѣ, льщу себя надеждою, что общій результатъ выдержитъ и самую строгую критику.

При изученіи сочиненія Ласицкаго легко замѣтить, что оно состоитъ изъ четырехъ главныхъ частей, принадлежащихъ различнымъ авторамъ.

Первая или вступительная часть, заключающая въ себѣ описаніе Жмуди и нравовъ ея жителей, есть по большей части выписка изъ сочиненій Мѣховиты (Длугоша), Гва-

гнина и Михайлона, на которыхъ онъ и ссылается. Къ заимствованнымъ у нихъ свѣдѣніямъ онъ присоединяетъ и свои собственныя примѣчанія. На этой части мы не будемъ останавливаться, такъ какъ она для настоящаго реферата имѣетъ только второстепенное значеніе [4]).

Вторая часть составляетъ настоящее содержаніе диссертаціи; о ней, какъ главной, обширнѣе поговоримъ въ концѣ; теперь же займемся остальными, менѣе важными частями.

Въ третьей части мы читаемъ его нападки на честь, отдаваемую святымъ, которыхъ авторъ называетъ dii falsorum Christianorum. По мнѣнію Гримма часть эту авторъ составилъ уже послѣ окончанія своего труда, потому что незамѣтна связь между ней и предшествующею частью; Мангардъ замѣчаетъ также, что эта часть не имѣетъ никакой связи съ предыдущею [5]). На сколько это мнѣніе основательно, мы узнаемъ ниже.

Четвертая часть вся перепечатана изъ разсужденія Яна Малецкаго, онѣмеченнаго польскаго протестанта, пастора въ Элкѣ [6]). Личность эта является въ литературѣ подъ различными именами. Онъ самъ чаще всего подписывается Maeletius въ польскихъ, латинскихъ и нѣмецкихъ сочиненіяхъ [7]). Поводомъ къ составленію этого разсужденія, по его замѣчательнымъ сообщеніямъ о язычникахъ, еще живущихъ въ Европѣ, нѣсколько разъ перепечатаннаго, послужила элегія, которую сочинилъ для кардинала Бембо первый ректоръ Кролевецкаго университета *Сабинусъ*, или вѣрнѣе „Schüler“ [8]). Въ ней упоминается, что онъ попалъ въ языческую страну, въ которой еще отдается честь змѣямъ, и божествамъ приносятъ въ жертву козла [9]). Малецкій, получивъ эту элегію отъ сына Гіеронима, пожелалъ познакомить ближе Сабина съ язычествомъ Пруссаковъ и потому составилъ въ видѣ письма къ этому ректору разсужденіе подъ заглавіемъ: Libellus de sacrificiis et idolatria veterum Borussorum, Livonum aliarumque vicinarum gentium per Ioa. Maeletium. Часть эту слѣдуетъ разобрать особо, какъ потому, что авторъ ея Малецкій, а не Ласицкій, такъ равно по причинѣ источниковъ, изъ которыхъ онъ заимствовалъ. Мы удовольствуемся только замѣчаніемъ, что рѣзко бросаются въ глаза два главные источника: одинъ, изъ котораго авторъ намъ сообщаетъ имена прусскихъ божествъ, и другой, въ которомъ находились смѣшанныя свѣдѣнія о литовскихъ и бѣлорусскихъ обычаяхъ. Но мы удивляемся легкомыслію Малецкаго, который хорошо зналъ по польски и не замѣтилъ, что смѣшиваетъ литовское съ бѣлорусскимъ [10]). Но не смотря на то, критическая обработка письма Яна Малецкаго, равно какъ и письма сына его Гіеронима, броситъ нѣкоторый свѣтъ на литовско-прусскую миѳологію.

Обратимся теперь ко второй части, какъ самой важной; въ ней авторъ исчисляетъ множество божествъ, говоря при томъ, что свѣдѣнія о нихъ получилъ отъ *Якова Лясковскаго*, чиновника „minoris dignitatis“, чѣмъ сенаторъ Кишка [11]). Для оцѣнки достовѣр-

ности свѣдѣній необходимо намъ обратить вниманіе на обѣ эти личности, т. е. на Ласицкаго и Ласковскаго и познакомиться съ ними ближе.

Янъ Ласицкій родился 1534 г. въ предѣлахъ Великой Польши [12]). На 24 году своей жизни (1558) былъ во Франціи [13]), спустя 6 лѣтъ (1564) посѣтилъ Женеву и присутствовалъ при кончинѣ Кальвина [14]), за тѣмъ отправился въ Гейдельбергъ „studiorum gratia“, какъ самъ говоритъ (въ 1567). Возвращаясь въ Польшу, изъ Страсбурга (1571 г.) онъ направляется въ Прагу и Болеславице, чтобы тамъ посѣтить „Чешскихъ братьевъ (fratres Bohemorum), во главѣ коихъ стоялъ „Johannes Calephus, vir gravis et severus, ut sunt omnes“ [15]). Въ концѣ 1577 года Ласицкій издалъ два сочиненія: „Clades Dantiscana“ и „Historia de ingressu Polonorum in Valachiam“: оба онъ написалъ въ Барцинѣ, деревнѣ, лежащей въ Великой Польшѣ недалеко Быдгощи и принадлежавшей тогда зажиточному и знатному семейству *Кротовскихъ*.

Въ 1580 году онъ необходимо долженъ былъ быть въ Литвѣ, потому что онъ тогда кончалъ свое разсужденіе: de diis Samogitarum, какъ мы объ этомъ читаемъ въ предисловіи Грассера. Въ 1582 Ласицкій былъ въ Краковѣ [17]); въ слѣдующемъ же году онъ опять живетъ въ Вильнѣ, гдѣ писалъ сочиненіе: Pro Volano et puriore religione etc. scriptum apologeticum [18]).

Съ тѣхъ поръ, какъ кажется, онъ жилъ постоянно въ Литвѣ и именно въ Вильнѣ. Послѣднее извѣстіе о немъ имѣется въ 1599 году, въ которомъ онъ окончилъ свою исторію Братьевъ Чешскихъ въ Заславѣ на Литвѣ [19]), въ домѣ своего воспитанника Миколая Хлѣбовича [20]). Не извѣстно, когда и гдѣ умеръ.

Эти положительныя свѣдѣнія я заимствовалъ изъ самихъ словъ Ласицкаго, находящихся въ разныхъ его сочиненіяхъ и изъ упоминаній въ примѣчаніяхъ сочиненія Лукашевича. Вѣроятно много свѣдѣній кроется въ разныхъ книгахъ, особенно же въ письмахъ Турновскаго, лучшаго друга Ласицкаго; мнѣ пришлось пользоваться только скудными отрывками изъ писемъ Турновскаго, доказывающими дружескія между ними сношенія. Ласицкій былъ завзятый врагъ католицизма и православія: онъ пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы только нападать на католицизмъ; но и православія онъ не оставлялъ въ покоѣ, особенно же воевалъ съ нимъ въ сочиненіи: „Theologia Moscovitica“ [21]). Я не могъ доискаться, гдѣ онъ получилъ первоначальное образованіе; знаю только, что въ зрѣломъ возрастѣ по большей части проводилъ время за границей, входя въ близкія сношенія съ различными сектами, а именно съ Кальвинистами и Братьями Чешскими. Въ Польшѣ держался знатныхъ домовъ польскихъ протестантовъ и жилъ въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Андреемъ Воляномъ, съ Андреемъ Хржонстовскимъ, Станиславомъ Судровскимъ, Ѳеофиломъ Турновскимъ и со многими другими. Вездѣ разхваливалъ онъ свое ученіе, велъ различную корреспонденцію съ иновемцами, и, написавъ лестное мнѣніе о Братьяхъ Чешскихъ, послалъ его извѣстному кальвинисту Беза, который его хотѣлъ даже

напечатать. Мы читаемъ также, что Стефанъ Баторій высылалъ его за границу съ дипломатической миссіей, но куда и за какими дѣлами—не извѣстно. Прежде я сомнѣвался въ этомъ [22]), но теперь убѣдило меня свидѣтельство самаго Ласицкаго.

Мы уже упомянули, что авторъ прожилъ извѣстное время за границей, гдѣ велась усиленная борьба между католиками и приверженцами новаго ученія; далѣе извѣстно, что онъ жилъ въ домѣ Яна Кротовскаго, который, будучи протестантомъ, поручилъ ему воспитаніе своихъ сыновей [23]). Но, не смотря на усердіе учителя, одному изъ нихъ—старшему, Яну, не понравилось протестантское ученіе и онъ обратился въ католицизмъ, такъ что Папроцкій называетъ его „catholicissimus". По этому обстоятельству и Ласицкому не было удобно долго сидѣть въ домѣ Кротовскаго, и думаю, что сами Кротовскіе выхлопотали для него мѣсто у Хлѣбовича, также усерднаго протестанта, жившаго въ Вильнѣ. Янъ Хлѣбовичъ, „Castellanus Minscensis, mag. duc. Lituaniae thesaurarius, Upitensis capitaneus", былъ женатъ на дочери воеводы, и нуждался тогда въ учителѣ для двухъ сыновей. Такимъ-то образомъ я объясняю себѣ переселеніе Ласицкаго изъ Великой Польши на Литву. Къ этому времени относится и его сочиненіе „de Diis Samogitarum", и теперь главный вопросъ въ томъ: *могъ ли Ласицкій на столько успѣть въ литовскомъ языкѣ и столько изучить жмудскія божества, чтобы его считать авторитетомъ по этому предмету?*

Мы знаемъ, что Ласицкій былъ уроженцемъ той области, которая теперь составляетъ Великое княжество Познанское, гдѣ не говорятъ по литовски; потомъ зрѣлый возрастъ провелъ за границей, гдѣ также никто не занимался этимъ языкомъ; наконецъ проживалъ до конца 1577 года въ Барцинѣ, деревнѣ въ Познанскомъ княжествѣ—вотъ почему пріѣзда своего въ Вильну никакъ онъ не могъ знать литовскаго языка. Трудъ свой о жмудскихъ божествахъ написалъ 1580 года, къ чему, конечно, побудило его близкое сношеніе съ литовскимъ народомъ. Очень естественно, что тотчасъ послѣ пріѣзда не взялся же онъ за составленіе упомянутаго сочиненія. Слѣдовательно, его переѣздъ въ Вильну совпадаетъ съ 1578 или 1579 годами. Въ этотъ двугодичный промежутокъ времени онъ не могъ выучиться по литовски во-первыхъ потому, что для этого онъ не имѣлъ никакой надобности и нужды, во вторыхъ занятіе его съ дѣтьми Хлѣбовича не мало поглонцало времени. Къ этому прибавимъ, что онъ принималъ весьма дѣятельное участіе въ религіозныхъ преніяхъ, производившихся тогда въ Вильнѣ и вообще въ религіозныхъ вопросахъ, которые всегда и вездѣ стояли у него на первомъ планѣ.

Итакъ, разсматривая Ласицкаго съ этой точки зрѣнія, у насъ поневолѣ рождается недовѣріе какъ къ формамъ литовскаго языка, сообщеннымъ имъ, такъ и къ ихъ значенію и вообще ко всему его труду, на томъ основаніи, что автору не возможно было въ это короткое время сдѣлать настоящее изслѣдованіе. Даже самъ Ласицкій сознается, что свѣдѣнія о божествахъ сообщилъ ему *Яковъ Лясковскій* „inter eos.. fuit Jacobus Lascovius,

Polonus nobilis, tractus Calissiensis, *ex quo haec percepi.* Мы очень мало знаемъ объ этой личности. Ласицкій говоритъ, что онъ уроженецъ Калишскаго воеводства, что король Сигизмундъ-Августъ поручилъ ему надѣлить Жмудиновъ, жившихъ до того времени разбросанно, недвижимымъ имуществомъ. И дѣйствительно Лясковскій въ это время раздѣлилъ 40,000 влукъ (600,000 десятинъ) королевской земли, назначивъ каждому „по 3 влуки, за которыя должны вносить въ казну по 5 злотыхъ". Кромѣ этого Ласицкій говоритъ, что Лясковскій много задавалъ себѣ труда, чтобы отвести народъ отъ язычества. У Напроцкаго подъ гербомъ: Брогъ или Ленцицъ значится домъ Лясковскихъ въ Калишскомъ воеводствѣ; также упоминается, что Якобъ Лясковскій былъ ревизоромъ Жмудской земли. Вѣроятно онъ тотъ самый, о которомъ говоритъ Ласицкій. Лукашевичъ причисляетъ Лясковскихъ изъ Великопольши къ приверженцамъ протестантизма [24]), въ чемъ убѣждаетъ насъ и замѣчаніе Ласицкаго: „что Лясковскій старался набожно воспитать Жмудиновъ. Еслибы Лясковскій былъ католикъ, Ласицкій не сказалъ бы этого.

Вотъ и все, что знаемъ до сихъ поръ о Лясковскомъ [25]). Порученіе, данное ему, было не легко и требовало много времени. Не такъ легко и скоро размежевать 40,000 влукъ и раздѣлить ихъ между 14,000 человѣкъ, которыхъ надо было еще собрать и уговорить къ осѣдлой жизни. Онъ находился въ самомъ центрѣ Литвы, между народомъ, знающимъ конечно только свой языкъ. И такъ онъ долженъ былъ выучиться, хотя поверхностно, мѣстному языку, чтобы имѣть вліяніе на народъ, который онъ старался отвлекать отъ язычества. Это обстоятельство и могло побудить его къ ознакомленію съ литовскими божествами. Взявъ все это во вниманіе, мы въ правѣ заключать, *что сообщенія Лясковскаго могутъ быть достовѣрны.* По службѣ ему необходимо было пріѣзжать и въ Вильну съ разными отчетами и рапортами, которые вѣроятно еще хранятся въ архивахъ. Тутъ то онъ и познакомился съ Хлѣбовичемъ, какъ съ казначеемъ Великаго княжества Литовскаго—а слѣдовательно и съ Ласицкимъ, жившимъ въ его домѣ. Этотъ боецъ на аренѣ религіозныхъ споровъ конечно не разъ толковалъ съ Лясковскимъ о своемъ любимомъ предметѣ и нападалъ на почитаніе святыхъ, такъ какъ оба были протестанты—и это вообще было, такъ сказать, въ модѣ. При этомъ случаѣ касались языческихъ божествъ, съ которыми въ это время иновѣрцы любили сравнивать святыхъ. Лясковскій, естественно, не могъ не касаться божествъ литовскаго народа, среди котораго онъ проживалъ. Что проще этого? Но все таки разговоръ былъ случайный, потому, что трудно предполагать, чтобы Лясковскій нарочно пришелъ съ приготовленными заранѣе записками къ Ласицкому, съ которымъ, по всей вѣроятности, до того времени не былъ знакомъ. Ласицкій же списывалъ себѣ главное содержаніе бесѣдъ, потому что запомнить 5 или 6 литовскихъ фразъ и около 80 литовскихъ словъ съ ихъ значеніемъ—это, по моему мнѣнію, не легко.

Такимъ-то образомъ, думаю, мы приготовили почву для оцѣнки сочиненія Ласицкаго и такъ мы объясняемъ себѣ генезу второй части этого сочиненія.

Слѣдовательно, если Ласицкій, не зная по литовски, дѣлалъ записки со словъ Лясковскаго, то онъ могъ ошибиться относительно вѣрности литовскихъ формъ, и это было бы простительно, но, во всякомъ случаѣ, *значеніе ихъ должно быть вѣрное. Если же мы найдемъ, что отмѣченное значеніе не отвѣчаетъ—не только одному, но множеству литовскихъ словъ: то намъ необходимо искать другой какой-нибудь посторонней причины.* Вся трудность состоитъ въ рѣшеніи вопроса: измѣнила-ли память Лясковскому, въ чемъ я сомнѣваюсь,—или самъ Ласицкій, или же, наконецъ, оба вмѣстѣ преднамѣренно исковеркали значеніе словъ—и съ какой цѣлью? Безъ сомнѣнія было бы весьма интересно узнать это для характеристики этихъ личностей и рода ихъ дѣйствій, но первое, для оцѣнки нашего источника, дѣло второстепенное, второе, т. е. съ какой цѣлью они преднамѣренно литовскимъ словамъ давали другое значеніе, выяснится ниже, а главное то, *что источникъ не чистъ.*

Перебирая божества, упоминаемыя Ласицкимъ, мы находимъ въ самомъ дѣлѣ нѣсколько названій, дѣйствительно относящихся къ литовскимъ божествамъ, изъ которыхъ большинство въ высочайшей степени исковеркано и изувѣчено, такъ что нерѣдко бываетъ трудно догадаться объ ихъ настоящей формѣ. Къ этимъ божествамъ принадлежатъ: *Perkunas* (молитву къ нему во время бури я считаю подлинною) [26]. *Perkunu teta* или можетъ быть Percunatele[27]). *Auszra*—богиня утренней зари[28]); *Medziojma*—богиня охоты[29]); *Vajsgamtas* или *Vaisgamts* [38])—божество плодовъ; *Gabie*—божество огня [41]), къ которому причисляю *Pelengabie* [45]), *Matergabie* [43]); подлежитъ нѣкоторому сомнѣнію относительно значенія: *Ażpelenis* [46]). *Tratitojas Kibirksztiu*—божество: Тушитель искоръ [42]); *Laukopats* [35]) —полевое божество; *Ruggiu Żemepats*[36])—божество или демонъ ржи; и *Żemina*[31]) (Zeminele), *Zemieninkas* божество. *Numadiewas* [39]), а можетъ быть *Numdiewas*—домашній Богъ (домовой?). *Kierpiczus* [48]) і *Sziliniczus* [48]),—первый божество мха, другой лѣса. Но *Żemepatis* или *Żemepats* [50]) (Zempats) означаетъ вообще божество низшаго разряда, плодовъ и т. п. (обитающее на землѣ?); *Dëvaitis* [51]) вообще божество; *Auksztejas Visagalis* [32])—всемогущій, присущій на небесахъ, эпитетъ самаго высшаго Бога; и *Tawals* [31]) также почетное только названіе. Къ демонамъ принадлежатъ: *Aitwaras* [52]) и *Kaukai* [53]); къ священнымъ змѣямъ: *givata* [54]) или *givate.*

Вотъ и всѣ почти божества, или эпитеты божествъ, или обожаемые предметы. Еще къ литовскому вѣрованію принадлежитъ: *Ragana* [55]); это не silvestris dea, какъ сообщаетъ Ласицкій, а только волшебница. Точно также: *Smik, Smik, per velenu*[56]), не божество, а формула колдуна. Но большую часть божествъ, приведенныхъ Ласицкимъ, я причисляю къ выдумкамъ, и даже къ преднамѣреннымъ, литературнымъ поддѣлкамъ. И такъ: *brekszta* не есть dea tenebrarum, а глаголъ: *свѣтаетъ*; *Bezleje* не dea vespertina, а значитъ также свѣтаетъ. *Luibegeldae* (sic.) не *divae* [57]), а изуродованыя начальныя слова загадки, не имѣющей никакой связи ни съ божествами ни съ вѣрованіемъ. *Liginczus,* по всей вѣроятности, не deus—qui concordiae inter homines et auctor est et conservator, а человѣкъ,

примиряющій людей между собою, какъ и *Derintojis*, мировой судья, (нынѣ называется *Prederus*), а не божество (см. прим. 65 s. v. Liginczus). *Duotojas*, податель, человѣкъ; и божество можно назвать подателемъ, только duotojas не собственное имя. *Bentis* не богъ, qui efficit ut duo vel plures simul iter aliquo instituant; это имя слѣдуетъ читать: *Bendras*, товарищъ, спутникъ. *Budintaja* или *Budintoja*, не богиня, quae hominem dormientem excipit, а баба, будящая спящихъ батраковъ. Акелевичъ [58]) объясняетъ этотъ обычай, говоря, что на Литвѣ баба обыкновенно будитъ спящихъ, отчего и она называется Budintoja. Съ зажженной лучиною въ рукахъ она будитъ ихъ словами: Kad jus dëvai pajimtu, virai, këlkites! Чтобъ васъ Боги поимали, люди, подымайтесь. *Dugnai* не dea, (quae) praeest farinae subactae, а просто дно (срав. дъгно) *Ublanicze* (sic) не deus (sic) cui curae est omnis supplex, а въ *Ubladnicze* сохраняется suppelex, слѣдовательно, это родъ сарая для сохраненія вещей различнаго рода. Также какъ и *Ratajnicze* (Лас. Ratajnicza) не equorum habetur deus, а *Ratanicze*—сарай, отъ *ratas* колесо. Объ *Apidome* пишетъ Ласицкій, что это deus mutati domicilii. Nato cujusvis generis vel coeco vel debili pullo, actutum sedes mutantur. Кажется что слѣдуетъ читать *Apideme*, которое, какъ происходящее отъ *api* і *dëti* или *dieti*, можетъ означать заборъ, ограда. Много застѣнковъ на Литвѣ называются *Apidome:* можетъ быть, что Ласицкій объ этомъ и говоритъ. *Varpulis*, сообщаетъ Ласицкій, is esse putatur, qui sonitum ante et post tonitru in aëre facit. Это вѣрно, только что *Varpuolis* не божество, а колокольчикъ. Чтоже намъ сказать о другихъ будтобы божествахъ, какъ напр. *Szluotrazis*, о которыхъ, по словамъ Ласицкаго, литовцы христіанамъ не охотно говорятъ, что дѣлаютъ. Между тѣмъ szluotrazis означаетъ старую метлу, окомелокъ. Но такого Бога кажется не знаетъ ни одинъ миѳологъ, даже и не слыхалъ о немъ.

Austheja, говоритъ Ласицкій, apum (dea). *Auszteja* nomen agentis женскаго рода отъ auszti жужжать, кажется простонародное названіе въ мѣсто bitte, bittine—пчела.

Ezernis а лучше Ezerinis—прилагательное отъ ezeris, ezeras озеро—подразумевая *dëvaitis*, можетъ означать божество. *Kurwaiczin Erajczin* (sic) agnellorum est deus; между тѣмъ Kurwaiczin по всей вѣроятности прилагательное (отъ Kurwaite или Karwaite—коровка) *Karwaitinnis*, *Karwaiczinnis;* отчего у Ласицкаго (сокращенное?) karwaiczis, которое онъ неумѣстно сообщаетъ даже въ формѣ латинскаго винительнаго падежа; *Eraiczin* точно также отъ *ëras*—ягненокъ, dim. ëraitis, прилагательное ëraitinnis, ërajczinnis [59]). *Priparscis* est, qui augere nefrendes existimatur. Но *parszas* или *parszis* значитъ: *поросенокъ;* pri—при; слѣдовательно *Priparszis* будетъ человѣкъ, пастухъ поросятъ. *Krukis* же, о которомъ Ласицкій: suum est deus, qui religiose colitur ab Budrajcis, hoc est fabris ferrariis—не божество, но просто *свинья;* производится отъ krukuoti—хрюкать и, по моему мнѣнію, это простонародное названіе этого животнаго будтобы: „хрюкунъ". Прибавленіе же, что она почитается Budrajsis'ами, не имѣетъ смысла, по тому что Budrajtis имѣетъ

связь съ словомъ *budrus*, бодрствующій (сравни Budrys собственное имя), а не съ кузнецами, которые по литовски называются *Kalwis*, или *Kalis*. Все выше упомянутое бросаетъ странный свѣтъ на „работу" Ласицкаго. Еще на одно обстоятельство обращу вниманіе: у Прэторіуса я читалъ, что пруссаки въ извѣстные праздники приносили божествамъ „Kiaulu krukei" т. е. свиньи рыла? Рыло или хрюкало по литовски *Kruke*, произходящее отъ того же корня *Kruk*, отъ котораго образуется глаголъ Krukiu, хрюкаю. Имѣлъ-ли это Лясковскій въ виду, разсказывая Ласицкому о крукисѣ? трудно рѣшить. Во всякомъ случаѣ—это слово не обозначаетъ божества. Ласицкій приводитъ также между многими другими божествами и божество *Alabathis*, quem linum pexuri in auxilium vocant. Послѣ продолжительнаго обдумыванія, что именно Ласицкій этимъ хотѣлъ сказать, я пришелъ къ слѣдующему результату: взявъ въ соображеніе то, что женщины сходятся по вечерамъ, чтобы прясть и что при этомъ занятіи развлекаютъ себя загадками и пѣніемъ, думаю, что *Alabathis*, будетъ начало какой-то пѣсни. Случайнымъ образомъ я припомнилъ себѣ, что читалъ одну пѣсню у Несселманна, которая начинается словами:

Ej Bati, Bati
Batużi mano
Perlejsk man tą mergitę. [60]).

Вслѣдствіе этого, я раздѣлилъ Alabathis на Ala—Batis; первую часть я принимаю за родъ восклицанія, которое, смотря по мѣстности, принимаетъ различные виды. У самаго Несселманна находится другое восклицаніе въ пѣснѣ, а именно: Aj—da Batis [61]). Въ другомъ словѣ я нахожу литовское Batis, русское батько, батюшка, хотя Несселманнъ принимаетъ его въ смыслѣ собственнаго имени. Но изъ самой пѣсни можно убѣдиться въ томъ, что *batis* означаетъ *„отца"*, по тому, что переведя ее по русски, будетъ:

Ой Бати, Бати
Мой Батуже
Отдай мнѣ эту дѣвицу,

а вѣдь у отца просятъ руки дочери; это самое естественное. И читая отвѣтъ этого *batis'a*

Wejkiaus perleiszczau
Tris ubus lauko,
Ne kajp sawo mergite.

т. е. Охотнѣе я далбы
Три влуки земли,
Чѣмъ свою дѣвицу.

мы не можемъ сомнѣваться въ томъ, что это отвѣтъ отца, именно и потому, что mergite означаетъ и *дочку;* Несселманнъ прямо переводитъ: tochter.

Оставляя рядъ другихъ словъ, обозначающихъ будтобы божества [65]), изъ которыхъ извѣстную часть мнѣ не удалось разгадать, я долженъ обратить вниманіе еще на одно

божество, приведенное Ласицкимъ слѣдующими словами: *Pizio* juventus, sponsam adductura sponso, sacra facit. По видимому, Pizio, литовское слово съ латинскимъ окончаніемъ дательнаго падежа. По литовски *Pize* означаетъ: cunnus, vulva [62]). Нельзя допустить, чтобы Лясковскому, жившему такъ долго въ Литвѣ, среди народа, который безцеремонно употребляетъ слова въ собственномъ ихъ смыслѣ, не было извѣстно настоящее значеніе этого слова. Ежели онъ зналъ, то почему позволилъ себѣ такую неумѣстную шутку? Можетъ быть, онъ хотѣлъ посмѣяться надъ Ласицкимъ? Съ другой стороны поражаетъ насъ странное легковѣріе Ласицкаго, который въ религіозныхъ вопросахъ придерживался столь крайней критики, Лясковскому же, человѣку совершенно чужому, вѣрилъ на слово. Вѣдь въ самой Вильнѣ онъ могъ провѣрить значеніе словъ. И такъ, передъ нами съ одной стороны видимая ложь и обманъ—съ другой тенденціозностью ослѣпленное легкомысліе и недобросовѣстность въ передаваніи свѣдѣній. Весьма страннымъ покажется еще одно, Ласицкимъ сообщенное, извѣстіе, которое, по моему мнѣнію, онъ или Лясковскій нарочно запутать: Sunt etiam quaedam veteres nobilium familiae, quae peculiares colunt deos, ut.... Schemietana et Kiesgaliana Ventis *Rekiczio-vium*, aliae alios. Въ началѣ, когда я еще вѣрилъ Ласицкому (а кто до сихъ поръ не вѣрилъ ему?), я обрадовался нашедши по имени родовыхъ боговъ, но когда я началъ повѣрять его и собирать историческія и генеалогическія свѣдѣнія объ этихъ родахъ и семействахъ, я пришелъ къ странному и въ этомъ отношеніи результату. Проживалъ себѣ на Жмудзи богатый дворянинъ Rekutis, по польски Rekuć; у него была единственная дочь—по польски Rekuciowna—мужскаго потомка не было. Отецъ ее выдалъ за мужъ за князя Kiesgaiło съ тѣмъ, чтобы князь присоединилъ къ своей фамиліи имя: Rekutis. Съ тѣхъ поръ эта линія Кесгайловъ называлась Kiesgajło-Rekutis. Нашъ Станиславъ Кесгайло-Рекуть, жмудзкій староста, былъ сыномъ Яна, жмудзкаго старосты, умершаго 1484 года. Этимъ и объясняется домашнее божество семейства Кесгайловъ! Отъ имени Rekuciowna произошло Лясковскаго и Ласицкаго: Rekiczovius [63]). Относительно слова: *Ventis* сообщилъ мнѣ г. Прэкеръ, что это названіе деревни или мѣстечка, но я нашелъ только рѣку *Venta*. Что же касается Шеміотовъ [64]), то они были родственниками Кесгайловъ и получили отъ нихъ наслѣдство, почему и Rekuciowna—наслѣдница большихъ имуществъ, могла быть въ самомъ дѣлѣ покровительницею этихъ родовъ, но не божествомъ.

Узнавъ довольно о содержаніи этой главной части, считавшейся до сихъ поръ самою важною, обратимся опять къ третьей, изъ которой, при внимательномъ разсмотрѣніи, мы можемъ заключать о тенденціи, которою руководился авторъ при составленіи своего памфлета. Мы уже выше упомянули о томъ, что въ ней говоритъ авторъ о святыхъ, признаваемыхъ въ христіанской церкви, по моему мнѣнію съ тою цѣлью, чтобъ ихъ сравнить съ языческими божествами и показать превосходство новой вѣры, отвергающей почитаніе святыхъ. Но такъ какъ ему больше были извѣстны имена святыхъ, чѣмъ литовскихъ или жмудзскихъ божествъ, то этотъ недостатокъ пополнилъ

Ласицкій тѣмъ, что всякое литовское слово, которое слышалъ отъ Лясковскаго, причислилъ къ сонму божествъ. Если сличить между собою нѣсколько мѣстъ, то эта тенденціозность окажется со всею достовѣрностью.

Чтобы это было болѣе нагляднымъ поставимъ соотвѣтственныя мѣста возлѣ себя:

II часть	III часть
Tratitojas kibirksztiu deaster est, qui scintillas tugurii restinguit.	Florianus miles incendia restinguit.
Audros Deo maris ceterarumque aquarum cura incumbit.	Nicolaus, *quasi alter Neptunus* (опять очевидное сравненіе съ римскимъ божествомъ) maris curam agit.
Pelengabie diva est, cui foci lucentis administratio creditur.	Ignis Agathae seu Vestae (опять срав. съ греческимъ божествомъ) datus, est curandus.
Perkunas deus tonitrus illis est, quem *coelo tonante agricola... hisce verbis alloquitur: Cohibe te* etc.	Canitur et B. Virgini *exortis procellis istud carmen: Ave maris stella* etc.

Теперь же онъ зналъ, что Vendelinus считается покровителемъ овецъ, Eulogius лошадей, Pelagius рогатаго скота, Antonius нерогатаго скота: имъ должны соотвѣтствовать литовскія божества; слѣдовательно, для овецъ придумалъ Eraitinnis т. е. принадлежащій къ овцамъ (или Eraitis ягненокъ?), для коровъ божество Karwaitinnis, для лошадей Ratajnicze т. е. ремизу, для божества нерогатаго скота: Krukis т. е. „хрюкуна" или Priparszis т. е. свинопаса и т. п.

Не желаю продолжать этого каталога: Ласицкій оканчиваетъ перечень литовскихъ божествъ словами: *Praeterea sunt certis agris singulares dei*, videlicet Diewaitis etc. а въ третьей части повторяетъ это почти тѣми же словами, говоря о христіанскихъ святыхъ: *praeterea sunt patroni terrarum constituti* non divina sed humana voluntate: Stanislaus Polonorum, Albertus Prussorum etc.

Намѣреніе не только сравнить но и прировнять святыхъ къ языческимъ божествамъ видно также въ словахъ, съ которыхъ начинается 3 часть. Изчисливъ мнимыхъ литовскихъ боговъ, Ласицкій продолжаетъ: Isti sunt pluresque alii vulgi Samogitarum dii..... et Christiani, qui unico omnipotenti numine minime contenti, et *tam Samagitas* quam *veteres idololatras imitati,* alios sibi adjutores finxerunt (какъ Ласицкій для жмудзиновъ). Къ тому же заключенію приводитъ насъ и самое заглавіе: de diis *Samogitarum* et falsorum *Christianorum*.

Вотъ по чему смѣю утверждать, что есть связь между этими двумя частями и связь тѣсная, которой не нашли извѣстные ученые, какъ Якобъ Гримъ и Мангардтъ.

Мы убѣждены въ томъ, что Ласицкій не столько хотѣлъ представить жмудскихъ боговъ, о которыхъ болѣе точныя свѣдѣнія могъ собрать въ самой Вильнѣ, сколько издѣваться надъ христіанскою церковью, поклоняющеюся святымъ угодникамъ, употребляя для своей цѣли хитрый подлогъ. Этимъ онъ желалъ заставить своихъ читателей отказаться отъ своего догмата и перейти на сторону его ученія. На сколько онъ успѣлъ въ этомъ въ свое время, мнѣ не извѣстно, но послѣдствія свидѣтельствуютъ о противномъ. Народъ онъ не привлекъ къ себѣ, однако съ достовѣрностью могу сказать, что ему удалось въ продолженіи трехъ столѣтіи держать ученыхъ въ заблужденіи.

Примѣчанія:

¹) Разобравъ и сравнивъ между собою источники, которые я могъ достать, я пришелъ къ тому заключенію, что они по большей части достовѣрны до половины XVI вѣка, источники же съ другой половины того же вѣка, написанные послѣ Grunau'а, монаха изъ Толкемитъ, которые находились подъ вліяніемъ этого автора, весьма сомнительны; они даже отчасти распространяютъ ложныя свѣдѣнія.

²) Joh. Lasicii Poloni de diis Samogitarum libellus, herausgegeben von W. Mannhardt mit nachträgen von Bielenstein. Riga 1868.

³) Jan Łasicki, źródło do mytologii litewskiej, ocenił Antoni Mierzyński. Kraków 1870. (Написанное мною на желаніе г. Мангарда).

⁴) Подробно укажу на составныя части въ критическомъ изданіи сочиненія Ласицкаго.

⁵) Mannhardt l. l. p. 28. По моему эта часть никакимъ образомъ не можетъ быть выпискою (Excerpt), она принадлежитъ Ласицкому.

⁶) Элкъ или Лыкъ, городъ въ Прусіи.

⁷) Собирая свѣдѣнія о жизни и сочиненіяхъ Малецкаго, я нашелъ, что въ ссылкахъ на его сочиненія (а именно на сочиненіе, о которомъ сейчасъ упомяну) онъ является подъ 9 различными названіями, какъ: Malecius, Maletius, Maeletius, Meletius, Miletius, Malecki, Maleczki, Maelecki и наконецъ Menecius. Это свидѣтельствуетъ о добросовѣстности ссылающихся.

⁸) Эта элегія находится въ поэтическихъ произведеніяхъ Сабина: Poemata et Epistolae. Liber Elegiarum quintus, Elegia V-ta Ad Cardinalem Bembum.

⁹) Сюда принадлежатъ слѣдующіе стихи:

Namque ferox hominum genus est et agreste sub arcto
Notitiam nondum quod pietatis habet,
Caeruleos instar sed adorat numinis angues
Mactatoque litat sacra nefanda capro.

¹⁰) Конечно Малецкій самъ говоритъ, что „fit hisce verbis *lingua Ruthenica* funebris lamentatio: Ha lele i procz ti mene umarl? i za ti nie miel szto jesti, abo piti? i procz ti umarl? ha, le le, i za ti nie miel krasnoje mlodzice? i procz ti umarl? Слѣдующія же

слова: strictisque gladiis verberant auras, vociferantes: Gejgejte begaite pekelle. Eja fugite daemones in Orcum—въ литовскихъ формахъ изуродованы; попытки возстановить ихъ настоящимъ образомъ, неудачны; взявъ въ соображеніе латинскій переводъ, слѣдуетъ читать: „begikit(e), dëvaitei, pikolle“.

[11]) Summus toti regioni, dum vivit, praeest Lituanicus senator: hodie est vir eximius Johan. Kisska Palatino Vitepscensi natus. Inter eos, qui minoris dignitatis sunt, fuit Jacobus Laskovius, Polonus nobilis, tractus Calissiensis, ex quo haec percepi.

[12]) Это слѣдуетъ изъ письма, находящагося въ родѣ предисловія, при его сочиненіи: Исторія Братьевъ Чешскихъ: Zaslavi Lituanorum, 12 die januarii Anno Christi 1599 aetatis meae 65.

[13]) Слѣдуетъ изъ предисловія къ „Clades Dantiscana“ „Hanc autem lucubratiunculam eodem animo, quo me miles annis abhinc 19 in Gallia complexus es, quaeso te, accipe. Barcini anno MDLXXVII 20 maji.

[14]) Въ предисловіи сочиненія Воляна: Andreae Volani libri quinque. Contra Scargae jesuitae Vilnensis septem Missaeque sacrificiique ejus calumnias etc. Vilnae etc. per Danielem Lancicium Anno Dom. 1584. 4-to „Habes in familia illustrique aula tua Joannem Lasicium“.... (qui) „quamvis Calvini morti anno 1564 interfuerit“ etc.

[15]) Въ его исторіи Братьевъ Чешскихъ p. 277. „Anno 1567 proficiscens mense Aprili *studiorum gratia* Heidelbergam et deinde 1571. Argentorato domum revertens, deflexi nonnihil ex itinere ad fratres (чешскихъ) *Pragam* atque *Boleslariam*, quorum eo tempore antistes per Bohemiam fuit, Johannes Calephus, vir gravis et severus, ut sunt omnes“.

[16]) Clades Dantiscana An. Dom. MDLXXVII Aprilis a Joanne Lasicio Polono descripta..... а въ предисловіи Barcini Anno MDLXXVII XX Maii.

Въ предисловіи къ сочиненію: Johannis Lasicii Historia de ingressu Polonorum in Valachiam. Barcini MDLXXVII.

[17]) Предисловіе сочиненія „De Russorum, Moscovitarum et Tartarorum religione, sacrificiis, nuptiarum, funerum, ritu подписано Ласицкимъ въ Краковѣ A. D. MDLXXXII.

[18]) Предисловіе подписано: „Vilnae LDLXXXIII exeunte“.

[19]) Ср. прим. 12.

[20]) Łukaszewicz, dzieje Wyznania Kościoła helweckiego w Litwie. Poznań 1843. Томъ второй p. 285. Лукашевичъ, ученый рѣдкой начитанности есть первый, который сообщилъ положительныя данныя для біографіи Ласицкаго. Собравъ рѣдкія книги и болѣе рѣдкія рукописи, относящіяся къ польской исторіи и литературѣ, онъ составилъ себѣ цѣнную библіотеку. Множество книгъ, на которыя онъ ссылается,—уникаты, по чему и намъ пришлось въ нѣкоторыхъ случаяхъ пользоваться только его ссылками. До конца жизни онъ продолжалъ свою литературную дѣятельность, а капитальныя сочиненія его: Dzieje

Szkół w Polsce. Dzieje wyznania kosciola Helweckiego w Litwie, O kościele Braci Czeskich w Wielkopolsce, Obraz miasta Poznania, свидѣтельствуютъ о его основательномъ знаніи.

21) О его дѣятельности въ этомъ отношеніи свидѣтельствуетъ большая часть его сочиненій и потому-то я не могу согласиться съ мнѣніемъ Лукашевича: „Oddając się z resztą cały naukom i pracom użyteczniejszym (?) jako to w służbie publicznej w rozmaitych poselstwach, unikał Łasicki jak mógł polemiki (?) i wszelkich zjazdów. Въ доказательство этому продолжаетъ: „O unii swoich współwierców z cerkwią wschodnią w Wilnie 1599 r. nie wiele dobrego tuszył i dla tego niemiał w niej najmniejszego udziału. Но Ласицкому тогда было 66 лѣтъ отъ роду и онъ хворалъ, какъ это видно, изъ отрывка письма Теофила Турновскаго (Ср. Łuk. l. l. p. 285 въ примѣч.); кромѣ того Ласицкій тогда жилъ въ Заславѣ. Всѣ эти обстоятельства не способствовали къ борбѣ и къ прѣніямъ, требующимъ энергіи и здоровья.

22) Jan Łasicki p. 12.

23) Янъ изъ Кротошина (городъ въ княжествѣ Познанскомъ) Кротовскій, Воевода Иновроцлавскій (городъ тамже); отъ первой жены неизвѣстной фамиліи родилась ему дочь Катаржина, которая вышла за мужъ, за Яна Хлѣбовича. Воспитаніемъ ихъ дѣтей: Миколая и Яна (Папроцскій) или Войцѣха (Лукашевичь) занимался также Ласицкій. Отъ жены втораго брака—Латальской, родился Кротовскому только одинъ сынъ Янъ, каштелянъ Иновроцлавскій, умершій 1583 года (Папроцкій); отъ третьей жены, Острогской, родились: Яковъ и Андржей; о послѣднемъ изъ нихъ съ прискорбіемъ пишетъ Турновскій въ письмѣ съ 1599 года, что и этотъ женился на папистkѣ (papieżnica) Уханской.

24) O kościele braci Czeskich p. 414.

25) Въ Варшавскомъ архивѣ [въ Актахъ Коронныхъ 1576 года] я только нашелъ Станислава Лясковскаго, который вѣроятно былъ сыномъ нашего Якова; но непремѣнно хранятся еще свѣдѣнія о немъ въ Виленскомъ архивѣ.

26) Łasicki: Percunos Deus tonitrus illis est, quem coelo tonante agricola capite detecto et succidiam humeris per fundum portans, hisce verbis alloquitur: Percune devaite niemuski und mana, diewu melsu tavi palti miessu. Cohibe te, inquit, Percune, neve in meum agrum calamitatem immittas; ego vero tibi hanc succidiam dabo. Verum postquam nymbus praeterit, carnes ipse absumit. Слѣдуетъ читать: Perkunę dëvaiti! ne muszki unt mana dirvos, meldziu, tawi-palti nësziu.

Эту молитву, появившуюся въ первый разъ у Ласицкаго, читаемъ у многихъ авторовъ, писавшихъ о литовскихъ дѣлахъ,—которые также пытались, болѣе или менѣе удачно, поправить литовскій текстъ: Lelewel Tygodnik Wileński съ 1816 года 15 октября p. 352. Narbutt I томъ стр. 327; Nesselmann въ предисловіи къ Litauische Volkslieder

стр. V; Akielewicz въ V томѣ сочиненій Лелевеля изданія Жупанскаго. О нихъ мой трудъ: Jan Łasicki. Kraków. 1870 pag. 22 i 88 sqq.

[27]) Читается у Ласицкаго: *Perkuna tete* mater est fulminis atque tonitrui: quae (въ Эльзев. изд. ошибочно qui) solem fessum ac pulverulentum balneo excipit: deinde lotum et nitidum postera die emittit. *Teta* gen. tetos означаетъ: тётку но не мать, какъ у Ласицкаго. Кто она такая? мнѣ неизвѣстно, а отыскать можно только въ однихъ народныхъ пѣсняхъ. Perkunatele dim. женск. рода; но мнѣ неизвѣстно, какъ бы это связать съ преданіемъ о слонцѣ. Миѳъ самъ древнѣйшій и разсказывается въ различномъ видѣ у арійскихъ племенъ. Ср. Strabo I с. 33, гдѣ упоминается о древногреческомъ миѳѣ по Эсхилу.

[28]) „Ausca, dea est radiorum solis vel occumbentis, vel supra horizontem ascendentis“. Ausca—ошибка, вмѣс о Ausra, а это (по недостатку звуковъ латинскихъ для выраженія литовскихъ) вмѣсто *auszra* (или *ausztra*) означающее собственно утреннюю зарю. Корень ush—блестѣть, горѣть, греческое ἠώς, ἕως, αὔως=αὐς—ος; lat. aurora=aus—osa. *Auszrinne* утренняя, *Wakarinne* же вечерняя звѣзда ср. Nesselmann Lit. Volkslieder 1. 2. 3. (три пѣсни упоминающія объ Auszrinne).

[29]) Modeina et Ragaina silvestres sunt dii. Еще до сихъ поръ сохранилось названіе богини охоты *Medżojma*; производится отъ *medis* дерево, слѣдовательно у Ласицкаго должно быть *Med*—а не Mod; это *o* вѣроятно вышло изъ втораго слога; можетъ быть, что Лясковскій не хорошо запомнилъ настоящее произношеніе, отчего произошла ошибка Ласицкаго. Отъ того же корня образуется прилагательное *medinnis*—лѣсной (лѣшій? какъ домовой?). Въ Ипатіевской лѣтописи (Полное собраніе русскихъ лѣтописей. Томъ II р. 188) читаемъ: „Миндокъ же посла къ папѣ и прія крещеніе. Крещеніе же его лстиво бысть. Жряше богомъ своимъ въ тайнѣ, первому Нънадѣеви и Телавели и Дивериксу, заячему богу и Мѣндѣнну“. Послѣднее божество—это непремѣнно Ласицкимъ упоминаемое: *Modeina*, наше, *Medżojma*, которое въ его время могло звучить Medjojma.

[30]) *Нънадѣеви* лучшая форма, чѣмъ конадѣеви и другіе варіанты—но все таки она ошибочна. Взявъ въ соображеніе то, что пишетъ Ласицкій: Numejas vocant domesticos (deos) и что это слово сложное изъ: numas, nomas, namas (діалектическія разницы) домъ и diewas богъ: утверждаемъ, что нужно читать Numadëvas (а можетъ быть и Numdëvas) домашній Богъ (домовой?).

[31]) *Телавели;* по моему мнѣнію ошибочное произношеніе вмѣсто теявелисъ, литовское тевасъ, tëwas, батюшка, отецъ, или tawas, tëwas; произносится въ первомъ слогѣ такъ, какъ будто бы тутъ стоитъ ея, еа; уменьшительное tawalis, tëwalis, tëwelis произносится теявалисъ, теявелисъ. Въ жмудзскомъ діалектѣ очень часто передъ окончаніемъ *s* изчезаетъ гласная, а, і, отсюда пишетъ и Ласицкій: *Tawals* (вмѣсто tawalis) Deus, auctor facultatum. Къ названію божества прибавляется очень часто: tewas, отецъ—какъ латыши мать и пр. Ай, Саўлит-ма̂мальинь Ѳй, солнышко-матушка (Спрогисъ р. 309, 4);

межа—мâте=мать лѣсовъ (Спрог. 26, 1) и друг. Изъ этого слѣдуетъ, что Ласицкаго „*Tawals*" не обозначаетъ особаго божества, а только почетное названіе божества и человѣка. *Диверикзу* въ упомянутой выше лѣтописи звучитъ по литовски: Dëvu riks т. е. царь боговъ; dëvu род. пад. множ. числа отъ dëwas богъ а riks или rikis, царь. Теперь необходимо изслѣдовать, есть ли Dëvurikis, Dëvuriks, Dëvriks только почетное названіе Перкунаса, или означаетъ оно особое божество, такъ что и у литовцовъ видно было стремленіе къ объединенію сонма боговъ? У Ласицкаго мы не находимъ ничего о Dëvuriks, но есть другое божество весьма сходное, онъ пишетъ: *Auksthejas*.

32) *Vissagistis* Deus omnipotens atque summus. *Auksztejas* этимологически (отъ auksztas высокій) означаетъ: обитающій въ небесной выси. *Visagistis* можетъ быть ошибочно вмѣсто „*Vissagalis*" (говорятъ и Visgalis, Visgalisis); значеніе котораго соотвѣтствуетъ латинскому „omnipotens". Такимъ образомъ и тутъ упоминается о божествѣ, всемогущемъ, обитающемъ на небесной выси, которое только и можетъ быть упоминаемымъ лѣтописью божествомъ „Dëvuriks". Слѣдовательно и тутъ рождается упомянутый выше вопросъ: есть ли Auksztejas Vissagalis только эпитетъ Перкуна, или особое божество?

33) И такъ казалось бы, читая въ связи слова Ласицкаго: praeter eum, qui illis est Deus Auxthejas Vissagistis, Deus omnipotens atque summus, permultos Zemepacios i. e. terrestres venerantur, гдѣ всемогущему божеству противопоставляются божества низшія. Zemepacios, латинскій Acc. Plur.—по этому вышелъ бы nom sing. zemepacius, форма изуродована, вмѣсто zemepatis или zempats, означающее божество земли; zeme—земля; а pati, pats, панъ, и вообще владѣющій чѣмъ-нибудь. Но zempats не употребляется никогда, въ значеніи землевладѣльца.

34) И такъ напр. *Żemina* (Żeminele), о которой Ласицкій сообщаетъ только то, что она dea terrestris; она часто называется Żempati, и

35) *Laukpats*, означаетъ божество луговъ, полей; у Ласицкаго онъ называется Laukopatimos: „Laukpatimo ituri aratum vel satum supplicant".

36) Точно также и у него значится божество „*Rauguzemapatis*". Simili modo Raugużemapati offerunt posteaque ebibunt primum vel cerevisiae vel aquae mulsae e dolio haustum, quem *Nulaidimos*... cognominant. Явствуетъ, что и это божество называется *Żempats;* но относительно „Raugu" рождается вопросъ, не измѣнила-ли память Лясковскому, потому, что трудно допустить существованіе божества *кислаго тѣста* [raugus кислое тѣсто; raugu gen plur; непонятно также за чѣмъ pluralis]. По этому поводу предлагаю читать ruggiu [gen. plur отъ ruggis рожь—ржаное зерно] такъ что *ruggiu zempats* означало бы полевое божество, божество ржи, ржиныхъ зеренъ и въ самомъ дѣлѣ это божество или миѳическое существо извѣстно въ различныхъ преданіяхъ и обрядахъ. (Ср. Mannhardt, Roggenwolf, Roggenhund). Кромѣ того мы читаемъ о такомъ божествѣ въ латышскихъ пѣсняхъ:

Идетъ по овсяному полю Лайма,
У нея плащъ изъ овсяныхъ колосьевъ
По полю ржи идетъ Богъ,
У него шапка изъ ржаныхъ остій. Бривз. p. 29, 60.

По всей вѣроятности Лясковскій помѣшалъ слова raugus и ruggis.

37) Остается слово *Nulaidimos,* въ значеніи возліянія; и дѣйствительно *nuleidimas* означаетъ: разливаніе (ср. Nessel. s. v. p. 361. Nuleidimas, das herablassen u. s. w. отъ nuleidziu herablassen, teich ablassen; abzapfen. О заячемъ богѣ, какъ не упомянутомъ Ласицкимъ, удобнѣе будетъ сказать въ другой разъ.

38) Слова Ласицкаго слѣдующія: Tertio post *Ilgas* die, deum *Waizganthos* colunt virgines, ut illius beneficio, tam lini, quam cannabis habeant copiam. Ubi altissima illarum, impleto placentulis, quas *Sikies* vocant, sinu, et stans pede uno in sedili, manuque sinistra sursum elata, librum prolixum vel tiliae vel ulmo detractum (ex quo etiam calceos contexunt), dextra vero craterem cerevisiae, haec loquens tenet: *Waizganthos devaite, auging mani linus teip ilgies ik mani, nie duok munus nogus eithi.* Waizganthos, inquit, produc nobis tam altum linum, quam ego nunc alta sum; neve nos nudos incedere permittas. Post haec craterem exhaurit (nam et foeninae bibaces sunt) impletumque rursum, deo in terram effundit et placentas e sinu ejicit, a deastris, si qui sint Waizgantho, comedendas. Si haec peragens, firma perstet, bonum lini proventum anno sequenti futurum, in animum inducit. Si lapsa pede altero nitatur, dubitat de futura copia, fidemque effectus, sequitur.

39) Илги (по литов. Ilges, gen. Ilgiu plurale tantum) праздновались въ началѣ ноября. „Fieri id sacrum Lascovius ait postridie festi omnium sanctorum, qui dies est secundus novembris. Спустя три дня приносили жертву божеству Vaisgamtas, или Vaisgamts. Между прочимъ приносили печеніе, Sikkës.

40) *Sikke* (gen. sikkes fem.) называется пирогъ изъ ржаной или пшеничной муки, но какова его форма неизвѣстно. Литовскую молитву пытались поправлять—ср. Lelewel. T. V p. 479, и вообще мое изслѣдованіе: Jan Łasicki p. 26 sqq. Слѣдуетъ читать: Vaisgamte devaiti, augink mani linnus tejp iłgus, ik mani, ne duok mumus nogus eiti. Относительно формы: Vaisgamtas можно еще сомнѣваться. Mannhardt предлагаетъ Vaisgautos, Praetorius Waisgautis, у Ласицкаго читаемъ Waizganthos; я привелъ различныя мнѣнія въ моей упомянутой статьѣ p. 28 sq. я рѣшился наконецъ принять форму: Vaisgamtes въ значеніи родителя плодовъ (собст. овощей; Vaisus—овощь). Все затрудненіе состоитъ въ томъ, образуется ли отъ корня посредствомъ суффикса ta-s существительное съ дѣйствительнымъ, такъ что предполагаемое gam-ta-s означаетъ рождающаго; если нѣтъ, тогда слѣдовало бы образовать vais-gam-tjas—Vaisgamtis, какъ отъ remti корень ram подпираю, ramtis подпора (Ср. Schleicher Lit. Gram. p. 116). Vaisgamtis совпадаетъ съ

Vaisgautis Прэторіуса; я же принялъ форму Vaisgamtas потому, что она подходитъ къ формѣ Ласицкаго „Vaisganthos".

41) Cum autem nimia aestatis brevitas, fruges demessas siccari non sinat, fit hoc sub tectis ad ignem. Tum vero precandum est illis hisce verbis *Gabie* deus: *Gabie deraite pokielki garunulejski kirbixstu.* Flammam eleva, at ne demittas scintillas. Изуродованныя слова такъ поправляю: Gabie dëvaite pakielki garu (по литов. gara) ne lejski kibirksztiu т. е. Богъ Габе усили жаръ, не сыпъ искрами (of Jan Las. p. 31, 32). Относительно обычая читаемъ у Преториуса (котораго къ сожаленію слишкомъ поздно получилъ) стр. 106: „Man sieht noch bei den Nadrauern (вѣтви прусскаго народа) dass sie vielerhand Gebäude auffrichten.... sie haben auch *jaugien* (по лит. jauja, гумно, въ которомъ сушатъ хлѣбъ), worin sie das auszudreschende Korn vermittelst einer *gewissen kammer*, darin ein von Feldsteinen gemachter Ofen eingeheizt wird, dörren und ausdreschen. Die *Jauge* ist ein Gebäude, wie hiesiger Orten (въ Прусіи) die Ziegelscheunen gebaut sind, nur das von einem ende ein festes Estrich geschlagen wird, darauf sie das ausgedorrte Getreide ausdreschen können, woselbst eine ziemlich breite Thür gelassen wird, theils dass darin das Getreide aus der Scheune kann eingebracht werden, theils dass dadurch der Wind eingehen kann, wenn sie das ausgedroschene Getreide auswürfeln wollen. Am andern ende aber ist aufgerichtet insgemein ins Vierkannt, oft auch länglicht (?) ein dichtes Schürtzwerk in gutem moos gelegt mit einer Thür, doch ohne Fenster, nur dass *unten bei* der Erde ein Fensterlein gelassen wird, dass der Fraden (паръ) von dem zu dorrenden Getreide gelassen (мало-по-малу) ausgehen kann. An den beiden Seicten *der langen Wand* wird etwa $1^1/_2$ Ellen hoch und dicht an der Wand, inwendig von der Erde zu rechnen, ein Balken fest gemacht. Auf solchen Balken werden lange Stangen gelegt, so breit das Schürtzwerk ist. Darauf man das Getreide stehend fleihet, welches mehr schier als drei viertel einimbt des inwendigen Raumes. In demselben Schürtzwerk *daneben* ist an der einen Seite ein Ofen von Feldsteinen oder ein kleiner Backofen von Ziegel gemacht, darin Feuer gemacht kann werden von trockenem harten Holz, so wenig Flammen giebt (?) dadurch das ganze Schürtzwerk recht wie eine Badstube warm wird. Jedoch muss Acht gegeben werden, dass von dem eingebrachten Getreide nicht etwas Stroh zu nahe an den Ofen komme.... Und sind auch bei ihnen gemein die Żardai (Żardas stangen, phalgerüste, жердь) auf welche sie das noch nicht genug auf dem felde getrocknete Getreide, insonderheit die noch grünen Erbsen, aufhängen. p. 109: *Krosnis* d. i steinofen... in ihren.... Jaugen, d. i Dreschhäusern. Sie werden insgemein also gemacht: Sie suchen hervor grosse lange und breite Feldsteine, die setzen sie gegen einander so dass die Obertheil zusammen kommen, die Untertheil von einander abstehen. Solcher Steine setzen sie nach der Reyge (т. е. reihe) hin, biss als sie den Ofen lang haben wollen. Die wissen sie so fest und dicht zu setzen, dass man eine grosse Quantität kleiner Steine

darauflegen kann, die sich leicht durchhitzen, aber keine Flamme auslassen konnen. Я сообщилъ этотъ длинный разсказъ потому, чтобъ онъ отчасти служилъ поясненіемъ нашего мѣста. Теперь понятно зачѣмъ жмудини обращались къ божеству огня, чтобы онъ усилилъ жаръ но не сыпалъ искрами.

42) Не смотря на приведенное нами устройство печей, очень часто вспыхивали пожары, почему обращались къ демону Tratintojas Kibirksztiu: тушителю искоръ, чтобы онъ потушилъ ихъ; Ласицкій сообщаетъ намъ о немъ слѣдующее: Tratitas (sic) Kirbixtu (sic) deaster est, qui scintillas tugurii restinguit. Обратимся теперь къ нашему божеству: Gabie. Относительно формы можетъ быть сомнѣніе. Намъ неясно происхожденіе этого слова; *gabenti* означаетъ приносить, сносить, сносить въ кучу, въ кучку, такъ что *Gabie* былъ бы именно огонь снесенный въ кучку, значеніе весьма подходящее, которое находило бы свое подтвержденіе въ молитвѣ, сообщенной мнѣ г. Микуцкимъ. По словамъ его произносятъ ее еще до сихъ поръ, вечеромъ, когда хозяйка собираетъ на очагѣ огонь въ кучку для сохраненія его до слѣдующаго дня: Szventa Gabëta givenk su mumis lin ksmaj, т. е. святая Габета весело проживай съ нами. Кромѣ того находимъ замѣчаніе Акелевича у Лелевеля (Томъ V стр. 462 прим. 30) что Gabija или szventa Gabija это торжественное названіе огня.

Съ этимъ соглашается, то, что пишетъ Прэторіусъ p. 34 (p. 75 рукописи): jetziger zeit halten unsere Nadrauer insgemein das Fewer vor heilig, nennen es Szwenta Ponyke, die heilige Herrin (Fraw), а потомъ: jetziger Zeit (т. е. въ XVII вѣкѣ) unsere nadravische Weiber, wenn sie des Abends das feuer verscharren, gebrauchen noch diese Worte: Szwenta Ponyke (Ugnele) asz tawe graszei palaidossu, kadda ne papykstum bai d. i. du heilige Fraw (Fewer) ich will dich recht schön bedecken (begraben), damit du ja nicht über mich mögest zürnen. Hiebei ist zu wissen, *dass in Nadrawen die Leute ein sonderliches Loch auffm Herde halten, worin sie das Feuer einscharren, und wenn ein solch eingescharrtes Feuer ausgegangen und man den folgenden Tag kein Feuer in dem Loch findet, halten sie es vor ein böses Zeichen.* Такимъ образомъ взаимно пополняются и объясняются приведенныя мною мѣста, заслуживающія вполнѣ подробнаго разбора, что я и сдѣлаю въ другомъ мѣстѣ. Теперь мы обратимъ вниманіе только на то, что огонь домашняго очага считался священнымъ и что онъ назывался въ Пруссіи *Ponyke*. Прэторіусъ объясняетъ это слово посредствомъ „Fraw“ отъ *Pona* польское *Panna*. Между тѣмъ мы читаемъ у Несселманна: Thesaurus Linguae Prussicae p. 119 *panno* feuer i *panu—steclan* Feuerstahl, такъ, что предполагаемая мною форма Panika, (voc. Ponike вмѣсто Panika?) можетъ означать огонекъ. Съ этимъ panusteclan интересно сравнить литовское *Titnagas* „feuerstein“, которое очевидно сложное изъ *Tit* и *nagas;* послѣдняя часть, кажется сама по себѣ означаетъ: „кремень, отчего производится „ножъ“, польское nóż, такъ какъ первый ножъ непремѣнно былъ сдѣланъ изъ кремня. Изъ этого слѣдовало-бы, что въ части Tit—нахо

дится опять корень обозначающій: огонь, мнѣніе котораго я никому не желаю навязывать.

У Ласицкаго читаемъ еще одно слово, сложенное съ корнемъ „*gab*" а именно:

[43]) Matergabiae deae offertur a femina ea placenta, quae prima e mactra sumta, digitoque notata, in furno coquitur. Hanc post non alius quam paterfamilias vel ejus conjux comedit.... illum autem primum e massa exemtum panem: *Taswirzis* cognominant.

[44]) Кажется, что *Taszvirszis* сложеное слово: первая часть Tasz (taszla) тѣсто, другая *virszus* верхъ, такъ что значеніе его „верхняя часть тѣста", соглашается съ объясненіемъ Ласицкаго. Главное дѣло, что слово *Matergabia* неясно. Взявъ въ соображеніе, что *Gabie*—священный огонь, думаю, что *Mater* можетъ быть почетное названіе богинь, какъ *tëras* боговъ, слѣдовательно Matergabia вообще мать-огонь, какъ читается у Спрогиса 309. 4. Ай Саўлить-мамалинь: Ой Солнышко-матушка т. е. солнышко; р. 26 межа мате, мать лѣса. Бривземніексъ: народныя пѣсни стр. 45 № 152, 153, межа мате, лѣсная мать, 154 Юрас мате, морская мать; каря мат', мать войны. Такимъ образомъ и Matergabie можетъ значить мать-огонь, и ей именно приносили первый пирогъ. Однакоже нельзя скрывать одного затрудненія: обыкновенно такое почетное названіе занимаетъ мѣсто второе, а не первое, какъ въ нашемъ словѣ. Это затрудненіе, по моему мнѣнію, устраняется тѣмъ, что matergabie составляетъ одно сложное слово. Прежде я иначе понималъ, думая, что matergabie означаетъ первый пирогъ принадлежащій матери. (Jan Łas. p. 70). Затѣмъ Ласицкій говоритъ:

[45]) Polengabie diva est, cui foci lucentis administratio creditur. Вмѣсто Polengabie читаю: Pelengabie; pelenas значитъ *очагъ*, feuerherd, слѣдовательно цѣлое слово „огонь очага", который въ самомъ дѣлѣ считался священнымъ. Относительно же:

[46]) Aspelene, о которой Ласицкій кратко замѣчаетъ: angularis (dea creditur), полагаемъ, что значитъ запечекъ. Ширвидъ s. v. Zapiecek говоритъ: locus retro fornacem, *ażupeczis*. *Ażpelenis* означаетъ по всей вѣроятности тоже самое, такъ какъ pelenas, pelenis значитъ „очагъ" feuerherd (Nesselm. p. 282 s. v.); форма же *Ażpelene* для меня не ясна. Вопросъ теперь, считалось-ли это мѣсто „за очагомъ" священнымъ, или нѣтъ. Народныя пѣсни, точное описаніе домашней жизни литовскаго народа: могли бы намъ доставить точный отвѣтъ. У Прэторіуса p. 79 (Pierson p. 37) мы читаемъ, что въ одномъ углу комнаты, обыкновенно въ углу въ близи очага, лежалъ священный змѣй, и что это мѣсто называлось Miggi (sic) „die Lagerstätte der Hauschlange, *neben dem Ofen* oder in *sonst einem Winkel* des Hauses hat *Miggi* geheissen. Такимъ образомъ уголъ (cf angularis) при печкѣ могъ называться *Ażpelenis*; *Miggis* же, мѣсто занимаемое змѣемъ, гдѣ спалъ. У Несселм. p. 391 s. v. значится: Miggis мѣсто для спанія для животныхъ, Lagerstätte besonders d. Viehes. И только въ сказанномъ смыслѣ слѣдуетъ понимать загадочное сообщеніе Ласицкаго: „angularis".

[47]) Ласицкій пишетъ: Ceterum, quid agant..... *Klamals* (sic) non libenter id Christianis aperiunt. Опечатка Klamals сдѣлала ученымъ много хлопотъ (Jan Łas. p. 62); между тѣмъ мы должны читать: Klevals, (ласкательное отъ klavas, klevas, клёнъ), полная форма коего: klavalis, klevelis, klevalis. Что касается формы: то аналогически ей отвѣчаетъ форма tevals, tavals, отъ tevas, tevas. tavas, отецъ, (e произносится какъ ея, отсюда различная орѳографія). Извѣстно, что литовцы почитали лѣса, рощи и деревья, о чемъ и Ласицкій сообщаетъ. При томъ заслуживаетъ полнаго вниманія его же замѣчаніе, что божество лѣсовъ и деревьевъ, именно вредныя домашнимъ дѣламъ, живутъ за корою, или точнѣе между корою и сердцевиною, и что страшныя миѳическія существа (spectra) являются въ лѣсахъ. Къ божествамъ лѣса принадлежатъ:

[48]) *Kërpiczus* и *Sziliniczus,* о которыхъ Ласицкій: Kierpiczus, hujusque adjutor Siliniczus (dei) musci in silvis nascentis: cujus in aedificiis magnus apud illos est usus. Huic etiam muscum lecturi sacrificant. Kërpiczus можетъ быть божество мха отъ kërpe мохъ; Sziliniczus же отъ *szilas* лѣсъ, божество лѣса. Полагаемъ, что они дѣйствительно божества, потому что они въ духѣ литовскихъ вѣрованій. Кромѣ того я считаю миѳическими существами, а не людьми, такъ-называемыхъ *межа вирай* (Sing. meža virs), о которыхъ болѣе подробныя свѣдѣнія читаемъ въ латышскихъ пѣсняхъ, напримѣръ.

1. Межа вирсъ (т. е. лѣсный мужъ) ѣдетъ въ лѣсъ,
   На немъ лѣсная одежда,
   Лыковая рубаха, лубочныя портки,
   Берёстовая шапка.

2. Межа вирасъ ѣдетъ въ лѣсъ,
   Онъ въ лѣсной одеждѣ,
   Терновыя портки, игольчатый кафтанъ,
   Шапка, шитая изъ берёсты.

3. Будучи межа вирсъ
   Я пою лѣсную пѣсню
   Изъ древесныхъ иголъ у меня кафтанъ
   Изъ древесныхъ почекъ шапка.

4. Радуйся, мать лѣсовъ (межа мате)
   Мужи сильные ѣдутъ въ лѣсъ,
   Острые топоры, кованныя тѣлеги
   Подкованныя лошади.

Эти межи вирай опасны для лѣсничихъ, по чему

5. Берегитесь лѣсничіе
   Мужи сильные ѣдутъ въ лѣсъ и т. д.

(Спрогисъ: памятники латышскаго народнаго творчества p. 26, № 3, 4, 5, 8) пѣсня 6-я весьма важная какъ по тому, что въ ней читаемъ, въ какомъ видѣ латыши представляли

себѣ страдающую душу послѣ смерти, такъ и потому, что она подтверждаетъ слова Ласицкаго, по которымъ являются въ лѣсахъ: „spectra“.

На опушкѣ лѣса
Подымается темно-зеленый дымъ,
Тамъ горитъ душа молодца
За насмѣшки надъ дѣвицами.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что кромѣ клёна, klevas, о которомъ поютъ многія пѣсни, почитали также и дубы, липы, ясени, яблони. Послѣднее дерево играетъ большую роль въ миѳическихъ пѣсняхъ и разсказахъ, напримѣръ:

Спи, спи, Солнышко
Въ яблоновомъ саду.
У тебя полны глаза
Яблоновыхъ цвѣтовъ. Спрог. р. 314. 14.

Этотъ яблоновый садъ, яблоновые цвѣты, непремѣнно означаютъ *Вечернюю зарю*, являющуюся при *закатѣ* Солнца, значеніе, которое, яснѣе всего, видно въ пѣсни сообщенной Бривземніаксомъ р. 31, № 73.

Солнце въѣхало
Въ садъ съ яблонями.
У него девять колесъ
И сто коней.
Спи теперь Солнышко
Въ саду съ яблонями,
Тамъ цвѣтами
Осыпаютъ тебя.

Слѣдовательно солнце въѣзжаетъ въ садъ съ яблонями, вечеромъ, потому что оно послѣ въѣзда спитъ, т. е. наступаетъ ночь.

Это вѣрованіе имѣетъ свое начало въ апперцепціи розоваго цвѣта яблони и розовой зари; потомъ встрѣчаемся съ представленіемъ, будтобы на самомъ краѣ запада вообще стояла роща или какое-то дерево:

Развѣсистая липа росла
На краю Солнечнаго пути
Тамъ Солнышко *каждый вечеръ*
Заходя вѣшаетъ свой поясъ. Брив. р. 32, № 82.

Въ другой пѣснѣ мы читаемъ, что солнце носитъ розовую одежду а вечерняя заря происходитъ отъ того, что солнце провѣтриваетъ свою „шелковую одежду“.

Почему каждый вечеръ
Края облаковъ *краснѣютъ?*
Потому что Солнце *каждый вечеръ*
Провѣтриваетъ свою шелковую одежду. Брив. р. 32, № 83.

Въ какой же тѣсной связи стоятъ представленія о закатѣ солнца, вслѣдствіе котораго является черная ночь, съ представленіями о смерти и съ обрядами, мы видимъ изъ слѣдующей пѣсни:

Когда я умру, матушка
Куда ты дѣнешь мой вѣночекъ?
Повѣсь его, матушка, на липочкѣ.

(точно такъ, какъ заходящее солнце вѣшаетъ поясъ, вѣночекъ и т. п. на липѣ)

Пусть его бѣлитъ солнышко!
Станутъ осыпаться цвѣты у липочки.
Съ вѣночка посыплются блестки. Спрог. р. 38, № 26.

Въ этихъ блесткахъ, цвѣтахъ, проживаетъ душа умершихъ—но не желаю здѣсь продолжать дальнѣйшихъ замѣчаній, которыхъ громадное количество доставляетъ изученіе латышскихъ пѣсней, находящихся въ приведенныхъ мною отличнѣйшихъ сборникахъ латышскаго народнаго творчества. Благодаря имъ, мы въ состояніи отчасти возстановить въ настоящемъ видѣ литовскія вѣрованія, изуродованныя авторами литовской миѳологіи.

49) Кажется, что и *орѣшина* принадлежитъ къ деревьямъ, почитаемымъ литовцами. О ней поютъ латышскія пѣсни; и Ласицкій упоминаетъ, что *Łazdona* avellanarum (dea); относительно формы Łazdona я высказалъ свое мнѣніе подъ словомъ Eżegullis, въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится о формѣ Vëlonis. Łazda, Łazdinas, орѣшина, польское Leszczyna. Объ извѣстныхъ видахъ другихъ почитаемыхъ деревьевъ можно читать подъ словомъ: Kirnis i Birzulis.

50) О значеніи см. прим. 33; слѣдуетъ-ли писать Żemepatis, или Żempatis? Замѣчаемъ, что Литовцы (въ тѣсномъ смыслѣ) въ сложныхъ словахъ прямо присоединяютъ первую часть къ другой, а не посредствомъ „соединительной гласной“ напр. Żemgullis; судя по формѣ Matergabie, кажется, что и жмудзини держатся того же правила.

51) *Dëvaitis*, отъ dëvas, dëvs, Богъ, въ ласкательномъ а не уменьшительномъ значеніи, потому что Perkunas, Perkuns, также dëvaitis, и нельзя сказать, чтобы онъ принадлежалъ къ низшему разряду божествъ.

52) Aitwaros est incubus, qui post sepes habitat. Id enim verbum ipsum significat. Еще до сихъ поръ можно слышать объ Aitvaras, Aitvars, Eicvars, (въ Маріампольской окрестности), змѣѣ, который приноситъ счастіе, денги, и т. п., отчего Литовцы говорятъ: Aitvaras jam vissas geribas sunëszu т. е. Айтварасъ приноситъ ему всѣ богатства, и Aitvaras jo plaukus sużindo или survële, Айтварасъ спуталъ его волосы. (Jan Łaś. p. 46). Въ прусскихъ преданіяхъ много говорится объ этомъ существѣ. „Den Aitwars oder Alp beschreibet der Baur allhie in Nadravien, dass er soll wie ein Mensch gestalt sein, mit unglaublich grossen Händen und Füssen“. „Sie (т. е. Надравцы) sind in dem Wahn, bei

dem das Wetter einschlägt, es mag zünden oder nicht, so ist jemand von den preussischen Göttern im Hause und sollte es auch nur ein Aitwars, den etliche vor den Alff (sic) halten, sein; wird derselbe getroffen, so zündet er das Haus an, wird er nicht getroffen, so wird der Donner und Blitz dem Hause nichts schaden. Der Aitwars aber wird geschlagen von Perkunus (sic) i e. Donner, dass er sich mit dem Menschen gar gemein gemacht, und weil er um des Menschen willen gestraft wird, so rächt er sich mit dem Fewer an dem Menschen, dessen Haus er anzündet. Den Aitwars halten sie vor einen solchen Gott, der Fleisch und Beine hat; deswegen sie insgemein auf der Brandstette einige Knochen suchen, die sie auch einhelliger relation nach, gewiss finden, ungeachtet weder ein Mensch, noch Thier zu der Zeit in dem Hause gewesen. Прэторіусъ продолжаетъ: der Aitwars (wohnt) über der Erden; der Aitwars ein *drach oder grosse schlange* (выше сказано, что имѣлъ видъ человѣка), dessen Kopf feurig; der Aitwars bringt ihnen auch Schaden (другимъ же на оборотъ счастіе), denn die Nadraven denjenigen, so einen Alff (т. е. Айтвараса) halten, nicht günstig sein; denn derselbe Aitwars *anderen Leuten* in die Klethe (родъ амбара), Speicher und Scheune eindringen und da Getreidigt ausrauben soll, wie sie denn auch wissen, den Aitwars bald von dem ort zu verjagen, nemblich, soweit ihrer relation zu trauen, auf solche Art: Sobald si einen Alff *fliegen* sehen, ziehen sie ihr Messer aus und stecken dasselbe in den Ort, wo sie mit ihren Füssen auf der Erden gestanden, sprechende: Hie zeige ich dir meinen Ort, zeige mir auch deinen Ort. Darauf soll der Aitwars denselben Menschen insgemein mit Läusen beschütten, er aber (т. е. Айтварсъ) muss verschwinden, doch ehe er von da wegzieht, soll er insgemein das Haus, worin er sich aufgehalten, anzünden und also seine Stätte zeigen oder wüste machen". „Dem Aitwars muss von dem Gekochten oder Gebratenen und zwar das Erste, wovon sonsten keiner was geschmecket hat, gegeben werden". Тоже самое разсказывается въ окрестностяхъ Маріамполя съ прибавленіемъ, что хозяйки ставятъ Айтварсу пищу, обыкновенно просяную крупу, подъ чердакомъ, но пища не должна быть горячая; случилось, что прислуга поставила горячую крупу, и Айтварсъ разгневанный зажегъ домъ.

[53]) *Kaukie* (sic) sunt lemures, quos Russi *Uboze* appellant: barbatuli, altitudine unius palmi extensi: iis, qui illos esse credunt, conspicui, aliis minime. His cibi omnis edulii apponuntur, quod nisi fiat, ea sunt opinione, ut ideo suas fortunas (id quod accidit) amittant. Такъ Ласицкій. Объ этихъ существахъ много разсказывается, по чему считаю лишнимъ распространяться; скажу только, что они называются различно, напримѣръ: Pirsztukai, Niksztukai отъ Pirsztis, Niksztis, палецъ. У Стрыйковскаго читается Parstukai (Jan Łas. p. 19, sqq). При разборѣ письма Малецкаго (Maeletius) будетъ удобнѣе о нихъ говорить, а именно критически ихъ сравнить съ приведенными Прэторіусомъ Barzdukai, Markopetai, съ польскими Krośniąta, dremni, drumni (drobni), sporysze, и т. п. Прэторіусъ называетъ ихъ еще Kaukuczei; главнымъ образомъ они живутъ подъ землею.

[54]) Настоящая литовская форма: Givata, Givate; можетъ быть, что жмудзины называютъ эти животныя Givajte, Givojte: „Nutriunt etiam quasi deos penates nigri coloris obesos et quadrupedes quosdam serpentes *Givoitos* vocatos. Hos timore perculsi, dum ex antris aedium ad pastum appositum prorepunt seque pasti in ea recipiunt, aspiciunt et colunt. Si quid infortunii accidat cultori, serpentem male fuisse tractatum censent. Почитаніе змѣй Литовцами самый извѣстный фактъ, и разсказывается всѣми авторами о Литовскихъ вѣрованіяхъ. Странно, что до сихъ поръ нигдѣ мнѣ не случилось читать, какое ихъ настоящее названіе. Утверждаютъ, что змѣи пьютъ молоко; я сомнѣваюсь въ этомъ и думаю, что этотъ фактъ вездѣ извѣстный, но ни кѣмъ не доказанъ. Къ этимъ распространеннымъ разсказамъ о змѣяхъ причисляю и тотъ, будто бы они высасываютъ молоко у коровъ; между тѣмъ у змѣй нѣтъ такихъ органовъ, посредствомъ которыхъ онѣ могли бы сосать. По описанію Ласицкаго и Гвагнина givata, givojte, не будетъ змѣй, а ящерица.

Жмудину и вообще Литовцу необходимо было имѣть въ своемъ домѣ змѣя; если его не было, хозяинъ обращался къ малдининку (maldininkas, родъ жреца, какихъ въ Литвѣ было множество). Явившійся съ змѣями ставилъ на покрытомъ столѣ чашу (Kauszele) и кружку съ пивомъ, потомъ молился; между тѣмъ змѣй долженъ былъ взойти на столъ, послѣ чего Вайделуотасъ описывалъ кругъ около змѣя, который съ тѣхъ поръ спокойно держался на своемъ мѣстѣ, пока не были окончены всѣ требуемыя въ этомъ случаѣ многочисленныя молитвы. Потомъ Вайделуотасъ, наливъ пива въ чашу (Kauszele), поливалъ змѣя, который только теперь, двинувшись съ мѣста, по указанію жреца прикасался поставленной на столѣ пищи, послѣ чего сползалъ по полотенцу на землю. Между тѣмъ Вайделе, замѣтивъ гдѣ змѣй отыскалъ удобное для себя мѣсто, и помолившись, освящалъ это мѣсто. Пиромъ и угощеніемъ жреца кончался обрядъ. Такъ разсказываетъ Бреткіусъ у Прэторіуса.

Въ другомъ мѣстѣ пишетъ Прэторіусъ, что встрѣчать змѣевъ считается счастіемъ: insonderheit trachten viele in Litauen nach einer Schlangen mit Hörnern, die sie vermittelst eines Schleiers, den sie auf dem Ort, wo solche Schlangen zu finden sein, hinspreiten, zu fangen wissen. Denen schreiben sie grosse Kraft zu vielem Glück zu. Этотъ обычай существовалъ не только въ Литвѣ; о немъ пишетъ Шварцъ: Ursprung der Mythologie.

[55]) Теперь *Ragana,* волшебница, czarownica; о ней въ Литвѣ много разсказовъ и пѣсень. Ласицкій называетъ ее божествомъ лѣса; это только отчасти вѣрно. Интересно было бы узнать, существуетъ-ли дѣйствительно въ литовскомъ языкѣ слово rogas, ragas, въ значеніи *алтаря?* Въ такомъ случаѣ ragana можетъ означать принадлежащую къ алтарю т. е. жрицу, которая послѣ принятія христіанства обыкновенно переходитъ въ число волшебницъ.

[56]) Ласицкій: Smik, Smik Perlevenu; hunc deum Lituani vere araturi, venerantur.

Prima agri lira, vomere facta, hujus ipsius est, quam huic, qui illam duxit, toto anno transgredi haud licet: alioquin divum sibi infestum haberet. Это божество миѳологомъ дало поводъ къ утѣшительнымъ выводамъ. Литовскія слова слѣдуетъ читать (ср. Jan Las. p. 33) Smik, Smik, per velenu. Smik, ономатопоэтическое слово; здѣсь о скоромъ движеніи змѣя; velenu жмудской Acc. Sing; литовскій velenа̨ отъ velena, дернина, трава; слѣдовательно цѣлая фраза: смикъ, смикъ черезъ траву. Для поясненія этой формулы умѣстно будетъ привести разсказъ Прэторіуса: Батракъ, происходившій изъ деревни, лежащей близъ лѣсу въ окрестности Георгенбурга, служилъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ (въ другой половинѣ XVII вѣка) недалеко Инстербурга (Instrutis въ Пруссіи). Онъ разсказывалъ, что въ нѣкоторыхъ деревняхъ скрываются Вайделе, которыхъ онъ называлъ „Monininkas" (знахарь). Они въ опредѣленное время, обыкновенно весною или осенью, какимъ-то знакомъ созываютъ народъ и извѣстными молитвами собираютъ змѣевъ, которыхъ извѣстными знаками загавариваютъ. Потомъ такой monininkas поставляетъ на столъ питіе и пищу; для змѣевъ же особо покрывается столъ и ставятъ молоко. Змѣи по накрытой полотенцомъ доскѣ входятъ на столъ и по указанію Monininkas прикасаются къ приготовленной пищѣ. Затѣмъ начинается пиръ, послѣ котораго каждый изъ присутствующихъ сообщалъ колдуну лицо, къ которому онъ былъ неразположенъ, кто ему нанесъ обиду и какимъ образомъ желаетъ отомстить обидѣвшему. Если онъ желалъ, чтобы повредить полямъ, тогда Вайделе, взявъ въ руку змѣя, молился и пускалъ его черезъ двери или окно, произнося слова: Szmikszt per Eże (nie Esze какъ въ подлинникѣ) т. е. смикшть, иди черезъ межу, и въ такомъ случаѣ хлѣбъ и другіе плоды будутъ истреблены градомъ или насѣкомыми. Если же скажетъ Вайделе: Szmikszt per arruodа̨ (т. е. иди черезъ амбаръ), то попортитъ весь сложенный хлѣбъ; если же скажетъ: Szmikszt per twartus (т. е. иди черезъ заборъ), то погибнетъ скотъ. Этотъ Вайделе былъ такъ-называемый Załtonis (т. е. змѣиный колдунъ, отъ żaltis змѣй).

Конечно поневолѣ раждаются еще другіе вопросы, требующіе разъясненія, чтобы согласить разсказъ Прэторіуса съ словами Ласицкаго или доказать, что Ласицкій смѣшиваетъ два обряда. Но для нашей задачи главное то, что поясняется фраза Ласицкаго и что она т. е. фраза „Smik, Smik per velenu" не божество, а формула колдуна.

[67]) Ласицкій сообщаетъ: Luibegeldas divas venerantes, ita compellant: Luibegeldae per mare porire sekles gillie skaute: Vos deae transmisistis ad nos omnia semina siligenea in putamine glandis. Я пытался поправить литовскій текстъ слѣдующимъ образомъ: (Jan Las. p. 44): Lajbos geldos permetet purinnes seklas gilles kaute. Это загадка, какихъ много у Литовцевъ; разгадать можно ее, смотря по двусмыслію или переносному значенію словъ: *gelda* ночевка или корабль; *gille* желудь и *Gile*, собственное имя рукава рѣки Немна, kautas скорлупа и всякая поверхность; въ такомъ случаѣ смыслъ загадочныхъ словъ будетъ; или: тонкія ночевки, вы перевезли пшеничныя зерна въ скорлупѣ желуди, или

Быстрые (тонкіе) корабли, вы перевезли пшеничныя зерна по рукавѣ Немна. Однакожъ относительно чтенія Łajbos geldos у меня рождается сомнѣніе, состоящее въ томъ, что Ласицкій обыкновенно передаетъ литовскій звукъ *ai* въ формѣ *oi;* такимъ образомъ мы ожидали бы *łoibe* а nie *łuibe*.. Слова Прэторіуса еще усиливаютъ мое сомнѣніе: что *łuobgelda* (по неопредѣленности литовской орѳографіи пишется łuba и łoba) означаетъ „корабль"; съ другой стороны łuobgelda этимологически значитъ: ночевка изъ луба. Слѣдуя этимъ соображеніямъ, я предпочиталъ бы писать Luobgeldos вмѣсто łaibos geldos. Во всякомъ случаѣ это не будутъ божества „divae" а начальныя слова загадки.

58) У Лелевеля l. l.

59) Трудно предполагать, что Kurvaiczin, Eraiczin, опечатки вмѣсто Kurvaicziu, Eraicziu; это былъ бы Gen. Plur.

60) Litauische Volkslieder p. 153. Издатель соединилъ приведенную пѣсню съ другой; но она не имѣетъ ни малѣйшей связи съ предыдущею и сама по себѣ составляетъ особую пѣсню, какъ читатель сейчасъ замѣтитъ.

61) Wörterbuch der lit. Sprache s. v. Battis.

62) Въ сочиненіи Крашевскаго: Litwa Томъ I авторъ сообщаетъ слово *Puiże*, безъ опредѣленія его значенія, съ примѣчаніемъ, что это ласкательное слово; въ латышской пѣснѣ я нашелъ pujsi, молодцы; однакожъ Ласицкимъ приведенное слово не имѣетъ другаго значенія, кромѣ сказаннаго.

63) Историческія и генеалогическія свѣдѣнія читатель найдетъ въ скромной, но полѣзной книжкѣ: Kroże ich przeszłość i stan obecny, skreślił J. B. Wilno 1872. На стр. 13 авторъ сообщаетъ короткія свѣдѣнія о дворянинѣ *Рекутисъ* и его дочери, на стр. 65 генеалогіи.

64) Тотже авторъ упоминаетъ о Шеміотахъ, родственникахъ Кесгайллы.

65) Неупомянутыя мною въ текстѣ литовскія слова, значеніе коихъ отчасти мнѣ не извѣстно, въ алфавитномъ порядкѣ слѣдующія.

Algis „angelus est summorum deorum". Ангелъ по лит. angelas, по жмуд. anjełas (Ширвидъ). Alga заплата, algininkas наемникъ. Прэторіусъ упоминаетъ о „Fewerengel", имя котораго Литовцы не хотятъ сказать.

Atlajbos. Caeterum quid agant Salaus, Szlotrazis, Birzulis, Siriczus, Dwargonth, Klamals (sic), Atlajbos. alüque ejus generis non libenter id Christianis aperiunt. Opitulatores illos hominum esse ideoque invocandos persuasum habent. Одного изъ этихъ „opitulatores" мы уже знаемъ, а именно *Szluotrazis*, старая метла, опомелокъ. Въ словѣ Klamals мы нашли опечатку, вмѣсто *Klawals* и объ обоихъ уже я высказалъ свое мнѣніе въ текстѣ, слово же *Atlajbos*, для меня непонятное; по г. Прэкеру оно означаетъ озеро, котораго я напрасно искалъ въ означенной имъ окрестности (около Хвалони).

Audros deo maris caeterarumque aquarum cura incumbit. *Audra* вѣтерь, орканъ;

волны, морскія волны. Нессельм. p. 14 Orkan, Windsbraut, plötzlicher heftiger Windstoss. Flut, Ueberschwemmung. Въ первомъ значеніи употребляютъ его рыбаки; другое значеніе находится въ словаряхъ Mielke, Ruhig, Brodowski, болѣе опредѣленнаго мы не знаемъ ни о формѣ слова, ни о его значеніи. Въ пѣсняхъ божество моря и морскихъ волнъ называется *Bangputis* раздуватель волнъ или просто *Bangu dĕraitis*. Ср. Nesselm. p. 10 X.

Babilos apum (deus est). Прэторіусъ IV, 73 (Pierson 32) въ одномъ мѣстѣ, гдѣ слѣдуетъ Ласицкому, пишетъ *Biczbirbins* der Bienengott безъ всякаго объясненія кажется, что этимъ онъ хотѣлъ поправить Ласицкаго; въ другомъ мѣстѣ VI, ii: „manche rufen nach den birbullis oder biczin birbullis den bienengott an, dass er ihnen Glück bei der Beute gebe. По словамъ г. Прэкера Babilos означаетъ подбирателя меда „podbieracza miodu“ и легко можетъ быть, что это прямо значитъ батракъ: русское *бобыль* лит. *bobis bobilas*. Пчела по лит. *bittis*, женск. рода, отъ чего Gen. Plur. bittiu biczin. Мать пчелъ: *Bittinas* муж. рода. Пѣсни о пчелахъ см. Спрогисъ p. 82 и слѣд.

Birzulis Ср. Atlajbos; beržas и birzas береза, отъ чего уменшительное и ласкательное: Berzulis, Birzulis. По словамъ г. Прэкера: озеро въ Литвѣ. Birzule также названіе нѣкоторыхъ мѣстностей, непремѣнно отъ того, что тамъ березы росли. Слѣдуетъ замѣтить, что въ литовскихъ пѣсняхъ очень часто упоминается о березахъ и что она могла считаться священнымъ деревомъ, не только въ случаѣ, если она была rumbuota ср. Klawals въ текстѣ. Berzelis также мѣсяцъ май.

Dwargonth ср. Atlajbos. Акелевичъ (Лелевель T. V. 462) читаетъ dwargintis. Dwaras означаетъ: дворъ; ganitojis попечитель, покровитель (никогда: „*сторожъ*“ или дворникъ) почему dwarganitojis покровитель двора. У Прэторіуса читается Dwargantis, которое по этимологіи означаетъ: получителя двора.

Ežagulis. Ласицкій пишетъ: „Skierstuwes festum est farciminum, ad quod deum Ezagulis ita vocant: Vielona velos attejk musmup und stala. Veni, inquit, cum mortuis farcimina nobiscum manducaturus“. Я привелъ, какъ обыкновенно, цѣликомъ сюда относящееся мѣсто; въ латинскомъ текстѣ, слово: „*inquit*“, непонятно; спрашивается кто „inquit?“ Словамъ: veni nobiscum manducaturus, соотвѣтствуютъ „ateik musump unt stala“. Остальное совершенно непонятно. *Ežegullis* я однажды напрасно старался отгадать (Jan Łasicki etc. p. 37 sqq). Это слово состоитъ изъ двухъ частей: первая Ezia, Eže, межа; другая gullis (отъ gulti лежать), ложе, или лежащій; отсюда Ežegullis, или Ežgullis лежащій на межѣ. Точно такъ žemgullis лежащій на землѣ (Nesselm. p. 543 s. v. auf der erde am boden liegend). Слѣдовательно Ežgullis означаетъ просто лентяя, значеніе, въ которомъ оно употребляется еще до сихъ поръ (какъ мнѣ одинъ литовецъ говорилъ). Въ такомъ случаѣ онъ не имѣетъ никакой связи съ тѣнями умершихъ. Изъ латинскаго текста остаются слова: „cum mortuis“ и „farcimina“. Послѣднее по литовски: *deszra* (почему я полагалъ, что вмѣсто Ezegullis можно читать deszragullis „zastawa kiszek“

wurstlager столъ заставленный кишками). Въ литовскихъ словахъ Vielona, velos, напрасно ищется значенія кишекъ. Cum mortuis, по лит. su velems; это въ крайнемъ случаѣ можно найти въ испорченномъ: velos. О *Vielona* Ласицкій еще разъ говоритъ: Vielona Deus animarum; cui tum oblatio offertur, cum mortui pascuntur. Dari autem illi solent frixae placentulae, quatuor locis sibi oppositis, paullulum discissae; eae Sikies Vielonia pemixlos nominantur. Такъ какъ слово Vielona читается два раза, а третій разъ въ формѣ Vielonia и всѣ три раза относится къ божеству умершихъ, то думаю, что въ этомъ и есть доля правды. Только форма Vielona для меня необъяснима; vëles (читается vieles) тѣни усопшихъ; простительно ли образовать отъ veles, velonis? по жмудзки velonas? какъ отъ pirmas=primus, Pirmonis der erstling der frucht? отъ żaltis змѣй żaltonis колдунъ змѣевъ: żveris звѣрь, żveronis колдунъ „weideler, die die geheiligten Thiere in Wäldern, besonders Elenne, Eulen u. s. w. geehret und in Acht genommen. Vejas вѣтеръ, Vejonis, знахоръ, знающій заговаривать, отгонять вѣтеръ; точно такъ образовались слова: Sietonis, Saitonis Puttonis, Oronis, Żwakonis, Vaszkonis Vidduronis, Pustonis, Sapnonis, Kaukuczonis и т. под. слова, означающія извѣстный родъ гадателей, общее названіе коихъ: Vaidele, Vajdeluotas, т. е. знахоръ. Въ такомъ случаѣ, т. е. если можно образовать отъ veles, Velonis (по жмудзки Velonas?), я возстановилъ бы слова Ласицкаго слѣдующимъ образомъ: Vieloni (по жмудзки Vielona?) su velems ateik musump unt stala т. е. Велонисъ съ тѣнями умершихъ приходи къ намъ обѣдать. Объ общеизвѣстномъ обычаѣ, приглашенія умершихъ, здѣсь нѣтъ мѣста распространяться; слово Велонисъ, какъ кажется, означаетъ божество владѣющее усопшими. Ему, по словамъ Ласицкаго, приносили пироги, sikkes, sikkies. Вмѣсто pemixlos слѣдуетъ читать: penukszłai Nom. Plur. отъ penukszłas пища, Ширвидъ: pokarm, Nesselm. p. 284 s. v. speise, nahrung, viehfutter... Dusziôs penukszłas ein schmeichelwort, Seelenfrass. Vielonia (sic) долженъ быть родительный падежъ. Eżgullis слѣдуетъ оставить въ сторонѣ; ср. въ текстѣ krukis i Budrajtis. По словамъ г. Прэкера penukszlas теперь означаетъ жирнаго поросенка (Kabanek, roczniak nakarmiony) значеніе, которое непремѣнно произошло отъ главнаго: лакомый кусокъ.

Gardunithis, custos (agnellorum) recens editorum. Gardas означаетъ заборъ, ein offener stall fur die Schaafe, Hürde. Акелевичъ gardantis (по жмудзки garduntis? какъ вмѣсто ant, жмудское unt?) пастухъ овецъ, овчарь. Правда-ли, что „gardunitis“ значитъ теперь животное хранимое въ оградѣ, которое нѣжили (pieszczone, trzymane w zagrodzie zwierzę)?

Gondu. Puellae quoque quendam Gondu adorant et invocant. Я напрасно пытался отгадать и объяснить это слово (Jan Łasicki p. 60; но мое мнѣніе кажется ошибочное). Прэторіусъ знаетъ божество Gothai (sic) die göttin der vermehrung wird noch geehret (т. е. во второй половинѣ XVII вѣка). „Dem Viehgott Baubis ist verwandt Gotha (sic) eine Göttin der Vermehrung, welcher auch die Erstlinge des Viehes geschlachtet werden.

Gota, Gotas (Guota, Guotas) по Нессельману: die Heerde, Viehherde. Gondu, судя по латинской конструкціи былъ бы Acc. Sing. отъ Gondas или Gonda. Я не знаю ничего положительнаго объ этомъ будто бы божествѣ.

Guboi. Слова Ласицкаго: Praeterea sunt certis agris, quemadmodum nobilioribus familiis, singulares dei, videlicet *Devoitis* (читать: dëvaitis) agri Pojurskii, *Vetustis* Retowskii, *Guboi ac Twerticos* Sarakowskii, *Kirnis* Plotelscii.

Guba, говорятъ, означаетъ: копну изъ 15 сноповъ, mendele.

Kirnis. О немъ Ласицкій говоритъ, что онъ богъ покровитель Плотельской земли: въ другомъ же мѣстѣ: *Kirnis* caerasos arcis alicujus secundum lacum sitae curat. In quos. placandi ejus caussa gallos mactatos injiciunt, caereosque accensos in eis figunt.

Kirnis не находится въ словарѣ Нессельманна; по словесному объясненію значитъ: костечка изъ вишни, и въ такомъ случаѣ о божествѣ kirnis нечего и думать. Другое дѣло если оно значитъ Вишневое дерево, потому что извѣстно, что литовцами были почитаемы рощи и отдѣльныя деревья, напр.: дубъ, липа, береза, яблонь и т. п., кромѣ того, всякое дерево, имѣющее особый видъ, который по словамъ Прэторіуса состоитъ въ слѣдующемъ: Alle Art Bäume, deren stamm sich von einander gezweiget und wieder zusammengewachsen, sind den Preussen heilig gewesen und sind es manchen noch. So war ein zusammengewachsener Birnbaum in einem Garten zu Nibudzen (т. е. тамъ гдѣ Прэроріусъ проживалъ), den die Leute rombotha (sic) Krauszis nannten, und ein maldinink oder Weidelotte *aus Zamaiten*, der ihn gesehen betrachtete ihn mit Ehrfurcht. На стр. 16: Abbildung einer, wegen ihres *eigenthümlichen Wuchses*, als heilig verehrten *Tanne* bei Nibudzen, welche noch anno 1664 gestanden. Bis *weit aus Litauen* sind die Leute zu diesem Baum gewallfahrt. Sie haben diese Tanne auch Rumbuota genant, und gesagt, wenn sie zu ihr gingen: eikim Rombhową.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что каждое дерево, имѣющее видъ подобный описанному, было почитаемо не только въ Пруссіи, но также и въ Литвѣ и въ Жмудзи, почему и вишню подобнаго вида могли почитать какъ въ Плотеле, такъ и въ другихъ мѣстностяхъ; интересный разсказъ Ласицкаго пополняется сообщеніемъ Прэторіуса, какимъ именно образомъ Литовцы оказывали свое почитаніе священнымъ деревьямъ.

Kremata porcorum ac suum est deus; cui similiter focos excitant et cerevisiam super eas fundunt.

Слово Kremata совершенно неясно; Kremtas sc. maitelis, боровъ; Kremtas, fem. Kremtanti; neutr. Kremta, это part. act. отъ Kremtu, Krimtau, Krimsu, Krimsti обгрызать, Krimstus, Kramstus и Kramtus=прожорливый, обжора. Простой народъ очень часто называетъ отдѣльныя животныя по ихъ качеству или цвѣту, по чему можно предполагать, что и здѣсь Kremtas будетъ простонароднымъ названіемъ вмѣсто обыкновеннаго —боровъ.

Не принять-ли опечатку Kremata=Krewata, какъ Klamals=Klawals? а Krewata= Kreiwaitis ласкательное отъ kriwas, kreiwas, кривой, и считать это эпитетомъ того же животнаго? Трудно рѣшить; замѣтимъ только, что насъ поражаетъ третій уже будто-бы покровитель нерогатаго скота. Ср. Priparszis i krukis.

Оставляя въ сторонѣ предположенія о формѣ и значеніи загадочнаго Kremata, я считаю умѣстнымъ указать на то, что Ласицкій говоритъ объ обрядѣ, совершаемомъ надъ нерогатымъ скотомъ. Интересомъ Ласицкаго было выдумать божества, не обряды; кромѣ того въ другихъ источникахъ мы читаемъ также о подобныхъ возліяніяхъ пива и зажиганіяхъ огня. Наконецъ Прэторіусъ сообщаетъ намъ обрядъ, совершаемый надъ телятами, который назывался: Iszwentinnimas Karwiu, т. е. Освященіе коровъ. Хозяйка намазывала сыромъ ротъ и голову новорожденнаго теленка между рогами, говоря: рости здорово! пусть Богъ (ponas Dëvas) пошлетъ тебѣ здоровье! Если это былъ бычекъ, продолжала: пусть дастъ мнѣ полную калиту (если его продастъ); если же была телушка то говорила: пусть даетъ хорошую породу.

Такъ какъ Ласицкій въ сообщенномъ мѣстѣ говоритъ о поросятахъ и свиньяхъ, можетъ быть онъ имѣлъ въ виду подобный обрядъ.

Kriksztas (Ласиц. Kriksthos) cruces in tumulis sepultorum custodit. Kriksztas, крестъ.

Liginczus; о немъ сказано въ текстѣ; вопросъ о немъ окончательно не рѣшенъ, по тому что у латышей онъ встрѣчается съ богинею радости и торжества (?) „Лига". Бривз. стр. 10. Отвлеченной характеръ этого божества—не въ духѣ литовскихъ вѣрованій.

Miechutele (et Srutis) colorum dii sunt: quos in silvis, colores ad lanam tinguendam quaerentes, venerantur. Звука *ch* нѣтъ въ литовской рѣчи; кажется что слѣдуетъ читать *Meletele* или Melitele, божество находящееся въ источникахъ въ формѣ Meletette, и пр. Quid Laimella tibi praestabit, quid Meletette? (Mannhardt p. 41). Прэторіусъ „der farbengott"; очевидно, что Прэторіусъ слѣдуетъ Ласицкому. Melis значитъ растеніе: Isatis tinctoria, отчего уменшительное *Melitele.* Отъ корня *mal* производяться слова, означающія голубой цвѣтъ ср. Nesselmann p. 392 s. v. Mele и дальше.

Orthus lacus est piscosus, quem colunt.

Pessejas inter pullos omnis generis recens natos, post focum latet. Мнѣ неизвѣстно, что означаетъ Pessejas. Мангардтъ предполагаетъ, что слѣдуетъ писать *Peczejas* отъ peczus, печка; мнѣ кажется, что peczus славянскаго происхожденія. Настоящее литовское слово есть *Krosnis.* Древніе литовцы не знали печей изъ кафель, по чему kakalis изразцовая печка не производится отъ древнѣйшаго корня kak (сравни coquo, culina cuclina), только отъ нѣмецкаго *Kachel*, изразецъ. Въ другомъ мѣстѣ тотъ же ученый предполагаетъ читать peszejas отъ pesza, чадъ, czad. Возможно также образовать отъ корня *pa* tueri, существительное *piestejas* покровитель (сравни латышское Isz-piestitojis Спаситель). Какъ

бы то ни было, всѣ эти производства не объясняютъ божества; только подробное изученіе быта древнихъ литовцевъ можетъ доставить желаемое разъясненіе.

Prigirstitis hic est, qui murmurantes exaudire putatur; jubent igitur ut quis summisso murmure hoc vel illud loquatur, ne clamantem Prigirstitis audiat. Кромѣ литовскаго prigirsti, означающаго: „могу слышать", я ничего не могу сказать ни о формѣ ни о значеніи сказаннаго слова.

Salaus божество, о которомъ Литовцы не охотно разсказываютъ христіанамъ ср. Atlajbos. Sala, островъ; salaus житель острова?

Sidzius. „Sunt etiam quasdam veteres nobilium familiae, quae peculiares colunt deos, ut Mikutiana *Simonaitem*, Michelovicіana *Sidzium*, Schemietiana et Kiesgaliana Ventis *Rekicziorum*, aliae alios. Мы уже выше узнали, въ чемъ состоитъ родовое божество Кесгайловъ и Шеміотовъ; генеалогію Михеловичовъ (Михайловичовъ?) я до сихъ поръ не знаю; но мнѣ кажется, что въ словѣ Simonaitis, найдемъ какого то сына Семена—Семеновича; судя по аналогіи; *Sidzius* будетъ какое то собственное имя лица или мѣстности.

Siriczus ср. Atlajbos, г. Прэкеръ мнѣ говорилъ, что Sirunczis названіе потока, гдѣ онъ плыветъ не знаю.

Srutis божество краски ср. Miechutele; sriutta или sriauta=лужа.

Tiklis ср. Atlajbos. Тыклисъ, озеро, недалеко отъ Хвалони 20⁰,0 длины и 55⁰,40 ширины.

Twertikos, ср. Guboi, twerti, ограждать; tworą twerti плетнемъ загородить; отъ чего и twertikas, кажется, означаетъ плетень, заборъ.

Vetustis божество Ретовской земли ср. Guboi. Vëtuze, мѣстечко отъ vëta мѣсто; вѣроятно Vetuže будетъ названіе какого то мѣстечка въ Ретовской области.

Valgina „aliorum [т. е. кромѣ Priparszis б. поросятъ (?) и Ratajnicze лошадей (?)] pecorum (habetur deus). Valgiti ѣсть, кушать; Valgimas пища; почему Valgima (не Valgina) будетъ жмудской Gen. Sing. этого существительнаго вмѣсто литовскаго Valgimo.

Ласицкій упоминаетъ еще объ одномъ божествѣ, „Žemienik" (Zemieninkas?); свѣдѣнія о немъ заимствовалъ у Гвагнина, а не у Лясковскаго, почему и удобнѣе будетъ болѣе подробно о немъ поговорить при разборѣ сочиненій Гванина и Стрыйковскаго.

Этимъ и окончимъ наши критическія замѣчанія, касающіяся той части сочиненія Ласицкаго, въ которой онъ передаетъ намъ свѣдѣнія, сообщенныя ему Ласковскимъ. Я вполнѣ убѣжденъ, что въ моихъ замѣчаніяхъ еще много пробѣловъ, можетъ быть, и ошибокъ въ объясненіи нѣкоторыхъ словъ: однакоже надѣюсь что теперь никто не сочтетъ сочиненія Ласицкаго серіознымъ источникомъ для изученія литовской миѳологіи.

Списокъ находящихся въ рефератѣ литовскихъ словъ.

Ajtwaras
Alabathis
Algis
Apidome i Apideme
Aspelene
Atłajbos
Audros
Ausca
Austheja
Auxthejas
Babilos
Bangputis
Barstuccae
Bentis
Bezlea
Biczbirbins, Birbullis
Birzulis
Breksta
Budintoja
Budraitis
Datanos
Derfintos
Dëvaitis
Dugnai
Dwargonth
Eraiczin
Eżagulis
Ezernim
Gabie
Gabëta
Gardunithis
Givojtos
Gondu
Guboi
Ilgi
Karvaitis
Kaukai
Kërpiczus
Kirnis
Klamals
Kremata
Kriksthos
Krosnis
Krukis i Kruke
Kurvaiczin
Łazdona
Laukpatimo
Liginczus
Luibegeldae
Matergabia
Meletele
Межа Вирсъ
Miechutele
Miggis
Modeina
Nulaidimos
Numejas
Orthus
Panika
Pemixlos
Perkunos
Perkuna tete
Pessejas
Pizius
Polengabie
Prigirstitis
Priparscis
Puiże, Pujsi
Ragana
Ratajnicze
Raugużemepats
Rekicziovus
Salaus
Sidzius
Sikkies
Sziliniczus
Simonaitis
Siriczus
Skierstuves
Smik, Smik per Velenu
Srutis
Szłuotrazis
Titnagas
Tratintojas Kibirksztiu
Tasvirzis
Tawals
Tiklis
Twertikos
Ublanicze
Vetustis
Vielona
Vissagistis
Vaisganthos
Valgina
Varpuolis
Ziemiennik
Zemepats.

О КОНСТАНТИНѢ ИВАНОВИЧѢ КНЯЗѢ ОСТРОЖСКОМЪ.

Рефератъ **Л. М. Романовскаго.**

Прославившійся знаменитыми подвигами Константинъ Ивановичъ кн. Острожскій, происходилъ отъ Владиміра Всеволодовича Мономаха, изъ старшей линіи его рода, низшедшей отъ Данила Романовича, короля Руси. Родоначальникомъ рода Острожскихъ былъ князь *Даніилъ Василіевичъ*, сподвижникъ Любгарда Гедыминовича, основавшій, во время княженія послѣдняго на Волыни, на рубежѣ Луцкаго княжества, на берегахъ Горыни, укрѣпленный сторожевой городокъ *Острогъ* и по его имени названный княземъ Острожскимъ [1]).

Его сыну, князю *Федку* Даниловичу, король Ягелло Ольгердовичъ пожаловалъ утвердительною грамотою, данною въ Луцкѣ 1386 года, въ воскресеніе (die Dominica intra Octavam omnium Sanctorum) въ первыхъ числахъ ноября, при составленіи которой были свидѣтелями: Сандомирскій воевода Иванъ (Тарновскій); каштеляны: Люблинскій—Петръ Кмита, Сандомирскій—Крыстынъ съ Козѣгловы; подкоморій, Спытко (Мельштынскій) и др., замокъ Острогъ съ округомъ (cum districtu Заславъ, Корчикъ, Хлапотинъ etc.) въ вѣчную и потомственную собственность съ обязательствомъ повиновенія и службы, которыя онъ исполнялъ прежде королевскому дядѣ, умершему Волынскому князю Любгарду Гедыминовичу „Eo modo et conditione, quibus dictus Dux Fedor illustri principi, *olim* Domino Lubhardo, Duci Vladimiriensi, patruo nostro charissimo, ab antiquo servivisse“.....

---

[1]) Нѣкоторые писатели отождествляютъ кн. Даніила съ Данькомъ, Дашкомъ или Деткомъ но это было отдѣльное лицо, современное князю Даніилу, какъ видно изъ лѣтописи Янка изъ Чарнкова архидіякона Гнезненскаго въ изданіи Соммерсбергера.... „Baro Detko castrum Præmislensem habens, cum quodam Daniele de Ostrog et aliis nobilibus“.....

Замѣчу кстати, что на основаніи приведенной грамоты, возстановляется ошибка нѣкоторыхъ лѣтописцевъ, причисляющихъ потомковъ Любгарда къ Ольгердовичамъ. Мы видѣли даже на стѣнахъ Кіево-печерской лавры надписи, въ которыхъ Любгардовичи наименованы потомками Ольгерда; между тѣмъ какъ изъ вышеприведенной подлинной грамоты Ягеллы Ольгердовича видимъ, что онъ признавалъ князя Любгарда не братомъ своимъ, а дядею, т. е. не Ольгердовичемъ, а Гедыминовичемъ.

Обращаясь за тѣмъ къ генеалогіи князей Острожскихъ, мы можемъ указать слѣдующія данныя:

Упомянутый князь Федько Острожскій оставилъ двухъ сыновей, изъ которыхъ одинъ: князь *Андрушко* Федоровичъ пребывалъ постоянно при королевскомъ дворѣ; изъ грамоты 1426 года (die Dominica intra Octavas Corporis Christi), данной въ Краковѣ, видно, что король назначилъ ему по сто гривенъ польскихъ изъ доходовъ соляныхъ Дрогобыцкихъ.

Второй сынъ Федька, князь *Василь* Федоровичъ, извѣстный на политическомъ и военномъ поприщахъ подъ названіемъ *Краснаго*, укрѣпилъ каменными стѣнами свой Острогъ, соорудилъ на *Красной горѣ* (доселѣ носящей его имя) существующія понынѣ башни, и, на противуположномъ холмѣ, среди цитадели, воздвигнулъ, основанный еще его дѣдомъ, великолѣпный храмъ Богоявленскій, котораго онъ считался ктиторомъ, и въ которомъ покоились его останки въ гробницѣ, обозначенной плитою изъ чернаго мрамора, пока внукъ Константинъ не перенесъ его праха въ Кіево-печерскую лавру. Но надгробная плита долго еще впослѣдствіи хранилась въ Дерманскомъ монастырѣ, пока наконецъ и ея не стало.... и церковь Острогская опустѣла.... осталась лишь на развалинахъ неизглаженная наддверная надпись—ляпидарное свидѣтельство основанія сего храма въ 1321 году. Князь Василь, женатый на княгинѣ Агафіи, племянницѣ Вел. князя Витольда Кейстутовича, оставилъ трое дѣтей:

—*Екатерину*, бывшую за мужемъ за Иваномъ Пацемъ.

—*Юрія*, который при дѣлежѣ получилъ въ долю Заславъ и сталъ писаться княземъ *изъ Острога Заславскимъ;* отъ него произошло особое колѣно князей Заславскихъ (Duces ab Ostrog in Zaslav), которое должно отличать отъ другаго современнаго ему рода князей Заславскихъ, происходившихъ отъ Вел. князя Явнуты Гедиминовича и владѣвшихъ инымъ Заславомъ, лежавшимъ въ Минской землѣ.

Третій сынъ Василя былъ *Иванъ*, получившій при раздѣлѣ „отчизный" Острогъ и сохранившій для себя и потомковъ титулъ князей Острожскихъ; онъ былъ женатъ на княжнѣ Глинской.

Отъ супружества этого родился въ 1461 году князь *Константинъ Ивановичъ Острожскій*.

Я не имѣю намѣренія распространяться о его жизни и подвигахъ, достаточно из-

вѣстныхъ изъ исторіи, въ которой онъ является вѣрнымъ сыномъ родной земли, знатнымъ сановникомъ, уклонявшимся отъ распрей съ соотечественниками, не участвовавшимъ въ междуусобныхъ раздорахъ, храбрымъ вождемъ, побѣдителемъ въ шестидесяти, изчисленныхъ лѣтописцами, сраженіяхъ, изъ которыхъ ни одно не вело къ посягательству на чужія владѣнія и всѣ стремились единственно къ защитѣ родины и государства. Грозный булатъ его въ теченіи 30 лѣтъ защищалъ русско-литовскія земли по всѣмъ направленіямъ: отъ Днѣпра до Буга, отъ Днѣстра до Нѣмана; за тѣ отличныя заслуги пожалованъ онъ былъ многими помѣстіями въ Литвѣ, Бѣлой Руси и Волыни; онъ былъ старостою Луцкимъ, Брацлавскимъ, Винницкимъ, маршаломъ цѣлой Волынской земли, каштеляномъ Виленскимъ—воеводою Троцкимъ, главнокомандующимъ гетманомъ великаго княжества Литовскаго—все это безспорно приводитъ насъ къ убѣжденію, что, ежели у другихъ народовъ, вождь, побѣдившій враговъ въ двухъ-трехъ сраженіяхъ, прославляется въ исторіи, то нашъ Острожскій, столько разъ спасавшій край отъ хищныхъ набѣговъ татарскихъ, заслужилъ по истинѣ отъ всѣхъ поколѣній сего края благоговѣйное воспоминаніе у его гробницы; но, подобно тому, какъ древнее изображеніе нашего богатыря, расписанное на сѣверной стѣнѣ Кіево-печерской лавры и его гробница въ томже придѣлѣ, закрыты кинотафіею и остаются въ тѣни неудободоступными—такъ и въ исторіи, не только съ достовѣрностью не отмѣчено время, въ которомъ сей народный дѣятель скончался, но и въ біографію его вкрались ошибочныя преданія, не разслѣдованныя въ теченія трехъ съ половиною столѣтій. На нихъ мы и обратимъ вниманіе:

—Аѳанасій Калнофойскій, помѣщая въ своей Тератургимѣ 1638 г. надгробныя лаврскія эпитафіи, показалъ, что князь Константинъ Ивановичъ жилъ 70 лѣтъ, и похороненъ въ 1533 году; жена же его, Татьяна, умерла 12 іюля 1531 индыкта 11-го; изъ чего слѣдуетъ заключить, что она скончалась прежде супруга; но эпитафія противорѣчитъ этому мнѣнію:

„......Какъ повелѣно, дабы шла за мужемъ жена и никогда не оставляла своего товарища, такъ и княгиня Татьяна идетъ за гетманомъ и на смертномъ одрѣ признаетъ его своимъ господиномъ, приказавъ положить себя около тебя, вождь воиновъ".

Изъ этихъ словъ видно, будто бы она умерла послѣ смерти мужа—но день смерти князя и княгини и ея имя показаны ошибочно въ Тератургимѣ Калнофойскаго; литовскій историкъ Нарбутъ въ 9-мъ томѣ опредѣленно означилъ день смерти князя гетмана: 18 августа 1531 г., но, повидимому, и онъ ошибается.

Въ памятникахъ, изданныхъ Кіевскою археографическою комиссіею, въ отдѣлѣ о монастыряхъ и братствахъ югозападной Руси, перепечатана рукопись 1499 года, пожертвованная княземъ Константиномъ Ивановичемъ Острожскимъ Дерманскому монастырю, при чемъ помѣщена родословная Острожскихъ, въ которой смерть князя Константина записана тоже ошибочно въ 1533 году.

Въ воспоминаніяхъ М. А. Максимовича о князѣ Острожскомъ и въ превосходныхъ жизнеописаніяхъ Н. И. Костомарова время смерти князя Константина не означено; видно только, что онъ въ 1499 году не находился на Волыни, а пребывалъ въ королевскомъ совѣтѣ „пановъ радъ литовскихъ“ въ Вильнѣ и предводительствовалъ Литовцами, отправившимися противъ вступавшихъ въ Бѣлую Русь войскъ царя Ивана Василіевича; въ стычкѣ 14 іюля 1500 года у Дорогобужа Смоленскаго, на берегахъ Ведроши, воеводою Даниломъ Щеня онъ взятъ былъ въ плѣнъ, изъ котораго возвратился въ Вильно подъ конецъ 1507 года, уже послѣ смерти короля Александра.

Относительно кончины князя Константина, я нашелъ въ Дубенскомъ архивѣ несомненныя актовыя указанія слѣдующаго содержанія.

„Я, Константинъ Ивановичъ князь Острожскій, вѣдомо чиню и пр. ....Штожъ зъ воли Божоѣ понялъ есьми былъ за себе жону, дочку князя Семена Юрьевича Гольшанского, кнегиню Ганну [1]). и взялъ есьми по они посагу немало: золота, серебра, клѣйноты и именіе ее материстое: Гольшаны, Ровно, Колодное... и пр. и имѣлъ есьми съ нею одного сына князя Илію; ино по моемъ животѣ ни на кого, одно на сына моего, князя Илію, тіи вси замки и миста, дворы, волости и села пріити мають..... а такъ, кгды вже жоны моеи, кнегини Ганны, зъ Божего допущенія *въ жывыхъ не стало* и, ежелибы я другу жону за себе понялъ и имѣлъ зъ нею сыны або дочки, тогды предся сынъ мой, князь Илія, самъ на себе то мае держаты..... въ чомъ далъ есьми сыну моему, князю Иліи, сей листъ, за моею печатію; а при томъ были: господинъ его милость отецъ нашъ, владыка Луцкій, Киріилъ; а князь Андрій Александровичъ Сангушковичъ, староста Володимерскій; а панъ Яковъ Михайловичъ Монтовтовичъ, староста Кремянецкій; а князь Александро Федоровичъ Буремскій; а князь Петръ Михайловичъ; а панъ Богданъ Гостскій. Писанъ оу Острозѣ, подъ лѣто Божого нароженія 1522, мѣсяца августа въ 21 день, индикта 10“.

Черезъ девять лѣтъ послѣдовала грамота короля Сигизмунда I, выданная въ Краковѣ 1531 года, августа 1 дня, индикта 4.

„Билъ намъ чоломъ воеводичъ Троцкій, князь Илія Константиновичъ Острожскій, и покладалъ передъ нами записный листъ отца своего, воеводы Троцкого, гетмана нашего найвышшого, небожчика князя Константина Острогского...... ......и его милость князь Илія, по животѣ отца своего, зъ мачохою своею, другою малжонкою *небожчика* князя Констентина, княгинею *Александрою* Семеновною, справу очевистую передъ нами мелъ“ [2])........

---

[1]) Княгиня Ганна, дочь кн. Семена Юрьевича Гольшанскаго и Анастасіи Семеновны кн. Несвицкой.

[2]) Кн. Александра, дочь Семена Михайловича кн. Слуцкого и Анастасіи Ивановны, внуки

И потому изъ выше приведенныхъ актовъ явствуютъ достовѣрныя доказательства въ томъ:

1) Что князь Константинъ Ивановичъ Острожскій скончался до 1 августа 1531 года, а не въ 1533 году.

2) Что женатъ онъ былъ не на Татьянѣ, а на Ганнѣ Семеновнѣ княжнѣ Гольшанской.

3) Что княгиня Ганна Гольшанская умерла не въ 1531 а въ 1522 году (раньше августа мѣсяца).

4) Что вторая жена князя Константина была Александра Семеновна (княжна Слуцкая).

Эти мои поправки историческихъ ошибокъ, вкравшихся въ біографію князя Константина Острожскаго, честь имѣю въ семъ собраніи ученыхъ „явно и вѣдомо учинити всѣмъ, *кому потреба буде того вѣдати*".

Лингвена Ольгердовича, мать кн. Василія-Константина двуименнаго Константиновича Острожскаго, воеводы Кіевскаго—умерла въ 1562 (какъ видно изъ письма короля Сигизмунда къ князю Василію, хранящагося въ Дубенскомъ архивѣ).

Не было ли въ Москвѣ опытовъ книгопечатанія прежде первопечатнаго Апостола 1564 года?

Рефератъ **А. Е. Викторова.**

Въ извѣстномъ „Сказаніи о соображеніи книгъ печатнаго дѣла", по поводу разсказа объ устроеніи въ Москвѣ Иваномъ Ѳедоровымъ и Петромъ Мстиславцемъ типографіи и о напечатаніи ими первой книги—Апостола 1564 г., передается слѣдующее извѣстіе: „повѣствуетъ же ся отъ нѣкихъ, яко прежде ихъ нѣцыи, или будетъ и они сами, малыми нѣкими и неискусными начертаніи печатываху книги, послѣди же совершеннѣ, той Іоаннъ да Петръ искусъ пріяста отъ тѣхъ прежереченныхъ Фрягъ; сего ради повелѣно бысть имъ отъ царя таковое дѣло составляти", и т. д. Итакъ, въ 1-й половинѣ XVII в., когда было составлено упомянутое сказаніе, на Руси существовало темное преданіе, что въ Москвѣ, хоть неискусно, но печатали книги и прежде первопечатнаго Апостола, что, по разсказамъ однихъ, эти книги были печатаны самими же издателями Апостола, а по разсказамъ другихъ, другими лицами.

Это преданіе, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ полнаго довѣрія, тѣмъ болѣе, что оно находится въ полной гармоніи съ общеизвѣстными фактами первоначальнаго учрежденія и развитія въ Москвѣ печатнаго дѣла. По показанію послѣсловія къ Апостолу Ивана Ѳедорова, типографія основана въ Москвѣ, въ 1553 г., между тѣмъ, первая книга начата въ ней печатаніемъ 19-го апрѣля 1563 года; слѣдовательно, принявши буквально это послѣднее извѣстіе, нужно допустить, что вновь учрежденная типографія, въ теченіе 10-ти лѣтъ послѣ своего основанія, оставалась безъ всякаго дѣйствія; а это, помимо простой несообразности, несовмѣстимо ни съ развившейся въ то время въ Россіи потребностью въ книгопечатаніи, ни съ извѣстною энергіей царя Іоанна IV, который незадолго

предъ тѣмъ такъ настойчиво (въ 1548 и въ 1550 г.) заботился о вызовѣ изъ-за границы типографовъ. Съ другой стороны, кромѣ свѣдѣнія о пріѣздѣ въ Москву въ 1552 г. типографа Ганса Миссенгейма, мы имѣемъ извѣстіе о бытности около того же времени въ Москвѣ печатныхъ дѣлъ мастера Нефедьева, который въ 1556 г. царемъ Іоанномъ IV былъ посыланъ въ Новгородъ, между прочимъ, для того, чтобы привести оттуда, всего вѣроятнѣй для печатнаго же дѣла Васюка Никифорова, умѣвшаго „рѣзать рѣзь всякую" (Доп. къ А. И. I, 96). Итакъ, кромѣ Ивана Өедорова, Петра Мстиславца и ихъ неизвѣстныхъ сотрудниковъ (клевретовъ), въ разсматриваемую эпоху были въ Москвѣ и другіе типографы, способности которыхъ, безъ сомнѣнія, были примѣняемы къ дѣлу. Не можетъ также не казаться страннымъ, что тогда какъ типографіи Южнославянскія и Угровлахійскія, а также и другія русскія типографіи въ первые годы послѣ своего основанія заботились о напечатаніи Богослужебныхъ книгъ, представлявшихъ для православныхъ церквей предметъ первой необходимости, каковы: Евангеліе, Часословъ, Октоихъ, Служебникъ и др., типографія Московская открыла свою дѣятельность съ изданія Апостола, имѣющаго въ церковно-богослужебной практикѣ значеніе гораздо меньшее. Вотъ почему большая часть нашихъ библіографовъ полагали, что Иваномъ Өедоровымъ, кромѣ Апостола, было напечатано также и Евангеліе, хоть это мнѣніе и осталось безъ окончательнаго разъясненія. Наконецъ, по общему признанію, первое произведеніе Московской типографіи, какимъ считается Апостолъ 1564 г., въ типографскомъ отношеніи не только вполнѣ удовлетворительно, но даже можетъ быть названо изящнымъ, — можетъ равняться съ лучшими, предшествовавшими ему славянскими изданіями типографій Южнославянскихъ даже Венеціанскихъ, владѣвшихъ типографскими способами несравненно бо́льшими. Итакъ, соображая отдаленность Москвы отъ тогдашнихъ европейскихъ центровъ типографскаго искусства, нельзя не придти къ мысли, что изъ типографіи Московской столь удовлетворительнаго опыта съ самаго начала явиться не могло, что въ развитіи дѣятельности этой типографіи должна была имѣть мѣсто извѣстная постепенность, и опытамъ совершеннымъ должны были предшествовать опыты менѣе совершенные, менѣе удовлетворительные.

Но были ли дѣйствительно эти опыты и сохранились ли отъ нихъ какіе-либо слѣды? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ имѣю честь предложить вниманію Археологическаго съѣзда результаты своихъ наблюденій надъ нѣкоторыми изъ принадлежащихъ къ разсматриваемой эпохѣ славянскихъ старопечатныхъ книгъ, которыя были выпущены въ свѣтъ безъ выходовъ, т. е. безъ означенія мѣста и времени изданія.

Изъ такого рода памятниковъ въ разсматриваемомъ вопросѣ особенно имѣютъ важность слѣдующіе:

1. Евангеліе безъ изображеній Евангелистовъ, описанное въ Росписи славянскихъ старопечатныхъ книгъ Ширяева подъ № 1-мъ, напечатанное въ малый листъ на 322 листахъ,

не имѣющихъ (за исключеніемъ л. 9—16 и тетр. 6—9) помѣты ни по листамъ, ни по-тетрадямъ.

2. Евангеліе безъ изображеній Евангелистовъ, извѣстное по каталогу старопечатныхъ книгъ Царскаго подъ № 12, напечатанное на 397 листахъ, также въ малый листъ и безъ всякой помѣты.

3. Постная Тріодь, принадлежащая Новоіерусалимскому Воскресенскому монастырю, въ л. на 396 и 19 листахъ съ помѣтою, какъ по листамъ, такъ и по тетрадямъ,—изданіе по шрифту и по набору страница въ страницу сходное съ извѣстною, также не имѣющею выхода Тріодью Царскаго № 13.

Всѣ эти изданія въ нашей библіографіи причисляются къ памятникамъ книгопечатанія начала XVI в., и именно къ произведеніямъ типографій южныхъ, т. е., очевидно, Южнославянскихъ или Угровлахійскихъ. Но, при ближайшемъ разсмотрѣніи ихъ, какъ то, такъ и другое, оказывается невѣрнымъ. Первому, кромѣ другихъ признаковъ, противорѣчатъ находящіеся на бумагѣ, на которой напечатаны эти изданія, водяные знаки, которые восходятъ лишь къ 50-мъ гг. XVI столѣтія, но никакъ не ранѣе. Второе не можетъ быть допущено на основаніи отличающихъ эти изданія типографскихъ и филологическихъ признаковъ, которые, какъ на мѣсто происхожденія этихъ изданій, указываютъ не на славянскія земли, а именно на Россію и въ частности на Москву.

Сущность этихъ признаковъ состоитъ въ слѣдующемъ:

Во 1-хъ шрифтъ. Шрифтъ, которымъ напечатано изданіе № 1, какъ справедливо замѣчено еще въ каталогѣ Ширяева, изъ извѣстныхъ шрифтовъ не подходитъ близко ни къ одному; но все же къ шрифтамъ первыхъ Московскихъ изданій и въ особенности къ современнымъ имъ, употреблявшимся въ средней Россіи почеркамъ, онъ ближе, чѣмъ къ шрифтамъ Южнославянскимъ, Скориннинскимъ и т. д. Зато шрифты изданій № 2 и 3 совершенно такого же характера, а большая часть литеръ того же самаго рисунка, какъ и шрифтъ Московскій, такъ называемый, первопечатный. Разница между первымъ и послѣднимъ лишь въ томъ, что шрифтъ изданія № 2 крупнѣе его, а шрифтъ изданія № 3 сжатѣй и тоньше. Замѣтимъ при этомъ, что шрифтъ изданія № 1 имѣетъ много общаго съ № 2-мъ, а этотъ послѣдній имѣетъ еще болѣе близкую чѣмъ съ первопечатнымъ Апостоломъ аналогію съ шрифтомъ Московскаго также безъ выхода Евангелія (вѣроятно, конца XVI в.), по Сопик. № 12,898, а по Унд. № 206.

2. Орнаментъ. Заставки и большія, такъ называемыя, фряжскія литеры (въ началѣ Евангелія во всѣхъ разсматриваемыхъ изданіяхъ того же характера, какъ и въ первыхъ Московскихъ изданіяхъ: въ Апостолѣ 1564 г., въ Псалтири 1568, въ московскихъ Тріодяхъ, въ Заблудовскомъ Евангеліи и т. д., съ тою лишь разницею, что вѣтви, листья, цвѣты и проч., изъ которыхъ эти орнаменты составлены, въ разсматриваемыхъ изданіяхъ мелче, а въ Московскихъ крупнѣе. Одинаковаго съ послѣдними изданіями характера, а большею

частію и рисунка также вязныя заглавія, а равно продолговатыя киноварныя заглавныя литеры и проч., съ тѣмъ лишь отличіемъ, что эти послѣднія въ первыхъ Московскихъ изданіяхъ внизу имѣютъ большею частію украшенія въ видѣ хвостиковъ, чего въ разсматриваемыхъ изданіяхъ нѣтъ. Въ изданіяхъ Южнославянскихъ, Угровлахійскихъ и проч., ничего аналогическаго этимъ орнаментамъ указать нельзя. Относительно изданій № 1 и 2 слѣдуетъ обратить вниманіе, что въ томъ и другомъ большая часть орнаментовъ по рисунку совершенно одинаковы и отличаются только размѣромъ, другіе же, вѣроятно, оттиснуты были однѣми и тѣми же клише. Къ числу орнаментовъ послѣдняго разряда принадлежатъ: вязныя заглавія Евангелій и литера з въ началѣ евангелиста Марка, заставки въ началѣ Евангелія Луки и передъ Соборникомъ, изображеніе въ видѣ парамана въ концѣ 45 зачала евангелиста Іоанна и др.

3. Рецензія текста. Текстъ въ обоихъ Евангеліяхъ, за самыми рѣдкими и неважными исключеніями (наприм. матерь, матере; отшедшимъ, отшедшемъ и т. п.), одинъ и тотъ же; этотъ текстъ сходенъ буквально: а) съ другими извѣстными въ нашей библіографіи старопечатными Евангеліями безъ выходовъ, каковы Царскаго № 14 и Унд. № 206; б) съ Московскимъ изданіемъ 1606 г. и в) за исключеніемъ отличій въ правописаніи, съ Виленскими изданіями 1575 и 1600 г. Изъ рукописныхъ Евангелій, какъ оказалось по сличенію, упомянутый текстъ всего ближе подходитъ къ русскимъ спискамъ Четвероевангелія, принадлежащимъ XV—XVI в. и, сравнительно съ древними, пергаменными списками, Евангеліями апракосами, представляетъ тѣ же отличія, какія находятся между этими послѣдними и первыми въ отношеніи другъ къ другу (см. Горскаго Оп. Синод. библ. I, 284 и дал.). Текстъ Постной Тріоди, за исключеніемъ отличій въ составѣ и въ порядкѣ статей, почти буквально сходенъ съ Московскою Тріодью 1589 г., а также съ древнѣйшими Московскими изданіями этой книги послѣдующаго времени. Во всѣхъ трехъ разсматриваемыхъ изданіяхъ, за неважными отличіями, одинаково съ первыми Московскими изданіями, а равно и съ современными русскими рукописями, и правописаніе, т. е. безъ юсовъ и вездѣ почти съ замѣной древнѣйшихъ южнославянскихъ полугласныхъ гласными, твердыхъ гласныхъ—мягкими и т. под. Одинакова съ первыми Московскими изданіями также и система разстановки строчныхъ и надстрочныхъ знаковъ. Въ послѣднемъ отношеніи, между разсматриваемыми изданіями въ отношеніи другъ къ другу, а равно между ними и первыми Московскими изданіями, есть и отличія, но также не важныя, которыя имѣютъ аналогію въ русскихъ же современныхъ имъ рукописяхъ.

Но находясь, въ указанномъ отношеніи, въ столь близкомъ родствѣ съ первыми произведеніями типографіи Московской, разсматриваемыя изданія, какъ по тексту, такъ тѣмъ болѣе по правописанію, представляютъ важныя отличія отъ соотвѣтственныхъ имъ изданій Южнославянскихъ и Угровлахійскихъ. Въ доказательство послѣдняго считаемъ не лишнимъ изъ тѣхъ и другихъ сдѣлать нѣсколько выписокъ, предварительно замѣтивъ,

что всѣ почти извѣстныя въ библіографіи Южнославянскія изданія Евангелія подходятъ, либо къ Брашевскому конца XV в., либо къ Угровлахійскому 1512 г. Еванг. Матѳ. II, 3. изд. Моск. и Вилен., начиная съ разсматриваемыхъ нами изданій безъ выхода: и҆ всѧ і҆ерⷭ҇лима с нимъ и собравъ всѧ пєрвосщ҇енники. Изд. угровлах. и брашевское: и҆ вєсь і҆ерⷭ҇лимъ съ нимъ. и҆ събра̀ всѐ а҆рхїерєѧ.—II, 21 и 22. Моск. и Вил. ищ҇ущен... а҆рхелаи. Браш. и҆скꙋщен... а҆рхелае. Угр. ищѫщен.. а҆рхелао.—III, 7. Моск. и Вил. рожденїа. Браш. и҆счедїа є҆хїднова. Угр. порожденїа—IV, 12. Моск. и Вил. и҆ разслабленны жилами. Браш. и҆ ѡ҆слаблєныѧ. Угр. и расслаблєныѧ.—V, 16. Моск. и Вил. лицемѣри. Браш. и Угр. инокрите. —IX, 7. Моск. и Вил. и҆ въставъ и҆зє́мъ ѡдръ свои, и҆ и҆де въдомъ свои. Угр. и Браш. и въставь и҆де въ домь свои.—X, 29. Моск. цѣнитьсѧ единомꙋ а҆ссарїю. Вил. цѣнитасѧ. Браш. є҆диномꙋ а҆ссарїю цѣнитесѧ. Угр. а҆ссарїи цѣнитѣсѧ.—XIII, 15. Моск., Вил. и Угр. отлъстѣ. Браш. одебелѣ.—XIII, 58. Моск. и Вил. силы мнóги. Браш. сїль много. Угр. сїль мнóгы҇. —XVIII, 27. Моск. и Вил. простѝ є҆го. Браш. ѿпоусти є҆го. Угр. поусти є҆го.—XX, 8. Моск. и Вил. вечерꙋ же бывшꙋ. Браш. и Угр. поздѣ же бывшꙋ.—XXIV, 2. Моск., Вил. и Угр. не видители. Браш. видѣсте ли.—XXVI. Моск. и Вил. стъклѧницꙋ. Браш. и Угр. алавастрь.—XXVII, 33. Моск., Вил. и Браш. краниєво мѣсто. Угр. лъ́бное мѣсто.—XXVII, 51. Моск. и Вил. и се завѣса. Браш. и Угр. и се ѻпона. Въ дополненіе къ приведеннымъ выпискамъ прибавимъ, что въ разсматриваемыхъ изданіяхъ Евангелія, а равно и во всѣхъ остальныхъ, какъ Московскихъ, такъ и Виленскихъ, въ Соборникѣ подъ 15 іюля читается: ѹ҆спеніе великаго самодержца роуськаго владимера, а подъ 24 числомъ того же мѣсяца: памѧть мꙋченикокъ Бориса и Глѣба, чего ни въ одномъ изъ Южнославянскихъ изданій Евангелія не находится. Предлагаемъ также нѣсколько сравнительныхъ выписокъ изъ изданій Тріоди. Заглавіе нашей Тріоди и Московской Тріоди 1589 г.: трепѣснець с҇ бгомъ починаемъ ѻ мытари и фарисеи. Загл. Крак. Тріоди 1491 г.: трьпѣснець надеждю имѣщомоу начинаемъ нѣлѧ ꙗже ѡ҆ мытарѣ и҆ фарисеи. Канонъ покаянный Андрея Критскаго, Ирмосъ 1. Моск. изд.: Помощникъ и покровитель бысть мнѣ въ спсенїе се ми є҆сть бгъ мои и҆ прославлю є҆го. бгъ ѿца моего и҆ възнесоу и. славно бо прослависѧ. Крак. Тріодь 1491 г.: Помощникь и покровите бы мнѣ въ спсенїе съ бъ мои прославлѣ его. бъ ѡ҆ца моє и възнесѧ и҆. славно бо. Венец. изд. 1561 г.: Помощни и҆ покровитель бы мнѣ вь спсенїе сь мнѣ-є бъ мои прославлю є҆го. бъ ѡ҆ца моег и҆ възнесꙋ и.—Ирм. 4. Моск. ѹ҆слышалъ є҆сть пррⷪкъ. Крак. слышаше пррⷪкъ. Венец. слышаше.—Ирм. 8. Є҆гоже воиньства нбⷭ҇наѧ славѧтъ. Крак. Є҆гоже нбⷭ҇наа славѧть. Венец. є҆го же вои нбⷭ҇ны славе.—Ирм. 9. Моск. мтре без моужны, нетлѣнно рожденїе... новотворитъ є҆стества. тѣмже тѧ вси роди. Крак. мтрѧ безъ мѫжа и безтлѧ прижитїе... ѡ҆бнавлѣеть є҆ства. тѣмже тѧ въси роди. Венец. мтрь без моужа и҆ без тлѣ прижитїе ѡ҆бнавлıа-є і-є́ство. тѣмже вьси роди.

Итакъ, повидимому, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что разсматриваемыя изданія суть произведенія печати не какой другой, а именно Московской. Перейдемъ теперь къ признакамъ, которые, показывая низкій уровень типографскаго искусства въ типографіи, изъ которой вышли эти изданія, приводятъ къ заключенію, что они могли явиться только въ первый періодъ Московскаго книгопечатанія, то есть прежде Апостола 1564 г., а не позднѣе. Важнѣйшіе изъ этихъ признаковъ слѣдующіе:

1. Неимѣніе при изданіяхъ выходовъ и отсутствіе при обоихъ Евангеліяхъ изображеній Евангелистовъ. Примѣры того и другаго, безъ сомнѣнія, могутъ быть указаны и въ изданіяхъ послѣдующаго періода Московской типографіи; но тогда эти примѣры были, какъ исключенія; въ это же время они, очевидно, составляли общее правило.

2. Отсутствіе помѣты, какъ по листамъ, такъ и особенно по тетрадямъ. Неимѣніе помѣты по листамъ не составляетъ рѣдкости въ Московскихъ старопечатныхъ изданіяхъ даже XVII в. Но неимѣніе столь необходимой помѣты въ типографической техникѣ по тетрадямъ составляетъ такую особенность, какой нельзя указать ни въ одномъ славянскомъ старопечатномъ изданіи, и которая въ данномъ случаѣ не можетъ не считаться признакомъ состоянія типографіи на первой степени развитія.

3. Грубость шрифта и неправильность сверстки въ изданіи № 1, а особенно въ томъ же изданіи неравенство строкъ въ длину съ правой стороны, изъ коихъ многія длиннѣе или короче одна другой часто на три, даже на четыре буквы,—особенность, которая также не встрѣчается ни въ одномъ изъ старопечатныхъ изданій, которая показываетъ, что печатаніе книги было произведено людьми непривычными и изданіе ея составляетъ одинъ изъ первыхъ опытовъ.

4. Изданіе № 2, какъ по шрифту, такъ и по набору и сверсткѣ, гораздо удовлетворительнѣй. Но младенческое состояніе типографской техники, неравенство строкъ въ длину и другіе недостатки и здѣсь бросаются въ глаза такъ же замѣтно, какъ и въ предыдущемъ изданіи, и если это послѣднее должно быть отнесено къ первымъ опытамъ типографскаго искусства, то первое, какъ представляющее шагъ впередъ, должно быть признано вторымъ опытомъ.

5. Шрифтъ изданія № 3, т. е. Постной Тріоди очень красивъ,—нисколько не хуже шрифта Московскаго первопечатнаго Апостола. Наборъ и сверстка также удовлетворительны. Но зато, кромѣ единственной заставки и вязнаго заглавія въ началѣ книги и продолговатыхъ киноварныхъ литеръ въ началѣ паремій и синаксарей, никакихъ орнаментовъ въ книгѣ не находится. Главное же—между отдѣльными службами нѣтъ даже отдѣленій, а заглавія этихъ службъ набраны точно такъ же строчнымъ шрифтомъ, какъ и заглавія отдѣльныхъ пѣсней, и это даже большею частію на той же строкѣ, на которой окончена служба предыдущая. Итакъ, и это изданіе, не смотря на относительныя свои достоинства, послѣ такого удовлетворительнаго опыта, какой представляетъ въ разсматри-

ваемомъ отношеніи Апостолъ 1564 г., въ одной и той же типографіи, какъ и предыдущія два, явиться не могло, и должно быть также отнесено къ первому ея періоду.

Прибавимъ къ сказанному, что водяные знаки на бумагѣ, на которой напечатаны разсматриваемыя изданія, начинаясь, какъ выше замѣчено было, 50 годами XVI столѣтія, не восходятъ далѣе 1564 г. Замѣчательно, что бо́льшая часть этихъ знаковъ, особенно въ изданіяхъ № 1 и 3, тѣ же самые, какіе видны на бумагѣ Московскаго первопечатнаго Апостола. Это даетъ поводъ догадываться, что издатели послѣдняго пользовались тѣмъ запасомъ бумаги, какой въ Московской типографіи былъ сдѣланъ прежде.

Но изложенныя соображенія на эпоху появленія разсматриваемыхъ изданій, безъ сомнѣнія, могутъ указывать только приблизительно. Къ счастію, на нѣкоторыхъ экземплярахъ этихъ изданій находятся признаки, которые избранное нами положеніе могутъ доказать съ математическою точностію. На одномъ изъ экземпляровъ Евангелія № 1, принадлежащемъ Московскому собирателю П. В. Щапову, и на экземплярѣ Постной Тріоди, принадлежащемъ Новоіерусалимскому монастырю, по листамъ читаются современныя памятникамъ Вкладныя подписи, которыя доказываютъ документально, что 1-е изъ этихъ изданій въ 1563, а 2-е въ 1562 г. уже существовали, но, безъ сомнѣнія, они могли быть напечатаны значительно ранѣе. По важности этихъ подписей въ разсматриваемомъ вопросѣ считаемъ нужнымъ привести ихъ буквально. Подпись на Евангеліи № 1: „Лѣта 7071 (1563), сию книгу но(во)печатное евангеліе положили на Лашпожнѣ (на Мезени) страстотерпцу Христову Георгію въ домъ Кирило Михайловъ сынъ Ѳеутина зъ братьею, а подписалъ Кирило самъ своею рукою апреля въ 23 д.“ Подпись на Постной Тріоди Новоіерусалимскаго монастыря: „7070 (1562) г. далъ книгу сію въ домъ чудному Богоявленію старецъ Севастьянъ митрополичъ (Моск. митр. Макарія) ключникъ по своей душѣ и по своихъ родителехъ на поминокъ“.

Къ разсматриваемому разряду изданій, т. е. напечатанныхъ, вѣроятно, въ Москвѣ прежде 1564 г., по нашему мнѣнію, должны также принадлежать: 1) Постная Тріодь безъ выхода библіотеки Царскаго № 13, которая, какъ было упомянуто выше, составляетъ буквальную перепечатку изданія Постной Тріоди, нами разсмотрѣннаго; 2) Тріодь Цвѣтная, которая въ неполномъ экземплярѣ находится въ библіотекѣ П. В. Щапова, и которая по своимъ типографскимъ особенностямъ и по своему тексту находится въ такомъ же родствѣ съ первыми Московскими изданіями и въ частности съ изданіемъ Цвѣтной Тріоди 1592 г., какъ и изданія, нами разсмотрѣнныя; 3) также вышеупомянутое, сходное съ разсмотрѣнными нами, Евангеліе безъ выхода и безъ изображеній Евангелистовъ, со счетомъ листовъ только до Евангелиста Луки, по каталогу Царскаго значащееся подъ № 14 и имѣющее на экземплярѣ этой библіотеки Вкладную надпись 1569 г. Очень можетъ быть, что послѣднее изданіе есть то самое, принадлежащее Ивану Ѳедорову Евангеліе, за которымъ въ нашей библіографіи было столько поисковъ.

Съ признаніемъ факта существованія въ Москвѣ книгопечатанія прежде 1564 г. легко примиряются и устраняются тѣ противорѣчія, которыхъ нельзя не признать въ исторіи нашего книгопечатанія въ современномъ ея состояніи. Въ такомъ случаѣ, прежде всего, эпоха мнимаго бездѣйствія Московской типографіи съ 1553 по 1563 годъ исчезаетъ, и старанія царя Іоанна IV о распространеніи книжнаго дѣла въ Россіи путемъ печати являются достигающими цѣли. Съ другой стороны, выборъ для напечатанія въ 1563—1564 г. Апостола, а не Евангелія, не Тріоди и не другой какой либо столь же необходимой для Богослуженія книги становится понятнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ становится понятнымъ и тотъ прогрессъ въ развитіи типографскаго искусства въ Московской типографіи, какой мы видимъ въ изданіи Апостола 1564 г. Наконецъ, въ такомъ случаѣ мы получаемъ и фактическое подтвержденіе прежде приведеннаго нами преданія, которое, какъ записанное только спустя 60—70 лѣтъ, оставлено быть безъ вниманія не можетъ.

Мысли о существованіи въ Москвѣ книгопечатанія въ разсматриваемую эпоху, по нашему мнѣнію, нисколько не противорѣчитъ и Послѣсловіе къ Апостолу 1564 г., на которое, обыкновенно, ссылаются въ доказательство положенія совершенно противоположнаго. Въ этомъ Послѣсловіи, въ слѣдъ за извѣстіемъ о снабженіи печатниковъ всѣмъ нужнымъ „на составленіе печатному дѣлу", сказано: „и первѣе начата (Ив. Ѳед. и Петръ Мстисл.) печатати сія святыя книги Дѣянія Апостольска въ лѣто 7071 (1563) апрѣля 19... совершени же быша въ лѣто 7072 (1564) марта въ 1 день". По сличеніи приведеннаго свидѣтельства съ соотвѣтственными ему выраженіями Послѣсловій къ другимъ нашимъ старопечатнымъ изданіямъ XVI в., нельзя не согласиться, что въ то время, на языкѣ печатниковъ, словами: „составленіе печатнаго дѣла", или „печатныхъ книгъ дѣла" (Послѣсл. къ Часосл. 1565 г. и къ Псалт. 1568 и 1577 г.), иначе „штанбы", или „друкарни" (см. тѣже Послѣсловія и Послѣсл. къ Заблуд. Учит. Еванг. 1569 и Львов. Ап. 1574 г.) обозначалось не учрежденіе типографіи вообще, а устройство, точнѣе примѣненіе, приспособленіе типографскаго механизма къ напечатанію одной опредѣленной книги. На этомъ основаніи и слово въ Послѣсловіи къ Ап. 1564 г. *первѣе* нужно понимать не въ смыслѣ 1-й печатной книги вообще, а въ смыслѣ 1-й книги, напечатанной въ Москвѣ Иваномъ Ѳедоровымъ и Петромъ Мстиславцемъ,—подъ ихъ главнымъ надзоромъ, приготовленнымъ ими шрифтомъ, наборомъ и проч. Въ этомъ именно смыслѣ въ Послѣсловіи къ Львовскому Апостолу 1574 г., напечатанному, какъ извѣстно, точь въ точь сходно съ Апостоломъ Московскимъ 1564 г., Иванъ Ѳедоровъ говоритъ: „повелѣніемъ царя и в. кн. Ивана Васильевича и благословеніемъ преосвященнаго Макарія, митрополита всея Руси, *друкарня* сія съставися въ царствующемъ градѣ Москвѣ въ лѣто 7071" (1563), т. е., когда начатъ былъ печатаніемъ Моск. Ап. 1564 г. Итакъ, если въ приведенномъ выраженіи слово: *друкарня*, однозначащее съ словами—*печатное дѣло*, понимать въ смыслѣ устройства типографіи вообще; то выйдетъ, что типографія въ Москвѣ устроена и основана не въ 1553,

а въ 1563 г. Въ томъ же смыслѣ слова: *составленіе штамбы, или дѣла печатныхъ книгъ* употребляютъ преемники Ивана Θедорова—Никифоръ Тарасіевъ и Невѣжа Тимофѣевъ. Въ Послѣсловіи къ изданной ими въ 1568 г. Псалтири они пишутъ: „составися штанба сія (выше было объясненіе: „сирѣчь дѣло печатныхъ книгъ") въ лѣто 7076 марта въ 8 д., и первіе начаша печатати сію книгу пророческую часть"... и т. д. Если въ этомъ показаніи къ словамъ: *первѣе* и *штанба*, или печатное дѣло, примѣнить то же толкованіе, какое даютъ этимъ словамъ въ Послѣсловіи къ Апостолу Ив. Θедорова; то Никифору Тарасіеву и Невѣжѣ Тимофѣеву придется дать титло первопечатниковъ, а напечатанной ими Псалтири названіе 1-й напечатанной въ Москвѣ книги вообще, и это тѣмъ болѣе, что въ Послѣсловіи къ этой Псалтири, какъ и въ Послѣсловіи къ Апостолу, какъ и въ другихъ Послѣсловіяхъ, о предшествующемъ періодѣ книгопечатанія въ Москвѣ не дѣлается даже намека, а говорится только о повелѣніи царя печатать книги и устроить штанбу (сл. также Послѣсловіе къ Цв. Тр. 1592 г.). Ясно, что у нашихъ первопечатниковъ вспоминать о заслугахъ своихъ предшественниковъ было не въ обычаѣ.

Признаніемъ факта, что въ Москвѣ „нѣцыи печатываху книги хоть и неискусными нѣкими начертаніи" и прежде первопечатниковъ Ивана Θедорова и Петра Мстиславца, что первое основаніе положено не ими, а неизвѣстными намъ другими печатниками, что для изготовленнаго Иваномъ Θедоровымъ шрифта, употребленнаго при напечатаніи Апостола, существовалъ образецъ шрифта печатный же и т. д., признаніемъ этого факта, по нашему мнѣнію, нисколько не умаляется та заслуга, которую эти дѣятели оказали русскому книгопечатанію. Въ Вильнѣ, какъ извѣстно, славянское книгопечатаніе было учреждено еще около 1525 г., но это искусство прервалось тамъ на первыхъ же двухъ напечатанныхъ книгахъ и для исторіи русскаго книгопечатанія осталось безъ всякаго вліянія. На этомъ основаніи, не смотря на существованіе книгопечатанія въ Россіи еще въ 1525 году, основателями этого искусства, первопечатниками у насъ издавна принято считать Ивана Θедорова и Петра Мстиславца. Въ Москвѣ было нѣчто гораздо болѣе, чѣмъ въ Вильнѣ: оказывается, что у Московскихъ первопечатниковъ были предшественники, которыхъ опытами они, безъ всякаго сомнѣнія, пользовались. Но во 1-хъ, Иванъ Θедоровъ и Петръ Мстиславецъ дѣло русскаго книгопечатанія двинули несравненно далѣе; по признанію спеціалистовъ, дѣло церковно-славянскаго книгопечатанія они довели до такой степени совершенства, что ближайшая къ нимъ эпоха въ исторіи церковно-славянскаго книгопечатанія имѣетъ значеніе золотаго вѣка. Во 2-хъ, не смотря на преслѣдовавшія ихъ гоненія и неудачи, они распространили это искусство по всему пространству Россіи, положили основу славянскаго книгопечатанія вдругъ въ нѣсколькихъ центрахъ,—въ Москвѣ, въ Вильнѣ, во Львовѣ, въ Острогѣ,—и это такъ прочно, что слово *книгопечатаніе* во всѣхъ этихъ мѣстахъ утвердилось потомъ надолго, а въ иныхъ не прерывается и доселѣ. Прибавимъ къ этому, что принятый Московскими первопечатниками типъ цер-

ковно-печатнаго шрифта въ нѣсколько измѣненномъ видѣ перешелъ потомъ и въ славянскія земли. Вообще Иванъ Ѳедоровъ и Петръ Мстиславецъ воздвигли себѣ такой памятникъ, какіе достаются въ удѣлъ историческимъ дѣятелямъ очень немногимъ. Но высоко цѣня заслуги для исторіи русскаго просвѣщенія Московскихъ первопечатниковъ, мы обязаны помянуть добромъ и тѣхъ пока неизвѣстныхъ тружениковъ, которые этимъ гигантамъ нашего типографскаго дѣла, этимъ типографамъ энтузіастамъ, какъ назвалъ ихъ Карамзинъ, прокладывали дорогу, и безъ всякаго сомнѣнія, эти неизвѣстные труженики, напечатавшіе разсмотрѣнныя нами книги, вполнѣ заслуживаютъ того, чтобы имъ была посвящена первая страница въ исторіи русскаго книгопечатанія.

О ПЕРЕСОПНИЦКОЙ РУКОПИСИ.

Рефератъ **П. И. Житецкаго.**

Пересопницкая рукопись есть старинный переводъ Евангелія на малорусское нарѣчіе,—переводъ изъ „ѧзыка блъ́гарского̀ на мовоу ро́yскоую̀“, какъ выразился переписчикъ ея.

Интересно знать, кто и по какимъ побужденіямъ занимался этимъ переводомъ, а также—на какихъ читателей онъ былъ расчитанъ?

Переписчикъ Пересопницкаго Евангелія въ послѣсловіяхъ къ отдѣльнымъ Евангелистамъ называетъ себя различно. Въ двухъ мѣстахъ, по окончаніи Евангелія Матѳея и Іоанна, называетъ себя „Михаиломъ Васильевичемъ, протопопомъ Саноцкимъ“; по окончаніи Евангелія Марка, „мно́гогре́шнымъ рабомъ Михаиломъ“, послѣ Луки—просто „писарем Михаиломъ Васильевичемъ изъ Санока“, а въ заключительномъ послѣсловіи рабомъ Божіимъ „Михаиломъ Васильевичемъ, сыномъ протопопы Саноцького“. Весьма вѣроятно, какъ догадывается о. Думитрашко, недавно составившій описаніе Пересопницкой рукописи, что въ припискахъ послѣ Евангелія Матѳея и Іоанна пропущено слово: *сына* и затѣмъ въ окончательномъ послѣсловіи оно добавлено [1]). Но кто былъ этотъ переписчикъ, самъ ли протопопъ Саноцкій или сынъ его, это не имѣетъ еще большой важности. Гораздо важнѣе лицо переводчика. Бодянскій, который еще въ 1838 г. напечаталъ первое извѣстіе о Пересопницкомъ Евангеліи, переводчикомъ его считалъ протопопа Саноцкаго [2]). Между тѣмъ, самъ переписчикъ въ окончательномъ послѣсловіи говоритъ, что „тыи книгы чтыры є҃ѵ҃листове сѹ́ оу́стро́єны кро̃кымь смиреннымь и҆ б҃голю́бивымъ є҆ромонахо̃ Григорые̃ А҆рхимандритомъ Пересо́пницкимь“. Что значитъ устроены? О. Думитрашко объясняетъ это выраженіе въ пользу Григорія, какъ переводчика Евангелія. Не отнимая этой заслуги у Григорія,

---

[1]) Замѣч. рукоп. Полт. сем. 1874 г. стр. 16.

[2]) Жур. Минис. Народ. Прос. 1838 г., кн. 5, стр. 392—400.

мы думаемъ, что не простымъ переписчикомъ былъ и Михаилъ изъ Санока. Выраженіе: „написалъ книги“ въ старину имѣло болѣе широкое значеніе, чѣмъ нынѣ. Уже то обстоятельство, что переписчикъ снабдилъ свой трудъ значительными по объему послѣсловіями, показываетъ, что это было лицо, которое принимало авторское участіе въ трудѣ. „Тоє всє, говоритъ онъ, Рѧ́дою Пилностю й прилежанієм Вышше Речейного, Монаха Григоріа, Архимайдрита Пересопницкого, Постановлей є. Прото Йже єсми єще недоумѣль пренесталость Розоума Моєго. Былбо мои розоумь втых днїи Моутень ıако Воды врекоу Приходѧщїй Йзгорь. Й ıако Плъный Былины ѿ вѣтровь колеблемы. длѧ Троски сего мимо Идоучого свѣта. Протожь Вышеречейный смирейный архимайдрить Григоріє Ймѣль Пилность й любовь кписанію сеи книгы. котораа длѧ пилности й любве єго съвръшиласѧ... ıа тыжь многогрѣшный... того тыжь наоучень... Похотель єсми Написати сію книгоу стоую євлію“. Очевидно, если считать на основаніи выраженія: „написалъ книги“ переписчикомъ Михаила Саноцкаго, то такимъ же переписчикомъ нужно считать и Григорія, ибо и о немъ сказано въ послѣсловіи, что онъ „ймѣль Пилность й любовь кписанію сеи книгы“. Гораздо вѣроятнѣе, что Григорію принадлежала роль руководителя въ исполненіи работы, а исполнителемъ ея былъ самъ переписчикъ. Былъ его разумъ мутенъ, какъ „воды, текущіѧ изъ горъ“, но „пилность й любовь Григоріѧ кписанію сеи книгы“ возбуждала умственныя силы самаго Михаила,—и вотъ они вдвоемъ совершили свой трудъ. Трудились они долго—цѣлыхъ пять лѣтъ съ нѣсколькими днями: „почалō єсть Писати сіє євліє рокоу ҂афнз мцā авгу ēі“, а кончено „влѣто тисѧ̄щное ф̄ з̄а Авгоуста к̄ѳ-го днѧ“. По обычаю вѣка, утѣшали они себя въ своемъ нелегкомъ трудѣ мыслію о вознагражденіи свыше, „зане Григоріи“, какъ говоритъ о своемъ руководителѣ Михаилъ, „Нелюбиль злата й сребра Тлеющихъ“. День и ночь молился онъ о томъ, чтобы Господь сподобилъ его „видѣти дела сего конець. Й почитати внємь начертайнаа Писмена“. Но сквозь это благочестивое настроеніе, удаленное отъ земныхъ помысловъ, проглядываетъ реальная мысль о пользѣ общественной, для которой предпринятъ былъ весь трудъ: „А йже єсть прекладана Тажто стаа євліа йзь ıазыка Блъгарскаго на мовоу Роускоую, то длѧ лѣпшō Вырозоумленѧ людоу хртїанского посполитого“. Ту же цѣль имѣлъ, какъ извѣстно, и докторъ Скорина, который предназначалъ всѣ свои изданія „людемъ посполитымъ русского ѧзыка къ пожитку“. Можетъ быть, пересопницкіе переводчики увлекались примѣромъ Скорины, а еще вѣроятнѣе, что, какъ они, такъ и Скорина, находились подъ возбуждающимъ вліяніемъ вѣка, который, какъ извѣстно, богатъ былъ великими переворотами въ области религіозной мысли. Это былъ вѣкъ Лютеровой реформы, вѣкъ социніанской пропаганды въ самой Польшѣ, въ которой, подъ сѣнью шляхетской свободы, находили пріютъ религіозные вольнодумцы всей Европы,—вѣкъ люблинской и затѣмъ брестской уніи. Нужно было дать въ руки люду посполитому такую книгу, на которую чаще всего приходилось ссылаться въ религіозной борьбѣ мнѣній, и которая въ

то же время была бы понятна всякому. Мы не навязываемъ этой тенденціи пересопницкимъ переводчикамъ, напротивъ того, мы взяли ее цѣликомъ изъ самой рукописи, которая расположена по зачаламъ и приспособлена къ церковному употребленію, но предъ каждою группою зачалъ есть приписки „дробнаго писанія. въ очертахъ положенного“, какъ выражается переписчикъ, т. е. въ краткихъ словахъ изложено содержаніе той главы, въ составъ которой входятъ зачала: „тыжъ для людій законоу римского, сирѣчъ латиниянъ. иже кнігъ не взываютсѧ зачала. едно капитулы. а по нашемоу іазыкоу главы. Боудели онъ тебе о што просити абы еси емоу немедло сирѣчъ борзо нашедши оуказалъ“. Вотъ эта жизненная сторона нашего памятника даетъ ему высокую цѣну не только въ глазахъ филолога, но и историка. Очевидно, пересопницкіе переводчики были люди, понимавшіе практическія задачи своего времени. Для нихъ важны были интересы посполитаго люда, и потому они обратились къ простой *мовѣ* этого люда для того, чтобы онъ самъ могъ защищать свое дѣло не только оружіемъ, но и словомъ. Этотъ взглядъ на „мовоу роускоую“ былъ большою рѣдкостью въ тотъ вѣкъ, когда народная рѣчь была достояніемъ необразованной массы, на которую общественное мнѣніе Рѣчи посполитой смотрѣло очень неблагосклонно. Съ другой стороны, перерывъ литературныхъ преданій на югѣ Россіи, длившійся въ теченіе трехъ вѣковъ (XIII—XV), отвлекалъ южнорусскихъ писателей XVI—XVII в. отъ сосредоточеннаго и медленнаго труда надъ обработкой литературнаго языка. Они торопились высказаться по поводу живыхъ, текущихъ вопросовъ дня, которые требовали быстраго и неотложнаго рѣшенія. Они искали готоваго орудія для борьбы съ врагами, которые опирались на схоластическую образованность латино-польской школы. Нужно было въ короткое время создать южнорусскую школу, которая могла бы приготовить достойныхъ дѣятелей для литературной полемики. Эта школа, какъ извѣстно, была создана, и, конечно, органомъ ея не могло быть устно-народное слово, заброшенное въ теченіи вѣковъ. Самъ народъ, охваченный страстною борьбою за существованіе, не могъ найти въ своей обстановкѣ благопріятныхъ условій для того, чтобы дать своему слову подобающее значеніе въ литературѣ того времени, и потому въ основу ея положена была славянская рѣчь, которая имѣла на своей сторонѣ многія преимущества: это была установившаяся уже рѣчь, не чуждая книжнымъ людямъ южной Руси. Она служила образцемъ, отъ котораго южнорусскіе писатели неохотно отступали, такъ что даже пересопницкіе переводчики, при всемъ желаніи высказаться въ народномъ духѣ „для лѣпшого вырозоумленя людоу посполитого“, не считали возможнымъ отрѣшиться въ своемъ трудѣ отъ славянскаго языка, не могли также уберечься и отъ польскаго вліянія, какъ въ выборѣ словъ, такъ отчасти и въ конструкціи рѣчи. Посредствующимъ вліяніемъ польскихъ образцевъ рѣчи можно объяснить также чешскія слова и выраженія, встрѣчающіяся въ Пересопницкой рукописи, такъ какъ до XV в. польская литература

состояла подъ непосредственнымъ вліяніемъ чешской [1]). Но вмѣстѣ съ тѣмъ пересопницкіе переводчики сообщили своему труду яркія черты народнаго южнорусскаго нарѣчія XVI в., а въ сочетаніи южнорусскихъ элементовъ съ славянскими обнаружили чрезвычайно много такта. Если удалить изъ перевода неумѣлое словопроизводство вмѣстѣ съ неестественнымъ правописаніемъ, чуждымъ, какъ древнеславянской, такъ и малорусской фонетикѣ (напримѣръ, зіяніе, мягкій знакъ послѣ гортанныхъ и проч.), если удалить, съ другой стороны, полонизмы, состоящіе, главнымъ образомъ, въ лексическихъ заимствованіяхъ, то получится рѣчь достаточно простая, вразумительная и въ то же время народная. На славянской основѣ съ иноязычною польскою и отчасти чешскою примѣсью положены густыми слоями и въ огромномъ количествѣ черты народной фразеологіи съ ея типическими особенностями, какъ въ отношеніи къ звукамъ и формамъ, такъ равно и въ отношеніи къ словоупотребленію, словорасположенію и постройкѣ предложеній. Во многихъ мѣстахъ переводъ оказывается неточнымъ и невѣрнымъ, но замѣчательно, что самые недостатки его объясняются, главнымъ образомъ, желаніемъ переводчиковъ выразиться проще и удобопонятнѣе.

Ближе къ славянскому подлиннику переведено Евангеліе Матѳея и Марка, ближе къ народной рѣчи—Евангеліе Іоанна и особенно Луки. Вообще же въ переводѣ всѣхъ Евангелистовъ гораздо въ большей степени господствуетъ малорусская фразеологія, чѣмъ малорусская фонетика. Эта послѣдняя замаскирована славянскимъ правописаніемъ, которое представляетъ странную смѣсь древнихъ особенностей съ новыми. Вся рукопись написана крупнымъ уставомъ, округленно-раздѣльными буквами, что отличаетъ ее отъ рукописей позднѣйшихъ, въ которыхъ, обыкновенно, буквы пишутся болѣе сжато, слитно. Есть буквы, имѣющія начертаніе очень древнее: такова, напримѣръ, буква ч, имѣющая видъ чаши; буква ф, кружокъ которой, какъ въ древнихъ рукописяхъ, занимаетъ всю ширину строки; буква оу въ сложномъ видѣ, такъ что позднѣйшее ꙋ встрѣчается только при переносѣ слова изъ строки въ строку. Вмѣстѣ съ тѣмъ встрѣчаются начертанія позднѣйшія, напримѣръ, буква ѿ, которая въ древнѣйшихъ рукописяхъ употребляется рѣдко, въ Остроміровомъ Евангеліи—только въ заглавныхъ надписаніяхъ Евангелій; буква х, въ которой обѣ черты проведены за строку, и притомъ точка соединенія линій—не по срединѣ, какъ въ древнѣйшихъ рукописяхъ, а выше; буква з—въ позднѣйшей продолговатой формѣ; во всѣхъ іотированныхъ гласныхъ черта проведена не по срединѣ, какъ въ древнѣйшихъ рукописяхъ, а снизу вверхъ; древнѣйшаго начертанія ꙑ вовсе нѣтъ, а всюду господствуетъ ы; также, вмѣсто іотированнаго ѥ, всюду встрѣчается долгоязычное є, которое, какъ извѣстно, окончательно установилось только въ XIV в. Но особенно интересны начертанія юсовъ. Писецъ различалъ большой юсъ отъ малаго: по крайней мѣрѣ, въ пер-

---

[1]) Jos. Jireček. Bibli Staropolskà. Časop. Mus. 1872. Svaz. 3. Str. 297—312.

Снимки съ Пересопницкой рукописи.

Начертанія буквъ.

я, а. в. в. г. д. є, є. ж. з, ѕ, ѕ. и, і. й. к. л.
м, м. н. о, ѡ, о, о, ѳ, оо, ѿ. ѿ. п. р, р. р,
с, с. т. ѹ, ѹ, ꙋ. ф. х. ц, ц. ч. ш. щ.
ъ. ы. ѣ. ь. ю. ѧ, ѫ, ѧ, ѧ, ѧ, ѧ, ѵ.

Образцы текста.

Матѳей.

Блажени чистый сердцемъ, ꙗко, ѡни бога, видѣти бꙋдꙋт.

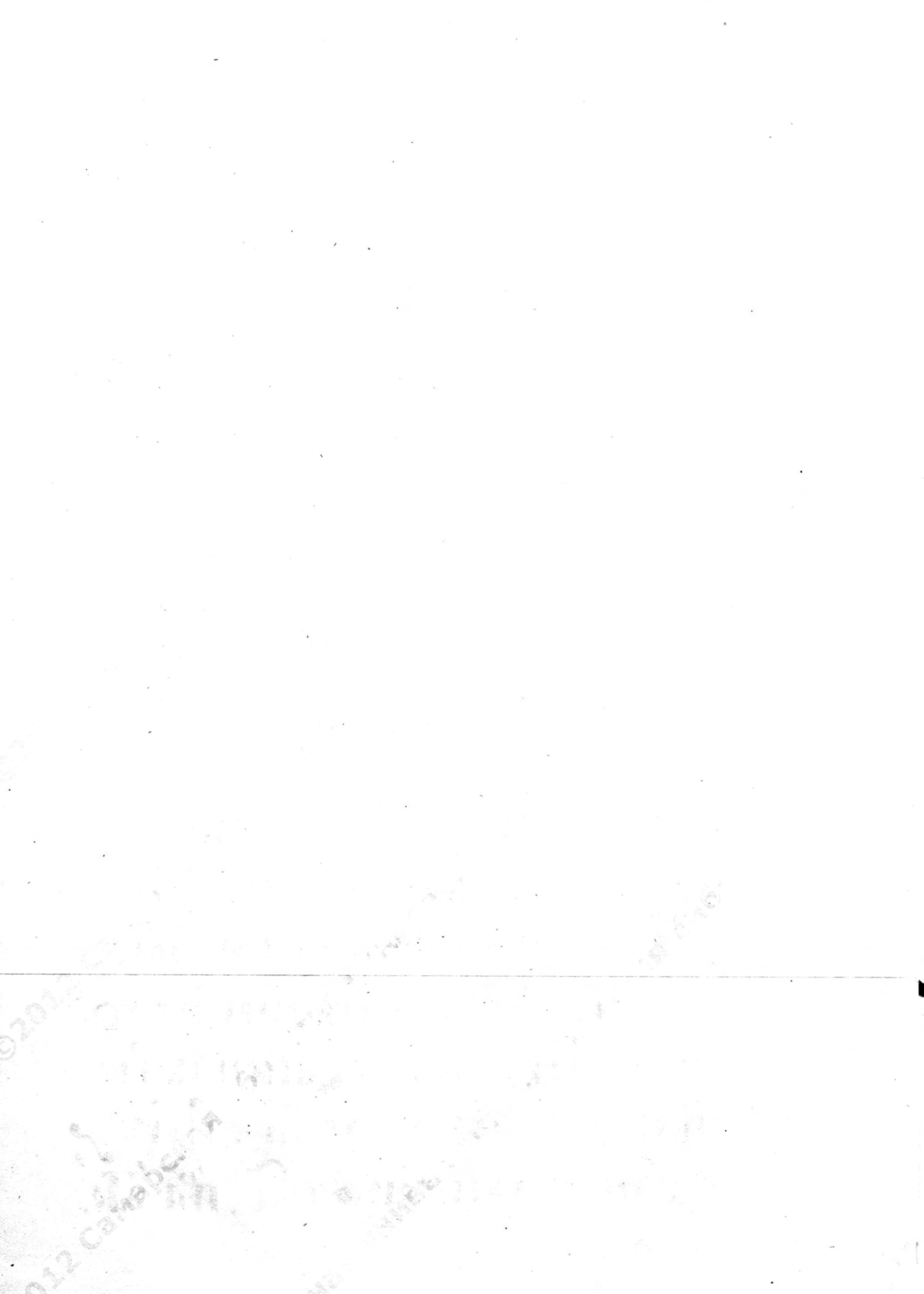
Блажени выгнаный для правды, такови єсть црьство небесное. (Мат. Зач. 10.)

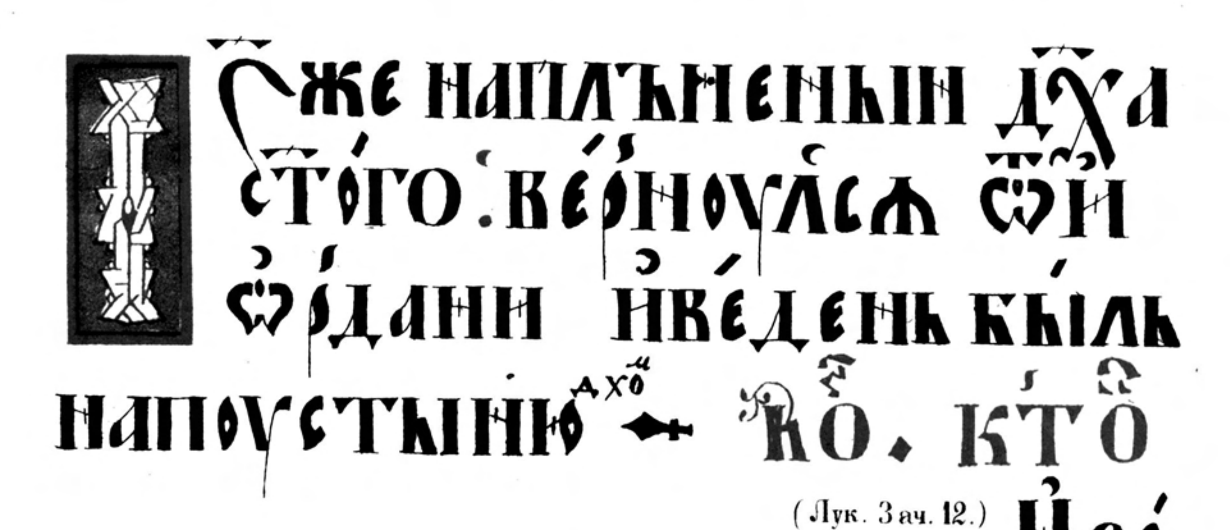
для
чого з митары и грѣшни
ки оучитель вашь ѣсть, и
пїеть. оуслышавши то іс҃,
реклъ имъ. не потребоують здоро
выи врача, нъ болящїи.
шедши наоучитеся что е
млсти хощоу а не жрътвѣ.

(Мат. Зач. 30.)

Еѵ҃аиста выписоуе, якъ не годит ся жень сороаютити и тыж о скопцехъ. тыжъ якъ хс҃ надѣ тероуки покладоуе. тыж, кто коли для хв҃а богатество опоустить стокроть больше возметь и животъ вѣчный наслѣдить. глава ді.

Егда докональ ісоус тыи рѣчи.
вышоль з галилеи. и
пришоль въ оукраины,
иоудейскыя. по ономоу сто
ронѣ іордана. и за нимь и
шли народи многи. и оу
здоровиль ихъ тоу. пре, па вто.




Иже наплъненыи дх҃а ст҃ого. вернулся ѿ Иѡрдани и веденъ был на поустыню дхо҃м. ко. кто

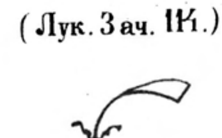
(Лук. Зач. 12.)

И рекль к немоу. вы стерегайте и хованйтеся ѿ всякого лакомьства.

(Лук. Зач. 65.)

И възношовался на нб҃о. а ѡни ся емоу поклонили. и вернулися до Иерлима з радостию великою. и были всегда в цркви. хвалячи и благословячи бга

(Лук. Зач. 114.)



Запомочоу бжіею, єсть доконана книга. стго и славнаго апла и еуглиста
хвалоуки. в которой книзе. замыкаєтся главъ кд. а зачаль ри ді
а стиховъ. двѣ тисячи, и осмь сотъ бгоу коучитаноу. а поспо
литымъ людемъ коу добромоу вырозоумленію, презъ писара михаила
василіевича. зъсанока. По бжіемъ нарожєнии лѣта, а ф ѯ а го

И соударь которыи быль наголовѣ єго.

Роучничокъ, которы
было головоу єго стягнено.

(Іоан. Зач. 63.)

Ю запомочоу бжіею маєшь всѣ зоуплъна выписаный книгы четы
ре еуглистовъ, выложеный изъ языка блъгарского на мово роу
скоую читающимилый которыє соу доконаны в лѣто тисячное
ф за. на памя оусѣкновенія, стго и славнаго прка и предитечѣ
и кртителя гня іоанна. мца авгоуста, кд го дня :

(Изъ заключительнаго послѣсловія).

вой половинѣ рукописи, въ Евангеліяхъ Матѳея и Марка, встрѣчается большой юсъ, правда, въ позднѣйшей уже формѣ, болѣе сжатой; затѣмъ, въ Евангеліяхъ Луки и Іоанна, онъ совсѣмъ пропадаетъ, замѣняясь буквою ѹ,—зато малый юсъ является въ самыхъ разнообразныхъ начертаніяхъ, графически сходныхъ между собою и безразлично употребляемыхъ для выраженія звука ꙗ. Только въ началѣ рукописи большой юсъ стоитъ иногда вмѣсто ъ, что указываетъ на болгарскій подлинникъ, которымъ пользовались переводчики. Къ числу болгаризмовъ можно отнесть также о съ точкой въ срединѣ—буква, которая, по мнѣнію Востокова, изобрѣтена была болгарскими писцами. Слово ѻко часто пишется съ этимъ о, иногда даже въ удвоенномъ видѣ [1]). Постановка удареній тоже болгарская: очень часто въ одномъ словѣ встрѣчаются два ударенія, которыми изобилуетъ Пересопницкая рукопись даже въ большей степени, чѣмъ тѣ рукописи болгарскаго происхожденія, которыя указаны Востоковымъ въ Описаніи Румянцевскаго Музея подъ №№ 131, 132, 133, 134, 136, 137, 138, 139 и 140. Чаще всего ударенія встрѣчаются надъ корнемъ слова, иногда надъ предлогами, когда они стоятъ отдѣльно отъ слова, а также и въ предложныхъ словахъ. Надъ гласными окончаніями надежей—именительнаго, родительнаго, дательнаго, винительнаго и творительнаго стоитъ обратное удареніе: ѩ҆жкоѐ, на́дѣю̀, во́дою̀. Слогоотдѣлительнаго знака ' мы не замѣтили въ Пересопницкой рукописи,—зато обратная кавычка ' постоянно встрѣчается надъ іотированными гласными звуками: эта кавычка употребляется вмѣсто слогоотдѣлительнаго знака. Не менѣе рѣзко обнаруживается въ правописаніи Пересопницкаго Евангелія сербское вліяніе: оно замѣтно прежде всего въ надстрочныхъ знакахъ надъ ы̏, иногда надъ ӥ и надъ другими гласными,—знакахъ, которые, вѣроятно, изобрѣтены сербскими переписчиками, а главный слѣдъ сербскаго вліянія заключается въ томъ, что ъ въ концѣ словъ всюду замѣненъ ь, что, какъ извѣстно, характеризуетъ рукописи сербской редакціи. Затѣмъ, изрѣдка въ Пересопницкой рукописи дано мѣсто буквѣ ъ въ срединѣ словъ послѣ плавныхъ, по древнеславянски: наврънѹвшисѧ, тръ'нѣтӥ, хотя, впрочемъ, встрѣчаются постоянныя отступленія отъ этого правила: терьнѣти, вергль и проч. Тою же непослѣдовательностію отличается употребленіе ъ въ предлогахъ и въ предложныхъ словахъ: такъ, одно и то же слово пишется различно: ро́зъвертаѥть и розкорочамь. Вообще же говоря, во всей рукописи преобладаетъ надъ употребленіемъ ъ и ь система наериковъ: писецъ ставитъ ихъ не только тамъ, гдѣ слѣдуетъ, гдѣ, по требованію древнеславянской этимологіи, глухіе гласные должны стоять въ срединѣ и въ концѣ словъ, но часто и не къ мѣсту - тамъ, гдѣ, по требованію живаго говора, гласный звукъ является для того, чтобы устранить излишнее накопленіе согласныхъ, или же гдѣ, по мнѣнію писца, его предположить можно. Слова: ѕнати, землѝ показываютъ, что пи-

[1]) Начертанія буквъ см. въ снимкахъ съ Пересопницкой рукописи.

сцемъ руководило ложное представленіе о глухихъ тамъ, гдѣ ихъ быть не могло, а слова: жатва, многа показываютъ, что онъ съ надлежащею точностію не зналъ, гдѣ глухіе стояли въ древнеславянскомъ нарѣчіи. Встрѣчаются иногда оригинальныя формы, въ которыя вторглась фонетика народной рѣчи: вотъ, напримѣръ, выраженіе: „а обернувшися ик жене рекль", гдѣ вмѣсто кь стоитъ ик, какъ въ современномъ выговорѣ, съ тѣмъ самымъ замѣнительнымъ гласнымъ звукомъ, который слышится, напримѣръ, въ словахъ: *іржа*, *імла* (древнесл. ржда, мьгла). Въ словѣ: къісобки писецъ отступилъ отъ обычая своего ставить на концѣ словъ ь, въ угоду той же народной фонетикѣ; такъ какъ ъ предлога къ встрѣтилъ поддержку въ начальномъ гласномъ слѣдующаго слова, то онъ оказался на мѣстѣ. Изъ начертанія: къісобки легко убѣдиться, что писецъ зналъ различіе между ъ и ь и даже соединялъ съ ними представленіе, какъ о такихъ знакахъ, которые, при извѣстныхъ условіяхъ, заключаютъ въ себѣ гласный элементъ. Такъ, одинъ разъ намъ встрѣтилось слово: възеро (оускочило стадо възеро): очевидно, здѣсь ъ исполняетъ роль звука о *(въ озеро)*. Точь-въ-точь такая же форма встрѣчается въ памятникахъ новгородскаго нарѣчія XIV в. къ зеру: [1]) слѣдовательно, въ XVI и XIV вв., на югѣ и на сѣверѣ Россіи, считалось возможнымъ не только произносить, но и писать глухіе гласные въ замѣнъ чистыхъ. Изъ всѣхъ этихъ данныхъ относительно глухихъ по Пересопницкому Евангелію можно сдѣлать заключеніе, что въ XVI в. на русскомъ югѣ они писались, но, или совсѣмъ не произносились (такія формы, какъ икь, Богь, никогда не были возможны ни въ одномъ русскомъ нарѣчіи),—или произносились, какъ звуки чистые, а никакъ не какъ глухіе.—Теперь отмѣтимъ всѣ случаи употребленія буквы ѣ въ Пересопницкомъ Евангеліи. 1) Чаще всего она ставится правильно, пославянски: „насѣваль доброе сѣмѧ на селѣ своемь". 2) ѣ стоитъ вмѣсто юсовъ большаго и малаго: „кто чинить волѣ (волѫ) отца"... „не имали много земле",—„не имали глоубокости землѧ".. „не потребоують лекарѣ".. „до гостиницѣ".. „дѣкоую" вмѣсто „дѧкую". Форма: „волѣ" вмѣсто „волѭ" доказываетъ, что въ рукахъ переводчиковъ былъ подлинникъ болгарскаго происхожденія, можетъ быть, съ примѣсью сербской редакціи (судя по преобладанію ь надъ ъ). Не зная о смѣшеніи юсовъ въ болгарскомъ письмѣ, они ставили ѣ тамъ, гдѣ въ подлинникѣ стоялъ малый юсъ, но этотъ юсъ тамъ стоялъ уже вмѣсто большаго, отсюда и вышла странная форма: „волѣ" вмѣсто „волѭ". 3) Иногда ѣ, наоборотъ, замѣняется буквою е, въ текстѣ не такъ часто, въ припискахъ переписчика очень часто: при Августе, имель и пр. Въ этой замѣнѣ ѣ буквою е мы видимъ вліяніе бѣлорусско-польской рѣчи. Для XVI в. не будетъ смѣлостію признать въ малорусскомъ народномъ говорѣ господствующимъ і вмѣсто ѣ: переводчики, очевидно, увлечены были литературными образцами своего вѣка. 4) ѣ замѣняется, сообразно съ

---

[1]) Бусл. Истор. христ. 55.

малорусскимъ нарѣчіемъ, буквою и: посли, смотриль, лѣкарѣ, ничого не ѣль и проч. 5) Наконецъ, очень рѣдко ѣ замѣняется буквою ы, вслѣдствіе смѣшенія ы съ и: на моры; есть даже случай употребленія ѣ вмѣсто ы: „мати хощу а не жрътвѣ", а въ другомъ мѣстѣ: „мати хощу а не жрътвы". Такимъ образомъ, въ Пересопницкомъ Евангеліи не опущенъ ни одинъ изъ древнерусскихъ пріемовъ въ употребленіи буквы ѣ и въ то же время ни одинъ изъ нихъ не принятъ въ видѣ постояннаго правила для руководства. Писецъ отдаетъ предпочтеніе древнеславянской постановкѣ буквы ѣ, но постоянно отвлекается въ сторону подъ впечатлѣніемъ разнообразныхъ вліяній. Дальнѣйшая исторія буквы ѣ въ южнорусской письменности связана съ грамматикой Смотрицкаго, который рѣшился положить конецъ разнообразному употребленію буквы ѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ вывести правописаніе изъ хаоса. Въ грамматикѣ своей онъ говоритъ слѣдующее: „а и ѧ, е и є, и и і, ы и ѣ, о и ѡ: давнаго употребленія, склоненій и спряженій навыкъ, несклоняемыя части помногу научатъ". „Блюсти подобаетъ и падежей въ склоненіихъ, и временъ въ спряженіихъ, окончнія: и о вмѣсто ѡ, ни въ противъ: ни ѧ вмѣсто а, ни въ противъ: ни є вмѣсто ѣ, ни въ противъ, развѣ то и оно пріимати могущихъ падежей: ни ѣ вмѣсто и или ы вмѣсто и, ни обоя та въ противъ полагати [1]". Ученый XVII в. жалуется на смѣшеніе буквъ, которыя должны стоять, по его понятіямъ, на своемъ мѣстѣ. Какія же это понятія и откуда навѣяны они? Смотрицкій оберегаетъ славянское преданіе въ употребленіи буквъ отъ вторженія, съ одной стороны, народныхъ южнорусскихъ элементовъ, съ другой стороны, элементовъ бѣлорусско-польскихъ. Но не столько страшатъ его эти послѣдніе, сколько первые: самъ онъ, въ конструкціи собственной своей рѣчи, въ лексикѣ и даже въ фонетикѣ ея, далеко не свободенъ отъ вліянія польско-латинскихъ образцевъ, потому то нѣтъ и слѣдовъ народности въ совѣтахъ Смотрицкаго относительно употребленія буквы ѣ: онъ допускаетъ даже, въ угоду бѣлорусско-польской фонетикѣ, смѣшеніе ѣ въ извѣстныхъ случаяхъ съ є, но смѣшеніе ѣ съ и и ы безусловно запрещаетъ. Отвергнувъ народное, фонетическое начало, онъ не положилъ въ основу правописанія и разумной этимологіи: употребленію буквъ, по его мнѣнію, научитъ „склоненій и спряженій навыкъ", а съ навыкомъ, и только съ однимъ навыкомъ, какъ извѣстно, уйти далеко нельзя. Совѣты Смотрицкаго, очевидно, не могли извлечь южнорусское правописаніе изъ сферы случайностей. Въ XVII в. въ южнорусской письменности видимъ прежнее смѣшеніе ѣ съ є и і: то ставили эти послѣднія буквы вмѣсто ѣ, то ставили ѣ вмѣсто є и і. Къ тому же мало-по-малу начало оказывать свое дѣйствіе на употребленіе буквы ѣ и великорусское вліяніе. Оно проникло на помощь бѣлорусскому вліянію, которое само по себѣ, съ развитіемъ народныхъ элементовъ въ южнорусской письменности, можетъ

[1]) Смотриц. Грам. изд. 1721 г. стр. 7.

быть, безсильно было бы устранить малорусскую замѣну ѣ звукомъ і. Живой обмѣнъ литературныхъ идей, завязавшійся въ XVII р. между учеными малорусскаго, бѣлорусскаго и великорусскаго происхожденія, содѣйствовалъ развитію въ южнорусской письменности є вмѣсто ѣ. При всемъ томъ мы замѣчаемъ въ XVII в. между малорусскими писателями нѣкоторое единообразіе въ употребленіи буквы ѣ. Мы видимъ, что они избѣгаютъ є вмѣсто ѣ, не даютъ даже предпочтенія своему народному і вмѣсто ѣ, хотя и позволяютъ себѣ обмолвки въ томъ и другомъ смыслѣ,—зато, въ громадной массѣ случаевъ, ставятъ ѣ вмѣсто и,—ставятъ ѣ не только тамъ, гдѣ того требовало славянское правописаніе, но и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ присутствіе буквы ѣ не могло быть оправдано ни здравымъ словопроизводствомъ, ни народной фонетикой. Такъ, въ Львовской лѣтописи: *нѣхто*, *Хмельнѣцкого*, *унѣя*,—иногда одна и та же форма съ ѣ и и: *поихалъ* и *поѣхалъ*, *нѣмцѣ* и *нѣмци*, *поили* и *ѣли*,—иногда даже і изъ основнаго є выражено посредствомъ ѣ: *сѣлъ* (великор. *сёлъ*, малорос. *сіл*), *шѣсть* вмѣсто *шість*, *повѣзъ* вмѣсто *повіз* [1]). Въ словарѣ Берынды: нѣ вмѣсто ни, нѣхто, нѣчого, нѣнѣшю, мѣнута, фѣгура и проч. [2]). Въ Лѣтописи Самовидца: *на Волынѣ*, *анѣжъ*, *въ кривѣ (въ крови)*, *зѣма*, *на запорожжѣ* и *на запорожжи* [3]). Это широкое употребленіе ѣ, гдѣ нужно и гдѣ не нужно, по нашему мнѣнію, объясняется постепенно сложившимся убѣжденіемъ, что ѣ должно стоять тамъ, гдѣ слышно мягкое іотированное і. Корни этого убѣжденія находятся въ древнѣйшихъ памятникахъ русской письменности, и вотъ южнорусскіе писатели XVII в., подъ защитой древнерусскаго преданія, стараются въ употребленіи буквы ѣ соединить этимологическую правильность съ народной фонетикой, разумѣя подъ ѣ звукъ і. Но эта болѣе традиціонная, чѣмъ сознательная этимологія увлекла ихъ на путь ложной аналогіи, которая, маскируя малорусское і, все таки не могла служить руководствомъ, когда нужно писать ѣ, а когда і.—Изъ XVI вѣка мы перешли, опираясь на Пересопницкое Евангеліе въ XVII в., отъ того же памятника можно двигаться вверхъ въ XV, XIV и даже XIII в. Для этого мы укажемъ на правописаніе въ Пересопницкой рукописи звуковъ о и є. Во 1-хъ) большею частію они пишутся на своемъ мѣстѣ; во 2-хъ) иногда замѣняются буквами ъ и ь; въ 3-хъ) довольно нерѣдко вмѣсто о и є встрѣчаются у и ю: оилюмь вмѣсто оилемъ,—оуздоровлюнь, нюсль вмѣсто несъ,—ѿноу́льно́чи, стуй, юй, твуй, по́ сюй, по́ туй сто́ронѣ, ѿкра́сноумь, злодѣюьь, фарисеоувь, женцюмь и пр.; въ 4-хъ) еще рѣже встрѣчается позднѣйшая малорусская замѣна звука о звукомъ і: кривавымь вмѣсто кровавымъ, відповѣдаю вмѣсто отповѣдаю. Для

---

[1]) Историч. сбор. Погод. 265, 67, 65, 40, 59, 46, 34—37, 44—49, 49—49, 57—36, 50, 50—50, 59, 60, 48.

[2]) Берында 94, 94, 95, 93, 76, 192.

[3]) Лѣт. Самовидца 8, 9, 10, 11, 12, 13.

насъ важны собственно звуки у, ю и і вмѣсто о, е. Извѣстно, что *і* моложе *у* и *ю*, и что эти послѣдніе звуки—ничто иное, какъ стяженія двоегласныхъ *уо*, *юо*, которые и донынѣ сохранились въ сѣверномъ малорусскомъ говорѣ: *куонь, куэнь, куинь, куінь, кінь,—завйуол, завйуіл, завів.* Въ такой преемственной градаціи идутъ эти звуки. Намъ нѣтъ надобности разсказывать здѣсь, въ силу какихъ причинъ совершилось странствованіе основныхъ *о* и *е* чрезъ двоегласныя и потомъ стяженныя формы, пока, наконецъ, *о* и *е* не превратились въ типическое малорусское *і*. Считаемъ необходимымъ только указать на то, что въ Пересопницкомъ Евангеліи явился уже позднѣйшій потомокъ основныхъ *о* и *е*, т. е. звукъ *і*, рядомъ съ *у* и *ю*—звуками, которые можно считать примѣтой средней стадіи въ развитіи малорусскаго вокализма. Поднимаясь отъ Пересопницкаго Евангелія къ XV в., мы встрѣчаемъ ту же среднюю стадію въ южнорусскихъ грамотахъ: *чтюнъ* [1]), *щадкум* [2]), *по нюмъ* [3]), *отсюль* [4]),—то же самое и въ XIV в.: *добровульно, шульжичувъ, стрыювъ роъ* [5]) и пр. Отсюда мы идемъ дальше: если въ XIV в. существовали уже стяженные звуки, то самые двоегласные, изъ которыхъ они образовались, должны были существовать раньше, слѣдовательно, современные намъ сѣверно-малорусскіе *уо*, *юо*, полагать надобно, существовали уже въ устахъ народа, по крайней мѣрѣ, въ XIII в. Мы не встрѣчаемъ ихъ въ письменности того времени, но это ничего не доказываетъ. Не такъ легко было выбиться древнерусскому писателю, и въ особенности переписчику, изъ подъ вліянія древнеславянскихъ образцевъ рѣчи и письма, образцевъ, которые освящены были самымъ высокимъ въ древнерусской жизни интересомъ вѣры и церкви. Двоегласные *уо*, *юо* казались грамотнымъ людямъ древней Руси провинціализмами, недостойными книжной рѣчи, и ихъ можно было избѣжать въ среднихъ слогахъ тѣмъ легче, что основные *о* и *е* сами собою возстановлялись въ слогахъ прямыхъ, какъ и теперь возстановляются въ малорусскомъ нарѣчія *(кінь-коня)*.. И грамотная южная Русь усердно возстановляла эти звуки въ ущербъ народной фонетикѣ, а неграмотная Русь сохранила не только *і* въ среднихъ слогахъ, но и тѣ первозвуки, изъ которыхъ образовалось южнорусское народное *і*.

Не вдаваясь въ подробности, спѣшимъ закончить свой обзоръ правописанія Пересопницкой рукописи сообщеніемъ главнаго вывода, къ которому мы пришли на основаніи непосредственнаго знакомства съ нею. Она выражаетъ, по нашему мнѣнію, съ достаточною ясностію звуковыя особенности малорусскаго нарѣчія въ средней стадіи его

---

[1]) А. Ю. и З. Р. т. I. 3.
[2]) Головац. Пам. № 10.
[3]) Ibid. № 33.
[4]) А. Ю. и З. Р. № 232.
[5]) Головац. Пам. 6, 7, 10.

историческаго развитія, и потому представляетъ средній пунктъ, отъ котораго идутъ историческія линіи вверхъ и внизъ, т. е. къ вѣкамъ XV, XIV и далѣе, съ другой стороны, къ вѣку XVII и XVIII. Изученіе Пересопницкой рукописи не только съ фонетической стороны, но и со стороны лексической, а также синтаксической, могло бы привести къ результатамъ чрезвычайно важнымъ. Предъ нами бы открылась такая страница въ умственной жизни этого края, которая могла бы освѣтить глухіе вѣка XV и XIV, а вмѣстѣ съ тѣмъ могла бы восполнить недостающія страницы, вырванныя позднѣйшими переворотами, совершившимися на южнорусской землѣ.

Чтó внесъ св. Кипріанъ, митрополитъ Кіевскій и всея Россіи, а потомъ Московскій и всея Россіи, изъ своего роднаго нарѣчія и изъ переводовъ его времени въ наши Богослужебныя книги?

Рефератъ Архимандрита **Амфилохія.**

Инокъ Нилъ Курлятевъ, ученикъ Максима Грека, въ своемъ предисловіи къ переводу съ греческаго языка на славянскій Максимомъ Грекомъ Псалтири, въ 1552 году обвинялъ митрополита Кипріана въ томъ, что онъ не зналъ хорошо нашего славянскаго языка, вносилъ, при переводѣ на нашъ языкъ, то сербскія, то болгарскія слова, и измѣнялъ не по нашему правописаніе. Вотъ подлинныя слова Нила Курлятева о незнаніи митрополитомъ Кипріаномъ нашего языка: „А кѵпрїанъ митрополитъ..... и нашего ıазыка довóльно не знáлъ. Аще и с нами единъ нашъ ıазыкъ сирѣч славенски. да мы говорим по своемȣ ıазыкȣ чисто и шȣмко. А онѣ (т. е. переводчики, въ числѣ которыхъ былъ и митрополитъ Кипріанъ) говорѧт моложаво, и в писáнiи рѣчи нáши с ними не сходѧтсѧ. и онъ мнѣлсѧ что поправил ѱалмов по нáшемȣ. а бóлши неразȣмїе в них написал в рѣчех и в словех все по сербски написал. и нынѣ мнѡгыѧ оу насъ и всѧ времѧ на книгы пишȣ. а пишȣтъ ѿ неразȣмїѧ все по Сéрбски. и говорити по письмȣ по нашемȣ ıазыкȣ прѧмо не оумѣютъ. и мнѡгыѧ неразȣмныѧ смȣщаютсѧ. гдѣ надобе по нашемȣ а, а по сербски, ѣ, или ѫ по нашемȣ ю, а сербски ѧ. по нашемȣ о, а сербски ѫ [1]), оу них ы. а сербски и, а рѣчи по нашемȣ не замѣли, а сербски, или

---

[1]) Нилъ Курлятевъ не умѣлъ отличать сербское нарѣчіе отъ болгарскаго. Буква ѫ въ болгарскомъ нарѣчіи вмѣсто нашего о употребляется, напримѣръ: нѫ, а по нашему но, по сербски же—нь.

бѹде бо́лгарски не замѹди. по на́шемѹ ко́сно мѣленноѧзычен, или гѹгни. а сербски мѹдно ѧзычѣ. и прочїѧ рѣчи намъ не разѹмны. бохмі, васнь, реснотивїе, цѣщи, ашѹтъ. и мнѡ́го таковыхъ мы не разѹмѣемъ їно сербски, а їно бо́лгарски. и сїѧ доселѣ недостанѣ на лѣто на повѣствованїе [1])“.

Во времена митрополита Кипріана наше книжное просвѣщеніе очень страдало. Троицкая лѣтопись, описывая Тохтамышево нашествіе, бывшее при митрополитѣ Кипріанѣ, такъ разсказываетъ о пропажѣ книгъ безъ вѣсти: „книгъ же толико множество снесено со всего города и изъ загородья и изъ селъ, и въ Зборныхъ церквахъ до тропа наметано, схраненья ради спроважено, то все безъ вѣсти створиша“. (Ист. Госуд. Рос. Том. V, прим. 96). Ревностный пастырь церкви, митрополитъ Кипріанъ, желая восполнить этотъ недостатокъ, въ бытность свою въ Царѣградѣ, гдѣ въ то время въ обители Студійской и св. Іоанна Предтечи ученые иноки-славяне занимались переводами съ греческихъ книгъ на славянскій языкъ разныхъ чиноположеній церковныхъ, Богослужебныхъ каноновъ, молитвъ, и перепискою переведеннаго вновь изъ сочиненій патріарховъ Константинопольскихъ Исидора и Филоѳея на славянскій языкъ, и исправленнаго по греческимъ книгамъ, постарался запастись оными и привезти въ новое свое отечество—Россію. Будучи въ Царѣградѣ недалеко отъ родины, онъ и ее посѣтилъ. Какъ высоко и глубоко почитали этого просвѣщеннаго и высокой нравственности святителя его родичи, мы видимъ это изъ торжественной его встрѣчи, которую трогательно описалъ Григорій Цамблакъ. „Жители города (Тернова), подобно волнамъ быстрой рѣки, хлынули на встрѣчу святителю, шедшему къ нимъ отъ единоплеменнаго сѣвера. Никто не остался дома, даже сторожи домовъ; купцы не затворили своихъ лавокъ и товары свои покидали на торжищѣ. Рабы оставили господъ, художники свои дѣла; и жители Терноза, и иноземцы, всѣ вышли за городъ. И дѣва неисходная, по древнимъ славянскимъ обычаямъ, забывши стыдъ, пошла съ народомъ. Старый и недужный влачились за всѣми. Великая сладость была народу видѣть святое лице Кипріана; не только ученьемъ или словомъ, однимъ видомъ своимъ онъ вселялъ въ души все доброе. Одни шли близко, касались ногъ его, цѣловали руки; другіе, взирая на него издали, довольствовались однимъ его благословеніемъ. Жены особенно приходили съ умиленіемъ къ святителю, клали дѣтей своихъ и недужныхъ подъ его ноги: благодать вѣры изливалась по его слѣдамъ, какъ въ оны времена сила спасительная; благословеніе его освящало вѣрный народъ и подавало отраду въ страданіяхъ [2])“.

Такому-то высокой нравственности лицу, такъ высоко у насъ въ Россіи въ духов-

---

[1]) См. предисловіе къ Псалтири перевода Максима Грека, составленное Ниломъ Курлятевымъ, стр. 3 об. и 4 об. № 62. Библіотека Сергіевой Лавры.

[2]) См. Ист. Рос. Слов. Шевырева. Часть 3. 1858 г. стр. 170.

ной Іерархіи поставленному, естественно было позаботиться и о единоплеменной ему Россіи и словомъ, и дѣломъ.

Какія же Богослужебныя и другія книги приписываются у насъ собственно письму митрополита Кипріана: 1) Требникъ съ Служебникомъ въ 3-хъ экземплярахъ; 2) Лѣствица св. Іоанна 1387 года; 3) Слѣдованная Псалтирь и 4) сочиненія св. Діонисія Ареопагита съ толкованіемъ св. Максима исповѣдника, переводъ сербскаго инока Исаіи 1371 года.

I. Запись въ Требникѣ съ Служебникомъ XIV в. помѣщена въ снимкахъ трудовъ Ординарнаго академика Измаила Ивановича Срезневскаго. Другую запись можно видѣть въ томъ же Требникѣ въ моемъ спискѣ, здѣсь приложенномъ: Ѿписаниѥ семоу ѿ гречьскыхъ книгъ. смиреныимъ митрополитомъ ки-ѥвьскыимь и всеꙗ роуси кипрїаномъ. Ниже сего приписка писца: киръ оцю ксенофонту дадѣ, инокъ иларий метаниѥ. за худость и неоусиѣха прости [1]). Запись въ Кипріановскомъ Требникѣ XV в. на л. 353-мъ, сходная съ записью, мною скопированною и помѣщенною въ снимкахъ академика Срезневскаго, кромѣ приписки писца 1481 г. Садки Молчанова, слѣдующая:

Сїи слꙋжебникь пре́писа ѿ гре́ческихъ книгъ на́ рꙋскїй ѧзыкъ рѫкою своѥю кипрїанъ смїреныи митрополи́ кїевьскыи и всеа рꙋси. Сте́го же слꙋже́бника замышленїемь и повелѣнїемь, и срчны́ желанїемь. го́спрѧ своє́го ми́хаила іаковлича. преписа́ азъ мно́гогрѣшныи сдко молчановъ грю своє́мꙋ миилꙋ іаковли́. Єлици же пре́пишꙋте и поучѣваетесѧ сими книгами. или бжтвенꙋю и безкровнꙋю жертвꙋ гви приносѧще сщенници и сими книгами мтвы молѧщесѧ, поминайте на́ше смїренїе. іако да и вы то́мꙋже́ поми́нанїю сподоблени бꙋдете: Аще ли кто восхоще́ сїа кни́гы пе́репи́сывати. смотрѧи не приложити, или ѿложити единое нѣкое слово. или тычкоу единѫ: или крѫчкы иже сꙋ́ по строками в рѧдѣ. ни́же пре́мѣнитисѧ (sic) сло́гнѡ нѣкоторꙋю. или приложити ѿ обычны́. и́ же первѣе привыкъ или паки ѿложити. ни́ въ дїаконства́ ни́же въ взглашени́. ни въ мтва́. но́ съ великы́ вниманїемь прочитати и оучитисѧ. и́ли прѣписывати. іа́ко да небрѣженїа въ грѣ впаднѣте. за неже еже ѿ небрѣженїа впасти въ грѣ горьшїи є́, неже еже ѿ невѣнїа бываемаго.

Такъ называемый Служебникъ митрополита Кипріана вмѣстѣ съ нѣкоторыми чиноположеніями изъ Требника XIV в. № 601. Сунод. Библіотеки я весь пересмотрѣлъ и ничего не отыскалъ изъ его родного языка, портящаго нашъ Славянскій Богослужебный языкъ. Въ этой рукописи нѣтъ даже *юсовъ*, а буквы ъ и ꙑ есть.

[1]) Требникъ сей съ Служебникомъ хотя приписывали письму самого митропополита Кипріана, но достоуважаемый о. Ректоръ Моск. Дух. Академіи, имѣя въ библіотекѣ академической рукописи письма митрополита, усумнились приписать ему сей Требникъ. Послѣдняя приписка, хотя и мелкаго почерка, но по характеру буквъ, одна съ крупнымъ, заставляетъ думать, что сей Требникъ писалъ инокъ Иларій.

При сличеніи литургіи Златоустаго, помѣщенной въ Служебникѣ митрополита Кипріана съ таковою же литургіею въ Служебникѣ преп. Сергія оказалась самая незначительная разница, и то не въ языкѣ, а въ опущеніи нѣкоторыхъ молитвъ и прошеній изъ ектеній.

1. Первой молитвы въ Служебникѣ преп. Сергія, озаглавленной такъ: мл҃ хотѧщю иерѣови бжⷭ҇твноу свершиⷮ страшноую таину. Гн҇и бж҇е наⷭ҇ єдинъ блгⷭ҇ и чл҃колюбець... нѣтъ у митрополита Кипріана; нѣтъ ея и въ Служебникѣ его же времени XIV в. № 598 Моск. Сѵнод. Библіотеки.

2. При облаченіи священника въ священническія одежды въ Служебникѣ преп. Сергія положена: млⷭ҇тва Влⷣко гн҇и бж҇е хе҇ вседержителю...., которой нѣтъ у митрополита Кипріана; нѣтъ ея въ Служебникѣ XIV в. № 598 Сѵнод. Библ. и Служебникѣ XV в. св. Евѳимія Новгородскаго.

3. Молитвы предъ Апостоломъ: Гн҇и бж҇е наⷭ҇ приклони срⷣца... нѣтъ; нѣтъ ея и въ Служебникѣ св. Евѳимія Новгородскаго.

4. Молитвы предъ Евангеліемъ: Восиіаи въ срдⷣцаⷯ.... нѣтъ.

5. Въ сугубой ектеніи прошеній: помилоуи насъ бж҇е... нѣтъ.

— о блгⷭ҇овѣрнои и блгⷭ҇очтⷭ҇ивои княгинѣ... нѣтъ.

— о творѧщихъ млⷭ҇тню... нѣтъ.

6. Ектеніи и молитвы за умершихъ и въ Служебникѣ преп. Сергія и митрополита Кипріана нѣтъ, а она есть въ Служебникѣ XV в. св. Евѳимія Новгородскаго.

7. Гн҇и иже прⷭ҇стаго дх҇а.... нѣтъ.

II. Въ Требникѣ митрополита Кипріана, равно и въ вышеупомянутомъ его Служебникѣ, есть нѣкоторыя дополненія.

1. Въ службѣ на пятьдесятницу внесена имъ послѣ третьей молитвы еще молитва Константинопольскаго Патріарха Филоѳея, которой у насъ не было прежде, и теперь она не положена. Митрополитъ же кіевскій Петръ Могила, внеся ее въ свой Требникъ, такъ оговорился: „Вѣстно буди, ꙗко въ Єллинскихъ зводехъ по млⷭ҇твѣ сей, абїє, чтетсѧ конечнаѧ млⷭ҇тва вечернѧѧ, сїесть: Бж҇е великїи и вышнїй... И тако съвершаютсѧ млⷭ҇твы всѧ. Мыже в Россійской церкви прилагаемъ и сїю последꙋющꙋю, къ стⷭ҇мꙋ дхꙋ млⷭ҇твꙋ, ꙗко семꙋ празникꙋ приличнꙋю, и во всѣхъ словенскихъ древнихъ зводехъ ѡбрѣтающꙋюсѧ, и по ней онꙋю конечнꙋю прилагаемъ. Молитва патріарха Филоѳея въ Требникѣ Петра Могилы напечатана почти безъ измѣненія въ языкѣ. Выписываю эти отличія противъ молитвы напечатанной въ Требникѣ митрополита Петра Могилы слѣдующія съ соблюденіемъ правописанія XV вѣка, напр. съприсоущный й животворївый, йже ѿ ѡ҃ца йсходѧи. иже єⷭ҇ополож... прїꙗтенъ... йже наст. дх҇ пр... дх҇... йже ѿчьскаго състава. йсходѧщее. съоупостасьное хотѣнїе й прⷭ҇емꙋдрость. покла-

ꙗтися образъ.. мое грѣшнаго... моленіе мысли ѡчи.. вѣдати. высотꙋ крѣпость. нескꙋпльшꙋюсѧ непоколѣблемꙋ. Словъ: єресей безмѣстноу державнѣйшоу у Петра Могилы нѣтъ.

2. Въ Чинѣ таинства Елеосвященія до Требника митрополита Кипріана было только нѣсколько молитвъ. Такія три молитвы помѣщены въ Служебникѣ XIII в. Варлаама Хутынскаго. Въ Греческомъ Требникѣ XIV в. Кантакузина помѣщены всѣ молитвы, читаемыя во время Елеосвященія надъ больнымъ, какія и теперь читаются, но тамъ нѣтъ канона съ Акростихомъ пѣснописца Арсенія. Этотъ канонъ въ Требникѣ Кипріана весь помѣщенъ и перепечатанъ въ Требникѣ Петра Могилы. Только здѣсь прибавлены Евангелія, читаемыя надъ больными женами, и не тѣ помѣщены тропари 1-й пѣсни четвертый, 6-й пѣсни четвертый же и 9-й пѣсни второй, какія въ Требникѣ Петра Могилы:

Єдина смиренію бездна. чтаѧ ѡбогативши сѧ къ Богу млтвами си цркно недꙋгъ же и скоръбеи, твоего раба избави. ꙗко непрѣстанно тѧ въспѣваемъ.

Греческій текстъ изъ Требника Фотія XV в. ἡ μόνη τὸ τῆς εἰρήνης πέλαγος ἁγνὴ πλουτήσασα ταῖς πρὸς θεὸν πρεσβείαις σου ἀεὶ. νοσημάτων καὶ θλίψεων τὸν σὸν οἰκέτην λύτρωσαι. ὅπως ἀπαύστως ἀνυμνοῦμεν σε.

6-й пѣсни четвертый тропарь:

Ꙗвиласѧ еси ѻ Бзѣ твоемꙋ храмоу плодовитаѧ. мти знижителева маслина, еюже исплънь ꙗвисѧ миръ мти. ѿнюдꙋ же спсай, моленіемь ѻсѧзаніа ти стражоущаго.

Погречески изъ того же Требника Фотіева стр. 191 об.

Πέθυνας ἐν θεῷ τῷ σῷ οἴκῳ καὶ ἐκλύτρωσιν κατάκαρπος. μητὴρ τοῦ κτίστου ἐλαία δι ἧς πλήρης ὤφθη κόσμος ἐλέους. ὅθεν σῶζε πρεσβειῶν ἐπαφῇ σου τὸν κάμνοντα.

9-й пѣсни второй тропарь.

виждь Хе съ нбсе таины ти прѣстаніемь. ꙗкоже въ ѻвчіи къпѣли и рѣци семꙋ блгооустробіемь си мажющемꙋсѧ масломь. въстани Хвомъ въдомъ свои.

Погречески второй тропарь не тотъ:

Ἴδομεν πανάγαθε σῶτερ. ἀγαλλιώμενοι τὸ θεῖον ἔλαιον ῥοπῇ σου ἐνθέῳ. ὑπὲρ μετόχους. ὅπερ προσήλειφας. καὶ τυπικῶς με τέ δωκας. λουτροῦ τοῦ θείου τοῖς μετέχουσιν.

3. Въ Чинѣ освященія церкви до митрополита Кипріана въ Требникахъ не было ни подробнаго чина, ни молитвъ, какія помѣщены въ Требникѣ митрополита Кипріана. Кто-то изъ нашихъ русскихъ ученыхъ въ началѣ этого чина написалъ карандашемъ на полѣ на л. 69-мъ: „спросить, не этотъ ли нынѣ чинъ“? Покойный митрополитъ Московскій Филаретъ чрезъ нѣсколько строкъ отъ замѣтки страницы двѣ слишкомъ отчеркнулъ,

написавъ карандашемъ: *иное*. Выписываю всѣ замѣтки покойнаго митрополита надъ тѣми мыслями Чина освященія церкви Кипріановскаго Требника, гдѣ митрополитъ Филаретъ дѣлалъ карандашныя помѣтки, съ соблюденіемъ древняго правописанія мыслей Кипріановскаго Требника.

Начало изъ Чина освященія церкви, гдѣ помѣчено митрополитомъ Филаретомъ: *иное*. Приходитъ же пото̑, ст҃лъ, пріемлѧ̑ мч҃нчкы̑ ст҃ы̑ мощи чѧсти три̑...

Конецъ изъ Чина освященія церкви, гдѣ помѣчено тѣмъ же митрополитомъ:

„Кандило еже и свѣтило гл҃тьсѧ и свѣтилникъ и оловица свѣтельнаа. и свѣтилца. и цѧклиници двѣ. една оубо радостамы исполнь. или вина дрꙋгааже мира.

На 72 об. подлѣ сихъ словъ: „възливаетьсѧ на стлъпы во́скомастї. донелѣ же исполнѧтьсѧ ха́ратїиныа оустны. оставлеюу же то́моу оустынꙋти мало. го́рѧче бо̑ есть. ст҃ль молитъ“. Написано на полѣ карандашемъ: *по чину осв. Антиминса;* а надъ началомъ молитвы: г҃и б҃е и̑ сп҃сителю... на полѣ отмѣчена цифра—(1).

Вторая цифра (2) отмѣчена надъ сими словами Чина: „пріемлѧ̑ тра́пезоу є҆же́нѣ съ соущими“...

Третья цифра (3) надъ сими словами Чина: „и̑ архїдїаконꙋ гл҃ющю. паки и па́ки пре́кло́нше ко́лѣни, г҃оу пом. ст҃ль же ста́въ на́ коврѣ и ко́лѣни пре́клонивъ къ възглавїю молитсѧ си́це. б҃е бе́зна́чальныи...

Четвертая цифра (4) надъ сими словами Чина: „въходи̑ ст҃ль и̑ ста́въ пре̑ ст҃ою трапезою мыло же бѣлое пріемъ, кр҃ты тѣ̑ твори̑ г҃. на неи. на ср҃ѣ̑ единъ, и̑ два̑ по сторонамъ“.

Пятая цифра (5) надъ сими словами Чина: „и тако ѿ оукропнаго съсꙋда вливаетсѧ теплаѧ вода“...

Шестая цифра (6) надъ сими словами Чина: „молитсѧ. г҃и б҃е нашь, остивъши си воды... по́ м҃лтвѣ же.... взлив.. теплаа вода“...

Седмая цифра (7) надъ сими словами Чина: л. 79 об. „и гл҃етъ ст҃ль. сла́ва б҃гꙋ на́шемꙋ въ́ вѣкы. сщ҃енико̑ же тѧ недѣ̑ бл҃и антимись преложьш҃е“..

Осьмая цифра (8) надъ сими словами Чина: „творить тѣмь (мѵ́ромь) кр҃ты три̑. единъ на ср҃ѣ. и̑ два̑ по ѡбѣю странѫ“.

Девятая цифра (9) надъ сими словами Чина: „сщ҃еннико̑ же паки възложъшимъ антимисы на́ трапезꙋ... се оубо что́ добро“....

Десятая цифра (10) надъ сими словами Чина: „ст҃ль гл҃еть. слава ти ст҃аа тр҃це б҃же нашь вь вѣкы“.

Пятнадцатая цифра (15) надъ сими словами Чина: „і дается ст҃лю ка́дило. и̑ томꙋ

кадѧщю ст҃ꙋю трапезꙋ, и олтарь, и хра̑ вс̑. гл҃ть ꙗло̑ сѫди ми г҃и ꙗко незлобою моєю ходи̑". На полѣ еще, кромѣ цифры 15, приписано: „*Въ освящ. Антимис. поставлен. св. мощей*".

Шестнадцатая цифра (16) надъ сими словами Чина: „и донелиже кади̑ ст҃ль, се̑ ꙗло̑ тако гл҃емь є̑ не единою"...

Семнадцатая цифра (17) надъ сими словами Чина: „ст҃ль пре̑ ст҃ою ставъ трапезою. и колѣни преклонивъ молисѧ сице: г҃и н҃бси и земли"... Еще на полѣ приписано: „Діакону рекшу. Г. П.".

Осьмнадцатая цифра (18) надъ сими словами Чина: „и по аминѣ діако̑ мѵромь изыдемъ и скончѣваетсѧ все послѣдованїе. по си̑ же приносит҃ ст҃лю кандило ново и кр҃тець оловены (вверху карандашемъ погречески написано: καὶ μολυβδὶς) и свѣтильца и масла".

Одиннадцатая цифра (11) надъ сими словами Чина: „и пакы ст҃льскаа всѧ ѡдѣваютсѧ ѡдѣанїа".

Двѣнадцатая цифра (12) надъ сими словами Чина: „и ѿходи̑ вькоупѣ съ ст҃енникы. и съ прочимь причтомь и лю̑ми, вь дроугыи храмъ, въ не̑ же мч҃нческыа прѣложены быша мощи".

Тринадцатая цифра (13) надъ словами Чина: „на заоутрїа же ст҃ль пакы тамо приходи̑ съ причто̑ и лю̑ми. и дїаконоу творѧщю начало мл҃твоу съвкꙋпленїє тр҃томоу. самже молитсѧ сїѧ: Г҃и б҃е нашь, вѣрныи.

Четырнадцатая цифра (14) надъ сими словами Чина: „вънег҃а же приближати̑ ст҃аемомꙋ храмꙋ. поѭ̑ се гла̑. з҃. Слава тебѣ х҃е б҃е ап҃ломь поухвала"... На полѣ еще приписано карандашемъ: „*Возмите вр. входъ. Обхожд. окр. тр. св. муч. См. тебѣ хр. поставл. св. м. см. выше*".

Девятнадцатая цифра (19) надъ сими словами Чина: „составы съ воскомастихою, или инѣ̑, еже н҃е левкое.. или и свинцо̑. гл҃еть к себѣ. ст҃ль мо̑ сїю г҃и б҃е нашь иже и сїю славоу"... На полѣ предъ началомъ молитвы приписано карандашемъ: Г. П.

Двадцатая цифра (20) надъ сими словами Чина: „мо̑ инаа въ положенї сты̑ мощеи. Б҃же ѡт҃ць наши̑ ст҃е сты̑"... Вверху митрополитомъ Филаретомъ приписано: „*съ миромъ изидемъ*".

Вотъ какія помѣтки карандашемъ сдѣлалъ покойный митрополитъ Филаретъ надъ Чиномъ освященія новой церкви, помѣщеннымъ въ Требникѣ митрополита Кипріана и переписаннымъ съ него въ 1481 году Сидкою Молчановымъ. А митрополитъ Кипріанъ надъ неправильнымъ однимъ Чиномъ дѣйствія во время освященія церкви такъ замѣтилъ: л. 98. „и дѣлоу томꙋ свершенꙋ, слава и н҃нѣ и ст҃ль гл҃ть: слава б҃ꙋ нашемꙋ въ вѣкы:—по сиҳже измываѐ роукы. оубрꙋсомъ же новымъ тѣхъ отрывъ. приемлѐ покрывало, сирѣчь ѡдѣанїе

трапезное. ѐже роусь не вѣмъ како обыкоша индитїею то звати ѻнако же: емоу же ст҃лю на трапе́зѣ простираѐмꙋ, глѐ нп҃мъ чт҃. т҃ь выцр҃исѧ въ лѣпотꙋ сѧ облѣче"...

4. Въ Чинѣ освященія въ 1-й день августа митрополитомъ Кипріаномъ замѣчено: аще ли же кро́мѣ перваго дне Августа въсхощетъ кто ос҃ще́нїе се҃ сътворити нѣкыѧ ради потребы не поминаетъ ст҃ый мч҃енникъ Маккавей. ниже мт҃ре й. на оучитела нѡ ст҃го егоже е҃ храмъ. и его же е҃ дн҃ь.

Въ выпискахъ изъ Кипріанова Требника, переписаннаго въ 1481 году Сидкою Молчановымъ видно только въ отношеніи правописанія противъ великороссійскаго перенос ударепій на первый слогъ, особенно въ словахъ съ предлогами, гдѣ удареніе переносится на предлогъ, напр. на́ коврѣ, въ вѣкы и др. Такія ударенія у насъ остались въ старопечатныхъ Служебникахъ. Въ Служебникѣ 1602 года Іововскомъ на 29-й тетради 5-го листа: во́ имѧ, 6-го листа: во́ времѧ, на 31-й тетради 4-го листа: на́ тѧ, на 54-й тетради 1-го л. обор. по́нлмть, на́чнетъ. Въ Служебникѣ 1616 года на 16-й тетради: во́вѣки, 18-й тетради 3-го листа: во́ времѧ, на 4-мъ листѣ: со́ страхомъ, на 7-мъ листѣ той же 18-й татради: во́ имѧ, въ 19-й тетради на 1-мъ листѣ: на́ тѧ, въ 20-й тетради на 2-мъ листѣ обор. го́рѣ.

III. Есть памятникъ трудовъ митрополита Кипріана юсоваго письма. Достоуважаемый знаменитый нашъ церковный историкъ, о. ректоръ Московской духовной академіи, протоіерей Александръ Васильевичъ Горскій, относитъ этотъ памятникъ собственно къ письму самаго Кипріана, съ каковымъ мнѣніемъ нельзя не согласиться. Это — *Слѣдованная* Псалтирь Кипріана, хранящаяся въ академической библіотекѣ. Краткое описаніе сей Псалтири бывшаго студента Московской духовной академіи г. Бѣляева о. ректоръ академіи сообщилъ мнѣ съ обязательностію. Изъ подлинныхъ выписокъ изъ сей Псалтири г. Бѣляева видно, какъ неправильно было юсовое письмо въ правописаніи митрополита Кипріана. Объ этомъ можно судить и по слѣдующимъ немногимъ выпискамъ изъ нея.

Л. 154. нач҃ѧло Ꙋтрьни.

Л. 162. начѧло.

Л. 187. об. ради чт҃нѣишѫѧ матерь.

Л. 192. имѣѧ тропарѧ же кондакѫ нарочитымъ ст҃ымъ.

Л. 284. въ ст҃ѫѧ и великѫѧ нѐлѧ пасхы.

Л. 302. въсемогѫщѫѧ и животворѧщѫѧ ст҃а тр҃це.

Л. 315. бл҃гвѣщенїе прѣславныѧ вл҃чцѫ наша бц҃ѫ.

Л. 323. въпиѧти.

Въ заключеніе краткаго своего описанія Псалтири г. Бѣляевъ замѣтилъ: „въ сей рукописи постоянно встрѣчаются *юсы* въ значеніи буквъ: а, о, у, ю, ѧ.

Выписки болѣе обширныя, мною сдѣланныя изъ самой рукописи слѣдующія:

Л. 56. Пс. ѯ҃ѕ (66)[1].

б҃е ѹщедри ны. и бл҃ви ны. просвѣ-
ти лице твое на ны, и помлѹи ны.
познати на земли пѫ҃ твои. въ всѣ
ѩзыцѣхъ сп҃сение твое. да испо-
вѣдѧ҃тсѧ тебѣ людие б҃е. да испо-
вѣдѧ҃тсѧ тебѣ людие вси. да възве-
селѧ҃тсѧ и възра҃дѹѭтсѧ ѩзыци.
ıако сѫдиши люде҃ правотоѧ.[2] и
ѩзыки на земли наставиши.
да исповѣдѧ҃тсѧ тебѣ людие б҃е. да
исповѣдѧ҃тсѧ тебѣ людие вси. зе-
млѣ[3]) дастъ пло҃ свои. бл҃ви ны
б҃е. б҃е нашъ. бл҃ви ны б҃е. и да
ѹбоѭтсѧ его. вси конци землѧ:

Л. 56 об. сла҃. в конецъ ѱло҃ пѣсни дв҃ъ.
ѯ҃з. (67) да въскр҃нетъ б҃ъ и разыдѫ҃тсѧ вра-
ѕи[4]) его. и да бѣжѧ҃ ѿ лица его нена-
видѧщеи[5]) его. ıако исчезае҃ дымъ,
да исчезнѫ҃. ıако таетъ воскъ
ѿ лица огню.[6]) тако да погыбнѫ҃
грѣшници ѿ лица бж҃ıа. а праве-
дници да възвеселѧ҃тсѧ. възра҃дѹ-
ѭтсѧ пр҃ѣ б҃омъ. насладѧтсѧ
въ веселии. въспоите б҃оу. пои-
те имени его. пѫ҃ сътворите
възшедшомѹ на запады. г҃ь имѧ
его. и радоуитесѧ пр҃ѣ нимъ. съ-
мѧтѫтсѧ ѿ лица его. о҃ца си-
рыхъ. и сѫдиѧ вдовицъ. б҃ъ въ
мѣстѣ ст҃ѣмъ своемъ. б҃ъ въсе-
лѣетъ. единомыслныѧ въ домъ.
възводѧ окованныѧ мѫжьствомъ.
такоже҃ прогнѣвающѧѧ[7]) живѫщѧ-
ѧ. въ гробѣхъ. б҃е егда исхожда-
ше пр҃ѣ людми своими егда мимо-
хождаше въ пѹстыни. землѣ

Л. 57. потрѧсесѧ. ибо н҃бса капнѫшѧ.
ѿ лица б҃га синаина. ѿ лица б҃а и҃лє-
ва. дъж҃дь волень ѿлѫчиши б҃е до-
стоıанию твоемѹ. и изнеможе.
тыже съврьши ѧ. животнаа
твоа живѫтъ на неи. ѹготова-
лъ еси бл҃гостиѧ твоеѧ. нищемѹ[8])
б҃е. г҃ь да҃ гл҃ь бл҃говѣствѹѭщии҃
силѫ многѫ. ц҃рь силъ възлю-
бленнаго. лѣпотоѧ. домѹ раздѣ-
лити користь. аще поспите

[1]) Сей псаломъ и слѣдующій написаны строка въ строку, какъ въ подлинникѣ, съ соблюденіемъ правописанія. Въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ приведены разночтенія изъ Псалтири XV в. Волоколамской библіотеки.

[2]) правотою.

[3]) землѣ.

[4]) враѕи.

[5]) ненавидѧщеи.

[6]) огню.

[7]) ...вающѫѧ.

[8]) нищомѹ.

посрѣдѣ прѣдѣлъ. крилѣ голѫби-
ни посребренѣ. и межорамїа ѥѧ,
въ блъщани злата. єг҃а разньствї-
тъ нб҃ныи цр҃ѧ на неи. ѡснѣжѧ-
тсѧ въ селмѡнѣ. [1]) гора̑ бж҃їа, го-
ра тꙋчнаа. гора̑ ѹсырейнаа,
гора̑ тꙋчнаа. въскѫѧ непщꙋе-
те горы ѹсырейныѧ. [2]) гора̑ ѫже
бл҃говоли бг҃ъ жити въ неи̑ ибо̀
г҃ь въселитсѧ до конца́. коле-
сница бж҃їа тмами тъ́мъ. ты́-
Л. 57 об. сѫща гобзꙋѭщий. г҃ь въ ни̑ въ сї-
наи̑нѣ въ ст҃ѣмъ възшéлъ ѥси,
на высотѫ плѣнилъ ѥси плѣнъ.
прiалъ еси даанїа въ чл҃цѣхъ. ибо̀
непокарѣѭщѫѧсѧ ѥже въсéлити-
сѧ. г҃ь бг҃ъ бл҃венъ. бл҃венъ г҃ь днь
дн҃е. поспѣши̑ намъ бг҃ъ сп҃сенїи
наши̑. бг҃ь нашь, бг҃ь сп҃сати. и̑
г҃нѣ г҃нѣ исходища съмртнаа. ѡ-
баче бг҃ь съкроушитъ главы врагъ
своихъ връхъ влáсъ прѣхóдѧщий
въ прѣгрѣшéнихъ своихъ рече [3]) г҃ь.
ѿ васáна ѡбращѫ. ѡбращѫ въ
глѫбина̑ морскы̑. ꙗко да ѡ-
мóчитсѧ нога твоа въ кръви. ѧ-
зы́къ пе́съ твоихъ ѿ врагъ ѿ не-
го. видѣна бышѧ шествїа твоа
бж҃е. шéствїа бг҃а моего цр҃ѣ ѥже
въ ст҃ѣмъ. прѣварíшѧ кнѧѕи
близъ поѭщи̑. посрѣдѣ дв҃ъ ту-
мпáницъ. [4]) въ цр҃кв҃ бл҃ите бг҃а.
га ѿ источникъ і҃илевъ. тоу̑ ве-
Л. 58 нїамíнъ юнóша въ ѹжасѣ. кнѧ-
ѕи іꙋдови вл҃кы и̑хъ. кнѧѕи за-
вꙋлѡни. кнѧѕи нефѳалíмли.
заповѣждь бж҃е сíлѫ твоѧ. ѹкрѣ-
пи бж҃е се̑ ѥже съдѣла в на̑. ѿ цр҃к-
кве твоеѧ, въ і҃ерл҃мъ тебѣ, прине-
сѫ̑ цр҃їе дары. запрѣти ѕвѣре́м
тръстны́мъ. съи̑мъ юнéцъ
въ юни́ца̑ лю҃дскыхъ. затвори́ти
искꙋшéнныѧ сребромъ. разрꙋ-
ши ѧзыкы хотѧщѧѧ брáнемъ.
прида̑ молитъвници ѿ ѥгѵ́пта.
еѳіопїа, прѣвари̑ рѫка ѥѧ къ боу̑
цр҃ства земнаа, поите боу̑ въспои́-
те г҃ви възш҃е́шемꙋ на нб҃о нбе-
сное на въстóкы. се̑ да̑ гла̑ свои,
гла̑ силы. дади́те слáвѫ бг҃ви.
на і҃и҃ли вельлѣпота его. и̑ сíла
ѥго на ѡблацѣ̑. дивéнъ бг҃ъ въ ст҃ы-
хъ своихъ. бг҃ъ і҃илевъ. тъ̑ дáсть
сíлѫ [5]) и̑ држáвѫ людéмъ свои̑.
бл҃венъ бг҃ь: [6]).
Л. 145 об. дш҃е и̑стинныи.... и всѣ съвръши.

[1]) селмѡнѣ.

[2]) ѹсырейныѧ.

[3]) ре́че.

[4]) тꙋмпáнецъ.

[5]) силꙋ.

[6]) Разночтенія взяты изъ Псалтири XV вѣка Волоколамской Библіотеки для того,

Л. 162. что тѧ наре͞мъ... ѿ ѡбрадованнаа.
Л. 169. Єдинородныи сн҃ъ и слово бж҃іе бесъмрътенъ сы҃. и изволивыи спс҃енїа нашего ради въплътитисѧ. ѿ ст҃ыѧ бц҃ѧ. и приснодв҃ы мр҃їѧ, непрѣложно въч҃лчивсѧ. распенъсѧ х҃е бе съмртїѧ съмрть настꙋпи. единъ сыи ст҃ыѧ тр҃цѧ. съпрославлѣ͞е ѿц҃ꙋ и ст҃омꙋ дх҃ꙋ, спси на҃.
Л. 171 об. єго цртвїа нѣ҃ конца... и въ дх҃а ст҃аго истиннаго животворѧщаго. ѿ ѡц҃а исходѧщаго.
Л. 173 об. и 174. и спси спсе нашь люди ѿчааныѧ.
Л. 177 об. Бц҃е дв҃о радꙋисѧ ѡбрадованнаа... родила еси спса дш҃амъ нашимъ:
Л. 306. съмртїѧ съмрть поправь.
Л. 322 об. Къ бц҃и прилѣжно нн҃ѣ притецѣмъ грѣшнїи съ смѣренїе͞ припадаю͞ще. покаанїе͞ възовꙋще, из глꙋбинъı дш҃евныѧ. вл҃це помози, млр҃дковавши на ны. потщисѧ ꙗко изгыбае͞ ѿ множьства грѣховъ.
Л. 323. не ѿврати рабъ своѝ тощь. тебе бо єдинꙋ помощницꙋ имамы [1]).

Въ отношеніи почерка письма этой Псалтири замѣчу, что, хотя Митрополитъ Кипріанъ не оставилъ въ ней собственноручной записи о времени написанія ея, но она— письма его. На листѣ 2-мъ об. и 3-мъ внизу есть слѣдующая запись XV вѣка: „живонача͞лныѧ тр҃цы; псл҃тыр митрополича Кипрїанова писма; без иг҃ꙋменсково блсв҃нїа не давати еѧ никомꙋ иниїй монастырей постриженико͞м". Не смотря на увѣреніе этой записи XV в., почеркъ Псалтири, хотя и полууставный, чѣмъ и отличается отъ почерка письма Лѣствицы Іоанновой, писанной имъ 1387 г. въ Константинополѣ уставомъ и тщательно, но письмо, какъ можно судить по сличенію ея съ почеркомъ Лѣствицы, Митрополита Кипріана. Въ Псалтири вездѣ, какъ и въ Лѣствицѣ, надъ двумя рядомъ стоящими буквами ни вверху писаны двѣ коммы: ,,. Буквы: а. б. в. ж. з. ы. ѡ. и другія по очертанію точно такія же, какъ и въ Лѣствицѣ Іоанна.

IV. Единственный памятникъ, гдѣ есть запись Митрополита Кипріана, это Лѣствица Іоанна. Эта запись на л. 279 об. слѣдующая:

Вл҃ѣ ѕѡч҃е (1387) априлїа съвръшишѧ сїа книгы в. стꙋдїиской ѡбитѣли. кипрїано смѣреннымъ митрополито͞ кыѥвскымъ и всеѧ рѡсїи:

чтобы показать почти буквальное сходство даже въ правописаніи Псалтири Кипріановской съ Волоколамскою. На оборотѣ переплетной доски въ Волоколамской псалтири замѣчательна слѣдующая приписка: „ѱалтыр денїѧ лꙋпина писмо пипрꙋлнно, переводъ добръ".

[1]) Расположеніе Слѣдованной Псалтири Кипріанова письма почти такое же, какое и въ теперешней. Спачала Псалтирь, потомъ Часословъ съ святцами и канонами. До этой Псалтири нѣтъ Слѣдованныхъ Псалтирей съ такимъ расположеніемъ.

Выписываю изъ этой рукописи слово 2-е о *безпристрастіи* съ разночтеніями изъ древнѣйшей Лѣствицы Іоанна XII в., находящейся въ Румянцевскомъ Музеѣ подъ № 198-мъ, приводя разночтенія изъ нея въ скобкахъ.

Л. 19. о безпристрастіи слово в҃. [1])
Іже истиннѡ га (ба) възлюбивъі (—въ). иже
истиннѡ бꙋдꙋщаго цр҃твія (--ва) по-
лꙋчити възискавъі (—лъ). иже въ исти-
нѫ (истиною) болѣзнь о своихъ съгрѣшенихъ
(грѣсѣхъ)
имѣѫи (—лъ). иже въ истинѫ (истиною)
памѧт мѫ-
ченія стѧжавъіи (приобрѣлъ) сѫди вѣчнаго.
иже въ истинѫ (истиною) стрх ѿ своемъ исхо-
дѣ въсприемыи (възьмъ), ктомꙋ (оуже) не
възлю-
битъ (любить). ктомꙋ (оуже) не попечеѕѧ
(печетьсѧ) или по-
скръбитъ. ни ѿ имений (—нии). ни ѿ стѧжа-
нихъ. (притѧжании). ни ѿ родителехъ (сьродо-
бolий). ни ѿ славѣ
житейстѣи. ни ѿ дрꙋзѣ. ни ѿ братіи.
ни ѿ чьсомже (о чемже) земныхъ (земнѣмь)
всѣко (съ проста) нѫ (нъ)
все свое съдръжаніе (приближание). все еже
(и всу) ѿ сихъ
попеченіе (скьрбь) ѿтрѧсъ и възненавидѣвъ.
и (—) еще же. и своѧ плъть прѣжде си-
хъ (предъ сими), нагъ (—) [2]) и беспечаленъ
(—ли) и без лѣно-
сти хꙋ послѣдꙋетъ (въ слѣдъ хса въслѣдоуеть).
на нбо присно
зрѧ. и ѧже (—) ѿтѫдꙋ помощь (—щи) ожи-
дая.
по рекшомꙋ (—шꙋмоу) ст҃мꙋ прильпе дша м-
а по тебѣ (въ слѣдъ тебе). и иномꙋ при-
снопамѧт-
номꙋ (--поминаемоумоу) рекшꙋ (--моу).
аз же не трꙋдихсѧ
послѣдоуѧ (въслѣдоуѧ тебѣ). и дне (—ни)
или насла-
жения (—) или покоя. члчѣ (—ча) не възже-
лѣ (въсхотѣлъ) гй: стꙋ вели (срамъ велии) е
еже (иже) вѣ (—сѧ) прѣ-
дъреченна оставльшемъ (—вивъшемъ) по
звани нашемъ иже гь нашъ поз-
ва на (еже ны възва гь) а не члкъ, ѿ нѣчьсомъ
(ни ѿ чесомь) пещи-
сѧ не могѫщимъ на (—мъ) бл҃годѣте-
льствовати (добра сътворити) въ ча нѫжѫ
(бѣды) наше-
ѧ рекше исхода. се бо е еже ре-
че гь ѡбратитисѧ въспѧт (назадъ). и не ѡ-
брѣстисѧ ꙋправленꙋ въ цр҃тво
нбное: гь нашъ ꙋдобъ попл-
зновенное (—заемое) наше (насъ) възводны-
ихъ (—димыхъ)

---

[1]) Это Слово выписано строка въ строку, какъ въ подлинникѣ. Разночтеній правописанія изъ Лѣствицы XII вѣка мною не дѣлано, а дѣлано только измѣненіе въ окончаніяхъ, или совершенно другое слово выписывалось, чѣмъ въ этой Лѣствицѣ.

[2]) Знакъ — означаетъ, что слова, которое ему предшествуетъ въ моемъ описаніи, нѣтъ въ Лѣствицѣ XII вѣка.

вѣдꙑ. и ꙗко († же)[1] ѹдобь съ мирскꙑми
ходѧще или бесѣдѹѧще пакꙑ
къ миръ възвращаемсѧ (—мꙑсѧ), рече
къ рекшомѹ емѹ (къ немоу) повели ми ити
и погребьсти (погретъ) оц҃а (—цѧ) моего,
оста-
ви мртвыѧ (—твьцѧ) погребьсти (—грети)
своѧ
мрьтъвцѧ. бѣсове по оѿв-
ржении мира (—) ѹбо млтивыѧ на҃
и млрдыѧ ѿ мирскꙑхъ блажи-
ти вълагаѫт (прилагаѭть). и се бо оканни
(самѣмъ же окаатисѧ) на-
рицати (—). ꙗко († же) всѣкоѧ (всеꙗ)
онѣхъ до-
бродѣтели (—тꙑ) себе лишившихъ (лиши-
шасѧ).
разѹм же врагомъ нашимъ ле-
стнꙑимъ (лоукавꙑмъ) смѣрениемъ или въ мир
Л. 20. на҃ (нꙑ) възвратити (—тисѧ) или прѣ-
бываѭщии (—щемъ)
мнихомъ (чърньцемъ) къ ѿчаанию (на ѿчаꙗ-
ние) низринѫти: (поуститисѧ)
есть оубѹжати мирскꙑхъ (—кыꙗ) ради въ-
зношениꙗ (непьщеваниемь). и есть († ты)
несѫщихъ (—щꙗ) тѣ
тѹ оуничижавати (никъчины творити) за
еже бѣ-
жати ѿчааниꙗ (ѿбѣжаниꙗ ради ѿчаꙗнинаго) и
(а) ѹпование (надѣꙗние) притѧ-
жати: слышимъ г҃а къ оному
юноши, иже (сътворшоумоу) всѧ съпроста
заповѣ-
ди съдѣлавшомѹ рекша (—шоу), ꙗко е-
дино (—ного) ти недостало е (нѣсть), еже про-
дати имѣниꙗ и дати нищимъ (оубогꙑмъ).
самомѹ сѧ ѹбогѹ оустроити (сътворити) ми-
лостꙑнѧ (—сти) приемлѧщѹ: (—ющоу) иже
оусрьдно (съ оусрдиемь) и бꙑстро (бързо)
тещи хотѧще-
и, разѹмнѣ (оумьнѣ) съмотримъ (присѣ-
тимъ). како г҃ь
всѧ иже въ мирѣ (—роу) ходѧщѧѧ и жи-
вѫщѧѧ мрьтъвцѧ (—ци) оставли. рекъ къ (—)
нѣкоемѹ. остави мртвыѧ (—твьцѧ) ми-
рѣнꙑ (мирьскꙑ), иже тѣломъ мртвꙑихъ
(соущаꙗ телесꙑ мртвъꙗ) по-
гребьсти (—грети): никакоже възбра-
ни (не оста) юноша (—ша) оного (того)
богатство прини-
ти (прити) на крщение. оѹстинаѫ (поустошьни
бꙑша) оубо
глѧще нѣции. ꙗко крщениꙗ ра҃ (блг҃ати ради
крьныѧ) г҃ь
продати томѹ (то) богатство велѣ-
ше (—лѣаше). да довлетъ (довьлѣи) намъ
въ велие (на большее) и-
Л. 20 об. звѣщение. великꙑꙗ (большаѧ) славꙑ
нашего
обѣтованиꙗ (завѣщаниѧ), таковое свѣдѣте-
льство (извѣщение): възꙑщѣмъ (въспꙑтати)
како и-
же въ мирѣ (—рѹ) живѫщеи (ходѧщеи).
и бдѣньми (—ни)
и альчьбами и трѹдꙑ и злостра-

[1] Знакъ † означаетъ, что слово прибавлено въ Лѣствицѣ XII вѣка.

даньми (страданни) прѣбꙑвающе (томѧщеся). въ иночь-
ское (чьрньчьское) житїе ꙗко въ искꙋсительство (—шение). и тризнище (тръз—) ѿ чл҃къ ѿхо-
дѧще (приходѧще). прьвое пощенїе (прѣжнѧго вьздрьжанниа) иꙗх прѣльстное (—наго) и притворенное (творимаго) к томꙋ (оуже)
не држж: видѣхъ мнѡгꙑ
и различнꙑ садꙑ добродѣтѣлен (—вольства) ѿ смирїи въ мирѣ (мирьскꙑхъ) насаждаемꙑ (въсаженꙑ). и
ꙗко (акꙑ) ѿ поточнꙑѧ тинꙑ ѿ тщеславїа (славолюбиа) напаꙗемꙑ: [1] и ѿ похвалъ (прельщениа, † копаемы и ѿ хвалъ) нагноаваемꙑ (—гноꙗемꙑ). и прѣсажденꙑ (—саженꙑ)
ꙋбо на землѧ (—лю) пꙋстѫ и непрѣходнѫ (неходноу) мирскꙑми (—мь). и безводнѫ тще-
славныѧ (ѿ славолюбнꙑа) и гнѫснꙑѧ водꙑ, абїе (въскорѣ)
исъхошѧ. не бѡ могѫ (рачать) воднїи садове на жестокꙑхъ и безводнꙑ
мѣстѣ (искꙋсѣхъ) плодоносити (ражати).
їже мира възненавидѣ (—дать), съ (—) печали
ꙋбѣжа. аще ли кто къ нѣчьсомꙋ (нѣ на что)
ѿ видимꙑхъ (—домꙑхъ) пристрꙋтїе имѣ, не

Л. 21. оу печали избавилъсѧ є (гонезноу). како бѡ
и не опечалисѧ (да непопечетсѧ) о лишени любимаг:
въ (во) всѣхъ оубѡ мнѡга намъ (нꙑ) потрѣба трѣзвенїа. наипачеже (паче же). сє вънимати разꙋмно (оумн.) прѣже прочїихъ: (предъ всѣмь)
мнѡгꙑ видѣхъ въ мирѣ ѿ печалеи (печальми) и попеченїи и скърбїи (и скьрбьми) и бдѣнїи (—нием) тѣлеснꙑ (тесьнꙑмъ) (sic), своего тѣлесе вѣсованїа (—шенїа) избѣгшѧ (—жавъша). въ беспечали же всѣкѡ (еже все)
въ иноческое (чьрньческое) житїе пришедше таковїи, ꙋмиленїе (оканиѣ) ѿ тѣлеснаго движенїа (шьствиа) оскврънишѫ (оуск—): вънимаи-
мъ себѣ. еда како въ тѣснꙑи (оузъкꙑмь) и скръ-
бнꙑи (печалнꙑмь) пѫть (—тымь) глѫще
ходити (грѫсти) широкꙑи и (—) пространнꙑи дръжѧще заблѫдихѡмъ: тѣсныи (оузъкꙑи) пѫ да ꙗвитъ ти, скръбь (печаль) чрѣвнаа. стоанїе всенощное (обнощ—). мѣра воднаа. хлѣба скѫдость (—дьство). безчестїа пиво (—тїе) очищенїа. хѫханїа. посмиланїа (насмисаниѧ)

[1]) Въ подлинникѣ послѣ слова: напаꙗемꙑ написанъ знакъ пропуска, а внизу страницы пропущенныя слова написаны: и ѿ ꙗвленства окопаваемꙑ.

порѫганїа (нар....) ѿсѣченїе (ѿрѣзание)
волѣмъ (—ль) сво-
имъ (твоихъ). приражєнїи (обранениѧ)
тръпѣнїе. прѣ
обидѣнїи (—ниѧ) неразтанїе (бескоуѧние)
досажде-
нїи (хоулений) нѫжда. неправдꙋ (беспр....)
ємꙋ тръпѣ-
ти крѣпцѣ (—пѣ). оклеветаемꙋ (оглаемоу)
не стѫ-
Л. 21 об. жати си (не гнѣватисѧ). отъщетѣ-
ваемꙋ не и-
зыскովати. (—) ꙋничижаваемꙋ (—жаемоу) не
гнѣватисѧ. осѫждаемꙋ смѣрѣ-
тисѧ (—рѧт...) блажени иже въ пѫ (поутьмь)
прѣпре-
чєнныихъ пѫтєи хоѧщєи, (воиньствии грѧ-
доуще), ıа-
ко тѣхъ є црство нбное:
никтоже въ нбныи невѣстникъ
вѣнецъ нося вниде, аще не прьво-
е (—ваго) и второе (—раго) и третїе (—ѧго)
ѿвръжєнїе (—ѧ) съ-
твори (—ривъ). глѧ же (рекоу же), еже
всѣхъ веще-
и (—щии) и члкъ (члческъ) и родителеи
(ꙋжикъ). и ѿсѣченї-
е (—ѧ) своеѧ волѧ (—лıа). и третїе († ıа)
ѿвръже-
нїе (—ниѧ) тъщеславїа (любославьнаго) по-
слѣдоуѧщаго (въслѣд...)
послꙋшанїю: изыдѣте ѿ (изъ)
срѣды ихъ. и ѿлѫчитеся и нечисто-
тѣ (—стѣмь) мира (—рѣ) не прикасаитеся
(не касаит...) глть гь.

кто бѡ въ тѣхъ чюдеса сътвори (твори)
когда. кто мрътвецѧ въздвиже (въстави).
кто бѣсы изгна (ѿг...), никтоже. сїа (то) бѡ
вcѣ (все) инокыи сѫт (—) натрижненїа
(натрыжнѧи...), ıаже (ихъ же)
миръ вмѣстити (разлоучити) не може. аще
бѡ би моглъ, оближь (—шь) би († оуже)
пощенїе, (въздрьжание)
сирѣчь (рекъше) ошельствїе (ѿшьствие):
егда бѣ-
си по ѿвръжени, иже къ родителе (и къ
оужикамъ)
нашимъ и братїи памѧтїѧ срдце
Л. 22. наше съгрѣѧтъ, тогда мы млтвоѧ
на тѣ (ты) въоръжимсѧ. и вѣчнаго
огнѣ памѧтїѧ себе (сами сѧ) раждеѕѣмъ. да
того въспоминанїемъ (памѧтїю), безврѣме-
нныи (—меньнъ † и) срдцꙋ огнь погасимъ:
їже безпристрастнѣ (бестрастнѣ) о каковѣ
(—комь) ли-
бо (любо) вещи (дѣлѣ) прѣбывати (—ваıа)
мнитсѧ. о лише-
ни же тоѧ (—го) срдце свое (си) опечалѣє
(—лıаеть), та-
ковыи († до коньцѧ самь) себе (сѧ) прѣльсти:
єлици (ко † же) юнии (оуныхъ) о тѣлесныхъ
желаниихъ (—ниихъ)
и питани (—нии) неистовѣ (безоумнѣ) при-
лежѫт. и къ
иночьскомꙋ (инокыхъ) житїоу пристѫпити
хотѧт вcѣцѣ (всѣмъ) трѣзвенїе (оутрезве-
ниемь) и вниманїе
себе да обоучат (сами сѧ да искꙋсѧть) и
оубѣщаѧтъ (прєпьрѧть) всѣ-
кого питанїа и лѫкавства оуда-

лѣтисѧ. (оукланіатисѧ). да некако (єда како)
бѫдѫ҃ (—дєть) тѣмъ по-
слѣднѣа горша прьвыхъ:
(† и) пристанище, и сп҃сенїоу (сп҃соу) и (—)
бѣдамъ.
мнѡжицеѧ (—) ходатаи (податель) бы-
ваєтъ (—).
и҆ се҃ вѣдѫ҃, (разꙋмѣють), и҆же чювствьное
мѡре (по разоумномоу мороу)
плаваѭщеи (—вають). милостеи (—сти) же
є҃ (—) († достоиньнꙑ) видѣти по-
зорь. и҆же въ пѫчинѣ сп҃сьшаѭсѧ (въ ширьинѣ
гонезъшина),
въ пристанищи и҆стопшѧѧ (—ша):
вторыи въсхо҃. тєкыи, не съпрѫжни-
цѫ. нѫ (нъ) того самого лота подра-
жаѧ бѣгаи. (бѣжи).

V. Есть еще памятникъ въ библіотекѣ Московской Духовной Академіи, приписываемый письму Митрополита Кипріана: это книга св. Діонисія Ареопагита, писанная на бомбицинѣ, какъ Псалтирь и Лѣствица, на 426-ти листахъ. Выписываю и изъ сей книги для образца правописанія:

Л. 378. гаїоу рабоу, а҃.
Тма без вѣсти бывает҆ь свѣтомъ.
и҆ паче мнѡгомъ свѣтомъ. нера-
зоумїє потрєблѣѧтъ, разоумы҆.
и паче мнѡѕи разоумы. Сїа прѣвъ-
сходителнѣ нѫ не по оу҆лишени ра-
зоумѣвъ, ꙗсно рцй ѕѣлѡ и҆стин-
нѣ.

Л. 378 об. Непщꙋю гаїа҃ сего бымы, ємꙋ же
тл҃ъ. третїє
а҃. посланїє написа бж҃вныи єѵ҃лїстъ і-
ѡ҃аннъ. назнамєнꙋѧ и ѿ и҆ныихъ и҆-
ми же бысть съ ап҃лы бж҃вны съ҃ мѫж
рабы [1]) же рече нарицатисѧ въ и҆же ѡ҆
цр҃ковномъ сщ҃енноначѧлїи въ гла-
визнѣ шестои и҆нѡкы. рекъ тамо
и҆ како оустраѧѧтсѧ не сѫще цр҃кѡ-
вници, нѫ҃ вышшїи людїи. Симже
мнитсѧ дивитисѧ фїлѡнъ іоуде-
аниннъ въ иже ѡ҆ зритєлномъ и҆ли ѡ҆
рабь сьписанй рабы тѣхъ нарицаѧ
и оуставъ и҆хъ и҆споведоуѧ:

Л. 240. Глава, ѳ҃. ѡ҆ великѡмъ. ѡ҆ ма-
лѡмъ ѡ҆ томжде. о҆ и҆номъ. о҆ подоб-
нѣмъ. о҆ неподобнѣмъ. о҆ стоанїи. о҆
движенїи. ѡ҆ равьнъствѣ:
Понеже и велико и мало налагаєтсѧ въ
сѣхъ виновномꙋ, и тѡжде и҆ и҆но҆, и҆ подо-
бно, и҆ не подобно, и҆ стоѧнїє, и҆ движенїє,
принеси и҆ сихъ бг҃оименныхъ ѡ҆бразъ єли-
ка намъ ꙗвленна да҆ оу҆зримъ. великъ оу-
бѡ б҃ъ въ словесєхъ въспѣваєтсѧ. и҆ въ ве-
личьствѣ и҆ въдыханїи тънцѣ бж҃вное
и҆зъꙗвлѣємѡмъ малъство. и҆ тъ҃жде
Єгда гл҃ѧтъ слѡвеса, ты҆ же҆ ть҃жде є҆си.
и҆ инъ, є҆гда ꙗко мнѡго ѡ҆бразенъ и҆ мнѡ-

[1]) Предъ словами: рабы же рече нариц... на полѣ снесено объясненіе: раби рєше бꙋ работающеи.

говиденъ, ѿ тѣхъжде словесъ наздаваѥ-
сѧ. и҆ подобенъ, ꙗ҆ко подобныихъ и҆ подобъ-
ныства съставитель. и҆ неподобенъ въсѣ,
ꙗко не сыщꙋ ѥ҆моу подобномꙋ. и҆ стоꙗй не-
движимъ. и҆ сѣдѧй въ вѣкы. и҆ движимъ,
ꙗко на всѣ ныствꙋѧ. и҆ ѥ҆ликаѧ и҆наꙗ та-
коваꙗ въкоуносимаꙗ бгоименьствіа, ѿ
словесъ въспѣваютсѧ.

тлъ. Не оубо въ съслажде-
г҃. нію и҆номꙋ, великъ бъ гл҃етсѧ ꙗкоже во-
лъ вѧщше ѡвцѧ, и҆ли вокъ проса. нъ въ
и҆стинѫ непостижіа ради бжтвнаго вели-
чьства. Се бо знаменꙋетъ ѥ҆же свойствъ-
нѣ рекше свойство рекъ:

Касательно почерка письма сочиненій св. Діонисія Ареопагита надо замѣтить, что онъ отличается отъ почерка письма, какъ Псалтири, такъ и Лѣствицы Іоанна. Буквы: в. ж. к. ц. имѣютъ другое очертаніе, чѣмъ въ упомянутыхъ рукописяхъ. Самый текстъ представляетъ буквальный переводъ Аѳонскаго монаха Исаіи 1371 года. Въ Сербской рукописи Аѳонской, писанной на бомбицинѣ (XIV—XV в.), теперь принадлежащей Воскресенской Новоіерусалимской библіотекѣ, одинъ и тотъ же [1]).

Много каноновъ, акаѳистовъ и молитвъ, составленныхъ константинопольскими Патріархами Филоѳеемъ и Исидоромъ, современниками Митрополита Кипріана, внесены въ наши рукописи его времени и позднѣе, а также въ старопечатныя книги. Нѣкоторые изъ нихъ переведены Митрополитомъ Кипріаномъ.

Такіе каноны и акаѳисты по каноннику XVI в. № 774. Моск. синод. библіотеки слѣдующіе:

Л. 16. Канѡ҃ молебе҃ господꙋ нш҃емꙋ іс҃у хр҃у. и҆ пр҃чтѣи ѥ҆го мт҃ри. пѣваемъ в бездождіе. твореніе. кир. ѳилоѳеѧ патріарха.

Начало 1-го тропаря: ѿверзеши десницоу долготерпе всесилноу.

Л. 22. Кано҃ прс҃тѣи бц҃ы пѣваемъ ѡ бездождіи. Твореніе филоѳеѧ патріарха костѧнтина гр҃а.

Начало 1-го тропаря: В печалѣ вл҃це помощницоу і избавленіе в бѣда҃ і застꙋпницоу въ искꙋшеніи вѣдоуще тѧ єдинꙋ...

Л. 54. Ст҃ѣишаго и҆ вселенскаго патріарха филоѳеѧ. кано҃ пѣваемъ в печал҃ и ноужа҃.

Начало 1-го тропаря: печалный спс҃е мои въздыханіа и҆ рыданіѧ і смѣсныи гл҃съ...

Л. 88. канонъ г҃ꙋ нш҃емꙋ іс҃ хꙋ и пр҃чтеи его мт҃ри. на поганыѧ.

Твореніе ст҃ѣишаго и҆ вселеньска҃ патріарха филоѳеѧ. потрꙋженіе҃ кипріѧна смиренаго митрополита всеѧ роусіи.

1-й тропарь канона: ѿ ср҃ца болѣзненаго вл҃ко нн҃ѣ приходѧщи҃ на іа҃ бл҃гъ єдиныи.

---

[1]) См. мое Описаніе Воскресенскихъ рукописей стр. 126, 127.

зовоущий пріими согрѣшихъ. да не презриши щедре окаяннѣ нинѣ вѣствоующий. бжтвеными мтре твоея мольбами.

Л. 97. Канѡ молебе гу нашемоу ісъ хоу. во оусобный бранѣ і иноплеменый. Творение стѣишаг патріарха филоѳея. Потруженіе кипріана митрополита кіевскаго и всея росии.

Первый тропарь канона: Тебѣ істочникоу блги богатиоу свѣтоу незаходимомоу млюся слове. дшу мою просвѣти свѣтлою твоея блгти. і оу возвысивъ подажь слово подобно и мленіе ісправи.

Л. 161. кг. кондаки икосы архистратигоу михаилоу. подобны. акаѳистоу творение вселенскаго патріарха киръ ісидора..

Начало кондака: Архангелоу михаилоу пѣснотвореніе. иже ѿ скорбный прно избавляемыи воспѣваю ти слвныимъ пѣніемъ...

Начало икоса: Агглъ престатель ѡгненый чинѡвъ ты еси михаиле началниче...

Л. 175. ѻг. икосы стмоу іѡанноу пртчи. кртлю гню. подобны акаѳистоу. творение стѣйшаго патриарха. констѧнтина града новаго рима. кир исидора.

Начало кондака: Ізбранномоу и теплому застоупленію. избавленіи тобою вси ѿ скорби...

Начало икоса: Агглъ престатель правенный чиновъ ты еси іѡанне пррче....

Л. 189 об. к. ікосы стыи верховный прьвопртльнымъ аплом петроу и павлоу. вкоупѣ же и дванадесяти аплѡ. имѣю крастиховноу по азбоукѣ. творение исидора патриарха цря града.

Начало: петроу. Азъ есмь пастырь добрыи рече ть іс хс. дшоу мою полагаю за ѡвца... икѡ. ѡвцы. Блженъ еси симоне снъ іѡнинъ. слыша рекша ти хъ достоино..

3. Вѣрнѣ.... павлоу.
4. гла.... ѡвцы.
5. дивяся... петроу.
6. Єстьствомъ... ѡвцы.
7. живоущимъ.... павлу.
8. ѕѣлною ревностію... ѡвцы.
9. земленыими... петроу.
10. и запрещенъ бы... ѡвцы.
11. именовася... павлоу.
12. кто ны... ѡвцы.
13. лиды достигъ.. петроу.
14. мнѣнія... овцы.
15. нѣм... павлу.
16. оумножися... ѡвцы.
17. Промышленіе... петру.
18. Ревностію... овцы.
19. свѣдѣтельств.... павлоу.
20. третьяго... ѡвцы.
21. иже иродоу... петроу.
22. фаворскоую.. ѡвцы.
23. херувимомъ.. павлу.
24. ѿ ба... ѡвцы. [1])
ѿ двойце... ѡвцы.

---

[1]) Замѣчательно, что акаѳистъ Апостоламъ составленъ Патріархомъ константинопольскимъ Исидоромъ по славянскому алфавиту. Греческихъ каноновъ, молитвъ, акаѳистовъ Патріарха Исидора въ рукописи Моск. Синод. Библіотеки и Императорской Публичной Библіотеки въ С.П.Б. мнѣ не случалось видѣть.

Л. 216. Икосы стмꙋ чюдотворцꙋ николѣ. подобны акаѳистоу творение вселеньскаго стѣишаго патриарха констѧнтина града новаго рима. кирѫ исидора.

Начало кондака: жалостлива хва бжественаго оугодника. чюдесемѫ неисчерпаемое море....
— ико. Аггла тѧ ѡбразо земнаго соуща естество. всего єствомѫ създатель ıави тебѣ...

Л. 291 об. ке. Стѣишаго патриарха костѧтина гра. кир. ѳилоѳеѧ. слꙋжба всѣ сты. кано. ємꙋ же краегранесие. всѣ въспѣваю лики сты.

Начало 1-го тропаря: желающю чины сты въспѣвати. блгть дхвнꙋю хе дарꙋи ми... Здѣсь и акаѳистъ всѣмъ святымъ безъ означенія составителя его.

Л. 369. Квѡкы. і икосы иже въ сты ѡцꙋ нашемꙋ іѡаннꙋ златооустꙋ. кѵрѫ исидора патріарха црѧ града. твореніє подобно акаѳистоу.

Начало кондака: изрѧдномоу бжію архіерѣю вселеньскомꙋ ꙋчтлю. и весь мирѫ исполньшаго бжественыи златоточивыи оученіи.....
— икоса: Агглозрана тѧ бжественыи разꙋмомѫ....

Л. 477. мѡ. стѣишаго патріарха црѧ гра. кир. филоѳеѧ. стыѧ коупины в синайсте горы.

Влко ги бже нашь. источни живота и безмртіа всѣ блгы вина и податель. єже къ своемꙋ създанію. свойствоу неизреченныѧ любве....

Л. 500 об. ли. млтва пртѣи бцы ѡдигитріа в началѣ канꙋна. твореніє. ѳилоѳеѧ. патріарха црѧ града.

Ѡ всенепорочнаѧ. пртаѧ дво бце влчце. ѡдигитріє...
Л. 506 об. молитва стѣи бци. кир ѳилоѳеа творен. ѡдигитріє глема послѣ каноуна.

Пртаѧ дво ѡдигитріє влчце. ıаже единороднаго бжіа слова всеѧ видимыѧ и невидимыѧ твари...

Л. 593, 594. прави молебно пртѣи бци за болѧщи по прѣж. оуказанномоу началꙋ... кано. твореніє ѳилоѳеѧ. патриарха цригра. Імѣа краегранесіє всемꙋ мироу помощніце. исцѣлителница недꙋгомѫ.

Начало 1-го тропаря: Члчска роди спса и врач. рожеши пртаѧ дво мти мріе. всероднаго адама грѣховныа недоугы въземше...

Л. 706 об. од. Вто. пртчи. іѡаннꙋ млтва ісидора вселенскаго стѣишаго патріарха костѧнтина гр..

Пріими ѿ всечтн҃ыи прт҃че. во ст҃ы всѣ болши.

Л. 730. Кондакы і икосы подобныа. акаѳистоу на всечтн҃ое оуспеніе прт҃ыа влч҃ца нш҃еа бц҃а и прн҃о дв҃ы мр҃іа. твореніе кирь сидора патриарха коньстѧнтина града.

Избранной ѿ всѣ родовъ бж҃іи (—іеи)[1]) мтри († и) црци. въсходѧще (—щей) съ аггелы (ѿ землѧ) небесны блгодарьственнаѧ (—нѡ) пѣніа прчтомоу ти (сл. ти нѣтъ) оуспѣнію приносимъ раби твои бц҃е. но ѩко. имѣѧ (имѹщаѧ) државоу непобѣдимоую. ѿ всѧкы на (бѣдъ) избави золь. да зовемъ ти роуисѧ невѣсто неневѣстнаѧ.

Аггль прѣстатель съ нбси (сл. съ нбси нѣтъ) посланъ бысть рещи бц҃и къ премирны той (—ѧ) возшествіемъ (—твіе) и пріити прѣѩвлѧше къ ней сн҃оу ея и бг҃оу. свѣтовнѣ (—тлѡ) блистаѧсѧ. († и) стоаше зовыи к неи таковаѧ. рауисѧ прерадованнаѧ мти црва. рауисѧ црце га и бга мти (мти ба и га) нбси и землѧ. рауисѧ († прѣ) почтенаѧ превеличествомъ чти пришествіемъ сн҃а ти (твоего) и бг҃а, рауисѧ възвеличенаѧ гдѣмъ (аггловымъ) снбсе (сл. с нбсе нѣтъ) сьшествіемъ к тебѣ. рауисѧ ѿ всѣ родовъ избраннаѧ бгомъ. рауисѧ стое вмѣстилище словеси (—ва) бжіа. рауисѧ пррчьскаѧ (—кагѡ) събывъшаѧсѧ (—шагѡсѧ) проповѣди (—даніе † прореченіа). рауисѧ аплмъ прчтныи вѣнче. рауисѧ црьое оувѧзеніе и кнзе (црѣмъ) держава (—во). рауисѧ стлѣ оукрашеніе и сщенничство (—нникѡмъ) доброта (—то). рауисѧ любомрецъ и иночьскомоу (иноческагѡ) чиноу (лика) възведеніе къ горнемоу гра цркві. рауисѧ ѿверзаеши (—зающаѧ) раю (—ѧ) дверь (—ри). хрт҃іаскомоу родоу прно блжащемоу тѧ. рауисѧ невѣсто неневѣстнаѧ.

Видѧщи пренепорочнаѧ аплскыи ликъ всесилны мановеніе ѿ конець землѧ на ѡблацѣ прѣставшй къ прчтомоу тоѧ оуспенію......

На листѣ 776-мъ другой акаѳистъ успенію Божіей матери неизвѣстнаго автора, начинающійся такъ: Прчтое и преславное оуспеніе твое прославлѧемъ.....

Вотъ что я могъ отвѣчать на вопросъ, предложенный еще въ XVI вѣкѣ монахомъ Ниломъ Курлятевымъ, въ XIX вѣкѣ повторенный г. Шевыревымъ и мною разрѣшаемый на 3-мъ Археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ, вопросъ, редакцію котораго я долженъ былъ измѣнить: вмѣсто *сербскаго* сказать *изъ своего* нарѣчія [2]), и къ которому я долженъ былъ прибавить: *и изъ переводовъ его времени.*

---

[1]) Разночтенія въ скобкахъ изъ акаѳиста успенію Божіей Матери, печатаннаго 1625 г. въ Кіевѣ.

[2]) Митрополитъ Кипріанъ былъ родомъ изъ Тернова, Болгаринъ, а не Сербъ, и писалъ, употребляя въ письмѣ и правильно, и неправильно ѫсы.

Монахъ Нилъ Курлятевъ упрекалъ еще Митрополита Кипріана въ незнаніи греческаго языка: „А кипріанъ митрополитъ по гречески горазно не разумѣлъ“...

Но этотъ вопросъ: хорошо ли зналъ погречески Митрополитъ Кипріанъ, надо рѣшить на 4-мъ Археологическомъ съѣздѣ, имѣющемъ быть въ Казани.

О нѣкоторыхъ отрывкахъ славянскаго письма, хранящихся въ турской библіотекѣ.

Рефератъ **Луи Леже.**

Изъ всѣхъ славянскихъ рукописей, находящихся во Франціи, извѣстны до сихъ поръ только рукописи Парижской національной библіотеки, описанныя русскимъ ученымъ Мартыновымъ, а также славянское Евангеліе Реймскаго собора, подъ именемъ *Texte du Sacre*, изданное на счетъ покойнаго Императора Николая Павловича. Недавно въ Турѣ, городѣ, лежащемъ на рѣкѣ Лоарѣ, открыты случайно нѣсколько отрывковъ, которые, надѣюсь, могутъ представить интересъ для археологическаго съѣзда. Фотографическій снимокъ одного изъ этихъ отрывковъ я имѣлъ честь прислать на выставку съѣзда, въ каталогѣ которой онъ находится подъ № 24. Библіотека города Тура очень богата рукописями греческими, римскими, французскими, восточными, которыхъ насчитывается до 2000; но до сихъ поръ не предполагалось въ числѣ турскихъ манускриптовъ существованія какихъ-либо памятниковъ славянскаго письма. Честь открытія этихъ любопытныхъ памятниковъ принадлежитъ турскому библіотекарю г. Лоранжу.

Между латинскими рукописями XIV и XV в. есть девять, подписанныхъ именемъ Georgius de Havoma, именемъ довольно извѣстнымъ въ исторіи города Тура. Это имя находится въ историческомъ словарѣ Морери. Извѣстно, что онъ былъ докторомъ богословія въ Парижскомъ университетѣ; кромѣ того, онъ былъ каноникомъ и старшимъ исповѣдникомъ турскаго собора (canonicus et penitentiarius ecclesie (sic) Turonensis). Всѣ его сочиненія писаны на латинскомъ языкѣ и относятся къ католическому богословію. Онъ подписывался также *Georgius de Rayn* или *Georgius de Ravilno*. Въ разныхъ рукописяхъ (именно въ каталогѣ, составленномъ въ Турѣ въ началѣ прошлаго вѣка) говорится,

что онъ былъ пресвитеромъ Sclavoniae (Славоніи), епархіи аквилейской. Умеръ онъ 13-го мая 1416 года.

Всѣ эти свидѣтельства не позволяютъ намъ сомнѣваться, что писатель нашъ былъ по происхожденію славянинъ, но изъ какой мѣстности, точно опредѣлить до сихъ поръ невозможно. Какъ, почему и когда онъ переселился во Францію, также не извѣстно. Можно только догадываться, что онъ былъ изъ тѣхъ южнославянскихъ земель, въ которыхъ славянскій языкъ съ глаголической азбукой удержался въ богослуженіи. Хотя во Франціи онъ для ученой публики писалъ всегда по-латыни, но онъ не совсѣмъ забылъ и свой родной языкъ. На одной рукописи подъ № 95 каталога библіотеки турской находятся шесть глаголическихъ строкъ, отрывокъ 50 псалма и глаголическая азбука. На другой рукописи находятся славянскія названія дней недѣли и мѣсяцевъ. На этой самой рукописи есть нѣсколько латинскихъ замѣтокъ или глоссъ, интересныхъ для исторіи глаголическаго богослуженія, напримѣръ: „Episcopus de Kerbava Krbavski primus episcopus Chroacie (sic) qui scit utrumque idioma tam latinum quam cravaticum et celebrat missam in altero istorum idiomatum quocumque sibi placet“, а затѣмъ приложенъ списокъ всѣхъ епископовъ, имѣющихъ право читать богослуженіе по-славянски: „episcopus Krski, episcopus Spletensis, episcopus Osarski, episcopus Senski“. Вмѣстѣ съ этимъ отрывкомъ есть и вторая азбука глаголическая.

На третьемъ отрывкѣ находится опять глаголическая азбука съ латинской замѣткой: „Istud alphabetum est Chravaticum“ и далѣе молитвы: „Отче нашъ“, „Богородице, дѣво, радуйся“, „Вѣрую“, съ транскрипціей этихъ молитвъ латинскими буквами. Съ этого послѣдняго отрывка г. Лоранжъ, библіотекарь города Тура, сдѣлалъ фотографическій снимокъ, который доставленъ мною на выставку съѣзда, и на который обращаю теперь вниманіе гг. членовъ съѣзда.

Эти глаголическіе отрывки находятся не на отдѣльныхъ листахъ, а въ самомъ текстѣ латинскихъ богословскихъ рукописей: можно предполагать, что *Юрій Славянинъ* писалъ не съ опредѣленной какой нибудь научной цѣлью, а всего скорѣе въ видѣ развлеченія среди своихъ трудовъ; можетъ быть, авторъ жилъ долгое время во Франціи, вдали отъ родины, и потому захотѣлъ попробовать, не забылъ ли онъ еще свое родное письмо. Весьма вѣроятно также, что кто нибудь изъ товарищей, Французовъ, зная его славянское происхожденіе, попросилъ его показать образчикъ славянскаго языка и письма. Этимъ объясняется, почему онъ прибавилъ подстрочную транскрипцію латинскими буквами.

Впрочемъ *Юрій Славянинъ* не былъ въ то время единственнымъ славяниномъ въ Турѣ; съ нимъ жилъ его племянникъ *Ulricus*, о которомъ читается на рукописи 469: Materie (sic) utiles ad praedicandum: Itum (?) librum *scripsit Parissius Ulricus nepos* magistri Georgii anno *1398*. Съ нимъ тоже встрѣчается третье лице *Павелъ Дьякъ изъ Крьбавы*, о которомъ мы имѣемъ два свѣдѣнія. 1) Въ вышеупомянутомъ латинскомъ спискѣ гла-

голитскихъ епископовъ читаемъ: *episcopus Krbavski primus episcopus Chravacie* (sic) *qui scit utrumque idioma tam latinum quam chravaticum....* потомъ *Pavel diac z Krbava.* 2) На рукописи № 95 стоитъ строка, написанная кириллицей: то писа павалъ дьѣкь нс кръбавѣ како се ꙋчилъ [1]). Изъ этого видно, что *Павелъ изъ Крбавы* учился кириллицѣ, но гдѣ и какъ, не извѣстно. Кто же былъ самъ *Павелъ*, духовное или свѣтское лице, для насъ это—вопросъ нерѣшенный. Есть ли еще, кромѣ того, какія нибудь славянскія замѣтки его руки, не знаю, такъ какъ я еще не былъ въ Турѣ, что бы лично удостовѣриться въ томъ. Свѣдѣнія, сообщенныя мною сейчасъ, я получилъ отъ библіотекаря, который съ полнымъ сочувствіемъ и истинно научнымъ рвеніемъ сообщилъ мнѣ обо всемъ, чтó ему было доступно, за чтó славянскіе ученые будутъ ему, надѣюсь, душевно благодарны. По возвращеніи во Францію, я намѣренъ посѣтить Туръ и сдѣлать снимки со всѣхъ славянскихъ подлинниковъ турской библіотеки. Очень было бы интересно издать ихъ съ полною монографіей о жизни и трудахъ *Юрія Славянина.* Теперь же достаточно обратить вниманіе славянскихъ ученыхъ на эти драгоцѣнные и до сихъ поръ неизвѣстные памятники славянскаго письма. Они представляютъ особенный интересъ, во первыхъ, какъ рѣдкій, если не единственный примѣръ глаголицы съ латинской транскрипціей,— во вторыхъ, какъ одинъ изъ самыхъ отдаленныхъ образчиковъ славянскаго письма на западѣ.

---

[1]) Крбава—городокъ въ Далмаціи.

О СОСТАВѢ БИБЛІОТЕКИ ПЕТРА МОГИЛЫ.

Рефератъ **С. Т. Голубева.**

Знать составъ библіотеки какого-либо лица,—разумѣется, если только она образовалась не случайно,—значитъ въ извѣстной мѣрѣ быть знакому со степенью образованности этого лица, широтою его міровоззрѣнія, характеромъ дѣятельности. Понятенъ, поэтому, интересъ, возбуждаемый составомъ библіотеки такого приснопамятнаго для южнорусской исторіи лица, какимъ былъ кіевскій митрополитъ Петръ Могила. Знакомство со всѣми научными средствами, какими располагалъ нашъ знаменитый архипастырь, не мало могло бы пролить свѣта, какъ на самую его личность, такъ и на нѣкоторыя стороны его многообъемлющей дѣятельности.—Къ сожалѣнію, опредѣлить составъ библіотеки П. Могилы въ полномъ ея видѣ, при существующихъ данныхъ, нѣтъ возможности. Пожары, испытанные Кіевомъ, истребили почти всѣ научныя сокровища, находившіяся въ здѣшнихъ книгохранилищахъ; не пощадили они и книгъ, принадлежавшихъ нѣкогда П. Могилѣ. Такъ, напр., библіотека кіевской духовной академіи, заключавшая въ себѣ еще въ концѣ *семидесятыхъ годовъ* прошлаго столѣтія *2131 книгу*, пожертвованныхъ въ нее Могилою [1]), въ настоящее время имѣетъ только *три* книги, *несомнѣнно* принадлежавшія

---

[1]) Въ „Актахъ, относящихся къ исторіи кіевской дух. академіи (рук. акад. подъ № 35), составъ академической библіотеки опредѣляется слѣдующимъ образомъ: „Въ библіотекѣ, имѣющейся при кіевской академіи, числится книгъ всѣхъ *3304;* гліобусовъ 4; прописей россійскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ 50. Которыми книгами оную библіотеку снабдили преосвященные митрополиты; а именно: *отъ Петра Могилы наданныхъ книгъ въ старой библіотекѣ 2131 числится;* отъ Рафаила Заборовскаго 137; отъ Тимоѳея Щербацкаго 144; отъ Арсенія Могилянскаго 166; отъ нынѣшняго преосвященнаго (Гавріила Кременецкаго) еще 35 только дано; отъ преосвященнаго епископа крутицкаго Иларіона 595; отъ Кирилла, епископа сѣвскаго, 72; отъ Самуила нынѣшняго епископа крутицкаго 24. Итого всего 3304".

сему архипастырю. Тоже должно сказать и о лаврской библіотекѣ [1]).—Поэтому въ настоящемъ сообщеніи мы предложимъ далеко не подробныя свѣдѣнія о могилянской библіотекѣ. Именно, мы представимъ только, *во первыхъ*, очень не длинный перечень книгъ и рукописей съ несомнѣнными признаками ихъ принадлежности П. Могилѣ, хранящихся въ извѣстныхъ намъ (преимущественно кіевскихъ) библіотекахъ; *во вторыхъ* приведемъ два небольшихъ каталога книгъ, купленныхъ П. Могилою—а) въ 1632 году въ Варшавѣ, во время избирательнаго сейма, бывшаго по смерти польскаго короля Сигизмунда III, и б) въ 1633 году въ Краковѣ, во время коронаціи Владислава IV, (каталоги эти извлечены нами изъ собственноручныхъ записокъ Петра Могилы, хранящихся при Кіево-Софійскомъ соборѣ); наконецъ, *въ третьихъ*, перечислимъ книги, цитуемыя въ произведеніяхъ Петра Могилы и людей, работавшихъ по его иниціативѣ и подъ непосредственнымъ его наблюденіемъ.

Въ извѣстныхъ намъ библіотекахъ находятся слѣдующія книги и рукописи, принадлежавшія Петру Могилѣ.

А) Въ библіотекѣ при кіевской духовной академіи:

1) Βίβλιον ὀνομαζόμενον Θησαυρός, ὅπερ συνεγράψατο ὁ ἐν μοναχοῖς Δαμασκηνὸς ὁ ὑποδιάκονος καὶ στουδίτης ὁ Θεσαλονικεύς... ed. in Venetia per Christofano di Zanetti, an 1562.

На лицевой сторонѣ заглавнаго листа этой книги находится собственноручная подпись П. Могилы: *Петръ Могила, Архіепископъ Митрополитъ Кіевскій, рукою власною. 1639 года мая 30.* На поляхъ книги находится довольно много замѣчаній, изъ коихъ нѣкоторыя принадлежатъ П. Могилѣ. Замѣчанія, большею частію, заключаютъ въ краткихъ словахъ содержаніе текста, служатъ какъ бы оглавленіемъ къ нему. Такъ, напр., на поляхъ противъ текста, гдѣ говорится о смерти одного святаго и бывшихъ послѣ нея чудесахъ, находятся послѣдовательно слѣдующія подписи: „о смерти святаго“, „θαύματα μετὰ θάνατον“ и т. п.

2) Ψαλτήριον τῶ Δαυίδ, τυποθὲν Ἐνετίησι, παρὰ Πέτρῳ τῷ Δουζινέλλῳ. 1607.

На лицевой сторонѣ заглавнаго листа—собственноручная подпись П. Могилы: Πέτρος

[1]) Особенно много пострадала лаврская библіотека отъ пожара, бывшаго въ 1718 году. „Въ томъ году, говорится въ челобитной Кіево-печерскаго архимандрита Іоанникія Сенитовича къ царю Петру Алексѣевичу, печерская обитель зъ Божія допущенія огнемъ кругомъ стала разорена и, какъ церковь св. соборная Успенія пресвятыя Богородицы, такъ и прочіе церкви со всѣми утварьми и иконными украшеніями, съ ризницею и всею казною денежною, колокола, больница, печатный домъ со всѣми книгами и инструментами типографскими, *библіотека и крѣпости изначала обители бывшіе—огнемъ уничтожены*“. (См. Актовую книгу Кіевопечер. лавры подъ № 205).

Μογίλα ἀρχιεπίσκοπος. 1639 Μαΐ. 30. На поляхъ текста находится нѣсколько замѣчаній, изъ коихъ нѣкоторыя принадлежатъ П. Могилѣ.

3) *Греческій ирмологій*, безъ начальныхъ и конечныхъ листовъ, такой же печати, какъ и предшествующая книга. На поляхъ перваго изъ уцѣлѣвшихъ листовъ находится надпись: Ex Bibliotheca Mohileana. По признакамъ надпись эта должна быть отнесена къ 17 или началу 18 столѣтія.

Кромѣ того въ 40-хъ годахъ текущаго столѣтія находилась въ академической библіотекѣ, съ собственноручною подписью Петра Могилы, *Богословская система Өомы Аквината.* (См. исторію кіев. академіи М. Булгакова, 184 стр.). Въ настоящее время книги этой въ библіотекѣ мы не нашли.

Б) Въ библіотекѣ кіево-печерской Лавры:

1) *Elucidatio in omnes psalmos* iuxta veritatem vulgatae et ecclesiae usitatae aeditionis latinae, quae et ipsa integra illibataque ex adverso opponetur: Psalmis singulis singula argumenta ante se monstrantibus, totam psalmi virtutem atque materiam quasi per modum epitomae summatim complectentia: post elucidationem vero adiunctis prolixioribus Annotationibus, quae commentariorum locum habent... et caet. Ed. Parisiis, anno 1540.

На лицевой сторонѣ заглавнаго листа книги находится слѣдующая собственноручная подпись Могилы: *Piotr Mogila Archiepiscop Metropolit Kiiowski. Roku 1645. Kupilem u oyca Anatoliia Mużyłowskiego.*

2) Βίβλιον τοῦ ἰαννουαρίου μηνός. Περιέχον τὴν πρέπουσαν αὐτῷ ἅπασαν ἀκολουθίαν. Τυπωθὲν Ἐνετῄσι 1629 παρὰ Ἀντονίῳ Πινέλλῳ. На лицевой сторонѣ заглавнаго листа собственноручная подпись Могилы: *Петръ Могила Архіепископъ Митрополитъ Кіевскій въ лѣто 1641.*—На кожаномъ переплетѣ книги оттиснутъ гербъ Могилы [1]).

---

[1]) Фамильный гербъ П. Могилы состоялъ изъ двухъ обнаженныхъ сабель, положенныхъ на крестъ, съ опущенными внизъ лезвіями и крестами на концахъ. Но на переплетѣ означенной книги—какъ и въ другихъ дошедшихъ до насъ памятникахъ—гербъ Могилы соединенъ еще съ другими 5 гербами и такимъ образомъ образуетъ 6 частей, изъ коихъ три находятся вверху и три внизу. Въ первой (верхней) части помѣщенъ гербъ Молдавіи—черная голова буйвола, между рогами которой находится звѣзда, а по бокамъ: направо солнце, налѣво—луна; въ ноздряхъ головы перстень, въ срединѣ котораго двѣ сабли, изображенныя также какъ и въ фамильномъ гербѣ. Во 2-й части помѣщенъ уже описанный нами родовой клейнодъ. Въ 3-й—гербъ называемый *Елитою:* три золотыя копья, сложенныя въ видѣ звѣзды, причемъ боковыя остріемъ вверхъ, а среднія—внизъ. Въ 4-й части (1-й внизу)—воронъ (иногда помѣщался орелъ) обращенный корпусомъ влѣво, а головою вправо; въ клювѣ у него крестъ, надъ которымъ находится открытая корона. Стоитъ онъ на отсѣченной и лежащей на землѣ вѣткѣ. Это гербъ Валахіи. Рядомъ съ нимъ гербъ *Остоя:* двѣ неполныхъ, обращенныхъ рогами къ краямъ

3) Ἀνθολόγιον τοῦ ὅλου ἐνιαυτοῦ πλουσιότατον, περιέχον καὶ ἑτέρας τινὰς ἀναγκαίας ἀκολουθίας, οὐκ ὑπαρχούσας ἐν τοῖς προτυπωθεῖσιν ἀνθολογίοις. Τυποθὲν Ἐνετίῃσι, 1587.

На лицевой сторонѣ заглавнаго листа собственноручная подпись Петра Могилы: *Петръ Могила Архіепископъ Митрополитъ Кіевскій, рукою власною. 1639. Мая 30.*

Кромѣ того въ библіотекѣ кіево-печерской лавры находится нѣсколько книгъ, съ собственноручными подписями лицъ, стоявшихъ въ ближайшихъ отношеніяхъ къ Могилѣ и, какъ можно думать, пріобрѣтшихъ означенныя книги изъ могилянской библіотеки (переплеты на сихъ книгахъ однородны съ переплетами книгъ, несомнѣнно принадлежавшихъ П. Могилѣ). Вотъ нѣкоторыя изъ такихъ книгъ:

1) Divi Ioannis Chrysostomi Archiepiscopi Constantinopolitani opera (7 томовъ) ed. M.DC.XIV an. Antverpiae. Съ собственноручною подписью на заглавныхъ листахъ Инокентія Гизеля, одного изъ сподвижниковъ П. Могилы, вмѣстѣ съ другими лицами посылаемаго имъ для завершенія образованія въ заграничные университеты и бывшаго потомъ, еще при жизни Могилы, ректоромъ кіево-могилянской коллегіи.

2) Commentarii in IV Evangelia R. P. Lapidis. ed. M.DC.XLI an. Lugduni—тоже съ собственноручною подписью И. Гизеля.

3) Opera Ioannis Chrysostomi, ed. Bazileae M.D.XLVII.—Съ собственноручною подписью на заглавномъ листѣ Іосифа Тризны, непосредственнаго преемника П. Могилы по управленію печерскою обителью.

Рукописей съ собственноручною подписью П. Могилы въ лаврской библіотекѣ нѣтъ; есть только одна подъ заглавіемъ: *Слова на праздники Владычня, Богородичны, Апостоловъ и всѣхъ святыхъ, починающіяся съ Сентеврія мѣсяца на цѣлое годище,*—поступившая въ лаврскую библіотеку *при П. Могилѣ*, о чемъ свидѣтельствуетъ слѣдующая, сохранившаяся внизу начальныхъ листовъ подпись: „Сію книгу Богодохновенную, рекомую всегодищный съборникъ господственныхъ и всѣхъ нарочитыхъ праздниковъ, да-

---

щита луны, между которыми мечъ, рукояткой вверхъ. Послѣдняя часть—гербъ *Новина:* ручка бѣлаго котла, по рединѣ котораго мечъ, рукояткою вверхъ.—Гербы Молдавіи и Валахіи приняты были Могилами въ ихъ родовой клейнодъ на томъ основаніи, что они (Могилы) были нѣкогда господарями этихъ странъ. (Herbarz Niesieckiego изд. 1846 г., т. VI, стр. 288). Гербъ Елиты былъ фамильнымъ гербомъ короннаго гетмана и канцлера Замойскаго; онъ принятъ Могилами въ свой клейнодъ въ знакъ особенныхъ, дружескихъ отношеній къ гетману, успѣвшему при помощи войска во время смутъ, бывшихъ въ Валахіи, возвести Іеремію Могилу на господарство (Orbis pol. Okolskiego II. 224. Niesiec. VI, 448). Остальные гербы приняты Могилами по случаю вступленія ихъ въ родственныя связи съ разными домами, имѣвшими тѣ гербы (Niesiec. VI. 449. VII. 171). Гербовой щитъ П. Могилы, оттиснутый на переплетѣ указанной книги, украшенъ *католическимъ капелюшемъ;* но на гербахъ, отгравированныхъ въ началѣ нѣкоторыхъ старопечатныхъ книгъ, чаще встрѣчается, въ видѣ украшенія, архіепископская митра.

рова святой церкви святыя Великія Лавры Печерскія Кіевскія успенія Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы, предстательствующему господину отцу Петру Могилѣ милостію Божіею архимандриту тоя святыя обители въ дни великаго короля Жигмунта чрезъ честнаго отца Памвона Берынду, при смерти своей дѣвичаго монастыря инокиня Евфимія, въ намять себѣ и родителямъ своимъ вѣчне. 1630 сентеврія дня пятнадцатаго".

В) Въ библіотекѣ при кіево-софійскомъ соборѣ:

1) *Лѣкарство на оспалый умыслъ чловѣчій, изд. 1607 г., въ Острогѣ.*—На лицевой сторонѣ заглавнаго листа находится собственноручная подпись П. Могилы. *1639 г. мая 30. Петръ Могила, Архіепископъ Митрополитъ Кіевскій, рукою власною.*

2) *De verae et falsae ecclesiae discrimine,* ad serenissimum Stephanum 1 Poloniae Regem Stanislavi Socolovii libri tres, ex sacris scripturis vetutissimorum patrum sententiis collecti ac concinnati. Cracoviae, 1583 an.—На лицевой сторонѣ заглавнаго листа находится собственноручная подпись Петра Могилы: *Petrus Mohila Archiepiscopus. 1639. Maii 30.*

3) Рукопись въ листъ, значущаяся по библіотечному каталогу подъ № 1. Большая часть сей рукописи состоитъ изъ собственноручныхъ записокъ П. Могилы, заключающихъ въ себѣ: а) чудеса, совершившіяся въ кіево-печерской обители въ концѣ XVI и началѣ XVII столѣтій (большая часть сихъ чудесъ обнародована впослѣдствіи въ Τερατουργημ'ѣ Кальнофойскаго, написавшаго означенное сочиненіе по порученію Могилы), б) нѣсколько чудесъ совершившихся въ молдо-влахійскихъ земляхъ, в) нѣсколько благочестивыхъ разсужденій, имѣющихъ цѣлію доказать, что „иноческое житіе есть христіанскаго житія совершенство", г) рядъ церковныхъ пѣсней, написанныхъ П. Могилою по случаю чудеснаго избавленія печерской обители отъ нападенія на нее польскихъ войскъ въ 1630 году, д) перечень пожертвованій, сдѣланныхъ разными благотворителями на возобновленіе возвращеннаго православнымя кіево-софійскаго собора, е) два каталога книгъ, купленныхъ П. Могилою въ 1632 году въ Варшавѣ, и въ 1633 году въ Краковѣ, и ж) нѣсколько мелкихъ замѣчаній историческаго и нравоучительнаго характера.—Остальная часть рукописи писана другою рукою и содержитъ: а) Votum, ktore iego mość Pan Laurenty Drzewinski, Czasznik Ziemie Wołynskiey, przed iego K. M., Pany Senatory y Ich M. Pany posły oboiego narodu A. D. 1620 (извѣстная рѣчь Л. Древинскаго, сказанная имъ въ присутствіи короля на сеймѣ 1620 г.); б) Mowa X. Iego M. Pana Bogusława Radziwiła przed Krolem Iego M. y przed wszystkim Senatem w sprawie swey, ktorą miał s panem Woewodą Wilenskim w roku 1630, 25 Februarii. в) Status causy iako Iego Mość Oycie: Metropolit teraznieyszy (уніатскій митр. Р. Корсакъ). Iego M. Pana koniuszego o monastyr Supraski do Novogrodka pozwał, y appellował na Trybunał. Iako zaś za Remissą Trybunalską u Dworum decret Assesorski stanął, y iako apellatia

na gorę urosła; г) Spisek archimandrystw tych y monastyrow, ktore wyiąwszy Ociec Metropolita spodania K. I. M. zniosł; д) Листъ вел. гетмана княжества Литовскаго Льва Сапѣги Виленскому райцѣ по дѣлу о спорахъ Виленскаго православнаго братства съ уніатскимъ (отъ 18 марта 1631 г.); е) Выдержка изъ сеймовой конституціи (1631 г.) объ успокоеніи греческой религіи; ж) Эпитафія Георгію князю Слуцкому, скончавшемуся 6 мая 1586 г.; и з) нѣсколько мелкихъ не значительныхъ замѣтокъ.

4) *Рукопись*, писанная въ листъ уставомъ XVI или начала XVII столѣтія и содержащая Богословіе святаго Іоанна Дамаскина въ переводѣ на славянскій языкъ.—Въ началѣ книги (на 2 листѣ сверху) находится собственноручная подпись П. Могилы. *1639. Маіі 30. Петръ Могила Архіепископъ Митрополитъ Кіевскій, рукою власною.*

Г) Въ библіотекѣ при главномъ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ:

Апокрисисъ албо отповѣдь. На книжкы о сборѣ берестейскомъ именемъ людій старожитной релліи греческой, черезъ Христофора Филялета врихль дана.—На лицевой сторонѣ заглавнаго листа находится собственноручная подпись Могилы: *Петръ Могила, Архіепископъ Митрополитъ Кіевскій рукою власною.*—Въ концѣ книги находится листокъ съ рукописными замѣтками слѣдующаго содержанія:

„Сего ради, о православный читателю, моему труду незазирателю: все прилежно оную святую книгу, отвѣтъ Риму, читай, и многажды: и себе во вѣрѣ святой остерегай, и иныхъ пользуй, яже суть, моею рукою, приписаныхъ на поляхъ зраковъ, иже есть знаменіи зри: зри: зри: и по симъ извѣстіямъ не имаши ты никогда Бога отступити и всѣхъ святыхъ нарушити: есть-ли всѣхъ сихъ будешь опасно смотрѣти“.

„Сія всесвятая книга, глаголемая гречески *Апокрисисъ*, полонійски *Отповѣдь*, славенски *Отвѣтъ*, старобытнаго благочестія греческаго, издадеся Христофоромъ истиннолюбцемъ, учителемъ христіанскимъ: отъ лица святыя восточныя церкви: о стародавней и правой вѣрѣ противъ костела католицкаго, сирѣчь римскаго, о единовластіи папежа и о разньствіи его съ церковію восточною греческою и вселенскою: (о гордости папы) о блудахъ его, т. е. о премѣненіи чиновъ, св. церковныхъ тайнъ и всего св. писанія, седми святыхъ соборовъ и канoccurovъ апостольскихъ. Понеже латини, еже есть западный костелъ, все письмо святое на свою злую волю превратили и во все отъ христіанства отступили.. Зри на зади“.

Замѣтки эти, можно думать, сдѣланы спустя долгое время по изданіи въ свѣтъ Апокрисиса; во всякомъ случаѣ они не могутъ принадлежать П. Могилѣ и его ближайшимъ сподвижникамъ, потому что взгляды сихъ лицъ на Апокрисисъ и въ особенности на самаго Христофора Филалета были другіе, чѣмъ какіе высказаны авторомъ приведенныхъ нами замѣтокъ. (См. *Antidotum Мужиловскаго, изд. 1629 г. стр. 26, 32, Anta-*

polodiц Диплица, изд. 1631 г. стр. 444 и слѣд., Λειτουργιάριον, *си есть служебникъ, изд. 1629 г. въ Кіевѣ; предисловіе къ священному читателю листы 3—4*).

Д) Въ библіотекѣ мѣлецкаго монастыря Волынской епархіи:

Εὐχολόγιον..., изд. 1609 г., въ 4 д. л.—На заглавномъ листѣ находится собственноручная подпись Могилы: *Petrus Mohila Archiepiscopus Metropolita Kiowiensis* (см. рукоп. каталогъ мѣлецкой библ. № 279).

Е) Въ Спасской на Берестовѣ церкви:

Евангеліе напрестольное, въ листъ, изд. 1636 г., во Львовѣ.—На лицевой сторонѣ заглавнаго листа находится собственноручная подпись П. Могилы. *„Въ славу Христа Бога, въ память же себѣ и родителей своихъ Петръ Могила, Архіепископъ Митрополитъ Кіевскій, въ лѣто 1641.*

Каталоги книгъ, купленныхъ Петромъ Могилою въ Варшавѣ и Краковѣ.

А) Elenchus librorum emptorum (ad Bibliothecam Illustrissimi.....) Varsaviae, Anno 1632.

	Fl. Grosz.
Stemmata principum Christianorum	18
Clementis Alexandrini opera	17
Gamachai opera	35
Oecumenii opera	34
S. Hilarii (Pictavorum episcopi) opera	11
Gregorii Thaumaturgi opera	18
S. Bernardi opera	21
Nicephori (Callisti) Historia Ecclesiastica * [1])	35
S. Justini Martyris opera	16
Justinianus in epistolas ecclesiasticas cononicas *	(цѣна не выст.)
Romaei Effigies Calvini	15
De praedestinatione	19
Cordieri Cathena Graecorum patrum in Joannem	13
Synesum(sii) Cyrenes opera	11
Hovarini electa sacra	11
Juliani imperatoris opera	8—15
Higroni Regulae societatis Jesu et tractatus ascetici *	(ц. не выст.)

[1]) Книги, отмѣченныя знакомъ * въ каталогахъ зачеркнуты.

	Fl. Grosz.
Argoli Ephemerides	13
Antonius (Mundi Lapis Lydius... Antonii a Burgundia, Archidiaconi Brugensis?)	18 —
Plautus (Comoediae)	5— 2
Prudentius	29 —
Juuenalis *	(ц. не выст.)
Senecae Tragediae	29 —
Constantinopolis	10— 6
Lypsii Politica	1—25
De prudentia	2—25
Sarbieri Lyrica	1—10
Biblia sacra priscorum patrum	22 —
Lucii Dextri Chronicon	12 —
Alexander ab Alexandro	10— 3
Petavii Orationes *	(ц. не выст.)
Lypsii Epistolae Posthumae *	1—10
Epistolae obscurorum virorum	1—10
Conciones Cathe hicae	9 —
H. Philippi Quaestiones Chronologicae*	(ц. не выст.)
Lypsii Manuductio (ad stoicam philosophiam)*	(ц. не выст.)
Historia Sarracenica	9 —
Bibliotheca s. s. patrum	3—20
Ignatii Balsamonis instructio *	(ц. не выст.)
Hortulus Rosarum*	1— 5
De republica*	(ц. не выст.)
Trigonometria	5—15
Mascardi Sylvae *	(ц. не выст.)
Castellani de Festis Graecorum	1—10
Causini de Eloquentia *	10 —
Tertuliani opera compacta	10 —
Causini Tragediae*	2—15
Bibliotheca concionatorum*	13 —
Mastrilli conciones	8 —
Hamerii conciones	6 —
Corderii Commentarii Genesis (in c. 1 Genesis de mundi creatione, libri sex)	5—16
Bessei Novus conceptus	6 —
Centum compendiosi sermones	9 —
Coreni Quadragessimale*	9 —

	Fl.	Grosz.
Chrisologi sermones	3	--
Conciones adventuales*	3	10
Conciones de Christo, duae partes	5	—
Tuba novissima	2	—
Bodenii Conciones de septem sacram(entis)	2	—
Thesavrus sapientiae divinae	(ц. не выст.)	

Б) Index librorum emptorum Cracoviae in coronatione ejusdem Serenissimi Regis Vladislai IV, Anno 1633.

	Fl.	Grosz.
Monotessaron Evangelicum, in folio, duo exemplaria	5	--
Avicennae opera	9	--
Jacobi Pontani progimnasmata.	5	15
Jacobi Pontani Poeticae institutiones	5	—
Roberti Turneri orationum duo volumina	1	15
Roberti Turneri epistolarum volumen unum	5	15
Didaci Massii Methaphysica	2	—
Thesauri linguae latinae Cnapii, tom. 2	5	—
Ejudem tomus tertius*	8	—
Causini Eloquentia.	5	—
Logica Massii	6	15
Pontauus in Ovidiis metamorphosis	12	—
De tristibus et de ponto	9	—
Horatius cum commentariis Lambini	10	—
Martialis cum scholiis	1	—
Raderus in Martialem	11	—
Commentarii in orationum Ciceronis 3 volumina.	5	—
Manutius in epistolas ad Atticum	3	—
Ejusdem in epistolas Familiares	5	--
Ejusdem in Officia Ciceronis	4	—
Perpiniani orationes	5	9
Ambrosii opera	26	—
Hieronimi opera	45	—
Methaphysica Massii*	2	—
Manutii antiquitatum Romanarum	2	—
Thesavrus Cnapii, tomus 3 [1])	8	—

[1]) Кромѣ того въ указанныхъ каталогахъ находится около 8 книгъ, заглавія которыхъ нами не разобраны.

Книги, цитуемыя въ произведеніяхъ Петра Могилы и людей, работавшихъ подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ и руководствомъ [1]).

Священное писаніе Ветхаго и Новаго Завѣта; Правила Апостольскія; Постановленія вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ. *Произведенія*: Діонисія Ареопагита, св. Игнатія, Климента папы Римскаго, Іустина мученика, Тертуліана, Цельса, Оригена, Кипріана, Діонисія Александрійскаго, Василія Великаго, Іоанна Златоустаго, Григорія Богослова, Григорія Нисскаго, Кирилла Іерусалимскаго, Аѳанасія Великаго, Евстафія Архіепископа Антіохійскаго, Амвросія Медіоланскаго, Блаженнаго Іеронима, Августина, св. Софронія, патріарха Іерусалимскаго, св. Гонорія, св. Максима исповѣдника, св. Іоанна Дамаскина, Ѳеофилакта, Нила епископа, Вальсамона; *Историческія сочиненія:* Іосифа Флавія, Евсевія Памфила, епископа Кесарійскаго, Сократа Схоластика Константинопольскаго, Созомена, Георгія Кедряна, Іоанна Зонары, Никифора Каллиста, Крузія (Turco-graecia); Evtropius (Breviarium historiae Romanae), Лѣтопись Нестора; Гелмолдъ; Титмаръ, М. Галлъ; Янъ Длугошъ; Матвѣй Мѣховитъ; Мартинъ Кромеръ; Мартинъ Бѣльскій; Матвѣй Стрыйковскій; Descriptio Sarmatiae Europeae Гваньини; Annales Ecclesiae Баронія; Antonius de Gueuara in Horologium Principum; Анзельмъ; Ѳома Аквинатъ; Беллярминъ, V. Beda; Franciscus Costerus, Olaüs Magnus (католическій писат. XVI стол.), Munsterus; Phavorinus; Valerius Maximus; Николай Селарій; Меланхтонъ; Кальвинъ; Ботеръ; Скарга; Петръ Аркудій; Саковичъ; сочиненія Аристотеля и Платона; Діонисій Галикарнаскій; *Большая часть латинскихъ классиковъ*—Цицеронъ, Горацій, Овидій, Плиній, Сенека и другіе. *Богослужебныя книги* на греческомъ, латинскомъ и славянскомъ языкахъ, и нѣсколько мелкихъ произведеній, изданныхъ на латинскомъ языкѣ, преимущественно религіозно-нравственнаго содержанія.

Вотъ тѣ свѣдѣнія, которыя могутъ служить нѣкоторыми данными для опредѣленія состава библіотеки Петра Могилы.... Какіе же на основаніи ихъ можно сдѣлать выводы?

Первое, что бросается въ глаза при знакомствѣ съ могилянскою библіотекою, это обиліе въ ней твореній св. отцевъ, учителей церкви и сочиненій историческихъ. И это очень естественно. Петръ Могила, какъ извѣстно, стоялъ во главѣ литературнаго движенія, возбужденнаго въ юго-западной Руси пропагандою католиковъ и отчасти протестан-

[1]) Къ разряду послѣднихъ книгъ мы причисляемъ—Paterikon С. Коссова, изданный въ 1635 году подъ наблюденіемъ и даже при участіи П. Могилы (ему приписываютъ предисловіе къ этому сочиненію), и Τερατουργημ'у А. Кальнофойскаго, составившаго ее по порученію Могилы и главнымъ образомъ на основаніи его записокъ.

товъ. Одною изъ главныхъ заботъ нашего знаменитаго архипастыря—была забота объ утвержденіи вѣроученія православной церкви на твердыхъ основаніяхъ и объ огражденіи ея отъ наплыва инословныхъ особенностей. А для этого нужно было близкое знакомство, какъ съ твореніями свято-отеческими, такъ и исторіею. Враги православной церкви, нападая на ея вѣроученіе и обряды, подкрѣпляли свои мнѣнія толкованіями извѣстныхъ мѣстъ св. писанія, твореніями отцевъ и учителей церкви и примѣрами, взятыми изъ исторіи. Чтобы успѣшно бороться съ своими противниками, южно-русскимъ ученымъ необходимо было владѣть тѣмъ же оружіемъ, какимъ владѣли и западные ученые. Такъ южно-руссы и поступали. Если обратимъ вниманіе на полемическія сочиненія, вышедшія въ то время въ юго-западной Россіи, то почти на каждой страницѣ ихъ встрѣтимъ извлеченія изъ отцевъ и учителей церкви и ссылки на сочиненія историческія.—Знакомство съ отцами и исторіею было необходимо въ то время для южно-руссовъ не только для веденія литературной борьбы съ своими религіозными противниками, но и для устныхъ бесѣдъ съ ними (диспутовъ); и въ этомъ случаѣ отцы и сочиненія историческія служили какъ бы краеугольнымъ камнемъ, на которомъ обосновывались доказательства спорящихъ сторонъ. Для примѣра укажемъ здѣсь на диспутъ, происходившій въ 1646 году въ кіево-могилянской коллегіи между ея ректоромъ Иннокентіемъ Гизелемъ и іезуитомъ Николаемъ Циховіемъ по вопросу *объ исхожденіи святаго Духа*. Въ первый день диспута, продолжавшагося три дня,—говорится въ Colloquium Kioviense, гдѣ подробно описанъ этотъ диспутъ, — О. Николай (Циховій) пришелъ въ могилянскую коллегію съ произведеніями *св. Діонисія, св. Аѳанасія, Іоанна Златоуста* (Венеціанскаго изданія), *Іоанна Дамаскина* и вторымъ томомъ соборныхъ дѣяній и, основываясь на нихъ, доказывалъ исхожденіе *св. Духа и отъ Сына*. Иннокентій Гизель, возражая Циховію, въ свою очередь указывалъ на нѣкоторыя мѣста изъ находившихся на лицо произведеній *Кирилла Александрійскаго, Епифанія, Григорія Нисскаго, Василія Великаго* и другихъ. Во время диспута спорящія стороны не разъ обращались и къ исторіи, изъ сочиненій по которой (бывшихъ на лицо) упоминаются Annales Ecclesiae Баронія.

Присматриваясь къ полемикѣ, веденной православными южно-руссами противъ католиковъ и протестантовъ, нельзя не замѣтить слѣдующаго явленія. Какъ католическое, такъ и протестантское вѣроученія, взятыя въ полномъ ихъ видѣ, разумѣется, значительно разнятся отъ ученія церкви православной; но въ извѣстныхъ пунктахъ онѣ сходятся съ послѣднимъ и притомъ такъ, что въ нѣкоторыхъ пунктахъ православное вѣроученіе согласно съ однимъ только католическимъ, а въ нѣкоторыхъ—съ однимъ только протестантскимъ. Вслѣдствіе этого православные южно-русскіе писатели въ богатой западно-европейской литературѣ имѣли по нѣкоторымъ занимавшимъ ихъ религіознымъ вопросамъ готовые и притомъ согласные съ духомъ православія изслѣдованія, и могли пользоваться ими при своей

борьбѣ съ религіозными противниками. Этимъ обстоятельствомъ объясняется, между прочимъ, нахожденіе въ могилянской библіотеки съ одной стороны сочиненій католическихъ писателей, какъ то: *Ѳомы Аквината*, *Беллармина*, *Скарги*, *Аркудія* и т. под., а съ другой протестантскихъ—*Меланхтона*, *Кальвина*, *Лютера* и друг.

Далѣе... Петръ Могила, какъ извѣстно, преобразовалъ Кіево-братскую школу, причемъ значительно расширилъ кругъ преподаванныхъ въ ней предметовъ и сообщилъ своему преподаванію другое, по его мнѣнію, болѣе цѣлесообразное направленіе. Безъ сомнѣнія, въ связи съ заботами объ этомъ преобразованіи нужно смотрѣть на пріобрѣтеніе Могилою въ Краковѣ (въ 1633 г.) книгъ, состоящихъ главныхъ образомъ изъ учебныхъ пособій и очевидно предназначавшихся для преобразуемой коллегіи. Такимъ образомъ приведенные нами перечни купленныхъ Могилою книгъ важны въ томъ отношеніи, что могутъ служить хорошимъ пособіемъ для опредѣленія степени научнаго образованія, господствовавшаго въ могилянской коллегіи, и вообще для уясненія научно-педагогической дѣятельности П. Могилы—вопросовъ, далеко еще нерѣшенныхъ нашею ученою литературою.

О глаголической рукописи, хранящейся въ Кіевской Духовной Академіи.

Рефератъ **И. И. Срезневскаго.**

На выставкѣ, открытой на археологическомъ съѣздѣ, есть много замѣчательныхъ вещей, бывшихъ доселѣ неизвѣстными, въ томъ числѣ и эта маленькая тетрадь, о которой я собственно не имѣлъ понятія, пока не вошелъ въ залу выставки рукописей. Это глаголическая рукопись изъ семи листочковъ. Она была доставлена изъ Іерусалима архимандритомъ Антониномъ, извѣстнымъ разными важными разысканіями и открытіями. Такъ какъ глаголическія рукописи древняго письма до сихъ поръ остаются рѣдкостями, которыми долженъ дорожить филологъ, то я не могъ упустить безъ особеннаго вниманія и этого маленькаго клочка древняго письма, разсмотрѣлъ его, и, такъ какъ этотъ клочекъ остается совершенно неизвѣстнымъ ученымъ и къ тому представляетъ собою любопытную, можно сказать, неожиданную новость, то и рѣшилъ предложить ученому собранію археологическаго съѣзда тѣ данныя, которыя нашелъ въ немъ. Имѣя впрочемъ передъ собою, рядомъ съ учеными товарищами, которыхъ занимаютъ глаголическія рукописи, людей образованныхъ, которые не имѣли случая сблизиться съ вопросомъ о глаголицѣ и съ положеніемъ, въ которомъ теперь находятся розысканія объ этомъ древнемъ славянскомъ письмѣ, я считаю своимъ долгомъ представить вниманію собранія краткій очеркъ того, что до сихъ поръ сдѣлано по глаголической письменности. Не лишнимъ считаю сказать нѣсколько словъ и о глаголической азбукѣ. Съ помощью стиховъ, которые легче многихъ другихъ вспоминаются здѣсь, въ Кіевѣ, можно обозначить почти всѣ буквы этой азбуки. Вотъ напримѣръ стихи:

Слава, Кіевъ многовѣчный,
Русской славы колыбель!
Слава, Днѣпръ нашъ быстротечный,
Руси чистая купель!

Слава, Кіевъ чудный градъ!
Мракъ пещеръ твоихъ безмолвныхъ
Краше царственныхъ палатъ! и т. д.

По глаголически стихи эти могутъ быть написаны слѣдующимъ образомъ:

ⱄⰾⰰⰲⰰ ⰽⰻⰵⰲⱏ ⰿⱀⱁⰳⱁⰲⱑⱍⱀⱏⰻⰹ̆
ⱃⱆⱄⱄⰽⱁⰹ̆ ⱄⰾⰰⰲⱏⰻ ⰽⱁⰾⱏⰻⰱⰵⰾⱐ
ⱄⰾⰰⰲⰰ ⰴⱀⱑⱂⱃⱏ ⱀⰰⱎⱏ ⰱⱏⰻⱄⱅⱃⱁⱅⰵⱍⱀⱏⰻⰹ̆
ⱃⱆⱄⰹ ⱍⰹⱄⱅⰰⱑ ⰽⱆⱂⰵⰾⱐ
ⱄⰾⰰⰲⰰ ⰽⰻⰵⰲⱏ ⱍⱆⰴⱀⱏⰻⰹ̆ ⰳⱃⰰⰴⱏ
ⰿⱃⰰⰽⱏ ⱂⰵⱋⰵⱃⱏ ⱅⰲⱁⰹⱈⱏ ⰱⰵⰸⰿⱁⰾⰲⱀⱏⰻⱈⱏ
ⰽⱃⰰⱎⰵ ⱌⰰⱃⱄⱅⰲⰵⱀⱀⱏⰻⱈⱏ ⱂⰰⰾⰰⱅⱏ!

Вообще наши буквы въ глаголицѣ пишутся такъ:

А-ⰰ. Б-ⰱ. В-ⰲ. Г-ⰳ. Д-ⰴ. Е-ⰵ. Ж-ⰶ. З-ⰸ. И-ⰹⰻ. І-ⰹⰻ. К-ⰽ.
Л-ⰾ. М-ⰿ. Н-ⱀ. О-ⱁ. П-ⱂ. Р-ⱃ. С-ⱄ. Т-ⱅ. У-ⱆ. Ф-ⱇ. Х-ⱈ.
Ц-ⱌ. Ч-ⱍ. Ш-ⱎ. Щ-ⱋ. Ъ-ⱏ. Ь-ⱐ. Ы-ⱏⰹ, ⱏⰻ, ⱐⰻ. Ѣ-ⱑ. Ю-ⱓ. Я-ⱑ.
Ѳ-ⱚ.

И не только для тѣхъ буквъ, которыя нынѣ употребляются въ русской азбукѣ, но и почти для всѣхъ другихъ, бывшихъ въ употребленіи въ нашей кирилловской азбукѣ въ древнее время, есть въ глаголицѣ особенные знаки: такъ, между прочимъ, двумя знаками отдѣлялись и въ глаголицѣ буквы зѣло (ѕ = ꙃ) и земля (з), двумя же отличными знаками отличались, какъ и въ греческой азбукѣ, о простое и ѡ сложное, четырьмя такъ называемые юсы (ѫ, ѧ, ѭ, ѩ), особеннымъ знакомъ отличалась такъ называемая ижица, т. е. у простое, которое, такъ же какъ въ кириллицѣ и въ греческомъ правописаніи, употребляется въ соединеніи съ о для выраженія звука у (француз. ou). Однимъ только рѣзко отличалась глаголица отъ нашей древней кириллицы: это—неупотребленіемъ знака для выраженія іотированныхъ и вообще мягкихъ слоговъ, такого знака, каковъ былъ въ кириллицѣ знакъ і-, соединявшійся съ гласными (ꙗ, ѥ, ѭ, ѩ); но въ древнѣйшее время кирилловской письменности не употреблялся послѣдовательно этотъ знакъ и въ кириллицѣ. Вмѣсто знака і- могъ быть взятъ въ глаголицѣ знакъ ⰻ, стоящій въ ней рядомъ съ ⰹ такъ же, какъ въ кириллицѣ і—рядомъ съ и, и въ греческомъ ι рядомъ съ η, но онъ въ глаголицѣ, ни по внутреннему значенію, ни по употребленію, не отличается отъ ⰹ, такъ что не взятъ для образованія и такихъ сложныхъ знаковъ, какъ ѭ и ѩ. Вмѣстѣ съ тѣмъ не можетъ не поразить въ глаголицѣ присутствіе, промежду буквами особеннаго страннаго вида, буквъ греческихъ и негреческихъ такого же точно рисунка,

какъ и въ кириллицѣ: таковы ф, ѡ, ш, щ (гдѣ нижняя черта замѣнена въ глаголицѣ обычнымъ въ ней кружечкомъ: Ⱋ)...

Глаголическая азбука не раскрылась впрочемъ вниманію ученыхъ съ перваго разу въ томъ самомъ видѣ, какъ она здѣсь обозначена. Въ прошедшемъ вѣкѣ и въ началѣ нынѣшняго были въ виду только рукописи не очень древнія, XIV вѣка, и болѣе позднія печатныя книги, гдѣ буквы представляются нѣсколько въ другомъ видѣ, не округлыя, а прямолинейныя, и не всѣ, какія можно было ожидать отъ азбуки, равносильной по содержанію кириллицѣ, а только тѣ, которыя были необходимы для сербско-хорватскаго нарѣчія. О древности глаголицы по всѣмъ памятникамъ этого отдѣла нельзя было дѣлать никакихъ выводовъ: это было возможно только на основаніи нѣсколькихъ историческихъ показаній, и то годныхъ болѣе для возбужденія воображенія ученыхъ, чѣмъ для раскрытія сущности дѣла. Не много бы, вѣроятно, помогли этому и послѣдовавшія позже открытія, если бы онѣ не были предупреждены открытіемъ другого рода, болѣе общеважнымъ, открытіемъ древнихъ памятниковъ кирилловскаго письма и отличительныхъ чертъ древняго церковно-славянскаго языка, сознательно совершеннымъ двумя русскими дѣятелями, Востоковымъ и Калайдовичемъ. Это сложное открытіе дало мѣрку для оцѣнки значенія всѣхъ другихъ открытій въ письменности славянской, какъ ясно оказалось въ послѣдствіи. Тогда уже, когда оно было понято и оцѣнено, одному изъ умнѣйшихъ и ученѣйшихъ западно-славянскихъ дѣятелей случилось открыть рукопись глаголическую, давшую возможность взглянуть на глаголицу иначе, чѣмъ глядѣли на нее прежде. Въ библіотекѣ графа Клоца найдена была Копитаромъ часть большаго сборника поученій, писаннаго глаголицей такого же состава, въ какомъ славянская кирилловская азбука узнана и объяснена была въ древнихъ памятникахъ, открытыхъ Востоковымъ и Калайдовичемъ, и такимъ языкомъ славянскимъ, который Востоковымъ доказательно признанъ былъ древнимъ.

Копитаръ, ознакомившійся уже при помощи объясненій и указаній Востокова съ съ характерными особенностями языка и письма нѣкоторыхъ древнѣйшихъ памятниковъ кирилловской письменности, увидя въ новооткрытомъ глаголическомъ памятникѣ тѣ же древнія черты, не могъ не придти въ изумленіе отъ этой находки, и затѣмъ не могъ не допустить вывода, что глаголица была употребляема и въ древнѣйшій періодъ славянской письменности. Легко было ему даже перейти эту границу и признать, что новонайденный глаголическій памятникъ древнѣе многихъ, пожалуй, и всѣхъ кирилловскихъ, что глаголица, пожалуй, и древнѣе кириллицы. Открытіе Копитара, переданное имъ свѣту въ превосходномъ ученомъ изданіи памятника, обратило вновь на глаголицу вниманіе ученыхъ, передъ тѣмъ было совершенно замершее, и породило новые своды и объясненія показаній, новыя соображенія, особенно съ тѣхъ поръ, какъ новыя открытія расширили кругъ наблюденій. Очень естественно было изслѣдователямъ увлечься къ разрѣшенію

вопросовъ, казавшихся самыми важными, вопросовъ о первоначальномъ введеніи глаголицы, о первоначальномъ распространеніи глаголической письменности, объ отношеніяхъ глаголицы къ кириллицѣ и т. п. Въ сравненіи съ такими задачами, очевидно, казалась мелочною, не стоявшею вниманія забота объ опредѣленіи значенія Клоцовской рукописи, просто какъ древней славянской, по ея содержанію сравнительно съ другими древними. Забота эта могла привести, и то не разомъ, только къ такому частному выводу: у древнихъ славянъ было, если не въ полнотѣ, то по частямъ, два перевода Минеи Четіи, и одинъ изъ нихъ былъ въ рукахъ тѣхъ, которые употребляли глаголицу. Общіе вопросы не перестаютъ увлекать изслѣдователей и теперь; но болѣе уважительное вниманіе къ частнымъ вопросамъ распространяется все сильнѣе. Послѣдовательный рядъ разрѣшеній этихъ частныхъ вопросовъ стоитъ вниманія. На нѣкоторыхъ изъ болѣе важныхъ явленій этого круга я и остановлюсь въ своемъ обзорѣ.

Послѣ Копитара самая важная услуга въ дѣлѣ разысканій о глаголицѣ сдѣлана нашимъ ученымъ, здѣсь присутствующимъ и много разъ выражавшимъ свои мнѣнія въ собраніяхъ съѣзда. Я говорю о В. И. Григоровичѣ, который, во время путешествія по Европейской Турціи, нашелъ и пріобрѣлъ очень важныя по древности рукописи, между прочимъ, и нѣсколько глаголическихъ, важныхъ если не болѣе, то по крайней мѣрѣ столько же, какъ и Клоцовская. Ознакомленіемъ съ этими рукописями всѣхъ, кто желалъ ихъ узнать, онъ сдѣлалъ возможными провѣрку и подтвержденіе выводовъ, сдѣланныхъ о глаголицѣ по Клоцовской рукописи, а неоднократнымъ изложеніемъ своихъ соображеній и домысловъ возбуждалъ умы изслѣдователей къ переслѣдованію данныхъ, имѣвшихся въ защиту древности глаголицы. Правда, до сихъ поръ на В. И. лежитъ грѣхъ: въ теченіи многихъ лѣтъ своей дѣятельности могъ онъ издать хотя нѣкоторыя изъ своихъ драгоцѣнностей и однако издалъ до сихъ поръ только нѣсколько отрывковъ. Вѣроятно, важныя препятствія ему помѣшали исполнить этотъ долгъ и вмѣстѣ свое душевное желаніе, не покидавшее его никогда. Свой грѣхъ онъ искупилъ, впрочемъ, конечно не тѣмъ, что подчинялся давленію препятствій, а благороднымъ отношеніемъ къ нуждамъ науки, которое не часто встрѣчается въ средѣ литературныхъ дѣятелей. В. И. всегда всѣмъ съ радостью позволялъ пользоваться своими рукописями, даже привозилъ ихъ въ Петербургъ и въ Москву съ этою цѣлію. Это я могу засвидѣтельствовать не только какъ очевидецъ, но и какъ благодарный его должникъ. Не разъ сообщалъ онъ мнѣ право пользоваться рукописями въ продолженіи почти всего того времени, какое оставался въ Петербургѣ; не разъ присылалъ мнѣ и выписки изъ своихъ рукописей. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ не только издаваемыми статьями, но и частными письмами дѣйствовалъ на умы тѣхъ, которыхъ занимала древняя славянская письменность, высказывая всегда искренно не только свои соображенія, но и тѣ данныя, которыя наводили его на нихъ, и которыя нерѣдко бывали изъ круга его личныхъ находокъ, плодами его ученой изыска-

тельности. Какъ бы то ни было, нельзя не пожалѣть, что изъ собранія глаголическихъ рукописей, ему принадлежащихъ, нѣтъ пока ни одной, изданной въ полномъ видѣ, и нѣтъ удовлетворительнаго описанія всѣхъ ихъ сравнительно съ кирилловскими. Сожалѣть объ этомъ должно тѣмъ болѣе потому, что послѣ него никому не удалось сдѣлать въ области глаголицы такихъ большихъ открытій, если не по содержанію, то по крайней мѣрѣ по объему. Все открытое было, за исключеніемъ немногаго, изъ круга книгъ евангельскихъ, и должно было привести къ одному выводу: глаголиты въ своихъ спискахъ пользовались тѣмъ же переводомъ евангельскихъ книгъ, какой находимъ и въ древнихъ кирилловскихъ спискахъ, и употребляли для богослуженія тотъ же подборъ чтеній и тотъ же календарь, какъ всѣ православные славяне.

Спустя значительное послѣ того время въ Пражскомъ капитулѣ найдено было два лоскутка глаголическаго письма. Они были изданы впервые Шафарикомъ. Это были два клочка, можетъ быть, даже не изъ одной, а изъ двухъ разныхъ рукописей богослужебнаго содержанія. Какъ ни ничтожны были по величинѣ эти два листка, но они, по сличеніи ихъ съ кирилловскими древними рукописями того же содержанія, послужили къ большему освѣщенію тьмы судебъ древней глаголицы. Изъ нихъ оказалось, что и богослужебныя пѣснопѣнія, по крайней мѣрѣ нѣкоторыя, у глаголитовъ были тѣ же, что у православныхъ славянъ и того же перевода, какъ въ нашихъ древнихъ рукописяхъ.

Новое открытіе, столько же случайное, какъ и всѣ предшедшія, еще яснѣе показало, что славяне, пользовавшіеся глаголицею, были такіе же православные, какъ и тѣ, которые пользовались грекославянскою кириллицею. Преосвященный Порфирій, въ то время, когда еще былъ архимандритомъ, много путешествовавъ по разнымъ южнымъ христіанскимъ землямъ, по Египту, Палестинѣ, Синаю, Аѳону, всюду отыскивалъ и пріобрѣталъ греческія и славянскія рукописи, и цѣлыя, и въ отрывкахъ, останавливаясь преимущественно на болѣе древнихъ и болѣе загадочныхъ. Занимаясь разработкою ихъ, особенно греческихъ, самъ онъ предоставлялъ и другимъ разслѣдовать свои находки. На мою долю выпало такъ же нѣсколько очень любопытныхъ. Въ числѣ другихъ памятниковъ древняго письма онъ сообщилъ мнѣ однажды и двойной лоскутокъ глаголической рукописи, обратя мое вниманіе въ немъ на запись, состоящую изъ послѣдовательнаго ряда цифръ, написанныхъ буквами. Мнѣ показалось, что эти цифры, по почерку и способу написанія, должны быть новѣе главнаго текста, и я, не оставя совершенно въ сторонѣ и записи, занялся главнымъ текстомъ. Я переписалъ весь отрывокъ на кирилловское письмо, и чѣмъ далѣе переписывалъ, тѣмъ болѣе поражался. Передо мною была часть списка полной литургіи. Изъ отвѣта на заявленіе мое о. Порфирію объ этомъ, и на вопросъ, нѣтъ ли еще чего изъ той же рукописи, я узналъ, что долженъ быть еще такой же лоскутокъ у одного изъ спутниковъ о. Порфирія въ его путешествіи по Синаю. Доставленъ былъ мнѣ и этотъ клочекъ. Такимъ образомъ оказались начало и середина

литургіи, той самой, которую до сихъ поръ мы слышимъ въ храмѣ Божіемъ: новое доказательство того, что глаголиты были люди православные. Я этому, признаюсь, прежде не вѣрилъ, думая, что глаголиты были какіе то раскольники, еретики. Пришлось все болѣе въ этомъ разувѣряться, и при открытіи православной литургіи въ глаголическомъ спискѣ окончательно разувѣриться, т. е. не отвергая совершенно возможности употребленія глаголицы какими бы то ни было сектаторами, признать, что она была въ употребленіи и у православныхъ славянъ. Всѣ дальнѣйшія находки могли подтвердить только этотъ выводъ, находки изъ круга тѣхъ древнихъ памятниковъ, къ которымъ принадлежитъ и Клоцовская рукопись, давшая прежде другихъ понятіе о глаголицѣ древней.

Своимъ чередомъ шли открытія въ области глаголической письменности въ томъ ея сербско-хорватскомъ оттѣнкѣ, который извѣстенъ былъ и до открытія Клоцовской рукописи, въ оттѣнкѣ безъюсомъ. Онѣ удостовѣряли все болѣе, что эта западная глаголическая письменность была принадлежностью славянъ римско-католическихъ, удерживавшихъ для богослуженія церковно-славянскій языкъ. Онѣ удостовѣряли такъ же, что по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ памятниковъ письменности этого отдѣла были общею принадлежностью всѣхъ славянъ, какъ римско-католическихъ, такъ и православныхъ, и распространялись въ западныхъ глаголическихъ спискахъ по древнимъ изводамъ. Основываясь на нѣкоторыхъ не совершенно ясныхъ соображеніяхъ и домыслахъ, ученые, занявшіеся западной глаголицей, стали распредѣлять ея памятники по вѣкамъ, причислили нѣкоторые къ остаткамъ то XIII, то XII, то даже XI вѣка. Въ какой степени вѣрны эти соображенія и домыслы, покажетъ время. Пока вѣрно только то, что глаголица въ западномъ, безъюсомъ оттѣнкѣ была употребляема преимущественно римско-католиками. Говорю: преимущественно, а не исключительно, потому что имѣю въ виду нѣсколько указаній, что и эта западная глаголица не была отвергаема православными славянами.

Была ли употребляема глаголица восточная, юсовая, римско-католиками? Отвѣтъ на этотъ вопросъ по даннымъ, которые до сихъ поръ были въ виду, могъ быть только отрицательный.

Въ такомъ положеніи было для меня это дѣло, пока я не увидалъ рукописи, на которую обращаю теперь вниманіе многоуважаемаго собранія, рукописи Антониновской, принадлежащей нынѣ Кіевской духовной Академіи. Она написана глаголицей юсовою, восточною. Эта рукопись, какъ можно судить по нѣкоторымъ признакамъ языка и письма, не принадлежа къ числу самыхъ древнихъ, изъ всѣхъ доселѣ найденныхъ по особенному оттѣнку правописанія только одна подходитъ къ выше отмѣченнымъ пражскимъ отрывкамъ, представляя въ себѣ нѣкоторыя черты чешско-моравскаго нарѣчія, какъ оно слышится до сихъ поръ. Такъ, древнее славянское *жд*, происшедшее изъ *д*, замѣняется посредствомъ *з*, такъ что „розеніє“ значитъ „рождениє“, „дазь“ — „даждь“, „подазь“ — „подаждь“. Вмѣстѣ съ тѣмъ древнее *шт*, происшедшее изъ *т*, замѣнено посредствомъ *ц*: „просѧце“ вмѣсто „просѧщє“, „пицѧ“ вмѣсто „пищѧ“, „помоцьѧ“ вмѣсто „помощьѧ“. Есть и предлогъ „вы“ въ словѣ „выповѣди“; замѣчатель-

помъ по употребленію въ одномъ изъ самыхъ древнихъ чешскихъ памятниковъ, въ былинѣ о Судѣ Любуши. Даже самое слово цръкъвьнꙑи написано съ чешско-моравскимъ оттѣнкомъ выговора: цирквнаѣ твръдьза. Только первая страница перваго листка отличается отъ всѣхъ другихъ и почеркомъ, и правописаніемъ, и содержаніемъ, не представляя впрочемъ въ себѣ ничего особенно важнаго. Переворачиваемъ этотъ первый листокъ и на оборотѣ его, начиная съ первой строки, читаемъ:

Въ ѕ҃і дьнь Климента.

Б҃ъ иже нꙑ. лѣта огрѫдѫцѣ блаженаго Климента мѫченика твоего и папежа чьстьѭ веселиши. подазь милостивъи. да его же чьсть чьстимъ силоѭ оубо мѫчениѣ его наслѣдоуемъ. Гмь.

Надъ оплатмь.

Ровани:ѧ ти принесенꙑѩ свѧти. и ходатаѩщю блаженоумоу Климентоу мѫченикоу твоемоу сімь нꙑ отъ грѣхъ скврьности нашихъ очисти: Гмь:

Прѣфацѣ.

До вѣчьнꙑи бже. чьстьнаго Климента законьника и мѫченика чьсти чьстѧще. иже оутѩже бꙑти блаженоумоу апостолоу твоемоу Петроу. въ инокости подроутъ. въ исповѣди оученикъ. въ чьсти намѣстьникъ. въ мѫчении наслѣдьникъ. хсъ гмь нашимь:

По въсѧдѣ. Тѣлесе свѧтаго и прѣдрагꙑѩ кръве. напаꙑнении вꙑитіѣ просимъ ти бже нашь: да еже милостивѣ обѣцѣниѣ носимъ. рѣснотивьнаѣ издрѣшениѣ обꙑмемъ. гмь.

Нельзя было не увидѣть въ этомъ римско-католической миссы на день св. Климента. Въ тотъ же день празднуется римско-католическою церковью память св. Фелицитаты пѣніемъ особенной миссы: и эта мисса помѣщена въ разсматриваемой рукописи въ слѣдъ за Климентовою. Далѣе помѣщены „мьшѣ (т. е. миссы) на вьсѧ дьни вьсего лѣта обидѫцѣ": всего шесть. Затѣмъ „мьшѣ (мисса) о мѫченицѣхъ" и „мьшѣ (мисса) о вьсѣхъ небесьскꙑхъ силахъ". Всего на все въ уцѣлѣвшей части рукописи десять миссъ. Разсмотрѣвъ такъ всю рукопись, я не могъ не придти къ заключенію, что она представляетъ въ себѣ часть римско-католическаго миссала. На этомъ общемъ замѣчаніи, конечно, я не долженъ былъ остановиться: нужно было заглянуть въ настоящій римско-католическій миссалъ. Тутъ, въ университетской библіотекѣ, досталъ я одно изъ старыхъ изданій миссала. Миссалъ оказался, къ сожалѣнію, не такой, какой былъ мнѣ нуженъ, но все таки миссалъ, признаваемый католическою церковью. Съ помощью одного изъ здѣшнихъ римско-католическихъ священниковъ я ознакомился съ общимъ расположеніемъ миссала, нашелъ миссу св. Климента и св. Фелицитаты и могъ начать сличеніе. Желалъ бы я выразить громко мою признательность почтенному священнику, но не вижу его здѣсь. Мисса св. Климента въ латинскомъ подлинникѣ начинается такъ:

Deus qui nos annua beati Clementis martyris tui atque pontificis sollemnitate laeti-

ficas, concede propitius: ut cujus natalitia colimus, virtutem quoque passionis imitemur. Per Dominum. Это то же, что въ глаголической рукописи: б҃ъ иже ны лѣта ограждѫщѣ блаженаго Климента мѫченика твоего и напежа чьстьѭ веселиши. подазь милостивъи да его же чьсть чьстимъ силоѭ (т. е. силѫ) оубо мѫчениѣ его наслѣдоуемъ.

Такъ же близокъ къ латинскому подлиннику славянскій переводъ и двухъ другихъ молитвословій этой миссы; въ латинскомъ изданіи недостаетъ только префаціи. Такъ же къ подлиннику близокъ переводъ и всѣхъ другихъ молитвословій, какія мнѣ удалось найдти въ печатномъ изданіи миссала. Не могъ я найти въ этомъ изданіи подлинника всего, что есть въ переводѣ въ глаголической рукописи — по очень простой причинѣ: въ печатныхъ изданіяхъ повторяется миссалъ въ томъ видѣ, какъ употребляется нынѣ, въ видѣ, не одинъ разъ измѣненномъ, съ опущеніемъ многихъ частей, входившихъ въ древніе списки миссала. Надо обратиться къ этимъ древнимъ спискамъ, можетъ быть даже къ очень древнимъ, чтобы найдти подлинникъ славянскаго перевода. Древность подлинника, конечно, не опредѣлитъ древности списка перевода; но не можетъ быть безъ значенія для опредѣленія древности самаго перевода.

Во всякомъ случаѣ новооткрытая глаголическая рукопись все-таки даетъ въ славянскомъ переводѣ часть римско-католическаго миссала очень древняго, и притомъ въ спискѣ такого глаголическаго письма, которое до сихъ поръ казалось непримѣнимымъ къ богослужебнымъ книгамъ римской церкви.

Такъ, благодаря просвѣщенному вниманію къ остаткамъ древности арх. Антонина и доброму участію преосвященнаго Филарета въ успѣхѣ нашего съѣзда, доставившаго между прочимъ и эту глаголическую рукопись на выставку съѣзда, мы получили для науки новый важный фактъ: глаголица восточная, юсовая, такъ же какъ и глаголица западная, безъюсая, была употребляема не только въ православной, но и въ римско-католической церкви [1]).

---

[1]) *Позднѣйшая приписка.* Прошло не мало времени послѣ того, какъ я имѣлъ честь заявить на кіевскомъ археологическомъ съѣздѣ объ открытіи части римскаго миссала въ славянскомъ переводѣ на древній церковно-славянскій языкъ, написанномъ юсовою глаголицей. Въ продолженіи этого времени я старательно отыскивалъ древній латинскій подлинникъ миссъ, помѣщенныхъ въ глаголической рукописи, какъ въ печатныхъ изданіяхъ древнихъ миссаловъ, такъ и въ рукописяхъ, и кое-что успѣлъ найдти—болѣе всего въ рукописяхъ Парижской національной библіотеки IX—X вѣка; но только кое-что. Послѣ всѣхъ поисковъ я пришелъ къ домыслу, что надобно искать подлинника, соотвѣтствующаго славянскому переводу, въ самыхъ древнихъ миссалахъ или же по крайней мѣрѣ въ какихъ-нибудь особенныхъ, не общераспространенныхъ. Не оставляя самъ дальнѣйшихъ разысканій, я обратился къ помощи католическихъ ученыхъ. Что уже собрано мною, то издано въ „Свѣдѣніяхъ о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ“, что найдется позже, то издамъ въ свое время.

О ПАМЯТНИКАХЪ, ПРОСЛАВИВШИХЪ КУЛИКОВСКУЮ БИТВУ.

Рефератъ **И. П. Хрущова.**

Литературные памятники, прославившіе Куликовскую битву состоятъ изъ видоизмѣненныхъ въ нѣкоторыхъ частностяхъ трехъ самостоятельныхъ произведеній: 1) сказанія, вошедшаго въ лѣтописные своды; 2) поэтическаго сказанья, приписываемаго Іерею Софоніи и 3) открытой и изданной Ундольскимъ „Задонщины“. Въ исторіяхъ литературы обыкновенно не упоминается о лѣтописномъ сказаніи, а разбираются послѣднія два. Карамзинъ основалъ свой разсказъ на лѣтописномъ сказаніи; онъ съ недовѣріемъ отнесся ко Софоніевому, какъ къ сказкѣ, и возмущался его анахронизмами. Шевыревъ подъ впечатлѣніемъ Карамзина тоже не дружелюбно отнесся къ этому сказанію, хотя и отыскивалъ въ немъ поэзію.

Костомаровъ, какъ историкъ, повѣдалъ о Димитріи Донскомъ на основаніи поэтическаго такъ называемаго Софоніева сказанія, довѣряя ему болѣе, чѣмъ лѣтописному. Послѣ того какъ стала извѣстна „Задонщина“, академикъ Срезневскій, издавая новый текстъ Задонщины, отмѣтилъ въ такъ называемомъ Софоніевомъ сказаніи всѣ мѣста, отличающіяся своимъ гусельнымъ складомъ и задумался надъ вопросомъ: не было ли особыхъ, не записанныхъ пѣсень, которыми славили Димитрія и Куликовскую битву?

Вотъ вкратцѣ исторія судьбы этихъ сказаній въ наукѣ.

Вниманію и суду членовъ Съѣзда я позволю себѣ подвергнуть мой взглядъ на эти памятники, имѣвшіе большое значеніе въ нашей литературѣ, за что говоритъ безчисленное множество списковъ обѣихъ сказаній. Ихъ переписывали, слегка измѣняя, въ теченіи трехъ столѣтій. Сказанія о Куликовской битвѣ были чѣмъ то въ родѣ народной излюбленной героической поэмы для нашихъ книжниковъ и, не смотря на варіанты, онѣ сохранили цѣльность и неприкосновенность своей первоначальной письменной обра-

ботки. Всѣ извѣстныя намъ во множествѣ списковъ повѣствованія о Задонскомъ бою, всѣ безъ исключенія, представляютъ каждое только редакцію или такъ называемаго Софоніевскаго повѣданія, или рѣже лѣтописнаго, или еще рѣже Задонщины. По мнѣнію моему эти три особыхъ произведенія независимы одно отъ другаго и принадлежатъ каждое особой литературной школѣ, или обработкѣ.

Первая школа—это сѣверно-русское лѣтописаніе. Школа эта произвела нѣсколько лѣтописныхъ повѣстей, какъ напр. объ Александрѣ Невскомъ, о нашествіи Тохтамыша. Школа эта отличается слишкомъ большою искуственностью, строгою книжностью, офиціальностью, общими мѣстами. Событіе Задонской битвы получило въ этой школѣ свою обработку.

Офиціальный раскащикъ, какъ видно, описалъ въ Москвѣ, спустя нѣсколько времени по возвращеніи туда Дмитрія Ивановича, великое событіе. Отсутствіе подробностей въ описаніи похода и битвы ясно говоритъ за то, что онъ не только не былъ очевидцемъ, но мало и вслушался въ разсказы свидѣтелей и участниковъ похода. Авторъ воодушевляется текстами священнаго писанія; и въ бранныхъ приговорахъ Олегу Рязанскому и Мамаю (враже, измѣнниче Ольже) видѣнъ тотъ же офиціальный тонъ, съ которымъ черезъ столѣтіе будутъ писать „о благочестивомъ дѣлателѣ Иванѣ III и объ окаянной Мароѣ". Сказаніе это, блѣдное, какъ и всѣ подобныя сказанія, писано однако при жизни великаго князя—героя дѣла и чуждо анахронизмовъ. При отсутствіи живыхъ подробностей есть однако точность въ опредѣленіи дней и часовъ битвы.

Димитрій представленъ главнымъ лицомъ, героемъ, одухотвореннымъ и сознающимъ свой подвигъ. Въ его уста влагаются молитвы, которыми обрисовывается его отвага и упованіе на Бога. Димитрій все дѣлаетъ самъ и Богъ ему и черезъ него помогаетъ Русскимъ. О преп. Сергіи сказано вскользь—въ одномъ мѣстѣ, что отъ него пришла грамота.

Не смотря на сухость и извѣстную искуственность, въ этомъ памятникѣ есть черты, указывающія намъ на то, что прежде всего въ Москвѣ прозвучала пѣсня славы о Куликовской битвѣ и что въ этой пѣснѣ пролитая кровь сравнивалась съ дождемъ, какъ въ словѣ о полку Игоревѣ, и говорилось, что Мамай бѣжалъ *неготовыми дорогами*. Не смотря на приверженность къ своей школѣ, авторъ сказанія не могъ оставаться совершенно чуждымъ тѣхъ поэтическимъ выраженіямъ, которыми не перомъ, а голосомъ славился подвигъ Русскихъ, не допустившихъ Мамая повторить Батыево нашествіе. Въ первоначальныя словесныя похвалы входилъ разсказъ объ отбытіи великаго князя изъ Москвы и плачъ великой княгини и боярынь занималъ въ нихъ видное мѣсто. Не желая пропустить этаго плача, авторъ лѣтописнаго сказанія переложилъ его на свой ладъ: „и бысть въ градѣ Москвѣ плачь горекъ и гласъ рыданія... Рахиль плачущися чадъ своихъ съ великимъ рыданіемъ и

въздыханіемъ, не хотяще утѣшитися, занеже пошли съ великимъ княземъ за всю землю Русьскую на острая конія..... Увы намъ, убогая наша чадца" и т. д.

Второе сочиненіе о Куликовской битвѣ есть наиболѣе пространное и наиболѣе распространенное. Преосв. Филаретъ, на основаніи Карамзина, приписалъ его Рязанцу Софоніи или Софронію. Соловьевъ принялъ это положеніе и оно стало общепринятымъ.

Открытіе автора въ лицѣ Софоніи прежде всего основалось на томъ, что только въ одномъ изъ многочисленныхъ списковъ и самомъ позднѣйшемъ сказаніе это встрѣчается съ слѣдующимъ написаніемъ: „исторія, или повѣсть о нашествіи безбожнаго царя Мамая съ безчисленными Агаряны Рязанца іерея Софонія". Карамзинъ поправилъ: Софронія; Строевъ остался при Софоніи, передѣлавъ его въ Софонію. Снегиревъ въ 1838 въ Русскомъ Историческомъ Сборникѣ Общ. Ист. и Древн. издалъ этотъ памятникъ, сличивъ многіе списки. И такъ какъ нигдѣ онъ не нашелъ имени Софронія или Софоніи, то счелъ этого Рязанца за переписчика или даже владѣтеля рукописи. Снегиревъ отрицалъ эту авторскую личность еще и потому, что Рязанецъ иначе бы отзывался о своей землѣ и о князѣ Олегѣ и что іерей не могъ бы сохранить подробности въ описаніи битвы и доспѣховъ ратныхъ.

Открытіе Ундольскимъ третьяго рода описанія Куликовской битвы, гдѣ поминается Рязанецъ Софонія какъ лицо, прославлявшее это событіе, окончательно утвердило авторскія права Рязанца Софонія, какъ сочинителя пространнаго поэтическаго сказанія, дошедшаго до насъ въ многочисленныхъ спискахъ, изъ которыхъ одинъ, XVI в. (прекрасный списокъ) принадлежащій преосв. Порфирію нынѣ находится на выставкѣ. Бѣляевъ въ предисловіи къ изданной Ундольскимъ Задонщинѣ (Временникъ М. Общ. и Древн. кн. 14) утверждаетъ, что Софонія былъ современникомъ событія,—и въ этомъ онъ совершенно правъ. Онъ и преосв. Филаретъ всѣ анахронизмы, встрѣчающіеся въ поэтическомъ сказаніи, считаютъ за искаженія переписчиковъ. Но съ этимъ нельзя согласиться.

По изданіи XV т. П. С. Р. Л., гдѣ вновь встрѣчается имя Софонія Рязанца, еще къ тому же Брянскаго боярина, писавшаго на похвалу великому князю Димитрію Ивановичу, споръ о томъ, кто былъ авторомъ поэтическаго сказанія прекратился; сомнѣнія изчезли.

Но авторомъ поэтическаго сказанія не былъ приснономинаемый Рязанецъ и оно несомнѣнно писано въ XV столѣтіи, слѣдовательно не современно событію. Задонщина древнѣе его, а Софоній былъ однимъ изъ первыхъ прославителей Задонской побѣды. Его произведеніе не дошло до насъ всецѣло, а только въ отголоскахъ, въ занесенныхъ по памяти въ сказанія, въ мѣняющихся, колеблющихся поэтическихъ эпизодахъ.

Второй памятникъ, послѣ лѣтописнаго сказанія: „поэтическое сказаніе" проникнуто духомъ поэзіи религіозной, монашеской и представляетъ собою округленное цѣлое. XV-й вѣкъ былъ золотымъ вѣкомъ монашества. Въ лѣсистыхъ пустыняхъ появились мона-

стыри. Сила духа, смирявшаяся подъ ударами судьбы, въ первую половину татарскаго ига, стала силою дѣятельною, созидающею, устрояющею спасеніе братіи. Изъ народа выдѣлились дружины, сомкнутыя около мужественныхъ игуменовъ и пошли онѣ на встрѣчу подвигу, опастностямъ, трудностямъ всякаго рода. Но только цѣль ихъ была отличная отъ цѣли богатырей—защитниковъ отечества. Польза душевная, спасеніе души—вотъ побужденіе, для котораго твердымъ, непреклоннымъ подвижникамъ прежде всего нужно было смиреніе. Этимъ то духомъ смиренія и проникнуто наше сказаніе. Главнымъ героемъ его является Сергій. Его благословеніемъ и молитвами совершается великое дѣло. Опоэтизированная личность Радонежскаго игумена, отца новаго сѣвернаго русскаго монашества, только въ XV в. могла явиться въ такомъ блескѣ и съ такимъ значеніемъ.

Повѣсть эта—религіозная поэма, съ живымъ, отчасти народнымъ характеромъ. Это въ своемъ родѣ Лузіада московскаго творчества, гдѣ элементъ профанный, народный мирится съ монашескимъ воззрѣніемъ. Анахронизмы, о которыхъ говорятъ ученые—будто бы они вставлены переписчиками, составляютъ существенную часть въ организмѣ сказанія и тѣмъ свидѣтельствуютъ, что сказаніе несовременно событію. Но анахронизмы эти естественны, ихъ легко можно объяснить. Для полноты автору необходимо было очертить отношенія смиреннаго великаго князя къ его отцу—митрополиту всея Руси. Память о Кипріанѣ въ XV в. была свѣжа, его помнили, какъ учительнаго пастыря и помнили, что онъ былъ современникомъ Димитрія Ивановича. Этого было довольно, чтобы личность его поставить въ Москвѣ во время проводовъ Димитрія, хотя Кипріанъ не былъ митрополитомъ во время Задонскаго похода. Тоже случилось и съ Литовскимъ великимъ княземъ. Ягайла не могли такъ помнить, какъ Ольгерда, который велъ долгую и упорную войну съ Москвою. Авторъ повѣсти не справился въ лѣтописи въ годомъ смерти Ольгерда. Онъ помнилъ Ольгерда, какъ врага Дмитріева. Третій анахронизмъ—это молитва великаго князя передъ образомъ Богородицы, перенесеннымъ изъ Владиміра уже при сынѣ его. Во время написанія сказанія образъ Владимірской Богородицы былъ неотъемлемой и первостепенной святыней Москвы и авторъ, водя князя изъ церкви въ церковь, воодушевлялся поочередно святынями Кремля подъ собственными впечатлѣніями. Онъ не помнилъ торжественнаго перенесенія иконы изъ Владиміра въ Москву. Еще доказательство тому, что памятникъ писанъ не прежде XV вѣка.

Согласно идеалу князя благочестиваго и смиреннаго, покорнаго судьбамъ, Димитрій не дерзаетъ идти противъ Татаръ. Не тѣ тексты, не тѣ молитвы произноситъ онъ, что въ лѣтописномъ сказаніи. Молитвы его проникнуты смиреніемъ и въ нихъ не видно духа отваги и рѣшимости. Усиленно, настойчиво сказаніе наше говоритъ о томъ, какъ упорно Дмитрій отклонялъ отъ себя борьбу съ Мамаемъ и старался склонить гнѣвъ хана на милость. Вотъ наконецъ собрался великій князь съ духомъ—и пошелъ на совѣщаніе съ митрополитомъ. Въ этой бесѣдѣ авторъ испытываетъ словами митрополита чистоту намѣреній великаго князя

въ войнѣ съ Мамаемъ и правоту его по отношенію къ великимъ князьямъ *Литовскому и Рязанскому.* Война съ Мамаемъ получаетъ характеръ религіозный. Ханъ хочетъ искоренить вѣру православную и разорить церкви. Для священной борьбы должна быть и помощь свыше. Орудіемъ Божьей помощи является Сергій, обитель котораго посѣщаетъ великій князь. На такомъ воззрѣніи на монастырь народная поэзія сошлась съ нашимъ сказаніемъ. Въ былинахъ позднѣйшаго времени объяснено куда дѣвалось богатырство: оно ушло въ келіи монастырскія. Въ одной былинѣ воспроизведенъ пиръ Владиміра: вѣчно юный князь смущенъ вѣстью о нашествіи враговъ. Сила черная узнала—провѣдала, что богатыри ушли въ честные монастыри и обступила стольный Кіевъ градъ. Князь вызываетъ охотника на силу невѣрную, но большой богатырь хоронится за средняго, средній за младшаго, а отъ младшаго отвѣта нѣтъ. Въ концѣ концовъ, послѣ третьяго призыва, появился богатырь, но его сила никому неизвѣстна, онъ

И разумомъ глупешенекъ
И ростомъ малешенекъ.

Откуда же этотъ новичекъ почерпнетъ силы богатырской? изъ своего чудеснаго бѣла горюча камня не дохнетъ на него богатырь стараго времени: камень отжилъ свое; онъ нѣмъ и ничего не говоритъ новому времени.

Поворачиваетъ онъ коня къ монастырю пречестному
Да ко тѣмъ ли ко кельямъ монастырскимъ;
Да въ ту пору мать сыра земля сколыбалася,
Старчище чернищище въ землѣ засовалося.

Богатырь—инокъ благословляетъ своего юнаго преемника и посылаетъ его отъискивать въ чистомъ полѣ коня богатырскаго. Бурушка косматый прибѣгаетъ на богатырскій свистъ. По указанію того же старца выкапывается изъ земли глубоко зарытая въ нее богатырская сбруя и палица булатная, и новый богатырь во всеоружіи летитъ на встрѣчу невѣрной силы. И вотъ въ сказаніи являются богатыри схимники. Сказаніе (и житіе Сергія) подробно говоритъ о томъ какъ Сергій напутствовалъ Пересвѣта и Ослябу. Первому предоставляется подвигъ единоборства съ Телябугою, а при Ослябѣ былъ юный сынъ его Іаковъ Ослябятинъ, о которомъ знаетъ лѣтописное сказаніе и о которомъ упоминали первоначальныя пѣсни славы, какъ это видно изъ Задонщины. Проводы великаго князя, его молитвы въ различныхъ храмахъ, видѣнія передъ битвою, новыя молитвы и наконецъ возвращеніе въ Москву и благодарственное путешествіе къ Сергію, гдѣ преп. старецъ уже заранѣе извѣстилъ братію о счастливомъ исходѣ битвы—все это составляетъ органическое цѣлое со стороны основной идеи автора. У Троицы завязка и развязка всего и тамъ прощаются съ Димитріемъ его пособники, Ольгердовичи, безкорыстно приходившіе защищать вѣру Христову. Такимъ образомъ все въ этой повѣсти подчинено религіозной идеѣ. Повѣсть округлена и закончена.—Но могъ ли авторъ несовременный собы-

тіямъ, при составленіи такого обширнаго сказанія, обойдтись безъ источниковъ? Конечно они у него нашлись: то были вѣроятно записки о походѣ, доставившія ему числа дней, собственныя имена, подробности пути и сраженія, такъ что по его произведенію возможно начертить планъ Куликовской битвы. Но болѣе всего послужили автору дошедшія до него преданія и гусельныя слова, былины и Софоніевы складки о Задонщинѣ. Многое онъ старался передѣлывать, но въ передѣлкѣ видна первоначальная основа. По нѣкоторымъ признакамъ можно возстановить эпическій источникъ. Такъ напримѣръ, была былина о томъ, какъ Димитрій узнаетъ о нахожденіи Мамая. Пѣсня эта начиналась пиромъ у тысяцкаго Микулы. Среди пиру возговорилъ великій князь и сталъ вызывать охотниковъ идти къ татарамъ добывать языка. Вызвались крѣпкіе юноши, крѣпкіе оружники: Родіонъ Ржевскій, Андрей Волосатый (усатый) и Василій Тупикъ, и ихъ то посылаетъ князь великій на Быструю Сосну. Стража замедлила въ полѣ, послали трехъ другихъ, имена которыхъ въ различныхъ спискахъ сказанія не точны и колеблются по созвучью. Они встрѣтились съ Тупикомъ и онъ несъ недобрыя вѣсти и такое слово Мамая: „пойдемъ на Русь обогатимся русскимъ златомъ и пусть никто изъ васъ не пашетъ хлѣба, будьте готовы на русскіе хлѣба". Послышалъ это князь великій и проговорилъ своимъ князьямъ и воеводамъ: братья князи русскіе! мы гнѣздо великаго князя Ивана Даниловича, постраждемъ за вѣру до смерти. И отвѣчалъ ему князь Владиміръ Андреевичь и всѣ князи русскіе и воеводы: готовы умереть съ тобою, готовы головы положить за твою великую обиду.

Въ плачѣ княгини, не смотря на книжный характеръ его, видна эпическая основа. „Господи Боже, сподоби мя видѣти своего государя... азъ же имѣю двѣ отрасли малыя Василія да Юрія; еда поразить ихъ солнце сіяющи или вѣтръ ихъ подвѣваетъ противу запада—обое не могутъ терпѣти". Тутъ видна распространенная передѣлка обычнаго въ былинахъ выраженія: ихъ солнышко не опекетъ и буйные вѣтры не обвѣютъ. Не буду приводить извѣстныхъ мѣстъ, совершенно схожихъ съ гусельными словесы Задонщины. Скажу только, что мѣста эти имѣютъ множество варіантовъ, что несомнѣнно говоритъ за то, что онѣ вносились переписчиками въ памятникъ по памяти, а не съ грамоты. Оставляя въ неприкосновенномъ видѣ все религіозное, всю основу сказанія, переписчики переиначивали гусельныя выраженія, измѣняли собственныя имена начальниковъ отрядовъ, соглядатаевъ и вносили не рѣдко имена своихъ земляковъ, на самомъ дѣлѣ не принимавшихъ никакого участія въ знаменитомъ походѣ. Такъ въ нѣкоторыхъ, весьма рѣдкихъ спискахъ тѣмъ же вольнымъ складомъ описано участіе Новгородцевъ въ Донскомъ бою. Книжная, городская, офиціальная литературная школа была дальше отъ народа, чѣмъ монастырская, возникшая въ сердцѣ народа.

Эпизодъ гаданья не на столько чуждъ религіозности XV вѣка, какъ это кажется на первый разъ. Испытаніе явленій природы граничило близко съ христіанскою религіозностью. И если иные говорили, что „не наше есть разумѣти тайны Божіи", то другіе

въ своихъ канονикахъ и молитвословахъ отмѣчали счастливые и несчастливые дни, по лунѣ, или зодѣямъ.

Много можно найдти мѣстъ въ „сказаніи“, которыя составляютъ одно цѣлое, уцѣлѣвшее въ обломкахъ и въ Задонщинѣ. Это то цѣлое въ своей первоначальной словесной обработкѣ принадлежитъ творчеству Рязанца Софоніи. Задонщина вспоминаетъ этаго Бояна временъ Куликовской битвы и старается воспроизвести его складныя похвалы. Тверская лѣтопись сохранила начало и конецъ Софоніева произведенія, которое она приписываютъ Софонію Рязанцу, Брянскому боярину. „А се“ писаніе Софонія Рязанца Брянскаго боярина на похвалу великому князю Димитрію Ивановичу: Вѣдомо ли вамъ русскимъ государямъ царь Мамай пришелъ изъ Заволжья... Переписчикъ не захотѣлъ переписывать памятникъ, но приведя его начало, привелъ и заключительныя слова: „чести себѣ добыля и славнаго имени“.

Изо всѣхъ ошибокъ и искаженій, попадающихся въ многочисленныхъ спискахъ поэтическаго сказанія, самою крупною ошибкою оказывается приписаніе этаго произведенія Рязанцу Софоніи. Ошибка эта повела къ другимъ ложнымъ заключеніямъ и между прочими къ тому, что авторъ Задонщины (произведенія древнѣйшаго) подражалъ автору сказанія (памятника позднѣйшаго).

Задонщина представляетъ если не прямой источникъ, то образецъ источниковъ сказанія и несомнѣнно древнѣе этаго послѣдняго, полнаго анахронизмовъ.

Задонщина принадлежитъ къ третьей литературной школѣ, самой бѣдной у насъ по количеству произведеній: къ письменной обработкѣ пѣсней славы или гусельныхъ словесъ. Произведеніе же Рязанскаго поэта не дошло до насъ въ цѣлости, если только оно было сполна записано современниками.

ВЕЛИКОРУССКІЯ БЫЛИНЫ И МАЛОРУССКІЯ ДУМЫ.

Рефератъ **О. Ѳ. Миллера.**

Мм. гг. Рѣшаясь затронуть передъ вами такой трудный предметъ, какъ отношеніе великорусскихъ былинъ къ малорусскимъ думамъ, я вполнѣ сознаю мою далеко не полную къ тому подготовленность. Если я долго занимался былинами, какъ остатками древнѣйшаго героическаго эпоса русскаго,—то думы, эти произведенія позднѣйшаго эпическаго творчества Украины, вышедшаго уже на историческую почву, до послѣдняго времени почти вполнѣ оставались внѣ круга моихъ спеціальныхъ занятій. Не смотря на это, я не отказался отъ смѣлой мысли читать о былинахъ именно *по отношенію къ думамъ,* не отказался потому, что разсчитываю на вѣскія замѣчанія и разъясненія мѣстныхъ ученыхъ, давнишнихъ знатоковъ малорусской народной поэзіи. Я болѣе знакомъ съ былинами, они съ думами, и общими силами намъ, можетъ быть, удастся выяснить кое что въ предметѣ столь сложномъ и новомъ. При этомъ я заранѣе прошу извиненія въ томъ, что, приводя мѣста изъ думъ, я, своимъ неумѣлымъ произношеніемъ, буду, навѣрное, весьма непріятенъ малорусскому уху.

Приступая къ предмету, замѣчу прежде всего, что былины, по моему мнѣнію, не совсѣмъ вѣрно называются *великорусскими.* Онѣ въ настоящее время сохраняются исключительно на великорусскомъ сѣверѣ и востокѣ, куда давно перешли и гдѣ значительно переработались; но первоначальная основа ихъ—*южно-русская.* Самое слово „*былина*", какъ извѣстно, впервые встрѣчается въ *южно-русскомъ* „Словѣ о полку Игоревѣ"—въ смыслѣ *были, дѣйствительности,* противополагаемой „*бояному замышленію*". Если въ настоящее время словомъ *былина* обозначается наоборотъ одинъ изъ видовъ именно этого „*замышленія*" (вымысла поэтическаго), то все же народъ вѣритъ, что въ основѣ тутъ *быль,* дѣйствительность прежнихъ, давно прошедшихъ временъ и когда-то жившаго поколѣнія. Мѣсто дѣйствія былинъ, какъ всѣмъ хорошо извѣстно,—*Кіевъ, берега Днѣпра* (не

говорю о *степяхъ* съ ихъ *ковыль-травой*, такъ какъ онѣ имѣются и въ восточной полосѣ Россіи). Личностью, вокругъ которой сходятся богатыри, постоянно является въ былинахъ *Владиміръ-солнышко стольно-кіевскій*—тотъ во всякомъ случаѣ *старый Владиміръ*, котораго пѣвцу Игореву такъ хотѣлось „пригвоздить къ горамъ кіевскимъ" и который, дѣйствительно, оказывается къ нимъ пригвожденнымъ въ былинахъ, т. е. безсмѣнно и какъ бы безсмертно княжащимъ въ Кіевѣ. (Не могу не вспомнить при этомъ о тѣхъ поискахъ на азіятскомъ востокѣ, въ которые пустился г. Стасовъ, чтобы объяснить попадающіяся въ былинахъ *горы*, тогда какъ мы постоянно читаемъ въ лѣтописяхъ: „въ Кіевѣ *на горахъ*"). Если Владиміръ былинъ не есть непремѣнно *Владиміръ святой* (главное дѣло котораго, крещеніе Руси, даже совершенно забыто былинами), если въ немъ по временамъ лишь распознаются кое-какія черты другаго Владиміра—*Мономаха*, если *вообще* онъ не похожъ ни на какое опредѣленное лице историческое въ отдѣльности, то самая эта неясность, а равно и незначительность или даже ничтожество (въ нравственномъ смыслѣ) стольнаго князя эпическаго въ свою очередь не лишено соотвѣтствія со смысломъ древняго періода нашей исторіи. Рядомъ съ Владиміромъ въ эпосѣ выступаетъ впередъ другая сила, та, которая, выведенная изъ терпѣнія, говоритъ собравшимся вокругъ нея „голямъ": „я заутра буду въ Кіевѣ *княземъ служить*, а вы у меня будете предводителями", самому же князю, предлагая свой ultimatum для примиренья, велитъ сказать: „если не сдѣлаетъ *князь* по моему, то *процарствуетъ* только до утрія". Если слово „процарствуетъ" наслоилось уже въ Московскій періодъ, то слово „князь", вмѣстѣ со смысломъ такихъ отношеній, принадлежитъ еще періоду кіевскому—*вѣчевому*.

Изъ сказаннаго ясно, что я вполнѣ признаю (какъ оно видно изъ самаго заглавія моей книги о былинахъ) въ нашемъ богатырскомъ эпосѣ разныя наслоенья. Мнѣ только представляется, что чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ эти наслоенія незначительнѣе: такова уже своего рода косность эпоса, вслѣдствіе которой въ немъ такъ неподатливо живуча старина отдаленная. Ранѣе *московской поры* на эпосѣ могла отразиться *пора суздальская*, вліяніе которой все же легче было поэтически согласить съ духомъ поры *древне-кіевской*. Русь суздальская, если опираться на прозвище *Муромецъ*, дала нашему богатырскому эпосу его главнаго и лучшаго представителя—Илью крестьянскаго сына. Когда-то, если оно такъ, существовавшія мѣстныя (муромскія) былины (въ настоящее время тамъ уцѣлѣли только нѣкоторыя прозаическія преданія), впослѣдствіи могли быть поглощены древне-кіевскимъ эпическимъ кругомъ. Но въ нѣкоторыхъ полукнижныхъ редакціяхъ встрѣчается форма *Муровецъ*; въ связи съ островомъ *Муровцемъ*, упоминаемымъ въ протоколѣ межевой коммиссіи для рѣшенія спора о границахъ между Межигорскимъ монастыремъ и кіевскими мѣщанами 1713 г. [1]), это даетъ нѣкоторый поводъ подозрѣвать,

[1]) Сборникъ матеріаловъ для исторической топографіи Кіева, III, стр. 135 и 137. Авторъ обратилъ на это вниманіе уже послѣ съѣзда.

не выводился ли первоначальный Илья-богатырь изъ мѣстности южно-русской, и не былъ ли *Муровецъ* принятъ за *Муромца* только позже, по перенесеніи былинъ на сѣверо-востокъ (такъ что въ такомъ случаѣ мѣстныя муромскія преданія объ Ильѣ были бы только слѣдствіемъ позднѣйшаго пріуроченія этой эпической личности къ мѣстности Суздальской). Какъ бы то ни было, на Ильѣ (будь онъ *Муромецъ*, будь *Муровецъ*) вліяніе поры суздальской отразилось въ томъ смыслѣ, что онъ служитъ уже *единой* землѣ святорусской (на раздробленность нѣтъ никакихъ почти указаній въ эпосѣ), а стремленіе къ единству ясно уже обозначилось въ періодъ суздальскій. Но эпосъ какъ бы умѣлъ достигнуть единства земли идеальнымъ путемъ, не утративъ *вѣчевой закваски*: духъ той поэтической поры, которая преобладаетъ въ немъ, можетъ быть названъ не *удѣльно-вѣчевымъ* (какимъ былъ дѣйствительный характеръ періода кіевскаго) а, такъ сказать, *цѣлостно-вѣчевымъ* (существовавшимъ только въ эпосѣ). Слугѣ единой русской земли, Ильѣ, и принадлежатъ тѣ выписанныя выше слова, изъ которыхъ видно, что и на власть княжескую смотритъ онъ, какъ на *службу землѣ*, а на землю, какъ на источникъ этой власти. Потому-то и Владиміръ не только бьетъ челомъ Ильѣ, умоляя его пойти противъ татаръ, но и говоритъ при этомъ, зная, чѣмъ только и можно неотразимо подѣйствовать на главу богатырей: „не ради меня, князя Владиміра, а *ради матушки свято-Русь земли*“ и т. д. Если *цѣльность* и *единство* этой земли (какъ бы испоконъ вѣка существовавшія) должны были появиться въ эпосѣ подъ вліяніемъ поры суздальской и закрѣпиться подъ дальнѣйшимъ вліяніемъ поры московской, то первенствующее значеніе *самой земли* можетъ намъ представляться только сохранившимся въ эпосѣ отъ поры древне-кіевской (хотя въ немъ и не сохранилось прямыхъ указаній на вѣчевыя собранія, *духомъ* которыхъ отзывается только *характеръ Ильи Муромца*). Невѣрно было бы видѣть тутъ вліяніе, испытанное нашимъ эпическимъ творчествомъ уже на сѣверѣ со стороны явленій новгородской „свободы“. Уже вѣдь доказано, что свобода эта переродилась въ „вольницу“, при которой безгранично развилась личность у людей изъ того богатаго класса, который выдвинулся въ Новгородѣ подъ вліяніемъ его торговаго быта. Эпическимъ представителемъ этой разнузданной новгородской вольницы является Васька Буслаевъ, побивающій со своею дружиной, лично ему служащей, мужиковъ новгородскихъ, и Садко купецъ, осмѣливающійся одинъ состязаться въ богатствѣ съ государемъ великимъ Новгородомъ. Подобные образы прямо противоположны Муромцу, который и мировою съ Владиміромъ пользуется для того, чтобы посадитъ *голей* за его княжескій столъ, а самому занять между ними только *мѣстечко серёднее*. Невѣрно было бы также объяснять весь эпическій характеръ Ильи позднѣйшимъ желаніемъ дать отпоръ всевозможному гнету, желаніемъ, проявившимся у пѣвцовъ той поволжской вольницы, которая произвела въ дѣйствительности Стеньку Разина и др. Отпечатокъ этой поры сказывается, по всей вѣроятности, въ крайнемъ разсвирѣпѣніи богатыря и приписываемомъ ему нѣкоторыми бы-

линами безшабашномъ разгулѣ. Но основа его характера—спокойное сознаніе своего права на ряду съ сознаніемъ своихъ обязанностей—носитъ отпечатокъ человѣка свободнаго, а не раба, сорвавшагося съ цѣпи. Между тѣмъ былины, выражающія эту основную сторону его права, въ наилучшемъ видѣ сохранились не тамъ, гдѣ происходила главнѣйшая историческая расправа за крѣпостной гнетъ (въ широкомъ смыслѣ этого слова), т. е. не на Волгѣ, а тамъ, куда онъ не проникалъ и гдѣ постоянно жилось вольготнѣе, т. е. на олонецкомъ и архангельскомъ сѣверѣ. Крѣпостное право должно было отчасти подавить, отчасти же извратить въ народѣ привычки свободныя, а равно и ихъ проявленіе въ эпосѣ; уцѣлѣть въ своемъ настоящемъ видѣ имѣли онѣ возможность только на тѣхъ, незахваченныхъ закрѣпощеньемъ, окраинахъ, куда были онѣ отодвинуты вмѣстѣ съ остатками стараго эпоса, тамъ-то по преимуществу и сохранившаго свой земски-свободный характеръ.

Кѣмъ бы ни былъ первоначально по своему происхожденію богатырь Илья—Муровцемъ или Муромцемъ,—и какъ бы ярко ни отпечатлѣлась на немъ Русь суздальская, ея отпечатокъ дружно въ немъ сочетался съ другимъ—древнѣйшимъ отпечаткомъ кіевской *вѣчевой* Руси. Наконецъ преданія Руси кіевской включили богатыря Илью и въ число *печерскихъ угодниковъ*. Тутъ, конечно, произошло смѣшеніе любимаго народомъ богатыря съ какимъ нибудь инокомъ родомъ изъ Мурома (или же опять, можетъ быть, съ южно-русскаго острова Муровца). Но такое смѣшеніе могло произойти только потому, что народъ, любя богатыря, пожелалъ довести его наконецъ и до *святости*. Изъ этого, конечно, еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы Илья когда либо существовалъ въ дѣйствительности. Всѣ старанія г. Квашнина Самарина отыскать его историческій первообразъ остались, мнѣ кажется, неуспѣшными, и едва ли почтенному ученому удастся и здѣсь на съѣздѣ привести въ этомъ отношеніи какія либо болѣе доказательныя данныя [1]). Но дѣло совсѣмъ не въ томъ. Илья Муромецъ могъ быть просто поэтическимъ образомъ, въ которомъ народъ узнавалъ лучшія черты своего собственнаго права и въ дѣйствительное существованіе котораго онъ наконецъ увѣровалъ, а потомъ захотѣлъ увидѣть его и въ ликѣ святыхъ. Несомнѣнно только то, что къ лику ихъ народъ бы никакъ не причислилъ лица, сложившагося изъ клочковъ различныхъ чужихъ сказаній, и потому по отношенію къ Ильѣ Муромцу теорія г. Стасова всего убѣдительнѣе опровергнута уже заранѣе, до выхода ея на свѣтъ Божій, самимъ г. Стасовымъ—въ той его давнишней статьѣ о старой гравюрѣ, изображающей угодника Илью Муромца, гдѣ онъ доказываетъ тождество его для народа съ богатыремъ былинъ. „И нынѣ его мощи нетлѣнныя“, говорится въ концѣ одной изъ былинъ о трехъ поѣздочкахъ Муромца—послѣ разсказа о томъ, какъ онъ началъ, на найденныя на третьей дорожкѣ деньги, строитъ церковь печерскую и

---

[1]) Г. Квашнинъ Самаринъ дѣйствительно не сдѣлалъ этого.

окаменѣлъ въ ней. Такъ оно передается сказителями Олонецкой губерніи, и въ томъ же родѣ, надо думать, сообщали объ этомъ въ Кіевѣ въ концѣ XVI в. Эриху Ляссотѣ. Упомянувъ о гробницѣ Ярослава въ Софійскомъ соборѣ, онъ говоритъ, что „въ другомъ придѣлѣ, со внѣшней стороны церкви, была гробница Ильи Муровлина (Morowlin); онъ былъ знатный герой или, какъ говорятъ, богатырь; разсказываютъ о немъ много басенъ; гробница эта нынѣ разрушена, но такая же гробница его товарища еще цѣла въ той же часовнѣ". (Чьей же считалась она? не Добрыниною ли? Дальнѣйшихъ указаній на это мы, сколько мнѣ извѣстно, нигдѣ не встрѣчаемъ). Въ другомъ мѣстѣ, при описаніи пещеръ кіевскихъ, Ляссота указываетъ на мощи знаменитаго богатыря. „Есть также, говоритъ онъ, одинъ великанъ или богатырь, называемый *Чоботко;* говорятъ, что на него напало однажды много непріятелей въ то время, когда онъ надѣвалъ сапогъ, и такъ какъ въ торопяхъ онъ не могъ схватить никакого другаго оружія, то началъ защищаться другимъ сапогомъ, котораго еще не надѣлъ, и имъ одолѣлъ всѣхъ, отчего и получилъ такое прозвище [1])". Такого похожденія мы уже не встрѣчаемъ ни въ одной изъ былинъ объ Ильѣ Муромцѣ, но что подъ Чоботкомъ разумѣлся не кто иной, какъ онъ, это видно изъ прямаго свидѣтельства Калнофойскаго (въ XVII в.). Такимъ образомъ, по преданію, Илья сперва почивалъ въ Софійскомъ соборѣ, а потомъ его мощи оказались въ пещерахъ кіевскихъ. Извѣстно, что Калнофойскій, желая опровергнуть молву о богатырскомъ ростѣ угодника, измѣрялъ его останки и пришелъ къ заключенію, что онъ не выше многихъ обыкновенныхъ людей. Но всѣ эти старанія книжника не привели ни къ чему: еще въ началѣ XVIII ст. одному благочестивому посѣтителю кіевской святыни, по прежнему, сообщали, что почивающій въ пещерѣ Антонія святой Илья Муромецъ былъ славный воинъ, и что рука у него пронзена копьемъ [2]). Но если такъ, если память о святости богатыря Ильи была еще жива въ Кіевѣ не только въ концѣ XVI, но и въ XVII и XVIII в. и, кажется, не вполнѣ заглохла даже теперь, то отсюда невольно могло родиться предположеніе, что въ южной Руси не могъ вполнѣ простыть слѣдъ и эпическихъ сказаній объ его богатырской жизни, а, можетъ быть, и о прочихъ богатыряхъ. Вотъ это и заставило меня отправить въ предварительный комитетъ съѣзда вопросъ: „не сохранились ли въ южной Руси какіе нибудь остатки былеваго эпоса Владимірова, если не въ пѣсенной, то хотя бы въ сказочной формѣ, если не устахъ народа, то въ какихъ либо рукописныхъ сборникахъ"?

По пріѣздѣ моемъ сюда, къ открытію съѣзда, я узналъ, что вскорѣ должна выйти изъ печати первая часть новаго сборника Малорусскихъ пѣсенъ В. В. Антоновича и М. П. Драгоманова. Я сейчасъ же обратился къ нимъ, чтобы узнать, не будетъ ли въ

---

[1]) Матеріалы для ист. топографіи Кіева, 17, 19.

[2]) Въ моей книгѣ о былинахъ стр. 799 и 800.

этомъ сборникѣ кое-чего, отвѣчающаго утвердительно на мой вопросъ? Достопочтенные издатели предупредили меня, что въ сборникѣ ихъ я найду по этой части немного, но все же найду, и съ величайшею обязательностью тутъ же доставили мнѣ отпечатанные листы сборника, продолжая затѣмъ доставлять и дальнѣйшіе, по мѣрѣ того, какъ они выходили изъ типографіи. Я такимъ образомъ имѣлъ болѣе двухъ недѣль для ознакомленія съ этимъ замѣчательнымъ трудомъ, который окончательно выпущенъ въ свѣтъ только вчера. При всемъ многостороннемъ богатствѣ его содержанія, я отнесся къ нему прежде всего собственно съ той стороны, которая связана съ моимъ вопросомъ. Кое-что въ этомъ отношеніи оказалось указаннымъ самими издателями въ ихъ примѣчаніяхъ къ пѣснямъ, кое-что подыскалъ я въ сборникѣ самъ, дѣлая даже *натяжки*, чтобы, по крайней мѣрѣ, вполнѣ исчерпать для своей цѣли матеріалъ, доставляемый имъ, въ связи съ тѣмъ, что́ было извѣстно изъ прежнихъ сборниковъ. Многаго, конечно, я и не могъ ожидать для себя отъ новаго сборника, такъ какъ изъ самаго заглавія его видно, что въ немъ заключаются собственно *историческія* пѣсни Малорусскаго народа. Но слово: *историческій*, какъ замѣтно изъ предисловія, понимается издателями весьма широко, къ тому же извѣстно, что *историческій* періодъ народной поэзіи всегда возникаетъ изъ предшествовавшаго *героическаго*, слѣды котораго могутъ до нѣкоторой степени сохраняться въ историческихъ пѣсняхъ. Мое дѣло и заключалось, при изученіи новаго сборника въ связи съ прежними, въ указаніи и малѣйшихъ слѣдовъ героическаго (богатырскаго) эпоса въ малорусскихъ историческихъ пѣсняхъ, называемыхъ думами. Такихъ слѣдовъ, какъ мнѣ представляется, оказывается болѣе въ думахъ, описывающихъ борьбу козаковъ съ татарами, т. е. въ думахъ древнѣйшей (по своей основѣ) формаціи, еще мало успѣвшей отстать отъ пріемовъ богатырскаго творчества. Сюда прежде всего относится дума *о Байдѣ*, подъ которымъ разумѣется выставленный еще положительно, какъ богатырь, герой XVI ст., князь Димитрій Вишневецкій. Онъ, во первыхъ, *гуляетъ* совершенно по богатырски:

Ой пие Байда та не день, не два,
Не одну н'ічку та й не годиночку...

Къ тому же онъ отличается *мѣткой стрѣльбой*, весьма употребительной въ богатырскомъ эпосѣ. Даже повѣшенный за ребро на крюкъ, не смотря на боль,

Стрілив Байда із лука—
Попав царя помежи уха.

(Можно бы при этомъ вспомнить изъ собственно малорусскихъ героевъ „лыцаря Михайлика“, который „пустив з лука стрілу, то стріла і впала у миску татарину“,—если бы не было значительныхъ основаній заподозрить подлинность сказанія о Михайликѣ). Соотвѣтственно своей силѣ и своей умѣлости, Байда одаренъ и выносливостью чисто богатырскою: онъ виситъ на крюкѣ нѣсколько дней, „и не йість и не пие“.

Сами издатели обратили вниманіе на эти свойства Байды. „Встрѣча турецкаго царя

съ Байдою въ кабакѣ, говорятъ они, предложеніе ему въ замужество (т. е. царемъ) своей дочери (при чемъ, замѣчу, Байда отвѣчаетъ ему съ обычною богатырскою откровенностью: „твоя вѣра проклятая, твоя царевночка поганая"), чудесная стрѣльба Байды изъ лука— все это подробности сказочнаго характера (я бы сказалъ: *богатырскаго*, героическаго— встрѣчающагося и въ сказкѣ потому, что многія сказки образовались изъ разложившихся въ прозу былинъ). Подобный характеръ въ южно-русскихъ преданіяхъ имѣютъ только старыя сказки о Кириллѣ Кожемякѣ (въ великорусскомъ изводѣ—Никита Кожемяка), о Михайликѣ (я уже указалъ на подозрительность этого сказанія), о богатырѣ Чоботкѣ (мы видѣли выше, что это малорусское прозвище Ильи Муромца, происшедшее отъ похожденія, позабытаго у Великоруссовъ), прозаическія преданія о Паліѣ и т. п. (Замѣчу, что все здѣсь изчисленное первоначально, конечно, существовало въ видѣ *пѣсенъ*, по строю своему, вѣроятно, подходившихъ къ *былинамъ*). Нѣкоторые варіанты пѣсни о Байдѣ состоятъ почти исключительно изъ такихъ сказочныхъ (т. е. богатырскихъ) подробностей. Сказочный (т. е. опять богатырскій) характеръ этихъ варіантовъ дѣлаетъ ихъ аналогичными съ великорусскими былинами, которымъ знакомъ и образъ богатыря, выходящаго изъ кабака и производящаго стрѣльбою „убійства въ татарскомъ лагерѣ". (Издатели разумѣютъ *Василія Игнатьевича* или *Ваську пьяницу*). Полнаго вниманія заслуживаетъ и толкованіе издателями эпическаго прозвища Дм. Вишневецкаго. „Имя *Байда*, говорятъ они, есть нарицательное прозвище—*гуляка*, *льнтяй* (глаголъ—*байдувати*, *байдикувати*"). Но если такъ, то прозвище это, по смыслу, напоминаетъ въ былинахъ *Потыка* (т. е. потыкающагося, шатающагося бродягу), самый характеръ котораго (по разгулу и мѣткой стрѣльбѣ), а также и его пригвожденье къ стѣнѣ (въ нѣкоторыхъ былинахъ) представляютъ нѣчто общее съ малорусскимъ Байдою. (Можно бы также сблизить Потыка по его имени *Михаилъ* и съ умѣлымъ стрѣльцемъ *Михайликомъ*, если бы не вышеупомянутая заподозрѣнность сказанія о послѣднемъ). Извѣстная измѣна Потыку его жены, отдающейся невѣрному царю, можетъ до нѣкоторой степени быть сближена съ отношеніями къ гетману Богдану его жены въ одной изъ пѣсенъ сборника гг. Антоновича и Драгоманова (стр. 164).

Ой, миленька, миленька, вiдсунься вiд башенька,
Бо я башенька вбйу, а миленьку з собою вiзьму.—

говоритъ ей гетманъ, а она отвѣчаетъ:

Коли бйеш, бий обоє, *бо башенько сердце моє*.

Въ нѣкоторыхъ варіантахъ думы про *бурю на черномъ морѣ* виновникомъ поднявшейся бури является *Алексѣй Поповичъ Пирятинскій*. Онъ, какъ и *Алеша Поповичъ* былинъ, оказывается *въ грамотѣ поученымъ человѣкомъ*, но, не смотря на это, большимъ *грѣховодникомъ*, вслѣдствіе чего и обращаются къ нему съ такими словами:

Славний лицарю і писарю!
Ти ж святе письмо
По тричі на день читаєш
І нас—простих козаків—
На все добро научаєш;
Про що ж ти од нас
Гріхів більше маєш? (Ант. и Драг. 178).

Конечно, эпическое положеніе *Алеши* былинъ и *Алексѣя* думы не сходно, и вслѣдствіе этого, вѣроятно, почтенные издатели сборника и не сближаютъ думы съ былинами объ Алешѣ [1]). Зато эпическое положеніе Алексѣя Пирятинскаго напоминаетъ въ былинахъ *Садку купца*, также опускаемаго въ море,—правда, съ другою цѣлью: ради умилостивленія моря, какъ миѳическаго существа [2]), но въ думѣ, быть можетъ, только скрывается тотъ же мотивъ подъ охристіанствованнымъ видомъ принесенія въ умилостивительную жертву грѣшника. Но Алексѣй думы одною чертою напоминаетъ еще и другое лице, опять (какъ и Садко) принадлежащее не кіевскому, а новгородскому эпосу—*Ваську Буслаева*. Пирятинскій Поповичъ самъ говоритъ про себя:

То там жони старійі стояли...
То я шапки не зняв
І „помагай біг" не дав (Анг. и Драг. 184).

Такое же неуваженіе—уже къ прямому совѣту старыхъ женщинъ—выказываетъ и удалецъ новгородскій, но надо замѣтить, что эта черта, какъ и миѳическая основа былины о Садкѣ, первоначально могла принадлежать и новгородскому и кіевскому эпосу (бытовыя особенности новгородскія выработались уже въ дальнѣйшемъ развитіи былинъ о Садкѣ и Буслаевѣ).

Изъ думъ перваго періода можно отмѣтить еще думы про *Самійла Кішку* и про *козака Голоту*, хотя онѣ и не представляютъ сходства съ тѣмъ или другимъ опредѣленнымъ лицемъ былинъ. Дума о Кішкѣ основана на довольно обычномъ въ богатырскомъ (какъ и въ сказочномъ) эпосѣ *вѣщемъ снѣ* и прославляетъ нерѣдкую въ богатыряхъ *хитрость-мудрость* въ соединеніи со смѣлостью. Въ думѣ же о козакѣ Голотѣ бой его съ татариномъ представляется еще настоящимъ богатырскимъ поединкомъ. Прозванье *Голота*, соотвѣтствующее внѣшности козака, сходно съ обозначеніемъ бѣдныхъ людей въ былинахъ именемъ *голей*. Описывается одежда Голоты, какъ извѣстно, такимъ образомъ:

[1]) Въ нѣкоторыхъ лѣтописныхъ сводахъ, заключающихъ въ себѣ отзвуки древняго эпоса, богатырь Поповичъ называется не *Алексѣемъ*, а *Александромъ*. Но это уже объяснено Л. Н. Майковымъ. „Имена Александръ и Алеша смѣшиваются и сливаются въ одно имя черезъ посредство Олексы, т. е. Алексѣя; случай такого смѣшенія находимъ въ Софійскомъ Временникѣ, гдѣ именно Олекса=Алексѣй принятъ за Александра" (Л. Майкова О былинахъ Владимірова цикла стр. 25).

[2]) Чествованіе моря какъ будто еще слышится въ прозваніи его въ нѣкоторыхъ варіантахъ думы *святымъ*. Кромѣ того, замѣчательно, что козаки тутъ исповѣдуются Черному морю.

.....На козакові шати дорогійі—
Три *семирязі* лихійі:
Одна не добра, друга не гожа,
А третя й на хлів не згожа (Ант. и Драг. 168).

Тутъ слышна иронія, напоминающая ту, съ какою (только въ обратномъ смыслѣ) описываетъ свое имѣньице и свою одеженку Илья Муромецъ:

А со старымъ вѣдь денегъ не годилося—
Всего червонцевъ сорокъ тысячъ...

или:

Одна на мнѣ на старомъ *сермяженька* старая,
Въ три строчки она прострочена:
Первая строка во сто рублей и т. д. (Кир. I, 17).

Въ первомъ отдѣлѣ сборника помѣщенъ издателями любопытный *отрывокъ* пѣсни о *Журилѣ*, записанный впервые для нихъ (и всего въ одномъ варьянтѣ) въ Галичинѣ. Это, по всей вѣроятности, обломокъ той части нашего богатырскаго эпоса, которая первоначально и должна была сложиться именно тамъ, такъ какъ главнымъ ея героемъ является галичанинъ—боярскій сынъ *Дюкъ Степановичъ* (производство его нѣкоторыми варіантами изъ *богатой Индіи* можетъ быть объяснено позднѣйшимъ вліяніемъ *восточныхъ сказаній*, которыхъ участія въ многосложномъ составѣ нашего эпоса я вовсе не отрицаю, но которыми не могу объяснять его *основу*). Противникъ Дюка въ былинахъ—*Чурила*, и онъ то, по всей вѣроятности, и является въ упомянутомъ отрывкѣ подъ слегка только измѣненнымъ именемъ *Журилы*, (въ другомъ варіантѣ, оставшемся не записаннымъ—прямо *Чурило;* при этомъ издатели указываютъ на старый южнорусскій родъ Чуриловъ или Джуриловъ) (стр. 55). Лице это къ тому же сохраняетъ въ отрывкѣ и извѣстныя донжуановскія черты Пленковича:

Iшов Журило з міста,
За ним дівочок триста.

Сами издатели сближаютъ съ этимъ слѣдующіе стихи былинъ про Чурилу Пленковича:

Гдѣ дѣвушки глядятъ, заборы трещатъ,
Гдѣ молодушки глядятъ, лишь оконенки звенятъ.... [1]).

[1]) Въ пѣснѣ о Нечаѣ, замѣчаютъ они, встрѣчается слово *джурило,* какъ синонимъ *джура*—молодой товарищъ козака, пажъ (стр. 56). Въ письмѣ, полученномъ мною уже послѣ съѣзда отъ М. П. Драгоманова, указывается малорусское *преданіе о богатыряхъ, которые сидятъ на границахъ и оборонятъ землю отъ змѣевъ*, а также весенняя игра во вдовца, въ которой *Дунай сватается* (изъ матеріаловъ, оставшихся послѣ покойнаго М. А. Максимовича). Я указалъ уже на это въ моей статьѣ въ апрѣльской книжкѣ „Древней и Новой Россіи" 1875 г.—„Малорусскія народныя думы и кобзарь Остапъ Вересай". Затѣмъ и М. П. Драгомановъ сообщилъ въ подробности и преданіе, и описаніе игры, въ № 9 того же сборника, за тотъ же годъ.

Вотъ, кажется, и все изъ новаго сборника, что подаетъ хотя какой нибудь поводъ къ сближенію съ былинами. Но въ составъ его первой части не могли войти весьма многія думы изъ прежнихъ сборниковъ, между тѣмъ, нѣкоторыя изъ нихъ въ свою очередь могутъ быть отчасти сближаемы съ тою или другою былиной, не смотря на то, что онѣ относятся уже ко второму періоду, когда воспѣвалась борьба козаковъ съ поляками, и когда пріемы богатырской поэзіи все болѣе и болѣе забывались, но все таки не были, можно думать, совершенно забыты. Между этими думами замѣчательна (Зап. о Южной Руси, I, 207 и слѣд.) большая о *Ганджѣ Андыберѣ*, который по внѣшности и пріемамъ является какъ бы дальнѣйшимъ развитіемъ козака Голоты. Не узнанный въ своихъ „трехъ сіромязяхъ“ и своей „опанчині рогозовій“ гордыми ляхами—*Дуками-сребляниками* (мимоходомъ замѣтьте, что эти богатые *дуки* напоминаютъ своимъ названіемъ богача *Дюка* Степановича), обходящимися съ нимъ крайне непочтительно, онъ совершаетъ надъ ними расправу, напоминающую образъ дѣйствій Ильи Муромца на пиру у неузнавшаго его князя Владиміра. Дума, быть можетъ, представляетъ переработку стараго эпическаго мотива въ примѣненіи къ иной обстановкѣ и новымъ историческимъ обстоятельствамъ. Еще болѣе позднюю переработку старыхъ эпическихъ отношеній обиженнаго богатыря къ обидчику князю представляетъ, можетъ быть, малорусское сказаніе о Петрѣ Великомъ и Паліѣ. Первый является тутъ въ положеніи обидчика князя Владиміра, второй—въ положеніи обиженнаго и вдругъ понадобившагося князю Ильи Муромца.

„Чи нема́ в нашому царству такого чоловіка, щоб знав, як одоліть Мазепу?—Есть у нас такий чоловік—Семен Палій.—„Нема́ Палія, страчений.—Ні, царю, жив, т'ілько на Сибірі“.

Добываютъ оттуда Палія, но онъ, опять подобно старому богатырю Владимірову, предлагаетъ свои условія для мировой, и къ тому же, опять подобно ему, условія выгодныя вовсе не для него лично: „Не плюндруй, каже, гетманщини“.—Ну, каже, добре, для тебе дарую“. (Зап. о Ю. Руск. I, 123). Сами издатели, какъ мы видѣли, относятъ это сказаніе къ числу тѣхъ, въ которыхъ усматривается ими характеръ, какъ они выражаются, *сказочный*, отличающій эти сказанія отъ историческихъ думъ и сближающій ихъ съ богатырскими былинами. Чисто богатырскою силою надѣлено наконецъ въ одномъ изъ позднѣйшихъ сказаній лице, выставляемое современникомъ Екатерины II—*козакъ Васюриньскій*“. (Зап. о Южной Руси, I, 141—166) „Знаєте, той був такий сильний, що як причащається, то чотирі чоловіка держать попа, щоб не впав од духу“. Въ такой совершенно особенной формѣ этихъ проявленій необычайной силы слышна уже какая то изысканность и сдѣланность. Въ данномъ случаѣ едва ли слышится отзвукъ стараго творчества, а скорѣе тутъ надо видѣть позднѣйшее заимствованіе изъ чудесной области на этотъ разъ уже дѣйствительно *сказокъ* (хотя губительная сила дыханія встрѣчается и въ былинѣ о Святогорѣ). Такое преувеличеніе козацкой силы понадобилось для отпора

москалямъ, которые пришли „Січ жакувати“. Но искуственная придуманность этой силищи, сообщающейся самому дыханію, видна изъ того, что она лишена неотразимаго дѣйствія настоящей богатырской силы. Напрасно Васюринській проситъ атамана, „щоб т'ілько позволено ёму стати на башті: „ми, каже, станемо з кулаками, то ні спис, ні куля не візьме“. Но выходитъ не такъ: „Опісля, як побачили, що Москва вже все позабірала, то сіло йіх *сорок тисяч* на човни, та й пойіхали до турка“.

Число уплывающаго съ Васюриньскимъ войска—*сорокъ тысячъ*—число довольно часто встрѣчающееся въ думахъ, но оно же, какъ извѣстно, весьма обычно и въ былинахъ. Встрѣчая то же число и во многихъ восточныхъ сказаніяхъ, г. Стасовъ считалъ и это однимъ изъ доводовъ въ пользу восточнаго происхожденія былинъ. На самомъ же дѣлѣ, кажется, число это надо считать одною изъ принадлежностей богатырскаго эпоса вообще; его можно отыскать и на Западѣ. Въ думахъ встрѣчается еще и другое число—именно *тридцать*—обозначающее *срокъ заточенія* и употребительное въ этомъ же самомъ смыслѣ у разныхъ народовъ въ героическомъ эпосѣ (или же въ близкомъ къ нему смыслѣ *сидѣнія сиднемъ*). Въ думѣ о *Марусѣ Богуславкѣ*, вошедшей въ сборникъ гг. Антоновича и Драгоманова стр. 230 освобождаемые ею плѣнники запорожскіе сидятъ въ неволѣ также цѣлыхъ *тридцать* лѣтъ. То же число попадается и въ думѣ о *Самійлѣ Кішкѣ;* тутъ говорится про Ляха Бутурлака, что онъ

....був *тридцять* літ у неволі,
Двадцять чотирі як став на волі...

Самъ же герой думы въ концѣ ея говоритъ про себя и про своихъ сотоварищей:

Були пятдесят чотирі годи у неволі...

Но издатели замѣчаютъ объ этомъ: число 54 составлено изъ двухъ эпическихъ чиселъ—30 и 24 (стр. 228). Еще замѣчательнѣе встрѣчающійся, хотя и рѣдко, въ думахъ, *трехдневный срокъ боя*, срокъ, дѣлающій подобный бой уже чисто богатырскимъ. Столько именно длится онъ (въ нѣкоторыхъ варіантахъ) между Ильей Муромцемъ и его сыномъ. Въ думахъ подобный срокъ боя уцѣлѣлъ въ примѣненіи даже къ герою относительно поздней поры—*Морозенку*.

За моїми воротами татарин з козаком бйеться,
Ой бйеться він три дни, бйеться *три дні* й *три години..* (Метл. 410).

Такая же точно надбавка еще *и часовъ* встрѣчается иногда и въ былинахъ. Совершенно подобно героямъ былинъ, расправляются единолично со множествомъ вражьей силы и нѣкоторые герои думъ; при этомъ опять надо замѣтить, что разительнѣйшіе случаи этого рода оказываются уцѣлѣвшими именно въ думахъ втораго (т. е. польскаго) періода, хотя попадаются также и въ думахъ періода перваго (т. е. татарскаго). Такъ, даже двѣнадцатилѣтокъ *Иванъ Коновченко* (по возрасту и зарывчивости онъ соот-

вѣтствуетъ *Ермаку* въ былинахъ; двѣнадцати же лѣтъ совершаетъ нѣкоторые подвиги и Добрыня)

Двадцять татар перед міч приняв,
Шість на аркан звязав (Максим., 54).

А по другому варіанту еще и болѣе:

Турок *пйатдесят* під міч узяв,
Девйатеро живцем ізвязав (Метл. 420).

Но еще размашистѣе работаетъ оружіемъ *Перебийн'іс:*

Ой не вспів же та козак Перебийн'іс та на коня спасти,
Як узяв ляхів, вражих син'ів, у *снопи класти;*
Ой як оглянеться козак Перебийн'іс та на ліве плече—
Аж із під Дашева та до Волохова *кривавая річка тече:*
Ой оглянеться та козак Перебийн'іс та на правую руку—
Аж не вискочить ёго буланенький із під лядського трупу;
Ой оглянеться козак Перебийн'іс та на джуру малого—
Аж кладе джуро, кладе малий, ще лучче за нёго (Метл. 401, 406).

„Ой, бережися, Перебийн'іс, від гори Шамати!"
—Не боюся від горы Шаматы:
„Есть у мене козаченьки, *один буде сотню гнати*" (402).

Не плоше въ богатырскомъ смыслѣ и *Нечай:*

Не вспів козак, не вспів Нечай на коника сісти,
Як взяв ляшків, як взяв панків, *як капусту сікти.*
Обернувся козак Нечай од брами до брами,
Виклав ляшків, виклав панків *у чотирі лави.*
Оглянувся козак Нечай на правую руку,—
Не вискочить кінь козацький із ляцького трупу (Метл. 407).

Наконецъ, въ нѣкоторыхъ варіантахъ думы о *Саввѣ Чаломъ* уже прямо неимовѣрной цыфрой убитыхъ обозначается его боевая удатность:

Ой не вспів же та пан Сава
На коника сісти;—
Було ляхів сорок тисячь,—
Зосталося двісті.

(„*Зап. Старина*". Замѣчу, что если многія думы этого стараго сборника теперь заподозрѣны, то дума о Саввѣ не принадлежитъ къ числу ихъ, такъ какъ она попадается и въ другихъ сборникахъ). (См. статью Н. И. Костомарова въ В. Европы 1874 г.).

Конечно, подобнаго рода черты и пріемы въ думахъ составляютъ только исключенія, которыя я и позволяю себѣ считать за слѣды героическаго періода творчества въ произведеніяхъ періода историческаго. Думы, по господствующимъ въ нихъ чертамъ, при-

надлежать, конечно, этому послѣднему. Дѣйствующія въ нихъ лица вообще уже весьма близки къ обыкновеннымъ людямъ, и враги, съ которыми они ведутъ борьбу, такіе же люди, не состоящіе вовсе въ союзѣ съ какою нибудь чудовищной силой въ родѣ Змѣя Горыныча, Тугарина Змѣевича или Идолища поганаго. Но и въ былинахъ, на ряду съ такими чудовищными врагами, являются, какъ извѣстно, и прямые историческіе враги Руси—по преимуществу Татары. Думы перваго періода характеризуютъ ту же нескончаемую борьбу съ ними, только уже позднѣйшіе фазисы этой борьбы; думы втораго періода —борьбу съ Поляками; но тѣ и другія характеризуютъ борьбу съ непріятелемъ красками уже близкими къ дѣйствительной жизни, къ *былинамъ* въ прямомъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ *былей*, какъ это понимается въ „Словѣ о полку Игоревѣ", съ которымъ, поэтому, думы и находятся въ извѣстной связи. Но если литературно-поэтическій памятникъ XII вѣка, при всемъ умышленномъ стремленіи своего неизвѣстнаго *автора* къ дѣйствительности, не обошелся однако же и безъ „боянова замышленія", то тѣмъ труднѣе было совершенно обойтись безъ него въ думахъ—произведеніяхъ все же не лично сознательнаго, а коллективно-инстинктивнаго творчества. *Историческая стихія* сказалась въ думахъ съ несравненно большею чистотой, чѣмъ она начинала сказываться въ героическомъ эпосѣ, тѣмъ не менѣе думы—все же не вполнѣ историческая поэзія. Въ нихъ прежде всего недостаетъ многихъ историческихъ лицъ, многихъ, исторически важныхъ, моментовъ борьбы съ врагами [1]). Правда, многое могло въ свое время быть и потомъ изчезнуть, но въ такомъ случаѣ замѣчательно уже и то, что исторически болѣе важное изчезло, т. е. позабылось, ранѣе многаго другаго. Замѣчательно, что, при отсутствіи въ думахъ (по крайней мѣрѣ теперь) многихъ историческихъ лицъ, въ нихъ такъ живо держатся многія другія, мало или и вовсе не извѣстныя въ исторіи. Думы наконецъ нерѣдко рисуютъ событія просто изъ частной жизни, отражающія въ себѣ только общія черты быта временъ козачества. Онѣ, стало быть, могутъ быть названы историческою поэзіею козачества собственно въ самомъ широкомъ смыслѣ: въ нихъ—всѣ положенія, испытанныя народомъ въ эту пору, вся ея „злоба" и все ея горе, отчасти лишь растворенное *радостями*, столь же неотъемлемыми у человѣка, какъ и солнечный свѣтъ у природы хотя бы и въ самую печальную пору года. И все это выставлено въ думахъ на столько близко къ дѣйствительности, что невольно вызываетъ непосредственное участіе чувства и у самихъ пѣвцовъ, и у слушателей. Отсюда тотъ *лиризмъ* думъ, который такъ рѣзко отличаетъ ихъ строй отъ *эпическаго спокойствія*, господствующаго въ былинахъ именно оттого, что герои этихъ послѣднихъ слишкомъ далеки отъ обыкновенныхъ людей (хотя нѣкоторыя проявленія лиризма попадаются и въ былинахъ, какъ и въ героическомъ эпосѣ вообще;

---

[1]) Нѣкоторыя думы, касающіяся важныхъ историческихъ лицъ и событій, въ послѣднее время, какъ извѣстно, заподозрѣны.

народная поэзія въ сущности не знаетъ той полной несмѣшанности поэтическихъ родовъ, которая собственно и существовала только въ старыхъ эстетикахъ).

Таковы существеннѣйшія особенности думъ, этого болѣе поздняго вида южно-русскаго эпическаго творчества, сравнительно съ тѣмъ его древнѣйшимъ героическимъ видомъ, который еще ясно проглядываетъ и теперь въ былинахъ сквозь всѣ наслоенія великорусской формаціи, какъ я старался это обстоятельнѣе доказать въ моемъ большомъ трудѣ о богатырствѣ кіевскомъ. Сравнивать думы съ древнѣйшей южно-русской основой былинъ значитъ сравнивать, т. е. сопоставлять два различныхъ періода одного и того же творчества. Присвоивать собственно Великоруссамъ весь богатырскій нашъ эпосъ съ его корнемъ значило бы отнимать у братьевъ Малоруссовъ право на то, чтó составляетъ добро *обще-русское*. Хотя бы не только мнѣ, но и послѣ меня другимъ не удалось отыскать въ самой Малороссіи существенныхъ слѣдовъ древнѣйшаго нашего эпоса,—это пришлось бы продолжать объяснять только тѣмъ (въ первый разъ, какъ извѣстно, такое объясненіе было предложено Н. И. Костомаровымъ), что позднѣйшее творчество, увлекшись современными подвигами козачества, невольно оторвалось отъ миѳическихъ, по основѣ, хотя и сведенныхъ потомъ на родную землю, но все же сверхчеловѣческихъ подвиговъ богатырства.

Но почтенные составители новаго сборника въ первомъ отдѣлѣ его помѣстили пѣсни, отчасти впервые у нихъ появляющіяся и почитаемыя ими (по основѣ, конечно) произведеніями поры, задолго предшествовавшей не только козачеству, но и самому татарскому игу. Относительно этого отдѣла издатели замѣчаютъ въ предисловіи: „Доказывая, какъ мы думаемъ, ясно, что на югѣ Руси, въ той самой странѣ, гдѣ сосредоточивалась исторія Руси домонгольской, остались яркіе слѣды этой исторіи въ народной поэзіи, хотя и не въ формѣ былинъ великорусскихъ, но въ формѣ, безспорно, глубоко древней и національной, пѣсни, приводимыя въ нашей первой части, и другія въ такомъ родѣ, которыя могутъ быть открыты или указаны другими изслѣдователями, должны быть принимаемы во вниманіе прежде всего при обсужденіи вопроса о древнѣйшемъ русскомъ героическомъ и историческомъ эпосѣ и о древности и національности самихъ великорусскихъ былинъ". Хотя существенныя черты этихъ пѣсенъ и были уже приведены и освѣщены именно въ этомъ смыслѣ Н. И. Костомаровымъ (въ послѣдней книжкѣ прекратившагося журнала: „Бесѣда"), систематическое помѣщеніе ихъ цѣликомъ въ сборникѣ является уже дѣломъ самихъ достоуважаемыхъ В. Б. Антоновича и М. П. Драгоманова, и потому-то, мнѣ кажется, они и увлеклись этими пѣснями болѣе, чѣмъ бы слѣдовало. Я позволяю себѣ объяснять это именно своего рода собирательскимъ самолюбіемъ, психологически столько же понятнымъ и извинительнымъ, какъ и любовь къ сыну или даже къ крестнику. Я оставляю рѣшительно въ сторонѣ вопросъ о древности этихъ пѣсенъ самой по себѣ, такъ какъ считаю ихъ не проливающими ни малѣйшаго свѣта на воп-

росъ о древности и національности нашихъ былинъ—*великорусскихъ* по своей теперешней формѣ, *южно-русскихъ* по своей основѣ, *общерусскихъ* по широтѣ своего значенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ я считаю эти „пѣсни вѣка дружиннаго и княжескаго“ совершенно несоизмѣримыми и съ самыми думами. Пѣсни эти—древни онѣ или нѣтъ—по духу нѣчто совершенно особое, какъ того и слѣдуетъ ожидать уже на основаніи слѣдующихъ словъ самихъ издателей въ предисловіи: „Хотя подъ болѣе или менѣе аристократическою дружиною на Руси пользовались болѣе или менѣе сильнымъ значеніемъ и народныя общины, но дружина, какъ наиболѣе активная часть населенія, очевидно, превосходила другія части въ творчествѣ пѣсенъ политическаго характера,—почему мы и должны были дать первой части пѣсенъ нашего сборника заглавіе: „Пѣсни вѣка дружиннаго и княжескаго“. Я не стану разбирать, дѣйствительно ли *княжеская* дружина (тутъ разумѣется, очевидно, она), по своей *активности* (вѣрнѣе бы было сказать—*подвижности*; я, по крайней мѣрѣ, не вижу, почему бы вѣча въ древнемъ періодѣ отличались меньшей активностью),—дѣйствительно ли она вслѣдствіе подобнаго свойства *превосходила* другія части населенія и въ творчествѣ политическихъ пѣсенъ;—дѣло не въ этомъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что княжеско-дружинный эпосъ существовалъ; многое изъ него, какъ уже давно замѣчено, вошло въ нашу лѣтопись. Допустимъ, что отзвуками того же дружиннаго эпоса, до сихъ поръ уцѣлѣвшими у народа, (къ которому они, если оно такъ, должны были перейти отъ пѣвцовъ-дружинниковъ), допустимъ, что таками отзвуками слѣдуетъ считать пѣсни, помѣщенныя въ первомъ отдѣлѣ нашего сборника;—онѣ будутъ тогда очень цѣнны въ смыслѣ археологическомъ, но всетаки несоизмѣримы ни съ нашимъ древнимъ богатырскимъ эпосомъ, ни съ позднѣйшимъ козацкимъ, потому что тотъ и другой отличаются *земскимъ*, а не *княжески-дружиннымъ* характеромъ. Пѣсни, такъ высоко ставимыя гг. Антоновичемъ и Драгомановымъ, рисуютъ исключительно отношенія къ князьямъ (а можетъ быть иногда и просто къ *панамъ*) ихъ служилой дружины, разсчитывающей исключительно на добычу. Мысли о какой либо службѣ *землѣ* тутъ и въ поминѣ нѣтъ, той мысли, которая, составляя основу эпоса древне-кіевскаго, сказывается и въ козацкомъ, подобно тому какъ она ясно сказалась и въ „Словѣ о полку Игоревѣ“, не смотря на то, что въ авторѣ его основательно предполагаютъ члена княжеской дружины. Дѣло въ томъ, что этотъ послѣдній литературно-поэтическій памятникъ сложился уже въ такую пору, когда и самыя княжескія дружины прониклись до извѣстной степени мыслію и о *земскомъ служеніи*, какъ это можно видѣть по лѣтописямъ. Пѣсни, выдѣленныя въ нашемъ сборникѣ въ первый отдѣлъ, или *еще* не знаютъ объ этомъ земскомъ служеніи (какъ не знаетъ о немъ и дружинный эпосъ, вошедшій въ древнѣйшую часть лѣтописи), или же эти пѣсни или нѣкоторыя изъ нихъ *уже* не знаютъ о такомъ служеніи, изображая то *наемничество*, въ какое вырождалось порой и мѣстами козачество. Какъ бы то ни было, пѣсни эти не имѣютъ ничего общаго ни съ остальными пѣснями сборника, выставляющими

козачество, какъ воинственное братство съ выборнымъ предводителемъ, ведущее брань за родную свою Украину и за христіанскую вѣру, ни съ древне-кіевскимъ героическимъ эпосомъ, рисующимъ намъ на сторожевой заставѣ *дружину земскую*, во главѣ которой стоитъ крестьянинъ, единственно ради земли сдающійся и на челобитье княжеское. Этотъ земскій характеръ нашего богатырскаго эпоса съ главенствомъ въ немъ крестьянскаго сына, при остающемся совершенно въ тѣни, даже не предпринимающемъ походовъ, а только пирующемъ князѣ,—заставляетъ приписывать созданіе древнихъ эпическихъ пѣсенъ не той части населенія, которая „превосходила другія въ творчествѣ пѣсенъ политическаго характера", не этой, якобы передовой дружинѣ, а *простому народу*. Этимъ-то, между прочимъ, какъ старался я показать въ моей книгѣ, нашъ героическій эпосъ и отличается отъ западно-европейскаго, который, хотя и былъ первоначально устнымъ, но не былъ чисто-народнымъ, т. е. создавшимся въ самомъ народѣ и сказывавшимся для него. Этотъ взглядъ мой не нравится, между прочимъ, Ѳ. И. Буслаеву, но пока онъ, какъ и другіе мои бытовые выводы, отрицается лишь голословно, безъ внимательнаго разбора тѣхъ данныхъ, на которыхъ они у меня опираются, я буду въ правѣ считать мой взглядъ не опровергнутымъ. Но и думы, по моему, надо считать *народными*—въ той же мѣрѣ, въ какой народно было само козачество. Въ козацкомъ эпосѣ, какъ и на первомъ планѣ въ эпосѣ древне-героическомъ, мы не видимъ той служилой дружины княжеской, раздача которой добычи составляетъ единственное—весьма, стало быть, не богатое содержаніе пѣсенъ дружинно-княжескаго отдѣла нашего сборника. Въ былинахъ существуютъ только нѣкоторые намеки на то, что у Владиміра есть какая-то своя особенная дружина;—та сторожевая богатырская, членовъ которой онъ вездѣ „ищетъ-спрашиваетъ", служитъ въ сущности не ему, а землѣ. Если онъ жалуетъ иногда городами и селами, то это, я полагаю, уже наслоенье московской поры съ ея *помѣстной раздачей*. Владиміръ нимало не походитъ на князя-дружинника уже потому, что вовсе не совершаетъ походовъ; за нимъ сохранилась только одна, и притомъ самая несочувственная черта этого стараго типа—то сребролюбіе, до котораго порою не допускаетъ его Илья Муромецъ. Былинный племянникъ Владиміра, Добрыня Никитичъ, имѣетъ свою дружину служилую, но объ ней почти только и сказывается, что она ему „нагрѣваетъ воду" передъ купаньемъ. Къ тому же это не мѣшаетъ Добрынѣ самому состоять членомъ земской дружины подъ главенствомъ Ильи Муромца и считаться младшимъ названнымъ братомъ этого богатыря-крестьянина. Во главѣ уже совершенно *работной* дружины стоитъ Соловей Будиміровичъ,—но онъ вѣдь богатырь не *нашъ*, а *заѣзжій*. Въ число *нашихъ* богатырей поступаетъ, правда, задарившій Владиміра Чурило Пленковичъ, но онъ до конца остается не милъ народу кіевскому и его главному стоятелю оберегателю Ильѣ Муромцу, потому, что имѣлъ свою дружинушку, наѣзжалъ съ нею прежде на Кіевъ и въ немъ насиловалъ; оттого то и рады Кіевляне торжеству надъ этимъ, до конца не своимъ для нихъ, насильникомъ ще-

големъ заѣзжаго Дюка, котораго, не смотря на его боярство, эпосъ не надѣлилъ особой дружиной. Настоящими предводителями своей служилой дружины являются оба героя Новгородскихъ былинъ—Садко купецъ, какъ дружинникъ-торговецъ и мореплаватель, напоминающій заѣзжаго Соловья Будиміровича, а въ особенности Васька Буслаевъ, становящійся во главѣ своей безшабашной дружины губительнымъ супротивникомъ цѣлаго Новгорода и этимъ составляющій прямую противоположность первенствующей личности эпоса кіевскаго, Ильи Муромца. Душа богатырства кіевскаго, его, такъ сказать, средоточіе нравственное (Владиміръ со своей гридницей—столовой составляетъ только средоточіе внѣшнее), Илья является главою настоящей *земской дружины*—съ характеромъ не начальника-нанимателя, а излюбленнаго предводителя, дѣйствующаго, обыкновенно, по общему совѣту и считающаго избытокъ силъ не столько дающимъ права, сколько налагающимъ обязанности. Но Илья богатырь не даромъ величается *атаманомъ*, иногда же и просто *козакомъ;* не даромъ встрѣчаются въ былинахъ и другія принадлежности козацкой терминологіи. Онѣ заимствованы, надо думать, не у украинскаго козачества, а у волжскаго и донскаго,—въ ту пору, когда былины были занесены на Волгу и тамъ продолжали перерабатываться. Но козачество представляло и бытовыя черты, принадлежавшія ему *повсемѣстно* вмѣстѣ съ нѣкоторыми общими терминами, а козацкому наслоенію вообще было къ чему пристать въ издавнемъ богатырскомъ эпосѣ: поставленная въ немъ напередъ сторожевая дружина богатырская, постоянно выжидавшая супротивниковъ изъ татарщины, являлась какъ бы идеальнымъ первообразомъ [1]) того козацкаго военнаго братства, которое достигло такого развитія въ XVI и XVII вв., въ виду неупразднявшейся необходимости постоянно сдерживать силу вражью. Но старый козакъ Илья Муромецъ, какъ лице идеальное, не можетъ не представлять многихъ нравственныхъ преимуществъ, сравнительно съ героями козацкихъ думъ, стоящихъ такъ близко къ дѣйствительности. Илья, не смотря на свое атаманство, самъ постоянно служащій землѣ, не знаетъ никакого слуги (тогда какъ у нѣкоторыхъ богатырей есть свои *паробки*;—обратите мимоходомъ вниманье на это слово, употребительное въ Малороссіи). Въ думахъ подобный отрокъ-слуга (подъ именемъ *чуры* или *джуры*) отчасти похожій на пажа у западныхъ рыцарей, становится уже непремѣнною принадлежностью каждаго „лыцаря"—козака. Вѣрность своему господину составляетъ главную добродѣтель такого служилаго отрока:

Чу́ро мій, чу́ро, вірний слуго!
Коли ти будеш вірно пробувати,
Будуть тебе козаки поважати! (Максим. 7).

---

[1]) Впрочемъ, въ основѣ ея надо видѣть историческую сторожевую заставу, заложенную еще при Владимірѣ.

Идеальный предводитель земской богатырской дружины, не смотря на постоянное полеванье, постоянно отказывается отъ *зарабочаго,* въ какомъ бы соблазнительномъ видѣ ни представлялось оно. Въ дѣйствительности постоянно воинственный образъ жизни неизбѣжно развиваетъ жажду добычи; поэтому она не могла не развиться и у козаковъ, а думы, при своей близости къ дѣйствительности, и выставляютъ ихъ порою добычелюбивыми. Если попадающееся въ думахъ слово *плюндровати* не имѣетъ у малоруссовъ настоящаго смысла нѣмецкаго *plündern* (=грабить), а значитъ только *разрушать,* то указанія на прелесть добычи все же встрѣчаются въ думахъ [1]). Такъ, напримѣръ, въ думѣ о *трехъ Азовскихъ братьяхъ,* когда средній, жалѣя о покинутомъ на дорогѣ младшемъ, проситъ старшаго изорвать свой дорогой жупанъ и раскидать куски его для указанья пути покинутому, старшій съ жалобнымъ удивленіемъ спрашиваетъ:

Чи подобенство, мій брате,
Щоб я свое добро турецьке на шляху покидав....

(т. е. этотъ жупанъ, очевидно, составляетъ часть добычи, взятой у Турокъ и дорогой для взявшаго). Идеальный предводитель земской богатырской дружины не стремится даже и къ личной славѣ; она нужна ему единственно, какъ острастка для враговъ земли. На самомъ же дѣлѣ постоянно боевая жизнь должна была привести къ тому, что слава стала цѣниться и *сама по себѣ;* и вотъ жизненная правда думъ и приписываетъ козакамъ стремленье—„слави-лицарьства козацькому війску доставати". Какъ ни груба по самымъ свойствамъ богатырской природы поэзія героическая,—проникающая въ нее бытовая идеализація способна вырабатывать въ ней черты, трогающія своей человѣчностью. Такъ, тяжеловѣсные, неотразимо прорубающіе себѣ сквозь рать вражескую улицы и переулочки, богатыри наши однако же избѣгаютъ „напрасной крови". Дѣло въ томъ, что если, по свидѣтельству „Слова о полку Игоревѣ", бывало у насъ и такъ, что рѣдко раздавались въ полѣ крики ратаевъ, а постоянно каркали вороны, сбирающіеся на добычу, то такъ оно было *не по своей охотѣ,* а потому, что слишкомъ часто нападалъ, не справляясь, конечно, съ порою года, дикій Половчанинъ и истреблялъ, по свидѣтельству Мономаха въ лѣтописи, и крестьянъ, и ихъ пашню. Народъ, которому только поэтому приходилось не разставаться съ оружіемъ, хотя собственный обычай его, по замѣчанію Нестора о Полянахъ, былъ „кротокъ и тихъ",—приписалъ и богатырямъ, завѣщаннымъ ему стариною миѳической, по преимуществу *оборонительную* войну, войну—какъ *средство,* а не какъ *цѣль.* Но на самомъ дѣлѣ, конечно, продолжительная, хотя бы и вынужденная, воинственность, должна была мало по малу развить *привычку къ войнѣ,* при которой уже не такъ трудно было изъ *оборонительнаго* положенія переходить въ *наступательное.* Такъ

[1]) Стремленіе къ ней проявляется кое-гдѣ и въ былинахъ, но я въ моей книгѣ усматриваю тутъ *наслоенье козацкое.*

оно вышло съ козачествомъ—и вотъ выражающія историческую правду его временъ поэтическія думы, обыкновенно, и представляютъ намъ козаковъ уже совершенно втянувшимися въ войну, повидимому, ради самой войны, или, по крайней мѣрѣ, ради ея добычи и славы. При этомъ теряетъ отчасти силу мысль о землѣ съ ея вдовами и сиротами (указаніемъ на которыхъ думаетъ особенно тронуть богатыря Владиміръ князь); козачество иногда представляется защищающимъ какъ бы только само себя, свое братство воинственное съ его стародавнею независимостью. Правда, рядомъ со „славнымъ запорожскимъ войскомъ" часто упоминается въ думахъ и „славная Украина",—но уже собственно она, а не вся земля свято-русская, обороняемая богатырями въ былинахъ. Исторія, дѣйствительно, ослабила связь козачества съ *цѣлой* русской землей, такъ что сдѣлалось наконецъ возможнымъ и самое ратованье козаковъ подъ знаменемъ Польши противъ Московскаго государства. Неразрывною оставалась собственно связь по вѣрѣ и по общей ненависти къ „нехристямъ", ясно сказывающаяся и въ думахъ вдохновеннымъ призывомъ: „за віру християньскую одностойне стати".

Общимъ типическимъ чертамъ козаковъ въ думахъ я противопоставлялъ въ богатырскомъ эпосѣ идеальныя черты по преимуществу одного лица—первенствующаго между богатырями (въ думахъ подобной первенствующей личности нѣтъ, и онѣ нимало не связываются въ одно цѣлое). Но, кромѣ „стоятеля и оберегателя" вдовъ и сиротъ, отвергающаго заработчее и не желающаго даже славы, опасающагося „напрасной" крови, не знающаго слуги, теряющагося среди голей, проучивающаго обидчика князя, но незлобиво съ нимъ примиряющагося *ради земли*, Ильи-атамана, кромѣ этого лица, которое, несмотря на мало податливую грубость первоначальной подкладки миѳически-богатырской (сохранившейся, напримѣръ, въ похожденіи съ Соловьемъ) оказывается въ такой высокой степени очеловѣченнымъ, въ былинахъ есть и другое лице, также оказывающееся, несмотря, напримѣръ, на свои совсѣмъ уже нелюбезныя отношенія къ Бабѣ-Горынинкѣ [1]), идеальнымъ представителемъ быта „кроткихъ и тихихъ" Полянъ. Это младшій названный братъ Ильи, отличающійся по преимуществу „вѣжествомъ", Добрыня Никитичъ, безстрашно сразившійся со Змѣемъ Горыничемъ и потоптавшій его змѣенышей, а между тѣмъ тяготящійся своимъ богатырствомъ, обращающійся къ своей государынѣ матушкѣ со слѣдующей заунывной жалобой:

Ты на что меня, Добрынюшку, несчастнаго спородила?
Спородила бы, государыня матушка,
Ты бы бѣленькимъ горючимъ меня камешкомъ,
Завернула въ тонкій во льняной во рукавичекъ,
Спустила бы меня во сине море:
Я бы вѣкъ Добрыня въ морѣ лежалъ,

[1]) Подсказываемыя ему, впрочемъ, самимъ Ильей Муромцемъ.

Я не ѣздилъ бы Добрыня по чисту полю,
Я не убивалъ Добрыня неповинныхъ душъ,
Не пролилъ бы крови я напрасныя,
Не слезилъ Добрыня отцевъ-матерей,
Не вдовилъ Добрыня молодыихъ женъ,
Не пускалъ сиротать малыхъ дѣтушекъ.

Ничего подобнаго, повидимому, мы уже не встрѣчаемъ въ думахъ, представляющихъ намъ даже въ лицѣ *малолѣтка* Ивана Коновченка прямую противоположность этой сторонѣ Добрыни. Дѣйствительно, не смотря на всѣ старанія матери удержать его отъ ранняго поступленія въ „охотное запорожское войско" (черта материнской любви, встрѣчающаяся въ эпосѣ разныхъ народовъ), Иванъ Коновченко, боясь, что станутъ смѣяться надъ нимъ, какъ надъ „гречкосіемъ", умѣетъ дорваться до желанной цѣли—боевой жизни—и становится, дѣйствительно, „охотною" жертвой своей зарывчивости (напоминая, впрочемъ, какъ уже замѣчено было выше, богатырскаго малолѣтка былинъ—Ермака, пожалованнаго нашимъ эпосомъ въ племянники Ильѣ Муромцу). Но если обратить вниманье на то, что несчастье нерѣдко является въ пѣсняхъ народныхъ слѣдствіемъ неповиновенія волѣ родительской, то и гибель Ивана Коновченка представится намъ наказаньемъ ему за неповиновеніе матери. Въ думѣ „О бурѣ на черномъ морѣ" мысль о пагубности такого неповиновенья выражается уже совершенно ясно; въ нѣкоторыхъ варіантахъ ея, братья, терпящіе крушеніе, говорятъ: „нам отець—мати позволяли *одному* въ військо виступати, а *другому дома хліба пахати*". А они оба пошли въ войско и терпятъ за то бѣду. И въ другихъ думахъ нерѣдко сказывается мысль, что поступленіе въ запорожское войско безъ родительскаго благословенія не ведетъ къ добру. Но думы высказываютъ не только стремленіе родителей, по возможности, удержать при себѣ дѣтей, но и порываніе самихъ оставившихъ семью козаковъ обратно подъ родную сѣнь. Какъ ни сильно сказывается въ думахъ боевое товарищество, оно часто является невознаграждающимъ за разлуку съ семьей и ея мирною домашнею обстановкой. Члены съѣзда имѣли случай слышать нѣсколько прекрасныхъ думъ отъ кобзаря Вересая: не трудно было замѣтить въ нихъ преимущественное развитіе начала семейнаго. Положимъ, можно видѣть тутъ *выборъ*, сдѣланный личнымъ вкусомъ пѣвца. Но и самая возможность *такого* выбора въ пѣсняхъ, первоначально сложившихся въ воинственную пору козачества, прямо говоритъ о томъ, что его поэзія не стала вполнѣ воинственною. Между тѣмъ начало семейное сказывается очень сильно не только у Вересая, но и въ думахъ вообще. А та мягкость ихъ тона, та глубокая заунывность пѣнія, которая, какъ говорятъ знатоки, постоянно слышна въ выполненіи думъ? Меня, по крайней мѣрѣ, она поразила и заставила во многихъ отношеніяхъ совершенно иначе смотрѣть и на ихъ содержаніе, найти въ немъ гораздо болѣе человѣчности, чѣмъ оно представлялось мнѣ при

простомъ чтеніи. Такъ и послышалось мнѣ въ этихъ глубоко-унылыхъ и задушевно-томящихся звукахъ что-то музыкально-выражающее ту же самую жалобу, которая непосредственно сказывается въ вышеприведенныхъ словахъ богатыря Добрыни. Видно, все-таки не совсѣмъ то было *охотнымъ* это пребыванье въ „охотномъ" запорожскомъ войскѣ, если подобнымъ тономъ отзываются пѣсни, превозносящія боевую судьбу Украины! Итакъ, не только нашъ старый богатырскій эпосъ (при всей неизбѣжной грубости основы, пріемовъ и красокъ, свойственной всякому богатырскому эпосу, такъ рѣшительно поддавшійся смягчительной идеализаціи), но и позднѣйшій украинскій эпосъ, не смотря на суровыя стороны той боевой дѣйствительности, которую онъ отражаетъ такъ вѣрно и при такой малой долѣ идеализаціи,—свидѣтельствуетъ о томъ, что воинственность, не смотря ни на что̀, все-таки не вошла въ плоть и кровь русскаго народа, не изгладила въ немъ до конца того „тихаго и кроткаго обычая", при которомъ, какъ это ни противорѣчитъ мнѣнію, сложившемуся о насъ на западѣ, воинственная политика *сама по себѣ* никогда не будетъ у насъ популярна.

Но у нѣмецкихъ писателей мы встрѣчаемъ, съ другой стороны, и признаніе—т. е. за славянами вообще—того, что̀ они называютъ *женственностью;* въ сущности—это тотъ же, подмѣченный Несторомъ у Полянъ, „обычай кротокъ и тихъ". Только мы, русскіе, будто являемся въ этомъ отношеніи выродками въ славянской семьѣ, съумѣвъ, отстаивая себя, далеко отнести свои, сперва лишь сторожевыя, оборонительныя границы, и такимъ образомъ явиться наконецъ могучей помѣхой и издавнимъ захватамъ гордаго германизма въ славянскомъ мірѣ. Презрительно похваливая остальныхъ Славянъ за ихъ „женственность", намъ съ ненавистью ставятъ въ вину именно то, что не замѣчаютъ въ насъ, по отношенью къ другимъ государствамъ, этого качества. За то, на ряду съ остальными славянами, мы признаемся уступчивыми, податливыми у себя дома, тихими даже до раболѣпія. Отсюда отважно-скороспѣлое заключеніе ученаго, претендующаго на видное мѣсто въ новой наукѣ (психологіи народовъ): das Selbstbewusstsein aller Slaven ist servil [1]).

Но мы только что сопоставили два видныхъ отдѣла нашей народной поэзіи—былины, при ихъ южно-русской основѣ получившія дальнѣйшее развитіе у Великоруссовъ, и думы, принадлежащія собственно Малороссіи, но имѣющія на столько же значеніе общерусское, на сколько отмѣчалось такимъ значеньемъ само козачество. Тутъ и тамъ, при всѣхъ различіяхъ мѣстныхъ вліяній и самыхъ періодовъ творчества, мы встрѣтили тотъ же, сохранившійся, не смотря ни на что, мягкій и человѣчный характеръ, но при этомъ и сохранившійся, также не смотря ни на что̀, могучій духъ независимости, прямо противоположный тому, что можно назвать: *servil.*

---

¹) Слова **Lazarus'a.**

Южная Русь, хотя бы и вполнѣ позабывъ тѣ старо-русскіе героическіе образы, которые первоначально сложились и очеловѣчились на ея почвѣ, взамѣнъ ихъ создала историческій эпосъ временъ козачества, болѣе близкій къ дѣйствительности и къ дѣйствительности крайне суровой и тяжкой поры, но удержавшій ту же печать человѣчности и свободы, какая уже налегла въ свое время и на старые героическіе образы. Русь восточная и Русь сѣверная, воспринявъ героическій эпосъ отъ Руси южной, съумѣла его пронести черезъ рядъ вѣковъ, наложивъ на него, конечно, не мало своихъ наслоеній, въ значительной степени осуровивъ, подъ множествомъ тяжкихъ вліяній, его первенствующаго богатыря, но все же сохранивъ въ немъ существенныя черты человѣчности и любви къ свободѣ. Какъ необходимость постоянно вести войну не довела козачество до того, чтобы и самая поэзія его стала совершенно воинственною, такъ и всякаго рода домашній гнетъ, испытанный народомъ Московскаго государства, не довелъ его до того, чтобы изъ его поэтической памяти изчезли идеалы свободной силы. Въ передѣланныхъ великоруссами старыхъ богатырскихъ былинахъ южноруссъ и теперь можетъ узнавать ихъ, сочувственную по своей человѣчности, старокіевскую вѣчевую основу, подобно тому какъ въ думахъ, хотя и всецѣло созданныхъ Малоруссами, всякій непредубѣжденный, не узко судящій великоруссъ можетъ въ свою очередь находить не мало себѣ роднаго и близкаго, а равнымъ образомъ и сочувственнаго просто въ человѣческомъ смыслѣ. Словомъ, былины и думы—это двѣ вѣтви, выросшія не одновременно и не въ одинаковый срокъ на одномъ и томъ-же деревѣ, томъ великомъ деревѣ, подъ широкую сѣнь котораго, по свидѣтельству нашихъ лѣтописей, одинаково склонялись главою князья и народъ. Имя этому дереву—земля святорусская, наша общая государыня матушка [1])!

---

[1]) *Своеобразныя* черты думъ съ большею обстоятельностью указаны въ статьѣ автора: „Малорусскія народныя думы и кобзарь О. Вересай“ („Древняя и Новая Россія“ за Май 1875 г.).

Подложное письмо Половца Ивана Смеры къ великому князю Владиміру святому.[1])

Рефератъ **И. И. Малышевскаго.**

По увѣренію издателей письма, Владиміръ, когда былъ еще язычникомъ, а именно въ 980 г., отправилъ своего врача и ритора Половца Ивана Смеру въ Константинополь и Грецію для изслѣдованія вѣры и состоянія тамошнихъ христіанъ. Послѣ долгаго и труднаго странствованія Половецъ достигъ Александріи, здѣсь принялъ христіанство и отсюда въ 990 году прислалъ письмо Владиміру, къ которому самъ уже не возвратился. Письмо содержитъ: 1) *Описаніе Грековъ, ихъ вѣры и богослуженія.* Оно проникнуто сильною непріязнію къ Грекамъ, особенно къ ихъ царямъ и патріархамъ, и рѣзкими осужденіями ихъ вѣры, особенно богослуженія, которое называется идолослуженіемъ, полнымъ всякихъ безобразій. Въ частности Греки осуждаются за угнетеніе и преслѣдованіе ими какихъ-то бѣдныхъ христіанъ. 2) *Описаніе этихъ таинственныхъ христіанъ,* которыхъ нашелъ Половецъ, остался у нихъ и крестился. Это христіане *богословы,* слывущіе у всѣхъ подъ названіемъ *новаго святаго Израиля.* Они люди тихіе и честные. Есть у нихъ молитвенныя собранія, въ которыхъ нѣтъ идоловъ, а только столы и скамьи. Священныя книги ихъ—Евангеліе и писанія Апостоловъ. Ученіе ихъ—ученіе о Богѣ всемогущемъ, единородномъ сынѣ его Іисусѣ Назарянинѣ и св. Духѣ. Есть у нихъ и крещеніе. Они отвергаютъ безбрачіе (монашество) и различіе въ пищѣ (посты), отвергаютъ подати, рабство, но защищаютъ право христіанъ владѣть оружіемъ и упражняться въ свободныхъ искусствахъ. Стѣсняемые во всемъ этомъ Греками, особенно царемъ и патріархомъ, вообще преслѣдуемые ими, они убѣгаютъ, собираются въ укрытыхъ мѣстахъ, горахъ, лѣсахъ и

---

[1]) Содержаніе настоящаго реферата послужило предметомъ болѣе обширнаго изслѣдованія напечатаннаго авторомъ въ „Трудахъ Кіевской Академіи" 1876 г. Іюнь и Іюль.

пропастяхъ, и здѣсь пророчествуютъ. 3) *Описаніе пророчествъ* упомянутыхъ христіанъ, съ ними и самаго Половца. Это пророчества: а) о гибели Грековъ и ихъ идоловъ, также тѣхъ, которые примутъ вѣру и нравы Грековъ. Къ нимъ, по несчастію, будетъ принадлежать и Владиміръ съ своимъ народомъ; б) *о возстаніи въ послѣднемъ поколѣніи славянскаго народа* людей, которые освободятся отъ власти и заблужденій Грековъ, осудятъ ихъ, называя ихъ *псами*, изобрѣтателями басенъ, лжецами и т. д. Но эти первые судіи и сами не избѣгнутъ большихъ бѣдъ по причинѣ своей гордости и внутреннихъ раздоровъ; в) о явленіи въ томъ же послѣднемъ поколѣніи славянскаго народа немногихъ, болѣе избранныхъ, которые съ ревностію обратятся *къ изслѣдованію всѣхъ писаній закона и соединятся* для похвалы и исповѣданія единаго Бога Израилева; г) наконецъ— пророчество о соединеніи съ этими христіанами Іудеевъ, которые познаютъ своего Христа, и наступленіи въ слѣдъ за тѣмъ времени славы и могущества для тѣхъ христіанъ. Письмо заключается обращеніемъ къ Владиміру: „итакъ, царь, не должно тебѣ принимать вѣры Грековъ; если же примешь ее, то я никогда не возвращусь къ тебѣ, но здѣсь усну смертію и буду ждать суда Сына Божія. Писалъ я это желѣзными буквами на 12 мѣдныхъ доскахъ, въ Египетской Александріи 5587 г., Фараона 1179 г., царства славнаго Александра въ годъ 5-й, индикта 1, луны 7, идъ 14. Это тебѣ вѣрно объявляю твой врачъ и риторъ Иванецъ Смера Половлянинъ (по другимъ, Іоаннъ Смера Половецъ)".

Что письмо есть подлогъ, это не требуетъ доказательствъ, какъ замѣтилъ еще Карамзинъ. Но небезъинтересно знать, кто и съ какою цѣлію сочинилъ его?

Первый издалъ въ печати это письмо нѣмецъ *Христофоръ Сандъ*, въ Амстердамѣ въ 1678 г. [1]). Въ пояснительныхъ замѣткахъ къ письму онъ ссылается на лицъ, у которыхъ прочиталъ объ открытіи письма, его переводахъ и спискахъ, нашелъ и самые списки. Всѣ эти лица принадлежатъ къ разряду сектантовъ, извѣстныхъ съ половины XVI в. въ Польшѣ, Литвѣ и Западной Руси подъ названіемъ *антитринитаріевъ, унитаріевъ, аріанъ, социніанъ*. Къ нимъ принадлежалъ и самъ Сандъ. Отсюда естественно предположить, что письмо сочинено какимъ-либо изъ этихъ сектантовъ въ интересахъ секты или сектанской пропаганды. Необходимо поэтому обозрѣть въ главныхъ чертахъ самую исторію секты въ Польшѣ, Литвѣ и Руси, обозначая въ частности ту роль, какую занимали въ ней цитуемые свидѣтели письма, и затѣмъ перейти къ выводамъ о происхожденіи письма и дальнѣйшей судьбѣ его до появленія въ печати въ изданіи Санда.

I. Антитринитаріи или унитаріи, такъ названные по главному пункту своего ученія, состоявшему въ отрицаніи таинства пресв. Тройцы, почти одновременно являются въ

---

[1]) Сандъ издалъ это письмо въ прибавленіи къ своему сочиненію: **Nucleus** (ядро) **historiae Ecclesiasticae**. Отсюда оно перепечатано А. Венгерскимъ въ его: **Slavonicae Reformatae libri quatuor, Amstelodami 1679** г.

Польшѣ, Литвѣ и Руси, а именно съ половины XVI в. Въ Польшу антитринитаріанство занесено съ запада, особенно изъ Италіи Леліемъ и Фавстомъ Социнами, отъ коихъ оно и получило свое новое названіе. Начиная съ Кракова, оно распространилось едва не по всей Польшѣ, особенно же по областямъ Малой Польши. Въ числѣ первыхъ видныхъ представителей его въ Польшѣ были: итальянецъ Лисманини, францисканскій монахъ, духовникъ королевы Боны и придворный проповѣдникъ въ Краковѣ, потомъ ученикъ Лелія Социна, а изъ поляковъ—*Станиславъ Будзинскій*, секретарь и другъ Лисманини, занимавшій потомъ такую же роль при главномъ патронѣ польскихъ антитринитаріевъ, знатномъ панѣ Филиповскомъ. Будзинскій былъ въ теченіи полувѣка (1547—1593) участникомъ или свидѣтелемъ важнѣйшихъ событій въ исторіи секты, онъ же былъ первымъ *историкомъ ея*. Въ Литву антитринитаріанство проникло изъ Польши, частію непосредственно изъ запада. Ранѣе обнаружилось оно въ Вильнѣ и Новогродскомъ воеводствѣ. Главнымъ учителемъ литовскихъ антитринитаріевъ былъ извѣстный *Симонъ Будный*, а главнымъ патрономъ—литовско-русскій магнатъ Янъ Кишка. Въ Западной Руси антитринитаріанство является сперва въ Бѣлоруссіи, въ частности въ Витебскѣ, въ группѣ московскихъ бѣглецовъ „Ѳеодосіанъ", т. е. послѣдователей Ѳеодосія Косого. Прогнанные отсюда, Ѳеодосіане бѣжали „во внутреннюю Литву", гдѣ вошли въ связь съ мѣстными антитринитаріями и ихъ главой Буднымъ. Отсюда они проникли на Волынь, гдѣ также сильно распространено было антитринитаріанство подъ вліяніемъ сосѣднихъ областей Малой Польши. Здѣсь однимъ изъ покровителей секты былъ русскій панъ Кадіанъ Чапличь, у котораго около 1575 г. жилъ товарищъ Ѳеодосія Косого Игнатій. Вообще, вторая половина XVI в. была временемъ начальнаго образованія и начальной пропаганды секты. Изъ общихъ явленій въ ея исторіи за это время обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія: а) антитринитаріи, возставая противъ католичества и православія, стремились объединить свое дѣло съ общимъ религіозно-реформаціоннымъ движеніемъ того времени, особенно съ кальвинизмомъ. Но кальвинисты отреклись отъ нихъ, обозвавъ ихъ возстановителями ученія Арія или *аріанами*, какъ называли ихъ также православные и католики. Ихъ называли также *новокрещенцами и нурками*, потому что они усвоили *анабаптистское крещеніе*, совершаемое чрезъ *самопогруженіе или ныряніе въ воду*. Православные и католики называли ихъ еще *образоборцами* за ихъ рѣзкія нападки на иконопочитаніе, которое они называли идолослуженіемъ. При такомъ взглядѣ на антитринитаріевъ, естественно, приходилось имъ подпадать гоненіямъ отъ представителей другихъ исповѣданій. б) Отвергаемые и гонимые послѣдними, антитринитаріи стремились организоваться въ самостоятельную секту, объединивъ въ ней всѣхъ антитринитаріевъ Польши, Литвы и Руси. Съ этою цѣлію они созывали свои *соборы*, изъ коихъ особенно замѣчателенъ былъ *соборъ Скрынскій 1567 г.* въ области Сандомірской. Затѣмъ они устраивали свои общины, при нихъ школы и типографіи, выпускали не мало сочиненій и изданій въ интересахъ

сектанской пропаганды. На русскомъ языкѣ такихъ сочиненій и изданій было немного, гораздо болѣе ихъ было на польскомъ и латинскомъ языкахъ. Въ свою очередь православные, католики и кальвинисты издали много полемическихъ сочиненій противъ антитринитаріевъ. в) Не смотря на стремленіе сектантовъ къ объединенію, у нихъ существовали *партіи*. Изъ нихъ болѣе замѣчательны: партія *среднихъ*, ставшая потомъ господствующею подъ именемъ *социніанъ*, потому что основалась, главнымъ образомъ, на ученіи Социновъ; центромъ ея сталъ *Раковъ* въ области Сандомірской; партія *крайнихъ* или *полужидовствующихъ*, называемая также *евіонистко-литовскою*. Она преобладала въ Литвѣ, гдѣ главою ея былъ Будный; въ Польшѣ она имѣла немного послѣдователей, но тамъ къ ней нѣкоторое время принадлежалъ Будзинскій. Къ этой партіи примыкали и собственно русскіе антитринитаріи изъ Ѳеодосіанъ, ученіе которыхъ находилось въ связи еще съ старою ересью *жидовствующихъ*, существовавшею не только въ Московской Руси, но и Литвѣ. Впрочемъ, въ крайности мнѣній нѣкоторые изъ русскихъ антитринитаріевъ, повидимому, превзошли всѣхъ своихъ собратій, дойдя до полнаго матеріализма, безразличія въ вѣрѣ, безбожія. Къ концу XVI в. партія полужидовствующихъ, преслѣдуемая соборными судами и отлученіями со стороны самыхъ антитринитаріевъ господствующей партіи, начинаетъ исчезать, сливаясь съ послѣднею. Послѣдователи другихъ партій частію слились съ господствующею, частію возвратились въ другія христіанскія исповѣданія. г) Отмѣтимъ еще одну черту въ исторіи польско-литовско-русскихъ антитринитаріевъ. Хотя антитринитаріанство было сильно между русскими Литвы и Руси, но не развилось въ *національную русскую секту*. Оно осталось съ преобладающимъ характеромъ *польской* секты. Упадку собственно русскаго антитринитаріанства могли способствовать: ревность православныхъ полемистовъ, самая крайность ученія русскихъ антитринитаріевъ, привязанность народа къ своимъ святынямъ, на которыя особенно нападали сектанты, наконецъ, и едвали не болѣе всего—общая борьба за свою вѣру съ латинствомъ и уніею, начавшаяся съ конца XVI в. и укрѣпившая религіозное сознаніе православныхъ.

Съ характеромъ польской секты антитринитаріанство перешло въ слѣдующій XVII вѣкъ. Первыя десятилѣтія этого вѣка были временемъ цвѣтущаго состоянія секты, за которымъ слѣдовалъ быстрый упадокъ ея. Особенно возвысился Раковъ: здѣсь была наиболѣе многолюдная, промышленная и богатая община антитринитаріевъ, была типографія, была школа или академія, прослывшая „Сарматскими Аѳинами“ и заключавшая до 1000 учениковъ. Возникло не мало новыхъ общинъ. Въ Литвѣ антитринитаріанство было теперь слабѣе. Но оно довольно сильно было на Волыни, имѣя центромъ м. Киселинъ (во Владимірскомъ уѣздѣ), имѣніе главныхъ патроновъ секты въ этой мѣстности *Чапличей*, родичей Кадіана Чаплича. Здѣсь существовала съ 1614 г. и антитринитаріанская школа. Изъ пасторовъ и учителей Кисселинскихъ отмѣтимъ *Риновицкаго-Трембецкаго*, извѣстнаго здѣсь до 1644 г. Въ сороковыхъ годахъ антитринитаріанство проникло и въ

Кіевскую Украину; патрономъ секты былъ здѣсь Кіевскій подкоморій Юрій Немиричь, а проповѣдникомъ *Андрей Вишоватый.* Оба они воспитались въ Раковѣ и довершали свое образованіе въ путешествіи по разнымъ странамъ Европы. Вишоватый былъ однимъ изъ ученѣйшихъ и энергическихъ пропагандистовъ секты, прославившійся во всей Польшѣ, извѣстный на Волыни и Украинѣ. Сюда призвалъ его въ 1643 г. Немиричь и на берегу Днѣпра встрѣтилъ его слѣдующими словами: „соименный тебѣ апостолъ Андрей, какъ гласитъ преданіе, проповѣдывалъ Скиѳамъ и другимъ народамъ этой страны: иди и ты по стопамъ его". Дѣятельностію Чапличей, Немирича, Вишоватаго и др., было, если вѣрить антитринитаріанскимъ писателямъ, основано или поддержано нѣсколько антитринитаріанскихъ общинъ на Волыни и Украинѣ. Если было такъ, то эти общины могли состоять изъ пришлыхъ поляковъ, изъ польской или ополяченной дворни названныхъ пановъ, которые, хотя и были русскаго происхожденія, но своимъ образованіемъ и сектанствомъ принадлежали средѣ польскихъ антитринитаріевъ. На рѣшительное преобладаніе польскаго элемента въ антитринитаріяхъ или социніанахъ этого времени указываетъ и Петръ Могила въ своемъ отвѣтѣ Кассіану Саковичу на его упрекъ православнымъ въ усвоеніи сектанскихъ ученій: „въ Вильнѣ, около Кракова, Познани и въ другихъ городахъ есть много лютеранъ, кальвинистовъ и аріанъ; но не изъ православныхъ, а изъ принадлежавшихъ къ римской церкви". Въ сороковыхъ годахъ XVII в. распространяема была, въ видахъ пропаганды секты, по Волыни и Украинѣ знаменитая антитринитаріанская *конфессія Шлихтинга* на языкахъ польскомъ и латинскомъ: это показываетъ съ одной стороны широкія затѣи пропаганды, съ другой—расчетъ ея, главнымъ образомъ, на латинопольскій элементъ въ краѣ. Впрочемъ, время пропагаторской дѣятельности на Волыни и Украинѣ Чапличей, Немирича и Вишоватаго было уже временемъ послѣднихъ успѣховъ секты. Въ судьбѣ ея начинается поворотъ къ упадку. Главныхъ враговъ они имѣли теперь въ іезуитахъ. Они преслѣдовали ее неутомимо не только словомъ и письмомъ, но и внѣшнею силою послушной имъ правительственной власти. Въ 1638 г. уничтожена была сектанская община въ Раковѣ, съ ея школою и типографіею; въ 1644 г. подобная же участь постигла кисселинскую общину. Въ 1649 г. конфессія Шлихтинга сожжена въ Варшавѣ публично рукою палача. Издавался рядъ стѣснительныхъ постановленій противъ секты, ея учителей и патроновъ. Поднялась гроза и съ другой стороны. Возставшіе подъ предводительствомъ Хмѣльницкаго козаки, въ своемъ движеніи по Украинѣ, Волыни и далѣе, истребляли или изгоняли все, что носило печать пришлаго, латинопольскаго вліянія и преобладанія. Не щадили они и антитринитаріевъ, возмущавшихъ православный народъ нападками на его святыни, слывшихъ у него подъ названіемъ „образоборцевъ". Съ горестію упоминаютъ антитринитаріи о своихъ мученикахъ, пострадавшихъ отъ козаковъ, особенно въ Константиновѣ (на Волыни). Козацкое движеніе, въ связи съ начавшеюся въ слѣдъ за тѣмъ московскою войной противъ Польши, вы-

звало вмѣшательство въ дѣла Польши протестанской Швеціи, а занятіе Кракова и другихъ городовъ Польши шведскими вождями внушило вожакамъ антитринитаріанской секты, каковъ особенно Вишоватый, мысль искать сближенія съ первыми для поддержки секты. Дорого поплатилась она за эту поддержку. Лишь только Польша оправилась отъ обрушившихся на нее бѣдъ, какъ ультра-католическая партія въ ней, руководимая іерархіею и іезуитами, провела на Варшавскомъ сеймѣ 1659 г. опредѣленіе объ изгнаніи антитринитаріевъ изъ предѣловъ Польши и соединенныхъ съ нею странъ въ трехлѣтній срокъ подъ угрозою конфискаціи имуществъ и смерти тѣмъ, которые останутся здѣсь по истеченіи этого срока. Въ 1661 г. срокъ этотъ внезапно былъ сокращенъ на годъ. Застигнутые въ расплохъ, антитринитаріи, одни обращаются въ католичество или протестанство, другіе бѣгутъ за границу въ разныя страны Европы, особенно въ Трансильванію, Сѣверную Германію и Голландію. Здѣсь, въ Амстердамѣ, основалась цѣлая колонія эмигрантовъ-антитринитаріевъ, устроился кружокъ ученыхъ представителей секты, къ которому принадлежали Андрей Вишоватый съ сыномъ Венедиктомъ, Христофоръ Сандъ съ сыномъ Христофоромъ, эмигрировавшіе сюда изъ Прусскаго Кенигсберга, и другіе. Эти сектанскіе вожаки и ученые сосредоточили свою дѣятельность на собраніи и изданіи памятниковъ секты и ея ученія, вообще на учено-литературныхъ трудахъ въ защиту секты. Наиболѣе важные труды въ этомъ отношеніи принадлежатъ обоимъ Вишоватымъ, обоимъ Сандамъ (особенно сыну) и Станиславу Любенецкому, бывшему сектанскому учителю въ Польшѣ, гдѣ насчитывалось уже нѣсколько именъ изъ фамиліи Любенецкихъ, прославившихся подвигами для секты, особенно въ Раковѣ. Въ эту-то пору, въ сочиненіяхъ этихъ сектантовъ въ первые явилось въ *печати* извѣстіе о посольствѣ и письмѣ Половца и самое письмо его. Источниками, откуда взяли они все это, послужили для нихъ рукописи антитринитаріанскихъ писателей прежняго времени, какъ-то: записки Будзинскаго и Риновицкаго-Трембецкаго, на которыхъ они и ссылаются при этомъ.

Но здѣсь мы остановимся и перейдемъ къ выводамъ о происхожденіи письма и его судьбѣ въ связи съ обозрѣнною исторіею секты.

II. Авторомъ письма слѣдуетъ признать того, кому антитринитаріанскіе писатели приписываютъ открытіе и первые переводы его—русскій и польскій. Это, по ихъ словамъ, былъ русскій діаконъ Андрей Колодынскій изъ Витебска, списавшій письмо съ подлинника, найденнаго въ русской церкви Спасителя, въ области Перемышльской, неподалеку отъ древняго Самбора, и переведшій его на русскій и польскій языки въ 1567 г., когда Андрей этотъ сообщилъ письмо въ польскомъ переводѣ Ст. Будзинскому. Этотъ Андрей—лице тождественное съ тѣмъ Космою—Андреемъ, антитринитаріанскимъ проповѣдникомъ въ въ Витебскѣ 1563—4 г., о которомъ говоритъ извѣстный полемистъ, старецъ Артемій въ своемъ посланіи къ Симону Будному: „и се товарищъ вашъ Козма, его же нарекосте Андрея, въ Витебску ясно объявилъ богомерзское нынѣшнія ереси проповѣданіе, не треба

глаголя Тройцу именовати. И прочая его хулы видять все войско, бывшее тогда (подъ Витебскомъ въ 1563—4 г.), и самъ великій гетманъ (Николай Радзивиллъ) и княжата, и панове велицій. И листъ показалъ тотъ Козма, яко отъ вашея сонмища писанъ з Вильна [1])". Андрей этотъ былъ родомъ Бѣлоруссъ изъ Витебска, антитринитарій изъ партіи Θеодосіанъ, основавшихъ здѣсь свою общину, потомъ удалившихся во внутреннюю Литву, проникавшихъ и на Волынь, а въ лицѣ Андрея—даже въ Галицію, въ область Перемышльскую. Въ Литвѣ онъ былъ товарищемъ Буднаго, сообщникомъ виленскихъ антитринитаріевъ, а въ обществѣ Польскихъ антитринитаріевъ сошелся съ Будзинскимъ, давнимъ знакомцемъ Буднаго. Онъ былъ однимъ изъ ревностныхъ и отважныхъ пропагандистовъ секты, а по направленію въ ней принадлежалъ къ партіи *полужидовствующихъ* антитринитаріевъ, къ которой принадлежали Будный и Будзинскій, и къ которой привязывали его прежнія связи съ Θеодосіанами. Какъ русскій антитринитарій, онъ сочинилъ письмо для русскихъ, съ цѣлію сектанской пропаганды среди нихъ. Языкомъ подлинника письма былъ тотъ западно-русскій языкъ, на который оно впервые будто бы было переведено Андреемъ съ древне-русскаго или болгарскаго подлинника. Время и мѣсто открытія письма, указываемые антитринитаріями, были временемъ и мѣстомъ сочиненія его или, по крайней мѣрѣ, выпуска его въ рукописи. Оно пущено въ ходъ тогда, когда Андрей, послѣ неудачныхъ опытовъ сектанской проповѣди въ Бѣлоруссіи и Литвѣ, уже находился въ средѣ польскихъ антитринитаріевъ областей Перемышльской и Сандомірской, изъ коихъ въ первой могъ имѣть сообщниковъ и изъ русскихъ. Въ частности годъ 1567 г. указываетъ на Скрынскій соборъ этого года, гдѣ были Будный и Будзинскій, былъ, по всей вѣроятности, и Андрей, здѣсь именно могшій сообщить письмо Будзинскому въ польскомъ переводѣ. Можно полагать, что эти лица были участниками подлога; Будный участвовалъ въ обработкѣ его, а Будзинскій сознательно принялъ подлогъ подъ свою защиту въ качествѣ ученаго историка секты и собирателя ея памятниковъ.

III. Такимъ происхожденіемъ письма выясняется его содержаніе. Подкладкой для письма взято лѣтописное сказаніе объ испытаніи вѣръ Владиміромъ чрезъ пословъ. Какъ русскій книжникъ своего времени, Андрей зналъ это сказаніе, да и на практикѣ, находясь еще въ средѣ Θеодосіанъ, встрѣчался съ убѣжденіемъ русскихъ, что они держатъ вѣру, принятую ихъ предками отъ Грековъ при Владимірѣ, и что во имя этой вѣры отвергаютъ ученіе новыхъ сектантовъ. Книжникъ—сектантъ направляетъ свою выдумку именно противъ этого убѣжденія, открывая между послами Владиміра такого, который не совѣтовалъ и Владиміру принимать вѣру Грековъ, какъ весьма уже не чистую и искаженную. Но затѣмъ, въ самомъ описаніи Грековъ, ихъ царей и патріарховъ, ихъ вѣры, богослуженія, нравовъ и обычаевъ, авторъ имѣлъ въ виду уже современную ему Рус-

[1]) Каталогъ славяно-русскихъ рукописей В. М. Ундольскаго. Москва. 1870 г. № 494.

скую церковь и ея представителей, изображая ихъ съ своей сектанской точки зрѣнія. Частныя черты этого изображенія напоминаютъ отзывы о ней Ѳеодосіанъ, которымъ вторитъ авторъ, какъ бывшій сообщникъ ихъ, указываютъ еще и на нѣкоторые церковно-обрядные обычаи православныхъ въ югозападной Руси. Далѣе, описаніе истинныхъ христіанъ, открытыхъ Половцемъ на дальнемъ Востокѣ и рекомендуемыхъ имъ Владиміру и его народу въ замѣнъ Грековъ, есть описаніе антитринитаріевъ, какъ отдаленныхъ наслѣдниковъ ихъ ученія. Приписываемое этимъ христіанамъ ученіе о Богѣ единомъ всемогущемъ, единородномъ сынѣ Его Іисусѣ Христѣ и св. Духѣ, не исключаетъ тожества ихъ съ антитринитаріями: ибо послѣдніе, согласно постановленію Скрынскаго собора 1567 г., не считали нужнымъ исключать изъ своего богословскаго языка этихъ библейскихъ наименованій, придавая только имъ свой смыслъ, сообразный съ ученіемъ секты. Они не допускали только выраженія—*св. Троица*, котораго, дѣйствительно, нѣтъ въ письмѣ. Въ изображеніи бѣдственной участи Половцевыхъ христіанъ, гонимыхъ Греками, ихъ гражданскою и церковною властію, находится прямой намекъ на участь современныхъ автору антитринитаріевъ, которую пришлось испытывать и ему самому, и въ частности—въ Витебскѣ, гдѣ сообщникамъ его грозили огнемъ и мечемъ, такъ что они должны были искать спасенія въ бѣгствѣ. Заключающіяся въ письмѣ пророчества очень ясно намекаютъ на явленія въ современномъ автору его антитринитаріанствѣ. Предсказываемое вмѣстѣ съ гибелью Грековъ паденіе ихъ идоловъ, преданіе послѣднихъ общему позору, исполнялось, по его взгляду, въ образѣ дѣйствій сектантовъ, учившихъ выбрасывать, рубить, разбивать иконы. Подъ послѣднимъ поколѣніемъ славянскаго народа, которое имѣетъ освободиться отъ Грековъ и ихъ заблужденій, видны именно антитринитаріи времени автора письма. Первые, имѣвшіе выступить изъ этого поколѣнія судіи Грековъ, которые назовутъ ихъ *псами* и *творцами басенъ*, это именно Ѳеодосіане, называвшіе всѣхъ православныхъ *людьми внѣшними и псами*, а учителей церкви—*сочинителями басенъ*. Упрекъ автора этимъ *первымъ* судіямъ за гордость и раздоръ, имѣвшіе погубить ихъ дѣло, относится къ той группѣ бѣлорусскихъ Ѳеодосіанъ, бывшихъ сообщниковъ его, которые потомъ отвергли антитринитаріанское ученіе Ѳеодосія и примкнули къ кальвинизму, или же возвратились въ православіе. Вторые судіи или лучшіе и избраннѣйшіе христіане того же славянскаго поколѣнія—это уже тѣ литовско-польскіе антитринитаріи, среди которыхъ находился авторъ въ моментъ выпуска письма. Подъ *соединеніемъ всѣхъ этихъ христіанъ* разумѣется соединеніе на антитринитаріанскихъ соборахъ, каковъ особенно Скрынскій. *Изслѣдованіе всѣхъ писаній закона* этими христіанами есть предпринятое, по мысли собора, дѣло новаго перевода и изданія Библіи въ духѣ секты, взятое на себя, главнымъ образомъ, товарищемъ автора письма Буднымъ. Наконецъ, въ пророчествѣ о соединеніи съ этими избранными христіанами и многихъ іудеевъ и о наступленіи затѣмъ временъ славы и могущества ихъ, т. е. чувственнаго, земнаго мессіан-

скаго царства—высказались *полужидовствующія* мнѣнія автора письма и его сообщниковъ. Есть въ письмѣ мѣста, намекающія и на другія мнѣнія *партіи полужидовствующихъ* антитринитаріевъ,—тѣ особенно, которыя горячо защищалъ Будный, сообщникъ Андрея. Таково, напримѣръ, мнѣніе о позволительности для христіанъ военной и гражданской службы (de usu magistratus et armorum in ecclesia), которое сильно защищалъ Будный съ своею партіею противъ антитринитаріевъ другихъ партій.

IV. Сочиненное *русскимъ* антитринитаріемъ, на *русскомъ* языкѣ и для *русскихъ*, письмо Половца сохранилось, однако же, не въ русскомъ подлинникѣ своемъ, а въ *польскомъ* переводѣ и у *польскихъ* антитринитаріевъ. Это объясняется указаннымъ выше явленіемъ въ исторіи секты, т. е. тѣмъ, что еще съ конца XVI вѣка антитринитаріанская секта приняла преобладающій характеръ *польской* секты, еще болѣе утвердившійся за ней въ XVII вѣкѣ. Польскимъ антитринитаріямъ должно было достаться въ наслѣдіе то, что накоплялось жизнію литовскихъ и русскихъ антитринитаріевъ. Понятно, однако, что въ рукахъ польскихъ антитринитаріевъ и ихъ историковъ письмо должно было пріобрѣтать еще свое особое значеніе, которымъ опредѣлялась цѣнность для нихъ этого документа. Будзинскій, первый сохранившій письмо въ польскомъ переводѣ, говоритъ о немъ, между прочимъ, такъ: „пріобрѣвъ это письмо отъ русскаго діакона Андрея, я оставляю *потомству, какъ памятникъ, достойный прочтенія.* Пусть видятъ, какъ посолъ (Владиміра) описываетъ здѣсь *римскую или латинскую церковь и нѣкоторыхъ грековъ*, и какова была у нихъ (грековъ) религія въ ту пору, когда они уже отдѣлились отъ римлянъ. Пусть видятъ также, какое сообщеніе онъ дѣлаетъ своему князю о новомъ Израилѣ, то есть, объ истинныхъ церквахъ Христовыхъ: тамъ въ то время, въ 990 г., было какъ бы хранилище этихъ церквей, образъ которыхъ посолъ такъ восхваляетъ, что и самъ тамъ остался“.—Какъ ученый историкъ секты, Будзинскій хотѣлъ прослѣдить исторію секты съ первыхъ вѣковъ христіанства. Въ первыхъ вѣкахъ онъ находилъ представителей ея въ разныхъ еретикахъ до Арія и Никейскаго собора; но затѣмъ для него начинался пробѣлъ, идущій чрезъ рядъ вѣковъ до появленія антитринитаріевъ въ XVI в. Онъ радъ былъ заполнить этотъ пробѣлъ письмомъ Половца, какъ документомъ, говорящимъ о существованіи въ X в. на дальнемъ Востокѣ христіанъ, преемниковъ древнихъ и предшественниковъ новыхъ антитринитаріевъ. Далѣе, какъ польскій антитринитарій, вышедшій изъ римской церкви, Будзинскій нападки письма на греческую церковь обращаетъ, главнымъ образомъ, противъ римской церкви. Авторитетомъ Будзинскаго, перваго польскаго историка секты и собирателя ея памятниковъ, опредѣлилось отношеніе къ нему и послѣдующихъ польско-антитринитаріанскихъ писателей. Таковъ Риновецкій-Трембецкій, второй послѣ Будзинскаго свидѣтель письма, сохранившій второй списокъ его въ своемъ сборникѣ по исторіи секты. Но то обстоятельство, что Риновецкій былъ до 1644 г. пасторомъ и учителемъ антитринитаріанской общины въ *м. Кисселинѣ на Волыни*, общины, восхо-

дящей по своему началу до времени Кадіана Чаплича, ученика Θеодосіанина Игнатія, современника и сообщника Андрея, можетъ наводить на мысль, что и списокъ Риновецкаго восходилъ до этого же времени, что онъ хранился у русско-польскихъ антитринитаріевъ этой мѣстности и имѣлъ для нихъ практическое значеніе въ смыслѣ подспорья сектанской пропаганды, что такое же значеніе онъ могъ имѣть и въ рукахъ Риновецкаго. Списокъ Риновецкаго дошелъ къ Санду, какъ самъ онъ говоритъ, чрезъ Венедикта Вишоватаго, сына Андрея Вишоватаго. Сынъ нашелъ этотъ списокъ, конечно, въ библіотекѣ, доставшейся ему отъ отца. Такимъ образомъ, Андрей Вишоватый былъ дальнѣйшимъ хранителемъ письма Половца и, можетъ быть, также употреблялъ его въ дѣло, когда исполнялъ свою сектанскую миссію на Волыни и Украинѣ. Что касается до Станислава Любенецкаго, то онъ почерпнулъ свѣдѣніе о посольствѣ и письмѣ Половца, по всей вѣроятности, у Будзинскаго. Ибо въ своей „исторіи реформаціи въ Польшѣ и сосѣднихъ странахъ“ или точнѣе—въ исторіи социніанской секты, онъ, главнымъ образомъ, пользуется записками Будзинскаго. О посольствѣ и письмѣ Половца Любенецкій говоритъ по поводу посольства Лисманини, въ сопутствіи его секретаря Будзинскаго, въ разныя страны западной Европы, съ порученіемъ отъ короля Сигизмунда-Августа—изслѣдовать ученіе, уставы и обычаи тамошнихъ новыхъ религіозныхъ обществъ и накупить книгъ для королевской библіотеки. Это посольство онъ уподобляетъ посольству Половца Смеры; христіанъ, видѣнныхъ Половцемъ, называетъ *во всемъ подобными намъ*, т. е. антитринитаріямъ; насиліе Грековъ Половцевымъ христіанамъ приравниваетъ къ насиліямъ *римской церкви* социніанамъ, пророчество Половца также относитъ „къ нашей церкви“, т. е. къ антитринитаріямъ своего времени. Такимъ образомъ, и для этого новаго историка секты, также какъ для Будзинскаго, письмо имѣетъ прежде всего общее значеніе историческаго памятника, открывающаго предшественниковъ антитринитаріанской секты въ X в. Для него, какъ и для Будзинскаго, оно было орудіемъ нападокъ не столько на отдаленную греческую, сколько на современную римскую церковь. Въ частности, дѣлаемое Любенецкимъ уподобленіе посольства Лисманини съ Будзинскимъ посольству Половца можетъ объяснять, почему это выдуманное посольство понравилось въ свое время Будзинскому, подкрѣпившему своимъ авторитетомъ выдумку Андрея. Наконецъ, что касается Санда, то, какъ антитринитарій изъ нѣмцевъ, полагавшійся въ исторіи польскаго антитринитаріанства на польскіе авторитеты, онъ, вѣроятно, принялъ съ нѣкоторымъ довѣріемъ выдумку Андрея, подкрѣпленную рядомъ авторитетныхъ свидѣтельствъ. Венедиктъ Вишоватый, которому Сандъ обязанъ былъ и списками письма и наборомъ свидѣтельствъ въ пользу его достовѣрности, можетъ считаться главнымъ виновникомъ того, что письмо это, сберегаемое дотолѣ въ рукописяхъ, явилось въ печати, чрезъ что намъ и дана возможность ознакомиться съ этимъ интереснымъ памятникомъ антитринитаріанской пропаганды въ Польшѣ, Литвѣ и Руси въ XVI и XVII вв.

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЯ ЧЕРТЫ ЮЖНО-РУССКОЙ НАРОДНОЙ ОРНАМЕНТИКИ.

Рефератъ **Ѳ. К. Волкова.**

Южно-русская орнаментика представляетъ собою еще вполнѣ неизслѣдованную, даже вовсе незатронутую область этнографіи. Тогда какъ для орнаментики сѣверно-русской существуетъ уже нѣсколько изслѣдованій и роскошныхъ изданій, (изъ которыхъ можно указать, какъ на болѣе намъ извѣстное, на „Русскій народный орнаментъ", изданный, подъ редакціей В. В. Стасова, обществомъ поощренія русскихъ художниковъ),— въ малорусской этнографіи, которой пришлось развиваться подъ вліяніемъ различныхъ совершенно стороннихъ обстоятельствъ, въ этомъ отношеніи чувствуется полный недостатокъ. По малорусской орнаментикѣ не только нѣтъ изслѣдованій, но даже не подготовленъ для этого матеріалъ въ видѣ изданій или коллекцій. Послѣдній недостатокъ восполняется отчасти въ послѣднее время Югозападнымъ отдѣломъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, въ музеѣ котораго собрана очень небольшая сравнительно коллекція узоровъ мѣстныхъ вышивокъ. Пользуясь этой небольшой коллекціей, а равно и матеріаломъ, доставленнымъ мнѣ разными лицами, и имѣя въ виду вопросъ объ южнорусской орнаментикѣ, поставленный программою для 3-го Археологическаго съѣзда, я намѣренъ изложить тѣ немногіе факты и соображенія, которыя могли быть сдѣланы при помощи указаннаго матеріала.

Наклонность малорусскаго народа къ орнаменту, въ противоположность великорусскому, очень мало выразилась въ народной архитектурѣ. Рѣзныя украшенія малорусскихъ построекъ ограничиваются рѣзьбой на *сволокѣ*, *хутрині* (косякахъ оконъ), иногда они являются въ видѣ узоровъ или фигурокъ на *бовдурѣ* (верхушка деревянной трубы) и еще рѣже на воротахъ. Нѣсколько болѣе распространены узоры на домашней утвари и разныхъ деревянныхъ издѣліяхъ: такъ, постоянно встрѣчаются покрытыя рѣзбой *ярма*, *спинки*

и другія части *возовъ* (особенно чумацкихъ), рѣзныя украшенія на *божник'ѣ* или *божниці* (полочка, на которой ставятъ иконы) и *миснику* (полки для посуды). Кромѣ того, часто попадаются узоры на *рожкахъ* (для нюхательнаго табаку), пороховницахъ изъ рога и т. п. мелкихъ вещахъ. Довольно часто попадаются также узоры на гончарныхъ издѣліяхъ, которые по своей примитивной орнаментикѣ очень напоминаютъ узоры на подобныхъ же издѣліяхъ даже каменнаго періода. Тѣ изъ гг. членовъ съѣзда, которые присутствовали при раскопкахъ около с. Гатнаго и обратили вниманіе на орнаменты вырытыхъ въ курганахъ сосудовъ, вѣроятно не будутъ спорить противъ этого, мимоходомъ, впрочемъ, высказаннаго сравненія. Затѣмъ, довольно богатый, очень оригинальный и интересный матеріалъ для южнорусской орнаментики представляютъ собой узоры на *крашанкахъ* или *писанкахъ* (раскрашенныя пасхальныя яйца). Съ одной стороны, сколько мнѣ извѣстно, обычай раскрашивать узорами пасхальныя яйца, кажется вовсе не существуетъ въ великорусскихъ губерніяхъ [1]), и поэтому орнаментныя формы писанокъ должны-бы представлять характерный въ этнографическомъ отношеніи матеріалъ, а съ другой стороны, на сколько я могъ судить по единственной извѣстной мнѣ коллекціи М. М. Левченка, узоры писанокъ имѣютъ много общаго съ орнаментикой южныхъ народовъ, а также любопытны и для изученія вліянія византійской орнаментики, перешедшей къ намъ вмѣстѣ съ христіанствомъ. На это послѣднее значеніе орнаментики писанокъ указываютъ, напримѣръ, часто попадающіяся на писанкахъ символическія изображенія несомнѣнно византійскаго происхожденія, напримѣръ *рыба*.

Наконецъ, переходя къ одеждѣ, мы обращаемся къ чрезвычайно обильному и въ высшей степени интересному источнику народной орнаментики. *Плахты*, родъ женской одежды, которая была прежде очень распространена въ Малороссіи, теперь же значительно уже вытѣсняется общеевропейскою юбкою, представляютъ собою безконечное разнообразіе комбинацій и модификацій одного орнаментнаго типа—розетки. Слѣдуетъ обратить вниманіе на то еще обстоятельство, что въ плахтахъ, несмотря на крайнее разнообразіе модификацій узора, надъ рисункомъ рѣшительно преобладаетъ разнообразіе цвѣтовыхъ сочетаній. Это выразилось между прочимъ и въ народныхъ названіяхъ рисунка плахтъ, выражающихъ то цвѣтъ узора (*синятка* и т. д.), то форму узора—(*картота, підочкова, хрещата, закладана* и т. п.). Кромѣ плахтъ, большой матеріалъ для изученія народной орнаментики представляютъ собой тканыя юбки и передники на сѣверѣ юго-западнаго края, узоры на *кожухахъ*, (мужскихъ и женскихъ шубахъ), а особенно узоры, нашиваемые цвѣтнымъ шнуркомъ на воротникѣ, отворотахъ и рукавахъ свитъ, кобеняковъ и др. верхней суконной одежды, преимущественно въ Подольской губерніи. Но самымъ главнымъ матеріаломъ для южнорусской орнаментики и по богатству формъ, и по рас-

[1]) Существуетъ этотъ обычай и въ Великороссіи. Примѣч. редак.

пространенію, несомнѣнно слѣдуетъ признать *вышивки на полотнѣ*. Такихъ вышивокъ существуетъ двѣ главныя формы: *мережки* и шитье *заполочью* (цвѣтною бумагою). *Мережки* представляютъ собою узоръ по большей части всегда сквозной, часто напоминающій поэтому кружево и сопровождаемый вышивками гладью, бѣлыми или сѣрыми нитками. Къ сожалѣнію, мы имѣемъ для изученія мережокъ слишкомъ небольшой матеріалъ. Что же касается вышивокъ заполочью, то этотъ наиболѣе распространенный изъ видовъ орнамента мы имѣемъ въ коллекціи Юго-Зап. Отд. И. Р. Географ. Общ. и имъ главнымъ образомъ воспользуемся при всемъ дальнѣйшемъ изложеніи.

Не болѣе сотни лѣтъ еще назадъ, когда, въ силу существовавшихъ общественныхъ условій, національный костюмъ держался еще и въ болѣе зажиточныхъ слояхъ малорусскаго общества, вышивка на полотнѣ дѣлалась обыкновенно цвѣтнымъ шелкомъ съ примѣсью серебра и золота. Теперь эти матеріалы можно встрѣтить изрѣдка на плахтахъ богатыхъ козачекъ лѣвой стороны Днѣпра, а въ обыкновенномъ народномъ костюмѣ вышивки дѣлаются очень рѣдко шелкомъ, обыкновенно-же *заполочью*, т. е. цвѣтными хлопчатобумажными нитками. Въ Галиціи вышивки на рубашкахъ часто дѣлаются цвѣтною *шерстью*. Изъ разныхъ родовъ одежды по преимуществу украшаются вышивками женскія рубашки. Обыкновенно *комiръ* (воротникъ) женской рубашки бываетъ покрытъ сплошнымъ шитьемъ, затѣмъ вышивается широкая полоса узора на плечевой части рукава (всегда ниже плеча) *поликъ* и надъ нею узкая полоса такого-же или подходящаго по рисунку узора—*пiдполичь*, наконецъ узенькой полоской вышивается край рукава у кисти. Иногда (на правой сторонѣ Днѣпра) разрѣзъ рубахи на груди также окруженъ полосой узора. На лѣвой же сторонѣ Днѣпра и на побережьѣ вышивается каймой узора и *подолъ* рубахи, который обыкновенно бываетъ видѣнъ изъ подъ-плахты. Въ мужеской рубашкѣ вышивается обыкновенно воротъ (комiръ), края рукавовъ, грудь и очень рѣдко (только въ нѣкоторыхъ частяхъ Галиціи) подолъ. Въ дѣтскихъ рубашкахъ, кромѣ обыкновеннаго шитья, на правой сторонѣ Днѣпра вышиваются еще ромбическія фигуры на груди и на спинѣ *(книш*о*)*.

Затѣмъ мы должны сказать еще нѣсколько словъ о самыхъ способахъ вышиванья. Главнѣйшихъ способовъ существуетъ три: *пiдбiръ*, *настилуванне* и *хрещики*. Пiдбiръ заключается въ томъ, что, сообразно желаемому узору, выдергиваются бѣлыя нитки изъ полотна и замѣняются цвѣтными; настилуванне—это есть просто шитье гладью цвѣтными нитками, и наконецъ шитье *хрещиками*—форма, наиболѣе распространенная, состоитъ, подобно шитью на канвѣ, въ томъ, что въ четыре клѣтки, образуемыя перекрещиваніемъ нитей полотна, продѣваются накрестъ двѣ цвѣтныя нити.

Наконецъ, что касается разсмотрѣнія *формъ* южнорусской орнаментики относительно узора, то въ этомъ случаѣ, не рискуя, при недостаткѣ матеріала, дѣлать какую нибудь оригинальную классификацію, мы намѣрены принять систему распредѣленія узоровъ, уже

практиковавшуюся, а именно раздѣленіе ихъ на формы: *геометрическія*, *растительныя* и *животныя*. Принимая для своей работы такое же распредѣленіе, мы не можемъ однако принять методъ г. Стасова, сообразно которому онъ строго руководствуется въ распредѣленіи узоровъ только ихъ рисункомъ, совершенно не обращая вниманія на народныя ихъ названія. Намъ кажется, что совершенно обходить такимъ образомъ народныя названія узоровъ при классификаціи ихъ—нельзя, такъ какъ эти названія, которыя иногда повидимому и не соотвѣтствуютъ рисунку,—тѣмъ не менѣе имѣютъ хоть отдаленную связь съ нимъ и, если не показываютъ, то хоть намекаютъ на его происхожденіе или пониманіе народомъ. Въ видѣ примѣра, укажемъ на очень распространенную форму—розетку. Эта форма съ перваго взгляда совершенно геометрическая (два накрестъ лежащіе квадрата), но народное ея названіе *рожа*, т. е. роза,—сразу удостовѣряетъ, что это есть грубое подражаніе формѣ цвѣтка, что это форма восточнаго происхожденія, какъ это для нея констатировано въ западно-европейской орнаментикѣ и въ архитектурѣ.

Геометрическія формы имѣютъ въ малорусской орнаментикѣ далеко не такое преобладающее значеніе, какое имѣютъ они въ великорусской, и этимъ, вѣроятно, можно объяснить то обстоятельство, что формы эти въ Малороссіи очень небогаты разнообразіемъ основныхъ типовъ, отличаясь за то обиліемъ комбинаціи. Мы разсмотримъ имѣющіеся у насъ образцы, восходя отъ простыхъ къ болѣе сложнымъ. Самою простою и безъ сомнѣнія самою примитивною изъ геометрическихъ формъ—является *прямая линія* или полоска, вышитая иногда бѣлою, но чаще цвѣтною ниткою. Затѣмъ слѣдуетъ *ломаная линія*, (см. №№ 1, 2 и т. д.), совершенно простая, безъ всякихъ прибавленій, точно такаяже, какая встрѣчается такъ часто на сосудахъ каменнаго періода. Эта форма (зигзагъ), сохраняя свою геометрическую простоту, является потомъ осложненною комбинаціей цвѣтовъ: или каждое колѣно такой линіи дѣлается поперемѣнно разнаго (краснаго или синяго) цвѣта, или цвѣтъ чередуется для цѣлаго ряда колѣнъ. Такая комбинація осложняется еще соединеніемъ двухъ перекрещивающихся симметрически ломаныхъ линій разныхъ цвѣтовъ. Это уже дѣлаетъ переходъ къ болѣе сложной геометрической формѣ—*ромбу*, которая является въ малорусской орнаментикѣ въ очень богатомъ разнообразіи комбинацій. Такъ, кромѣ простаго ряда ромбовъ, часто встрѣчаются ряды ромбовъ, вставленныхъ одни въ другіе (№ 58), ряды ромбовъ входящихъ другъ въ друга ребромъ (№ 59), ряды большихъ ромбовъ, въ пересѣченія которыхъ вставлены меньшіе ромбы (№ 19), и т. п. Часто ромбы, пересѣкаясь, образуютъ прямые или косые кресты, болѣе или менѣе осложненные или тоже ромбическими, или другими геометрическими фигурами (№№ 39, 40, 33, 51, 57). Иногда встрѣчаются также ряды ромбовъ, внутри которыхъ вписаны кресты (№№ 17, 29); иногда же каждый изъ ромбовъ заключенъ въ четыреугольникѣ. Въ узорахъ, преимущественно сѣвера черниговской губ., постоянно встрѣчаются расположенные въ нѣсколько рядовъ, часто въ шахматномъ порядкѣ, ромбы, изъ которыхъ каждый

крестообразно дѣлится на 4 треугольника, образуя такимъ образомъ косую розетку (№ 36 и др.).

Съ другой стороны, основной зигзагъ осложняется углами, стороны которыхъ параллельны линіямъ зигзага, такъ что образуется система входящихъ другъ въ друга угловъ (№ 9). Нѣсколько болѣе сложный узоръ получается отъ крестообразнаго пересѣченія параллельныхъ линій, такъ что средина этого пересѣченія образуетъ небольшой ромбъ (№ 55). Отъ пересѣченія прямыхъ линій получаются *квадраты*,—форма, чрезвычайно также распространенная въ малорусской орнаментикѣ. Чаще всего небольшіе квадраты располагаются въ шахматномъ порядкѣ, образуя т. н. *землюваная* (№ 10, 18); иногда они образуютъ ромбическія фигуры (№№ 20, 21, 22, 23, 24), а также очень часто *кресты* (26, 27, 28). Кресты,—чрезвычайно разнообразная и распространенная форма,—образуются или простымъ пересѣченіемъ двухъ прямыхъ линій (№ 17, 38), или болѣе сложнымъ (№ 29, 30, 31, 32), и бываютъ иногда чрезвычайно изящной композиціи, въ особенности гдѣ они усложняются кривыми линіями, дѣлая переходъ къ формамъ растительнымъ (№ 34). Составленные изъ прямыхъ линій, кресты часто перекрещиваются еще разными болѣе или менѣе сложными линіями (№ 38). Кресты прямые и косые часто составляются также изъ ромбовъ (№№ 39, 40, 41—43), изъ ромбовъ съ квадратами и другихъ геометрическихъ фигуръ (№ 46 и др.).

Такимъ образомъ, очень кратко мы описали основныя фигуры узоровъ типа геометрическаго, желая только намѣтить ихъ и думая, что болѣе подробное разсмотрѣніе ихъ будетъ гораздо удобнѣе для каждаго желающаго при помощи рисунковъ.

Затѣмъ переходимъ къ узорамъ типа *растительнаго*. Прежде всего мы должны обратить вниманіе на то обстоятельство, что простѣйшія формы почти каждой изъ основныхъ формъ этого типа—представляютъ собою до очевидности ясный и, по нашему мнѣнію, чрезвычайно интересный для исторіи развитія орнамента переходъ отъ геометрическихъ формъ къ растительнымъ. Такъ, первая изъ простѣйшихъ растительныхъ формъ узоровъ—*зірочка*, т. е. звѣздочка, въ наиболѣе простыхъ своихъ формахъ (№ 68) представляетъ несомнѣнно очень несложную геометрическую фигуру креста; но разсмотрѣніе дальнѣйшихъ формъ этого узора (№№ 70, 71, 72, 73) показываетъ, какъ простая геометрическая звѣздочка переходитъ къ ясно-выраженной формѣ цвѣтка. Затѣмъ, начиная отъ простой формы косаго креста, путемъ осложненія образовалась розетка, примѣры которой можно видѣть въ №№ 70, 74, 76, 77, 79, 80. Послѣдняя изъ этихъ формъ, покрайней мѣрѣ по ея народному названію, представляетъ собою уже изображеніе цвѣтка растенія *полунишникъ головатий* (Trifolium montanum L.). Далѣе, какъ намъ кажется, посредствомъ комбинацій геометрическихъ формъ квадрата образовалась розетка, безчисленные варіаціи которой извѣстны въ народѣ подъ именемъ цвѣтка розы—*рожа*, съ указаніемъ на различныя разновидности этого растенія: *повна рожа* (Rosa centifolia),

собача рожа, шепшина (R. canina и Malva), *вікняста рожа* и т. д. (№№ 83—88). Въ концѣ концовъ № 117 представляетъ уже вполнѣ удовлетворительный рисунокъ цвѣтка розы. Простѣйшія формы *сосонки* (№ 89—91) представляютъ собою также очень ясный, чуть ли не лучшій примѣръ перехода отъ геометрической формы къ растительной, доходя до элементарнаго, конечно, но достаточно похожаго изображенія сосны или ели и хвоща (Equisetum), который въ нашихъ степныхъ мѣстностяхъ также называется *сосонка*. Тоже самое и на этотъ разъ, уже въ очень ясныхъ и развитыхъ примѣрахъ, мы видимъ въ рядѣ изображеній хмѣля—*хмелики* (94—102), *винограда* (108—113 и 113 а.) и *гвоздики* (103—107). Прочіе узоры растительнаго типа, находящіеся въ нашей коллекціи въ меньшемъ количествѣ варіацій, также довольно часто имѣютъ совершенно геометрическую форму, а народное названіе ихъ указываетъ, что съ этой формой связано представленіе о формѣ извѣстнаго растенія, которая можетъ быть и выражена лучше въ болѣе сложномъ варіантѣ. Таковы напримѣръ изображенія *руты* (Ruta graveolens), *кукурузы* (Zea-Mais) и др. Кромѣ перечисленныхъ уже нами растительныхъ формъ, въ нашей коллекціи есть еще узоры, изображающіе (или имѣющіе претензіи изображать) *орлини крильця* (Astragolus glycyphylos L.), *круторожці* и пр. Всѣ упомянутые до сихъ поръ нами узоры растительнаго типа изображаютъ почти всегда *только отдѣльныя части растеній*, по большей части цвѣты, листья (№ 100, 101, 115), иногда листья и плоды (108, 113, 113 а., 121), иногда стебли съ листьями, и т. д. Изображенія же цѣльныхъ деревьевъ, такъ характерныя для великорусской орнаментики, въ малорусской *совершенно отсутствуютъ*, за весьма немногими исключеніями, да и то встрѣчающимися только въ сѣверныхъ уѣздахъ черниговской губ., т. е. на этнографической границѣ съ Великороссіей (№№ 124, 125).

Наконецъ, узоры съ изображеніями *животныхъ* также очень рѣдко встрѣчаются въ малорусскомъ орнаментѣ, если встрѣчаются, то также въ мѣстностяхъ, пограничныхъ съ великорусскими. №№ 125, 126, 127 и 128 нашей коллекціи представляютъ такіе узоры. Первый изъ нихъ изображаетъ цѣльное дерево, около основанія котораго сидятъ двѣ птицы, обращенныя головами одна къ другой,—узоръ совершенно великорусскій (см. Русс. Народ. Орнам. г. Стасова). Прочіе узоры представляютъ пѣтушковъ, длиннохвостыхъ птицъ въ родѣ павлиновъ и пр. На *рушникахъ* (полотенцахъ), выдѣлываемыхъ преимущественно въ окрестностяхъ *Кролевца*, черниговской губ., часто попадаются изображенія двуглавыхъ орловъ. На рушникахъ же другихъ мѣстностей изображенія животныхъ никогда не попадаются, а узоръ состоитъ главнымъ образомъ изъ цвѣтовъ, стоящихъ въ сосудѣ. Вообще слѣдуетъ замѣтить относительно полотенецъ, что они далеко не имѣютъ у насъ того значенія въ орнаментѣ, какъ великорусскія, и употребляются почти исключительно на свадьбахъ и въ видѣ украшенія надъ иконами и т. п.

Цвѣта вышивокъ на всемъ пространствѣ Малороссіи очень неодинаковы и въ геогра-

фическомъ распредѣленіи даже для поверхностнаго наблюдателя замѣтна извѣстная правильность. *Красный* цвѣтъ (разумѣется, на бѣломъ фонѣ) представляетъ собою исключительный цвѣтъ вышивокъ на всемъ сѣверѣ черниговской губерніи и въ сѣверныхъ уѣздахъ волынской губерніи. Затѣмъ вся черниговская губернія, полтавская и харьковская, за исключеніемъ южныхъ уѣздовъ, отчасти екатеринославская и херсонская (сѣверные уѣзды) и почти вся кіевская губернія имѣютъ вышивки, въ которыхъ *красный* цвѣтъ комбинируется съ *синимъ* и очень рѣдко съ черныхъ. Наконецъ, въ южной полосѣ Малороссіи и почти во всей подольской губерніи къ этимъ цвѣтамъ присоединяется еще *желтый* цвѣтъ. Въ подольской губерніи желтый цвѣтъ еще комбинируется съ *чернымъ*, а въ Галиціи преобладаютъ цвѣта *красный*, *желтый*, *черный* и *коричневый*;—часто попадается, кромѣ того, *синій* и *зеленый*. Въ Буковинѣ яркость и пестрота узоровъ вполнѣ близки къ югославянскимъ.

Если мы обратимся затѣмъ къ географическому расположенію малорусскихъ узоровъ по ихъ рисунку,—то оказывается, что узоры типа *геометрическаго* рѣшительно и почти исключительно преобладаютъ въ сѣверныхъ малорусскихъ мѣстностяхъ,—Волыни, Полѣсьѣ и сѣверныхъ уѣздахъ черниговской губерніи. Конечно, они попадаются вездѣ въ довольно значительной мѣрѣ, но въ указанныхъ нами мѣстностяхъ изъ нихъ почти исключительно состоитъ весь орнаментъ. Затѣмъ, во всей остальной Малороссіи замѣтно преобладаютъ формы узоровъ *растительныя*, и чѣмъ южнѣе, тѣмъ преобладаніе ихъ замѣтнѣе и тѣмъ болѣе они являются въ законченной и совершенной формѣ. Особеннымъ обиліемъ и богатствомъ орнаментики, а также и изяществомъ, отличается такъ называемое побережье, т. е. вся мѣстность по Днѣпру. Въ подольской губерніи и отчасти на югѣ волынской также очень велико разнообразіе узоровъ и цвѣтовъ, вѣроятно вслѣдствіе смѣшенія многихъ этнографическихъ элементовъ. Наконецъ животныя формы и архитектурныя (см. 129 № нашей коллекціи) попадаются исключительно по этнографической границѣ съ Великороссіей, на сѣверѣ черниговской губерніи и, какъ мнѣ извѣстно только по разсказамъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ воронежской губерніи. Такое исключительное ихъ расположеніе, а также явное сходство съ узорами чисто великорусскими (ср. узоры животнаго и архитектурнаго типа нашей коллекціи съ узорами „Русс. Народн. Орнамента" г. Стасова) заставляютъ насъ думать, что животныя формы орнаментики вовсе несвойственны малорусскому орнаменту и занесены къ намъ изъ великорусскихъ мѣстностей.

Такимъ образомъ, резюмируя сказанное, мы видимъ, что въ сѣверно-малорусскихъ мѣстностяхъ преобладаютъ узоры цвѣта *краснаго* (одноцвѣтные) и типа *геометрическаго*; затѣмъ далѣе, по мѣрѣ приближенія къ югу, узоры становятся все болѣе и болѣе *растительнаго* вида и *красный* цвѣтъ комбинируется съ *синимъ*. Какъ по широтѣ распро-

страненія, такъ и по количеству варіацій, такъ наконецъ и по отсутствію привнесенныхъ элементовъ,—въ родѣ животныхъ формъ на сѣверѣ и желтаго цвѣта съ чернымъ на югѣ,—эти черты орнаментики должны быть признаны характерными для Малороссіи въ смыслѣ этнографическомъ. Наконецъ на югѣ, вслѣдствіе, вѣроятно, вліянія югославянской и румынской орнаментики, появляются черный, желтый и другіе цвѣта, производя пестроту узора, близко напоминающую южно-славянскій орнаментъ. Все же это сводится къ слѣдующимъ положеніямъ:

I. Главными характерными чертами малорусской орнаментики, по крайней мѣрѣ на сколько выражается это въ вышивкахъ, можно признать—

1) *Рисунокъ узоровъ, представляющій по преимуществу подражаніе растительнымъ формамъ.*

2) *Полное отсутствіе изображеній цѣлыхъ деревьевъ, фигуръ птицъ, животныхъ, человѣческихъ* и *архитектурныхъ.*

3) *Рѣшительное преобладаніе цвѣтовъ краснаго* и *синяго* и только *на югѣ желтаго.*

II. Указанныя въ первомъ положеніи черты составляютъ этнографическое отличіе орнаментики малорусской отъ великорусской, а также и отъ орнаментики южныхъ славянъ.

До сихъ поръ мы ничего не сказали о *происхожденіи* малорусскихъ узоровъ. В. В. Стасовъ въ текстѣ къ „Русскому народному орнаменту“, изданному обществомъ поощренія художниковъ, изложилъ чрезвычайно любопытную и очень оригинальную теорію происхожденія великорусскихъ узоровъ, между прочимъ, путемъ заимствованій отъ финскихъ народовъ съ сѣвера и отъ Персіи съ востока. Не обладая, подобно г. Стасову, достаточной эрудиціей въ сферѣ даннаго вопроса, мы, разумѣется, не только не можемъ отнестись вполнѣ критически къ его воззрѣніямъ [1]), но не рѣшаемся и дѣлать приложеній

---

[1]) Уже послѣ III арх. съѣзда, при личномъ свиданіи съ В. В. Стасовымъ и особенно при осмотрѣ персидскихъ и мало-азіатскихъ тканей, находящихся въ Музеѣ, устраивающемся во дворцѣ Е. В. Великой Княгини Маріи Николаевны, посѣтить который мнѣ удалось благодаря просвѣщенной любезности В. В. Стасова и Д. В. Григоровича,—я могъ наглядно убѣдиться, что по крайней мѣрѣ, судя по видѣнному мною, теорія г. Стасова, особенно въ приложеніи къ персидскому происхожденію великорусскихъ узоровъ животнаго типа,—имѣетъ за собою очень мало вѣроятныхъ основаній. Ткани изъ Тегерана, Бейрута, Дамаска покрыты такими же точно пѣтушками и т. п. фигурами, какія можно встрѣтить на любомъ великорусскомъ полотенцѣ. По отношенію къ малорусскимъ узорамъ очень поучительны изображенія цвѣтовъ на тѣхъ же тканяхъ, особенно *гвоздикъ.*

его теоріи къ малорусской орнаментикѣ, тѣмъ болѣе, что матеріалы, которыми мы пользовались, нельзя не признать очень неполными и въ достаточной мѣрѣ случайными. Но теорія г. Стасова, особенно въ связи съ исторіей разселенія арійскихъ племенъ, имѣетъ, по нашему мнѣнію, на столько важное значеніе для сравнительной этнологіи, что въ виду этого мы позволимъ и себѣ сдѣлать нѣсколько если не сравненій, то по крайней мѣрѣ сопоставленій въ области сравнительной орнаментики. Пересматривая, напримѣръ, табл. XLVII превосходнаго изданія Owen Jones'a „Grammar of Ornament", нельзя не замѣтить очевиднаго сходства персидскихъ узоровъ, изображающихъ *гвоздику*, съ нашими малорусскими узорами, гдѣ гвоздика попадается въ огромномъ количествѣ варіантовъ. Тоже самое съ той же очевидностью можно видѣть на табл. XX изданія Racinet-L'ornement polychrome. Далѣе, сравнивая по цитированнымъ изданіямъ нѣкоторые византійскіе и византійско-римскіе орнаменты съ малорусскими, нельзя также не замѣтить поразительнаго сходства. Для примѣра укажемъ, напримѣръ, на кресты (O. Jones. Gr. of ornam. T. XXIX f. 10) мозаики храма св. Софіи въ Константинополѣ и №№ 21, 22 и 30 нашей коллекціи. Узоръ фресковъ собора Св. Марка въ Венеціи (ibid. T. XXX f. 13) также совершенно сходенъ съ 29 № нашей коллекціи. Затѣмъ, разнообразныя розетки орнаментовъ византійскихъ церквей въ Римѣ, Палермо, Равеннѣ и т. д. (id. T. XXX f. f. 14, 15, 16, 17, 38) также чрезвычайно напоминаютъ розетки малорусскихъ узоровъ, а особенно узоровъ на *писанкахъ*. Но сравнивая, затѣмъ, византійскіе узоры съ персидскими, нельзя въ свою очередь не согласиться съ г. Стасовымъ относительно ихъ большаго сходства, сильно указывающаго на возможность заимствованія.

Что касается узоровъ чисто геометрическихъ, особенно-же ихъ примитивныхъ сторонъ, то, разсматривая хоть бы указанныя нами изданія и сравнивая геометрическіе узоры всѣхъ народовъ съ примитивными узорами дикарей (Jones-Gr. of orn. T. I f. f. 1, 2, 3, 4, 5, 8, 13 и пр.) и примѣняя все это къ нашимъ малорусскимъ узорамъ въ этомъ же родѣ, нельзя не видѣть очень большаго сходства между ними именно со стороны геометрическаго сходства, какъ намъ кажется, дающаго поводъ думать, что примитивная орнаментика всѣхъ народовъ, несмотря на свою самобытность, имѣетъ очень много общаго, и что всѣ народы на первыхъ ступеняхъ культуры изобрѣтаютъ себѣ геометрическій орнаментъ почти одинаковый, не смотря на различіе расы и дальность разстояній. Нельзя въ этомъ случаѣ не указать и на орнаментику археологическую (см. напр. Lübbock-L'homme avant l'histoire). Вслѣдствіе всего сказаннаго мы позволяемъ себѣ думать, что въ области геометрическаго орнамента для сравненій и догадокъ на счетъ заимствованій врядъ ли могутъ быть достаточно прочныя основанія.

Представляя вниманію гг. членовъ съѣзда настоящія замѣтки о малорусской орнаментикѣ, замѣтки очень не полныя и основанныя на изученіи далеко необширной кол-

лекціи, мы имѣли въ виду какъ неизслѣдованность самаго сюжета, такъ и желаніе съѣзда, выраженное въ его предварительной программѣ вопросовъ. Ограничиваясь исключительно этнографической стороной вопроса, мы не позволили себѣ дѣлать никакихъ приложеній сказаннаго нами въ области археологіи, предоставляя это гг. спеціалистамъ уважаемаго ученаго собранія [1]).

---

[1]) Считаемъ своею обязанностью принесть искреннюю благодарность Ю. З. Отдѣлу И. Р. Географическаго Общества, коллекціями котораго мы воспользовались, и затѣмъ г-жамъ Х. И. Волковой, Е. И. Юскевичъ-Красковской, С. Ѳ. Русовой, М. Ѳ. Линдфорсъ, Е. А. Лисицыной, А. Ѳ. Завойко, гг. Долженку, Куклярскому, Вышинскому, Мелит. Бугинскому и многимъ другимъ, трудами которыхъ составилась печатаемая коллекція узоровъ. Ѳ. В.

О древней глаголической надписи на островѣ Велья (Veglia)— Кърк, адріатическаго моря.

Рефератъ проф. **В. В. Ягича.**

Южнославянская Академія наукъ въ Загребѣ, желая, по мѣрѣ своихъ средствъ, участвовать въ третьемъ Археологическомъ съѣздѣ, представляетъ чрезъ меня, своего члена, здѣсь собраннымъ археологамъ нѣсколько фотографическихъ снимковъ древностей, хранящихся въ ея коллекціяхъ или, по крайней мѣрѣ, ей болѣе доступныхъ, чѣмъ другимъ южнославянскимъ обществамъ. По своему туземному происхожденію эти древности могутъ послужить важнымъ матеріаломъ для опредѣленія степени и характера культуры страны въ первыя столѣтія послѣ заселенія ея Славянами и въ то же время они представляютъ вѣрный отпечатокъ тѣхъ особенныхъ условій, среди которыхъ съ самаго ранняго начала слагалась политическая и религіозная жизнь одного изъ племенъ южнославянскихъ, Хорватовъ.

Хорватское племя южныхъ Славянъ поселилось, какъ извѣстно, въ той части бывшей нѣкогда единой римской имперіи (по островамъ и далматинско-хорватскому берегу адріатическаго моря), которая, хотя по географическому положенію естественно должна считаться принадлежностію европейскаго востока, однакожъ, вслѣдствіе сравнительной отдаленности Византіи и еще болѣе вслѣдствіе ея слабости и близости къ Италіи, скоро поддалась вліянію запада. Этой судьбы не миновали Хорваты. Начиная съ введенія христіанства, полученнаго ими изъ Рима, всѣ главные факторы, до послѣднихъ временъ опредѣлявшіе ихъ судьбу, являлись съ запада, изъ Италіи, изъ Германіи. Не разъ происходило столкновеніе между славянскою самобытностью Хорватовъ и притязаніями враждебныхъ сосѣдей въ видѣ политическаго и религіознаго гнета. Борьба была слишкомъ

неравная, и они должны были уступать, повинуясь въ политическомъ отношеніи, то Франкамъ, то Италіанцамъ (Венеціи), то, наконецъ, Венгріи; въ религіозномъ же отношеніи овладѣлъ ими Римъ. Но какъ въ политическомъ отношеніи имъ всегда удавалось обезпечить за собою хоть нѣкоторую самостоятельность, автономію, точно такъ же отстояли они и въ религіозной жизни нѣкоторыя особенныя преимущества въ пользу своей славянской народности. Послѣ долговременной борьбы народа съ „латинскою" оппозиціей городовъ и высшаго духовенства, наконецъ позволено было далматинскимъ Хорватамъ употреблять при богослуженіи славянскій языкъ, хотя въ исключительномъ видѣ глаголическаго письма, но именно тотъ самый, который принятъ у всѣхъ православныхъ Славянъ. Въ настоящее время это право ограничено небольшимъ числомъ приходовъ нѣкоторыхъ далматинско-хорватскихъ эпархій, но въ старину употребленіе глаголицы распространялось гораздо далѣе; не только церковныя книги писали и печатали глаголицею, но и въ публичной жизни нѣкоторыхъ приморскихъ общинъ господствовало это славянское письмо почти исключительно. Глаголицею писали грамоты, законы, духовныя завѣщанія, даже частную переписку вели этимъ письмомъ, кажущимся намъ нынѣ столь неудобнымъ.

Въ числѣ прочихъ доказательствъ распространеннаго употребленія глаголицы у Хорватовъ занимаетъ видное мѣсто одна глаголическая надпись, находящаяся въ маленькой католической церкви св. Луціи, недалеко отъ мѣстечка Башки, на островѣ Велья (Veglia), по хорватски *Кркъ*, фотографическій снимокъ съ которой я имѣю честь передать предсѣдателю съѣзда для коллекціи московскаго археологическаго общества. На особенную важность этой надписи въ палеографическомъ отношеніи я позволю себѣ въ немногихъ словахъ обратить вниманіе членовъ съѣзда.

Что у католическихъ Хорватовъ какое-то глаголическое письмо было въ употребленіи, объ этомъ уже давно знали ученые, занимавшіеся хоть сколько нибудь славянской исторіей. Подъ глаголицею подразумѣвался тотъ угловатый шрифтъ, которымъ въ теченіе многихъ столѣтій въ Далмаціи писали церковныя книги (часословы, служебники), съ конца же XV столѣтія нѣсколько разъ даже и печатали тѣ же самыя книги въ Венеціи, въ Сенѣ, на Рѣкѣ и въ Римѣ. Еще Добровскому былъ извѣстенъ только этотъ угловатый типъ глаголицы, о которой онъ написалъ отдѣльное довольно любопытное изслѣдованіе, появившееся въ свое время и на русскомъ языкѣ въ переводѣ покойнаго М. П. Погодина. Но когда въ 1830 г. сдѣлано было важное открытіе (глаголическія отрывки графа Клоца въ Тиролѣ), что, кромѣ извѣстнаго до тѣхъ поръ угловатаго или прямолинейнаго шрифта, существуетъ еще другой, совершенно различный, округлый типъ глаголицы, тогда ученые, какъ Шафарикъ и другіе, начали различать оба типа названіями: болгарская и хорватская глаголица. Научное изслѣдованіе церковнославянскаго языка, сдѣлавшее въ то время замѣчательный шагъ впередъ, благодаря трудамъ Востокова, Копитара, Шафарика и Миклошича, не допускало ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что въ па-

мятникахъ болгарской глаголицы языкъ древнѣе, чѣмъ въ памятникахъ хорватской глаголицы; но въ какомъ отношеніи находятся оба типа письма другъ къ другу, этого вопроса, не смотря на его чрезвычайную важность, Копитаръ не касался, а у Шафарика замѣтно еще въ 1853 году колебаніе и неопредѣленность. Угловатый типъ глаголицы хорватской внушалъ ему, какъ видно, преувеличенное уваженіе. На стр. 5 своего замѣчательнаго изслѣдованія Památky písemnictví hlaholského онъ высказываетъ ни на чемъ не основанную догадку, что названіе *буквица*, употребляемое у Хорватовъ для глаголицы, относится, можетъ быть, къ дохристіанскимъ временамъ, а на стр. 31 сличаетъ угловатый типъ хорватской глаголицы съ рунами и санскритскимъ письмомъ и прибавляетъ, что „tento svůj ráz zachovala chorvatská hlaholice v rukopisech i knihách církevních *od pradávní doby*". Отсюда видно, что Шафарикъ, хотя со стороны языка предпочиталъ памятники округлой глаголицы „болгарской", однакожъ, со стороны графики давалъ предпочтеніе угловатому типу хорватской глаголицы и, если не прямо высказывалъ, то, по крайней мѣрѣ, намекалъ на то, будто бы угловатый типъ глаголицы былъ первоначаленъ, а округлый—дальнѣйшее его развитіе. Всѣ эти догадки и предположенія оказываются невѣрными: глубокая древность угловатаго типа глаголицы есть только кажущаяся, на дѣлѣ же выходитъ иначе. Теперь не подлежитъ болѣе ни малѣйшему сомнѣнію, что въ теченіе первыхъ столѣтій славянской литургіи, и у Хорватовъ была въ употребленіи округлая глаголица, что угловатый типъ на домашней хорватской почвѣ развился изъ старшаго округлаго, по всей вѣроятности, въ XII—XIII столѣтіи. Причины, заставившія писцевъ измѣнить такимъ образомъ почеркъ глаголицы, намъ, правда, пока еще не совсѣмъ ясны: перемѣна, кажется, произошла не вдругъ; главный толчекъ, однакожъ, относится, какъ я думаю, къ тому времени, когда установилась такъ называемая хорватская рецензія глаголической орфографіи, т. е. когда выкинуты были изъ глаголицы юсы и вмѣсто ъ и ь опредѣлено писать только ⰵ или даже I.

Въ доказательство только что приведенныхъ соображеній можно указать на слѣдующія обстоятельства:

а) чѣмъ древнѣе рукопись глаголическая изъ числа настоящихъ хорватскихъ (относительная древность опредѣляется преимущественно по признакамъ правильныхъ формъ церковнославянскаго языка), тѣмъ замѣтнѣе въ ея почеркѣ слѣды бывшей округлости шрифта. Я, къ сожалѣнію, не могу указать на палеографическіе снимки, такъ какъ они здѣсь не имѣются, но въ Загребѣ мнѣ случалось видѣть множество глаголическихъ памятниковъ, и мои наблюденія въ этомъ направленіи, изложенныя вкратцѣ во второй книжкѣ *Рада* г. 1868, подтверждаются всѣми послѣ сдѣланными открытіями. Округлость замѣтна въ древнѣйшихъ памятникахъ хорватской глаголицы, особенно на буквахъ в, т, д, ц, ч.

б) въ древнѣйшихъ отрывкахъ хорватской глаголицы являются еще иногда буквы, которыхъ въ обыкновенныхъ рукописяхъ вовсе нѣтъ, между тѣмъ какъ онѣ въ такъ называемой болгарской или, лучше сказать, юсовой, округлой глаголицѣ—самое обыкновенное явленіе. Это замѣчаніе относится къ буквамъ Ⱔ и Ⱗ, которыхъ обыкновенная хорватская глаголица совсѣмъ не знаетъ.

в) И въ позднѣйшихъ рукописяхъ хорватской глаголицы сохранилось довольно слѣдовъ прежней округлости въ начальныхъ буквахъ—иниціалахъ, поднимающихся выше, иногда же опускающихся ниже строки, подобіемъ же своимъ напоминающихъ почеркъ юсовой, округлой глаголицы. Напр. Ⰸ, какъ иниціальная буква, въ глаголическихъ рукописяхъ XIV стол. есть явленіе очень обыкновенное, между тѣмъ, въ строкѣ никогда болѣе не употребляютъ этой буквы.

г) Наконецъ, самое главное, прямое свидѣтельство о томъ, что въ Хорватіи была когда то въ общемъ употребленіи округлая глаголица, представляетъ глаголическая надпись св. Луціи, о которой здѣсь рѣчь идетъ. Одного взгляда на фотографическій снимокъ достаточно, чтобы въ этомъ убѣдиться. Общій типъ буквъ этой надписи округлый, не смотря на то, что на камнѣ гораздо труднѣе было изобразить черты круглыя, чѣмъ прямыя. Дѣйствительно, нѣкоторыя буквы каменотесецъ высѣкъ изъ однихъ только прямыхъ линій, желая такимъ образомъ облегчить себѣ трудъ. Отъ чего же онъ не изобразилъ и остальныя буквы на подобіе позднѣйшей угловатой глаголицы? Не можетъ быть сомнѣнія, что онъ охотно бы воспользовался этимъ облегченіемъ, если бы тогда уже вошли въ общее употребленіе позднѣйшіе типы вмѣсто прежнихъ. Если же онъ этого не сдѣлалъ, то мы смѣемъ съ полною увѣренностью утверждать, что характеръ глаголицы, изображенный на этой надписи, отвѣчаетъ по возможности вѣрно бывшему тогда у Хорватовъ въ употребленіи глаголическому письму. Это же была, какъ мы видимъ, не позднѣйшая угловатая, par excellence хорватская, но старшая, т. е. округлая глаголица.

Такъ какъ эту надпись, на основаніи нѣкоторыхъ историческихъ соображеній, относятъ къ началу XII столѣтія, то отсюда слѣдуетъ, что еще въ то время въ Хорватіи знали округлую глаголицу. Изъ вокализма же нѣкоторыхъ словъ, которыя можно прочесть, видно, что юсы уже тогда вышли изъ употребленія. Стало быть, эта надпись представляетъ типъ округлой глаголицы, но безъ юсовъ и такимъ образомъ подходитъ очень близко къ отрывку глаголическаго апостола, изданному мною во второй книжкѣ *Рада*.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

КІЕВО-КИРИЛЛОВСКАЯ ТРОИЦКАЯ ЦЕРКОВЬ.

Сообщено священникомъ **В. Гр. Антоновымъ.**

Св. храмъ Кіевокирилловскаго богоугоднаго заведенія, или, что тоже, Кіевокирилловская церковь стоитъ на возвышенной равнинѣ, заросшей лѣснымъ деревомъ, внизу коей лежитъ большая, такъ-называемая, Кирилловская улица, ведущая изъ города за городъ. Въѣздъ изъ сей улицы въ заведеніе и къ церкви чрезвычайно красивъ. Это ложбина, натуральная или искусственная, между двумя возвышеніями и горами, испещрена разными деревьями. Недоходя равнины, на которой стоятъ возвышенные больничные корпуса и церковь, видимъ ворота, съ лѣвой стороны коихъ устроена квартира для привратника, а вверху воротъ позлащенными литерами красиво изображены, съ двуглавымъ надъ ними орломъ, слова: *Кіево-Кирилловскія Богоугодныя Заведенія.* Прямо противъ воротъ возвышается огромный, деревянный, красивой архитектуры, новопостроенный корпусъ, для помѣщенія въ немъ мужеской богадѣльни и фельдшерской школы: налѣво отъ воротъ аллея, усаженная деревьями и цвѣтами, ведущая въ контору управленія заведенія и къ смотрителю онаго и далѣе въ дворъ хозяйства или экономіи заведенія, а направо отъ воротъ аллея, усаженная тополями и разнаго рода цвѣтами, которая ведетъ прямо къ церкви. При сей аллеѣ есть особыя ворота и каменная стѣна, у которой по обѣимъ сторонамъ стоятъ старинной архитектуры башни, между которыми, вблизи самыхъ воротъ, возвышается колоссальная колокольня церкви. Каменная, старинной архитектуры, стѣна служитъ очевиднымъ доказательствомъ существованія здѣсь,—до учрежденія богоугоднаго заведенія,—обители монашествующихъ: стѣна эта, въ одномъ мѣстѣ уже обрушившаяся, симъ самымъ свидѣтельствуетъ о своей древности. Съ правой стороны сей стѣны видна мѣстность, усаженная немногими плодовитыми, а болѣе лѣсными деревьями, среди коихъ устроены *бараки* или лѣтнее помѣщеніе для больныхъ женскаго пола. Въ концѣ сада,

надъ крутизною горы устроена и вновь отдѣлана *бесѣдка*, которая для проходящихъ мимо Кирилловскаго заведенія представляетъ картинное зрѣлище. По лѣвую сторону стѣны вновь построены *бараки* или лѣтнее помѣщеніе для больныхъ мужескаго пола; за этими бараками начинается и далеко тянется роща, а за нею кладбище сего заведенія и глубокій яръ, — въ коемъ постоянно тихо струится вода, — отдѣляющій мѣстность Кирилловскаго заведенія отъ предмѣстья города, которое зовется *Куреневкою*. Внутри же каменной стѣны стоятъ два огромные корпуса, гдѣ помѣщаются въ одномъ больные мужескаго, а въ другомъ женскаго пола, и особо отъ нихъ корпусъ для прислуги и кухни, и домъ съ полисадникомъ, самой красивой архитектуры, для доктора постоянно живущаго въ заведеніи, при больныхъ. Здѣсь же стоитъ и самая церковь во имя св. живоначальныя Тройцы. Церковь эта каменная, о пяти куполахъ. Высота ея, полагать можно, саж. 10, длина 12 и ширина 8 саженей. Престоловъ въ ней четыре: главный, во имя св. Тройцы; съ правой стороны во имя св. Аѳанасія и Кирилла Александрійскихъ, а съ лѣвой — во имя Архангела Михаила. Четвертый же, во имя Андрея Первозваннаго, въ теплой церкви, устроенный въ переднемъ придѣлѣ, противъ алтаря престола св. Аѳанасія и Кирилла. Видно, что на хорахъ, противъ алтаря теплой церкви, былъ еще престолъ и, какъ преданіе утверждаетъ, во имя св. Димитрія Ростовскаго; но нынѣ онъ не существуетъ: тамъ находятся только остатки иконостаса и другихъ принадлежностей алтарныхъ.

Кирилловская церковь, какъ значится въ клировой вѣдомости, построена въ 1180 г. княгинею Маріею Всеволодовною, матерью Святослава, дочерью Казиміра, короля Польскаго—Мниха. Подтвержденіе сего, дѣйствительно, есть въ Ипатьевской и Густинской лѣтописяхъ. Въ первой [1]) говорится такъ: ***Въ лѣто 1179-е преставися княгиня Всеволожая, пріемши на ся черничью схиму и положена бысть въ Кіевѣ у св. Кирилла, юже бѣ сама создала.*** Во второй [2]) говорится такъ: ***Въ 1179 лѣто преставися благовѣрная княгиня Марія Всеволодовая, мати Святославля, дщи Казимира, короля Польскаго Мниха, иже пострижеся въ схиму и положена бысть въ церкви св. Кирилла, юже сама создала.*** Лѣтописецъ, повидимому, ясно и точно опредѣляетъ время основанія и лице, основавшее Кирилловскую церковь или монастырь; но, сличивъ другія мѣста того же лѣтописца и указанія на это другихъ лѣтописей, нельзя допустить, чтобы Марія Казимировна была основательницею и строительницею Кирилловской церкви. Марія Казимировна жила въ Россіи самое короткое время, такъ что не могла построить большую каменную церковь. Тотъ же лѣтописецъ въ другомъ мѣстѣ [3]) говоритъ: ***Въ лѣто 1179 приведе***

---

[1]) Ипат., стр. 121.

[2]) Лѣт. Гус. стр. 317.

[3]) Гус. лѣт. стр. 121. Истор. Рос. т. II 50 прим.

Святославъ за Всеволода, средняго сына, жену изъ Ляховъ, Казимирну, во Филиппово говѣнье и того же лѣта преставися княгиня. Слѣдовательно Марія умерла въ первый же годъ по прибытіи своемъ въ Россію. Она *„приведена“*, по словамъ лѣтописца, въ Филиппово говѣнье, т. е. не ранѣе 15 числа мѣсяца ноября и умерла того же года, а годъ въ то время начинался съ мѣсяца марта: слѣдовательно она умерла не позже мѣсяца февраля. Значитъ, Марія жила въ Россіи не болѣе трехъ мѣсяцевъ, потому и не могла въ короткое время осуществить такое дѣло, какъ построеніе церкви, притомъ такой, какъ Кирилловская. Да тотъ же лѣтописецъ упоминаетъ о существованіи Кирилловскаго монастыря еще за восемь лѣтъ до прибытія Маріи Казиміровны въ Россію, говоря: „Святославъ преставися въ 1171 году м. їуля и положиша ѝ во св. Кириллѣ, въ отни ему монастыри“ [1]). Названіе монастырей *отними, вотчими* или *отцовскими* въ лѣтописяхъ встрѣчается довольно часто. Вообще, монастыри *отними* назывались тѣ, которые основаны или построены были отцами или предками извѣстнаго лица. Такъ напр. монастырь св. Өеодора, основанный Мстиславомъ, сыномъ Мономаха, по отношенію къ его сыну, назывался *отнимъ*. Лѣтописецъ, говоря о смерти Мстислава, говоритъ такъ: *Положиша въ церкви св. Өеодора, въ отни ему монастыри* [2]). Михайловскій монастырь былъ *отнимъ* въ родѣ Святополка. Выдубицкій въ родѣ Всеволода и т. д. Поэтому заключить слѣдуетъ, что Кирилловскій монастырь былъ *отень* монастырь Святослава, т. е. основанъ отцемъ его Всеволодомъ, княжившимъ въ Кіевѣ съ 1138 по 1146 годъ. Слѣдовательно, въ теченіи этого времени, со всею вѣроятностію опредѣлить можно, и былъ основанъ Кирилловскій монастырь. Это подтверждаютъ и другія мѣста той же лѣтописи. Такъ, подъ 1194 годомъ въ третій разъ упоминается о Кирилловскомъ монастырѣ. *„Святославъ же, сынъ Всеволода, пришедъ въ Кіевъ и ѣха къ Вышгороду въ пятницу поклонитися св. мученикамъ, и влезъ въ церковь со слезами облобыза святую раку, и посемъ же пріиде къ отни гробницѣ и хотѣ внити по обычаю, попови же отшедши съ ключемъ, Святославъ же недождавъ и ѣха.... въ суббому же ѣха по св. мученикамъ, къ церкви, ту сущей у св. Кирилла.... Сего же (Святослава) больши охудавающи силѣ и отемняющи языкъ..... и веля ея постричи въ черницы..... и преставися мѣсяца їуля и положиша ѝ во св. Кирилѣ, въ отни ему монастыри“* [3]). Здѣсь лѣтописецъ ясно указываетъ на время основанія и основателя Кирилловскаго монастыря, и это время и лице совершенно другія, а не тѣ, о коихъ говорилъ лѣтописецъ въ другихъ мѣстахъ. Тамъ говорится, что Марія, жена Всеволода, по смерти своей положена во св. Кириллѣ, *юже бѣ сама создала*, т. е. основаніе Кирилловской церкви прямо приписывается Маріи Ка-

---

[1]) Лѣт. Ипат. стр. 143.

[2]) Ibid. стр. 74.

[3]) Ипат. стр. 143.

зимировнѣ, а этимъ опредѣляется и годъ основанія, именно 1170 годъ, такъ какъ Марія жила на Руси только въ концѣ сего года. Между тѣмъ послѣднее сказаніе того же лѣтописца подъ 1194 годомъ показываетъ, что Кирилловскій монастырь онъ называетъ *„отнимъ“*, т. е. отцовскимъ—Святослава, а отецъ Святослава былъ Всеволодъ, княжившій въ Кіевѣ съ 1138 по 1146 годъ. Никоновская лѣтопись говоритъ: *„Святославъ положенъ бысть въ монастыри, въ церкви св. Кирила, юже бѣ создалъ отецъ его Всеволодъ* [1]). Тоже самое говорится и въ Лаврентьевской лѣтописи: *„Того же лѣта преставися Святославъ, князь кіевскій, и положенъ бысть въ монастыри св. Кирила иже созда отецъ его“* [2]). Такія противорѣчія лѣтописныхъ сказаній приводили и приводятъ археологовъ къ разному заключенію о времени основанія или построенія Кирилловской церкви. Изъ всѣхъ указаній, по мнѣнію нашему, слѣдуетъ заключить, что Кирилловская церковь основана около половины XII вѣка и основателемъ оной былъ Всеволодъ II Ольговичъ. Что Марія Казимировна, о которой говорится въ лѣтописи *„положена бысть въ Кіевѣ, у св. Кирилла, юже бѣ сама создала“*, не можетъ быть признана основательницею Кирилловской церкви,—это несомнѣнно. Краткость времени, прожитаго ею въ Россіи болѣе всего и опровергаетъ сказаніе лѣтописи. Можно думать, что Марія Казимировна, какъ предполагаетъ г. *Закревскій* [3]), возобновила, а не основала или построила церковь, основанную дѣдомъ ея мужа, которая, по давности своей, требовала въ то время возобновленія. Можно и то думать, что Марія въ бывшей или существовавшей уже церкви основала или устроила новый придѣлъ и въ немъ или подъ нимъ усыпальницу, въ которой, по завѣщанію, по смерти своей, и была положена или погребена [4]).

Основаніе или построеніе церквей князьями въ древней Руси было дѣломъ весьма обычнымъ. Почти всѣ кіевскія церкви тогдашняго времени основаны или построены князьями. Не говоримъ о церквахъ, построенныхъ св. Владиміромъ, о церкви св. Софіи, построенной Ярославомъ; лѣтописи ясно свидѣтельствуютъ, что и другія церкви или монастыри основаны и построены великими князьями. Такъ, монастырь Михайловскій основанъ Святополкомъ, св. Өеодора—Мстиславомъ, сыномъ Мономаха, Выдубицкій—Всеволо-

---

[1]) Ник., стр. 260.

[2]) Лавр. лѣт. стр. 260.

[3]) Описаніе Кіева, 1868 г., стр. 339.

[4]) Недоумѣнія автора или источниковъ, которыми онъ пользовался, удачно разрѣшены М. А. Максимовичемъ въ статьѣ его: *О созданіи кіевской церкви св. Кирилла*, помѣщенной въ 1 № ***Кіевскихъ** епархіальныхъ вѣдомостей* за 1869 годъ. Статья эта заканчивается слѣдующимъ выводомъ: „Строительницею Кирилловской церкви и монастыря была ***княгиня Марія Мстиславна***, жена Всеволода Ольговича, дочь Мстислава Великаго, внука Владиміра Мономаха. Послѣ своего тридцатилѣтняго замужества, она оставалась еще тридцать три года вдовою и скончалась въ 1179 году, и положена въ церкви, *юже бѣ сама создала*“.

Прим. чл. ред. комит. Ф. Терновскаго.

домъ и т. д. Построеніемъ церквей и основаніемъ монастырей выражалась въ то время, какъ и доселѣ, набожность и благочестіе князей. Но Всеволодъ Ольговичъ, можно думать, имѣлъ особое побужденіе къ построенію Кирилловской церкви. На *Дорогожищахъ* онъ одержалъ побѣду и получилъ великое достоинство княжеское; поэтому, можно заключать, онъ могъ основать на томъ мѣстѣ въ память храмъ Господу Богу, какъ дань благодарности за одержанную побѣду. Это подтверждаетъ и народная легенда, въ которой говорится, что извѣстный герой *Кирило,* въ память своей побѣды *надъ зміемъ на Дорогожищахъ,* основалъ на томъ мѣстѣ Кирилловскій монастырь.

Та легенда можетъ служить основаніемъ думать, почему нынѣшняя церковь Троицкая названа Кирилловскою. Примемъ въ соображеніе, что, со времени введенія въ Россіи христіанской вѣры, у князей было обыкновеніе строить монастыри или церкви въ память того святаго, именемъ котораго назывался самъ князь или супруга его. Такъ — равноапостольный князь Владиміръ при крещеніи нареченъ Василіемъ, потому и престолъ построенной имъ церкви въ Кіевѣ былъ во имя св. Василія. Князь Изяславъ въ крещеніи названъ Димитріемъ, потому и монастырь, имъ основанный, былъ во имя св. Димитрія. Всеволодъ I—въ крещеніи Андрей, и монастырь, имъ построенный, —Андреевскій. Ярославъ—Георгій построилъ монастырь св. Георгія, а другой монастырь во имя супруги своей св. Ирины. Всеволодъ Ольговичъ, вѣроятно, при крещеніи, нареченъ Кирилломъ, потому и построенный или основанный имъ монастырь названъ Кирилловскимъ. А что престолъ св. Кирилла, въ послѣдствіи, былъ переименованъ во имя св. Тройцы, тому были особыя причины.

Лѣтописи вообще свидѣтельствуютъ о всеобщемъ разграбленіи Кіева различными его врагами, въ разное время. Изъ общаго разграбленія, вѣрно, нельзя исключить и Кирилловскій монастырь. Для враговъ и грабителей онъ былъ даже ближе доступенъ, ибо онъ былъ въ концѣ города, а, какъ монастырь княжескій, то и небѣдный. Впрочемъ, въ лѣтописяхъ прямаго и яснаго на то указанія нѣтъ. Равно нѣтъ нигдѣ и помина вообще о Кирилловскомъ монастырѣ и церкви до XVI вѣка. Указаніе на Кирилловскій монастырь встрѣчается уже въ 1555 году. Въ жалованной грамотѣ Сигизмунда II Августа, короля Польскаго, данной на имя Богдана Ивановича Шавулы, Кирилловская церковь отдается въ полное его владѣніе. Въ ней сказано: „*Церковь св. Кирила, заложенная на болоньи, отдается во владѣніе Шавулы съ тѣмъ, чтобы тую церковь по себѣ, до живота своего держали и всѣхъ пожитковъ, которіи въ той церкви здавна бываютъ, вживати и якъ предки его тую церковь на себѣ держали и пожитки свои мали, держати онъ тую церковь на себи мается во всемъ добре и равно у справахъ духовныхъ заховати и справовати*“ [1]). Въ этой грамотѣ Кирилловская церковь называется не монастыремъ, а цер-

[1]) Грамота сія, въ числѣ другихъ актовъ Кирилловскаго монастыря, съ другими грамо-

ковію: значитъ, въ это время монастыря уже здѣсь не было. Должно быть, монастыря, разграбленнаго и опустошеннаго врагами, оставшаяся братія возстановить своими средствами не могла, и потому монастырь, послѣ разоренія, остался церковію. Таже грамота свидѣтельствуетъ, что церковь Кирилловскаго монастыря была возстановлена гораздо ранѣе XVI вѣка, или жизни Богдана Шавулы: ибо въ ней ясно говорится, что и „*предки Шавулы тую церковь на себѣ держали и пожитки свои мели*". Впрочемъ Кирилловская церковь недолго пользовалась самостоятельностію. Тотъ же Сигизмундъ, король Польскій, грамотою отъ 23 іюля 1565 года, данною на имя воеводы кіевскаго, Острожскаго, причислилъ ее, со всѣми угодьями, къ замковой церкви св. Николая, что на горѣ *Уздыхальницѣ*, нынѣ Кисилевка [1]).

Далѣе, Кирилловская церковь снова исчезаетъ изъ исторіи. Въ бѣдности и неизвѣстности она существовала до XVII столѣтія. Въ семъ вѣкѣ она сдѣлалась, по прежнему, монастыремъ и монастыремъ богатымъ. Этимъ она обязана князю Константину Острожскому. Этотъ великій ревнитель благочестія вызвалъ игумена изъ Острога, Василія Красовскаго и поручилъ ему возобновленіе Кирилловской церкви. Дѣйствительно, сей игуменъ, при помощи князя Острожскаго, бывшаго тогда воеводы кіевскаго, испросилъ у Сигизмунда III грамоты, которыми возвращены были Кирилловской церкви земли, какими она владѣла прежде. Самую же церковь онъ возобновилъ и украсилъ своими собственными средствами. Въ грамотѣ, данной Сигизмундомъ III отъ 16 февраля 1626 года, говорится: „*Монастырь св. Кирилла, недалеко Кіева лежачій, отъ давнихъ часовъ, по збуренью Татарскомъ, впустѣ безъ отправленія хвалы Божіей лежалъ, который монастырь набожній законникъ Василій Красовскій кращею и коштомъ своимъ направилъ и общину для отправленія хвалы Божои заложивши, з того миста зшол* . . . . ." [2]). Сей же игуменъ, по всей вѣроятности, возобновляя Кирилловскую опустѣлую церковь, главный престолъ ея переименовалъ во имя св. Троицы, отчего она съ того времени стала называться Троицкою въ Кирилловскомъ монастырѣ. Престолъ же во имя св. Кирилла онъ устроилъ въ правой сторонѣ, гдѣ существуетъ и въ настоящее время, а на лѣвой сторонѣ устроилъ престолъ во имя архангела Михаила, существующій тоже и донынѣ. Съ этого времени монастырь Кирилловскій сдѣлался извѣстнымъ и въ исторіи церковной іерархіи. Памятны имена настоятелей сего монастыря: *Иннокентія, Лазаря, Мелетія* и *Димитрія*, впослѣдствіи митрополита Ростовскаго и др.

тами, изъ библіотеки Кіевской духовной академіи, передана въ Императорскую публичную библіотеку.

[1]) Журналъ мин. нар. пр. 1844 г., декабрь.

[2]) Акты Зап. Россіи, т. IV, № 225.

Кирилловская Троицкая церковь сама по себѣ свидѣтельствуетъ о своей древности. Въ этомъ удостовѣряютъ громадность зданія и вмѣстѣ простота, отсутствіе всякихъ фасадныхъ украшеній, толщина ($2^1/_2$ аршина) стѣнъ и внутреннихъ столбовъ ($2^1/_2$ арш.), внутреннее, можно сказать, тѣсное помѣщеніе, не соотвѣтствующее массивности зданія, и самый планъ онаго. Планъ сей церкви совершенно похожъ на планъ древнихъ кіевскихъ церквей. Троицкая церковь состоитъ изъ продолговатаго прямоугольника, а если отдѣлить притворъ, то планъ ея составитъ греческій равноконечный крестъ. Восточный конецъ этого креста оканчивается тремя полукружіями съ куполообразными сводами; среднее полукружіе значительно больше боковыхъ. Полукружія раздѣляются между собою капитальными стѣнами и сообщаются внутренними ходами, состоящими изъ небольшихъ арковыхъ пролетовъ. Въ каждомъ изъ сихъ полукружій устроенъ престолъ: въ среднемъ — во имя св. Троицы, въ правомъ св. Кирилла и Аѳанасія Александрійскихъ, въ лѣвомъ—арх. Михаила. Средняя, огромная арка, соединяющая алтарь съ самою солеею церкви, заставлена высокимъ, въ 5 ярусовъ, иконостасомъ. Онъ совершенно простъ, безъ всякихъ украшеній, и по живописи, и по своему устройству; онъ старъ, но не древній, древности самой церкви онъ ни въ чемъ не соотвѣтствуетъ. Есть извѣстіе, что иконостасъ сооруженъ въ 1777 году; но тотъ ли иконостасъ, который стоитъ теперь въ церкви, или прежній, положительно опредѣлить нельзя. На сподней сторонѣ аналоя, на коемъ лежитъ всегда образъ, есть слѣдующая надпись: „*Издѣланъ „сей иконостасъ, въ резныхъ рамахъ, на коемъ изображено: Матерь Божію и младенца „нагого, спящаго и Іосифа цѣломудреннаго, устроенной передъ иконою Богоматернею, „сребромъ обложенною, за правымъ столномъ, на старимъ иконостасику, для знамено„ванія народнаго, во славу святыя живоначальныя и нераздѣлимыя Тройцы, при насто„ятелѣ здѣшнемъ, архимандритѣ Кирилѣ, тщаніемъ и коштомъ сея же обители иро„діаконовъ Варлаама и Филарета, родныхъ братьевъ и матери ихъ Кіево-Іорданскаго „монастыря монахини Анѳисы. 1777 года, Августа 6 дня*“.

Живопись на иконостасѣ, видно, старинная, но самая обыкновенная. Рѣзьбы на немъ немного; видна по мѣстамъ и позолота, но отъ времени потемнѣвшая. Изъ принадлежностей иконостаса болѣе всего обращаютъ на себя вниманіе *царскія врата*. Онѣ высотою 5 аршинъ и шириною 2 арш. съ десятью рѣзными поясными изображеніями. Верхнія шесть изображаютъ собою царей, въ царскихъ порфирахъ; въ рукахъ у каждаго изъ нихъ скипетръ, на главахъ короны, но не гладкія, а многозубчастыя. На нижнихъ же четырехъ, коихъ нужно принять за евангелистовъ, одѣяніе иное: головы ихъ открыты и въ рукахъ ихъ что то похожее на хартіи. Вверху *вратъ* прикрѣплена Божія Матерь съ Младенцемъ на рукахъ, рѣзной работы, позлащенная, а внизу, на одной половинѣ, въ лежачемъ положеніи, Илія Колесничникъ, а на другой Моисей Законодатель.

Икона Божіей Матери, называемая *Ченстоховскою*, утверждена въ подвижномъ, нарочито устроенномъ, кіотѣ, который приставленъ къ иконостасу, вмѣсто царскихъ вратъ, съ лѣвой стороны церкви. Икона вышиною въ 1 аршинъ, а шириною $^{3}/_{4}$ аршина. Риза на ней серебряная, позлащенная, но отъ давности потемнѣвшая. Ликъ Ея чрезвычайно выразителенъ. Есть основаніе думать, что Кирилловская церковь была въ свое время *уніатскою*, и что уніаты пріобрѣли снимокъ Божіей Матери изъ Ченстохова, гдѣ икона Матери Божіей и нынѣ чествуется, какъ чудотворная, всею Польскою страною.

Не меньшее вниманіе обращаетъ на себя и другой образъ Божіей Матери, стоящій въ особомъ, простой работы, кіотѣ, у лѣвой стѣны. Образъ этотъ малъ, вышиною онъ 6 вершковъ и въ ширину 6; не украшенъ ризой, на главѣ Божіей Матери есть только вѣнецъ. Вверху образа начертаны слѣдующія слова: „*По преставленіи игуменіи Парѳеніи и Февроніи сестры ея, сей образъ Пресвятыя Богородицы данъ отъ игуменіи Марѳы, на поминовеніе архіерея Димитрія Ростовскаго, бывшаго въ обители Свято-Троицкой монахомъ и потомъ тамъ же Святителемъ. Изъ Ростова присланъ въ сію же Свято-Троицкую обитель лѣта 1705, Декабря въ 5 день*“. При семъ образѣ, съ правой стороны, стоитъ и образъ св. Димитрія Ростовскаго, простой живописи, на холстѣ, во весь ростъ, въ архіерейской мантіи, въ бѣломъ клобукѣ. По лѣвой же сторонѣ, на стѣнѣ, виситъ изображенный на холстѣ портретъ отца св. Димитрія, *Саввы Туптало*. Надпись такова:

„Благочестивый мужъ Туптало Савва
Запорожскаго войска честь и слава.
Богоявленскій день отверсту небу
..... [1]) тако совершилъ потребу,
Третій часъ на день третяго року
Семъ сотъ тысяча з тройчаго вырoку
Въ троичномъ Кирилскомъ — почи
Тѣломъ чину душею Тройцы лицы
Да зритъ вину: вѣку естъ добръ
Жилъ сто и три лѣта оба
Уну взялъ мзду тройча“.

Снятъ з стариннаго портрета копіи 1760 года Августа 10 числа.

Надъ портретомъ Саввы Туптало виситъ на стѣнѣ деревянная доска, темнозеленаго цвѣта, на которой желтаго цвѣта буквами, изображены слѣдующія слова: „1689 года, Марта 20 дня, во святый великій пятокъ, въ спасительныя страсти, мать моя Марія Михайлова, законная супруга отца моего Саввы Григорьевича, преставися въ 9 часъ дня, Апрѣля въ 3 день, въ среду св. воскресныя седмицы совершили мы погребеніе въ

---

[1]) Въ оригиналѣ буквы сего слова такъ истерты, что нельзя разобрать.

монастырѣ Кириловскомъ и положили въ церкви св. Тройцы, на лѣвой сторонѣ, въ самой стѣнѣ, при дверяхъ, коими на хоры восходятъ. Да почіетъ о Господѣ, живыми и мертвыми обладающемъ".

„1703 года, генваря 6, въ 3 часъ дня Богоявленія Господня преставися отецъ мой Савва Григорьевичъ и погребенъ въ монастырѣ Кириловскомъ Кіевскомъ, въ церкви св. Тройцы. Вѣчная ему буди память".

Далѣе сей доски, на той же стѣнѣ, виситъ другая деревянная доска, въ позлащенныхъ рамахъ, въ рядъ съ иконою Богоматери и св. Димитрія, на коей по голубому полю бѣлыми буквами изображены слѣдующіе стихи:

„Отъ корене святаго, Саввы нареченна,
„Сто три лѣта поживша и здѣ погребенна, ҂аѱг года.
„Сей былъ въ градѣ Кіевѣ, сотникъ благочестенъ,
„Храма сего ктиторъ и любитель нелестенъ.
„Возрасте вѣтвь святая, Димитрій Святитель
„Кой осьмнадцятилѣтенъ, въ Кирильску обитель.
„Отъ Маріи Княгини, древле устроену, ҂аро҃ года,
„Константиномъ Острозскимъ Княземъ обновлену, ҂ахз҃ года
„И пришедъ ангелъ въ ангельскій образъ облечеся,
„Когда жъ слава благихъ дѣлъ, о немъ въ свѣтъ промчеся.
„Что житія святыхъ отецъ, не только писатель,
„Но вѣры и благихъ дѣлъ явися подражатель.
„Первѣе игуменства степенемъ бысть почтенъ
„Потомъ архимандритомъ, въ Новгороду устроенъ
„Вскорѣ жъ пріятъ святителевъ санъ, въ градѣ Ростовѣ
„Истиненъ пастырь являясь всѣмъ людемъ Христовымъ.
„Потомъ з града Ростова, сокровища мѣсто,
„Въ даръ благословеніе Дѣвы всепречистой,
„Съ предвѣчнымъ младенцемъ, златомъ обложенну
„Присла святу икону, лѣпо украшенну, ҂аѱз҃ года.
„Въ Кириловскій монастырь, яже въ тысячи семь сотъ
„Шестьдесять пятомъ году поставися въ сей кіотъ,
„Да будетъ всѣмъ чтущимъ покровъ и щитъ твердый
„Да излієтъ полные струи милосердія
„Вся намъ сія благая отъ Христа и Бога,
„Пребываяй душею въ небесныхъ чертогахъ,
„Испроситъ Святитель Христовъ Димитрій блаженный
„Чудесами на весь свѣтъ нынѣ прославленный".

У той же стѣны, по преданію, погребены великій князь Святославъ и княгиня Марія и гробницы ихъ существовали еще и въ XVII столѣтіи [1]).

---

[1]) См. Обозр. Кіева отн. къ др. стр. 71.

Въ 1860 году открыты совершенно случайно въ Кирилловской церкви древнія фрески. Предположено было исправить штукатурку. Рабочіе приступили къ дѣлу. Начали оббивать старую штукатурку, чтобы положить новую. Во время работы, на стѣнахъ начали проявляться слѣды краски, но рабочіе не обращали на то вниманія и продолжали работу. Бывшій въ то время Кирилловской церкви священникъ П. П. *Орловскій*, слѣдившій, по усердію своему, за дѣломъ рабочихъ, увидѣвъ появлявшуюся изъ подъ штукатурки въ большихъ размѣрахъ краску и даже начертаніе лицъ и одеждъ ихъ, остановилъ трудъ рабочихъ. Фрески потерпѣли много. Въ настоящее время трудно ихъ отчетливо разобрать [1]).

Фундаментъ зданія вездѣ совершенно однообразный, что, очевидно, служитъ наилучшимъ доказательствомъ, что всѣ части зданія построены одновременно, по крайней мѣрѣ снизу. Глубина фундамента въ 5, а ширина въ 3 аршина. Фундаментъ кладенъ изъ большихъ тесаныхъ камней, связанныхъ между собою толстымъ слоемъ цемента, составленнаго изъ раковистой извести, крупно толченныхъ кирпичей и даже камней булыжника. Глубина фундамента, сравнительно съ массивностію зданія, повидимому, представляется недостаточною, но кажущійся недостатокъ восполняетъ ширина фундамента. Особенно за прочность его ручается матеріалъ, употребленный для него. Крупные, тесаные камни, съ крѣпкимъ цементомъ, образовали плотную и неразрывную массу.

Стѣны церковнаго зданія столько же широки, какъ и фундаментъ, и изъ такого же матеріала. Онѣ не имѣютъ почти никакихъ фасадныхъ украшеній, есть только выступы, отъ верха до конца внутреннихъ стѣнъ и столбовъ, составляющіе родъ пилястръ. Эти пилястры, находящіеся противъ внутреннихъ столбовъ, дѣлятъ сѣверную и южную часть храма на четыре части, а западную на три, сообразно внутреннему раздѣлу церкви. Всѣ пилястры вверху соединяются между собою карнизомъ, который, можно видѣть, гораздо позднѣйшаго времени. Въ древнихъ церквахъ пилястры соединяются между собою вверху арками, соотвѣтственно дуговымъ сводомъ, заканчивающимъ зданіе церкви. Такъ, должно быть, было и въ Кирилловской церкви, но верхъ ея не уцѣлѣлъ въ прежнемъ видѣ, и дугообразная кровля ея, покрывавшая четыре дуги сводовъ, въ послѣдствіи замѣнена обыкновенною кровлею, для поддержанія которой, на протяженіи всего зданія, подстроена стѣна около аршина высоты. Кирпичъ и кладка его въ этой стѣнѣ совершенно новые. А что кровля прежде была дуговая, доказываетъ сохранившаяся до сего времени одна изъ дугъ, именно средняя, проходящая чрезъ главный куполъ. При отсутствіи другихъ подобныхъ дугъ, и замѣнѣ дуговой кровли четырехскатною, она, очевидно, оказалась лишнею. Концы ея могли быть видны снаружи; поэтому концы ея вы-

---

[1]) Къ третьему археологическому съѣзду въ 1874 году фрески, по возможности, были очищены и реставрированы. Пр. чл. р. К. Ф. Т.

ломаны (ибо для поддержанія кровли вокругъ всего зданія сдѣлана новая стѣна), и самая дуга остается теперь какъ бы не нужною подъ кровлею. Дуга та, видно, чрезвычайно давняя. Это показываетъ матеріалъ ея, такой точно, какой употребленъ на постройку всей Кирилловской церкви. Кирпичъ длины болѣе 7 верш., ширины около 6 и 1 верш. толщины и одинаковаго свойства и цвѣта глины. Кирпичъ, употребленный для постройки Кирилловской церкви отличенъ отъ кирпича, какой былъ употребленъ при постройкѣ древняго Софійскаго собора и церкви св. Ирины и доказываетъ, что Кирилловская церковь сооружена позднѣе послѣднихъ.

Куполовъ на Кирилловской Троицкой церкви пять. На среднемъ, большомъ куполѣ кирпичъ, кладка онаго и цементъ точно такіе, какъ и въ самой церкви, слѣдовательно онъ современенъ постройкѣ самой церкви;—но другіе четыре куполы и западная стѣна церкви, какъ и своды подъ хорами относятся къ позднѣйшему времени. Куполы всѣ пять сквозные, съ окнами; средній изъ нихъ круглый, а остальные многогранные. Всѣ они представляются какъ бы вставленными въ кровлю, а не утвержденными въ своихъ основаніяхъ. Такъ представляются потому, что настоящая, наклонная кровля значительно поднята противъ прежней, тогда какъ прежняя дуговая, должно быть, вполнѣ соотвѣтствовала фигурѣ куполовъ. Кровля на куполахъ куполообразная, а на самомъ храмѣ чэтырехскатная; листовое желѣзо на кровлѣ, какъ видно, было когда то покрашено зеленой краской, которая едва замѣтна подъ слоемъ ржавчины. Вверху всѣхъ куполовъ, выше перешейка, обитаго тоже желѣзомъ, водружены кресты, тоже когда то позолоченные, но отъ времени позолота едва уже замѣтна. Кресты простые, изъ полосъ обыкновеннаго желѣза, съ прорѣзью, не имѣющіе никакого украшенія, ни конечныхъ крестиковъ, ни полумѣсяцевъ. Подъ каждымъ крестомъ виднѣется яблоко, тоже, видно, золоченное, но позолота та едва замѣтна. Видъ крестовъ свидѣтельствуетъ, что они не современны построенію самой церкви. Дѣйствительно, кресты тѣ недавніе. Сосѣдніе жители помнятъ и разсказываютъ, что въ 1853 году сильная буря на главномъ, среднемъ куполѣ крестъ опрокинула, а на прочихъ четырехъ своротила и исказила всѣ ихъ такъ, что блюстители церкви признали нужнымъ кресты сдѣлать новые и вновь поставить. Такъ было и сдѣлано.

Отъ Кирилловской церкви саженяхъ въ 50 стоитъ *колокольня*, которая по объему, высотѣ и архитектурѣ столько же величественна и замѣчательна, какъ и самая церковь. Есть основаніе заключать, что колокольня Кирилловской церкви построена въ то время, когда возстановлены западная или передняя часть церкви и боковые куполы ея; ибо кирпичъ и кладка онаго и цементъ или известь совершенно одинаковы, какъ на колокольнѣ, такъ и на достроенныхъ частяхъ самой церкви. Достовѣрнымъ остается только то, что въ сей колокольнѣ, когда здѣсь былъ монастырь, находилась теплая церковь во имя Благовѣщенія Пресвятой Богородицы, какъ свидѣтельствуетъ надпись, и доселѣ со-

хранившаяся надъ дверью, при входѣ въ бывшую церковь. Надпись та такова: „*Во славу святыя и единосущныя и животворящія нераздѣлимыя Троицы создася сей храмъ, въ честь и славу Преблагословенныя Дѣвы Маріи, преславнаго Ея благовѣщенія, при благополучной державѣ Великія Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, всея Россіи и при наслѣдникѣ ея внукѣ Петра перваго, Благовѣрномъ Государѣ и великомъ Князѣ Петрѣ Ѳедоровичѣ, благословеніемъ преосвященнѣйшаго Арсенія Могилянскаго архіепископа, митрополита Кіевскаго, трудами и иждивеніемъ Игумена Святыя Троицы, Кириловскія обители Ѳеофана Жолтовскаго. 1760 года*".

Дѣлалъ мастеръ мѣщанинъ Иванъ Григоровичъ.

Въ настоящее время церкви сей нѣтъ. Полагать можно, что она уничтожена въ то время, когда вмѣсто монастыря открыта здѣсь больница. Съ открытіемъ больницы, естественно, нужно имѣть и аптеку. Вотъ и признано было, тамъ, гдѣ была самая церковь, помѣстить аптеку, которая помѣщается въ томъ же мѣстѣ и въ настоящее время. Это въ среднемъ ярусѣ колокольни. Въ нижнемъ же помѣщается лабораторія аптеки, а въ верхнемъ — колокола, коихъ въ настоящее время менѣе, чѣмъ было прежде; главный колоколъ и теперь вѣситъ болѣе 100 пудовъ и оглашаетъ населеніе заведенія шумно и весело. Прежній же колоколъ, несравненно большій, во время недавняго пожара расплавился, какъ и другіе меньшіе колокола. Пожаръ этотъ, по преданію, случился въ 28 день іюня 1851 года. Одни увѣряютъ, что онъ произошелъ отъ громового удара и молніи, а другіе увѣряютъ, что пожаръ тотъ случился отъ неосторожности при работахъ, происходившихъ въ лабораторіи аптеки. Величественная колокольня Кирилловской церкви послѣ пожара утеряла прежній видъ и величіе. Простоявъ долгіе годы обгорѣвшею, въ 1864 году колокольня эта возстановлена и верхній ярусъ ея достроенъ; но сдѣлано все то не такъ, какъ было прежде, а сдѣлано уже, какъ позволили средства церкви. И о самой церкви Кирилловской нельзя не сказать, что внутренняя обстановка ея въ настоящее время не соотвѣтствуетъ историческому и археологическому ея значенію.

На какихъ мѣстностяхъ Кіевской и смежныхъ съ нею губерній находимы были каменныя орудія?

Сообщено **Я. Я. Волошинскимъ**.

Въ Кіевской и Волынской губерніяхъ мнѣ извѣстны слѣдующія мѣстности, на которыхъ находимы были каменныя орудія: [1])

А) Кіевская губернія.

1. Кіевскій уѣздъ: Въ с. *Липовкѣ*, владѣлецъ имѣнія, Валентинъ Росцишевскій, имѣлъ небольшое собраніе каменныхъ орудій (до 15-ти предметовъ), найденныхъ на поляхъ с. *Липовки*, окрестныхъ селеній и м. *Макарова*. Часть этой коллекціи перешла въ богатое археологическое собраніе гр. Свидзинскаго; она состояла изъ *молотковъ*, *наконечниковъ стрѣлъ* и одного большого *ножа* или *серпа* [2]).

Въ 1854 году, во время археологическихъ изслѣдованій, производимыхъ въ нашемъ краѣ по порученію г. министра удѣловъ, покойнаго гр. Перовскаго, при разрытіи кургановъ на поляхъ с. *Янковичъ* (въ древности *Бѣлокняжеское поле*) найдены мною: въ *одномъ курганѣ:* кремневое съ шлифованнымъ лезвіемъ *долото*, кремневый *ножикъ*, *двѣ*

[1]) Предлагаемыя ниже свѣдѣнія заимствованы мною: частью изъ извѣстныхъ по мѣсту находки данныхъ Университетской и моей собственной коллекціи, частью изъ моихъ отчетовъ гр. Перовскому о произведенныхъ въ краѣ раскопкахъ и, наконецъ, изъ болѣе достовѣрныхъ оффиціальныхъ и частныхъ сообщеній. Каждый изъ сихъ источниковъ укажу на своемъ мѣстѣ.

[2]) Какъ настоящимъ, такъ и нѣкоторыми другими свѣдѣніями относительно находокъ каменныхъ орудій (о которыхъ упомяну ниже), я обязанъ просвѣщенному содѣйствію извѣстнаго этнографа нашего края (члена нынѣшняго съѣзда), Э. О. Руликовскаго, который сообщилъ мнѣ ихъ на дняхъ изъ своихъ замѣтокъ.

половины эллиптическаго, какъ бы выточенаго изъ бѣлаго песчаника *камешка* съ усѣченными краями и съ проточиною въ серединѣ, который можетъ быть служилъ для оттачиванія орудій. Въ *трехъ* другихъ *курганахъ: два кремневыхъ долота, топорикъ* изъ зміевика и *наконечникъ копья* изъ кремня [1]).

Въ нынѣшнемъ году, въ іюлѣ мѣсяцѣ, при производствѣ приготовительныхъ изслѣдованій въ курганахъ для предполагаемыхъ съѣздомъ раскопокъ, секретаремъ съѣзда, В. Б. Антоновичемъ, въ окрестностяхъ с. *Гатное*, въ одномъ изъ тамошнихъ кургановъ найдена маленькая кремневая *стрѣлка*, а въ другомъ шлифованный *молотокъ* изъ діорита и шлифованное кремневое *долото*.

2. Васильковскій уѣздъ: Въ курганѣ *Перепетовкѣ*, разрытомъ Н. Д. Иванишевымъ, найденъ *метательный камень* (коллекція музея Универ. Св. Влад. № 324); въ курганѣ с. *Еленовки*, разрытомъ тѣмъ же г. Иванишевымъ, найдены: *кусокъ каменнаго топорика* и *пращный камень* (колл. музея №№ 367—368).

Въ имѣніи помѣщика Гудимъ-Левковича, с. *Телешевкѣ*, найдено *въ курганѣ* нѣсколько [2]) *каменныхъ молотковъ*. Одинъ изъ экземпляровъ поступилъ въ собраніе М. В. Юзефовича. Подробныя обстоятельства этой находки неизвѣстны, а равно неизвѣстно случилась ли она при человѣческихъ костяхъ [3]).

Кромѣ того въ неизвѣстныхъ мѣстностяхъ того же уѣзда найдено девять *каменныхъ круглыхъ зернъ* отъ ожерелья (колл. музея №№ 714—722) и одинъ *топорикъ* (тамъ же № 667).

3. Каневскій уѣздъ: Въ с. *Дударяхъ* найденъ *молотокъ* изъ діорита (моей колл. № A, 1, d).

Въ с. *Пшеничникахъ* — гладкій *топорикъ* и прекрасно отшлифованное *долото* изъ бѣлаго кремня, а также кремневая *бусса* (въ колл. Д. Е. Люценка).

4. Чигиринскій уѣздъ: Въ неизвѣстныхъ мѣстностяхъ найдены: *каменная полированная шишка*, съ круглою по серединѣ сквозною проточиною и небольшой *топорикъ* (колл. музея №№ 619 и 664).

5. Звенигородскій уѣздъ: Въ с. *Журжинцахъ* найденъ *большой* шлифованный *молотъ* изъ діорита (моей колл. № A, 1, a).

Въ с. *Поповцахъ* два шлифованные *топорика* изъ діоритоваго порфира и *верхняя половина молотка* изъ діорита съ *барельефными украшеніями* (моей коллекціи №№: A, 1, h—k и A, 2, m).

---

[1]) Всѣ эти предметы поступили въ министерство удѣловъ, у меня же имѣются изъ нихъ слѣпки и рисунки.

[2]) Подъ выраженіемъ „нѣсколько“ буду постоянно подразумѣвать примѣрную цыфру 3.

[3]) Сообщено мнѣ въ 1865 году Д. Е. Люценкомъ.

6. Уманскій уѣздъ: Въ м. *Тальномъ* найденъ *въ курганѣ молотокъ* изъ діорита *съ барельефнымъ рисункомъ* (моей коллекціи А, 1, е) и *кремневое долото* (у тамошняго аптекаря).

7. Сквирскій уѣздъ: На поляхъ селеній: *Сущанки*, *Чернявки* и *Романовки* находятъ въ значительномъ количествѣ *топорики*.

8. Бердичевскій уѣздъ: Въ *неизвѣстныхъ мѣстностяхъ* найдены: *большой*, съ одного конца заостренный, *топоръ* и маленькій *топорикъ* (въ арх. колл. Д. Е. Люценка).

9. Радомысльскій уѣздъ: Въ м. *Горностайполь* найденъ *большой топоръ* изъ зернистаго серпентина, заостренный только съ одного конца и каменное *долото* изъ того же матеріала (колл. музея №№ 1010—1011).

Въ *неизвѣстной мѣстности* въ томъ же уѣздѣ, найденъ предметъ изъ кремня, имѣющій видъ обоюдоостраго, искривленнаго *ножа;* впрочемъ, это можетъ быть осколокъ кремня въ родѣ тѣхъ, какіе заготовлялись на кремневыхъ фабрикахъ, нынѣ большею частію закрытыхъ, при выдѣлкѣ ружейныхъ кремней. Экземпляръ этотъ, въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ ему подобныхъ, найденъ подъ корнями весьма стараго дуба (моей колл. № С, 1, с).

Липоманъ (Zastanowienie się nad mogiłami etc. Wilno 1832 r. str. 8) разсказываетъ, что у с. *Минѣкъ* надъ р. *Мыкою* въ тамошнихъ курганахъ копали ямы для водруженія крестовъ и что при этомъ въ одномъ курганѣ нашли *каменный клинъ*, а въ другомъ довольно *большой камень* изъ „дикой скалы (каковаго камня въ этой мѣстности не имѣется) и на немъ *меньшій*, формою похожій на употребляемый нынѣ для растиранія красокъ. Оба сглажены и носили на себѣ слѣды, произведенные треніемъ. Возлѣ нихъ найдено нѣсколько экземпляровъ небольшихъ, *округленныхъ камней*, употреблявшихся для метанія изъ пращей. Изъ чего можно догадываться, что первыя два орудія служили для заготовленія пращныхъ камней.

Тотъ же изслѣдователь свидѣтельствуетъ, что въ с. *Гнильцѣ*, на мѣстности, гдѣ былъ выкорчеванъ лѣсъ, при копаніи ямъ для установки столбовъ строившагося зданія, наткнулись на нѣсколько гробовищъ, обложенныхъ большими тесанными камнями и прикрытыхъ такими же плитками. Внутри гробовищъ найдены были глиняные горшки съ нѣсколькими ушками, а въ нихъ песокъ, перемѣшанный съ золою и полусожженными кусками костей, каменные *молотки* и *долота* разной величины (тамъ же стр. 12).

В) **Волынская губернія.**

1. Овручскій уѣздъ: Изъ находокъ въ Овручскомъ уѣздѣ извѣстны мнѣ: имѣющееся въ нашемъ Университетскомъ музеѣ *каменное монисто* и *молотокъ*, найденные въ тамошнихъ *курганахъ* (колл. музея №№ 399 и 405), а также *молотки* изъ зелено-

ватаго камня, весьма похожаго на зміевикъ, найденные въ нѣсколькихъ экземплярахъ въ сс. *Дорогинѣ* и *Гунѣчѣ* — *кремневое копье* изъ окрестностей м. *Олевска* и *долото изъ черпаго кремня*, найденное въ с. *Прибыткахъ*. Владѣлецъ послѣднихъ находокъ, членъ Кіевской археографической Коммиссіи, Михаилъ Піотровскій (изъ донесеній котораго я почерпнулъ настоящее свѣдѣніе), сообщаетъ: а) что подобные молотки часто случалось ему видѣть у владѣльцевъ Овручскаго уѣзда и изъ ихъ разсказовъ онъ заключаетъ, что ихъ часто тамъ находятъ въ лѣсахъ, на полѣ, въ курганахъ, надъ ручьями, въ дождевыхъ рытвинахъ, въ рѣкахъ, ставахъ и болотахъ; б) что хотя ему случалось видѣть и имѣть у себя много разныхъ орудій и другихъ предметовъ древности, но *кремневое копье* попалось ему лишь въ первый разъ, и в) что черный кремень, обдѣланный на подобіе *долота* или *клина* рѣдко находятъ въ Овручскомъ уѣздѣ [1]).

2. Ровенскій уѣздъ: Въ *неизвѣстной мѣстности* найденъ отломокъ *топорика* (колл. музея № 104); также во время производства шоссейныхъ работъ возлѣ с. *Броникъ топорикъ* изъ *діорита* (въ моей колл. № А, 1, f).

3. Новоградъ-Волынскій уѣздъ: Въ с. *Городницѣ*, въ урочищѣ *Гнилище*, при добываніи фарфоровой глины для тамошней фабрики, на $1^1/_2$ аршинной глубинѣ, найдена *половина молотка* [2]).

4. Житомирскій уѣздъ: Въ с. *Половецкомъ* найденъ *каменный клинъ* [3]).

5. Острожскій уѣздъ: Въ *неизвѣстной мѣстности* найдено лезвіе шлифованнаго *малаго долотца* изъ желтовато-сѣраго кремня (моей колл. № В, 2, е).

6. Кременецкій уѣздъ: Въ г. *Кременцѣ* подъ *Черчею* горою найдено короткое толстое шлифованное *долотце* изъ сѣраго кремня, и въ томъ же городѣ, въ неизвѣстной мѣстности, нижняя половина большаго, плоскаго *долота* изъ чернаго кремня, весьма отчетливо со всѣхъ сторонъ *ошлифованнаго* (моей колл. №№: В, 1, е и В, 2, с).

7. Луцкій уѣздъ: Въ Луцкомъ Полѣсьи найденъ *большой молотъ*, вѣсомъ 7 фунтовъ, изъ зернистаго сѣраго камня (въ собр. Н. А. Кавертева); въ окрестностяхъ с. *Голубы*—кремневое *копье* (моей колл. № D, 1, b).

8. Владимірскій уѣздъ: Въ с. *Ворончинѣ* найденъ кремневый *серпъ* (Bibliot. Warszawska, ст. Завиши).

Въ 1846 году, въ одномъ изъ раскопанныхъ Кіевскою археологическою Коммиссіею кургановъ, недалеко отъ г. Владиміра найденъ *каменный топорикъ* (Календарь юго-западнаго края, стр. 289).

---

[1]) Должно впрочемъ замѣтить, что сообщаемыя свѣдѣнія получены почти за 30 лѣтъ, такъ какъ донесеніе Піотровскаго Коммиссіи послѣдовало въ 1846 году.

[2]) Изъ замѣтокъ Э. О. Руликовскаго.

[3]) Тоже.

9. Дубенскій уѣздъ: Въ этомъ уѣздѣ найдены:

Въ с. *Большой-Мощаницѣ: топорикъ* изъ сѣраго песчаника (гладкій), 4 фрагмента *топориковъ* (изъ коихъ 3 изъ роговообманковаго гнейса, а 4-й изъ долеритоваго порфира) и 2 *кругловатыхъ камня* неизвѣстнаго назначенія, изъ коихъ одинъ изъ халцедона, а другой изъ кремня съ насѣчкою (моей колл. №№: A, 1, l; A, 2, d, и A, 2, e—g).

Въ с. *Будеражъ*, на тамошнемъ городищѣ, найдены мною въ нынѣшнемъ году на свѣже вспаханномъ полѣ: половина *шарообразнаго* отдѣланнаго кремня съ насѣчкою и фрагментъ большого дугообразнаго, съ обѣихъ сторонъ и съ обоихъ концовъ заостреннаго *ножа* или *струга* [1]) (въ моей коллекціи). Затѣмъ найдены:

Въ с. *Ступномъ* фрагментъ *топорика* изъ долерита (моей колл. № A, 2, c).

Въ с. *Суймахъ* — 6 каменныхъ *столбиковъ* [2]) изъ діорита и долерита (моей колл. №№: G; c—h; H, i).

Въ с. *Нагорянахъ* — *отшлифованное лезвіе* большого кремневаго *долота* и 1 *бусса* изъ глинистаго сланца (моей колл. № A, 2, o). [3])

---

[1]) Рисунокъ его изданъ *Ворсо* (Сѣверн. древн., № 57). Въ нашей мѣстности этотъ видъ каменныхъ орудій рѣже всего встрѣчается; найденный мною фрагментъ составляетъ лишь второй, извѣстный мнѣ, экземпляръ.

[2]) По мнѣнію нѣкоторыхъ это стержни изъ отверстій топориковъ. Сравн. Лерхъ: „Орудія каменнаго и бронзоваго вѣковъ въ Европѣ", ст. 1, стр. 38; A. E. hr. Tyszkiewicz «Badania archeologiczne», стр. 86, табл. IV, фиг. 8.

[3]) Членъ Кіевской археографической Коммиссіи, М. Піотровскій (о которомъ я упомянулъ выше), въ донесеніи своемъ въ Коммиссію, сообщаетъ, что подобнаго рода издѣлія изъ камня въ большомъ количествѣ встрѣчаются на поляхъ селъ *Нагорянъ* и *Покачева*. Между прочимъ онъ передаетъ изъ достовѣрныхъ разсказовъ, что въ *Нагорянскомъ лѣсу* при добываніи камня на постройку, въ ущеліи между скалами, нашли два четверика такихъ круглыхъ съ проточинами камешковъ и что владѣлецъ имѣнія, г. Прушинскій (членъ Кіевской археографической Коммиссіи) переслалъ довольно большое количество ихъ въ Житомирскую губернскую библіотеку. Г. Піотровскій присовокупляетъ, что ему случалось видѣть нѣкоторые экземпляры не совершенно круглые, иногда четвероугольные то съ острыми углами, то съ тупыми, а также и такіе, въ которыхъ проточина находилась не въ срединѣ, а ближе къ краю плоской поверхности камешка. О назначеніи этихъ камешковъ г. Піотровскій мнѣнія своего не высказываетъ, но говоритъ, что есть преданіе, будто бы ихъ выдѣлывали языческіе жрецы, при своихъ жертвенникахъ, и раздавали, какъ предохранительныя средства отъ зглаза и отравы. Доселѣ Евреи въ нашей мѣстности, на ряду съ другими амулетами, какъ то: кусками желѣза, серебра, золота, монетами, волчьими зубами и т. п., привѣшиваютъ дѣтямъ на шею и эти камешки. Сельскія старухи порошокъ, стертый изъ этихъ камешковъ, употребляютъ въ разныхъ родовыхъ припадкахъ; мужчины носятъ ихъ при себѣ и порошокъ изъ нихъ употребляютъ въ случаѣ боли въ желудкѣ и при грыжѣ (Hernia). По замѣчанію г. Піотровскаго, вѣроятно по этимъ предполагаемымъ цѣлительнымъ свойствамъ они слывутъ въ простонародіи подъ названіемъ *помощниковъ* (почерпнуто изъ дѣлъ археогр. Коммиссіи).

Въ с. *Малой-Мощаницѣ:* *молотокъ* или *топорикъ* изъ діоритоваго порфира и шесть фрагментовъ того же орудія (изъ коихъ 3 изъ діорита, 1 изъ рогово-обманковаго гнейса, 1 изъ долорита и 1 изъ гранита); 1 кремневый *ножикъ*, 1 кремневый *наконечникъ копья*, такой же наконечникъ *сулицы* или *большой стрѣлы* и 2 каменныхъ столбика изъ діорита (моей колл. №№ A, 1, i; A, 2, a—d; h—l; C, 1, D, a; E, a; G, a—b).

Въ с. *Листвинѣ*—2 фрагмента *кремневыхъ* шлифованныхъ *клиновъ* — 2 фрагмента кремневаго *ножа* и *буса* изъ глинистаго сланца (моей колл. №№ B, 2, b, d; C, a—b, и H, k).

На пространствѣ между *Малою* и *Большою Мощаницами* — 2 кремневыхъ *долота* или *клина*, изъ коихъ одно большое, совершенно необдѣланное, а другое маленькое, отчетливо ошлифованное, и 8 *бусъ*, изъ коихъ 7 выжжены изъ глины, смѣшанной съ черноземомъ, а 8-я сдѣлана изъ глинистаго сланца (моей коллекціи №№ B, 1, a — b и H, a — b).

На пространствѣ между *Мизочемъ* и *Большою Мощаницею:* — два съ ошлифованными лезвіями кремневыхъ *долота*, большой обоюдоострый кремневый *ножъ* и 5 *бусъ* изъ глинистаго сланца (моей колл. №№ B, 1, c—d; C, 1, b и H, l—p).

На пространствѣ между *Листвиномъ*, *Мизочемъ*, *Борщовкою*, с. *Святое* и *Высшими Нагорянами* въ теченіи четырехъ лѣтъ найдены:

1. *Топориковъ* и *молотковъ* цѣльныхъ . .	6	(въ томъ числѣ 1 большой топоръ).
Фрагментовъ	7	
2. *Клиньевъ* и *долотъ*	2	
Фрагментъ	1	
3. *Ножей* цѣльныхъ.	2	
„ фрагментъ	1	
4. *Наконечниковъ копьевъ* фрагментъ. . .	1 [1])	
5. Наконечниковъ *стрѣлъ* или *сулицъ* . .	4	
Малая стрѣлка	1	
6. *Круглыхъ камней неизвѣстнаго назначенія*	6	
7. *Каменныхъ столбиковъ*	10	
Фрагментовъ	14	
8. *Бусъ*	18	
Всего. .	112 [2]) экз.	

[1]) Впрочемъ орудіе это могло имѣть и другое назначеніе, такъ какъ оно значительно больше въ сравненіи съ извѣстными наконечниками копьевъ.

[2]) Въ коллекціи покойнаго Л. Павловскаго, видѣнной, описанной и срисованной мною въ 1865 году.

Итакъ: всѣхъ каменныхъ издѣлій, найденныхъ въ Кіевской губерніи—75 экземпляровъ (изъ нихъ найдено въ курганахъ 17 экзем.) [1]); въ Волынской губерніи—182 экзем. (изъ коихъ найдено въ курганахъ 2 экземпл.).

По уѣздамъ они найдены въ слѣдующемъ количествѣ:

въ	Кіевскомъ	25
„	Васильковскомъ	16
„	Каневскомъ	3
„	Чигиринскомъ	2
„	Звенигородскомъ	4
„	Уманскомъ	2
„	Сквирскомъ	10
„	Бердичевскомъ	2
„	Радомысльскомъ	11
„	Овручскомъ	7
„	Ровенскомъ	2
„	Новоградволынскомъ	1
„	Житомирскомъ	1
„	Острожскомъ	1
„	Кременецкомъ	2
„	Луцкомъ	2
„	Владимірскомъ	2
„	Дубенскомъ	164
	Всего	257.

Для точности однакожъ слѣдовало бы исключить изъ этого количества 45 экземпляровъ, небольшихъ, болѣе или менѣе шарообразной формы, издѣлій, то изъ глины, то изъ камня съ сквозною проточиною (названныхъ мною однимъ общимъ именемъ *бусъ*), которыя могли имѣть различныя назначенія (какъ-то: украшеній, цѣлительныхъ средствъ, орудій для натягиванія тетивъ и проч.), а потому выдѣлка ихъ могла существовать и при знакомствѣ съ металлами. Послѣ такого вычета, общее число орудій, собственно каменнаго вѣка, найденныхъ въ приводимыхъ мною мѣстностяхъ, составитъ цифру 212.

На основаніи этого перечня, конечно далеко еще неполнаго, тѣмъ не менѣе основаннаго

---

[1]) Не всѣ однако экземпляры каменныхъ издѣлій, найденные въ курганахъ разсматриваемыхъ мною губерній, должно относить къ числу могильныхъ остатковъ погребенныхъ, такъ какъ по нѣкоторымъ изъ уѣздовъ иногда вовсе не достаетъ свѣдѣній объ обстоятельствахъ, при которыхъ послѣдовала находка, а по другимъ обстоятельства эти иногда ясно показываютъ, что найденныя каменныя орудія попали въ курганъ случайно, вмѣстѣ съ насыпною землею.

на достовѣрныхъ свѣдѣніяхъ, по отношенію къ мѣстамъ нахожденія можемъ высказать слѣдующія замѣчанія:

a) Приведенныя въ извѣстность находки каменныхъ орудій распредѣляются не равномѣрно: онѣ, какъ можно было ожидать, будучи дѣломъ случая, въ однихъ уѣздахъ являются въ большемъ количествѣ, въ другихъ въ меньшемъ.

b) Самое большее число найденныхъ орудій приходится на *Дубенскій* уѣздъ (164 экзем.), а самое меньшее на *Острожскій, Новоградъ-Волынскій* и *Житомирскій* уѣзды (по 1 экзем. въ каждомъ), наконецъ,

c) О находкахъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ какъ Кіевской, такъ и Волынской губ. нѣтъ вовсе свѣдѣній. Это именно уѣзды: *Черкасскій, Таращанскій, Липовецкій* — въ Кіевской губ.; и *Ковельскій, Заславскій* и *Староконстантиновскій* — въ Волынской губерніи.

Чѣмъ же объяснить какъ замѣчаемую въ перечнѣ разницу въ цифрахъ при поуѣздномъ исчисленіи каменныхъ орудій, такъ и отсутствіе ихъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ?

Нисколько не утверждая, что заселеніе разсматриваемыхъ мною губерній во времена каменной эпохи, послѣдовало единовременно и во всѣхъ мѣстахъ равномѣрно, я однако не думаю, чтобы отсутствіе каменныхъ орудій въ той или другой изъ болѣе обширныхъ мѣстностей, разсматриваемой полосы нашего края, обозначало именно ихъ незаселенность. Съ нанесеніемъ сихъ мѣстностей на карту не можемъ не замѣтить, что онѣ не составляютъ окраинъ какихъ-либо неприступныхъ пустошей, но, напротивъ, очень часто, то примыкаютъ къ уѣздамъ, въ которыхъ встрѣчаются каменныя орудія, то окружены ими. Предполагая затѣмъ у первоначальныхъ обитателей этой полосы края любой образъ жизни и всевозможные роды занятій первобытнаго человѣка, мы не найдемъ подтвержденій догадки, что только тѣ мѣстности, въ коихъ встрѣчаются орудія изъ каменной эпохи, были дѣйствительно заселены въ эту эпоху и что всѣ остальныя области оставались незаселенными, такъ какъ, говоря вообще, и въ тѣхъ и въ другихъ мѣстностяхъ нерѣдко находимъ одни и тѣ же условія, одни и тѣ же удобства или неудобства для жизни и занятій: охотника, рыболова, кочевника или земледѣльца. Вспомнимъ, наконецъ, что нерѣдко мѣстности, представляющія нынѣ явныя неудобства для того или другого первобытнаго образа жизни, могли и не имѣть этихъ недостатковъ въ глубокой древности, тогда согласимся, что, оказавшійся въ перечнѣ недостатокъ свѣдѣній о находкахъ каменныхъ орудій по отношенію къ тому или другому изъ уѣздовъ, мы не вправѣ, покамѣсть, относить къ ихъ незаселенности во времена каменной эпохи, и что, слѣдовательно, должно искать другой причины для объясненія даннаго факта.

По моему мнѣнію населеніе въ каменную эпоху могло быть также распространено и въ разсматриваемой мною полосѣ края, какъ оно было распространено и въ другихъ частяхъ Россіи. Собранныя донынѣ свѣдѣнія о нахожденіи признаковъ этой эпохи равно какъ и объ ихъ отсутствіи, составляютъ только дѣло случая.

Гдѣ слѣдятъ за находками, тамъ онѣ и являются и могутъ явиться. Другими словами: гдѣ есть любители и собиратели, тамъ есть и данныя для каменной эпохи и свѣдѣнія о находкахъ. Притомъ замѣтимъ, что каменная эпоха въ отношеніи къ находкамъ имѣетъ свой особенный характеръ. Находки изъ двухъ позднѣйшихъ эпохъ, представляя металлическіе предметы, всегда почти сохраняются находчиками и потомъ, или становятся предметомъ спекуляціи, или переработываются въ современные предметы домашняго обихода; во всякомъ случаѣ онѣ дѣлаются болѣе или менѣе гласными. Напротивъ того, предметы каменной эпохи, коль скоро нѣтъ любителя, слѣдящаго за ними и вознаграждающаго находчика, не только неохотно поднимаются послѣднимъ, но, еще чаще, невѣжественно и безгласно имъ отбрасываются. Два мѣсяца назадъ я имѣлъ случай повѣрить это замѣчаніе во время археологическаго обзора одной мѣстности нашего края, самой обильной нынѣ находками каменныхъ орудій. Это юговосточный уголъ Дубенскаго уѣзда, пространствомъ не болѣе 20-ти квадратныхъ верстъ, заключающійся между слѣдующими населенными мѣстностями: с. *Листвиномъ,* м. *Мизочемъ* и сс. *Борщовкою, Святе* и *Высшими Нагорянами.* Въ мѣстности этой (какъ я сказалъ выше), владѣльцемъ с. *Малой Мощаницы,* покойнымъ Людвикомъ Павловскимъ, собрано въ теченіи четырехъ лѣтъ (съ 1850 по 1854 года) до 112 экземпляровъ (не считая въ томъ числѣ 52 экз., пріобрѣтенныхъ мною изъ его же коллекціи). Казалось бы, что за время съ 1854 года по настоящій годъ новыя находки должны были бы по крайней мѣрѣ утроить эту цифру,—между тѣмъ, не смотря на всѣ розыски и распросы, я узналъ только объ одномъ имѣющемся на рукахъ молоткѣ; но я слыхалъ о многихъ случаяхъ, что то тому, то другому доводилось находить по одному или по нѣскольку каменныхъ орудій. Затѣмъ на неоднократно предлагаемые крестьянамъ вопросы: почему у нихъ нѣтъ этихъ орудій на лицо и почему вообще они не сохраняютъ этихъ памятниковъ старины, я получалъ одни и тѣже чистосердечные отвѣты, изъ которыхъ видно, что пока Павловскій собиралъ эти предметы и награждалъ приносителей, то и доставляли ему находки не только изъ его имѣнія, но и изъ ближайшихъ окрестныхъ селъ, и крестьяне даже слѣдили за этими орудіями при запашкѣ полей и копаніи огородовъ. Со смертію Павловскаго, за недостаткомъ въ этой мѣстности другихъ собирателей, крестьяне перестали интересоваться подобными находками. — „Теперь“, говорятъ они, „если и попадется что-нибудь похожее подъ заступомъ или подъ сохою, то или не поднимешь, или, если и поднимешь, то поворотишь его туда-сюда, да сей-часъ же и назадъ бросишь, чтобы по пустому мѣста въ карманѣ не занимало“.

Раскопки кургановъ и археологическія находки въ Васильковскомъ уѣздѣ.

Сообщено **Э. К. Витковскимъ**.

1860 года графъ Константинъ Владиславовичъ Браницкій, узнавши, что въ одномъ изъ его имѣній, при постройкѣ куреня для полевыхъ работниковъ на свекловичной плантаціи, найдены были: человѣческія и лошадиныя кости, сабля, кольчуга и проч., поручилъ мнѣ дальнѣйшія въ этомъ отношеніи изслѣдованія.

Приступивъ къ этому дѣлу, безъ историческихъ и археологическихъ данныхъ, единственно только съ любознательностью коллекціонера, я разсчитывалъ только на случайность.

Въ упомянутомъ мѣстѣ (см. планъ), на равнинѣ, за прудомъ м. *Рассавы*, въ урочищѣ, именуемомъ *Лучки*, находится нѣсколько могилъ, разбросанныхъ на маломъ разстояніи; могилы эти низки и по большей части до того распаханы, что самая большая едва на 1 метръ возвышается надъ уровнемъ поля, а другія едва можно различить на его поверхности. Не далеко отъ этой группы находится другая, болѣе замѣтная, и близъ нея высокій курганъ, называемый „*Паньская могила*“.

Послѣ первой случайной находки окрестные жители разрыли болѣе выдающіяся могилы первой группы, отъискивая клады, на которые указывали мѣстныя преданія простонародія.

Такимъ образомъ разрыты были безъ вѣдома графа три могилы, и въ нихъ найдено, на сколько можно было узнать, безъ означенія впрочемъ въ которой именно могилѣ, слѣдующіе предметы: двѣ кольчуги, 3 человѣческіе остова, 3 остова лошадиные, двѣ сабли, серебряный ошейникъ, нѣсколько костяныхъ неопредѣленныхъ предметовъ, о формѣ которыхъ невозможно было собрать свѣдѣній, горшокъ, который былъ разбитъ находчикомъ, досадовавшимъ на то, что въ немъ не оказалось ожидаемыхъ денегъ.

Стараясь по возможности вести дѣло тщательно, я откладывалъ отдѣльно найденное мною въ каждой могилѣ. Рабочіе рыли заступами, пока не попадали на какой-нибудь признакъ погребенія, затѣмъ я самъ скоблилъ землю столовымъ ножомъ, отбрасывая ее руками, такъ что и мельчайшія частицы не могли ускользнуть отъ моего вниманія.

Не смотря однако на всѣ предосторожности, найденные въ № 3 *a* браслеты, положенные на краю ямы, были тотчасъ кѣмъ-то похищены.

Въ первой группѣ разрылъ я 4 могилы: къ другой, не имѣя времени долѣе оста-

ваться въ этой мѣстности, я не могъ приступить лично, знакомый же мой, продолжавшій раскопку послѣ моего выѣзда, не доставилъ объ нихъ никакихъ данныхъ [1]).

Вотъ результаты моихъ поисковъ:

Могила или курганъ № 1.

Высота надъ уровнемъ около 1 метра, направленіе траншеи съ востока на западъ.

По длинѣ этой линіи лежалъ скелетъ лошадиный съ удиломъ въ зубахъ, съ обѣихъ сторонъ скелета стремена; хребетъ и голова обращены къ верху, передніе ноги полусогнуты, какъ будьто при вставаніи; съ лѣвой стороны лошади скелетъ человѣческій, надъ головою коего разбросаны мѣдные кусочки, покрытые вызолоченною серебряною пластинкой, въ родѣ разрѣзанныхъ и немного раздвинутыхъ колецъ, куски и слѣды галуна подъ щеками и серебряный ошейникъ, на костяхъ рукъ браслеты серебряные, имѣющіе видъ подковъ, на концахъ которыхъ вдѣланы камни (Lapis Lazuli); куски и слѣды холста и матеріи отъ платья съ золотыми нитками; нѣсколько серебряныхъ цѣпочекъ, и много золотыхъ и серебряныхъ бляшекъ различной формы, но до того нѣжныхъ, что не было возможности взять ихъ въ руки, ибо онѣ превращались въ пыль. Оружія и стрѣлъ не было и слѣдовъ; наконецъ найденъ желѣзный висящій замокъ и весьма слабые слѣды дерева.

Могила № 2.

Высота около 1 метра, направленіе траншеи N—W 78°.

Скелетъ лошади въ такомъ же положеніи какъ въ № 1, по лѣвую сторону его скелетъ человѣческій, обращенный лицомъ къ задней части лошади: лѣвая рука и нога сверху скелета лошади, подъ щеками кусокъ галуна. Между ногъ скелета свернутая въ клубокъ кольчуга; на верху скелета сабля, остріе метательнаго копья и что то желѣзное, — вѣроятно оковка или украшеніе щита.

Могила № 3.

Высота могилы 40—45 центиметровъ, направленіе траншеи съ сѣвера на югъ; глубина ея 1 м. 20.

Найдено два скелета въ разстояніи $2^1/_2$ метровъ одинъ отъ другого (см. профиль).

a) на сѣверномъ концѣ рва:

Изъ скелета остался только тонкій слой бѣлаго порошка (фосфорнокисл. извести) и нѣсколько косточекъ отъ пальцевъ рукъ и ногъ. Черепъ вынутый сейчасъ же обратился въ пыль.

---

[1]) Сличая свои находки съ находками, описанными въ изданіи Кіевской Археографической Коммиссіи, я нахожу, что нѣкоторыя древности изъ кургана Перепятыхи, какъ браслеты и ошейники (которые Кіевская Археографическая Коммиссія признала украшеніями головы) похожи на предметы, найденные мною; но я не нашелъ въ трудахъ Коммиссіи извѣстій о діадемѣ (Diadème), галунахъ, холстѣ и матеріи отъ платья съ золотыми нитками, которые оказались въ Рассавскихъ курганахъ. Подобныхъ предметовъ, впрочемъ, нѣтъ и въ Пештскомъ музеѣ, какъ извѣстно, весьма богатомъ остатками древностей Гуннскихъ и Скиѳскихъ.

Скелетъ находился въ гробѣ изъ дубоваго дерева, котораго одинъ кусокъ угловой указываетъ на то, какъ онъ былъ сдѣланъ: доски толстые 6 до 8 а одинъ кусокъ даже до 10 центиметровъ—поперечныя стѣны гроба впущены въ боковыя доски и сбиты желѣзными гвоздями, изъ которыхъ одинъ вынутъ мною изъ сгнившаго дерева. Ниже головы серебрянный ошейникъ, скрученный изъ 3 проволокъ, изъ коихъ одна кажется была покрыта эмалью голубаго цвѣта, потому что поверхность ея шереховата, другіе двѣ гладкія, вызолоченныя. Два браслета, лежавшіе не далеко отъ остатковъ пальцевъ —такой же работы какъ и ошейникъ. 4 желѣзныхъ гвоздя.

Сзади за черепомъ и остатками гроба, гдѣ я уже не надѣялся ничего найти, оказалось, къ несчастію разломанное заступомъ, которымъ пробовали землю, украшеніе головы въ родѣ діадемы: т. е. на деревянномъ валикѣ, обвернутомъ холстомъ, нашиты одинъ около другаго описанные подъ № 1 кольца, которыя здѣсь были немного меньшаго размѣра. Галуны, холстъ, платье, конечно не могли сохраниться, такъ какъ и кости сами совершенно сгнили. Вооруженія тоже не было.

b) Другой скелетъ, находившійся на южномъ концѣ рва, сохранился немного лучше; но на мѣстѣ гроба была лишь только бѣлая полоса пыли, какую оставляетъ обыкновенно совершенно изгнившее мягкое дерево, какъ липовое, осиковое и т. п.

Найдено около шеи и на туловищѣ: четыре большія янтарныя бусы; двѣ маленькія костяныя бусы; три куска ляписъ-лязули въ родѣ мониста, весьма испорченные; одна серебрянная пряжка, одна серебрянная пуговица въ $6^1/_2$ центиметровъ въ діаметрѣ; два серебрянныя вызолоченныя кольца; одинъ костяной предметъ въ родѣ пуговицы.

Могила № 4.

Высота едва замѣтная, не превосходившая 30 центиметровъ, направленіе траншеи съ сѣвера на югъ, глубина около 1 м., 20.

Найденъ одинъ человѣческій скелетъ, и при немъ: сабля, четыре желѣзные гвоздя, такой же формы и длины, какъ въ № 3 *a*, два стремена различной формы, одно удило, одно остріе отъ копья весьма простой формы, четыре острія отъ стрѣлъ, двѣ оковки отъ ноженъ сабли, изъ чего можно заключить, что ножны были деревянныя, окованныя желѣзомъ; два куска желѣза, неизвѣстнаго назначенія, четыре костяныя украшенія, камень въ родѣ оселка для остренія, одинъ фарфорный полугоршокъ неизвѣстнаго употребленія, при которомъ кусокъ ремня, прикрѣпленный мѣдною заклепкою.

Могилы № 5, 6, 7 принадлежали ко второй группѣ, въ составъ которой входили: одинъ большой курганъ „Паньская могила" и 28 малыхъ, плоскихъ и распаханныхъ могилъ. Въ этихъ трехъ могилахъ найдено по одному скелету въ гробахъ; оружія, украшеній никакихъ, кромѣ 2 серебрянныхъ колецъ весьма низкой пробы, не найдено.

Въ № 8, по причинѣ можетъ быть неправильнаго разрытія, ничего не найдено.

Кромѣ этихъ могилъ находится еще ближе къ м. Рассавѣ, на берегу пруда, урочище

называемое „*Замчисько*"; оно дѣйствительно окопано съ 3 сторонъ, а четвертою прилегаетъ къ болотистому берегу пруда.

Въ серединѣ окопа когда то находился курганъ, но, по разсказамъ жителей, онъ былъ разбросанъ для удобнѣйшаго паханія поля. Я произвелъ раскопку на указанномъ мѣстѣ бывшаго кургана и на глубинѣ 1 м, 20 найдены были 4 скелета въ деревянныхъ гробахъ—другъ около друга: на одномъ только были 2 браслета изъ мѣдной проволоки, до 3 миллиметровъ толщины, скрученные втрое, формою похожіе на браслеты въ № 1. За тѣмъ осталось не разрытыхъ могилъ: въ первой группѣ 3, во второй 24 и большой курганъ „Паньская могила". Вслѣдствіе различныхъ постороннихъ причинъ, я не могъ изслѣдовать оставшихся кургановъ.

Изъ произведенныхъ раскопокъ я вывожу такія заключенія:

a) Всѣ скелеты положены лицомъ вверхъ, головою на западъ, а потому нужно рыть траншеи по направленію съ сѣвера на югъ, черезъ середину могилы или кургана для того, чтобы попасть поперегъ могильной ямы; ведя траншею въ другомъ направленіи, легко можно ошибиться и пройти мимо ямы, ничего не находя: это навѣрно случилось при раскопкѣ № 8.

b) Очевидно, что при погребеніи копалась яма почти на такую глубину какъ и теперь, около 1 м.,20 [1]); туда клались покойники по одиночкѣ, въ гробахъ—если хоронились одни, и безъ оныхъ—если хоронились съ лошадью. На засыпанную яму, на верхъ ея, наносили землю и насыпали болѣе или менѣе высокій курганъ, смотря, можетъ быть, по достоинству покойника. Земля на насыпь бралась въ окружности кургана, но на небольшую глубину, потому что въ близи кургановъ, хотя бы высокихъ, нигдѣ углубленій не встрѣчается. Насыпи кургановъ состоятъ изъ чернозема съ примѣсью желтоватой глины, составляющей въ здѣшнемъ краѣ подъ слоемъ чернозема подпочву (sous-sol). Проводя траншею, черезъ середину могилы въ направленіи S—N, по цвѣту земли на ея стѣнкахъ можно опредѣлить присутствіе или отсутствіе могильной ямы. Материкъ (подпочва) состоитъ изъ сплошной желтой глины, которая, даже для неопытнаго глаза, рѣзко отличается отъ насыпной земли, разумѣется уже перемѣшанной съ черноземомъ, сѣроватой, носящей у народа названіе: „рушена земля".

c) Высокіе курганы, видные на большое пространство, раскопаны лишь до половины высоты, и для того безъ всякихъ результатовъ; нѣкоторые курганографы назвали ихъ караульнями; но можно-ли утвердительно сказать, что эта страна въ отдаленное

---

[1]) На основаніи высказаннаго замѣчанія, я нахожу неудовлетворительнымъ способъ раскопки кургана въ Сѣдлишовицахъ въ Галиціи, около Кракова (см. Biblioteka Warszawska. 1860, Lipiec); раскопка эта дошла только до уровня горизонта, между тѣмъ какъ могильную яму можно предполагать ниже этого уровня. На этомъ основаніи нельзя согласиться съ выводами, высказанными по поводу этой раскопки.

время была степью, не поросшею лѣсомъ, и что изъ кургановъ, нынѣ нами находимыхъ, можно было видѣть неограниченную даль?

Правда, съ другой стороны, что разрытіе кургановъ, особенно высокихъ, требуетъ большихъ расходовъ и представляетъ большія затрудненія. Выбрасываемую землю нужно отвозить подальше, и раскапывать пошире изъ опасенія обваловъ стѣнокъ канавы, что́ и мнѣ случалось на низкой даже могилѣ № 1.

d) Судя по найденнымъ въ каждой группѣ предметамъ, можно бы предположить, что въ первой, могилы: №№: 1, 2, 3, 4, а также три раскопанные до моихъ изслѣдованій, принадлежатъ начальникамъ или вельможамъ племени, а вторая группа, №№ 5, 6, 7, 8 состоитъ изъ могилъ черни, или, можетъ быть, невольниковъ.

e) Мужчины хоронились съ оружіемъ и лошадью, чуть-ли еще не живою, какъ доказываетъ членорасположеніе скелета лошади № 1 и 2. Тамъ же, гдѣ лошадь могла быть убитою, хоронили съ покойникомъ только сѣдло и уздечку № 4. Можно бы еще полагать, что № 4 былъ не убитый, а умершій, ибо схороненъ въ гробѣ, а потому и лошади возлѣ него не было.

f) Женщины, что можно заключить изъ ошейниковъ, браслетовъ, діадемъ и прочихъ украшеній, а также и изъ недостатка въ ихъ могилахъ вооруженія, хоронились тоже иногда съ лошадью (№ 1), но безъ гроба; другія безъ лошади, но въ гробѣ (№ 4).

g) Гробы изъ 4 досокъ, сбиты желѣзными гвоздями: слѣдовательно въ то время, когда металическія издѣлія были уже хорошо извѣстны.

h) Желѣзные предметы до того испорчены ржавиною, что употребленіе нѣкоторыхъ трудно опредѣлить; мѣдь же, а особенно серебро, вынутыя изъ земли, до того хрупки, что ломаются отъ малѣйшаго усилія; ошейникъ (№ 3), не смотря на свою толщину и осторожное обращеніе, распался на 4 куска, множество же тонкихъ бляшекъ, серебряныхъ и золотыхъ, различной формы, вѣроятно принадлежавшихъ женскимъ украшеніямъ (№ 1), не возможно поднять изъ земли.

i) Сабли обыкновенной формы, длиною 1 м. 17, мало выгнутыя и почти прямыя. Ножны деревянныя, окованы желѣзомъ; на клинкѣ, возлѣ рукоятки, слѣды какихъ то надписей или арабесковъ. При вооруженныхъ покойникахъ находились постоянно куски камня въ родѣ оселковъ, служившіе, вѣроятно, для оттачиванія сабли и стрѣлъ.

k) Вообще покойники были большаго роста, и, заключая по здоровымъ, и въ полномъ числѣ уцѣлѣвшимъ, зубамъ, молодые; лошади были тоже не старыя.

l) Замѣчательно, что, при разрытіи могилъ, не найдено ни одной монеты, хотя выдѣлка чеканенныхъ серебряныхъ и золотыхъ украшеній была уже хорошо извѣстна, на что указываютъ части діадемы, галуны, матерія изъ платія съ вызолоченными серебряными нитками и вышеупомянутыя бляшки.

Отсутствіе монеты у древнихъ обитателей страны подтверждается еще и тѣмъ, что при паханіи поля, при рытіи фундаментовъ и т. п. находили во время 26 лѣтняго моего

пребыванія въ этой странѣ только римскія серебрянныя и золотыя монеты, называемыя здѣшнимъ народонаселеніемъ „*Ивановы головки*“; очень рѣдко византійскія монеты, и, чаще всего, польскія XVII стол., а также бельгійскіе и нѣмецкіе талеры.

т) Въ курганографіи Украины авторы описывали и сосчитывали курганы и могилы замѣтныя по своему объему, но мало или вовсе не обращали вниманія на низкія насыпи, представляющія или кладбищныя могилы, или такія, которыхъ недостатокъ времени не дозволилъ сдѣлать высокими, и которыя, въ послѣдствіи, были почти совершенно распаханы; между тѣмъ эти ничтожныя насыпи, какъ оказывается изъ раскопанныхъ подъ Рассавою, могутъ содержать въ себѣ много интересныхъ для науки предметовъ.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1866 года бывшій волостной писарь Хмѣлёвскій принесъ мнѣ для продажи слѣдующіе предметы, которые онъ будто бы выкопалъ въ какомъ то курганѣ, лежащемъ, по его же словамъ, разъ въ с. Трилѣсахъ, другой разъ въ с. Антоновкѣ (обѣ мѣстности Васильковскаго уѣзда): [1])

1) Половину золотой монеты вѣсомъ 0,75 гр.

2) Косточку въ родѣ плоской пуговицы съ отверстіемъ въ серединѣ.

3) Какое то украшеніе изъ кости (вѣроятно слоновой).

4) Двѣ сабли, изъ коихъ одна переломана.

5) Шлемъ желѣзный конической формы.

6) Нѣсколько кусковъ галуна и холста, протканнаго золотыми нитками.

7) Ошейникъ изъ желтой мѣди, разломанный на 3 части.

Предметы эти составляли нераспроданные остатки находки, которую Хмѣлёвскій сбывалъ по частямъ какъ въ Кіевѣ, такъ и мѣстнымъ евреямъ. Меня особенно заинтересовалъ обломокъ золотой монеты, какъ предметъ, понынѣ не находившійся въ курганахъ. Онъ же сообщилъ, что много талеровъ и другихъ монетъ продалъ въ Университетскій музей Св. Владиміра [2]).

Вещи, принесенныя Хмѣлёвскимъ я купилъ; но, узнавъ объ этомъ, мѣстныя полицейскія власти потребовали отъ меня выдачи ихъ г. становому приставу; куда онѣ поступили впослѣдствіи? мнѣ не извѣстно, хотя затраченныя на покупку ихъ деньги, никѣмъ не были мнѣ возвращены.

Между тѣмъ описаніе своей покупки я сообщилъ Я. Я. Волошинскому, котораго отвѣтъ и замѣчанія прилагаю:

„Прочитавъ статью „Кіевлянина“ я убѣдился, что человѣкъ, который вамъ продалъ

---

[1]) Пріемы находчика и его сбивчивыя показанія вообще не могутъ вселять довѣрія къ его разсказамъ.

[2]) Нынѣ я узналъ, что Хмѣлёвскій и теперь (1874) начиналъ поиски въ с. Лосятынѣ Васильковскаго уѣзда на поляхъ графа В. В. Браницкаго, но былъ устраненъ.

описанные предметы есть тотъ самый Димитрій Хмѣлёвскій, бывш. вол. писарь, который въ прошломъ году приносилъ мнѣ для продажи до 300 штукъ мелкой монеты и нѣсколько талеровъ. Мелкая монета состояла изъ грошей, полтораковъ и шеляговъ Сигизмунда III и Іоанна Казимира, а также изъ шведскихъ и брандебургскихъ монетъ того же времени. Между талерами бельгійскими и нѣмецкими, я нашелъ одинъ Іоанна Казимира 1649 года. Кромѣ того испорченной и поломоманной монеты было до 6 лотовъ. Вообще всѣ мелкія монеты плохо сохранились и, очевидно, были въ огнѣ.

„Все это, кромѣ талеровъ и лому, я купилъ у Хмѣлёвскаго за 4 руб. с. По его словамъ, кладъ былъ найденъ въ Трилѣсахъ, при раскопкѣ кургана или какого то урочища, гдѣ, по преданію, было древнее мѣстечко того же названія, уничтоженное войною 1651 года. Хмѣлёвскій находилъ тамъ слѣды пожарища, недогорѣвшее дерево, что и оставило слѣдъ на монетѣ, очевидно спрятанной тамъ до пожара, и свидѣтельствуетъ о времени онаго, ибо новѣйшая монета была съ 1649 г. Найдено также нѣсколько пудовъ объугленнаго дубоваго дерева, которое Хмѣлёвскій будто продалъ кіевскимъ столярамъ [1]). Кромѣ того найденъ также горшокъ съ высокимъ дномъ съ однимъ ушкомъ, котораго черепокъ и выдѣлка заставляютъ сомнѣваться въ его древности.

„Хмѣлёвскій не кончилъ своихъ розысковъ; онъ будто дошелъ до какого то базальтоваго свода [2]), кусокъ котораго показывалъ; такъ какъ, по его словамъ, пробить послѣдній невозможно было по причинѣ слишкомъ сжатаго воздуха, то рабочіе должны были удалиться.

„Вотъ и все, что могу вамъ сообщить о Хмѣлёвскомъ.

„Возвращаясь къ фактамъ, описаннымъ въ вашемъ письмѣ и сравнивая ихъ съ сообщенными въ „Кіевлянинѣ" (четвергъ, 29 сентября, 1866, № 115), легко можно видѣть оправданіе вашихъ предположеній о томъ, что болѣе цѣнныя вещи были дѣйствительно найдены и попали въ руки евреевъ.

„Наиболѣе интересуетъ меня свѣдѣніе о золотой монетѣ съ отверстіемъ, найденной будто бы въ одномъ изъ 4 кургановъ, раскопанныхъ въ с. Антоновкѣ (Васильковскаго уѣзда). Дѣйствительно-ли она найдена въ курганѣ? если такъ, не въ томъ ли самомъ, въ которомъ будто бы, по словамъ газеты, найдены позолоченныя бляшки и изломанная монета, проданная вамъ. Какъ первая такъ и эта послѣдняя могли служить для украшеній въ такомъ родѣ, въ какомъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ найдены были извѣстнымъ курганографомъ, покойнымъ Савеліевымъ, украшенія въ курганахъ Владимірской губерніи, состоящія изъ монетъ англо-саксонскихъ X и XI столѣтій [3]). Еслибы сказанныя

---

[1]) Хмѣлёвскій думалъ, что чорная дубина дѣлается посредствомъ объугливанія.

[2]) Въ этой мѣстности базальта вовсе нѣтъ; Хмѣлёвскій вымышленными разсказами хотѣлъ обмануть легковѣрныхъ и отвести вниманіе отъ мѣста настоящихъ своихъ поисковъ.

[3]) Еврейки наши издавна привыкли носить на шеѣ разныя золотыя монеты, какъ украшеніе. Я бы полагалъ, что обѣ вышеупомянутыя золотыя монеты могли быть найдены въ Трилѣсахъ и принадлежатъ украшеніямъ XVII в., а не до-историческимъ курганамъ. Э. В.

двѣ монеты дѣйствительно были найдены въ курганѣ, то стоило бы распросить Хмѣлёвскаго объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ поиски, а именно: въ которыхъ курганахъ какія найдены вещи; какіе въ томъ или въ другомъ курганѣ соблюдены были обряды; сожиганіе или обыкновенное погребеніе тѣлъ: въ катакомбахъ, гробахъ или безъ оныхъ? могильныя ямы были ли сдѣланы на поверхности земли или подъ курганомъ ниже уровня горизонта? Найдена ли при скелетахъ глиняная посуда и какой формы?"

„Трудно, дѣйствительно, повѣрить разсказамъ Хмѣлёвскаго, который совершенно не заботился о курганографическихъ фактахъ, а только о металлѣ и то, смотря по его цѣнности. Что касается купленныхъ вами вещей, трудно сказать объ нихъ что нибудь основательнаго, тѣмъ болѣе, что ничего подобнаго въ курганахъ я не находилъ. Вотъ мои соображенія или догадки по этому поводу:

1) „Большое украшеніе изъ кости могло, какъ кажется, быть половиною отъ украшенія щита или колчана (Pharetra).

2) „Шлемъ, быть можетъ, принадлежалъ тому субъекту, который, по словамъ корреспондента „Кіевлянина", былъ найденъ въ одномъ изъ Антоновецкихъ кургановъ, въ кольчугѣ. Не знаю, впрочемъ, что корреспондентъ разумѣетъ подъ словомъ кольчуга: чешуйчатый-ли панцырь или проволочную рубаху? Въ первомъ случаѣ я бы могъ указать 2 аналогическія находки: въ одномъ курганѣ близъ Василькова найденъ мною скелетъ въ подобномъ панцырѣ и при немъ нѣсколько стрѣлъ, при открытіи-же *золотыхъ воротъ*, 30 слишкомъ лѣтъ тому назадъ, найденъ въ ихъ развалинахъ подобный вашему шлемъ, хранящійся въ нашемъ Кіевскомъ музеѣ, по мнѣнію Русскихъ археологовъ несомнѣнно варяжскій; если же кольчуга означаетъ рубаху изъ проволочныхъ колецъ, то она принадлежала вѣроятно татарину или поляку позднѣйшаго времени [1]); но въ такомъ случаѣ предположеніе мое о мѣстѣ нахожденія шлема несправедливо, ибо шлемы польскіе и татарскіе были круглые или гребенчатые, но не коническіе.

3) Такъ какъ, по вашему описанію, сабли были обыкновенной формы и притомъ со слѣдами золотыхъ надписей или какихъ то украшеній, то слѣдовало бы подозрѣвать, что онѣ найдены въ *трилисскихъ* развалинахъ. Тогда приблизительная эпоха для сабель (судя по найденнымъ монетамъ), будетъ XVII вѣкъ".

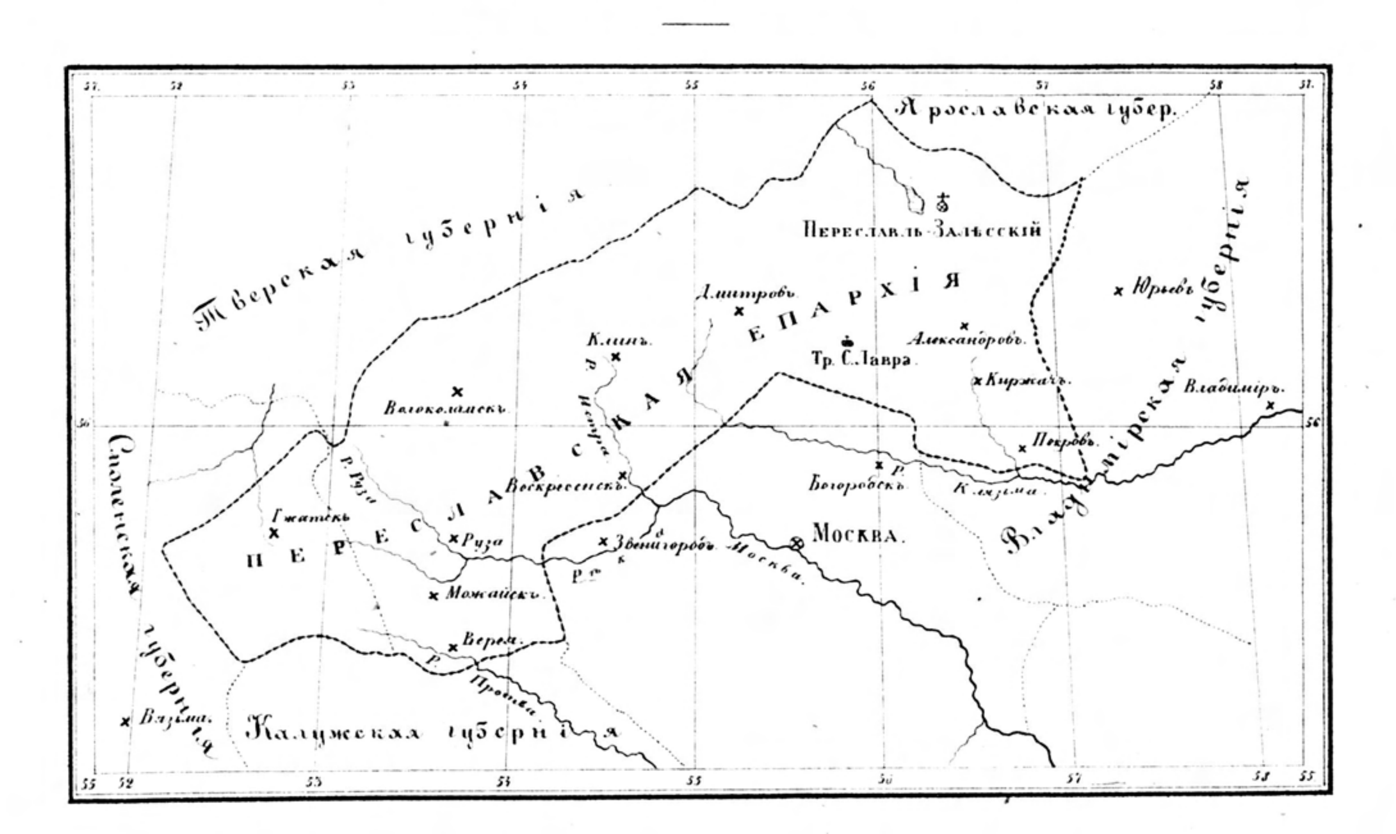
4) Наконецъ относительно вашего обломка монеты, на сколько можно судить по рисунку и формѣ буквъ, я полагалъ бы, что она относится къ числу монетъ средневѣкового чекана".

---

[1]) Я полагалъ бы, что авторъ въ этомъ отношеніи ошибается, ибо при раскопкѣ несомнѣнно до-историческихъ кургановъ Рассавы, постоянно встрѣчались кольчуги. Э. В.

ДРЕВНЯЯ ПЕРЕСЛАВСКАЯ ЕПАРХІЯ.

Сообщено священникомъ **А. Свирѣлинымъ**.



Исторія епархіи переславской.

Переславль-Залѣсскій, построенный въ 1152 году Суздальскимъ княземъ Юріемъ Владиміровичемъ, съ давнихъ поръ имѣлъ у себя лицъ архіерейскаго сана. Изъ древнихъ

памятниковъ видно, что въ 1225 году былъ въ немъ епископъ Митрофанъ [1]), а въ княженіе в. к. Димитрія Александровича епископствовалъ митрополитъ Кириллъ, погребенный въ кіевскомъ софійскомъ соборѣ [2]). Вѣроятно, доколѣ существовало особое переславское княженіе и не было въ послѣдствіи присоединено къ Москвѣ, т. е. отъ 1174 г. по 1302 г., были въ Переславлѣ особые епископы. По присоединеніи-же пер. княжества къ Москвѣ, не настояло надобности въ переславской епископіи; но бывали въ Переславлѣ и епископы и судъ чинили [3]). Со времени присоединенія переславскаго княжества къ Москвѣ, Переславль оставался въ вѣдѣніи московской каѳедры до 1744 года, т. е. до учрежденія особой переславской епархіи, въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны. Причины, побудившія къ учрежденію переславской епархіи, изъяснены въ указѣ Свят. Синода отъ 18 іюля 1744 года. „Московской епархіи,—пишется тамъ,—въ разныхъ и дальнихъ отъ Москвы разстояній городѣхъ и уѣздѣхъ состоитъ церквей болѣе пяти тысячъ, монастырей болѣе двухъ сотъ, которыхъ единому архіерею (вѣдати?) весьма невозможно, отъ чего размножается расколь и въ дѣлахъ челобитчиковъ, тако-жъ производимыхъ во священство и въ церковный причетъ, волокита и многое продолженіе чинитца, а тоя московской епархіи въ нѣкоторыхъ городѣхъ напредь сего епископы были; чего для по разсужденію св. Синода для лучшаго церквей святыхъ правленія между прочимъ учредить епископа въ Переславль-Залѣсскомъ и писатца Переславскимъ и Дмитровскимъ, и къ нему, къ Переславлю-Залѣсскому, приписать городы—Александрову слободу, Дмитровъ, Можайскъ со Гжатью, Верею, Волоколамскъ, Рузу, въ оныхъ городѣхъ съ уѣзды шесть сотъ пять церквей, мужскихъ монастырей пятнадцать, дѣвичьихъ десять [4])“. Въ

---

[1]) Описаніе Переславля Плишкина въ 1802 году, въ которомъ сдѣлана ссылка на Дѣтскій атласъ т. IV, стр. 375.

[2]) ок. 1267—1292 года. Степ. кн. стр. 375.

[3]) Осенью напр. 1303 года при кн. Андреѣ Александровичѣ въ присутствіи митр. Максима въ Переславлѣ былъ княжескій сеймъ; въ 1311 году былъ въ Переславлѣ созванъ соборъ на св. митроп. Петра по ложному доносу тверскаго епископа Андрея: на этомъ соборѣ святитель Петръ былъ оправданъ и Андрей сознался въ клеветѣ; въ 1354 году жилъ въ Переславлѣ правившій моск. митрополіею епископъ Аѳанасій изъ Волыни—и поставившій въ Переславлѣ въ игумена преп. Сергія Радонежскаго. (См. въ описаніи Плишкина ссылку на Степ. кн. 452 г. и геогр. атласъ Полунина стр. 401).

[4]) Эти церкви и монастыри въ томъ-же указѣ исчисляются такъ:

1. Въ Переславлѣ-Залѣсскомъ и Александровой слободѣ и уѣздѣ *церквей* . . .	253.
2. Въ Дмитровѣ	139.
3. Въ Можайскѣ со Гжатью	83.
4. Въ Верѣѣ	40.

послѣдствіи скоро былъ присоединенъ къ новой епархіи г. Клинъ, а нѣкоторыя изъ приписанныхъ селъ сдѣлались городами, напр. Киржачъ и Покровъ. Такимъ образомъ Переславскую епархію составляли: епархіальный главный городъ Переславль и еще 3 города владимірской губерніи, Александровъ, Киржачъ, Покровъ, 5-ть городовъ московской: Дмитровъ, Клинъ, Руза, Верея, Волоколамскъ и 1 смоленской—Гжатскъ, всего 10 городовъ. Таковъ составъ городовъ переславской епархіи, какъ видно изъ представленной выше карты, очень ясно показываетъ, что при формированіи епархіи не обращалось вниманія ни на этнографическое отношеніе, ни тѣмъ болѣе на административно-политическое. Нужно было облегчить трудность управленія московскаго архіерея, отдѣлить нѣсколько городовъ отъ московской епархіи и поставить епископовъ въ тѣхъ городахъ, въ которыхъ они прежде были; Переславль оказался такимъ городомъ, и вотъ учреждается переславская епархія и Переславль дѣлается каѳедральнымъ городомъ на самомъ краю епархіи. Неудобство выбора Переславля въ каѳедральный городъ впрочемъ скоро было замѣчено. Въ 1753 году назначенъ былъ на переславскую каѳедру архимандритъ ставропигіальнаго монастыря „Новый Іерусалимъ" Амвросій, и ему велѣно имѣть пребываніе въ томъ монастырѣ и консисторію перевесть туда же: „потому что, сказано въ указѣ, оный монастырь по положенію своему въ самой срединѣ переславской епархіи состоитъ, такъ и разстояніемъ ко всей оной епархіи городамъ предъ Переславлемъ поближе обрѣтается". Изъ документовъ архива переславскаго Даниловскаго монастыря усматривается, что и другія епархіи учреждались, не имѣя отношенія къ административному дѣленію губерній, и составъ епархій часто измѣнялся. Напримѣръ указомъ св. Синода отъ 28-го мая 1788 года постановлено: „Крутицкой епархіи не быть, калужскую присоединить къ московской, переславской епархіи не быть же, епископа переславскаго перевесть въ коломенскую, именуя его Коломенскимъ и Тульскимъ; состоящіе въ оной епархіи монастыри и церкви раздѣлить по другимъ; Владимірскому епископу именоваться Суздальскимъ

---

5. Въ Волоколамскѣ	46.
6. Въ Рузѣ	41.
	605.

Монастырей мужскихъ 15: въ Переславлѣ—Горицкій, Даниловъ, Никитскій, въ уѣздѣ—Николаевскій, Борисоглѣбскій на пескахъ; пустыни: Введенская островская, Лукіанова, Николаевская на Солбѣ, Борисоглѣбская; въ Дмитровѣ—Борисоглѣбскій, въ Можайскѣ—Лужецкій, въ уѣздѣ—Колоцкій, въ Вереѣ—Входо-спасо-іерусалимскій, въ Волоколамскѣ—Іосифовъ и Возмицкій. Нѣкоторое время считались въ переясл. епархіи Троицко-Сергіева Лавра и Воскресенскій Новый Іерусалимъ.

Женскихъ монастырей 10: въ Переславлѣ—Ѳедоровскій, Срѣтенскій, Вознесенскій, Князь-Андреевскій, Введенскій, въ Александровѣ—Успенскій, въ Дмитровѣ—Пятницкій, въ Можайск. уѣздѣ—Петровскій, на Волоколамскѣ—Власьевскій и Варварскій.

и Владимірскимъ, и *епархіею его*, замѣчено въ указѣ, *будетъ составлять уже вся Владимірская губернія:*" вотъ когда ясно и точно обращено было вниманіе на соотвѣтствіе епархіальнаго дѣленія городовъ съ дѣленіемъ ихъ по губерніямъ.

Составъ переславской консисторіи.

Указомъ св. Синода 8 ноября 1744 года постановлено въ каѳедральномъ Горицкомъ монастырѣ учредить для правленія духовныхъ дѣлъ консисторію и имѣть въ ней засѣданіе архимандриту Горицкому, намѣстнику Троицкой лавры, соборному іеромонаху, Никитскому игумену, соборному протопопу и секретарю.

Средства къ содержанію переславской епархіи.

„Для жительства назначенному преосвященному во вновь учрежденную Переславскую епархію, пишется въ указѣ св. Синода 1744 года, и содержанія его и всякаго званія при немъ имѣющимъ быть духовнымъ и свѣтскимъ разныхъ чиновъ и приказныхъ служителей, за удобно-судится, со всѣми денежными и хлѣбными доходы отдать въ Переславлѣ-Залѣсскомъ Горицкій монастырь, который, по соизволенію Ея Императорскаго Величества, изъ вѣдомства бывшей коллегіи экономіи выключить и ни чѣмъ до него той коллегіи не касатца и отставныхъ отъ службы штабъ и оберъ и унтеръ офицеровъ и солдатъ на пропитаніе въ тотъ монастырь не посылать, и монаховъ излишнихъ вывесть изъ того монастыря въ другіе монастыри". Эти средства дѣйствительно были достаточны какъ для архіерея, такъ и для содержанія консисторіи, такъ какъ за Горицкимъ монастыремъ состояло болѣе 5000 вотчинныхъ крестьянъ. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ жертвамъ на епархіальныя потребности привлекались подвѣдомственные епархіи монастыри. Такъ, когда вновь поставленный на епархію архіепископъ Арсеній возвращался въ Переславль съ богомолья изъ Кіева,—тогда велѣно отъ переславскихъ монастырей поставить для проѣзда его и его свиты ко 2-му ноября (1744 года) въ 25 верстахъ отъ города 40 лошадей. А когда въ 1754 году преосв. Амвросій, жившій въ Воскресенскомъ „Новый Іерусалимъ" монастырѣ, задумалъ осмотрѣть Переславль; тогда приказано было переславскимъ монастырямъ выставить на двѣ станціи 200 лошадей: 100 у Троицкой лавры и 100 у Лукіановой пустыни. Этими подводами пользовался и секретарь консисторіи. Въ 1745 году секретарю встрѣтилась надобность побывать въ Москвѣ, и резолюціею преосвященнаго разрѣшено было дать ему отъ переславскихъ монастырей 12-ть подводъ. Въ 1753 году для каѳедральной конторы консисторскихъ дѣлъ (консисторія была въ это время въ „Ново-Іерусалимскомъ монастырѣ") собирались съ монастырей дрова для отопленія и деньги для покупки бумаги, сургуча и свѣчъ.

Епископы переславской епархіи.

1. Первымъ епископомъ переславской епархіи былъ архіепископъ Арсеній Могилянскій, синодальный членъ, поставленный изъ архимандритовъ Троицко-Сергіевой лавры; почему и именовался „Переславскимъ и Дмитровскимъ и архимандритомъ Свято-Троицкія лавры". Посвященіе его во епископа происходило въ придворной церкви 25 іюля 1744 года. Такъ какъ онъ состоялъ членомъ Синода; то въ помощь ему для управленія епархіею указомъ Синода 1745 года марта 30 данъ былъ викарный епископъ. Такимъ былъ Серапіонъ, посвященный во епископа изъ архимандритовъ Колязинскаго монастыря. Ему велѣно было именоваться „епископомъ Можайскимъ и Волоколамскимъ" и быть коадъюторомъ Переславской архіепископіи, и жить въ Переславскомъ Никитскомъ монастырѣ. Можайская епархія при этомъ была присоединена (1749 года) къ переславской. На ектеніяхъ при священнослуженіи опредѣнено было возглашать такъ: „о преосвященнѣйшемъ архіепископѣ нашемъ Арсеніи и боголюбивомъ епископѣ Серапіонѣ". 1752 года іюня 26 архіепископъ Арсеній за болѣзнію былъ уволенъ отъ члена Синода, епархіи и архимандрита Троицкой лавры и назначенъ, согласно его прошенію, на жительство въ Новгородъ-Сѣверской монастырь черниговской губерніи.

2. Серапіонъ. Поступилъ онъ въ управленіе епархіею на мѣсто Арсенія въ 1752 году. По смерти же Арсенія, указомъ 1753 года февраля 28 повелѣно ему быть настоящимъ Переславской и Дмитровской епархіи всея архіереемъ. Правилъ онъ впрочемъ, только до 29 октября того же года и переведенъ былъ въ вологодскую епархію. Недолгое правленіе этого архипастыря ознаменовалось весьма важнымъ событіемъ: въ 1753 году онъ учредилъ въ Переславскомъ Даниловомъ монастырѣ епаршую семинарію, въ которой преподавались науки философскія и богословскія.

3. Амвросій. Поступилъ онъ на переславскую епархію въ 1753 году изъ архимандритовъ ставропигіальнаго „Новый Іерусалимъ" монастыря. Посвященіе его во епископа происходило 7 ноября въ московскомъ Успенскомъ соборѣ. Въ указѣ св. Синода отъ 29 сентября, между прочимъ написано: „и чинить ему какъ духовнымъ церковнаго клира, такъ и всякаго званія свѣтскимъ служителемъ яко пастырю и командиру достодолжное послушаніе и позиновеніе. Пребываніе ему назначено было имѣть въ монастырѣ „Новый Іерусалимъ" въ который переведена и консисторія; въ Переславлѣ же осталась каѳедральная контора консисторскихъ дѣтъ; но преосвященный Амвросій заботился и объ устроеніи каѳедральнаго Горицкаго монастыря. Онъ устроилъ въ немъ соборную церковь во имя Успенія Божіей Матери; величіе этой церкви поражаетъ каждаго и въ настоящее время. На освященіе ея въ 1759 году къ 25 декабря приглашены были всѣ настоятели мужскихъ монастырей Переславской епархіи. Онъ также застроилъ по образцу Новоіерусалимскаго монастыря громадное зданіе, названное Геѳсиманіею; но къ сожалѣнію

не привелъ его къ окончанію за переведеніемъ своимъ въ 1761 году (марта 7) въ крутицкую епархію. Начатыя имъ громадныя постройки представляютъ въ настоящее время однѣ грустныя развалины. Изъ крутицкой епархіи преосвященный Амвросій былъ переведенъ въ Москву, гдѣ въ 1771 году взбунтовавшейся во время моровой язвы, народомъ былъ убитъ.

4. Сильвестръ. На переславскую епархію поступилъ въ 1762 году января 9-го изъ архимандритовъ Переславскаго Никитскаго монастыря. Это былъ замѣчательно ученый преосвященный. Онъ значительно умножилъ библіотеку епаршей семинаріи и книгами и механическими инструментами. Правилъ епархіею до 1768 года (февраля 4-го), въ которомъ переведенъ въ крутицкую епархію. По увольненіи отъ епархіи, онъ жилъ на покоѣ сперва въ Ново-іерусалимскомъ монастырѣ, а потомъ въ московскомъ Спасо-Андроніевомъ.

5. Геннадій. Онъ поступилъ на епархію изъ архимандритовъ и ректоровъ московскаго Заиконоспасскаго училищнаго монастыря. Посвященіе его во-епископа происходило 1768 года апрѣля 13-го въ московскомъ Успенскомъ Соборѣ. Въ свое правленіе онъ застроилъ въ Горицкомъ монастырѣ каменную колокольню съ церковію подъ нею во имя Богоявленія Господня. Скончался 16-го августа 1773 года и погребенъ въ Горицкой соборной церкви въ придѣлѣ рождества Пресвятой Богородицы.

6. Антоній. Поступилъ на переславскую епархію въ 1774 году (февраля 2-го) изъ архимандритовъ новгородскаго Николаевскаго Вяжинскаго монастыря и правилъ ею по 1776 годъ. Въ семъ году сентября 19-го переведенъ въ астраханскую епархію, гдѣ и скончался въ 1786 году.

7. Ѳеофилактъ. Поступилъ на епархію изъ архимандритовъ московскаго Донскаго монастыря въ 1776 году (сентября 19-го). Онъ продолжалъ устроять каменныя постройки, начатыя Амвросіемъ и Геннадіемъ и строилъ новыя, такъ онъ колокольню и церковь подъ нею привелъ къ окончанію; главы и крыши на церквахъ вмѣсто деревянныхъ устроилъ желѣзныя; за тѣмъ на Высочайше пожертвованныя деньги 11 тысячъ рублей украсилъ церкви отличною стѣнною живописью,—около монастыря башни на оградѣ и флигель для консисторіи построилъ вновь каменные. Правилъ епархіею по 1788 годъ; а въ семъ году мая 28 переведенъ въ коломенскую епархію, гдѣ и скончался сентября 12-го дня 1788 года.

Ѳеофилактъ былъ послѣднимъ епископомъ въ переславской епархіи. Съ переводомъ его на коломенскую епархію упразднена переславская епархія, существовавши такимъ образомъ ровно 44 года. Состоявшіе въ ея вѣдѣніи монастыри и церкви раздѣлены по другимъ епархіямъ, сообразно тому, къ какой губерни принадлежали города. Каѳедраль-

ный г. Переславль присоединенъ ко Владимірской епархіи; вещи архіерейскаго дома были отданы на храненіе въ Переславль Даниловъ монастырь [1]).

(Составлено на основаніи документовъ, хранящихся въ Переславскомъ Даниловскомъ архивѣ)

---

[1]) Вотъ опись этимъ вещамъ: 2 кресла, обитыхъ черною кожею, 12 креселъ дубовыхъ съ кожаными подушками, 14 скатертей камчатаго узору, 3 простаго узору, 9 салфетокъ простаго узору.

Мѣдной посуды: доска подносная зеленой мѣди, чашка полоскательная зеленой мѣди, 2 кофейника красной и зеленой мѣди, 3 блюда (для печенія пироговъ) красной мѣди, 2 самовара зеленой мѣди, 16-ть подсвѣчниковъ зеленой мѣди, 3 высокихъ красной мѣди, 1 рукомойникъ урнальникъ зеленой мѣди. 7 тазовъ зеленой мѣди, 9 котловъ большихъ и малыхъ, 5 водочныхъ кубовъ, 2 трубы, 3 кургана, 1 коробка, 3 яндовы, 4 чайника, 3 иготи съ толкачами, 30 коструль съ крышками и безъ крышекъ, 7 лоханей красной мѣди, 1 ложка разливная, 1 форма лапшевенная, 2 судка выносныхъ мѣдныхъ.

Опытъ изслѣдованія номенклатуры селъ, селецъ, деревень и пустошей Переславскаго уѣзда (Владимірской губерніи).

Сообщено священникомъ **А. Свирѣлинымъ**.

Всѣхъ вообще селъ, селецъ, деревень и пустошей въ Переславскомъ уѣздѣ до 1500. Въ настоящемъ изслѣдованіи, какъ первомъ опытѣ, мы обратили вниманіе на номенклатуру тѣхъ изъ нихъ, которыя начинаются съ буквъ А и Б. Очевидно, что окончательнаго вывода изъ этого изслѣдованія еще нельзя сдѣлать; онъ можетъ быть только по окончаніи всей работы. Тѣмъ не менѣе и настоящія замѣтки не лишены интереса.

I. Села.

Селъ, начинающихся съ А и Б девять: Алексино, Алеерово, Андреяново, Бахтышево, Бибермево, Благовѣщенскій погостъ, Благовѣщенское, Бремболa или Брендола, Будовское.

Названія свои эти села получили:

1. Отъ имени церквей и храмовыхъ мѣстныхъ праздниковъ: Благовѣщенскій погостъ, Благовѣщенское.

2. Отъ именъ лицъ, почему-либо замѣчательныхъ въ свое время и въ своемъ мѣстѣ: Андреяново, Алексино.

3. Отъ имени предметовъ, которые составляли промыслъ жителей: Брендола (бреніе дѣлать, т. кирпичи изъ глины).

4. Отъ положенія мѣстности, на которой стоитъ село: Алеерово (отъ altus-возвышенный), Бибермево (отъ берма--мѣстность, находящаяся между краемъ рва и крутостію

двухъ горъ. Въ просторѣчіи село это называется Биберево (bibo пью и rivus ручей) отъ обилія ручьевъ въ томъ селѣ. То и другое названіе согласно съ дѣйствительностію.

5. Отъ историческихъ воспоминаній: Будовское (отъ будочникъ), при которомъ въ древнія времена отъ набѣговъ непріятелей на Переславль стояла стража.

6. Отъ татарскихъ словъ: Бахтышево (отъ бахта—бухарская и хивинская бумажная выбойка).

II. Сельца.

1. Сельцы, въ числѣ 10, суть: Андреевское, Анисимово, Антоново, Архангельское, Багримово, Бакшево, Большово, Братовщина, Бутаково, Бутримово.

Названія свои они получили:

1. Отъ именъ лицъ: Андреевское, Анисимово, Антоново, Братовщина (отъ братъ).

2. Отъ имени селъ: Архангельское, Багримово (с. въ Александровскомъ уѣздѣ).

3. Отъ произрастеній, которыя разводятся при сельцѣ: Бакшево (отъ бакша—поле, на которомъ родятся овощи).

4. Отъ пространства, которое занимаетъ сельцо: Большево.

5. Отъ качества почвы, на которой оно стоитъ: Бутаково (отъ бутоваго камня).

6. Отъ неизвѣстныхъ именъ: Бутримова.

III. Деревни.

Деревень восемь: Акулово, Аленкино, Аѳонасово, Бахмурово, Боблово, Борисово, Борисоглѣбская, Бутаково.

Названія свои они получили:

1. Отъ именъ лицъ: Аѳонасово, Аленкина, Борисово.

2. Отъ имени церквей: Борисоглѣбская.

3. Отъ имени сельца: Бутаково.

4. Отъ неизвѣстныхъ именъ: Акулово, Боблово, Бахмурово. Два послѣднія названія можно впрочемъ производить отъ „бобыль“ „хмурый“.

IV. Пустоши.

Названія пустошей представляютъ широкое раздолье фантазіи русскаго народа и тщательное вниманіе его къ окружающимъ предметамъ. Предки наши пользовались всѣмъ, что̀ характеризовало извѣстную мѣстность и отличало ее отъ другихъ мѣстностей и, выбирая особенный признакъ, давали по нему названіе. Пустошей, начинающихся съ А и Б, извѣстно 64. Именно: Абакумова, Абрамка, Авдейцева, Акатова, Акишева, Аколова,

Алексѣева, Алехина, Алешкина, Аникѣева, Антонцева, Архангельская, Александрова гора, Асейка, Астрага, Астѣева, Аситина, Ахапка, Ахомова, Амалыкова, Баклагова, Бакланова, Батурина, Борки, Батыга, Батькова, Бахматка, Бачева, Бердина, Березникова, Березовецъ, Беркишева, Берникова, Бзырина, Бирюкова, Блудова, Бобенцева, Богатырева, Богословлева, Бердиха, Борова, Борониха, Боръ, Ботина, Братунова, Бурцева, Бучилова, Быкова, Былицына, Быльцина, Бѣлкина, Бѣлозерова, Бѣлый дворъ, Бѣшенская, Бродникова, Брунева, Брыкина, Брюшкова, Букова, Булатникова, Алоерова, Андрейцева, Андрюшина, Аникина.

Названія свои они получили:

1. а) Отъ именъ лицъ: Абакумова, Алексѣева, Аникина, Аникѣева, Александрова, Батькова (отъ батько), Богатырева (отъ богатырь), Братунова.

б) Отъ имени лицъ—уменьшительныхъ: Авдейцева, Андрейцева, Антонцева.

в) Отъ именъ ласкательныхъ: Андрюшина.

г) Отъ именъ увеличительныхъ и презрительныхъ: Алехина, Абрамка, Алешкина.

2. Отъ имени села или церкви: Алоерова, Архангельская, Богословлева.

3. Отъ имени другихъ предметовъ, сходныхъ съ ними по внѣшнему виду: Асейка (отъ аська—родъ шапочки), Баклагова (баклага—сосудъ съ отверстіемъ), Бакланова (бакланъ), Бердина, Бердиха (отъ бердо—на подобіе решетки) Бобенцева (отъ бобъ—впадина у зуба), Брюшкова, Акатова (на подобіе острой лодки), Аколова (отломокъ, кусокъ съ греч.).

4. Отъ топографіи извѣстной мѣстности: Бачева (у залива рѣки), Борова (при борѣ—лѣсъ), Бѣлозерова, Блудова (ок. блудова болота, въ которомъ легко заплутаться), Астѣева (близъ города).

5. Отъ свойствъ и качествъ почвы: Булашникова (на подобіе стали), Бѣлый дворъ, Бурцева (отъ бурый), Астрага (отъ костей съ греч.), Аситина (безхлѣбная съ греч.).

6. Отъ свойствъ и качествъ произрастеній, которыя растутъ на пустошахъ, а равно отъ имени тѣхъ предметовъ, которые добываются на нихъ: Борки, Боръ (при крупномъ, глухомъ лѣсѣ), Батыга (батогъ—толстый прутъ), Березникова, Березовецъ, Батина (зелень), Брунева (брунецъ—трава черноголовникъ) Бурцева (бурить—добывать воду), Бучилова (бучить глину для кирпичей), Былицына, Быльцина (быліе—трава).

7. Отъ положенія или вліянія, которое извѣстная мѣстность оказываетъ на другіе предметы: Борониха—пустошь (отъ мельницы того же имени, которая обороняетъ или защищаетъ сосѣдніе луга отъ затопленія).

8. Отъ имени *городовъ:* Батурина,—*звѣрей*, которые водятся около мѣстности, и *животныхъ*: Бирюкова (бирюкъ—волкъ), Бѣлкина, Быкова.

9. Отъ тѣхъ ощущеній, которыя испытывались когда-либо на извѣстной мѣстности: Ахомова (отъ горевать съ греч.), Аханка (ахъ, ахать), Бродникова (отъ бродить — ходить съ трудомъ), Букова (бука — страшилище), Бѣшенская (отъ крутизны).

10. Отъ именъ неизвѣстныхъ, или утратившихъ свое первоначальное значеніе и употребленіе, изломанныхъ или перенесенныхъ изъ другихъ языковъ: Акишева, Ашалыкова, Бахматка, Беркишева, Бзырина, Брыкина.

Текстъ Евангелія Луки изъ Пересопницкой рукописи.

Сообщено **П. И. Житецкимъ.**

Печатаемому ниже тексту Евангелія Луки изъ Пересопницкой рукописи предносылаемъ нѣсколько вводныхъ замѣчаній, которыя не могли войти въ устный докладъ нашъ объ этомъ памятникѣ.

Пересопница, нынѣ деревня въ Луцкомъ уѣздѣ Волынской губерніи, на рѣкѣ Стублѣ, нѣкогда была удѣльнымъ городомъ, находившимся въ распоряженіи сперва Кіевскихъ князей, потомъ князей Суздальскихъ, наконецъ, Галицкихъ [1]). Когда южная Русь вошла въ составъ Литовскаго княжества, Пересопница досталась потомкамъ Константина-Коригайла Ольгердовича, которые прозвались князьями Черторыйскими, по имени главнаго города ихъ владѣній въ Волынской землѣ—Черторыйска. По мнѣнію Максимовича и Головацкаго, первый изъ рода князей Черторыйскихъ, получившій во владѣніе Пересопницу, Өедоръ Михайловичъ Черторыйскій, построилъ въ этомъ городѣ монастырь, въ которомъ написано было Пересопницкое Евангеліе въ 1561 г. [2]); начато же оно было, какъ гласитъ одна изъ начальныхъ приписокъ къ Евангелію, въ 1556 г. „в̓ двóци (женскомъ) монастырѣ жєславскѡ̃“. Не подлежитъ сомнѣнію, во всякомъ случаѣ, что устройство монастыря въ Пересопницѣ не обошлось безъ содѣйствія князей Черторыйскихъ, которые въ половинѣ XVI в. еще отличались преданностію русскому дѣлу и православію. Лучшимъ доказательствомъ ихъ религіозныхъ и общественныхъ убѣжденій служитъ Пересопницкая рукопись, которая написана „нáкладомъ бл҃говѣрной, и х̓ртолюбивой, кн҃гнѣ кóзминой Ива́новича жéла̃ской, кн҃гнѣ па́раскевгїи възвáйной Иастасѣ Юрєвны гóлша̃скѡ. и̓ при бл҃говѣ́рномъ, и̓ х̓ртолю́бивомъ кн҃зю Іѡ̓áннє, Фéдоровича̀ чрж̓торыйскомъ, зя́тю єи мт҃ти. и̓ при бл҃говѣрной И х̓ртолю́бивой кн҃гнѣ єго̀ євдокїи“. Роды князей Заславскихъ, Гольшанскихъ и Черторый-

[1]) „Кіевлянинъ“ 1840 г., ст. Максимовича, 232—238.

[2]) Ibid. 238. Головац. Библіогр. находки въ Львовѣ 40.

скихъ находились въ близкомъ родствѣ между собою,—но кто была Настасья Юрьевна Гольшанская? О. Думитрашко въ брошюрѣ своей о Пересопницкомъ Евангеліи считаетъ ее дочерью князя Козьмы Ивановича Жеславскаго, тогда какъ, очевидно, она была женой Козьмы Ивановича (ко́ꙁминой) и происходила изъ рода князей Гольшанскихъ, а не Жеславскихъ. Слово въꙁва́йнои о. Думитрашко переводитъ словомъ *названною*, оставляя его безъ всякихъ объясненій [1]). По нашему мнѣнію, слово въꙁва́йнои относится не къНа́стасѣ, но къ Па́раскевгіи: это было, по всей вѣроятности, монашеское имя Настасьи Юрьевны Гольшанской, которая была за мужемъ за Козьмой Ивановичемъ Жеславскимъ. По свидѣтельству Литовской метрики, монастырь Пересопницу „небожчикъ князь Чирторыжскій староста Луцкій упросилъ былъ въ теперешняго старшаго государя на мешканье и на выхованье матце своей до живота ее, которая мѣла въ черницы поити, а такъ какъ матка его въ черницы не шла, а князь Чирторыжскій тотъ монастырь себѣ одержалъ, а теперь сынове его оный монастырь держатъ [2])". Такимъ образомъ, хотя Настасья Юрьевна и не поступила въ монахини, но могла быть извѣстна составителямъ Пересопницкой рукописи подъ тѣмъ именемъ, которое выбрала для себя, намѣреваясь „въ черницы поити": для Пересопницкихъ писателей она была „въꙁва́йнаѧ Па́раскевгіѧ". Подъ ея покровительствомъ задуманъ и исполненъ былъ переводъ Евангелія „изъ ѧзыка блъ́гарского на мовоу роуско́ую"; безъ ея содѣйствія или, какъ выражается составитель предисловія, „накла́да", можетъ быть, не состоялось бы это дѣло. Можно думать, что и зять Настасьи Юрьевны не оставался равнодушнымъ къ труду Пересопницкихъ переводчиковъ. По крайней мѣрѣ, намъ извѣстно, что родной братъ Ивана Өедоровича, Александръ Өедоровичъ, и жена его, Марья Деспотовна, покровительствовали Знаменскому монастырю (близъ Владиміра), въ которомъ, „з ро́сказаніе̑мъ и̑ по́веленіемъ" ихъ, сдѣланъ былъ списокъ Номоканона [3]).

Послѣ Люблинской уніи древніе княжескіе роды, защищавшіе политическія права южнорусскаго народа, мало по малу начали переходить въ лагерь своихъ противниковъ. Сынъ Ивана Черторыйскаго, Юрій Ивановичъ, отступилъ отъ православія, а сынъ Юрія, Николай, названъ былъ Іезуитами „Societatis Jesu amantissimus": для нихъ монастырь Пересопницкій былъ уже не больше, какъ только одною изъ доходныхъ статей. Вотъ какъ описываетъ Литовская метрика состояніе монастырей Пересопницкаго, Дорогобужскаго и Дубищо-Уведенья: „о тыхъ всихъ монастырехъ мы такъ розумѣемъ, ижъ они непродажную хвалу Божію и богомолье государское ихъ себѣ упросили и держатъ, але ку великому грѣху и лакомству своему, и то для того што которыи пожитки и доходы предъ тымъ з селъ монастырскихъ на церковь Божію бывали и з щого братья и служи-

[1]) Думитр. Замѣч. рук. Полт. сем. 15.

[2]) Литовс. метр. Книга переписей № 4. Пописъ замку Луцкого л. 81.

[3]) Головац. Библіогр. находки въ Львовѣ 35—46.

тели церковныи монастырскіи поживленье мевали и богомольство непрестаньное за Государя чинили, то все теперь они на себе обротили и з того собѣ пожитки размножили; ижъ мало мели на волостехъ и селахъ, еще ся о домы Божіи покусили. А в тыхъ монастырехъ теперь не только абы хвала Божія и богомолье государское мѣло быти по старому, або братья мѣли на чомъ мѣшкати, але в иншомъ монастырѣ и черцѣ не поведають, одно попъ покаетъ, и в томъ никому иншому, одно Государю Его милости грехъ и шкода [1]". Въ 1630 г. Николай Черторыйскій отдалъ монастырь Пересопницкій во владѣніе Клеванской Іезуитской коллегіи.

Настала эпоха козацкихъ войнъ. Литовско-русскіе князья превратились въ польскихъ магнатовъ. Тогда въ южнорусской землѣ выступили иныя культурныя силы на защиту народнаго дѣла. „Накладомъ" городскихъ общинъ и трудами южнорусскаго духовенства начали умножаться школы и книги, — и вотъ такіе памятники, какъ Пересопницкая рукопись, не могли уже появляться по иниціативѣ князей, оставаясь свидѣтелями старинныхъ отношеній ихъ къ дѣлу просвѣщенія народныхъ массъ, которыя особенно подвергались всякаго рода преслѣдованіямъ въ тѣхъ областяхъ, гдѣ сами князья стояли нѣкогда на стражѣ народнаго дѣла. Изъ Волыни, въ теченіи всего XVII в., южнорусское населеніе подвигалось на востокъ, переходило на лѣвый берегъ Днѣпра, унося съ собою, вмѣстѣ съ ненавистью къ своимъ притѣснителямъ, все то, что считало найболѣе дорогимъ для себя. Такъ, по всей вѣроятности, въ то самое время, когда Іезуиты вступили во владѣніе Пересопницкимъ монастыремъ, вывезено было изъ него и Четвероевангеліе, о которомъ у насъ идетъ рѣчь. Чрезъ полтора вѣка послѣ своего появленія оно было подарено Гетманомъ Мазепою въ Переяславскую каѳедральную церковь. Мы читаемъ объ этомъ въ припискѣ, сдѣланной по листамъ Евангелія. Вотъ эта приписка:

Сіе Є҃ѵліе прислано и҆ да́но є҃ ѿ ꙗ҆сновелмо́жного є҆гѡ Мило҃ти па́на І҆ѡа́нна Мазе́пы во́искъ є҆го̀ ц҃рского пресвѣтлого величества запорозкій, ѡ҆бо́ихъ сторо́нъ Днѣпра Гетма́на, и҆ сла́вного чи́на с҃тогѡ А҆п҃ла А҆ндре́ѧ Кавале́ра, до пр҃тола Переѧславского Є҆п҃скогѡ, Кото́рый ѿ є҆го̀ жъ Ктиторской м҃ти созда́нъ, ѿновленъ, и҆ драгоцѣнными ѹ҆тва́ри ц҃рко́вними ѹ҆краше́нъ, при преѡ҆сщ҃еннѣйшемъ Є҆п҃пѣ Заха́рїи Корнило́вичѣ. Року ҂а҃х҃ч҃а Априлѧ з҃і дн҃ѧ.

Въ чьихъ рукахъ Пересопницкое Евангеліе находилось въ теченіе полутора вѣка, и какъ оно досталось Мазепѣ, на эти вопросы нѣтъ никакихъ указаній въ самой рукописи. Не подлежитъ сомнѣнію только то, что оно употреблялось въ церковномъ Богослуженіи, сообразно съ желаніемъ переводчиковъ, удержавшихъ въ текстѣ Евангелія такъ называемыя зачала, — да и самъ Мазепа, ктиторъ Переяславскаго собора, украсившій его „драгоцѣнными ѹ҆тва́ри ц҃рко́вним", жертвуя епископской каѳедрѣ такую книгу, какъ Евангеліе,

[1]) Литовс. метр. Книга переписей № 4. Пописъ замку Луцкого л. 81—82.

смотрѣлъ на нее, конечно, не съ ученой, а съ практической точки зрѣнія; въ свою очередь и тѣ, кому она была пожертвована, видѣли въ ней прежде всего Богослужебную книгу, необходимую въ церковномъ обиходѣ. О. Думитрашко предполагаетъ, что Пересопницкое Евангеліе вышло изъ церковнаго употребленія только послѣ окончательнаго подчиненія Малороссійской церкви вѣдѣнію Всероссійскаго Синода, когда на каѳедру Переяславскую стали поставлять епископовъ изъ великороссіянъ, какимъ былъ, напримѣръ, Іоакимъ Струковъ съ 1726 г. [1]). Затѣмъ, Пересопницкое Евангеліе сдано было въ библіотеку Переяславской семинаріи, которая съ конца прошлаго вѣка начала называться малороссійскою. Объ этомъ гласитъ другая приписка на латинскомъ языкѣ, сдѣланная тоже по листамъ: „Ex libris Bibliothecae Seminarii Parvo-Rutheni Perejaslaviensis“.

Рукопись Пересопницкаго Евангелія представляетъ замѣчательно изящную книгу, переплетенную въ дубовыя доски, которыя обложены зеленымъ, нѣсколько полинявшимъ бархатомъ. Написана она на пергаментѣ чистымъ и красивымъ письмомъ. Приписки, вставки и послѣсловія писаны, какъ выражается переписчикъ, „дробнымъ письмомъ“. Дополнительныя объясненія написаны сравнительно мелкими буквами. Подъ страницами въ Евангеліяхъ вездѣ отмѣчены красными чернилами начала каждаго отдѣленія или зачала, какъ слѣдуетъ читать его въ церкви. Чернила и до сихъ поръ еще сохранили полную свѣжесть.

Страницы не отмѣчены числами, посчитаны только тетради, переплетенныя потомъ въ книгу. Число листовъ въ тетрадяхъ не одинаково: есть тетради въ 6 листовъ, но есть и такія, въ которыхъ 7, 8 и даже больше листовъ. По всей вѣроятности, каждая тетрадь сшивалась въ 10 листовъ, а потомъ нѣкоторые листы, по случаю сдѣланныхъ на нихъ описокъ и ошибокъ, были вырѣзаны: есть слѣды такихъ вырѣзокъ въ книгѣ. Всѣхъ тетрадей обозначено 63, а всѣхъ страницъ во всей рукописи 960. Въ Евангеліи Матоея 17 тетрадей, въ Евангеліи Марка 10,—Луки 17,—Іоанна 18.

По составу своему Пересопницкая рукопись совершенно сходна съ обыкновенными Четвероевангеліями Кіевской печати, предназначенными для церковнаго употребленія.

Первый листъ ея бѣлый, нѣсколько загрязненный: можетъ быть, онъ служилъ покрышкою книги до ея переплета.

Есть прямое указаніе въ первомъ послѣсловіи, что послѣ этого листа слѣдовалъ нынѣ утраченный рисунокъ, изображавшій распятіе Христово.

На второмъ листѣ вверху сдѣлана виньетка красками и золотомъ. Общаго заглавія нѣтъ. Послѣ виньетки непосредственно идетъ повѣсть на ѡбхождениє всего лѣта (Все заглавіе написано золотою вязью).

Этой повѣсти соотвѣтствуетъ сказаніе, и теперь печатаемое въ Кіевскихъ изданіяхъ.

---

[1]) Думитр. Замѣч. рук. Полт. сем. 18.

Вслѣдъ за повѣстью помѣщена первая приписка переписчика, относящаяся къ исторіи рукописи:

До́конана ѐсть пръ́шаѧ̀ ча́сть Нао́ўки чи́танѧ̑ пре́зь ро́къ с҃то́го є҃ѵлі́ѧ. В̓ двѡ́ци (sic) ма́настыри же́славско҃ при́ цр҃кви с҃ты́ѧ И живонача́лныѧ тр҃ца. А҃ почал҃ ѐсть Писати сі́е є҃ѵліе ро́коу ҂ах҃фм҃з г҃о м҃ца́ авгу҃ є҃і. на́ день оу̓спенія пр҃тыѧ на́шеѧ̀ б҃ца И пр҃но д҃вы м҃ріѧ.

Затѣмъ начинается *указатель Евангелій*, въ которомъ евангельскія чтенія расположены по зачаламъ, а зачала сведены въ главы. За указателемъ слѣдуетъ оглавленіе Евангелія Матѳея, а за оглавленіемъ помѣщено общеизвѣстное предисловіе Ѳеофилакта Болгарскаго, совершенно сходное даже по языку церковно-славянскому съ текстомъ такого же предисловія новѣйшихъ кіевскихъ изданій.

За всѣми этими предисловіями слѣдуютъ двѣ бѣлыя страницы, а за ними во всю длину листа—рисунокъ Евангелиста Матѳея. Онъ представленъ въ сидячемъ положеніи. Ангелъ съ облаковъ подаетъ ему книгу.

Подъ рисункомъ надпись, въ которой говорится о томъ, когда и гдѣ написано было Евангеліе, а также представленъ счетъ главъ, зачалъ и стиховъ.

За рисункомъ, съ новой страницы, начинается самое Евангеліе Матѳея. Приводимъ нѣсколько образцевъ рѣчи изъ этого Евангелія.

Зач. 52, гл. 13.

Йноу̓ при́т҃чю по́видѣль и҃ г҃лѧ. по́добно оу̓чи́нено є҃ цр҃тво н҃бное ч҃лкоу. ко́торы҃ на́сѣıаль до́броѐ сѣ́мѧ на́ се́лѣ свое҃. спѧ҃щи҃ же ч҃лко́мь /, прі́йде во́рогь ѐго̀. и на́сѣıаль коу̓колю̀ ме́жи п҃шеницю̀, и ѿи́шо́ль.—ѐгда па́кь в҃зро́сла̀ былина̀. и п҃ло́ оу̓чи́нила̀. то́гды сѧ оу̓ка́заль, и коу̓коль. про́тожь при́стоупи́вши слоу̓же́бници̇̀ к го́спо́дареви̇ и ре́кли ѐмоу̇. г҃и, а ви҃ же до́броѐ сѣ́мѧ є҃ сѣıаль на́ поли свое҃. где́ ж сѧ є҃ па́кь в҃зѧль коу̓коль.—а̀ ѡ́нь ре́кль и҃. во́рогь ч҃лкь оу̓чи́ни҃ то̑. слоу̓гы же ѐго̀ ре́кли ѐмоу̇. хо́ищеши ли̇. по́шо҃ши̇ выполове҃ и̇хь: (sic) а̀бы҃ нѣıа́ко вытръгоу̓ю̀чи плѐвелы҃. вытръгнете сни́ми҃ в҃коу̓пѣ и п҃ше́ницоу̇. ѡ́ста́в҃те ро́сти о҃боѐ въкоупѣ̀ а̀жь до́ жа́т҃вы. А҃ в҃ч҃а́ жа́твы ре́коу же́йцюмь. вытръгнѣте пръ́вѣѐ плѐвелы̇. а̀ свѧ́жѣте и҃ в сно́пы҃. ıа̀ко по́жечи и҃. а̀ п҃шениц҃ꙋ з҃бе́рѣте в жы́т҃ницоу мою̀.

Зач. 27, гл. 8.

И҃ ста́ласѧ боу́рѧ ве́ликаѧ̑ на́ моры҃. а̀ж сѧ ло́дѧ̑ по́крывала во́л҃нами̇ а̀лѐ ѡ҃ спа́ль.—то́г҃ды҃ при́стоупи́вши кне́моу̇ оу̓че́ници̇ ѐго̀. и̇з҃боу́дили̇ ѐго̀ г҃лще ·/, г҃и, и̇з҃ба́ви на҃, за́гыбае҃.—и̇ ре́кль и҃ і҃с ·/, чо́го бо́йте҃ ма́ловѣры҃.—то́гды в҃ставши̇ при́казаль вѣтро҃ и мо́рꙋ. и сталасѧ҃ па́кь ти́шина̀ ве́ликаѧ̀. лю́дїѐ па́кь ди́вовалисѧ̑ г҃лще. кто̑ то є҃ и́же вѣтрове и мо́ре слоу̓хаю́ть ѐго̀.

Зач. 77, гл. 18.

Оу̓подобилосѧ̑ цр҃тво н҃бное, ч҃лко (sic) цр҃оу. ко́торый хотѣль сѧ҃ о҃бли́чити̇ и̇з҃ слоугами҃ сво́ими̇. а̀ ко́ли ѡ҃нь по́чаль ли́чити̇: при́вели̇ ѐмоу̇ ѐдиного̀ до́л҃жника̀. ко́торый быль ви́нень

ї моюѡ таланть. и не маль ємоу чого ѡддати.—єгда же не ймаль ємоу чого ѡддати. повелѣ єго гдⷭнь є продати. и женоу єго и дѣти. и все што ймаль, а ѡддати (sic). Падши слоуга тый, и просиль єго рекоучи. гдⷭроу потерпи ми. и в тобѣ (sic) ѡддⷨ.—Змилова же сѧ гдⷭнь на слоугою тыⷨ. поустиль єго, и долгь ѿпоустиль ємоу.—Вышедши пакь слоуга тый. нашоль єдиного товарища своєго. который ємоу быль виневь сто пѣнезїй. оухопиль и давиль єго, и мовиль ємоу. ѡддай ми що ми єси должень.—Падши должникь єго на ногаⷯ єго (sic). просиль єго рекоучи, пожди ми и все тобѣ ѡддамь. а онь не хотѣль. але вешй всадиль єго втемницю. ажь бы ѡддаль што виневь. Видѣвши пакь товарище єго тоє што сѧ стало. и розжаловалисѧ велми и пришедши повидѣли гдⷭреви своємоу все. што сѧ дѣяло.—тогдыⷨ призвавший єго гдⷭнь єго и рекль ємоу. слоуго злый, весь ѡнь долгь ѿпоустиль єсⷨ тобѣ. длѧ того йже єси мѧ просиль. чи не годилосѧ и тобѣ змиловати на товарищоⷨ твоймь. якъ сѧ я тыжь змиловаль надь тобою. и розгнѣвальсѧ господарь єго даль єго моучителеⷨ доколе быⷨ заплатиль долгь свой.

Отдѣльныя фразы изъ Евангелія Матѳея:

Зач. 1. книги родства і҃ѵ хаⷭ снⷪа дваⷣ снⷪа аврааммлѧ... авраамъ спⷪлодь исаака исаакⷪ же спⷪлодь ıакова ıаковь же спⷪлодь ıоудоу и братїа єго.

Зач. 9. ...оуздрѣль два брата заметающихъ сѣтъ в море.

Зач. 16. ...выстерѣгайтесѧ, абы єсте не дѣлали мⷧⷭтынѣ ваша перед людьми.

Зач. 23. ктоⷪ чинить волѣ ѿца моєго той внийде въ цⷭтво нбⷭное.

Зач. 30. мⷧⷭти хощꙋ а не жрътвѣ.

Зач. 45. мⷧⷭти хощꙋ а не жрътвыⷨ.

Зач. 47. ѿ свой бо слоувь боудешь оусправедливень. и ѿ свой словь боудешь ѡсоужден.

...а ни на томь свѣтѣ, а ни на боудꙋщоⷨ...

Зач. 50. ...дроугыи же пали на каменныⷨ йдеже не ймали много землѣ и скоро изошло прото ижь не ймали глоубокости землѧ.

Зач. 59. ..кроⷭу женъ и дѣтей

Зач. 97. чⷧкь нѣкоторыи быль господарныⷨ. которыи тоⷪ оудѣлаль виногаⷣ. и ѡплюль єго плотомь.

По окончаніи Евангелія Матѳея слѣдуетъ послѣсловіе переписчика, въ которомъ говорится, что Евангеліе списано „роукою многогрѣшнагѡ раба вл҃це хртоу йменемь Михаила Василиєвича, протопопыⷨ саноцкоⷨ“ (sic).

Послѣ этого послѣсловія начинается оглавленіе Евангелія Марка: „сїа оуказанїа противь чернопишемои личбе котораѧ єсть написана въ єѵⷢлїи стⷢого Марка“. Обыкновенныя главы и зачала во всѣхъ четырехъ Евангеліяхъ написаны на поляхъ красными чернилами, а

чернописанныя главы написаны черными чернилами и соотвѣтствуютъ статьямъ оглавленія, какъ это водится и донынѣ въ кіевскихъ изданіяхъ.

За оглавленіемъ слѣдуетъ „Предмо́лва“ къ Евангелію Марка, въ которой изъясняется четвероличность Евангелистовъ, что и отличаетъ эту Предмо́лву отъ кіевскаго предисловія. Другая особенность ея состоитъ въ томъ, что она усвояетъ Евангелисту Марку символическое изображеніе орла, а Евангелисту Іоанну—льва.

Предъ самимъ текстомъ Евангелія Марка помѣщено изображеніе Евангелиста. Подъ ногами у него книга; орелъ съ небесъ подаетъ ему также книгу. Подъ рисункомъ надпись такого же содержанія, какъ и подъ рисункомъ Евангелиста Матѳея.

Образцы рѣчи изъ Евангелія Марка.

Зач. 26, гл. 6.

И борзо прино̂удилъ оучени́кы своѧ ѿвѣсти вло́дю. и впере̂ ѣхати на̂ ѻноую сто́роноу до виѳсаиды. ажъ по́кы са̂ роспоустить на́роды. А ро̂споустившіи и шелъ на́ гороу мо́литисѧ. а ко́ли южъ былъ ве́черъ. была̀ ло́дѧ насере̂ мо́рѧ. а ѻнъ са̂ на́ земли. и оувидѣлъ и а ѻни сѧ мръ̂доуютъ оу плаваніи. бо̂ былъ и вѣтръ про́тивный.—И ıа́ко бы ѻ четвертои сто́рожи но́щнои. пришолъ кни̂ хо́дѧи по̂ мороу. и хо́тѣлъ иҳъ ми́нути.—а ѻни оузрѣли его̂. а ѻнъ ходи̂ по̂ мороу. до̂внималисѧ иже бы што̂ злое было̂. и крыкноули бо̂ его̂ были всѣ оузрѣли. и засмутилисѧ.—и борзо промови̂ кни́мъ рекоучи. боудте до́брои на́дѣи, не̂ боитесѧ ıа е̂.. и вступилъ до̂ ни̂ вло́дю. и перестал вѣтръ.

Зач. 54, гл. 12.

И послали кне́моу нѣкоторыхъ ѿ фарисеоувъ и иродиıановоувъ. (sic) абы его̂ вло́вили в мо́вѣ.—который то пришодши рекли емоу. оучителю вѣдаемо ./ иже̂ еси̂ справедливый. а не дбаеши нѣ на кого̂. и не смо́тришь на̂ ѿсо́боу людскоую. але праўдивомү поутю бжію наоучаешь.—годи̂ ли сѧ да́нь да́ти чи̂ ли нѣтъ. да́мо ли̂ или не дамо.—а ѡнъ вѣдаючи и ле́сть рекл имъ. че́моу мѧ коусите. принесѣте ми пѣнезь не́хаи ѿглѧдаю. а ѡни принесли и дали емоу.—рекълъ имъ чие̂ то есть выѡбра́женѧ и написанѧ.—А ѡни емоу повидѣли це́саревъ.— и ѿповѣдаючи іс рекълъ имъ. даите жъ то́гды це́сареви што есть це́сарево̂. а бжіе бви.—и дивовали томоу.

Зач. 57, гл. 12.

И мо́вилъ имъ наоученіи своемъ ./стережѣтесѧ ѿ оучителеи ./ который то̂ ра́ди въ ѡдѣıаніи кра́сномъ хо́дити. и на̂ тръгоу поздоровлѧни бывати. и на пе́редънемъ мѣстци сѣдѣнѧ на соборищахъ и на вечерѧхъ. которыижъ то пжираютъ до́мы вдо́вииный. по̂ замышленю долгое

мл҃твы. а тыѐ примоу̑ болшеѐ ѡсожденїѐ (sic). и сѣдѣлъ і҃с напротивко скарбницѣ цр҃квной и смотрилъ іако народъ мечеть пѣнезѣ до скарбницѣ. А многїи который богатыи оумѣтовали много.—а пришо̑ши єдина оубогаа вдова. и оувръгла два пѣнезѣ. иже зоке̑ся кондра̑ (кварникъ) и призвавши оученикы свои реклъ имъ. заправды вамъ повѣдаю. иже тая оубогая вдова болше є̑ оувръгла нижли тыи всѣ который то метали. а ѡна знедостаткоу своєго всѐ што имѣла оувръ́гла. всю маѣтность свою.

Зач. 62, гл. 13.

Н҃бо и земля переминоуть, але слово моѐ не переминить.—А ѡ ономъ то̑ дни и годинѣ. никто не вѣдаєть. ни а҃гли который соуть в н҃бѣ. а ни с҃нъ єдно с҃а ѡ҃ць. мѣйтеся ѡсторожнѐ. и чоуйте а мл҃тєся. бо не вѣдаєте коли часъ боудеть.—іакъ же и той ч҃лкъ который же то далеко ѿишолъ ѡпоустивши домъ свой. и далъ слоугамъ своимъ маѣтности свои кождомоу зни̑хъ, и роботоу. а воротномоу приказалъ абы̑ стерегль.—протожъ чоуйтѐ бо не вѣдаєтѐ коли господарь домовый придеть. любо въ вечеръ. албо в поульночи. чи пакъ коли коуръ запоѐ. Албо колі свитаєть. абы нагле пришо̑ши не нашолъ васъ, а вы̑ спитѐ. а што̑ вамъ мовлю всѣмъ мовлю. чоуйте.

Зач. 67, гл. 15.

Воини пакъ оувели єго̑ вноутръ двора который называєтся преторъ.—(домъ радецкий, або ратоушъ) и зозвали весь соборъ. и ѡболокли єго̑ впрепрѣдоу̑. (в шарлать) и вложили на него вѣнець оуплетшй стерня. и почали єго̑ поздоровляти и мовити. радоуйся цр҃ю жидовскый.— и били по главѣ єго̑ тростїю. и плювали на него̑. и пригыбаючи колѣна, оуклякали переднимъ (sic).—а колі южъ ся ємоу̑ насмѣвали. зволокли и̑з него̑ припрядоу (шарлать) и ѡболокли є̑ во ѡдѣянїя єго̑. и вывели єго̑ абы̑ єго̑ пропяли.—и приневолили нѣякого который тоуды̑ шолъ мимо нѣ, симона киринейскаго, который то̑ шолъ и̑с села ѿ҃ца александрового и роуфового. абы̑ понеслъ кр҃стъ его.

Отдѣльныя фразы изъ Евангелія Марка:

Зач. 32. и борзо посли того вступилъ влодю зъ оученикы своими и плыноулъ до оукраинъ далманоутьскых̑ъ.

Зач. 34. ..прозрѣлъ и оуздоровлюнъ єсть.

Зач. 56. възлюбиши г҃а б҃а твоєго въсѣмъ ср҃цемъ своимъ. и всея д҃шея твоєя.

Зач. 60. длѣ выбраны̑.

Зач. 63. и розьбивши банкоу̑ выльяла на главоу̑ єго̑.

Зач. 65. оученици и всѣ повтекали.

Ibidem: про́тивь те́бѣ свѣдительствоують.

Зач. 68. же́ны на то́ здалека̀ смо́трили.

Въ послѣсловіи къ Марку писецъ называетъ себя просто „многогрѣшнымъ рабомъ Михаиломъ“. За Евангеліемъ Марка помѣщенъ указатель главныхъ частей Евангелія Луки, а затѣмъ „предмо́ва книзе стого апла и еѵлиста Луки,“ почти ничѣмъ не различающаяся отъ печатнаго кіевскаго предисловія.

На рисункѣ Лука представленъ въ положеніи пишущаго человѣка, который окруженъ книгами; тѣлецъ съ облаковъ подаетъ ему также книгу. Подъ рисункомъ надпись, которую помѣщаемъ вполнѣ: Лоу́ка бжтвный ѿ полоуде́нныа стра́ны. На́писаль є кри́тѣ еѵліє. По́ єі т лѣтѣ хва вьзнесенїа котороѐ за̀мыкаєть всо́бѣ гла двадесѧть и̓ че́тиры. А зача́ль рді. А сти́ховь, двѣ ты́сѧщи ѿ [1]).

Въ послѣсловіи къ Евангелію Луки говорится, что доконана книга „чрезъ писара Михаила василієвича зь Санока“ съ прибавленіемъ года ҂зн҃s҃ (҂афѯа), чего нѣтъ въ предыдущихъ послѣсловіяхъ.

Евангелію Іоанна предшествуетъ „предмо́ва“, во всемъ сходная съ кіевскимъ печатнымъ предисловіемъ. Языкъ „предмо́вы“ передѣланъ нѣсколько на малороссійскій складъ. Сверхъ того, прибавленъ еще слѣдующій конецъ: А ко́ли ю́жь то́є та́кь є̓сть, мы почнѣмо. штожь є̓сть вь пи́санїи ре́чейно вь на́чалѣ было сло́во. А за тымь не́хай боу́де хва́лено и̓мѧ бга ѡтца на́ вѣкы ца́рующого зь є̓динородным сномь и пртымь дхомь а̓ми́нь.

Рисунокъ къ Евангелію Іоанна изящнѣе всѣхъ предыдущихъ. Въ перспективѣ видны горы; Іоаннъ диктуетъ Евангеліе ученику своему Прохору; левъ подаетъ съ небесъ ему книгу. Подъ рисункомъ—обычная надпись о времени и мѣстѣ написанія Евангелія, со счетомъ главъ, зачалъ и стиховъ.

Образцы рѣчи изъ Евангелія Іоанна.

Зач. 12, гл. 4.

И̓ при́шоль до́ мѣста̀ са́маританьского̀. ко́тороє̀ то̀ зо́воуть си́харь. бли́зко се́ла, котороѐ даль і̓а́ко́вь і̓ѡсифо́ви сноу своє̓моу.—Быль ты жь та́мь и̓ ко́лодѧзь і̓а́ковль (стоунѧ а̓бо̀ кри́ницѧ) а іс ꙗко то з̓дороги з̓мордовал и̓ сѣль на колодѧземь. го́дина ю́жь была ꙗко бы шо́стаѧ. и̓ при́шла̀ же́на̀ съ самарїи по́чрьпьсти̓ во́ды.—и̓ ре́кль є̓й іс. дай ми пити. а̓ оуче́ници̓ є̓го̀ на́ то̀ ча ѿи̓шли̓ былї до́ мѣста а̓бы на́коупили̓ со́бѣ є̓стра́вных ре́чїи.—и̓ ре́кла̀ є̓моу̀ ѡ̓наꙗ то̀ же́на̀ са́маритака̀. ꙗкь жѐ ты жи́довинє боу́доучи̓ ѿ ме́не жены са́маритѧньки про́сишь

[1]) Образцы рѣчи см. ниже, въ текстѣ Евангелія Луки.

пити. бо жидове к самарѧномь не приставаю.—ѿповидѣль іс и рекль єй. єсли бы єси вѣла дарь бж҃іи кто єсть. которыи мовить тобѣ дай ми пити. ты бы єси просила а дал бы ти водоу живоу.—и рекла ємоу жена./ гн҃./ а ни то не маєшь чимь бы єси зачерль.—а стоудня єсть глоубока. а ѿколе жь можешь мѣти водоу живоу.—а бо ты болшій єси ѿ ѿц҃а нашего іакова которыи то намь даль то колодѧзь. скотого са пиваль./ и сн҃ве єго. и скоти єго. (товарь, або быдло) ѿповидѣль іс и рекль єи. каждый который боу пити тоую водоу. ѿпѧ всхоче пити.—але кто напієть той воды которою іа да ємоу.—не бѹде хотѣти єй на вѣки. тая вода которою іа да ємоу боуде внемь колодѧзь живой воды текоучой в живо вѣчныи.—рекла кнемоу жена./ гн҃./ дай ми тои воды. а бы тоу нєходила а ни зачирала.—Рекль єй іс иди и призови моужа твоєго. а приди тоу.—ѿповидѣла жена и рекла ємоу./ нє маю моужа.—рекль пакь єй іс добрѣ єсь повидѣла нє маю моужа. бо п҃ѧ моужей имѣла єси. а и тоть которого тепер маєшь не єсть моуже твоимь.—то єси правдоу повѣла.—Рекла ємоу жена./ гн҃./ вижоу иже ты єси прр҃кь. ѿц҃еве бо наши на тои то горѣ кланѧлисѧ. а вы повѣдаєте иже вь иєрлимѣ єсть таковоє мѣсто где то годисѧ кланѧти. Рекль єй іс. жено вѣроу ми ими. иже придеть година. вню же аки на тои то горѣ. а ни вь ієрлимѣ боудетесѧ кланѧти ѻц҃оу.—Вы кланѧєтесѧ томоу которого нє вѣдаєте. а мы сѧ кланѧємо томоу которого вѣдаємо. бо вѣдаємо иже из жидовь сп҃ніє єсть.—Але иде година а и нн҃ѣ єсть. коли правдивий поклонници поклонѧсѧ ѻц҃оу дх҃омь и истинною. бо ѻц҃ь таковы ище которыи бы сѧ кланѧли ємоу. дх҃ь єсть бг҃ь.—А тыи которыи сѧ ємоу кланѧють. дх҃омь и правдою мають сѧ кланѧти.—Рекла ємоу жена. вѣдаю иже месіѧ мае прійти названный хс. А коли то прійдеть повѣсть на все.—Рекль єй іс. іа єсмь./ который же мовлю стобою.—тогды пакь пришли оучн҃ци єго и диволалисѧ иже из женою мовиль.—а вид (sic) же ємоу жадень нє рекль./ чого хочешь./ албо што знєю мовишь.—тогды ѻнаа то жена ѻставивши ведро своє. (або глекь, або збань) и пошла до мѣста. и рекла людемь. поидѣтє а поглѧдѣтє на чл҃ка который ми повидѣль все што єсми коли чинила.—албо ѻнь єсть хс.

Зач. 35, гл. 10.

Заправды заправды повѣдаю вамь. кто нє входи дверьми в загородоу ѻвечоую. але иноуды входи. то єсть злодѣй и розбойникь. але кто входить дверми. то єсть пастырь ѻвечый. томоу и ѻдверный ѻтворѧєть и ѻвцѣ слоухаю голоса єго. а свои ѻвцѣ называєть по имени./ и выганяєть ихь, а коли власный свои ѻвцѣ выженеть. и самь пре ними идеть. и ѻвцѣ єго за ни идоу. бо знають єго по голосоу єго. а за чужимь нє идоуть. але єще и оутекають ѿ нєго. бо нє знаю голосоу чоужого. тоє и по притокою повидѣль іс. а ѻни того не могли розоумѣти. што бы то была за повесть. которую имь іс повидѣль.—Повторе пакь рекль имь іс./ заправды заправды повѣдаю вамь./ иже іа єсми дверѧми ѻвечими. вси которыижь коли

пе́редо мною̀ прииші́ли ./ злоді̂є̀ є̂сть./ и̂ ро́збойницѝ. а̂лє нє̀ слу̂хали и̂хъ ѡ̂вцѣ̀. ꙗ̂ є̂смі двє́рми.
а̂ кто̀ бы че́резь мене ѿшо́ль. то̀ боу́деть и̂зба́влень. а̂ войдѐ. и̂ ѡ̂пя́ть выйдѐ. и̂ по́жито
найде́.

Зач. 41, гл. 12.

Тогды̀ марі̂а взя́вши литру̀ ма́сти (то̀ є̂сть фу́нть масти) кото́ра то̀ ма́сть была вро́блена зна́адового ко́ренє̀./ ва́рзо конитовнае (ни чимь нє̀ змѣшеное мѵ́ро), кото́рою жь то̀ ма́стю по́мазовала̀ но́ги і̂со́вы и̂ ѡ̂ти́ра̀ волосамѝ головы̀ свое́й но́гы є̂го̀. а̂ и̂ до́мь бы̀ на́полнилсѧ ѿ во́нности ѡ̂ное́й до́бре за́пашной ма́сти. тогды̀ одинь изь ѹ̂чн̃ковь є̂го̀ ю̂да̀ сн̃ь си́монов и̂ска́риѿтъ./ который є̂го̀ хотѣль продати ре́кль./ длѧ чого̀ той то̀ ма́сти не́продано̀ за̀ три́ста грошей а̂ да́но̀ бы то̀ было̀ ѹ̂богы́мь.—а̂ тоє̀ рєка̀ нє̀ длѧ того̀ а̂бы мѣль мѣти ме́сть ко̀ оу̂бо́гы̀. а̂лє то́го длѧ и̂же быль съ злодѣ́ємь. и̂скри́нкоу завѣ́даль./ и̂ тый ре́чи который и̂мь были да́ваны̀ но́силь.—тогды̀ ре́кль і̂с̃./ дайте є̂й по́кой./ а̂бы зах̀овала̀ тоую̀ то̀ ма́сть ко̀ дн̃ю погребені̂а мое́го—ѹ̂бо́гыи бо и̂се́гда и̂ се́бе ма́єтѐ. а̂лє мене нє̀ и̂сегда̀ мѣти боу́дете.

Конецъ Зачала 60, гл. 19.

А̂ ѡ̂нѝ поѧ́вши і̂с̃а и̂ ве́ли є̂го̀ вонь, и̂ нюсль кр̃ть свой. вышоль на̀ мѣстцѐ., на̀званоє̀ ло́бноє̀ мѣ́сто̀. кото́роє̀ зо́воу по̀ жидовскоу̀./ голгофа̀. г̂дѣто̀ и̂ пропѧли є̂го̀. а̂ сни̂ и̂ и̂нших дв̂а ./ по̀ сюй ./ и̂ по̀ тоуй сторонѣ̀. а̂ всере́динѣ і̂са.—пилать па́кь та́мь и̂ ти́тоуль на́писаль ./ и̂ по́ставиль на̀ крестѣ̀. а̂ было на́писано̀ ./ і̂с̃ на́зарянинь цр̃ь жидовскый.—то̀ то па́кь титуль мно́гый читали з̂ жидовь.

По окончаніи Евангелія Іоанна помѣщена слѣдующая приписка:

За̀ помочоу бо́жою̀ є̂сть съвръшена че́твертаѧ книга но́вого̀ закона, ст̃ои є̂ṽлии. з̂а̀ха ст̃ого выложеной пре̂ ст̃ого а̂ славна̂ и̂ всех възлюблє́ннаго а̂п̃ла і̂ є̂ṽлиста, і̂ѡ̂анна бг̃осло́вца̀, и̂ нагрьсника гн̃ѧ. при цр̃кви. ро́ждества бц̃а родичина (sic) мо́настыра прѧвосопникого (sic). ро́коу по бо̃́ємь нарожені̂и, ҳ̃ а̃ ф̃ з̃ а̃, роукою̀ мн̃ҳаила василі̂евича про́топопы са́ноцко̂, длѧ читаніа̀ цр̃квей бж̃ий. а̂ длѧ наоуки люду ҳр̃стіа́нско̂.

Непосредственно послѣ этой приписки слѣдуетъ „Сказаніє ѡ̂ гла́вахъ и̂ за́чалахъ. ѡ̂ по́чаткахъ и̂ ко́нцехъ чтомымь є̂ṽлі̂амь оутрє́нимь и̂ литоргі̂йнымь“. Въ немъ выражено обычное обращеніе къ читателямъ (собственно къ священникамъ, діаконамъ и всѣмъ причетникамъ) съ просьбой не вмѣнить въ вину переписчику ошибокъ, которыя вкрались въ его трудъ въ то время, когда онъ „с това́ришомь ро̂змовлѧль“; предложено также наставленіе, какъ нужно читать Евангеліе въ церкви, во время богослуженія, и указаны причины, побудившія распредѣлить Евангеліе не только по зачаламъ, но и по главамъ.

Розумѣи же̑ и ѽ то̑ бра́те, говоритъ переписчикъ, ӥже стыи (sic) пи́смена̀ дро́бный. въ ѽчерктаⷯ положенный, гдѐ то̀ взываетсѧ глава. не̑ безъ при́чины соу̑ на́писаны. А̑ле̑ абы еси зналъ, ӥже едина глава замыкаетъ всобѣ колко зачалъ. и што есть внеи написанѡ̀. тыж длѧ людій законоу ри́мского, сирѣ̑ латинѧнъ. иже внихъ не̑ взываютсѧ зачала̀. едно̀ капитулы. а̀ по̀ нашемоу̑ ӕзыкоу̑ главы. Боу́де ли ѡ̑нъ тебѣ ѽ што̀ про́сити а̑бы еси емоу̑ не́медлѡ, сирѣчь борзо нашедьши оу̑казалъ.

Въ слѣдъ за „Сказа́ніемъ“ помѣщено „Послѣдованіе минологоу ро́ккнаго“, въ которомъ подъ каждымъ мѣсяцемъ показано, сколько въ немъ дни и ночи имѣютъ часовъ; при этомъ исчисленіе сдѣлано на цѣлые мѣсяцы, безъ различенія въ нихъ чиселъ.

Затѣмъ слѣдуетъ указатель Евангелій на всякую потребу, а за нимъ окончательная надпись: „Зде па́къ скончалисъ а̑п҇лове і е̑ѵ҇лїа чтомый на̀ литергїахъ и гласове иже въ ѡ̑ктоӥкоу“.

Въ заключеніе всего помѣщено послѣднее, довольно обширное *Послѣсловіе*, которое приводимъ вполнѣ и со всею точностію.

„Ю҆ за̀ помочоу̑ Бж҇іею ма́ешъ все̑ зоуплъна выписанный книгы четырѣ̑ е̑ѵ҇листовъ выложеный изъ ӕзыка блъ́гарского на мово̀ роускоую читачоу̑ милий. Которыѐ соу̑ доконаны влѣто тисѧщное ҂зѯа на̀ памѧ̑ Оусѣкновеніа с҇тго исла́внаго пр҇рка̀ ипредитечѣ ик҇ртителѧ гн҇ѧ Іѡа́нна̀ м҇ца А̑вгоуста кѳ-го̀ дн҇ѧ.

Придръжавѣ жикгимонтовичоу̑ Августе кр҇оли полскомъ, великомъ кн҇зи Литовскомъ, Роускомъ, проускомъ, жомоискомъ, мазовецкомъ, пн҇оу идедичоу на̀ то̑часъ боудоучомъ. Накладомъ, Бл҇говерной, и хр҇толюбивой, кн҇гнѣ козминой Ивановича̀ желаской (sic), кн҇гнѣ Параскевгїи възванной Настасѣ Юревны голшаско̑. и при бл҇говерномъ, и хр҇толюбивомъ кн҇зю Іѡанне, Федоровича̀ чръ́торыйскомъ, зятю еи м҇ти. И̑ при бл҇говерной Ихр҇толюбивой кн҇гнѣ его̀ евдокіи. тыи книгы чтыры е̑ѵ҇листове̑ соу̑ оу̑строе́ны кр҇окымъ смиреннымъ И̑ бг҇олюбивымъ еромонахо̑ Григорье̑ А̑рхимандритомъ Пересопницкимъ силою бж҇іею И̑ поспѣшеніемъ с҇тго дх҇а. И̑ моленіемъ с҇тыѧ Бл҇ча Нашеѧ Бг҇ороди̑ занѐ Нелюбилъ злата И̑ сре̑бра̀ Тлеющихъ, А̑ле имелъ Любовь и прилежаніе къ бж҇твномоу писанію ѽ которое Проси̑ г҇а б҇а, въ дн҇е и вночи Такъ мо́вѧчи. Гп҇и сподоби мене видѣти дела сего̀ конецъ. И̑ почитати внемъ начерьтаннаа Писмена. с҇тыми четыр҇ми е̑ѵ҇листы. Маѳеемъ, Маркомъ, Лоукою Іѡанномъ. Вкоторыжето̀ Лежать Таемницѣ цр҇тва Нб҇ного. Бл҇говѣщеніа Рожества̀ и оу̑ніа, чоу̑твореніа преѡ̑браженіа. И̑ ср҇ти. Погребеніа. И̑ въскр҇ніа ѽ мр҇твыхъ. Въснесеніа еже на̀ нб҇са. И̑ посланѧ дх҇а с҇тго Нас҇тыѧ своѧ оу̑ч҇нкы і ап҇лы. И седеніа ѡ̑десноую Б҇а ѿ҇ца. и пакы втораго̀ славнаго И̑ страшна̑ пришествіа̀ его̀. Коли приидеть соудити живы̑ И мр҇твы. а̑лбо такъ речи, праведны̑ и грешны̑ И̑ заплатоу давати каждомоу̑ Противъ слоу̑бые̑: А̑ иже есть такъ И̑зведена̀ Тако с҇таа е̑ѵ҇ліа, Испреписками дробнаго̀ писаніе. Въ ѡ̑чертахъ положенного̀. Где̑ знаменоуе̑сѧ глава. то̀ длѧ людій законоу Рымского. сирѣчь Лати-

нѧнь. А иже есть прекладана изъ ꙗзыка Блъгарскаго на мовоу Роускоую. То для лепшого Вы-розумленѧ людоу хр҃тїанского посполитого. ѡ тожъ товаришоу милый нескрывай. Але дръжи такъ ꙗкъ есмо ти вперенемъ оуказаний а постановленномъ Покойци Бл҃говестїа ста̄ на Іѡаннова ѡзначилъ. Тое все радою пилностю и прилежанїемъ вышше реченного, Монаха Григорїа, Архимандрита Пересопницкого, Постановлено е. Прото иже есми еще недоумелъ пренесталость Розоума моего. Былъбо мой разоумъ втыѧ дн҃и моутенъ ꙗко воды вскоу приходѧщїи изгоръ. и ꙗко палъный былины ѿ ветровъ колеблемы. для тоски сего мимо идоучого света. Протожъ вышереченный смиренный архимандритъ Григорїе имелъ пилность и любовь вписанїю сей книгы. которая для пилности и любве его свершиласѧ. Якоже ꙗвлъ Павелъ, врн҃ско Послан҃, ѡ таковы пишетъ мовѧчи. Братїе любѧщи҃ бг҃а все доброе есть поспешно. А наболей кто его ѡто (sic) пилностю просить. Якже Іѡаннъ еѵ҃листа ѡ то҃ посведчаючи пишеть. Вглаве ҃ді Апз҃ле, м҃о. Всякомоу просѧщомоу боудеть дано. Втыжъ многогрешный, слоута, або рабъ бж҃їи Михаило Василевичъ сн҃ъ Протопопы Саноцького. Того тыжъ наоученъ. Надеючисѧ ꙗ на тое слово тебе в҃кы и х҃а моего а непомосеи оумеетности. Але подоброти даннои мне ѿ тебе истинного б҃а. Похотелъ есми написати сию книгоу ст҃оую еѵ҃лию. наоукоу людоу Нешкамочомоу вновъ тастаменте, або вново҃ законе веры хр҃вы. которою есми за помочою бж҃їею написалъ. Накладомъ вышеѡписаной Бл҃говерной и Хр҃то любивой кн҃гни Козминой Ивановича Жеславской. кн҃гне Параскевгїи Рвзваной Настасе Юрьевны гольшайскаго. Прото҃ Прошу ва сщ҃енницы ѿц҃и и дїакони. И всии который есте вклиросе причтенный слоуты црквный. Если второй главе, любо зачале либо почат҃коу либо концы изгроубихъ—етоваришемъ мовѧчи, або вномыслъ сегосветий мыслѧчи, исправлѧйте, а незле речѣте писавшемоу. Але просѣте ба т҃а мовѧчи. Все нехай боудеть бл҃гооугодно и подобно твоемоу ч҃колюбномоу м҃рдию. тыж име҃. спсе спси помилости твоеи. И помногым щедробливостемъ твоимъ. И дай мне а выхъ тебе единого истинного, б҃а, хвалилъ, ѿ нн҃е а и до смрти моеи аза тымъ нехай боудеть хв҃а и честь, бг҃оу ѿц҃оу съ сн҃о и дх҃омъ ст҃ымъ навекы вечный Славне, Тривлючемоу. Аминь.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ объ украшеніяхъ и всякаго рода каллиграфическихъ особенностяхъ Пересопницкой рукописи, болѣе или менѣе связанныхъ съ правописаніемъ ея.

Рисунки четырехъ Евангелистовъ исполнены не акварельными, а клеевыми красками, на золотомъ, сплошномъ полѣ. Вокругъ рисунковъ положена широкая рамка, которая, вмѣстѣ съ надписью подъ рисунками, занимаетъ значительную часть листа, отчего самые рисунки не велики по размѣрамъ. На первой страницѣ каждаго изъ четырехъ Евангелій сдѣлана виньетка, а подъ нею заглавіе Евангелія золотою, крупною вязью; вся страница кругомъ обведена разноцвѣтною, узорчатою рамкою. Первая буква Евангелія (заставка)

представляетъ своеобразный рисунокъ, разцвѣченный различными красками, но и въ каждой главѣ начальныя буквы разрисованы, хотя значительно проще. Всѣ вставныя статьи, надписи и приписки обведены тоже разнаго рода цвѣтными рамками.

По мнѣнію Бодянскаго, рисунки въ Пересопницкой рукописи напоминаютъ чешскій стиль. О. Думитрашко признаетъ въ нихъ „*чисто византійскій стиль*, измѣненный развѣ только въ характерѣ бордюровъ, которые широкими своеобразными кудреватыми и разноцвѣтными завитками дѣйствительно представляютъ нѣчто особенное отъ обыкновеннаго рисунка бордюровъ византійскихъ“ [1]). Въ словахъ почтеннаго автора есть нѣкоторая недосказанность: представляя *нѣчто особенное*, Пересопницкіе бордюры по этому самому не могутъ относиться къ *чисто византійскому стилю*. Мы думаемъ, что своеобразность рисунковъ (собственно рамокъ или бордюровъ) заключается не столько въ композиціи, сколько въ содержаніи: въ нихъ представлена большею частію мѣстная флора.

Сверхъ рисунковъ, правильно исполненныхъ и съ большимъ вкусомъ разрисованныхъ, въ концѣ рукописи есть небольшой эскизъ, сдѣланный для иллюстраціи разсказа о томъ, какъ Петръ отрубилъ ухо слугѣ Архіерейскому. Этотъ эскизъ помѣщенъ въ Евангеліи Іоанна, на поляхъ, какъ разъ противъ того мѣста, въ которомъ излагается самое событіе: нарисованъ человѣкъ съ мечемъ, поднятымъ на правое плече.

При всей старательности переписчика, употребившаго много усилій и времени на каллиграфическую обработку своего труда, въ Пересопницкой рукописи очень часто встрѣчаются поправки и приписки, сдѣланныя, обыкновенно, въ верху строки, а иногда на поляхъ и притомъ всегда почти нѣсколько пожелтѣвшимъ черниломъ. Изрѣдка встрѣчаются ошибки неисправленныя, напримѣръ: соую вмѣсто стоую (Лук. Зач. 22), доброть вмѣсто доброта (Лук. Зач. 26), а также повторенія однихъ и тѣхъ же словъ, тоже неисправленныя, напримѣръ: єдинь, єдинь (Лук. Зач. 45). Вообще, во всей рукописи нѣтъ строгаго единообразія и выдержанности, какъ въ начертаніи, такъ отчасти и въ правописаніи не только отдѣльныхъ словъ, но даже буквъ и знаковъ препинанія, а особенно надстрочныхъ знаковъ. Такъ, ѫ часто встрѣчается въ Евангеліи Матѳея, рѣже въ Евангеліи Марка, совершенно рѣдко въ Евангеліи Луки и Іоанна [2]); въ Евангеліи Луки буква й начинается только съ 50 зачала. Съ этой же главы гораздо чаще встрѣчается обратное удареніе надъ окончаніями именъ и даже глаголовъ, особенно въ повелительномъ наклоненіи,—а также всякаго рода сокращенія и погрѣшности въ опущеніи паериковъ. Чтобы умѣстить слово въ строкѣ, обыкновенно, въ концѣ ея выносятся буквы

---

[1]) Замѣч. рук. Полт. сем. 25.

[2]) Мы разумѣемъ правильную форму большаго юса; въ Евангеліи Луки малый юсъ имѣетъ отчасти форму большаго, представляя въ этомъ случаѣ каллиграфическую, нѣсколько причудливую композицію, которую мы всюду передали посредствомъ малаго юса.

на верхъ строки; вмѣсто ѹ въ подобныхъ случаяхъ пишется ȣ; вмѣсто восьмиричнаго и десятиричное і; вмѣсто м вверху строки ставится ꙿ; вмѣсто х—∞; вмѣсто й ≠. Впрочемъ, сокращенія попадаются иногда и не въ концѣ строчекъ. Самый употребительный знакъ препинанія—точка. Есть точка простая, которая замѣняетъ запятую, двоеточіе и всякіе другіе знаки, и точка большая четырехугольная черная (◆): это точка въ собственномъ смыслѣ, стоящая тамъ, гдѣ оканчивается смыслъ рѣчи; наконецъ, такая же точка красная, отдѣляющая стихъ отъ стиха. Обѣ черныя точки иногда встрѣчаются съ косой черточкой позади (./ ◆/). Вмѣсто простой точки пишется иногда запятая (ʔ), но нерѣдко, вмѣсто запятой, а также точки, стоитъ простая черточка (/). Есть еще особенный строчный знакъ: это именно копье (◄——): оно стоитъ иногда просто въ видѣ украшенія, чаще же встрѣчается тамъ, гдѣ стихъ не прерывается, а новое зачало начинается.

Евангеліе Луки печатается съ *возможнымъ* соблюденіемъ ороографическихъ особенностей подлинника: съ разнообразнымъ правописаніемъ однихъ и тѣхъ же словъ, со всѣми сокращеніями и титлами, кромѣ тѣхъ, которыя въ подлинникѣ стоятъ въ концѣ строки. Красная точка означена точкой съ тире.

Ѿ Лꙋки ст҃го Еѵл҃їа чтеѥ.

Понеже ѹбо мнози почали чинити повѣсти ѿ извѣствованныхъ в нась вещехъ. ꙗкоже соуть намь выдали тый который соуть сами видѣли а слоужебници тыхъ рѣчїи были.—видѣлося и мнѣ который же есми ажь испочатькоу спилностю все по рѧдоу выписаль велможный држжавный, ѳеѡфиле. абы еси выдаль правдоу тыхъ словь и тыхъ рѣчїи винихьже еси наоученъ быль.

Зачало в҃.

Быль пакь за днов ирода цр҃ѧ їоудейского нѣꙗкый їерей которомоу то было имѧ захарїа исьднєвныѧ чрѣды авїанѧ. а жона его была ѿ дщерїи ароновѣхъ. которой то было имѧ їелисаве ѳа.—абыли ѡбое справедливый перебгомь. иходили въ всѣхъ заповѣдехъ гдн҃ихъ (безприганы) безь порока. и небыло вних плодоу. прото ижь їелисавеѳь была неплодна. и ѡбое сѧ были постарѣли въ днєхъ своихъ.—и было слоужачомоу емоу вчергоу чиноу своего передь бгомь по ѡбычаю свщ҃еничьскомоу. пригодилосѧ емоу кадити.—пришодши въ црковь гн҃ю. и все множество людїи было вней молѧщихсѧ въ годиноу ѡного то покажденїа ладаноу. показалсѧ емоу агг҃ль гн҃ь стоꙗчи по правой сторонѣ ѡлтарѧ кадилного.—и засмоутилсѧ захарїа видѣвши. и страхъ найшоль на него.—и рекль къ немоу агг҃ль не бойсѧ захарїа.—бо южь есть ѹслышана млтва твоѧ.—а жона твоѧ елисаветь ѹродить тобѣ сн҃а и назовешь имѧ емоу їѡаннь.—и боудеть тебѣ радость и веселїе. а мнозии изь его нарожениѧ боудоутсѧ радовати.—

боудеть заправды великый передъ б҃гомъ.—а вина и напою ѡпойного не боудеть пити.—а и д҃хомъ с҃тымъ боудеть напол'нё. еще иѕчрева м҃тре своеа.—а многыхъ ѿ с҃новъ израилтескыхъ наврꙿнеть къ г҃оу б҃гоу ихъ.—и тъ̑ впереⷣ идеⷮ пере́днии д҃хомъ и силою илииною.—ѡбратити с҃рца ѡ҃цемъ на с҃ны.—и противныхъ вмоудрости праведныхъ изготовити г҃дви люди съвръ'шены.—и рекль захаріа до а҃гг҃ла. почемоу быхъ тое моглъ розоумѣти.—іа южь есми старь и жена моа южь перешла влѣтехъ своихъ.—а а҃гг҃ль ѿповѣдаючи реклъ емоу.—іа есмь гавріилъ которыиже стою передъ б҃гомъ и посланъ есмь абыхъ мовилъ втобѣ./ а тыхъ р҃чии абыхъ весело тобѣ повидѣлъ. а тꙑ боудеши молчати и небоудешь мочи мовити. ажь до того д҃нѧ которого сѧ тꙑ р҃чи выпл'нѧть.—прото ижь есь невѣрилъ повѣстемъ моимъ. который сѧ выпл'нѧть часоу своего.—а люд́е пакь ждали захаріи идивовалисѧ ижь ѡнь такь долго мешкаль въ ц҃ркви.—а ивышоⷣши не моглъ къ ниⷨ ничого мовити и познали иже виденіе видѣль въ ц҃ркви але ѡнь помаваше имь (навѣрки давалъ) и пребываль нѣмь.—и сталосѧ іакь южь выпл'нилисѧ д҃нове слоужбы его пошоль до домоу своего.

Зачало г҃.

А потыⷨ паⷨ д҃нехъ почала елисаветь жона его. а таиласѧ пѧть м҃цевъ рекоучи иже мн҃ѣ такь оучиниль г҃ь.—въ д҃нехъ вниⷯже то оуздрѣль абы ѿнѧлъ соромотоу мою межи людми.

Въ м҃ць пакь шестый пославъ есть а҃гг҃ль гавріиль ѿ б҃га до мѣста галилейского. которомоу жь то имѧ назареть.—къ д҃вѣ и которая то была ѿдана моужеви которомоу то имѧ іѡсифь. зь домꙋ д҃вдового а имѧ д҃вѣи (sic) м҃рія.—и вшоⷣши кнеи а҃гг҃ль рекль радоуисѧ ѡбрадованнаѧ г҃ь стобою бл҃вена ты в жонахъ.—а ѡна оуздрѣвши его засмоутиласѧ длѧ повѣсти его и помышлѧла іаково боудеть тое цѣлованіе.—а а҃гг҃ль ей рекль небойсѧ м҃ріе вѣдаю иже еси нашла м҃лть ѿ б҃а.—ѡ тожь почнешь в животѣ. и породишь с҃на и наречешь имѧ его і҃с.—тъ̑то боудеⷮ великь и с҃номъ вышнѧго назоветсѧ.—идасть емоу г҃ь б҃ъ столець д҃вда ѡ҃ца его а ц҃рствовати боудеть вдомоу іаковоу навѣкы а ц҃рствоу его не боудеть коица.—и м҃ріа пакь рекла къ а҃гг҃лоу и іакожь тое боуде къ'ли а моужа не знаю.—а а҃гг҃ль пакь ѿповѣдѣвши рекль ей.—д҃хъ с҃тый найдеть натѧ и сила вышнѧго ѡсѣнитъ тѧ протожь и раждаемое с҃то наречетсѧ с҃нъ б҃жіи.—а ѡтожь иелисавеͳь пріателка твоѧ и ѡна есть почала с҃на встарости своей.—а то м҃ць шестый есть ей названной неплоды ато иже оу б҃га не боуде неподобна всѧкаѧ р҃чь.—и рекла м҃ріа и а слоужебница г҃нѧ нехай мн҃ѣ подлоугь повѣсти твоей б҃те.—и пошоль ѿ ней а҃гг҃ль.

Зачало д҃.

Тоⷢгды встави м҃ріа втыѧ то д҃ни. ишла на горы поспѣшне до мѣста иоудова.—и вшоⷣши вдомъ захаріинъ. и поцѣловала елисавеͳоу и поздоровила.—и сталосѧ коли оуслы-

шала и҆е҆лисавеѳа поздоровленѧ ѿ мр҃їи.—розыгралсѧ младенець вживотѣ єи. и наполнилась д҃ха
ст҃ого єлисавеѳь.—и възонила голосомь великимь рекоучи бл҃вена ты вженахъ и бл҃вень пло жи-
вота твоего.—а ѿкоулѧ мнѣ сеє. ижь пришла мт҃и г҃а моего до мене.—бо коли стальсѧ го-
лось поздоровленѧ твоего въ оушоуъ моихъ. розыгралосѧ радостю ѻтроча вживотѣ моємь.—
а бл҃вена котораѧ єси оувѣрила. ижь боудеть съвръшена речоными єи ѿ г҃а.—и рекла мр҃їа.—
величить дш҃а моа г҃а аизрадовалсѧ д҃хь мои вбз҃ѣ сп҃сители моємь.—иже онь възрѣль на смѣ-
реніє слоужебницѣ своеи бо боудоуть мене ѿ нн҃ѣ бл҃вєнною называти всѣ родове.—и ıакь
оучинил мнѣ велебность силныи и ст҃о имѧ єго и мл҃ть єго вродь и родь на боѧщихсѧ єго.—
сътвори дръжавоу мышцею своєю и расточи гордыѧ мысли ср҃ца ихь.—низьноложиль силныхь
съ престоль и пон҃есль смиреныѧ алчоущихь наплънил добра и богатѧщаѧсѧ ѿпоусти
тощихь.—прїѧль ізр҃лѧ ѻтрока своего. роспаматалсѧ на млр҃діє своє. ıакже є и мовиль къ
ѻтцємь нашимь. къ авраамови и сѣмєню єго на вѣкы. перемєшкала пакь тамь мр҃їа три мцѝ
а потомь наверноуласѧ до домоу своего. єлисавеѳѣ пакь выполнилсѧ часъ абы породила сн҃а.—
и оуслышали ѻколо живоущїи соусѣдове и прїѧтели єи.—иже великоє оучиниль є г҃ь млр҃діє
своє с нею.—и радовалисѧ з нею.—и ıакь южь было вдн҃ь ѻсмыи.—пришли ѻбрѣзовати дѣтѧ
и называли є именемь ѻтц҃а єго захарїа.—тогды ѿповидѣвши мт҃и єго рекла.—нєт҃а (sic) не-
хаи. названь боудеть їѡанномь.—а ѻни рекли кнеи. авидь жадного не єсть вродоу твоемь
которого бы называно именемь тымь.—и дали знати ѻтц҃у єго довѣдоуючисѧ ıакь бы єго хо-
тѣль назвати.—а ѻнь попросиль дощицоу и написаль рекоучи їѡаннь єсть.—и дивовалисѧ
томоу всѣ.—и борзо пакь ѻтворилисѧ оуста єго. и ıазыкь єго и мовиль єсть хвалѧчи б҃а.—
и пришоль страхь на всѣхь живоущихь ѻколо єго. и въ всеи странѣ їоудеистѣи.—и повѣданы
были всѣ рѣчи тыи. и мыслили всѣ всрц҃и своємь рекоучи што то за дитѧ боудеть.—и роука
г҃нѧ была снимь.—захарїа пакь ѻтц҃ь єго наплънень єсть д҃ха ст҃ого.—и прр҃коваль є рекоучи.—
бл҃вень єсть г҃ь б҃ь ізр҃льтескыи. ıако єсть навєдиль и оучиниль избавленіє людемь своимь.

А въздвигль намь рогь сп҃сенїа в домоу дв҃да слоугы своего.—и ıакь же єсть мовиль
черезь оуста ст҃ыхь. ѻныхь то ѿвѣка прр҃ковь своихь.—иже нась мѣль выбавити ѿ непрїѧте-
леи нашихь. и изроукы всѣхь которыи на ненавидѧть.—и оучинити млр҃діє съ ѻтц҃и нашими.—
а роспомѧталсѧ на свѣдоцьство своє ст҃оє. клѧтвою єюже клѧлсѧ авраамоу ѻтц҃оу наше-
моу.—и дати намь иже бы єсмо изроукы враговь нашихь высвобожени слоужили ємоу
въ ст҃ости и вправедливости перед нимь въ всѧ дн҃и живота нашего. и ты ѻтроча боудеши
звано прр҃комь наивышьшого.—бо предь лицемь г҃нимь поидешь напере готовати дорогы єго.

И дати розоумь сп҃сенїа людемь єго на ѿпоущеніє грѣховь ихь. млр҃діа длѧ и млт҃и б҃а
нашего. внихже посѣтиль є нас въстокь съвыше.—просвѣтити въ тмѣ и сѣни смр҃тнѣи сѣдѧ-
щаа и направити ногы наша на поуть смиренїа.

Ѻтрóча пакь рóсло и оукрѣплѧлосѧ дх҃омь.—а было впоустынѧхь. ажь до днє ꙗвленїа єгò людемь ізраильтескымь.

Єѵ҃листа выписоуѐ. ꙗкь мрїа вь виѳлеѡмѣ г҃а іс҃ ха породила и ꙗкь агг҃ли б҃а хвалѧть. и ꙗкь пастырїє єго навѣжаю. и ꙗкь хс ѻсмóго днѧ ѻбрѣзовань. а ѿ симеѡна блвей. и ꙗкь анна ѡ немь пророкоуєть. тыжь ꙗкь хс вь двѣнадесѧтихь лѣтѣхь. межи оучителми сѣдить:

Зачало є҃.

Вь ѻныѧ то дни сталосѧ є. иже вышло єсть выреченѧ ѿ цесарѧ августа. абы быль пописань весь свѣть.—тото писанѧ найперше сталосѧ. ѿ владарѧ сирьскаго кирниеѧ.—и шли всѣ абысѧ призна́вали каждый з нихь до своєгò мѣста.—вышоль пакь іѡсифь ѿ галилеи изъмѣста назарета до жидовьской земли до мѣста двдвого которое зовꙋ виѳлеѡмь.—прото ижь быль здомоу и поколѣнѧ двыдового абы быль пописань изь мрїею обрꙋченною ємоу женою.—а тогды тò времєнна была. и сталосѧ коли тамь были. вы (sic) налнилисѧ днове родити єи. и породила сна своєгò прьвороженнаго и оувила єгò впеленький. а положила єгò вь ꙗслехь дѣлѧ того иже имь вдомꙋ гостинномь оупокою не было.—а пастырїє втои же сторонѣ и сторожоу ночьноую надь стадомь свои стерегли.—а и аггль гнь сталь близко нихь. а и ꙗсность бжїа ѡсвѣтила ихь и оустрашилисѧ великымь страхомь.—и рекль имь аггль не боитесѧ. бо и ѧ повѣмь вамь радо вековую (sic). котораѧ боуде и всѣмь людемь бо сѧ народиль вамь днь збавитель который є хс гь.—который то є впородѣ двдовѣ.—атото вамь знаменїє. найдете младеньца пеленами повитого. а положеного вь ꙗслехь.—автоть часъ изь аггломь борзо стало множество вꙗйньства нбнаго хвалѧчихь ба.—и мовили боуди хвала бгоу. на высокостѧхь.—а на земли мирь и межи людо добраѧ волѧ.—и сталосѧ иже пошли ѿ нихь вибо аггли.—ѻный то пастыре мовили єдинь кь дроугомоу. помо ажь до виѳлеѡма. а оувѣдаємо тоє слово котороє то сѧ стало. и тоую рѣчь котороую намь гь зьꙗвиль.—и пришли борзо. и нашли тамь марїю іѡсифа и дитѧ лежачеє вь ꙗслехь.—а оузрѣвши рославили (sic) то што є имь повѣдено ѡ томь дидѧти (sic).—и дивовалисѧ всѣ который тò слышали што имь пастыреве повидѣли.—а мрїа захововала всѣ тыи слова розмышлѧючи всрци своємь.

Зачало ѕ҃.

Пастыреве пакь врьноулисѧ назадь хвалѧчи бга зь того всего. што слышали и видѣли такь ꙗкь є имь повѣдено.

Ӕкъ южъ пакъ сѧ ѡсмьдн҃їи выплънило ижє бы было дитѧ ѡбрѣзано.—наречено є҃ имѧ̑ ємоу і҃с.—которое є҃ названо ѿ агг҃ла пръвѣе нижли сѧ вживотѣ почало.

А коли сѧ выплънили дн҃їє ѡчищенїѧ ихъ подлоугъ законоу моисеѡвого.

Зачало ѕ҃.

Принесли єго поставили пере҃ бг҃омъ.—ѧкъ же и єсть написано взаконѣ гн҃и.—ѧже всѧкый младенецъ моужескаго полоу ѡтворѧючи ложесна ст҃о гн҃и наречетьсѧ.—абы далъ жрътвоу за него (ѡбѣтницоу) ѧкъ же єсть речено взаконѣ гн҃и. двое горличокъ. албо двое голоубѧтъ.

Зачало и҃.

И былъ чл҃къ въ ієрлⷭ҇имѣ которомоу то имѧ̑ сѷмиѡнъ.—а чл҃къ тотъ то былъ справедливый. и бг҃обоѧзливый. ижда́лъ потѣхы людоу ізл҃ьтеского.—и дхъ ст҃ый бѣлъ внемъ.—и было ємоу ѡбѣцѧно дхомъ ст҃ы҃ невидѣти смрти ажбы пръвѣе оуздрѣлъ ха гнѧ. и пришолъ дхомъ до црк҃ьве.—а коли оуводили дитѧ іс҃а родичеве єго. абы оучинили по ѡбычаю законномоу ѡ немъ. а ѡнъ єго взѧлъ на роукы свои и хвалилъ б҃а. и рекъ.—нн҃ѣ ѿпоусти слоугоу своєго вл҃ко по гл҃оу твоємоу змиромъ.—ѧко видѣли ѡчи мои спс҃енїє твоє котороєжъ то зготовилъ єси пере҃ лице҃ всѣхъ людїи. свѣтъ на ѡкровенїє (sic) ѧзыкомъ (погано҃) и славоу людїи твоихъ ізрл҃ѧ.—

Ѡц҃ь пакъ єго и мт҃и диковали҃ томоу што є҃ повѣдано ѡ немъ.—и бл҃вилъ ихъ сѷмеѡнъ.—и рекъ къ мр҃їи мт҃ри єго. се лежи҃ сеи на паденѧ и на въстанїє мъногымъ въ ізрл҃и.—а на знаменїє прерѣкаємое. а и тобѣ самой дш҃оу пройде ѡроужїє.—абы з мъногыхъ срц҃ь мысли ѿкрыты (sic) были.—была тыжъ ан҃на прр҃чица дъщерь фаноуилева. сполколѣнїѧ асирова.—таѧсѧ старѣла вдн҃е҃ мъногыхъ. и жила измоужемъ своимъ седмъ лѣтъ ѿ дв҃ьства (sic) своєго. а таѧ была вдовою лѣтъ ѡсмьдесѧтъ и чотыри.—а ѿ црк҃ьве не ѿхожовала постомъ а мл҃твами слоужила бг҃оу дн҃ь и нощь.—а таѧ втоую годиноу пришла и хвалила б҃а а мовила ѡ нымъ все҃ который жь то чекали избавленїа въ ієрлⷭ҇имѣ.—А коли южъ доконали всего што было подлоугъ законоу бж҃їєго верноулисѧ до галилеи до мѣста своєго назаретоу.—А дитѧ росло и оукрѣплѧлосѧ дхо҃ и наплънѧлосѧ моудрости а и млⷭ҇ть бж҃їа была на немъ.

И хожовали родителеве єго кожного рокоу до ієрлⷭ҇има на празникъ пасхы (на великъ день).—А коли южъ было ємоу дванадесѧть лѣтъ.—вхоѧщимъ имъ въ ієрлⷭ҇имъ по ѡбычаю празника.—и доконавши дн҃ии ѡп҃ѧ сѧ навратили.—ѡстало дитѧ іс҃ въ ієрлⷭ҇имѣ.—и не ѡбачилъ іѡсифъ и мт҃и єго.—надѣвалисѧ ижє бы былъ межи людьми. и оушли ѧкъ мъного черезъ дн҃ь можъ воити.—и глѧдали єго межи прирожеными и межи знаємыми и не нашли.—вер-

ноулисѧ до їєрⷭ҇лима глѧдаючи єгѡ.—и было южь три дни тожь нашли єгѡ въ цр҇кви. а ѡнъ сѣдить межи оучителми а слоухаєть ихъ и пытаєть ихъ. и оустрашилисѧ всии которыи то слоухали єгѡ ѡ розумѣ а ѡ ѿповѣдехъ єгѡ.—а ѡни оувдрѣвши єгѡ дивовалисѧ. и рекла мт҇и єгѡ кнемоу сн҇оу пройто єсь намъ оучинилъ такъ.—а се ѡц҇ь твой и и ѧ (sic) жалоуючи глѧдали єсмо тебе.—а ѡнъ имъ ѿповидѣлъ рекоучи чемоу єсте мене глѧдали або єсте не вѣдали иже ѧ врѣчехъ ѡц҇а моєгѡ моушоу быти.—а ѡни не зрозоумѣли словоу которое єсть мовилъ книмъ.—и пошолъ снимы. и пришолъ до назаретоу. и былъ имъ поволнымъ.—а мт҇и єгѡ заховала всрци своємъ тыи то всѣ рѣчи.—А іс҇ росль оу моудрости и взростѣ и вмилости ѿ б҇а и ѿ ч҇лкъ.

Єѵ҇листа выписоуе юкыѡаннъ повѣдаєть ѡ покаяній. повѣдаєть х҇а на себе быти силнѣйшого на которымъ же то іако кр҇тилсѧ д҇хъ с҇тыи вподобенствѣ голоубиномъ вѣдѣнъ. а и голосъ зъ (sic) н҇ба слышанъ єсть ты вьıписоуе родъ х҇въ ѿ иѡсифа ажъ и до адама. глава третѧѧ.

Зачало ѕ҃.

Въ пѧтоєнадесѧть лѣто владарства тиверіѧ цесарѧ коли поитейскый пилатъ справовалъ землею жидовскою.—А ирѡ былъ панѡ четвертого дѣлоу краины галилейской. филиппъ пакъ братъ єгѡ былъ справца атоурей и трахонитьскый.—Алисаниашъ авилейскымъ при архиерей Аннѣ икаиафѣ.—сталосѧ слово б҇жіє къ іѡанноу сн҇оу захаріиноу вироустыни.—и ходилъ повъсей оукраинѣ іѡрданьской проповѣдаючи кр҇щеніє покаяніа ѿпоущеніє грѣховъ.—и іакъ же єсть писано в книгахъ пр҇рчь ства ісаіа пр҇рка рекоучего.—гласа волаюцаго въ поустыни. готовайте поу҇ г҇нь а правы дѣлайте стежкы єгѡ.—всѧкаѧ дебрь боудетъ наплънена и всѧкаѧ гора и пагорокъ (и холмъ) смирится.—и боудоуть скривленыи и (sic) речи справлены. а ѡстрыи стежкы боудоу҇ ровны.—а оузрить кождыи сп҇сеніе б҇жіе.—тогды мовилъ іѡаннъ къ приходѧщимъ народомъ кр҇титисѧ ѿ него. племена змїины. кто жь вамъ оуказалъ абы єсте передъ гнѣвомъ пришлы и (sic) оутекли.—протожь дѣлайте плоды годныи покаяню а не мовте сами межи собою ѡц҇а имамы авраама.—мовлю вамъ иже можеть б҇ъ ѿкаменіа сего въздвигноути с҇ны авраамови.—южь бо и секира на корени древа лежить.—всѧкое древо которое не чинить доброго плодоу высѣчено боудеть и на ѡгень оувръжено.—

И просили єгѡ народове мовѧчи.—штожь тогды чинити боудемо.—а ѡнъ ѿповѣдаючи реклъ имъ кто имаєть двѣ соукни.—нехай же дасть томоу который не имаєть. и кто (sic) имаєть стравные речи также нехай чинить.—пришли пакъ до него и мытаре кр҇титисѧ ѿ него

и рекли ємоу оучителю што оучинимо.—а ѡнъ рекль к нимъ ничого нато не выбирайте єдно то што єсть вамъ постановлено.—а и жолнѣре (воини) пытали ты єго рекоучи што мы ты боудемо чинити. рекль имъ ни жадного не оутискоуйте. а ни кривды не чинѣте.—а доволни боудете (sic) ѡброкы вашими. а коли людь внемъ надѣю мѣль и всѣ всрцехъ своихъ мыслими. ѡ иѡаннѣ иже бы ѡнъ быль хсомъ. ѿповѣдѣль иѡань (sic) всѣмъ рекоучи. іа вась кртщоу водою. идеть бо за мною силнѣйшии нѣжли ѧ которого жь то не є єсми годень розвѧзати ремени ѡбоуви єго тоть вась боуде кртити дхомъ стымъ и ѡгнемъ. вкоторогожь то роуцѣ єго лопата єго. а вычистить гоумно своє. а извереть пшеницоу вжитницю свою. а половы палити боуде ѻгнемъ не оугасимымъ много тыжь и иныхъ рѣчии напоминаючи єѵлію людемъ проповѣдаль.

Зачало і.

Ирѡ пакь понь четврьтого дѣлоу краины. коли быль ѿ него карань. ѡ иродиадѣ женѣ брата своєго. и ѡ всѣхъ злыхъ рѣчехъ которыє єсть чиниль ирѡ.—приложиль тыжь и тоє коувсѣмъ злостѧмъ своимъ. ижь иѡанна до темницѣ всадити казаль.—и сталосѧ, ижсѧ кртили всѣ людіє. и ісоу кртившоусѧ молѧщоусѧ ѡтворилосѧ небо. и зышоль дхъ стый телесныль ѡбразомъ іако голоубь на него. и сталсѧ гласъ съ нбсе. рекоучи ты єси снъ мой вьзлюблєнный ѡ немже блговолихъ.

Зачало аі.

А ісъ починаль быти іакобы втридесѧтихъ лѣтѣхъ. воднедовилимана (sic) снъ иѡсифовъ который быль илиєвь. алимататановь левиинь мельхиинь и анаєвъ иѡсифовъ. матьѳатиєвъ амосовъ наоумовъ єслимовъ нагеєвъ мааѳовъ матьтаѳиєвъ [1])...

Єѵлиста выписоує іакь хс ведень напоустыню. и іакь постилсѧ м дний (sic). и м ночии. и вьзалькаль. который то коли єго искоушаль сотона, (sic) каменемъ. а потомь навратильсѧ до галилеи. И читаль вцркви (sic) книги прркьскый (sic) ѡ собѣ. иже прркъ оу своєй власти нє єсть впочтивости. изнежьто хс оу капернаоумѣ выгналь єсть доуха нечистого. и оуздоровиль тещоу петровоу ѿ зимницѣ. и многый иный ѿ розличныхъ немощий простиль єсть. а діаволове выславоуючи єго снмъ бжимъ быти.

[1]) Мы не выписывали именъ, которыя въ отношеніи къ языку не представляютъ никакого интереса.

Зачало в҃і.

І҃с же напл҄неный д҃ха с҃то́го ве́рноулсѧ ѿ ӥѡ̑рдани ӥ ве́день былъ на поустыню д҃хо̑. Д҃нїи па́къ четыридесѧте ӥскоу́шаємъ былъ ѿ дїа́вола.—а̑ ничо́го не ӥлъ ӥ҆тый ты (sic) д҃нїи.— а̑ ıакъ сѧ ю́жь д҃нїє̀ скоӥчали ѡ҆послѣ възалкалъ. ӥ рекль є̑моу дїаволь є̑сли́ жь є̑сь с҃нъ б҃жїи ро́скажи каменеви то́моу а̑бы бы҃ хлѣбомъ.—ӥ ѿповидѣль є̑моу̀ і҃съ ре́коучи писа́но є̑сть ӥжь не ѡ҆ є̑ди́но̑ хлѣбѣ живъ боу́де ч҃лкъ а̑ле ѡ҆ ӥ҆сѧкомъ сло́вѣ б҃жїимъ.—ӥ выве́лъ є̑го̀ дїа́воль на го́роу ве́лми высокоую̀ а̑ ѹ҆каза́лъ є̑моу ӥ҆сѧ ц҃рства то́го во́мыгно́венїи ѻ҆ка.—ӥ ре́кль є̑моу дїа́воль да́мъ то́бѣ сїю воло́сть ӥ҆сю ӥ сла́воу ӥхъ бо̑ м҃нѣ дана є̑сть а̑ ко́моу є̑сли ӥ҆схо́чоу то́моу є̑ӥ да́мъ а̑ ты є̑сли сѧ покло́нишь передо м҃ною̀ тобѣ боудоуть ӥ҆сѧ.—и ѿповѝдѣль і҃с ре́кль є̑моу ӥди за м҃ною̀ со́тоно.—бо̑ та́къ є̑сть написано по́клонишьсѧ г҃оу б҃гоу твоє̑моу ӥ то́моу є̑ди- номоу послоу́жишь.—по́томъ оу҆ве́ль є̑го̀ до і҆ер҃лима ӥ поста́виль є̑го̀ (на́ крилѣ) на вр҄хоу ц҃рко́внѣмъ ӥ ре́кль є̑моу є̑сли є̑си с҃нъ б҃жїи поустисѧ ѿтолѣ (скочь).—бо̑ та́къ є̑сть написа́но ӥжь а̑г҃гло́мъ своӥмъ прикажеть ѡ҆ те́бѣ а̑бы́ тѧ стерегли ӥ на роу́кахъ своӥхъ въз҃моу тѧ̑ а̑бы є̑си не з҃биль ѡ҆ камень ногъ твоӥхъ. ӥ ѿповидѣль є̑моу і҃съ ре́коучи повѣдено є̑сть ӥже не ӥскоусишь г҃а б҃а твоє̑го̀.—и ко́ньчаль ӥ҆се покоу́шенїє дїа́воль.—то́гды наврати́лсѧ і҃с ӥ҆силѣ д҃хо́внѣй до́ галилей.—ӥ выш҃ла ѡ҆ не́мъ повѣсть по ӥ҆сей оу҆краӥнѣ. ӥ тоу наоу́чаль на со́бо- рищехъ ӥхъ ӥ быль поу҆вале́нь ѿ ӥ҆сѣхъ.

Зачало г҃і.

Ӥ пришо́ль ӥ҆назаре́ть г҃де́жь то̀ бы́ль въспита́нь (выхо́вань) ӥ ӥ҆шо́ль по ѡ҆бычаю̀ своє̑моу ӥ҆де́нь соуботьный въ со́борищѐ (sic) ӥ ста́ль чести ӥ да́но є̑моу книги і҆саїа пр҃рка.—а̑ ѡ҆нъ ѡ҆тво́ривши книги нашо́ль мѣсце г҃де то было написано д҃хъ г҃нь на м҃нѣ которого то длѧ по- ма́заль ӥ посла́ль мѧ̑ оу҆бо́гы҃ є҃влїю по́ведати̑ а̑ оу҆з҃до́ровити̑ съкроу́ше҃ныѧ̑ ср҃цемь. а̑ быхъ про- повѣдаль плѣненымъ ѿпоу́щенїє ӥ слѣпымъ прозренїє.—ӥ выпоу́стити̑ ѡ҆соу́жденый воу свободѣ ӥ проповѣдати̑ лѣто г҃нє прїа́тно. ӥ замькноу́вши книгоу ѿда́ль слоу́зѣ ӥ сѣль. ӥ ӥ҆сѣмъ ѻ҆чи ко́торый бы́ли ӥ҆собо́рищи засмотрилисѧ на него. ӥ поча́ль ӥ҆ни́мъ мо́вити.—н҃нѣ напл҄нилосѧ пи́санїє тоє̀ въ оу҆ше̑ вашихъ ӥ ӥ҆сѣ є̑моу посвѣдьчили.—ӥ дивовалисѧ лю́бымъ сло́вамь ко́то- рыйжь выхо́дили зь оу҆сть є̑го̀.—

Зачало д҃і.

Ӥ мо́вили чи не тоть є̑сть с҃нъ і҆ѡси́фовь ӥ ре́кль кн҃и.—ӥ҆сѧко ми речете притьчоу сїю (ли́карю) вра́чоу ӥ҆з҃лѣчисѧ са́мъ который рѣчи слы́шали є̑смо ӥже є̑сь чиниль ӥ҆капернаоу́мѣ оу҆чи́ни та́кже ӥ тоуть въ ѿч҃ествѣ твоє̑мь.—ӥ ре́кль і҃с ва́мь повѣдаю̀ ӥже жа́дный пр҃ркь не

єсть прїатень въ ѿчизнѣ своєй. але правдоу вамь повѣдаю иже мнѡгыи вдовы были въ днехъ илїи пррка межи людьми изрльтескыми.—коли было замкнено небо три лѣта и мцъ шесть.—iакь тогды быль великїй голодь по всей земли и ни ко єдной знихъ послань быль илиа єдно до сарефы сидѡнской къ женѣ вдовици.—и троудоватыхъ тыжь было много при єлисеи пррцѣ межи людомь изрльтескїй. а жадень знихъ не быль оуздоровлень єдно неємань зь сирїи.—и тоє слышавши наплънили гнѣвоу всй который были въ соборници. а вставши выгнали єго вонь измѣста и вели єго ажь на верхъ горы на которой же то мѣсто ихъ было збоудовано. абы єго доловь зьвръгли.—а ѡнь прошє посрѣ ихъ и вышоль.—

Зачало ѳı.

И стоупиль до капернаоума мѣста галилейскаго а тоу наоучаль в стоупный днєхъ (в соуботахъ) и дивовалисѧ ѡ наоученю єго.—ато иже рѣчь єго зь ѡсобливой силы была.—и быль всоборници єдинь члвкь который то мѣль доухъ бѣса нечистого. и закричаль голосомь великимь рекоучи и што жь мы стобою маємо їсе назарѧнине пришель єси загоубити нась.—вѣдаю тебе кто єси стый бжїи. и приказаль ємоу їс рекоучи оумолькни и выдижь изнего.—а коли поврѫгъ єго бѣсь посредѣ и вышоль изнего и ничого ємоу незашкодиль и пришоль страхъ на всѣ.—и мовили межи собою рекоучи. и iакоє тоє слово иже звластїю и силою велить нечистымь (sic) доухомь и выходѧть.—

Зачало ѕı.

И росхожоваласѧ слава ѡ немь въ вселкоє мѣсто и страны. А ѡнь вышовши изь соборница вшоль до домоу симонова. а теща симонова была немоцна ѡгнемь великимь и просили єго за нею.—а ѡн ставши нанєю приказаль ѡгневи и пересталь.—а ѡна тогдыжь вставши и послоуговала имь.—и iакь южь зашло слнце всѣ который мѣли немоцный розными форобами. приводили ихъ кнемоу а ѡнь ихъ оуздоровиль накождого знихъ вложивши свои роуцѣ. и ѿ многыхъ выходили бѣсове кричачи и мовѧчи. ты єси снъ бжїи.—а ѡнь заповѣдаль и непоущаль имь повѣдати.—бо соуть вѣдали же єсть самый хс.—а коли южь быль днь вышоль и пошоль на поустоє мѣсто а народе єго глѧдали.—и пришли ажь до него. задръжовали єго абы ѿ ниихъ не ѿходиль.—а ѡнь рекль книмь иже и дроугымь мѣстомь (або градомъ) моусимо проповѣдати євлїю ѡ цртвїи бжїи бо єсмь на то то послань.—и оучиль и проповѣдаль на соборищехъ галилейскыхъ.

Євангелиста выписоує. iако хс стоючи влодѣ народы наоучаль и нѣкоторыхъ оучителниковь ѿ лова на рыбь позваль. и iакь троудоватого члвка оуздоровиль и iакь молильсѧ на поустыни iакь тыжь рослабленного скрозѣ стрѣхоу кc обѣ споущенного оуздоровиль. и iакь грѣшного мытника кcобѣ позваль и iакь тыжь ропотникомь ѿповѣдаєть.

Зачало ѯі.

И было пакь колисѧ народове тиснꙋли к немоу абы слышали слово бж҃іе а ѻнь стоıаль поле езера генисаретьского.—и оуздрѣль двѣ лодѣ который т҃а близко езера стояли а рыболове ѿшедши ѿ ни выполоковали мрѣжу.—и оустоупиль на единꙋ з нихь котораѧ то была симонова. и просиль его абы мало ѿстꙋпиль ѿ землѣ и сѣдѧчи наоучаль скорабля народы.—а коли перестaль наоучати ихь. рекль к симонови. постоупи на глоубиноу и заврьзѣте мрѣжоу вашоу на оуловленѧ рыбъ.—а симонь ѿповѣдаючи рекль емоу. оучителю презь всю ночь троудилисѧ есмо сѧ а ничого не поймали але на слово твое запоущоу сѣть.—а коли тое оучинили множество великое рыбь загорноули ажь и мрѣжа сѧ ихь порывала.—и покликали своихь товаришовь который то были на иной лодѣ. абы приѣхавши помогли имь.—и пришли а насыпали обѣ лодѣ такь ажь сѧ затоплѧли.—коли оуздрѣ симонь петрь припаль к ногамь ісовымь и рекль ѿиди ѿ мене г҃и бо ч҃лкь есть есми грѣшный бо сѧ быль оустрашиль. и всѣ который з нимь были. ѡ ѻной то ловитве рыбной который были поймали.—также и іакова и іѡанна с҃ны заведеѡвы который были товарищи симоновы.—и рекль к симонови іс҃ не боисѧ. ѿ того часоу южь боудешь ч҃лкы ловити а привезши к берегоу лодѣ ѻставивши все и пошли вь слѣ его.—

Зачало н҃і.

И было коли быль іс҃ во едином мѣсто (sic) быль тамь ч҃лкь наполненый троудоватьства. и оузрѣль іс҃а паль на лици и просиль его рекоучи.—г҃и если хочешь можешь мѧ оуздоровити.—и простерши іс҃ роукоу дотькноулсѧ его и рекль хочоу боуди здравь.—и борзо ѿишоль ѻнонь троудь ѿ него.—а ѻнь емоу росказаль рекоучи. никомоуже не повѣдай.—але пошодши (sic) оукажисѧ іерееѡви и принеси за ѻчищеніе твое.—якь же повелѣль моисей на свѣдоцьство имь.—тогда рославиласѧ слава великаѧ ѡ немь. и исхожовали народове мнози абы слышали и оуздоровлени были ѿ немочи своихь.—а ѻнь ѿхожоваль на поустыню и молильсѧ.

Зачало ѳ҃і.

И сталосѧ единого д҃нѧ коли ѻнь наоучаль и сѣдѣли тамь фарисее и законоу оучителеве.—который жь то были пришли зо всѣхь сѣль мѣста галилейского. іюдейскыхь и ер҃лимьскы и была сила г҃нѧ котораѧ то ихь оуздоровлѧла.—а нѣкыи моужеве несли на постели ч҃лка который то быль рославлень (дною зламань [sic]) и хотѣли его внести а положити пре нимь. и не нашли которою бы его стороною принести могли длѧ застоупленѧ народоу.—и взлѣзши на домь скрозѣ стрѣхоу споустили его з ложемь на середину ажь пре іс҃а.—и оувѣдаль вѣроу

и҆хъ и҆ рекль чл҃че ѿпоущаю́сѧ то́бѣ грѣхы твоѝ.—и҆ то́гды почáли мыслити оу҆чи́телѥ и҆ зако́нъници мо́вѧчи. кто̑ то є҆ и҆́же хоу́лоу мо́вить. а҆ кто̑ мо́жеть ѿпоу́щати грѣхы то́лко є҆ди́нъ бг҃ъ.—а҆ іс҃ъ порозоумѣвши мысли и҆хъ ѿповѣдѣль и҆ рéкль и҆мъ што мы́слите въ срдц҃е́хъ ваши́. што є҆ лѣпше речи ѿпоу́щаю́тьсѧ то́бѣ грѣхы твоѝ и҆лѝ речи встáнь а҆ хо́ди.—а҆ле а҆бы є҆сте вѣдали и҆жь сн҃ъ чл҃чьскый маѥ́ть тáковоую̀ мо́цъ на зе́мли ѿпоу́щати грѣхы.—и҆ ре́кль ро́сслабле́нномоу то́бѣ мо́влю встань а҆ възми постелю твою̀ и҆ и҆ди до домоу твоѥ҆го̀.—и҆ бо́рзо встáль пере́ ними и҆ възѧль постелю на ко́торой то лежаль. и҆ по́шоль до́ домоу своѥ҆го хвалѧчи бг҃а.—и҆ напл҃нилисѧ стрáха и҆ мо́вили и҆же видѣли є҆хмо (sic) пре̑ (sic) чю́дный рѣчи дне̑.

Зачало к҃.

А҆ пото́мъ вы́шоль и҆ оу҆зьдрѣль мы́тника и҆мене̑ левію а҆ ѻнъ сѣдить на мы́тници. ко́торомоу жь то ре́кль и҆ди за мною̀. а҆ ѻнъ все зоставивши и҆ стáвши (sic) по́шоль за нимъ.—и҆ оу҆чинилъ є҆моу левіи оу҆чрежденіе великоѐ (калáцыю) вдо́моу своѥмъ.—и҆ было наро́доу мытьниковъ мно́го и҆ и҆ныхъ ко́торы сни́мъ сѣдѣли. и҆ ро́птали книжници на него и҆ фáрисеѐ оу҆че́никомъ є҆го̀ мо́вили.—чемоу́жь то зъмы́тники и҆ грѣшники и҆сте и҆ пі҆є́те.—ѿповѣдаю́чи іс҃ ре́кль книмъ. непо́требоую̑ здоро́вый лѣкарѣ а҆ле немо́щный не пришоль бо ѧ҆ призвáти првéдныхъ а҆ле грѣшныхъ на покаа́ніе.

Зачало кі҃.

А҆ ѻни пáкь ре́кли є҆моу прошто іѡа́нновы постѧтьсѧ чáсто и҆ мл҃тсѧ. тáкже и҆ фарисейстіи а҆ твоѝ ꙗ҆дѧть и҆ пію́ть.—а҆ ѻнъ ре́кль книмъ а҆ ци мо́жете сн҃ы веселіа доколѧ жени́хъ сни́ми є҆ казатисѧ и҆мъ постити.—а҆ле прі҆идоуть днове ко́ли ѿѧть боу́деть ѿ ни́хъ же́нихъ то́гды сѧ боу́доуть по̀стити вътыхъ дн҃е́хъ.—повѣдѣль пáкь притьчоу кни̑ и҆же никто плата но́вого соу́кна не оу҆ставлѧє́ть всоу́кманъ стары̑ а҆ є҆сли же и҆начый то́гы и҆ новоѐ здере́ть а҆ ве́тьхо́моу неслоушна є҆ залата зъ нового.—и҆ никто̀ тыжь не вливає́ть ви́на нового до́ соу́дины старой. а҆ є҆сли же бы и҆начей ви́но мо́лодоѐ ро́сьсадить соудины и҆ сáмо ро́злѣє́тсѧ. и сосоудове заги́ноуть.—а҆ле ви́но но́воѐ всосоуды новый вливати и҆ ѻбоѐ захо́вано боу́дѐ.—и҆ кто̑ же пивши стáроѐ бо́рзо хо́четь но́вого мовить бо̑ и҆же лѣпшей є҆сть стáроѐ.

Є҆ѵ҃листа выписоуѐ. ꙗ҆кь оу҆ченици вдн҃ь соу́ботный ко́лосы̑ вы́минаю́ть роу́ками. х҃с по́сщенный хлѣбы при́поминає́ть. и҆ ꙗ҆кь ты̑ оу҆схлоую̀ роу́коу̀ всоу́ботоу̀ оу҆здо́рови̑. и҆ ꙗ҆кь черезь но́чь мо́литсѧ. а҆ а҆плѡ́мъ и҆ме́на называ́є. и҆ наоу́чає́ть ѻ бл҃веньствѣ. и҆ ѻ слѣпомъ во́ждоу̀. а҆ не́ справе́дливого̀ соу́да про́тивъ ближнихъ зáборонѧє́ть.

Зачало к҃в.

Было пакъ всуботоу второпръвую ишолъ черезъ збожа (черезъ пашню) и вытръгали оученици его класы и ѣли выминаючи роуками своими. а и нѣкоторый зъ фарисеωвъ мовили имъ. прошто тое чинятъ того ся не годить чинити всоуботы.—А і҃с ωповѣдаючи рекль мъ (sic) або есте ω томъ не читали што оучинилъ д҃въ коли былъ голоденъ ωнъ самъ и тыи которыи снимъ были и якъ въшодши до домоу бж҃іего и хлѣбы прѣложеныи ялъ (посвяченыи) и тымъ далъ которыи снимъ были. которыхъ то не годно было ясти едно единѣмъ іереωмъ (свщ҃енникомъ) и реклъ имъ иже и соуботѣ е господаремъ с҃нъ ч҃лчь. и пригодилося также и вдроугоую соуботоу. коли вшолъ всоборище и оучилъ.—и былъ тоу ч҃лкъ которомоу то роука правая оусхла.—и нагляждовали его фарисее и законници если же всоуботоу исцѣлить его. абы нашли причиноу на него. але ωнъ вѣдалъ помыслы и.—и реклъ ч҃лкови томоу которыи мѣлъ соую (sic) роукоу встань а стань насрединѣ. а ωнъ вставши и станоулъ.—и реклъ і҃с книмъ. звѣдоую васъ годить ли ся всоуботы добро чинити. или зло чинити.—дш҃оу сп҃ти албо погоубити.—и поглядѣвши по всѣ реклъ ч҃лкови простри роукоу твою. а ωнъ оучинилъ такъ и стала такъ роука его здорова яко и дроугая.—А ωни пакъ наплънивъшися безоумія и мовили единъ къ дроугомоу што бы мѣли оучинити ісви.—

Зачало к҃г.

Втыхъ же пакы дн҃охъ было. вышолъ і҃с на гороу молитися. и былъ черезъ ночь на молитвѣ бж҃іей. а коли южъ былъ день и призвалъ оуч҃ники своя.—и выбралъ змежи нихъ двонадесять которыхъ же то ап҃лы назвалъ.—симона которого звалъ петромъ и андрея брата его. и іакова. іωанна. филипа и валъѳоромея матъѳея и ѳомоу іакова афеωва. и симона прозвищемъ ѕилота иоудоу іаковля и іоудоу скарищта которыи то былъ продатель.—

Зачало к҃.

А изшодши снями згоры и сталъ на ровномъ мѣсци. и наро оученикωвъ его (sic). и множество великое людіи ω всея іюдея и изъіерл҃има и поморія тирьская и сидоньская. которыи то были ся зышли для того абы его слышали. а оуздоровлени быти ω немочіи своихъ и тыи которыи были моучимыи ω доухωвъ нечистыхъ оуздоровлени бывали. и оувесь наро хотѣлъ абы ся едно дотькноули его.—бо такова сила ω него выходила которая всѣхъ оуздоровляла.

А ωнъ позрѣвъши ωчима своима на оученикы своя и такъ реклъ.—бл҃жени нищіи бо ваше е цр҃тво бж҃іе.—бл҃вени (sic) алчоущеи нн҃ѣ. бо насыщени боудете.—бл҃вени плачоущеи нн҃ѣ бо ся смѣяти боудете.—бл҃вени есте коли люде ненавидѣти боудоуть в҃ы.—и розлоучать

и̓ посо́ромотѧ́ть и̓мѧ̑ ва́ше ꙗ́ко бы ѕ҆ло дл̑ѧ сн҃а чл҃чьска҃.—ра̀доуи̓тесѧ в̓то́ть то дн҃ь и̓ ве́селѣтесѧ.—бо̑ то е҃ запла́та ваша великаа̀ на нб҃си.—

Та́кь же бо̑ чи́новали и̓ пр҃рко́мь ѿц҃еве и̓хь.—

Зачало к҃е.

Ѻ̑ бѣ҃да ва́мь бога́тымь и̓же да́леко ѿстоитє оу̓тѣшенїа ва́шего.—бѣ҃да ва́мь насыщенїи нн҃ѣ бо боудете а̓лка́ти.—бѣ҃да вамь смѣю̓щимсѧ нн҃ѣ. бо̑ рыдае́те (sic) а̓ пла́кати боу́дете.— бѣ҃да вамь ко́ли ва́сь боудоу̑ хва́лити лю́де.—такь бо̑ чи́новали ѿц҃еве и̓хь.—(sic) пр҃рка́мь. а̓ле ва́мь мо́влю кото́ры̑ слышите лю́бѣте во́роги ваша а̓бо̑ непрїателѣ и̓ чи́ните до́бре тымь кото́ры̑ вась ненавидѧть.—бл҃вѣте и̓ ты̑ кото́ры̑ ва́сь клѧти боу́доуть.—и̓ мо́литесѧ за тыхь кото́рый вамь ѕ҆лости вырѧжаю́ть. а̓ оу̓дарить ли̓ кто̑ те́бе в̓ли́це е̓ди́но наста́вь е̓моу и̓ дроу́гое̓. а̓ то́моу кото́рый в̓тебе ѿи̓мае́ть соу́кьманоу. не бо́рони е̓моу и̓ со́рочькы̓.—и̓ ка́жьдомоу кто́бы ѻ̑ што тебе про́силь дай. а ѿ то́го кото́рый бы твои ре́чи побра́ль не вытѧгаи.—

Зачало к҃ѕ.

И̓ ꙗкь же вы̑ хо́чете а̓бы ва̑ чи́нили лю́де и̓ вы̑ и̓мь та́кьже чи́нѣте.—а̓ е̓сли бы́сте лю́били тыхь кото́рый ва́сь тыжь лю́бѧть. и̓ ꙗ́коую̓ боу́дете мѣти мз҃ть. бо̑ и̓ грѣшници лю́бѧть тыхь кото́рый и̓хь лю́бѧть.—а̑ е̓сли боу́дете до́брѣ чини́ти тымь кото́рый тыжь ва́мь до́бре чинѧть што жь за до́брота оу̓ ва́сь е҃ бо̑ заправ́ды и̓ грѣшници та́кьже чинѧть.—а̓ е̓сли в̓зае́мь дае́те тымь в̓кото́рыхь надѣ́етесѧ в̓зѧти. што за до́бро̑ ваша е҃. бо̑ и̓ грѣшници та́кьже грѣшникомь в̓зае́мь даю́ть.—а̓ боу́дете ли позы́чати тымь ѿ кото́рыхь сѧ надѣ́ете за́сь в̓зѧти. што́жь вамь за доброть (sic) е҃. прото́ жь вы ми́лоуи̓те неприꙗтелѣ ваши.—и̓ до́бро чинѣте и̓ позы́чайте. ни́чого сѧ ѿто́лѧ не надѣю́чи.—и̓ боуде̑ запла́та ваша мно́га и̓ боу́дете сн҃ы вышнѧго в̓си. ꙗкь же и̓ той добро́тливый е҃. коу недобро́тливымь и̓ ѕ҆лы́мь.—протожь боудьте млрдни ꙗко́же и̓ ѿц҃ь ва́шь милосе́рдь е҃.—

Зачало к҃ѕ҆.

Не ѻ̓соуждайте а̓бы е̓сте не бы́ли ѻ̓соу́ждени. и̓ не соу́дѣте и̓ не соу́дѧть ва̑.—ѿпоу́щайте а̓ и̓ вамь ѿпоу́щено боу́де. да́вайте и̓ ва́мь тыжь да́но боу́деть мѣ́роу до́брою а̓ по́льноу и̓ нато́пьтаноу и̓ потрѧсеноую̓ и̓ѕ҆верхо́мь ѻ̓пло́витымь. да́доу̑ на ло́но ва́ше. тою̓жь бо̑ мѣ́рою̓ кото́рою̓ мѣ́рите и̓ ва́мь ѿмѣ́рено боудеть.—по́видѣль и̑ та́ковыми подобе́ньствы ре́коучи. и̓ ꙗкь мо́жеть слѣпець слѣпца во́дить (sic) ци не ѻ̓ба ли вь ꙗ́моу в̓падоуть.—не е҃ тыжь оу̓ченикь на̑ оу̓чителемь. боу́де наоу̑чень ко́ждый боу́дели ꙗко оу̓чи́тель е̓го̀.—а̓ле че́моу видишь соу́чець оу̓ во́цѣ бра́та твое̓го̀.—а̓ бе́рьвна кото́рое̓ е҃ вь о̓коу твое́мь не чоуе̓шь.—а̓лбо̑ ꙗкь

можешь речи братоу твоемоу брате стоуй нехай выймоу сꙋчець зь ока твоего.—а самь пакь вокоу твоемь берьвна не видишь.—лицемѣрниче (ѡ глоупый чл҃че) выйми перве берьвно зь ока твоего и тогды боудешь видѣти выньать соучець зь ока брата твоего.—не є доброе древо которое родить злый пло и не є древо злое которое родить пло добрый.—всакое бо древо ѿ плода своего познано боуде не ѿтрꙋнꙗ бо избираю смоквы (фикги).—а ни скоупины збираю гроздїа. добрый чл҃кь ѿ доброго скровища ср҃ца своего выносить доброе. а злый чл҃кь такꙗже ѿ злого скровища (sic) ср҃ца своего выноси злое.—ѿ избытьковь ср҃ца и оуста его мовꙗть.

Зачало кі.

И для чого мꙗ называете г҃и г҃и. а не дѣлаете того што ꙗ вамь повелѣваю.—каждый который приходи кон҃е и слышить слова мои и дѣлае ихь.—повѣмь вамь чемоу есть подобень.—подобень є чл҃кови томоу который домь свой збоудоваль иже глоубоко выкопаль и положиль ѡсновоу на камени. а коли сталасꙗ повод и прибыла рѣка и ѡперласꙗ домови томоу. и не могла его пороушити. прото иже є ѡснова на камени.—а кто пакь слышить а не чинить.—подобень є чл҃кови томоу который збоудоваль до свои на земли безь фоудоменьтоу (sic) на которы то коли приперла рѣка и борзо сꙗ є звернроуль и оучинилосꙗ ѡного то домоу великое паденꙗ.—

Еѵлиста выписоуе ꙗко (sic) х҃с оуздоровиль слꙋгоу сотникова и с҃на вдовичина вскреси и ꙗко їѡа (sic) посылаль свои оученикы кь ї҃сви. а ѡнь его пере народы выславоуе а законникы дѣте играючи прировноваe. повѣдае иже жена грѣшнаꙗ слезами ноги ї҃свы ѡмываеть. глава семаꙗ зꙗ.

А коли докончаль всѣ словь своихь оуслы людемь и вшоль докапернаоума.—

Зачало к҃ѳ.

Сотникови пакь неꙗкомоу слоуга быль немоцень велми.—и хотѣль оумерети. которого то ѡнь любиль вельми. а коли оуслышаль ѿ ї҃сѣ посла кнемоу старшии жь (sic) жидовь просꙗчи его абы пришо и оуздоровиль слоужебьника его.—а ѡни пришоши ко ї҃сви просили его вельми. мовꙗчи годень є тоть абы еси тое дла него оучиниль бо любить наро нашь. и изборище той збудоваль намь.—тогды ї҃с шоль сними.—а коли не далеко быль ѿ домоу посла противь него сотьникь дроугый приꙗтель рекоучи. г҃и не троудисꙗ бо не є есми годень абы еси вшоль пѡпокровь мой.—и протожь есми и себе за негоного положиль и быхь пришоль ктобѣ.—але реци слово и боудеть оуздоровлень слоуга мой. бо и ꙗ есми чл҃кь по владарьствомь оучиненый.—маю по собою войны. и рекоу единомоу иди тамь а ѡнь идеть. а дроугомоу прїиди и прїидеть.—а слоужебникови моемоу оучини тото. а ѡнь оучинить.—оуслышавши

тоє іс҃ идивовалъсѧ ємоу. и ѡбєрноувшисѧ кнародоу которы то заним шолъ рєкль.—то вамъ повѣдаю ижє таковоє вѣры нимєжи жиды єсми нє нашолъ.—а колисѧ вєрноули до домоу ты который были послани и нашли ѡного то нємоцного слоугоу оуздоровлєна.

Зачало л҃.

И было пакь потомъ шолъ іс҃ до мѣста прозвищємъ наина испимъ оученици єго многи. и народъ барьзо вєликый.—а колисѧ южь приближилъ къвоdeath воротомъ мѣстьскымъ. втот часъ нєсєно мєртвого который то єдно єдинъ былъ сынъ в матєрє своєи и таѧ была вдова и народъ змѣста барзо вєликы шолъ знєю. и оузрѣвши єи гь҃. змиловалсѧ на нєю. и рєкль єи. нєплачь.—и приступившы дотькноулъсѧ ѡдра (мары) ты на который мєртвого нєсли стали. и рєкль молодєичє тобѣ мовлю встань и сѣлъ мєртвый и почалъ мовити. и далъ єго іс҃ матєри єго. и оустрашилъсѧ (sic) всѣ и славили ба҃ рєкучи и якь пророкь вєликы повьсталъ мєжи нами и помиловалъ бъ҃ людїи своихъ.

Зачало л҃а.

И пошло тоє слово ажь по всєи іоудєи ѡ нємъ и по всѣхъ оукраинахъ. и повѣдѣли иѡаннови оученици єго ѡ всѣ сихъ.—призвавши два нѣякыи зь оучєникьвь своихъ иѡаннъ послалъ ихъ кь ісви рєкоучи. тыли єси ѡный который бы то прийти мѣлъ чили иного ѡжидаємъ.—а пришодши к нємоу ѡны то моужєвє рєкли. иѡаннъ крститєль прислалъ насъ ктобѣ мовячи. єсли ты єси который прийти маєшь. или иного ѡжидаємъ.—а втоть часъ многы оуздоровилъ ѿ нємочии. ранъ. и доуховъ злыхъ. а слѣпымъ многымъ даровалъ ижє прозрѣли.—и ѿповидѣвши іс҃ рєкль имъ. пойдѣтєжъ а повѣдайтє иѡаннови што єстє видѣли и слышали. ижє слѣпыи прозираютъ. хромыи ходятъ троудоватыи чистыми бывають и глоусии слышатъ и мєртвыи з мєртвыхъ встають. а оубозии приймають євангєлию.—блажєнь єсть тотъ которыисѧ (sic) нє зблазнить ѡ мнѣ.— а коли оученици иѡаннови ѿишли почалъ мовити к народоу ѡ иѡаннѣ чого єстє вы шли видѣти на поустыни. тростиноули которалято ѿ вѣтра колѣблєсѧ.—и чогожъ єстє вышьли видѣти. члвѣкали который бы былъ ѡболочєнь вдорогоє ѡдѣнѧ. ты который в дорогомъ ѡдѣнию и вроскоши живоуть при дворѣ црьскомъ. алєчого єстє вышли видѣти пророкали. правдоу повѣдаю вамъ и болшє нижли пророка. тоть то єсть ѡ которомъ єсть писано.—а и я посылаю аггла моєго пєрєдъ лицємъ твоимъ. ижє бы нарѧдилъ поуть твои пєрєдъ тобою.—заправды вамъ повѣдаю. ижє болшєго стыхъ которыисѧ ѿ жєнъ родили пророковъ нагь иѡанна крстителѧ нє єсть жадного.—мєншии жє ѿ нєго алє вцрьствии бжии болшии ѿ нєго єсть.—тогды всѣ людїє. слышавши то и мытници (явно грѣшници) величали ба҃. и крстилисѧ крщєниємъ иѡанновымъ. а фарисєє и законооучитєлїє совѣть бжии ѿвєрглы ѿ сєбє нєкрстилисѧ ѿ нєго.

Зачало хв҃.

Кому приподобны люде рода сего и чому соуть подобны. подобни соуть дѣте которыи то сѣдають на тръго и прикликаючи дроугъ дроуга и мовячи.—пискали есмо вамъ а вы есте не плясали.—нарѣкали есмо пере вами а вы есте не плакали.—пришелъ бо Іωаннъ кртитель не ядаючи хлѣба а не пивалъ вина. а вы мовите иже бѣса имаетъ.—пришелъ же и снъ члчьскы которыи то ясть и пьетъ а вы мовите сей члвкъ ядьца и винопица. товаришъ мытникомъ и грѣшникомъ. и оусправедливена є моудрость ω всѣ снωвъ ихъ.

Зачало хг҃.

Просилъ пакъ его нѣякы зъ фарисеωвъ абы илъ с нимъ и вшодши в домъ фарисеωвъ сѣлъ коу столови. а жена которая жъ была вмѣстѣ грѣшница. и якъ же ся довѣдала иже сѣлъ за столъ вдомоу фарисеωво принесла масти склянницꙋ. а ставши изъ задоу подле ногъ его. плачоучи почала слезами ωмывати ногы его и волосы головы своей ωтирати. и цѣловавши ногы его помазовала миромъ.—оувидѣвши то фарисей ωнонъ которыи вдомъ свои просилъ его помыслилъ самъ всобѣ рекоучи.—если бы былъ то пррокъ. заправды вѣдалъ бы. кто и якая є жена котораа ся его дотыкаетъ. бо є грѣшна.—ωповидѣлъ іс҃ рекълъ емоу. симоне. маю тобѣ нѣшто повидѣти. а ωнъ рекълъ емоу оучителю повѣжь.—а іс҃ пакъ рекълъ. были бо два должники нѣякомоу члвкоу вінни ωдинъ былъ виненъ пятьсотъ грошей: а дроугыи пятьдесятъ.—и не мѣли ωни чимъ бы то емꙋ ωдати ωбѣма ωпоусти. повѣжми которыи з них болше любилъ его.—ωповидѣ симонъ и рекълъ. надѣюся иже тотъ которомоужъ то болше ωпоусти.—а ωнъ рекълъ емоу праведне еси росъсоудилъ.—а ωберьноувшися якъ женѣ рекълъ симонови. видишли ты тоую женоу. вшо есми вдомъ твой. не далъ еси воды на ногы мои. а таа жена слезами ωмыла ногы мои. а волосы головы своей ωтерла.—А ни поцѣловалъ еси мене. Але таа якъ есми вшолъ вдомъ твой не переставаючи цѣловала ногы мои.—ωлѣє головы моей не помазалъ еси. а тая миромъ помастила ногы мои. и для тогожъ повѣдаю тобѣ ωпоущаются ей многыи грѣхы ей. бо много є полюбила. а которомоу мало бываетъ ωтпоущено то меншей любитъ.—и рекълъ ей ωпоущены соуть тобѣ твои грѣхове. а ты которыи посполоу з ними седѣли. почали мыслити сами всобѣ рекоучи.—кто то є иже и грѣхы ωпоущаетъ.—и рекълъ женѣ вѣра твоа тебе избавляетъ иди собѣ со миромъ.

Еѵ҃листа выписуе притчу ω росѣваню. и ω свѣчи на свѣтилникъ поставленой. якъ ты ты мтрію, а братію называетъ, которыи волю бжію чинят. а якъ плаваючи боурꙋ зкроти якъ тыжъ члвка ω множества бѣсовъ высвобожоуе. якъ тыжъ и женоу ω немочи ей оуздоровилъ. якъ ты въскрсилъ дщероу иаировоу. глава. ωсмая.—

Зачало л҃.

И было пакъ потомъ иже онъ ходилъ по мѣстохъ и поселѣхъ. проповѣдаючи цр҃тво бж҃їе. а и сии҃ дванадесѧть. иж оны нѣкоторый. который то были оуздоровлены ѿ злы҃ доуховъ и немочїи.—марїа названаѧ магдалыни. скоторои жь то было седмъ бѣсовъ вышло. їωанна жона вражника иродова. и соусанна. и иныхъ много который слоужили емоу зь имѣнїи своихъ.

Зачало ле҃.

И розоумѣл то многый народъ и зо всѣхъ мѣсть приходили к немоу. Повѣда имъ притчоу вышолъ розьсѣвачъ сѣяти сѣмени своего. а якъ юж розьсѣвалъ. едно пало при поути и потоптано. а и птицѣ нѣбныи позобали е.—а дроугое пало на камени. и взышовши посхло. дла того иже не имало вольготности.—третее пакъ пало межи терни и заглоушило е.—А четвертое пало на доброй земли. и возросло. а оучинило плѡ стокроть. то повѣдѣвши вголось мовилъ кто маеть оуши коу слышаню нехай слышить.—А оученици его пытали его штобы того за причина (sic) была а онъ ѿповидѣвши рекль имъ. вамъ есть дано знати таемности цр҃тва бж҃їего. а иным через причины (sic).—абы вѣдаючи не вѣдали а слышачи не розоумѣли.—есть того причина таковаѧ. сѣмѧ е слово бж҃їе а тыи иже соуть при дорозѣ. который слышать потомъ приходить дїаволъ и выимоуеть то зь и срдца. абы не были оувѣривши збавлени.—А иже на камени то соуть иже слышавши слово зрадостїю прїимоують. але корене не мають. бо на часъ вѣроують а вчась напасти ѿпадають.—а иже есть межи терни впало. дла троски и богатьства. а роскоши сего свѣта и ими бывають подавлены и не могоуть оучинити плода.—а то што на доброй земли. то тыи соуть. который добрымъ срдцемъ а правдивым оуслышавши слово и держа его. и плоды втерьпенїи приносѧть. тое повидѣвши вголось мовилъ. кто маеть оуши коу слышаню нехай слышить.

Зачало лѕ҃.

Никто же зажогши свѣчоу накрываеть еи соудиною а ни тыжь не ставить подъ постѣлю. але на свѣтильникоу еи поставлѧеть абы и тыи который входѧть свѣтло видѣли.—не е бо ничого тайного што бы явно быти не мѣло. и ни скрытого абы познано не было и явне сѧ необказало.—прото жь вы розоумѣйте якъ слышите. бо кто маеть. томоу жь боуде дано. а кто не маеть. и тое што сѧ мѣти надѣеть боудеть взѧто ѿ него.—тогды пришли к немоу мт҃и и братїа его. и не могли к немоу пристоупити дла можьности (sic) людей и повидѣно емоу рекоучи мт҃и твоѧ и братїа твоѧ звноутрь стоять и хотѧть абы сѧ стобою видѣли.—А онъ ѿповидѣвши рекль имъ. мт҃и моѧ и братїѧ мои тыи суть который слышать слова мои и дерьжать ихъ.

Зачало л҃з.

Стáлося пáкъ въ є́ди́нъ дн҃ь ижє встоупилъ вло́дю и оучéници є́гѡ̀. и ре́клъ кни́мъ пере-плы́нѣмо на ѡ́ноую̀ сто́роноу ѡ́зе́ра и по́плыли на во́доу.—а коли плыноули то́го часоу былъ оусноулъ. и пришла боурѧ и вѣтры на ѡ́зеро. ажъ и волнысѧ вло́дю вливали. та́къ иже въ ве́ликоⷨ стра́хоу были.—то́гды пристоупи́вши збоуди́ли є́го̀ ре́коучи. оучителю оучи́телю (sic) за-гыбаеⷨ.—а ѡ́нъ вста́вши при́казаⷧ вѣтрови и волнамъ во́дныⷨ и пе́рестали. и бо́рзо сѧ ти́хо оучи́нило. и ре́клъ имъ где є́сть вѣра ваша.—А ѡ́ни оустра́шившисѧ дивовалисѧ и мо́вили є́ди́нъ ко́ дроугомоу. а хто́жъ то є ижъ и вѣтромъ и во́дѣ приказоує и слоухаю́тъ є́го̀.

Зачало л҃и.

И перее́хали до оукра́йны гадаринъской. ко́торая є здроугой стро́ны (sic) напротивъ гали-лей. и ıа́къ ю́жъ выстоупилъ изло́дѣ на зе́млю. стрѣтилъ є́го̀ нѣя́кый чл҃къ идоучи зместа. ко́торый же то ма́лъ бѣсы мно́го лѣтъ. а ни во ѡ́дѣа́нїє не ѡ́бо́локовалсѧ а ни вдомехъ не ме́шкалъ. є́дно вгробо́хъ а оуздрѣвши іс҃а закричалъ и па́лъ пере ни́мъ. и го́лосомъ ве́ликымъ ре́клъ. што мнѣ стобою є іс҃е сн҃е б҃а найвышого.—про́шоу те́бе абы є́си ме́не не моучилъ.—а іс҃ приказалъ доухови нечи́стомоу выйти изъ чл҃ка. ѿ мно́гыхъ бо лѣтъ поу́ватовалъ є́го̀. и вѧзовали є́го̀ оужицами и поуты̀ же́лѣзными поутовали тый ко́торый є́го̀ сте́реговали.—и ро́зрыковалъ оужи́ца и поута и бывалъ го́ненъ ѿ бѣсовъ на поустыню.—а іс҃ звѣдалъ є́го̀ ре́-коучи ıа́къ є́сть имѧ твоє.—а ѡ́нъ повидѣлъ легеѡнъ (сирѣчь тма) бо было мно́го бѣсовъ вошло внего.—то́гды просили є́го̀ абы не каза́лъ имъ впропа́сть пойти.—было па́къ та́мъ ве-ликоє ста́до свинноє ко́тороє на́березѣ пасе́но было. и про́сили є́го̀ абы имъ допоустилъ винихъ войти. и до́поустилъ имъ.—то́гды вышли дїа́волове ись чл҃ка и во́шли въ сви́нѣ и бо́рзо оускочило ста́до възе́ро. и по́тоноуло. а коли оуздрѣли то па́стоухове што́сѧ ста́ло оуте́кли. и по́видѣли вмѣстѣ и всел́ѣхъ.—вышли па́къ во́нъ абы видѣли што сѧ ста́ло. и пришли ко іс҃ви. а оуздрѣли чл҃ка. ско́торого то дїа́волове вышли.—а ѡ́нъ сѣдитъ вно́гъ іс҃выхъ ѡ́бо́лочены и оудо́бромъ ро́зоумѣ и оустрашилисѧ.—а тыи тыжъ кото́рый видѣли повидѣли имъ. ıа́къ бѣсный здоровымъ оучи́ненъ. и про́силъ є́го̀ ве́сь нарѡ стороны гадарынъской. абы ѿшолъ ѿ нихъ бо сѧ были ве́лми оустра́шили.—а ѡ́нъ встоупивши вло́дю. и ве́рноулсѧ наза́дъ. и про́силъ є́го̀ ѡ́но́нъ то моужъ ско́торого вышли бѣсове. абы при немъ ме́шкалъ. але є́го̀ іс҃ ѿпоустилъ ѿ се́бе и ре́клъ є́моу ве́рнисѧ до́ домꙋ твоє́го̀. и повѣдай ре́коучи ижє на́ то́бою ве́ликоє змилованѧ бг҃ъ оучини́лъ. и хо́дилъ по всемоу мѣстоу и повѣдалъ што є́моу іс҃ оучи́нилъ.

Зачало л҃ѳ.

И было па́къ коли неверноулсѧ іс҃ и прїа́лъ є́го̀ наро́дъ бо всѣ жда́ли є́го̀. и пришолъ

моужь которомоу то было имѧ иаарь. былъ бо ѡнь кнѧземъ ись школы жидовьской (або наоукы) и палъ оу ногъ і҃свыхъ. и просилъ его абы вступилъ вдо҃ его. бо мѣлъ дочкоу єдно єдиноу на родоу iаковы въ дванадесѧте҃ лѣтехъ. котораа южь оумирала.—А коли южь шолъ. пригодилосѧ иже народи оугнѣтали его.—тогды жона єдина боудоучи в своєй (sic) немочи. теченiю крове. ѿ дванадесѧти лѣтъ. котораа южь была на лѣкарьства выдала всю мае҃тность свою. а ѿ жадного не могла оуздоровлена быти. приступи҃вши ззадоу. и доткноуласѧ подолка ѡдѣнiа его. и борзо теченiе крове єй стало.—и рекль і҃с кто (sic) е҃ мене доткноулъ.—и непрiзнальсѧ никто.—Рекль петрь. и тый который зни҃ были рекли. оучителю. народове тебе оугнѣтаю҃. и стискають.—а ты мови҃ кто сѧ мене доткноулъ. и повторе реклъ і҃с дотькноуласѧ нѣкто мене. бо iа позналъ. иже сила вышла ѿ мене.—видѣвши то жена иже сѧ затайти не може. трѧсоучисѧ приступила. а оупала близко но҃ его. и повидѣла ємоу пре҃ всѣми людми. прокоторою причиноу дотноуласѧ (sic) его. и iакъ сѧ єсть борзо здоровою стала.—а ѡнь рекль єй. дочко. боудь доброй надѣи҃. вѣра твоѧ тебе здоровою оучинила иди собѣ смиромъ. А коли ѡнь єще мовилъ. пришолъ єдинъ ѿ архисинагога (ѿ оучителѧ людоу жидовьского) рекль ємоу иже южь оумерла е҃ дочка твоѧ. не троуди оучителѧ.—А і҃сь оуслышавши тое слово ѿповидѣлъ ѿц҃еви ѡной то дѣвки. не трощисѧ. єдьно толко вѣроуи боудеть здорова. а оушо҃ши в до҃ недопоустилъ ись собою мно҃гы войти єдно петрови а iѡанови (sic) и iакови. тыжь ѿц҃еви и мт҃ери ѡной то дѣвьки.—и плакали по ней всѣ и кричали.—а ѡнь рекль неплачьте. бо не оумерла єсть але спить.—А ѡни пакъ смѣѧлисѧ знего вѣдаючи иже южь бы́ла оумерьла.—А ѡнь пакъ росказалъ всѣмъ абы вышли вонь. и вышли. и iавши єи за роукоу єи. голосно рекль девице вста҃ь (sic) и наверноулъсѧ доухъ єи. и борзо вѡскрсьла и казалъ абы єи дали iасти. и дивовалисѧ родичеве єи.—А ѡнь имъ приказалъ абы того никомоу не повѣдали штосѧ стало.

> Єѵ҃листа выписоуе. iакъ і҃с розослалъ оучн҃икы свои. абы научали. и iаковоую єсть моць далъ и҃. и iакъ накормилъ народы на поустыни пѧ҃ма хлѣбы. iакъ ты҃ петрь вызьнава҃е вѣроу. и iакъ ты҃ х҃с напомина҃е люди. абы были трьпливыми ты҃ iакъ сѧ на горѣ преѡбразилъ а ѿишо҃ши ѿтоле оуздоровилъ чл҃ка розбивано҃ злою немочю ты҃ и ѡ своєи моуцѣ повѣда҃е, и наоуча҃е покорѣ. ты҃ iакъ боронить мр҃тве҃ погребати, оученикоу которы хотѣ҃ зани҃ пойти.

Зачало м҃.

Созвавши і҃с дванадесѧть ап҃лов. и далъ имъ власть и силоу на҃ всѣми бѣсы и немочи оуздоровлѧти҃. и послалъ ихъ абы проповѣдали цр҃ьство бж҃iе и немоцный оуздоровлѧти. и рекль

и абы ничого не брали на дорогоу ни палицѣ а ни мошины (або торбы) а ни хлѣба. а ни по двое одежи мѣвайте. а до которого жь коли домоу войдете тамъ перебывайте ажь покы ѿ тадъ толе выйдете. а кто бы тыжь не хотѣлъ васъ приняти. выходячи зъ оного то мѣста и порохъ ногъ вашихъ отрясайте. на свѣдоцьство противко нимъ. а они вышодши ходили. по мѣстѣ проповѣдаючи евангеліе. и оуздоровляючи вездѣ.

Зачало мѧ.

И оуслышавши иродъ четвертой части княжства владарь. всѣ рѣчи которыи (sic) дѣяли ѿ него. и не дорозумѣвалъся. того для. иже было повидѣно ѿ нѣкоторыхъ. иже бы иоаннъ всталъ из мертвыхъ.—а ѿ иныхъ иже бы ся илия явилъ.—а ѿ другыхъ. иже бы пророкъ единъ зстарыхъ всталъ.—и рекъ иродъ далъ есми я иоанна стяти. а кто пакъ то есть. о котором я слышу таковыи рѣчи. и хотѣлъ абы его видѣлъ. а вериувшися апостолове повидѣли емоу. што оучинили. а появши ихъ шолъ особно единъ на поустое мѣсто которое зовоуть виѳсаида. тогды позьвали народовъ (sic) и пошли за нимъ. и приявши поведалъ имъ о цртвѣ бжіи. а тыи которыи потребовали лѣкарьства оуздоровилъ.

Зачало мв.

Днь пакъ южь почалься коу вечерови скланяти. и пристоупивши двѣнадесять рекли емоу. ѿпоусти народы. абы шоши до околичныхъ мѣсть и селъ перемешкали. и нашли собѣ покормленя бо есмо тоу на поустомъ мѣсци.—А онъ рекъ имъ дайте имъ вы ясти. а они рекли не маемо болше едно пять хлѣбовъ и двѣ рыбѣ.—если быхмо шли и накоупили страйныхъ речии на то то всѣ людъ. абыло моужей яко пять тисячии.—и рекъ оученикомъ своимъ. повелѣте имъ сѣсти на коупы по пятидесят. и оучинили такъ. и посадили ихъ всѣхъ.—и взявши пять хлѣб(ъ) и двѣ рыбѣ. поздрѣлъ на нбо. и блвивъ и розламалъ. и давалъ оученикомъ абы пред народомъ покладали. и ѣли всѣ и найлися и зобрали опосли што было остало окроуховъ двѣнадесять кошовъ.

Зачало мг.

И сталося есть иже ся онъ самъ на особливости молилъ. были тыи с нимъ и оученици его. и пыталъ ихъ рекоучи. кимъ мене народове быти повѣдають.—и они ѿповидѣвши рекли емоу иоаномъ кртителемъ а другыи илиею. а иныи покъ иже пророкъ единъ зперьшихъ въскрсъ.—А онъ имъ рекъ. вы пакъ кимъ мене быти повѣдаете.—ѿповидѣвъ пакъ симонъ петръ.—хсъ бжіа. а онъ приказалъ имъ зъ грозьбою абы того никомоу не повѣдали.—и рекъ снъ чловѣчьскый

моуси҃ мно́гого терьпѣти. и̑ посмѣ́жнь боудеть ѿ старшихъ а̑рхиѐреѡвь и̑ оу̑чителеи.—и̑ оу̑бїе́нь боуде҃ и̑ втре́тїи дн҃ь з̑мрьтвыхъ встане҃.

Зачало м҃д.

И̑ мо́виль до̀ всехъ е̑сли кто хо́че҃ за мною поитѝ. нехаи сѧ са́мь себе заприть. и̑ възметь кр҃ть свои а̑ за мною поиде҃.—а̑ кто бы хотѣль дш҃оу свою сп҃ти погоуби҃ е̑и. а̑ кто загоуби҃ дш҃оу свою длѧ мене то҃ сп҃се́ть е̑и.—што е҃ за пожитокь чл҃кꙋ хо́ть бы ве́сь свѣть ѡ̑дерь жаль. а̑ са́мь се́бе загоу́биль. а̑лбо на шкодоу (sic) пришо́ль.—е̑сли же сѧ кто боуде҃ мною со́ромѣтѝ а̑лбо моихъ повѣстеи. тымь ты жь сѧ и̑ сн҃ь чл҃чьскыи со́ромѣтѝ боуде҃. ко́ли прі-иде҃ въ сла́вѣ своеи. и̑ ѡ̑тцевьскоѝ и̑ ст҃ы а̑гг҃ль.—а̑ле правдоу повѣдаю ва́мь иже соу́ть нѣкото-рыи тоу́ть стоıа́чи. ко́торыи не мають вкоу́ситѝ смр҃ти а̑жь оу̑вида҃ цр҃тво бж҃їе.

Зачало м҃е.

И̑ сталосѧ по ѡ̑ныхъ то слове҃. ıа́кобы по ѡ̑смо҃ днехъ. и̑ поıа҃ петра и̑ ıѡа́нна и ıа́кова и̑ взышо́ль на́ гороу̀ мл҃итисѧ. и̑ ко́ли сѧ мо́лиль было лице е̑го̀ ıа́ко бы иноѐ. и̑ ѡ̑дѣнѧ е̑го̀ было блистаючее̑сѧ.—и̑ два҃ моужеве мо́вили сни́мь. то̀ соу́ть моѷсеи и̑ и̑лїа видени сни́мь въ славѣ. ко́торыи и̑ мо́вили ѡ̑ смр҃ти е̑го̀. ко́тороую̀ мѣль те́рьпѣти въ і̑е҃рлимѣ. пе́трь па́кь. и̑ тыи которыи сни́мь были. ѡ̑тѧ́жали были ѡ̑ сна̀. а̑ про́боудившисѧ оу̑видѣли сла́воу е̑го̀. и̑ ѡ̑ныи два҃ моужѣ стоıа́чи сн҃и.—и̑ было ко́ли южь сѧ з̑ни҃ ро́злоучали. ре́кль петрь къ і̑с҃ови. оу̑чи́телю до́бро е҃ на́мь тоу́ бы́ти. оу̑чи́нимо тоу́ть три҃ сѣни (а̑бо҃ хо́лодники) то́бѣ е̑динь моѷсеѡви е̑ди́нь. и̑ и̑лїи е̑ди́нь не вѣдаль што̀ мо́виль. и̑ е̑ще ѡ̑нь то́го не домо́виль оу̑чи-нильсѧ ѡ̑болокь и̑ изатѣниль ихъ. а̑ ѡ̑ни сѧ постра́шили. ко́ли въ ѡ̑бо́ло́кь вхо́дили. и̑ ста́лсѧ голось изь ѡ̑бла́ка рекоучи҃.—сеѝ е҃ сн҃ь мои възлю́бленныи. то́го слоухаите. и̑ ıа́кь сѧ южь то́ть голось сталь. са́мь і̑с҃ е̑ди́нь (sic) ѡ̑ста́ль. а̑ ѡ̑нѝ мо́лчали. нѝчо́го з̑ь (sic) ѡ̑ныхъ то рѣчїи ко́торыи видѣли.

Зачало м҃ѕ.

Дроу́гого па́кь дн҃ѧ сталосѧ ко́ли ю҃ ѡ̑нь схо́диль з̑го́ры. стрѣтиль е̑го̀ мно́гыи наро́дь. ⁖ е̑ди́нь моу́жь з̑ме́жи наро́да закричаль ре́коучи оу̑чи́телю про́шоу те́бе погла́ди на сн҃а моѐго̀ бо҃ е̑дно̀ то́го̀ е̑ди́ногь маю̀. и̑ те́го доухъ нечистыи попадоуе̑ть. и̑ ве́лми кричить и̑ проу̑жаѐтьсѧ и̑ пѣны тѣщить. и̑ ле́два҃ (sic) ѿ него̀ ѿхо́ди҃ вмо́рьдовавши е̑го̀. и̑ просиль е̑сми оу̑че́никовь твоихъ а̑бы то выгнали и̑ не мо́гли. ѿповидѣль і̑с҃ и̑ ре́кль. ѡ̑ ро́де невѣрьныи а̑ пе́реворо́ть-ныи. до́колѣ боу́доу въ (sic) вась. и̑ доколѣ з̑вами тръпѣти҃ боудꙋ приведи ѡ̑вде ко мнѣ сн҃а твое̑го̀. а̑ ко́ли е̑ще ѡ̑нь шо́ль идоу́чи до̀ него̀. ве́ргль ни́мь бѣсь. и̑ трѧсль е̑го̀.—А̑ і̑с҃ по-

грозилъ доухоу нечистомоу. и сталсѧ здоровы ѻный то младенецъ. и далъ є ѻцеви єго. и дивовалисѧ всѣ.

Зачало мз҃.

И всѣ сѧ дивовали томꙋ што оучинилъ іс҃ и рекль оучениковъ своимъ. пріимѣте тый то слова до оушей ваши. бо сн҃ь чл҃чьскый маєть выданъ быти вроукы чл҃комъ.—ѻ ѻни того слова не розоумѣли. бо было ѿ ни тоє слово закрито. абы не могли розоумѣти єго. и боѧлисѧ пытати єго. ѻ то слов. имѣли всобѣ таковый оумыслъ. кто бы зни былъ старшіи.—А іс҃ вѣдаючи мысли срцъ ихъ приѧвши дитѧ и поставилъ єго близко себе и рекль имъ. кто коли пріиметъ тоє дитѧ во имѧ моє. мене пріимоуєтъ. а ктобы мене приѧлъ. пріимоуєтъ того которы мене послалъ бо кто є наименьшіи былъ межи вами всѣми то болшіи є.

Зачало мн҃.

А ѡаннъ ѿповидѣвши рекль. оучителю. видѣли єсмо нѣкоторого. што именемъ твоимъ бѣсы выганѧє. и заборонѧли єсмо єму иже не ходить снами.—а іс҃ рекль кнемоу не заборонѧйте. бо кто не є противны намъ. по васъ є.

И было коли сѧ выполнѧли днове высхожденіѧ єго и ѻнъ оутвердилъ лице своє ити до ієрлима. и послалъ вѣстникы пре лицемъ своимъ который идоучи встоупили до мѣста самаританьского. абы ємоу господоу наготовали (або поворѧ). и не хотѣли єго приѧти. прото иже лице єго было оутвръжено ити до ієрлима а коли то оувидѣли оученици єго и іаковъ иѡа. рекли гн҃и. хощеши ли речемо абы ѻгень зышолъ знеба а попалилъ ихъ. іакъ же и ілїѧ оучинилъ. а іс҃ ѻберьноувшисѧ заказалъ имъ и рекль. не вѣдаєте чиєго доуха єсте вы бо сн҃ь чл҃чьскый погꙋбилъ але абы спсъ. (sic) и въшьли до иного мѣста.

Зачало мѳ҃.

И было коли ишли поутемъ. рекль нѣкоторый к немоу пойдоу за тобою гдє коли пойдешь гн҃и. и рекль ємоу іс҃. Лисици іамы маютъ. и птицѣ нѣбный гнѣзда. але сн҃ь чл҃чьскый. Не маєтъ гдє бы свою главоу склонилъ.—а ко дроугомоу рекль. пойди (sic) за мною.—а ѻнъ повидѣлъ. гн҃и. дозволми. а бы шоши впередъ погребль ѿца моєго.—Рекль ємоу іс҃. нехай (sic) оумрлый. погреби своѧ мртвьца. а ты пойди (sic) и проповѣдай цртво бж҃іє.—Рекль же и дроугый (sic). пойдоу за тобою гн҃и. але пръвѣй (sic) допоустї ми ити. абы сѧ порадилъ стыми который соу вдомоу моємъ.—А іс҃ рекль ємоу. кто коли єслї положивши роуки свои на плоугъ (або на рало) а назадъ глѧдѣлъ.—не є пригодны къ (sic) цртвоу бж҃їємоу.

Єѵ҃листа выписоуєть ꙗкъ х҃с прєсылаєть иныхъ оученикѡвъ сємьдєсꙗть. и наоучаєть ихъ. абы всобѣ нє доуфали. ꙗкъ ты ѿца выславує. и ꙗкъ в законѣ пєрєбывающомоу дорогоу живота ѡказоуєт. ты повѣдаєть и причами ѡ чл҃коу ѿ разбойникѡвъ ранєномоу. и ꙗкъ тыж в марьѳы гостємъ былъ. глава дєсꙗтаꙗ. а зачало и.

Зачало и҃.

Потомъ пакъ зьꙗвилъ г҃ь иныи сєдмьдєсꙗть. (и два) а послаⷧ ихъ по два прє лицємъ своимъ. до вєсꙗкого города и до мѣста. гдє коли самъ мѣлъ пойти. и мовилъ имъ. жатва заправды єсть многа. алє роботникѡвъ мало.—просѣтє жъ г҃на. которого то єсть жито. абы посль (sic) роботники на жиіво своє.—идѣтєжь. ѡто ꙗ вась посылаю ꙗко ѡвцѣ посрєдѣ влькѡвъ. протожь нєносѣтє ꙁсобою мѣшкѡвъ. а ни пирѝ. (sic) (покарьмовь) а ни ѡбоуви. а и никого нє цѣлуйтє на дорозѣ.—а вкоторый жє доⷨ коли войдєтє напєрьвѣй мовтє миръ томоу домови. а єсли та боудє с҃нъ мира. ѡпочинє на нє миръ вашъ. а єсли пакъ нє боудє. кваⷨ сꙗ наврънє. а втоⷨ домоу прєбывайтє. ꙗдѣтє и пийтє што єсть вни. годєнь бо єсть роботникъ ꙁаплаты своєи.—а из домоу до домоу нєпєрєходѣтє. а до которогоⷨ мѣста коли войдєтє. а приимоуⷮ ва. ꙗдѣтє поставлєнноє пєрєдъ вась. а оуꙁдоровлꙗйтє нємоцьный. который вни соуть. и мовтє и. приближилоⷭ квамъ ц҃рьтво. б҃жїє.—а до которогоⷨ пакъ коли мѣста вьйдєтє. а нє приимоуⷮ вась. вышоⷣши на оулицѣ єго повѣжтє. и пороⷯ который до наши (sic) ногъ прилнулъ ꙁмѣста вашєⷢ. ѡтрꙗсаємо на вась. алє вѣдайтє ижъ приближилосꙗ на вась ц҃рьтво б҃жїє.—правдоу вамъ повѣдаєⷨ. ижє съдомлꙗномъ въ ѡноⷨ то д҃нь лєгчѣй боудєть.—горє тобѣ хоразинъ.—горє тобѣ виѳьсайдо.—боⷤ коли бы втироу а всидонѣ чинєны были таковый чоуда. который оу вась чинєны соуⷮ. давно бы в платѣ (або врꙗдинѣ) а на попєлѣ сѣдꙗчи покаꙗнїє чинили. а єдна кжє тирови и сидонови лєгчѣй боудє на соудѣ. нижли ваⷨ. а и ты капєрнаоумє который єсь ажъ до нєба поднєсльсꙗ. алє ажъ до пєкла погроужєнъ боудєⷲ.

Зачало п҃а.

Кто вась слоухаєть мєнє слоухаєть. а кто сꙗ ваⷨ ѿмѣтаєⷮ./ мєнє ѿмѣтаєтьсꙗ. актосꙗ мєнє ѿмѣтаєть./ ѿмѣтаєтсꙗ того! который мєнє послалъ.—а сємьдєсꙗть пакъ навръноулисꙗ ꙁрадостїю рєкоучи.! г҃и./ и бѣсовє намъ повинуютсꙗ ѡ имєни твоємъ.—а ѡнъ рєклъ имъ. видѣлъ єсми сотонаила кольто ѡнъ ꙗко млънїа с н҃ба спалъ.

Ѡ тожь ваⷨ даю моць наступати на ꙁмїю. и наскоропїю. и навсꙗкоую силоу вражїю и нєбоудєть вамъ ничого шкодовати. алє вы томоу то нє радоуйтєсꙗ ижє ваⷨ духовє повиноуютсꙗ. алє томоусꙗ радоуитє.—ижє имєна ваши написаны соуⷮ нан҃бсѣхъ. той пакъ годины възрадо-

вальсѧ і҃с дх҃омъ и рекль./ хвалю тебе ѿч҃е г҃и н҃бсь./ и землѣ. иже тыйто рѣчи оутаилъ еси ѿ моудрыхъ, а розоумныхъ. а изъявилъ еси то младенцемъ (або дѣтемъ) ей ѿч҃е./ (якобы рекль гораздъ. о҃) иж҃ то тобѣ подобало.

А ѡбернoувшисѧ къ оучн҃икомъ своимъ рекль. все мнѣ дано есть ѿ ѿц҃а моего и никто невѣдаеть кто есть с҃нъ, едино ѿц҃ъ. анитыжъ того невѣдаеть, кто есть ѿц҃ъ, едино с҃нъ. а тої вы вѣдалъ кому вы хотѣлъ с҃нъ зъявити.—а ѡбернoувшисѧ единъ къ оученикомъ рекль.—бл҃женный то ѡчи, который тое видѧть што вы видите. повѣдаю бо вамъ./ иже многыи пр҃рци и ц҃реве хотѣли видѣти што вы видите/ а не видѣли. и слышати тое/ што вы слышите, а не слышали.

Зачало н҃г.

Але единъ ч҃лкъ законоу оученый./ всталъ. а покоушаючи его рекль. оучителю. што маю чинити./ а бы животъ вѣчный моглъ наслѣдовати.—а ѡнъ рекль к немоу. в законѣ якъ есть написано и як читаешь.—а ѡнъ ѿповѣдаючи рекль./ возлюбиши г҃а б҃а твоего ѿ всего с҃рца твоего, и ѿ всеи д҃шѣ твоеи. и всею крѣпостію твоею. и всею мысліею твоею. а и ближнѧго твоего, (sic) якъ самого себе.—и рекль емоу і҃с. добре еси повидѣлъ. то чини и боудешь живъ.—а ѡнъ хотѣлъ самъ себе правымъ оучинити. рекль ко і҃сви. и ктожъ есть мой ближній.—ѿповѣдѣлъ пакъ і҃с./ и рекль емоу.—ч҃лкъ нѣкоторый шолъ зъ ерлима до ерихона. и оупалъ в разбойникы. который его ѡбыбрали. (або ѡдежоу зволокли) а изранивши его ѿишли пречъ. напол мр҃твого зоставивши.—и пригодилосѧ иже единъ с҃щникъ шолъ тымъ же поутемъ./ оуздрѣвши е҃ шолъ мимо.—такъже тыжъ нѣкто леввитъ былъ на тоежъ мѣсце пришолъ.—а оуздрѣвши его помимошолъ. а и самаритѧнинъ пакъ нѣкто единъ пришолъ на него, а оуздрѣвши е҃ змиловалсѧ./ и пристоупивши позавивалъ раны его./ и налѣялъ/ ѡлѣи и вино/ и вложилъ его на свою скотиноу. и припровадилъ е҃ ажъ до гостинници./ и печаловалсѧ ѡ немъ.—дроугого пакъ дн҃я взявши два сребрьникы. (два талѧры або два грошѣ) и далъ господаревы. и рекль емоу/ пилноуй его. а што коли надъ тре наложишь. а я наворотившисѧ ѿдамъ тобѣ.—Кто единакъ с тыхъ трехъ видитсѧ тобѣ ближнимъ быти томоу который то впалъ былъ межи разбойникы.—а ѡнъ повидѣ. то который же оучинилъ м҃лрдѧ (sic) надъ нимъ.—и рекль емоу і҃с./ идижъ ты./ а оучини такъже.

Зачало н҃.

И сталосѧ коли шли до единого мѣстечка нѣкоторого. жена нѣкотораѧ именемъ марѳа./ пріѧла его в домъ свой./ а таѧто мала строу (sic), которой было имѧ маріа. котораѧ то сѣдѣла при ногахъ і҃совыхъ. и слоухала словъ его.—але марѳа мовила ѡ многой слоужбѣ. а стоячи рекла.

т҃и./ не́дбае́ш҃ли ѿто̀ ижѐ се́стра моа̀ ме́нѐ са́моу̀ю̀ тобѣ̀ по́слоуговатѝ зо́ставила̀. ре́чижь юй ѧ̀кы́ мѝ по̀могла̀.—ѿпо́видѣль т҃с./. и̓ ре́кль е̓й./. ма́р҃ѳоо./. ма́р҃ѳоѡ̀./ пе́чалоуе̓шисѧ̀ и̓ мо́вишь ѿ мно́гыхь ре́чахь. е̓ди́ноже е̓сть на́ потребоу̀.—м҃рїа̀ бо̑ до́броую̀ ча́сть ѿбыбра́ла̀ кото́ра́жь то̀ не ѿи́ме́сѧ ѿней.

> Е҃ѵ҃листа выписоуе̓ть. ıа́кь і҃с оу҃чить по̀ свое̓й мл҃твѣ оу҃ч҃нкы свой мл҃твѣ ѿвѣрой. боу̀ оу҃ставичностѝ про́збы̀ на́поминае̓, и̓ ıа́кь тыжь доу́хы нечистый̀ выганѧ́еть. ты̑ ıа́кь за́кони̑. злый̑ ка́рае̓ть. ıа́кь тыжь ѿ же́ны̑ выхваленъ е̓сть. тыжь злое̓ жидовскоѐ поко-лѣнѧ̀. изрозличного̀ непослоушеньства̀, ка́рае̓ть, гла́ва ѧ҃і, а̓ зачало п҃е.

Зачало п҃е.

И̓ ста́лосѧ е̓сть, ко́лисѧ̀ ѿнь на нѣкотор҃ мѣ́сцѝ мо́лиль./ и̓ ıа́кь ю҃ пе́ре̓сталь./ рекль кне́моу̀ е̓ди҃ изь оу҃ч҃нковь е̓го̀./ г҃и на́оу̀чи̇ нась мо́литисѧ. ıа́кь жѐ і҃ѡ̓а́нь на́оу̀чи́ль оу҃ч҃нки свой.—и̓ ре́кль имь./ ко́лисѧ̀ м҃литѐ та́кь мо́втѐ.

Ѿч҃е на́шь, иже е̓си̇ на́ н҃бсе҃, да́ ст҃исѧ имѧ̀ твое̓. да̑ прїиде҃ ц҃ртво твое̓. да̑ боу́де҃ во́лѧ твоѧ̀. ıа́ко на́ н҃бсѝ и̓ на́ землѝ. хлѣбь на́шь на́соущ҃ный. да́й намь д҃нс. и̓ ѿпоу́сти на́мь грехы҃ на́ша̀. ıа́ко҃ и̓ мы̑ ѿпоу̀щае̓мо̀ ко́жкомоу̀ до́лжникови̇ на́шемоу̀. и̓ не́ вьведи на́сь вь искоу-шенї́е. але̓ изба́вѝ на́сь ѿ лоу̀каваго̀.—и̓ ре́кль к҃ нимь кто̑ зво́сь боу́де҃ мѣ́тѝ прїа́телѧ. а̓ пойде҃ ли к҃ нѣ́моу̀ ѿ по́лночѝ. и̓ ре́че҃ е̓моу̀ прїателю̀. по́зыч҃ ми тр҃ое̓ хлѣ́ба. бо̑ пришоль до́ менѐ прїа́тель мой здорогы. а̓ не́ маю̀ што̑ бы̑ по́ложиль пр҃е́ него̀.—а̓ ѿнь бы̑ звн҃оу́рь ѿпо́видѣль. а̓ ре́кль. да́й мѝ по́кой. южь двер҃ мой за̑творены̑ со҃у. и̓ дѣти мой со мною̀ на́-ложи соу́ть. не́ могоу и̓ста́тѝ а̓ да́ти то́бѣ.—по́вѣдаю̀ ва́мь. е̓слѝ и̓ не́ дасть е̓моу̀ то́го длѧ̀ иже е҃ е̓моу̀ прїа́теле҃. пр҃е́ сѧ̀ длѧ соромоу е̓го̀ вста́не҃ и̓ да́сть е̓моу̀ чо́го е̓дно̀ по́требоу̀е҃.

Зачало п҃ѕ.

Про́сѣтѐ и̓ боу́де҃ вамь да́но̀. ищ҃ѣтѐ и̓ найде́тѐ. тлъ́цѣте и̓ боу́де҃ ва́мь ѿтво́рено̀. бо̑ каж-дый кто́ жь про́си҃ бе́ре҃. а̓ кто̀ ище҃ на́йдоу̀е҃. и̓ кто̑ то́лче҃. бывае̓ть е̓моу̀ ѿтворено. а̓ ко́лѝ ко́торого̀ зв҃а ѿц҃а с҃нь боу́де҃ про́сити̇ хлѣ́ба. чи́ камень по́дасть е̓моу̀. а̓ли бо̑ рыбы̑. а (sic) и̓мѣсто̀ рыбы̑. га́диноу ли̇ по́дасть е̓моу̀. а̓лбо е̓сли бы̑ про́силь ıа́йца̀ чѝ ско́рпїю̀ (скоролоупоу або медведька) под҃а́ е̓моу̀ е̓сли же вы̑ боу́доучѝ злы̑мѝ. а̓ и̓мѣ́ете добрыи да́ры давати̇ дѣтемь ва́шимь. ıа́кь па́кь бо́лше ѿц҃ь вашь н҃бный̀ да́сть д҃ха ст҃го̀ ты҃ ко́торыи бы̑ про́силѝ е̓го̀.

Зачало п҃з.

И̓ было ко́лѝ і҃с выганѧ́ль бѣсы. и̓ т҃о бы́ль нѣмь. а̓ ко́лѝ южь вы́гналь бѣсы про́мо-

виль нѣмый. издивовалисѧ народовѐ. а нѣкоторый мовили ѕнихъ. ѡ вельзаоулѣ кнѧзи бѣсовьскомь выганѧє бѣсы. а дроугый пакь искоушаючи єго. знаменіа ѿ него искали знбсе.—але ѡнь позналь помышленіа и и рекль имь. всѧкоє црьство само исобѣ роздѣлѧючисѧ запоустѣєть. и до на домь падетсѧ. а если же и сотона самь ѕсобѣ розделисѧ. гакь жє боуде стоіати цртво єго.—гакь же вы мовитє иже ѧ ѡ вельзаоулѣ выганѧю бѣсы. а если же іа велзаоуломь выганѧю бѣсы. снве пакь ваши черезкого выганѧють. а того длѧ ѡни соудѧми вашими боудоу.—а если же ѧ палцє бжіимь выганѧю бѣсы. южь бо постигло на вась цртво бжіе.—а коли крѣпкый и вьзброужейный стережеть двора своєго и впокой соу имѣніа єго. а если же моцьнѣйшій ѿ него пришоши и переможе єго. то и всѐ ѡроужіє єго поберетъ. на котороє сѧ надѣваль. и добро єго роздасть.

Зачало пи.

Кто не єсть съ мною напротивь мене єсть. и кто съ мною не собираєть то растачаѐ.

А коли нечистыи доухъ выйдѐ исчлка. преходить сквозѣ мѣста безводнаа. глѧдаючи оупокою и не найдуєть. и мови к собѣ. верноусѧ до домоу моєго ѿ коле жь єсми и вышоль. а пришодши найдѐ єго а ѡ пометень и оукрашень. тогды пойдеть и поймѣть съ собою иный седмь доуховъ горшихъ себе. а вошодши живоутамь. и бываю томоу члкоу послѣній гршѐ пръвый.

И было то коли ѡнь тоє мовиль. вьздвигши нѣкотораа жена гласъ ѕмежи народа и рекла ємоу. блвенный живо который тебѐ носи. и прси который єси ссаль.—А ѡнь рекль въ истинноу такь єсть. блвени соу тый который слыша слово бжіє. и стерегоу єго.

Зачало пѳ.

Народом же сьбираюшисѧ. почаль мовити. то то народь злый. знаменіа ище. а знаменіє не боуде ємоу дано. єдно знаменіє иѡны прка. гакь же бо иѡна знаменіє нінєвитомь бы такжѐ боудѐ и снь члчьскый родоу томоу.—црца ѿполоуне повстанє ємоужи рода того то. а ѡсоудѧть ихъ. а той же ѡна пріехала скраєвь земныхъ слоухати моудрости соломоновы. а ѡто болши тоу єсть нижли соломонь.—и моужевѐ ниневитіи повстаноу на сбу зродомь си и ѡсоудѧ и. прото иже сѧ ѡни покаали прорчьство иѡнины. алѐ тото болшій єсть нижли иѡна.—Никто бо свѣчоу зажогши неставить єи втєнь. а ни по сосоу. алѐ на свѣщникь поставлѧє єи. абы тый который вхожаю свѣтло видѣли.

Зачало ч҃.

Светилникь тѣла твоє єсть око твоє. если жѐ око твоє просто боудеть. то всѐ тѣло

твое свѣтло боудеть. если пакь злое было. то и тѣло твое темно боуде. прото стережи абы свѣтло которое есть втобѣ.—темно не было. а если тѣло твое свѣтло боудеть не маючи жадной темности. боудеть все свѣтло. якь же и свѣча свѣтомь освѣти тебе.—а коли то онь тое мовиль. просиль его нѣкто зфарисеовь абы обѣдаль внего. а вшоши посадился за столь. фарисей пакь оуздрѣль и дивовался. иже не оумываль пре обѣдомь.—и рекль емоу іс. нынѣ вы законници штожь е звнутрь конве або мисы чистите. а вноутрьнее ваше полно е грабежовь (або лоупезства) и несправедливости.—безоумнии. а вы (sic) то который есть оучиниль звноутрь и внѣшнее есть оучиниль. але на тое все рани давайте млтыню. то и все рѣчи чисты вамь боудоу.

Зачало за.

Бѣда вам фарисеомь и даете десятины змяты и пигана (зроуты) и всякого зелия. а соу и млть бжію опоущаете. тыи то рѣчи заправды мѣли есте чинити. а оного не опоущати.—горе вам фарисеом иже любите прежнѣйшии мѣсца на соборищах и поздоровления на тржгоу.—горе вамь книжници и фарисее лицемѣрници. иже есть есте яко гробове ненаемыи члвци ходя а не вѣдають.—отповидѣль нѣкто единь иззаконниковь и рекль емоу.—оучителю коли ты тое мовишь и намь соромотоу чинишь.—а онь рекль. и вамь бѣда взаконѣ оученым. иже накладаете на члвкы беремена. который носити не могоу. а сами ни единымь прьстомь вашим беремене доткноутися не хочете.

Зачало зв.

Горе вам иже боудоуете гробы пррчьскыя. а отцеве ж ваши побили и. вжистинноу посвѣчаете и хвалите оучинкы отцевь ваших. того для иже они и поби. а вы боудоуете гробы и.—протожь и премоудрость бжия рече. пошлю до них пррокы и апслы а изних нѣкоторыхь побиють и выганяти боудоу. и боуде глядана на томь то родоу кровь всѣхь пррковь пролѣяннаа от початкоу свѣта. от рода сего. от крове авелевы. ажь до кръве захариины. который же есть загиноуль межи олтаремь и домомь бжиимь.—вь истиноу вамь повѣдаю и боуде глядана на томь то родоу. горе вамь законови оученым. иже есте взяли ключѣ розоумения. сами жь не входите. а и тым который бы войти хотѣли забороняете.—а коли онь тое до них мовиль. почалися на него законоу оученыи и фарисеове велми гнѣвати. а повѣсти его перекажовати. и о многых речах зрадливе его пытати. хотячи нѣшто зь оусть е оуловити. абы его обвинили [1]).

[1]) На поляхъ пожелтѣвшими чернилами написано: (або обжаловали).

Є҃ѵ҃листа̀ вы́писоуе̑ть. и̂же х҃с ка́жет҃сѧ сте́речи злости фа́рисейской. ты́жь ꙗ̂кь в҃ъ своє̂ю во́лею̀ печалоуе̑т҃сѧ̀ ѿ свои̂хъ, и̂ мо́вить и̂мь а̂бы не́боꙗ̂лисѧ оубиваю̂щихъ тѣла̀. ты́жь ꙗ̂кь нехотѣль ме́жи бра́тїа̂ми дѣлити и̂мѣнїа̀. и ѿво́жоуе̑ть ѿ лакомьства̀, че́резь при́тчю̀ бо́гатого̀. ты́жь ꙗ̂кь наоу̑чае̑ть, а̂бы были люде кро́ткими, в радости, и̂ вѣ̑рными въ владарьствѣ. ты́жь про́тивь непрїа̂телѧ̀ а̂бы были на́добромь ѡ̂патренію̀.

А̂ коли сѧ̀ ю̂жь зо̂брали̂ т҃мы̀ народа. та́кь а̂жь ѡ̂динь дроу́гого̀ по́доптовали̂. по́чаль мо́вити на́пръвѣ̂й оу̑҃ченикомь свои̂. сте́режитесѧ̀ ѿ ква́са фа́рисейскаго̀. што́ сѧ̀ выкладае̑ть лице́мѣ̑рьство̀.

Зачало з҃г҃.

Ни́чого во̀ нн҃ѣ не є̑ скры́того̀. што̀ бы̂ не́ мѣло̀ ѿкрыто бы́ти̇. а̂ ни̂ є̂сть што̀ тайного̀. а̂ бы̂ не́ было̀ зыꙗ̂вле́но̀. тое̂ што́ є̂сте̂ мо́вили̂ втемностѧ̀ а̂ на свѣтѣ слы́шано̀ боу́деть. а̂ што є̂сте̂ мо́вили̂ въ оу̑ши̂, вхо́роминахъ./ тое̂ про́повѣдано боу́деть на́ домѣ̑.—А̂ле ва́мь дроу́гѡ̑ мои̂мь мо́влю̀. а̂бысте сѧ̀ не́ боꙗ̂ли̂ ты̂ которыи̂ за̂биваю̑ тѣло̀. а̂ по́томь не́ могоу̑ што̀ болше оу̑чинили. а̂ле ꙗ̂ ва̑ оу̑ка́жоу̀ ко́го бы́стесѧ бо́ꙗти мѣли̂.—Бо́йтесѧ̀ то́го̀ которыи̂ по́ за́витю̀ мо̑є̑ мо́ць оу̑ве́рчи въ ѡ̂гень пекелныи̂. въ и̂сти́ннѡу̀ ва́мь мо́влю̀ то́гѡ̑ бойтесѧ̀ (sic) чи̂ не пѧ̀ ли̂ пта́ховь про́дають, за два пѣнезѣ̀ (або два галерѣ) а̂ ни ѡ̂ди́нь з ни̂ не́ є̂сть за̂бытымь оу̑ бо́га̀. а̂ле и̂ въ́лосы̀ го́ловы ва́шей всѣ соуть изличенны̂. про́тожь не́ бойте̑. мно́гы̂ во̑ пти́ць лѣпшии̂ є̂сте вы̂.

Зачало з҃д҃.

И̂ тое̂ ва́мь по́вѣдаю̀ которыи̂ мене и̂спо́вѣсть пре̂ ч҃лкы̂. и с҃нь ч҃лчь'скыи̂ и̂спо́вѣсть є̂го̀ пре̂ а̂г҃глы б҃жїими.—а̂ кто̂ ѿвръ'жетсѧ̀ ме́не пре́ ч҃лкы̀./ ѿвръ'жень боу́деть пре̂ а̂г҃глы б҃жїими. и̂ ка́ждомоу̀ которыи бы̂ што̀ ре́кль про́тивь с҃поу ч҃лчь'скоу̀./ боу́де̑ є̂моу̀ ѿпоу́щено̀.—а̂лѐ то́моу̀ кто́ бы дх҃а с҃тго хоу́лиль./ небоу́де̑ є̂моу̀ ѿпоу́щено.—а̂ ко́ли боу́доу̑ ва́сь про́водити̇ на́ соборища̀. и̂ вла́сти̇ и̂ вла́дычества̀ (пре́дь оуръ҃ды и̂ соудїи̂) не́ троща́тесѧ̀ ꙗ̂кь а̂во̑ што̀ бы́сте за ѿповѣдь чи́нити̇ ма́ли̂. въ и̂стинноу дх҃ь с҃тыи̂ на́оу̑чи́ть ва̑ вто̑ ча̑ што̀ бысте ма́ли̂ мо́витї.

Зачало з҃є҃.

И ре́кль є̂моу̀ є̂динь зна́рода̀./ оу̑ч҃тлю̀ ре́ци̇ бра́тоу̀ мо́емоу̀ а̂бы сѧ̀ съ мною̀ ѿчи́зною ро́здѣлиль.—а̂ ѡ̂нь ре́кль є̂моу, ч҃лче, кто́ мѧ̀ по́ставиль соу́дїє̂ю̀, а̂во̀ дѣлчимь на̑ вами̇.—И̂ ре́кль к не́моу̀ вы́стерѣгайте̑ и̂ хо́вайтесѧ̀ ѿ всѧ́кого̀ ла́комьства̀. а̂бы̂ не́ ѿ и̂збы́ка ко́моу живо̑ є̂го̀ быль нѧ̀ ѿ и̂мѣнїа̀ є̂го̀. и̂ мо́виль к ни̑ по̑ при́чами̇ ре́коучи̇.

Зачало ѯѕ҃.

Чл҃кѹ єдиномꙋ богатомꙋ зродило поле велми и мовилъ самъ всобѣ рекоучи, што маю чинити, не маю где быхъ зобралъ жита мой (або пашню). И рекль такь оучиню, розмечоу житницоу мою./ (клоуню, або стодолоу). и болшии повоудоую. изберꙋ до неи всѣ жита мои. и все добро мое. и рекоу дш҃и моей. дш҃е имаешь много доброго./ и на многолѣть положеного. ѿпочивай, ижь, пий, а веселися.—Рекль ємоу бг҃ь./ безоумне (або глоупче) той то ночи дш҃оу твою вытягнꙋ ѿ тебе. а тое што еси наготоваль комоу боудеть.—такь есть каждый который собѣ громадить. а не и в бг҃ богатѣє.

И рекль оучн҃икомь своим. протожь вамь повѣдаю. абыстеся не печаловали ѡ дш҃оу вашоу, што исте. а ни тѣломь вашимь, вѫшто ѡболочетеся. дш҃а болшая есть нижли покормленя. и тело нижли ѡдѣание. смотрѣте на птицѣ, иже несѣють а ни жноуть. и не есть вни ни ѡпижарнѣ, а ни житницѣ, а всегда бг҃ь ихь кръмить. а вы же вы лѣпшии есте ѿ птиць.—кто ѿ в҃ звась печалоуяся, може ли причинити (sic) възрастоу своемоу локоть єдинь.—Іа (sic) если пакь той найменшей рѣчи не можете./ прошто ся, ѡ иншии печалуете.—смотрѣте на квѣты полный./ іакь ростоу, не працюются, а ни прядоу. вѫистинноу повѣдаю вамь./ иже ни соломонь въ всей славѣ своей не ѡдѣвальсѧ такь, іакь ѡдинь сты. а если трава котораѧ дн҃е на поли есть. а назтра бываѥ впечь оуметана. бг҃ь такь ѡдѣваеть. чимь вась боши ѡ маловѣри.—протоѿ не ищѣте и вы, што бы есте или, або штобы есте пили. а не възносѣтеся. всѣ бо ты рѣчии поганове ищꙋ. вѣдаѥ бо ѿц҃ь вашь иже того потребоуєте. але напередь ищѣте цр҃тва бж҃іа. а тыи всѣ рѣчи боудоуть вамь даны.

Зачало ѯ҃з.

Не бойся малое стадо добрѣ бо оумысливь ѿц҃ь вашь, хочеѥ дати ва҃м цр҃тво./. продаитежь имѣния ваша. а роздаите ввлатыню. дѣлаите собѣ скровища не ветшающа. и схованя не ѡскꙋдѣюща на нб҃сехь. где злодѣй не доходѣть, а ни моль не изьѣдаеть. бо где есть скровище ваше. тамь боудеѥ и ср҃це ваше. боудоуть чресла ваши (або бедра) препоіасанни. а и свѣчи горячии вроукахъ ваших.—а вы подобни боудьте чл҃кѡ чекающии гд҃на своего, колися връ нетьз бракоу (з весела, або свадьбы) абы ємоу борзо ѿворили, коли єдно приидє, а поколтае (sic).—бл҃жени слоугы ѡныи./ который, коли прииде господарь ихь./ и найде ихь, а ѡни чоують.—(або не спать) правдоу вамь повѣдаю. иже посадить ихь./ (sic) а ѡпоіасавшися боудеть и слоужити.—а если въ второую сторожоу./ и втретюю сторожоу придеть./ и такь ихь найдеть./ бл҃жени соуть слоугы ѡныи. а тое пакь вѣдаете./ если бы господарь вѣдаль вкотороую годиноу злодѣй приде. чоуль бы и не даль бы подкопати домоу своего. и вы тыжь боудте готови. бо вкоторый часъ не надѣєте, сн҃ь чл҃чьскый придеть.

И рекль ємоу петрь./ г҃и/ кнамъ ли тоую то притчоу повѣдаешь, чи пакь къ всѣм.

Зачало ѯи.

Рекль Гь, кто бо єсть вѣрнымь спрацею и моудрымь. которого жь поставить господарь на челѧдю своєю. абы ѵчась выдаваль имь ѡброкы. блвеный єсть слоуга то./ которого жь пришоши господарь єго. и найде єго, а ѡнь такь чинй. вь истинноу повѣдаю вамь, и на всѣмь имѣнь своимь./ старшь поставить єго.—а єсли бы тыжь ѡнонь слоуга помыслиль вєрци свое рекоучи. замєшкаєть господарь мои прійти./ и почалбы бити слоугы, и слоужебницѣ, ꙗсти же, и пити, и оупиватисѧ—придеть пакь господарь слоугы ѡного./ вдень вкоторый сѧ нєнадѣєть. а вгодиноу которой не вѣдаєть. и розделй єго (або розотнеть) и честь єго положй зневѣрнымй.—ѡно пакь слоуга вѣдаючи волю господарѧ своєго. а ни зготовиль, а ни оучиниль по є воли. боуде ѡбложєнь ранами многымй.—а который пакь невѣдаючи оучиний што, годного ранамь/. мало бить боудеть.

Зачало ѯѳ.

Каждомоу которомоу єсть много дано. боуде ты много взѧто ѿ него. а комоу тыжь много пороучено, вь истинноу ѿ него болше ѿисковано боуде. ѡгнѧ пришоль єсми оу вєречи на землю./ и што хочоу, иже южь загорѣльсѧ./ крщеніє єже имаю крститй. и ꙗкь оудрьжюсѧ дойдеже скончаюсѧ.—надѣєте иже бы мира пришоль дати на землю./ ни./ повѣдаю вамь. розделеніє.—заправды, иже ѿ того часа боудоу пѧ вь єдино домоу розделени. тріє, на два. а два, на три.—боудеть розділень ѿць противь снови. а снь противь ѿцоу своємѹ.—мти противь дщерѣ. а дщерь, противь мтри своєй.—свекры противь невѣсткы. а невѣста, противь свекры своєй.—и до народовь тыжь мовиль. коли оуздрите ѡболокы а ѡни всходѣть ѿ западоу. мовите затого жь дждь боуде (або на тыхь мѣсть) и такь бываєть а коли оуздрите, иже вѣтрь сполоудне вѣє. тогды мовите тепло боуде, и такь бываєть.—лицемѣрници./ постоупкы небесный зелный вмѣєте соудити. але того часоу, ꙗкь не познаваєте. чемоу пакь и сами ѡ собѣ не сѹдите, што єсть справедливого.—коли па идешь сь соупернйкомь своймь (або нсоутѧжцею) до кнзѧ. на поути попрацоуйсѧ спиностю. абы єси быль прощень ѿ него. абы тѧ нѣга не притѧгноуль ксѹдѣ. а соудѧ выдасть тебѣ слузѣ. а слоуга всади тѧ втемницоу повѣдаю тобѣ, иже не выйде ѿтолѧ, а ѡдаси, послѣний пѣнезь.

Єѵлиста выписоує, иже хс впритчи, змордовайныхь, галилеискыхь напоминаєть. абы чинили покаяніє, приводѧчи неплодноую смоковницоу. ꙗкь ты женоу, котораѧ лѣ ні кочена была, оуздоровлѣваѥ. ты оучителеви соборьномоу примовлѧѥ. ты ꙗко повѣдаєть ѡ црствй бжій. коу зерноу горчичномѹ и коу квасоу и прировнѧѥ. а ирода лисицею называѥ. глава гі.

Зачало ѻ҃.

Пришли пакь тоу некоторыи в то часъ, и повѣдали ѥмоу ѡ галилеѡ. которы же то пилать кровь змешалъ изъ жрътвами и҃.—іс҃ пакь ѿповидѣлъ, и рекль имъ. вы надѣетеся иже бы тыи то галилеа не на вѣ который живоуть вгалилеи грешнѣишими были. иже ѡни таковыи речи тръпѣли./ ни./ повѣдаю бо вамъ. ѥсли ся не покаѥте всѣ также погынете.—або ѡныи на которы же то оупалъ столпъ силоуамьскыи. и побилъ и҃.—вы ся такъ надѣваѥте, иже бы тыи то надъ всѣ люди, которыи живоу въ ієр҃лимѣ, винъѣишими были./ ни./ повѣдаю ва҃. але ѥсли не покаѥте. то всѣ также погынете.—повидѣлъ пакь и҃ тоую притчоу рекоучи.—чл҃къ нѣкоторыи малъ смоковницоу въ виноградѣ своѥмъ. сажоноую и прихожовалъ, глядаючи плода на неи, и не нашолъ.—и рекль виннареви. ѡто южь третее лѣто якь прихожоу, а глядаю плода, на томъто древѣ смоковничнѡ. а не найдоую. и того дла./ подотни ѥи. а нехай землѣ незапорожноваѥть.—а ѡнъ ѿповѣдаючи рекль ѥмоу./ гн҃и нехай ѥще и тоть рокь. ажь ѡкопаю около ѥи. и ѡсыпимо гноѥмъ, а чеи пакь оуродитъ плодъ. а ѥсли не боудеть то впрiходящее лѣто, высѣчешь ѥи./

Зачало ѻ҃а.

Былъ пакь іс҃ на ѥдиномъ ѿ съборищъ. и наоучалъ всоуботоу.—была тыжь тамъ жона таа./ котораа не могла ѿ доуха ӣі лѣть. и такъ была скорчена, иже не могла взгороу поглядѣти.—оувидѣлъ пакь ѥи/ іс҃ и призвавши ѥи всобѣ и рекль ѥи. жено, спрощена ѥси ѿ немочи твоѥи. и положилъ на неи роукы. и борзо стала ся проста./ и хвалила ба҃.—тогды старшии смежи събороу гнѣваючися рекль. иже іс҃ всоуботоу ѥи здоровоую оучинил. мовилъ народови. шесть днии ѥсть. вкоторыи годится робити. в тыижь приходячи оуздоровляите а не вдн҃ь соуботныи.—ѿповидѣлъ іс҃ и рекль ѥ҃ мицемѣре (ѡ глоупыи чл҃че) которыи звась не ѡвязоуѥтли своѥго вола, албо ѡсла [1]). и ведши напоить.—тая пакь дъщерь авраамова. котороую былъ звязалъ сотона/ южь ӣі лѣть. чи пакь неголилося розвязати ѥи, ѿ того звязания вдн҃ь соуботныи.—а коли ѡнъ тое рекль./ засоромѣлися всѣ противници ѥго. а всѣ люде радовалися ѡ всѣхъ славныхъ бываючихъ ѿ него.

Зачало ѻ҃в.

А на тое мовилъ./ коу чемоу ѥсть подобно цр҃тво бж҃іе. и комоу ѥго оуподоблю. подобно ѥ зрънятi горчичномоу./ котороѥ взявши чл҃къ оувръгъ въ ѡгородъ свои. и взросло. и оучинилося древомъ великымъ. и птицѣ нб҃сныи на вѣтвѣ ѥго звивали собѣ гнѣзда. и повторе рекль. чемоу оуподобимо цр҃тво бж҃іе. подобно ѥсть квасоу. которого взявши жона скрыла (або сховала)

[1]) На поляхъ: ѿ яслїи.

ѣмоуцѣ трѝ ситѣ ажь скисло все.—и прохожовалъ сѧ іс по мѣстахъ и по селѣхъ наоучаючи идоучи до ієрлимà.—нѣкоторыи пакъ рекл емоу./ гн.! мало ли єсть тыхъ которыи збавлєни боудоуть.—а онъ рекль и./ силоуйтесѧ войти скрозѣ тѣсныи ворота.—повѣдаю вамъ, иже многыи боудоуть глѧдати войти./ але не боудоуть мочи.—а коли юж встанеть домоувлака. и затворить дверѣ. и почали бысте на дворѣ стоѧти, и колтати в дверѣ рекоучи. гн. гн ѿтвори намъ.—а онъ ѿповѣсть вамъ рекоучи./ незнаю васъ ѿколе єсте тогды почнете мовити./ єдали єсмо, и пивали єсмо пре тобою. и на нашихъ оулицахъ оучевалъ єси.—а онъ рече а вамъ повѣдаю вамъ, иже вас не знаю ѿколе єсте. ѿидѣте ѿ мене вси дѣлающіи неправдоу. тамъ боудеть плачь и скрегтанѧ зоубомъ.—коли пакъ оузрите. авраама / исака. иакова. и всѣ пррокы въ црствіи бжіи. а васъ вонъ выгнаныхъ. и прійдоуть ѿ востока.! и запада.! и сѣвера./ и юга. и боудоуть сѣдѣти, вцрствіи бжіи. и се соуть послѣднии которыи были перед ними. а пръвыи соуть, которыи были послѣдними.

Зачало ѻг.

И втотъ днь пристоупивши нѣкоторыи зфарисеѡвъ и рекли емоу. изыйди, а поди ѿсел. бо хочеть тебе ирод забити.—а онъ рекль и./ идѣте а повѣжьте лисоу томоу. иже бѣсы выганѧю. и днь и завтра оуздоровлѧю. а третего днѧ докончаю. обаче маю днесь и завтра бли (sic) ити. бо не маеть пррокъ инде загиноути ѻкромъ ієрлима.—ѻ ієрлме ієрлиме. которыи єси позабивалъ пррокы.! и каменіємъ ты которыи посланныи ктобѣ побиваєшь. колько кроть хотѣлъ єсми зобрати дѣти твои. такъ ꙗкъ же събираеть въкошь (або коурица) свои коурчата подъ свои крыла але вы не хотѣли.—ѻто вамъ зоставлѧєть домъ вашь поусть. повѣдаю вамъ иже мене не оузрите. ажь тое прийдеть. коли речете. блвенъ грѧдыи въ имѧ гнє.

> Єѵглиста выписоуе. ꙗкъ хс оуздоровилъ вдн сботныи, водою затроудненого члка. тыжь наоучаєть. абы на оучтахъ, або на калацѣꙗхъ подлѣишее мѣсце, посѣдати. а оубогыи на ѻбѣдъ. або на вечерѣ позывати. ты притча. або подобеньство, ѻ великои вечери. а ѻ сотвореніи столпа або вежѣ, и ѻцри которыи то малъ воєвати. глава ді.

Зачало ѻд.

И сталосѧ єсть. иже ѻнъ вшолъ вдомъ нѣкоторого кнѧжати фарисейского хлѣба ꙗсти. а тыи были назираючи єго. а тамъ былъ нѣꙗкыи члкъ/. которыи мѣлъ водныи троудъ. (або ѻпоуховалъ) и стоꙗлъ пред нимъ ѿповидѣлъ іс и рекль къ законоучителемъ, и фарисеѡмъ./ годитлисѧ всоуботоу исцѣлити.—а ѻни помолчали.—іс пакъ взѧвши єго и оуздоровилъ/. и ѿпоустилъ єго ѿ себе.—а ѻнымъ ѿповидѣвши рекль. єсли которого з васъ ѻселъ або волъ встоуднѣю (або

вколодязь) оупадет. чіне побѣгнеть а не вытягнет ли его и въ день соуботный.—а они емоу на тое ѿповѣдѣти не имѣли.—а потомъ мовилъ до позваныхъ притчоу. видѣвши пакъ прежнѣйшїй мѣсца посѣдают. рекл книмъ. коли васъ боудет кто просити на бракъ (або на весселя) не садѣтеся напередънѣйшомъ мѣсци. бо если кто боудеть ѿ тебе лѣпший епросяный. то прїйдеть тот который то тебе и оного просилъ. и речет тобѣ. постоупи семоу мѣсце. ты пакъ ессоромотою боудешь сѣдѣти на последнемъ мѣсци.—але если боудеши позванъ. пойди./ а сядь на последнемъ мѣсци. а если прїйдеть тот который тебе просилъ/. и речет тобѣ. брате./ посадися вышше. тогды боудет тобѣ славно пре тыми который сѣдѣли стобою./ бо каждый который себе повышаеть./ тот смирится.

Зачало ое.

Вшолъ пакъ іс вдомъ нѣкоего кнѧзя фарисейского въ день соуботный, ясти хлѣба.—и рекл кпозваномоу его. коли чинишь обѣдъ. албо вечероу. не проси жь прїятелей своихъ. а ни братовъ своихъ./ а ни ближнихъ твоихъ. а ни соусѣдовъ богатыхъ. бо и они также тебе позовоут. и ѿдадоут тобѣ.—але если чинишь пиръ (честь або колацию) зови оубогыхъ. маломожныхъ. хромыхъ, и слѣпыхъ. и боудеши блаженъ. бо не мают тобѣ чимъ ѿдати. але боудет тобѣ вздание, привоскресении праведныхъ. коли тое оуслышалъ единъ стыхъ который тамъ сѣдѣлъ рекл емоу. блаженъ тот который зъѣсть вцарствии божїи.

Зачало оѕ.

Іс пакъ рекл емоу. чл҃въ нѣкоторый оучинилъ вечероу великоую (або достаточноую) и просилъ многыхъ. и послалъ слоугы свои вгодиноу вечерѣ. мовячи званнымъ абы пришли бо южъ все есть зготовано.—а они пакъ всѣ почалися едини яко и дроугый вымовлятися.—первый реклъ. коупилъ есми село. пилно ми есть потреба тамъ доехати. а оглядати его. прошоу тебе, имѣй мене ѿреченымъ.—(або вымовъ мене) А дроугый реклъ. коупилъ есми пять спрягов воловъ. моушоу пойти, а оглядѣти ихъ. прошоу тебе имѣй мене ѿреченна. а и третїй реклъ. понялъ есми женоу и того для не могоу пойти. и вернoувшися слоугы. повѣдѣли то господареви своемоу.—тогды роззгнѣвалъся домоувладыка. и реклъ слоугамъ своимъ. выйдѣте борзо на ринокъ. и на оулици мѣстецькыи. оубогыхъ. и бѣдныхъ./ и слѣпыхъ./ и хромыхъ./ сюды и оуведѣте.—и рекли слоугы господареви. юже ся есть стало якъ еси росказалъ.—и еще есть мѣсце и еще есть мѣсце.—(sic) и реклъ гд҃нъ слоугамъ. выйдѣте на стежкы. и межи плоты. а примоушдѣте ихъ внийти. абы ся наполнилъ домъ мой.—повѣдаю бо вамъ, иже ни единъ. и тыхъ моужей званныхъ не вкоуситъ моей вечерѣ. многыи бо соуть званнии. але мало събранныхъ.

Зачало ѡ҃з.

Йшли пáкь зним нáродове мнóгый. а ѡ҆берноувшій рéкль ймь. е҆сли кто йдéть дó менè. а нè вьзнéнавидит ѡ҆тца своéгò. й мт҃рè. й жéны./ й дѣтей./ й брáтій./ й сéстрь./ а е҆ще йа тò, й дш҃ѣ своéй./ то нé може̑ бытѝ мóймь оу҆ч҃нкомь.—й кто нéносить кр҃та своéгò, й всл҃ѣ зá мною нé ходи̑. нé може̑ бытѝ, оу҆чéникомóймь (sic).—а кто бы з҆ва̑ хотѣль столпь боу҆вати (або вежоу) то впере̑ сѣдьший рóзличи̑ мáетностѝ свой. е҆сли боу҆де̑ ймѣтѝ спотрéбоу воу̀ зьбоу-дованю̀.—бо е҆сли бы пóложиль ѡ҆снóвоу./ (або фоундаменть) а не мóгль бы дóконатѝ. всѣ кóторый бы̑ е҆дно вѝдѣлѝ. смѣáли бы̑ з нéгò рéкоучѝ. тóть чл҃кь пóчаль боу҆доватѝ. а не мóжè дóробити.—а҆лбо тыжь и цр҃ь. кóторы бы̑ хотѣль поитѝ нáпротивь йнóгò цр҃ѧ вóеватѝ. нé радйлисѧ пéршè сѣдѧчѝ. е҆слѝ бы̑ мóгль йпокатисѧ зни̑ десѧ̑ма тиѕѧчми. кóторый прóтивнегò йдé йздвацѧ̑мà тисѧчамѝ.—а е҆слѝ пáкь нé можèть. е҆ще ѡ҆нóнь дáлеко е҆сть. й пóшле̑ пóслы кне̑ й прóси̑ ѡ тоè а бы сѧ зáховали вмѝроу̀.—тáкже бо й кáждый звáсь. е҆слѝ нé ѿвръжеѕѧ всéгò своéгò ймѣнїà. не мóже̑ б..ти оу҆ч҃нко̑ мóймь.—дóбра е̑ сóль./ алè е҆слибы̑ сóль смáкь оу҆трáтила. то чи̑ бы ѡ҆сóлено былò. а нѝ йземлю̀./ а ни вгной нé згодитсѧ. але вóнь высы-панà боу҆де̑./ кто ймае̑ оу҆шѝ воу̀ слышанò. нéхай слы́ши̑.

Е҆ѵ҃листа выписоуе̑ть, притчоу ѡ сто ѡ҆вець. й ѡ дра̑мѣ, або ѡ грйвнѣ. й ѡ ра-дости. а҆гг҃льской. надь е҆дины̑ грѣшникомь кающа̑сѧ. ты̑ й ѡ заблоу҆жьшо̑ сн҃оу. гл҃а е҃і.

Зачало ѡ҃й.

Прйближалисѧ кь ї҆с҃вѝ всѣ мытницѝ. й грѣшницѝ слоу҆хаючи е҆гò. й рóптали фáрисеѡвè й книжьници мóвѧчѝ. то то прїймоу̑е̑ грéшникы̑. й ꙗ҆дае̑ снймѝ.—а ѡ҆нь пóвиде̑ ймь тоу прйчоу̀ рéкоучѝ. кóторый бы чл҃кь змéжи ва̑ мáючи стò ѡ҆вець. а стрáти̑ е҆дйноу̀ змéжи й. чи̑ нé ѡ҆стáвить девѧ̑дéсѧ, й дéвѧ̑ впоу́стыни̑. й йдéть зá ѡ҆ною̀ пóгыбшою̀ йжь е҆й найде̑.—а кóли ю҆жь нáйде е҆й вложи̑ е҆и нá рамена свой (або наплечѣ) й рáдоуе̑сѧ. а дó домоу̀ при-шодши̑. йзьзóве̑ прїáтелѣ свой й соу́сѣды̑. й пóвѣсть й҃ й рéчеть. вéселѣтесѧ сь мною̀. йжè е҆смѝ нáшоль ѡ҆вцю̀ мою̀. кóтораꙗ ю҆жь была зáгиноулà.—пóвѣдаю̀ бо вáмь. йжè т҃а боу҆де̑ рá-дость нá нб҃сѝ на̑ е҆дïнымь грéшникомь каю̀щи̑сѧ. нижлѝ ѡ девѧтьдéсѧ̑ й ѡ дéвѧти̑ прáведныхь. который нé потребоую̀ть пéкаа̑нїà. а҆бо тыжь кóтораꙗ жóна маю̀чи дéсѧть драгмь (або десѧть гривень. або десѧть грошеи) е҆сли бы̑ зáгоубилà е҆дйноу̀ драгмоу̀. а чи нé зажигаеть свѣчѣ. й пóмéтеть хóромы̀. й попéреврѧта̑ всѣ рѣчѝ што е̑ вни̑. й глѧ́даеть спи́лностю̀. а҆жь бы̑ нáшлà.—а знашо̑шѝ йзьзывáеть прйꙗтéлкы свой, й жóны̑ соу́сѣднїй. й пóвѣсть ймь й рéче̑. рáдоуйтесѧ сь мною̀, бо нáшла е҆смѝ драгмоу̀. кóтороую̀ была е҆смѝ згоу́билà.—пóвѣ̑ю вáмь. тáкже боу҆де̑ рáдость а҆гг҃лóмь бж҃їймь. ѡ е҆дйномь грéшницѣ каю̀щи̑сѧ.

Зачало о҃ѳ.

Рекль г҃ь. ч҃лкь некьторый (sic) мáль дв҃а с҃ны. и рéкль молóдшїи с҃нь ѿц҃еви. ѿ҃че дáй ми достоиноую чáсть и҆мѣнїа. и рóзделиль и҆̑ и҆мѣнїе. не по многыхь днєхь. мéншїи с҃нь всѐ забрáвшїи и҆ пóшоль и҆сторону дáлекꙋю. и т҃ꙋ пóтратиль всѐ своѐ и҆мѣнїе живоучи ѡблоу́но.—а кóли южь всѐ оутратиль. стáлсѧ гóлодь вéликый./ вь ѡной тò сторонѣ. а ѡнь почáль недостатокь тр҃пѣти. и҆ шóвши пристáль кь є҆диномоу ч҃лкоу живоучомоу вь ѡномь тò мѣстѣ. который же тò пóслаль є҆гò дó сéла своегò а҆бы пáсль свинѣ.—а ѡнь южь бы быль р҃а насытити чрево своѐ ѿ рóжець (або млоутомь, або отроубѧми) который є҆дáли свинѣ. а҆ле и҆ тыхь никтò не хотѣль є҆моу дáти.—тóгды пáкь пришоль всóбѣ, и҆ рéкль. ѡ҃ ıáкь є҆сть мнóгò нáймитовь вдóмоу ѿц҃а моєгò. а ıáкь мнóго мáють хлѣба. а ıа тоу зголóдоу погыбаю.—а҆лѐ нѣчогò не оучинѝ є҆днò и҆стáвшїи пóидоу кь ѿц҃оу моємоу и҆ рéкоу є҆моу.—ѡ҃ ѿ҃че. сьгрѣшиль є҆сми нá н҃бо, и҆ прѐ тобою. длѧ которы моѝ злóстїи, не є҆сть є҆сми гóдень нáзватисѧ с҃нѡ҃ твóй./ але оучини мене є҆динѡ҃, знаємниковь твоихь.—а встáвшїи пóшоль кь ѿц҃оу своємоу. и҆ є҆щѐ ѡнь дáлеко быль/. оуздрѣль є҃ ѿц҃ь є҆гò. и҆ рóзмиловальсѧ є҆гò. и҆ прибѣгши пáль нá шїю є҃./ и҆ мнóго цѣловáль є҆гò.—Рекль є҆моу с҃нь. ѡ҃ ѿ҃че. сьгрешиль є҆сми нá н҃бо, и прѐ тобою. и҆ не гóдень є҆сми нáзватисѧ с҃номь твоимь.—а ѡц҃ь рéкль дó слоугь своихь. бóрзò принесѣте ѡдежоу нáилѣпшꙋю. а ѡбóлцѣтѐ є҆гò. и҆ дáите пр҃стень нá роукоу є҆гò. а ѡбоувы нá ногы є҆гò.—А҆ приведѣтѐ телѧ тоучноѐ и҆ заби́йтѐ. а ıáдши весéлѣсѧ. бо тѡ҃ тò с҃нь мой оумр҃ль бы. а за сѧ є҆сть ѡжиль. загиноуль быль. и҆ ѡпѧ҃ сѧ нáшоль. и҆ почáли сѧ весéлити.—А҆ стáршїи є҆го с҃нь быль нá селѣ (або на поли) а колѝ шóль и҆ приближáлсѧ вдóмови. и҆ оуслышаль пѣснѝ и҆ и҆гры. и҆ призвáвши є҆диногò слоугꙋ и҆спытáль є҆гò рéкоучи. штò тò є҆сть.—а ѡнь рéкль є҃. бр҃а твой пришоль. и҆ зáбиль ѡтець твой тéлца кóрмленогò. длѧ тогò и҆же сѧ кнемоу здóровь нáвр҃ноуль.—оуслышавшїи тò, и҆ рóзгнѣвалсѧ. и҆ нехотѣль войти до домоу.—тогды ѿц҃ь є҆гò вышодши почáль и҆ є҆гò просити.—а ѡнь ѿповѣдаючи рéкль ѿц҃ви своємоу. ıа толко лѣ҃ роблю тобѣ. и҆ николи є҆сми зáповѣди твоєи не престоупиль. а мн҃ѣ николи не даль є҆си ни козлѧтѐ. а быхь сп҃рїателми моими повеселилсѧ.—але коли пришоль т҃о тò с҃нь твой./ который жѐ пóжраль твоѐ и҆мѣнїе злободѣйцамѝ. скóро пришѡ҃/. и҆ зáбиль є҆си є҆моу тéлца тоучногò.—а ѡнь рéкль є҆моу. с҃ноу. ты и҆сегда є҆си сь мною. и҆ все моѐ твоѐ є҃./ а҆лѐ годи́сѧ веселитисѧ./ и҆ радоватисѧ. и҆же т҃о бр҃а твоуи оумр҃ль быль и҆ ѡпѧ҃ ѡжиль. загиноуль быль. и нáшольсѧ.

Є҆ѵ҃листа выписоуѐ ѡ шафари который глоупѐ оутрачоваль. а вѣлми ѡпатр҃нѣ собѣ починаль. г҃ь ѡтѡ҃ и҆жѐ жадный двѡ҃ г҃по҃дре слоужити немѡ҃ (sic). ты ѡ лазари. и҆ ѡ богатомь.

Зачало п҃.

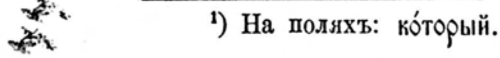
Рéкль г҃ь оучн҃ико свои҃. ч҃лкь нѣкоторый быль богатый. который же то мáль пристаѵника (або шафаря) которого то ѡскаржено до не҃. іако бы ѡнь оутрачоваль имѣнѧ его. и призвавши его./ и рéкль емоу. што то ж слышу ѡ тобѣ. здай ми личбоу изь шафарьства твоего. бо ю҃ далѣй не боудешй могль шафовати.—пристаѵникь пакь помыслиль самь всобѣ рекоучи./ што маю чинити./ коли южь господарь мой ѿ мене тое старѣйшинство ѿймоуе. копати не могоу. а просити сьромѣю҃.—Вѣдаю што оучиню. если южь боуде ѿнято ѿ мене строенїе домовое. прїймоу мене вдомы свои.—и призвавший по единомоу каждаго, из должниковь господаря своего. пръвомоу рекль./ чи много еси винень г҃древи моемоу.—а ѡнь повидѣль. сто мѣр масла.—и рекль емоу възми запись твой. ѡ сѣдши борзо напиши н҃ьдесѧ. а потомь дроугого звѣда. ты пакь іакь еси много длъжень.—а ѡнь пови҃л сто мѣрь пшеницѣ.—и рекль емоу. възми рейстры твой. а напиши п҃.—и поухвалиль г҃дарь справцоу неправедливого./ и тое ѡнь моудре оучиниль.—бо с҃нве того то вѣкоу моудрѣйшїи соу. нижли с҃нве свѣта вродѣ своемь соу.—а и іа повѣдаю вамь. чинѣте собѣ прїятел збогатьства (змамоны) несправедливого. коли зьоубожаете. абы прїали вась до домовь вѣчныхь.

Зачало п҃а.

Кто есть вмалой рѣчи вѣрнымь. и оу великой рѣчи есть вѣрнымь.—а кто оу малой рѣчи есть несправедливь. и оу болшой несправедливь есть. если же внесправедливомь богатствѣ вѣрни не были. всправедливо пакь кто сѧ ва звѣрить.—если вчоуже не были есте вѣрни. а што пакь ваше есть./ кто ва даль.—бо ни еди ты слоуга не може дво г҃дарем слоужити. любо единого полюби. а дроугого ненавидѣти боудеть.—албо единого дръжатисѧ боудеть. а ѡ дроугомь почне не дбати.—не можете б҃гоу слоужити./ и несправедливости.—слышали пакь тое всѣ фарисеѡве. который то были сребролюбцами. и насмѣвалисѧ знего.—а ѡнь рекль имь.

Зачало п҃в.

Вы есте который сами собе пре людми чините справедливыми. але б҃ь знае с҃рца ваша. бо што есть влюдїи высоко есть (sic). тое есть мръзено пре б҃гомь.—законь и пр҃ркове ажь до иѡанна. а ѿ того часоу ц҃рство б҃жїе проповѣдано боуде. и каждыи который хоче вне внїйти нехаи ноудисѧ.—легчѣй есть н҃бсу и земли преминоути. нижли ѿ закона единомоу словоу загиноути.—каждый [1]) пропоущае женоу свою, а иноую поимоуеть. прелюбы дѣлаеть—а кто женисѧ поущенною ѿ моужа прелюбы дѣлаеть.



[1]) На поляхъ: который.

Зачало пг҃.

Чл҃къ нѣкоторый былъ богатый. который же то ѡболочовалъсѧ впѐрфи́ и ввиссонъ. (в шарлать а вдорогое ѡдѣнѧ). и на каждый дн҃ь бывал всѣми веселъ.—былъ тыжь нѣкоторый оубогый./ которомоу то было имѧ лазарь. который то лежалъ оу воротъ е҃ боудоучи троудоватый. и хотѣлъ насытити ѿ кроху҃ который южь были помѣтаны и стола богатого. але нѣхто ѥмоу подати не хотѣлъ.—пси пакъ приходѧчи ѡблизовали гной ѥго (вроды, або болѧчки) и сталосѧ ѥсть./ иже оумрлъ ѡнонъ оубогый. и несенъ ѥсть агг҃лы на лона авраамовы. оумрлъ тыжь и богатый и погребенъ ѥсть.—и впеклѣ подносълъ ѡчи свои коли южь былъ вмоукахъ. и оуздрѣлъ авраама здалека. и лазара на лонѣ ѥго. и закрычавши рекълъ. ѡ ѡт҃е аврааме помл҃оуй мѧ. а пошли лазарѧ абы омочилъ конецъ палца своего оу водѣ. и оустоудитъ ıазыкъ мой. бо трпл҃ю тѧжкоую моукоу втом то пламени.—авраамъ пакъ ѿповидѣвши рекълъ ѥмоу./ сн҃оу вспамѧтай иже еси оужилъ добра своего вживотѣ твоемъ. а лазарь также злого. ѡтожъ ѡнъ теперъ потѣшаѥсѧ. а ты моукоу трпи҃.—а ѥще на то межи нами. и вами. пропасть великаа оучинена ѥсть. абы тыи который ѿселѣ хотѧ кв҃а перейти не могли. а ни тыжь ѿтоулѧ внамъ не приход҃.—Рекълъ пакъ ѡнонъ. прошоу тебе ѿч҃е пошли ѥго вдо҃ ѿц҃а моего. бо ѥще маю п҃ братовъ, абы имъ свѣдчилъ. абы и ѡни не пришли на тое мѣсце моучимое.—Рекълъ ѥмоу авраамъ. маю҃ моисеа и прр҃кы. нехай и слоухаютъ.—А ѡнъ рекълъ./ ни./ ѿч҃е аврааме. але ѥсли бы кто ѿ оумрлыхъ шолъ до нихъ. каıалибысѧ ѿ злостїи.—Рекълъ ѥмоу ѡнъ./ ѥсли моусеа и прр҃ковъ не слоухаютъ. то хотѧй кто ѿ мр҃твыхъ вскрсн҃етъ./ не имоутъ вѣры.

> Ѥѵ҃листа выписоуѥ, заповѣдаючи, абымо неприводили на лихое ближнихъ. але наказовали. а вѣрни боудоучи б҃оу слоужили ѥмоу. тыжь ѡ десѧти прокаженныхъ. и ѡ ѡчищенїю и҃. тыжь ıакъ знихъ ѡдинъ бг҃оу хвалоу далъ. тыжь ıакъ самъ х҃с повѣдаѥтъ, иже црт҃во бж҃їе вноутрь насъ ѥсть. ты выписоуѥ ѡ соун҃омъ дн҃и. глава семанадесѧ. а зачало: (sic).

Рекълъ пакъ до оуч҃никовъ своихъ. не може тое быти. абы погоршенѧ прїйти не мѣло. але бѣда томоу черезъ кого приходи҃ лѣпше бы ѥмоу было абы каменъ жорновый оувѧза҃ былъ на шїю ѥго. и оуврж҃же бы былъ вморе./ нижли бы мѣлъ привести на соблазноу ѥдиного, и стыхъ малы҃.

Зачало п҃.

Внимайте собѣ./ ѥсли согреши҃ противъ тебе бра҃ твой. запрети ѥмоу. а ѥсли боуде҃ сѧ того каıати ѿпоусти ѥмоу.—а ѥсли бы и до семи разъ согрешилъ противъ тебе. а семъ разъ на день ѡпѧ҃ ѡбратившї рече҃ каюсѧ того. а ты ѿпоусти ѥмоу.

Ре́кли пáкь а҃пловѐ і҃сви. прилóжи нáмь вѣ́ры.—а̑ і҃с рекль е̑сли боу́детѐ мѣ́ти вѣ́роу̑. ıа̑ко зерно гóрчичноѐ. а̑ ре́кли бы́сте той тò ıа̑гóдичинѣ./ вы́тръ̑гнисѧ./ а̑ ѝкóренисѧ ѝмóре. послоу́хала̀ бы вась.—ктó пáкь звáсь маю̀чѝ слоу́гоу̑. а̑ ѡ̑нь ѡ̑ре́ть, а̑бо вóлы пáсеть. а̑ кóли бы ѐполѧ̑ прѝшоль. ѝ нѐ рече̑ е̑моу̑. бóрзо̀ сѣ́дь зá сто҃. а̑ле ре́четь е̑моу̑ зготовай мѝ што҃ боу́доу ве́черѧ̑ль. а̑ ѡ̑пóıа̑савшисѧ̑ пóслоужи мѝ а̑жь сѧ ıа̀ нáıмь ѝ нá пıю̀ (sic). а̑ пóтомь ѝ ты боу́дешѝ ıа̑стѝ ѝ пи́ти. а̑ чѝ дѧ̑коуе̑ пáкь слоу́зѣ ѡ̑нóмоу̀, ѝже тáкь оу̑чиниль./ ıа̑кь е̑моу̀ ро҃сказаль./ нé надѣю҃.—тáкже ѝ вы кóли оу̑чи́нитѐ ѝсѣ рѣ́чѝ. кóторый соу҃ вáмь прѝказаны҃. мóвтѐ ıа̑кò ѝ слоу́гы҃. нéпотребный е̑смò. што҃ е̑смò вѝнны҃ бы́ли оу̑чи́нитѝ тó е̑смò оу̑чи́нилѝ. Ѝ стáлосѧ̑ кóли ѝшоль і҃с до і҃ѐрлиıма. шóль прóмежи сáмарı́еıю̀, и гáлилеıѐю̀.

Зачало п҃е.

А̑ кóли ѝхóжалѝ дó нѣıа̑кого̀ села. стрѣ́тили е̑го̀ десѧ҃ моужей прóкаженых҃ (троудоватыхь) которы҃ тò здáлека стóıа̑чи голосомь ве́ликымь зáкрычавши҃ рѣ́кли./ і҃се. оу̑чи́телю̀ з҃милоуисѧ̑ на҃ нами̇.—кóторы҃ тò ѡ̑нь кóли оу̑з҃дрѣль, ре́кль ѝмь'. пóйдѣтѐ а̑ оу̑кажѣтесѧ̑ с҃щенникомь а̑ кóли ѡ̑ни шлѝ стáлосѧ ѝже со҃у ѡ̑чищенѝ.—а̑лѐ е̑ди́нь зни҃ кóли оу̑зрѣль ѝже е̑сть ѡ̑чищень. връ̑нульсѧ̑ звéликы҃ гóлосо҃, хвáлѧчѝ б҃га. ѝ пáль нá лици своѐмь нéдалеко҃ ѿ нóгь е̑го̀. ѝ дѧ̑коваль е̑моу̀. а̑ то то быль сáмарѧ̑нинь. ѿпóвидѣль і҃с ѝ ре́кль.' а̑ чи нé десѧть ѝхь ѡ̑чистило҃ а̑ гдé жь е̑сть ѝхь девѧть. ıа̑кь нé соу҃сѧ нáвръ̑ноулѝ, а̑бы дали хвáлоу б҃гоу̀. е̑дно т҃о то ѝно҃плéменьникь.—ѝ ре́кль е̑моу̀ въстанѝ / а̑ пóйди вѣ́ра твоѧ̑ сп҃се тѧ҃.

Зачало п҃ѕ.

Пы́талѝ і҃са фáрисеѡвѐ кóли прı́йде҃ ц҃ртвı́е б҃жı́е.—ѿпóвидѣль ѝмь./ ѝ ре́кль. нé такь прѝде҃ ц҃ртво б҃жı́е. ѝже бы҃ е̑го̀ мѣль кто҃ оу̑сте́ре́чѝ. а̑ нѝ ре́коу҃. се҃ здѐ, а̑льбо ѡ̑ньдѐ. бо҃ ц҃ртво б҃жı́е вноу́трь вáсь е̑сть.—ѝ ре́кль къ оу̑ч҃нкóмь своѝмь. прѝдоу҃ д҃нóвѐ, кóли боу́детѐ хóтѣтѝ, а̑быстé вѝдѣлѝ!. е̑ди́нь д҃нь с҃на ч҃лчь'скаго̀ а̑ не оу̑з҃рите̇.—ѝ ре́коу҃ в҃а се҃ з҃дѐ а̑лбо҃ тамь. не хóдѣтѐ. а̑ ни нáзирайте. бо҃ тáкь ıа̑ко бы млъ̑нı́а̀ блистаю̀щисѧ̑ ѿ п҃óне́бесныıа̀'. нáдь небесн҃ѣ̀ (sic) свѣт҃исѧ̑. тáкь боу́де҃ с҃нь ч҃лчьскый вд҃нь свой.—а̑лѐ нáпере҃ моу́си҃ мнóго тръ̑пѣтѝ. ѝ пóкоушае̑мь боу́де҃ ѿ народа того.

Зачало п҃з.

Ѝа̑кь бы́ло въ д҃ни нóе̑вы҃ тáкь ты҃ боу́де҃ вд҃ни с҃на ч҃лчь'скаго̀. ѝли./ ѝ пи́ли./ ѝ жены поймовалѝ. ѝ зáмоужь ѿдáваны бы́лѝ. а̑жь дó тог҃нѧ (sic). кóторого̀ ѝшóль ноѐ въ кóрабль. ѝ пришо҃ши пòтопь, ѝ потопиль вс҃е.—тáкь ты҃ боу́деть ıа̑кь было въ д҃ни лотовы. ѝли./ ѝ пи́лѝ./ коу́повалѝ.! ѝ прóдавалѝ. сáды҃ сáдилѝ. ѝ дóмы боу́довалѝ.—а̑ле кóторого̀ д҃нѧ вы́шоль

лóть и҆з сóдома̀. пáмь зѝва о҆гне, и҆ кáменѥ̀ гóрѧчеѐ. и҆ пóгꙋбило ѵ̈сѐ. пóтомꙋ бꙋ́де вдн҃ь в кó-торыи сн҃ь чл҃ческыи ꙗ҆вѝсѧ.—в҃тó дн҃ь, ктȏ бꙋ́де нá кровѣ./ (на дахꙋ. а҆бо на стрѣсѣ) а҆ стáтьки е҆гò в дóмꙋ. не́хай не сходѝ взѧти и҆хъ.—и҆ ктȏ тыжь нá полѝ тáжѐ нéхай нé вротаéсѧ нá задь, пáмѧтаите жéнꙋ лóтовꙋ.—бȏ в ктȏ хóче дш҃оу своѭ̀ спáстѝ, пóгоубѝ е҆и.—а҆ е҆слѝ пó-гоубѝ е҆и. ѡ҆жѝвѝ е҆и. пóвѣдаю̀ в҃а. и҆же в тоую̀ нȏ бꙋдꙋ двà нá е҆дѝномь лóжꙋ. е҆дѝнь бꙋ́де в зѧ́. а҆ дрꙋ́гыи ѡ҆стáвлень.—двѣ бꙋдꙋ мóлотѝ пóсполꙋ е҆дѝна бꙋ́деть взѧтà. а҆ дрꙋгаѧ ѡ҆стá-вленà.—а҆ ѡ҆ни пáкь спытали е҆гò рéкꙋчѝ. гдѣ гн҃.—а҆ ѡ҆нь рéкль и҆ где бꙋ́де тѣлò тà сѧ зве-роуть и ѡ҆рьловѐ.

Е҆ѵ҃листа выпишꙋе. ѡ҆ сꙋдіѝ, кóторый сѧ бг҃а не боꙗ́ль, и҆ людіѝ сѧ не соромѣль. ты и҆ ѡ҆ законникꙋ̀. который же въ м҃лтвѣ, грéшногȏ посоужовалъ. тыжь ꙗ҆кь х҃с млá-дейчики, кóторыи е҆ще не мовилѝ коу собѣ пригорьтаѐ. тыжь богатый стрáшить. а҆ и ѡ҆ моу́цѣ оу́чеником свóи наперѐ повѣдаéть. ты ꙗ҆кь слѣпомоу оу́бóгомоу̀ ѡ҆чи дароуе.

Зачало п҃н.

Іс҃ пáкь мóвиль кни прѝчоу сію̀. и҆же пóтреба е҆сть в сéгда мóлитисѧ. а҆ не тоу́жити сóбѣ.—и҆ рéкль. быль е҆динь сꙋдіа̀ вн҃ѣкоторомь мѣстѣ. кóторый тò нé боѧль бг҃а и҆ людіи сѧ нé соромѣль.—была тыжь тáмь е҆дѝна в дóва втó же мѣстѣ. и҆ прѝхожовалà кнéмоу̀./ и҆ прóшо-вала е҆гò рéкоучѝ пóмьсти мѝ на́ сопрóтивникомь мои а҆ ѡ҆нь нá многый ча нé хотѣль а҆ле пóтомь пóмыслиль сѧ́ в собѣ рéкоучѝ. е҆сли сѧ ба не бою̀. и҆ людіи сѧ нé соромѣю̀. а҆ле тóго длѧ и҆же мѝ дóкоучаеть таа тò вдóва'. пóмщꙋсѧ зá нею̀. а҆бы нá ѡ҆стáкоу прѝходѧчи нé ѡ҆слá-влѧлà мене.—Рéкль гь слышитѐ. штȏ тȏ нéсправедливый сꙋдіа̀ мóвить.—а҆ бгь не маетлѝ оу́чи-нити ѿмщенія̀./ длѧ выбраны свои. кóторыи кнéмоу крычать въ дн҃е и҆ в нóчи'. а҆ ꙗ҆кь дóлгò тръпи ѡ҆ни.—пóвѣдаю̀ вáмь/. и҆же бóрзо пóмстоу и҆хъ оу́чѝнить.

А҆ле кóли сн҃ь чл҃чь'скый прїидѐ. нáиде лѝ вѣроу̀ нá землѝ.—Рéкль в нѣкоторымь кóто-рыи (sic) тȏ в собѣ нáдѣю̀ мѣлѝ. и҆же сȏу справедливѝ. а҆ и҆зъ и҆ныи сѧ нáсмѣвають. Рéкль тоѐ подобеньствò.

Зачало п҃ѳ.

Два чл҃кы въшлѝ вц҃рковь пóмолитисѧ. е҆дѝнь фáрисей (законникь) а҆ дроу́гый мытарь (ꙗ҆вно грешникь) фáрисей же стáвшѝ./ и҆ тáкь са, в собѣ молилсѧ рéкоучѝ. и҆ не е҆смь тáкый ꙗ҆ко и҆ншіи чл҃ци. хищници. (драпѣжци) нéсправедливіи. прéлюбодѣйци. а҆бȏ ꙗ҆ко тȏ тò мытарь. пóщоусѧ двà рáзы втыдей. и҆ дéсѧтины дамо̀ зь всегò штȏ е҆дно мамо̀.—а҆ мытарь пáкь стóꙗчи и҆здáлекà. а҆ нѝ ѡ҆чіи нé смѣль в небоу̀ пóнестѝ. а҆ле билсѧ впръси свои рéкоучѝ. бже мл҃вь

боуди мнѣ грѣшномоу.—правдоу вамъ повѣдаю. ѡже то пошолъ до домоу своего ѡправданъ лѣпше нижли ѡнонъ.—бо каждый который ся повыси смирится. а кто ся смиряетъ то повысится.

Зачало ч҃.

Приносили пакъ кнемоу и дѣти. абы ся и ѡдно дотыкалъ.—Видѣвши то оученици.—неподоущали (sic) имъ.—А і҃с призвавши дѣти всѣвѣ рекъ. допоущайте дѣтемъ приходити къ мнѣ. не забороняйте имъ. бо таковыхъ есть црство нб҃сное.—правдоу вамъ повѣдаю. если кто не приметъ црства бж҃ія яко дѣти. не вниидетъ до него.

Зачало ч҃а.

Пыталъ его нѣкоторый князь рекоучи. оучителю добрый. што маю оучинити. а бы живо вѣчный моглъ наслѣдовати.—А і҃с пакъ рекъ емоу.—для чого мя называешъ добрымъ. никто не є добрый ѡдно ѡдинъ бгъ. вѣдаешъ заповѣди. прелюбодѣйства не дѣлай. не оубий. не оукрадь. лживе не свѣдчи. чти ѡтца твоего и мтрь твою.—А ѡнъ рекъ. тое есми все чинилъ ѿ молодости моей.—а і҃с оуслышавши тое рекъ емоу. еще еси єдиного не доконьчалъ. всѣ рѣчи што маешь продай и роздай нищимъ. и боудеши имѣти скровище на нб҃си. и пришодши пойди за мною.—а ѡнъ тое оуслышавши. засмоутился велми. бо былъ велми богатъ.—и оузрѣвъ его і҃с засмоученого, и рекъ. якъ есть троудно маючимъ богатство вцр҃ство бжїе внити.—лацнѣйше есть вныстипоу вельбоудоу (оужищоу дебеломоу) скрозѣ иглиный оуши пройти. нижли богатомоу вцр҃тво бж҃е (sic) внити. Рекли пакъ тыи который то слышали. и кто можетъ спснъ быти.—а ѡнъ рекъ имъ. што есть неможно оу людій. възможно есть оу бг҃а. Рекъ пакъ емоу петръ (sic). ѡ то мы все ѡпоустили, и пошли есмо за тобою.—А ѡнъ рекъ имъ. въ правдоу повѣдаю вамъ. иже единый каждый который бы ѡпоустилъ домъ або родителѣ. або браю. албо женоу. або дѣти. для цр҃тва бжїего. абы не взялъ втого часоу многокроть. а в боудоущемъ вѣкоу живо вѣчный.

Зачало ч҃в.

Поимавши і҃с двонадесять и рекъ имъ. ѡто юже пойдемо до ѥр҃лима. и доконаются всѣ рѣчи. который соу писаны ѿ прроковъ ѡ сн҃оу чл҃чкомъ. продадоу бо его поганомъ. и наругаются емоу.—и ѡсмѣютъ его. и ѡплюютъ его. и бивши забіютъ его. а втретій днь въскреснетъ.—ѡни пакъ томоу ничого порозоумѣти не могли, бо было тое слово скрыто, предъ ними. и не розоумѣли што то есть речено.

Зачало ч҃г.

А коли сѧ ѡнъ приближовалъ до ѥр҃лима. слѣпецъ єдинъ слѣпый сѣдѣлъ на поути. и просилъ милостынѣ.—а коли оуслышалъ народъ помимоидоучїй. и пыталъсѧ кто то єсть. и повѣдали ємоу. иже іс҃ назарѧнинъ мимоидєть.—ѡнъ пакъ великиⷨ голосомъ закрычалъ рекоучи. іс҃е с҃ноу дв҃двъ змилоуисѧ надо мною.—а тыи который наперѣ (sic) ишли, мовили ємоу абы молчалъ.—а ѡнъ єще болше крычалъ с҃ноу дв҃двъ змилоуисѧ надо мною.—іс҃ пакъ сталъ и росказалъ єго привести до себе.—а колисѧ ѡнъ приближилъ. звѣдалъ єго іс҃ рекоучи. што хочешь. а бы ти оучинилъ.—а ѡнъ рекъ./ г҃и дай мнѣ. а быхъ прозрѣлъ.—а іс҃ рекъ ємоу./ прозри. вѣра твоꙗ тебе здоровымъ оучинила.—и борзо прозрѣлъ./ и шолъ за іс҃омъ хвалѧчи б҃га. и всї люди тое оувидѣвши. дали хвалоу б҃гоу.

Єv̑листа вышисоує, ѡ закхею мытари. который то малъ былъ тѣломъ. и ѡ десѧти мнась (sic). або конь. або гривень. або злотыⷯ. або грошиⷯ, который соу звѣрены слоугамъ. ты ѡ въѣханѣ хв҃ѣмъ на ѡслѧтю въ ѥр҃лимъ ты ꙗкъ хс҃ плакалъ на ѥр҃лимомъ, а наперѣ повѣдаѥ, ѡ разорєню єго, ꙗкъ ты, выганѧѥ изъ ц҃ркве коупцѣ, а продавцѣ. тыжъ ꙗкъ кн҃зи и архиєреє. жидовскый. хотѧть єго. забити. глава ѻ҃а.

Зачало ч҃д.

И вшолъ іс҃./ и походовалъ по єрихоноу моужъ пакъ нѣꙗкый именемъ закхей, который то былъ старшїй надъ мытниками. и былъ богатъ велми. и хотѣлъ іс҃а видѣти./ кто єсть./ але не моглъ пре (sic) народъ. бо малъ былъ тѣломъ./ бѣгши наперѣ и влѣзъ на ꙗгодичиноу./ (на дикоую фикгоу) абы єго видѣлъ. бо тоуды хотѣлъ пойти.—а коли пришо іс҃ на тое мѣстцє, и оуздрѣлъ єго и рекъ ємоу. закхею, борзо излѣзъ на долъ. бо днесь вдомоу твоємъ маю быти. излѣзъ спѣшно, и принѧлъ єго, и радовалъсѧ.—оувидѣвши то всѣ роптали, рекоучи. иже вшолъ грѣшного ч҃лка витати.—а закхей пакъ ставши рекъ къ г҃оу. г҃и ѡто половиноу имѣнїа моєго да нищимъ./ а єсли бы вкого вынотварѧлъ вр҃ноу ємоу тое вчетверо.—Рекъ внемоу іс҃. днеє с҃пнїе сталосѧ домови томоу. иже бы и ѡнъ былъ с҃номъ авраамовымъ. пришолъ бо с҃нъ ч҃лческый того длѧ абы с҃палъ и нашолъ погыбшаѧ.—а коли ѡни того слоухали. приложивши рекъ притчоу. прото иже были близко ѥр҃лима. а ѡни сѧ надѣвали иже бы сѧ борзо мѣло ꙗвити ц҃рство б҃жїє. прогожъ рекъ.

Зачало ч҃є.

Ч҃лкъ нѣкоторый доброго родоу. ѿишо на сторонoу далекоую. абы моглъ мѣти своє ц҃рство. и наврънoувши./ призвалъ десѧ слоугъ свои. и далъ и десѧ мнась (або і гривень або і копъ. або і злоⷮ) и рекъ имъ. коупецътво дѣлайте. доколе ꙗ не прийдоу. а мещане пакъ

єго́ не́навидѣли єго́ (sic)./ и́ по́слали по́слы за́ ни҃ ре́коучи. не хо́чемо а́бы то҃ цр҃твовалъ на҃ нами.— и́ ста́лосѧ є́сть ко́ли сѧ ѡ҆́н на́вротноулъ. прі́ꙗлъ цр҃тво и́ ка́залъ, ксо́бѣ ѡ҆ны҃ то слоугъ позвати. которы҃ то былъ грошѣ да́лъ./ а̑ бы҃ довѣдалъ ви҃. што̀ бы́ которы́й зи҃. на́ ѡ҆ной то̀ коупли зыска́лъ.—и́ пришо҃ши пръвый, ре́клъ гд҃рю. мна́са твоѧ причинила і҃ мна́съ.—И҆ реклъ є҆моу дѣкоую то́бѣ слуго до́брый. и́же на́ малы҃ былъ є҆си вѣрный. боу́дешь мѣти ста́рѣйшинство на҃ десѧма̀ мѣсты҃.—и́ дроугый па́къ пришо҃ши ре́клъ. гд҃роу. мна́са твоѧ/. пѧ мна́съ причинила̀.—а̑ ѡ҆нъ реклъ и́ томоу̀. и́ ты҃ ты҃ боудешь на҃ пѧтми мѣсты҃.—пришолъ тыжъ и́ тре́тїи ре́коучи. гд҃роу, мна́съ твоѧ которо́ую є҆сми мѣлъ въ бробу̀ за́вѧзаноую. бо́ є҆сьми сѧ тебе бо҃ꙗлъ. и́же є҆си чл҃къ сръдитый. бе́решь та҃, где є҆си не́ положилъ. и́ по́жинає҆шь./ где́ є҆си не́ сѣꙗлъ.—Ре́клъ є҆моу̀./ и́сь твои оу҆стъ соужоу то́бѣ злыи слоуго̀. вѣдалъ є҆си и́же є҆сть є҆сми чл҃къ же́стокый. бе́роу то̀ чо́го є҆сми не́положилъ. а̑ по́жинаю та́мъ где́ є҆сми не́ росѣвалъ. а̑ длѧ чого жъ є҆си не́далъ гро́шїи мои (sic) тръговцомъ. а̑ ꙗ҃ бы҃ и́хъ былъ прїе҆хавши взѧлъ и́злихвою.—и́ ре́клъ ты҃ которы́й сто́ꙗли пре҃ нимъ. възмѣте ѿ не́го мна́съ. и́ да́йте то́моу и́которого̀ де́сѧ҃ мна́съ.—а̑ ѡ҆ни ре́кли є҆моу̀./ г҃и, и҆ма́е҃ де́сѧ҃ мна́съ.—запра҃ды по́вѣдаю ва́мъ. и́же ка́ждомоу̀ которы́й ма́є҆ть./ боу́деть є҆моу̀ да́но. и́ бо́лше боуде҃ мѣти.—алѐ ѿ то́го которыи нѣма́є҆ть. и́ тоѐ што́ ма́є҆ть боу́деть ѿ него ѿнѧто̀.—а̑ ѡ҆ный непрїꙗтелѣ мои. которы́й не́ хотѣли, а̑бы҃ былъ цр҃е./ на҃ (sic) нимѝ. приведѣте и́хъ тоу̀ и́ постинайте и́хъ пе́редомною.—а̑ по́видѣвши то́й то̀ рѣчи пе́редъ сѧ по́шолъ (sic), и́доучи до і҆ер҃лима̀.

Зачало ч҃ѕ.

И҆ ста́лосѧ є҆сть ко́лисѧ ѡ҆нъ приближовалъ до́ виѳсагїи и́ виѳанїи. до́ горы на́званой ѡ҆ли́вной. по́слалъ дво́ зъ оу҆чн҃ко́въ свои́хъ./ и́ ре́клъ и́мъ. и́дѣтѐ до мѣста, котороѐ про́тивъ ва́съ є҆сть. и҆котороѐ жъ то и҆шо́дши на́йдетѐ ѡ҆слѧ, а̑ ѡ҆но̀ прива́зано̀. на́ коромъ (sic) то̀ є҆ще жа́дный ѿ людїи не́ сѣдѣлъ. ѿвѧжѣте є҆го̀./ а̑ приведѣте є҆го̀ ко мнѣ.—А҆ є҆сли бы ва҃ кто̀ пыталъ ре́коучи длѧ чо́го є҆го̀ ѿвѧзоуетѐ. а̑ вы҃ є҆моу̀ та́къ ѿпо́вѣжтѐ и́же є҆го̀ г҃ь по́требоуе҃.— а̑ по́шо҃ши тый которы́й были по́сланѝ. на́шли та́къ ꙗ҆къ и҃ по́видѣлъ.—ко́ли то̀ ѡ҆ни ѿвѧзали ѡ҆слѧ. ре́кли го́сподареве є҆го̀ книмъ. длѧ чого̀ ѡ҆слѧ ѿвѧзоуе҆тѐ.—а̑ ѡ҆ни ре́кли г҃ь є҆го̀ по́требоуе҆ть. и́ привели є҆го̀ ко́ і҃сви. и́ вло́жили ѡ҆дѣна̀ свои на́ ѡ҆слѧ. и́ и҆са́дили на́ не і҃са.—а̑ ко́ли ѡ҆нъ ѡ҆нъ (sic) є҆ха́лъ. є҆ди́ны҃ по́стилали ѡ҆дѣнѧ свои по҃розѣ.

Зачало ч҃з.

А҆ коли҃ ѡ҆нъ приближовалъ. коу̀ всходоу̀ го́ры҃ ѡ҆ли́вной то́гда по́чало все мно́жество оу҆чн҃къ хва́лити б҃а го́лосо҃ ве́ликымъ. за́ ѡ҆ныи всѣ знакы҃, которы́й видѣли, ре́коучи. бл҃ве́ный ѡ҆нто̀ цр҃ь, которы́й мѣлъ прїйти въ и҆мѧ г҃не. ми́ръ на́ небеси и́ сла́ва̀ въ вышнихъ.—нѣкоры́й

пакъ изъзаконникковъ. и из народа/. рекли кнемоу. оучителю запрети оученикомъ-твоимъ.— а онъ ѿповидѣвши рекль и. повѣдаю во вамъ. если бы тыи молчали./ каменїе бы кричало. Прїиде пакъ днь опрѣсночныи. А коли приближилъ на мѣсто. росплакалъся на нимъ. и рекль. Ѿ коли бы еси ты позналъ днь то вкоторыи ты маешь смирити. але нн҃ѣ есть скрыто ѿ очїи твоихъ. бо прїидоу на тебе днове. вкоторыи остоупять тебе непрїятелѣ твои. и острого оставять (валомъ ѡкопмють. або осыпають) и облягоут тя. и обыимоут тя всюды. и розбиють тя, и дѣти твои которыи соут втобѣ. и не остане̑ть втобѣ камень на камени прото иже еси не позналъ посѣченїа твое.

Зачало ч҃и.

А вшовши в црквь почалъ выганяти тыхъ которыи внеи продавали и коуповали. рекль имъ. написано е домъ мои домъ млтвныи есть. але вы есте его оучинили печероу разбойникомъ. и наоучалъ на каждыи днь в цркві.—і архїерее и книжници. и оучителеве. и старшїи межи людьми. глядали его абы загоубили. и не нашли абы емоу што оучинили. бо все люде дрьжали и послоуховали его.

> Еѵлиста выписоуе, якь законници пытають. ха, о его моци. якь тыжь онъ окрщенїи иѡанновѣ повѣдѣлъ подобеньствомъ, то есть, притчею, о злы виноградаре. якь ты бгь вели, абы люде царе дань. давали. ты садоукейское заблоужденїе, посоромочовае, и покрытость оучителей. глава к а зач. ч҃ѳ.

Зачало ч҃ѳ.

Сталося есть въ оныя то дни. коли онъ наоуча люди вцркви. и проповѣдалъ црство бжїе (и еѵлїю) пришли свщнници, и книжници и старшими (sic). и мовили кнемоу рекоучи. повѣжь намъ которою моцоу чининишь (sic). албо кто то есть/. кто тобѣ далъ моць тоую.—а онъ ѿповѣдаючи рекль имъ. пытаю тыжь и я васъ о едино слово. а повѣжьте мнѣ./ крщенїе іѡаньново. снбали чили ѿ людїи было.—а они мыслили сами всобѣ рекоучи. если речемо знеба. речеть намъ. для чого есте емоу не вѣрили.—а если речемъ./ иже ѿ людїи. все люде каменїемъ побїють нась. бо была речь правдивая о иѡаннѣ. иже былъ прркъ. и ѿповидѣли рекоучи не вѣдаемо ѿколя.—Рекль пакъ имъ іс и я тыжь не повѣмъ вамъ. которою моцоу тое чиню.

Зачало р҃.

Почалъ іс мовити клюде тоую притчоу. чл҃къ нѣкоторыи насадилъ виноградъ. и далъ его

ро́ботникомъ. а са́мъ ѿишолъ далеко за́ многыи лѣта.—а ко́ли южъ былъ ча́съ посла́ до ро-ботниковъ слоугоу. абы ѿ плода̀ виногра́ного да́ли емоу.—Оныи па́къ ро́ботници. избившы его̀ и нѣщи̑ его̀ ѿпоустили.—а Онъ па́къ и дроугого̀ слугоу по́слалъ.—а Они и то́го̀ бывши ещѐ и Осо́ромотившы по́рожнѣ его̀ ѿпоустили.—а по́томъ и тре́тего̀ по́слалъ. А Они и то́го̀ бившы вонъ выгнали.—то́гды па́къ ре́клъ гдрь виногра́да. што̑ оучиню̀. пошлю̀ сна моего̀ ми-лого̀. ачей ко́ли то́го̀ оузрѣть и посоромѣються.—а Оныи виногра́никове ко́ли его̀ оузрѣли. и по́мыслилиisобѣ ре́коучи. то̑ то есть ѿчичъ. пойдѣмо, а забиймо его̀ абы была на́ша ѿчизна. и вывѣдши его̀ вонъ изъвиногра́да забили его̀.—што̀ жъ па́къ оучини̑ имъ гдрь вино-града. прійде̑, и погоуби̑ тыи то̀ дѣлателѣ. а инши̑ ѿдасть виногра̑.—А Они оуслышавши тоѐ ре́кли! нехай то́е не боуде̑.—а Онъ позрѣвши на́ нихъ ре́клъ. што̑ то па́къ есть написано. ка́мень О которомъ не́ дбали боудоующіи. то̑ ся есть головою оугловы̀ ста́лъ.—каждый кото-рый оупадеть на́ то̑ то̀ ка́мень. розбіеться. а на́ кого па́къ оупаде̑ со́треть его̀.

Зачало р҃а́.

А и то̑ ча́съ иска́ли архіере́е и книжници вложиті на́ него̀ роукы. абы̑ его̀ поймали. але́ ся боꙗли людій. розоумѣли бо̀ ижѐ тоую̀ притьчоу кни̑ ре́клъ е̑.—по́томъ по́стерѣгаючи его̀ по́слали за́нимъ ла́зоукы̑ (sic) который оука́зовали быти се́бѣ спра́ведливыми. абы̑ его̀ в сло́вѣ пристеречи могли а для того враждови и моци ге́мановой его̀ выдали.—и пытали его̀ ре́коучи/. оучителю̀ вѣдаемо̀ ижѐ спра́ведливѐ мо́вишь и на́оучаешь. и не на лица смо́тришь. алѐ вѫистинноу поутѝ бжію̀ на́оучаешь. годилися нам цесаревѝ да́нь да́вати, або̀ нѣть.—а Онъ порозумѣлъ лесть и̑, и ре́клъ имъ. для чого мя покоушаетѐ. оука́жѣте ми пѣнезь/. або̀ грошъ. чій есть на немъ Ѡбра́зъ и написаніѐ. а Они ѿпо́видѣли емоу цесаревъ.—а Онъ реклъ имъ. да́йте жъ што̀ есть цесарево цесаревѝ. а што есть бжіѐ тоѐ дайте бви. и не могли Оно̀ сло́ва его̀ ѿпе-рети пе́редъ людмѝ. и дивовалися. о таковой ѿпо́вѣди его̀ и по́мольчали.

Зачало р҃в.

Пристоупили па́къ нѣкоторыи зса́доукеевъ. который то̀ по́вѣдають иже вѫскрніѐ не боуде̑.— звѣдовали его̀ ре́коучи. оучителю. мойси на та́къ написалъ. если комоу̀ бра̑ оумреть/. маючи женоу̀. а то̑ не маючи дѣтій оумреть.! абы поꙗлъ бра̑ его̀. женоу его̀. и поставилъ сѣмя братоу̀ своемоу̀. и было̀ се́мъ братій./ пръвый поꙗлъ женоу̀ и оумрлъ не́ маючи дѣтей. и по-ꙗлъ тыжъ дроугыи женоу (тоую̀) и то̑ не Оставившій дѣтій оумрлъ. и поꙗлъ еи третій. та́кжѐ и всѣ се́дмъ. не́ Оставивши сѣмене по́мрли. Опосли па́къ всѣ̑ оумрла и же́на. въ Ононъ па́къ ча́съ при вѫскрніи которого̀ зни̑ боуде̑ жена̀. се̑ бо̑ и имѣли еи собѣ женою̀.—А іс ѿпо-видѣвшій ре́клъ имъ. снове того то свѣта жены поймоують и замоужъ ѿдають.! Алѐ тыи̑ ко-

торыи оудѣлѧють себе гѡдными быти./ ѡной вѣкъ полоучити и вскрніе ѿ мртвыхъ. ниженѧтсѧ. а ни замоужъ неидоут.—ани оумрти не могоут южъ. але пріровнаюсѧ аггломъ. и снъми бжіими боудоут./ боудоучи снове вскрніа/. моисій тое повидѣлъ прикоупинѣ. іакъ называетъ га ба авраамова. и бга исаакова. и бга іакова. не есть бъ оумрлыи але живыхъ. бо всѣ живи соут емоу.—тогды ѿповидѣвши нѣкоторыи зъ законников рекли емоу. оучителю добре еси повидѣлъ. а потомъ не смѣли его ѡ то болше звѣдовати.—прото жъ рекъ книмъ. іакъ же повѣдаю иже бы хс былъ сномъ двдвымъ. а и самъ двдъ мовитъ въ книзе салмъстѣи.— Рекъ гь гви моемоу сѣди ѡдесноую мене. ажъ положоу вороги твои по ногами твоими.— а если двдъ гдѣ (sic) его называетъ. и іакъ же ѡнъ есть сномъ его.

Зачало рг.

А коли тое оуслышалъ весь народъ рекъ до оучнковъ своихъ. велми сѧ стережѣте ѿ оучителей, которыи хотѧт ходити вкрасноумъ ѡдѣнии. и любѧтъ поздоровленіа натржищѣ. и передиѣишее сѣданѧ на зборищѣ. и абы наперед были прошены на вечерѣ. которыи то пожираютъ домы вдовиныи и в млтвах длго молѧщисѧ. бо таковыи примоутъ болшее ѡсоуждение.—

> Еулиста выписоуе. іакъ хс выславоуетъ оубогоую вдовицоу. іакъ тыжъ напередъ повѣдаетъ ѡ разорении црькве ієрлимьской. и боудоучии противности. тыж ѡ искончании свѣта. ты заповѣдаетъ. абы сѧ стерегли ѡбьѣденіа. и пиѧнства. глава двадесѧ.

Поздрѣвши и оуздрѣл которыи то вмѣтали дары свои богатыи люде до скарбьницѣ црковной.—оузрѣлъ ты тамъ единоу вдовоу оубогоую. а ѡна оуврьгла два пѣнезѣ (або два бѣлыи) и рекъ заправды вам повѣдаю. иже таѧ оубогаа вдова. болше ѿ всѣх есть оуврьгла. бо всѣ тыи то ѿ избытко своего дали дары боу. але таа знедостаткоу своего всю свою мастность которою мѣла. то оуврьгла.

Зачало рд.

Нѣкоторыи пакъ мовили ѡ црькви. котораѧ есть добрымъ а дорогымъ каменіемъ оукрашена.—а іс рекъ тыи (sic) то рѣчи которыи видите. вни же то не боуде зоставленъ камень на камени. которыи бы немѣлъ быти разоренъ.—прото жъ звѣдовали его рекоучи. оучителю. коли (сѧ) тыи то рѣчи маютъ стати. а іакыи боудоутъ того знаменіа. колисѧ тое мает выполнити.

Зачало ре.

А ѿповидѣвши рекъ им. стережѣтесѧ./ абы есте не были прелщени. многыи (sic) бо

прійдоу который (sic) сѧ боудоу повѣдати именемь моимь. иже ıа есмь. чс мой южь сѧ зближиль. нeходѣте жь тогды за нимѝ.—а коли оуслышите витвы/. а нестройность./ не бой-тесѧ. бо напере тый рѣчи моусѧ сѧ выполнити. але не южь конець.

Тогды повидѣль имь. иже повстанеть народь проти народови. а цртво противъ цртва. и боудоуть великый трѧсенѧ по земльмь, мѣцами. голодове а морове боудоу. боудоу тыжь страшныи, а великый знакы знбсь.

Зачало ҃рѕ.

Але пре тыми всѣми рѣчами. поймають вась. а противитисѧ вамь боудуть. выдаючи ва на соборища и въ темницѣ. и боудоу вась вѣдити къ владаремь и црм длѧ имене моего./ А пригодитсѧ вамь тое! на свѣдоиство. мѣйте жь тое положено всрцахь вашихь. абы есте не мыслили! ıакь бы есте ѿповѣдати мѣли./ ıа вамь вто часъ ѿтвороу оуста./ и дамъ вамь пре-моудрость.! напротивь которой! не боудоу могли ѿповѣсти, вси противѧщіи вамь. и боудете зражени ѿ родителей и ѿ братіи. и ѿ ближнихъ пріателей. и замордоують зваcь нѣкоторы. и боу-дете всѣмь вненависти.! длѧ имене моего.—А и ни единь волось зголовы вашей непогынеть. втерпливости вашей владѣте дшами вашими.

А коли оузрите, иже южь ѡблѧжень боудеть Ірлимъ вѡйнами. тогды вѣдайте иже сѧ при-ближило разореніе его.—тогды тый которыи вы били (sic) вземли жидовской нехай оутекають на горы.—а который всерединѣ его./ нехай выидоуть.—а который на оукраинахъ, нехай до нег не-входѧ.—тый (sic) то дни соу пѡсты абы сѧ все выполнило што е написано.—горе тыжь и тымь, который боудоуть мати втый дни вѧатробах. и тый который боудоуть кормити пръсѧми. бо боудеть великаа бѣда на земли./ и гнѣвь на ты людех. и погыноу ѿ ѡстрого меча. а и поймани и ведени боудоу межи всѣ народы.—а Ірлимъ боуде потоптань ѿ погановь./ ажь сѧ выполнѧт времена ıазыковь.

И боудоуть знаменіа. на слнци/ и на мци. и на звѣздах./.! (sic) и на земли тоуга на-родомь. длѧ боурѣ.! и шоумоу морского и влънь. боудоу издыхати члци ѿ страха ѡжидаю-щого. которыи маеть прійти на всю въселенноую. бо и силы нбсныи двигатисѧ боудоу и втот часъ оузрѧт сна члчска. а ѡнь иде на ѡблацѣхь со силою и славою многою.

Зачало ҃рз.

А коли тый рѣчи начноу дѣıати поднесѣте а подвигнѣте головы вашѝ. бо сѧ южь при-ближоуе ваше избавленіе.—и рекль до них впричи. позрѣте на смоковничное древо, и на всѣ древа./ колисѧ розвиваю. иже видѧчи и сами мовите, иже близко е лѣто. (або весна) такжѣ и вы коли ю оузрите ано сѧ тый рѣчи дѣють. вѣдайте жь. иже близко есть цртво бжіе.

правдоу повѣдаю вамъ и немає прейти то то родъ. ажъ сѧ тыи то рѣчи станоу. ибо и землѧ мимо перейде. але слова мои немаю мимойти. стережѣсѧ. абы николи не былѝ ѡтѧжены срца ваши ѡбыаденїемъ и пьанство. и печалми того свѣта. абы нагле не пришолъ на васъ ѡнонъ то днь. бо прийдε iако сѣ (sic) на всѣ который живоу на всей земли.—а для того боудте чоулыми на каждый часъ. и просѣте абы вамъ дано./ иже бы есте могли оубѣжати./ ты то всѣ рѣчии который хотѧт прийти. и стати пре сномъ чл̃чьскы.

Зачало ри.

Былъ іс̃ въ дне въ црк̃ви и наоучалъ и. а вночи выхожова и пребывалъ на горѣ названой ѡливной. и вси людїе изъ оутра прихожали кнемоу до црк̃ве абы его слоухали.

Еѵ̃листа выписоуеть. iакъ юда слоушный часъ ѡбыбравши зрадилъ ис̃а. iакъ ты хс̃, изыйдши великодейного барайка./ або агнца. роздаетъ оученикомъ своимъ тѣло свое и кровь свою. и iакъ тыжъ молитсѧ на горѣ кривавымъ потомъ. где то его жидове поймали. и iакъ тыжъ петръ ѿтѧлъ слоужебникови архиерешвомоу оухо правое и iакъ тыжъ іс̃а, ѡплюваного.—посмѣваного. по лицоу битого. трыразы сѧ запрѣлъ. глв̃а кв.

Приближовалъсѧ пакъ днь ѡпрѣсночный празника реченого пасхы и искали архиерее и книжници iакъ бы его мѣли забити. бо сѧ боiали людїи тогды сотона вшолъ въ юдоу названого скариѡтского. которы (sic) же то былъ змежи двенадесѧти едей. и пошодши мовилъ архиереѡмъ и воеводамъ. iакъ бы его имъ продалъ.—А ѡни пакъ сѧ томоу оурадовали. а емоу шлюбили сребрьники дати./ а ѡнъ такъже шлюбовалъ и. и ѡбиралъ собѣ таковый часъ. абы имъ продалъ его безнарода. тогды жъ пришолъ и днь ѡпрѣсночный. вкорый то былъ пригожый часъ iасти пасхоу. и послалъ петра/ иѡанна/. рекъ имъ. идѣте, а наготовайте и нам пасхоу. абы есмо или. А ѡни рекли где хочешь абыхмо зготовали.—а ѡн рекъ имъ коли боудете вмѣсто входити. стрѣтит васъ чл̃къ. который вскоуделници водоу понесе. (взбаноу, або вглекоу) идѣте жъ за нимъ вдомъ./ докоторого ѡнъ вънйдетъ./ и рецѣте домовомоу господаревѝ./ такъ мовит тобѣ оучитель. где таа сѣнь. где то пасхоу съ оучн̃кы моими боу iасти.—а ѡнъ вамъ оукаже грънꙋцоу великоую./ и оусланоую (на горѣ, сѣдѣнѧ) и там наготоуйте.—а ѡни пошодши нашли такъ, iакъ же и повидѣлъ. и наготовили пасхоу.—(то есть барайка). А коли ю былъ часъ/ сѣлъ за столъ./ и двенадесѧт апл̃овъ снимъ и рекъ имъ. жадалъ есми а бы тоую пасхоу iалъ свами пръвѣй нижли приймоу моукоу.—повѣдаю бо вамъ. иже южъ болше ей не боудоу iести. ажъсѧ доконаютъ въ цртвїи бж̃їи.—а взѧвши чашоу. и далъ хвалоу. и рекъ. приймѣте тое и розделѣте собѣ.—повѣдаю бо вамъ. иже не боудоу

пити ѿ плода виинного. ажь цртво бжїе прїйдеть.—и приял хлѣбъ/. хвалоу вздал. преломил и дал и и рекл. то есть тѣло мое, которое за вас выдаю./ тое чинѣте на мене памятаючи.— а такъ (sic) тыжь и чашоу повечери, и рекл. сїа чаша новый закон моей кръве. котораа за вас проливаєсѧ. але ѡто роука продающаго мѧ съ мною есть на трапезѣ. (або застолом). и снъ члчкый идеть, якъ є реченно. але бѣда члкови томоу который его продаеть.—А ѡни почали искати межи собою. который бы то змежи них, хотѣл оучинити.—сталасѧ пак и свар межи ними./ хто бы зних мѣл быти болшїй. Ѡн пак рекл им. црєве поганскый црствоуют на тыми то. а ѡбладающе ими./ добродѣйми называни бывают./ Але вы не так.—але ктожь є старшїй межи вами. нехай боудє яко молодшїй. а который есть болшїй нехай боудє яко и слоуга.—кто есть болшїй. то ли который седить. чи пак который послоугоує/. а вы то который седить.—Але и я есмь межи вами, яко и то который же слоужить. А вы есть есте (sic) тыи, который есте вънапастє мои пребывали. где тыжь, и я оучиню вам якъ же и ѡць мой мнѣ оучинил царство. абы есте или, и пили застолом моим, въ цртвїи моем.—абы есте сѣдѣли на стольцох соудячи дванадесятем колѣном ілєвым. Рекл пак гь симонови. симоне./ симоне./ ѡто сътона проси вас. абы теребил (sic) вас яко пшеницоу.— Але я есми просил за тобою./ абы не погиноула вѣра твоя. а ты нѣкогда наврънувшися потверди братїю твою.—а ѡн рекл. гди./ готов є стобою и в темницоу и на смрть поити.— А ѡн рекл емоу./ повѣдаю тобѣ петре. иже днє еще коур не запое. а ты трикрот запришьсѧ, иже мене, не знаешь.—тогды рекл им, коли есми вас, посылал безмѣха и без влагалища (безмѣшка, або безъ калиты) и без ѡбоуви. а чи пак вам чого не доставало.—А ѡни рекли емоу. ничого.—тогды рекл им. але нинѣ кто мае мѣшок възми. также тыжь и мошноу. а кто не мае. нехай продастасть (sic). ѡдѣня свое, и коупить собѣ нож (або кордъ). повѣдаю бо вам, иже ся еще моуси выполнити то што есть речено ѡ мнѣ. и изь злочиньцами поличен есть. бо тое што є написано ѡ мнѣ моуси ся кончати.—а ѡни пак рекли емоу./ гди./ а се два нож./ А ѡн рекл./ досыть и.

Зачало рѳ҃.

А вышоши пошол подлоуг ѡбычаю на гороу ѡливноую. а за ним ишли оученици его. А коли пришли на месце./ рекл им. молѣтеся, абы есте не вошли внапаст[1]) а сам ѿстоупил ѿ них яко бы могл камене доверечи. и приклонивши колѣна молилсѧ. и рекл./ ѡтче если хочешь мимо мене пронеси тоую чашоу. ѡбаче же не моя воля./ але твоя нехай боуде.

1) Послѣднія три слова приписаны на поляхъ пожелтѣвшими чернилами.

изъѧвилсѧ ємоу агг҃ль съ небесь оутвержаючи єго. и былъ въ подвизѣ./ (коли то прийти мѣлъ на него, часъ смр҃тельный). и спилностю молилсѧ. и сталсѧ потъ єго ꙗко кропли кропли (sic) крове капмющи на землю./ и вста ѿ молитвы. пришолъ ко оучн҃кω своим. и нашолъ ихъ./ а ѻни зъ ѻной троскы заснули. и реклъ имъ што такъ спите./ встайте./ а млт҃ѣте/. абы єсте не вшли въ напаст. а коли ѻнъ єще тоє мовил. а инарод. и тот которого звано юда, єдинъ змежи двонадесѧти што пред ними./ и приближилсѧ къ іс҃ви./ абы єго поцѣловалъ. бо былъ таковый знакъ далъ имъ рекоучи. которого ꙗ поцѣлоую тотъ єсть.—тогды реклъ ємоу іс҃, юдо, цѣлованиємъ ли сн҃а чл҃чьскаго продаєшь.—тогды видѣли тыи то, которыи при нем были. Рекли ємоу./ г҃и./ боудемо ли бити мечемъ.—и оударилъ єдинъ нѣкоторыи змежи нихъ на слоутоу архієрєѡвого./ (владычого або митрополитового) и ѿтѧлъ ємоу оухо правоє ѿповидѣлъ пакъ іс҃ и реклъ./ поты (sic) перестайте (sic).—а побѣгши кнемоу и дотноусѧ оуха єго./ и исцѣлилъ єго.—и реклъ іс҃ ко пришедшимъ на него архієреѡмъ. и воєводамъ цр҃ковнымъ и къ старшимъ. ꙗко бы на разбойника пришли єсте. изъ ѻроужієм и дреколми ꙗти мѧ.—а вы на каждый дн҃ь бывалъ єсми звами въ цр҃кви а не простирали єсте роукы на мѧ. але таѧ то єсть година ваша и ѻбласть темнаѧ. а ѻни поймавши и вели єго. и оувели єго до двора архієреѡвого. А петръ пакъ шолъ за нимъ здалека.—и наложили ѻгнь посредѣ двора. и поспол оу сѣли./. сѣлъ тыж и петръ межи ними.—оузрѣвши пакъ єго девица нѣꙗкаѧ, а ѻнъ сѣдитъ при ѻгни. и поглѧдѣвши на него рекла. и тот тыжъ с ним былъ.—а ѻнъ запрѣлсѧ рекоучи./ жено. не знаю ꙗ єго.—и помалои годинѣ/ дроугый оуздѣлъ (sic) єго и реклъ. и ты змежи них єси.—а петръ повидѣлъ чл҃че не єсмь.—а потомъ ꙗко бы по єдиной годинѣ/ и третий, тоєж слово потвердилъ рекоучи. въистиноу и тот тыж былъ с нимъ. бо и галилеꙗнинъ єсть.—а петръ реклъ/ чл҃че не вѣдаю што ты мовишь.—а борзо коли єще ѻнъ того слова не вымовилъ./ коуръ запѣл (або пѣвень) А г҃ь, ѻберноувши позрѣлъ на петра.—и вспамѧталъ петръ ѻноє слово г҃нє./ котороє ємоу вперед повидѣлъ рекоучи. нижли (sic) коуръ запоє. три разы сѧ мене запришь./ и вышедши петръ вонъ, плакалсѧ горько.—а моужеве тыи которыи држали іс҃а. насмѣвалисѧ ємоу біючи єго. и закрываючи ѻчи єго били єго по лицоу./ и пытали єго рекоучи.—прорцы кто єсть который тебе оударил./ и много иныхъ рѣчий. оукарѣючисѧ мовили против него.—А коли южь былъ дн҃ь. зышлисѧ старѣйшии надъ людми. архієреѡве и законници. и оувели єго до рады своєи/ и пытали єго рекоучи./ єсли же єси ты х҃с повѣжь намъ.—а ѻн реклъ имъ. єсли вамъ повѣм./ неймете ми вѣры.—а єсли бы ты васъ звѣдовалъ. неѿповидѣли бы єсте мнѣ. а ни ѿпоустите. ѿ того часоу./ боуде сн҃ъ чл҃чьскый сѣдѣлъ на правуи сторонѣ силы бж҃іѧ.—а ѻни вси рекли тогды ты єси, сн҃ъ бж҃ии.—а ѻнъ книмъ реклъ. вы мовите иже ꙗ єсмь.—а ѻни рекли./ што жь єще потребоуємо засвѣдоцтва. бо и сами єсмо слышали изъ оустъ єго.

Є҆ѵ҃листа выписоуѐ, ꙗ҆кь жи́дове на х҃рта пре́дь пилато̑ жалоую҆ть, ко́торыи же то̀ ѿ пилата до́ и҆ро́да по́ведей. и҆ ѻ҆пѧ́ть ѻ҆до́слань ѿ и҆рода. и҆ послѣ ꙗ҆кь. и҆ по́роута̑. тыжь ꙗ҆кь ме́жи двѣма разбойникамѝ ро́спѧть є҆сть. ѻ҆цто́мь и҆ жельчїю̀ на́поє҆нь є҆сть. и҆ оу҆мр҃ьтве́нь. ꙗ҆к̑ тыжь є҆го̀ и҆ѡ҆сифь, ко́торый быль при́шоль зь а҆римаѳеи̑ вно́вѣмь гро́бѣ положиль є҆сть. гла̑ к҃г.

Зачало р҃і.

А҆̑ встави́ши всѐ мно́жество̀ и҆хь. и҆ ве́ли є҆го̀ кь пилатоу̀. А҆̑ приве̑ши є҆го̀. по́чали на́ него̀ не́справедливе мо́витѝ/ пре̑ пилато̑, ре́коучѝ. ѻ҆то̀ то́го̀ є҆смо̀ на́шли, а҆ ѻ҆нь ро́звр҃ьтае҆ть (sic) лю́ди на́шѝ/. и҆ заборонѧ́е̑/ а҆бы цеса́ревѝ да́нѝ не́ давалѝ. а҆ по́вѣдае̑ се́бе х҃рта ц҃ре́мь бытѝ.— то́гды пыталь є҆го̀ пи́лать реко́учѝ. ты̑ ли̑ є҆си̑ ц҃рь жи́довскый.—а҆ ѻ҆нь ѿпо́вѣдаю́чѝ ре́кль є҆моу̀./ ты̑ мо́ви̑. пила̑ па́кь до́ а҆р҃хїе́реѡ҆вь и҆ до́ народа ре́кль, нѝ є҆диной вии̑ностѝ не́ найдоую̀ в҆то̑ то̀ ч҃лцѣ./ а҆ ѻ҆ни бо́льшѐ пре́магали голосами ре́коучѝ, и҆жѐ ро́звращае̑ лю́дѝ. и҆ на́оучѧ́е҆ть по́чавшѝ ѿ га́лилей а҆жь по́толѧ̀.—то́гды̑ пи́лать оу҆слышаль ѻ҆ га́лилей./ и҆ пыталь є҆го̀' є҆слѝ бы̑ галилеꙗ́нинь быль.—и҆ ро́зоумѣль, и҆же и҆з др҃ьжанѧ̀ и҆ро́дового̀ є҆сть. и҆ по́слаль є҆го̀ до́ и҆рода. ко́торый быль вь тыи̑ дн҃и вь і҆е҆р҃лимѣ.—а҆ и҆ро́дь па́кь оу҆здрѣвши і҆с҃а радова̑сѧ ве́лми. и҆зда́вьныхь бо̑ ча́совь хо́тѣль а҆бы́ є҆го̀ видѣль. длѧ̀ то́го̀, и҆же мно́го̀ р҃ѣчїи̑ ѻ҆ не̑ слыхаль. и҆ на́дѣвальсѧ̀, нѣꙗ҆коѐ зна́менїѐ видѣтѝ ѿ не́го̀ оу҆чиненоѐ./ и҆ про́силь є҆го̀ про́звамѝ мно́гымѝ.— а҆лѐ ѻ҆нь є҆моу̀ ни́чого̀ не́ ѿпо́вѣдаль.—А҆̑ а҆р҃хїереѐ, и҆ оу҆чителевѐ, сто́ꙗли, ве́льми є҆го̀ вино- ю҆чѝ. а҆ и҆ро́дь оу҆кори́вшѝ, и҆ на́смѣꙗ́вшисѧ̀ зне́го̀ збо́йско̑ сво́и҆мь./ и҆ ѻ҆болокь є҆го̀ вь дѣнѧ̀ (sic) свѣтлоѐ. и҆ ѻ҆то́сла̑ є҆го̀ ѻ҆пѧ́ть до́ пилата̀. были бо̑ ме́жи собою̀ и҆ро́дь спи́латомь втыѧ̀ дн҃и вь прїѧ́те́льствѣ. а҆ пе́редь ты̑ великою̀ не́нависть мѣлѝ межи̑ собою̀.—пила́ па́к̑ зо́бравшѝ а҆р҃хїереѐ и҆ кнѧ́зѣ и҆ лю́ди и҆ ре́кль и҆мь. при́вели є҆сте ми то́го то̀ ч҃лка/. на́ которого̀ мо́витѐ и҆жѐ бы ѻ҆нь лю́дѝ ро́зворочаль. чо́го и҆ ѧ҆ пре́двамѝ пыта̑ є҆го̀. и҆ ни є҆ди́ной вии̑ності̀ не́ нашоль є҆смѝ в҆то́ то ч҃лцѣ, и҆ с҃ты́ р҃ѣчїи̑/ ко́торый вы жалоую҆чисѧ̀ мо́вите на́ не̑. та́кже и҆ и҆ро́дь.—бо̑ є҆сми в҃а́ по́сылаль кне́моу̀. а҆лѐ ни́чого̀ г҃оного̀ см҃рти є҆моу̑ несталò. а҆ длѧ̀ того̀ по́каравшѝ є҆го̀ выпоущоу̀ є҆го̀.—бо́ быль вни̑ та́ковый ѻ҆бы́чай./ а҆бы̑ на́ всѣ пра́здники̑/ є҆диного звѧ́зенѧ̀ и҆мь выпоустиль.—то́гды̑ крыкноулѝ всѣ на́родовѐ ре́коучѝ./ вьз̑мѝ те́го то, а҆ вы̑поу́стї намь ва́равоу̀./ ко́торый̑ то быль длѧ̀ з҃ва́ды̑ нѣꙗ̑ и҆ (sic) в҆мѣ́стѣ оу҆чи́не̑ной, и҆ оу҆бїйство̀ оу҆са́жень вьте́м̑ницоу̀.—по́вторе па́кь пилать ре́кль и҆кни́мь (sic). хо́чоу̀ выпоу- стити̑ і҆с҃а.—а҆ ѻ҆нѝ за́крычалѝ ре́коучѝ./ ра́спнѝ./ ра́спни є҆го̀.—а҆ ѻ҆нь по́тр҃етеѐ ре́кль кни̑. што є҆̑ та́кь з҃ло́го̀ т҃о́ то оу҆чиниль./ а҆ ꙗ҆ нѝ є҆диной̑ ви́ны см҃ртной̑ вне́мь ненайдоую̀. и҆ то́го̀ длѧ̀ по́каравшї є҆го̀ поущоу̀.—а҆ ѻ҆ни па́кь ве́ликымѝ го́лосы̑ за́крычалѝ про́сѧчѝ є҆го̀/ а҆бы̑ в҃ы́

ро́спѧть./ и̑ оўста́ли го́лосове и̑ и̑ а̑рхїерейстїи.—пила̑ па́кь ѡ̑соудил/ а̑бы́ сѧ та́кь стало/ ꙗ̑кь ѡ̑ни̑ про́сили. и̑ вы̑поустиль и̑мь то́го̀ ко́торый быль длѧ звады̑ и̑ оўбиства̀ втемницоў оўвржженый. ѡ̑ ко́торого̀ про́сили.—А̑ і̑с̑а, выдаль по́ и̑хь воли.—А̑ коли е̑го̀ вели, пойма́ли нѣꙗ̑кого̀ си́мона̀ кирине́йского̀, ко́торый шоль и̑зь села̀. и̑ вложили̑ на́ него̀ кр̑ть, а̑бы несль за̀ і̑с̑омь.—и̑ ишло за̀ нимь мно́жество̀ на́рода, людїи, и̑ жень. ко́торый то̀ пла́кали и̑ ридали. (або на́рикали). А̑ і̑с̑ па́кь ѡ̑берноувшисѧ кънй ре́кль. дщери і̑ер̑ли́мьскый не пла́чьтесѧ на́до мною̀. але̑ пла́чтесѧ са́ми на́ собою̀, и̑ на̑ сн̑ы ва́шими̑.—и̑до̑ў бо̑ та́ковый дн̑и вко́торыхь то̀ боўдоў мо́вити. бл̑вни̑ неплодо́ный. и̑ живо́ты ко́торы и̑ (sic) некрьмили.—то́гды̑ по́чноў мо́вити го́рамь. па́нѣте на́ нась./ и̑ хо́лмомь по́крыите на́сь. бо̑ е̑сли то̀ чинѧть на̑зеленымь де́ревомь. а̑што̑ па́кь боўте̑ на̑ соўхымь.

Зачало ра́і.

Ве́дены соў зни́мь и̑ и̑ный два̀ зло́дѣи, а̑бы̑ ро́спѧты̑ были. А̑ коли при́шли на мѣсце на́званоѐ ло́бноѐ (троупѣхь головь) и̑ та́мь ро́спѧли е̑. и̑ ты̑и тыжь зло́дѣи е̑дино̑ на́ правоўи. а̑ дроўгого̀ на́ лѣвоўи̑ роўцѣ.—то́гды̑ і̑с̑ ре́кл (sic), ѿч̑е ѡ̑поўсти и̑мь. бо̑ не́ вѣдаю̀, што̑ чинѧ̑. а̑ ро́здѣливши̑ ѡ̑дѣнѧ̀ е̑го̀ ме́тали жре́бїа̀.—и̑ сто́ꙗли та́мь кнѧзи, и̑ лю́дїе сними смо́трѧчи̑. а̑ по́смѣваю́чисѧ е̑моў мо́вили. и̑ны̑ по́маговаль е̑сть. а̑ не́хаи же по́можеть са́мь со́бѣ. е̑сли то е̑сть х̑с ѡ̑но́и то̀ б̑жїи и̑збра́нный.—оўка́рѧлисѧ е̑моў та́мь во́иновѐ при́ходѧчи./ и̑ ѡ̑цтоў по́давали е̑моў ре́коўчи./ е̑сли ты е̑си ц̑рь і̑оўдейскый, сп̑си се́бѐ са́мь.—а̑ та́мь быль и̑ на́пись, на́ нимь на́писаныи пи́смены./ гре́цкими (або е̑ллинскы̑) ры́мьскыми, (або латинскими) и̑ е̑врейскыми./ (або жидовьскыми) то е̑сть ц̑рь жидо́вскый. Е̑динь па́кь стыхь ѡ̑бѣшеныхь злодѣю́вь./ роўгаю́чисѧ е̑моў мо́виль. е̑сли̑ ты̑ е̑си х̑с, помози со́бѣ, и̑ намь.—а̑ дроўгый па́кь боўдоўчи̑ то́варишемь е̑го̀ ѿпо́видѣль е̑моў гро́зне ре́коўчи, че́моу сѧ ты̑ б̑а не бои̑шь. бо̑ мы е̑смо пра́вдивѐ вто́мь ѡ̑соўжени. и̑за̑ на́шѣ оўчи́нкы̑ го́дноўю̀ за̑платоў бе́ремо̀. а̑ се па́кь, ни́чого̀ зло́го ни́комоў не́ оўчиниль. и̑ ре́кль і̑с̑ови. по́мѧни мѧ̑ г̑и, коли при́йдешь вь ц̑ртвїи своемь. и ре́кль е̑моў і̑с̑. правдоў повѣдаю̀ то́бѣ./ дн̑е боўдешь сь мною̀ врай.

Было бо̑ ꙗ̑ко бы ше́стой годины̑. оўчинилосѧ̀ те́мно̑ по́ всей земли, ажь до́ девѧтой годины./ за̑мрькло̀ сл̑нцѐ,/ а̑ и̑ за́вѣса̀ ц̑рковнаѧ ро́здрьласѧ на́полы.—и̑ закры́чаль і̑с̑, ве́ликы̑ голосо̑'. и̑ ре́кль./ ѿч̑е./ вроўкы̑ твои даю̀ д̑хь мой.—а̑ то̀ ре́кши выпоўстиль д̑ха.—и̑ оўви́дѣвши то̀ сътникь./ (ко́торомоу то̀ было и̑мѧ̀, цинтириѡнь) про́слави̑./ б̑а./ и̑ ре́кль./ вьи̑сти́ноў ч̑лкь то быль с̑пра́ведливый. и̑ вьсѣ (sic) на́родове, ко́торый были по́сполоў на́ то то̀ пришли смо́трити. и̑ ви́дѣли што̑ ста́ло/ и̑ бїю́чи вирьси своѝ, врьтали./ (до домовь своихь) А̑ всѣ зна́емыи е̑го̀ зда́лека сто́ꙗли. а̑ и̑ жены̑ ко́торыи были за́ ни̑ пришли ѿ га́лилеи то́го̀ смо́трѧчи. а̑ и̑ моўжь ко́торомоу то было и̑мѧ̑ и̑ѡ̑сифь, сьвѣтнико̑ боўдоўчи./ (або паномь

радными) а быⷧ҇ тотъ чл҃къ добрый а и справедливый и не присталъ до и рады и оучнкоу. а былъ зъ аримаѳей мѣста жидовъского, который же то ожидалъ црⷭ҇ства бж҃іего. тоⷮ же пристоупившй кпилатови. проси ѿ тѣло іс҃во. и изнявши є и оувиноулъ є вчистоє простирало. и положилъ є вгробѣ который былъ вкамени вытесаный. вкоторомъ же то єще не было нѣкого положено.—а то то днъ былъ великый пятокъ. а и соубота ся южъ починала. ѿный пакъ жоны шоⷣшиі вслѣдъ єго. который были сним пришли ѿ галилеи шоⷣши тамъ, и ѿглядали гроба. якъ єсть положено тѣло єго.—а връноувшися зготовали ароматы и миро (пахоучіи рѣчи, и масти) а всоуботоу оумлъчали/ по заповѣди.

> Єѵ҃листа выписоуєтъ. ѿ въстаніи хв҃ѣмъ изъ мрътвыхъ. тыⷤ якоⷤ єсть оуказалъ оучн҃комъ своимъ, въ єлмаоусѣ (sic). стаⷣніи (sic) шеⷣдесяⷮ ѿ ієрлима. тыжъ, и о славноⷨ єго. на небо възнесеніи. глава. кд. а заⷱ҇ рві.

Зачало рві.

Въ єдиноу пакъ ѿ соубо велми рано, пришли на гробъ носячи ароматы, который были наготовили. и нѣкоторый дроугый посполоу сними. и нашли тоⷮ камень, а ѿнъ южъ ѿваленъ былъ ѿ гроба. и вȣшеⷣши тамъ не нашли телесе га іс҃а. и немоглися томоу домыслити.—а тамже и моужеве два стали близко ниⷯ въ ѿдѣяніяхъ блистаючихся. и сталися якобы перестрашени. и поклонили лица свои на землю. и рекли киⷨ што глядаєте живаго съ мртвыми, нѣⷮ єго здеⷭ҇, але всталъ єсть.—въспаматайте, якъ єсть вамъ повідѣлъ, коли єще былъ въ галілеи./ рекль./ иже снъ чл҃чкый моусить проданъ быти вроукы грѣшныⷯ людіи. и роспяⷮ быти. автретіи днъ змрътвыхъ въскрсноути.—а ѿні вспомяноули на слова єго./ а връноувшися ѿ гроба, повидѣли тыи всѣ рѣчи одинадесятемъ аплⷭ҇омъ. и иныⷨ многыⷨ.—а то тыи были которыи то пре апⷭ҇лы повѣдали./ мр҃іа магдалыни/. и иѡанна./ и мр҃іа іакововa./ и иныи/ который сними были. которыи повѣдали аплⷭ҇омъ тый то рѣчи./ и явися пре ними якобы ѿмыл-ный и повѣсти (або лжывыи) и не вѣриⷧ҇ имъ.

Зачало ргі.

Петръ пакъ ставши побѣглъ ко гробоу. и прихилившися до него оуздрѣлъ простирала самый положеный, и ѿишолъ прочь./ дивоуючиⷭ҇ томоу што ся стало. Два пакъ змежи нихъ были идоучи того жъ то дня до села (або до мѣстечка) котороє єсть якобы стаⷣніи шестьдесяⷮ ѿ ієрлима./ (або гоновъ) которомȣ то имя ємъмаоусъ.—и тыи два бесѣдовали розмовляючи межи собою ѿ тыⷯ то, всѣⷯ рѣчахъ. которыи ся были пригодили.—и сталося, коли ѿни розмовляли. и пытаня межи собою мѣли.—и саⷨ іс҃ приближился, и иⷣшо сними. але

ѻчи и҆, были задръжаны.' абы его̀ не́ познали.—и҆ ре́клъ кни́мъ што̀ то за мовы со҇у.| кото-
рыи и҆доу́чи межи собою мо́вите.| и҆ есть естѐ смоу҇тни.—ѿпо́видѣлъ єдинъ которомоу то̀ было
и҆мѧ клео́пасъ| ре́коучи. ты ли еси̑ единъ пришлецъ до̀ і҆е҇рлима. и҆ не́ довѣдальсѧ еси ѿ тыхъ
рѣчахъ'. который сѧ внемъ ты̑ то̀ дни̑и стали.—а҆ ѻнъ ре́клъ и҆мъ, который.' (рѣчи) А҆ ѻни
пакъ по́вѣдали е҆моу ре́коучи.' ты̑и который со҇у ѿ і҆с҇е назаре́ньскомъ. и҆жѐ былъ моу́жь пр҇рокъ
си́лныи дѣломъ и҆ сло́вомъ.| пре҇ б҇гомъ.| и҆ пре҇ всѣми людьми.| а҆ ıакъ выдали его̀ найвы́шшiи
а҆рхiере́е и҆ кн҇зеве наши и҆ ѻсꙋдили его̀ на смр҇ть, и҆ роспѧли его̀.—а҆ мы̑ сѧ есмо̀ надѣвали,
и҆же ѻнъ хотѣлъ выбавити люди і҆зльтескыѧ.—алѐ и҆а всѣми тыми дн҇ь есть трет҇iи дн҇ь,
ıакъ сѧ тыи рѣчи стали.—алѐ и҆ жены нѣкоторыи и҆з соборꙋ нашего̀ пе́рестрашили на́съ. ко́-
торыи пре́дъ свитанѧмъ были, ѹгроба.' и҆ не нашли тѣла его̀. пришли по́вѣдаючи, и҆жѐ ıавленiе
а҆г҇гловъ видѣли. которыи то̀ по́вѣдаю, и҆же есть живъ.—и҆ ходили нѣкоторыи знашихъ къ гро-
боу. и҆ нашли такъ ıакъ же и҆ и҆ жены по́вѣдали. алѐ са́мого не́ видѣли.—тогды ѻнъ рѣклъ
книмъ. ѻ, не́смыслныи (sic) и҆ лѣнивыи ср҇цемъ.' къ (sic) оу҆вѣре́нiю. въ все рѣчахъ которыи
пр҇ркове по́вѣдали. а҆ чи не́ мѣлъ ты̑ рѣчи х҇с терпѣти. и҆ такъ воитти до̀ славы своеи.—и҆ по́-
чалъ ѿ моусеıа, и҆ ѿ всѣхъ пр҇роковъ. росказоуючи и҆мъ ѿ все писанiи которыи ѿ не́мъ писаны.—и҆
приближилисѧ кселоу до̀ которого и҆шли. а҆ ѻнъ тоѐ по́ собѣ ѻказова.' ıако бы мѣлъ далѣи поитти. и҆
просили его̀ ре́коучи ста́нтоу (sic) снами господинѐ. бо южь коу вечероу есть, и҆ дн҇ь сѧ южь скло-
нилъ.—а҆ ѻнъ вшо́лъ, абы ѻблечь сними. и҆ было ıакъ южь сѣлъ сними за столомъ.| взѧлъ
хлѣбъ.| бл҇вивъ| и҆зломивши подавалъ и҆мъ. втот пакъ часъ' ѻтворилисѧ и҆ ѻчи и҆ познали его̀.
а҆ ѻнъ пакъ не́ види и҆мъ былъ.—и мо́вили ме́жи собою, а҆чи ср҇це наше не́ розгоровалосѧ
внасъ, коли мо́вилъ на́мъ на́ поути. и҆ ıакъ по́вѣдалъ на́мъ писанiа (sic).—а҆ втот часъ вставши|
връ́ноулисѧ| до̀ і҆е҇рлима. и҆ нашли вкоупѣ единадесѧти, и҆ ты, которыи сними были. а҆ ѻни
ме́жи собою мо́вѧть. и҆же вꙑстиноу вста́лъ.| и҆ мр҇твыхъ.| и҆ оу҆казалсѧ симонови.—а҆ ѻни тыжь
по́вѣдали и҆мъ тоѐ, што сѧ и҆ на́ поути пригодило̀ а҆ ıакъ далъ сѧ и҆мъ по́знати, въ пре́ломле-
нiи хлѣба.

Зачало р҇дı.

А҆ коли еще ѻни тоѐ мо́вили.' са́мъ і҆с҇ ста́лъ посре҇ и҆хъ. и҆ ре́клъ миръ ва́мъ.—а҆ ѻни оу҆боıалисѧ, и҆ перестра́шилисѧ. и҆ надѣвали и҆же бы ду҇ха видѣли.—и҆ ре́клъ и҆мъ.| длѧ чо́го̀ есте сѧ такъ засмоутили. и҆ длѧ чого по́мышленiа входѧть в ср҇ца ва́ша.| вите роу́кы мои| и҆ но́гы мои. и҆же ıа са́мъ есмь. ѻсѧгнѣте ме́не'. а҆ вите| и҆же доухъ тѣла' и҆ кости не́ маеть. ıакъ видите мене| и҆же ıа маю.—а҆ тоѐ ре́кши.' оу҆каза́лъ и҆мъ' роукы| и҆ но́гы. а҆ ѻни ещѐ не вѣрили| а҆ вра́дости диковали. и҆ ре́клъ и҆мъ. ма́ете ли тꙋ што, и҆ствъного (sic).—а҆ ѻни подали е҆моу ча́сть рыбы печеной и҆ ѿ пчелъ со́ть (плѧстръ) (або стелникъ медоу). и҆ взѧвши и҆лъ пре҇ ними.

и взявши останкы да (sic) имь и рекль./ тыи то соу слова./ который коли еще свами боу-доучи поведаль есми вамь. иже моусѧ сѧ пополнити всѣ рѣчи который соу писан... в законѣ моусеовѣ/ и вп(р)рцкыхъ (sic), и в псалмѣхъ о мнѣ.—тогды отвориль имь розоумь абы ро-зоумѣли писаниа. и рекль имь/ иже такь есть писано, и такь подобало хоу тръпѣти. и въскрьноути из мртвых втретїи днь. абы было проповѣдано въ имѧ его отпоущение грѣховь, въ всѣх языцехъ. почавши. от Ієрлима./ а вы есте свѣдькове тыхто рѣчїи./ а и я пошлю обѣтницоу отца моего на вась. а вы сѣдѣте вмѣстѣ Ієрлимьскомь. доидеже облечетеся силою еже свышше.—тогды вывель и вонь до вифании. и подвигноувши роукы свои бл(а)гвиль и.— и сталосѧ коли и бл(а)гвѧль/. (sic) и отстоупи от них. и възношовалсѧ на нбо. а они сѧ емоу поклонили. и верноулисѧ до Ієрлима, зрадостїю великою. и были всегда вцркви. хвалѧчи, и бл(а)гословѧючи бга. Аминь.

Мы уже оканчивали печатаніе Пересопницкой рукописи, когда получили изъ Житоміра отъ о. Николая Трипольскаго дословную выпись изъ Евангелія 1571 г. Оказывается, что это есть копія съ Пересопницкаго Евангелія, о которой, къ сожалѣнію, мы ничего не знали раньше. Какъ бы то ни было, благодаря просвѣщенному вниманію владѣльца рукописи къ интересамъ науки, мы печатаемъ присланный имъ отрывокъ въ томъ убѣжденіи, что лучше поздо, чѣмъ никогда, и прибавимъ еще, лучше что нибудь, чѣмъ ничего. Почтенный о. Николай, вѣроятно, не замедлитъ подробно описать хранящуюся у него рукопись: тогда получится возможность, путемъ сравнительнаго изученія подлинника съ копіей, сдѣлать выводы о трудѣ Пересопницкихъ переводчиковъ болѣе полные и основательные. Сколько можно судить по бѣглому обзору небольшого отрывка, переписчикъ, работавшій спустя 10 лѣтъ послѣ того, какъ Евангеліе было переведено, стремился выразить въ правописаніи фонетическую сторону народной рѣчи сколько возможно полнѣе и естественнѣе. Онъ, видимо, избѣгалъ исключительнаго употребленія ь въ концѣ словъ, господствующаго въ подлинникѣ: съ этою цѣлію онъ замѣняетъ ь буквою ъ (чл(о)къ, понеслъ, несенъ), или совсѣмъ опускаетъ ъ въ концѣ словъ (оузрил), большею частію перенося послѣдній согласный звукъ слова на верхъ строки (брато(в), твое(е), кроxo(в), бы(л), быво(в), весе(л)). Впрочемъ, въ правописаніи нѣкоторыхъ словъ онъ остался вѣренъ подлиннику (оумѣль, погребень, рекль). Букву ѣ онъ замѣняетъ народнымъ і (одініе, ніхто оузрил, въ подлинникѣ одѣнѧ, нѣхто, оуздрѣль). Вмѣсто тръплю, великаа, перейти, пламени пишетъ: тeплю, великаѧ, перейты, поломені.

Мы извлекли эти немногія данныя изъ прилагаемаго отрывка.

Луки гл. 16, зач. 83.

Чл(о)къ нѣкоторый. бы(л) богатый. который же то ѡболоковалсѧ. въ пефiру и віссо(р). (вшарлать

і вдорогое ѡдінє) и на каждый днь бывал вєми весел. бы ты нѣкоторый оубогый. которомꙋ то было имѧ лазар. которій то лежал оу ворот єго. будучи троудоватый. и хотѣ насытити ѿ крохъ. который ж былипометаны ѿ стола. богатог. але ніхто ємоу подати нехотѣ. псове пак приходѧчи ѡблізовали гной єго (вроды або болѧчкі) и сталосѧ єсть йже оумерль ѡнъ оубогый. и несень єсть ангелы на лона авраамовы. оумерль ты и богатый. и погребень єсть. и вь пеклѣ поднеслъ ѡчі свой. коли ж бы вмоуках. и оузрил авраама здалека. и лазора на лонѣ єго. и закрычавши рекль. о ѿче аврааме помилоуй мѧ. и пошли лазара. абы ѡмочил конец перста своє. оу водѣ. и оустꙋдил ꙗзык мой. бо терплю тѧжкоую моукѫ. в тот полюмени. Авраам пак ѿповѣдивши рекль ємоу. сыноу. вспомѧтай. иже єси оужиль добра своєго вь животѣ твоєм. а лазарь также злого. ѡ то ѡн теперечи потѣшаєсѧ. а ты моукѫ терпишь. а єще на то межи нами и вами. пропасть великаѧ оучинена єсть. абы тый который ѿселѣ хотѧ бы перейти. не моглъ и ни ты ѿтоудѧ быль не приходил. Рекль пак ѡниж прошꙋ тебе ѿче. пошли єго вдом ѿца моєго. бо єще маю пѧт братов. абы им свѣдчил. абы и ѡни не пришли на тоє мѣстце моучимоє. рекль ємꙋ авраам. маю моиусеѧ. и прркы. нехай их слоухаю. а ѡн рекль. нѣ ѿче аврааме. єсли бы кто ѿ оумерлых. шол до них. каѧли бы ѿ злостий. рекль ѡн. єсли моисеѧ. и прроков не слоухаю. то хотѧ кто ѿ оумерлых вскреснет. не имоут вѣрить.

Ко Нє Чти пак. . . .

ХРАМОВОЙ ИНВЕНТАРЬ, НАЙДЕННЫЙ ВЪ НЕМИ.

Сообщено **И. В. Помяловскимъ.**

Въ 1871 году при раскопкахъ, производившихся въ городкѣ Неми, недалеко отъ Альбано, былъ найденъ въ числѣ другихъ одинъ памятникъ, останавливающій на себѣ вниманіе археолога-эпиграфиста: этотъ памятникъ представляетъ колонку (στήλη) вышиною въ 0,95 м., шириною 0,52 м., на которой красивымъ письмомъ, могущимъ быть отнесеннымъ къ 1-му вѣку нашей эры, начертано слѣдующее:

RES· TRADITAE· FANIS· VTRISQVE
SIGNA· N· XVII· CAPVT· SOLIS· I· IMAGINES
ARGENTEAS· IIII· CLVPEVM· I· ARAS· AENEAS
DVAS· DELPHICAM· AENEAM· SPONDEVM· I·
ARGENTEVM· ET· PATERA· BASILEVM· ORNATVM
EX· GEMMIS· N̄· I· SISTRVM· ARGENTEVM· INAVRATVM
SPONDEVM· INAVRATVM· PATERA· CVM· FRVGIBVS
COLLAREM· EX· GEMMIS· BERYLLIS· SPATALIA· CVM
GEMMIS· II· COLLAREM· ALTERVM· CVM· GEMMIS
N̄· VII· INAVRES· EX· GEMMIS· N̄· X NAVPLIA· II
PVRA· CORONA· ANALEMPSIACA· I· CVM· GEMMIS
TOPAZOS N· XXI· ET· CARBVNCVLOS· N· LXXXIIII· CANCELLI
AENEI· CVM· HERMVLIS· N̄· VIII· INTRO· ET· FORAS
VESTEM· LINIAM· TVNICAM· I· PALLIVM· I· ZONA· I·
CVM· SEGMENTIS· ARGENTEIS· STOLA· I· VESTEM· ALTERA
LINTEA· PVRA· TVNICAM· PALLIVM· STOLA· ZONA
BVBASTO· VESTEM· SIRICAM· PVRPVREAM· ET

CALLAINAM· LABELLVM· MARMOREVM· CVM
COLVMELLA· HYDRIA· HYPSIANA· ET· LENTEA
PVRPVREA· CVM· CLAVIS· AVREIS· ET· ZONA
AVREA· TVNICAS· II· PRAECINCTA· ET· DISCINCTA
ET· PALLIOLVM· VESTEM· ALTERA· ALBA· TVNICA
STOLA· ZONA· ET· PALLIVM·

Надпись эта не преминула возбудить интересъ археологовъ и была издана съ краткимъ объясненіемъ Генценомъ сперва въ Римскомъ Bullettino dell' Instituto 1871 p. 51 и затѣмъ въ Hermes VI, 8. Изъ первой строки надписи мы видимъ, что передъ нами списокъ предметовъ, переданныхъ въ тотъ и другой храмъ, слѣдовательно родъ инвентаря различнымъ церковнымъ вещамъ, переданнымъ неизвѣстно кѣмъ въ два храма—Изиды и Бубастиды, какъ мы увидимъ ниже. Подобныхъ списковъ въ римской эпиграфикѣ нѣсколько, и задача настоящей замѣтки—сопоставить съ ними вновь найденный, съ тѣмъ чтобы изъ разбора его частностей уяснить вопросъ о вкладахъ, дѣлавшихся древними въ храмы, на сколько онъ можетъ быть уясненъ при пособіи данныхъ эпиграфическихъ. Разсматриваемый нами памятникъ довольно рѣзко отличается отъ сходныхъ съ нимъ по содержанію своею формою, которую мы позволимъ себѣ назвать *объективною*. Мы этимъ хотимъ выразить то, что, тогда какъ другіе памятники перечисляютъ вещи, пожертвованныя тому или другому божеству тѣмъ или другимъ лицомъ, нашъ памятникъ есть простая запись, перечень предметовъ, не заключающій ни имени лица жертвующаго, ни названія божества, которому жертвуется. Съ этою формою сходна одна Африканская надпись, найденная въ Циртѣ (Renier Inscr. de l'Alg. n. 1891), названная прямо *synopsis*. Было бы слишкомъ утомительно приводить in extenso всѣ памятники, заключающіе въ себѣ болѣе или менѣе подробное исчисленіе пожертвованныхъ божествамъ предметовъ, почему мы, ограничиваясь указаніемъ на главнѣйшіе (Henzen-Orelli 6139, 6140, 6141 [Renier 1890, 1891]; Hübner C. I. L. II. 2060, 3386, 3387; Mommsen C. I. L. III, 1952, Inscript. Neapol. 5 и др.), сопоставимъ данныя, извлекаемыя изъ нихъ, съ данными, заключающимися въ недавно найденномъ памятникѣ и относящимися къ вкладамъ въ храмы. Въ заключеніе мы разсмотримъ, какимъ божествамъ были принесены дары, исчисленные въ разсматриваемомъ памятникѣ.

Постараемся объяснить тѣ вклады, которые перечисляются въ нашемъ инвентарѣ:

1. Signa n. XVII. Слѣдовательно мы имѣемъ здѣсь 17 статуй или статуэтокъ. Статуи различныхъ видовъ и изъ различнаго матеріала попадаются на надписяхъ, именно въ качествѣ ἀναθήματα; отсюда видно, что онѣ, подобно современнымъ иконамъ, составляли самый распространенный видъ приношеній. Большинство такихъ статуй дѣлалось изъ мрамора (statuae marmoreae)[1])—при чемъ иногда обозначается, что онѣ сдѣланы изъ

одного куска камня [2]), или что изъ мрамора сдѣланъ одинъ только верхъ или оконечности, а все прочее изъ какого-нибудь другого матеріала [3]). Другія жертвуемыя статуи дѣлались изъ металла: бронзы [4]), серебра [5]) и даже золота [6]). Статуи ставились на базисахъ [7]), на которыхъ обыкновенно изображалась посвятительная надпись. Эти базисы большею частію были изъ иного матеріала, чѣмъ стоявшія на нихъ статуи; до насъ дошли почти исключительно мраморные, обшивавшіеся иногда и другими, болѣе дорогими камнями [8]); упоминаются также базисы изъ серебра [9]). Различнымъ образомъ украшались и самыя статуи [10]). Ниже мы приведемъ нѣсколько въ высшей степени интересныхъ памятниковъ, въ подробности описывающихъ изображенія женскихъ божествъ; здѣсь же мы представимъ описаніе одной серебряной статуи Юпитера, сохранившееся въ вышеприведенной Африканской надписи: „Перечень. Юпитеръ побѣдитель изъ серебра, что́ въ Капитоліѣ, у него на головѣ дубовый вѣнокъ изъ серебра въ 30 листьевъ, и въ ней 15 желудей; въ правой рукѣ у него серебряный шаръ (на которомъ) Викторія съ пальмою.... и вѣнкомъ въ 40 листьевъ,.... а въ лѣвой онъ держитъ серебряное копье [11])". Въ частности, въ этой надписи возбуждаютъ вопросъ слова: „что́ въ Капитоліѣ (in Capitolio). Было-бы, думается, ошибочно предполагать, что въ „синопсисѣ", найденномъ въ Циртѣ и очевидно относившемся къ одному изъ тамошнихъ храмовъ, заключалось описаніе Юпитерова изображенія, находившагося въ Римѣ, въ Капитоліѣ. Точно также нѣтъ основанія предполагать, чтобы какая-нибудь часть города Цирты носила названіе Капитолія. На истинный, какъ намъ представляется, смыслъ этого выраженія можетъ навести сопоставленіе съ слѣдующею надписью, найденною въ Испанской Тарраконѣ (C. I. L. II, 4079): Jovi optimo (maximo) (Capitoli)no sacrum. Отсюда видно, что Juppiter Capitolinus почитался и внѣ Рима. Не есть ли нашъ Juppiter Victor... in Capitolio тоже, что Juppiter Capitolinus? Если это такъ, то, кажется намъ, не будетъ большою смѣлостью предположить, что въ описанномъ на Циртской надписи изображеніи мы имѣемъ копію съ статуи Римскаго Капитолійскаго Юпитера времени Имперіи. Какъ статую Юпитера мы видѣли украшенною его аттрибутами, точно такъ и вотивныя изображенія другихъ божествъ украшались свойственными имъ принадлежностями; такъ на одной надписи изъ Римини [12]) мы читаемъ, что Валерій Зотикъ, севиръ Августальскій, эдилъ, по завѣщанію воздвигъ изображеніе отца Либера съ золотою повязкою изъ 3-хъ унцій, съ тирсомъ и съ серебрянымъ кубкомъ въ $2^1/_2$ фунта вѣсомъ. Изъ другой—Ланувинской мы видимъ, что Мецилія Бальбилла, жрица въ Ланувіумѣ, по обѣту отдѣлала за-ново въ храмѣ Юноны Спасительницы Матери Царицы щитокъ, щитъ, копье и башмаки [13])—разумѣется на изображеніи богини. Что эти предметы были дѣйствительно постоянными аттрибутами Ланувинской Юноны, видимъ мы изъ словъ Цицерона [14]): „ту вашу Соспиту, которую ты и во снѣ видишь не иначе, какъ съ козьей шкурой, съ копьемъ, со щиткомъ и съ загнутыми башмаками". Совершенно такимъ же является намъ изображеніе этой богини

на монетахъ нѣкоторыхъ Римскихъ gentes, напр. Cornuficia [15]), Procilia [16]), Roscia [17]) и др. Точно такою же представляется и колоссальная статуя Юноны въ Ватиканѣ, сильно впрочемъ рестраврированная [18]). Наконецъ въ третьей надписи мы имѣемъ фактъ, что жрецъ П. Марій Фаретра принесъ въ даръ Аттису жертвенникъ и серебряную луну, вѣсомъ въ фунтъ и 2 унціи [19]). Луна является здѣсь аттрибутомъ Аттиса, который зовется на нѣкоторыхъ надписяхъ: Menotyrannus [20]). Этихъ примѣровъ, думается, достаточно для того, чтобы можно было убѣдиться, что главныя украшенія жертвуемыхъ статуй состояли изъ аттрибутовъ того или другого божества. Жертвуемыя въ храмы изображенія ставились въ храмѣ и окружавшихъ его частяхъ или просто, т. е. прямо возлѣ стѣнъ, или же въ особыхъ кивотахъ и нишахъ, носящихъ различныя названія. Интересна слѣдующая надпись, дающая идею о такомъ расположеніи статуй въ кивотахъ [21]): „Венерѣ истинной счастливой Габинской. Авлъ Плутій Эпафродитъ (принадлежавшій къ неизвѣстной намъ ближайшимъ образомъ коллегіи accensi velati) [22]), торговецъ шелками, воздвигъ отъ земли на свои деньги храмъ съ бронзовой статуей, изображающей Венеру, также съ четырьмя бронзовыми статуями, расположенными въ zothecae, и съ бронзовыми дверьми и съ бронзовымъ жертвенникомъ и со всѣми украшеніями.... [23])“. Здѣсь интересно слово zothecae, объяснявшееся различно [24]); по всей вѣроятности оно обозначаетъ особыя ниши, которыя назначались для статуй, расположенныхъ, какъ можно догадываться, по одной въ каждой нишѣ [25]). Въ другой надписи мѣсто, куда ставились жертвуемыя статуи божествъ, называется theostasis; мы читаемъ [26]): „Публій Рутилій Синтрофъ, рѣщикъ мраморовъ, воздвигъ изъ мрамора на свой собственный счетъ иконостасъ въ храмѣ Минервы, какъ даръ, имъ обѣщанный“. Этимологія слова указываетъ на то, что theostasis назначалась для цѣлаго ряда статуй. Наконецъ изъ 3-го памятника [27]) узнаемъ, что статуи, особенно небольшія, ставились на особомъ столикѣ, называвшемся abacus. На хранящейся въ Парижскомъ Cabinet des médailles вазѣ изъ сардоника мы имѣемъ изображеніе подобнаго abacus, на которомъ, между прочими вещами, замѣчается одна статуэтка [28]).

Переходимъ къ дальнѣйшему обозрѣнію предметовъ, внесенныхъ въ нашъ инвентарь:

2. caput solis i. Подъ этою „головою солнца“ надобно разумѣть по всей вѣроятности бюстъ, сдѣланный или изъ мрамора или изъ какаго нибудь болѣе драгоцѣннаго матеріала. Мы имѣемъ здѣсь безъ сомнѣнія изображеніе т. н. Геліоса, который почти повсюду изображается въ видѣ бюста, голова котораго окружена лучеобразнымъ сіяніемъ [29]). Ниже мы увидимъ, что культъ этого божества имѣетъ связь съ культомъ Изиды.

3. imagines argenteas iiii. Выше мы имѣли 16 signa, здѣсь же 4 imagines. Очевидно, что оба эти слова различаются, подобно тому какъ въ одной надписи изъ Патръ, гдѣ, между прочимъ, читаемъ: imagine et statuis [30]). Что такое statua и signum, мы уже могли видѣть изъ предыдущаго: одно то обстоятельство, что при нихъ нерѣдко упоми-

нается базисъ, можетъ указывать на значеніе ихъ въ смыслѣ статуй. Отличающееся отъ нихъ слово imago вѣроятнѣе всего будетъ принять за грудное изображеніе, будетъ ли оно въ видѣ бюста или барельефа [31]). Такое пониманіе подтверждается между прочимъ и тѣмъ, что при imago весьма рѣдко упоминается базисъ. Эти imagines дѣлались большею частію изъ серебра [32]) или золота [33]) и ставились на особаго рода подставкахъ (mutuli) [34]) вдоль стѣнъ, почему и зовутся на одной надписи parastaticae [35]).

Вслѣдъ за imagines разсматриваемый инвентарь упоминаетъ

4. clupeum i. И это слово встрѣчается не рѣдко при перечисленіи анаѳематъ, приносившихся различнымъ божествамъ. Оно отличается отъ statua [36]) и отъ imago [37]), съ которымъ впрочемъ нерѣдко соединяется. Что̀ разумѣлось подъ этимъ словомъ, видно изъ различныхъ мѣстъ древнихъ [38]), свидѣтельствующихъ, что подъ clupeus, кромѣ обыкновенныхъ щитовъ, разумѣлись щитообразныя фигуры, на которыхъ находились грудныя изображенія тѣхъ или другихъ лицъ (imagines clupeatae) [39]). Отъ древности дошло до насъ нѣсколько подобныхъ изображеній: одно изъ нихъ (мраморное) можно видѣть въ Капитолійскомъ музеѣ—оно представляетъ на круглой пластинкѣ горельефное изображеніе юношеской головы съ не-Римскими, а скорѣе варварскими чертами лица [40]). Были также и живописныя изображенія на clypei, что̀ видно какъ изъ приведенныхъ въ примѣчаніи словъ Макробія, такъ и изъ одной Греческой надписи, гдѣ, между прочимъ, читаемъ: ΕΙΚΩΝΑ ΓΡΑΠΤΑΝ ΕΝ ΟΠΛΩ ΕΝΧΡΥΣΩ [41]). Такіе clypei дѣлались обыкновенно изъ дорогихъ металловъ: серебра [42]) (при чемъ изображеніе не рѣдко бывало золотое) [43]) и золота [44]), и вѣшались или въ самомъ храмѣ или снаружи, преимущественно на верхней его части, на фронтонѣ или непосредственно подъ нимъ (in fastigio) [45]). Такъ какъ съ теченіемъ времени обыкновеніе ставить эти clypei стало все болѣе и болѣе распространяться, и подобные ex voto могли совершенно потерять свое значеніе, то какой-то Руфъ, бывшій казначеемъ неизвѣстной коллегіи, выстроившій въ Asculum храмъ Fortunae reduci, поставилъ условіемъ, что всякій, кто захочетъ поставить въ этомъ храмѣ clipeus, долженъ заплатить въ (коллегіальную) кассу 2000 сестерціевъ [46]).

Вслѣдъ за clipeus нашъ инвентарь упоминаетъ:

5. *aras aeneas duas*. Бронзовые жертвенники попадаются на надписяхъ не разъ [47]). По предположенію Марини [48]), это не суть неподвижные алтари, но скорѣе небольшія жаровни съ ручками, могшія удобно быть переносимыми съ одного мѣста на другое. Изображеніе подобнаго жертвенника находится на одномъ барельефѣ, бывшемъ въ Museo Borgiano въ Веллетри и приложенномъ Марини къ его сочиненію объ Арвальскихъ братьяхъ. Слѣдовательно, по предположенію Марини, подъ этими arae aeneae разумѣется тоже, что̀ у нѣкоторыхъ писателей и на надписяхъ зовется foculus [49]) или focus [50]).

Далѣе инвентарь приводитъ

6. delphicam aeneam. Подъ этимъ названіемъ были извѣстны треножники [51]), полу-

чившіе его по сходству съ знаменитымъ Дельфійскимъ. Неизвѣстно съ точностью, для какой цѣли они служили; можно догадываться, что они употреблялись для постановки на нихъ какихъ нибудь болѣе дорогихъ анаѳематъ [52]), сами, между прочимъ, тоже составляя анаѳему [53]). Эти треножники, дѣлавшіеся обыкновенно изъ бронзы, были различнымъ образомъ украшаемы [54]).

Затѣмъ упоминается

7. spondeum i argenteum. Какъ показываетъ сама этимологія, spondeum (σπονδεῖον) есть особый жертвенный сосудъ, употреблявшійся для возліяній [55]). На одной Греческой надписи [56]) въ числѣ предметовъ, пожертвованныхъ въ храмы Изиды и Сераписа, мы также имѣемъ σπονδεῖον.

Въ связи съ этимъ spondeum, какъ сосудъ, употреблявшійся при возліяніяхъ (libationes), упоминается въ нашемъ инвентарѣ и

8. patera. Достаточно припомнить Виргиліево: pateris libamus et auro [57]). Это тоже, что φιάλη на приведенной въ примѣчаніи 56 надписи изъ Эфеса [58]).

Далѣе слѣдуетъ

9. basileum ornatum ex gemmis n. i. Подъ basileum=βασίλειον разумѣется царскій вѣнецъ [59]), употреблявшійся преимущественно въ Египтѣ [60]) и придаваемый нерѣдко Изидѣ [61]), какъ царицѣ [62]). Описаніе такой діадемы, принесенной въ даръ также Изидѣ, мы имѣемъ на одной Испанской надписи [63]), гдѣ, между прочимъ, читаемъ, что Фабія, дочь Луція, Фабіана, бабка, въ честь своей внуки Авиты, по повелѣнію бога Нетона (Марса) [64]) воздвигла Изидѣ, покровительницѣ дѣтей, серебряную статую съ различными украшеніями, въ числѣ которыхъ на первомъ мѣстѣ стоитъ: „въ діадемѣ жемчужина солитеръ и 6 поменьше, два изумруда, 7 цилиндровъ, драгоцѣнный камень рубинъ, драгоцѣнный камень гіацинтъ и два драгоцѣнные камня ceraunіae (неизвѣстнаго вида) [65])". Этотъ basileum, будучи упомянутъ въ нашемъ инвентарѣ отдѣльно, по всей вѣроятности и на самомъ дѣлѣ былъ отдѣленъ отъ статуи Изиды, надѣваясь на нее непостоянно [66]).

Вслѣдъ за basileum приводится

10. sistrum argenteum inauratum. Систръ былъ извѣстный инструментъ, употреблявшійся при религіозныхъ церемоніяхъ Изидина культа и издававшій рѣзкіе звуки [67]). Дѣлался онъ обыкновенно изъ бронзы [68]); въ нашей же надписи онъ серебряный вызолоченный. Мы имѣемъ эпиграфическія извѣстія о томъ, что въ храмы различныхъ божествъ жертвовались обыкновенно предметы, имѣвшіе болѣе или менѣе непосредственное отношеніе къ ихъ культу; изъ такихъ извѣстій особенно интересны слѣдующія два: одна надпись, находящаяся въ Салонѣ, сообщаетъ намъ, что „Курія Приска отдѣлала вновь храмъ Великой Матери (боговъ=Кивелы), поставила статуи, лароносицу (и пожертвовала) кимвалы, тимпаны, блюдечко, ножницы..... [69])". Кимвалы и тимпаны считались отличительною принадлежностью культа Кивелы [70]), catillus, упоминающійся вслѣдъ за ними,

есть небольшое блюдо, тоже, по всей вѣроятности, употреблявшееся при таинствахъ этой богини—для чего, не извѣстно [71]); наконецъ forfices—ножницы относятся очевидно къ кастраціи жрецовъ и поклонниковъ Кивелы. Въ другой, не менѣе интересной, надписи читаемъ: „Богу Эскулапію Валерій Симфоръ и Протисъ, охотно исполняя свой обѣтъ, (принесли въ даръ) за великое дѣйствіе божества на нихъ: бронзовую статую Сна, золотую цѣпь изъ двухъ змѣекъ вѣсомъ въ $1^1/_2$ фунта и 5 унцій и anabolium (неизвѣстный ближайшимъ образомъ хирургическій инструментъ) [72])". Эскулапу, какъ богу врачества, приносится въ даръ хирургическій инструментъ, врядъ-ли, правда, имѣющій отношеніе къ его культу, но все же указывающій на извѣстную связь между приносимыми предметами и сущностью того божества, которому они дарятся [73]). Возвращаясь къ нашему памятнику, упоминающему про систръ, почти исключительно присвоенный Изидѣ, мы до извѣстной степени вправѣ заключить, что какъ онъ, такъ и другіе предметы жертвуются въ храмъ этой богини.

Далѣе инвентарь упоминаетъ

11. spondeum inauratum patera cum frugibus. Послѣднее врядъ ли будетъ значить, что въ этой чашѣ были колосья; вѣроятно то, что она была покрыта чеканомъ, изображавшимъ колосья [74]).

Далѣе стоитъ:

12. collarem ex gemmis beryllis. Подъ этимъ разумѣется collare или монисто, сдѣланное изъ крупныхъ бериллов и надѣвавшееся вѣроятно на изображеніе Изиды. Точно также на Испанской надписи, при описаніи также Изидиной статуи, читается: „на шеѣ 4 ягоды съ 36 жемчужинами, 18 изумрудами и 2-мя на застежкахъ [75])". Вообще мы имѣемъ не мало эпиграфическихъ свидѣтельствъ о томъ, что божествамъ приносились въ даръ драгоцѣнныя collaria [76]).

Вслѣдъ за ожерельемъ нашъ инвентарь упоминаетъ

13. spatalia cum gemmis ii. Словомъ *spatalium* обозначается, между прочимъ, родъ браслета [77]), носившагося женщинами, какъ думаетъ Гюбнеръ [78]), на верхней части руки. Въ вышеупомянутой Испанской надписи мы имѣемъ описаніе такихъ браслетовъ: „на браслетахъ изумруды числомъ 8 и жемчужины числомъ 8 [79])".

Затѣмъ слѣдуетъ другое ожерелье съ 7 драгоцѣнными камнями

14. collarem alterum cum gemmis n. VII и

15. inaures ex gemmis n. x. Подъ словомъ inaures, какъ видно изъ самой этимологіи, разумѣлись серьги, которыя вдѣвались въ уши женщинъ. Въ нашемъ памятникѣ онѣ предназначались вѣроятно для того, чтобы быть вдѣтыми въ уши богинѣ, и состояли каждая изъ 5 драгоцѣнныхъ камней. Точно также и въ Испанской надписи упоминаются „серьги изъ 2 изумрудовъ и 2 жемчужинъ [80])", т. е. по одному изумруду съ жемчужиной на каждой.

Вслѣдъ за серьгами упоминается совершенно неизвѣстное слово

16. nauplia. ii. pura. Генценъ [81]) полагаетъ, что тутъ рѣчь идетъ о раковинѣ nauplis, о которой говоритъ Плиній [82]), и которая, ради своей рѣдкости, могла быть принесена въ даръ божеству. Генценъ же приводитъ мѣсто изъ Перипла Краснаго моря [83]), гдѣ, въ числѣ предметовъ, вывозимыхъ изъ Эѳіопіи, упоминается ναύπλιος ὀλίγος. Изъ сопоставленія этого ναύπλιος съ слоновой костью, клыками носорога и черепахой можно думать, что и это загадочное слово обозначало какой нибудь дорогой матеріалъ, имѣвшій уже отъ природы опредѣленную форму, почему въ нашемъ инвентарѣ и обозначенъ лишь своимъ названіемъ безъ обозначенія предмета изъ него выдѣланнаго.

Не менѣе загадочно слѣдующее выраженіе:

17. corona analempsiaca. i. cum gemmis topazos n. xxi et carbunculos n. LXXXIIII [84]). Слово analempsiacus ближе всего сопоставить съ Іонійскою формою, встрѣчающеюся у Иппократа, ἀνάλημψις—въ значеніи ἀνάληψις отъ ἀναλαμβάνειν. Этого сопоставленія держатся Моммсенъ и Генценъ [85]) и понимаютъ подъ *corona analempsiaca* такой вѣнецъ, который, будучи надѣтъ на идолъ богини, могъ впослѣдствіи быть снятымъ. Но это объясненіе вызываетъ нѣкоторыя недоумѣнія, особенно въ виду того, что въ приведенной въ примѣчаніи 84 Остійской надписи эта corona analempsiaca отдѣляется отъ corona aurea, что́ заставляетъ предполагать, не есть ли первый эпитетъ обозначеніе или матеріала, изъ котораго былъ сдѣланъ, или формы, которую имѣлъ загадочный вѣнецъ? Съ другой стороны представляется, хотя, правда, отдаленная, возможность сопоставить analempsiacus съ ἀναλάμπειν и думать о вѣнцѣ съ сіяніемъ. Не смотря на этимологическое затрудненіе, послѣднее сопоставленіе представляется намъ болѣе вѣроятнымъ, тѣмъ болѣе, что Египетскія божества очень нерѣдко изображались короной [86]). Къ послѣднему же объясненію заставляютъ склоняться и мѣста древнихъ, въ которыхъ про блескъ, лучеобразно исходящій отъ божескихъ ликовъ, нерѣдко употребляется ἀναλάμπειν—effulgere [87]). Упоминаемый въ нашемъ инвентарѣ вѣнецъ былъ украшенъ 21 топазомъ и 84 рубинами; подобныя украшенія бывали на вѣнцахъ нерѣдко [88]).

Разсмотрѣннымъ вѣнкомъ кончается перечисленіе драгоцѣнныхъ вкладовъ, вслѣдъ за которыми упоминаются

18. cancelli aenei cum hermulis n̄. VIII intro et foras, относящіеся очевидно или ко всему храму или къ бывшимъ въ немъ aediculae. Въ эпиграфическихъ памятникахъ намъ нерѣдко попадаются рѣшетки, огораживающія священныя мѣста и предметы [89]), но нашъ инвентарь сообщаетъ еще любопытную подробность о томъ, что онѣ были украшены гермами [90]), числомъ 8, снаружи и во внутрь. Пониманіе послѣднихъ словъ довольно затруднительно; не извѣстно, думать ли, что гермы были расположены такъ, что 4 изъ нихъ выходили лицомъ наружу, т. е. внѣ храма, а 4 другія были обращены во внутрь, или же представлять себѣ всѣ 8 гермъ двойными.

Въ заключеніе идетъ перечисленіе одеждъ, пожертвованныхъ въ храмы:

19. vestem. liniam. tunicam. i. pallium. i. zona. i. cum segmentis argenteis. stola. i. Здѣсь слово vestis имѣетъ обширное значеніе, вмѣщая въ себѣ нѣсколько отдѣльныхъ частныхъ одеждъ, а именно: tunica, pallium, zona и stola. Всѣ онѣ были полотняныя (vestis linia), что́ совершенно естественно, потому что, по единогласному свидѣтельству древнихъ писателей, жрецы и поклонники Изиды постоянно ходили въ бѣлыхъ полотняныхъ одеждахъ, служившихъ ихъ отличительнымъ признакомъ [91]). То обстоятельство, что въ эти полотняныя одежды одѣвались жрецы, не можетъ ли дозволить предположеніе о томъ, что упомянутая въ нашемъ инвентарѣ, vestis linea, есть принадлежность орната [92]) жрецовъ Изиды? Что лица, посвящавшія себя культу этой богини, носили особый орнатъ, видно какъ изъ мѣстъ древнихъ писателей, такъ и изъ слѣдующей Испанской надписи [93]): „Ливія Халкедоника, посвятившая себя богинѣ Изидѣ, покоится здѣсь, облаченная по своимъ средствамъ: на шеѣ ожерелье изъ драгоцѣнныхъ камней, на пальцахъ 20 изумрудовъ"…. Это облаченіе, по свидѣтельству нашего инвентаря, состояло изъ слѣдующихъ одеждъ: tunica. На барельефѣ, изображающемъ помпу Изидиныхъ жрецовъ и находящемся въ Museo Chiaramonti (въ Ватиканѣ), мы имѣемъ изображеніе женщины въ одной туникѣ. Изъ нашего же памятника скорѣе придется заключить, что поверхъ этой туники надѣвались другія одежды, именно: pallium и stola, равно какъ и поясъ. Что касается до pallium'a, то онъ въ другихъ мѣстахъ не упоминается, какъ принадлежность орната Изидиныхъ жрицъ; но за то упоминается palla [94]), что́ заставляетъ предполагать, что она-то и разумѣется въ нашемъ инвентарѣ подъ словомъ pallium. Апулей описываетъ эту одежду, какъ длинное покрывало, накинутое на тѣло и которое, опускаясь на правомъ боку, поднималось къ лѣвому плечу; это покрывало было все обшито бахромой. Не извѣстно, чѣмъ отличалась отъ этой palla stola, которую въ числѣ одеждъ Изидиныхъ жрецовъ приводитъ Аппіанъ [95]). Какъ бы то ни было, мы имѣемъ три одежды, составлявшія орнатъ жрицы Изиды; эти три одежды видимъ мы и на замѣчательной статуѣ Музея Кьярамонти [96]), изображающей Изидину жрицу: непосредственно на тѣлѣ находится длинное, весьма тонкое одѣяніе, ниспускающееся до ногъ, рукава на немъ короткіе и застегнуты пуговицами—это tunica нашей надписи. На тунику надѣта другая одежда, охватывающая горло и нисходящая до колѣнъ. Что́ соотвѣтствуетъ ей въ нашей надписи—stola или pallium? Я рѣшился бы отожествить ее съ первою. Наконецъ идетъ третья одежда, во всемъ схожая съ описанною Апулеемъ palla—pallium нашего инвентаря. Это одѣяніе широкое, ниспадающее роскошными складками и обшитое бахромою. Часть его надвинута на голову, прикрывая ее такъ, что бахрома отброшена назадъ и падаетъ на плечи. Сверхъ сего, нашъ инвентарь приводитъ еще zona i cum segmentis argenteis. Послѣднія слова можно относить или къ одному поясу, или же и къ туникѣ съ палліумомъ; они означаютъ серебряные галуны [97]), нашитые на поясѣ и одеждѣ.

Затѣмъ инвентарь упоминаетъ

20. vestem. altera. lintea. pura. tunicam. pallium. stola. zona. Опять мы видимъ тотъ же составъ отдѣльныхъ частей, входившихъ въ это второе полотняное облаченіе, которое зовется vestis pura потому, какъ предполагаетъ Генценъ, что было безъ сегментовъ. Этимъ кончается первый отдѣлъ инвентаря, въ которомъ исчислены предметы, пожертвованные въ одинъ храмъ—Изидинъ, какъ предположили мы въ самомъ началѣ. Это предположеніе, кажется, можетъ быть оправдано всѣмъ предыдущимъ, а стоящимъ послѣ перваго отдѣла словомъ Bubasto возведено въ фактъ вполнѣ достовѣрный. Дѣло въ томъ, что въ приведенной въ примѣчаніи Остійской надписи мы имѣемъ совокупное посвященіе предметовъ Isidi Bubasti, что̀ подтверждается и другою—Паннонскою [98]), гдѣ также читаемъ: Isidi Aug. et Bubasti. Отсюда видно, что Бубастида соединяется съ Изидою, что̀ совершенно и естественно. Иродотъ [99]) при описаніи Египта упоминаетъ про богиню Βούβαστις, почитаемую особенно въ городѣ того же имени, и которую онъ сравниваетъ съ Артемидой. Бубастида не рѣдко сопоставляется съ Изидой [100]) (по Иродоту она даже дочь послѣдней) и по всей вѣроятности вмѣстѣ съ нею перешла въ Римъ. Доказательствомъ того, что культъ ея былъ распространенъ, кромѣ упомянутой выше Остійской надписи [101]), въ которой мы имѣемъ какую-то Diodora Bubastiaca, т. е. поклонницу (или даже жрицу) Бубастиды, служитъ другая надпись, въ которой мы имѣемъ надгробіе, воздвигнутое „Ostoriae Successae sacerdoti Bubastium“. Изъ этихъ двухъ памятниковъ видно, что въ Остіи существовалъ довольно распространенный культъ Бубастиды. Интересно то обстоятельство, что онъ былъ распространенъ именно въ Остіи. Тамъ же мы находимъ поклоненіе Миѳрѣ, Изидѣ, Кивелѣ и другимъ восточнымъ божествамъ, поклоненіе, распространенность котораго именно въ Остіѣ объясняется положеніемъ послѣдней какъ порта, въ который стекались люди съ разныхъ концовъ свѣта. Возвращаясь къ разсматриваемому инвентарю, мы видимъ, что подъ Bubasto [102]) приходится разумѣть Бубастиду, въ храмъ которой приносятся слѣдующія пожертвованія:

1. vestem siricam purpuream et callainam, т. е. двѣ шелковыя одежды: пурпуровая и темносиняя [103]).

Далѣе дарятъ Бубастидѣ

2. labellum marmoreum cum columella. Labellum, происходя отъ labrum [104]), обозначаетъ небольшой бассейнъ, предназначавшійся по всей вѣроятности для омовеній. Это предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что намъ извѣстна та значительная роль, которую играли постоянныя омовенія въ культѣ Египетскихъ божествъ. Въ нашей надписи этотъ бассейнъ сдѣланъ изъ мрамора и поставленъ на колонкѣ. Образецъ такого labellum найденъ въ Помпеяхъ [105]) и представляетъ большое сходство съ старинными bénitiers, находящимися въ католическихъ храмахъ.

Вслѣдъ за бассейномъ инвентарь упоминаетъ

3. hydria hypsiana. Гидріями, какъ извѣстно, назывались сосуды, которыми черпали и въ которыхъ держали воду [106]); что же значитъ здѣсь эпитетъ hypsiana, приданный этой hydria, за неизвѣстностью самого слова, сказать не возможно.

Въ заключеніе перечисляются одежды:

4. et lentea purpurea cum clavis aureis et zona aurea. tunicas ii. praecincta et discincta et palliolum vestem altera alba tunica stola zona et pallium. Во 1-хъ мы имѣемъ полотняную пурпурную одежду съ золотыми позументами (vestis auro clavata) [107]) или нашивками и золотымъ поясомъ, затѣмъ двѣ туники: praecincta т. е. такую, которую надобно было подпоясывать и discincta—не требовавшую пояса, и наконецъ маленькій pallium. Въ заключеніе упоминается другое бѣлое облаченіе [108]), состоявшее также, какъ и упомянутое въ 1-мъ отдѣлѣ, изъ туники, столы, пояса и палліума.

Изъ объясненія отдѣльныхъ выраженій разсмотрѣннаго памятника съ одной стороны можно до нѣкоторой степени уяснить себѣ вопросъ о вкладахъ, дѣлавшихся въ храмы, съ другой же можно вывести, что въ этомъ памятникѣ мы имѣемъ синопсисъ разнообразныхъ и дорогихъ предметовъ, пожертвованныхъ не извѣстно кѣмъ въ два храма (res traditae fanis utrisque)—Изиды и Бубастиды, находившіеся въ I-мъ вѣкѣ нашей эры близъ озера Неми. Эта мѣстность на-далеко была извѣстна знаменитымъ храмомъ Діаны (Diana Nemorensis), подробности о которомъ сообщаетъ намъ Страбонъ. Теперь мы узнаемъ, что тутъ же, можетъ быть съ самой оградѣ Діанина храма, находились два капища (fana) другихъ божествъ—Изиды и Бубастиды.

Примѣчанія.

1) Marini Atti Arv. p. 582; signum marmoreum Henz. 5669; Jovem marmoreum Henz. 6133; sigillum marmoreum Or. 1344; Marti.... sigillum marmoreum C. I. L. V, 1, 5081; sigilla marmuria dua Herculem et Mercurium..... sigillum marmurium Liberi C. I. L. III, 1, 633.

2) Silvanum monolithum sanctum. Or. 1593. Plin. N. H. XXXVI. 37: sicut in Laocoonte, qui est in Titi imperatoris domo, opus omnibus et picturae et statuariae artis praeferendum, ex uno lapide eum ac liberos draconumque mirabilis nexus de consilii sententia fecere summi artifices Hagesander et Polydorus et Athenodorus Rhodii.

3) Telluri Genetrici.... simulacrum deae acrolithum.... dono dedit. Renier 2531 (Cuicul). Это же слово встрѣчается и у Trebell. Pollio 32 (Titus): cuius statuam in templo Veneris adhuc vidimus acrolitham, sed auratam и у Vitruv. 2, 8, 11; in summa arce media Martis fanum habens statuam colossicam acrolithon nobili manu Leocharis factam. Винкельманъ

(Истор. искуст. 1, 2, p. 31 Итал. перевод. Fea) доказываетъ, что такъ назывались статуи, имѣвшія голову, руки и ноги изъ мрамора, остальное же изъ дерева или металла. Это же слово acrolitha, думается мнѣ, надобно читать на надписи у Grut. 76, 9: simulacra. duo. spei. corolitica. d. d., гдѣ corolitica не даетъ смысла.

⁴) Statuam aeream Grut. 46, 11; cf. 58, 1; 53, 3; 70, 8; 103, 7; 110, 9; 1069, 1 (48, 5 поддѣлка). Signum Somni aereum. Or. 1572; signum aereum pantheum Reines. 1, 3, p. 8; stat(uam) aen(eam) id. 1, 275; p. 239; cf. n. 277. stat(uam) ex aere pos. Mur. 1. 8. 1. ex Ligorio? cf. id. 38, 4 ex eod.? statuam aeream Mercuri Momms. Ins. Neap. 5; statuam aeream Silvani cum aede C. I. L. III, 1, 633; signum aereum Martis in foro posuit C. I. L. II, 1956. На одной Испанской надписи мы имѣемъ даже обозначеніе цѣны, въ которую обошлась какому-то Луцію Юлію бронзовая статуя Генія, воздвигнутая въ Севильѣ—именно 62 денарія. Spon, Miscellan. p. 66, приводитъ надпись, на которой встрѣчается sig(num) corinthium, т. е. изъ коринѳскаго металла, считавшагося въ древности выше золота и серебра и о которомъ въ подробности говоритъ Плиній N. H. XXXIV. 1. sqq. Но Орелли заподозрилъ эту надпись.

⁵) Signum argenteum Grut. 37, 13; Mars argenteus Grut. 48, 5 (falsa), Jovis Victor argenteus Renier 1890; signum argenteum C. I. L. II, 128; ibid. 3228; sign(a) arg(entea) VII Henz. 6141; lares argenteos septem Momms. I. N. 5; argenteam statuam Felicitatis Momms. I. N. 1092. Иногда эти серебряныя статуи были и вызолочены—такъ въ одной надписи у Momms. I. N. 5354 читаемъ, что Acca L. f. Prima ministra Matris Magnae Matrem refecit Magnam et inauravit. Многіе памятники сохранили намъ и вѣсъ этихъ серебряныхъ статуй; особенно многочисленны въ этомъ отношеніи надписи Испанскія, что̀ объясняется совершенно естественно, если мы примемъ во вниманіе громадное количество благородныхъ металловъ, добывавшихся въ Испаніи (ср. Hübner Hermes 1, 347); напр. signum Junonis ex argenti libris L. (C. I. L. 2, 1036); signum Panthei..... ex argenti libris C (ib. 1473); statuam Pietatis.... ex arg(enti) p(ondo) C (ib. 1474); boni Eventus.... ex arg(enti) libris CL (ib. 1471); Pietati Aug(ustae).... ex arg(enti) p(ondo) (ib. 1663); Junoni reginae ex argent(i) libris centum (ib. 1267); Pietati Aug(ustae).... hoc donum.... ex arg(enti) libris C d(ono) d(edit) (ib. 3265); Isidi puel(lari).... ex arg(enti) p(ondo) CXIIS (=centum duodecim semis)=(unciarum duarum) L (semunciae) OV (scriptulorum quinque) (ib. 3386). Попадаются подобныя обозначенія и въ другихъ мѣстностяхъ, напр. въ Нарбонѣ: signum argenteum p. p(ondo) XII Grut. 48, 6 (id. 113, 3, подозрит.); въ Амитернѣ: Aesculapio ex argenti p(ondo) C. Momms. I. N. 5751); сл. Murator. 1, 8, 1 (ex Ligorio) и Orelli 1381.

⁶) Золотыхъ статуй встрѣчается гораздо меньше; напр. въ Испаніи: signu(m) aureum C. I. L. II, 1582; Fortunae signum aureum p(ondo) V it(em) Mercurio p. V. (ib. 2103). Затѣмъ въ одной Брундузійской надписи читаемъ: Genio decurion.... (ex a) v (r)i libra

Momms. I. N. 450; въ другой у Doni p. LXVI. signa aurea Fortunae Praen. et Feroniae sanctissimae d(ono) d(edit). Интересно свидѣтельство одной Ланувинской надписи (у Or. 2503), относящейся по всей вѣроятности къ храму Юноны Соспиты, о томъ, что Гадріанъ перелилъ 3 фунта золота и 206 фунтовъ серебра изъ пришедшихъ за ветхостью въ негодность пожертвованій и на нихъ соорудилъ статую Юноны: I. S. M. R. statuam ex donis aureis | et. arg. vetustate corruptis | fieri et consecrari iussit | ex auri. p. III. et arg. p. CCVI. Кромѣ самаго факта, интересна пропорція между вкладами вещей изъ золота и изъ серебра.

[7]) Signum cum bas(i) у Fabretti Inscr. VI. 17. p. 437; X, 132 p. 692; Doni 20, 68; Gori Inscrip. Etrur. 2, p. 56; Murat. XVI. 4. Statuam basim Or. 1818; signum cum sua basi C. I. L. II, 2035; Renier Insc. de l'Alg. 151.

[8]) Этотъ фактъ можно извлечь изъ слѣдующаго интереснаго отрывка (Grut. XCVIII. 8. Viennae Allobrogum in porta Cloistria. E Verderii Knibbiisque schedis=Herzog. Gall. Narbon. p. 111. n. 518 и Archäol. Zeit. 1853. p. 338):... d. d. flaminica Viennae | tegulas. aeneas. auratas | cum carpusculis. et | vestituris. basium. et. signa | castoris et pollucis cum equis | et signa herculis. et mercuri | d. s. d. Изъ этого памятника видимъ, что какая-то фламиника города Віенны на свои собственныя деньги пожертвовала (de suo dedit) бронзовыя вызолоченныя досчечки съ carpusculi и обшивкою базисовъ, статуи Кастора и Поллукса съ конями (т. е. Касторъ и Поллуксъ были изображены въ видѣ всадниковъ) и статуи Геркулеса и Меркурія. Подъ словомъ tegula разумѣлась обыкновенная черепица, которою крыли крышу (кромѣ примѣровъ, приводимыхъ у Forcellin. Lex. s. v. сл. C. I. L. III, 1, 633: Coratius Sabinus at templum tegend(um) tegulas CCCC tectas); здѣсь же это слово имѣетъ очевидно другое значеніе, такъ какъ рѣчь идетъ объ украшеніи базисовъ; по всей вѣроятности здѣсь подъ tegulae разумѣются бронзовыя досчечки или пластинки, служившія также украшеніемъ базисовъ, по всей вѣроятности это тоже, что́ tabella aenea, встрѣчающаяся на слѣдующей надписи у Orell. 2502: Bebrix. Aug. l. Drusianus. A. Fabius. Xanthus. cur | imagines. argenteas. deorum. septem | post. dedicationem scholae | et mutulos cum tabella aenea | de sua pecunia dederunt. Здѣсь эти mutuli т. е. выдающіяся подставки (Vitruv. 4, 8) также украшены бронзовою досчечкою. Возвращаясь къ Вьенской надписи, мы вслѣдъ за бронзовыми пластинками имѣемъ carpusculi. Такъ читается это слово въ текстѣ Грутера; Сомезъ же и Казобонъ (ad Vopisc. Aurelian. 30) даютъ чтеніе carpisculi. Въ первой формѣ это слово можетъ стоять въ связи съ καρπός и обозначать различные цвѣты и плоды, изображавшіеся на базисахъ (De Vit Lex. s. v.); во второй же, оно, будучи тожественно съ carpisculus—родъ обуви,* подобно Греческому κρηπίς, можетъ обозначать какую нибудь, неизвѣстную ближайшимъ образомъ часть базиса. Наконецъ слѣдуютъ vestiturae basium, которыя Фурланетто (въ Forcell. Lex. s. v.) объясняетъ какъ anaglypta et scalpturae basium. Но тогда не по-

нятно, почему такія лѣпныя украшенія зовутся именно vestiturae. Намъ кажется, что подъ этимъ словомъ скорѣе надобно разумѣть инкрустацію изъ болѣе дорогихъ камней, выложенную на базисѣ. Такъ очень не рѣдко употребляется vestire про обклейку или обшивку предметовъ, напр. Plin. N. H. IX. 11, 13: Testudinum putamina secare in laminas lectosque et repositoria his vestire. Другіе примѣры у Forcell. s. v.

[9]) Bases. ii. arg(enteas) p(ondo) V. C. I. L. II, 2103 къ двумъ золотымъ статуямъ Фортуны и Меркурія. На одной Греческой надписи (у Maffei Mus. Veron. XXXVIII) читаемъ, что какой-то Квинтъ Валерій Юліанъ воздвигъ Асклипію ἄγαλμα σὺν βάσει ἀργυρέῃ γύψου μεστῇ... ἄσταθμον. Здѣсь интересно то, что базисъ для бо́льшей прочности, внутри былъ наполненъ гипсомъ.

[10]) Simulacrum exornatum зовется такая статуя въ надписи у Henz. 6052 a, и parembole зовется самое украшеніе у Or. 1919.

[11]) Synopsis |Jovis. victor. argenteus| in kapitolio habens. in capite co|ronam argenteam querqueam| folior. XXX. in qua glandes n̄. XV. fe|rens in manu dextra orbem argen|teum et victoria. palmam. ferentem|..... et coronam folior. XXXX|.... sin)istra hastam arg. tenens.

[12]) Or. 1484 считаетъ ее подозрительною. Защищена у Tonini: Rimini avanti il principio dell' era volgare p. 331, 4 и Henz. Or. p. 144. Надпись читается у Тонини слѣдующимъ образомъ: Tullius |zoticus. vi| vir. aug(ustalis). aed(ilis) |liberum. patrem| cum redimiculo| auri—III (=unciarum trium). et. thyrso| et. cantharo. arg(enteo). p(ondo). II.S |testamento|...... Подъ redimiculum была извѣстна особаго рода повязка при восточномъ головномъ уборѣ, называвшемся mitra.

[13]) Or. 1308: d(is) m(anibus) s(acrum) |ossa mecillae balbillae lanuvii| sac(erdotis) quae in aede iunonis s(ospitis) m(atris) r(eginae) |scutulum et clyp(eum) et hast(am) et calc(eos)| rite novavit voto.

[14]) N. D. 1, 29, 83: illam vestram Sospitam, quam tu numquam ne in somniis quidem vides nisi cum pelle caprina, cum hasta, cum scutulo, cum calceolis repandis.

[15]) Riccio. Le monete delle antiche famiglie di Roma. Ed. 2. Napoli. 1843. Tav. XVII. 1, 2, 3.

[16]) Riccio T. XL. 1.

[17]) Riccio T. XLI.

[18]) Visconti Mus. Pio Clementino T. II. p. 175 и Tav. 21.

[19]) Momms. I. N. 5354: Attini. aram |lunam. argent| p.=. posit p. marius| pharetra. sacerd.

[20]) Or. 1900, 1901.

[21]) Or. 1368. Исправнѣе у Visconti Monumenti Gabini della villa Pinciana p. 121.

[22]) Fabretti Inscr. p. 433. A. Turris. Monum. veteris Antii p. 36.

[23]) Veneri. verae. felici. gabinae | a. plutius. epaphroditus. accens(us) velat(us). negotiator. sericarius. templum. cum | signo. aereo. effigie. veneris. item. signis. aereis. n(umero) IIII. dispositis in zothecis. et | balbis. aereis. et. ara. aerea. et omni cultu. a. solo. sua. pecunia fecit etc.

[24]) Слово zotheca попадается у Plin. Epp. 2, 17, 21: Contra parietem medium zotheca perquam eleganter recedit, quae specularibus et velis obductis reductisve modo adicitur cubiculo, modo aufertur. lectum et duas cathedras capit. Отсюда видно, что zotheca соотвѣтствуетъ современному альковy. Въ такомъ же значенiи встрѣчается у него же и уменьшительное zothecula (Epp. V, 6, 38). У Сидонія Аполлинариса (Epp. VIII, 16 и IX, 11) слово zothecula значитъ тоже, что шкафъ, шкафчикъ—praeterea si vir illustris aliquid insuper ampliuscule scribi depoposcisset, in moras grandes incidissemus. Nam per armariola et zotheculas nostras non remanserunt digna prolatu (8, 16) и: qui supradicto tandiu potes uti libello, ut eum non amplius zothecula tua quam memoria includat. Затѣмъ сл. zotheca попадается въ надписи у Grut. 49, 3. (Tibure. Legit atque exscripsit Smetius): hérculi. saxáno. sacrum | ser. sulpicius. trophimus | aedem. zothecam. culinam | pecuniá. suá. á. soló. restituit etc. Здѣсь zotheca можетъ соотвѣтствовать нашему слову ниша. Тоже самое значеніе можетъ имѣть это слово и въ слѣдующей надписи у Murat. 690, 2: ti. claudio. aug(usti) l(iberto) felici | scapulano. d(ecurioni) III (=tertium) q(uaestori) III quinquennali | immuni triplicario benemerenti | ex consensu decuriae universae | honoris causa zothecam | publice dederunt | atimetus l(ibertus) sua pecunia adornavit. Мураторп полагаетъ, что здѣсь zotheca значитъ Gabinetto, но невѣрно, потому что дарованіе ея Тиберію Клавдію Феликсу со стороны членовъ декуріи было уже послѣ его смерти, и потомъ, какой же смыслъ будетъ имѣть дарованіе кабинета или покоя, какъ особенной почести? Намъ дѣло представляется иначе: Тиберій Клавдій Феликсъ оказалъ особенныя услуги неизвѣстной декуріи: за это она почтила его статуей, которую позволила поставить въ особо назначенной для того нишѣ—zotheca, и эту послѣднюю украсилъ на свой счетъ отпущенникъ Феликса Атиметъ. Понимая разбираемое слово въ смыслѣ углубленія или ниши, въ которую ставились статуи, намъ дѣлается понятною и этимологія слова отъ ζῷον, употребляющагося нерѣдко въ смыслѣ ἀνδριάς (напр. Plat. Rep. VII. 515 a) и τίθημι. См. Visconti Mon. Gab. p. 127.

[25]) Понятія о подобныхъ нишахъ можно составить по находкѣ, описанной Уденомъ (Uhden) въ Wolff u. Buttmann Museum für d. Alterthumswissenschaft 1 p. 534 sqq.

[26]) C. I. L. II, 1724: P. Rutilius syntrophus | marmorarius. donum | quod promisit. in templo | minerve. marmori | bus. et. impensa. sua. the | ostasim extruxit.

[27]) C. I. L. V. 1. 3312: c. amurii taci(t)inus | et hermes. lib(erti). VI. vir. (=seviri) aug(ustales) | sign(a). abacum. cum. signis. II | hercule. et. amphale. colleg(io) | dendrofor(orum) d(ono) d(ederunt).

[28]) Clarac. Musée de sculpture 2, pl. 125. Daremberg et Saglio Dictionnaire des antiquités. Livr. 1. p. 3. c. 2.

[29]) Müller u. Wieseler Denkmäler 2, №№ 970—972, p. 72, 73, срв. № 809.

[30]) C. I. L. III, 1, 510: aequanae |s. f(iliae). musae| sacerd(oti). dianae |aug(ustae) laphriae. et| sac(erdoti) aug(ustae). imagine |et. statuis. II. hon(oratae)| d(ono) d(at) sex. a(equa)nus |pat(er). Точно также на одной Греческой надписи (Herzog Gall. Narbon. p. 55. n. 267=Keil schedae epigraph. p. 41) ἀναθέσεως ἀνδριάντων καὶ εἰκόνων.

[31]) Въ значеніи барельефа, представляющаго грудное изображеніе, это слово встрѣчается на слѣдующей Регенсбургской надписи (C. I. L. III, 2, 5955): d(is) m(anibus) et. perpetuae. securitati. Jul |ursae. coni(ugi) pient(issimae) vix(it). an(nis) XLI. pro. meritis| feminae reverentissimae. et. filis. filiab(us) |obitis. et. iuliae. nonnae. matri. pient(issimae). vix(it). an(nis) LXXX| item. vivis. aur(eliae) filiae. aur(elio) militari. fil(io)| et. amicis. quorum. imagines. laterib(us) |scal(p)tae. sunt. et. post. hobitum eo|r(um). ossa. rec(ipi). in eo. sepulchr(o). permisit| m. aur(elius) militio. m(issus) h(onesta) m(issione) ex eq(uite) leg(ionis) III. ital(icae) viv(us) f(aciendum) c(uravit).

[32]) imagines. argenteas. deorum. septem Or. 2502. imagines. argenteas. duas C. I. L. III, 2, 6065 (cf. Spon Miscell. p. 114). Въ одной Слунлійской надписи мы имѣемъ и вѣсъ такого imago: l. pinarius. rufus. ob. honorem| aedilitatis. imaginem gen......| municipi Lilybitanorum. ex. arg. r(=p? pondo) V. p(ecunia) s(ua) p(osuit).

[33]) qui imagines sa|cras aureas fecerunt читаемъ на одной надписи въ Ламбезисѣ у Renier. n. 127.

[34]) Or. 2502.

[35]) Or. 1596=2518. Надпись весьма интересная читается такъ: Numini domus augustae| et san(cti silvani) salutaribus sacrum| imp. caes. nervae traiani optimi (princ. germ. da)cici imagines. argent parastaticas cum suis ornamentis et regulis (et basibus) et concameratione ferrea| c. iulius nymphius dec. annalis sua (pecunia ponendas curavit) donumque dedit| in templo sancti silvani salutaris quod est in (hortis aventinis et) praedio suo dedicavitq| idibus ianuariis. l. vipsano messala (m. pedone) cos. Надпись относится къ 115 году. Для насъ интересно во 1-хъ названіе imagines—parastaticae. Это слово происходитъ очевидно отъ parastata, ae, каковымъ названіемъ древніе обозначали пиластръ, прислоненный къ стѣнѣ, отличая его отъ отдѣленныхъ отъ послѣдней колоннъ (Vitruv. V. 1). Слѣдовательно imagines parastaticae будутъ такіе бюсты, которые прислонены къ стѣнѣ или даже, можетъ быть, сдѣланы въ нее. Первое предположеніе вѣроятнѣе потому, что эти imagines были прикрѣплены къ стѣнѣ (металическими) полосами (—cum regulis) для того, чтобы предохранить ихъ отъ паденія. Въ значеніи подобной подпорки встрѣчается слово regula у Витрувія V. 10. По всей вѣроятности такая же подпорка разумѣется и подъ словомъ ergasterium въ надписи у Momms. I. N. 5704. Затѣмъ эти

imagines были снабжены базисами, или въ собственномъ смыслѣ или въ значеніи подставокъ—mutuli (см. Jabolenus Dig. 32, 100. § 32) и concameratione ferrea. Что надобно разумѣть подъ этимъ, сказать довольно трудно. Нѣкоторые (Reinesius Syntagma p. 144) полагаютъ, что это былъ родъ ниши съ полукруглымъ сводомъ, но тогда трудно объяснить эпитетъ ferrea; другіе (de Vit Lex. s. v.) думаютъ, что это былъ mutulus arcuatus, но тогда дѣлается непонятнымъ, что значитъ bases.

[36]) Momms. I. N. 5250. huic decuriones funus publicum| statuam equestrem. clipeum| argenteum. locum. sepulturae| decreverunt. cf. C. I. L. II, 1263. 1286.

[37]) Or. 2500: clupea cum imaginibus.

[38]) Plin. N. H. XXXV. 13: post eum (Appium Claudium) M. Aemilius collega in consulatu Quinti Lutati non in basilica modo Aemilia, verum et domi suae posuit, id quoque Martio exemplo. scutis enim, qualibus apud Troiam pugnatum est, continebantur imagines, unde et nomen habuere clipeorum..... origo plena virtutis faciem reddi in scuto cuiusque qui fuerit usus illo. Poeni ex auro factitavere et clipea et imagines secumque in castris vexere. certe captis talem Hasdrubalis invenit Marcius Scipionum in Hispania ultor, isque clipeus supra foris Capitolinae aedis usque ad incendium primum fuit. maiorum quidem nostrorum tanta securitas in ea re adnotatur, ut L. Manlio Q. Fulvio coss. anno Urbis DLXXV M. Aufidius tutelae Capitolio redemptor docuerit patres argenteos eos clipeos qui pro aereis per aliquot iam lustra adsignabantur. Sueton. Calig. 16: Quas ob res inter reliquos honores decretus est ei clipeus aureus, quem quotannis certo die collegia sacerdotum in Capitolium ferrent. Trebel. Pollio Divus Claud. 3: illi clipeus aureus vel, ut grammatici locuntur, clipeum aureum senatus totius iudicio in Romana curia conlocatum est, ut etiam nunc videtur expressa thorace vultus eius. Слово thorax въ значеніи бюста мы имѣемъ также на одной надписи у Willmanns Exempla n. 748, гдѣ читаемъ: aedem marmoribus et museis et statua Pudicitiae aug. et thorace caelestis| augustae ornaverunt etc.

[39]) Macrob. Sat. 2, 3, 4: Nec Q. Ciceroni fratri circa similem mordacitatem pepercit. nam cum in ea provincia quam ille revexerat vidisset clipeatam imaginem eius ingentibus lineamentis usque ad pectus ex more pictam—erat enim Quintus ipse staturae parvae—ait: frater meus dimidius maior est quam totus. Подробную литтературу вопроса можно найти у Becker-Marquardt Hadb. d. röm. Alterth. V. 1. n. 1548.

[40]) См. также Visconti Iconographie rom. 1. Tab. XII. C. 5.

[41]) Marini Arv. p. 662. Сл. Or. 3701: quod permiserunt in clypeo quod ei posuerun(t ante)| templum noum pingere effigiem ma....| severinae. virginis. albanae. maxi(mae soro)ris suae post excessum vitae eiu(s).

[42]) clypeum argenteum у Momms. I. N. 5250.

[43]) clupeum argent(eum) cum imagine aurea Or. 2154.

44) См. приведенныя въ примѣчаніи 38 мѣста изъ Светонія и Требеллія Полліона.

45) (clu)pea. inaurata. in. fastigio V| et signa duo dedere. C. I. L. V. 1. 1829. cf. Liv. XXXV. 10. Multos pecuarios damnarunt: ex ea pecunia clipea inaurata in fastigio Jovis aedis posuerunt. Кромѣ clipei, имѣвшихъ значеніе вкладовъ или ex voto, встрѣчаются clipei, какъ особаго рода почетный даръ, дававшійся лицамъ, которыя отличались своею полезною дѣятельностью. Мы уже видѣли, что само государство почтило такими clipei Калигулу и Клавдія Готѳскаго; надписи намъ сообщаютъ, что такія же почести оказывались различными муниципальными городами лицамъ, дѣятельность которыхъ была особенно для нихъ полезна. Такъ напр. между другими почестями, которыми декуріоны Самнитскаго города Histonium (il vasto d'Aimone) осыпали своего покойнаго чиновника Марка Бебія Светрія Марцелла, мы находимъ clipeum argenteum (Momms. I. N. 5250). Точно также clipeus былъ присужденъ декуріонами Испанскаго муниципіума Salpensa Луцію Марцію Сатурнину (C. I. L. II, 1286; cf. 1263). Подобные clipei ставились не на могилахъ усопшихъ, а—какъ можно заключать изъ одного отрывка у Муратори 329, 3—въ куріи (clipeo posito in curia).

46) Marini Atti p. 663: si. qui. clipeum. ponere. volet. dabit. arce. hs. II. n.

47) Or. 1520 (изъ Fabretti Inscr. X. n. 173. p. 696, взявшаго надпись изъ schedae Barberinae): aram aeneam и Visconti Monum. Gabin. p. 121: aram aeream.

48) Marini Atti p. 313.

49) Momms. I. N. 5496: Alfia. p. f. quart(a. balneum)| muliebre. a. solo. (fecit)| eadem. lapide. va(rio. ex)| ornavit. labrum. ae(neum. cum)| foculo. sedes. posu(it. p. s.). Здѣсь слѣдовательно foculus называется та жаровня или очагъ, которою нагрѣвались выстроенныя Альфіей Квартой женскія бани.

50) Marini Atti p. 313. Secunda. l.....| aedicul. gradus....| tect. focum. pro. patr....| gen. maior. bonae. d. d. d....| florae. conlib. conli..... По всей вѣроятности такойже foculus разумѣется и подъ ara turaria въ C. I. L. III, 2, 5773 (срв. ara odoribus repleta y Fabretti Inscrip. 2, 93, 79 и θυμιατήριον у Boeckh C. I. Gr. 3, 5997).

51) Procop. de bell. Vandal. 1. 21. сл. Becker-Marquardt Hand. d. röm. Alterth. V. 1. p. 328.

52) На это можетъ навести слѣд. надпись: decimia. c. f. candid(a)| sacer(dos) m(atris) d(eum). delficam| cum laribus| et ceriolaris n(umero) XXX| VI (Or. 2505), гдѣ delfica cum laribus et ceriolaris можетъ обозначать треножникъ съ поставленными на немъ изображеніями ларовъ и подсвѣчниками. Такой треножникъ зовется larophorum на одной надписи въ Салонѣ, которую мы приведемъ ниже (C. I. L. III, 1, 1952).

53) Grut. 25. 2. не свободна отъ подозрѣнія. (Or. n. 1301).

54) Grut. 1115. 8..... universi. tribules. qui. advivente. eo. dono| delphicae. aereae. cum. omni. cultu exornatae.

[55]) Apul. Metam. 2. 20: de penetrali fontem petitum spondeo libat.

[56]) Murat. 124. 3: Ἐπὶ πρυτάνεως κλαυδίου| τιτιανοῦ Δημοστράτου υἱοῦ| ἀρχιερέως ἱερατεύοντος| Σοσσιανοῦ Μ. Πομπόνιος| Λατεῖνος ἀνέθηκεν Ἴσιδι| καὶ Σεράπιδι φιάλην καὶ| σπονδεῖον λ....| ναυβατοῦντων τοῦ Λυκιδ| Χαριδήμου τοῦ Χαριδ.... Ephesi Ex Thoma Smitho.

[57]) Сл. C. I. L. II, 2103: fortunae. signum. aureum... pateram p(ondo). lib(ens) ex voto etc.

[58]) И въ латинской эпиграфикѣ встрѣчается слово phiala; такъ на одной испанской надписи мы читаемъ, что Эмилія, дочь Рустика, пожертвовала Венерѣ Августѣ: phialam argent(eam). C. I. L. II, 2326. Въ другой надписи опредѣленъ даже вѣсъ такой фіалы— 2 фунта и квадрантъ: Noreiae| aug(ustae) sacr(um)| q. fabius| modestus| domo roma| dec(urio) al(ae)| aug(ustae)| thracum| phialam| argent(eam) p(ondo). II:.| embl(emata) nóreiae| aurea| uncias. duas| d(ono) d(edit). C. I. L. III, 2, 4806. Изъ третьей видимъ, что такія серебряныя фіалы бывали украшаемы позолотою по краямъ: Isidi.....| serapis. vestae. dianae. somni. hs. n̄. VI| et phialas. II. chrysen (detas?).... etc. у Grut. 84. 1. Chrysendeta, по объясненію Исидора (Origin. XX)—vasa deaurata. Эпиграфическіе памятники сохранили намъ цѣлую массу свидѣтельствъ о приношеніяхъ божествамъ въ даръ различныхъ сосудовъ; въ числѣ ихъ упоминается: cantharus (Or. 2504; Fabretti Inscr. p. 367; Or. 1484..... cantharo. arg(enteo) p. 115; C. I. L. III, 1, 1769; Renier I. A. 1891..... cantharum auro inluminatum), scyphus (Or. 1279; cf. 1310 (spur); Renier I. A. 1891: scyphi dependentes (ὠοσκύφια?) auro inluminati), trulla (Momms. I. N. 5), pelvis (Momms. I. N. 5), cratera (Donati p. 37, 8; Or. 1541; Mur. 529, 5. Henz. Or. 5801 и др.) и пр.

[59]) Wesseling ad Diod. Sic. 1, 47.

[60]) Hübner Hermes 1, p. 348.

[61]) Мѣста изъ древнихъ приведены Гюбнеромъ loc. laud.

[62]) Apul. Mtmrph. XIV. p. 207. Eyss. Сл. Or. 1871: te tibi una quae| es. omnia| dea. isis| arrius bal|binus v(oti) c(ompos).

[63]) C. I. L. 2, 3386.

[64]) Macrob. Sat. 1. 19. 5.

[65]) item ornamenta in basilio unio et margarita| n. v̄ī. zmaragdi. duó. cylindri. n. VII. gemma car| bunclus. gemma. hyacinthus. gemmae cerauniae| duae etc. Мѣсто въ подробности объяснено Гюбнеромъ (Hermes 1. p. 349); подъ cylindri онъ разумѣетъ небольшіе драгоцѣнные камни, въ противоположность gemmae, вставлявшимся какъ солитеры.

[66]) Въ другихъ надписяхъ мы также встрѣчаемъ вѣнцы, жертвуемые различнымъ божествамъ. Такъ въ надписи у Or. 1484, приведенной выше, мы встрѣчаемъ redimiculum—головную повязку Вакха, сдѣланную изъ 3 унцій золота; въ другой надписи у Doni p. 69. n. 18 мы имѣемъ вѣнецъ изъ фунта золота, принесенный въ даръ Fortunae

Primigeniae въ Пренесте. Довольно подробное описаніе одного вѣнца мы имѣемъ въ приведенномъ выше синопсисѣ (Renier 1890), въ которомъ сказано, что у Юпитера на головѣ серебряная корона изъ 30 дубовыхъ листьевъ и 15 желудей. Срв. Renier 1891 и C. I. L. 11, 1663.

[67]) Apul. Mtmrph. XI, 4. p. 207 Eyss.

[68]) Два экземпляра изображены у Fabretti Inscr. p. 490 и 492. Систры изображаются нерѣдко на барельефахъ, напр. у Grut. 82, 3 и др.

[69]) C. I. L. III, 1, 1952: curia pris|ca matri. magnae| fanum. rifecit| signa. posuit. laro| phorum. cymbala| tynpana. catillum| forfices.....

[70]) Достаточно припомнить знаменитые стихи Лукреція (2, 620): tympana tenta tonant palmis et cymbala circum concava и пр.

[71]) Можетъ быть изображеніе этого catillus мы имѣемъ на извѣстномъ Капитолійскомъ барельефѣ, изображающемъ главнаго жреца Кивелы—Archigallus въ полномъ жреческомъ орнатѣ и со всѣми принадлежностями, относившимися къ культу. Müller u. Wieseler Denkmäler T. II. n. 817.

[72]) Or. 1572 (=Herzog Gall. Narbon. p. 82. n. 395): deo aesculapio| val. symphorus et protis| signum somni aereum| torquem aureum ex dracumculis Δ. P. s. ꓶ.== ==— (=duobus pondo semis. unciarum quinque)| enchiridium argent. p.== ==—s (=unciarum quinque semis). anaboiium. ob| insignem circa se numinis| eius effectum| v(otum) s(olverunt) l(ibentes) m(erito). Кромѣ другихъ вкладовъ здѣсь жертвуется Эскулапію: torques aureus ex dracumculis duobus—золотая цѣпь изъ двухъ змѣекъ. Цѣпи, какъ украшенія шеи, жертвовались нерѣдко; нѣсколько памятниковъ, свидѣтельствующихъ объ этомъ, будетъ приведено ниже; здѣсь же интересна форма цѣпи, сдѣланной изъ двухъ змѣекъ. Эта форма можетъ быть узнана изъ фигуры Перса на знаменитой Помпеянской мозаикѣ (изображающей по однимъ битву при Иссѣ, по другимъ—при Кластидіумѣ); у этого Перса на шеѣ цѣпь, имѣющая витую форму змѣи и застегивающаяся двумя змѣиными головами (можетъ быть такая же цѣль разумѣется подъ словомъ hydraeum въ надписи у Henz. 6138, гдѣ, между прочимъ, читаемъ, что Д. Валерій, сынъ Децима, изъ трибы Корнеліевой, Прокулъ пожертвовалъ Изидѣ и Серапиду: hydraeum gemmis exornatum et auratum). По всей вѣроятности не безъ цѣли выбралъ такую форму цѣпи нашъ Симфоръ для того, чтобы принести ее въ даръ Эскулапу: драконъ, какъ извѣстно, считался животнымъ, посвященнымъ этому богу (Fest. p. 67. M. Ideoque (dracones) Aesculapio attribuuntur, quod vigilantissimi generis putantur, quae res medicinae maxime necessaria est. Какъ на анаѳему Эскулапу смотримъ мы и на отрывокъ у Momms. I. N. 6314: ex) viso draco| (ne)m. c. novius (her)meros. de s(ua. pec)unia| (ded)it). Далѣе въ нашей надписи мы имѣемъ enchiridium argenteum—серебряный хирургическій инструментъ, соотвѣтствующій современному ланцету (Vulpes. Illustrazione di tutti gli instrumenti chirugici

scavati in Ercolano e in Pompei e che ora conservansi nel R. Museo Borbonico di Napoli. Napoli 1847. p. 61 sqq), и затѣмъ anabolium—по всей вѣроятности тоже инструментъ, ближайшимъ образомъ намъ неизвѣстный (Doni Inscr. p. 28; иначе объясняетъ Furlanetto ad Forcellin. s. v.).

[73]) Сл. еще Momms. I. N. 5, гдѣ мы имѣемъ приношеніе въ храмъ Аполлона, состоящее изъ пергаменной памятной книжки, переплетенной въ слоновую кость, изъ шкатулки, сдѣланной также изъ слоновой кости и наконецъ изъ 19 картинъ (item in templo apollinis maioris pugillares membranaceos opercu|lis eboreis pyxidem eboream tabu|las pictas XVIIII.

[74]) Подобную же чеканку (Becker и Marquardt Hand. d. röm. Alt. V. 2. p. 275) мы имѣемъ въ emblemata Noreiae aurea C. I. L. III, 2, 4086. У Муратори (67,3) находится образчикъ подобнаго кратера съ такою чеканкою (на немъ изображены листья и цвѣты) принадлежавшаго извѣстному Чамнини. Сл. Visconti Atti della ponteficia Accad. di archeolog. v. 1. p. 307. Въ одномъ интересномъ мѣстѣ Требеллія Полліона (d. Claud. 17, 5), мы имѣемъ названіе патины, украшенной плющемъ—patina hederacia (см. тамъ же discum corymbiatum argenteum и lancem argenteam pampinatam).

[75]) C. I. L. II, 3386: in collo quadribacium margaritis n. XXXVI| zmaragdis. n. XVIII. inclusuris duo. Подробное объясненіе этого мѣста у Hübner Hermes 1, 350 sqq. Замѣчательно, что и у современныхъ Итальянокъ любимыми украшеніями бываютъ жемчужныя съ изумрудами на аграфахъ. Слово quadribacium можетъ обозначать или цѣпочку, состоящую изъ 4 колѣнъ, или же цѣпочку, съ которой висятъ 4 украшенія въ видѣ ягодъ.

[76]) Одну torques aureus ex dracunculis A мы уже имѣли въ надписи у Or. 1572; здѣсь можно еще привести Momms. I. N. 2475, гдѣ также упоминается torques, C. I. L. II, 1582, гдѣ приводится catena, и особенно интересную надпись у Henz. 6141, въ которой къ сожалѣнію недостаетъ начала:..... et| sign(is) arg(enteis) VII| et imagine| ex. auri. p(ondo). II| et fila II| ex cylindris| n̄. XXXIII| auro. clus(a)| t(estamento) p(oni) i(ussit). Здѣсь мы имѣемъ 2 нитки изъ мелкихъ драгоцѣнныхъ камней (filum тоже, что linea въ C. I. L. II, 2060 и у Fronto II, ep. 12) съ золотыми аграфами.

[77]) Tertull. Cult. fem. 2, 13: nescio an manus spatalio circumdari solita, in duritia catenae stupescere sustineat. cf. Plin. XIII. § 142.

[78]) Hermes 1, 353.

[79]) C. I. L. II, 3386: in spataliis zmaragdi n̄. VIII. margarita. n. VIII. cf. n. 2060:.... l. fab. super|stes. filius. dedicavit| inpositis. spatalis. arg(enteis)| gemmatis.

[80]) C. I. L. II. 3386: inauribus zmaragdi duó margarita duo см. Hübner Hermes 1. p. 349.

[81]) Bullett. p. 57. cf. Hermes. VI. p. 9.

82) N. H. IX. 94: concham acatii modo carinatam, inflexa puppe, prona rostrata; in hac condi nauplium animal saepiae simile.

83) § 17 ed. Müll. Ἐκφέρεται δὲ ἀπὸ τῶν τόπων ἐλέφας πλεῖστος.... καὶ ῥινόκερως καὶ χελώνη.... καὶ ναύπλιος ὀλίγος.

84) Это же выраженіе встрѣчается и на слѣдующей Остійской надписи (Willmanns Exempl. n. 45): Isidi. Bubas(ti)| vener(em) arg(enteam) IS (=pondo semissem)| cor(onam) aur(eam). p.=— ⅏ (=pondo quaqrantem sicilicum sextulam)| cor(onam) anal(empsiacam) p==—IV III (=pondo quincuncem sicilicum scriptula III| Caltil(ia) Diodora| Bubastiaca| testamento| dedit.

85) Hermes VI, 10.

86) Таково напр. изображеніе Сераписа въ Ватиканѣ (Visconti Pio Clem. VI. tav. 15), подробности у Стефани: Нимбъ и лучезарный вѣнецъ въ произведеніяхъ древняго искуства стр. 55 sqq. Сл. надпись у Boeckh. C. I. Gr. III, 6002: Νηὸν μεν σιγα| λόεντα σαρά| πιδος ὑψιμέ| δοντος| ἠδ' αὐτὸν χρυ|σοῦ. παμφανό|ωντα βολαῖς etc. Эти βολαί есть не что иное какъ лучи на вѣнцѣ Сераписа.

87) Homer. hymn. in Vener. 175: κάλλος δὲ παρειάων ἀνέλαμπεν ἄμβροτον, οἷόν τ' ἐστιν ἐϋστεφάνοο κυθερείης. cf. Virg. A. 2. 615: iam summas arcis Tritonia, respice, Pallas Insedit, nimbo effulgens et Gorgone sacra. Позволяемъ себѣ здѣсь, въ выноскѣ, дать мѣсто и слѣдующему соображенію, которое, думается намъ, можетъ отчасти дать указаніе на то, что corona analempsiaca есть лучезарный вѣнецъ: не говоря уже про сочетаніе топазовъ съ рубинами (которыми была украшена разсматриваемая корона), своею игрою долженствовавшихъ прекрасно передавать блескъ солнечныхъ лучей, самое число первыхъ довольно замѣчательно: именно 21. Въ большинствѣ случаевъ число лучей на такомъ вѣнцѣ бываетъ семь (7 дирочекъ для лучей въ головѣ Ватиканскаго Сераписа, 7 лучей было на головѣ Солнца, приставленной къ колоссу Нерона—Curiosum Urbis Romae reg. IV. у Becker Hand. d. Röm. Alt. 1. p. 713—, 7 лучей было на извѣстномъ Капитолійскомъ бюстѣ Александра, вѣнцомъ изъ 7 лучей вѣнчаетъ Иліосъ Фаэѳонта у Нонна—Dionys. XXXVI, 303 и т. д.). Какъ прекрасно распредѣляется 21 топазъ по 3 на каждый лучъ; 84 рубина могли быть расположены или по 12 на лучѣ или окружать нижній ободокъ діадемы. Идею о подобномъ расположеніи можно составить по изображенію фортуны на Помпейской фрескѣ Museo Borbonico XI tav. 38. (=Стефани, Нимбъ Табл. 2. n. 5).

88) Plin. N. H. XXII, 6: coronae gemmatae. Cp. Renier I. A. 1891: corona. summa| circumitu hederae. n. XXXX. auro. inlumi|natae. hederae. distinguentes. incoctiles. n. x.....

89) Въ одной, къ сожалѣнію трудно читаемой, надписи мы между прочимъ имѣемъ: ex volunt(ate) et nutu| Mitrae. fec(erunt) et. sancte. i(n)|stauraver(unt) et cancellis. circumdatis. ex. viso| n(utu) m(onitu) que. eius. d(ono) d(ederunt). Momms. I. N. 3574. Въ

другой у Mur. 12, 4 мы имѣемъ aram cum cancellis. Aediculam aram septum clusum читаемъ у Or. 1515. Сюда же надобно отнести и взаимно пополняющіеся отрывки у Grut. 1159. 5 и 6. Такія рѣшетки звались также clathra(i), orum, напр. horologium cum suo aedificio et| signis omnibus et clatris| etc. Or. 3299 (cf. C. I. L. III, 1, 2072), почему въ lex parieti faciundo (C. I. L. 1, 577, col. 2) двери съ рѣшетками зовутся fores clatratae.

[90]) Гермы украшаютъ также фронтонъ храма на одной Падуанской надписи (C. I. L. V. 1. n. 2864), гдѣ, между прочимъ, читаемъ: frontem. templi| vervis. et. hermis| marmoreis. pe|cunia. sua. orna|vit etc. Vervae, какъ можно догадываться изъ одной надписи (C. I. L. V. 1019), были бараньи головы, сквозь которыя стекала вода съ крыши.

[91]) Ссылки у Marquardt Becker's Hand. d. röm. Alt. IV. 89 прим. 547 на Plut. de Isid. et Osir. c. 3. Tibull. 1, 3, 29; Ovid. A. A. 1, 77.

[92]) Объ ornamenta sacerdotalia см. Marini Atti Arvali 1, 315. Or. ad n. 2172 (cf. nn. 2322, 5970 и др.).

[93]) C. I. L. II, 3387: livia chlcedonica| isidi deae d(icata)| h(ic) s(ita) e(st)| ornata ut potuit| in collo h(abens) monile| gemmeum. in digitis| smaragd. xx. dextra|..... Моммсенъ подозрѣвалъ эту надпись, но, какъ кажется, напрасно. Слово ornata, кромѣ общаго значенія „украшенная", можетъ, думается намъ, имѣть и значеніе „облаченная", тѣмъ болѣе, что ожерелье и кольца всегда находятся на изображеніяхъ Изиды (Visconti Mus. Chiaram. Tav. 1. cf. C. I. L. II, 3386) и потому легко могли составлять принадлежность орната ея жрицъ и послѣдовательницъ.

[94]) Apul. Mtmrph. XI. 3. et quae longe longeque etiam meum confutabat optutum palla nigerrima splendescens atro nitore, quae circumcirca remeans et sub dexterum latus ad umerum laevum recurrens umbonis vicem deiecta parte laciniae multiplici contabulatione dependula ad ultimas oras nodulis fimbriarum decoriter confluctuabat.

[95]) l. c. IV. 47.

[96]) Visconti tav. III.

[97]) Такими галунами (Isid. Origg. XIX. 22. 18. Becker-Marq. Hand. d. röm. Alt. V. 2. p. 158) украшались обыкновенно жреческія облаченія. Arat. 2, 343: qui (pontifex) segmentatus mediis altaribus adstat.

[98]) C. I. L. III, 1, 4234.

[99]) II, 59, 137 и 156.

[100]) напр. Ovid. Mtmrph. IX. 690: cum qua (Iside) latrator Anubis, sanctaque Bubastis, variusque coloribus Apis.

[101]) Vercellone. Dissertazioni accademiche p. 346 laud. de Vit Onomast. s. v.

[102]) Довольно странна здѣсь форма Bubasto; обыкновенно встрѣчающееся названіе

этой богини есть Bubastis, idis или is, тогда какъ Bubasto заставляетъ предполагать именительный въ формѣ Bubastus, или же видѣть въ Bubasto ошибку рѣзчика. Можно припомнить, что и названіе города Bubastis встрѣчается у нѣкоторыхъ писателей въ формѣ Bubastus (De Vit Onom. s. v.); сл. также надпись, находящуюся въ Пармѣ (Lama Mus. Parm. p. 93. laud. de Vit), въ которой читаемъ: sulpicio sardonycho filio pientissimo bubastus mater.

[103]) callainus происходитъ отъ callais (καλλαΐς), драгоцѣннаго камня, который, по свидѣтельству Плинія (XXXVII, 151), sapphirum imitatur candidior et litoroso mari similis. Марціалъ (XIV, 139), говоря про одежду, имѣвшую цвѣтъ этого камня, противополагаетъ ее бѣлой: iungere nescisti nobis, o stulte, lacernas: indueras albas, exue callainas. Названіе цвѣта матеріи по цвѣту камня напоминаетъ amethystina laena у Ювенала.

[104]) Слово labrum, нѣсколько разъ встрѣчающееся какъ на надписяхъ, такъ и у писателей, относится почти постоянно къ т. с. мірскимъ предметамъ, обозначая бассейны въ баняхъ (Henz. 5926; Momms. I. N. 5496; тоже, что lacus на Испанскихъ надписяхъ C. I. L. II, 1071, 1478, 1968, 3240, 3280 и т. д.). Образчикъ такого labrum мы имѣемъ въ громадномъ бронзовомъ бассейнѣ, найденномъ въ Помпеяхъ, на бортѣ котораго находится надпись, прямо называющая его labrum (Momms. I. N. 2217. Overbeck Pompeii 1^2, 200).

[105]) Изображенъ у Rich Dictionn. d. antiq. p. 343. Позволяемъ себѣ думать, что подобное же labellum разумѣется подъ словомъ orbiculus, на надписи у Mur. 344, 3 (точнѣе у Kellermann Vigiles p. 28. 10. сл. de Rossi Annali dell' Instit. XXX, p. 281 sqq.), гдѣ въ числѣ другихъ donaria мы имѣемъ: tetrastylum nymphaeum| crateram cum columella et altarium cum columella| marmorea et aliam columellam. item orbiculum cum colu|mella et cetera ornavit etc.

[106]) Выше мы приводили надпись (Henz. 6138), въ которой Изидѣ приносится въ даръ hydraeum gemmis exornatum et ornatum, при чемъ это hydraeum объясняли какъ запястье, изображающее змѣю; не скроемъ, что подъ hydraeum можно разумѣть и другое, именно ὑδρεῖον т. е. hydria, и тогда запястье превратится въ золоченную и осыпанную драгоцѣнными камнями гидрію.

[107]) Clavus по своей формѣ представляетъ болѣе или менѣе широкую полосу, рѣдко нашитую, чаще затканную въ матерію (Plin. VIII. 48. 73). Эта полоса, на сколько можно догадываться, составляла отличительную принадлежность жреческаго орната — такъ на извѣстной Анданской надписи (стрк. 15. Sauppe Die Mysterieninschrift aus Andania Götting. Abhandl. 1860) читаемъ: οἱ τελούμενοι τὰ μυστήρια ἀνυπόδετοι ἔστωσαν και ἐχόντω τὸν| εἱματισμὸν λευκόν, αἱ δὲ γυναῖκες μὴ διαφανῆ, μηδὲ τὰ σαμεῖα ἐν τοῖς εἱματίοις πλα-

τύτερα ἡμιδακτυλίου. Въ Глоссахъ Филоксена стоитъ: σημεῖα clavi (подробности въ комментаріѣ Заупне). Оттого и Арвальскіе братья во время религіозныхъ церемоній являются praetextati. Много мѣстъ древнихъ объ этихъ clavi собрано въ извѣстномъ трактатѣ Ferrarii de re vestiaria l. VII. Patavii 1670. 4°.

[108]) Жреческія одежды были обыкновенно бѣлаго цвѣта. Sauppe Mysterieninschr. p. 13.

Замѣтка о селѣ Выбутахъ (Лыбутахъ), родинѣ святой Великой Княгини Ольги Россійской.

Сообщено барономъ **Николаемъ Богушевскимъ.**

Много преданій, но мало памятниковъ оставила по себѣ святая великая княгиня Ольга на родинѣ своей, селѣ *Выбутахъ* или Лыбутахъ (Псковской губерніи и уѣзда). Да и немногіе существующіе памятники обязаны своимъ археологическимъ интересомъ не всегда достовѣрному источнику—народному преданію, ибо только преданіе и сказанія мѣстныхъ старожиловъ указываютъ на тотъ или другой предметъ какъ на *Ольгинъ* камень, *Ольгины* вороты, *Ольгину* церковь и т. д. Ни исторія, ни Псковскія лѣтописи не упоминаютъ и не указываютъ на эти *памятники*. Слѣдовательно различныя наименованія, придаваемыя этимъ памятникамъ, основаны *исключительно* на *легендахъ*, передаваемыхъ изъ поколѣнія въ поколѣніе и еще сохранившихся въ памяти „стариковъ".

Проведя нынѣшнюю весну въ имѣніи Покровскомъ, находящемся въ Выбутскомъ приходѣ, всего въ 3½ или 4-хъ верстахъ вверхъ по теченію рѣки Великой отъ Выбутъ,—я рѣшился посвятить все свободное время на изслѣдованіе и обозрѣніе этой интересной мѣстности и постараться собрать всевозможныя свѣдѣнія и преданія, сохранившіяся въ народѣ о святой великой княгинѣ *Ольгѣ*. Результаты (къ несчастію весьма скудныя) моихъ изслѣдованій и наблюденій—изложены въ слѣдующихъ *шести* очеркахъ.

I. Мѣсторожденіе святой Ольги.

Народное преданіе указываетъ на двѣ мѣстности въ Выбутскомъ приходѣ, какъ на мѣста, гдѣ родилась святая Ольга: на деревню Гору или Горку, расположенную на правомъ берегу рѣки Великой, противъ Выбутской приходской церкви, и на деревню Выдру-Волжино—Ольжино тожъ—деревню, находящуюся въ двухъ верстахъ (вверхъ по теченію рѣки) выше Выбутъ.

Въ деревнѣ Горкѣ „память" о святой Ольгѣ далеко не такъ распространена какъ въ дер. Выдрѣ;—по этому и потому что въ Выдрѣ (Волжиной тожъ) сохранились различные предметы, носящіе имя св. Ольги,—а въ Горѣ ихъ совсѣмъ не оказалось,—я считаю болѣе справедливымъ признать за дер. Волжиной честь называться родиной св. Ольги. Къ тому же самое названіе деревни „Вольжино" есть явное искаженіе названія „Ольгино". По

сказанію священника села Выбуть отца Николая Троицкаго—въ Выбутскихъ метрическихъ книгахъ конца прошлаго столѣтія—деревня Выдра называется иногда „Ольгиной“ а иногда „Вольгиной и Вольжиной“. Выдрой называется только съ недавняго времени, а именно съ той поры, когда деревня Волжино, распространившись вдоль берега рѣки, соединилась съ маленькой деревенькой *Выдерой* или *Выдрой;* съ этого время стали деревни Волжину и Выдру называть однимъ, общимъ именемъ. Жители *бывшей* Выдры—однако и теперь называютъ себя „Выдерскими“, а жители деревни Вольжиной говорятъ, когда ихъ спрашиваютъ: откуда они? „Мы съ Вольжиной“.

II. Ольгина церковь или дворецъ въ деревнѣ Выдрѣ-Вольжиной.

На крутомъ правомъ берегу рѣки Великой, въ 25 или 30 саженяхъ, внизъ по ея теченію, отъ дер. Вольжиной, на деревенскомъ полѣ видны полузасыпанныя землею развалины, древняго, грубо—изъ ручнаго известняка—сложеннаго фундамента. Зданіе, отъ котораго сохранились эти развалины, имѣло очевидно форму правильнаго параллелограма, узкія стороны котораго обращены къ востоку и западу—а внутренность раздѣлена на пять отдѣленій: изъ нихъ два большихъ и три маленькихъ. Длина всего зданія около восьми, а ширина около шести сажень.

Планъ дворца святой Ольги при деревнѣ Выдрѣ-Вольжиной тожъ.

Крестьяне считають это мѣсто святымъ, не распахиваютъ его—хотя оно находится посреди поля—и намѣреваются устроить на развалинахъ часовню въ честь святой благовѣрной великой княгини Ольги, дворецъ которой (а по сказанію иныхъ церковь ея, разоренная „поганой Литвой") стояла на этомъ мѣстѣ. Тутъ же—гдѣ-то находился садъ и погреба великой княгини—„наполненныя золотомъ и серебромъ",—но найдти или видѣть ихъ можно только въ ночь на Ольгинъ день (11-го іюля)—такъ какъ святая Ольга была „великая колдунья" (sic!) и наложила на свои сокровища и сады чары, превратившія ея „любимую усадьбу" въ „усадьбу невидимку".

Неподалеку отъ развалинъ „дворца" находится древнее кладбище и группа могильныхъ насыпей (кургановъ), въ которыхъ иногда находятся черепа, кости и обломки доспѣховъ и оружія. На берегу рѣки ихъ-подъ отвѣсной известковой скалы струится прозрачный какъ хрусталь и холодный какъ ледъ источникъ: такъ-называемый „Ольгинъ ключъ". Сюда по преданію—святая, будучи еще крестьянской дѣвицей, ходила за водой и умывала въ немъ каждое утро „свое свѣтлое личико". Съ той поры источникъ пріобрелъ дивное свойство: исцѣлять вѣрующихъ, умывшихъ въ немъ лицо и глаза и опустившихъ въ его свѣтлые струи какую либо мѣдную или серебряную монету, отъ всевозможныхъ глазныхъ недуговъ—и даже отъ слѣпоты. Лѣтъ двадцать тому назадъ къ источнику приходило ежегодно множество богомольцевъ и больныхъ. Польза отъ этаго наплыва народа была для жителей „Ольгиной родины" немалая:—въ видѣ вознагражденій („благодареній") за гостепріимство, собиранія ленты благочестивыхъ поклонниковъ изъ святаго источника и т. д.

Но число вѣрующихъ въ чудесныя свойства „Ольгинаго ключа" съ каждымъ годомъ уменьшается и очень можетъ быть, что въ недалекомъ будущемъ память о цѣлебныхъ его свойствахъ совершенно изгладится изъ міра народныхъ преданій.

III. Приходская церковь села Выбутъ.

Приходская церковь въ селѣ Выбутахъ (населенныхъ исключительно духовенствомъ и церковнымъ причтомъ) весьма грубой постройки; толстыя стѣны ея и громадные столпы, поддерживающіе маленькій воронкообразный куполъ, сложены изъ толстаго рѣчнаго известняка. Къ церкви пристроены: придѣлъ съ южной и притворъ съ звонницей съ западной стороны.

Хотя по преданію церковь Выбутская „тремя годами старше самаго Пскова", но судя по архитектурѣ и постройкѣ она несомнѣнно новѣе и принадлежитъ къ памятникамъ церковнаго зодчества XIV или XV столѣтія. Самое преданіе можетъ относиться только къ первобытной деревянной церкви, основанной на мѣстѣ, занимаемомъ нынѣ

каменною. Хотя св. Ольгу и считаютъ основательницею Псковоградскаго Троицкаго собора, но въ сущности ею была основана въ X столѣтіи только маленькая деревянная церковь, отъ которой не осталось никакого слѣда: а каменныхъ соборовъ было съ тѣхъ поръ выстроено три; изъ нихъ послѣдній построенный, въ концѣ XVII столѣтія, существуетъ понынѣ [1]).

По словамъ нашего почтеннаго археолога Ал. Серг. Князева (Указатель достопамятностей города Пскова. Москва 1858. стр. 39)—при Выбутской церкви нѣкогда хранились сани великой княгини Ольги,—но куда они дѣлись и когда изчезли—неизвѣстно.

IV. Ольгинъ камень у деревни Беклеши.

Не болѣе какъ въ 150 саженяхъ къ сѣверо-востоку отъ Выбутъ—за деревенькой Беклеши—на пустынномъ низменномъ лугу, окруженномъ съ трехъ сторонъ песчаными холмами, покрытомъ огромными обломками и изрытомъ глубокими ямами, возвышается громадная гранитная глыба—продолговатой формы, имѣющая въ длину до восьми, а въ высоту и ширину до трехъ аршинъ. Глыба эта считается святою и называется „Ольгинымъ камнемъ". Почему эта громадная скала считается святою и носитъ имя святой Ольги,—я никакъ не могъ узнать.

Впрочемъ въ народѣ существуетъ слѣдующее баснословное преданіе: „однажды святая Ольга, торопясь въ Выбутскую церковь къ заутрени, услышала, что уже кончили благовѣстить—и опасаясь опоздать, бросила на полѣ большой камень, который несла въ рукавѣ:—облегченная такимъ образомъ она пришла въ церковь еще во время. Съ той поры камень этотъ сталъ называтся Ольгинымъ".

Есть еще другой, слѣдующій варіантъ этой легенды: „когда святая Ольга отправлялась *„на войну съ поганью"*, то несла въ *„платкѣ"* множество большихъ камней, на полъ-дорогѣ платокъ прорвался и изъ него выпалъ большой камень: именно тотъ который лежитъ въ полѣ у деревни Беклеши". Далѣе разсказываютъ что когда строился мостъ для С.-Петербургско-Варшавской желѣзной дороги черезъ близь лежащую рѣку Череху [2]), то Ольгинъ камень сверлили и хотѣли разорвать порохомъ, но никакъ не могли; „видно святая не дала" говоритъ народъ.

Ежегодно во время крестнаго хода въ память святой Ольги—изъ Псковскаго Тро-

---

[1]) См. А. Князевъ. Историческо-статистическое описаніе Псковскаго каѳедральнаго Троицкаго собора. Москва. 1858. in-8.

[2]) На правомъ берегу р. Кеби, впадающей въ р. Череху—недалеко отъ сліянія Черехи съ Великой—есть мѣсто называемое Буденикъ, гдѣ нѣкогда по преданію жила св. Ольга и гдѣ родился внукъ ея в. кн. Владиміръ Святославичъ. (Князевъ. Указатель достопамят. города Пскова стр. 40).

ицкаго собора въ село Выбуты у камня совершается молебствіе и открывается небольшая ярмарка. Тутъ же предполагается со временемъ устроить часовню во имя святой великой княгини.

V. Ольгины слуды, Ольгины ворота и Ольгинъ камень.

Несколько ниже Выбутъ по р. Великой находится небольшой скалистый островокъ, поросшій травою, носящій названіе Шацкаго [1]). Островъ этотъ раздѣляетъ рѣку на два протока. Одинъ изъ нихъ называется „Ольгиными Слудами" (т. е. подводными камнями) а другой „Ольгиными Воротами". Въ этомъ мѣстѣ—по преданію, святая Ольга, бывшая еще крестьянкой, перевезла въ челнокѣ *черезъ рѣку великаго князя Игоря.* Въ окрестностяхъ Выбутъ по рѣкѣ Великой,—начиная отъ дер. Вольжиной, до дер. Бабаевой (2 версты ниже Выбутъ),—прохожихъ и теперь перевозятъ черезъ рѣку въ челнокахъ особенной конструкціи, выдолбленныхъ изъ толстыхъ стволовъ осинъ. Въ такомъ челнокѣ могутъ помѣститься не болѣе 2-хъ человѣкъ. Управляетъ челнокомъ рыбакъ или перевозчикъ—однимъ весломъ или багромъ.

Около Шацкаго острова, сажень за двадцать отъ его верхней оконечности, выдвигаются изъ воды нѣсколько громадныхъ гранитныхъ камней. Одинъ изъ нихъ называется „Ольгинымъ". Преданіе говоритъ, что когда святая Ольга купалась въ рѣкѣ, то послѣ купанья, камень этотъ служилъ ей мѣстомъ отдохновенія.

VI. Ольгина отчина (село Покровское) и Ольгинъ монастырь.

Въ четырехъ верстахъ выше Выбутъ, на берегу рѣки Великой, живописно расположено село Покровское. По преданію это село составляло частную собственность („отчину") святой Ольги. Тутъ стоялъ когда-то монастырь, ею же основанный, который, будучи оскверненъ „Литвой поганой", былъ смытъ рѣкою или провалился въ рѣку. Достовѣрно то, что въ часовнѣ села Покровскаго сохранилось много древнихъ иконъ, перенесенныхъ туда изъ монастырской церкви передъ разрушеніемъ ея рѣкою; а въ самой рѣкѣ часто находятъ каменные кресты, тесанную плиту и пр.

Преданій о нашествіи Литвы на Псковскую землю—въ народѣ сохранилось множество. Между Выбутами и дер. Вольжиной сохранилось много батарей и могильныхъ насыпей и существуетъ бродъ черезъ рѣку Великую, называемый „Литовскимъ". Около деревень Беклешей и Покрутицъ (близь с. Покровскаго) число кургановъ и укрѣпленій

[1]) По имени одного изъ прежнихъ его владѣльцевъ г. Шацкаго.

тоже значительно. Отъ деревни Петонова (по правой сторонѣ рѣки, противъ села Покровскаго) до дер. Горки (противъ с. Выбутъ), вдоль рѣки тянется длинный земляной валъ, устроенный тоже, какъ говорятъ, Литовцами или Поляками [1]). Въ дер. Выдрѣ и во многихъ другихъ мѣстностяхъ, на древнихъ кладбищахъ, сохранились грубо вытесанные изъ плиты могильные кресты.

---

[1]) Вѣроятно во время нашествія Стефана Баторія на Псковъ (въ 1582—83 гг.).

ПО ВОПРОСУ О РЕГАЛІЯХЪ, ПРИПИСЫВАЕМЫХЪ ВЛАДИМІРУ МОНОМАХУ.

Сообщено **В. Д. Прозоровскимъ**.

Занимаясь изслѣдованіями о происхожденіи слова „царь“ и о значеніи его до принятія русскими государями императорскаго титула, я долженъ былъ коснуться, между прочимъ, и вопроса о царскихъ регаліяхъ, называемыхъ Мономаховыми. Свой взглядъ на этотъ предметъ изложу здѣсь по тѣмъ даннымъ, какія у меня имѣются подъ рукою.

Говорятъ, что царскія утвари были присланы Владиміру Мономаху изъ Византіи для коронованія, и указываютъ на преданіе объ этомъ событіи, которое однакожъ записано въ историческихъ памятникахъ не одинаково. Степенная книга, по изданію Миллера, не упоминаетъ о царѣ, приславшемъ подарокъ; въ ней сказано: „его же ради мужества и греческаго царя Константина Мономаха діадиму и вѣнецъ и крестъ животворящаго древа пріемъ, и порамницу царскую и крабійцу сердоличную, изъ нея же веселяшеся иногда Августъ кесарь Римскій, и чепь златую аравицкаго злата, и иныя многія царскія почести въ дарѣхъ пріятъ мужества ради своего и благочестія“ (стр. 247). То же самое читаемъ въ похвальномъ словѣ монаха Филолога св. Михаилу князю Черниговскому и боярину его Ѳеодору (въ Велик. Мин. Чет., 20 сентября); но здѣсь, равно какъ въ Воскресенской лѣтописи и въ царственномъ лѣтописцѣ, введенномъ въ составъ патріаршей лѣтописи (Пол. собр. лѣт. Т. IX), присылка утварей приписывается Константину Мономаху. Напротивъ того, Густынская лѣтопись и Синопсисъ именуютъ Алексѣя Комнина приславшимъ дары. Татищевъ пишетъ, на основаніи извѣстныхъ ему источниковъ, что Алексѣй Комнинъ, испугавшись похода Владимірова, предпринятаго съ цѣлью возвести на Византійскій престолъ сына убитаго претендента, прислалъ къ Владиміру великое посольство со многими дарами, въ томъ числѣ: вѣнецъ царскій, хламиду, поясъ драгоцѣнный, скипетръ, чашу сердоликовую съ каменьями драгоцѣнными, и нарекъ его

себѣ братомъ и царемъ. Болтинъ, выписавъ изъ Татищева это мѣсто, приводитъ принадлежавшую ему древнюю лѣтопись, въ которой, между присланными вещами, значится „крестъ отъ самаго древа Господня, обложенный золотомъ со драгоцѣнными каменьями, и ожерелie золотое съ каменьями, которое на порфирѣ своей царь греческій возлагалъ", при чемъ прописана и самая грамота Алексѣя къ Владиміру (Примѣч. на Рос. ист. Леклерка, ч. I, стр. 249, 250). Это письмо внесено и въ Синопсисъ, но тамъ оно сочинено отъ имени Іоанна Комнина, съ обозначеніемъ отправленныхъ съ дарами пословъ: Ефесскаго митрополита Неофита, епископа Милитскаго и другихъ (стр. 100 и 101 по пятому изд.); по другимъ памятникамъ, съ митрополитомъ пріѣзжали епископы Митилинскій и Мелетинскій. Карамзинъ справедливо назвалъ сказкою повѣсть о войнѣ Владиміра съ греками и о присылкѣ къ нему регалій по этому поводу, но въ то же время допускалъ, что онѣ „дѣйствительно могли быть даромъ императора Алексѣя", при чемъ указывалъ, „что и въ X вѣкѣ, государи россійскіе часто требовали царской утвари отъ Византійскихъ императоровъ" (Ист. Гос. Росс. Т. II прим. 220, по втор. изд.); послѣднее замѣчаніе, сдѣланное, конечно, лишь для примѣра, давало мысль относить происхожденіе регалій ко временамъ болѣе древнимъ, чѣмъ время Владиміра Мономаха. Сочинителю статьи о Владимірѣ Мономахѣ въ Энциклопедическомъ лексиконѣ Плюшара казалось, что сказка о Мономаховыхъ регаліяхъ изобрѣтена по случаю вступленія Іоанна III въ бракъ съ царевною Софіею Палеологъ, а г. Лакіеръ, излагая исторію титула Русскихъ государей, принялъ за вѣрное, что утвари были присланы Алексѣемъ Комнинымъ и что Владиміръ, „будучи вѣнчанъ императорскимъ вѣнцомъ, провозглашенъ царемъ Россійскимъ" (Журн. Мин. Нар. Просв., 1847, ч. 56, стр. 113). Съ своей стороны, покойный князь Оболенскій, издавшій въ 1850 году соборную грамоту восточныхъ іерарховъ на присвоеніе вѣнчанію Іоанна Грознаго силы вѣнчанія императорскаго, настоятельно доказывалъ, что регаліи присланы Владиміру Мономаху дѣдомъ его по матери Константиномъ Мономахомъ и что Владиміръ, родившійся за два года до смерти Константина, былъ еще въ младенчествѣ увѣнчанъ въ царя, по повелѣнію дѣда.

Такъ ли все это могло быть?

Нельзя отвергать, что регаліи могли быть присланы тѣмъ или другимъ изъ помянутыхъ императоровъ, но того назначенія, какое имъ приписываютъ, имѣть въ то время не могли. Константинова дочь, выходя за мужъ за Всеволода, могла привезти ихъ съ собою въ качествѣ приданаго, или самъ Константинъ Мономахъ могъ прислать ихъ своей дочери, какъ свое имущество, для храненія въ память о немъ; могъ прислать ихъ Владиміру и Алексѣй Комнинъ, какъ наслѣдство послѣ его дѣда, а не какъ государственный даръ; въ этомъ смыслѣ могъ распорядиться регаліями и Іоаннъ Комнинъ, царствовавшій при Владимірѣ шесть лѣтъ. Но чтобы онѣ были присланы въ качествѣ государственныхъ регалій именно для вѣнчанія Владиміра Мономаха, это невѣроятно, потому

во первыхъ, что императоръ не имѣлъ ни малѣйшаго права ставить царей въ Россію, ему неподвластную, и Владиміръ не могъ сдѣлаться Русскимъ царемъ-самодержцемъ по одному произволу императора, безъ общаго согласія удѣльныхъ князей на объусловливаемое царствомъ подданство ихъ личности великому князю, въ отношеніи къ которому они были тогда не что иное, какъ младшіе „братья", а нисколько не слуги и тѣмъ болѣе — не рабы; во вторыхъ, что императоры часто увѣнчивали только тѣхъ, кого избирали себѣ въ соцарственники и въ преемники, присвоивая имъ чрезъ вѣнчаніе достоинство августовъ и автократоровъ, примѣровъ же почетнаго вѣнчанія, какое приписываютъ Владиміру Мономаху, кажется, никогда не бывало, да едвали и быть могло, такъ какъ титулъ августа принадлежалъ исключительно Римскимъ самодержцамъ, а что касается почетнаго титулованія, то самымъ высочайшимъ почтомъ въ восточной имперіи былъ титулъ кесаря, жалованный императорскимъ хрисовуломъ; со временъ Алексѣя Комнина титулъ кесаря понизился на одну степень по случаю установленія титула севастократора, занявшаго второе мѣсто послѣ августа. А какъ Владиміръ не могъ быть римскимъ августомъ, то и почетнаго императорскаго вѣнчанія надъ нимъ не было совершено. Хотя же въ соборной грамотѣ восточнаго духовенства Іоанну Грозному и сказано: „'Επειδὴ ἡ μετριότης ημῶν ἐπληροφορήθη καὶ ἐπιστώθη, οὐ μόνον ἐκ παραδόσεως πολλῶν ἀξιοπίστων ανδρῶν, ἀλλὰ δή καὶ ἀπὸ ἐγγραφων ἀποδειξῶν τῶν χρονογράφων, ὅτι ὁ νῦν βασιλεύς Μοσκοβίου, Νοβογράδου, 'Αστραχανίου, Καζανίου, Νογαΐ καὶ πασης τῆς μεγάλης 'Ρωσίας κύριος 'Ιωάννης κατάγεται ἀπό γένους καὶ ἅιματος τοῦ όντος βασιλικοῦ, ἤτοι ἀπ' ἐκείνης τῆς ἀοιδίμου βασιλΐσσης καὶ δ..... κυρίας Ἄννης, ἀδελφῆς του αὐτοκράτορος Βασιλείου τοῦ πορφυρογεννήτου. 'Επεί γὰρ Μονόμαχος δε ὁ εὐσεβέστατος βασιλευς Κωνσταντίνος.... τότε πατριάρχου καὶ τῆς τηνικαῦτα ἱερᾶς τῶν ἀρχιερέων συνόδου ἀποστείλαντες τόν τότε ἱερώτατον μιτροπολίτην 'Εφέσου καὶ τόν τῆς 'Αντιοχ.... ἔστεψαν εἰς βασιλέα τον ἐνσεβέστατον Βελὶκ Κνὲς Βολοντΐμοιρον καὶ ἐδωρήσαντο αὐτῷ τότε βασιλικὸν στέμμα ἐπὶ τῆς κεφαλῆς καὶ τὸ μετά...... αδημα καὶ τἆλλα βασιλικὰ σημεῖα καὶ ἄμφια" (такъ какъ смиреніе наше подробно узнало и вполнѣ увѣрилось не только изъ преданій многихъ заслуживающихъ довѣріе мужей, но даже и изъ письменныхъ свидѣтельствъ лѣтописцевъ, что нынѣшній царь Московскій, Новгородскій, Астраханскій, Казанскій и всея Великія Россіи Государь Іоаннъ ведетъ свое происхожденіе отъ рода и крови истинно царской, т. е. отъ оной славной и приснопамятной царевны, Государыни Анны, сестры самодержца Василія Багрянороднаго; потому же Мономахъ, благочестивѣйшій царь Константинъ..... тогдашняго патріарха и всего освященнаго архіерейскаго собора, пославши тогдашняго священнѣйшаго митрополита Ефесскаго и Антіох..... вѣнчали во царя благочестивѣйшаго Великаго князя Володиміра, дали тогда ему на главу царскій вѣнецъ и съ.... адиму и иные знаки и одежды царскаго сана), но все это, очевидно, сказано со словъ русскихъ дипломатовъ, а не взято изъ какихъ-либо греческихъ древнихъ лѣтописей или изъ дѣлъ патріаршаго вѣдомства; иначе сочинители грамоты указали бы на источники не общими

словами и не опустили бы именъ византійскихъ пословъ: если же они не рѣшились выставить имена, то видимо потому, что усомнились въ точности русскаго преданія относительно личности пословъ. Когда бы событіе дѣйствительно совершилось, то самъ Владиміръ упомянулъ бы о томъ въ своемъ завѣщаніи, да и древнія лѣтописи, высоко восхвалившія память его, не оставили бы, безъ сомнѣнія, включить въ свои похвалы обстоятельство, возвышавшее достоинство великаго князя и лестное для патріотическаго чувства. Не даромъ же, конечно, наши древнѣйшіе памятники молчатъ о столь важномъ событіи, тогда какъ съ особенною силою указываютъ на присылку отъ царя и патріарха крестчатыхъ ризъ новгородскому архіерею Моисею, что, конечно, не столь значительно, какъ царское вѣнчаніе, которое въ лѣтописяхъ должно бы было стать по крайней мѣрѣ на ряду съ извѣстіями объ освященіи церквей и о поставленіи архіереевъ. Указаніе князя Оболенскаго на то, что въ Густынской лѣтописи находятся слова: „преставися великій князь и царь Кіевскій Володымеръ Мономахъ“, не имѣетъ силы доказательства, потому что лѣтопись очень молода для того, въ древнѣйшихъ же лѣтописяхъ и другіе князья называются царями: такъ Изяслава Мстиславича народъ принялъ „яко царя и князя своего“, Юрій говорилъ ему: „сѣди царствуя Кыевѣ“, наконецъ—„плакася по немъ вся Руская земля и вси черніи клобуци, яко по цари и господинѣ своемъ“ (Пол. Собр. лѣт. Т. II стр. 43, 64 и 74).

По всей вѣроятности, въ преданіи о регаліяхъ смѣшаны разныя событія. Видно, что когда-то было дѣйствительно совершено вѣнчаніе великаго князя; что когда-то какой-то императоръ Византійскій прислалъ въ Россію свои царскіе подарки, и что когда-то пріѣзжали въ Россію Ефесскій и другіе восточные архіереи. Эти три событія могли соединиться въ одно сказаніе по поводу присылки къ Даніилу Галицкому отъ папы римскаго королевскихъ регалій и вѣнчанія этого князя папскимъ легатомъ. Не мудрено, что, въ противоположность этому событію, на которое Русская церковь и Русскіе князья не могли смотрѣть безъ негодованія, появилось указаніе на подобное событіе, несравненно болѣе цѣнное для Руси и для Русской церкви, и именно на совершившееся нѣкогда вѣнчаніе великаго князя регаліями не королевскими, а царскими, императорскими, совершеніе же самаго обряда вѣнчанія приписано лицамъ, пріѣзжавшимъ въ Россію отъ императора и патріарха въ другое время. Мнѣніе же, что легенда о присылкѣ изъ Византіи регалій придумана по случаю брака Іоанна III съ Софіею Палеологъ, падаетъ само собою, коль скоро возмемъ во вниманіе какъ происхожденіе Степенной книги, первоначально составленной митрополитомъ Кипріяномъ, который скончался въ 1406 году,—слѣдовательно, уже могъ внести въ свой трудъ означенное преданіе,—такъ и рѣшительную невозможность опредѣлить, какія добавки и исправленія сдѣланы въ его твореніи продолжателемъ книги митрополитомъ Макаріемъ и чрезъ то удостовѣриться, въ самомъ ли дѣлѣ преданіе внесено въ книгу Макаріемъ, или имъ оно только переправлено. Самъ

же Іоаннъ выводилъ свое величіе прямо „отъ своихъ прародителей", а не отъ какихъ-либо побочныхъ обстоятельствъ, почему и нельзя обвинять его въ изобрѣтеніи сказки, скорѣе унизительной для него, такъ какъ онъ считалъ себя равнымъ императору по своему собственному, унаслѣдованному, достоинству.

Что регаліи были нѣкогда присланы къ великому князю изъ Византіи, это можно принять за несомнѣнное въ виду какъ замѣченныхъ Карамзинымъ требованій русскими государями въ X вѣкѣ царской утвари, такъ и въ виду того, что царскія регаліи были подарены Іустиніаномъ Ринотмитомъ Болгарскому князю Тривалу за содѣйствіе къ возстановленію императора на престолъ. Если это допускалось въ отношеніи къ язычникамъ,—конечно, не для вѣнчанія ихъ,—то въ отношеніи къ христіанскому государю, единовѣрцу императоровъ и при томъ ихъ свойственнику, то же самое могло быть допущено въ значеніи болѣе строгомъ, съ точно опредѣленною цѣлью. Вопросъ въ томъ: кто именно изъ великихъ князей и въ какой силѣ могъ быть вѣнчанъ царскими утварями? Ни Владиміръ Мономахъ, ни другіе князья, по всей очевидности, не могли быть вѣнчаны, такъ какъ поводомъ къ тому, при отсутствіи въ Россіи единодержавія, могло служить лишь обстоятельство чрезвычайной важности. Мы знаемъ, что Болгарскихъ, Грузинскихъ и другихъ властителей императоры производили въ византійскіе придворные чины и достоинства [1]), о Русскихъ же государяхъ ничего подобнаго неизвѣстно, а отсюда надобно заключить, что званія этого рода считались унизительными для нихъ, какъ не соотвѣтствующія ихъ достоинству, и что устраненіе великихъ князей отъ византійской чиновности было слѣдствіемъ сколько независимаго ихъ положенія, столько же и особаго о нихъ понятія и особыхъ къ нимъ отношеній со стороны императоровъ. А такія понятія и отношенія могли образоваться путемъ именно чрезвычайно важнаго обстоятельства. Въ Русской древней исторіи едвали можно указать другое подобное обстоятельство, кромѣ крещенія и бракосочетанія св. Владиміра, единодержавнаго властителя всей Руси. Покойный Вельтманъ говорилъ, что „животворящій крестъ и наслѣдственный царскій чинъ присланы, по уставному повсемѣстному обычаю, Греческими императорами (Василіемъ и Константиномъ) первовѣнчанному царю и великому князю Владиміру", т. е. равноапостольному, а не Мономаху (Оруж. Пал., 1860, по ссылкѣ въ Опис. стар. цар. утв., П. И. Савваитова, стр. 305). Сомнительна здѣсь только обязательность для Грековъ и

[1]) Такъ Болгарскій царь Борисъ пожалованъ былъ достоинствомъ магистра, а изъ Иверскихъ Давидъ былъ куропалатомъ, а Георгій магистромъ (см. у Кедрина). Правда, что Борисъ былъ плѣненъ, но императоръ сначала обращался съ нимъ какъ съ царемъ, слѣдовательно, плѣнникъ, не лишаясь царскаго званія, получилъ чинъ магистра. И въ послѣдствіи Болгарскіе цари были византійскими сановниками; такъ Асѣнь, носившій царскіе знаки, почти не отличавшіеся отъ императорскихъ, имѣлъ санъ деспота Римской имперіи (см. Георгія Пахимера, VI, 6), а деспотами, т. е. господарями, назывались вассалы имперіи.

Русскихъ „уставнаго повсемѣстнаго обычая“. Объясняя названіе: „царская златая шапка или златой вѣнецъ“, Вельтманъ указывалъ, что „на западѣ наслѣдственныя короны, даруемыя императорами государямъ первовѣнчаннымъ по обряду христіанскому, назывались также златыми (corona aurea), а у Славянъ круна свитовна—священная корона“ (Оруж. Пал., 1844, стр. 40); однакожъ вассальнымъ владѣтелямъ византійскій государь жаловалъ чины и достоинства, а не императорскія короны, почему уставнаго обычая и не было въ отношеніи къ этимъ коронамъ; хотя же Прокопій Кесарійскій, въ сочиненіи своемъ о войнахъ Римлянъ, говоритъ, что Лазы считались подвластными „Римлянамъ потому только, что по смерти ихъ царя римскій царь посылалъ преемнику его украшенія верховной власти“ (кн. II гл. XV), но это были знаки подчиненія и императорскими регаліями быть не могли, тѣмъ болѣе, что этотъ владѣтель былъ „причисленъ къ силенціаріямъ двора“ (гл. XXIX), т. е. былъ каммергеромъ; Россія же никогда не состояла въ вассальныхъ къ Византіи отношеніяхъ, и даже въ татарскій періодъ великій князь (Василій Темный) писалъ къ „высочайшему царю и самодержцу Греческаго скипетра кѵръ Константину“ такъ: „*сватъ* святого ти царства великій князь Московскій и всея Руси Василіе“ (I Т. Ист. Акт. № 262 стр. 492), т. е. товарищъ, пріятель, общникъ, а не слуга, не подручникъ. Напротивъ того, западные императоры дѣйствительно, по *своему* уставному обычаю, жаловали своимъ вассаламъ королевскія короны вмѣстѣ съ королевскимъ титуломъ, но такого титула Русскій великій князь ни отъ кого не принималъ, а Іоаннъ III отозвался объ этомъ титулѣ даже съ презрѣніемъ: „мы государи на своей землѣ отъ своихъ прародителей,—сказалъ онъ цесарскимъ посламъ, предложившимъ ему королевскій титулъ отъ имени Максимиліана,—и поставленія ни отъ кого не хотимъ“, потому что „нашъ государь,—добавили потомъ Іоанновы дипломаты,—такой же великій государь, какъ и Максимиліанъ“ (Пам. Дипл. Снош. Т. I). Итакъ, царскія регаліи не могли быть присланы по какому-либо „уставному обычаю“, а скорѣе были привезены самою царевною Анною для употребленія ихъ при бракосочетаніи, долженствовавшемъ совершиться по обычаямъ Константинопольскаго двора, какіе наблюдались при бракосочетаніяхъ императоровъ и членовъ царскаго семейства. Мнѣ кажется, привозъ къ Владиміру царскихъ регалій для брачнаго вѣнчанія представляетъ менѣе значительную уступку, чѣмъ согласіе императоровъ на совершеніе брака не въ столицѣ имперіи, не въ великой церкви, не въ царскихъ палатахъ и не въ присутствіи царей, а на мѣстѣ одержанной варварами побѣды, въ завоеванномъ ими городѣ, на краю имперіи, среди чуждаго военнаго стана. Нельзя сомнѣваться также и въ томъ, что Владиміръ, не желавшій унижать себя испрашиваніемъ у императоровъ крещенія, ни окреститься безъ ихъ участія, что̀ въ его понятіи могло казаться косвеннымъ знакомъ покорности ихъ законамъ, а потому какъ бы добровольнымъ признаніемъ ихъ преимущества надъ нимъ [1]),

---

[1]) Урокомъ для Владиміра былъ, можетъ статься, Болгарскій царь Борисъ, чрезъ кре-

но рѣшившій ся оружіемъ добыть себѣ христіанство, какъ трофей, и поставившій условіемъ крещенія супружество съ царевною, можетъ быть, для вящшаго уравненія себя съ императорами, не могъ ставить себя ниже ихъ и въ пышности обрядовъ, значеніе которыхъ, въ отношеніи къ нему, увеличивалось чрезвычайностью событія—совпаденіемъ крещенія и бракосочетанія. Съ другой стороны было бы странно видѣть или воображать царевну, одѣтую по царски, стоящею подлѣ князя, одѣтаго во вкусѣ варварской простоты. Вступая въ императорскую семью, Владиміръ, конечно, имѣлъ полное право одѣться къ вѣнцу сообразно одѣянію невѣсты, при томъ же здѣсь и самый брачный вѣнецъ могъ имѣть, кромѣ обыкновеннаго, и иное значеніе, почему и надобно полагать, что при вѣнчаніи великій князь имѣлъ видъ царя и что на него была тогда возложена царская корона, вмѣсто вѣнца брачнаго. Этимъ способомъ достигались двѣ цѣли: съ одной стороны усвоивались Владиміру христіанскіе знаки царскаго достоинства, вмѣсто языческихъ, а съ другой устранялась надобность въ короновані, при чемъ корону пришлось бы принять не по праву, а по пожалованію, которое было бы для Владиміра унизительно, такъ какъ оно дало бы ему видъ императорскаго вассала. Если въ самомъ крещеніи онъ избѣгалъ всего унизительнаго, то въ отношеніи къ коронѣ долженъ былъ держать себя гораздо строже и считать ее своею коренною принадлежностью по праву породы и сана, а затѣмъ форменное коронованіе признавать излишнимъ. Подобное брачное вѣнчаніе не могло быть совершено ни надъ кѣмъ изъ прочихъ князей Русскихъ, женатыхъ на царевнахъ, кромѣ развѣ Іоанна III, который однакожъ не очень дорожилъ чуждыми коронами [1]).

По свидѣтельству нашего лѣтописца, крещеніе Владиміра совершено было самимъ епископомъ Херсонскимъ (имѣвшимъ степень митрополита) и духовенствомъ, прибывшимъ съ Анною, слѣдовательно, дѣйствіе было вполнѣ торжественное; могло ли же быть менѣе торжественнымъ брачное вѣнчаніе Владиміра и Анны? Правда, лѣтопись не говоритъ,

---

щеніе тайкомъ давшій надъ собою первенство Византіи, отъ которой не могъ отбиться и Симеонъ; сынъ послѣдняго сдѣлался чиновникомъ византійскимъ, по завоеваніи Болгаріи императоромъ Василіемъ. Въ болѣе позднія времена императоры считали сербскихъ царей только высочайшими кралями и деспотами (Голосъ, 1874, № 210, стр. 5 столб. 4 и 5), а званіе деспота было тогда византійскимъ чиномъ. Владиміръ, видимо, не хотѣлъ, чтобы его покореніе вѣрѣ было сочтено въ Византіи за духовное подчиненіе императорамъ, граничащее съ подчиненіемъ политическимъ.

[1]) Сознаніе высокаго достоинства Россіи такъ было укоренено въ нашихъ государяхъ, что Ѳедоръ Ивановичъ однажды сказалъ: „если бы къ Россіи присоединялись Римъ старый и Римъ новый, то Русское государство нельзя поставить ниже ихъ въ царскомъ титулѣ“. XVI вѣкъ только высказалъ это сознаніе, унаслѣдованное имъ не только отъ Іоанна III, но и отъ болѣе древнихъ временъ.

кто потомъ вѣнчалъ царственную чету, но обрядъ вѣнчанія не могъ быть совершонъ ни кѣмъ инымъ, кромѣ самаго высшаго изъ сопровождавшихъ Анну духовныхъ особъ, которые въ нашей лѣтописи хотя и названы вообще „попами", однакожъ это выраженіе могло быть и не точно, такъ какъ лѣтопись была писана по устнымъ преданіямъ, не сохранившимъ подробностей событія; невѣроятно, чтобы царевну, отпущенную вслѣдствіе крайней необходимости, вызванной существеннѣйшими интересами вѣры и государства, сопровождало только низшее духовенство, безъ какихъ-либо полномочій отъ императоровъ и патріарха. Въ крайнемъ же случаѣ, при небытіи пословъ высшаго разряда, обрядъ вѣнчанія едвали обошелся безъ участія того же Херсонскаго іерарха, въ видѣ ли то исключенія по уваженію къ важности событія, или прямо по желанію и повелѣнію Владиміра, не противному церковнымъ установленіямъ. Хотя вѣнчаніе браковъ издревле усвоено обычаемъ мірскимъ священникамъ, но извѣстно, что они право на это получаютъ отъ епископа, который слѣдовательно можетъ, въ случаѣ надобности, совершать не только это, но и всѣ прочія дѣйствія, на какія уполномочиваетъ своихъ помощниковъ. Симеонъ Солунскій говоритъ на этотъ счетъ: „Іерархъ свѣщателенъ есть, яко образуетъ Отца Свѣтовъ и того богатится мощію, и всякій чинъ, и всякое таинство, и всякое совершеніе чрезъ того. Той бо и крестити купно и мνродѣйствовати и.... совершати хиротонію можетъ: и прочитати и пѣти и монашествующія устрояти и посвящати домы и степени подаяти и къ браку спрягати, и вся творити благодатію Христовою можетъ" (Истин. древн. и ист. прав. церковь, ч. I, стр. 134). Изъ исторіи Кедрина видно, что патріархъ Сергій вѣнчалъ Праклія и Евдокію, патріархъ Николай—Константина Багрянороднаго и Елену, патріархъ Поліевктъ—Никифора Фоку и Θеофанію [1]). Поэтому нѣтъ основанія отвергать участіе епископа въ брачномъ вѣнчаніи Владиміра и Анны, чего требовали самыя царскія регаліи, возложеніе которыхъ на Владиміра, хотя бы и не по чину коронованія, не могло быть совершено простымъ священникомъ. Епископъ долженъ былъ совершить обрядъ вѣнчанія еще и потому, что Владиміру, какъ новокрещенному, надобно было показать и чрезвычайные обряды церковные во всей ихъ торжественности, что и было весьма благопотребно послѣ того, какъ торжественность обрядовъ богослуженія была въ Константинополѣ показана его посламъ во всемъ величіи, какого архіерейское служеніе въ Херсонѣ не могло представить взору самого Владиміра. Такимъ образомъ все убѣждаетъ, что царская утварь была дѣйствительно прислана къ св. Владиміру для употребленія при его брачномъ вѣнчаніи.

---

[1]) И у насъ впослѣдствіи бывали такіе примѣры: именно, въ 1210 году „Великый князь Всеволодъ ожени сына своего Георгія Всеволожского Кыевского князя и вѣнчанъ бысть въ святей Богородици въ Володимери епископомъ Іоанномъ" (Пол. Собр. Лѣт. Т. I. стр. 184). Въ позднѣйшей византійской исторіи есть нѣсколько бракосочетаній, совершонныхъ патріархами.

Теперь вопросъ о самыхъ утваряхъ, исчисленныхъ въ степенной книгѣ и въ другихъ лѣтописныхъ источникахъ. О нихъ упоминается въ духовныхъ великихъ князей, а самыя вещи, но не всѣ, хранятся въ Московской оружейной палатѣ. Вельтманъ, въ своемъ описаніи оружейной палаты, сдѣлалъ опытъ обозрѣнія этихъ вещей по духовнымъ, но у него была своя цѣль, которая не лишаетъ меня права снова обратиться къ тѣмъ же памятникамъ.

Духовныя великихъ князей не восходятъ ранѣе 1328 года, въ которомъ Иванъ Даниловичъ Калита завѣщалъ своимъ сыновьямъ: Семену Ивановичу 4 чепи золоты, 3 поясы золоты, кожухъ черленый женчюжьный, шапку золотую и проч.; Ивану Ивановичу 4 же чепи золоты, поясъ болшой съ женчугомъ съ каменьемъ, коць великій съ бармами и проч.; Андрею Ивановичу также 4 чепи золоты, скорлатное портище сажено съ бармами и проч.; наконецъ прибавлено: „а что есмь придобылъ золота, что ми далъ Богъ, и коробочку золотую, и то есмь далъ княгини своей съ меншими дѣтми“. Семенъ Ивановичъ завѣщалъ какъ наслѣдованное, такъ и имъ примышленное золото своей княгинѣ, а Иванъ Ивановичъ назначилъ сыну своему Димитрію: „чепь золоту врану съ крестомъ золотымъ, чепь золоту колчату, икону золотомъ ковану Парамшина дѣла, шапку золоту, бармы, поясъ великій золотъ съ каменьемъ съ женчюги, что мя благословилъ отецъ мой князь великій“. Икона Парамшина, поясъ великій, бармы и шапка значатся въ духовной Дмитрія Ивановича, а въ духовной Василья Дмитріевича къ нимъ прибавлено: „страсти болшія, крестъ животворящій патріаршъ Филофѣевской.... а изъ сосудовъ коропка сердоничная [1])“, о которой упоминается и въ духовной Василья Васильевича, вмѣстѣ съ крестомъ Петра чудотворца, крестомъ Парамшинскимъ, шапкою, бармами и большимъ поясомъ; въ 1504 году крестъ золотъ Парамшина дѣла завѣщанъ былъ Іоанномъ III Дмитрію Ивановичу, а крестъ животворящаго древа въ рацѣ цареградской, вмѣстѣ съ крестомъ Петра чудотворца—Василью Ивановичу. Сводя всѣ эти данныя, нельзя не замѣтить: а) что первоначально вещамъ не приписывалось особеннаго значенія, кромѣ того, какое онѣ, безъ сомнѣнія, имѣли въ великокняжескомъ семействѣ, частію какъ вещи родовыя, частію какъ обыкновенное имущество; б) что бармы были сперва принадлежностью одѣяній и ихъ было двое, потомъ же, по всей вѣроятности, онѣ отдѣлены отъ одеждъ, такъ какъ ни коць, ни портище нигдѣ болѣе не упоминаются; в) что цѣпь съ крестомъ

---

[1]) Татищевъ писалъ: чаша оная или сосудъ мvропомазанія, хотя у древнихъ написана сердоликовою, но она до днесь сохранена и есть яшмовая (Болтина: прим. на Леклерка, ч. I. стр. 249). Въ Вельтмановой описи этого сосуда не значится. Въ Путеводителѣ къ Древностямъ Московскимъ (изд. 1792 г.) значится „сосудъ яшмовой съ покрышкою, изъ котораго благочестивѣйшихъ государей при коронаціи помазуютъ святымъ мvромъ, поверхъ которой крышки змѣйка золотая съ финифтью высокой работы“ (ч. I. стр. 64); но этотъ сосудъ, доселѣ хранящійся въ Успенскомъ соборѣ, едвали можно назвать коробкою.

и цѣпь кольчатая выдѣлились уже при Иванѣ Ивановичѣ, равно какъ и Парамшинская икона или крестъ появляется только съ духовной этого великаго князя; икона дѣлана едвали не русскимъ мастеромъ Парамшею (Парамономъ), какъ по крайней мѣрѣ надобно заключать по подобнымъ прозваніямъ другихъ вещей: „поясъ Макарова дѣла, поясъ Шышкина дѣла [1])“; вѣроятно, Парамша былъ мастеръ, славившійся въ свое время, какъ и иконописецъ Рублевъ; г) что ни кожухъ, ни коць вовсе не могли быть греческою хламидою, а развѣ „портище“, завѣщанное Калитою младшему изъ трехъ сыновей; д) что коробочка сперва была пріурочена къ золоту, пріобрѣтенному самимъ Калитою, и отдана младшимъ дѣтямъ; великокняжеское владѣніе коробкою началось уже съ Василья Дмитріевича; Августу кесарю она могла быть приписана русскими потому, что, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ принадлежала одному изъ восточныхъ августовъ; е) что являющіяся въ завѣщаніи Василья Дмитріевича страсти большія—тѣ самыя, которыя вывезены изъ Царяграда суздальскимъ архіепископомъ Діонисіемъ, а при Василіѣ Дмитріевичѣ обрѣтены въ Суздалѣ въ церковной стѣнѣ (Степ. кн. ч. I, стр. 527); на обрѣтеніе указывалъ и Вельтманъ [2]); такъ же точно и животворящій крестъ патріаршъ Филофѣевской, по всей вѣроятности, вывезенъ изъ Царяграда въ 1354 году, когда и Новгородскому архіерею прислана была жалованная грамота отъ царя и патріарха Филофея, либо привезъ ихъ св. митрополитъ Алексій, въ томъ же году поставленный Филофѣемъ; ж) что наконецъ ни въ одномъ изъ завѣщаній нѣтъ ни малѣйшаго намека на то, что вещи составляютъ даръ византійскихъ царей кому-либо изъ государей русскихъ. Затѣмъ и въ чинѣ вѣнчанія Іоанномъ III своего внука Дмитрія Ивановича вовсе не говорится, что употребленныя тогда шапки и бармы были Мономаховы; несомнѣнно только то, что онѣ были тѣ самыя, о которыхъ упоминается въ духовныхъ, и что эти двѣ утвари лишь съ того времени сдѣлались государственными регаліями, бывъ прежде регаліями старшаго изъ князей. Ни крестчатая цѣпь, ни Парамшина икона или крестъ, ни коробка сердоличная не имѣли мѣста при вѣнчаніи; значитъ, эти вещи не считались тогда необходимою принадлежностью сана. Итакъ духовныя завѣщанія не даютъ никакого повода считать Мономаховыми какія-либо изъ означенныхъ выше утварей, а скорѣе наводятъ на мысль, что утвари получены изъ Византіи разновременно и по различнымъ случаямъ и позднѣе пріурочены къ старому преданію о вѣнчаніи великаго князя, съ отнесеніемъ этого событія къ Владиміру Мономаху, какъ внуку восточнаго императора и какъ къ славнѣйшему изъ князей.

Изъ вещей, хранящихся теперь въ оружейной палатѣ, обращаетъ на себя вниманіе такъ называемая Мономахова шапка. Можетъ быть, она та самая, которою былъ вѣн-

---

[1]) См. въ завѣщаніи Донскаго.

[2]) Смотри выше мнѣніе его о присылкѣ животворящаго креста св. Владиміру.

чанъ Дмитрій Ивановичъ, но слѣдуетъ ли считать ее за византійскую корону? Вельтманъ описалъ ее такъ: „царскій златой вѣнецъ или златая шапка, сканая, украшенная жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Въ золотомъ крестѣ, по концамъ, большія жемчужины. На яблокѣ, въ гнѣздахъ, яхонтъ лазоревый, яхонтъ желтый, лалъ и жемчугъ. На осьми сканныхъ золотыхъ дощечкахъ, составляющихъ тулью, крупные камни: 2 червчатыхъ яхонта, 4 изумруда и 2 лала, обсаженные жемчужинами. Форма вѣнца фракійская, и принята съ полнымъ далматическимъ царскимъ облаченіемъ греческимъ императоромъ Константиномъ великимъ". Не вдаваясь въ изслѣдованія о томъ, какую одежду избралъ для себя Константинъ великій, мы сдѣлаемъ краткій взглядъ на одинъ родъ памятниковъ, дошедшихъ до насъ въ подлинникахъ, и именно посмотримъ на римско-византійскія медали. На нихъ видимъ Константина изображеннымъ не въ какой-либо коронѣ, а по обычаю римскихъ императоровъ въ лавровомъ вѣнкѣ, иногда въ діадимѣ или въ шлемѣ [1]). По медалямъ первыхъ восточныхъ императоровъ видно, что вѣнокъ началъ переходить въ повязку особаго вида: на Аркадіѣ вѣнокъ украшенъ камнями и имѣетъ напереди большую розетку; потомъ является на головахъ императоровъ повязка или обручь, усаженный камнями въ одинъ или нѣсколько рядовъ; въ разныя времена эта повязка принимала разныя формы, то плоскую, то слегка округлую сверху, то пирамидальную; наверху показался крестъ, а съ боковъ—привѣски; только Ираклій изображался иногда въ шапкѣ на манеръ фригійской, но безъ креста на верху. Что византійскіе вѣнцы не походили на шапку, свидѣтельствуетъ извѣстіе Прокопія, который, описывая бунтъ народа при Юстиніанѣ и избраніе въ цари нѣкоего Ипатія, говоритъ: „такъ какъ у мятежниковъ не было діадемы, или другаго, чѣмъ украшаются цари, то они надѣли ему на голову золотую цѣпь и провозгласили римскимъ царемъ" (О войнахъ, кн. I, гл. 24); значитъ, форма царскихъ вѣнцовъ была такова, что и золотая цѣпь могла ихъ замѣнять. О византійскихъ вѣнцахъ Анна Комнина пишетъ: „царская діадима окружаетъ голову въ видѣ полушарія: она со всѣхъ сторонъ украшена жемчугомъ и дорогими камнями, изъ которыхъ одни лежатъ на ней, а другіе свѣшены, потому что на вискахъ справа и слѣва опускаются нитки жемчуга и ударяются о щеки. Это-то и есть собственно отличіе царской одежды. Напротивъ того вѣнцы севастократоровъ и кесарей только по мѣстамъ украшаются жемчугомъ и камнями, и сверху не имѣютъ полушарія" (III, 4). Въ одной древней рукописи на Никифорѣ Вотаніатѣ изображена такая корона [рис.] а на медаляхъ Алексѣя Комнина и его предшественниковъ мы видимъ діадимы слѣдующихъ формъ: [рис.] и проч.

[1]) Императоры украшались еще вѣнкомъ съ лучами.

У насъ на Руси есть нѣсколько древнѣйшихъ образцовъ коронъ: на Кіевскихъ фрескахъ цари изображены вотъ въ какихъ вѣнцахъ , а на фрескахъ Староладожской Георгіевской церкви цари Давидъ и Соломонъ увѣнчаны такого вида коронами: . Одна изъ византійскихъ формъ, именно четвертая, чаще другихъ встрѣчаемая, находится на золотыхъ и серебряныхъ монетахъ съ именемъ Владиміра, представленнаго кромѣ того и съ крестомъ въ правой рукѣ, въ явное подражаніе византійскому лабаруму, перешедшему въ подобный Владимірову крестъ; слѣдовательно, Владиміру данъ на медали совершенно видъ императора (см. Изв. Арх. Общ. Т. III и IV; Шодуарово описаніе Русск. денегъ ч. III; Descr. général des monnaies byzantines, Сабатье, Paris, 1862). Академикъ А. А. Куникъ, въ своемъ изслѣдованіи о Русско-Византійскихъ монетахъ, не рѣшился означенныя медали отнести къ Владиміру святому, но изъ нихъ золотыя почти соглашается приписать Владиміру Мономаху. (стр. 138 и 139), а г. Волошинскій, издавая свое описаніе извѣстнаго Нѣжинскаго клада, давшаго цѣлую коллекцію первоначальныхъ русскихъ монетъ, распредѣлилъ серебряныя Владиміровы монеты на два разряда: одинъ приписанъ Владиміру святому, а другой — Владиміру Мономаху. Такъ какъ на нѣкоторыхъ монетахъ головной уборъ представленъ очень возвышеннымъ, подобнымъ шапкѣ, то ихъ и можно бы, пожалуй, отнести къ Мономаху, но тому мѣшаютъ византійскія привѣски и гладкій околышъ (въ Опис. клада, 1853), которые принуждаютъ заключать, что возвышенность убора произошла отъ неловкости монетчика, обставившаго крестъ лишними шариками, и что этотъ уборъ есть настоящая византійская діадима; на монетахъ мы читаемъ символъ совершеннаго самодержавія: „Владиміръ *на столѣ*, а се *его* сребро [1]", чего Мономахъ никакъ не могъ сказать отъ себя, потому что онъ былъ не въ томъ положеніи, которое позволило бы ему превозносить себя надъ прочими князьями столь неумѣренно и налагать на монету обязательную для нихъ печать своего властительнаго права [2]). Затѣмъ нѣтъ основанія отвергать принадлежность монетъ св. Владиміру, котораго одного монетчики могли изобразить въ византійскихъ утваряхъ. Я принимаю эти монеты какъ ясное свидѣтельство

---

[1]) Сила этого символа, ослабленная удѣлами, начала возстановляться съ Василья Дмитріевича, на деньгахъ котораго подписывалось иногда: „князь Велики всея Руси"; на деньгахъ Василія Темнаго это усилено титуломъ: „осподарь всея земли Русскія", наконецъ Іоаннъ III сдѣлался вполнѣ „Государемъ" Русскимъ и возобновилъ столъ Владиміра, вмѣстѣ съ правомъ: а се его".

[2]) Между современными Владиміру Мономаху Византійскими монетами не находится образца для Владимірова серебра; но въ числѣ монетъ предшествующаго Владиміру святому времени можно прямо указать образецъ, съ котораго сняты Владиміровы монеты: это монета Василія Македонянина, на которой императоръ представленъ сидящимъ на престолѣ съ лабарумомъ въ правой рукѣ и съ положенною на колѣни лѣвою рукою (Сабатье, Descr., табл. XLIV № 18).

тому, что на Владиміра были возложены царскія регаліи вовсе не такія, какими представляются такъ называемыя Мономаховы утвари, да и не такія, какія видимы на битыхъ въ послѣдующіе вѣка деньгахъ, на которыхъ изображены короны съ шипами, продолжавшіяся и на царскихъ деньгахъ, конечно, потому, что онѣ были присоединены къ царской шапкѣ въ видѣ вѣнца на ней. Итакъ извѣстная Мономахова шапка не могла быть короною восточныхъ императоровъ, имѣвшихъ на діадимѣ полушаріе: вмѣсто обруча или діадимы, на ней мѣховая опушка, а вмѣсто полушарія—тулья въ верхушкою для утвержденія креста; по рисунку она имѣетъ такой видъ [1]), совершенно отличный отъ формъ византійскихъ. Правда, на византійскихъ коронахъ видны иногда довольно возвышенныя небольшія дýги, какъ напримѣръ на монетахъ Константина II, Константина Копронима, Михаила II (см. у Сабатье въ Descr.), но тамъ дýги представляются болѣе основаніемъ креста, и только на одной монетѣ Алексѣя Комнина верхняя полоса діадимы выведена округло, дугою, концы которой лежатъ на нижней полосѣ діадимы (см. выше въ рисункахъ), однакожъ это опять совсѣмъ не то, что тулья у шапки; дуги, еще болѣе возвышенныя, украшенныя перьями, представляютъ не короны, а шлемы, при которыхъ императоры изображались съ копьемъ и щитомъ, а не съ лабарумомъ (у Сабатье тамъ же). По всей вѣроятности, знаменитая Мономахова шапка есть не что иное, какъ чисто русская великокняжеская, да и Дмитрій Ивановичъ былъ вѣнчанъ ею не на царство, а на великое княженіе [2]). Она чрезвычайно похожа на шапку св. князя, изображеннаго на Рязанскихъ бармахъ [3]), а также сходствуетъ, по тульѣ и околышу, съ шапкою Ярослава Владиміровича Новгородскаго (Прохорова: Русск. Древн. кн. 4 и 5), только у обѣихъ нѣтъ наверху крестовъ и первая изъ нихъ болѣе походитъ на корону; обѣ онѣ, очевидно, были знаками русскаго княжескаго сана [4]), такъ же какъ шлемъ на иконахъ есть знакъ воина, византійская корона знакъ царской особы не русскаго рода, клобукъ знакъ инока, митра знакъ іерарха. Шапка великаго князя, безъ сомнѣнія, отличалась отъ шапки удѣльнаго князя богатствомъ украшеній и, можетъ быть,

[1]) На рисункѣ я не вижу на ней вѣнца съ шипами, да и въ описаніи о немъ не сказано.

[2]) Въ XV вѣкѣ царскою короною называли вещь совсѣмъ непохожую ни на шапку Мономаха, ни на Византійскій вѣнецъ. Въ духовной князя Михаила Андреевича Верейскаго читаемъ: „да отецъ пожаловалъ далъ дочери своей вѣнецъ царской зъ городы да съ яхонты да съ лалы да съ зерны съ великими, другой вѣнокъ низанъ великимъ жемчюгомъ“ (Собр. Госуд. Грам. т. I. стр. 303). „Съ городы“ значитъ съ шипами, т. е. такой . На византійскихъ медаляхъ въ подобныхъ вѣнцахъ видимъ царицъ.

[3]) Шапки на св. Борисѣ и Глѣбѣ, въ окладѣ Мстиславова евангелія, представляютъ видимое подражаніе этой формѣ. Такія шапки на древнихъ рисункахъ можно встрѣтить не разъ.

[4]) Можетъ быть, отъ княжескаго вѣнчанія произошелъ сохраняющійся доселѣ обычай называть новобрачныхъ княземъ и княгинею.

крестомъ, подобно тому, какъ діадима императора византійскаго отличалась отъ діадимъ членовъ его семейства полушаріемъ и привѣсками. Въ такомъ случаѣ Мономахова шапка будетъ подлинно Русская корона, истинный вѣнецъ Россійскаго царствія, ни откуда не заимствованный, вошедшій въ употребленіе въ замѣнъ императорскаго вѣнца, возложеннаго на св. Владиміра. Рязанскія бармы и бармы, завѣщанныя Калитою Андрею Ивановичу, кажется, доказываютъ, что эти украшенія возлагали на себя, вмѣстѣ съ шапкою, не одни великіе князья, но и князья удѣльные, какъ владѣтельные потомки первовѣнчаннаго [1]).

Что касается державы, хранящейся вмѣстѣ съ шапкою Мономаха, то она при Мономахѣ едва ли могла быть; о ней никакіе письменные памятники не говорятъ, а столь отличительный знакъ самодержавія не могъ быть пропущенъ въ духовныхъ завѣщаніяхъ, если бы онъ сохранялся вмѣстѣ съ шапкою. Въ первый разъ держава была у насъ употреблена при вѣнчаніи Василія Ивановича Шуйскаго. Вельтманъ замѣтилъ, что держава оружейной палаты, по величинѣ креста, имѣетъ видъ первоначальныхъ греческихъ державъ, но отсюда еще не слѣдуетъ, что она была прислана Владиміру Мономаху; она могла быть доставлена и позднѣе, хотя бы напримѣръ Іоанну Грозному отъ патріарха Константинопольскаго, или вывезена въ Москву царевною Софіею, либо однимъ изъ ея родственниковъ. При встрѣчѣ Ѳеодоромъ Ивановичемъ патріарха Іеремія держава находилась въ числѣ регалій (Муравьева: Снош. съ Восток. Т. I).

Все вышеизложенное ведетъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Владиміръ святой былъ вѣнчанъ въ царскихъ утваряхъ, приведенныхъ изъ Византіи и не имѣвшихъ никакого сходства съ утварями Мономаховыми;

2) Владиміръ Мономахъ не могъ быть коронованъ по чину греческихъ императоровъ;

3) Утварь Мономахова есть утварь великокняжеская, можетъ быть, сооруженная по заказу Мономаха византійскими мастерами [2]), принадлежавшая сану великихъ князей до порабощенія Россія татарами и возстановленная въ употребленіи по освобожденіи отъ ихъ ига;

4) Преданія о вѣнчаніи Владиміра святаго, о пріѣздѣ въ Россію Греческихъ архіереевъ и о полученіи Владиміромъ Мономахомъ или его матерью наслѣдства послѣ Константина Мономаха или какого либо подарка отъ Алексѣя Комнина, будучи сбиты

---

[1]) Вышеприведенная ссылка на царскій вѣнецъ Михаила Андреевича, который въ своемъ завѣщаніи упоминаетъ о челкѣ и ожерелье, свидѣтельствуетъ, что удѣльные князья имѣли вѣнцы. Ожерелье въ Болтинскомъ источникѣ значитъ бармы.

[2]) Мстиславъ посылалъ же въ Византію обдѣлывать евангеліе.

въ одно сказаніе, отнесены къ великокняжескимъ регаліямъ, которыя и слывутъ за императорскія византійскія, сохранившіяся въ потомствѣ Владиміра Мономаха;

5) Повѣрье о византійскомъ происхожденіи великокняжескихъ регалій и безспорное принятіе этого мнѣнія восточнымъ духовенствомъ, показываетъ, что Русскіе и Греки имѣли высокое понятіе о древнемъ великомъ князѣ, регаліи котораго, хотя и ошибочно, признавались за императорскія, и въ послѣдствіи были употреблены Іоанномъ Грознымъ въ качествѣ императорскихъ, а затѣмъ стали считаться важными болѣе потому, что онѣ Мономаховы, чѣмъ потому, что онѣ византійскія.

Какое значеніе имѣетъ гармонизація г. По́тулова для пѣнія нашей Православной церкви? Можетъ ли она быть приложена къ другимъ напѣвамъ, кромѣ Кіевскаго роспѣва? Слѣдуетъ ли сохранить ее, какъ памятникъ обширныхъ трудовъ г. композитора, и какъ поучительный образецъ для дѣятельности прочихъ композиторовъ?

Сообщено протоіереемъ **В. Д. Разумовскимъ.**

Еще на первомъ Русскомъ Археологическомъ съѣздѣ съ достаточною полнотою и ясностію изложены были музыкальныя достоинства гармонизаціи, принятой г. По́туловымъ для сопровожденія мелодическихъ роспѣвовъ нашей православной греко-россійской церкви. „Николай Михайловичъ По́туловъ, сказано было тогда, гармонизируя напѣвы, назначенные для пѣнія въ церкви, съ полнымъ знаніемъ дѣла, ограничился единственно консонансными аккордами, почти всегда на тоникѣ, или на ея терціи (медіантѣ), безъ всякихъ задержаній и безъ предъемовъ (антиципацій). Главное достоинство гармонизаціи церковнаго напѣва состоитъ единственно въ томъ, чтобы, образуя правильное сочетаніе голосовъ, отнюдь не отвлечь благоговѣйнаго вниманія отъ существеннаго, то есть отъ словъ молитвы. Сверхъ того, необходимо простотою аликвотныхъ аккордовъ сдѣлать это пѣніе доступнымъ на крылосѣ, какъ для ученыхъ, такъ и для самыхъ простыхъ пѣвцовъ, обыкновенно изъ міранъ, по усердію помогающихъ канонически поставленному пѣвцу. Эта цѣль мастерски достигнута Н. М. По́туловымъ, и въ томъ великая, неоцѣнимая его заслуга [1])“.

[1]) Труды перваго Археологическаго Съѣзда въ Москвѣ 1869 г.—М. 1871 г. Т. 2. л. 478, 479.

Послѣ такого отзыва ученыхъ археологовъ, должно быть вполнѣ ясно то значеніе, какое должна имѣть гармонизація г. По́тулова для богослужебной практики въ православномъ храмѣ. Неоднократное употребленіе гармонизаціи г. По́тулова при богослуженіи различными хорами штатныхъ и не штатныхъ пѣвчихъ достаточно подтвердило всѣ ученыя объясненія по этому предмету. Хоры пѣвцовъ всегда находили эту гармонизацію легкою для исполненія по ея простотѣ и несложности музыкальныхъ аккордовъ. Это особенно замѣчено въ такихъ хорахъ, которые находились на первой степени своего музыкальнаго развитія и слѣдовательно не пріобрѣли еще прочнаго, преимущественнаго навыка къ интерваламъ, составляющимъ прелесть музыки свѣтской,—и еще въ такихъ хорахъ, которые находились на высшей степени своего музыкальнаго образованія и голосоваго развитія, и слѣд. съ равнымъ удобствомъ могли читать какъ свѣтскія, такъ и духовныя голосовыя партитуры. Для всѣхъ вообще хоровъ исполненіе гармонизаціи г. По́тулова облегчается твердымъ знаніемъ характера церковной мелодіи и подборомъ голосовъ, вполнѣ соотвѣтствующихъ партитурѣ г. По́тулова. Православные слушатели при исполненіи гармонизаціи г. По́тулова осязательно чувствовали въ ней глубокую христіанскую древность, располагающую своимъ строгимъ характеромъ къ молитвенному возвышенію душевныхъ помысловъ. Одинъ изъ благочестивыхъ сельскихъ пастырей Симбирской епархіи писалъ по этому случаю: „при неоднократномъ исполненіи переложеній г. По́тулова съ небольшимъ хоромъ своихъ пѣвчихъ я замѣтилъ, что церковное пѣніе въ переложеніи г. По́тулова дѣйствительно производитъ неотразимое впечатлѣніе на простыя сердца и неиспорченный слухъ сельскихъ жителей [1]“.

Мелодія Кіевскаго роспѣва, какъ простѣйшая по своему сложенію, была первымъ предметомъ гармонизаціи г. По́тулова; по крайней мѣрѣ, гармонизація Кіевскаго роспѣва впервые сдѣлала извѣстнымъ имя г. По́тулова всѣмъ русскимъ церковнымъ хорамъ пѣвчихъ. Послѣдствія показали, что тотъ же самый способъ гармонизаціи, какой употребленъ г. По́туловымъ для гармонизаціи Кіевскаго роспѣва, безъ особеннаго затрудненія примѣняется ко всѣмъ прочимъ роспѣвамъ православной греко-россійской церкви: къ старому знаменному и малому знаменному роспѣвамъ, а также къ роспѣвамъ греческому и болгарскому. Г. По́туловъ, нынѣ уже почившій († 17 мая 1873 г.), оставилъ намъ обширные труды свои въ этомъ родѣ, тщательно переписанные имъ собственноручно отъ перваго до послѣдняго листа. Къ такимъ трудамъ принадлежатъ:

1. *Воскресный Октоихъ*, содержащій въ себѣ воскресныя стихиры, тропари и ирмосы на 8 гласовъ, разныхъ роспѣвовъ, 1870 г. Въ немъ всѣ стихиры, кромѣ богородичныхъ, на „Господи воззвахъ“ изложены Кіевскимъ роспѣвомъ, богородичны же—ста́рымъ знаменнымъ; тропари изложены греческимъ роспѣвомъ; ирмосы взяты съ знаменнаго и гре-

---

[1]) Письмо отъ 30 янв. 1874 г.

ческаго роспѣвовъ; кромѣ того, въ каждомъ гласѣ приложено по одной самогласной стихирѣ малаго знаменнаго роспѣва, по образцу которой могутъ быть исполняемы всѣ прочія стихиры тѣмъ же роспѣвомъ.

2. *Обиходъ разныхъ роспѣвовъ*, 1870 г., состоящій изъ двухъ частей. Въ первой части помѣщены—„Литургія св. Іоанна Златоустаго и лѣвый ликъ на литургіи св. Василія великаго,—Всенощное бдѣніе,—пѣснопѣнія св. и великой четыредесятницы изъ „часовъ, вечерни, литургіи преждеосвященныхъ даровъ и великаго повечерія“,—также пѣснопѣнія изъ утрени и панихида. Во второй части обихода находятся пѣснопѣнія разныхъ роспѣвовъ, относящіяся къ божественной литургіи, какъ то антифоны, вмѣсто трисвятаго, прокимны дневніи, вмѣсто херувимской пѣсни, а также антифоны, тропари, кондаки, прокимны и задостойники разныхъ роспѣвовъ въ праздники и нарочитые дни [1]).

3. Служба и трипѣсцы страстной седмицы, разныхъ роспѣвовъ.

4. Трипѣсцы во св. и великую четыредесятницу, разныхъ роспѣвовъ.

Самое служеніе интересамъ отечественной археологіи обязывало бы сохранить музыкальные труды г. Потулова въ цѣлости уже потому, что они имѣютъ за собою авторитетъ первичной важности; ибо, какъ мы сказали выше, всѣ они писаны рукою самаго композитора и наполнены его примѣчаніями, полезными для пѣвческихъ хоровъ и ихъ управителей или регентовъ. Изданіе трудовъ г. Потулова въ свѣтъ, безъ сомнѣнія, оживило бы народное искуство и, какъ заявлено было на первомъ Археологическомъ съѣздѣ [2]), *послужило бы навсегда образцемъ гармонизированнаго православнаго пѣнія, назначеннаго для исполненія въ церкви*. Нѣтъ, разумѣется, причинъ представлять музыкальному генію опредѣленную норму для его свободныхъ дѣйствій; но онъ вѣрнѣе и прочнѣе станетъ на свой творческій путь, когда историческими и археологическими данными познакомится съ дѣятельностію своихъ предшественниковъ, и такимъ образомъ избавится отъ труда повторять дѣла, совершонныя его предшественниками въ музыкальной области богослужебнаго пѣнія. Во всякомъ случаѣ, непроизнося даже рѣшительнаго сужденія о способѣ гармонизаціи г. Потулова, можно утвердительно сказать, что обширные труды его *или*

---

[1]) Въ этомъ обиходѣ, какъ замѣтилъ самъ г. Потуловъ, „альтовый голосъ постоянно поетъ ноту древняго напѣва, прочіе же голоса сопровождаютъ его въ трезвучномъ съ нимъ сочетаніи. Мѣстами альтъ падаетъ весьма низко, а за нимъ и прочіе сопровождающіе его голоса, чрезъ что пѣніе весьма затрудняется. Это положеніе альта удержано здѣсь для того, чтобы быть совершенно вѣрнымъ нотѣ церковныхъ книгъ. Облегчить же исполненіе—въ рукахъ управляющаго хоромъ (регента). Стóитъ только пѣть одною или нѣсколькими нотами выше противу написаннаго. Но во всякомъ случаѣ, при настоящемъ положеніи голосовъ, и для сохраненія характера пѣнія, повышеніе возможно *отнюдь* неболѣе, какъ на $1\frac{1}{2}$ тона, или на малую терцію, при чемъ, конечно, должно сообразоваться съ голосовыми средствами пѣвцовъ“.

[2]) Труды перваго Археологическаго Съѣзда въ Москвѣ. М. 1871 г. Т. 2. стр. 479.

совершенный образецъ гармонизированнаго православнаго пѣнія, и тогда изданіе ихъ составляло бы великую заслугу археологіи для православной церкви, *или*—памятникъ обширной дѣятельности отечественнаго композитора, и тогда изданіе ихъ, по полнотѣ своей и типическимъ особенностямъ, составляетъ эпоху въ церковно-музыкальной лѣтописи, характеризуетъ современную дѣятельность въ области церковнаго пѣнія и честно и славно сохраняетъ имя отечественнаго дѣятеля, посвятившаго церковному пѣнію самую зрѣлую пору своей жизни и относившагося къ своему дѣлу не только съ любовію, но и съ благоговѣніемъ, какъ къ важному и высокому служенію православной греко-россійской церкви.

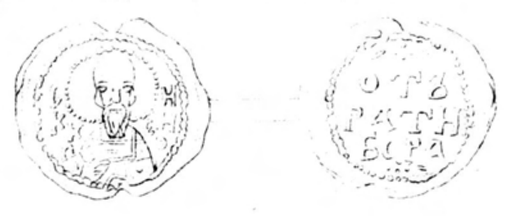
О древней вислой свинцовой печати, съ надписью „отъ Ратибора“, найденной въ 1872 году около г. Еникале, что въ Керченскомъ Градоначальствѣ.

Сообщено **Е. Люценкомъ.**

Въ 3-хъ верстахъ къ востоку отъ г. Ени-кале есть мѣстность, извѣстная подъ названіемъ „Агіаносъ“, названіемъ, очевидно составленнымъ изъ двухъ греческихъ словъ ΑΓΙΟΣ ΝΑΟΣ—святой храмъ, гдѣ, по преданію, существовала одна изъ самыхъ древнѣйшихъ церквей въ Крыму, во имя Іоанна, но какого—неизвѣстно, разрушенная въ 1774 году, во время выселенія Керченскихъ грековъ въ Маріуполь [1]). Около этой мѣстности какимъ-то татариномъ изъ деревни Джан—кой найдена въ 1872 году свинцовая, вислая печать, которая пріобрѣтена была у него, вмѣстѣ съ разными мѣдными Босфорскими монетами, однимъ Керченскимъ собирателемъ древностей и переуступлена мнѣ, съ объясненіемъ, что она, въ первоначальномъ своемъ видѣ, покрыта была значительнымъ слоемъ металлической и земляной накипи, очищенной имъ осторожно, перочиннымъ ножикомъ.

[1]) Павелъ Сумароковъ въ своихъ „досугахъ Крымскаго судьи“, стр. 106—108, часть II, изд. 1805 г., описывая современное ему запустѣніе Керчи и Ени-кале, приписываетъ это—выселенію въ 1774 году мѣстныхъ Грековъ и Армянъ,—первыхъ въ Маріуполь, а послѣднихъ въ Нахичевань, что на Дону. Къ означенному году слѣдуетъ, кажется, отнести разрушеніе упомянутой церкви Іоанна, находившейся въ трехъ верстахъ отъ Ени-кале,—единственной на Керченскомъ полуостровѣ церкви, въ которой дозволено было Татарами совершать Христіанское богослуженіе мѣстнымъ жителямъ. Не находилась ли она около того мѣста, гдѣ въ 1821 году построенъ нынѣшній маякъ, или ниже его на мысѣ, вдающемся въ море, внизу откоса, на которомъ г. Дебрюксъ въ двадцатыхъ годахъ видѣлъ еще слѣды города Парѳеніона, упоминаемаго Страбономъ?

Эта печать, (принадлежащая къ разряду тѣхъ старинныхъ печатей, которыя привѣшивались къ грамотамъ), состоитъ изъ свинцоваго кружка, съ отверстіемъ внутри его для продѣванія шнура. На одной сторонѣ ея, въ кругѣ изъ точекъ, вытиснутъ по поясъ, въ богато украшенной священнической ризѣ, Николай Мирликійскій, съ обнаженной головой, обведенной нимбомъ, и съ продолговатою, почти остроконечною бородою, какъ изображали его въ первые вѣка христіанства; лѣвою рукою онъ держитъ евангеліе, а правою поднятою благословляетъ. На полѣ видны поставленныя вертикально буквы: справа—Ϛ К Л К, слѣва М ЄН ɔ. Трудно объяснить значеніе этихъ буквъ, по видимому славянскихъ. На другой сторонѣ, тоже въ кругѣ изъ точекъ, между двумя розетками —⁘— ОТЪ—РАТИ—БОРА —⁘—, въ трехъ строкахъ. Изображеніе святителя Николая довольно выпукло и хорошо сдѣлано; буквы оборотной надписи нѣсколько велики, сравнительно съ размѣромъ печати, но правильно поставлены. Печать хорошо сохранилась и носитъ на себѣ всѣ признаки древности. Вотъ рисунокъ обѣихъ сторонъ ея, сдѣланный отъ руки, въ натуральную величину:



Сравнивая стиль и очертанія буквъ ея надписей съ буквами нашихъ письменныхъ памятниковъ, какъ напримѣръ: съ записью князя Глѣба 1063 г., Изборникомъ 1073 г. и проч. [1]), нельзя не придти къ заключенію, что она относится къ XI столѣтію, именно къ той эпохѣ русской исторіи, когда здѣсь существовало Тмуторокапское княжество, господствовавшее на Киммерійскомъ Босфорѣ съ начала X вѣка и занимавшее, кромѣ Таманскаго, и Керченскій полуостровъ [2]). Мѣсто, гдѣ она найдена, находилось на пути Кіевскихъ и другихъ дружинъ южной Руси, которыя по Днѣпру спускались до рѣки Самары, потомъ по рѣкѣ Міусу выходили въ Азовское море и, высадясь на Арабатскую стрѣлку, шли по сѣверному Крымскому побережью [3]), гдѣ до сихъ поръ видны большіе

---

[1]) Древніе памятники Русскаго письма и языка (X—XIV вѣковъ). И. Срезневскаго. Приложенія. С.-Петербургъ, 1866 года.

[2]) О Тмутороканской Руси.—Опытъ возстановленія и объясненія Несторовой лѣтописи. Н. Ламбинъ. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Январь 1874 г.

[3]) Бопланъ, въ извѣстномъ сочиненіи своемъ объ Украйнѣ, описавъ, какимъ образомъ Запорожцы возвращались въ войсковую Скарбницу изъ отважныхъ своихъ походовъ по Черному морю, между прочимъ, говоритъ, „что есть еще другая дорога для возвращенія въ Запорожье—чрезъ проливъ, отдѣляющій Тамань отъ Керчи, по Донскому лиману и по рѣкѣ Міусу. Здѣсь

четырехконечные кресты, высѣченные на камняхъ и скалахъ, особливо тамъ, гдѣ встрѣчаются береговыя природныя пещеры, служившія имъ повидимому становищами, какъ напримѣръ въ замѣчательномъ урочищѣ „Коба" (пещера), въ двухъ верстахъ къ сѣверу отъ селенія Осовино. Далѣе, около нынѣшняго маяка, въ самомъ узкомъ мѣстѣ Керченскаго пролива, они переправлялись на материкъ Таманскаго полуострова, въ Тмутороканъ. Должно полагать, что упомянутая церковь, разрушенная въ 1774 году, стояла отсюда недалеко и, кажется, именно тамъ, гдѣ нынѣ, внизу маяка, находится завалившійся колодезь, снабжавшій еще недавно водою каботажныя суда. Вѣроятно, въ этой церкви хранились разные документы и въ томъ числѣ жалованныя грамоты Тмутороканскихъ князей, которыя всѣ погибли, кромѣ нашей печати съ именемъ Ратибора. Но какой же это Ратиборъ, безъ княжескаго титула, имѣлъ здѣсь право привѣшивать къ своимъ грамотамъ печати, съ изображеніемъ святаго, конечно, своего соименника и патрона?

Раскрываемъ наши лѣтописи и видимъ, что въ 1078 году Олегъ Святославичь, оставленный безъ удѣла Кіевскимъ великимъ княземъ Всеволодомъ, явился въ Тмуторокань и, вмѣстѣ съ Борисомъ Вячеславичемъ, вступилъ въ сношеніе съ разными Половецкими князьями, кочевавшими на Дону и въ степяхъ на восточномъ берегу Днѣпра. Выгнавъ Всеволода изъ Чернигова, онъ былъ разбитъ на Нѣжатинской нивѣ (гдѣ погибъ Борисъ). Половцы удалились въ свои степи, а Олегъ опять возвратился въ Тмуторокань [1]). На

они плывутъ по Міусу, покуда возможно, а далѣе отъ этой рѣки до Тачаводы, около мили, идутъ волокомъ. Тачавода впадаетъ въ Самару; Самара же изливается въ Днѣпръ, выше Кайдака". Профессоръ Ф. К. Брунъ, (Слѣды древняго рѣчнаго пути изъ Днѣпра въ Азовское море, помѣщен. въ Запискахъ Одесскаго Общества Исторіи и древностей, Т. V. 1863 г.), между прочимъ, пишетъ, что извѣстіе о водяномъ сообщеніи, существовавшемъ въ древности между Днѣпромъ, Азовскимъ моремъ и Перекопскимъ заливомъ, сохранилось до временъ Константина Порфиророднаго. Руссы, если даже отправлялись въ Черное море внизъ по Днѣпру, могли, въ случаѣ надобности, совершать обратный путь чрезъ Керченскій проливъ, Азовское море, Міусомъ и Самарою". „Русскіе утвердившись въ сосѣдствѣ Алановъ, должны были дорожить Азовскимъ моремъ, представлявшимъ имъ гораздо кратчайшій и удобнѣйшій путь изъ Тмуторокани въ Кіевъ, нежели Черное море съ Днѣпромъ. Если же въ суровое зимнее время оба моря были недоступны нашимъ предкамъ, то они все еще могли сообщаться съ дальнею своею колоніею посредствомъ Арабатской стрѣлки, которую описалъ раввинъ Петакія въ путешествіи своемъ въ 1175 году изъ Кіева въ Хазарію". Извѣстно, что вслѣдствіе договора Городецкаго, заключеннаго въ 1025 году, Тмутороканская область осталась въ связи съ Черниговскимъ княжествомъ, лежавшимъ на восточной сторонѣ Днѣпра. Поэтому неудивительно, что звѣномъ, соединявшимъ область съ княжествомъ, было не Черное море, но Азовское".

[1]) Лаврентьевская лѣтопись, стр. 85. Изданіе Археографической Коммиссіи. С.-Петербургъ. 1846 г.

слѣдующій годъ Олегъ, подговоривъ брата своего Романа, снова двинулся съ толпами Половцевъ къ Чернигову; но Половцы, вѣроятно подкупленные Всеволодомъ, заключили съ нимъ миръ и на возвратномъ пути, по совѣту участвовавшихъ въ походѣ Хазаръ, убили Романа, а Олега отправили въ Грецію. Всеволодъ же немедленно присоединилъ Тмуторокань къ своимъ владѣніямъ и послалъ туда своего посадника *Ратибора* [1]). Но не прошло и года, какъ тамъ явились новые бѣглецы изъ Руси—Давидъ Игоревичь съ Володаремъ Ростиславичемъ и, захвативъ Ратибора, завладѣли Тмутороканью [2]). Исторіографъ Карамзинъ относитъ эти событія къ 1078—1093 годамъ и, описывая княженіе Владиміра Мономаха (съ 1113 по 1125 годъ), говоритъ [3]), что по случаю мятежа въ Кіевѣ, происшедшаго отъ лихоимства евреевъ, угнетавшихъ должниковъ неумѣренными ростами (процентами), Владиміръ Мономахъ собралъ въ Берестовѣ бояръ и тысяцкихъ, въ числѣ которыхъ встрѣчаемъ имя и Ратибора Кіевскаго, и, посовѣтовавшись съ ними, издалъ извѣстный законъ о ростахъ, включенный въ Ярославову Русскую правду [4]).

Послѣ такого указанія нашей лѣтописи, кажется, нельзя сомнѣваться, что найденная около Ени-кале свинцовая печать принадлежала грамотѣ именно того Ратибора, посадника Кіевскаго, о которомъ она упоминаетъ, говоря о назначеніи его великимъ княземъ Всеволодомъ въ 1079 году своимъ намѣстникомъ въ Тмуторокапское княжество. Въ кратковременное пребываніе въ немъ этого правителя, такихъ грамотъ его не могло быть много, и потому описанная печать, какъ единственный, вещественный знакъ, подтверждающій лѣтописное сказаніе о когда-то бывшемъ здѣсь намѣстникѣ Ратиборѣ, интересна во многихъ отношеніяхъ. О иноземномъ происхожденіи ея не можетъ быть и рѣчи. Что же касается до отчетливой и хорошей работы находящейся на ней надписи и изображенія святителя Николая, сравнительно съ грубою чеканкою извѣстныхъ монетъ, почти того же времени, Владиміра Равноапостольнаго и Ярослава мудраго, то это вовсе не удивительно, если вспомнимъ близкое сосѣдство Тмуторокани съ византійскими греками, имѣвшими въ то время такое сильное вліяніе на искуства въ Россіи.

Своеобразность и краткость надписи на оборотной сторонѣ ея—„ОТЪ РАТИБОРА“, столь свойственныя простотѣ и духу тогдашнихъ славянъ, незнакомыхъ еще съ западными геральдическими понятіями о изображеніяхъ и символахъ на печатяхъ, напоминаютъ намъ другую находку, сдѣланную въ 1869 году въ Тамани и относящуюся тоже къ

---

[1]) Тамъ же, стр. 87.

[2]) Записки Одесскаго Общества исторіи и древностей. Т. II. О сѣверномъ берегѣ Чернаго моря и прилегающихъ къ нему степяхъ И. Бѣляевъ.

[3]) Исторія Государства Россійскаго. Карамзинъ. Т. II, глава V, стр. 55, изданіе 1842 года Эйнерлинга.

[4]) Тамъ же, стр. 89 и 216. Примѣчаніе, стр. 90.

Тмутороканскому княжеству. Это—небольшой серебряный кружокъ, неровно обрѣзанный, величиною въ византійскій асиръ Комненовъ, съ надписью: „Г̃И ПО—МОЗИ—МИХА—ИЛ..“, вычеканенной на оборотной сторонѣ его, въ обратную сторону къ лицевому изображенію какого-то святаго, кажется, архангела Михаила. По нашему мнѣнію, этотъ серебряный кружокъ не принадлежитъ къ разряду старинныхъ шейныхъ гривенокъ, какъ нѣкоторые полагаютъ, но есть настоящая ходячая монета, чеканенная въ Тмуторокани, при князѣ Олегѣ, названномъ въ святомъ крещеніи Михаиломъ, и весьма интересная по своей своеобразности и несходству ея типа съ современными ей денежными знаками другихъ государствъ [1]).

---

[1]) Замѣтки изъ Керчи. Труды Московскаго Археологическаго Общества, Т. II, выпускъ II, стр. 190, 1871 года.

ШЕПТАНЬЯ.

Приложеніе къ реферату: „Слѣды языческихъ вѣрованій въ южно-русскихъ шептаньяхъ".*)

Сообщено **П. С. Иващенко.**

ОТДѢЛЪ I.

Замовлянья, или заклинанія, какъ словесныя мѣры противъ постигшихъ человѣка болѣзней и неблагопріятныхъ случаевъ.

А) Противъ болѣзней, причина которыхъ неизвѣстна и гадательна.

1. Од урокiв.

а) Господи милостивий, всі святії
Станьте мені на помочі
Рабу Божому (имя врачуемаго)
Нарожéному, молитвья́ному, хрещеному.
Там стояло чорне море,
На чорнім морі—чорний дуб,
На чорнім дубі—чорний чоловік,
І чорна одежа, і чорний тупор.
Не йде і дуба затинати,
Не йде і моря запиняти,
Іде уроків одпірати (врочить)—
Чоловічих, жоночих,
Парубочих, дівчачих, хлопьячих—
Вітрянії, водянії, супротивнії,
Наслані, наказані, примовлені.
І тут вам не стояти,
Жовтої кости не ламати,
Червоної крові не пити
Із білого тіла, із щирого серця,
Із жовтоії кости.

За одним духом (не переводя дыханія) треба *три-девять* слів сказать, а то (впротивномъ случаѣ)—не поможецця. Треба швидко шиптати (скороговоркой). Перевертать слів (дѣлать перестановку) не можна,—не поможецця; так шепчуть жидові, або свині.

Гадяч. у., Полт. губ.

---

*) См. Труды 3-го Археологич. съѣзда, Т. I, стр. 313.

б) Святі київскі, охтирьскі,
Манастирьські, печерьські,
Переяславські і ти,
Свята пьятінко,
Простіть і помилуйте.
Господи милостивий, Сус Христос!
І сам Бог іде раба Божого
Од уроків шиптати і вишіптувати,
Вибавляти, вимовляти,
І вроки—врочищі,
І подумані, і погадані,
І вітряні, і водяні,
І хлопьячі, і дівочі,
Тут вам не жити,
Тут вам не бути,
Червоної крові не пити,
Жовтої кости не ламати,
Веселого серця не нудити (тричі) [1]).

Гадяч. у.

2. Од великих стисків у дитини, плаксивець і безсонниць.

а) Розвести на припічку огонь і казать:
Йшла я кісними вулицями
Та зостріла два чоловіки;
Дали міні (вони) хліба-соли,
А я їмъ-стиски-стиски,—
Вітряниї, водяниї, супротивниї,
Подумані, погадані,
Наслані, наказані, примовлені.
Тут вам не стояти,
Жовтої кости не ламати,
Червоної крові не пити
Із білого тіла, із щирого серця,
Із жовтої кости.
Ідіть собі, стиски, на луги на доли,
На очеретá, на болотá,—
До синього моря гуляти
А моїему нарожсеному,
Молитвьяному, хрещеному,
Дайте спати.
Поки я не знала,
Поти я не шиптала,
Поти я Господа Бога не прохала,
А як стала я знати,
Стала я Бога прохати,
Пречисту Матір зивати.

Гадяч. у.

б) Дубе, дубе зелений,
Я тебе ззім
З гіллям и коринням.
Дубино зелена,
Посватаймося й побратаймося.
На тобі плаксивці,
Нидрімливці, нисонливці,
А дай моїй дитині сон
Зо всих сторон,
І спання до білого дня,
До смиркання,
Від смиркання до сіяння,
Від сіяння до Божого взиханья.
Ви, плаксивці,
Ви, нисонливці,
Ви, нидрімливці,
Висіть (?) хоть лижить
А на истри (?), на очерета йдіть.
Там вам бувати,
Там вам гуляти,
Жовтими пісками пирисипати
І водою пириливати,
Очеретами крутити
І болотами мутити

[1]) Варіан. къ шепт. см. Труды Этнограф.-статистич. экспедиціи въ Запад.-Рус. край. Ю.-З. отд. Т. I, в. 1-й, стр. 134, і.

Ма ціому сину то нипирихід.
А чужим дітям та нипиригляд,
Стрижи, Боже, цюю дитину
В злую годину.
Сило тухни, а поле грай,
А ти, дитя, спи і дрімай
Від світання до смиркання,
Від смиркання до сіяння
До Божого взиханння [1]).

Сел. Жерденовка, Волын. губ.

в) Несуть у вечері дитину у курник і кажуть тричі: „Добриденъ вам кури—куриці! Нате вам плаксивиці" [2]).

Гор. Зѣньковъ, Полт. губ.

г) У вечері іде з двору під вікно баба, а хто-небудь з хати вказує.

Баба. Добриденъ вам!

Хто-небудь. Хто тепер видав, щоб добриденъ казано?

Баба. Хто тепер видав, щоб дитина плакала? Добриденъ вам! Чи тут ночниці та плаксивиці?

Хто-небудь. Тут.

Баба. Нехай же ідуть до дівчат та до хлопьят на вечерниці.

Гор. Зѣньковъ.

3. Од чорної (падючої) болізни.

Въ день Юрія, 23 апрѣля, до восхода солнца, принести воды изъ колодца или рѣки и эту воду имѣть въ бутылкѣ, или другомъ сосудѣ про запасъ. Когда настанетъ припадокъ, снять благословенную икону, поставить въ чашку (миску) и облить ее юрьевскою водою три раза на крестъ (крестообразно); при этомъ читать молитву: *Заступнице усердная,* и передъ иконой на колѣняхъ прочесть туже молитву три раза. Надъ больнымъ прочесть трижды не отдыхаючи (не переводя дыханія) *Отче нашъ.* Потомъ взять мизинцемъ изъ комина сажи, омочить въ воду, оставшуюся въ чашкѣ, и писать крестики на лбу, груди и по всему тѣлу больнаго, говоря при этомъ:

Св. Юрій, твоею святою водою омиваю нарожденнаго, молитвьяного і хрещеного од чорної болізни.

За тѣмъ омыть больнаго тою водою, въ которой омывалась икона, и окурить нехворощью.

Г. Гадячъ.

4. Од жовтяниць.

а) Іхав Юрій маленькими ослятами
З молодими дівчатами—
Зілля копати, жовни (?) замовляти
Вийдіть жовни, де ви есть:
З серця, з пичінок,
З мняса, з кісток;
На верх вийдіть і замріть.
Тут вам ни бувати,

[1]) Вар. см. тамъ же стр. 112.
[2]) Вар. см. тамъ же стр. 141.

Тут вам ни гуляти,
Червоної крові ни пити,
Жовтої кости ни ломити
І мняса ни вьялити.
Я вас замовляю,
Я вас заклинаю
І на тем (?) вічнїнй
Ножем зарубаю.

Сел. Жерденовка.

б) Призиваю Духа св. на всяке добре діло.

Творче, Создателю всяческихъ, Боже, дѣла руку нашихъ ко славѣ твоей начинаемъ, яко единъ и всесиленъ человѣколюбецъ.

Господи, поможи й всі святі
Станьте мені въ помочі,
Миколай, Божий угодник,
Нарожденному і молитвьяному
Рабу Божому
Од болізни шиптати.
Визиваю, викликаю
От молитвьяного нарожденного
І хрещеного жовтяниці—
Вітряні, водяні, пристрітні,
Подумані і погадані,
Ночні і полуночні,
Денні і полуденні,
Хлопьячі, дівчачі,
Дівоцькі і парубоцкі,
Чоловічі і жоночі.
Тут вам не бувать і не роскошувать
І жовтої кости не ламать
Ссилаю і посилаю вас
В землю пусту, безконечнюю,
Де козак не гуляє,
Де дівка косою не має,
Де чоловічеський голос не заходить,
Де скотина не ходить
І де птиця не літає.

Г. Гадячъ.

5. Од переполоху.

а) Іого завіртують и виливають. Як завіртують, то беруть нитку заполочі, міряють нидужого переполохом; потім провіртують дірочку свердлом в одвірках, кладуть туди ниточку й забивають дірочку кілочком. Дірочка вертицця на такій висоті, який ріст недужого. Як болний переросте тую дірочку, той переполох пройде.

Виливають так: наливають в миску води, ростопляють на жару віск; потім ставляють миску то на голові, то на грудіх, то на ногах й всякий раз ллють в миску ростоплений віск. Яка фигура війде, то од предміта її случився пириполох. Фигури бувають разнії: чоловіча, птича, ничистого й другі, більше—гусака й ничистого; фигуру послідньої узнають по рогам и кучирявій голові. Шепчуть, сплїовують, і переполох проходить.

Гадяч. у.

б) Творче создателю всяческих,
Боже, діла руку наших
Ко славі твоїй начинаем.
Поможи Боже и всі святі
Станьте мині в помочі,
Миколай, Божий угодник,
Наврожденному, молитьвяному
Рабу Божому
От переполоху шиптати.
Визиваю, викликаю переполох:

Овечий, скотячий, кіньський,
Козячий, собачий, заячий,
Лисичий, вовчий, видмежий,
Ящириний, жабьячий, черепаховий,
Гадючий, сорочий, воронячий,
Курячий, утячий, гусячий,
Индичий, голубьячий, ластівьячий,
Перепеловий, орловий, шулічий
Синичий і соловьїний,
І ссилаю тебе, злий душе-переполоше,
В землю пустую, безконечнюю,
Де козак на коні не гуляе
Де дівка косою не мае,
Де чоловічеський глас не заходить,
Де скотина не ходить,
Де і птиця не залітаеть.
Есть за морем у вишь-високо
У глибь—глибоко дуб,
Під тим дубом корінь,
Під тим корнем есть копит—ключ;
Він у его землю одмикае,
Усі немощі одбірае,
Одбери у наврожденного, молитвьяного
І хрещеного немощь.

Г. Гадячъ.

6. Од соняшниць.

а) Сонящниці бувають вітряні й водяні; перші сухі, признак їх тошноти; а признак хторих—понос. Як сухі, то тілько шепчуть, а як водяні, то шепчуть й заварюють. *Шепчуть* так:

Святії київські, охтирські,
Манастирські, печерські,
Переяславські, і ти,
Свята пьятінко,
Простіть і помилуйте.
Господи милостивий Сус Христос,
І сам Бог іде раби Божого
Од сонящниць шиптати
І визбавляти, і вимовляти
Сонящниці подумані, погадані,
І вітрянії, і водянії,
Тут вам не жити,
Тут вам не бути;
Ідіть собі на очеретá, на болотá,
Там вам жити,
Там вам бути (тричі).

Заварюють так: болний лягае на спину; на животі їому ставляють миску з водою. Треба положить въ миску клоччя, підпалить їого й перевернуть швиденько до гори дном; так зробить тричі; потім полоскать в воді, що в мисці, ніж веретенце, брус, ложку й випить три ложки тієї води; то на ніж, веретенце й друге, що полоскано в воді, все лихо перейде [1]).

Гадяч. у.

б) Тоже, что и *од жовтяниць*, только съ замѣною слова *жовтяниці* словомъ *сонящниці*. (См. А, а, IV, 2).

7. Од пропасниці, трясці, лихоманки, лихорадки.

а) Бишихо татарко,
Бишихо циганко,
Бишихо жидівко!
Тут тобі ни бувати,

[1]) См. тамъ же, стр. 114.

Тут тобі ни гуляти,
Червоної крові ни пити,
Жовтоі кости ни ломити,
Білого тіла ни вьялити.
Іди собі на сине море;
Там тобі бувати,
Там тобі гуляти,
Жовтими пісками пирисипати,
Водами пириливати,—
Очеретом трясти
І болотами трясти.
Я тебе заклинаю
І на тем вічнїйй ножемъ зарубаю
Іди собі—де кури ни пьють,
Де молодиці на гуляння не ходять,
Де козак коня ни напуває,
Де дівчя коси ни росплітає.

Сел. Жерденовка.

б) Під дубом Маврійським
Стояли святії архангили—
Гаврїіл, Урїіл і Сурїіл.
І бачили вони, як виходило з моря
Сім простоволосих жінок.
Святії архангили підійшли до їх
І роспитувались: хто вони такії?
Вони їм поодвічали:
„Есть ми дочері Иродови,
А йдем ми на хрестьяньску землю
Жовтую хрестьяньскую кость ломить“.
Святії архангели попрохали росказать,
Як їх имена.—„Наші имена есть:
„Первая—*Непа*, хторая—*Лета*,
Третяя—*Лелія*, четвертая—*Желтія*,
Пятая—*Оленеса*, шостая—*Горита*,
Сїомая—*Маргарита*;
Всі ми огненнії“.
Святії архангели сказали:
—„Проклинаемо ми вас і заклинаемо
В землю пустую, в землю безлюдную,
Де дівка косою не мае,
Де козак на коні не гуляє
І куди чоловічеське око не заглядае“—
Есть за моремъ дуб—
У вись високо, а в глиб глибоко,
Під тим корнем копит—ключ;
Той ключ усю землю одмикае,
Всі немощі одбірае.
Одбири ти, копит—ключ, болість
У раба (або раби) Божого.

Сю *молитву* треба читать три-девять раз над болним в укритім од других місці. Як що болість у дитини, то треба, щоб мати проколола собі палиць на правій руці й намалювала кровью хрест, мазнувши на лобі, бороді й щоках.

Г. Гадячъ.

8. Од порухи.

Господи мині поможи! першим разом, луччим часом; стань мині на помочі від виликої немочі. Ти врази-вразочку, Божий чоловічку! посунься й покотися тихесенько й легесенько. Тут тобі ни стояти, червоноі крові ни сушити, жовтої кости не ломити. Я тебе визиваю, я тебе викликаю, я тебе вешпігую від її рук, від її ніг, від її пальців, від симидесяти суставців, від її русої коси, від її щирого серця. Йди собі на очеретá, та на болотá, де дівка коси не чеше, де парубоцький голос не заходе!

Г. Зѣньковъ.

9. Од бишихи, болячки.

Святі київські, охтирські,
Манастирські, печерські,
Переяславські, и ти,
Свята пьятінко
Простіть і помилуйте.
Господи милостивий Сус Христос!
І сам Бог іде раба божого
Од болячки шиптати
І вибавляти, і вимовляти.
І бишиха-бишище,
Подумана, і погадана,
І чоловіча, і хлопьяча,
І жоноча, і дівоча.
Поки я не знала,
Поти її не шиптала,
Стала її знати,
Стала її шиптати
І Бога прохати.
Господь з помоччю,
Я з річчю—
Вишіптувать і вибавлять
Із його голови, із його очей,
Із його рук, із його плечей,
Із його ніг, із його щирого серця,
Із його білого тіла,
Із його жил, із його пажил (нервовъ)
Із його суставців, і жил, і пальців.

Проказать треба тричі. Гадяч. у.

10. Од матки, коли вона не на місці.

Визиваю, викликаю
З жовтої кости,
З червоної крові,
З 70 суставів матку.
Тобі, сухий дубе,
Не розвиваццця,
Тобі, матко, тут
Не розживаццця,
А тобі, матко,
На золоте крісло сідать.

Казать три-девять раз, вибіраючи (уставляя на мѣсто матку).

Г. Гадячъ.

11. Од зубів[1]).

а) „Місяцю, Адаме молодий!“
Питає тебе царь старий:
„Чи болять у мертвого чоловіка зуби, чи ні?“
—Ні—„Колиб і в мене не боліли
Молитвьяного, рожденного і хрещеного“.

Проказать тричі або 9 раз до молодика.

Г. Гадячъ.

б) Зуби зубища, черви червища! Поки ви крутили, поки ви нудили, поки ви тошнили, поки ви горіли, поки ви боліли, поки я тебе (?) не визивала, поки я тебе не викли-

[1]) Варіант. см. тамъ же, стр. 124—125.

кала, а тепер я тебе визиваю, тепер я тебе викликаю, вишіптую и Мати Божа визивае, и Мати Божа викликае, своїм духом позихае і шептати, і помогати, і визивати, і викликати молитвьяного рожденного (имя) [1]).

в) Місяць на небі, а дуб на горі, а камінь у возі. Коли сі три брати у місто зійдуцця, то тоді у мене будуть зуби боліти.

Г. Зѣньковъ.

12. Од перелогів.

а) Йшла Іева по над чорним морем,
А в чорнім морі корча,
Під тією корчею три чорта;
Одному роги, другому ноги,
А третіому—перелоги в ноги.

Проказать тричі, обвести шапкою через спину і живіт проказуючи, а потім шапкою вдарить за всяким разом скотині в лоб.

Повѣрье. Не треба котить шапкою, бо як ступить на те місце скотина, то нападуть перелоги.

Гадяч. у.

б) Воспоминаніе Господа нашого, Богородице Діво, Господи помилуй (тричі).

Господь помочь й я з рукою.
В бору на ганку сидить Богородиця Діва,
Руки й ноги мие.
Повій вітре буйний,
Та зжени з цього бидла
Логи й перелоги,
Вітряні буйвопії,
Подумані, помисляні.

Потім візьми пояс або шапку, вдарь по здуховинах, прокинь під черевом, прокинь поміж ноги, за вуха, по спині, за хвіст й *перевьяжи* вдуховини тим поясом або *шапкою* (?).

Сел. Горишковка.

Б) Противъ болѣзней, причина которыхъ очевидна.

1. Щоб кров стала.

а) Іде дівка на гору,
Та несе глек води,
Та й стала,
Дай Боже (имя врачуемого)
Моїему нарожденному,
Молитьвьяному хрещеному,
Щоб кров стала.

Гадяч. у.

б) Було собі два брати
Ріднесеньких, рідних,
Та поставили трость через ріку.
Трость поломилась,
Кров затмилась,
Бо й ни піде, бо й ни піде,

[1]) Варіан. см. тамъ же, стр. 125, м.

Причиста діво, ни піде;
А як підеш то так тобі буде
Як тому чоловікові,
Шо в ниділю дрова рубае,
А в пьятницю пісню співае,
А в суботу ни вмиваецця
І все дуже присягаецця.
Стань—перестань! [1]).

С. Жерденовка.

в) Воспоминаніе Господа.
Господи помилуй (тричі)
Господь помічь й я з рукою.
Йшла костяна баба з камяної гори,
З камьяною дійницею до камьяної корови.
Коли з камьяної корови потече молоко,
Тоді з раба Божого кров потече.

С. Горишковка.

г) Йшов каменний чоловік
Через каменний міст
І ніс каменний цінок
Тай спотикнувся на тиць,—
І ти кров стань каменем тиць.
Казать тридевять раз.

д) Іхав стар дід на карім коні. Ти, діду устань; а ти, кров, іти перестань. Йшла Божа Мати із заморья, несла здоровья.... Ти, Божа Мати, поможи мини сю кров уняти от (имя) [2]). Девять раз.

Г. Полтава.

е) Йшов Христос дорогою, та забив ногу на тростину, та й став (тричі) [3]).

Г. Зѣньковъ.

ж) На морі, на окіяні, на острові на обояні стоїть церков; а в тій церкві стоїть престол, за престолом сидить Пречистая Діва Марія, шие вона шовком крівaву рану; шовку не стало й кров перестала (тричі) [4]).

Г. Зѣньковъ.

2. Од більма.

Йшла біла дівка
Білою дорогою:
Ніжки в неї білі,
Ручки в неї білі,
Голова в неї біла,
Здибала її Пречиста Діва:
„А куди йдеш, дівко біла?"
—Ген-ген—більма зганяти,
Граблями згрібати.—
Фух, фух,
Ни мій дух—Божий дух [5]).

С. Жерденовка.

---

[1]) Варіан. см. тамъ же, стр. 127, 6. [2]) 127, 4. [3]) 127, 7. [4]) 127, 3. [5]) 139.

3. Од гадюки.

а) Лізла рахля травою,
Та залізла в волосся,
А з волосся в шкуру,
А з шкури в мнясо,
А з мняса в кров,
А з крови в кість,
А з кости в отробу
А з отроби в лехки,
А з лехків в серце.
Вилізь, рахле, з волосся,
Вилізь рахле з шкури и т. д.
Вилізь рахле з серця.

С. Жерденовка.

б) Як укусить гадюка чоловіка, або скотину, то щоб не пухло треба взяти залізце яке, а не то й грошину, приложить до виразки та й привьязать. Привьязуючи, треба давити дуженько залізце; потім промовити 9 раз: „Олено, царице! закажи своему військові степовому, поліовому й водяному, щоб винняли удодерево (?) [1]".

Г. Миргородъ, Полт. губ.

в) Читай воспоминаніе Господа Бога нашого, Богородице Діво и Господи помилуй (тричі).

Господь поможи і я з рукою.
По синїому морю озиряемина,
По озиряемині грушевиня,
На грушевині гніздище,
На гніздищі цариця Ляга;
Цариця Ляга, цариця Лягище
Собірай свое військо горюцьке й гадюцьке,
Собірай й спиняй зуби, губи і уста
От звірьяного лицця
От білої кости, от червоної крови
Раба Божого (меня).
(А коли скотина, то по масті) [2]).

С. Горишковка.

4. Од червів.

Говори Оче наш, Господи помилуй (тричі).

Господь поміч й з рукою
Іхав св. Юрій на білому коні через ліс;
За ним бігло три пси:
Перший—чорний, другий—чирвоний
Третій—білий.
Чорний кров облизав, червоний...
А білий черви вилизав—на язик зібрав—
Черви тут, забери із десяти десять,
З девяти девять, з восьми вісім,
З сими сім и т. д. із їдного.

Ни личи ни їедного й сплюнуть тричі на віглі (одвернувшись).

С. Горишковка.

---

[1]) Вар. см. тамъ же стр. 122.

[2]) Тоже 122.

В) Противъ неблагопріятныхъ случаевъ.

1. Од напасти[1]).

Треба взять на кладовищі землі, на могилі мертвого, которого менння (имя) звісно і беручі землю казать:

„Здоров був (менння мерця)!"

—Здоров.—„Лежиш?"

—Лежу.—„Не встанеш?"

—Не встану.—„Не глянеш?"

—Не гляну.—„Не заговориш?"

—Не заговорю.

Потім змішать землю з маком—скакуном (падолішнїим, выросшимъ изъ упавшихъ семянъ въ прошлое лѣто) і обсипать глупої ночі, або (это крайнемъ случаѣ) як зовсім темно стане, тих людей і тії місця, звідкіля йде напасть. Обсипаючи, треба казать:

Як сей скакун скаче,

Щоб я так поперед миру (людей) скакав.

Після цїого йти під бузину, або під буз, глупої ночі й проказать три-девять, або хоч девять раз таке:

„Здоров був, бузю!"

—Здоров (менння спасенника) друзю!—

„Що тобі, бузю було,

Як ти вбив свого батька,

Матір, сестру й брата?"

—Трецця та мнецця,

Та й так минецця[2]).

За кожним разом щепнуть гилечку й сховать в кешеню або за пазуху.

Гадяч. у.

2. Од опухоли циціок у корови, як ластівка підлетить.

Набрать по трошку води з трїох колодязів, полить дійницю й поставить, щоб переночувала. Потім взять святої пшиниці, шо святили на *Стрічиння*, маку, шо святили з паскою, хорувимского ладану й смирни, взять головешку з осинового клечення, котре на *Зелену неділю* ставиться в глухім кутку на воротїх; роздуть угілля, кинуть на їх ладану і смирни й підкурювать корову, маком і пшиницею обсипать її, з дійниці дать води напиться, а чого не допье, то вилить на голову і пошиптать од уроків.

Гадяч. у.

---

[1]) Варіан. см. тамъ же стр. 85: „*Приговоръ до маку*".

[2]) Варіан. см. тамъ же стр. 95, д.

ОТДѢЛЪ II.

Примовлянья, или наговоры, какъ предупредительныя мѣры для привлеченія благопріятныхъ и устраненія неблагопріятныхъ случаевъ въ жизни (въ общемъ значеніи слова) человѣка.

1. Щоб любили.

Взять трави золототисячнику (плаксуну: таке мення од того, що як хто подивицця, то аж плакать хочецця) настоять і вмивацця. Де рвуть траву, там оставляють кусочок хліба й соли. Рвучи кажуть:

Божа мати ходила,
Се зілля родила,
І я се зілля рвала,
Божа матір на поміч давала [1]).

Зілля росте на трясині. Таке місце в Полтавскій губерніи, Гадяцкого уѣзду, за селом—Красною Лукою, коло лісу Трипольского.

Гадяч. у.

2. Казать, як коней напувать.

Ти Рожество Христово, у (названіе дня) було,
Ти, водо—Уляно, у неділю була,
Пий, коню, пий воду тую, що я потребляю
У піст, що к воді говію,
І у страстну пьятницю
І на *Сікновеніе.*

Проказать нищечком тричі, втерти полою коня, та й напувать: хоть який гарячий буде—нічого, обійдецця благополушно.

Гадяд. у.

3. До колодязя, як коров напувать.

Добривичір тобі, кирнице,
І тобі, водо гордана (їордана)
Ти від Бога создана
А на мення Титяна;
Очищаєш (ти) луги, береги,
Каміння, креміння,
Очисть мою рожденну,
Благословенну сасу
От лихих ворогів;
Щоби вони ни ворогували,
Щоби в неї користи не відбірали,
Ни ширстини, ни крові,
Ни кости, ни мняса ни сушили.
Пробували б собі в Богу,
В Дніпрі, в Дністрі
І в морі, і в джерлах
І во всяких річках разних,
Щоб прибула в моїеї
Порожденної благословенної саси користь
І наповнилося в вимні молоко,
А в гладущиках сир і масло.

С. Жерденовка.

---

[1]) Вар. см. тамъ же стр. 85.

4. Як зілля для коров копають, кажуть:

Святий Аврам все поле горав,
А Сус Христос сіяв;
Матір Божа копала
І порожденним, благословенним сасам
На поміч давала
Поки ніж сажаю,
Поти смитану збіраю.
А сир—до дна,
А сироватки нима;
Ни зілля копаю
А Матір Божої ванну копаю:
На солодке молоко,
На товстий сир
І на густу смитану.

С. Жерденовка.

Списокъ съ подлинника древняго глаголическаго миссала Кіевской Духовной Академіи кирилловскими буквами.

Сообщено **И. И. Срезневскимъ.**

Вся рукопись, заключающая въ себѣ этотъ замѣчательный памятникъ древней славянской письменности, состоитъ изъ семи пергаминныхъ листковъ въ малую осьмушку. На первой страницѣ написаны чтенія изъ Апостольской книги (Рим. XIII: 11—14 и XIV: 1—4) и затѣмъ молитва; на остальныхъ тринадцати помѣщены десять миссъ въ томъ сокращенномъ видѣ, какъ миссы помѣщаются въ миссалѣ обыкновенно. Правописаніе, кромѣ первой страницы, отличается признаками Моравскаго или Чехо-Моравскаго нарѣчія, впрочемъ съ соблюденіемъ носовыхъ гласныхъ и вообще чертъ древняго старославянскаго языка. Буквы въ этой рукописи такія же, какъ и въ другихъ глаголическихъ рукописяхъ древняго круглаго письма. Прописныя отличаются только величиною и болѣе тщательнымъ написаніемъ. Строки написаны по заранѣе приготовленнымъ вдавленнымъ начеркамъ, но такъ, что буквы касаются начерка верхними своими частями, а внизъ опускаются не всѣ одинаково, иныя ниже, другія короче. На гласныхъ (кромѣ 1-й страницы) поставлены знаки придыханія и ударенія или же долготы, но непослѣдовательно. Подъ титломъ написаны очень немногія слова; да и эти немногія написаны чаще вполнѣ, безъ титлъ. Прочесть можно не все: кое-гдѣ чернило почти не оставило слѣда, а коечто отрѣзалось при обрѣзкѣ рукописи.

Издавая здѣсь всю эту рукопись, я долженъ былъ—за неимѣніемъ глаголицы въ типографіи—передать глаголическія буквы кирилловскими, при чемъ употребилъ: вмѣсто Ⰼ —сербскую букву ђ (мягкое *дж'*), вмѣсто ⱑ, означающаго въ глаголицѣ и ѣ и ꙗ—букву ѣ. Знаки надъ буквами оставлены тѣ же. Все передаю по возможности вѣрно; отставлены только одно отъ другаго слова, въ подлинникѣ написанныя связно, и въ скобкахъ прибавлено то, чего въ подлинникѣ нельзя прочесть, кромѣ случаевъ сомнительныхъ.

Л. 1. а. Братiѣ нꙑнѣ ближ(намъ спсн)
iе. ли егда вѣровахомъ но(щъ оуспе)
а денъ прiближисѧ. отъвръ(зѣмъ)
оубо дѣла темънаѣ i облѣцѣ(мъ сѧ)
въ орѫжiе свѣтоу. iако въ дни б(лагоо)
бразъно ходимъ. не козълогр(ан)
ими i пъѣнъствимъ. i любо(дѣѣни)
ми. i стоудѣними. i ръвени(емъ)
i завiстъми. нъ облѣцѣтесѧ (гдемъ нашимъ i)
с хрмъ. i плъти оугодiѣ не твор(ите в)
ъ похоти. iзнемагаѭщаго же в(ъ вѣрѫ)
прiемлѣте. не въ съмънѣнiѣ по(мꙑ)
шленiмъ. овъ бо вѣроуетъ ѣсти (всѣ)
а iзнемагаѧи зелiе да ѣстъ ѣ(дꙑ н)
е ѣдѫщаго [да не осѫжда] да не оу(кара)
етъ. i неѣдꙑ ѣдѫщаго да не о(сѫжд)
аетъ. б̃ъ бо i прiѧтъ. тꙑ къто (еси о)
сѫждаѧи тоуждего раба: сво(емоу)
г̃оу. стоiтъ лi падетъ. стане(тъ же)
сiленъ бо г̃ъ поставiтъ i.
Ст̃ѣi марi пом̃ом........
Защiтi г̃i рабꙑ своѧ (спс)..
нꙑми заповѣдьми. i оупо(ва)
ѭщѧѧ въ застѫпленiе бла(жен)
ѣi Марiи: отъ всѣхъ с(оупос)
татъ нашiхъ сътворi (нꙑ бе)
с печалi. г̃а радi нашего.

Л. 1. б. Въ г̃в дьнь Климента.

1. Б̃ъ иже нꙑ. лѣта огрѧдѫщѣ
блаженаго Климента мѫ
ченика твоего и папежа
чьстьѭ веселиши: пода
зь милостивъи да его же
чьсть чьстимъ силоѭ
оубо мѫченiѣ его наслѣдоуе
мъ. гмь. надъ оплатмь.

2. Рованiѧ г̃и принесенъiѧ
свѧти. и ходатаѧщю
блаженоумоу Климентоу
мѫченикоу твоемоу. сiмь
нꙑ отъ грѣхъ скврьностии:
нашихъ очисти: гмь:

3. Прѣфацiѣ: До вѣчьнъи бже
чьстьнаго Климента зако
ньнiка и мѫченика чьсти
чьстѧще. иже оутѧже бꙑ
ти блаженоумоу апосто
лоу твоемоу Петроу. въ и
нокости подроугъ. въ iспо

Л. 2. а. вѣди оучєникъ. въ чьсти на
мѣстъникъ. въ мѫчєниі на
слѣдьникъ: хмь гмь нашмь:
по въсѫдѣ ·:·

4. Тѣлєсє свѧтаго і прѣдра
гънѧ кръвє напльнєні въ
литѣ просімъ ти бжє нашь:
да сжє милостивыѣ обѣцѣ
нѣ носімъ. рѣсьнотивьнаѣ
ізрѣшєниѣ обѫмємь: гмь

Въ тъ жє дьнь Фєлицтъі:

5. Подазь намъ просимъ тѧ
вьсємогъі бжє. блажєнъі
ѧ ради мѫчєницѧ твоєѧ
фєлицитъі вѣкоуньнѫѭ
молитвѫ і тоѧ зє раді
зашчти нъі: гмь надъ оп(латъмъ)

6. На служьбъі люди твоихъ
милостиѭ призьри і....
сє нъі чьстыѭ свѧтъіхъ чь
стімъ: сътвори нъі радо
стьнъі. въ вѣчьнѣмъ живо(тѣ)

Л. 2. б. По въсѫдѣ:

7. Съмѣрьно тѧ молимъ вьсє
могъі бжє. молитвами свѧ
тъіхъ твоихъ. і ты самъ
бѫди і даръ твои въсєли
въ нъі. і врѣмѧ нашє въ
правьдѫ постави: гмь:·

Мьшѣ на вьсѧ дьни вь
сєго лѣта обидѫщѣ ·:·

8. Бъ іжє тварь своѭ вє
льми помилова. і по гнѣ
вѣ своємь. ізволи въ
плътитисѧ съпасєниѣ ра
ди чловѣчьска. і въсхо
тѣвъ намъ оутвьрди срь
дьцѣ нашѣ. і милостиѭ
твоєѭ просвѣти нъі: гмь:·
надъ оплатъмь:·

9. Близъ насъ бѫди ти проси
мъ тѧ. і молитвѫ нашѫ
оуслъіши. да оупъваниє
(въ)ньмємъ дѣлъ своихъ
и въ любъвь даръ сь тє
бѣ приносимъ: гмь:·

Л. 3. а. Прѣфацѣ: Вѣчьнъй бже:

10. Небесьскъїѩ твоѩ силъї
просимъ и молимъ. да съ
въїшьними твоими. до
стойнъї сътвориши нъї: и
вѣчьнаѣ твоѣ ихъ же жѧда
емъ подась намъ милости
вьно: хмь гмь нашимь. имь
по въсѫдѣ:

11. Просимъ тѧ ги дазь намъ
да свѧтъй твои въсѫдъ
премлѭще достоини бѫ
демъ очишченіѣ твоего.
и вѣра твоѣ въ насъ да въ
зрастетъ: гмь нашимь ісм
·҂· Мьшѣ. в. о томь зе ·:·

12. Просимъ тѧ вьсемогъй вѣ
чьнъй бже. призьри на мо
литвѫ нашѫ. и вънѫ
трьнѣѣ нашѣ очисти ѣже
нъї соушѧтъ грѣхъї наши
ми: да милостиѭ твое
ѭ избави нъї: гмь наши
надъ оплатъмь.

Л. 3. б. 13. Сьи принос принесенъй тебѣ
ги просимъ тѧ приими: и
же еси благословестилъ
на спасенье наше: гмь наши ·:·
Прѣфацѣ: До вѣчьн(ъи) бже

14. Да сѧ тебе дрьжимъ и мило
сти твоеѩ просимъ: при
звалъ нъї еси ги. да іспра
ви нъї и очисти: не наши
хъ дѣлъ ради. нъ обѣта тво
его ради иже еси обѣцѣлъ
намъ: да възможемъ доу
шѣми и тѣлесъї и мъслѣ
ми нашими. принѧті зано
вѣди твоѩ. ѩже еси посъ
лалъ къ намъ. хмь гмь на
шимь имь же величь:
(по) въсѫдѣ:

15. Свѧтъй твои въсѫдъ
ги иже есмъ възѧли мо
лимъ тѧ. да очиститъ
нъї отъ грѣхъ нашихъ: и
небесьсцѣї любъви
..... детъ нъї: гмь наши

Л. 4. а. Мьшѣ. в. о томь зє :·

16. Просимъ тѧ вьсемогꙑи
бже да ѣкоже есмъ скрꙑбьни
грѣхꙑ нашими: милость
ѭ твоеѭ отъ вьсѣхъ зъ
ли нашихъ очисти нꙑ:
гмь :· надъ оплатъмь:

17. Приими ги просимъ тѧ при
носъ сь. принесенꙑи тебѣ
избавленіѣ ради члвѣ
чьска. и съдравие намъ
дазь: и доушѧ нашѧ и тѣ
леса очисти. а молитвѫ
нашѫ приими: гмь: Прѣф(ацıѣ)
До вѣчьнꙑи бже:·

18. Тꙑ еси животъ нашь ги о
тъ небъ тиѣ бо въ бꙑт(ıє)
сътворилъ нꙑ еси и отъ
падъшѧ въскрѣси пакꙑ
да намъ не достоитъ....
съгрѣшати: твоѣ(бо сѫ)
тъ вьсѣ. небесьскаѣ (зе)
мльскаѣ ги. да тъ ....
отъ грѣхъ нашихъ....
нꙑ: хмь гмь:·

Л. 4. б. По въсѫдѣ :·

19. (Д)азь намъ вьсемогꙑи бже
да ѣко же нꙑ еси небесьскꙑıѧ
пищѧ насꙑтилъ: тако зе
же и животъ нашь сило
ѭ твоеѭ оутврьди: гмь:
Мьшѣ: г: о томь зе :·

20. (Ц)ѣсарьствѣ нашемь ги ми
лостьѭ твоеѭ призьри:
и не отъдазь нашего тоу
зимъ. и не обрати насъ
въ плѣнъ народомъ пога
ньскꙑмъ: ха ради ги на
шего. иже цѣсаритъ съ отъ
цемь и съ свѧтꙑмь:·
Надъ оплатъмь:

21. Твоѣ цркъваѣ трьдь за
(щ)ити нꙑ ги ѭже еси
образъмь своимь оупо
добилъ. ѭже нꙑ чьсти
въ набальство наше то
(г)о ради еси намъ вѣчь
(но о)бѣщѣние принеслъ:·
(гмь) нашимь:·

Л. 5. а. Прѣфацїѣ....

22. Да ѣкꙑ же сѫтъ твоꙗ си
слоужьбꙑ вьжлюбленꙑ
ꙗ. такꙑ же мꙑсльми сво
ими нꙑ творимъ. а тꙑ
самъ ги прїсно нꙑ приемли:
да възможемъ правьдь
наѣ твоѣ наслѣдовати.
и отъ непрїѣзнинъ дѣлъ
очиститисꙗ: хмь гмь наш(и)
мь: имь же величьство:·
По въсждѣ:

23. Твоѣ свꙗтаѣ вьсемогꙑи
бже ѣже се нꙑ приемлемъ:
на раздрѣшение. и на очишче
нїе намъ бѫдѫ: а тꙑ са
мъ помоцьѭ твоеѭ вѣ
чьноѭ зашчїтї нꙑ: гмь
·⁘· Мьшѣ. д. о томь зе:·

24. Просимъ тꙗ ги въздви
гни срьдьца нашѣ къ тебѣ (о)
тъ земльскꙑхъ похот(и)
да възможемъ хотѣти (не)
бесьскꙑмъ твоимъ.

Л. 5. б. (Надъ оплат)ъмь

25. Ѣкꙑ же дарꙑ имамъ. прѣдъ
тобоѭ сѫтъ. и просимъ
тꙗ примиꙗ. да и нꙑ възмо
жемъ въ вьжлюблени тво
емь: гмь нашимь: Прѣфа
цїѣ. До вѣчьнꙑ бже:

26. Зълоба нашѣ не върѣснисꙗ въ
насъ. нъ їздрѣшенїе вѣчь
ное присно намъ бѫди ги
нашего ради: тъ бо нꙑ са
мъ отъ тьмьнꙑхъ отъве
де: и очисти и заклепе.
и достоино їзбави: хмь
гмь нашимь ·:· По въсждѣ:

27. Вьсждьнаѣ молитва нашѣ
оутврьди нꙑ ги вѣчьнꙑми
твоими и подазь намъ съ
пасенїе твое: гмь нашимь:·
Мьшѣ: е: о томь зе:·

28. (Тꙑ) ги отъми нꙑ отъ лѫкавь
(с)тва нашего. и твоеѭ мило
(с)тиѭ обратї нꙑ на правьдѫ
(твоѭ): гмь нашимь ·:·

Л. 6. а. Надъ оплатъмь:·

29. Принесенꙑ тебѣ ги сьи даръ
иже тꙑ еси далъ и сътво
рилъ. цирꙿкъве ради твое
ѩ. и живота и прѣставле
нiѣ нашего ради: и съвѣстоу
емъ нꙑ. ѣко бальство е
стъ то живота вѣчьнаго:
гмь: Прѣфацiѣ. До
вѣчьнꙑ бже:·

30. Молимъсѧ гсоу хоу сꙑноу
твоемоу ги нашемоу. да
милостьѭ своеѭ защи
тъ нꙑ и съпасетъ: бе
ж него же бо милости не въ
зможемъ нiчьсоже сътво
рити: тѣмь же самого
его ради дарꙑ и милость
приемлемъ и въ любъви.
живемъ: хмь гмь нашимь
По въсѧдѣ·:·

31. Въсѧда твоего ги насꙑ
цени просимъ тѧ. отъ вь

Л. 6. б. сѣхъ противѧщихъсѧ на
мъ съпаси нꙑ: гмь нашим:·
Инѣ о мѫченицѣхъ:·

32. Мѫченикъ твоихъ ги чь
сти чьстѧще молимъ тѧ
просѧще: да ѣко же ѩ еси
славоѭ твоеѭ небесьскоу
ѭ оутвръдилъ: тако зе же
и нꙑ милостиѭ твоеѭ
приими гмь:· надъ оплатъмь:

33. Приносъ ги принесенꙑ тебѣ
мѫченикъ свѧтꙑихъ ра
ди приими: и молитвами
ихъ и заповѣдьми твои
ми приспѣи намъ помоць
твоѣ. гмь: по въсѧдѣ:·

34. Очисти нꙑ ги просимъ тѧ
небесьскꙑихъ твоихъ ра
ди заповѣдьи: и оутврь
ди нꙑ да славимъ тѧ прѣ
дъ свѧтꙑими твоими:
молитвами нашими:
гмь нашимь·:·

Л. 7. а. Жьшѣ о вьсѣхъ небесьскъ(ı)
хъ силахъ: пом(о)лимъсꙗ:·
35. Бж҃е иже нꙑ молитвꙑ радй
блаженꙑѩ бц҃ѧ й присно
дѣвꙑ мариѩ й блаженꙑ
хъ радй анђелъ твоихъ. й
вьсѣхъ небесьскꙑихъ сила
хъ: и апостолъ. и мч҃е
никъ й прѣподобьнꙑихъ.
й чистꙑхъ дѣвъ. й вьсѣхъ
свѧтꙑихъ твоихъ моли
твами присно нꙑ възве
селилъ еси: просимъ тѧ
гн҃и. да ѣко же нꙑ чьстимъ
чьсти сй ихъ на вьсѧ дьни.
мілостьѭ твоеѭ дазь
намъ прі҃сно наслѣдовати
небесьскꙑѩ твоѩ сілꙑ:·
гм҃ь нашмь: над оплатмь
36. Даръ сь принесенꙑ тебѣ гн҃и
вьсѣхъ свѧтꙑихъ небесь.
скꙑихъ силъ радй й вьсѣ
хъ свѧтꙑихъ твоіхъ ра(ди)

Л. 7. б. й правьдьнꙑихъ радй. бж҃
ди тебѣ въ хвалѫ: а намъ
молитвами йхъ достои
нос отъплати: гм҃ь нашимь
По въсмдѣ:·
37. Просимъ тѧ гн҃и. дазь намъ
молитвами вьсѣхъ небе
сьскꙑихъ сілахъ. й вьсѣхъ
свѧтꙑихъ твоихъ. й дѣлъ
йхъ радй правьдьнꙑихъ: въ
сѫдъмь сймь възѧтꙑ
мь. очисти срьдьцѣ нашѣ
отъ грѣхъ нашихъ: гм҃ь на:·
Молитва. в҃:
38. (С)ътвори нꙑ гн҃и бж҃е пр.чѧ
стьнꙑ свѧтѣй бц҃и й при
снодѣвѣ маріи: й достои
нꙑ свѧтꙑихъ анђелъ й
(бл)аженꙑхъ апостолъ. мч҃
ченикъ. и прѣподобьнꙑіхъ
...й ст҃ꙑхъ дѣвъ. й вьсѣ
(хъ) свѧтꙑхъ твоихъ: мо
(ли)твами іхъ зашчити
нꙑ.

Латинскій подлинникъ.

1. *Oratio.* Deus, qui nos annua beati Clementis martyris tui atque pontificis sollemnitate laetificas, concede propitius: ut cujus natalitia colimus, virtutem quoque passionis imitemur. Per Dominum.

2. *Secreta.* Munera (tibi), Domine, oblata sanctifica, ut intercedente b. Clemente martyre tuo atque pontifice, per haec nos a peccatorum nostrorum maculis emunda. Per Dominum.

3. (*Praefatio.* Vere dignum est... gratias agere... et in hac die quam b. Clementis passio consecravit et nobis venerabilem exhibuit, qui apostolica praedicatione imbutus, doctrinis coelestibus educatus, successionis dignitate conspicuus et martyr insignis et sacerdos refulsit egregius. Per D.).

4. *Postcommunio.* Corporis sacri et preciosi sanguinis repleti libamine quaesumus, Domine Deus noster, ut quod pia devotione gerimus, (intercedente beato Clemente martyre tuo atque pontifice) certa redemptione capiamus. Per Dominum.

5. *Oratio.* Praesta, quaesumus, omnipotens Deus, ut beatae Felicitatis martyris tuae solemnia recensentes meritis ipsius protegamur et precibus. Per.

6. *Post communione.* Vota populi tui, Domine, propitiatus intende, et quorum nos tribuis sollemnia celebrare, fac gaudere suffragiis.

7. *Ad complendum.* Supplices te rogamus, omnipotens Deus, ut intervenientibus sanctis tuis et tua in nobis dona multiplices, et tempora nostra disponas. Per.

35. *Oratio.* Deus, qui nos beatae Mariae semper virginis et beatorum apostolorum, martyrum, confessorum, atque virginum omniumque simul sanctorum continua laetificas sollemnitate (commemoratione), praesta, quaesumus, ut quos quotidiano veneremur officio etiam pia conversatione semper sequamur exemplo. Per.

36. *Super oblata.* Munera tibi, Domine, nostra devotionis offerimus quae et pro tuorum tibi grata sint honore sanctorum et nobis salutaria te miserante reddantur. Per.

37. *Ad complendum.* Praesta nobis, Domine, quaesumus intercedentibus omnium sanctorum tuorum meritis, ut quae ore contingimus per corde capiamus. Per.

38. *Super populum.* Fac nos, Domine Deus, s. Mariae semper virginis subsidiis attolli et gloriosa beatorum apostolorum martyrum, confessorum atque virginum, omniumque simul sanctorum protectione defendi; ut dum eorum pariter quotidie fasta celebramus eorum pariter quotidie ab omnibus adversis protegamur auxilio. Per.

Нѣсколько замѣчаній.

Начальныя строки 1-й страницы 1-го листа заняты апостольскимъ чтеніемъ на 24 іюня: Рим. XIII: 11—14, XIV: 1—4. Недостающіе концы строкъ взяты изъ кирилловскаго Охридскаго списка, гдѣ впрочемъ стоитъ (на 1-й строкѣ) не ближ нам (ἐγγύτερον ἡμῶν), а ближним. Чтеніе Охридскаго списка отлично отъ глаголическаго въ слѣдующемъ: и облѣцѣмъсѧ=ѡблѣцѣмъжесѧ, орѫжие свѣтоу=орѫжие свѣта, въ дни=въ дн҃е, ходимъ=ходити на̑чнемъ, не козълогранимы и пъѣнъствимъ=не козлогласованиѡ ни пиа̑нествиѡ, и любодѣѣними і стоудѣнимі=не любодѣ́ании и стоудодѣ́анїи, і рѫвениемъ=не р—, завистъми=завистиѫ, ізнемагаѭщаго=изнемагаѭща, помъшленимъ=помъшлениемъ, а ізнемагаѩі=изнемагаѩи (безъ а), поставитъі і=поставитъ ї.

За апостольскимъ чтеніемъ на той же страницѣ слѣдуетъ молитва, можетъ быть, и изъ миссы. Недостающіе концы строкъ дополнены по догадкѣ.

Начиная съ оборота 1-го листа до самаго конца рукописи, т. е. чрезъ всѣ 13 страницъ, правописаніе памятника отличается признаками чехо-моравскаго нарѣчія, именно—употребленіемъ ц вмѣсто шт=щ и з вмѣсто жд: 1. ѻграждѫцѣ=ограждѫща, подазь=подаждь; 2. ходатаѫцю=ходатаѭштоу; 3. чьстѭце=чьстѫще; 4. обѣцанїѣ=обѣщаниіа; 5. подазь, тоѭ зе=тоѭжде; 8. обидѫцѣ=обидѫща; 11. дазь=даждь, прїемлѭце=приемлѭще; 12. о томь зе=о томь жде; 14. обѣцѣлъ=обѣщалъ; 16. о томь зе; 17. дазь; 19. дазь, пицѫ=пищѫ, тако зе=такожде: 20. о томь зе; ѻтъдазь=отъдаждь, тоузїимъ=тоуждимъ; 21. обѣцѣние; 23. помоцьѭ=помощиѭ; 24. о томь зе; 27. подазь; 31. насъцени=насъщени, противѫцихъсѧ=противѫщихъсѧ; 32. чьстѫце, просѧце=просѧще, тако зе; 35. дазь; 37. дазь. Съ этими признаками соединено еще употребленіе шч вмѣсто шт=щ въ тѣхъ случаяхъ, когда этотъ звукъ сроденъ съ ск и ст: 5. зашчиті; 11. очишченїѣ; 21. зашчиті, 23. зашчиті; 30. зашчитітъ; 38. зашчиті.

(Мисса) въ 23 дьнь (Ноября) Климента: въ другихъ памятникахъ память Климента назначена 25 Ноября.

Особенныя замѣчанія къ отдѣльнымъ молитвословіямъ миссы этой:

1. лѣта ѻгрѭждѫцѣ=лѣта ограждѫща—annuatim?—силоѭ мѫченїѣ ѥго наслѣдоуемъ—virtutem (т. е. силѫ, а не силоѭ) passionis (sui) imitemur.—г҃мь=господемь—per dominum: см. то же 4, 5, 7, 8, 9, 12, 13, 15, 16, 17, 21, 23, 25, 27, 28, 29, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, гдѣ есть и г҃мь наши(мь)=господемь нашимь—per dominum nostrum: заключительныя слова молитвословія.

2. надъ оплатмь=надъ оплатъмь, какъ и стоитъ въ другихъ мѣстахъ—super oblata: см. 6, 9, 13, 17, 21, 25, 29, 33, 36.—рованїѭ принесенъїѭ свѧтї—munera oblata sanctifica: рованїѭ вмѣсто даровании—по недопискѣ? Странно только окончаніе ѭ вмѣсто ѩ, ожи-

даемаго въ имен. и винит. множ. числа средняго рода. Въ другихъ молитвословіяхъ вмѣсто этого слова поставлены: приносъ (13, 17), дары (25), даръ (29, 36).—ходатаѩщю блаженоумоу Климентоу—intercedente beato Clemente: дат. самост.—отъ грѣхъ скврьностии = a peccatorum maculis, слѣд.=отъ скврьностии грѣхъ: (грѣховъ, грѣховьныхъ).

3. прѣфацѣ=прѣфациꙗ—praefatio: названіе одного изъ молитвословій миссы, иначе—immolatio, inlatio, contestatio: см. такія же подъ 10, 14, 18, 22, 26, 30. Обиліе префацій въ миссалѣ есть одно изъ важныхъ доказательствъ древности его.—до вѣчьнъй бже, т. е. до возглашенія „вѣчный Боже“—pater sempiterne: см. 10, 14, 18, 26, 30.—законьникъ νομικός? dispensator или же custos s. ecclesiae, въ смыслѣ antistes: это прозваніе, равно какъ и sacerdos, встрѣчается въ латинскихъ миссахъ въ приложеніи къ бл. Клименту.—въ инокости подругъ: инокость—одиночество, уединенность?—наслѣдникъ—идущій по слѣдамъ другаго, подражатель.—хмь гмь нашмь=христъмь господьмь нашимь: то же, что выше господьмь нашимь=хмь гмь нашимь имь же величьство см. 10, 11, 14, 18, 22, 26, 30.

4. по въсѧдѣ=post communione: см. ниже 7, 11, 15, 19, 23, 27, 31, 34, 37; слово въсѧдъ въ этомъ значеніи не встрѣтилось пока еще ни въ одномъ памятникѣ (вин. въсѧдъ 11. род. въсѧда 31. твор. въсѧдъмь 37).—милостивѣ обѣщени=pia devotione.—рѣсьнотивиѣ избавлени = certa redemptione: то и другое въ вин. множ. вмѣсто твор. един.—объмемь отъ обѧти, объѩти.

Л. 2. Въ ты же дьнь Фелицты, т. е. св. м. Фелициты или Фелицитаты: память ея праздновалась въ одинъ день съ памятью св. Климента.

5. подазь намъ въкоуньнѫѭ молитвѫ: въкоуньнаꙗ молитва—collectio, collecta. Въ последней строкѣ этой молитвы стоятъ на концѣ буквы: надъ он... я дополнилъ ихъ: . надъ оплатъмъ, считая за заглавіе слѣдующей молитвы.

7. съмѣрьно—смиренно, suppliciter.—и ты самъ бѫди, какъ будто пропущено слово милостивъ или другое подобное.—даръ твои въсели въ ны—tua in nobis dona multiplices.—въ правьдѫ постави—disponas.

Л. 2. об. мьшѣ на вьсѧ дьни вьсего лѣта обидѫщѣ: мьшѣ—missa, какъ и доселѣ въ западныхъ слав. нарѣчіяхъ; вьсего лѣта обидѫщѣ—круглаго года?

8. въсхотѣвъ намъ—пожелавъ намъ добра: срав. velle съ дат. и ниже 24: хотѣти небесьскыимъ.

9. оуниваніе вѣньмемъ=оуниванние приимемъ.

10. подась=подаси?=подазь=подаждь?

Л. 3. мьшѣ. в. о томь же.

12. соуштѧтъ=соуштѧтъсѧ?

15. небесьцѣи любъви... детъ (съблюдеть? приведеть?) ны.

Л. 4. мьшѣ. в҃. о томь зе.

16. есмъ скръбьни грѣхꙑ нашими — afflicti sumus.—отъ вьсѣхъ зъли очисти: зъль—malum, morbus.

18. да тꙑ... (Господи?) отъ грѣхъ нашихъ... (очисти) нꙑ.

Л. 4. об. мьшѣ. г҃. о томь зе.

20. цѣсарьствѣ нашемь призьри—призри на царство наше: цѣсарьствѣ — мѣст. падежъ по требованію глагола призрѣти, составленнаго съ предлогомъ при.—не обрати насъ въ плѣнъ народомъ поганьскꙑимъ: не зная, возможно ли въ обыкновенной молитвѣ латинской церкви такое выраженіе, не смѣю дѣлать и заключеній о томъ, когда была бы молитва объ этомъ кстати въ обычной миссѣ, и кого надо понимать подъ погаными. Во всякомъ случаѣ, эта молитва замѣчательна.

21. цркънаѣ твръдь—вѣроятно вмѣсто цркъвьнаѣ твръдь по опискѣ. Это написаніе слова црькъвьнꙑи должно, кажется, считать такимъ же рѣзкимъ признакомъ моравскаго нарѣчія, какъ и вышеозначенное употребленіе з вмѣсто жд и ц вмѣсто шт=щ, срав. ниже 29: цирꙑкъве.—бальство—цѣленіе: см. 29.

22. вьжлюбленꙑи=възлюбленꙑи: ср. 25: въ вьжлюблении.—нꙑ творимъ=мꙑ тв... ср. 23: нꙑ приемлемъ, 25: нꙑ възможемъ, 29: съвѣстоуемъ нꙑ, 35: нꙑ чьстимъ.

Л. 5. мьшѣ. д҃. о томь зе.

24. хотѣти небесьскꙑмъ—желать достигнуть небеснаго: ср. 8: въсхотѣвъ намъ.

25. възможемъ—укрѣпимся.

26. зълоба нашѣ не въкрѣснисѧ въ насъ—да не утвердится... ꙁдрѣшене—redemptio?

27. въсѫдьнаѣ молитва—oratio communionis.

Л. 5. об. мьшѣ. є҃. о томь зе.

28. отъми=отъими, отъ отѧти, какъ выше 4: обьметъ отъ обѧти.

29. цирꙑкъве ради=црькъве ради: по чехо-моравски и доселѣ cirkew=црькꙑ: ср. 21: циркънаѣ вмѣсто циркъвьнаѣ.

30. беж него=безъ него: ср. 22: вьжлюбленꙑи.—беж него же бо милости—слѣдовало бы: безъ кго же бо милости=безъ милости бо кго.

Л. 6. об. мьшѣ о мѫченицѣхъ: такихъ миссъ въ миссалѣ есть нѣсколько.

32. славоѭ твоеѭ небесьскоуѭ: вмѣсто небесьскоуѭ слѣдовало бы: небесьскѫѭ.

34. заповѣдьи=заповѣдии, заповѣдеи.

Л. 7. мьшѣ о вьсѣхъ небесьскꙑхъ силахъ: миссы, посвященной всѣмъ небеснымъ силамъ, я не знаю, а миссъ въ честь omnium sanctorum есть нѣсколько.

35. анђелъ съ ђ вмѣсто г, произносимаго какъ мягкое дж': только въ подобныхъ иностранныхъ словахъ и употреблялась эта буква: ср. 38.

37. молитвами вьсѣхъ небесьскыихъ сілахъ: сілахъ, можетъ быть, по опискѣ—вмѣсто силъ.

38. заштити ихъ: такъ оканчивается послѣдняя молитва послѣдней миссы, помѣщенной въ рукописи, и переносъ послѣдняго слова ихъ на особую добавочную строку, а не на слѣдующую страницу, позволяетъ предполагать, что этимъ и оканчивалась, если не вся рукопись, то ея часть, которая посвящена была миссалу или его особенной статьѣ, за которою слѣдовала съ особенной заголовкой другая статья или миссала, или отдѣльная.

дахъ много небольшихъ насыпей, почти сравненныхъ плугами съ землею, и приступилъ къ раскопкѣ ихъ. Опредѣливши центръ каждой могилы двумя діаметральными канавами, шириною въ два аршина, я достигалъ до материка и, разчистивши площадку, образовавшуюся отъ пересѣченія канавъ, въ центрѣ всегда находилъ засыпанную могилу, обложенную полусогнившими дубовыми обаполами, а иногда камнями безъ цемента, съ обрушившеюся потолочною настилкою изъ такихъ же обаполовъ, въ четыре аршина длины и два ширины и замазанною по швамъ глиною. Разчистивши яму, находилъ на деревянномъ полу обратившійся въ порошокъ скелетъ съ истлѣвшимъ оружіемъ и нѣкоторыми глиняными сосудами простой работы или со сгнившимъ костянымъ веретеномъ и грубыми бусами, что вѣроятно означало женское гробовище.

Скелеты лежали головою или къ западу или къ востоку, мужескіе—съ копьемъ на правой рукѣ и скипѣвшимися отъ ржавчины въ одну массу желѣзными стрѣлами, вѣроятно бывшими въ колчанѣ, и съ мечемъ на лѣвой сторонѣ въ деревянныхъ ножнахъ и съ глинянымъ сосудомъ въ ногахъ; а женскіе—въ сидячемъ положеніи. Въ самыхъ насыпяхъ встрѣчались часто разбитые глиняные ковши, сходные съ русскими деревянными, изъ черной или желтой обозженной глины, также бараньи и рыбьи кости. Къ сожалѣнію, во время отсутствія моего изъ имѣнія, многіе, реставрированные мною, сосуды изчезли; оставшимся же прилагаются рисунки. (Таб. XIV №№: 6, 7, 9, 10).

Въ одной изъ насыпей, при очисткѣ ямы, оказались вырубленныя изъ материковой глины четыре ступени и противъ нихъ ниша, заложенная глиной, перемѣшанною съ какою то травою, придавшею ей такую крѣпость, что съ помощью желѣзнаго лома едва можно было пробить эту задѣлку; при чемъ открылась вырубленная въ материкѣ катакомба, въ видѣ бочки, съ лежанкой въ сторонѣ, но безъ всякихъ слѣдовъ праха и какихъ либо вещей; между тѣмъ какъ попадавшіеся куски разбитыхъ амфоръ въ насыпи обѣщали болѣе замѣчательную находку.

По бѣдности найденныхъ въ этихъ могилахъ преметовъ, по истлѣвшимъ скелетамъ, остаткамъ оружія и бараньихъ костей, я заключилъ, что въ глубокой древности здѣсь перекочевывали различныя воинственныя племена. Обрядовъ сожженія труповъ нигдѣ не замѣчено, какъ въ другихъ могилахъ, и не найдено ни одного, сколько нибудь уцѣлѣвшаго, черепа, по которому можно было бы заключить какой расѣ принадлежали эти народы; но по остаткамъ отпечатковъ скелетовъ, можно было имѣть понятіе о значительномъ ростѣ ихъ, простиравшемся часто отъ 3 аршинъ до 3 съ нѣсколькими вершками.

Изъ случайныхъ находокъ замѣчательны: 1) при обвалѣ горы Каневскаго уѣзда въ с. Бучакѣ найденъ истлѣвшій скелетъ, лежавшій на сгнившей шкурѣ какого то звѣря съ скрученнымъ и свитымъ въ нѣсколько рядовъ бронзовымъ на шеѣ обручемъ, изображеніе котораго при семъ прилагается. (Таб. XIV № 3).

Тутъ же найдены въ обвалѣ: кремневое долото и каменный молотокъ изъ змѣевика;

всѣ эти вещи безъ сомнѣнія принадлежатъ къ каменному періоду и находятся въ моемъ собраніи.

2) При рытіи ямы для укрѣпленія сторчеваго столба вѣтряной мельницы на едва замѣтной могильной насыпи, въ Каневскомъ уѣздѣ при с. Лазурцахъ, найдена большая росписная съ ручками ваза, подобная Керченскимъ, съ изображеніемъ посвященія какого-то воина, изображеннаго въ наступательномъ положеніи, со щитомъ и копьемъ, и жреца, держащаго руки надъ головою его, также женской фигуры, играющей на двухствольной свирели, сидящаго сатира и другой женщины. На другой сторонѣ изображена амазонка, наступающая на сатира. Тутъ же найденъ мѣдный сосудъ съ ручкою и тремя носками узкаго горлышка. Эта росписная ваза чуть ли не единственная найденная въ Кіевской губерніи. Дальнѣйшихъ разслѣдованій крестьяне не производили и построили на томъ мѣстѣ мельницу. Вещи эти были пріобрѣтены и подарены Ивану Ивановичу Фундуклею, онъ же поднесъ ихъ Кіевскому университету св. Владиміра. Изображенія ихъ помѣщены въ изданіи г. Фундуклея.

3) Въ с. Триполѣ при съемкѣ земли, при планированіи ротнаго сапернаго двора найдена остродонная большая амфора съ превышающими горло ручками. Она имѣетъ сходство съ находимыми въ Керчи, но болѣе грубой работы и безъ клейма на ручкахъ. Она находится въ моемъ собраніи. (Таб. XIV № 8).

4) Болѣе замѣчательная находка и по богатству и по искуству вещей досталась въ руки крестьянъ, въ Звенигородскомъ уѣздѣ, въ с. Петрикѣ. Она найдена была весною 1873 года, на землѣ крестьянина собственника Коваленка. Неясный слухъ объ этой находкѣ заставилъ меня отправиться туда и пригласить Коваленка для объясненія, при чемъ оказалось слѣдующее: находящійся въ лощинѣ ручей, текущій въ м. Ольшанку, во время таянія снѣговъ превращается въ довольно большой потокъ, и, подмывая лѣвый берегъ, онъ обрушилъ часть его, на которой возвышалась небольшая насыпь; по сбытіи воды, найдены сначала: перемѣшанная съ углями и перегорѣлыми мелкими костями, земля, мѣдная окисленная ржавчиной патера, въ видѣ полоскательной чашки, безъ всякихъ украшеній и въ пробившемъ себѣ путь черезъ обрушенную землю, ручьѣ начали появляться изъ листоваго золота мелкія вещи съ дырочками въ видѣ круглыхъ розетокъ и пшеничнаго зерна, которые очевидно служили нашивнымъ украшеніемъ платья. Это подало мысль владѣльцу участка раскопать обрушившуюся глыбу земли, въ которой онъ и нашелъ: 1) два совершенно сходные, скрученные изъ золотой проволоки, браслета, вѣсомъ каждый въ 20 золотниковъ съ конскими головами по концамъ, въ которыхъ замѣтны остатки бирюзовыхъ камней, и съ рѣзнымъ овальнымъ гранатомъ, на которомъ довольно искустно изображенъ въ глубь какой то жрецъ, обращенный въ право, съ копьемъ и какъ будто спереди съ лающею собакою; къ оправѣ этого камня прикрѣплена на золотой цѣпочкѣ затычка, которою запирался на рукѣ браслетъ; 2) двѣ золотыя под-

вѣски къ сергамъ, съ дутыми шариками и золотыми висящими цѣпочками въ 4 золотника каждый; 3) золотое ожерелье, составленное изъ крученой цѣпочки, прикрѣпленной къ тремъ золотымъ оправамъ для камней, которые куда-то исчезли, и съ золотою подвѣскою на цѣпочкѣ въ видѣ подковы, съ рубиномъ въ серединѣ и съ высканенными сердцами около него, также съ какими то іероглифами и виноградными кистями, вѣсомъ въ $12^1/_2$ золотниковъ и 4) куски разбитаго четырехъугольнаго металлическаго зеркала, изъ серебра или какой то амальгамы. Безъ сомнѣнія были тутъ перстни и другія украшенія, которыя вѣроятно поступили въ плавильный горшокъ еврея, въ чемъ крестьянинъ Коваленко не сознается. Одинъ браслетъ и подвѣска куплены главно-управляющимъ г. Браницкаго, г. Жабоклицкимъ, по 4 рубли за золотникъ, и поднесены Ивану Ивановичу Фундуклею. Другой браслетъ, подвѣска къ сергамъ и три мелкія вещицы отъ платья, также патера и три рѣзные камня, отъ какихъ то украшеній: два зеленые круглые съ одинаковыми изображеніями головокъ въ глубь въ право, и одинъ вишневаго цвѣта, овальный съ сквозною дирою по большому діаметру, вѣроятно вращавшійся на оси, съ изображеніемъ пасущейся дикой козы или оленя подъ деревомъ, также угловой кусокъ металлическаго зеркала пріобрѣтены мною; изображеніе сихъ предметовъ при семъ прилагается. (Таб. XIV №: 1, 2, 5).

Не смотря на всѣ мои обѣщанія хорошаго вознагражденія за вещи, которыя могли оставаться у Коваленка, онъ отвѣчалъ, что у него болѣе ничего нѣтъ и не признался, были ли имъ найдены въ этомъ обвалѣ цѣлые или разбитые какіе нибудь глиняные сосуды, которые обыкновенно встрѣчаются при сожженныхъ трупахъ.

Что были еще другія вещи въ золотой оправѣ, тому служатъ доказательствомъ пріобрѣтенные мною, выше описанные, три рѣзные камня. Между безчисленными бѣдными могилами, кочевавшихъ здѣсь, по описанію Геродота, народовъ, невольно раждается мысль, что такая богатая золотомъ и искуствомъ вещей могила принадлежала женѣ какого-то сильнаго вождя.

Близкое сосѣдство съ греческими колоніями по берегу Чёрнаго моря и при рѣкахъ его бассейна, какъ то: Ольвіи, Херсонеса Таврическаго, Тираса и Истріи, гдѣ процвѣтали искуства, судя по находимымъ тамъ художественнымъ вещамъ, давала возможность заимствовать у нихъ предметы роскоши, доступные только болѣе значительнымъ особамъ.

Не считая своего мнѣнія непогрѣшимымъ, я старался вѣрнѣе изобразить всѣ предметы, полагая что болѣе просвѣщенные археологи могли дать вѣрное о нихъ заключеніе.

Въ числѣ болѣе замѣчательныхъ, находящихся у меня древностей, не принадлежащихъ впрочемъ здѣшней губерніи, не могу умолчать, о купленномъ мною, мѣдномъ истуканѣ, принадлежавшемъ Бердичевскому купцу Шафнагелю. Этотъ истуканъ найденъ въ Литвѣ и два раза былъ на выставкахъ: въ Варшавѣ и Прагѣ. Онъ изображаетъ всад-

ника, сидящаго въ сѣдлѣ на занузданной лошади; правая рука его и переднія ноги лошади отломаны; на бородатой съ испаньіолкой головѣ съ женскимъ лицомъ на затылкѣ, находится какая то шапка или толстый рогъ. Онъ сохранился довольно хорошо и представляется здѣсь въ фотографическомъ снимкѣ. (Таб. XIV № 4).

Я считаю этотъ истуканъ изображеніемъ языческаго божества и предоставляю заключеніе о немъ людямъ болѣе компетентнымъ по этой части.

ЗАМѢЧАНІЯ О КУРГАНАХЪ КІЕВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Сообщено **Д. Е. Люценкомъ.**

По роду службы моей посѣщая часто, въ продолженіи 12 лѣтъ, всѣ уѣзды Кіевской губерніи, я, какъ любитель старины, не могъ не останавливать вниманіе на безчисленныхъ курганахъ и могилахъ, раскиданныхъ по степямъ нашей Украины. Эти безмолвные свидѣтели прошедшихъ вѣковъ, частью уже распаханные плугами земледѣльцевъ, заключаютъ въ нѣдрахъ своихъ богатые матеріалы для историческихъ выводовъ. Къ сожаленію, до сего времени существуетъ только одинъ опытъ группировки свѣдѣній объ курганахъ Кіевской губерніи—И. И. Фундуклея, который собралъ нѣкоторыя свѣдѣнія о курганахъ и въ изданномъ имъ въ 1848 году „Обозрѣніи могилъ, валовъ и городищъ въ Кіевской губерніи" познакомилъ любителей древностей съ этимъ интереснымъ предметомъ.

Подробный планъ всѣхъ кургановъ и могилъ могъ бы наглядно разъяснить взаимное ихъ отношеніе и цѣль ихъ сооруженія, но такого плана нѣтъ, и потому приходится прибѣгать къ догадкамъ. Наблюденія мои привели меня къ слѣдующему подраздѣленію ихъ на четыре категоріи: къ первой принадлежатъ *путевые* курганы, всегда расположенные на высокихъ мѣстахъ и въ прямой, по возможности, линіи на большихъ протяженіяхъ. Въ глубокой древности, когда не было въ этихъ необозримыхъ степяхъ ни дорогъ, ни осѣдлостей, они служили указателями кочевымъ народамъ, во время ихъ набѣговъ, или караванамъ, отправлявшимся въ степь съ товарами: такъ какъ у подошвы ихъ нерѣдко находятъ клады, преимущественно съ арабскими диргемами IX—X столѣтій. Хотя авторъ обозрѣнія кургановъ не признаетъ въ числѣ ихъ кургановъ путеводныхъ, но я, имѣвшій случай нѣсколько разъ наблюдать ихъ направленіе, почти увѣренъ, что цѣль указанія пути имѣла значеніе въ самой отдаленной древности. Всѣ эти кур-

ганы, расположенные на высокихъ мѣстахъ въ прямой линіи, только иногда, для обхода глубокихъ овраговъ, составляющей углы, не могли быть случайно воздвигнуты въ такомъ порядкѣ и на такихъ значительныхъ протяженіяхъ. Ко второй категоріи я отношу, тоже расположенные на высотахъ, *сторожевые* курганы. Они имѣютъ въ срединѣ небольшое углубленіе для скрытія стражи и при входѣ двѣ дугообразные насыпи, иногда въ два и три ряда, вѣроятно для прикрытія лошадей, которыя не могли помѣщаться въ срединѣ кургана. Курганы эти служили маяками для предостереженія о приближеніи какихъ либо непріятелей. Можетъ быть они существовали и во время неудачнаго похода Персидскаго царя Дарія въ Скиѳскія степи. Изображеніе подобныхъ кургановъ находится на первой страницѣ атласа рисунковъ въ обозрѣніи г. Фундуклея и причислены имъ къ третьему разряду. Къ третьей категоріи я причисляю довольно рѣдкіе *жертвенные* курганы, расположенные не всегда на высотахъ, иногда двухъярусные, имѣющіе въ срединѣ углубленіе и кругомъ, не вдалекѣ отъ подошвы, небольшія возвышенія, какъ бы для возсѣданія присутствующихъ при совершеніи религіозныхъ обрядовъ. Въ нихъ часто находятся остатки печей изъ обожженной глины для огня, необходимаго при жертвоприношеніяхъ. Наконецъ, къ четвертой категоріи отнесены мною *погребальные* курганы, расположенные не всегда на высотахъ, но и въ низменныхъ мѣстахъ, одиночные и группами, часто съ провалившеюся срединою и признаками раскопокъ; провалъ означаетъ обрушившуюся потолочную настилку въ катакомбахъ, а раскопки искателей кладовъ никогда не достигаютъ до материка, гдѣ обыкновенно находятся гробовища.

Чтобы провѣрить эти предположенія необходимо сдѣлать развѣдки въ нѣсколькихъ курганахъ каждой категоріи и, еслибы въ первыхъ трехъ не отыскалось гробовищъ, то подраздѣленіе это оказалось бы довольно вѣроятнымъ.

Обращаясь къ раскопкамъ частныхъ лицъ, замѣтимъ, что особенно замѣчательна раскопка, произведенная иждивеніемъ г. Фундуклея въ Звенигородскомъ уѣздѣ, между деревнями Петриковкою и Ромейковкою, при чемъ найдены: афинскій шлемъ и наножники изъ коринѳской мѣди, судя по величинѣ, принадлежавшіе небольшаго роста человѣку; мѣдныя стрѣлы и металлическая пластинка съ дырочками по краямъ и съ изображеніемъ птицы, обращенной на лѣво и клюющей рыбу, какъ на автономныхъ монетахъ Ольвіи, Истріи и Тираса; всѣ эти вещи описаны въ обозрѣніи г. Фундуклея и изображены въ атласѣ его рисунковъ. Къ сожаленію эта раскопка была поручена людямъ совершенно незнакомымъ съ научными пріемами и сдѣлана безъ всякой системы; сверхъ того она была оставлена на ночь безъ караула не оконченною, чѣмъ и воспользовались, по слухамъ, жители ближайшихъ селеній, въ руки которыхъ, вѣроятно, достались: остальное вооруженіе и другія вещи, потому что импровизированные археологи, явившись на другой день, ничего уже не нашли и тѣмъ закончили свою раскопку.

Въ Звенигородскомъ уѣздѣ, въ селеніи Рушковкѣ, я замѣтилъ въ 1853—1855 го-

Нѣсколько словъ о новѣйшихъ археологическихъ находкахъ въ Харьковской и Екатеринославской губерніяхъ.

Сообщено **Н. Д. Ворисякомъ.**

Не смотря на обиліе археологическаго матеріала, представленнаго на нынѣшній съѣздъ, я рѣшился присоединить нѣсколько собранныхъ мною свѣдѣній о находкахъ въ мѣстностяхъ, о которыхъ не было понынѣ рѣчи. Не смотря на то, что указываемыя мною находки не представляютъ систематическаго и особенно вѣскаго научнаго матеріала, сообщеніе о нихъ можетъ принести ту пользу, что облегчитъ поиски археологовъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, къ которымъ относятся мои указанія.

При моихъ геологическихъ экскурсіяхъ, я, по самому ходу моихъ занятій, сблизился съ землекопами и инжинерами, которые доставляли мнѣ, при случаѣ, и попадающіяся имъ археологическія находки. Вслѣдствіе такой случайности, мнѣ, отнюдь не археологу, удалось кое что собрать и представить на воззрѣніе компетентныхъ знатоковъ нынѣшняго съѣзда. Я представлю собранныя мною извѣстія, расположивъ ихъ по мѣстамъ нахожденія.

1. *Раскопки по линіи Харьковско-Азовской* желѣзной дороги дали слѣдующія, извѣстныя мнѣ, данныя:

а) *Образъ нерукотвореннаго Спаса.* Въ концѣ іюля 1869 г. при планировкѣ земли подъ Харьковскій вокзалъ желѣзной дороги, на урочищѣ „Архіерейская левада" подъ Холодною горою, на глубинѣ 1 сажени, въ затвердѣломъ суглинкѣ найдено барельефное головное изображеніе, вырѣзанное на плоской глыбѣ самороднаго гипса, не обсѣченной съ задней стороны ($^3/_4$ вершка толщиною). Изображеніе въ $6^1/_2$ вершк. длиною, въ $5^1/_2$ шириною и въ $^1/_2$ в. высотою рельефа (до оконечности носа), явственно представляетъ убрусъ

съ трехъ-складчатыми вверху узлами по угламъ. На немъ изсѣченъ ликъ, украшенный сіяніемъ. Изваяніе отличается правильностью рисунка. Ученыя духовныя лица и художники, къ которымъ я обращался за помощью въ опредѣленіи найденнаго предмета, подтвердили мою догадку, что изваяніе ближе всего представляетъ изображеніе иконы Спаса нерукотвореннаго, что на убрусѣ. Если остановимся на мысли о христіанскомъ значеніи изваянія, то мы можемъ отнести его или ко времени съ XI по XIII столѣтіе, когда въ данной мѣстности жило христіанское населеніе, причислявшееся къ населенію Переяславскаго и Черниговскаго княжествъ; или ко времени съ $^1/_2$ XVII стол., когда Слободская Украина, запустѣвшая послѣ Батыева нашествія, заселилась вновь выходцами изъ западной, правобережной Украины.

Я позволю себѣ высказать нѣкоторыя догадки и предположенія относительно этого предмета; я полагаю, что въ новѣйшую эпоху разсматриваемое изваяніе не было сооружено, по слѣдующимъ причинамъ: наши мастера-каменщики никогда не дѣлали изваяній изъ самороднаго гипса, породы и не существующей въ окрестности Харькова. Образъ найденъ на глубинѣ сажени подъ слоемъ отвердѣвшаго суглинка, на образованіе котораго потребно значительно-продолжительное время. Мнѣ не случалось встрѣчать между уцѣлѣвшими остатками церковной старинной утвари, а также между вынесенными переселенцами изъ-за Днѣпра предметами религіознаго почитанія изображеній святыхъ, изваянныхъ на камнѣ. Трудно предположить, чтобы найденное изображеніе служило барельефомъ наружной части храма или надгробнаго памятника; такія украшенія въ храмахъ нашихъ не употреблялись и трудно допустить, чтобы они придѣлывались къ стѣнамъ церквей, возведенныхъ изъ дерева. Кладбища, въ мѣстности, гдѣ найденъ образъ, не существовало и при планировкѣ слѣдовъ никакихъ кладбища не обнаружено; притомъ же матеріаломъ для мавзолеевъ служили у насъ первоначально: кирпичь, песчаниковый камень и чугунъ. Украшенія памятниковъ вырѣзываются обыкновенно на монолитѣ, изъ котораго сдѣланъ самъ памятникъ, или-же, подобно какъ въ храмахъ и часовняхъ, бываютъ лѣпныя, а не рѣзныя. Затѣмъ значеніе барельефнаго украшенія опровергается и отсутствіемъ на изваяніи малѣйшихъ слѣдовъ прикрѣпленія.

Разсматривавшій описываемое изображеніе художникъ г. Волошиновъ выразился о немъ слѣдующимъ образомъ: „по контуру и экспрессіи найденное барельефное изображеніе принадлежитъ къ произведеніямъ древне-греческаго стиля и я не сомнѣваюсь, что оно служило принадлежностью скита пустынножительства“. Нельзя отрицать возможности подобнаго предположенія, тѣмъ болѣе, что, по наблюденіямъ надъ характеромъ нашей мѣстности, не подлежитъ сомнѣнію, что прежде въ ней на значительныхъ пространствахъ существовали вѣковые лѣса, представлявшіе требуемыя для пустынножительства условія.

Можетъ быть въ найденномъ предметѣ мы встрѣчаемъ слѣдъ тѣхъ давнихъ, невѣ-

домыхъ исторіи, подвижниковъ, которые дали названіе „Святой Горѣ“ на Донцѣ, (упоминаемой московскими лѣтописями до XVI ст.), которые основали Святогорскую обитель (по мнѣнію преосвящ. Филарета, существовавшую уже до XIV ст.) и которые ископали пещеры въ Донецкой скалѣ, можетъ быть подражая преп. Θеодосію и Антонію.

b) *Древности, найденныя въ долинѣ Мокраго Чулека.* Долина эта находится въ 30 верстахъ отъ Таганрога и въ разстояніи $1^1/_2$ версты отъ морскаго берега. При съемкѣ земли для желѣзной дороги, въ ней открыли на глубинѣ $1^1/_2$ аршина разбросанныя человѣческія кости, а подъ ними, углубясь еще на 1 аршинъ и 13 вершковъ, полный человѣческій скелетъ.

Самый скелетъ, лишь только дотронулись до него, разсыпался; сохранилось только немного костей да черепъ.

При упомянутомъ скелетѣ найдены слѣдующія вещи: 1) Массивная, довольно длинная золотая цѣпь съ 3-мя сердцеобразными, большими, золотыми-же подвѣсками; въ срединѣ одной изъ нихъ сохранился алмандинъ, обдѣланный кабошономъ; эта цѣпь лежала на шеѣ скелета; 2) 2 браслета, замѣчательные небольшою величиною сравнительно съ размѣрами скелета, выкованные изъ толстаго золотаго дрота, прорѣзанные и по концамъ прорѣзовъ утолщенные. Особенно важно, что на одномъ изъ браслетовъ весьма хорошо сохранилась надпись изъ особенныхъ знаковъ. Эти браслеты сняты съ рукъ скелета; 3) 4 большой величины золотыхъ перстня съ большими сердоликовыми, овальными, плоскими вставками. Эти перстни сняты съ двухъ большихъ пальцовъ правой и лѣвой руки; 4) 5 большихъ круглыхъ бляхъ, состоящихъ въ видѣ куполообразно-сведенныхъ металлическихъ клѣтокъ, въ которыя вставлены частію искуственные камни, частію бирюза и лазурикъ; 5) 9 бляхъ 5-ти угольныхъ, состоящихъ изъ треугольныхъ, пятиугольныхъ и овальныхъ клѣтокъ, на общемъ листѣ, выдѣланныхъ изъ листоваго металла; въ клѣткахъ вставлены искуственные камни. Вещи подъ 4 и 5 №№ повидимому служили нашивками, такъ какъ по угламъ ихъ существуютъ отверстія; 6) 2 цилиндрика длиною и діаметромъ въ предмизинный палецъ, изъ свернутаго золотистаго листа съ вставками снаружи изъ окрашеннаго стекла. Можно думать, что цилиндрики эти служили какъ поясныя украшенія. Вообще нельзя допустить, чтобы вещи подъ №№ 4, 5 и 6 принадлежали, по тонкости металлическихъ клѣтокъ и основныхъ листовъ, къ лошадиной сбруѣ; 7) 2 овальныхъ бляхи средней величины съ точковидною осыпкою и при нихъ много обломковъ бляхъ изъ золотистой фольги; 8) изъ серебрянаго сплава нѣсколько пряжекъ, подобныхъ пояснымъ, съ однимъ зубцомъ, и небольшой сосудъ съ маленькими ручками на подобіе набалдашника, чрезъ горлышко котораго продѣта довольно толстая проволока. Въ срединѣ сосуда находится небольшая косточка, которую довольно трудно опредѣлить: при потрясеніи сосуда, отъ ударовъ о стѣнки косточкою издается звукъ, напоминающій звукъ бу-

бенчика. Бронзовыя удила, покрытыя мѣдною зеленью. Вещи подъ №№: 4, 5, 6, 7, 8 найдены въ разстояніи 1 аршина отъ ногъ скелета.

На основаніи всего доставленнаго изъ долины Чулека, долина этой рѣки является мѣстомъ, долженствующимъ обратить на себя вниманіе археологовъ, чего до сихъ поръ, сколько мнѣ извѣстно, она не заслуживала по недостатку указаній.

2. *Раскопки по линіи Харьковско-Николаевской:*

а) *Вблизи станціи Любичищи,* въ глубокой и длинной выемкѣ найдены 2 желѣзныхъ, изъѣденныхъ ржавчиною клинка и мѣдное копье. Клинки находятся у меня, а копье у инженера, барона Рика.

b) *Около Кременчуга,* въ невысокомъ курганѣ обнаружены замѣчательныя остатки старины, разбитые и растерянные рабочими. Изъ нихъ мнѣ доставлены интересные обломки костяныхъ ножен, украшенныхъ рѣзьбою, изображающею звѣрей, подобныхъ находящимся на скифскихъ керамическихъ издѣліяхъ. Эти обломки находятся у меня. По свидѣтельству помѣщика Екатеринославской губерніи, г. Поля, при недавнихъ работахъ по Севастопольской линіи найденъ цѣлый клинокъ съ подобными изображеніями; равно найдены и другія цѣнныя вещи, которыя разбрелись по рукамъ. Г. Поль пріобрѣлъ нѣкоторыя вещи, для его замѣчательнаго, какъ говорятъ, собранія.

3. *По линіи Одесской,* въ Херсонской губерніи, г. Штиде, раскрыто 3 кургана. Въ одномъ изъ нихъ, близъ Ольвіополя, найдены монеты съ изображеніемъ, на одной сторонѣ лошади, съ воткнутою въ спину стрѣлою, а на другой головы греческаго типа съ короною, усѣянною точками, на подобіе бисера. Шея лошади тонкая, на подобіе лебединой изогнутая. Въ Императорскомъ Ермитажѣ хранится подобныхъ 4 монеты; но найденныя близъ Ольвіополя представляются лучше сохранившимися.

Въ другомъ курганѣ, около станціи Ивановка (или Шестаковка) найдены: небольшая урна, самой первобытной работы, изъ необозженной глины, кусокъ кожи съ мѣдною пластинкою внутри, длиною около 2-хъ вершковъ и 1 стекляная бусина.

Въ третьемъ курганѣ найдены одни человѣческіе зубы. Всѣ эти курганы высокіе; находки были найдены на глубинѣ 4—5 футовъ отъ поверхности кургановъ.

Относительно кургановъ осмѣлюсь замѣтить, что иногда слишкомъ смѣло обобщаютъ нѣкоторыя явленія, замѣченныя въ курганахъ, какъ напримѣръ: въ большой крутизнѣ склона къ сѣверу (чего во многихъ курганахъ и не замѣчается) думаютъ найти общій законъ, указывающій на назначеніе кургановъ. Курганы подвержены какъ стихійнымъ, такъ и человѣческимъ вліяніямъ, находятся въ зависимости отъ матеріала, изъ котораго насыпаны; они осыпаются соотвѣтственно естественному склону; неравномѣрная осадка кургановъ могла имѣть вліяніе на измѣненіе ихъ первобытнаго вида. Весьма бы важно было разъясненіе того обстоятельства, почему нѣкоторые курганы, насыпанные въ недальнемъ другъ отъ друга разстояніи изъ одинаковаго матеріала, одни обложены кам-

нями, другіе нѣтъ? Курганы, находящіеся сгруппированными, заслуживаютъ вниманіе не въ отдѣльномъ разрытіи одного изъ нихъ, а цѣлой группы. При такомъ изслѣдованіи возможно только подмѣтить систему насыпки кургановъ, если она не случайная. Въ курганахъ, валахъ, городищахъ, насыпанныхъ изъ суглинковъ, важно наблюденіе нароста чернозема, какъ весьма важнаго для опредѣленія относительной древности насыпей. На нивелирующее вліяніе сыпучихъ песковъ обращаютъ мало вниманія, а оно необходимо при рѣшеніи такихъ вопросовъ, какъ вопросъ о языческомъ кладбищѣ въ Царствѣ Польскомъ, поднятый на нынѣшнемъ съѣздѣ г. Павинскимъ. Можетъ быть, если обратимъ вниманіе на явленія, зависящія отъ передвиженія и расположенія песковъ и отъ распахиванія кладбищъ и кургановъ, то устранится необходимость составленія болѣе сложныхъ теорій касательно того, почему въ мѣстностяхъ ровныхъ встрѣчаются цѣлыя кладбища. Раскопки въ Харьковѣ, заносы даже жилищъ песками около Калитвы по Дону, у Алешекъ и Каховки по Днѣпру представляютъ намъ современныя геологическія явленія, пригодныя для объясненія многаго изъ прошедшаго. Коснувшись кургановъ, я прибавлю нѣсколько замѣчаній о каменныхъ бабахъ; типы ихъ, равно какъ матеріалъ, изъ коего они сдѣланы, не приведены еще въ должную извѣстность на всемъ пространствѣ, гдѣ онѣ были разставлены. Наблюденія въ Донецкомъ каменно-угольномъ кряжѣ показали мнѣ, что бабы изваяны преимущественно изъ мѣстнаго песчаника; но есть указанія, что бабы перевозились и на далекія разстоянія. Прошедшимъ лѣтомъ, я нашелъ значительную и замѣчательную коллекцію каменныхъ бабъ, въ имѣніи г. Голуба, близъ Бахмута, на которую считаю нужнымъ обратить вниманіе занимающихся изслѣдованіемъ этого предмета. Въ степяхъ Екатеринославскихъ мнѣ случилось быть свидѣтелемъ религіознаго поклоненія бабамъ и выслушать толкованіе о нихъ отъ плащеватыхъ цыганъ. Что касается до городищъ, то, замѣчу, что количество ихъ значительно увеличивается включеніемъ въ число ихъ окоповъ и шанцевъ временъ болѣе новыхъ.

Утверждать что древнія городища находились непремѣнно по теченію рѣкъ, что окопка рвами правильныхъ четыреугольныхъ пространствъ доказываетъ болѣе новыя построенія, что древнія городища окружены со стороны рѣкъ валами, едвали окончательно возможно. Мнѣ извѣстно обширное четыреугольное городище, въ лѣсу около Басовки, близъ Ромна, на весьма возвышенномъ мѣстѣ, вдали отъ рѣки. Изъ этой мѣстности доставлены мнѣ кремневыя стрѣлы. Городища: Донецкое и Хорошевъ, представляютъ окопы съ гористой стороны, только загибающіеся къ рѣкѣ.

4. *По линіи Константиновской желѣзной дороги*, не вдалекѣ отъ побережьевъ Торца и Калміуса, въ Екатеринославской губерніи, г. Штаде разрылъ 8 кургановъ. Въ нихъ найдены гробы изъ каменныхъ плитъ. Пять плитъ составляютъ гробъ, нижней плиты нѣтъ. Въ этихъ курганахъ найдено отъ 1-го до 3-хъ гробовъ въ каждомъ, на глубинѣ отъ 2 до 5 футовъ отъ поверхности кургановъ. Величина гробовъ различна.

Такимъ образомъ у с. Желѣзнаго найдено въ курганѣ 3 гроба. Длина боковыхъ стѣнокъ 1 арш. 4 верш., ширина верхней доски 1 арш., высота гробовъ менѣе аршина. Надъ однимъ изъ здѣшнихъ гробовъ найдена опрокинутая вверхъ дномъ мѣдная лахань, подобная находящейся на выставкѣ. Черепныя и ножныя кости находились вмѣстѣ, указывая какъ-бы на то, что покойники были погребены въ сидячемъ положенiи. Курганъ близъ Красногорки, около Михайловки представилъ гробъ изъ плитъ краснаго песчаника, незамѣченнаго въ окрестностяхъ. Толщина этихъ плитъ до 4 верш., длина ихъ 2 арш. 4 вершка, ширина верхней плиты 1 арш. 4 верш., высота менѣе аршина. Во всѣхъ гробахъ кости человѣческiя, сильно разложившiяся, смѣшаны съ костями лошадиными и другихъ животныхъ. Въ однихъ гробахъ, по угламъ, находились по 3 горшка, въ другихъ по одному. Гробы и горшки наполнены землею. Болѣе замѣчательные гробы, по содержимому заключали слѣдующiе предметы:

Курганъ близъ станцiи Юрво (Александровка Ливена) въ 1 верстѣ на югъ. На глубинѣ отъ поверхности въ 7 футовъ найдено 3 гроба: два каменныхъ плитныхъ и одинъ деревянный. Найдены на одинаковой глубинѣ, но въ различномъ направленiи. Каменные гробы стояли параллельно другъ къ другу въ срединѣ кургана, деревянный же находился впереди ихъ въ наклонномъ положенiи, наискось относительно двухъ первыхъ.

Въ деревянномъ гробѣ найдены: черепъ, кости человѣка и животныхъ, стремя, копья желѣзныя. Въ каменномъ гробѣ кости и черепки. Въ курганѣ на землѣ Каменскаго оказался каменный гробъ. Плиты—толщиною отъ 3 до 4 вершковъ. Длина ихъ до $2^1/_2$ аршинъ. Обломки горшковъ двухъ видовъ, человѣческiя кости сильно разрушенныя и бедряныя кости малыхъ животныхъ. Одинъ горшокъ изъ необозженной черной глины, первобытнаго издѣлiя, другой съ выпуклостями.

Въ другомъ курганѣ на землѣ помѣщика Каменскаго найденъ каменный гробъ на 2 фута глубины отъ поверхности кургана. Въ немъ: зубы человѣческiе, 25 лошадиныхъ зубовъ, шило изъ кости, бедро небольшаго животнаго, черепки горшковъ.

Въ третьемъ курганѣ, на землѣ помѣщика Каменскаго былъ гробъ, обложенный валунами. Курганъ надъ нимъ всего 3 фута отъ поверхности земли. Въ гробу: широкiй горшокъ изъ необозженной глины. Вещи вышеупомянутыя изъ раскопокъ г. Штаде находятся у меня.

Къ числу болѣе новыхъ открытiй на юго-востокѣ Россiи, неизвѣстныхъ еще археологамъ, могу указать:

1) На курганъ, вскрытый г. Арманъ, въ имѣнiи Голубовкѣ Бахмутскаго уѣзда. Здѣсь, кромѣ разрушенныхъ костей, найдены: глиняная урночка весьма отчетливой работы, выжженная, желтаго цвѣта, изъ хорошей глины; ножны весьма отчетливо сшитыя, изъ кожи, напоминающей новѣйшую выдѣлку, бронзовыя стрѣлки, изъ которыхъ у меня находится одна.

2) Каменный молотокъ, найденный по р. Малой-Быстрой въ землѣ войска Донскаго. Рисунокъ котораго прилагаю. (Таб. VIII, № 7).

3) Мечь-кладенецъ желѣзный, найденный въ г. Чугуевѣ, при рытьѣ фундамента. Рисунокъ коего прилагается. (Таб. VIII, № 6).

4) Хорошо сохранившаяся кольчуга, съ оторочкою, изъ мѣдныхъ колецъ, найденная близъ Старобѣльска въ курганѣ. Она находится у меня.

5) Къ числу важныхъ открытій, могущихъ служить къ уясненію мѣстнаго металлическаго производства на югѣ, могу указать на открытіе древнихъ разработокъ мѣди, существовавшихъ въ Бахмутскомъ уѣздѣ, и желѣзныхъ въ землѣ Войска Донскаго.

Обзоръ славяно-русскихъ памятниковъ языка и письма, находящихся въ библіотекахъ и архивахъ Львовскихъ.

Сообщено **Е. І. Калужняцкимъ.**

Если для усовершенствованія славянской палеографіи не безполезны постоянныя указанія на всякіе вновь открываемые рукописные матеріалы,—если даже сравнительно новѣйшіе памятники языка и письма не лишены палеографическаго интереса, то не безполезны будутъ, конечно, и собранныя мною свѣдѣнія, относящіяся въ особенности къ рукописнымъ остаткамъ славяно-русской письменности въ Галиціи и во Львовѣ [1]).

Но прежде нежели я успѣю окончить мои работы надъ этимъ предметомъ, а вслѣдъ за тѣмъ составить обстоятельное описаніе всѣхъ разбросанныхъ по различнымъ Галицкимъ библіотекамъ рукописныхъ славянскихъ матеріаловъ, я рѣшился уже теперь почтеннымъ членамъ настоящаго съѣзда, именно же почтеннымъ знатокамъ и любителямъ славянской палеографіи, представить: 1) мои, такъ называемые, палеографическіе снимки, собранные только изъ однихъ Львовскихъ рукописей, актовъ и пр. [подъ заглавіемъ: Specimina codicum slovenicorum rerumque manuscriptorum, quae in bibliothecis et tabulariis leopolitanis inveniuntur], а къ снимкамъ тѣмъ присоединить 2) предлагаемое здѣсь, повременное тѣхъ же Львовскихъ рукописей обозрѣніе.

Въ составъ моего настоящаго изслѣдованія я старался включить всѣ сколько нибудь важные памятники славяно-русской письменности, и затѣмъ я обратилъ особенное вниманіе на довольно богатыя коллекціи университетской и свято-онуфріевской библіотекъ, которыя отличаются большимъ количествомъ любопытныхъ литургическихъ и церковныхъ списковъ, а также на рукописные матеріалы библіотеки имени Оссолинскихъ, между которыми, кромѣ нѣсколькихъ церковныхъ списковъ, драгоцѣнны въ особенности находя-

щіеся тамъ же историческіе акты; наконецъ—на грамоты, привиллегіи, корреспонденціи и тому подобныя пособія мѣстной исторіи, которыя хранятся въ тѣхъ и другихъ библіотекахъ и архивахъ Львовскихъ [2]), описанныхъ отчасти уже и г. Бедою Дудикомъ въ его „Галицко-Владимірскихъ архивахъ“ [Die Archive im Königreich Galizien und Lodomerien, aus dem XXXIX Bande des Archives für österreichische „Geschichtsquellen besonders abgedruckt“] въ Вѣнѣ, 1867 г. [3]).

При томъ, я успѣлъ познакомиться также и съ такими коллекціями славяно-русскихъ, исторически важныхъ запасовъ палеографіи во Львовѣ, которые не были извѣстны ни г. Дудику, ни кому-нибудь другому изъ заграничныхъ ученыхъ, какъ, напримѣръ, собраніе грамотъ Института Ставропигійскаго [4]), или собраніе грамотъ, такъ называемаго, Шнейдеровскаго музеума [5]) и пр. и пр.

Кромѣ небольшаго отрывка евангельскихъ чтеній XII—XIII вѣка и такого же отрывка евангельскихъ чтеній конца XIII—XIV столѣтія [находящихся въ моей собственной библіотекѣ], принадлежатъ всѣ другія славяно-русскія грамоты и вообще всѣ прочіе подлинные славяно-русскіе памятники языка и письма, хранимые до сихъ поръ въ библіотекахъ и архивахъ львовскихъ, къ временамъ Казимира III [1333—1370] и слѣдующихъ послѣ него Ягеллоновъ [1386—1572], вплоть до конца XVIII столѣтія. Весь извѣстный мнѣ доселѣ запасъ русско-славянскихъ рукописей во Львовѣ, то есть всѣ извѣстные мнѣ до сихъ поръ памятники палеографіи [6]), уцѣлѣвшіе въ библіотекахъ и архивахъ львовскихъ [и, скажемъ кстати, во всѣхъ другихъ галицкихъ библіотекахъ и архивахъ], принадлежатъ затѣмъ меньшею частью къ древнѣйшему [XI—XIV столѣтія], а большею частію къ новѣйшему [XV—XVIII в.] періоду славяно-русскаго рукописанія. Мы приходимъ, слѣдовательно, къ убѣжденію, что рукописные славяно-русскіе матеріалы, сохраняемые въ нашихъ львовскихъ [и вообще во всѣхъ другихъ, знакомыхъ и доступныхъ мнѣ галицкихъ] библіотекахъ и архивахъ, менѣе драгоцѣнны въ строго-антикварномъ отношеніи, но что они въ свою очередь содержатъ очень богатыя пособія къ познанію нѣкоторыхъ, не вполнѣ ясныхъ еще сторонъ славяно-русской палеографіи въ ея новѣйшемъ, именно въ ея среднемъ періодѣ. Наши сравнительно позднѣйшіе памятники славяно-русской письменности отличаются, впрочемъ, и другими, столь важными свойствами истинно научнаго достоинства и доставляютъ столь обильныя, иногда самыя рѣдкія свѣдѣнія для исторіи и сравнительной филологіи славянскихъ языковъ, что въ этомъ отношеніи они нисколько не уступаютъ нѣкоторымъ заграничнымъ, драгоцѣннымъ по антикварному достоинству коллекціямъ рукописей, при чемъ хорошими образцами могутъ обогатить значительно извѣстный намъ доселѣ объемъ славяно-русскаго рукописанія. Многіе изъ этихъ позднѣйшихъ памятниковъ львовскаго разряда тѣмъ болѣе важны и потому еще, что одни изъ нихъ считаются единственными апографами, остатками несуществующихъ въ настоящее время подлинниковъ славяно-русской письменности, а другіе

опять единственными, не изданными еще произведеніями подлинной русской литературы XVI—XVIII вѣка [какъ, напримѣръ, нѣкоторыя житія святыхъ, нѣкоторыя, неизданныя еще полемическія сочиненія, церковно-судныя грамоты кіевскихъ митрополитовъ и западно-русскихъ епископовъ, привиллегіи польскихъ королей и молдавскихъ господарей, корреспонденціи вельможъ, завѣщанія и пр.], изъ которыхъ можно извлечь различныя, не безполезныя для науки свѣдѣнія о тогдашнихъ понятіяхъ и стремленіяхъ юго-западной части русскаго народа, именно—объ ея церковныхъ и національно-политическихъ дѣлахъ и о всемъ томъ, что было главнымъ основаніемъ ея внутренняго состоянія. Тѣ и тѣмъ подобные памятники русской литературы XVI—XVIII вѣка служатъ намъ, такъ сказать, вѣрными, недвусмысленными свидѣтелями нашего недалекаго прошедшаго и знакомятъ насъ, между прочимъ, и съ такими особенными чертами западно-русской жизни, которыми предки наши отличались отъ другихъ отраслей русскаго міра, то есть чертами, которыми они должны были по неволѣ отличаться отъ другихъ членовъ великой русской семьи, какъ вслѣдствіе своихъ политическихъ сношеній съ Польшею, такъ и въ силу своихъ церковныхъ связей съ римскимъ престоломъ. Они позволяютъ намъ, однако, въ тогдашней литературной дѣятельности нашихъ предковъ подмѣтить съ другой стороны и такія черты русскаго духа, посредствомъ которыхъ и въ тѣ трудныя времена западно-русской исторіи удерживались неприкосновенными и неповрежденными всѣ высшіе интересы русской народности, состоящіе въ постоянномъ соблюденіи общихъ духовныхъ началъ и общихъ культурныхъ стремленій. Наши сравнительно позднѣйшіе памятники языка и письма были вполнѣ органическимъ дополненіемъ нашей обще-русской литературы того времени, и они сплетаются такъ тѣсно съ цѣлымъ ея духомъ и строемъ, что трудно не признать ихъ за вѣтви, выросшія изъ одного и того-же славяно-русскаго корня. Мы позволяемъ себѣ затѣмъ, въ нѣсколькихъ только словахъ, воспроизвести всѣ болѣе характеристическія черты нашей древней письменности, и съ этою цѣлью раздѣляемъ изслѣдованные нами рукописные матеріалы во Львовѣ на нѣсколько группъ.

I. Къ первой группѣ памятниковъ славяно-русскаго рукописанія причисляются вообще всѣ литургическія книги, то есть всѣ тѣ рукописи и остатки рукописей, которыя имѣютъ ближайшее отношеніе къ обряду и богослужебнымъ потребностямъ церкви, каковы, напримѣръ: священныя книги ветхаго завѣта; весьма многочисленные списки евангельскихъ и апостольскихъ чтеній, находящіеся не только въ библіотекахъ Львовскихъ, но разбросанные также и по другимъ [деканатскимъ, монастырскимъ и приходскимъ] библіотекамъ Галиціи, Буковины и сѣверо-восточной части Венгерскаго королевства [7]; праздничныя и мѣсячныя минеи—нѣкоторыя съ житіями святыхъ, описаніями мученій и другими такого же рода статьями, или синаксаріями; ирмологіоны съ нотными знаками [8]) и, такъ называемые, осьмогласники; литургиконы—большею частію службы св. Іоанна Златоустаго; монастырскіе уставы и типики церковной службы XVI—XVII вѣка; чины

постриженія и погребенія монаховъ и тому подобныя произведенія церковной литературы. Всего чаще встрѣчаются списки евангельскихъ и апостольскихъ чтеній, какъ наиболѣе употребительныя пособія церковной службы, и то преимущественно въ копіяхъ XVI—XVII вѣка, отличающихся особеннымъ псевдо-болгарскимъ правописаніемъ. Мы обращаемъ кстати вниманіе почтенныхъ слушателей и на довольно хорошіе рисунки, внесенные въ нѣкоторые списки евангельскихъ чтеній, именно, на изображенія евангелистовъ и другія раскрашенныя золотомъ виньетки, которыя находятся въ пергаменномъ экземплярѣ университетской библіотеки во Львовѣ подъ знакомъ 1. А. 3. Пергаменные списки евангельскихъ чтеній, доставленные на выставку буковинскими членами археологическаго съѣзда, и имѣющіе большое сходство съ упоминаемымъ здѣсь Львовскимъ экземпляромъ, укрѣпили меня въ томъ убѣжденіи, что стараніемъ митрополита молдавскаго Анастасія Кримковича составилась въ двухъ первыхъ десятилѣтіяхъ XVII вѣка цѣлая фамилія такихъ же богослужебныхъ книгъ, а особенно евангельскихъ чтеній. Ихъ внѣшнимъ знаменемъ служатъ именно указанныя здѣсь рисунки, произведенные всѣ на одинъ манеръ „многогрѣшною“ рукою Стефана, какого-то Сучавскаго живописца [9]). Въ моихъ палеографическихъ снимкахъ сообщены образцы этихъ рисунковъ на таблицѣ XVIII [specimina 1—2] и на таблицѣ XIX [specim. 1].

Между рукописями первой группы мы позволимъ себѣ отмѣтить еще и, такъ называемое, „Страстей Христовыхъ размышленіе“, писанное чрезвычайно красивою скорописью конца XVII—XVIII вѣка [въ моихъ снимкахъ таблица XXV], а находящееся въ выше упомянутой свято-онуфріевской библіотекѣ во Львовѣ подъ № XXIII.

Въ этомъ довольно рѣдкомъ произведеніи западно-русской литературы замѣчательна въ особенности помѣщенная тамъ же молитва ко Христу Спасителю въ стихахъ неизвѣстнаго автора, вполнѣ сообразныхъ съ господствовавшимъ тогда стихотворнымъ вкусомъ, какъ показываетъ это находящаяся въ прилогахъ копія.

II. Ко второй группѣ памятниковъ славяно-русской письменности во Львовѣ причисляются вообще творенія святыхъ отцевъ восточной церкви. Прежде всего, однако, причисляются сюда риторскія и богословскія, отчасти также и философическія произведенія святыхъ отцевъ восточной церкви, точнѣе—славяно-русскіе ихъ переводы, каковы, напримѣръ, два экземпляра Златоустовыхъ бесѣдъ на евангеліе св. Матѳея, переведенныхъ монахомъ свято-сергіевскаго монастыря Ѳеливаномъ, однимъ изъ лучшихъ учениковъ знаменитаго въ дѣяніяхъ русской церкви Максима Грека [1518—1556 года], который имѣлъ столь важное и нынѣ нисколько неоспариваемое вліяніе на судьбы русскаго общества и на современное ему просвѣщеніе [10]). Къ этому же отдѣлу относятся, между прочимъ, три списка нравоучительныхъ наставленій Ефрема Сирина, скопированные, по всей вѣроятности, изъ печатнаго изданія [по крайней мѣрѣ, позволительно признать за копіи печатнаго изданія экземпляръ библіотеки имен. Оссол. подъ № 366 и такой же

экземпляръ библ. университетской подъ цифрою I. J. 10]; два списка наставленій Кирилла Іерусалимскаго, составленные въ концѣ XVI—XVII вѣка; два экземпляра бесѣдъ Макарія Египетскаго—второй [въ библіотекѣ универс. подъ цифрою 1. D. 12] скопированъ тоже изъ печатнаго виленскаго изданія; нравоучительныя бесѣды св. Дороѳея по списку библіотеки университ. 1. D. 14; наконецъ, такія же нравоучительныя бесѣды игумена Синайскаго Іоанна, изданныя подъ характеристическимъ заглавіемъ *Лѣствицы* и пр. Не приписывая упомянутымъ здѣсь и другимъ подобнымъ произведеніямъ этого разряда никакихъ непосредственныхъ вліяній на болѣе широкіе круги русскаго общества, не могу всетаки не признать того вполнѣ несомнѣннаго факта, что творенія святыхъ отцевъ церкви имѣли очень обширное теоретическое примѣненіе въ многочисленныхъ памятникахъ русской письменности XVI—XVIII вѣка, особенно же въ полемическихъ и назидательныхъ сочиненіяхъ того времени. Не остались риторическія и богословскія творенія греческихъ учителей церкви безъ особеннаго вліянія и на такъ называемыя „учительныя евангелія", составляющія особую группу письменныхъ произведеній того же втораго разряда, которыя преимущественно въ XVII столѣтіи въ большемъ были употребленіи. Извѣстные мнѣ экземпляры учительныхъ евангелій издавались вообще безъ означенія имени авторовъ, но авторами этихъ и имъ подобныхъ риторическихъ компиляцій были большею частію члены духовной Кіевской Академіи, или другія лица духовнаго званія, которыя, принимая живое участіе въ церковныхъ преніяхъ своего времени, и словомъ, и письмомъ, желали помогать интересамъ православія и народности въ борьбѣ съ враждебнымъ католицизмомъ [11]). Знаменитые въ свое время комментаріи Ѳеофилакта болгарскаго, излагающіе подлинный смыслъ евангельскихъ текстовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ считаемые однимъ изъ самыхъ лучшихъ пособій къ разъясненію различныхъ догматическихъ недоразумѣній и другихъ богословскихъ вопросовъ, сохранились въ одномъ только апографѣ конца XVI—XVII вѣка, въ библіотекѣ имени Оссол. подъ № 39 [12]). Шесть книгъ твореній Іоанна Дамаскина [въ библ. свято-онуфріевскихъ василіанъ въ Львовѣ подъ № X] замѣчательны тѣмъ, что они переписаны изъ новѣйшаго, собственно западно-русскаго перевода тѣхъ же твореній, сдѣланнаго по базельскому изданію греческаго текста 1548 г. [13]), а не по древнѣйшему тексту [14]), по которому сдѣланъ былъ переводъ Іоанна, знаменитаго въ исторіи славянской письменности дѣятеля [около 888—927], и вмѣстѣ съ тѣмъ Экзарха, или строителя земли болгарской [15]). Сочиненія Дамаскина замѣчательны, впрочемъ, и въ томъ еще отношеніи, что они имѣли очень сильное вліяніе на всѣ физическія и метафизическія понятія средневѣковаго общества, вліяніе, продолжавшееся непрерывно до самыхъ новѣйшихъ временъ, точнѣе—до возрожденія философическихъ и естественныхъ наукъ въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка.

Въ числѣ рукописей второй группы отмѣчаемъ, наконецъ, одинъ экземпляръ Филипповой Діоптры въ библ. свято-онуфріевскихъ василіанъ во Львовѣ подъ № XIX и

думаемъ, что содержащіеся въ ней „Плачевє и рыданиа инока грѣшна и странна ими же съпірамиєсѧ къ доуши своѥй“, были однимъ изъ лучшихъ предметовъ чтенія, предпочитаемыхъ въ особенности и высшими свѣтскими сословіями, какъ свидѣтельствуютъ внесенныя въ рукопись эту собственноручныя приписки господарей молдавскихъ Петра [1454—1456] и Стефана [отъ 12 апрѣля 1546—1504] на стран. 250 и 251.

Кромѣ того, позволю себѣ замѣтить еще и то о свято-онуфріевскомъ спискѣ Филипповой Діоптры [16]), что онъ скопированъ въ первой половинѣ XV вѣка изъ самаго лучшаго южно-славянскаго перевода, и что въ немъ содержатся очень рѣдкіе примѣры болгарско-славянскихъ, или, такъ называемыхъ, средне-славянскихъ оттѣнковъ языка.

III. Между славяно-русскими рукописями во Львовѣ немаловажное занимаютъ, въ третьихъ, мѣсто и, такъ называемые, сборники, или изборники различнаго содержанія. Всего чаще встрѣчаются въ числѣ рукописей львовскихъ такіе экземпляры славяно-русскихъ сборниковъ, которые состоятъ изъ однихъ только извлеченій, скопированныхъ дословно изъ выше упомянутыхъ и неупомянутыхъ произведеній риторической литературы, какъ это показываетъ, напримѣръ, сборникъ церковныхъ [точнѣе, недѣльныхъ и праздничныхъ] бесѣдъ, записанный въ инвентаріяхъ библіотеки универс. подъ знакомъ 1. F. 13, или другой, находящійся въ библіотекѣ имени Оссол. подъ № 29. Мы встрѣтили, однако, въ библіотекахъ львовскихъ [встрѣчали, впрочемъ, и въ другихъ библіотекахъ галицкихъ] и такіе рукописные, славяно-русскіе сборники, въ которыхъ, кромѣ недѣльныхъ и праздничныхъ словъ, заимствованныхъ изъ произведеній риторико-богословской литературы того времени, содержатся немалочисленныя дополненія изъ другихъ памятниковъ тогдашней византійской письменности, преимущественно же изъ подлинныхъ, а частію также и подложныхъ произведеній каноническаго права, изъ различныхъ [древнихъ и новѣйшихъ] византійскихъ хронографовъ, повѣстей, сказаній и тому подобныхъ, въ то время бывшихъ въ ходу сочиненій. Обращаемъ въ особенности вниманіе гг. членовъ съѣзда на относящіеся къ XVI столѣтію рукописные сборники свято-онуфріевской библіотеки подъ №№ IV и XVIII, которые должны быть признаны за самые лучшіе образцы этого разряда памятниковъ. Мы убѣдились при этомъ случаѣ, что въ составъ письменныхъ компиляцій этого разряда входили иногда и другіе сколько нибудь важные для тогдашнихъ читателей предметы научнаго, а нерѣдко и апокрифическаго содержанія, каковы, напримѣръ, статьи и отрывки статей, находящіяся въ вышеупомянутыхъ свято-онуфріевскихъ спискахъ подъ №№ IV и XVIII, а кромѣ того, и въ многочисленныхъ рукописяхъ библіотеки перемышльской [17]). Новѣйшіе сборники, въ томъ числѣ оба свято-онуфріевскіе и другіе, согласно съ современными имъ потребностями западно-русскихъ читателей, часто снабжаемы были многими полемическими и полемико-историческими статьями, которыя преслѣдуемымъ въ то время защитникамъ православныхъ интересовъ должны были служить пособіемъ и средствомъ къ защитѣ этихъ интересовъ [18]). Иные сборники [въ томъ числѣ оба университетскіе

списки во Львовѣ подъ цифрою 1. В. 1. и 1. D. 1] снабжаемы были нерѣдко житіями святыхъ, похвальными словами и другими, не столько важными, сколько интересными для тогдашнихъ читателей и проповѣдниковъ статьями [19]), и считались вообще чѣмъ-то въ родѣ энциклопедій, изъ которыхъ грамотные люди всѣхъ сословій почерпали самыя разнородныя свѣдѣнія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и удовлетворяли свою любознательность въ отношеніи къ разнымъ вопросамъ и недоумѣніямъ, о которыхъ надобно имъ было узнать что нибудь положительное. Не стѣсняемыя никакими правилами внѣшней формы, никакими условіями логической послѣдовательности и внутренней, прагматической связи, были затѣмъ всѣ эти и имъ подобныя энциклопедическія произведенія византійско-славянской литературы не столько полезными, какъ обыкновенными проводниками средневѣковаго образованія и посредниками не только благонамѣренныхъ, но и самыхъ дурныхъ проявленій тогдашней письменности, которыя оказывали тѣмъ сильнѣйшее вліяніе на весь образъ мыслей и все правственное направленіе того времени, чѣмъ воспріимчивѣе были умственныя способности русскаго народа. Онѣ были, однимъ словомъ, зеркала, въ которыхъ вѣрно отражались не только религіозныя начала русской жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ и другія черты народныхъ нравовъ, обычаевъ, мыслей, чувствъ, суевѣрій и всего того, что когда-то считалось главнымъ признакомъ древнерусскаго просвѣщенія [20]).

Признавая важность сохраняемыхъ во Львовѣ рукописныхъ славянскихъ сборниковъ, не смѣю, кстати, пройти молчаніемъ также еще и находящіяся въ библіотекѣ имени Оссол. подъ № 827 записки Кирилла Транквилліона Ставровецкаго [21]), то есть собственноручныя его извлеченія изъ восточныхъ и западныхъ отцевъ церкви, также изъ каноническихъ книгъ и другихъ болѣе занимательныхъ для составителя сочиненій. Эти записки замѣчательны всего болѣе тѣмъ, что къ извлеченіямъ изъ посторонниxъ сочиненій, въ видѣ дополненій, присоединены копіи нѣкоторыхъ патріаршихъ грамотъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и черновые наброски корреспонденціи автора, его привѣтственныхъ и прощальныхъ рѣчей и другихъ, довольно любопытныхъ для историка свидѣтельствъ 1601—1621 года [22]). Между этими послѣдними важны въ особенности церковносудныя грамоты современныхъ автору восточныхъ патріарховъ, изданныя въ дѣлахъ рогатынскаго братства; любопытны также и привѣтственныя рѣчи самаго Кирилла Транквилліона Ставровецкаго, сказанныя въ честь знаменитаго вельможи Ѳомы Замойскаго; привѣтственныя рѣчи того же Ставровецкаго, сказанныя въ честь братіи скитскаго монастыря за селомъ Марковомъ [въ Галиціи], и его прощальныя слова къ братіи уневскаго монастыря [въ Галиціи] при отходѣ автора изъ той же обители 3 января 1618 года. Не лишены интереса въ равной мѣрѣ и находящіяся тамъ же письма игумена Кирилла Любатовскаго къ членамъ братства миньскаго и ко всѣмъ христіанамъ вообще, писанныя тоже въ 1618 году; замѣчанія монаха Іова и братіи скитскаго монастыря на книгу игумена черниговскаго Кирилла Безбордаго [23]), изданную подъ заглавіемъ „Зерцало богословія" въ Почаевѣ 1618 г. [а второй разъ въ Уневѣ

1692 г.]; надгробная рѣчь игумена Корецкаго, Лаврентія Зизанія, сказанная въ честь княгини Софіи Чарторыйской; наконецъ, письмо Ѳеодосія, игумена скитскаго монастыря къ Кириллу [Ставровецкому?] и пр. и пр.

Не излишнимъ будетъ замѣтить въ книгѣ Ставровецкаго еще и то обстоятельство, что выписки его изъ св. отцевъ церкви и другихъ авторовъ, равно и его собственныя рѣчи сдѣланы или на языкѣ греческомъ и латинскомъ, или на славяно-русскомъ и польскомъ.

IV. Въ числѣ львовскихъ рукописей находятся, въ четвертыхъ, въ большомъ количествѣ экземпляровъ сборники біографическихъ статей, которыя, сдѣлавшись любимымъ предметомъ чтенія, распространились въ многочисленныхъ спискахъ [а послѣ и въ многочисленныхъ печатныхъ изданіяхъ] не только между низшими, но преимущественно и между высшими сословіями русскаго общества. Мы встрѣтили въ библіотекахъ львовскихъ прежде всего: житія царей и архіепископовъ сербскихъ, изданныя, впрочемъ, г. Даничичемъ подъ заглавіемъ: „Животи Кралева и архіепископа српских, у Загребу", 1866 г. [24]); житія кіевопечерскихъ угодниковъ, составляющія, такъ называемый, кіевопечерскій патерикъ, въ библіотекѣ универс. подъ знакомъ 1. D. 11 [25]); затѣмъ нѣсколько торжественниковъ XV—XVI в. и, наконецъ, большое число весьма замѣчательныхъ прологовъ тоже конца XV—XVII в., въ которыхъ содержатся или житія святыхъ, или сказанія и похвальныя слова отдѣльнымъ святымъ и праздникамъ, и притомъ или на одну, или на другую половину года, въ порядкѣ мѣсяцеслова. Лучшіе списки торжественниковъ находятся въ свято-онуфріевской библіотекѣ подъ №№ XII и XVII, а замѣчательнѣйшіе по содержанію списки прологовъ въ свято-онуфріевской библ. подъ №№ III, XIII, XIV, XV, XVI, XVIII, XX, въ библіотекѣ университетской подъ цифрою 1. F. 15 и въ библіотекѣ имени Оссол. подъ числомъ 38 [26]). Обѣ упомянутые здѣсь категоріи списковъ отличаются, впрочемъ, и тою свойственною имъ особенностію [27]), что въ однихъ и другихъ нашли себѣ мѣсто многочисленныя славянскія статьи, точнѣе—житія и жизнеописанія чешскихъ, болгарскихъ, сербскихъ и русскихъ святыхъ, отчасти также и литовскихъ угодниковъ [за исключеніемъ однихъ только польскихъ], и что въ жизнеописаніяхъ этихъ разбросаны немаловажныя свѣдѣнія о предметахъ и событіяхъ, имѣвшихъ тѣсную связь съ исторіею славяно-русской церкви. Эти жизнеописанія славянскихъ [и неславянскихъ] святыхъ, включаемыя въ составъ рукописныхъ торжественниковъ и прологовъ, какъ самые лучшіе образцы богоугодной жизни, знакомятъ насъ, кромѣ того, и съ господствомъ тѣхъ или другихъ религіозныхъ идей, тѣхъ или другихъ нравственныхъ направленій и высшихъ духовныхъ интересовъ, проявлявшихся въ извѣстныя эпохи съ болѣе или менѣе настойчивою силою, не только въ отдѣльныхъ личностяхъ, но и въ цѣлыхъ слояхъ русскаго общества. Они имѣютъ вмѣстѣ съ тѣмъ значеніе самостоятельныхъ, въ высшей степени серьезныхъ произведеній благочестиваго одушевленія [28]), и въ этомъ смыслѣ они стоили

бы того, чтобы кто нибудь изъ русскихъ ученыхъ, кому доступны древнѣйшіе списки тѣхъ славяно-русскихъ статей, занялся полнымъ ихъ изданіемъ [29]). Мы желаемъ, по крайней мѣрѣ, такимъ образомъ пособить будущимъ работамъ надъ этимъ предметомъ, что къ повременному обозрѣнію этой группы письменныхъ памятниковъ присовокупляемъ точный перечень всѣхъ извѣстныхъ намъ доселѣ по львовскимъ прологамъ славянскихъ и русскихъ статей, которыя раздѣляются на нѣсколько отдѣльныхъ группъ.

A) Житія чешскихъ святыхъ, изъ которыхъ въ составъ русскихъ прологовъ вошли всего лишь: 1) житіе княгини Людмилы, умершей въ 927 г. [и поминаемой 16 Сентября]; 2) мученіе и смерть князя Вячеслава, умершаго въ 936 г. [и поминаемаго 28 Сентября]; 3) перенесеніе мощей св. Вячеслава чешскаго около 940 года [4 Марта, срав. прологъ свято-онуфріевской библіотеки подъ № III. 18—19] [30]).

B) Житія, мученія и преставленія болгарскихъ угодниковъ, къ которымъ относятся въ особенности: 4) житіе апостоловъ славянскихъ, братьевъ Кирилла [14 Февраля] и Меѳодія [11 Мая]; 5) память преподобной Пятки Терновской въ Болгаріи [31]), умершей въ 1175 г. [13 Октября, въ Прологѣ XV. 194—196]; 6) житіе преподобнаго отца Іоанна Рыльскаго отъ Средца болгарскаго, подвизавшагося въ благочестіи около 1180 года [19 Октября, тоже въ Прологѣ XV. 225—230]; 7) перенесеніе мощей преподобнаго Иларіона мегленскаго въ Терновъ, происходившее въ 1200 году [28 Октября, въ томъ же прол. 235—236]; 8) страсть святаго мученика Георгія новаго, убіеннаго въ Средцѣ болгарскомъ султаномъ Селимомъ I 1514 г., [26 Мая, въ прол. III 467—470].

C) Житія сербскихъ угодниковъ, заимствованныя изъ Прологовъ южно-славянской редакціи, именно: 9) житіе и память преподобнаго князя сербскаго Немани-Симеона [32]), усопшаго на св. Горѣ, въ 1200 году [и поминаемаго 13 Февраля въ Прологѣ XV. 775—776]; 10) житіе перваго патріарха сербскаго св. Саввы, управлявшаго церковью отъ 1221 до 1237 года [и поминаемаго 14 Января, тоже въ Прологѣ XV. 643—644 [33]).

D) Житія русскихъ угодниковъ, состоящія изъ слѣдующихъ подраздѣленій:

Dd) Житія русскихъ угодниковъ княжескаго происхожденія, каковы, напримѣръ: 11) житіе и успеніе блаженной Ольги [11 Іюля]; 12) житіе и смерть блаженнаго, равноапостольнаго князя русскаго Владиміра [15 Іюля, въ Прол. III. 668—671, тоже въ Прологѣ XII. 121 слѣд.] [34]); 13) страсть св. Бориса и Глѣба, пострадавшихъ отъ великаго князя Святополка въ 1015—1019 году, [24 Іюля, срав. Прологъ № III. 706—708 и Прол. XV. 26—27] [35]); 14) перенесеніе мощей св. Бориса и Глѣба, происходившее въ Кіевѣ, въ 1072 году [2 Мая, срав. Прологъ III. 336—337 и Прол. XII. 25 сл.]; 15) житіе благовѣрнаго князя черниговскаго Николая Святоши, усопшаго въ 1142 г. [14 Октября въ Прол. XV. 198—204] [36]); житіе благовѣрнаго Андрея Юрьевича, князя ростовскаго, около 1167 года [1 Августа, въ Прологѣ III. 737—740]; 17) страсть князя черниговскаго Михаила, его воеводы Ѳеодора и другихъ лицъ княжеской дружины, постра-

давшихъ отъ Батыя въ 1246 году [19 Сентября, въ Прол. XV. 74—77] [37]; 18) житіе и смерть князя Петра и жены его Февроніи, новыхъ чудотворцевъ муромскихъ [25 Іюня, въ Прол. III. 582—583] [38].

Ddd) Житія святыхъ митрополитовъ и епископовъ русскихъ, каковы въ особенности: 19) житіе епископа новгородскаго св. Нифонта, усопшаго въ 1156 г. [8 Апрѣля, въ Прол. XIV. 217—219]; 20) обрѣтеніе мощей епископа ростовскаго св. Леонтія [и Исаіи], бывшее при епископѣ ростовскомъ Іоаннѣ въ 1164 году [23 Мая, въ Прологѣ III. 454—457] [39]; 21) житіе и смерть архіепископа кіевскаго и перваго митрополита московскаго св. Петра, усопшаго въ 1326 г. [21 Декабря, срав. статью въ Торжественникѣ подъ № XVII 873 слѣд.] [40]; 22) житіе и смерть архіепископа и митрополита русскаго св. Алексѣя, усопшаго въ 1378 года [12 Февраля, въ Прол. XV. 768—771]; 23) обрѣтеніе мощей того же митрополита Алексѣя [20 Мая въ Прологѣ III. 432—434] [41]; 24) житіе митрополита московскаго св. Іоны, усопшаго въ 1461 году [30 Марта, въ Прол. III. 169—170] [42]; 25) житіе архіепископа и чудотворца новгородскаго блаженнаго Евѳимія II, усопшаго въ 1458 году [11 Марта, тоже въ Прол. III. 53—55]; 26) житіе и смерть епископа и чудотворца тверскаго преп. Арсенія, усопшаго въ 1409 году [2 Марта, тоже въ Прол. III. 9—11] [43].

Dddd) Житія монаховъ, мучениковъ и чудотворцевъ русскихъ [44], именно, кіевскихъ, напримѣръ: 27) мученіе Варяга и сына его Іоанна, убіенныхъ за исповѣданіе вѣры христіанской въ 980 году [12 Іюля]; 28) житіе и смерть св. Антонія иноконачальника русскаго и основателя печерскаго монастыря [въ Прологѣ III. 362—364, 7 Мая, а въ Прологѣ XIV. 662—665, 10 Іюля]; 29) житіе св. Ѳеодосія, перваго послѣ Антонія игумена печерскаго, усопшаго въ 1074 году [3 мая, въ Прологѣ III. 341—344 и въ Прологѣ XIV. 343—347] [45]; 30) житіе преподобнаго монаха печерскаго Прохора, жившаго во время князя Святополка [10 Февраля, въ Прологѣ XV. 757—763 и въ Патерикѣ кіевопечерскомъ по львовскому списку 385—398]; 31) житіе и мученіе преподобнаго Мойсея Угрина, пострадавшаго во времена короля Болеслава I [992—1025] и сдѣлавшагося послѣ кіевопечерскимъ монахомъ [26 Іюля, въ Прологѣ XIV. 750—759 и въ Патерикѣ львовскомъ 368—384]; 32) житіе и смерть преподобнаго Марка печерника, монаха временъ св. Ѳеодосія [29 Декабря, въ Прологѣ XV. 561—568 и въ Патерикѣ львовскомъ 398—412]; 33) житіе преподобнаго Никона Сухаго, многострадальнаго кіевскаго инока того же времени [11 Декабря, въ Прологѣ XV. 465—568 и Патерикѣ львовскомъ 285—291]; 34) житіе преподобнаго отца Исакія Торопчанина, инока кіевскаго монастыря около 1050 года [27 Апрѣля, въ Прологѣ XIV. 311—318 и Патерикѣ 468—480]; 35) житіе преподобнаго врача Агапита, одного изъ лучшихъ подвижниковъ кіевскаго монастыря [1 Іюня, въ Прологѣ XIV. 452—459 и въ Патерикѣ 335—348]; 36) житіе преподобнаго постника Христова Евстрата, тоже одного изъ лучшихъ угодниковъ кіевскаго монастыря

[28 Марта, въ Прологѣ XIV. 160—163 и въ Патерикѣ 280—285]; 37) житіе преподобнаго кіевскаго монаха Іоанна, нарицаемаго затворникомъ [18 Іюля, въ Прологѣ XIV. 710—715 и въ Патерикѣ 359—368]; 38) житіе преподобнаго кіевскаго монаха Олимпія, подвизавшагося при игуменѣ Никонѣ 1074—1088 года [17 Августа, въ Прологѣ XIV. 871—880 и въ Патерикѣ 435—455]; 39) житіе преподобныхъ отцевъ Іереміи, Матоея и Даміана пресвитера около 1075 года [5 Октября, въ Прологѣ XV. 153—156]; 40) житіе и страсть преподобнаго мученика херсонскаго Евстрата, убіеннаго 1110 года [14 Февраля, въ Прологѣ XV. 781—783]; 41) житіе преподобныхъ иноковъ кіевскаго монастыря, отца Спиридона и Никодима около 1139 года [31 Октября, въ Прологѣ XV. 284—285 и въ Патерикѣ 435—455]; 42) житіе кіевскаго инока Еразма, жившаго около 1150 года [24 Февраля, въ Прологѣ 820—821 и въ Патерикѣ 311—315]; 43) мученіе св. кіевскихъ иноковъ Василія и Өеодора [11 Августа, въ Прологѣ XIV. 834—846 и въ Патерикѣ львовскомъ 412—435]; 44) житіе и преставленіе преподобнаго Авраама смоленскаго, усопшаго въ 1221 году [20 Августа, въ Прологѣ XIV. 888—896] [46]); 45) житіе преподобнаго отца Варлаама, инока хутынскаго монастыря въ Новгородѣ [5 Ноября, въ Прологѣ XV. 302—303] [47]); 46) житіе уроженца града Устюга св. Прокопія юродиваго, усопшаго тамъ же 8 Іюля, въ Прологѣ III. 641—643]; 47) житіе преподобнаго инока туровскаго Мартина, подвизавшагося во время св. Григорія [27 Іюля, въ Прологѣ III. 587—588]; 48) житіе св. Сергія радонежскаго, усопшаго въ 1392 году [25 Ноября, въ Прологѣ XV. 97—101] [48]); 49) житіе св. новаго чудотворца Кирилла, усопшаго въ Бѣломъ Озерѣ въ 1427 году [9 Іюня, въ Прологѣ III. 527—529]; 50) преставленіе св. Исидора „Твердислова“, усопшаго въ Ростовѣ въ 1474 году [14 Мая, въ Прологѣ III. 401—404]; 51) житіе преподобнаго игумена боровскаго Пафнутія, усопшаго въ 1477 году [1 Мая, въ Прологѣ III. 329—333] [49]); 52) житіе преподобныхъ Зосима и Савватія, игуменовъ соловецкаго монастыря около 1477 года [17 Апрѣля, въ Прологѣ III. 255—260]; 53) житіе и чудеса преподобнаго отца Евфросина, усопшаго въ Псковѣ въ 1481 году [15 Мая, въ Прологѣ III. 406—410]; 54) житіе и чудеса переяславскаго новаго чудотворца Никиты, списанное въ 1564 году [22 Мая, въ Прологѣ III. 447—451]; 55) житіе новаго чудотворца обонѣжской области преподобнаго Александра свирскаго, усопшаго въ 1533 году [30 Августа, въ Прологѣ III. 867—872].

Ddddd) Сказанія о важнѣйшихъ праздентствахъ и событіяхъ, относящихся къ исторіи русской церкви [50]), именно: 56) предвѣщаніе о крещеніи русской земли, приписываемое св. апостолу Андрею и заимствованное изъ Нестороваго Временника [30 Ноября, въ Прологѣ XV. 413, 415—416]; 57) освященіе церкви св. Софіи въ Кіевѣ, бывшее около 1337 года [4 Ноября, въ Прологѣ XV. 299—301]; 58) освященіе церкви святаго Георгія въ Кіевѣ, совершенное около 1040 года [20 Ноября, въ Прологѣ XV. 400—401]; 59) сказаніе о чудѣ св. кіевопечерской Богородицы, то есть повѣсть объ усугубленіи непра-

ведно утаенныхъ гривенъ серебра и злата, за которыя при игуменѣ печерскомъ Іоаннѣ создана была въ Кіевѣ церковь св. Іоанна Предтечи [24 Марта, въ Прологѣ XIV. 140—143 и въ Патерикѣ львовскомъ 37—40]; 60) слово объ установленіи праздника милостивому Спасу, послѣдовавшемъ около 1167 года [1 Августа, въ Прологѣ III. 737—740 и въ Прологѣ XII. 317 слѣд.]; 61) повѣсть о перенесеніи пресвятой владимірской Богородицы въ Москву, и о побѣжденіи Темиръ-Аксака, бывшемъ при великомъ князѣ Василіи Дмитріевичѣ 1395 года [26 Августа, въ Прологѣ III. 847—850 и въ Прологѣ XII. л. 187 слѣд.] [51]); 62) иная повѣсть о знаменіяхъ пресвятой Богородицы чирской, просіявшей чудесами съ 1420 года [16 Іюля, въ Прологѣ III. 664—666] [52]); 63) сказаніе о знаменіи пресвятой Богородицы устюжской, бывшемъ 1579 года [8 Іюля, въ Прологѣ III. 641—643]; 64) слово о чудѣ св. пророка Иліи, бывшемъ въ Нижнемъ Новгородѣ, въ 1418 году [26 Августа, въ Прологѣ XII. л. 142 слѣд.]; 65) чудо св. Николая съ младенцемъ, утонувшимъ въ Днѣпрѣ 1092 года и опять ожившимъ помощію Святителя [въ Прологѣ 1. F. 15. стран. 681—685].

Е) Житія литовскихъ святыхъ, изъ которыхъ, однако, извѣстно намъ по львовскимъ спискамъ всего лишь 66) мученіе пострадавшихъ за вѣру христіанскую литовцевъ: Антонія, Іоанна и Евстратія [53]), и перенесеніе мощей ихъ, послѣдовавшее во времена патріарха Филоѳея 1374 года [19 Декабря] [54]).

Изъ настоящаго перечня біографическихъ статей выходитъ, что въ составъ славяно-русскихъ прологовъ и сборниковъ, то есть въ составъ извѣстныхъ мнѣ львовскихъ [и галицкихъ] списковъ этого разряда, включаемы были, кромѣ немногихъ, указанныхъ здѣсь славянскихъ жизнеописаній [55]), жизнеописанія только лишь русскихъ святыхъ. Но ежели нѣкоторые изъ славянскихъ и русскихъ статей попадались намъ почти во всѣхъ львовскихъ и галицкихъ [впрочемъ, и въ иныхъ, извѣстныхъ мнѣ по описаніямъ] прологахъ, сборникахъ и минеяхъ, то жизнеописанія другихъ святыхъ славянскихъ встрѣчались намъ, наоборотъ, лишь изрѣдка, и были разсказываемы уже далеко не съ такимъ сочувствіемъ къ предмету повѣствованія, какъ первыя. Это значитъ другими словами, что являвшіеся съ теченіемъ времени славянскіе и русскіе святые различаемы были, какъ извѣстные по всему славянскому міру сподвижники христіанской вѣры, съ другой стороны, какъ низшіе по степени представители святости, которые не столько отличались меньшею набожностію жизни, сколько случайно обращались въ болѣе ограниченномъ кругѣ дѣйствій, вслѣдствіе чего слава ихъ богоугодныхъ подвиговъ могла упрочиться не дальше, какъ только въ границахъ родимаго околья. Мы приходимъ затѣмъ къ убѣжденію, что мѣрою большей извѣстности въ народѣ были не одни только постническіе подвиги святаго, что въ глазахъ церкви и народа несравненно большими пользовались почестями и достоинствами тѣ немногіе представители славянскаго племени, которые съ трудными обязанностями строго христіанскаго призванія умѣли соединить

высшія чрезвычайныя качества ума и сердца и неутомимую ревность ко всему тому, что могло принести нравственную и общественную пользу новообращенному ихъ стаду. Да, мы пришли къ убѣжденію, что не уединенные жители пустынь, не отказавшіеся отъ міра молчальники и затворники, пользовались въ народѣ уваженіемъ, но въ глазахъ церкви и народа пріобрѣтали несравненно большую признательность тѣ первозванные просвѣтители и благодѣтели славянскаго племени, которые умѣли настойчивѣе другихъ бороться за утвержденіе христіанскаго порядка вещей между нами и за учрежденіе тѣхъ церковныхъ и общественныхъ институцій, которыя имѣли такое важное и благодѣтельное вліяніе на нашихъ предковъ. Къ разряду высшихъ представителей святости и благочестія принадлежали, скажемъ въ заключеніе, только тѣ русскіе, болгарскіе, сербскіе и чешскіе сподвижники христіанской вѣры, которые, къ озаряющему главы ихъ небесному сіянію, умѣли присоединить еще и тѣ вѣчно блестящіе лучи свѣта, которыми также и исторія просвѣщенія окружаетъ имена ихъ донынѣ...

Но намъ возразятъ, что въ Прологахъ львовскихъ встрѣчаются весьма нерѣдко жизнеописанія такихъ святыхъ, которые едвали могутъ быть поставлены наравнѣ съ такъ называемыми первосвятителями христіанской церкви; что въ прологахъ и сборникахъ львовскихъ упоминаются спеціально святые угодники кіевопечерскаго монастыря гораздо чаще, нежели угодники сѣверо-восточныхъ обителей, нежели даже и болѣе заслуженные сподвижники русскаго сѣверо-востока, и что затѣмъ высказанныя въ предыдущемъ положенія не вездѣ согласны съ фактическимъ состояніемъ поставленнаго здѣсь историко-литературнаго вопроса. Мы думаемъ, однако, что это предпочтеніе кіево-печерскихъ святыхъ, встрѣчаемое въ прологахъ и сборникахъ львовскихъ [и вообще галицкихъ], представляетъ только весьма условное отклоненіе отъ общаго правила, и что оно не можетъ ослаблять тѣхъ соображеній, которыя высказаны нами въ статьѣ предыдущей. Мы желаемъ выразить этимъ, что такъ называемые кіевопечерскіе святые были не столько знаменитѣе [по крайней мѣрѣ, въ большомъ числѣ извѣстныхъ намъ случаевъ не знаменитѣе] сѣверно-русскихъ святыхъ, сколько по самой уже топографической близости кіевопечерской Лавры и по легкой ихъ доступности, должны были все-таки пользоваться гораздо обширнѣйшею извѣстностію въ земляхъ югозападныхъ, нежели, напримѣръ, угодники новгородскіе, радонежскіе, владиміро-клязьменскіе, бѣлоозерскіе и прочіе, поименованные въ статьѣ Dddd) святые отдаленныхъ сѣверно-русскихъ обителей. Преподобные угодники кіевопечерскаго монастыря входили затѣмъ, по нашему мнѣнію, въ составъ львовскихъ и галицкихъ прологовъ, сборниковъ и миней не столько въ качествѣ болѣе знаменитыхъ сподвижниковъ вѣры, но какъ хорошіе, испытанные въ безчисленныхъ обстоятельствахъ друзья и знакомые, къ которымъ югозападные члены русской семьи привыкли относиться лично [56]) и съ большею довѣрчивостію, чѣмъ къ другимъ святымъ угодникамъ,—предъ которыми они съ давнихъ поръ привыкли жаловаться

на свои бѣдствія, страданія и немощи, жаловаться также на свои нравственныя недоумѣнія и на все то, отъ чего тревожилось сердце и колебался умъ человѣка... Однимъ словомъ, преподобные покойники кіевопечерскаго монастыря имѣли для юго-западныхъ членовъ русской семьи значеніе чего-то *родного*, и жизнеописанія ихъ являлись въ прологахъ львовскихъ и галицкихъ, точнѣе—западно-русскихъ, какъ свидѣтельства того особеннаго [областнаго] усердія и благоговѣнія, которое благодарные жители русскаго юго-запада питали къ нимъ постоянно, и притомъ не только за самые ихъ святительскіе подвиги, но всего больше за тѣ изобильныя струи божьей благодати, которыя чрезъ посредство святыхъ кіевопечерскихъ заступниковъ народа изливались на предковъ нашихъ едва-ли не ежедневно...

При обзорѣ славяно-русской біографической литературы, нельзя было не замѣтить и того обстоятельства, что къ жизнеописаніямъ указанныхъ здѣсь славянскихъ и русскихъ святыхъ прилагались въ видѣ небольшихъ послѣсловій [эпилоговъ], а нерѣдко также и въ видѣ самостоятельныхъ [отдѣльныхъ] статей—такъ называемыя похвалы или точнѣе—похвальныя рѣчи. Другими словами, это значитъ, что въ тѣсной связи съ произведеніями русской біографической литературы стали появляться со временемъ какіе-то особенные оттѣнки риторическаго [точнѣе—панегиристическаго] искусства [57]); такимъ образомъ, извѣстныя уже по жизнеописаніямъ подробности духовнаго эпоса должны были выставляться еще разъ предъ глазами читателя или слушателя, но уже въ словахъ возвышенныхъ и стройныхъ, не имѣющихъ ничего общаго съ обыденнымъ способомъ выраженія. Являвшіяся со временемъ похвальныя рѣчи, очевидно, имѣли значеніе риторическихъ дополненій къ предмету, [точнѣе—значеніе риторическихъ орнаментовъ], которыя сообщали простымъ, безъискуственнымъ чертамъ духовнаго повѣствованія [58]) какое-то изысканное и краснорѣчивое изображеніе, увеличивали въ глазахъ народа тѣ стороны благочестивой жизни, которыя всего ближе отвѣчали религіозному убѣжденію самого же писателя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нравственному настроенію современнаго ему общества. Такъ называемыя похвальныя рѣчи сочинялись, однимъ словомъ, съ той недвусмысленной цѣлью, чтобы, при помощи свойственныхъ одной только риторикѣ пособій выраженія, изобразить, какъ можно нагляднѣе, и возвеличить въ убѣжденіи народа тѣ или другія заслуги добродѣтели святыхъ православныхъ сподвижниковъ вѣры, прежде всего, однако, заслуги и добродѣтели тѣхъ славянскихъ и русскихъ представителей благочестія, которые не усумнились на алтарь высшихъ, духовныхъ интересовъ славянства повергнуть выгоды своего общественнаго положенія и все то, что называется увлекательнымъ блескомъ свѣтскихъ успѣховъ жизни. Но мы должны замѣтить при этомъ, что не всѣ похвальныя рѣчи имѣютъ одинаковое достоинство въ исторіи славяно-русской, духовной литературы. Между извѣстными намъ этого рода статьями есть, напримѣръ, иные, въ самомъ дѣлѣ хорошіе образцы панегирическаго вкуса, въ которыхъ [напримѣръ, въ похвалѣ св. Апостоламъ славян-

скимъ, Кириллу и Меѳодію, или въ такой же похвалѣ „кагану“ Владиміру Великому, сочиненной митрополитомъ русскимъ Иларіономъ въ 1051 году] чувства благоговѣнія къ святому высказываются съ особенною искренностію и съ правдивымъ для его заслугъ и подвиговъ одушевленіемъ;—есть, съ другой стороны, такіе примѣры похвальныхъ рѣчей, въ которыхъ одушевленіе писателя не искренно, а риторическія краски не подлинны, но заимствованы изъ византійскихъ источниковъ. Намъ извѣстны, однако, во вторыхъ, и такіе новѣйшіе [XVI—XVII в.] примѣры, въ которыхъ пособія риторическаго выраженія заимствованы не изъ византійскихъ, но всего чаще изъ тогдашнихъ польскихъ произведеній, и въ которыхъ вслѣдствіе того, вмѣстѣ съ выписками изъ библейскихъ книгъ, попадаются весьма нерѣдкія миѳологическія фигуры, нерѣдкія цитаты изъ греческихъ и римскихъ писателей и всѣ прочіе свойственные тогдашней польской [золотой!!] литературѣ пріемы и средства такъ называемаго ново или псевдо-классическаго вкуса. Мы приходимъ затѣмъ къ заключенію, что въ большомъ числѣ доступныхъ намъ похвальныхъ рѣчей преобладали постоянно одни только чужеземныя вліянія, прежде всего, однако, тѣ своеобразные ново или псевдо-класическіе пріемы и обороты выраженія, которыя чрезъ посредство западно-русскихъ ученыхъ, именно, чрезъ посредство образованныхъ въ краковской [а послѣ и въ кіевской] академіи писателей XVI—XVIII вѣка, пріобрѣтали большее и большее распространеніе. Такъ, съ теченіемъ времени дошло до того, что и многія древнѣйшія произведенія панегирической литературы стали въ рукописяхъ XVI—XVIII вѣка подвергаться свѣжей передѣлкѣ и, подобно компиляціямъ господствующаго вкуса, снабжаться краснорѣчиво построенными вступленіями и такими же послѣсловіями, а нерѣдко также и другими несообразностями того же псевдоклассическаго направленія. А когда, наконецъ, не стало Максима Грека, не стало Іоанна Вишенскаго и другихъ обличителей этого, во всякомъ случаѣ, несогласнаго съ нашими литературными преданіями направленія, многочисленные отпрыски греко-римской учености стали появляться и въ другихъ богословскихъ, а иногда даже и въ строго догматическихъ произведеніяхъ этого близкаго къ намъ и весьма оживленнаго времени [59]).

Къ числу болѣе замѣчательныхъ явленій славяно-русской литературы, основанныхъ тоже на простыхъ, безъискуственныхъ подробностяхъ духовнаго разсказа, относятся, впрочемъ, также и такъ называемые похвальные каноны, точнѣе—похвальныя пѣсни. Это спеціально всѣ тѣ ирмосы, стихиры, икосы и прочія такого же рода принадлежности славяно-русскихъ миней, трефологіоновъ [и акаѳистниковъ], чрезъ посредство которыхъ отдѣльныя свойства святаго, отдѣльные его подвиги и страданія выдвигались до значенія лирическихъ мотивовъ, и чрезъ посредство которыхъ затѣмъ извѣстныя по жизнеописаніямъ подробности разказа изъ своей чисто повѣствовательной [эпической] почвы переходили постепенно въ сферу церковной, или духовной пѣсни [60]). А такъ какъ обязанностію церкви было каждому новопрославленному святому сочинять свой особый ка-

нонъ, то вслѣдствіе того образовались со временемъ цѣлыя статьи лирическихъ произведеній и прекрасныхъ молитвенныхъ славословій, которыя тѣмъ большее пріобрѣтали значеніе въ исторіи литературы, чѣмъ искреннѣе выражались въ нихъ религіозные порывы души и чувства благоговѣнія къ святому, и чѣмъ замѣчательнѣе были при этомъ поэтическія способности самого же писателя. Но такъ какъ, съ другой стороны, въ большомъ числѣ славяно-русскихъ миней удовлетворялись самыя только насущныя потребности церковной практики [61]), то мы не станемъ удивляться, если также и въ выше упомянутыхъ львовскихъ и галицкихъ спискахъ миней, трефологіоновъ [и акаѳистниковъ] встрѣтились намъ только лишь четыре, собственно славянскія, точнѣе—русскія статьи похвальныхъ каноновъ: похвальный канонъ св. равноапостольному князю Владиміру Великому [62]), тоже похвальный канонъ св. сынамъ его Борису и Глѣбу [63]), похвальный канонъ св. митрополиту русскому Петру [составленный епископомъ ростовскимъ Прохоромъ [† 1327]] [64]) и такой же канонъ св. Сергію Великому [65]). Какъ ни любопытны въ историко-литературномъ отношеніи всѣ четыре, приведенные здѣсь русскіе каноны, но въ отношеніи эстетическомъ мы должны все-таки признать несравненно большее преимущество за такими произведеніями, какъ похвальные каноны великому князю Владиміру и сыновьямъ его Борису и Глѣбу.

Въ числѣ указанныхъ въ статьѣ Ddddd) событій церковныхъ, мы упомянули не безъ причины, между прочимъ, и о чудѣ св. Николая съ младенцемъ, утонувшимъ въ Днѣпрѣ и опять ожившимъ помощію и благодатію Святителя. Не умаляя достоинства, свойственнаго и другимъ, отмѣченнымъ здѣсь же повѣстямъ и жизнеописаніямъ, мы позволяемъ себѣ все-таки о чудѣ этомъ распространиться тѣмъ подробнѣе, чѣмъ любопытнѣе для изученія нѣкоторыхъ народно-психологическихъ сторонъ русской природы содержащіяся въ статьѣ этой свѣдѣнія, и чѣмъ замѣтнѣе выступаютъ изъ приведенныхъ тамъ мыслей нѣкоторыя вполнѣ своеобразныя понятія русскаго человѣка о его мнимыхъ правахъ и его, такъ сказать, непосредственныхъ отношеніяхъ къ почитаемымъ русскою церковью святымъ [66]). Мы даже не знаемъ инаго примѣра, и въ цѣлой нашей литературѣ едва-ли найдемъ сочиненіе гдѣ бы такъ мѣтко нарисованы были нѣкоторыя народно-психологическія черты русскаго человѣка, гдѣ бы столь вѣрно и столь наглядно представлены были его самолюбивые инстинкты, идущіе рядомъ съ безграничною преданностію и довѣріемъ [67]), или свойственныя русской природѣ скептическія начала, идущія рука объ руку съ самою простодушною готовностью жертвовать всѣмъ, какъ это сдѣлано въ этихъ характеристическихъ, какъ бы вылившихся изъ души народной словахъ и мысляхъ, посредствомъ которыхъ неизвѣстный намъ по имени авторъ-психологъ изображаетъ горестную печаль жалѣющаго о потерѣ единственнаго дитяти кіевлянина. Немногія, безъискусственныя слова несчастнаго, осиротѣлаго отца содержатъ самую лучшую характеристику тѣхъ дивныхъ, логически какъ-бы противорѣчивыхъ, а все-таки психологически совмѣст-

ныхъ и вполнѣ своеобразныхъ свойствъ русской природы, въ силу которыхъ мы были въ состояніи и въ самыя трудныя эпохи нашей исторіи не только отстоять себя и остаться живыми, но вмѣстѣ съ тѣмъ и развиваться постепенно и всегда къ высшей, непреодолимой подниматься силѣ..... Не безъинтересны также находящіяся въ той же статьѣ свидѣтельства о любопытствѣ кіевлянъ и о крайней несложности древнерусскихъ формъ обращенія, господствовавшихъ между отдѣльными сословіями тогдашняго общества. Мы позволяемъ себѣ затѣмъ, въ виду свойственныхъ этой статьѣ историко-литературныхъ подробностей, передать ее дословно по выше указанному списку библіотеки Универс. во Львовѣ, вмѣстѣ со всѣми филологическими особенностями нарѣчія, внесенными въ нее писателемъ Пролога, какимъ-то іеромонахомъ полоцкимъ Алексѣемъ, который событіе это описываетъ слѣдующимъ образомъ: „Моужь нѣкый въ градѣ Киевѣ великоу вѣроу имѣ ко свѧтому Николѣ и къ с҃тмоу мч҃нкоу Борисоу и Глѣбоу. И [приспѣвши памѧти с҃тою мч҃нкоу] [68]) влѣзѣ в[ъ] лодѣю и поидѣ к[ъ] Вышегородоу поклонитисѧ гробу с҃тою мч҃нкоу Борисоу и Глѣбоу. И приготови свѣща и темїанъ и просфоуры, ıаже на почесть праздникоу. Тамо поклонивсѧ и веселивсѧ д[оу]ховно [69]), возвратисѧ во свои радоуıасѧ. Еще емоу пловоущоу по рѣце, по Днѣпроу, жена же его држаща детищь на роуцѣ, въздрѣмавшисѧ, испоусти дѣтищь во водоу, и оутопе. Отець же нача терзати власы главы своѧ г[лаго]лѧ: Оувы мнѣ, с҃тый Николае! Сего ли ради вѣроу великоу имѣхъ к[ъ] тобѣ, еже не съблюде[ши] моего чада от оутоплѣнїıа? Кто наслѣдникъ боуде моемоу скровищю, кто начнеть памѧть творити тобѣ, свѣтлоу моемоу застоупникоу? Комоу повѣмъ милость твою великоую, еже изліа[лъ еси] на в[е]сь миръ и мене оубогаго? Еже оутопе чадо мое, хотѣхъ его въспитати в[ъ] наказанїи оглашающи твоими чюдотворенїи, дабых и по с҃мрти хвалилсѧ, [чьто] он[ъ] же мой плод[ъ] памѧть творить с҃тго Николы. Но, воистинноу, свѧтче, не мнѣ еси досадилъ, но и собѣ; оуже бо борздо [sic!] престанеть памѧть твоѧ в[ъ] домоу моемъ; азь[бо] старъ [есьмь] и скончанїıа ожидаю. Аще бы еси хотѣлъ избавити, избавилъ бы еси, но [ты] самъ еси сътворилъ потопленїе, еже еси не изıалъ изъ воды моего единороднаго чада. Ци мниши мѧ невѣдающа твоих чюдесъ? Кто избави трен [sic!] моужь от[ъ] с҃мрти? Кто избави Агрикова сына от Срачинъ, и [кто сътвори] ина бесчислѣна чюдеса, их[ъ] же ıазыкъ ч҃лческь не можеть изрещи? Но, отче свѧтый, вижь, вѣроую, [ıако] всѧ тобѣ возможна, ıакоже хощеши. Но моѧ безаконїѧ превозмогоша н[ы]нѣ... Аще быхъ съхранилъ заповед[ь] Божїю непорочно, то всѧ бы ми тварь покориласѧ, аки Адамоу преже преступленїıа, иже въ раи. Нынѣ же всѧ тварь на мѧ въстаеть: вода топить, и зверь растерзаеть, и змїй пожираеть, [и] молонїıа [вм. млънииа] палить, и птици растерзають, [и] скоть, расвѣрепевсѧ, попираеть чел[овѣ]кы и оумерьшвлѧеть... Но, свѧтый отче Николае, не прогнѣвайсѧ, [ıако] толь много дерзноух[ъ] рещи; не отчаю бо сѧ твоего спасенїа; тебѣ [вм. тебе] во помощника [себѣ] имѣю!... Жена же его, терзающи

своя власы, біяшеся по ланитома... И внидоша в[ъ] домъ свой, скорбяще... Приближьшии [же] ся нощи, ск[о]рый на послоушаніе всѣмъ призывающимъ[ъ] святаго Николоу—архіерей Христовъ оудиви [sic!] чюдо, егоже въ прежнихъ родѣхъ не бысть: дитя оутопшее из реки принесе нощію, и положи е на полатехъ святыя Софія живо и неповреждено. Приспѣвшие[й] же оутреней молитвѣ, понамарюже въ црковь вшедшю, и услыша глас[ъ] детища на полатѣхъ и стояше, размышляя на долгъ час[ъ]. И иде к полатникоу, и нача с[ъ] нимъ коритися. И рече полатникъ: и не вѣмъ, что гл[агола]ти! И рече понамарь: се явѣ обличенъ еси, дѣти вопіють на полатех[ъ]! Полатникъ же оубоявся и, вземъ свѣщю, иде к[ъ] замкоу, и виде его нероушена, и глас[ъ] дѣтинъ слыша. И вшедша в[ъ] полатоу, и видѣша дитя лежаще мокро пред[ъ] образомъ святого Николы. И не оумеюще, чего домыслитися, и повѣдаша митрополитоу [виденное]. Митрополит[ъ] же, отправя оутренюю, и посла проповедника въ сборъ [оувѣдати] по торгоу, чіе дитя лежит на полатех[ъ] стыя Софѣя. И стекошася вси гражане, чюдяще ся, откоудоу обрѣтеся детище на полатех[ъ] мокро? И пріиде отець детища чюдоу дивитися, и видѣвъ, позна его, и иде к[ъ] женѣ своей, и сказа ей все по рядоу. Она же немедлюще рече: чемоу не разоумѣеши святаго Николы чюдотворенія, якоже иногда сътвори? [И] текши скоро, позна чадо свое и, не брѣгоуще дѣтища, припаде ко образоу святаго Николы и словесы жалостными глаголаше... Слышавшіи же вси людие течахоу видѣти чюдо сіе... Митрополитъ же сътвори праздникъ честенъ, акы на память стаго Николы, славяще святоую тройцю, отца и сына и святаго доуха".

Приведенное въ статьѣ Dd) подъ ч. 18) житіе Петра и Февроніи замѣчательно тѣмъ, что въ повѣсти этой выставлены живыми красками тихія, но свѣтлыя добродѣтели древне-русской женщины: ея чистая и трогательная любовь къ своему супругу, ея искренняя преданность и точность въ исполненіи супружескихъ обязанностей вмѣстѣ съ жертволюбіемъ, не убоявшимся ни ненависти бояръ, ни слѣдующаго затѣмъ изгнанія, наконецъ, глубина ея благочестивыхъ чувствъ, которыми она была исполнена до послѣдняго мгновенія жизни.

Отмѣченное въ статьѣ B) подъ ч. 8) житіе св. Георгія, новаго болгарскаго чудотворца временъ султана Селима I, есть сочиненіе собственно русское, составленное въ 1539 году сотрудникомъ Макаріевскихъ миней, постригшимся въ монахи бояриномъ, Михаиломъ Тучковымъ.

V. Изъ вышесказаннаго видно, что въ памятникахъ древне-русской литературы на первомъ планѣ всегда поставлялись извѣстныя религіозно-нравственныя начала, пріобрѣтавшія себѣ первенствующую роль въ силу образованія, совершаемаго подъ непосредственнымъ вліяніемъ Церкви и духовенства. Но вслѣдствіе этого перевѣса религіозно-нравственныхъ началъ образованія, вслѣдствіе этого строго-церковнаго направленія, все

сильнѣе и сильнѣе проникавшаго со временъ введенія христіанства на Руси во всѣ слои тогдашней русской литературы, вмѣстѣ съ тѣмъ должны были устраняться изъ нея и тѣ живыя, плодоносныя преданія изустнаго творчества, которыя выработались въ продолженіе незапамятныхъ вѣковъ и, какъ унаслѣдованное отъ прадѣдовъ достояніе, въ широкихъ кругахъ русскаго общества, пока еще хранились съ особеннымъ упрямствомъ. Со временъ введенія христіанства на Руси должны были отходить на задній планъ и вслѣдствіе новыхъ, такъ сказать, чужеземныхъ [семитическихъ] вліяній образованія—исчезать изъ древне-русской письменности наши собственныя [индо-европейскія] воззрѣнія на міръ и природу; должны были умолкать постепенно живыя, сладкозвучныя струны нашей миѳической старины, находившія себѣ въ поэтическихъ инстинктахъ русскаго народа такой богатый и неизсякаемый источникъ гармоніи. Народно-поэтическія преданія русскихъ славянъ не только не могли быть пріятны тѣмъ, которые стояли во главѣ христіанской церкви на Руси, но они должны были, наоборотъ, какъ противные христіанству остатки „безбожнаго" язычества, предаваться безпощадному забвенію. Они преслѣдовались даже въ видѣ народныхъ игръ и обычаевъ, а строгія правила русскихъ епископовъ и увѣщанія русскихъ соборовъ служатъ явнымъ и недвусмысленнымъ доказательствомъ этого факта.

Но въ томъ-то и состояла жизненная сила поэтическихъ преданій русскаго народа, что, вопреки неблагопріятнымъ столкновеніямъ съ высшею религіею, они все-таки сохранились въ устахъ народа понынѣ, сохранились въ безчисленныхъ пѣсняхъ, сказкахъ и былинахъ, провожающихъ насъ чрезъ всѣ эпохи нашей жизни и лелѣющихъ слухъ нашъ отъ колыбели до гроба. Пропитанный своими незапамятными преданіями, народъ не могъ такъ легко разстаться съ ними, не могъ отказаться отъ дорогихъ его сердцу звуковъ и унаслѣдованныхъ отъ древности напѣвовъ, а съ другой стороны, не смѣлъ рѣзко выступить въ оппозиціи и съ предписаніями христіанской вѣры, съ тѣми религіозно-нравственными началами благочестивой жизни, которыя представлялись ему въ видѣ неприкосновенныхъ истинъ божественнаго откровенія и освящены были кровію Христа Спасителя. Таинственная миѳическая старина русскаго народа должна была затѣмъ искать себѣ примиренія съ предписаніями новой религіи, поставленными во главѣ самыхъ важныхъ задачъ и обязанностей человѣческаго призванія, и находила примиреніе это въ духовныхъ повѣствованіяхъ и, такъ называемыхъ, духовныхъ, или старческихъ пѣсняхъ, которыя по своему содержанію относятся къ сферѣ письменной, а по своему духу и составу къ сферѣ чисто народной, изустной литературы. Духовныя повѣствованія, точнѣе жизнеописанія святыхъ и разныя библейскія преданія, перемѣшанныя съ подробностями народнаго разсказа, и состоящія изъ такихъ же элементовъ духовныя или старческія пѣсни были затѣмъ произведеніемъ вполнѣ самостоятельнымъ въ русской изустной словесности и являлись въ ней, по словамъ Аѳанасьева, „необходимымъ результатомъ на-

роднаго стремленія согласить преданія предковъ съ тѣми священными сказаніями [70]), какія водворены были христіанствомъ". Народныя духовныя пѣсни и повѣствованія были, такъ сказать, звеномъ, связующимъ священные предметы христіанскаго вѣроученія съ незапамятными преданіями русской миѳологической старины, а въ равной мѣрѣ также и съ новѣйшими, настоящими возбужденіями народнаго творчества—неистощимаго и разнообразнаго, какъ производящая ихъ народная фантазія..... А нѣкоторыя изъ этихъ самобытныхъ, чисто народныхъ произведеній апокрифическаго содержанія уже въ устахъ народа до такой степени подчинились пріемамъ письменнаго изложенія, что иныя изъ нихъ [укажемъ здѣсь, между прочимъ, лишь на житіе князя Петра и супруги его Февроніи] принимаемы были цѣликомъ въ сборники, чрезъ посредство которыхъ они, въ видѣ статей строго церковнаго происхожденія, изъ своей чисто народной почвы переходили постепенно въ сферу искусственной литературы [71]).

Это самое стремленіе существовало одинаково и въ другихъ христіанскихъ земляхъ, и въ первые уже вѣка христіанства являлись у грамотныхъ народовъ Европы произведенія литературы, удовлетворявшія тоже требованіямъ народной фантазіи на счетъ строго каноническихъ предписаній религіи. Подъ личиною благочестивыхъ формъ распространялись затѣмъ въ предѣлахъ русскихъ нерѣдко также и такія произведенія свободнаго вымысла [72]), которыя слагались первоначально обществами не славянскими, но которыя все таки, по своимъ внутреннимъ свойствамъ, не только не шли въ разрѣзъ съ нашими собственными преданіями и суевѣріями, но, напротивъ, въ формѣ готовыхъ литературныхъ памятниковъ, предлагали грамотному человѣку то, что простые слои русскаго народа создавали себѣ самобытно путемъ своихъ духовныхъ пѣсенъ и повѣствованій. Принесенные къ намъ изъ-за границы, апокрифы содержали вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшеніе такихъ сомнѣній космогоніи и метафизики, на которыя въ тогдашнихъ „дозволенныхъ" книгахъ не было отвѣта, и которыя все-таки будили любопытство грамотнаго и неграмотнаго общества на Руси. Многіе апокрифическіе образы отличались, кромѣ того, истинною художественностію и сообщали отреченнымъ книгамъ заграничнаго происхожденія прелесть, дѣлавшую ихъ вдвойнѣ привлекательными для народа. Апокрифическіе плоды заграничной литературы получали затѣмъ совершенное право гражданства на Руси, и многіе изъ нихъ принаровлялись съ такою легкостію къ своеобразнымъ чертамъ русскаго общества, что могли изъ сферы письменной литературы переходить постепенно въ собственность неграмотнаго народа на Руси и такимъ образомъ значительно обогащать запасъ его самобытной апокрифической словесности. Тѣ, которые занимались распространеніемъ заграничныхъ, или искусственныхъ апокрифовъ въ народѣ, должны были даже нарочно сообщать имъ тѣ или другія черты русской народной жизни, какъ, напримѣръ, показываютъ это нѣкоторыя редакціи „Китовраса" и т. п. произведеній.

Таковы внутреннія и внѣшнія обстоятельства, способствовавшія въ земляхъ русскихъ

развитію и быстрому умноженію памятниковъ отреченной литературы изустной и искусственной.

Изъ тѣхъ же внутреннихъ и внѣшнихъ основаній литературы произошли также и тѣ апокрифы, которые попадались намъ въ рукописяхъ львовскаго разряда, но которые до сихъ поръ не были еще предметомъ особаго изученія. Мы находили здѣсь, во первыхъ, въ сборникѣ свято-онуфріевскаго монастыря подъ № IV [на стран. 1—4] небольшую статью, въ которой содержится весьма любопытное „Слово о сотвореніи неба и земли“ вмѣстѣ съ апокрифическими подробностями о четырехъ углахъ земли, о двѣнадцати воротахъ міра на западѣ и стольких же воротахъ на востокѣ, о двѣнадцати путяхъ солнца и стольких же путяхъ луны и пр. Намъ извѣстны, во вторыхъ, и находятся въ сборникѣ того же свято-онуфріевскаго монастыря во Львовѣ подъ № XVIII [въ первой части] и другія не безъинтересныя статьи апокрифическаго содержанія, въ которыхъ содержатся отвѣты на такіе вопросы, какъ: чсо ради попоусти Богъ діяволоу боротися съ родомъ человѣчьскимъ [на стран. 259 слѣд.][73]; или, како бѣ по плоти Богородица сродница Єлисаветы; или, како предтеча сѫродникъ бысть первой женѣ Іосифа ѡброучника; или, како Марія Клеѡпова бысть сестра свѧтѣй Богородицѣ[74]. Извѣстны, въ третьихъ, и внесены въ тотъ же сборникъ подъ № XVIII, между прочимъ, и такія апокрифическія сказанія и легенды, какъ, напримѣръ: повѣсть о понагіи свѧтыѧ Богородицы: въ этой повѣсти говорится о враждѣ апостоловъ Христовыхъ къ Ѳомѣ и о благодати, оказанной ему пресвятою Богородицею, благодати, состоявшей въ томъ, что пресвятая Богородица подарила ему свою собственную зѣнницу въ знакъ своего съ нимъ на небѣ срѣтенія [на стран. 998—1000]; сказанія Анфилога, царя сарацинскаго, о святой литургіи и обращеніе его къ христіанской вѣрѣ вмѣстѣ съ братомъ его, царемъ Кликанцемъ [993—998]; видѣніе св. Нифонта о смерти, а точнѣе: видѣніе его о судьбахъ души христіанской по ея отлученіи отъ тѣла [1000—1003]; видѣніе того же Нифонта о „роусаліахъ“, въ которыхъ соучаствуютъ дьяволы и своимъ присутствіемъ извращаютъ и ведутъ въ погибель преданный „бѣсовскимъ играмъ“ народъ христіанскій [1003—1006]; повѣсть святаго Аѳанасія о какомъ-то чародѣѣ Меситѣ [384—386]; наконецъ, преніе Апостола Петра съ Симономъ волхвомъ [986—988][75]. Нашлись бы, въ четвертыхъ, и въ нѣкоторыхъ прологахъ львовскихъ какія нибудь запрещенныя церковью жизнеописанія, или такія же запрещенныя церковью мученія святыхъ угодниковъ Божіихъ, но мы не могли судить о нихъ положительно, ибо не успѣли пока еще разобрать прологи львовскаго отдѣла съ тою подробностію и всесторонностію, на основаніи которой можно было бы опредѣлить специально отреченность той или другой легенды. Изъ вышеупомянутыхъ славянскихъ статей принадлежитъ сюда, безспорно, только извѣстное намъ уже житіе князя Петра и Февроніи и находящаяся въ многочисленныхъ копіяхъ повѣсть о предсказаніи крещенія на Руси Апостоломъ Андреемъ.

Отсутствіе большаго числа апокрифическихъ сочиненій въ рукописяхъ львовскаго отдѣла не ослабляетъ, однако, нашего предъидущаго мнѣнія, и мы не станемъ изъ этой очевидной случайности выводить заключеніе, что апокрифы заграничнаго, или искусственнаго происхожденія, были въ земляхъ западно-русскихъ менѣе извѣстны и меньшею пользовались популярностію, чѣмъ, напримѣръ, въ земляхъ сѣверно-русскихъ. Мы не станемъ утверждать этого уже на томъ простомъ основаніи, что въ сборникахъ западно-русской редакціи намъ попадались нерѣдко пространные перечни книгъ истинныхъ и ложныхъ, показывающіе уже самимъ своимъ присутствіемъ въ литературѣ, что осуждаемыя церковью книги были довольно широко распространены также и между грамотнымъ слоемъ западно-русскаго общества. Намъ попадались, впрочемъ, и въ другихъ рукописяхъ галицкихъ, именно, въ рукописяхъ перемышльской библіотеки, о которыхъ говорить будемъ въ статьѣ отдѣльной, на столько любопытные и немалочисленные памятники апокрифическаго содержанія, что отрицать ихъ въ юго-западномъ отдѣлѣ русской письменности было бы дѣломъ неумѣстнымъ и несходнымъ съ историческими основаніями нашего литературнаго развитія. Юго-западные члены русской семьи были, напротивъ, ближе къ источникамъ апокрифической литературы; они были, такъ сказать, непосредственными сосѣдями краевъ, признаваемыхъ разсадниками отреченныхъ сочиненій, и въ умственномъ характерѣ юго-западныхъ частей русскаго народа дѣйствовали постоянно и едвали не съ большею силой тѣ живыя и неизсякаемыя струи народно-поэтической воспріимчивости, которыя не только не препятствовали, но, въ свою очередь, значительно способствовали развитію и постепенному умноженію произведеній такъ называемой отреченной словесности. Апокрифическія наклонности русскаго народа выступали, однимъ словомъ, сильнѣе и живѣе на юго-западѣ, нежели на сѣверо-востокѣ русскихъ предѣловъ, и онѣ имѣютъ и теперь еще столь многіе и прочные отголоски въ народѣ, отзываются въ самыхъ отдаленныхъ углахъ юго-западной Руси съ такою богатою примѣсью литературныхъ, или письменныхъ вліяній, что и онѣ, съ своей стороны, подтверждаютъ то важное для высказанныхъ тутъ предположеній взаимодѣйствіе, которое существовало издревле и существуетъ понынѣ между обѣими видами русской апокрифической литературы изустной и искусственной. Мы имѣли случай присутствовать не разъ и не два при свободныхъ разговорахъ нашихъ галицко-русскихъ горянъ и узнали, къ нашему удивленію, что и теперь еще занимаютъ ихъ вопросы такого рода, какъ, напримѣръ: отѣ коликихъ частей сотворилъ Богъ Адама? Гдѣ обрѣтается Адамъ въ настоящее время? Кто Бога первѣе назвалъ Богомъ на землѣ? Гдѣ, на которомъ мѣстѣ было крещеніе Христово? Какую пользу имѣетъ человѣкъ, почитая дни святыхъ? Въ чемъ именно завидуютъ ангелы человѣку? Какимъ языкомъ будетъ Богъ судить всему міру въ день кончины міра? Что такое громъ и молнія? Какъ и откуда взялся огонь? Отъ чего сотворилъ Богъ солнце, и откуду луна? Какое мастерство древнѣе другихъ? и проч. и проч. А если захотите

узнать, каково мнѣніе нашихъ горянъ о предложенныхъ здѣсь предметахъ народной пытливости, то услышите подробности, которыя находятся почти дословно въ такъ называемыхъ вопросахъ и отвѣтахъ св. отцевъ [76]), извѣстныхъ по одной перемышльской рукописи,—услышите, что Богъ сотворилъ Адама отъ седми частей, то есть: тѣло его отъ земли, кости его отъ камня, очи отъ моря, мудрость отъ ангельской борзости, разумъ отъ облака, а кровь отъ росы и солнца вмѣстѣ; что Адамъ въ настоящее время находится въ четвертомъ небѣ; что Бога первый назвалъ Богомъ на землѣ не кто иной, какъ сатана, когда спрашивалъ Еву, что Богъ позволилъ имъ ѣсть отъ плодовъ рая; что Христосъ крестился въ Іорданѣ, ибо тамъ же каялся и прародитель нашъ Адамъ, омывая грѣхи свои въ водахъ Іордана, а Ева въ рѣкѣ Тигрѣ; что почитать дни святыхъ полезно, такъ какъ святые отмаливаютъ передъ Богомъ грѣхи наши,—ангелы же завидуютъ людямъ въ томъ, что Христосъ Богъ принялъ тѣло человѣка; что Богъ судить будетъ всему міру языкомъ сирійскимъ; что громъ ничто иное, какъ оружіе, которымъ ангелы прогоняютъ діавола, а молніи все равно, что очи ангела Атанаила; что огонь принесенъ на землю архангеломъ Михаиломъ, который вжегъ его отъ зѣницы самого Бога; что солнце произошло отъ слезъ, которыя пролилъ Богъ на землю, когда помыслилъ о будущей смерти сына своего Іисуса Христа и о смерти человѣка; что луна произошла отъ епитрахиля Господня, отъ котораго произошли и ангелы; что самое древнѣйшее мастерство есть шитье и пр. и пр.

Вотъ мотивы, которые заставляютъ насъ думать, что въ предѣлахъ юго-западной Руси были извѣстны едвали не всѣ бывшія тогда въ ходу произведенія апокрифической литературы, встрѣчаемыя, если не въ подлинникѣ, то въ довольно частыхъ перечняхъ и запрещеніяхъ со стороны церковныхъ властей. Вотъ поводы, которые даютъ намъ право предполагать, что къ числу извѣстныхъ въ юго-западной Руси апокрифовъ принадлежали, между прочимъ, и всѣ тѣ ветхо-и ново-завѣтныя статьи и притчи [77]), которыя, напримѣръ, въ сборникѣ свято-онуфріевскаго монастыря подъ № XVIII [на стран. 569—574] приведены въ слѣдующемъ порядкѣ [78]): Адамъ, Єнох[ъ], Ламех[ъ], Завѣт[ъ] патріаршьстїи, Молитва Іѡсифова, Єдад[ъ] и Модад[ъ], Завѣт[ъ] Мѡйсеѡвь, Вознесенїє Мойсеѡво, Ѱалмы Соломоновы, Илїино откровенїє, Исаино видѣнїє, Єздры откръвенїє [79]), Іакова повѣсть [еже Іакова есть нѣкоего евреинина, а не апостола], Петрово откровенїє, Оучительство Климентово, Игнатїево оученїє, Поликарпово оученїє, Єуангелїє от[ъ] Варнавы, Єуангелїє от[ъ] Ѳомы, Мирьстїи Ѱалмы [иаже соут[ь] сїа: Грядите, Крестоу твоемоу въдроужишася, Ангельскы въ спои м[ъ]], Захарїино откровенїє, Паралипомена [что орла ликъ], Іеремїи Вавилонъ[?] [80]), Въпросы Іѡанна Богослова [рекше на горѣ Єлеѡньстѣй], тогоже Іоанна Въпросы къ богородици, Єпистолїа о недели, [Єпистолїа] ѡ древѣ креста, Дѣтство Христово [гдѣ сказано, что отрочатем[ь] Христа продали], Житїє Петрово [гдѣ, между прочимъ, сказано, что и рыбы

по сѫхѫ [соухоу] ходили], Хоженіе богородици по мѫкам[ъ], Ловь Адамов[ъ], [гдѣ, между прочимъ, утверждается, что з҃ царевъ сидѣло въ нем[ь]], Статіа ѡ Служьбѣ тайнъ Христовыхъ [гдѣ увѣряется, что, если опоздаютъ свѧщенници съ жертвоприношеніемъ, то ангели попа кленѫт[ь], рекше врата небеснаѧ затворѧ[ю]тсѧ], Преніе діавола съ Богом[ь], Повѣсть о Макаріи римском[ь] [гдѣ говорится, что три чрънцѣ ходили на въсток[ъ]], Повѣсть о Соломонѣ цари, Басни ѡ Кытоврасѣ [=Кентавросъ], Дванадцатъ [ві҃] Яковличѧ, Глаголемаѧ лѣствица, Пѣсни нѣкыѧ Давидовы, Въпросы Еремиа [т. е. вопросы извѣстнаго болгарскаго попа Іереміи] къ богородици ѡ трѧсавиц[ахъ], тогоже Іереміи Извѣщеніе свѧтыѧ троица и Повѣсть о Господѣ нашем[ь], како въ попы поставлень [бѣ] и пр. Сѫт[ь] же и моученичьскаѧ словеса [т. е. легенды], криво съставленаѧ, яко се: Геѡргіево моученіе, рекше от[ъ] Дадіана царѧ моучен[ъ], и Никитіево моученіе, именоующе его царева сына, еже не тако, и Соупатіево моученіе и Климента Ангирьскаго моученіе и инѣх[ъ] мнозѣх[ъ] писаніа ѿложена и словеса, насѣѧна на соблазнь невѣжам[ъ]. Сѫт[ь] же и номоканонци лживыѧ оу попов[ъ] по молитвеником[ъ][81]), и молитвы лживыѧ, и правила лживыѧ и съборни епистоліи, сирѣч[ь] посланіѧ... и ина мнѡга ѡбрѣтаютсѧ непріатна, или паче съвръшено ѿпадателна.. и друга пакы смѣхом[ь] исплънена, и пакы инаѧ ни сице ни тако, нъ ѡбаче же непріатна". Онѣ обрѣтаются, впрочемъ, прибавимъ мы съ нашей точки зрѣнія, и теперь еще, если не по библіотекамъ монастырскимъ и церковнымъ, то въ рукахъ дьячковъ и грамотныхъ простолюдиновъ, которымъ служатъ орудіемъ таинственныхъ знаній и запасомъ свѣдѣній, доступныхъ лишь немногимъ... Онѣ берегутся и въ широкихъ кругахъ русскаго простонародья, берегутся въ видѣ его безчисленныхъ сказаній и въ видѣ другихъ, извѣстныхъ намъ уже остатковъ русской старины, которые лишь очень медленно подвергаются просвѣтительнымъ лучамъ современной науки, проникающимъ, къ счастью, уже и въ самыя отдаленныя затишья нашего народнаго быта...

Къ числу извѣстныхъ въ юго-западной Руси апокрифовъ мы относимъ, кромѣ того, еще и всѣ тѣ статьи отреченнаго содержанія, которыя находятся въ рукописяхъ соборной перемышльской библіотеки. Мы относимъ сюда въ особенности упомянутые уже въ статьѣ предъидущей Вопросы и отвѣты святыхъ отцевъ [„Пытаніа и ѿповѣди свѧтых[ъ] ѿцевъ"]; относимъ сюда затѣмъ, на основаніи тѣхъ же мотивовъ, и довольно любопытное Слово святыхъ апостолъ о постѣ и молитвѣ; Посланіе царя Константина Великаго къ подвластнымъ ему управителямъ и чинамъ [„Оупоминанѧ и наоука свѧтого веліка́го царѧ Константина ко кроулем[ъ] и паном[ъ] великим[ъ], воеводам[ъ] и врѧдником[ъ] их[ъ] и ко вшелѧким[ъ] соудіам[ъ] землѣ сей"][82]); Притчу о богатыхъ, а немилостивыхъ людяхъ [„Приповѣсть и оупоминанѧ ѿ[ъ] болгарских[ъ] книгь ѡ богатых[ъ], а не милостивых[ъ] людех[ъ]][83]); Слово о должностяхъ жены, или Притчу о царѣ индійскомъ Асферусѣ, про-

гнавшемъ свою первую супругу за ея неповиновеніе къ нему и женившемся во второй разъ на жидовкѣ Естеръ и, наконецъ, Слово о страшномъ судѣ, приписанное пророку Даніилу. Не безъ важныхъ поводовъ мы причисляемъ къ семьѣ извѣстныхъ у насъ апокрифовъ также и, такъ называемое, „Житія вѣчнаго зерцало“ [Живота вѣчнаго зерцало]; въ которомъ содержатся различныя, непризнанныя церковью предположенія о судьбахъ человѣка по смерти, о разнородныхъ ужасахъ послѣдняго дня и о предстоящихъ грѣшникамъ мученіяхъ; мы причисляемъ сюда и другую, но болѣе обширную статью о тѣхъ же предметахъ народной пытливости, извѣстную [84]) подъ заглавіемъ „Пекельная вѣчность“, и не можемъ не выразить убѣжденія, что эти и подобные ужасы загробной жизни, прикрытой завѣсами неизслѣдованной тьмы, служили самой удобнѣйшей темой для различнаго рода апокрифическихъ произведеній. Извѣстные намъ до сихъ поръ экземпляры Исторіи царевича индійскаго Іоасафа и учителя его Варлаама, попадавшіяся намъ по галицкимъ библіотекамъ, заимствованы большею частію изъ печатнаго кутеинскаго изданія [1637 года] и сходны съ нимъ дословно. Лишь къ перемышльскому экземпляру исторіи Варлаама и Іоасафа прибавлена еще и менѣе обыкновенная повѣсть о томъ, какъ св. Василій Великій спасъ человѣка Еладія, записавшаго себя діаволу Фармокію.

Но о статьяхъ этого рода мы будемъ говорить отдѣльно, а теперь, для окончанія настоящаго разсужденія о русской апокрифической литературѣ, точнѣе, объ извѣстныхъ въ юго-западной Руси памятникахъ отреченнаго содержанія, мы позволяемъ себѣ возвратиться еще разъ къ упомянутому уже „видѣнію царя сарацинскаго Анфилога“, какъ къ одной изъ болѣе любопытныхъ легендъ спеціально львовскаго отдѣла [85]). Историко-литературная важность „Анфилогова видѣнія“ основывается прежде всего на художественномъ изяществѣ нѣкоторыхъ свойственныхъ этой статьѣ поэтическихъ образовъ и на близкомъ ихъ сходствѣ съ мотивами, которые заключаются въ посланіи архіепископа ростовскаго Вассіана II († 1515 года), писанномъ къ извѣстному въ дѣяніяхъ русской церкви легату папскому Николаю Шомбергу, прозвищемъ Нѣмчину [86]). Мы не станемъ утверждать положительно, но едвали ошибемся, если въ формѣ предположенія выскажемъ мнѣніе, что преосвященному Вассіану могло быть извѣстно „видѣніе царя Анфилога“, и что, слѣдовательно, эта особенная аналогія мотивовъ, которая встрѣчается въ двухъ противоположныхъ по направленію произведеніяхъ литературы, есть прямое слѣдствіе заимствованія. Поэтическіе образы Анфилоговой легенды могли понравиться преосвященному Вассіану, именно, какъ средство риторическаго искусства, и онъ не усумнился въ числѣ приведенныхъ имъ историко-богословскихъ выводовъ высказать мнѣніе, что въ извѣстныя мгновенія православной литургіи слетаютъ самые ангелы съ небесъ въ церковь, являются цѣлыя толпы свѣтлыхъ ликовъ, чтобы соучаствовать въ безкровномъ жертвоприношеніи и такимъ образомъ увеличивать его божественную святость и его значеніе. Прекрасные образы Анфилоговой легенды выходили затѣмъ постепенно за границы своей собственной сферы,

и получили въ устахъ преосвященнаго Вассіана, по предварительномъ устраненіи апокрифическихъ прибавленій, значеніе *поэтическихъ мотивовъ* [87]), при содѣйствіи которыхъ должно было укрѣпляться въ глазахъ народа убѣжденіе, что православная литургія лучше другихъ литургій, что она есть соединенное служеніе ангеловъ и человѣковъ вмѣстѣ. Мы считаемъ затѣмъ дѣломъ нелишнимъ эти и имъ подобныя черты Анфилогова сказанія, которыя столь важное оказали вліяніе на поэтическую сторону Вассіанова посланія и такимъ образомъ помогли явиться одному изъ лучшихъ произведеній нашей литературы, передать здѣсь дословно въ рукописномъ ихъ видѣ, то есть съ точнѣйшимъ соблюденіемъ всѣхъ филологическихъ и палеографическихъ особенностей текста [88]), который въ сборникѣ свято-онуфріевскаго монастыря подъ № XVIII на страницахъ 993—988 читается такъ: Быс[ть] Анфилог[ь] от[ъ] царьскаго рода.., дръжаще въ та лѣта поганым[ъ] Срацином[ъ] [89]). И поихавшѫ же Анфилогоу къ братоу своемоу въ Іер[оу]салимь град[ъ], и видѣ цръковь. И вънійде же Анфилогь въ с[вѧ]тилище божіе не тъкмо сам[ъ], нѫ и велблоуды велѧше оувести.. велблоуды же падше, измроша вьси. Анфилогь же рече: хощѫ видѣти поганскѫѫ вѣроу и службѫ их[ъ]. И вышед[ъ] на полатоу, начѧ смотрити опасно, идеже съвръшаетсѧ с[вѧ]таѧ слоужба [90]). И видѣ попа, пристоупающа къ с[вѧ]тѣй трапезѣ. И просвѣтисѧ лице его (т. е. лице попа) іако сл[ъ]нце, [а] ризы его іако огнь, [къгда] приступи къ свѧтомоу жрътойникоу. И не показа б[ог]ъ поганомоу просфоуры, нѫ показа ему дѣтищь образь свой. И множество агг[е]ль стоѧще окр[ь]сть съ ороужіем[ь]. И нача попъ заклати дѣтище, и абіе истече кръвь и вода.. По искончаніи же того, егда рече поп[ъ]: благослови владыко въ тъй час[ъ] ста цръковь ледѧна, а олтарь огнень. А егда рече поп[ъ]: прѣс[вѧ]тѫѫ, чистѫѫ—въ тъй час[ъ] пристоупиша множество агг[е]ль, подемше рѫцѣ за вес[ь] мирь хр[и]стіанскый, молѧщесѧ богоу.. Егда же іерей начнет[ь] гла[гола]ти: богъ с[вѧ]тый на с[вѧ]тыхъ почиваѧ—тогда множ[ь]ство агг[е]ль подимоут[ь] апостолъ, [и] рече[ть] Михаиль: вънмѣм[ъ], а Гавріил рече[ть]: миръ вьсѣм[ъ].. И начнет[ь] чъсти [вмѣсто чьсти] попъ еvаггеліе, [и] въ то времѧ т҃ [трисътъ] агг[е]ль възимают[ь] съ похвалоѫ слова та, несѫт[ь] на небо. Тогда гл[аголе]ть поп[ъ]: іако м[и]лостивь чел[овѣ]колюбець богъ еси—тогда вышед[ъ] изь олтарѧ агг[е]ль, носѧ стъклѧницѫ плъноу мира, знаменает[ь] предстоѧщаѧ люди. Егда поп[ъ] начнет[ь] гла[гола]ти: оглашеніи изыйдѣте—тогда агг[е]ли събравше грѣшникы ведоутъ вонь исцр[ъ]кве, а праведникы оставлѣѫт[ь]. Егда же речет[ь] поп[ъ]: іако под[ъ] държавоѫ твоеѫ—тогда исънійдоут[ь] агг[е]ли б[о]жіи, свѣтліи, дръжаще въ рѫках[ъ] орѫжіа огньнаѧ, а дроузіи тъмніи агг[е]ли, обьмѣтающе іерея сѣтми, хотѧще прѣльстити [его]. И не възмогоша дойти дверій ольтарѧ, срѣтают[ь] бо их[ъ] божіи агг[е]ли, имѧще орѫжіа пламеннаа, и отженоут тъмныѧ агг[е]лы проч[ь]. Тогда възнесоутсѧ множество агг[е]ль, поѧще: свѧтъ, свѧтъ, свѧтъ господь—и въземше прѣс[вѧ]таѧ, ставѧт[ь] на свѧтѣй трапезѣ. И гл[аголе]ть поп[ъ]: благословите с[вѧ]тіи аггели. Они же

гл[аго]л[ют[ь]: мнѡга лѣта ч[ь]стный ѻтче, доухъ с[вѧ]тый найдет[ь] на тѧ и сила вышнѧго ѻсѣнит[ь] тѧ. Тогда сънийдет[ь] доухъ свѧтый и ѻпочисть ıако голоуб[ь] на прѣдлежащих[ъ] дарѣх[ъ].. По искончании гл[агол]еть поп[ъ]: миръ всѣм[ъ], и дїаконь: възлюбим[ъ] дроуг[ъ] дроуга. Тогда Христосъ прїидет[ь] и ѡі апостоли и цѣлоужт[ь] с[вѧ]тоуѫ трапезоу и слоужащаѧ.. И глаголеть дїаконь: ѻбразоуѫ с[вѧ]тоу троицѫ, дверѣ дверѣ премѫдростїѫ, станѣ добрѣ, станѣм[ъ] съ страхѡм[ь]. Тогда сънийдеть доухъ свѧтый на їереѧ и покрыет[ь] его. И речеть попъ: вънимѣм[ъ] свѧтое възношенїе—Тогда възметсѧ агнець б[о]жїй, станет[ь] на въздоусѣх[ъ] и сънийдета два хероувими и станета окр[е]сть трапезы. И речеть попь: побѣдноуѫ пѣ[снь] поѫще—възмоутсѧ хероувими закрываѫща лица своѧ ѻт[ъ] неприкосновенныѧ славы [и] поѫще: свѧтъ, свѧтъ, свѧтъ господь. Тогда ѻткрыетсѧ ѿ небесь, и прїидеть сам[ъ] господь съ высоты. И глаголеть поп[ъ]: прїимѣте и ıадите, се есть тѣло мое, ломимое за вы и за мнѡгы. Тогда исплънитсѧ храм[ъ] разоума, и агг[е]ли, расмотрѣвше тайноу, г[лаго]л[ѫ]т[ь]: амин[ь]. Тогда приложитсѧ хлѣбъ до половины. И възглаголеть попь: пийте ѻт[ъ] неѧ, се есть кръвь моѧ новаго завѣта, да вьси исплънѧтсѧ разоума, да разумѣѫт[ь], ıако велика и страшна сила господнѧ.—Тогда агг[е]ли възимаѫт[ь] грѣхы ѻт[ъ] человѣкь [и] ѻгнем[ь] съжигоуѫть.. Єгда речеть дїаконь: главы ваши господеви приклоните, а поп[ъ] глаголеть молитвоу: боже с[вѧ]тый, живый въ вышних[ъ]—тогда изыйде[ть] агг[е]ль изъ ѻлтарѧ [и] начнет[ь] въскладати вѣнца на предстоѧщаѧ люди съ страхѡм[ь] на молитвѣ.. Єкончав[ъ] же поп[ъ] свѧтѫѫ литоургїѫ, принесе емоу (т. е. царю Анфилогу) просфоурроу и рече: възми царю! [И] рече емоу царь: видѣх тѧ ѻкаане, чим[ь] еси слоужил[ъ], ıако дѣтище еси зарѣзал[ъ]. Ѻн же рече: нѣсть, цару, еже ты глаголеши; еже ти есмь принесль, тѣмь есмь слоужил[ъ]. Рече же Анфилогь: азь видѣх[ъ] тѧ, ıако дѣтище зарѣзал[ь] еси. Рече же къ немоу їерей: таковаго чюда никтоже не видѣ, ни с[вѧ]тый ѻтець Василїе, ни Григорїй, еже ты царю видѣл[ъ]. Рече емоу царь: ѻтче, крести мѧ вънь, еже еси емоу слоужил[ъ]. Рече емоу їерей: несмѣѫ царю, нѫ пойдѣва къ патрїархоу. Ѻн[ъ] же иде, патрїарх[ъ] же кр[ь]сти его въ имѧ ѻтца и сына и свѧтаго доуха, и постриже его въ исхымоу. Ѻн[ъ] же рече емоу: ѻтче, чим[ь] спасти д[оу]шоу? Рече патрїарх[ъ]: иди къ братоу своемоу. Ѻн же послоушавь его и, въсѣд[ъ] на ѻсель, и поеха въ срациньскоую землѫ къ братоу своемоу именем[ь] Кликанцоу. Ѻни же не познахоу его, нѫ повѣдахоу цареви Кликанцоу мнѧ, ıако порѫгоу дѣеть. Ѻн[ъ] же сънем[ъ] клобоук[ъ] рече: азь есмь брат[ъ] твой; нѫ, вѣси ли, брате, ıако погыбль еси въ вѣрѣ сей? И рече емоу [Кликанецъ]: кто тѧ прѣлъстил[ъ], брате, какоуѫ ѻдеждѫ имѣеши на себѣ? Ѻн[ъ] же повѣда емоу елико бывшее чюдо. Ѻномоу же вѣровавшоу Христоу, рече емоу: кр[ь]сти мѧ, брате, еже ѻ Христѣ Ісоусѣ господи нашем[ь]. И пойдоша оба, начаста проповѣдати ѻ вѣрѣ и ѻ законѣ, и ѻ бываемѣ чюдѣ Христовѣ. И сего ради [90]) поганїи Срацини въста-

ша на них[ъ] и побиша их[ъ], ненавидѧще закона Христова.. И [сего ради] цари и кнѧзи кланѧютсѧ моцем[ъ] их[ъ], и мы вѣрніи почитаем[ъ] памѧть их[ъ], творѧще волю божію, страждоуще, алчюще и жаждоуще [и] милостинѧ творѧще и дроуг[ъ] съ дроугом[ъ] смѣрѧющисѧ спасеніа ради доуши и пр. и пр.

Хотя въ настоящее время сказаніе царя Анфилога извѣстно лишь немногимъ, но самая мысль о таинственномъ присутствіи ангеловъ въ православной литургіи живетъ еще и теперь въ умахъ и сердцахъ русскаго народа и есть одинъ изъ наиболѣе распространенныхъ мотивовъ истинно христіанской преданности и христіанскаго благоговѣнія...

Таинственное соучастіе божественныхъ ликовъ въ священнодѣйствіяхъ православной литургіи отвѣчаетъ до такой степени народно-поэтическимъ инстинктамъ русской природы, оно напечатлѣлось въ умахъ и сердцахъ русскихъ простолюдиновъ съ такою наглядною ясностію и силою убѣжденія, что собственно массамъ русскаго народа легче было бы переносить гоненіе, подвергаться самымъ жестокимъ послѣдствіямъ церковной брани, нежели отказаться отъ святаго, присутствіемъ самыхъ небесъ освящаемаго православія...

VI. При разсмотрѣніи славяно-русскихъ рукописей во Львовѣ, изученіемъ которыхъ здѣсь занимаемся, я имѣлъ случай познакомиться, между прочимъ, также и съ нѣкоторыми памятниками каноническаго права, именно, съ нѣсколькими списками Кормчей книги, съ обоими сочиненіями Никона Черногорца [т. е. съ его Пандектами и съ его наставленіями для монаховъ, извѣстными также подъ заглавіемъ Чиновной] и, наконецъ, съ однимъ спискомъ Властаревой синтагмы. Такимъ образомъ, въ библіотекахъ львовскихъ [91]) находятся почти всѣ главнѣйшіе виды каноническаго права [92]), всѣ тѣ главнѣйшія орудія церковной дисциплины, чрезъ посредство которыхъ къ своеобразнымъ началамъ тогдашняго русскаго быта должны были прививаться со временемъ новыя, строго христіанскія основанія жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и новыя юридическія формулы, заимствованныя изъ греко-римскаго гражданскаго законодательства. Мы хотимъ сказать этимъ, что такъ называемыя каноническія книги являлись къ намъ вообще, какъ орудіе чужихъ, выработанныхъ другими обществами воззрѣній, которыя едвали могли согласоваться съ нашими собственными, русско-народными представленіями о правѣ [93]), но которыя всетаки, не смотря на всѣ стоявшія имъ на дорогѣ препятствія, успѣли, при настойчивомъ содѣйствіи церковныхъ властей, упрочиться у насъ со временемъ до такой степени [94]), что въ силу ихъ рѣшались, напримѣръ, всѣ семейные и супружескіе споры, рѣшались дальше тяжбы объ опекѣ и наслѣдствѣ и пр.

Дѣло постепенно приняло такой видъ, что, съ усиленіемъ церковныхъ властей на Руси, предписанія византійскаго законодательства стали утверждаться нерѣдко даже на счетъ такихъ русско-народныхъ представленій о правѣ, которыя въ видѣ положительныхъ, уголовныхъ законовъ [95]) содержались въ знаменитой въ свое время Русской Правдѣ [96]), и которыя въ извѣстныхъ, народно-правныхъ обрядахъ нашего простолюдина

отзываются еще и теперь какимъ-то своеобразнымъ, хотя и слабѣющимъ уже очевидно отголоскомъ. Такъ называемыя каноническiя книги получали затѣмъ въ предѣлахъ русскихъ значенiе преобладающихъ, освященныхъ авторитетомъ религiи пособiй церковной юрисдикцiи и заслуживаютъ, скажемъ кстати, вполнѣ того особеннаго вниманiя, съ которымъ изучали ихъ такiе почтенные ученые, какъ сочленъ нашъ Калачовъ и профессоръ московскаго университета, А. Павловъ. А если такъ, то мы, съ нашей стороны, считаемъ дѣломъ нелишнимъ къ основательнымъ выводамъ упомянутыхъ ученыхъ присовокупить тѣ немногiя подробности, которыя попадались намъ въ выше упомянутыхъ львовскихъ [и вообще галицкихъ] спискахъ памятниковъ каноническаго права,—подробности, которыя могутъ быть полезны для пополненiя его исторiи на Руси.

А) Касательно извѣстныхъ мнѣ понынѣ львовскихъ списковъ Кормчей [99]) надобно прежде всего замѣтить, что всѣ они основаны на Номоканонѣ въ XIV титулахъ, появившемся въ предѣлахъ русскихъ уже издавна—съ самыхъ раннихъ поръ водворенiя у насъ христiанства [100]). Но ежели древнѣйшiе славяно-русскiе экземпляры [101]) Номоканона въ XIV титулахъ доведены всего лишь до IV вселенскаго собора включительно, то въ выше упомянутыхъ львовскихъ его апографахъ [102]) находятся уже, напротивъ, и новѣйшiя, Фотiевы [около 879 года] ссылки на правила соборовъ, бывшихъ послѣ IV вселенскаго собора; находятся дальше въ апографахъ этихъ и [буквально сходныя] толкованiя къ правиламъ св. Апостоловъ, Соборовъ и пр., составленныя въ продолженiе XII вѣка дiакономъ и законохранителемъ Алексѣемъ Аристиномъ [103]); находятся, наконецъ, и оба предисловiя и всѣ прочiя статьи и прибавленiя, свойственныя, однако, только позднѣйшимъ, именно только сербскимъ спискамъ Кормчей [104]). Это значитъ, что извѣстные мнѣ львовскiе экземпляры Номоканона принадлежатъ къ разряду тѣхъ славяно-русскихъ копiй, которыя ведутъ свое начало отъ перевода [105]), составленнаго патрiархомъ сербскимъ Саввою [1221—1237 г.] и принесеннаго къ намъ на Русь во время митрополита кiевскаго Кирилла II [1243—1288 г.] [106]), точнѣе, во время знаменитаго владимиро-клязьменскаго собора [1274 года] [107]). Но отсюда не слѣдуетъ, чтобы во всѣхъ четырехъ экземплярахъ Кормчей, находящихся теперь во Львовѣ, содержались дословныя и совсѣмъ однообразныя копiи одного и того же Саввинскаго перевода. Нѣтъ, мы не можемъ утверждать этого по слѣдующимъ причинамъ. Мы замѣтили, во первыхъ, что, напримѣръ, въ спискѣ университетской библiотеки во Львовѣ [108]) правила Апостоловъ, Соборовъ и прочiе приводятся вообще по сокращенному тексту [109]), т. е. въ редакцiи, приписываемой Стефану Ефесскому Κανονικὴ Σύνοψις—тогда какъ въ спискахъ той редакцiи, къ которой принадлежатъ оба свято-онуфрiевскiе и сходный съ ними свято-георгiевскiй экземпляръ во Львовѣ [110]), правила эти излагаются, напротивъ, по полному ихъ составу, иногда даже въ видѣ дословныхъ извлеченiй изъ протоколовъ засѣданiй собора [111]). Мы замѣтили, во вторыхъ, что въ спискѣ университетской библiотеки, въ числѣ другихъ греко-римскихъ,

гражданскихъ статей, приведены, между прочимъ, также и такъ называемыя новыя заповѣди [т. е. новеллы] царя Алексѣя Комнина [112]), тогда какъ въ прочихъ трехъ [львовскихъ] спискахъ Кормчей сообщаются всего лишь нѣкоторыя извѣстныя уже и Іоанну Схоластику извлеченія изъ Юстиніановыхъ новеллъ [113]), а кромѣ того, еще новеллы 3, 77, 132 и 133; сообщаются дальше нѣкоторыя извлеченія изъ Эклоги царя Льва Исаврянина [114]) и, наконецъ, такія же извлеченія изъ Прохирона царя Василія, а именно, титулы 24, 28 и др. Мы замѣтили, въ третьихъ, что въ спискѣ университетской библіотеки въ Львовѣ приведено, между прочимъ, также и письмо деспота болгарскаго Іакова Святослава къ митрополиту Кириллу II, приведены дальше и послѣсловія [115]) переписчиковъ этой [Святославовой] Кормчей [116]), тогда какъ въ прочихъ трехъ львовскихъ и другихъ извѣстныхъ мнѣ галицкихъ спискахъ [117]) Кормчей записокъ этихъ нѣтъ [118]). Мы приходимъ затѣмъ къ заключенію, что въ одномъ только университетскомъ спискѣ Кормчей содержится цѣликомъ достовѣрная копія доставленнаго намъ деспотомъ Святославомъ Саввинскаго перевода, тогда какъ въ спискахъ того разряда, къ которому принадлежатъ оба свято-онуфріевскіе и сходный съ ними свято-георгіевскій, содержатся, наоборотъ, экземпляры компиляціи, образовавшейся тоже не ранѣе временъ митрополита Кирилла II изъ обоихъ предъидущихъ видовъ Кормчей такимъ именно способомъ, что къ составнымъ частямъ первоначальнаго славяно-русскаго Номоканона стали присовокупляться новѣйшія Фотіевы прибавленія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и переведенныя патріархомъ Саввою Аристиновы толкованія. Новообразовавшіеся списки Кормчей различаются, слѣдовательно, отъ первоначальнаго славяно-русскаго перевода присутствіемъ втораго предисловія и другихъ Фотіевыхъ прибавленій, а въ особенности еще присутствіемъ Аристиновыхъ и нѣкоторыхъ Зонаровыхъ толкованій, а отъ списковъ новѣйшаго Саввинскаго перевода—присутствіемъ полныхъ правилъ [120]) и, наконецъ, еще присутствіемъ такъ называемыхъ русскихъ статей, о которыхъ говорить будемъ ниже. Новообразовавшіеся экземпляры Кормчей составляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ такую исключительную собственность только русской канонической письменности, что мы позволяемъ себѣ вмѣстѣ съ г. Павловымъ означать ихъ именемъ русскихъ или также софійскихъ Кормчихъ [121]), въ противоположность спискамъ, заимствованнымъ дословно изъ Саввинскаго перевода и означаемымъ вслѣдствіе того именемъ *сербскихъ*, или также рязанскихъ Кормчихъ [122]). А такъ какъ списки того состава, къ которому принадлежатъ свято-онуфріевскіе, попадаются и въ другихъ библіотекахъ русскихъ гораздо чаще, нежели экземпляры сербскаго перевода, то мы имѣемъ поэтому право высказать здѣсь еще и то для исторіи каноническаго права на Руси весьма важное заключеніе, что списки русской или, такъ называемой, софійской группы были у насъ еще и въ XVI вѣкѣ господствующимъ и самымъ обыкновеннымъ видомъ Номоканона [123]).

Но это самыя лишь главнѣйшія стороны львовскихъ экземпляровъ Номоканона.

Между тѣмъ, въ извѣстныхъ мнѣ львовскихъ [и вообще галицкихъ] спискахъ Кормчей попадаются нерѣдко также и такія разновидности текста, которыя, если и не безусловно замѣчательны сами по себѣ, то все-таки не лишены интереса для тѣхъ, кто занимается подробнымъ изслѣдованіемъ исторіи славяно-русскаго Номоканона. Къ числу такихъ небезъинтересныхъ, историко-юридическихъ особенностей текста относятся прежде всего какія-то *черныя главы*, встрѣчаемыя въ обоихъ доступныхъ мнѣ теперь разрядахъ Кормчей, какъ самое новѣйшее ея прибавленіе. Первоначальный текстъ Номоканона въ XIV титулахъ дополнялся затѣмъ въ львовскихъ спискахъ Кормчей не одними лишь прибавленіями патріарха Фотія [то есть, указаніями на правила соборовъ, бывшихъ послѣ IV вселенскаго собора и пр.], но въ равной мѣрѣ также и довольно частыми ссылками на такъ называемыя *черныя главы*, о происхожденіи которыхъ трудно, однако, сказать пока еще что нибудь положительное. Правда, мнѣ на первыхъ порахъ казалось возможнымъ, что такъ называемыя *черныя главы* имѣютъ значеніе параллельныхъ мѣстъ, извлеченныхъ изъ появившихся въ XI вѣкѣ Пандектовъ Никона Черногорца, извѣстнаго также подъ именемъ Никона отъ „Черныѧ горы“, но я убѣдился вскорѣ, что предположеніе такое было бы не всегда согласно съ слѣдующими историко-литературными фактами. Мы нашли, во первыхъ, что нѣкоторыя изъ упомянутыхъ здѣсь *черныхъ главъ* въ извѣстныхъ мѣстахъ Фотіева Номоканона [напримѣръ, въ титулѣ VI, 2, XIII, 5, 20, 23 и XIV, 2, 3] означены постоянно не иначе, какъ числомъ о҃в [=72], а между тѣмъ, Пандекты Никона Черногорца распредѣлены, какъ знаемъ, всего лишь на 63 каноническія слова, или поученія. Мы нашли, во вторыхъ, что въ первомъ отдѣлѣ Фотіева Номоканона, въ главѣ 29, гдѣ въ числѣ другихъ цитатъ попадалась намъ также и 19 глава черной книги, говорится дословно „О поставленіи сельскых[ъ] епископ[ъ], и когда и како литоргисати им[ъ], и которыѧ им[ъ] подобает[ь] поставлѧти, ких[ъ] же не подобает[ь], а между тѣмъ, въ главѣ 19 Никоновыхъ Пандектовъ идетъ рѣчь о томъ, „ꙗко творѧщему тоуне възможно есть прѣходити кромѣ скръби; и ꙗко егда кто съ оусердиемь сїе проходить, не ѡщꙋщает[ь] таковый скръби; и егда же истынет[ь] оусрьдїе, тъгда ѡщѫщаетсѧ скръби; и о измѣненіи мнѡгих[ъ], послѣдꙋющихъ съмыслꙋ; и о молитвѣ искѫшаемым[ъ]; и о различїи волѧ божїѧ“ и пр. Мы нашли, въ третьихъ, что точно также и въ VII отдѣлѣ Фотіева Номоканона, въ главѣ 3, гдѣ попадалась намъ такая же ссылка на 40 главу черной книги, говорится въ особенности „О дни и о часѣ свѧтаго въскрьсенїа, сирѣчь великодне, и о навечерїи рожьства Христова и свѧтаго богоꙗвленїа“, а въ главѣ 40 Никоновыхъ Пандектовъ разсуждается между тѣмъ о томъ, „ꙗко недостоит[ь] сѫдити їерешм[ъ] или състѧзовати их[ъ]; и ꙗко не подобает[ь] съблажнѧтисѧ о съвръштаемых[ъ] злобы ради свѧщенничѧ; и ꙗко тъжде есть приношенїе, аще и не чисто житие имать приносѧй; и ꙗко лѣпо есть послоушати оучителѧ и свѧщенникы, вънегда оучити имь от[ъ] божьственыхъ писаній, аще и житїе имѫт[ь] зло; и

іако отбѣгати и сѫдити их[ъ] подобаеть, аще о вѣрѣ съгрѣшають священници; и іако не всѣх[ъ] поставлѧеть богъ, въсѣми же дѣйствуеть, за еже спастисѧ людемь; и іако от[ъ] еже прішвидѣти ересѧ, прішвидимъ и бога" и пр. Мы находили, наконецъ, и другія, такого же рода противорѣчія и пришли къ убѣжденію, что цитованныя въ Фотіевомъ Номоканонѣ *черныя главы* едва ли могутъ быть поставлены наравнѣ съ каноническими словами, или Пандектами Никона Черногорца. А ежели такъ, то, въ виду приведенныхъ здѣсь соображеній, кажется намъ едва ли не удобнѣе оставить вопросъ этотъ пока еще неразрѣшеннымъ и предложить его присутствующимъ на съѣздѣ знатокамъ дѣла съ просьбою, чтобы они 1) опредѣлили настоящій источникъ такъ называемыхъ *черныхъ главъ* и 2) изслѣдовали, когда и кѣмъ именно могли быть внесены главы эти въ Фотіевъ Номоканонъ.

Кстати замѣтимъ и то, что въ Кормчихъ сербскаго разряда встрѣчаются иногда правила, а нерѣдко также и толкованія [эти послѣднія встрѣчаются, впрочемъ, и въ Кормчихъ софійскаго состава], которыя не вездѣ согласны съ подлиннымъ Аристиновымъ текстомъ. Это значитъ, что въ Кормчихъ сербскихъ, а въ извѣстномъ смыслѣ также и въ софійскихъ спискахъ Номоканона попадаются нерѣдко довольно значительныя уклоненія отъ подлиннаго греческаго текста, происшедшія большею частію оттого, что славянскій переводчикъ Аристиновыхъ правилъ и толкованій обращался съ ними не всегда съ одинаковою строгостью. Онъ позволялъ себѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ или сокращать ихъ, или переставлять слова греческаго текста, или, наконецъ, расширять нѣкоторыя положенія своего подлинника, но расширять и сокращать ихъ безъ нарушенія собственнаго каноническаго ихъ смысла. Онъ сдѣлалъ это, напримѣръ, въ толкованіи на 42 правило Апостоловъ и передалъ его въ славянскомъ переводѣ [мы цитуемъ по университетскому списку во Львовѣ] слѣдующимъ образомъ: Аще который епископъ или презвитер[ъ], или дьяконъ играеть и глѹмитсѧ и люди глѹмитъ и ѹпиваетсѧ, аще не останетсѧ, тогда извержетсѧ. То же толкованіе на 42 правило Апостоловъ читается, однако, въ подлинномъ текстѣ по Беверегію [124]) такъ: Εἰ πρεσβύτερος, ἢ διάκονος κυβεύων ἢ μεθύων, εἰ μὴ παυσοίτο, καθαιρεῖται πολλῷ πλέον οἱ τῆς μείζονος ἀξίας ἱερατικῆς τετυχηκότες καθαιρεθήσονται, κυβεύοντες ἢ μεθύοντες. Выходитъ затѣмъ, что въ славянскомъ переводѣ пропущено цѣлое второе положеніе отъ словъ: πολλῷ πλέον οἱ τῆς μείζονος ἀξίας ἱερατικῆς τετυχηκότες...., а вмѣсто него поставлены въ началѣ толкованія слова: Аще который епископъ и пр. То же сдѣлано и въ 43 правилѣ Апостоловъ, которое сообщено [скажемъ мимоходомъ] по полному тексту правилъ и въ извѣстномъ намъ университетскомъ спискѣ Кормчей читается вотъ какъ: Іподиаконъ, или пѣвецъ, или чтецъ, или мирскій чловекъ таковаіа и подобнаіа тѣмъ творіа, аще не останетсѧ, тогда отлѹчитсѧ. Подлинный греческій текстъ того правила приведенъ, однако, у Питры [125]) слѣдующимъ образомъ: Ὑποδιάκονος, ἢ ἀγνώστης, ἢ ψάλτης τὰ ὅμοια ποιῶν,

ἢ παυσάσθω, ἢ ἀφοριζέσθω ὡσαύτως καὶ λαϊκός. Выходитъ затѣмъ, что и въ настоящемъ мѣстѣ переставлены славянскимъ переводчикомъ слова: „пѣвецъ“ и „чтецъ“ [—обстоятельство, повторяющееся, впрочемъ, и въ греческомъ спискѣ Мая] [126]); переставлены дальше изъ втораго положенія и перенесены въ первую часть правила слова: ὡσαύτως καὶ λαϊκός —и прибавлены, кромѣ того, слова: таковаꙗ и [подобнаꙗ] тѣмъ, посредствомъ которыхъ укрѣплена значительно логическая связь, соединяющая 43 правило Апостоловъ съ правиломъ Апостоловъ 42. То же самое повторяется и въ толкованіи на правило 9 Никейскаго собора, которое въ извѣстномъ намъ Саввинскомъ переводѣ читается такъ: Аще кто съгрѣшивъ и не исповѣдавъ отцꙋ дꙋховномꙋ таковых[ъ] грѣхов[ъ], возбраняющих[ъ] емꙋ от[ъ] святительства, и ꙋтаився и безъ испытаниꙗ на презвитерскый, или на епископскый санъ возведенъ бꙋдеть, аще же и поставленый, обличенъ бꙋдетъ, ꙗко согрѣши таковый грѣхъ, святительства да останется. Подлинный греческій текстъ этого толкованія гласитъ, напротивъ того, по Беверегію [127]) слѣдующимъ образомъ: Ἐὰν γὰρ ἁμαρτήσας τὶς διέλαθε καὶ ἀνεξετάσας εἰς ἐπισκόπου, ἢ πρεσβυτέρου βαθμὸν προήχθη, ἐὰν μετὰ τὴν χειροτονίαν ἐλέγχοιτο, ὅτι ἥμαρτε, τῆς ἱεροσύνης παυθήσεται. Оказывается затѣмъ и здѣсь, что въ славянскомъ переводѣ разсматриваемаго мѣста прибавлены, во первыхъ, не находящіяся въ греческомъ подлинникѣ слова: и не исповѣдавъ отцꙋ дꙋховномꙋ таковых[ъ] грѣхов[ъ], возбраняющих[ъ] емꙋ от[ъ] святительства, и ꙋтаився; прибавлены послѣ того [въ предпослѣднемъ положеніи] дающія тавтологію выраженія: [и согрѣшивъ] таковый грѣхъ,—а слова греческаго текста: μετὰ τὴν χειροτονίαν—переведены съ помощію дѣепричастія: и поставленый. То же сдѣлано, наконецъ, и въ 17 правилѣ Халкидонскаго собора, которое въ извѣстномъ университетскомъ спискѣ переведено такимъ образомъ: Посреди селъ предѣлъ, или на краинѣ гдѣ, аще л҃ лѣтъ държанъ бысть безъ поминаниꙗ, да дръжится, аще же внꙋтрь л҃ лѣть въспомянется о немъ, да сꙋдится; аще же поставится град[ъ] царскым[ъ] повелѣниемъ, градскымъ или людскимъ ꙋставомъ, да послѣдꙋеть и чинъ церковныхъ предѣлъ“. И здѣсь прибавлены затѣмъ не находящіяся въ греческомъ подлинникѣ [128]) слова: безъ поминаниꙗ—въспомянется о немъ—и нельзя не согласиться, что безъ этихъ двухъ прибавленій смыслъ правила едвали былъ бы вразумителенъ. Въ 2 правилѣ Халкидонскаго собора сказано въ томъ же университетскомъ спискѣ Кормчей, очевидно, по опискѣ: хꙋлнай, вмѣсто правильнаго коуплѧй [=коуплѩй].

Къ числу болѣе характеристическихъ сторонъ, свойственныхъ, однако, однимъ только Кормчимъ софійскаго разряда, принадлежатъ и такъ называемыя русскія статьи, то есть всѣ тѣ каноническія посланія, отвѣты и правила, точнѣе толкованія, которыя слагались русскими церковными властями и, начиная со временъ митрополита Іоанна II [управлявшаго русскою церковью отъ 1080—1088 года] въ постоянной удерживались практикѣ. Мы имѣли случай въ львовскихъ спискахъ софійской Кормчей отыскать едва-

ли не всѣ этого рода произведенія и пришли на основаніи содержащихся тамъ же особенностей къ тому высказанному, впрочемъ, прежде насъ заключенію, что упомянутыя русскія статьи слагались съ тою очевидною цѣлью, чтобы утверждать тѣмъ прочнѣе и укрѣплять постоянно всѣ завѣщанныя намъ св. Апостолами и Отцами восточной церкви правила и наставленія истинно-христіанской жизни [129]). Такъ называемыя русскія статьи были затѣмъ практическимъ примѣненіемъ обще-обязательныхъ каноническихъ предписаній жизни къ своеобразнымъ условіямъ народнаго, славяно-русскаго быта, и онѣ являлись у насъ результатомъ усилій, посредствомъ которыхъ стоящіе во главѣ русской церкви іерархи старались ввѣренное ихъ пастырскому жезлу стадо расположить постепенно къ усвоенію всѣхъ общихъ и частныхъ требованій христіанской дисциплины. Каноническія заявленія русскихъ епископовъ и соборовъ были въ сущности ничто иное, какъ опыты толкованій на тѣ или другія предписанія Номоканона, опыты, тѣмъ болѣе оригинальные въ историко-литературномъ отношеніи, чѣмъ ближе и разнообразнѣе было ихъ соприкосновеніе съ чисто-народными сторонами древне-русскаго быта. Однимъ словомъ, они пріобрѣтали тѣмъ большее значеніе для исторіи нашей литературы, чѣмъ выразительнѣе и строже осуждались въ нихъ различные, свойственные нашему древне-русскому обществу пороки и несообразности жизни, къ которымъ [въ каноническихъ отвѣтахъ митрополита Іоанна II и въ наставленіяхъ епископа новгородскаго Нифонта, 1130—1156 г.] причисляются прежде всего жертвы, приносимыя бѣсамъ, болотамъ и колодеземъ; причисляются дальше различныя бѣсовскія игры и тому подобные остатки язычества; браки, совершаемые безъ благословенія церкви; оставленіе своихъ собственныхъ женъ и принятіе чужихъ; ненадлежащее соблюденіе постовъ и праздниковъ; непристойное соблюденіе церковныхъ и богослужебныхъ обрядовъ; лѣность мірскихъ людей и нерадѣніе духовныхъ лицъ; нерадѣніе и любостяжаніе монаховъ и пр. и пр.

Между пороками, нарушавшими церковную дисциплину жителей, поселившихся [на „краицѣхъ рускы[ѧ] земли“] т. е. на окраинахъ русскаго государства, упоминаются, впрочемъ, также и случаи скверноядения [130]); но изъ самыхъ уже объяснительныхъ словъ, присоединенныхъ къ правилу тому, слѣдуетъ заключать, что случаи такіе, во времена митрополита Іоанна II были вообще не часты.

То же самое можно думать и объ упоминаемомъ въ этихъ правилахъ двоеженствѣ [131]), а также о другихъ порокахъ того времени, несогласныхъ съ христіанскими обычаями [132]).

В) Хотя Кормчая книга удовлетворяла какъ нельзя лучше всѣмъ насущнымъ потребностямъ церковной дисциплины, но все-таки являлись со временемъ и другіе болѣе пространные своды каноническаго права, разрабатывавшіе и дополнявшіе то, что въ предписаніяхъ Кормчей часто лишь намѣчивалось. Къ числу такихъ болѣе пространныхъ сводовъ, точнѣе—компиляцій каноническаго права, принадлежатъ въ особенности также и такъ называемые Пандекты Никона Черногорца [133]), которые, по свидѣтельству самаго

ихъ сочинителя [134]), составлены были при патріархѣ антіохійскомъ Θеодосіи [135]), или при императорѣ Константинѣ Дукѣ [136]) около 1060 года, а спустя нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ извѣстны стали уже и въ славянскомъ переводѣ. Но мы должны замѣтить, что извѣстные понынѣ славянскіе списки Пандектовъ Никона, именно списки, находящіеся въ библіотекахъ и монастыряхъ русскихъ [137]) и идущіе непрерывно отъ конца XIII [138]) вплоть до конца XVIII вѣка, или до появленія печатныхъ почаевскихъ изданій 1795 года,—не произошли изъ одного и того же источника. Между ними есть, во первыхъ, экземпляры, въ которыхъ [139]) содержится первоначальный славяно-болгарскій переводъ [конца XI—XII вѣка] съ свойственными переводу этому пропусками и сокращеніями [140]); есть дальше экземпляры, въ которыхъ [141]) содержится новѣйшій славяно-болгарскій переводъ [половины XIII—XIV в.], съ свойственнымъ переводу этому полнымъ текстомъ отдѣльныхъ „словъ" Никона и съ нѣкоторыми чисто болгарскими особенностями выраженія [142]), и есть, наконецъ, экземпляры, въ которыхъ [143]) содержится новѣйшій славяно-сербскій переводъ тѣхъ же „словъ" Никона [конца XIII—XIV вѣка], съ свойственными переводу этому прибавленіями, перенесенными изъ новѣйшей греческой редакціи текста [144]) и состоящими изъ статей, о которыхъ нѣсколько строкъ ниже мы сообщаемъ болѣе подробныя извѣстія. Хотя новѣйшій славяно-болгарскій переводъ [половины XIII—XIV вѣка] отличался качествами, дѣлавшими его вполнѣ достаточнымъ представителемъ греческаго подлинника, однако несравненно большее количество находящихся на Руси списковъ [145]) произошло все-таки изъ такъ называемаго славяно-сербскаго перевода и заставляетъ думать, что экземпляры славяно-сербскаго разряда были, начиная со временъ выше упомянутаго митрополита Кипріана [146]), такъ сказать, господствующимъ видомъ Пандектовъ Никона на Руси. Къ тому же славяно-сербскому разряду [147]) принадлежитъ, впрочемъ, также и тотъ экземпляръ Пандектовъ Никона, который въ настоящее время находится въ библіотекѣ свято-онуфріевскаго монастыря во Львовѣ, и о которомъ не излишнимъ считаемъ сообщить здѣсь нѣкоторыя, по крайней мѣрѣ, важнѣйшія библіографическія подробности.

Прежде всего замѣтимъ, что, подобно другимъ экземплярамъ такъ называемаго славяно-сербскаго разряда, начинался и описываемый здѣсь свято-онуфріевскій списокъ Пандектовъ Никона [149]) вступительными словами новѣйшаго греческаго писателя [150]), въ которыхъ, въ поученіе читателей, сообщались, во первыхъ, нѣкоторыя подробности о Пандектахъ Антіоха [151]), а въ связи съ этимъ и нѣкоторыя не безъинтересныя свѣдѣнія о Пандектахъ Никона [152]). Къ свѣдѣніямъ этимъ примыкали дальше [составленныя тѣмъ же авторомъ] выписки изъ собственныхъ писемъ Никона, именно выписки изъ тѣхъ писемъ и посланій [153]), въ которыхъ содержались самыя полныя свидѣтельства о разсматриваемыхъ здѣсь Пандектахъ Черногорца, и которыя заслуживаютъ того, чтобы привести ихъ всецѣло. Но такъ какъ обѣ первыя страницы изъ описываемаго тутъ свято-онуфріев-

скаго списка Пандектовъ Никона утрачены совершенно [154]), то мы сообщаемъ здѣсь всего лишь тѣ немногія выписки [155]), которыя на лицевой сторонѣ 2 листа читаются слѣдующимъ образомъ: „[И не по]щадѣвъ труда своего", разсказываетъ намъ Никонъ Черногорецъ въ выпискахъ этихъ, но съдих[ъ] древних о[те]ць свѣдѣтельствованныхъ житїа и дѣанїе списати и послоужити искръним[ъ]же и съвѣ. И на се человѣколюбецъ б[о]гъ отверзе ми двери недостойномоу за молитвъ ради с[вя]тыя б[огороди]ца, въ ней же и даръ [оучительства] даровася. И прѣвїе оубо списахъ великоую книгу, прѣимѫщоую толкованїемъ заповѣдей г[оспод]нихъ, по приличїю же дѣственнаа оученїа, подобѧщаася тѣм[ъ] и дѣланїа б[о]ж[ь]ствъных[ъ] о[те]ць, и с[вя]тых[ъ] съборовъ и градских[ъ] закон[ъ]. Потом[ъ] же паки даж[е] до н[ы]нѣ, елико по силѣ моей дароуеть б[о]гъ, ины книгы и различнаа списанїа на ползу искрънимъ[ъ] и своя, елико по силѣ моей, написати не облѣнихся. Н[ы]нѣ же, о[т]че мой, въсхотѣхъ отрещися сего, и съборныя цр[ъ]кве начальствоующеи непростиша мя [156]), но егда бяше тоу влад[ы]ка же мой Сакелїе и прочїи, призваша мя и бесѣдоваша мнѣ, и азъ тѣм[ъ], паче же митрополитоу аданьскомоу, яко единому от[ъ] них[ъ] всѣхъ, и не повиноухся, о них[ъ] же ми рѣша. Егда же идоша, [и] въ съборноую цр[ъ]ковь съгласишася, и написаша ми повеленїе на учителство и о прочїи[хъ] винахъ, и послаша ми то съ митрополитом[ь] аданьским[ь], и прочтохъ сїе, и ıави ми ся тяжко, еже ходити само и онамо и несъста, влятися, ıакоже прѣжде, оученїя ради, и, прости мя, не прїахся, но възвратих[ъ] е, ıако хотящоу ми прочее отселѣ въ безмятежїи прѣбывати. И паки ниже на се простиша мя, но облегчиша тъ, яко же лѣпо бяше и яко могъ безбеднѣ, и послаша ми то, и паче написаша въ нем[ь]: „ıако понѫждает[ь] тя съборьнаа цр[ъ]кви въ таковое слоуженїе". И тако книги написах[ъ] и събраны быша въ едину от[ъ] различных[ъ] книгь, и благодатїю божїею без[ъ] труда обрѣтает[ь] кождо потребное въ коемждо словѣ, заеже изложена быс[ть] съ опаством[ь] от[ъ] б[о]ж[ь]ствъных[ъ] писанїй, а не от[ъ] мене недостойнаго Никона. Егда бо съвъкѫпих[ъ] великоую книгоу [157]), не просто сїю въ ıавленїе приношах[ъ] испръва, но въ съборънѣй церкви, рекше въ патрїархїи, испытанна и прїата бысть и от[ъ] того Сакелїа патрїархова, иже митрополит[ъ] бысть месопотамїйскїй, и егоже и ты не невѣси, преписана бысть. И не о догматох[ъ] нѣкїих[ъ] веденїе имать, но вся дѣлательна и съкровенных[ъ] дѣйствїй божьствъных[ъ] писанїй и заповѣдей господних[ъ] имать тлъкованїе. Извѣщенїа же ради моего недостоиньства и грубости, не точїю въ съборънѣй церкви, т. е. патрїархїи, глаголя, антїохїйстѣй, но и отъ многих[ъ] мѣста сего разумнѣйших[ъ] испытана бы[сть] и истязана, и необрѣтеся въ ней ничтоже съпротивно, божїею благодатїю. И тако прѣписана бысть и по инѣхъ мѣстох[ъ] къ обдръжителнѣ въсѣх[ъ] ползы, сице оглашена [158]) бывши: „книга тлъкованїа заповѣдей господних[ъ]". Не имам[ь] бо како нарицатї ю, но от[ъ] дѣйства имѣти прозванїе ея, ıаже [вм. ıаже] и подобает[ь] въсѣм[ъ] имѣти въ наказанїе всяко. И не мое се ес[ть], о[т]че мой, дѣло, зане, яко мя вси зрят[ь],

невѣжда и гроубь єсмь, и неключаєма сїа по ест[ьст]воу таковым[ъ] сѫт[ь], аще не дѣйствует[ь] еже паче ест[ьст]ва. Сего ради, іакоже мнѧ, не человѣческою силою състависѧ, но б[о]ж[ь]ствъною благодатїю". А такъ какъ въ тѣ бурныя для восточной церкви времена, правовѣріе автора было однимъ изъ главнѣйшихъ условій для его читателей, то къ предложеннымъ здѣсь извлеченіямъ изъ собственныхъ писемъ Никона присовокуплены были еще и выписки, заимствованныя изъ предисловія къ Тактикону и доказывающія, что знаменитый въ свое время составитель каноническихъ сочиненій былъ самымъ горячимъ исповѣдникомъ завѣщанныхъ православною церковью ученій [159]), что ему ненавистны были и противны всякія „раздранїа же и съпмища, бывающїа въ церкви, иначе же ереси", и что онъ бѣжалъ отъ нихъ „тако, іакоже кто бѣжитъ от[ъ] ѕмїа" и пр. По тому же поводу присовокупленъ былъ къ новѣйшему изданію Пандектовъ Никона и приводится дословно Символъ или Образъ вѣры, постановленный св. Никейскимъ соборомъ и содержащій, между прочимъ, также и то весьма важное для исповѣдниковъ православія положеніе, что Духъ святый произошелъ только отъ Отца, а не отъ Отца и Сына вмѣстѣ, какъ приказываетъ вѣрить западная церковь.

Но все это не болѣе, какъ дополнительныя прибавленія новѣйшаго писателя, а собственныя Пандекты Никона Черногорца, называемые, обыкновенно, книгою богодохновенною, собранною и списанною „от[ъ] многых[ъ] и различных[ъ] б[о]ж[ь]ственых[ъ] книг[ъ] ветхаго, іакоже реци, завѣта и новаго преподобным[ь] о[т]цем[ь] нашимъ Никономъ, живѹщим[ь] въ гл[аголе]мѣй Чрънѣй Горѣ, наставлѣющи и поспѣшествоующи подвизающихсѧ на всѧко дѣло д[оу]ховное" — начинаются только на лицевой страницѣ 12 листа и расположены слѣдующимъ порядкомъ. Непосредственно послѣ заглавія — излагается полный текстъ перваго слова, въ которомъ содержится „Сказанїе книгы сеѧ", или точнѣе — предисловіе, составленное самимъ Никономъ и служащее чѣмъ то въ родѣ экспозиціи. Въ слѣдъ затѣмъ излагается второе „Прѣдисловїе книгы [160]), или сказанїе б[о]ж[ь]ствъным[ъ] заповѣдем[ъ] г[о]сподним[ъ], и іако от[ъ] еже не вѣдѣти нам[ъ] б[о]ж[ь]ствънаа писанїа, въпадаем[ъ] в[ъ] сѣти дїаволѧ и погибели прѣдани бываем[ъ]; и іако иже през[ъ] волѧ б[о]ж[ь]ствъных[ъ] писанїй отлѫчени дѣанїа послѫшающе и повинѫющесѧ нѣким[ъ] по непщеванїю послѹшанїа и отсѣченїе [sic!] волѧм[ъ] своим[ъ], дїаволоу, иже въ градѣхъ рѫдником[ъ], подобатсѧ; а іако таковїи не имѫт[ь] оубѣгнѫти сѫда б[о]жїа, ниже повиноующеисѧ, ниже обладающеи, но къждо хощет[ь] даати слово дѣлѹ своемоу. Дальше излагается: „Сказанїе б[о]ж[ь]ственым[ъ] заповѣдем[ъ] господним[ъ] въ кратцѣ Іоина Златооустаго и инных[ъ] с[вѧ]тых[ъ] и б[ог]оносных[ъ] о[те]ць главизны, приличны в[ъ] тѣх[ъ] сказанїах[ъ]; и іако иже добродѣтели ради страждеть от[ъ] человѣкь, сей блажен[ъ] есть, а иже за самое тъ зло и страждает[ь], и все окаанен[ъ] ес[ть]; и іако не възможно есть въ добродѣтели живоущемоу от[ъ] всѣх[ъ] слышати добро; и

ꙗко хотѧще ѿт[ъ] человѣкь хвалими быти, сим[ъ] оусѣм[ъ] оугодити тщатсѧ; и ꙗко ѿт[ъ] сего познаваетсѧ ложный оучитель и лъжный пророкъ, ѿт[ъ] еже не оучити ѿт[ъ] б[о]ж[ь]ствъных[ъ] писаній, но ѿт[ъ] своего сердца и по хотенію къмоуждо". Излагаются кстати и предписанія церкви „о ѿтвръженіи мира, и ꙗко зло есть, иже къ вредꙋ бываемое пріѡбщеніе и болше есть таковым[ъ] не събиратисѧ; и ꙗко бѣдно есть пострызати имѫщих[ъ] женоу и дѣти, или инако никако не оуставлено и несмотреливо постризати нѣкіѧ; и како подобает[ь] таковых[ъ] въ монастыри пріимати; и ꙗко великꙋ бѣдꙋ имат[ь] и даѧ и пріемлѧй и поспѣшествоуѧ имѣніа ради пріатіе бывати, паче повеленіа б[о]ж[ь]ствъных[ъ] писаній; и ꙗко ѿлоучен[ъ] ес[ть] съборныѧ церкве и тоуждь г[оспо]дніѧ любве, имѣıа что любо свое въ общем[ь] житіи; и како подобает[ь] строити ꙗже на плъзоу им[ъ] и тако в[ъ] чинь иноческый приходити; и ꙗко иноческое житіе инако нѣкако с[вѧ]тіи ѿ[т]цы не приемлют[ь], точію по законꙋположенію постнических[ъ] словесъ Великаго Василіѧ" и пр. Сообщаются также и другія предписанія церкви, толкующія, напримѣръ, объ отреченіи рабовъ, пришедшихъ къ иноческому чину; тоже предписанія, толкующія о различіи соблазновъ, о различіи учителей, о различіи гнѣва и ярости, о клеветаніи и досадѣ, о смиреніи относительно ближняго, о сложеніи блуда и свойствахъ его, о клятвѣ и различныхъ родахъ лжи, о молитвѣ и трезвости ума, и о прочихъ тѣмъ подобныхъ предметахъ церковной дисциплины. Но такъ какъ статьи эти разсмотрѣны уже въ Библіотекѣ греческой Фабриція, разсмотрѣны дальше въ Описаніи славянскихъ рукописей московской синодальной библіотеки гг. Невоструева и Горскаго, а отчасти также и въ относящихся сюда статьяхъ г. Срезневскаго и другихъ ученыхъ [161]), то мы не будемъ вдаваться въ подробности, и скажемъ только вообще, что разсматриваемые здѣсь Пандекты Никона Черногорца, въ видѣ шестидесяти трехъ словъ, поясняютъ всѣ сколько нибудь важныя обязанности и цѣли истинно христіанской, православной жизни. А если большая начитанность автора, если ученая обстановка излагаемыхъ вопросовъ и пр. цѣнятся, какъ свойства, говорящія тоже въ пользу книги, то Пандекты Никона Черногорца отличаются и съ этой стороны на столько хорошими и вполнѣ удовлетворительными качествами [162]), что въ числѣ произведеній средневѣковой византійской литературы могутъ быть названы однимъ изъ самыхъ лучшихъ и ученѣйшихъ [163]).

Но какъ ни знамениты были описываемые здѣсь Пандекты Никона, мы все таки не осмѣлимся утверждать положительно, что они были вмѣстѣ съ тѣмъ и сочиненіемъ, имѣвшимъ большую популярность у тогдашнихъ канонистовъ, большое практическое примѣненіе. Мы думаемъ, напротивъ, что описываемые здѣсь Пандекты Никона Черногорца даже не могли снискать себѣ популярность эту, такъ какъ, при всѣхъ своихъ хорошихъ свойствахъ, они не въ состояніи были доставить занимавшимся изученіемъ каноническаго права тѣхъ практическихъ выгодъ, которыя свойственны были, напримѣръ,

Кормчей книгѣ, или хотя бы и явившейся послѣ Властаревой Синтагмѣ. Они были, сказать кстати, слишкомъ учены, слишкомъ растянуты и обширны. А хотя они и списывались отъ времени до времени, однако большинство русскихъ канонистовъ удовлетворялось все таки тѣми немногими выписками изъ Пандектовъ Никона, которыя внесены были въ бывшіе тогда въ ходу сборники [164]), а отчасти также и въ отдѣльные списки такъ называемой рязанской Кормчей, и въ заимствованный оттуда печатный Номоканонъ [165]).

Въ связи съ Пандектами составлена была Никономъ, кромѣ того, еще и другая компиляція божественныхъ толкованій, которая въ письмѣ къ отцу Іоанну, или въ XXII словѣ Тактикона [по львовскому списку на стран. 340—341] называется „дрꙋгѫѧ книгѫ, имѫщѫ ѡ нѣкых[ъ] винах[ъ], [о] распрѧ[хъ] же монастырских [въ рукописи сказано: монастырскыѧ] и исходѧщих[ъ] ѡт[ъ] повинованіа съборных[ъ] цр[ъ]квь и помѣстных[ъ] еп[и]с[ко]пь, такожде и ѡ небрѣженѣм[ь] времени ѡт[ъ] говѣніа пасхы—въ великѫѧ съб[о]тѫ поздѣ—и иных[ъ] нѣкых[ъ] различных[ъ] и нѫждных[ъ] винах[ъ], [ѡ них же] бысть взысканіе ѡт[ъ] нѣкыих[ъ]„ къ автору ея Никону. „И показахѡм[ъ] сіа, прибавляетъ Никонъ Черногорецъ въ увѣщаніе своихъ читателей, „б[о]жіеѫ бл[а]г[о]датіѫ ѡт[ъ] бож[ь]ствных[ъ] правил[ъ] и прочих[ъ] бож[ь]ствных[ъ] писаній, и ѡбач[е] не ѡт[ъ] себе.. И послах[омъ] ѧ въ съборнѫѧ цр[ъ]ковь, рекше патріархіѫ, и испыташѫ тѫ на ѡбщем[ь] съборѣ прѣдначальствꙋѫщеи тоѫ цр[ъ]кве и, испытавше и истѧѕавше, пріѫшѫ сіѫ“. И въ письмѣ Никона къ отцу Герасиму, или въ XXXVI словѣ Наставленій для монаховъ [по львовскому списку на стран. 471] приводятся свидѣтельства, изъ которыхъ слѣдуетъ, что, кромѣ такъ называемыхъ Пандектовъ, „написана быс[ть] [еще и] дрꙋгаа [разумѣется—книга], имѫще бож[ь]ствнаа писаніа, ꙗвлѣѫщаа, ꙗж[е] ѡт[ъ] невѣдѣніѧ бываѫщаа паденіа въ нас[ъ] хр[и]стіанѣх[ъ], ꙗже и небрѣгома оставлена быша въ прѣдваршіих[ъ] лѣтѣх[ъ], [тоже] ѡ раздорѣх[ъ] монастырскых[ъ], и инѣх[ъ] винахъ нѫждных[ъ]. Мала же ес[ть], не достижѫще [166]) до единого златника (?) а нѣс[ть] велика ꙗкоже пр[ъ]ваѧ. Положена же быс[ть] здѣ въ съборнѣй цр[ъ]кви, рекше патріархіи антіохійстѣй—ꙗко нѫждна ес[ть] и трѣбꙋет[ь] ѧ цр[ъ]ква такожде и въ свѧтѣм[ь] Симеѡнѣ чюдотворцѣ“ и пр. Но еще выразительнѣе опредѣляется характеръ этой новой книги Никона въ письмѣ его къ неизвѣстному по имени лаодикійскому пресвитеру, или въ XXVII словѣ Тактикона, въ которомъ [по львовскому списку на стран. 391] она уже прямо называется извлеченіемъ, заимствованнымъ изъ явившихся прежде того Пандектовъ, или изъ такъ называемой великой книги. Преподобный Никонъ Черногорецъ пишетъ дословно такъ: „Вѣждь же, вл[а]д[ы]ко мой, ꙗко пръваѧ и великаа книга тълкованій, съвъкꙋпивь заповѣди г[оспод]нѣ и тѣх[ъ] тълкованіа и другаа, елика ѡт[ъ] б[о]ж[ь]ствных[ъ] писаній подобаюшаа, съврьшисѧ въсемирна [sic! вмѣсто въсемирнѫѭ] бл[а]г[о]датіѫ божіеѫ. Же-

лаѧ же [particip. praes. вмѣсто желаѧ] и любѧ, ꙗко да никтож[е] лишаетсѧ тоѧ полꙋѧ, от[ъ] неѧ пакы нѫждная избрав[ъ], быс[ть] дрꙋгаа мала [разумѣется тоже—книга], ꙗко да немогый великѫѧ стѧжати за в҃і златник[ъ], малѫѧ притѧжит[ь], а҃ златникъ и пол[ъ] имѫщиѧ оустроеніе". Но какъ ни ясны свидѣтельства эти, однако въ литературѣ славянскихъ рукописей нѣтъ все таки ни одного экземпляра, въ которомъ сохранилось бы это новѣйшее, сокращенное изданіе Пандектовъ Никона. Точно также и въ числѣ открытыхъ донынѣ греческихъ рукописей не слышно пока еще нигдѣ о такого рода экземплярѣ. Въ настоящее время извѣстенъ всего лишь одинъ арабскій списокъ такого же содержанія, который, по описанію Ассеманія [167]), находится въ одной изъ арабскихъ рукописей Ватиканской библіотеки. Изъ предисловія, уцѣлѣвшаго въ переводѣ этомъ, извѣстно, что это сокращенное изданіе Пандектовъ составлено было Никономъ въ лѣто отъ сотворенія міра 6596 т. е. отъ Р. Х. 1088 года.

Къ числу сочиненій, происшедшихъ изъ Пандектовъ Никона, принадлежитъ, впрочемъ, также и то, о которомъ въ томъ же посланіи къ пресвитеру лаодикійскому, или въ XXVII словѣ Тактикона [по львовскому списку на стран. 391] сообщаются слѣдующія данны: Пакы [и] третїѧ чѧс[ть] сътворих[ъ], оуказь тъчїѧ, оуражденo имѣѧ вьсевѣдѣніе единого коег[о]ждо слова на полꙋѧ, ꙗко да аще кто толико нищь ес[ть] и не может[ь] [разумѣется—купить себѣ великую книгу Пандектовъ за 12 златниковъ, и даже малую книгу Пандектовъ за полторы златника] „понѣ сїѧ къ вѣдѣнїю полꙋи притѧжит[ь]". Это значитъ другими словами, что, кромѣ нѣсколько обширнѣйшаго извлеченія, существовало еще и другое, болѣе сжатое извлеченіе изъ Пандектовъ Никона, названное Указомъ и составленное имъ, очевидно, съ той цѣлью, чтобы и самымъ бѣднѣйшимъ любителямъ божественныхъ истинъ доставить возможность познакомиться съ содержаніемъ и съ главнѣйшими основоположеніями такъ называемой великой книги. Но такой же „Указъ" къ отдѣльнымъ словамъ [или главамъ] Никона Черногорца содержится и въ той статьѣ, которая въ извѣстномъ намъ свято-онуфріевскомъ спискѣ Пандектовъ Никона [а равно также и въ другихъ извѣстныхъ донынѣ славянскихъ и греческихъ спискахъ], названа Собраніемъ книги, или Синаксаріемъ, содержащимъ сказаніе „коегождо слова на оувѣденіе чтоущимъ". А если такъ, то легко быть можетъ, что выше упомянутая третья часть Никона [не сохранившаяся, впрочемъ, также ни въ одномъ особомъ экземплярѣ] есть одно и то же, что прилагаемое къ великой книгѣ Пандектовъ Собраніе, или Оглавленіе, и что затѣмъ въ обоихъ различныхъ по имени статьяхъ содержалось почти дословное повтореніе тѣхъ заглавій, которыя уже и въ первомъ изданіи книги предпосланы были Никономъ каждому отдѣльному слову [168]).

С) Подобно Пандектамъ Никона Черногорца дошли до насъ также и Наставленія для монаховъ того же автора [они извѣстны, впрочемъ, также подъ именемъ Чиновной,

или Тактикона], всего лишь въ одномъ новѣйшемъ экземплярѣ, состоящемъ изъ 265 листовъ большаго формата [169]). Но если Пандекты Никона дошли до насъ въ спискѣ, составленномъ въ предѣлахъ галицкихъ, т. е. въ одномъ изъ нашихъ собственныхъ галицкихъ монастырей, то Наставленія для монаховъ занесены къ намъ изъ сосѣдней Буковины, какъ заключать можно изъ слѣдующей записи: „Сѧй книг[ъ] с[вѧ]т[а]го Никона сътвори смѣреній митрополит[ъ] Анаст[а]сіє Кримкович[ъ], єже выв[ъ] въ с[вѧ]тѣй митрополіи Сȣчавьстѣй [въ Сучавѣ, на Буковинѣ], въ памѧт[ь] себѣ и родителим[ъ] єго, Іωанъ Кримка и Кръстина, и даде и въ н[ово]зданнаг[о] своєго монастирь Драгомирьна [170]), идеже єс[ть] храм[ъ] сьшествіє с[вѧ]т[а]го д[оу]ха. И аще хощет[ь] покȣсити, или възѣти, или оукрасти, или продати ѿт[ъ] с[вѧ]т[а]го монастирѣ, тъй да єс[ть] проклѣт[ъ] и тръклѣт[ъ], анаѳема, маранаѳа, ѿт[ъ] г[оспо]да б[ог]а, и ѿт[ъ] преч[и]стіѧ єго матирь, и ѿт[ъ] вьсѣх[ъ] с[вѧ]тых[ъ] на страшнѣм[ь] сѫдище Х[pисто]вѣм[ь], амин[ъ]. Въ д[ь]ни г[оспо]д[и]на Іω[аннъ] Радȣл[ъ] воєвод[а] Михневич[ъ], в[ъ] л[ѣ]то з҃ркѕ҃, мѣс[ѧ]ца“ (?).

Отсутствіе большаго числа своихъ собственныхъ списковъ Тактикона и въ исторіи славяно-русскихъ рукописей есть не болѣе, какъ часто повторяющаяся случайность [171]), поэтому мы едва ли имѣемъ право выводить изъ нея какое нибудь отрицательное заключеніе, а всего менѣе то, что до появленія разсматриваемаго здѣсь славяно-румынскаго экземпляра Наставленій, они у насъ совершенно не были извѣстны. Мы думаемъ, напротивъ, что ежели гдѣ, то въ монастыряхъ галицкихъ и вообще западно-русскихъ, которые славились преданностію основоположеніямъ монашеской жизни [172]), не могли оставаться неизвѣстными экземпляры книги, въ которой излагались дѣла, столь важныя и столь любопытныя для иноковъ, въ которой собраны были въ одно цѣлое и повѣрены по наилучшимъ источникамъ, между прочимъ, и такіе вопросы церковной и монашеской службы, на счетъ которыхъ въ бывшихъ тогда въ ходу студійскихъ и іерусалимскихъ типикахъ замѣчалось самое большое разногласіе, самый широкій произволъ [173]). А если примемъ во вниманіе, что древнѣйшій славянскій переводъ Наставленій [174]) могъ явиться въ одно время съ первоначальнымъ переводомъ Пандектовъ Никона [конца XI—XII вѣка], или не много позже, и если дальше сообразимъ, что всѣ важнѣйшіе славянскіе переводы появлялись на Руси, обыкновенно, тотчасъ послѣ своего окончанія, то мы едва ли ошибемся, ежели въ виду приведеныхъ здѣсь мотивовъ, рѣшимся высказать предположеніе, что первые славянскіе списки Наставленій Никона могли быть извѣстны на Руси уже въ концѣ XII, или найдальше въ первой половинѣ XIII вѣка [175]).

Но, возвращаясь къ разсматриваемому здѣсь славяно-румынскому экземпляру Наставленій Никона [греческій подлинникъ Наставленій не изданъ], мы должны замѣтить прежде всего то обстоятельство, что, если онъ и различается отъ другихъ извѣстныхъ на Руси списковъ относительно грамматики и правописанія, то относительно самого пере-

вода, а также состава и другихъ строго библіографическихъ деталей онъ согласенъ съ ними совершенно [176]). Онъ состоитъ тоже изъ двухъ особыхъ предисловій [177]) и изъ сорока словъ, въ которыхъ, въ видѣ посланій къ современнымъ автору лицамъ [178]), излагаются прежде всего наставленія, толкующія обо всемъ иноческомъ и монастырскомъ устроеніи [179]); излагаются дальше наставленія и предписанія, касающіяся, напримѣръ, узаконенныхъ церковью праздниковъ [180]) и постовъ [181]), обновленія древнихъ монастырскихъ обителей [182]), пріобщенія отлученныхъ отъ своей паствы епископовъ и другихъ духовныхъ лицъ [183]), книгъ истинныхъ и ложныхъ [184]), антиминсовъ и божественной службы [185]) и другихъ предметовъ христіанскаго богочестія. Такъ называемыя Наставленія для монаховъ снабжены были, впрочемъ, на сколько можемъ судить по доступному намъ славяно-румынскому экземпляру Наставленій, нерѣдко также и такими подробностями и примѣчаніями, въ которыхъ, кромѣ свѣдѣній, относящихся къ учительской и литературной дѣятельности Никона [186]), попадаются весьма кстати извѣстія, свидѣтельствующія, напримѣръ, о судьбахъ и отношеніяхъ тогдашней антіохійской церкви [начиная со временъ императора Ираклія—610—640] [187]), свидѣтельствующія дальше о завоеваніи турками Сиріи и Палестины [188]); о крестовыхъ походахъ, а именно о первомъ походѣ крестоносцевъ и о поведеніи ихъ въ Іерусалимѣ [189]); о судьбахъ и дѣлахъ возлюбленныхъ авторами Иверовъ [190]); о такъ называемыхъ Цатахъ [191]); о насильствахъ князя Марапы [192]) и о прочихъ, весьма важныхъ и любопытныхъ для исторіи Востока лицахъ и дѣлахъ. Стѣсняемые, однако, обстоятельствами времени и мѣста, мы не можемъ представлять ихъ здѣсь всецѣло [193]), а выписываемъ всего лишь тѣ мѣста, въ которыхъ авторъ Наставленій выражаетъ взглядъ свой на поведеніе крестоносцевъ въ Іерусалимѣ и, вообще, на притязанія ненавистной ему латинской церкви. Мы приводимъ прежде всего тѣ извѣстія, которыя касаются распри православныхъ съ латинянами за церковь св. Воскресенія въ Іерусалимѣ, и которыя въ словѣ XXXII [по львовскому списку на стран. 444—445] сообщаются слѣдующимъ образомъ: По сих[ъ] же пріиде дроугый брат[ъ] от[ъ] Іер[оу]с[а]л[и]ма, кандиловъ жигател[ь] с[вѧ]т[а]го Въскр[ъ]сеніа, и г[лаго]ла ми вещь сицевѫ, ꙗко отдана бышѧ с[вѧ]таа и ч[ь]стнаа мѣста, с[вѧ]тое же Въскр[ъ]сеніе и Лъбное мѣсто, Фраггωм[ъ], еже слоужима быти ими. Они же [194]), от[ъ] сего дрьзновеніе въземше, [надо прибавить: стали сейчасъ же допускать различныя злоупотребленія и довели, наконецъ, до того, что заботами ихъ] прѣдоуспѣ злое, и въ ꙗже о вѣрѣ, и еже горшее всѣх[ъ] и ниже оусты православных[ъ] проповѣдатисѧ се ес[ть]. Прѣемшеи бо, ꙗкож[е] речесѧ, Фрѫзи с[вѧ]тое Въскр[ъ]сеніе, лѣпо бѣ тѣм[ъ], ꙗко творѧщимсѧ тъчіѫ, работати, с[вѧ]щеннодѣйство же не попоущати. Они же се не въсхотѣшѧ, нѫ, ꙗко грьдостень ѧзык[ъ] и бестоудень, ѧже имѣшѧ, ти слоужбѫ начашѧ творити, и принесошѧ о[тъ] страны своеѧ камень, оустроень, на трапезѫ, и своѫ их[ъ] мощи и пр. И оубо здѣ, въ нашихъ мѣ-

стѣх[ъ] андіохійскых[ъ] и прѣвѣе ѹбо попеченіе имѣщеи о іаже сѫть великыѧ цр[ъ]кве, попѹщаѫще оу с[вѧ]т[а]го Петра тыѧжде фрѫгы слѹжити и инаа, іаже тѣх[ъ], творити въ храмѣ православныхъ[ъ]. Аз[ъ] же недос[то]йный въпросих[ъ] тогда дръжѫщих[ъ], іако законопрѣстѫпно бѣ сіе и чрѣс[ъ] б[о]ж[ь]ствных[ъ] правил[ъ], и исповѣдашѫ истинѫ—іако имѫще любовь къ недостоинствѹ моемѹ—г[лаго]люще: іако златоимѣніа творим[ъ] се. Тѣмъ же и показа [сѧ] конець, іако от[ъ] наших[ъ] начатъ прѣдатисѧ храм[ъ] и послѣжде преданъ бысть всѧчески въ совершенное вселеніе 195) иновѣрных[ъ]. Сице ж[е] и въ Тарсѣ быс[ть] и инѫдѹ, и прѣдани бышѫ съборныѧ цр[ъ]квы обач[е], чювественаг[о] чина въ ѧзыцѣх[ъ]". Но какъ бы то ни было [прибавляетъ авторъ Наставленій въ утѣшеніе своихъ православныхъ читателей], однако мы должны все таки вѣрить и уповать, что „б[о]жіе прѣданіе мысльных[ъ] непрѣдавлаемо ес[ть], іакож[е] г[оспод]ь изрече, внегда рецн къ Петрѹ: іако ты еси Петрь, и на семь камени съзиждѫ цр[ъ]ковь моѫ, и врата адова не ѹдолѣѫт[ь] ей".

Точно также и въ письмѣ къ пресвитеру обители св. Симона, или въ XL Словѣ Тактикона, сообщены о поведеніи крестоносцевъ въ Палестинѣ и, вообще, о заблужденіяхъ латинской церкви, настолько любопытныя и характеристическія данныя, что мы не можемъ не привести ихъ здѣсь подробно и передать въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ сохранились въ львовскомъ спискѣ Наставленій Никона, гдѣ [на стран. 515—525] читаются дословно такъ: „Нынѣ оубо, о[т]че мой, понеж[е] ѧзык[ъ] фрѫжьскый воинствѹет[ь], и ты, іако бл[а]годатію б[о]жіеѧ с[вѧ]щенник[ъ], просиши от[ъ] мене [разумѣется, нѣкоторыхъ свѣдѣній о языкѣ томъ, то] обо оубо іако длъжник[ъ], обо же обдръжнаг[о] ради оуспѣха, моего же и твоего и прочих[ъ] православных[ъ], начнем[ъ] [разсказывать о нихъ, какъ слѣдуетъ]. Сїй родь фрѫжьскый въ б[о]ж[ь]ственых[ъ] писаних[ъ] Германи г[лаго]лѫтсѧ. Из[ъ] начала же разрѹшиша Рімъ и искоренишѫ древнѫѧ Римлѧны—и оттоли въсаждени бышѫ въ Рімѣ различныѧ ереси. [Но] обач[е], о раздрѹшеніи рімстѣм[ь], хотѧй, да прочьтеш[ь] с[вѧ]тыѧ Мелани Римлѧнинѧ Великиѧ житіе, или въ о[т]чьстѣм[ь] г[лаго]лемѣм[ь] Лаѵсанцѣ, и тамо обрѧщеш[ь] та. О падених[ъ] же фрѫжьскых[ъ], да прочьтешет[ъ] книгѫ посланіа Фотіа, патріарха Кѡнстантінѣ града, и тамо обрѧщеш[ь] обдръжительно посланіе тѡгожде Фотіа патріарха о въсѣх[ъ], о бес[к]васных[ъ] же и прочіих[ъ] такожде. [Здѣсь приводятся всѣ главнѣйшія пункты изъ посланія этого, а послѣ говорится такъ]: Тъй бѡ Фотіе кр[ъ]сти род[ъ] блъгарсскый съ ц[а]рем[ь] их[ъ]. И иже въ д[ь]ни оны папа рімскый, покръсти [ихъ], имѣѧ на Фотіа нѣчто. И оубо отвѣщавает[ъ] Фотіе глаголѧ къ немѹ: іако аще и азь грѣшен[ъ] есмь, б[о]ж[ь]ственое же кр[ъ]щеніе что повинно ес[ть], да ради мене покр[ъ]щаеши? И папа оубо рімскый, и иже съ ним[ь] изложишѫ на Фотіа многа паденіа—Фотіе же по тънкѹ изложи тамо паденіа их[ъ] и от[ъ] б[о]ж[ь]ственых[ъ] писаній възбрани въсѧ. [Кстати приводятся также выписки изъ посланія, писаннаго о заблужденіяхъ латинской церкви отъ

патріарха антіохійскаго Петра къ епископу венетійскому [196]), а равно также и выписки, заимствованныя изъ посланія патріарха константинопольскаго Махаила къ патріарху антіохійскому Петру [197]) и дополняемыя [на стран. 518 слѣд. преподобнымъ Никономъ вотъ какъ]: Ѧ ıаже кромѣ сиχ[ъ], такова и сице имѫща, въ с[вѧ]тѣм[ь] изѡбражены вѣры сицево творѧт[ь] приложенїе: и въ д[оу]χа с[вѧ]т[а]го, истинна и животворѧщаго, иже ѡт[ъ] ѡтца и с[ы]на исχодѧщаго. И въ б[о]ж[ь]ствнѣй слꙋжбѣ: еже един[ъ] с[вѧ]ть, един[ъ] г[оспо]дь Іс[оусъ] Χристосъ, въ славѫ б[ог]оу ѡ[т]цоу, д[оу]χѡм[ь] с[вѧ]тым[ь] възглашаѫт[ь]. Къ симъ же и брак[ъ] с[вѧ]щенникѡм[ъ] възбранѣѫт[ь] [198]), сирѣч[ь] жены имѫщиχ[ъ] не прїемати въ с[вѧ]щеннич[ь]скый сань, нѫ несъпрѫжнѡм[ъ] быти с[вѧ]щенникѡм[ъ] χотѧть, и два брата двѣ сестрѣ възимаѫт[ь] [т. е. възимати позволяютъ]; и въ слꙋжбѣ, въ врѣмѧ причѧщенїа, един[ъ] ѡтъ служѫщиχ[ъ], ıады ѡпрѣснокы, цѣлꙋет[ь] прочиχъ, и пръстенѧ носѧт[ь] на рѫкꙋ еп[и]с[ко]пи иχ[ъ], ıакож[е] се жены възымаѫще цр[ъ]квы и ѡбрѫченїе носити г[лаго]лѧть; и на брани же исχодѧще, крьвми свои рѫцѣ ѡсквръиѣѫт[ь], и къ сим[ъ] д[оу]шѫ оубиваѫще и оубиваеми. И ıакоже нѣцїи нам[ъ] извѣстишѫ, и божьственое кр[ъ]щенїе сътварѣѫще, кр[ъ]щаемыѧ въ едино погрѫженїе покр[ъ]щаѫт[ь], имѧ ѡ[т]ца и с[ы]на и с[вѧ]т[а]го д[оу]χа приглашаѫще, нѫ, и къ сим[ъ] кр[ъ]щаемѣм[ъ] оуста ѡни испльнѣѧт[ь]. Злѣ же и ап[о]с[то]льское ѡно слово въспрїемлѧт[ь], г[лаго]лѧщее: мал[ъ] квас[ъ] въсе къмѣшенїе квасит[ь], сице ѡни таковое пишѧт[ь]: мал[ъ] квас[ъ] въсе вмѣшенїе тлит[ь], покꙋшаѫщесѧ малоѫ сеѫ г[лаго]ланїа виноѫ въ[зъ]бранити квас[ъ], иже въскыслый χлѣбъ въздвижѫщїй. Нѫ ниж[е] мощем[ь] с[вѧ]тыχ[ъ] χотѧт[ь] поклонѣти сѧ нѣцїи ѡт[ъ] ниχ[ъ], ниж[е] с[вѧ]тым[ъ] иконам[ъ], ниж[е] великыѧ с[вѧ]тыѧ ѡ[т]цѧ нашѧ архїереа же и оучителѧ б[ог]ослова г[лаго]лѧ Григорїа, и Великого Василїа, и б[о]ж[ь]ствнаго Злат[о]оуста съ прочими причитаѫт[ь] с[вѧ]тыми, или ѡтнѫд[ъ] оученїе иχ[ъ] прїемлѧт[ь], и ина нѣкаа творѧт[ь], ıаже трꙋдно ес[ть] подробнꙋ изчьсти.. Иχ[ъ] же въсѣχ[ъ] ѡт[ъ] д[оу]шѫ ненавиждѫ, ѡт[ъ] ср[ъ]дца ѡтвращаѫсѧ, съ единомѫдрьными и помощникы иχ[ъ] ѡтнѫд[ъ] гнѫшаѫсѧ и проклинаѫ и ѡтстѫпники вънѣнѣѫ б[о]жїѧ.. Съ сими и въсѣкѫ инѫ ересь, иже прѣжде съборовъ или по ниχ[ъ], на цр[ъ]ковь вьставшѫѧ и люди г[оспод]нѧ ѡтсѣцати и ѡтвръзати начинаѫщѫ, лъстными ж[е] оучителствы простѣйшиχ[ъ] помысли съвъсχищаѫщѫ и ц[а]рское повелѣнїе [и] правое слово вьсѣчьскы прѣкращаѫщѫ ѡттрѣсаѫ же и ѡтвращаѫсѧ.. И сїа оубо из[ъ] начала даж[е] до зде, ѡт[ъ] различныиχ[ъ] посланик[ъ] [sic!] Кур[ъ] Петровѣχ[ъ] по избранїю избравь, положиχ[ъ], и ѡвѫ оубо, ıако не имѫщѫ многѫ бѣдѫ, просто мимотекоχ[ъ]“ и пр.

Не излишнимъ будетъ замѣтить и то, что Слово о постѣ пресвятой Богородицы, начинающееся по Котелеру отъ словъ: Ἐπειδήπερ ἡ εἰς ἐμέ σου αἴτησις, πνευματικὲ ἀδελφέ, περὶ τῆς νηστείας τῆς ὑπερενδόξου Θεοτόκου ἦν, ὅπως ἔχῃς, ταύνην εἰς εὐλογίαν ἐγγράφως. [Понеже прошенїе твое, д[оу]χовный брате, къ мнѣ быс[ть] о постѣ прѣславныѧ б[огороди]цѧ,

іако да имаши тъй съ писаніем[ь] на благословеніе] и приписываемое имъ въ Monumenta ecclesiae graec. III 428 слѣд. св. Анастасію синаитскому, принадлежитъ тому же Никону Черногорцу [199]) и заимствовано изъ X слова Наставленій, которое въ спискѣ львовскомъ находится на стр. 151—159. Все различіе обоихъ текстовъ заключается только въ томъ, что въ приведенномъ въ Monumenta ecclesiae греческомъ апографѣ оно излагается немножко сокращеннѣе, чѣмъ въ извѣстномъ намъ славянскомъ переводѣ Наставленій Никона. Въ текстѣ греческомъ Котелера пропущены именно къ концу статьи о постѣ нѣкоторыя весьма существенныя мѣста, для лучшаго ознакомленія съ которыми мы позволяемъ себѣ сообщить ихъ здѣсь дословно. „Даже до зде сіа вьсѣ, пишетъ Никонъ [по львовскому списку Наставленій на стр. 158—159] кому-то изъ подчиненныхъ его попечительности духовныхъ братій, „даже до зде сіа вьсѣ, по прошенію твоемѹ еже б[ог]ъ дарова и пр[ѣ]ч[и]стаа б[огороди]ца съпоспѣшьствѹѫщи иже въ имѧ сѧ постѹ, отдана ти бышѧ о г[оспо]ди въ твоѭ же и инѣх[ъ] ползѫ. [Но] обаче и се потрѣбно ес[ть] по послѣдованію зде въспомѣнѫти, таж[е] и не имат[ь] бл[а]гословное, и къ свѣдѣнію къ еже отразити таковаа и пріемати истинѫ [это значитъ—въ заключеніе мы тебѣ скажемъ еще и о такихъ постахъ, которые, если и не признаны церковью, то все таки заслуживаютъ, чтобы упомянуть о нихъ при случаѣ и такимъ образомъ предостеречь тебя о правдивомъ ихъ значеніи]. Обрѣтает[ь] [бо] сѧ главизна с[вѧ]таго Анастасіа надписѹема [подобно моей].. Нѫ, обаче [главизна эта] не равносильна ес[ть] къ истинный разѹм[ъ] и ради сего омышленіе имат[ь] не быти с[вѧ]таго Анастасіа. [Но какъ бы то ни было] обач[е] или сице или инако, [то все таки главизна эта] приносит[ь] тамо три пости древнѧѧ, ѧже прѣдал[ъ] ес[ть] б[ог]ъ Моѵсеѹ, и г[лаго]лет[ь], іако по семѹ образѹ о[т]ци наши прѣдашѫ нам[ъ] три тъчіѫ пости, и не г[лаго]лет[ь] кыѧ, по имени, нѫ г[лаго]лет[ь] г҃. безъ имени. И се аще и не имат[ь] оубо твръдое и бл[а]гословное, нѫ обач[е] къ истиннѣйшій въводит[ь] разѹм[ъ], [если въ продолженіи своихъ выводовъ утверждаетъ], іако прѣдпочтеннѣйши ес[ть] прѣславныѫ б[огороди]цѫ пост[ъ] [200]), нач[е] с[вѧ]тыхъ ап[о]с[то]лъ.. Обаче пакы и ина обрѣтаем[ъ] различіа въ б[о]ж[ь]ствнѣм[ъ] писани: едино ѹбо, іакоже исправа, іакож[е] и съй г[лаго]лет[ь] въ сей главизнѣ три посты възаконилъ ес[ть] б[ог]ъ— послѣдиже, по врѣменех[ъ] бл[а]гословных[ъ], и ини приложени бышѧ: един[ъ] ѹбо, въ еже о Есѳирѣ притчи и прѣславнѣй силѣ б[о]жіи; дрѹгый же пакы о онѣх[ъ] древних Макавеох[ъ], с[ы]нох[ъ] Матѳіевѣх[ъ], и [о] обновленіи Іер[оу]с[а]л[и]ма. И иже Есѳиринѫ книгѫ прочил[ъ] ес[ть], тако и глаголемыѫ Маккавейскыѫ, обрѧщет[ь] сіа тамо написана; не вѣм[ь] же, аще и ини въображени бышѧ въ ветсѣ [разумѣется, законѣ] пости. Такожде и въ новѣм[ь]: из[ъ] начала оубо единѫ великѫѫ четвородесѧтницѫ оуставишѧ с[вѧ]тыи ап[о]с[то]ли и вьсѣкѫ срѣд[ѫ] и п[ѧ]т[ъ]к[ъ] вьсего лѣта, іакоже прѣднаписаное тѣх же б[о]ж[ь]ственое правило сказѹет[ь],

послѣжде же, по врѣменех[ъ] и врѣменех[ъ], въωбражени быша и друзїи. И обач[е] аще и главизна сїа есть с[вѧ]т[а]го Анастасїа, нъ оубо Ѹмышленїе имат[ь], ıако сїа всѣ нѣс[ть] обрѣл[ъ] въ б[о]ж[ь]ствнѣм[ъ] писанїи. И пакы с[вѧ]тый Анастасїе въ д[ь]ни Иракліа ц[а]рѣ бѣ, с[вѧ]тый же съборь съединенїа, иже ѡ семь постѣ възаконѣвый, послѣжде быс[ть], при Романѣ старци и Констѣ. И ıакож[е] показа истин[н]а от[ъ] ветхагож[е] и новаг[о], по врѣменех[ъ] и врѣменех[ъ] [иже] въωбражени быша пости, и въ ветсѣм[ь] и въ новѣм[ь], и ради сего, ıакож[е] и прѣдпоказасѧ, главизна сїа въ зазорѣ ес[ть], ıако не имат[ь] оутвръжден[н]ое. И азъ Ѹмиленый и поселѣнинь, ниже въ своем[ь] разоумѣ оутвръждено имам[ь], и сего ради не смѣю ѡ таковых[ъ] отвѣщателнѣ рещи, нъ паче б[о]ж[ь]ствнаа тъчїю писанїа, ıаже прочьтох[ъ], ıавлена творю, ıакоже и повелѣнь бых[ъ]“ и пр. и пр.

D) Къ числу сочиненій каноническаго содержанія, имѣвшихъ большой практическій интересъ, принадлежала, наконецъ, и такъ называемая Алфавитная Синтагма [201]) Матѳея Властарія, составленная, по собственнымъ словамъ автора [202]), въ 1335 году, а въ концѣ XIV вѣка извѣстная, по разысканіямъ Шафарика, уже и въ дословномъ славяно-сербскомъ переводѣ [203]). Но мы должны замѣтить, что списки Властаріевой Синтагмы, образовавшіеся изъ того дословнаго славяно-сербскаго перевода [204]), были трудомъ, если не излишнимъ, то почти безполезнымъ [205]), такъ какъ неознакомленному съ греческимъ языкомъ Славянину трудно было знать, что статьи, начинающіяся въ его языкѣ буквой Ђ, какъ, напримѣръ, статьи о бракахъ, о степеняхъ брака и пр., должно въ славянскомъ текстѣ искать подъ греч. буквою Гама, а статьи, начинающіяся буквой ц, какъ, напримѣръ, статьи о церкви и церковныхъ дѣлахъ, искать подъ греческою буквою Епсилонъ и т. д. Переведенная дословно съ греческаго языка и расположенная не по славянскому, но по греческому алфавиту, переставала затѣмъ Синтагма Матѳея Властарія быть въ славянской своей одеждѣ тѣмъ, чѣмъ была въ греческомъ подлинникѣ, т. е. переставала быть книгой, о которой Матѳей Властарій былъ совершенно правъ, высказавъ [по изд. Ралли и Потли VIII 5] слѣдующее убѣжденіе: „Πάντων δὲ τῶν συνειλεγμένων κανόνων τὴν δύναμιν, εἰς τίτλους εἴκοσι πρὸς τοῖς τέσσαρσι, κατὰ τὸν ἀριθμὸν τῶν παρ᾽ ἡμῖν στοιχείων, διελών, καὶ τούτων ἑκάστῳ τὴν προϊσχομένην ὑπόθεσιν, τὸ πρῶτον τῆς ἰδίας λέξεως συγγενὲς αὐτῷ γράμμα καλῶς ἐφαρμόσας, τάς τε προσηγορίας τῶν αὐτοὺς εὑρομένων δηλώσας, καὶ τὰ τῶν τίτλων αὖθις κεφάλαια διὰ τῶν ἀριθμητικῶν ἐμφήνας στοιχείων, ῥᾳδίαν, ὡς οἶμαι, καὶ ἐπιτετμένην πρὸς τὴν αὐτῶν γνῶσιν φέρουσαν ἔτεμον τρίβον“ и пр.

Но мы должны, съ другой стороны, замѣтить и то, что между рукописями святоонуфріевскаго монастыря во Львовѣ намъ попался случайно и такой славянскій списокъ Синтагмы [206]), въ которомъ отдѣльныя статьи Матѳея Властарія размѣщены не по греческому, но уже по славянскому алфавиту [207]), и въ которомъ затѣмъ статьи о бракахъ размѣщены не подъ буквою Гама, но подъ боквою б; статьи о церкви и церковныхъ

дѣлахъ не подъ буквою Епсилонъ, но подъ буквою ц и такъ дальше. Это значитъ, что въ спискѣ свято-онуфріевской библіотеки, мы имѣемъ дѣло съ реформой, которая вышеупомянутыя намѣренія Властарія примирила съ духомъ славянскаго языка и такимъ образомъ создала пособіе, въ которомъ такъ же, какъ и въ греческомъ подлинникѣ, легко было найти все то, что оказывалось нужнымъ. А если спросимъ о ближайшихъ обстоятельствахъ, касающихся этой смѣлой реформы, то изъ записей [208]), помѣщенныхъ на стр. 44—46 и на стр. 800 можемъ догадываться [209]), что главнымъ дѣятелемъ ея былъ не кто иной, какъ царь Иванъ Васильевичъ Грозный. Не находя въ Россіи нужной ему [210]) славянской Синтагмы Матѳея Властарія [т. е. такой, въ которой отдѣльныя статьи излагались бы по славянскимъ составамъ], онъ рѣшился вытребовать, а лучше заказать ее въ славившейся тогда учеными пастырями Молдавіи [211]). Онъ обратился затѣмъ въ 1556 году къ князю и господарю Молдавовлахійскому Александру [1522—1568], который, исполняя желаніе царя, поручилъ дѣло это епископу романскому Макарію, какъ одному изъ ученнѣйшихъ и даровитѣйшихъ. Преосвященный Макарій [212]) сталъ писать въ 1556 году, но окончилъ свой трудъ, по всей вѣроятности, не раньше 1560 года, какъ заключать можно изъ факта, что высылка рукописи послѣдовала только Сентября 18 въ 1561 г. [213]). Между тѣмъ, судьба захотѣла, что приготовленная для царя Іоанна рукопись не дошла на мѣсто своего назначенія и задержана была въ одномъ изъ галицкихъ монастырей, гдѣ болѣе 300 лѣтъ скрывалась отъ лица науки!.... А судя по извѣстнымъ мнѣ донынѣ описаніямъ и каталогамъ, рукопись эта есть единственный этого рода экземпляръ!....

Разсматриваемый здѣсь свято-онуфріевскій или точнѣе Макарьевскій списокъ Синтагмы Матѳея Властарія замѣчателенъ, однако, и потому еще, что, кромѣ статей, предпосланныхъ самимъ авторомъ книги [на стр. 1—44], и кромѣ нѣсколькихъ вступительныхъ словъ, присовокупленныхъ ея переводчикомъ Макаріемъ [на стр. 44—46], содержатся въ ней еще слѣдующія, болѣе или менѣе любопытныя прибавленія: 1) ветхое десѧтословіе ѿ[ъ] Левитіка [на стр. 46—48]; 2) статѧ с[вѧ]т[а]го Мазима [котораго?] ѡ трехъ оустамленіах[ъ] или оустамененіахъ церкви, начинающаяся отъ словъ: Три оубо оустамленіа вѣсть цръкви [на стр. 48—49]; 3) статья подъ заглавіемъ: Иже великыѧ цр[ъ]кве ѡффики—officia, munera [на стр. 708]; 4) извлеченіѧ ѿ[ъ] правилъ с[вѧ]таго Іѡанна постника, статья, начинающаяся отъ словъ: Нѫ оубо и по пос[т]никоу б[о]ж[ь]ственом[ъ] Іѡаннѣ врачьство иже нам[ъ] приключажщіихсѧ страстей да видим[ъ] и пр. [на стр. 750—765]; 5) Никиты, бл[а]женнаго митрополита иракліискаго, ѿвѣты [всѣхъ отвѣтовъ девять] къ нѣкоемоу Кѡнстантинѡн[ъ] епископу, ѡ них[ъ] же въпрошен[ъ] быс[ть] [на стр. 765—767]; 6) Иже въ с[вѧ]тых[ъ] Никифора, Кѡнстантінова града исповѣдника, правила [всѣхъ правилъ тридцать шесть] ѿ[ъ] цр[ъ]ковных[ъ] его съчиненіих[ъ] [sic!] и иже съ ним[ъ] с[вѧ]тых[ъ] ѡ[тє]ць [на стр. 767

—773]; 7) извлеченіѧ ѿт[ъ] ѿвѣт[ъ] [всѣхъ отвѣтовъ двадцать восемь] Ішанна, с[вѧ]щеннѣйшаго еп[и]ск[о]па Кітроїскаго, къ с[вѧ]щеннѣйшему єпископоу драчьскомоу Кавасилѣ [?] ѡ антиминсѣх[ъ] [на стр. 773—788]; 8) статѧ ѡ д[оу]ховницѣхь, начинающаяся отъ словъ: Єп[и]ск[о]п[ь], иже под[ъ] ним[ь] с[вѧ]щенникѡмъ ѩвѣ, ѩко и пр. [на стр. 788—790]; 9) статѧ ѡ цр[ъ]кѡвныих[ъ] санѡвѣхь, начинающаяся отъ словъ: Ѿт[ъ] цр[ъ]кѡвныих[ъ] властель прьвый ест[ь] голѣмый иконом[ъ], вторый же над[ъ] великоѫ сакелліеѫ, рекше голѣмый сакеларіє и пр. [на стр. 790—793]; 10) Изѡбраженіе ѿт[ъ] ц[а]рѣ Лъва прѣмѫдраго, како имѫт[ь] чина прѣстолы цр[ъ]кѡв[ь] ѿт[ъ] подлежѫщіих[ъ] патріархоу Кѡнстантінѣ града митрополіѧ [на стр. 793—795]; 11) небольшой сборникъ употребляемыхъ въ текстѣ латинскихъ выраженій, съ пояснительнымъ славянскимъ переводомъ [стр. 798]; 12) тоже чинъ, бываемый на поставленіе ігоумена [стр. 798—799] и, наконецъ, 13) записка отъ имени воеводы и господаря Александра къ царю Іоанну Васильевичу Грозному [на стр. 800].

Что касается языка, на которомъ составленъ Макаріевъ списокъ, то всего вѣроятнѣе, что составитель не слѣдовалъ слѣпо другимъ извѣстнымъ уже издавна южно-славянскимъ переводамъ Синтагмы, но что онъ, наоборотъ, писалъ привычнымъ славяно-румынскимъ жаргономъ и съ самою рабскою зависимостію отъ подлиннаго греческаго текста. Не имѣя, однако, возможности разсматриваемый здѣсь Макаріевъ текстъ Синтагмы сличить съ другими славянскими переводами, мы выписываемъ здѣсь всего лишь слѣдующія, болѣе занимательныя мѣста: „Иже с[вѧ]щенных[ъ] и б[о]ж[ь]ственных[ъ] вещь правиль“, пишетъ Матѳей Властарій въ предисловіи къ изданной имъ книгѣ, „процвьте оубо ѿт самого того, ѩкоже слово реши, б[о]гомѫжнаго въ жительствѣ слова, ѿт нелиже и хр[и]стіанское ч[ь]стное прѣданіе, мнѡгогласноѫ ап[о]с[то]лскоѫ трѫбоѫ, по въселеннѣй въсей даром[ь] бл[а]г[о]д[а]ти възгласи: почѧсти же прилѡженми възрастаѧ и разширѣема, принадлѫщих[ъ] ради цр[ъ]кви, по различных[ъ] винах[ъ] и врѣменех[ъ] нѡвѣйшим[ъ] вещем[ъ], даже до с[вѧ]т[а]го и въселенскаго седмаго събора, ес[ть] съпроста: чистѫ оубо и до нас[ъ] своѫ крѣпость б[о]жіеѫ бл[а]г[о]д[а]тіѫ съблюде, и ничтоже ѿт[ъ] врѣменнаго пріемше навѣта. Сіи бо [разумѣется, правила] ми мнѧтсѧ быти иже и мнѡго ѹбо и различно имѫще ч[ь]стное каменіе, единоѫ же цр[ъ]кве тъкѫще зданіе [μίαν δὲ τὴν τῆς ἐκκλησίας ὑφαίνοντες οἰκονομίαν], съслагаеми и съчинѣеми, им[ъ] же адова врата николи же ѡдолѣти, сп[а]съ наш[ь] ѿрече. Понеже бо, по въсіаны сп[а]с[е]нныѧ заповѣди, иже идолобѣсіа лъстець, ѿцвѣте и оувѣдааше, и въ небытіе, ѩкоже имѣаше ес[ть]ства, раздроушаашесѧ, ѩкоже тъма нашествіемь свѣта, нестрьпѣвь побѣжденіа сего лѫкавый, не възмнѣ быти емоу подобно безмлъствовати, нѫ своѫ ѡдеждѫ въспомѣнѫвь, и въ чл[овѣ]кы пагоубныѧ и злочьстивыѧ ѡдѣавсѧ, иным[ь] ѡбразом[ь], тоуждыми и прѣлъстными прѣданми, истинѣ [dat. sing.] пакы тъщаашесѧ ѡдолѣти, вторыми нѫдѧсѧ съкрыти, прѣдварившаа; нѫ влъкь ѩвисѧ, слова въсоуе зіаѧ. Съборы бо ѩко въскорѣ б[ог]онѡсных

ѡ[те]цъ, вьселенстіи же вькоупѣ и помѣстніи, по времене҃х[ъ] своих[ъ] събирахѫсѧ, и сего неистовства врѣд[ъ] ѡтрѣваахѫ и пр. и пр. Сіи оубо вьси, нетъчїѫ прѣсѣваемаа тоуждаа прѣданїй [οὗτοι δὴ πάντες, οὐκ ὅπως τὰ ἐπισπειρόμενα νόθα τῶν δογμάτων] ис[ъ] коренѣ самого оудостоинїѧ истръгнѫти, тъщанїе вьсѣко вьнесше, нѫ оубо и оуставы и закони съчинити житїоу полезны, с[вѧ]щенное наше жителство исправлѣѭщих[ъ] и къ ѡпасенїю прѣданїй вькоупѣ и житїоу б[о]голюбезномꙋ нас[ъ] наказоуѭщих[ъ] [sic!] соугоубо вьмѣсто єдїноѫ мѫч[и]телю, ıако с[вѧ]щеннаго Х[ристо]ва стада забрала, приносѧще ıазвѫ.. Сїи владыкамъ закѡнополагаѫт[ь] [въ рукописи сказано: закѡнополагает[ь]] и рабом[ъ], владѧщим[ъ] и чѧдѡм[ъ], мѫжем[ъ] и женам[ъ], бракоу и небрачїю, вьздръжанїю и пищи, прѣмѫдрости и невѣждьствоу. Сїи оубо и ц[а]рѣ вьсего паче почитати повелѣваѭще и пр. По тому поводу и азъ, пишетъ Матоей Властарій дальше [214]), иже ѡ оутвръждени сп[а]скаго прѣданїа и потрѣбнаго вьсѣм[ъ] чл[овѣ]кѡм[ъ], ıакоже рѣх[ъ], оученїа, б[о]голѣпнаа вьсѣ правила събравь, и сих[ъ] оумь, вькоупѣ же и иже сїа истлъковавшах[ъ], ıако мощно, ѡ сказанїи вь рѣчех[ъ] съкративь, ничтоже оубо ѡставити ѡт[ъ] тѣх[ъ] съмысла, єлико вь нашѫ силѫ прїиде, поискѫ, нетъчїѫ, нѫ и єлика сих[ъ] тлъкѡвники се[ть], єгда где ѡставишѧсѧ, нам[ъ] же вь ꙋм[ъ] приключисѧ пасти, нѫждна, мнѧ, и боголюбивым[ъ] д[оу]шам[ъ] вьжделѣнна, прочитаѭщїимъ не завидѣвше, нарѫчно [πρόχειρον] по нашей силѣ, сътворихом[ъ] сложенїе. Вьсѣх[ъ] же събранных[ъ] правил[ъ] силѫ вь гранїи двадесѧте къ четырем[ъ], по числоу иже оу нас[ъ] съставь, сирѣч[ь] писмен[ъ] раздѣливь и ѡт[ъ] сих[ъ] коемоуждо прѣдимѣемѫѧ винѫ, првомоу своеѫ рѣчи сърѡдномоу того писмени добрѣ присъчетавъ, именованїа же иже тѣх[ъ] изобрѣтших[ъ] ıавивь, и еже гранес[ъ] пакы главизны чисьными изıавивь съставы, оудобнѫ, ıакоже мнѧ, и скоро къ тѣх[ъ] разоумоу приводѧщѫ съкратив[ъ] стъзѫ, вьзрок[ъ] ѡтсѫдоу ѡтемь прочитати сїѫ лѣнѧщимсѧ, прѣсыщенїе сих[ъ] мнѡгословїа прѣдлагаѭщих[ъ], иже сих[ъ] съмысла погрѫжаѭщомоу, къ сим[ъ] же, и еже не вь єдиной странѣ коейждо винѣ правилним[ъ] ѡтлѫченѡм[ъ] быти. Потрѣбно же оубо съмислих[ъ] и градскаго закѡноположенїа, мала же и съкращенна, сърѡдным[ъ] правиль главизнам[ъ] съприложити, с[вѧ]щенным[ъ] правилѡмъ съпособствоуѭща и съвѣщаѭща, и прѣизлиха твръдостно ѡ сих[ъ] свѣдѣтелствоующа“ и пр.

Какъ образецъ Макарьева перевода, прилагаемъ, впрочемъ, еще и статью о епископахъ, которая подъ буквою Є, глава г҃. [по греческому тексту буква Е, глава XIII] читается такъ: „Иже вь првой главѣ оусътава правило пѧтдесѧте и ѡсмое свѧтих апостолъ. Єпископь есть зрител[ь] и промыслъник[ъ] и печаловник[ъ] вьсѣм[ъ] събираѭщимсѧ д[оу]шам[ъ] иже вь того єпархїи [Ἐπίσκοπός ἐστι θεατὴς καὶ κηδεμὼν τῶν ἐκκλησιαζομένων ψυχῶν, τῶν ἐν τῇ αὐτοῦ [у Ралли и Потли: ἐν τῇ αὐτῇ ἐπαρχίᾳ]], силѫ имѣѧ съвръшителнѫѧ презвитера, и дїакѡна, поддїакѡна, чьтца, пѣвца и инока. Свойствно есть єпископоу смѣренїим[ъ] оубо съни-

сходити, прѣнебрѣщи же възем҄лѫщіихсѧ и къ смѣренію, дѣлом[ъ] и словом[ъ[, грьдыих[ъ] мѫдрованіе низвлачити, и бѣдѫ пріємати по стадѣ, и иного тѣснотѫ своѫ болѣзнь творити [καὶ προκινδυνεῦειν τοῦ ποιμνίου, καὶ τὴν ἐκείνου στενοχωρίαν οἰκείαν ὀδύνην ποιεῖσθαι]. ꙗко єпископωм[ъ] заповѣдано єсть възвѣщати, иже странѣ старѣйшинствоуѫщіим[ъ], ѡбиди ѡбидѧщіих[ъ]. Єпископи да посѣщѫт[ь] сѫщіих[ъ] въ темници въ вьсѣкѫ срѣдѫ и пѧтокь, любо раби, любо свободни бѫдѫт[ь], и да оустраѫт[ь] кнѧзѧ творити ѡ них[ъ] єлика законоповелѣваѫт[ь]; непокорѣѫщим[ъ] же сѧ кнѧзем[ъ], да възвѣстѧть цареви ѡ них[ъ]. Єпископи дльжни сѫт[ь] оустраати кнѧзѧ вънѫтръ дьній двадесѧте изнѧти вврьженыѧ въ темницѫ рабы, и аще не ꙗвлѣѫтсѧ владыкы вънѫтръ двадесѧте дьній, поустити их[ъ]. Іщи и тридесѧтѫ главѫ II. състава.

Е) Къ Кормчей книгѣ присовокуплялась иногда также Русская Правда [215]), а нерѣдко и другіе уставы русскихъ князей, или точнѣе—русскихъ гражданскихъ властей. Но мы должны сознаться, что въ Кормчихъ львовскихъ, а также и въ другихъ, извѣстныхъ намъ галицкихъ спискахъ Кормчей, памятниковъ этихъ нѣтъ совершенно. Тоже и въ иныхъ каноническихъ рукописяхъ западно-русской редакціи намъ не попадался пока еще ни одинъ такого рода экземпляръ, и надобно думать, что памятники древне-русскаго гражданскаго права считались въ земляхъ западно-русскихъ, въ которыхъ съ половины XIV вѣка стали преобладать другія политическія и юридическія воззрѣнія, чѣмъ то вполнѣ безполезнымъ и отжившимъ. Зато тѣмъ чаще намъ попадались между рукописями львовскими экземпляры такъ называемаго Литовскаго Статута [216]), который именно и былъ главнымъ представителемъ новыхъ политическихъ и юридическихъ воззрѣній [217]), и который, вслѣдствіе того, въ многочисленныхъ рукописныхъ и печатныхъ копіяхъ [218]) расходился по всей юго-западной Руси. Въ числѣ львовскихъ рукописей [219]) мы находили также и два русскіе [скорописные] экземпляры Литовскаго Статута—одинъ въ библіотекѣ [200]) имени Оссолин. подъ № 35, а другой [безъ заглавія] въ библіотекѣ университетской [221]) подъ цифрою 1. F. 16. Но такъ какъ списки эти произошли изъ печатнаго краковскаго изданія [222]), обнародованнаго при Сигизмундѣ III въ 1588 году, то мы не будемъ вдаваться въ дальнѣйшія о нихъ соображенія [223]), и переходимъ къ слѣдующему отдѣлу, т. е. къ памятникамъ русской полемической литературы.

VII. Къ числу полемическихъ сочиненій принадлежатъ, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова, всѣ тѣ статьи и книги, которыя являлись для защиты православной вѣры, и въ которыхъ, кромѣ ученій латинской церкви, оспариваемы были также и всѣ другія христіанскія ереси, а нерѣдко также и жидовское и магометово ученіе [224]). Но мы должны замѣтить, что въ земляхъ западно-русскихъ [225]), въ которыхъ собственныя ереси были почти неизвѣстны, но зато тѣмъ упрямѣе обнаруживались усилія латинской церкви, имѣли съ давнихъ уже поръ большой практическій интересъ и

большую популярность въ народѣ только тѣ произведенія полемической литературы [226]), которыя направлены были противъ злоупотребленій латинства и противъ махинацій латино-польской политики. Это самое повторялось, впрочемъ, и въ областяхъ спеціально галицко-русскихъ [227]), такъ что говорить о произведеніяхъ полемической литературы въ этихъ областяхъ значитъ то же самое, что говорить о сочиненіяхъ, направленныхъ противъ навѣтовъ и притязаній латинизма, съ одной, и противъ попытокъ польской политики, съ другой стороны. Да, въ областяхъ галицко-русскихъ, и именно въ стѣнахъ города Львова [228]), находилось едва ли не самое оживленное средоточіе описываемой здѣсь народно-полемической дѣятельности, едва ли не самыя замѣчательныя огнища этой національно-церковной борьбы, которая въ XVI и XVII вв. принимала все большіе и большіе размѣры. А если такъ, то мы не станемъ удивляться, что и теперь еще въ библіотекахъ и архивахъ львовскихъ попадутся намъ гораздо чаще сочиненія, направленныя противъ латино-польскихъ притязаній, нежели произведенія другихъ полемическихъ разрядовъ.

Но прежде нежели перейдемъ къ подробному исчисленію относящихся сюда львовскихъ рукописей, мы должны упомянуть еще и о томъ обстоятельствѣ, что сочиненія этого послѣдняго разряда, т. е. сочиненія, направленныя противъ латинской церкви дѣлятся вообще на два большіе отдѣла. Онѣ состоятъ, во первыхъ, изъ статей переводныхъ, заимствованныхъ изъ византійскихъ [отчасти неизвѣстныхъ по имени] писателей, и направленныхъ большею частію противъ однихъ только догматическихъ разногласій съ римскою церковью, и, во-вторыхъ, изъ статей и сочиненій, составленныхъ своими собственными, русскими писателями, и направленныхъ большею частію противъ возникавшей тогда церковной уніи и противъ соединенныхъ съ нею чисто народныхъ и политическихъ оскорбленій [229]). А если сочиненія перваго отдѣла важны были, какъ пособія къ изученію теоретическихъ сторонъ спора, то сочиненія втораго отдѣла имѣли значеніе памятниковъ, въ которыхъ живые, пламенные порывы души, живыя, пламенныя страсти враждовавшихъ сторонъ находили сильный отголосокъ. Мы начинаемъ съ памятниковъ перваго отдѣла.

А) Между памятниками полемической литературы, заимствованными изъ византійскихъ источниковъ [мы говоримъ здѣсь, очевидно, только о доступныхъ намъ львовскихъ спискахъ], занимаютъ первое мѣсто тѣ, которые находятся въ Кормчей книгѣ и расположены въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Извлеченія изъ посланія Петра, архїепископа алезандрїйскаго [230]), къ венедическому, или къ ветскомоу епископу [въ спискахъ сербскаго разряда глав. XLIII, а въ спискахъ русскаго разряда глав. LI и LII]; 2) Сказаніе w апостолу [231]) о латинѣ и о опрѣсноцѣхъ [лишь въ спискахъ русскаго разряда, глав. LIII]; 3) Поученіе отъ седми съборъ [232]) на латиноу [лишь въ спискахъ русскаго разряда, глав. LIV];

4) Посланіе Петра, антиохійскаго патріарха, ко архіепископу венетійскому [233]) о опрѣсноцех[ъ] [лишь въ спискахъ русскаго разряда, глав. LV]; 5) Никиты, мниха и презвитера [234]) монастыря стоудійскаго, пореклом Стифата, о опресноцѣхъ [въ спискахъ сербскаго разряда глав. XLIV, а въ спискахъ русскаго разряда, глав. LVII и LVIII]; 6) Того же [Никиты] к[ъ] Латином о постѣ [235]), иже в[ъ] суботу, и о брацѣ презвитеров[ъ] их[ъ], и о острыжении брады, и о ростящыхъ главная власы и тѣми красящихся, и о перстени, иже носятъ епископи их[ъ] [въ спискахъ сербскаго разряда глав. L, а въ спискахъ русскаго разряда главы LIX и LX]; 7) Статья о фрязѣхъ, или о фряизехъ [236]) и о прочихъ латинѣхъ [въ спискахъ сербскаго разряда глав. LI, а въ спискахъ русскаго разряда глав. LXI]; 8) Извлеченіе изъ 1 посланія [всѣхъ посланій было три] Леонтія [237]), архіепископа болгарскаго о опрѣснокахъ [лишь въ спискахъ сербскаго разряда, какъ приложеніе къ главѣ XLIII] и, наконецъ, 9) Анастасія, [патріарха и] архіепископа антіохийскаго [238]) исповѣданіе о папѣ римском Григоріи беседовницѣ [лишь въ спискахъ сербскаго разряда, какъ приложеніе къ главѣ LII, гдѣ говорится о достоинствѣ архіерейскаго сана].

Къ памятникамъ тѣмъ примыкаютъ дальше статьи, находящіяся въ Сборникѣ [239]) свято-онуфріевскаго монастыря подъ № IV, а именно: 1) „Иже во с[вя]тыхъ о[т]ца нашего Афанасія, архіепископа алеѯандрскаго нужнѣйшіе вопросы и отвѣты о христіанствѣ св. православія [240]), начинающіяся отъ словъ: „Которыя вѣры ч[е]л[овѣ]къ еси, господине?“ [на стр. 102—106]; 2) Первая часть наставленій патріарха Германа о св. тройцѣ [241]), состоящая изъ самыхъ только выписокъ, заимствованныхъ изъ сочиненій св. Іоанна Дамаскина [именно, изъ его богословія]; св. Василія Великаго изъ разныхъ словъ его и изъ слова къ Амонту; св. Григорія чудотворца; св. Григорія, епископа кипрскаго; св. Анастасія Синаитскаго; Дамаса, папы римскаго—отъ посланія его къ Павлину, епископу селуньскому и пр. [на стр. 119—134]; 3) Вторая часть доказательствъ патріарха кvръ Германа [242]) о св. тройцѣ и о происхожденіи св. Духа [на стр. 127—134]; 4) Анастасія, патріарха антіохійскаго, и Кирилла александрійскаго [243]) изложеніе краткое о вѣрѣ [на стр. 134—137]; 5) „Сповѣданіе вкратцѣ, какоего раді дѣла отлучишася от[ъ] насъ латины [244]) и извръжени быша от[ъ] первенства своего“ [на стр. 137—142]; 6) „Изложеніе о вѣрѣ святаго Маѯима въ кратцѣ, еже въпрашати всякому христіанину православному“ [на стр. 142—144] [245]); 7) „Никиты, мниха и презвитера [Стифата] статьи о опрѣснокахъ“ и другихъ изложенныхъ въ Кормчей книгѣ отступленіяхъ латинской церкви [246]) съ нѣкоторыми не безъинтересными варіантами [на стр. 146—165]; 8) Слово избранное на безбожныя латиняны [247]), начинающееся отъ словъ: „Егда мовятъ латины: изборная цр[ъ]ковь Римь, а оплатокь тѣло Христово“ и пр. [стр. 184] и, отчасти также, 8) Поученіе безъименнаго автора [въ видѣ 50 сентенцій], названное „Мостомъ правой вѣры [248]) и клю-

чемъ спасенія", и начинающееся отъ словъ: „Вѣруй въ Отца и с[ы]на с[вя]т[а]го духа, въ троицю нераздѣльнѫю, и въ въплощеніе еже сына вѣруй, и пр. [стр. 102—106].

Нѣкоторыя не безъинтересныя статьи того же отдѣла находятся, впрочемъ, также и въ Торжественникѣ [249]) свято-онуфріевскаго монастыря подъ № XVII, гдѣ онѣ помѣщены въ концѣ книги, какъ приложеніе, а именно: 1) статья папы Григорія [250]) о происхожденіи св. Духа отъ Отца и Сына [стр. 895—896]; 2) Отвѣщаніе патріарха константинопольскаго Германа [251]) на статью эту [стр. 896—908]; 3) Того же Германа поученіе „къ жестоковымъ[ъ] латіномъ[ъ]" [на стр. 909—912] и, наконецъ, 4) Исповѣданіе о с[вя]тѣй единосущнѣй и животворящой троици" изъ котораго уцѣлѣло, однако, одно лишь заглавіе [на стр. 912].

И въ Сборникѣ [252]) свято-онуфріевскаго монастыря подъ № XVIII попадалась намъ [на стр. 436—440], въ видѣ поученія на недѣлю 3 пятидесятницы, одна принадлежащая сюда статья [253]), а именно: „Слово о съборнѣй церкви, и о латинѣ, и о оплатцѣхъ вкратцѣ", которое оканчивается слѣдующими словами: „И якоже прѣжде Асиряне раздроушиша мидеьское ц[а]рство, а Мидяне вавѵлоньское, и Римляне Іер[оу]с[а]лимь, тако разорит[ь] Антихрис[тъ] Рим[ъ] и вес[ь] прѣдѣль римскый, и вся латиноу поплѣнит[ь] и погоубит[ь] до конца, потом[ъ] же вл[а]д[ы]ка г[оспо]дь нашь Іи[соусъ] Х[ристо]с[ъ]—Антихриста".

В) Къ числу полемическихъ памятниковъ втораго отдѣла принадлежатъ прежде всего [срав. прим. 229] тѣ сочиненія, которыя составлены были древнѣйшими настоятелями русской церкви въ духѣ упомянутыхъ здѣсь византійскихъ образцевъ, а отчасти также и на ихъ основаніи [254]). Но въ рукописяхъ львовскихъ мы успѣли изъ этихъ древне-русскихъ примѣровъ полемики [255]) отыскать всего лишь два, и, къ счастію, наиболѣе замѣчательныя произведенія, а именно: 1) Поученіе преподобнаго кіевопечерскаго игумена Ѳеодосія [256]), составленное имъ для великаго князя Изяслава [1054—1077], по собственному желанію князя [въ Патерикѣ университетской библіотеки, на стр. 480—487], и 2) Письмо митрополита русскаго Іоанна II. [1080—1088] [257]) къ папѣ Клименту III [въ русскихъ спискахъ Кормчей, глава LVI]. Тѣмъ чаще попадались намъ зато въ библіотекахъ и архивахъ львовскихъ произведенія такъ называемой новѣйшей полемики. Но мы должны замѣтить здѣсь, что произведенія новѣйшей полемики [258]), а именно произведенія, являвшіяся съ половины XVI—XVIII вѣка, попадались намъ, обыкновенно, не въ рукописныхъ, но въ бывшихъ тогда въ ходу старопечатныхъ изданіяхъ. Въ рукописномъ видѣ сохранялись въ библіотекахъ и архивахъ львовскихъ всего лишь слѣдующія четыре сочиненія: 1) Пересторога неизвѣстнаго по имени львовскаго священника, составленная около 1606 года и находившаяся до недавняго времени въ архивѣ Ставропигійскаго института подъ № 406 [стран. 99—131]; 2) Правдивое описаніе Уніи другаго Анонима [260]),

составленное около 1610—1620 года [въ библіотекѣ университетской подъ цифрою 1. D. 21]; 3) Палинодія знаменитаго въ дѣяніяхъ полемической эпохи архимандрита кіево-печерской Лавры Захаріи Копыстенскаго [261]), оконченная въ 1621 году, но до сихъ поръ [262]) не изданная [въ библіотекѣ университетской подъ цифрою 1. D. 17], и, наконецъ, 4) Истинная Вѣра православной восточной церкви [263]), составленная іеромонахомъ Товіею Петрашкомъ въ 1706 году [въ библіотекѣ университетской подъ цифрою 1. I. 12].

Между рукописями этого послѣдняго разряда, мы даемъ большое преимущество [о литературныхъ достоинствахъ Перестороги срав. Филарета Обзоръ рус. дух. лит. № 159] полемическимъ выводамъ другаго Анонима. Мы находимъ въ авторѣ [264]) человѣка свѣдущаго и весьма точно ознакомленнаго съ тогдашними людьми и стремленіями, съ тогдашними усиліями и бѣдствіями людей, преданныхъ народности и вѣрѣ, ознакомленнаго, однимъ словомъ, со всѣмъ тѣмъ, чѣмъ тревожилось и чего опасалось современное ему западно-русское общество.... Историческія свѣдѣнія [265]) нашего Анонима о ходѣ Уніи [они обнимаютъ періодъ времени отъ 1580—1620 годовъ] и приведенныя имъ подробности о такъ называемыхъ „герштахъ“, или предводителяхъ того столь опаснаго и съ интересами русской церкви и народности столь несогласнаго направленія, въ высшей степени важны и занимательны для историка и для психолога... Онѣ излагаются при томъ просто и неизысканно, и лишь изрѣдка появляются болѣе ухищренныя риторическія фигуры, а вмѣстѣ съ тѣмъ и замѣчательные проблески какой-то печальной и горестной ироніи!.. „Не извѣстивши о томъ ни отцу патріарсѣ и одною литерою, пишетъ нашъ Анонимъ о предводителяхъ уніатскаго движенія, „[и] от[ъ] всего народу русскаго хитростію тое оутаивши, Ипатій [Потѣй] и Терлецкій, герштове отступства того, до Риму пустилися и там[ъ] [року 1595] римскому папежу своим[ъ] и всего народу руского, т. е. всѣхъ русскихъ сословій, именем[ъ], которіи о том[ъ] не токмо не вѣдали, але не мыслили никогда, послушенство отдали, и въ ногу его цѣловали, и тако тую велебную свою унію хитре и подступне справили. [Но] видячи себе отъ своихъ пароховъ опущенными и зневаженными, [а] з шляхтою, з панами [и] з[ъ] княжати мало что, албо отнюдъ ничого не могши почати зачали з[ъ] мѣщаны, з[ъ] людом[ъ] посполитим[ъ] и из[ъ] священниками. Пустыли межи них[ъ] [разумѣется, подъ покровительствомъ и при содѣйствіи польскихъ властей] злаго своего отступства злыи проповѣдники: кіи [т. е. палки], посторонки, ланцухи, турми, инквизиціи, баниціи и иныи мученія и трапенія и тым[ъ] подобніи оучители, которыи бы тяжкою и трудною до знесеня своею проповѣдію до последования отступства ихъ народъ примушали. Кождій въ своей діоцизіи почали пресвитеровъ и иныхъ от[ъ] парохій отдаляти, иных[ъ] ланцухами и турмами мордовати, а которыхъ през[ъ] оусильность не могли наклонити, тых[ъ] податками тяжкими мордовали, баниціи на нихъ наносили, церкви им печатали, и от[ъ] всего имѣнія

отдалѧли, [и] из[ъ] парохій выгонѧли. А мещанъ также, едныхъ от[ъ] лавицы ратушной [т. е. отъ права засѣдать въ городской думѣ] отдалѧли и рꙋговали [съ польскаго: rugować, или точнѣе изъ нѣмец. rücken, wegrücken], иныхъ[ъ] от[ъ] цехов[ъ], иншихъ[ъ] вѧзенієм[ъ] и окрꙋтными темницами без[ъ] милосты трапили [съ польскаго trapić], первіє: въ Берестю, в Пиньскꙋ, в[ъ] Красном[ъ] Ставѣ и по иншихъ[ъ] мѣстахъ, а потом[ъ] пришло: до Вильнѧ, до Полоцка, до Витепска, до Орши, до Могилева и до иншихъ[ъ] мѣстъ бѣлорускихъ[ъ]. И такою своєю окрꙋтною и нехристіанскою проповѣдію идучи, когда видѣли, иж[ъ] ничого не оуспѣетъ, але чимъ оны сꙋровѣйшии на людъ посполитій и свѧщенныки, тымъ оны барзій вриділисѧ и оудалѧлисѧ от[ъ] ныхъ[ъ], [то] оны до иншой ради [=совѣтъ] скритой и развращенной оудалисѧ, которой человѣчій промѣслъ [=промыселъ] никогда забѣгти не моглъбы... Третыи способы, которыми тꙋю дискордію рачей, а не оунію форитꙋютъ, суть тыи: церквей из[ъ] имѣніем[ъ] отнѧтіє, набоженства забороненіє, волностей и добръ [=польскому: dobra—имѣніе] отнѧтіє, оутыски розмаитіи, преслѣдованѧ, мордерства, потвари [=польск. potwarze], позви [=pozwy], даны [=danic], презыски, депутаціи пѣнѧжніи, баниціи, вѧзенѧ духовныхъ, переизди на дорогахъ[ъ] посполитихъ[ъ] и в[ъ] градѣхъ[ъ] небезпечное премешкованѧ [=przemieszkowanie]. Тожъ то есть причины, способы и постꙋпки, през[ъ] которіи православній народъ россійскій до оуніи с[ъ] костелом[ъ] римским[ъ] приводѧтъ и примꙋшꙋютъ! И [какія могутъ быть послѣдствія того дѣла], що за потѣхи того плодꙋ, що за потомство? Не иншое что, токмо раздори, незгоди, сꙋспиціи розмаитіи и непріѧзны, бо якое зачатіе и рожденіе, такій и плодъ; что перед[ъ] тым[ъ] была згода, милость, то нынѣ незгода и непріѧзны; что пред[ъ] тым[ъ] пріѧтели, то нынѣ враги; якового ми Росси сердца на Татари и на Турки, такового оуніѧтове [и, разумѣется, сподвижники ихъ, езуиты] на насъ, люди невиннія... А с[ъ] того всего пожитокъ який и комꙋ? Тым[ъ], которіи нехай пꙋхсов[ъ] своего сꙋмленѧ, не и о насъ ко оныхъ[ъ], берꙋтъ! [Да,] вѣрꙋємо, же они той незгодѣ ради, абы на долго пожитки брати. А нѣкоторіи с[ъ] того и побогатѣли, а нам[ъ] шкода и оутрапенѧ и изоубожанѧ имать, юж[ъ] остатнюю одежду зволокают[ъ]... Даємо, вправдѣ, що даємо, але з[ъ] спѣванемъ остаємсѧ нинѣ, при тѣлѣ нагом[ъ], з[ъ] душею правовѣрною. И то даєм[ъ] охотне на мꙋченичество, але надѣємсѧ на бога, иж[ъ] през[ъ] Михаила архістратига запрѣтит[ь] діѧволꙋ пожꙋси и напасти от[ъ] латинников[ъ] на Русь" и пр. А на другомъ мѣстѣ, говоря о смерти всѣхъ шести зачинщиковъ уніи, онъ заключаетъ свое изложеніе слѣдующими словами: „И такъ поглѧдаючи на ново возниклой уніи колесницꙋ, котораѧ шестоконне тѧгнетсѧ до римской свободы, не тѧгнꙋвши [однако] русскаго народꙋ, поисчезали всѣ.. Зачим[ъ] и самаѧ колесница [т. е. Унія], и сѣдѧщіи на ней, того жъ дачают[ъ], что и съ первыми дѣѧлосѧ" и пр.

Очень важны для богослова [хотя и слишкомъ растянуты] изслѣдованія Захарiи

Копыстенскаго. Они обращены въ особенности противъ выводовъ Льва Кревзы о первенствѣ римскаго престола и ведутся ученымъ архимандритомъ серьезно и съ большою внимательностію къ дѣлу. Они обнаруживаютъ при этомъ его, въ самомъ дѣлѣ, изумительную начитанность въ греческихъ, латинскихъ, русскихъ и польскихъ сочиненіяхъ [266]), а вмѣстѣ съ тѣмъ самое короткое знакомство съ пріемами схоластическаго метода и необыкновенный діалектическій талантъ.. Мы позволяемъ себѣ въ доказательство этого сообщить здѣсь, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя болѣе характеристическія мѣста: „Показавши то за помочїю добротливого бога в[ъ] тых[ъ] трох[ъ] прешлых[ъ] первой части роздѣлах[ъ], читаемъ, напримѣръ, въ части второй, артикулѣ первомъ [по львов. списку на стр. 263—265], „достатечне и доводне, иж[ъ] Петръ с[вя]тый немѣлъ навышшого, головного удѣлного пастырства, и же надя иншїи ап[о]с[то]лы жадной прерогативы и болшей в церкви Х[ристо]вой владзы не мѣлъ, опроч[ь] персоналных[ъ], то ест[ъ] самой особѣ его належачых[ъ] цнот[ъ] и даровъ д[оу]ховных[ъ] особливших[ъ], и прочь того, [иж[ъ] онъ одинъ з[ъ] межи всѣхъ отъ Христа Г[оспо]да на то выбран[ъ] былъ, который бы был[ъ] таемницею единости церковной и фѣгурою всей ц[е]ркви, абы онъ своею особою одною одну Х[ристо]ву ц[е]рковъ фѣгуровалъ, и штобыколвекъ емꙋ обецано любъ дано от Х[рист]а г[оспо]да было, в особѣ его всей ц[е]ркви обецано и дано быти розꙋмѣно было, што все иж[ъ] персоналное власное добро Петра с[вя]т[о]го ест[ь], спадкомъ на другꙋю особꙋ спадати не может[ъ], же в владзы зась и въ достойности апостолской и пастырской и въ справованю всей Х[ристо]вы церкви ровним[ъ] зо всѣми былъ: тепер[ь] за тою ж[ъ] всесилною бога помочю до другой части поступꙋю, в[ъ] которой показано и доведено бꙋдетъ, иж[ъ] не сам[ъ] один[ъ] бискꙋпъ римскїй потомкам[ъ] и наступцею Петра с[вятого] ест[ь], але и всѣ патріархове, а от[ъ] них[ъ] епископове такъ Петровыми, якъ и Андреевыми, Павловыми, Іакововыми и всѣхъ иных[ъ] апостоловъ сꙋт[ь] наступниками и потомками". [Предпославъ эти вступительныя слова о первой части своего сочиненія и формулировавъ свою настоящую задачу, онъ ведетъ ее такъ]: „Што мовят[ъ] отступнїкове, иж[ъ] овцы Христовы трвати бꙋдꙋт аж[ъ] до скончения света, слꙋшне мовят[ъ]; а што мовят[ъ], же овецъ тых[ъ] Христовых[ъ], до скончения света трвати маючих[ъ], на мѣстцꙋ Христовом[ъ] Петръ с[вя]тый ест намѣстнїком[ъ], а по нем[ъ] его сукцессорове, бискꙋпове римскїе, неслꙋшне мовят[ъ]. Мы абовѣмъ православныи, признавши то ведлꙋгъ зъявенной еvангелской наꙋки, иж[ъ] овцы Христовы аж[ъ] до скончения света трвати бꙋдꙋтъ, и иж овчарня Христова ест[ь] одна, з тои ж[ъ] зъявенной еvангелской науки признаваемо зараз[ъ] и то, иж[ъ] тоей овчарнѣ ꙋдѣлным[ъ] единовладным[ъ] пастырем[ъ] ест[ь] сам[ъ] г[оспо]дь и б[о]гъ наш[ъ] Іс[ус]ъ Христосъ, который о собѣ самом[ъ] [Іоан. X, 16] мовитъ: „и бꙋдет[ъ] одино стадо и один[ъ] пастыр[ь]", што с[вя]тый Ѳеофилактъ толкꙋючи такъ мовитъ: „един пастыр[ь] ест[ь] слово б[о]жїе и б[о]гъ". А же то правда, што мы вызна-

васмо, иж[ъ] одной той овчарнѣ одын[ъ] пастыр[ь] ест[ь] сам[ъ] г[оспо]дь наш[ъ] Іс[усъ] Христосъ, а не Петръ, а по немъ не бискупъ римскій, того ж[ъ] самого збавителя Христа Господа и с[вя]тых[ъ] его апостоловъ наукою доводимо, мовячого [Мат. XXVIII, 2]: „се аз[ъ] с[ъ] вами есмъ всѧ дни до скончаніѧ вѣка", о котором[ъ] и божественный апостолъ Павелъ [Корин. XIII Рим. VI]: „аще, мовитъ, и распят[ъ] быст[ь] [Христосъ] от[ъ] немощи, но живъ ест[ь] от[ъ] силы б[о]жія, и зась: „Христосъ, воставый от[ъ] мертвых[ъ], к[ъ] тому уже не умирает[ъ], смерть им[ъ] к[ъ] тому не обладаетъ". „Положивши теды то за речъ невонтпливую, же Іс[оусъ] Христосъ живъ ест[ь], и же юж[ъ] болше им[ъ] см[е]рть владнути не можетъ, и же з[ъ] нами на вѣки зоставает[ъ], кладемо за речъ певную и то, же онъ сам нас[ъ] пасетъ, сам[ъ] рядит[ъ], сам[ъ] справует[ъ] и сам[ъ] пастырем[ъ] нашим[ъ] без[ъ] жадныхъ намѣстниковъ зоставаетъ. [А если поставляются патріархи, епископы и другіе, то они поставляются, какъ завѣдатели церквей помѣстныхъ]: Сут[ъ] еднакъ ап[осто]лове, патріархове и епископове головами и пастырми церквій своихъ помѣстныхъ, совѣ жребіемъ или удѣломъ припалыхъ, и жадного з[ъ] них[ъ] одиного и целуального не было, и [никто изъ нихъ] не естъ головою и пастыром[ъ] навышшим[ъ] над[ъ] всею каѳолическою церквію. Самъ абовѣмъ Іс[усъ] Христосъ тѣла своего найвышшего головою и еднымъ найвышшем[ъ] пастырем[ъ] ест[ъ]. Затимъ безумный овъ отступниковъ розумъ ест[ь] облюбеници Христовой, церкви, иншого опекуна такого, якійся им[ъ] здает[ъ], а през[ъ] то Христа господа, облюбленца ей, або за непритомного, або за умерлого мѣти, который онъ такъ ест[ь] правдиве притомным[ъ], якъ слова его овыи правдивыи: „Ото я з[ъ] вами естем[ъ] по всѣ дни аж[ъ] до скончения свѣта" [Мат. XXVIII]. О том же не иначей и с[вя]тыи учителеве церковныи розумѣютъ, але такъ якъ мы, з[ъ] писма святого и з[ъ] писмъ их[ъ] научени, розумѣемо. Отсылаю тя, православный, до прочитаня артикулу третего, в[ъ] роздѣлѣ второмъ части первой [тамъ содержится: „Отповѣдь на нѣкоторыи з словъ тыхъ: паси овцѣ мои, которыми они монархію в церкви Христовой поставити усилуютъ"].

Къ сожалѣнію, мы не можемъ выразиться такъ похвально объ авторскихъ достоинствахъ іеромонаха Товіи Петрашка. Мы цѣнимъ его добрую волю и охоту быть полезнымъ церковному дѣлу, но его необдѣланные и очень неловкіе діалоги мы должны всетаки назвать опытомъ не удавшимся. Изъ сообщенныхъ имъ свѣдѣній заслуживаетъ большаго вниманія всего лишь слѣдующее мѣсто: „Правда то естъ, говоритъ авторъ діалоговъ [на стр. 355—358] именемъ Ортодокса къ Етеродоксу, „мало бо таковыхъ бываетъ, еже бы имѣли без своей нѣкой вины пріватной ко унѣи накланятьсѧ. Будетъ кто оубогий, не имат[ъ] откуду помощи обрѣсти, неимѣетъ чим ратоватісѧ, скоро тамъ прилѣпитсѧ кто самоволне, но сицевых скудно или насіліемъ привлеченъ, убѣжденъ будеть. И се абіе помощъ в нищетѣ одержуетъ, честію и саномъ почитанъ бываетъ, яко то: в ратушахъ урѧды, в рынку

домы и кромы [=kramy], на банкетахъ и бесѣдахъ вышшаѧ мѣста имъ рымлѧне и ѹнѣѧ, такожде и духовейству волность всѧкѹю и честь [и] маетности даютъ и прочаѧ, право, аки Антихристова, прелестнаѧ творѧтъ знаменіѧ. Что видѧще православны, зѣло сѹще ѡбидимы, ѡскорбленны, ѡбраженны, порѹганъны и цѣле ѿ[ъ] них[ъ] ѹничиженны, часомъ самы, а часомъ насиліемъ пристѹпѹютъ къ уніи из[ъ] великой совѣсти грызеніемъ и смущеніемъ, акы бѣдныи прелстившесѧ ѿ части, благоволѧтъ. Что не велми давно [и] во Львовѣ събыстсѧ, по свѣдителству знаменитаго мужа, іеромонаха Самѹила Красѹскаго, казнодѣи и духов[ника] церкви братской ѹспеніѧ пр[е]с[вѧ]той дѣвѣ богородици, который в Кіевъ, до Лавры печерской казнодѣи Сілѹана Ѡзѣрского, рокѹ ҂аѱв марта е. сице пишет[ъ] по польскѹ: „Przewielebny w Bogu Mści Oycze y luby Bracie! Czytając pismo Prze. J. braterśko do mnie ordinowane, ciesze się z miłego y dobrego zdrowia P. J., ktorego y zyczę w długi wik ku pomnożeniu chwały bożey. Czytam w tymże pismie P. J. że Jego Mość Metropolita Kiiowski [Barlaam Jasiński sam czytał przy obiedzie ten list] tego iest o mnie mniemania, iakobym ia został iakimsi „honitelem". Nie dziwnię się, bo y panu Chrystusowi mówiono: єй, хѹлит! Gdybym ia gonił, cośbym przecie ugonił; ale ia nie tylko гонитї, но и гонімъ, бѣгати не могѹ, bo na nogę skaleczałem. Zostaię tedy takim, iakim y przedtym byłem свѧтой православно-каѳолической вѣры y iednego słowka niewymuionc, ani przidaiąc. Tak wierzę y tak wyznawam, іако церковъ с. никейское symbolum читает. [NB. За сіе мы православныи глаголемъ емѹ: богъ да проститъ, помилѹетъ и спасетъ его, а за настѹпающе, понеже начал[ъ] златомъ, а кончил[ъ] блатом[ъ], не диакѹемъ, сіце бо пишет[ъ]] [267]): A lubo nam włożono w usta *papu,* żadnego iednak ieszcze tym nieudławiono [игра словъ состоитъ, замѣтимъ кстати, въ томъ, что винительный падежъ русскаго слова „папа [римскій]" означаетъ въ жаргонѣ польскихъ дѣтей что нибудь съѣстное]. Y owszem, coszmy byli iako małe dziatki, teraz za pożywaniem tego chleba rosniemy w ludzie. Już nam y za stołem z ludźmi siadać pozwalaią, y urzędy Rusi rozdają, czego we Lwowe do tych czas nie było. Prawda, nie szukaliśmy tego y nie spodziaiismy się, żeby Rus krszczono: Czemuż Rusin z Polakiem niema papy smakowati? Niedai, boże, aby z tey okazyiey do rozlania krwię chrzescianskiey przisc miało. Bo coż by to za pociecha Rusi była, gdyby się od Rusi ruska krew przelewać miała? Niech te strachi nie ydą y na lachi [NB. Poszły tegoż roku, gdzie y xiąże Czetwerte: scięto, bo przy suchim dostaie się y surowemu]. Więc by w to potrafiać mieli, którzy moc y władzę od Boga wzieli y mają, iakoby bez rozlania krwie ludzkiej w ludziach zgodę y swiętą iedność uczynie mogli? Wolno Prz. J. y samemu te pismo moie, iako chciec, trutinowac y komu chciec przezętowac. Ja iednak samego siebię w nieodmiennei braterskiey, iako ni w czim nieodmiennego, miłosci chowac, ktorego modlam s: wruczam się, zostaią[c] we Lwowie marta 5. 1702 prze. W. Wsze. Dobra, szczerożyczliwy brat y sługa, Grzeszny ieromonach Samuiel Krasuski".

Къ числу полемическихъ памятниковъ второй эпохи принадлежитъ, наконецъ, также и большое число находящихся въ архивѣ Ставропигійскомъ грамотъ, корреспонденцій, инструкцій, окружныхъ посланій и другихъ этого рода актовъ; но, стѣсняемые теперь обстоятельствами мѣста и времени, мы говорить будемъ о нихъ обширнѣе при иномъ случаѣ.

VIII. Между рукописями львовскими находились, безъ сомнѣнія, и всѣ важнѣйшія лѣтописныя книги, какъ заключать можемъ изъ того обстоятельства, что въ письменныхъ памятникахъ XV и XVI вѣка, а именно въ тогдашнихъ хроникахъ и исторіяхъ [въ латинскихъ и польскихъ безъ различія] попадаются неоднократно ссылки и свѣдѣнія, почерпнутыя, очевидно, изъ рукописныхъ разсказовъ преподобнаго Нестора, изъ такихъ же разсказовъ Волынскаго лѣтописца и др. Даже и до нашихъ дней дошла была въ числѣ рукописей Ставропигійскаго института, между прочимъ, копія [или, быть можетъ, подлинникъ] такъ называемой львовской лѣтописи неизвѣстнаго автора [268]), напечатанной въ первый разъ [269]) Каз. Влад. Войцицкимъ въ краковскомъ „Квартальникѣ науковомъ" 1835—1836 г., во второй разъ [270]) М. Погодиномъ въ Русскомъ Историческомъ Сборникѣ за 1838 г., а въ третій разъ А. Петрушевичемъ въ Сборникѣ галицко-русской матицы [271]) за 1867 годъ. И въ библіотекѣ собора перемышльскихъ крилошанъ, судя по даннымъ, сообщеннымъ въ каталогахъ, извѣстна была до недавнихъ поръ еще копія Волынской лѣтописи. Но въ настоящее время утрачены уже послѣдніе остатки русскаго лѣтописанія [272]), такъ что о рукописяхъ этого послѣдняго разряда остались одни лишь воспоминанія. Въ настоящее время могутъ только еще по частнымъ архивамъ [273]), или у кого нибудь изъ нашихъ многочисленныхъ библіомановъ [это весьма не интересный классъ людей недоученыхъ и недоступныхъ] находятся, быть можетъ, копіи той или другой лѣтописи.

IX. Но если количество памятниковъ собственной исторіографіи въ библіотекахъ и архивахъ львовскихъ вообще не большое, то оно отчасти вознаграждается чрезвычайно богатымъ запасомъ другихъ историческихъ пособій, уцѣлѣвшихъ въ отличномъ видѣ и обнимающихъ періодъ времени отъ половины XIV до конца XVIII вѣка. Къ числу послѣднихъ принадлежатъ, во первыхъ, такъ называемыя метрики [точнѣе—метрическія записки], раздѣляющіяся на метрики частныя, приходскія [274]) и гражданскія [275]); принадлежатъ дальше такъ называемые Помянники [Memoriae mortuorum], раздѣляющіеся тоже на Помянники частные [276]), монастырскіе [277]), братскіе [278]), приходскіе [279]) и цеховые [280]), и вообще всѣ тѣ списки [281]), каталоги и табели, въ которыхъ содержатся тѣ или другія данныя для разъясненія родственныхъ и сословныхъ отношеній нашего края. Къ числу тѣхъ же менѣе замѣчательныхъ, но всетаки немаловажныхъ пособій исторіи относятся, во вторыхъ, многочисленныя и весьма разнородныя по содержанію записки [282]), которыя разбросаны по полямъ церковныхъ книгъ, рукописныхъ и старопе-

чатныхъ [283]); относятся дальше описанія актовъ, грамотъ, привиллегій и другихъ этого рода памятниковъ литовскаго и польскаго права, лучшіе образцы которыхъ мы находили въ рукописяхъ [284]) библіотеки имени Оссолинскихъ подъ 1802 и 1803 гг.; инвентари публичныхъ и частныхъ имѣній и такъ называемыя „фассіи", то есть точные правительственные отчеты о качествѣ и стоимости этихъ имѣній [285]); инвентари „секуляризованныхъ", т. е. распущенныхъ Іосифомъ II монастырей, находящіеся въ большомъ количествѣ въ библіотекѣ университетской во Львовѣ, и такъ называемыя „Miscelannea", или „Manuscripta variae materiae", встрѣчающіяся тоже въ большомъ количествѣ въ библіотекѣ университетской во Львовѣ [286]) и состоящія изъ различныхъ корреспонденцій, изъ различныхъ сатирическихъ пьесъ и случайныхъ стихотвореній и пр. Между рукописными пособіями этой послѣдней группы занимаютъ, однако, самое видное мѣсто и важны въ отношеніи историческомъ прежде всего такъ называемые Діаріи и протоколы Ставропигійскаго братства, то есть: протоколы совершенныхъ братствомъ этимъ выборовъ [элекцій] и засѣданій, а также отчеты о состояніи братскихъ имѣній и капиталовъ, и объ употребленіи ихъ въ пользу братскихъ церквей и монастырей, братскихъ больницъ, братской типографіи и снабжаемой средствами братства школы и пр. Мы насчитали и теперь еще въ архивѣ нынѣшняго Ставропигійскаго института болѣе двухъ сотъ свитковъ [фасцикуловъ], тетрадей и книгъ этого содержанія, писанныхъ большею частію порусски, но часто также попольски и полатини, и убѣдились, что онѣ заслуживаютъ вполнѣ того вниманія, съ которымъ отнесся къ нимъ въ новѣйшее время нашъ трудолюбивый профессоръ Др. Шараневичъ [287]). Онѣ позволяютъ намъ узнать не только всѣ текущія и, такъ сказать, буденныя занятія нашего городскаго сословія [288]) съ половины XVI—XVIII вѣка, но даютъ намъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможность прослѣдить также и тѣ широкія связи, которыя соединяли членовъ Ставропигійскаго братства съ другими западнорусскими братствами, монастырями и школами,—прослѣдить, однимъ словомъ, всѣ тѣ закрытыя и задушевныя дѣйствія, чрезъ посредство которыхъ члены Ставропигійскаго братства были въ состояніи выдвинуться до значенія одного изъ самыхъ вліятельныхъ народно-церковныхъ обществъ того времени. Онѣ дѣлятся на слѣдующія группы:

1) Альбумы, точнѣе—списки принятыхъ въ братство членовъ съ собственноручными ихъ подписями и печатями [289]); тоже списки послуживщихъ братству чиновниковъ и учителей; каталоги бывшихъ въ его школѣ воспитанниковъ и другіе этого рода памятники, приведенные въ инвентаряхъ Ставропигійскаго института [въ скобкахъ передаются числа годовъ] подъ слѣдующими номерами: 300 [1586—1619]; 301 [1586—1831]; 581 [1586—1874]; 582, 583.

b) Діаріи братства, точнѣе—протоколы всѣхъ его дѣйствій, вмѣстѣ съ реестрами всѣхъ его приходовъ и ежегодныхъ расходовъ, означенные въ инвентаряхъ Института слѣдующимъ порядкомъ: 213 [1649—1656]; 218 [1605—1607]; 299 [1663—1664, 1700

—1704]; 434 [1599—1650]; 435 [1607—1609]; 436 [1599—1621]; 437 [1612—1616]; 438 [1627—1628]; 439 [1633—1644]; 440 [1643—1645]; 441 [1645]; 442 [1646—1680]; 443 [1646—1683]; 444 [1647—1687]; 445 [1648—1654]; 446 [1657—1671]; 447 [1657]; 448 [1659—1671]; 449 [1663—1666]; 450 [1666]; 451 [1674—1692]; 452 [1674—1684]; 453 [1676—1681]; 454 [1677—1681]; 455 [1680—1757]; 456 [1686—1725]; 457 [1689]; 458 [1690—1697]; 459 [1691—1716]; 460 [1692—1695]; 461 [1695—1697]; 462 [1698—1700]; 463 [1699]; 468 [1637—1674]; 469 [1658]; 470 [1664—1670]; 471 [1691—1702]; 472 [1697]; 473 [1656—1659]; 474 [1662—1669]; 475 [1665—1666]; 476 [1665—1690]; 477 [1687—1695]; 478 [1690—1695]; 479 [1690—1724]; 480 [1692—1698]; 481 [1695—1699]; 482 [1616—1635]; 483 [1619—1630]; 484 [1630—1633]; 485 [1631—1638]; 486 [1634—1651]; 487 [1635—1645]; 488 [1638—1645]; 489 [1647]; 490 [1648—1649]; 491 [1649—1650]; 492 [1651—1653]; 793 [1651—1654]; 494 [1651—1653]; 495 [1642—1644]; 496 [1652]; 497 [1654]; 498 [1654]; 499 [1656]; 500 [1659—1662]; 501 [1659—1663]; 502 [1660—1661]; 503 [1662—1664]; 504 [1663—1665]; 505 [1663]; 506 [1665—1669]; 507 [1665—1667]; 508 [1669—1671]; 509 [1667—1670]; 510 [1669—1671]; 511 [1669—1682]; 512 [1683—1684]; 513 [1686—1687]; 514 [1688—1689]; 515 [1688—1689]; 516 [1689]; 517 [1690—1696]; 518 [1690—1691]; 519 [1692—1695]; 520 [1692—1704]; 521 [1692—1704]; 522 [1692]; 523 [1691—1692]; 524 [1692—1720]; 525 [1697]; 526 [1699]; 527 [1680—1724]; 528 [1700—1703]; 529 [1705—1710]; 530 [1700—1704]; 531 [1716—1719]; 532 [1721—1724]; 533 [1722]; 534 [1724—1730]; 535 [1724—1733]; 536 [1730]; 537 [1730—1732]; 538 [1733—1752]; 539 [1733—1758]; 540 [1733—1740]; 541 [1737—1740]; 542 [1740—1744]; 543 [1750]; 544 [1756—1758]; 545 [1756—1758]; 546 [1758—1760]; 547 [1758—1785]; 548 [1758—1779]; 549 [1760—1775]; 550 [1758—1797]; 551 [1783—1788]; 552 [1780—1803]; 553 [1781]; 554 [1784—1798]; 555 [1788—1791]; 556 [1725]; 557 [1737—1739]; 558 [1691—1717]; 559 [1715—1722]; 560 [1724—1730]; 561 [1733—1751]; 562 [1736—1742]; 563 [1733—1749]; 564 [1740—1758]; 565 [1733—1758]; 566 [1752—1781]; 567 [1758—1774]; 568 [1758—1775]; 569 [1797—1809]; 570 [1701—1702]; 571 [1726—1730]; 572 [1729—1732]; 573 [1727—1730]; 574 [1730—1731]; 575 [1732—1733]; 577 [1732—1813]; 640 [1648—1651].

c) Діаріи братства и счетныя книги новѣйшаго времени, находящіяся въ архивѣ Института подъ номерами: 29, 39, 40, 48, 52, 67, 164 [1797—1819]; 276, 277, 578 [1815—1825]; 579 [1826—1829]; 580 [1830—1831]; 585 [1830]; 586 [1830]; 587 [1830]; 588 [1830]; 593 [1820—1832]; 663.

d) Счеты, предлагаемые братству со стороны другихъ и третьихъ лицъ: 69, 157 [1807—1808]; 623 [1592].

e) Инвентари братскихъ церквей, братскихъ монастырей, братской школы, библіотеки

и архивовъ: 6 [1636, 1751, 1758, 1780, 1786, 1819]; 7 [1759]; 8, 9, 10 [52]; 62, 115, 116, 158, 161, 166, 213 [1649—1656]; 215, 279, 303 [1699]; 576, 584, 589, 590, 591, 592, 621 [1579]; 622 [1579]; 631, 632, 634.

f) Инвентари, или „консигнаціи“ братскихъ капиталовъ, фундацій, легатовъ и прочихъ источниковъ братскаго имѣнія: 36, 62, 205, 212 [214]; 215 [237]; 277, 305, 596.

g) Записки и квитанціи должниковъ братства, тоже ихъ поручителей: 104, 109, 150, 203, 204, 222, 226, 231, 239, 265, 608, 612, 613.

h) Грамоты, касающіяся собственныхъ долговъ братства: 59, 65, 76, 189, 227, 667.

i) Грамоты, касающіяся слѣдующихъ съ братскихъ имѣній податей: 27, 167, 292 и пр.

k) Грамоты, касающіяся войсковыхъ постоевъ въ домахъ ставропиг. братства 111 [1622]; 163, 388; наконецъ,

l) Грамоты, касающіяся войсковыхъ конскрипцій: 235.

X. Къ числу находящихся во Львовѣ рукописныхъ памятниковъ принадлежатъ, наконецъ, также и различнаго рода привиллегіи, грамоты, конфирмаціи, договоры и другія важныя и любопытныя для науки пособія, или такъ называемые историческіе акты—въ собственномъ значеніи этого слова. Но мы должны замѣтить, что, если вышеописанные отдѣлы рукописныхъ львовскихъ и вообще галицкихъ памятниковъ остались почти неизвѣстны ученому міру, то памятниками этой послѣдней группы, какъ самыми необходимыми пособіями западно-русской и польской исторіи, стали у насъ заниматься уже издавна съ большимъ усердіемъ. Мы встрѣчали, напримѣръ, уже въ изданіяхъ Зубрицкаго довольно частыя ссылки на рукописные матеріалы, сохраняемые въ библіотекахъ и архивахъ львовскихъ; встрѣчали тамъ нерѣдко и выписки болѣе любопытныхъ мѣстъ и вѣрныя копіи цѣлыхъ грамотъ. Мы находили выписки, а нерѣдко также и полныя копіи львовскихъ и галицкихъ грамотъ также и въ явившихся донынѣ выпускахъ извѣстнаго Науковаго сборника [290]) и въ такъ называемыхъ Временникахъ [т. е. календаряхъ] нынѣшняго Ставропигійскаго института, и въ иныхъ, мѣстныхъ и заграничныхъ, и именно русскихъ публикаціяхъ [291]). Историческіе акты, или точнѣе — вписовыя книги бывшихъ городскихъ и земскихъ чиновъ [grodzkich i ziemskich urzędów], находящіяся въ комнатахъ нынѣшняго Ст. Бернгардинскаго монастыря во Львовѣ, сдѣлались также предметомъ изученія и будутъ издаваться постепенно. До сихъ поръ [т. е. по 1874 годъ] явились уже 4 тома этого изданія, подъ заглавіемъ: Akta grodzkie i ziemskie z czasów rzeczy pospolitéj polskiéj z archiwum tak zwanego bernardyńskiego we Lwowie, w skutek fundacyi ś. p. Aleksandra hr. Stadnickiego, wydane staraniem galicyjskiego wydziału Krajowego, we Lwowie 1868—1874.

Хотя сдѣлано довольно много для ученой разработки памятниковъ послѣдней группы, но всетаки трудно сказать, что не остается уже ничего болѣе дѣлать. До нашихъ дней не изданы еще, во первыхъ, многія учредительныя, или такъ называемыя эрекційныя

[tabulae erectionales] грамоты галицко-русскихъ церквей и приходовъ, галицко-русскихъ мужескихъ и женскихъ монастырей, а вмѣстѣ съ ними грамоты, поясняющія состояніе церковныхъ и частныхъ имѣній [293]), въ историческомъ ихъ видѣ и пр. Не изданы, во вторыхъ, многочисленные, исторически важные акты Ставропигійскаго архива; не изданны, въ третьихъ, русскія грамоты, находящіяся въ библіотекѣ имени Оссолинскихъ [293]), также грамоты, находящіяся въ архивѣ городской думы во Львовѣ [294]), и въ Шнейдеровскомъ музеѣ [295]). Не изданы, въ четвертыхъ, и почти вполнѣ неизвѣстны, между прочимъ, и тѣ исторически важныя и дорогоцѣнныя сокровища, которыя скрываются донынѣ въ архивахъ многихъ уѣздныхъ городовъ [296]) и многихъ частныхъ ординацій [297]) въ Галиціи. Мы рѣшились затѣмъ съ проф. Шараневичемъ всѣ неизданныя до сихъ поръ, но въ историческомъ отношеніи важныя и, разумѣется, доступныя грамоты львовскихъ и внѣ-львовскихъ архивовъ собирать постепенно въ одно цѣлое и въ порядкѣ хронологическомъ предавать печати. Не стѣсняясь никакими a priori поставленными условіями, мы будемъ стараться въ задуманную нами коллекцію включить грамоты и акты, касающіеся не только польско-народно-церковныхъ отношеній, но рядомъ съ этими послѣдними и всѣ такія пособія исторіи, въ которыхъ содержатся болѣе характеристическія свѣдѣнія то о нашихъ народно-правныхъ, то о судебныхъ, общественныхъ и торговыхъ дѣлахъ и обо всемъ томъ, что служило отличительнымъ признакомъ нашей минувшей жизни. Прежде всего, однако, войдутъ въ коллекцію нашу [грамоты русскихъ князей] [298]); войдутъ дальше грамоты, привиллегіи и конфирмаціи великихъ князей литовскихъ и королей польскихъ, фундаціи и учредительныя грамоты королей и вельможъ русскихъ и польскихъ; уставныя и церковно-судныя грамоты патріарховъ цареградскихъ, іерусалимскихъ, антіохійскихъ и др. [299]); письма и церковно-судныя грамоты митрополитовъ кіевскихъ и молдаво-влахійскихъ, и такія же письма, грамоты и поученія [300]) епископовъ львовскихъ, перемышльскихъ, холмскихъ, луцкихъ, письма воеводъ и господарей молдавскихъ къ различнымъ монастырямъ [301]) и братствамъ въ Галиціи, именно къ Ставропигійскому братству [302]); письма вельможъ и чиновниковъ молдаво-влахійскихъ, составленныя на языкѣ славяно-русскомъ, но отчасти также и на употребляемомъ тогда [въ XVI и XVII вѣкѣ] новогреческомъ нарѣчіи [303]); торговые договоры русскихъ городовъ съ сосѣдними землями, а именно съ тогдашними молдаво-влахійскими господарями [304]); купчія и продажныя грамоты, инструкціи, корреспонденціи, завѣщанія и пр. и пр. Но если мы въ поискахъ нашихъ будемъ постоянно справляться съ рукописными матеріалами всѣхъ доступныхъ намъ львовскихъ и внѣ-львовскихъ архивовъ, то главнымъ основаніемъ нашихъ издательскихъ заботъ останутся всетаки акты Ставропигійскаго архива, какъ самыя богатыя и самыя разнородныя [305]) пособія къ изученію тѣхъ сторонъ нашей минувшей жизни, которыя именно для русскихъ могутъ имѣть болѣе общій интересъ. Между уцѣлѣвшими донынѣ актами Ставропигійскаго братства находятся именно:

a) грамота князя Льва [306]), въ пользу церкви св. Николая во Львовѣ подъ № 97;

b) грамота русскаго царя Петра В. въ пользу Ставропигійской [теперешней городской, или такъ называемой волошской] церкви подъ № 350;

c) привиллегіи, надворныя рѣшенія, конфирмаціи и тому подобные акты польскихъ королей, начиная со временъ Сигизмунда I до короля Станислава Августа, и состоящія изъ отдѣльныхъ пергаменныхъ листовъ и большихъ бумажныхъ свитковъ [307]), означенныхъ слѣдующими числами: 176 [15, VII, 1589] [308]); 237 [1675]; 255, 260, 261 [1676]; 310 [1522]; 311 [1524]; 312 [15, IV, 1574]; 313 [26, III, 1577]; 314 [17, IV, 1598]; 315 [5, III, 1633]; 316 [5, III, 1633]; 317 [1638]; 318 [29, I, 1649]; 319 [29, I, 1649]; 320 [29, I, 1649]; 421 [29, I, 1649]; 322 [31, XII, 1649]; 323 [10, X, 1669]; 324 [10, X, 1669]; 325 [10, X, 1669]; 326 [10, X, 1669]; 328 [10, II, 1676]; 329 [27, II, 1676]; 330 [28, II, 1676]; 332 [5, III, 1676]; 334 [5, III, 1676]; 336 [6, X, 1695]; 337 [6, X, 1695]; 338 [6, X, 1695]; 339 [6, X, 1676]; 340 [2, XII, 1754]; 341 [13, XII, 1754]; 342 [1580]; 343 [1622]; 344, 345 [1653]; 346, 347, 348, 349, 388, 639 [1538];

d) копіи, экстракты и дупликаты грамотъ королевскихъ: 11 [1356] [309]); 54, 121, 208, 252, 258, 331, 333, 335, 607 [1639]; 644;

e) письма и грамоты воеводъ и господарей [310]) и господарынь молдаво-влахійскихъ [311]), со временъ Александра [1522—1568] до князя Константина Дуки [1693—1703]; 200 [1664] [312]); 365 [?]; 374 [1558—1566]; 375 [1598—1605]; 376 [1590]; 377 [1611—1613]; 378 [?] [313]); 379 [1604—1619]; 380 [1610—1611]; 381 [1614]; 382 [1617]; 383 [1656—1660]; 384 [1621—1629]; 385 [1641]; 386 [1671—1694] [314]);

f) письма и грамоты, уставныя и церковносудныя, патріарховъ цареградскихъ [начиная со временъ Іереміи], патріарховъ антіохійскихъ, іерусалимскихъ и другихъ: 389 [1, I, 1586]; 390 [13, IX, 1589]; 391 [1600]; 401, 402, 403, 404, 405, 407, 408, 409;

g) письма и грамоты уставныя и церковносудныя [315]) митрополитовъ кіевскихъ [начиная со временъ Михаила Рогозы], также письма, грамоты и поученія владыкъ львовскихъ, перемышльскихъ, холмскихъ, луцкихъ и другихъ: 26 [1641]; 121, 191, 392 [22, I, 1591]; 393 [23, I, 1591]; 394 [25, I, 1591]; 395 [27, X, 1591]; 396 [1, VII, 1594]; 397 [27, IX, 1594]; 398 [19, II, 1637]; 399 [1, V, 1630]; 410 [20, VI, 1590]; 411, 412, 413, 414, 415, 416, 417, 418, 419, 420, 421, 422, 423, 424, 425, 426, 427, 428, 429, 430, 431, 432, 433;

h) письма и грамоты высшихъ духовныхъ лицъ изъ Молдаво-влахіи, а именно письма и грамоты логоѳета Луки Строича, также великаго „панамаря“ Исаака Балины и другихъ: 387, 405, 624, 625, 648;

i) письма и грамоты высшихъ свѣтскихъ вельможъ, русскихъ и польскихъ, а именно: письма и грамоты князя Константина Острожскаго; письма Θеодора Тышкевича; письма Адама и Михаила, князей Корыбутовъ Вишневецкихъ и другихъ лицъ: 360, 362, 363, 364, 366, 367, 368, 369, 370, 371, 400 [1518]; 627, 642;

j) письма и сдѣлки Ставропигійскаго братства съ другими западно-русскими братствами, съ вельможами, монастырями и пр. въ дѣлахъ православной вѣры [разумѣется, лишь нѣкоторыя черновые очерки]: 61, 145, 146, 148;

k) деклараціи и рѣшенія королевскихъ комиссій: 256, 327, 351 [1578], 352 [1589—1632]; 353 [1633—1648]; 354, 355, 356, 357, 358;

l) процессы братства и рѣшенія присутственныхъ мѣстъ: 13, 14 [1658]; 16 [1708—1710]; 17 [1591]; 18 [1638—1666]; 20 [1622—1647]; 32 [1575—1701]; 42 [1758]; 43, 44 [1811]; 46 [1572—1577]; 47 [1790]; 49 [1592—1712]; 71, 78, 80, 81, 82, 84, 86, 88, 91, 98, 103, 106, 108, 109, 110, 117, 118, 119, 123, 125, 126, 127, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 143, 147, 152, 154, 155, 170, 173, 174, 184, 196, 219, 233, 246, 249, 253, 254, 257, 267, 269, 272, 282, 295, 298, 306, 307, 308, 322, 351, 352, 353, 354, 355, 356, 357, 358, 361 [1596]; 656, 657, 658, 659, 663, 664, 665, 666.

m) экскомуники церковныхъ властей [316]) и протестаціи: 57, 58, 283, 285;

n) акты, касающіеся преслѣдованій русскаго народа въ Польшѣ: 196, 202 [317]), 205, 260, 268, 312, 313, 315, 318, 323, 330, 338, 341.

o) акты, касающіеся принадлежащихъ Ставропигіи правъ патроната: 113, 153, 594;

p) акты, касающіеся богослужебныхъ дѣлъ: 192, 243;

r) акты, касающіеся отношеній братства къ римской куріи [разумѣется, со временъ принятія уніи]: 55, 121, 122, 144, 259, 283, 284, 286, 293, 642;

s) акты, касающіеся различныхъ родовъ имѣній братства, означаемые по тогдашнему именемъ „фундацій", „записей", „легацій", „депозитовъ", „цессій" и другихъ: 1, 2, 3, 4, 14, 15, 18, 19 [1636—1733]; 21 [1667]; 25, 30 [1622]; 33, 37, 42, 45 [1634]; 48, 60, 64, 70, 74, 78, 79, 80, 82, 85, 87, 89, 90, 94, 95, 99, 107, 110, 120, 123, 124, 125, 126, 127, 129, 130, 131, 136, 154, 156, 160, 165, 216, 228, 242, 266, 294, 598, 602, 603, 604, 617, 620, 645, 649, 658, 660, 662, 666, 672, 682, 683, 684, 685, 686, 689;

t) наймы, купли и продажи: 63, 86, 102, 112, 177, 182, 210, 238, 628, 665;

u) даровщины и завѣщанія: 77, 78, 85, 92, 187, 188, 200, 201, 615, 629, 630;

q) договоры и уложенія: 142, 281, 287, 597, 628;

v) такъ называемыя „пленипотенціи" или уполномоченія: 10, 223;

x) инструкціи для депутацій и агентовъ братства: 105, 193, 198, 234, 244; 270, 273, 277, 288, [289], 304, 312;

y) акты, касающіеся внутренняго и внѣшняго состоянія братства: 105, 122, 128, 158, 161, 240 [1650—1680]; 272, 278, 302 [1659—1661]; 372, 373, 646;

z) акты, касающіеся братской церкви [т. е. касающіеся ея созданія, украшенія и другихъ, соединенныхъ съ нею дѣлъ, споровъ и пр.]: 34 [1595]; 38, 40, 48, 73, 114, 115, 128, 150, 153, 174. 206, 270, 288, 290, 291, 314, 324, 328, 336, 342, 372, 373, 374 [1558—1566]; 375 [1598—1605]; 376 [1590]; 377 [1611—1613]; 379 [1604—1619]; 381 [1614]; 382 [1617]; 383 [1656—1660]; 384 [1621—1629]; 385 [1641]; 386 [1671—1694]; 599, 622, 672, 675;

aa) акты, касающіеся братской школы и школьныхъ дѣлъ вообще: 28, 117, 126, 143, 171, 172, 196, 211, 280, 320, 334, 596, 600, 601, 615, 620, 660, 662;

bb) акты, касающіеся братской типографіи въ различныхъ ея періодахъ: 50, 108, 133, 134, 137, 138, 139, 141, 142, 175, 178, 197, 233, 236, 273, 281, 294, 317, 320, 325, 327, 329, 334, 339, 399, 634;

cc) акты, касающіеся книжнаго дѣла: 54, 68, 96, 112, 122, 140, 178, 179, 180, 181, 194, 195, 201, 210, 217, 241, 265, 299 [1663—1664 и 1700—1704]; 587, 588, 610, 611, 614, 618, 633, 634, 835, 636, 637, 652, 654, 661, 669, 670, 671, 673, 674, 688;

dd) акты, касающіеся экономическихъ дѣлъ братства: 2 [1591]; 27, 31, 35, 48, 72, 75, 80, 83, 159, 168, 177, 183, 207, 209, 221, 224, 229, 230, 275, 605, 641, 643, 682;

ee) акты, касающіеся братскихъ чиновниковъ и слугъ: 28, 65, 101, 128, 153, 199, 278, 289, 307, 324, 328, 336, 340, 372, 373;

ff) акты, касающіеся львовской епископіи и львовскаго капитула [т. е. собора русскихъ крилошанъ во Львовѣ]: 36, 51, 246, 257, 264, 286, 616;

gg) акты, касающіеся свято-онуфріевскаго монастыря во Львовѣ, его церкви и его [снабжаемой средствами братства] больницы: 8, 22 [43 рус. документовъ]; 87 [93], 100, 102, 103, 106, 113, 128, 149, 191, 271, 284, 310, 311, 316, 319, 321, 326, 332, 337, 390, 393, 400, 621, 640.

hh) акты, касающіеся русскихъ монастырей въ Скитѣ, Креховѣ и Равѣ: 232;

ii) акты, касающіеся бывшаго свято-георгіевскаго монастыря во Львовѣ: 281;

jj) акты, касающіеся бывшей уневской архимандріи [въ Галиціи]: 5;

kk) акты, касающіеся бывшаго женскаго монастыря Василіянокъ во Львовѣ: 24, 269;

ll) акты, касающіеся бывшихъ станиславовскихъ [въ Станиславовѣ, въ Галиціи] Василіянокъ: 185;

mm) акты, касающіеся русскаго православнаго братства въ Рогатынѣ [тоже въ Галиціи]: 263;

nn) акты, касающіеся армянскаго братства во Львовѣ: 609 [1780];

oo) акты, касающіеся бывшей богоявленской церкви во Львовѣ: 53.

pp) акты, касающіеся церкви св. Николая во Львовѣ: [97], 98;
rr) акты, касающіеся бывшей церкви св. Ѳеодора во Львовѣ: 135;
ss) акты, касающіеся лицъ, не принадлежавшихъ Ставропигіи: 248, 253;
tt) отрывки различныхъ по содержанію актовъ: 220 [1592—1612] и, наконецъ,
uu) черновыя бумаги Дениса Зубрицкаго: 262, 309, 647, 650, 651.

Примѣчанія.

[1]) Кромѣ коллекцій львовскихъ, обозрѣніе которыхъ мы предложили въ настоящей статьѣ, очень важны для палеографа, между прочимъ, собранія славянскихъ рукописей, находящихся, напримѣръ, въ библіотекѣ собора русскихъ крилошанъ въ Перемышлѣ, или въ библіотекѣ монаховъ чина св. Василія В. въ Добранилѣ, тоже въ библіотекѣ монаховъ ч. св. Василія В. въ Лавровѣ, Дрогобичѣ, Креховѣ и другихъ монастырскихъ, деканатскихъ [напримѣръ, въ старомъ Самборѣ], приходскихъ и частныхъ библіотекахъ нашего края.

[2]) Къ числу этихъ послѣднихъ принадлежитъ не только настоящій городской архивъ, точнѣе—регистратура города Львова со многими драгоцѣнными остатками XIV—XVIII вѣка, но вмѣстѣ съ тѣмъ и такъ называемый бернардинскій архивъ, въ которомъ содержатся весьма многочисленныя книги бывшихъ „городскихъ и земскихъ урядовъ“ въ Польшѣ, имѣющія, такъ сказать, свое дополненіе въ актахъ имп. финансовой прокураторіи во Львовѣ. Нѣкоторыя славяно-русскія рукописи, находящіяся, [мы знаемъ это по наслышкѣ], въ библіотекѣ свято-георгіевскаго собора и въ библ. Народнаго дома во Львовѣ, остались для меня недоступны—по неизвѣстному мнѣ поводу....

[3]) При этомъ случаѣ позволимъ себѣ замѣтить, что нѣкоторыя свѣдѣнія, приведенныя г. Дудикомъ о славяно-русскихъ рукописяхъ во Львовѣ, не вездѣ согласны съ настоящимъ ихъ состояніемъ. Незнакомый, по всей вѣроятности, съ правилами славяно-русской палеографіи, г. Дудикъ воспользовался, повидимому, готовыми уже показаніями, найденными имъ въ доступныхъ ему, но весьма неточныхъ каталогахъ той или другой библіотеки, и вслѣдствіе того испортилъ свои „Галицко-владимирскіе архивы“ такими нелѣпостями, которыя не должны бы встрѣчаться въ этой, впрочемъ, очень полезной и любопытной книгѣ. Не вдаваясь въ опроверженіе всѣхъ даже и менѣе важныхъ ошибокъ каноника, мы укажемъ лишь на такія мѣста въ его сочиненіи [стран. III—151, 168—183], насчетъ которыхъ мы никакъ не можемъ согласиться съ почтеннымъ авторомъ. Подъ № XXIII приводится, напримѣръ, въ числѣ свято-онуфріевскихъ рукописей не встрѣчаемый тамъ экземпляръ Часослова 1595 года, а между тѣмъ подъ этимъ номеромъ мы находимъ списокъ обрядовъ, соблюдаемыхъ при постриженіи и погребеніи монаховъ.

Точно также показаны въ числѣ тѣхъ же рукописей подъ № XXV какія-то не находящіяся тамъ „Institutiones pro monachis in Skit una cum biographia Jobi hegumenis ad finem seculi XVII—vita Jobi iam typis exstat", а между тѣмъ, подъ номеромъ этимъ мы нашли описанное нами ниже „Страстей Христовыхъ размышленіе" въ рукописи XVII —XVIII вѣка. Такъ же точно отнесены, по примѣру каноника Петрушевича, къ XIV и XV вв. такія рукописи перемышльской соборной библіотеки, которыя, безъ всякаго сомнѣнія, составлены въ XVI и XVII вв., какъ, напримѣръ, пергаменное евангеліе подъ знакомъ LXV. D. II, или постныя бесѣды Исаака Сирина подъ знакомъ LII. E. 1 и др. Наконецъ, подъ ложною сигнатурою II. E. 12 показана въ числѣ рукописей той же перемышльской библіотеки не находящаяся тамъ Синтагма Матѳея Властарія, но она поставлена здѣсь, очевидно, вмѣсто остатка каноническихъ правилъ, означеннаго цифрою LXI. A. 1. И вообще, всѣ показанныя г. Дудикомъ рукописи перемышльской библіотеки приведены не подъ ихъ собственными номерами.

4) За исключеніемъ грамотъ, которыя напечатаны въ изданіяхъ археографическихъ коммисій въ Вильнѣ, Кіевѣ и Петербургѣ.

5) Въ собраніи этомъ, составленномъ неутомимыми заботами г. Шнейдера, содержатся, кромѣ небольшаго количества русскихъ грамотъ, весьма любопытные и очень богатые матеріалы къ разъясненію топографическихъ и другихъ мѣстныхъ отношеній Галиціи, въ историческомъ ихъ видѣ.

6) Древнѣйшіе памятники галицко-русскаго происхожденія, или утрачены во время жестокихъ смутъ, постигшихъ западно-русскую землю въ XIII и XIV столѣтіяхъ, или занесены въ сѣверо-восточные предѣлы русской земли, какъ, напримѣръ, такъ называемое крилосское или галицкое евангеліе, которое въ настоящее время хранится въ московской синодальной библіотекѣ. Нѣкоторые экземпляры галицкихъ списковъ утрачены, къ сожалѣнію, уже въ настоящее время, какъ, напримѣръ, пергаменная рукопись XIV вѣка, принадлежавшая свято-онуфріевской библіотекѣ во Львовѣ, изъ которой г. Срезневскій въ Журналѣ мин. нар. просв. за мѣсяцъ Февраль 1843 года напечаталъ „Житіе и хоженіе княжны полоцкой св. Еуфросиніи", усопшей въ 1173 г. Въ Чети-Минеи митрополита Макарія сообщено житіе это подъ 23 Мая.

7) Если позволятъ обстоятельства и достанетъ времени, то я не прочь мои палеографическіе поиски постепенно расширить и на молдаво-влахійскія библіотеки и архивы, въ которыхъ хранятся довольно хорошіе памятники, сколько можно заключать объ этомъ изъ описаній, появившихся на языкѣ румынскомъ въ слѣдующихъ извѣстныхъ мнѣ доселѣ публикаціяхъ: 1) Revista română pentru sciințe, litere și arte, t. 1—3, Bucuresci, 1861—1863, 4°; 2) Archiva istorică a Românieĭ: Collecțiune critică de documente assupra trecutuluĭ românŭ, incepêndŭ de la timpiĭ ceĭ maĭ depărtațĭ și pônĕ la annulŭ 1800,

t. 1—3. Bucuresci 1865—1867, 4⁰ [redactor: B. P. Hăjdĕu]; 3) Fraian, diaviŭ politicŭ, literarŭ, sciințificŭ și industrialŭ, Bucuresci, 1869—1870, 2⁰ [redactor: B. P. Hăjdĕu]; 4) Columna-luĭ Traianŭ Bucuresci, 1870—1871, 2⁰ [редакторъ тотъ же].

8) На крюковыхъ знакахъ мнѣ извѣстенъ между ирмологіонами галицкими всего лишь одинъ экземпляръ конца XV—XVI вѣка, находящійся въ библіотекѣ собора русскихъ крилошанъ въ Перемышлѣ подъ цифрою XLIX. G. II.

9) Въ львовскомъ спискѣ этой фамиліи есть на страницѣ 707 слѣдующая замѣчательная по языку запись: Изволеніем ѡтца и поспѣшеніемъ сн҃а и съвръшеніем ст҃го дх҃а исписаса сїй тетроеѵ҃глъ даніем и повеленіем въсеѡсщ҃еннаго ѡтца нашего кѵр Анастасіа Кримковичь, архїепископь митрополит земли молдавскѡи. И исписаса рѫкоѫ многогрѣшнаго Тахати, монах Ѳеофил ѿ ст҃ой манастири воронецкомꙋ, в лѣт. ҂зрк҃г мсц҃а сеп[темврїа] ӏ҃і. И живописал ст҃ым иконам и позлатил сїй ст҃ый книг рабь бж҃їй, живописец Стефанъ ѿ Сучавскаго тръга. И съвръшиса съ живописаніем в[ъ] лѣт. ҂зрк҃е мсц҃а [имя мѣсяца и число дня недописано].

10) Монахъ Селиванъ отзывается о своемъ учителѣ Максимѣ Грекѣ слѣдующимъ [мѣсто это заимствовано изъ находящагося въ моей библіотекѣ списка] многопочтительнымъ образомъ: Преведена ж[е] быс[ть] ѿ елинскаго пр[ѣ]мдрѣйшаг[о] ıазыка сїа дш҃еполезнаѧ книга на рускїй ıазыкь в[ъ] лѣт[о] ҂зл҃в го въ матери градовомъ, въ пренменитой и преславꙋщой Москвѣ, при бл҃говѣрном и бл҃гочестивом великом кн҃зи Василїи Ивановичи, ѿсеѧ Роси самодръжци, въ к҃. лѣто гс҃подарства ег[о], и при ѡсщ҃еннном гос[по]динѣ Данїилѣ, митрополитѣ ѿсеѧ Роси, оумышленіемъ и промышленіемъ и протори повеленіемъ самого того ст҃лѧ, в[ъ] ѿторое лѣто ст҃ельства ег[о], разꙋмомъ же и показаніем пр[ѣ]мдрѣйшаг[о] Максїма, егож[е] сам той самодръжецъ своим цр҃ским посланіем ѿ ст҃ыѧ горы призва, мꙋжа велми мꙋдра въ всѣх трех ıазыцѣх, въ елинском, г[лаго]лю, и римском и въ сладчайшом мнѣ руском не токмо ж[е], но и творити мѣрою, иро[й]ски и амвїйски, и въ всѣх благоискꙋсна сꙋщи и много ѿ чл҃къ нн҃ѣшнег[о] времени ѿстоѧща мꙋдростїю и разꙋмом и острозмїем, егож[е] и азъ непотребный и неразꙋмный въ причастїе словес был, агг҃елскїй хлѣб прс҃но емꙋ ıадѫщꙋ... Аще[же] когда прилѫчитсѧ кому в[ъ] сїѫ дш҃еполезнѫѫ еѵ҃ӕлскꙋѫ приникнѫти їсторїѫ и разоумѣти ıак[о] по разоумꙋ преведена и по чинѫ подобающемъ, тъй преж[е] въсѣх виновникꙋ бл҃гдть да въздавает, пославшомꙋ нам такова ꙋчителѧ; потом же гс҃дрꙋ нашемꙋ вел[и]комꙋ кн҃зѫ Василїѫ Ивановичꙋ, всеѧ Роси самодръжцꙋ, многолѣтнаго здравїѧ да просим ѿ тогож[е] богатодавца бг҃а, призвавшомꙋ такова мѫжа; таж[е] и преосщ҃енномꙋ нашемꙋ гс҃днꙋ Данїилꙋ, митрополитꙋ ѿсеѧ Роси, да просит еж[е] в[ъ] мирѣ цѣлꙋ, чс҃тнꙋ, здравꙋ, дльгоднь҃ствꙋющꙋ исправлѧти слово самого того бг҃а истинны, и бл҃гдть емꙋ да въздает, занеж[е] своими протори и попеченми всѣм людем виновень быс[ть] таковыѧ плъзы; еще ж[е] и предреченнаго ꙋчителѧ да не забывает, нѫ

и томꙋ подобающее да въздает бл҃гдареніє; нам же непотребным, начинанія дръзнꙋ҃ томꙋ, прощеніє и грѣхом простыню да просит. Аще где что и неразсꙋдно и неꙋдобно обрящется, и сіє да прощает и да помышляет, іако и аз чл҃къ. Нѣсмь Грекъ и оттꙋдꙋ, но здешняа прѣсти и Рꙋсин[ъ]... Нꙋ молым вы, и нас не забывайте, писꙋщих сія, єгож[е] трꙋдом и потом сія приведеся, мног[о]грешнаго Селивана, іінока обители живоначальныя тро[й]цы и прп҃дбнаг[о] чюд[о]творца Сергія.

Кромѣ упомянутаго здѣсь моего собственнаго списка Златоустовыхъ поученій и другаго, находящагося въ числѣ рукописей библіотеки университетской подъ знакомъ 1. A. 6, мнѣ извѣстенъ еще третій экземпляръ, принадлежащій библіотекѣ добромильской, подъ № 172. Въ библіотекѣ перемышльской находится также [подъ цифрою L. F. 4.] одинъ списокъ Златоустовыхъ поученій на Матѳеево евангеліе, но въ немъ содержатся лишь бесѣды 46—90, составляющія вторую часть этого произведенія.

[11]) Между рукописями львовскими находятся такъ называемыя „учительныя евангелія“ всего лишь въ двухъ экземплярахъ, изъ которыхъ одинъ хранится въ библіотекѣ университетской подъ знакомъ 1. B. 9, а другой въ моей собственной коллекціи.

Мнѣ извѣстны, однако, еще девять экземпляровъ этого произведенія, находящихся въ библіотекѣ перемышльской [подъ цифрою L. D. 4, L. D. 6, LI. G. 4, LI. D. 6, LI. E. 1, LI. F. 4, LII. D. 1, LII. D. 4, LII. D. 11] и одинъ экземпляръ въ библіотекѣ деканатской въ Старомъ Самборѣ подъ № 15 и др.

[12]) Иной списокъ Ѳеофилактовыхъ толкованій на всѣ четыре евангелія есть въ библіотекѣ перемышльской, какъ самой богатой по части церковныхъ книгъ коллекціи, подъ цифрою XLIX. F. 6.

[13]) Такой же экземпляръ сочиненій Дамаскина указанъ Востоковымъ въ его Описаніи рукописей Румянцев. музея подъ № CCXIII.

[14]) Одинъ списокъ древнѣйшаго перевода сочиненій Дамаскина, въ копіи изъ второй половины XVII вѣка, находится въ библіотекѣ перемышльской подъ знакомъ LI. E. 10.

[15]) Кромѣ общеизвѣстныхъ русскихъ сочиненій объ Экзархѣ болгарскомъ Іоаннѣ и о другихъ писателяхъ временъ царя Симеона, важны также нѣкоторыя свѣдѣнія, приведенныя г. Ягичемъ въ его сочиненіи: Historija književnosti naroda hrvatskoga i serbskoga, u Zagrebu, 1867. I. 68—73.

[16]) Инокъ Филиппъ, авторъ упоминаемой здѣсь Діоптры, окончилъ ее въ 1095 году.

[17]) Объ этихъ и другихъ извѣстныхъ мнѣ апокрифическихъ статьяхъ поговоримъ ниже въ главѣ V настоящаго разсужденія.

[18]) Относящіяся сюда статьи сообщены въ описаніи рукописей полемическаго разряда, въ главѣ VIII настоящаго разсужденія.

[19]) Одинъ экземпляръ такихъ пропов҃дническихъ пособій, содержащій подъ заглавіемъ „Пчелы" выписки и цитаты на самыя разнородныя темы, находится въ библіотекѣ добромильской подъ № 545.

[20]) Единственный, извѣстный намъ доселѣ списокъ Изборника Святослава, и то въ копіи конца XVI вѣка, находится въ соборной перемышльской библіотекѣ подъ цифрою L. F. 8.

[21]) Нѣкоторыя свѣдѣнія о Кириллѣ Ставровецкомъ и его сочиненіяхъ сообщены преосвященнымъ Филаретомъ въ его Обзорѣ русской духовной литературы, въ главѣ 167. [Срав. Ученыя записки Петербургской Академіи III 183—184].

[22]) Записки Ставровецкаго, простиравшіяся, по всей вѣроятности, до 1646 года, то есть до самой его кончины, доведены въ уцѣлѣвшихъ нынѣ фрагментахъ всего лишь до 1621 года.

[23]) Имя Безбородаго, вѣроятно, есть насмѣшка, приданная архимандриту Ставровецкому за его отступленіе отъ православной вѣры.

[24]) Очень любопытныя замѣчанія объ архіепископѣ Даніилѣ и другихъ авторахъ разсматриваемаго здѣсь сборника сообщены г. Ягичемъ въ упомянутой уже въ прим. 15) Исторіи сербской и хорватской письменности I. 182—188 и въ Geschichte der südslav. Literatur III. Шафарика 240 и слѣд.

[25]) Кромѣ недоступныхъ для меня изслѣдованій Кубарева, напечатанныхъ имъ въ Журналѣ мин. нар. просв. за 1838 г. и въ Чтеніяхъ общества ист. и древ. рос. за 1847 годъ, весьма важны и занимательны прежде всего свѣдѣнія, приведенныя преосв. Макаріемъ въ его Обзорѣ редакцій Кіево-печерскаго патерика [въ Извѣстіяхъ имп. академіи наукъ т. V] и въ его Исторіи русской церкви т. III, а кромѣ того, въ выше указанномъ Обзорѣ рус. дух. литерат. преосв. Филарета подъ числомъ 18, 44, 45, 74, 105, 171, 172, 180.

[26]) Нѣкоторые, немаловажные памятники этого разряда находятся также и въ другихъ указанныхъ въ примѣчаніи 1) библіотекахъ.

[27]) Извѣстные мнѣ списки рукописныхъ торжественниковъ и прологовъ обнаруживаютъ иногда большое различіе въ составѣ и выборѣ своего содержанія.

[28]) Самыми ревностными авторами и списывателями этихъ священныхъ образцевъ благочестивой жизни и примѣровъ высшей христіанской добродѣтели, достойныхъ неограниченнаго почтенія и подражанія, были большею частію люди иноческаго званія. Такъ называемые *патерики* имѣли свое основаніе въ томъ же благочестивомъ настроеніи духа и должны были вмѣстѣ съ тѣмъ, похваляя жизнь и боголюбивыя дѣла однихъ только мѣстныхъ угодниковъ, заслуживших себѣ большое уваженіе у современниковъ, прославлять и увеличивать также и значеніе той или другой обители, той или другой церкви.

29) Не смотря на все достоинство великихъ Четій Миней, изданныхъ архіепископомъ и митрополитомъ русскимъ Макаріемъ [1526—1564], мы имѣемъ въ виду полное и обдѣланное по найлучшимъ источникамъ изданіе только славяно-русскихъ статей, вмѣстѣ съ ихъ риторическими и лирическими принадлежностями и съ тою самою тщательностію и совѣстливостію въ обработкѣ, съ какою изданы, напримѣръ, Fontes rerum bohemicarum Палацкаго.

Историческіе труды митроп. ростовскаго Димитрія [† 1706], преимущественно же его Четьи Минеи, составленныя изъ Макаріевыхъ Миней и другихъ, этому послѣднему недоступныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и хорошо повѣренныхъ источниковъ, мы считаемъ тоже однимъ изъ лучшихъ пособій къ всестороннему разъясненію предлагаемой тутъ задачи.

30) Точное обозрѣніе этихъ жизнеописаній сообщено въ изданныхъ г. Палацкимъ: Fontes rerum bohemicarum, et quidem: Vitae sanctorum et aliorum quorundam pietate insignium [Prameny dějiv českých, vydávane z nadáni Palackého, v Praze], 1873.

31) Память преподобной Пятки, также Пятницы или Прасковіи, была довольно распространеннымъ предметомъ благоговѣнія, и повѣсть о житіи и перенесеніи мощей ея вошла не только въ различные Прологи, но также и въ Учительныя евангелія, и притомъ въ редакціи, отличной отъ находящейся въ Прологѣ XV, какъ позволяетъ заключать объ этомъ простое сравненіе текстовъ, находящихся въ Учительномъ евангеліи перемышльской библіот. подъ цифрою LI. D. 6, л. 241 b.—249 a, или въ Учительномъ евангеліи подъ знакомъ LI. D. 6, л. 333 a [только конецъ статьи], тамъ же. Въ числѣ редакцій житія св. Пятки замѣчательна, однако, въ особенности та, съ которою мы встрѣтились въ моемъ собственномъ спискѣ Учительнаго евангелія и гдѣ она на стр. 585—597 помѣщена подъ слѣдующимъ характеристическимъ заглавіемъ: Мсца Октеврїа, днь ді, житїє и жизнь пр[є]пдбныѧ мтре нашеѧ Параскові̇и, в[ъ] нем же [и] повѣст[ь], како перенесена быст[ь] въ град Тернов[ъ], съписано Еуфимїем, архїепскопом терновским.

32) О различныхъ редакціяхъ упомянутыхъ здѣсь жизнеописаній преподобнаго Симеона и св. Саввы сообщены вполнѣ удовлетворительныя свѣдѣнія въ Исторіи серб. и хорв. письменности г. Ягича I, 146—156, 176—179 и въ Geschichte der südslav. Literatur III Шафарика. Въ рукописныхъ русскихъ Прологахъ нашли себѣ мѣсто только краткія извлеченія изъ житій Симеона и Саввы [Срав. Обзоръ рус. дух. лит. Филарета 47 и 57 и его же: Святые южныхъ Славянъ 17 и слѣд.].

33) Поставленіе св. Саввы патріархомъ сербскимъ представлено г. Ягичемъ въ его Исторіи письменности I. 155 вотъ какъ: Car [Teodor Lascar] nadje samoga Savu najvrednijim tog visokog dostojanstva te zapovjedi patrijarku Germanu, da ga posveti za archiepiskopa srbskoga, što se i dogodi g. 1221. A da bi samostalnost srbske zemlje podpunija bila, isprosi podjedno Sava od grčkoga patrijarka, da u napredak archiepiskopi

srbski netrebaju dohoditi u Carigrad radi posvećenja, već da novo izabrani archiepiskop skupi oko sebe zbor svoich episkopa i da ga ovi izmedju sebe posvete.

[34]) Какъ житіе Ольги, такъ и житіе Владиміра, составляютъ ничто иное, какъ компиляціи извѣстій Нестора.

[35]) Приведенныя подъ чч. 13 и 14 статьи о Борисѣ и Глѣбѣ могутъ быть извлеченія изъ жизнеописанія этихъ святыхъ, составленнаго современникомъ св. Θеодосія, преподобнымъ Іаковомъ черноризцемъ и отлично изданнаго нашимъ почтеннымъ сочленомъ Срезневскимъ.

[36]) Онъ скончался, какъ извѣстно, въ кіево-печерской обители, гдѣ послѣднія лѣта своей жизни проводилъ въ благочестіи и смиреніи, описанномъ въ Симоновой чисти Патерика печерскаго.

[37]) Похвальное слово о мученической кончинѣ князя Михаила и его боярина Θеодора составлено отцемъ Андреемъ, о которомъ нѣкоторыя свѣдѣнія сообщены въ Обзорѣ рус. дух. лит. подъ ч. 56, а дальнѣйшія подробности прибавлены очень плодовитымъ авторомъ жизнеописаній и похвальныхъ каноновъ, извѣстнымъ въ литературѣ русской Логоθетомъ сербскимъ Пахоміемъ [около 1458—1471].

[38]) По мнѣнію преосвященнаго Филарета, [въ Обзорѣ дух. лит. 133 R.] позволительно думать, что авторомъ этого житія былъ сотрудникъ Макарія Михаилъ, инокъ рождественскаго монастыря во Владимірѣ.

О литературномъ значеніи устраненныхъ инокомъ Михаиломъ легендарныхъ частей преданія о Петрѣ и Февроніи см. въ Исторіи рус. словесности Галахова § 100.

[39]) Если разсматриваемое здѣсь житіе современно обрѣтенію мощей св. Леонтія, то описаніе его чудесъ, находящееся въ нѣкоторыхъ сборникахъ и минеяхъ, составлено не раньше временъ архіепископа ростовскаго Трифона [1462—1467].

[40]) Авторомъ жизни Петра по редакціи, скопированной въ Торжественникѣ свято-онуфріевскаго монастыря во Львовѣ подъ № XVII л. 873 и слѣд., былъ митрополитъ русскій Кипріанъ [1376—1406]; въ другихъ же Прологахъ, Минеяхъ и Трефологіонахъ сообщенъ самый лишь скелетъ этого сочиненія. Похвальный канонъ митрополиту Петру составленъ епископомъ ростовскимъ Прохоромъ, усопшимъ въ 1327 году, а послѣ и вышеупомянутымъ Логоθетомъ Пахоміемъ.

[41]) Краткое житіе св. Алексѣя и канонъ на обрѣтеніе мощей его сочинены епископомъ пермскимъ Питиримомъ, усопшимъ въ 1445 году, а вслѣдъ затѣмъ и Логоθетомъ Пахоміемъ, въ 1460 году.

[42]) Кромѣ того, составлено было тѣмъ же Логоθетомъ Пахоміемъ еще и житіе митрополита Іоны и архіепископа Евθимія II новгородскаго.

[43]) Преп. Арсеній тверскій прославленъ былъ извѣстнымъ въ литературѣ русской плагіаторомъ Θеодосіемъ, іеромонахомъ Николаевскаго монастыря, около 1483 года.

[44]) Всѣ упоминаемыя здѣсь житія кіевскихъ угодниковъ заимствованы или изъ лѣтописи Нестора [какъ, напримѣръ, житіе преподобныхъ отцевъ Еремін, Матѳея и Даміана пресвитера подъ ч. 39], или скопированы дословно изъ кіево-печерскаго патерика, но безъ этихъ важныхъ для литературы вступленій и замѣчаній, съ которыми сочинители кіево-печерскихъ повѣстей, въ ихъ числѣ и преподобный Симонъ [† 1226] и Поликарпъ [писавшій около 1230 года], отзывались о современныхъ имъ лицахъ и современныхъ событіяхъ. Жизнеописанія иныхъ не кіевскихъ угодниковъ, или сочинены извѣстнымъ намъ уже Логоѳетомъ Пахоміемъ [какъ, напримѣръ, житіе Кирилла бѣлозерскаго и Сергія радонежскаго], или сотрудниками митрополита Макарія, который оказывалъ большое покровительство авторамъ біографическихъ произведеній, къ числу которыхъ должно отнести, между прочимъ, и статьи, отмѣченныя цифрами 46], 50], 53], 54], 55], и т. д. Сотрудники Макарія поименованы и опредѣлены по достоинству въ Обзорѣ рус. дух. лит. подъ ч. 133 a—R]. Въ Исторіи русской церкви преосв. Макарія и въ другихъ такого же рода сочиненіяхъ находятся также не безполезныя о томъ же предметѣ свѣдѣнія.

[45]) Мы встрѣтили въ числѣ статей этого отдѣла также еще и разсказъ о перенесеніи мощей св. Ѳеодосія, упоминаемомъ въ Прологѣ XIV 853—855 подъ 14 ч. Августа.

[46]) Статья объ Авраамѣ смоленс. писана вскорѣ послѣ его кончины ученикомъ его, инокомъ Ефремомъ.

[47]) Статья эта, находящаяся въ Прологѣ спасскомъ, писанномъ въ 1518 году, заимствована, конечно, изъ какого-нибудь древнѣйшаго сочиненія о Варлаамѣ хутынскомъ, а не изъ составленнаго Софроніемъ Лихудомъ [1685—1730 года], новѣйшаго жизнеописанія.

[48]) Первоначальный, древнѣйшій текстъ этого жизнеописанія принадлежитъ Епифанію премудрому, который составилъ его въ 1418 году.

[49]) Оно составлено ученикомъ Пафнутія Вассіаномъ, игуменомъ троицкаго монастыря.

[50]) И сказанія о важнѣйшихъ церковныхъ событіяхъ заимствованы тоже или изъ лѣтописи Нестора, или изъ кіево-печерскаго патерика.

[51]) Повѣсть эта составлена неизвѣстнымъ авторомъ, но, во всякомъ случаѣ, скоро послѣ описываемаго здѣсь событія.

[52]) Повѣсть о чирской иконѣ [въ области псковской] составлена какимъ-то Филоѳеемъ, старцемъ псковскаго Елеазарова монастыря, около 1520 года.

[53]) Мы нашли статью эту, начинающуюся словами: Сии бѣшѧ от страны литовскыѧ, огневы и ти слоужаще подбнѣ иным єдиноѧзычным ихъ—въ моей собственной Минеѣ за мѣсяцъ Декабрь, л. 124 a—127 a, и въ Прологѣ библ. имени Оссол. подъ № 38, л. 180 b. —182 b.; въ сей послѣдней подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Стыхъ[ъ] новоѧвленныхъ мчнкь

родомъ Литвы: Іωанна, Антоніа, Еустафіа литовска, іаже имена имъ[ъ]: Кроуглець, Коумець, Нежило.

54) Принесены же быша, читаемъ въ концѣ этой статьи, чѧсти нѣкыѧ стыхъ мощє[й] ихъ въ стѣйшѫѧ и великѫѧ црквь въ шесто-тысѧщное и ѡсмосътное и ѡсмьдесѧт и второе лѣто ѿ созданіа мироу, патріаршествоующоу стѣйшомоу нашомоу вл҃цѣ, вселенскомоу патріархоу Філоѳеоу, въ славѫ вьсѣхъ црю и бгоу нашемоу.

55) Сохраненіе памяти славянскихъ святыхъ въ русскихъ Прологахъ и, наоборотъ, русскихъ святыхъ—въ болгарскихъ и сербскихъ Синаксаріяхъ свидѣтельствуетъ всего лучше о постоянномъ соблюденіи народно-церковныхъ связей, соединяющихъ насъ издревле съ нашими славянскими соплеменниками православнаго вѣроисповѣданія.

Изъ русскихъ жизнеописаній вошли въ составъ болгарскихъ и сербскихъ Синаксаріевъ [какъ это показано Востоковымъ въ описанныхъ имъ сербскихъ рукописяхъ Румянцевскаго Музея и Норовс. библіотеки, а В. Ламанскимъ въ его сочиненіи: О нѣкоторыхъ славянс. рукописяхъ въ Бѣлградѣ, Загребѣ и Вѣнѣ, С.-Петерб. 1864, стран. 113—122] всего лишь слѣдующія статьи: прежде всего житіе блаж. княгини Ольги, „прѣматере вьсѣхъ кнѧзь роушьскыихъ"; далѣе—повѣсть о мученической смерти князей Бориса и Глѣба; такая же повѣсть о преставленіи князя Мстислава, нареченнаго въ крещеніи именемъ Ѳеодора и, наконецъ, вторая часть преданія о св. апостолѣ Андреѣ, содержащая сказаніе о мученической смерти его мнимыхъ учениковъ, какого-то Кнена, Ирина и Пина.

56) И кіево-печерскіе Патерики, расходившіеся въ многочисленныхъ спискахъ и печатныхъ изданіяхъ, содѣйствовали распространенію свѣдѣній о св. угодникахъ и сподвижникахъ Ѳеодосіева монастыря. Извѣстія о сѣверно-русскихъ святыхъ попадались намъ всего чаще въ Прологѣ свято-онуфріевскаго монастыря подъ № III; но мы должны замѣтить, что списокъ, судя по языку и нѣкоторымъ палеографическимъ признакамъ, занесенъ къ намъ, безъ сомнѣнія, изъ русскаго сѣверо-востока.

Сказанія о важнѣйшихъ празденствахъ и событіяхъ, относящихся къ исторіи русской церкви, встрѣчаются также не во всѣхъ, но въ нѣкоторыхъ только Прологахъ разсматриваемой здѣсь фамиліи, и преимущественно въ Прологѣ свято-онуфріевской библіотеки подъ № XV, составленномъ въ Спасѣ [въ Старосамборскомъ околѣ] 1518 года.

Предсказаніе о крещеніи русской земли апостоломъ Андреемъ заимствовано изъ Несторовой лѣтописи и помѣщено съ немногими варіантами почти во всѣхъ Прологахъ, Сборникахъ и другихъ книгахъ этого разряда.

57) Подобно всѣмъ другимъ видамъ церковной литературы, произошли также и произведенія панегирическаго рода изъ источниковъ византійскихъ.

58) Но отсюда не слѣдуетъ, что жизнеописанія святыхъ слагались прежде, нежели

похвальныя слова, или похвальныя пѣсни; и если мы говоримъ здѣсь объ элементахъ біограф. разсказа, какъ основаніи похвальныхъ рѣчей и духовныхъ панегириковъ, то мы понимаемъ слово это въ самомъ широкомъ его смыслѣ, именно—въ значеніи извѣстнаго о томъ или другомъ угодникѣ преданія, и письменнаго, и изустнаго.

59) Но нигдѣ не имѣли ничтожные лоскутья ново-или псевдо-классической учености такого обширнаго примѣненія, какъ въ произведеніяхъ тогдашняго свѣтскаго панегирика, въ которыхъ должны были прославляться только свѣтскія добродѣтели людей заслуженныхъ и умныхъ,—побѣды знаменитыхъ русскихъ и польскихъ полководцевъ,—заслуги знаменитыхъ государственныхъ мужей и другихъ, болѣе замѣчательныхъ по чину современниковъ духовнаго и свѣтскаго званія, наконецъ, хотя и не столь блестящіе, то всетаки въ высшей степени полезные труды людей ученыхъ и поэтовъ, а нерѣдко также и тихія, семейныя добродѣтели знаменитыхъ женъ и благородныхъ дѣвицъ и пр.

60) И здѣсь принимаемъ выраженіе „элементы біографическаго повѣствованія“ въ значеніи, опредѣленномъ въ примѣчаніи 58).

61) Мы хотимъ выразить этимъ, что въ славяно-русскіе переводы Миней, Трефологіоновъ и пр. входили только тѣ статьи похвальныхъ каноновъ, которыя установлены были издревле первенствующею греческою церковью, и которыя вслѣдствіе того должны были предпочитаться славянскимъ и русскимъ канонамъ, какъ произведеніямъ новѣйшаго и, такъ сказать, областнаго происхожденія.

62) Похвальная служба вел. князю Владиміру составлена извѣстнымъ творцемъ каноновъ, кіево-печерскимъ инокомъ Григоріемъ, усопшимъ около 1120 года.

63) По списку Праздничной Минеи, находящемуся въ моей собственной коллекціи, помѣщена служба князьямъ Борису и Глѣбу [вмѣстѣ съ пространнымъ сказаніемъ объ ихъ жизни] на стран. 419—440 и начинается слѣдующимъ образомъ: Кимы похвалны вѣнцы вѣнчаемо пѣваемаꙗ, раздѣлєннаꙗ телесωма и совокꙋплєннаꙗ дшею, вѣрным людем теплаа заступника,—землꙗ рускыꙗ оудобреніє и восеꙗ [вм. въсеꙗ] въселєнныꙗ наслажденіє,—мꙋжеоумным сомыслом бѣсовскꙋю державꙋ раздрꙋшшаꙗ,—Хрстовым пособієм подающа[ꙗ] мирови велію милость.

64) Въ Трефологіонѣ библіотеки университетской во Львовѣ 1. F. 12, на стран. 591—609.

65) Въ томъ же Трефологіонѣ университетской библіотеки во Львовѣ на стран. 184—212.

66) При посѣщеніи кіевскихъ пещеръ нельзя не замѣтить и теперь этого же особеннаго свойства въ обращеніи русскихъ людей съ похороненными въ пещерахъ этихъ святыми, которые и теперь считаются какъ бы хорошими знакомыми, друзьями и защитниками православнаго народа, тогда какъ католическіе святые окружены какою-то

грозою величія: къ нимъ позволяютъ приближаться не часто и не безъ особеннаго трепета и страха.

[67]) И теперь еще руководятся простые люди въ своихъ сношеніяхъ со святыми тѣми же мотивами оригинальнаго самолюбія и довѣрія, въ чемъ мы имѣли случай убѣдиться при посѣщеніи кіево-печерской Лавры.

[68]) Вставка эта перенесена изъ предыдущаго, пропущеннаго здѣсь введенія о великомъ количествѣ чудесъ, которыя совершаются постоянно св. архіереемъ Христовымъ Николаемъ.

[69]) Слова, части словъ и отдѣльныя буквы, поставленныя между скобками, не находятся въ подлинномъ текстѣ разсматриваемаго здѣсь повѣствованія, и внесены мною самимъ собственно для того, чтобы въ нѣкоторыхъ случаяхъ опредѣлить мысль автора точнѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и устранить трудныя къ напечатанію сокращенія.

[70]) А. Аѳанасьевъ, Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу, Москва, 1865—1869, т. I. 50—52.

[71]) То же самое подтверждаетъ преосвященный Макарій въ предисловіи къ своей Исторіи рус. церкви [I, XVI], и въ особенности А. Галаховъ въ своей Исторіи русской словесности [I, 100—101], гдѣ, какъ примѣръ устныхъ преданій, вошедшихъ въ духовныя повѣствованія, приводится муромское сказаніе о князѣ Петрѣ и супругѣ его Февроніи. Но въ изустныхъ преданіяхъ, вошедшихъ въ духовныя легенды, надобно различать разныя эпохи, и мы думаемъ съ г. Галаховымъ, что одни задолго предшествовали существованію самаго предмета сказанія и составляютъ миѳическій элементъ его, въ которомъ доисторическій эпосъ прилагается къ извѣстной исторической личности; другія могли явиться гораздо позже разсказываемыхъ событій; третьи возникали одновременно съ эпохою лицъ и событій, о которыхъ повѣствуется. Такимъ образомъ, относительно состава, духовныя народныя повѣствованія, или легенды, повторяютъ то же самое явленіе, какое видимъ въ народныхъ пѣсняхъ: тѣ и другія заключаютъ въ себѣ разновременные слои преданій".

[72]) Къ сожалѣнію, намъ остались и теперь еще недоступны очень важныя для нашихъ цѣлей пособія, напримѣръ: Лѣтописи русской литературы и древностей, изданныя г. Тихонравовымъ, и столь же любопытные памятники старинной русской литературы, изданные граф. Кушелевымъ Безбородкомъ, подъ редакціею Н. Костомарова.

[73]) Разсматриваемая здѣсь статья приписывается патріарху Геннадію.

[74]) Эти Вопросы и Отвѣты извѣстны также подъ именемъ Родословія Богородицы и приписываются св. Евсевію іерусалимскому.

[75]) Мы предлагаемъ обѣ послѣднія статьи съ предостереженіемъ, что мы намѣрены подвергнуть ихъ новой, предварительной оцѣнкѣ, и готовы затѣмъ исправить наше настоящее о нихъ мнѣніе, еслибы мнѣніе это оказалось нетвердымъ.

76) Вопросы и Отвѣты святыхъ отцевъ находятся въ учительномъ евангеліи соборной перемышльской библіотеки подъ знакомъ L. D. 4.

77) Къ перечню ложныхъ книгъ, лучше сказать, статей, находящихся въ Сборникѣ свято-онуфріевскаго монастыря изъ 1563 года и заимствованныхъ, какъ полагаемъ, изъ того же источника, что и Кипріановъ списокъ, прибавлены тѣмъ же митрополитомъ Кипріаномъ [1376—1406 г.] еще и такія новозавѣтныя произведенія апокрифической литературы, какъ: Имена ангеламъ, Дѣянія Павла, Мартологъ, Острономія, Землемѣріе, Чаровникъ, Громникъ, Молніяникъ, Коледникъ [своего рода календарь], Сносудецъ [толкованіе сновъ, или сонникъ], Волховникъ [наставленіе къ волхвованію], Путникъ [значеніе различныхъ встрѣчъ], Звѣздочетецъ и пр. и пр.

78) Статьи отъ „Адама“ до „Ездры откровеніе“ причисляются къ ложнымъ книгамъ ветхаго, а статьи отъ „Яковлевой повѣсти“ до конца—къ ложнымъ книгамъ новаго завѣта.

79) Между ложными книгами ветхаго завѣта показанъ также какой-то неизвѣстный намъ Сидорь, а пропущена Сиѳова молитва.

80) Въ подлинникѣ написано такъ: „парамипамена что орла микъ іереміи вавилон“.

81) Въ подлинникѣ сказано: „и словеса насѣяна на съблазнь навѣжам—сѫт же и намаканоници лживыѧ оу попов“ и пр.

82) Это посланіе царя Константина начинается отъ слѣдующихъ словъ: „Послухайте и вырозумѣйте виштци, которымъ есть дана моць над[ъ] людми божіими, абысте их[ъ] судили на земли и пр.

83) Притча отъ болгарскихъ книгъ о немилостивыхъ, а богатыхъ людяхъ—есть ничто иное, какъ повѣсть о звѣрѣ Инорогѣ, переписанная съ варіантами изъ исторіи царевича Іоасафа Варлаама.

84) Пекельная вѣчность состоитъ изъ 126 листовъ, писанныхъ въ четвертку меншаго формата.

85) Заглавіе этой легенды гласитъ такъ: Сказаніе Анфилога царѧ о свѧтѣй литоургіи.

86) Къ тому самому Николаю Шомбергу, съ которымъ и Максиму Греку приходилось имѣть непріятныя сдѣлки.

87) Мы хотимъ сказать этимъ, что изъ Анфилоговой легенды заимствована въ Вассіановомъ посланіи самая лишь мысль о таинственномъ соучастіи ангеловъ въ православной литургіи, и ничего болѣе.

88) Мы передаемъ лишь тѣ мѣста, которыя нужны для подтвержденія высказаннаго здѣсь мнѣнія.

89) И здѣсь имѣютъ слова, части словъ и отдѣльныя буквы, находящіяся между скобками, значеніе моихъ собственныхъ, оправданныхъ въ примѣчаніи 69) прибавленій.

90) Мы полагаемъ, что замѣтная въ статьѣ этой большая непослѣдовательность пра-

вописанія происходитъ отъ постояннаго смѣшенія такъ называемыхъ псевдоболгаризмовъ съ элементами малорусскаго произношенія.

[91]) Тоже и въ другихъ доступныхъ мнѣ библіотекахъ Галиціи.

[92]) Къ числу главнѣйшихъ видовъ каноническаго права принадлежитъ также и Номоканонъ Іоанна Схоластика; но въ библіотекахъ галицкихъ намъ не попадался до сихъ поръ ни Схоластиковъ Номоканонъ, ни древнѣйшій текстъ Номоканона въ XIV титулахъ, въ которомъ не было бы еще извѣстныхъ прибавленій патріарха Фотія и новѣйшихъ Аристиновыхъ толкованій.

[93]) О значеніи народно-правныхъ обычаевъ русскаго и вообще всего славянскаго племени распространяются въ особенности: Неволинъ въ своихъ Изслѣдованіяхъ объ исторія рус. права, С.-Петерб. 1851; Мацѣевскій, въ своей Исторіи „prawodawstw słowiańskich, 6 томовъ, Варшава 1856—65; Богишичъ въ своихъ знаменитыхъ „Prawni običaji u Slovena, Загребъ, 1867, а отчасти также и Шафарикъ, въ различныхъ мѣстахъ, Лелевель, Палацкій, Соловьевъ, Макушевъ, [Аксаковъ], Кавелинъ, Никольскій, Induction Иречекъ и др.

[94]) Преобладаніе христіано-византійскихъ основаній права на Руси опредѣлено прежде всего Неволинымъ въ его церковномъ судѣ въ Россіи, также въ его Исторіи рус. права и въ другихъ разсужденіяхъ, помѣщенныхъ въ полномъ изданіи его сочиненій, 6 томовъ, С.-Петерб. 1857—1860; опредѣлено дальше и Калачовымъ въ его статьѣ о значеніи Кормчей книги въ системѣ древняго рус. права и въ его Изслѣдованіяхъ о Рус. Правдѣ, Москва, 1846. 139—158; Мысовскимъ въ его Древне-русскомъ церковномъ правѣ [въ Православ. Собесѣдникѣ казанской духов. Академіи; 1862. III, VI, VII, IX, X и 1863. V, IX, XI, XII]; преосв. Макаріемъ въ его Исторіи рус. церкви; Соловьевымъ въ его Исторіи Россіи и др.

[95]) Мы хотимъ сказать этимъ, что, въ силу предписаній византійскаго законодательства, стали рѣшаться со временемъ нерѣдко также и такіе случаи спора, которые предвидѣны были уже и въ постановленіяхъ Русской Правды, и которые въ томъ смыслѣ должны были затѣмъ считаться неприкосновенною принадлежностью русскаго народнаго права.

[96]) Какъ одинъ изъ самыхъ важныхъ памятниковъ народнаго законодательства, Русская Правда была уже издавна предметомъ нѣсколькихъ печатныхъ изданій, между которыми самою большею обстоятельностію отличается текстъ Рус. Правды, составленный [по четыремъ найлучшимъ спискамъ] Калачевымъ, Москва, 1847.

[97]) Къ числу лучшихъ разсужденій о томъ же памятникѣ рус. народнаго законодательства относятся, впрочемъ, еще: изслѣдованія Шлецера въ его Рус. Правдѣ С.-Петерб. 1767; также юридическія статьи, помѣщенныя въ Рус. Достопамятностяхъ, Москва, I, 1815. II, 1843; Калачова вышеупомянутыя Изслѣдованія о Рус. Правдѣ, Москва, 1846;

изслѣдованія Эверса, Тобіена, Неволина, Чебышева-Дмитріева, Леонтовича и др. ученыхъ.

98) Онъ сдѣлалъ это въ своемъ Первоначальномъ славяно-русскомъ Номоканонѣ, Казань, 1869, [а отчасти также и въ своемъ Номоканонѣ при Большомъ Требникѣ, Одесса, 1872].

99) Мнѣ извѣстны въ библіотекахъ львовскихъ всего лишь четыре экземпляра Кормчей: одинъ въ библ. университетской подъ цифрою 1. С. 2; другіе два въ библ. свято-онуфріевской подъ №№ V и VI; а четвертый въ библ. свято-георгіевской, или митрополитской, безъ сигнатуры.

100) Положительныя историческія доказательства объ этомъ приведены у Павлова въ его Первонач. слав. рус. Номоканонѣ, стран. 17—22.

101) Къ числу лучшихъ экземпляровъ этого разряда принадлежитъ въ особенности рукопись москов. синодальной библіотеки подъ № 227, списанная, по мнѣнію Ундольскаго, въ XII вѣкѣ—изъ перевода, составленнаго, быть можетъ, еще въ эпоху обращенія Болгаръ къ христіанству.

102) Они писаны въ продолженіе XVI вѣка, въ листъ средняго формата.

103) Попадаются нерѣдко также и Зонаровы толкованія [около 1120 года].

104) Подробное описаніе сербскаго перевода Кормчей представлено недавно г. И. И. Срезневскимъ въ III книгѣ издаваемыхъ въ Загребѣ Древностей [Starine, na swiet izdao jugoslav. akademija znan. i umjetn.] стран. 189—203.

105) Одинъ изъ древнѣйшихъ списковъ этого перевода находится въ настоящее время въ имп. придворной библіотекѣ въ Вѣнѣ и означенъ 1262 годомъ.

106) Этотъ важный историко-литературный фактъ означенъ въ правилахъ митрополита Кирилла слѣдующими заимствованными изъ Саввинскаго перевода словами [по свято-онуфріевскому списку подъ № V глава LXXXXV 742]: Помрачены бо бѣахѫ преже сего облаком[ь] мѫдрости еллинскаго ıазыка [правила церковныя]; нынѣ же облисташа, рекше— истлъкованы быша [и] благодатію божіею ıасно сіѫѭт[ь], невиденіıа тъмѫ отгонѧѭще и все просвѣщаѭще свѣтом[ъ] разоумным[ь] и от[ъ] грѣх[ъ] избавлѧѭще.

107) Исторія этого вопроса, а вмѣстѣ съ тѣмъ и опроверженіе спорныхъ мнѣній, высказанныхъ по тому же поводу Розенкампфомъ [въ его Обозрѣніи Кормчей книги], Неволинымъ [въ Полн. изданіи сочиненій VI. 415—416] и Макаріемъ [въ его Исторіи рус. церкви V. 1—10], представлены всего лучше у Павлова въ его Первон. слав. рус. Номоканонѣ, стран. 1—33 и 62—70.

108) Онъ писанъ Петромъ Станиславовичемъ въ Константиновѣ въ 1599 г. и вполнѣ согласенъ съ экземпляромъ Румянцевскаго Музея подъ № CCXXXII.

109) Но въ спискѣ этомъ попадаются нерѣдко также и полные тексты правилъ.

[110]) Онѣ скопированы въ Галиціи и сходны совершенно съ экземпляромъ Румянцевскаго Музея, описаннымъ у Востокова подъ № CCXXXIII.

[111]) Это подтверждается въ особенности правилами карѳагенскаго собора.

[112]) Напечатаны погречески у Цахаріи въ его Jus graecorom, часть III, и въ Синтагмѣ τῶν δείων κανόνων, изд. Ралли и Потли, т. V.

[113]) Эти извлеченія напечатаны погречески у Геймбаха въ его Ἀνέκδοτα iuris graecorom. II. 202—237.

[114]) См. у Цахаріи въ его Collectio librorum iuris graec. ineditorum, Lipsiae, 1852.

[115]) Эти записки скопированы здѣсь чуть ли не съ тѣми самыми ошибками, что и въ другихъ спискахъ того же разряда.

[116]) О годѣ написанія этой Кормчей есть два различныя мнѣнія, и если одни идутъ за Розенкампфомъ и относятъ ее къ 1270 году, то другіе слѣдуютъ опять Востокову, который въ своемъ Описаніи рукоп. Румян. Музея [стран. 291], относитъ ее къ 1262 г. и такимъ образомъ высказываетъ мнѣніе, которое вполнѣ согласно съ новѣйшими и весьма удовлетворительными выводами Срезневскаго въ X томѣ Извѣстій имп. акад. наукъ въ Петерб., стран. 204.

[117]) Одинъ изъ нихъ находится въ перемышльской соборной библіотекѣ подъ цифрою LXI. A. 1, а другой въ старосамборской приходской библ., безъ сигнатуры.

[118]) Онѣ попадаются иногда также и въ спискахъ того же рода, что оба святоонуфріевскіе во Львовѣ, но, разумѣется, въ такихъ только, въ которыхъ правила карѳагенскаго собора заимствованы случайно изъ *Саввинскаго* перевода—обстоятельство, давшее Розенкампфу поводъ сказать не мало вздору о происхожденіи Кормчихъ *софійской фамиліи.*

[119]) Составныя частя первоначальнаго славяно-русскаго Номоканона показаны у Павлова въ вышеупомянутомъ сочиненіи, стран. 33—61.

[120]) Отличительная черта Кормчихъ софійской фамиліи есть еще и то обстоятельство, что большая часть полныхъ правилъ [заимствованныхъ изъ первонач. слав. рус. Номоканона] не дописана до конца—обстоятельство, объясняющееся тѣмъ, „что переписчики [говоритъ Павловъ на стран. 76] видѣли окончанія правилъ въ самыхъ толкованіяхъ, которыя по Аристину почти всѣ состоятъ лишь въ простомъ перифразѣ буквальнаго смысла каноновъ“.

[121]) Названіе *софійскихъ* получили Кормчія этого состава отъ своего древнѣйшаго прототипа изъ 1282 года, находившагося прежде того въ софійской церкви въ Новгородѣ, а теперь въ синодальной московской библіотекѣ подъ № 132, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ Ундольскій въ своемъ Описаніи слав. рукописей московъ. патріар. библ. [въ Чтеніяхъ общества ист. и древн. рос., кн. 2], Москва, 1867.

122) Такъ названныхъ по древнѣйшему ихъ экземпляру, найденному въ Рязани и скопированному въ 1284 году.

123) Но, не смотря на большое распространеніе списковъ софійскаго разряда, наша печатная Кормчая относится все-таки къ рязанскому, точнѣе—къ сербскому отдѣлу Кормчихъ, потому что переводъ патріарха Саввы имѣлъ за собою преимущество большей стилистической ясности и отличался, кромѣ того, большею сжатостью объема.

124) Ср. Συνόδικον, sive Pandectae canonum etc., una cum scholiis antiquorum, singulis eorum annexis, et scriptis aliis huc spectantibus, Oxonii, 1677, I. Can. apost. 42.

125) Ср. его Juris eccl. Graecorum historia et monumenta, Romae, 1864. I, Can. apost. 43.

126) Тамъ же I, стран. 23.

127) Συνόδικον I, Can. niceon. 9.

128) Это мѣсто читается у Ралли и Потли слѣдующимъ образомъ: Εγχώριος, καὶ αγροικικὴ παροικία, εἰ τριακονταετίᾳ εσχέϑησαν, καϑεχέσϑωσαν εἰ δὲ ταύτης ἐντὸς, εἶεν ἐπίδικοι. Εἰ δὲ κεκαίνιοται εκ βασιλικῆς κελεύσεως πόλις, τοῖς πολιτικοῖς καὶ δημοσίοις τυποις ακολοϑείτω καὶ ἡ τῶν εκκλησιαστικῶν τάξις. [Σύνταγμα τῶν ϑείων καὶ ἱερῶν κανόνων, II. Can. chalced. 17].

129) Такъ называемыя русскія статьи напечатаны въ упомянутыхъ уже Рус. Достопамятностяхъ, а частію въ Памятникахъ русской литературы XII вѣка.

130) Это мѣсто читается въ Кормчей свято-онуфріевскаго монастыря такъ: „Иже не причащаѫтсѧ на крайцѣх[ъ] въ роуcтѣй земли, ıакоже еси рекль, и въ великое говѣніе мѧсо ıадѧт[ь] и скврьное, подобаеть всѧкымъ образом[ь] направлѧти и възбранѧти тоу злобоу наказаніем[ь] и оученіем[ь]“.

131) „Тоже сътворити, читаемъ дословно въ Кормчей свято-онуфріевскаго монастыря, „[и съ тѣми] иже без[ъ] стѫда и безь срама двѣ женѣ имѣѫть кромѣ нашеѧ вѣры и греческое благовѣрство“.

132) Хотя полигамія была когда-то общимъ у всѣхъ славянскихъ народовъ обычаемъ, но на основаніи объяснительныхъ словъ, присоединенныхъ къ правилу предъидущему [срав. прим. 130], а черезъ слова: „тоже сътворити“ [см. прим. 131] относящихся отчасти также и къ правилу о двоеженствѣ, можно бы думать даже, что случаи эти [а кстати также и случаи скверноѩденіѩ и пр.] встрѣчаемы были въ то время, быть можетъ, у самыхъ только неславянскихъ подданныхъ русскаго государства.

133) Подлинный греческій текстъ Пандектовъ Никона не изданъ, хотя нѣкоторые древнѣйшіе ихъ апографы сдѣлались уже извѣстны издавна чрезъ посредство Котелера, Монфокона и другихъ ученыхъ [срав. Котелера, Monum. ecclesiae graecae т. III. стран. 428 и слѣд., 459 и пр.; срав. тоже Монфокона Biblioth. Coisliniana, стран. 189, 197, 295 и пр. а отчасти также и Розенкампфа Обозрѣніе Корм. книги [изд. 1 стр. 187—189].

134) Онъ называется у Фабриція [въ его Biblioth. graeca] Nicon iunior, monachus Raithensis Palertinus [по славянс. переводу, монахъ обители пресв. Богородицы, именуемыя Рондіевой, или Рондіевой въ Сиріи, близъ Антіохіи], qui sub Constantino Duca, circa a. 1060 collegit Πανδέκτην τῶν ἑρμηνειῶν τῶν ϑείων ἐντολῶν τοῦ κυρίου, Pandectum de interpretatione mandatorum divinorum, duobus distinctum libris et λόγοις sive capitibus LXIII.

Ближайшія и болѣе подробныя свѣдѣнія о Никонѣ и его сочиненіяхъ собраны Невоструевымъ и Горскимъ въ составленномъ ими Описаніи слав. рукописей московской синодальной библіотеки [Москва 1855—1862], отдѣлъ II, часть 3, стран. 21 и 37—44.

135) Сюда относятся въ особенности свѣдѣнія, сообщенныя Никономъ въ Словѣ XIX, XXII, XXVII и XL, но прежде всего свѣдѣнія, сообщенныя имъ въ словѣ XXXVI и XXXIX Тактикона.

136) Извѣстіе это почерпнуто изъ предисловія, присовокупленнаго позднѣйшимъ греческимъ издателемъ къ Пандектамъ Никона, и находитъ свое полное подтвержденіе въ слѣдующихъ, заимствованныхъ изъ письма къ Герасиму, словахъ Черногорца: И сїа оубо ѡ сиχ[ъ] нѫждныиχ[ъ] написаχѡм[ъ] тебѣ [читаемъ въ XXXVI слов Тактикона, по львовскому списку на стр. 471] къ вѣдѣнїю твоемꙋ мало, ıак[о] да не ıаж[е] ѡ вѣрѣ испытꙋеши, нѫ едино тъчїѫ, ıаж[е] ѡ дѣѧнїиχ[ъ], и мнѡжае ничто; ıак[о] да не въсꙋе въ словопрѣнїа себе въллагаеши и мѧтежѧ книгѫ, ıаже знаеши, тлькованїа заповѣдем[ъ] г[оспод]ним[ъ], ѧже написаχ[ъ] поспѣшенїем[ь] б[о]жїем[ь] въ юности моей [а затѣмъ, во всякомъ случаѣ, не позже 1060—1070 года], и ѧже ес[ть] зде въ с[вѧ]тѣм[ь] Сїмеѡнѣ.

137) При разсмотрѣніи славянскихъ списковъ Пандектовъ Никона мы пользовались прежде всего данными, сообщенными намъ [ср. примѣч. 134] въ вышеупомянутомъ Описаніи славянс. рукописей москов. синодальной библіотеки, отдѣлъ II, часть 3, стран. 1—28 и 37—44, а кромѣ того, еще и двумя статьями проф. Срезневскаго, распространяющимися тоже о Пандектахъ Никона и помѣщенными въ Ученыхъ Запискахъ Имп. Ак. наукъ т. XX, 149—156 и XXI, 194—198.

138) Но если примемъ въ вниманіе, что древнѣйшій славяно-русскій списокъ книги этой [срав. примѣч. 139] былъ апографомъ другой, гораздо древнѣйшей [хотя и неизвѣстной нынѣ] славяно-русской копіи, и если дальше сообразимъ, что и эта древнѣйшая славяно-русская копія Пандектовъ Никона произошла въ свою очередь изъ еще древнѣйшей славяно-богарской [т. е. изъ занесенной къ намъ изъ Болгаріи] рукописи, то начало первоначальнаго славянскаго ихъ прототипа отодвигается, конечно, къ концу XI или къ первой половинѣ XII столѣтія.

139) Какъ, напримѣръ, въ спискѣ Пандектовъ Никона изъ 1294 года, находящемся въ московс. синодальной библіотекѣ подъ № 217, или въ такомъ же спискѣ Панд. Никона изъ XIV вѣка, находящемся въ библіотекѣ Чудова монастыря подъ № 157.

[140]) По мнѣнію гг. составителей Описанія рукоп. моск. синод. библ., произошли пропуски эти и сокращенія [онѣ показаны тамъ же на стран. 21—22] оттого, что, въ слѣдствіе большаго объема Пандектовъ Никона Черногорца, именно, въ слѣдствіе огромности работы, въ первоначальномъ слав. переводѣ многое было опускаемо, или изложено сокращеннѣе.

Но, не могли ли, спросимъ мы отъ себя, пропуски эти находиться уже и въ *греческомъ подлинникѣ*, изъ котораго сдѣланъ былъ этотъ первоначальный славяно-болгарскій переводъ текста?

[141]) Какъ, напримѣръ, въ спискѣ москов. синод. библіотеки подъ № 218 изъ 1381 года.

[142]) Нѣкоторыя изъ этихъ своеобразностей, свойственныхъ новѣйшему славяно-болгарскому переводу, отмѣчены въ Описаніи рукоп. москов. синод. библіотеки на стран. 23—26.

[143]) Какъ, напримѣръ, въ спискахъ, находящихся въ той же моск. синод. библ. подъ № 219, 220, 221, 222, 223, 224 и 225.

[144]) Мы хотимъ сказать этимъ, что въ новѣйшее время предпринята была, безъ сомнѣнія, ревизія греческаго текста Пандектовъ Никона, внѣшнимъ знаменемъ которой были тоже указанныя здѣсь, въ статьѣ этой, прибавленія.

[145]) Между иными также и списки Пандектовъ Никона, находящіеся, на сколько судить можемъ по сличеніи съ описаніемъ, въ библіотекѣ Царскаго подъ № 169—172 и въ другихъ библіотекахъ.

[146]) И быть можетъ, вслѣдствіе его личныхъ вліяній на дѣло.

[147]) Къ тому же славяно-серб. разряду принадлежитъ, между прочимъ, и тотъ экземпляръ, по которому предпринято было вышеупомянутое почаевское изданіе Пандектовъ Никона 1795 года, и о которомъ въ послѣсловіи издателей сообщаются вполнѣ удовлетворительныя данныя.

[148]) Въ Опытѣ библіографіи Сопикова подъ № 594, а въ Хронолог. росписи слав. старопеч. книгъ И. Каратаева [С.-Петерб. 1861] подъ № 452 упомянуты, между прочимъ, также и такіе [неполные] экземпляры Пандектовъ Никона, которые произошли изъ древняго острожскаго изданія [предпринятаго въ 1640 [?] году], но о которыхъ, по неимѣнію соотвѣтственныхъ данныхъ, мы не осмѣливаемся сказать что нибудь положительное.

[149]) Изъ записи, помѣщенной въ концѣ книги, естественно заключать, что настоящій экземпляръ Никоновыхъ Пандектовъ сдѣланъ въ 1601 году. „Дописася сія книга року б[о]жиꙗ ҂аха [=1601]“ замѣчено дословно на оборотѣ 499 листа [т. е. на стран. 996], какимъ-то не назвавшимъ себя по имени авторомъ. Но изъ нѣсколькихъ новѣй-

шихъ строкъ іеромонаха Ѳеофила Городельскаго-Недобыльскаго [разсѣянныхъ по нижнимъ полямъ страницъ 21—39] выходитъ, что авторомъ находящихся теперь въ Львовѣ Пандектовъ Никона Черногорца былъ не кто иной, какъ архидіаконъ и уставникъ уневскаго монастыря [въ Уневѣ, въ Галиціи], называвшій себя Вассіаномъ и упокоившійся тамъ же въ 1639 году, сентября 7 дня. „Сию книгу, говорится дословно въ этой довольно замѣчательной по языку и другимъ даннымъ запискѣ Ѳеофила Городельскаго, „сию душеспасителную книгу Никона азъ їеромонах[ъ] Ѳеофил[ь] Городелский, постриженец[ь] монастыра Униевскаго, даю и вѣчными часы дарую на общую ползу и для чтениа о Христѣ братиам[ъ] до манастыра Унева, до церкви Успениа пресвятоѣ влад[ы]чицѣ нашеѣ б[огороди]ци и приснодѣвы Марiѣ, и за отпущение грѣхов[ъ] своих[ъ] и родителев[ъ] и сродников[ъ] моих[ъ], также и за грѣхов[ъ] отпущение рок[у] ҂ахлѳ [=1639] м[ѣ]с[я]ца сентевриа дня з [=7] преставлшася честного архидиакона Васиана, Уставника Униевскаго, егоже бѣ прѣжде сиа книга, юже он[ъ] сам[ъ] рукою своею написал[ъ]. И молю кождого, сию книгу чтущаго, да своѣми святыми мотитвами и при литоргиѣ святой молитвует[ь] господа бога о мнѣ грѣшном[ь], такожде и о родителах[ъ] и сродниках[ъ] моѣх[ъ] и о зашлом[ь] господину отцу Васианѣ. Хощуже, дабы сиа спасителнаiа книга в[ъ] святой обителѣ Униевской была и от[ъ] неѣ нѣхды жадним[ь] способом[ь] отдалена не была. А ежели бы ю любо старший тоеѣ обители святоѣ, любо иный якый душетлѣнный чловек[ъ] для своего проклятого прибытку, лакомством[ь] уведены будучи, смѣл[ъ] дерзнути якимколвек[ъ] способомъ от[ъ] тоѣ святоѣ обители отдалити, албо на свуй пожиток[ъ] обернути [дословно съ польскаго: albo na swój pożytek obrócić], таковый и в[ъ] будучий вѣчною, а нѣхды [=польск. nigdy] неотпустною клятвою нехай будет[ь] проклятъ, Ананиевою и Самфириною, [и] для лакомства, як[ъ] святокрадца [=польск. świętokradca] внезапну страшною смертю да умреть, и зде и въ он[ъ] вѣк[ъ] нехай будет[ь] отлучен[ъ] от[ъ] святоѣ тройци, и от[ъ] царства небесного на страшном[ь] судѣ Христовом[ь] нехай будет[ь] отдален[ъ], а во Июдино мѣсто и ко диаволом[ъ], до пекла, на вѣчные муки нехай будеть одослан[ъ] амин[ъ]. Отдана же бысть сиа душеспасителнаiа книга до церкви монастыра Унева рок[у] ҂ахми [=1648] мѣсяца декевриа, дня ки [=28]. Иеромонахъ Ѳеофил[ъ] Городелський-Недобылский, закон[никъ] Униевский руко [=польск. ręką] власною".

150) Подлинный греческій текстъ этого предисловія съ латинскимъ переводомъ напечатанъ въ Монфоконовой Bibliotheca Coisliniana, стран. 189.

151) Касательно древнѣйшаго славянскаго списка Пандектовъ Антіоха, находящагося въ библіотекѣ воскресенскаго Ново-Іерусалимскаго монастыря, и относимаго къ концу XI вѣка, сообщены были первыя свѣдѣнія К. Калайдовичемъ въ Іоаннѣ, Экзархѣ болг., стран. 95, прим. 31; но честь болѣе подробнаго ознакомленія ученыхъ съ памятникомъ этимъ принадлежитъ архимандр. Амфилохію и проф. Срезневскому, которые доставили болѣе

подробные о немъ данныя въ Извѣстіяхъ имп. Ак. наукъ т. V, 41—47, VII, 46—47, въ Матеріалахъ для словаря V, 161—190, VII, I—IV, и въ Древнихъ Памятникахъ рус. письма и языка 21—22, 173—175 и пр.

[152]) Какъ, напримѣръ, свѣдѣнія о времени ихъ написанія при императорѣ Константинѣ Дукѣ, о большой душевной ихъ пользѣ и о другихъ подобныхъ свойствахъ.

[153]) Въ рукописи московс. синодальн. библіотеки подъ № 219 и, вообще, во всѣхъ другихъ спискахъ, заимствованныхъ изъ того же славяно-сербскаго источника, названы выписки тѣ „Изложеніе[мь] от[ъ] посланія, еже къ игꙋмену ц[ъ]кве с[вя]таг[о] Сумеѡна чюдотворца, кур Петрꙋ; но по сличеніи съ посланіемъ тѣмъ [въ извѣстномъ намъ львовскомъ спискѣ Тактикона на стран. 502—506], мы должны были убѣдиться, что изъ него взяты всего лишь мѣста отъ словъ: Прости мя, о[т]че мой, до словъ: и бл[а]г[о]датію б[о]жіею без[ъ] трꙋда обрѣтаетъ[ь] кождо потребное въ коемждо словѣ; взяты дальше еще и мѣста отъ словъ: И не мое се ес[ть], о[т]че мой, дѣло и пр. до словъ: Сего ради не человѣческою силою съставися, но б[о]ж[ь]ственною бл[а]г[о]датію; тогда какъ мѣста отъ словъ: Егда бо съвъкꙋпих[ъ] великоую книгꙋ и пр. до словъ: И тако прѣписана бысть и по инѣх[ь] мѣстах[ъ] къ обдръжителнѣ въсѣх[ъ] пользы и пр. заимствованы, очевидно, изъ вторага письма къ отцу Іоанну, находящагося въ университетс. спискѣ Тактикона на стран. 340. [Срав. впрочемъ еще и прим. 157].

[154]) Но мы должны замѣтить, что, кромѣ двухъ первыхъ страницъ, недостающихъ въ началѣ книги, уцѣлѣли всѣ прочіе листы въ состояніи вполнѣ удовлетворительномъ, и помѣчены кирилловскими числами, идущими врядъ отъ в҃—у҃ч҃ѳ [=2—499].

[155]) Но соображаясь, съ другой стороны, съ желаніемъ читателей, хотящихъ познакомиться съ полнымъ текстомъ соотвѣтствующихъ писемъ Черногорца [срав. прим. 153], мы позволяемъ себѣ выписать ихъ здѣсь вполнѣ [срав. прим. 156 и 157] и передать съ тѣми особенностями перевода и языка, съ какими онѣ сохранились въ извѣстномъ намъ львовскомъ спискѣ Тактикона [см. статью VI с], находящемся въ университ. библіотекѣ подъ цифрою I А. 1. Мы начинаемъ, конечно, отъ передачи письма, въ которомъ [по львовскому списку Тактикона стран. 502—506] знаменитый въ свое время сочинитель Пандектовъ обращаётся къ своему другу и отцу духовному Петру съ слѣдующимъ многознаменательнымъ отзывомъ: „Духовный мой о[т]че! Понеж[е] бл[а]годатію б[о]жіею въ о[т]ца д[ꙋ]ховнаго мнѣ о помыслѡх[ъ] монх[ъ] оучиненъ быс[ть], ꙗкож[е] и прѣжде бл[а]женый вл[а]д[ы]ка мой кур[ъ] Лꙋка, бывый митрополит[ъ] анаварскый, и ꙗкож[е] оному, ꙗже от[ъ] рожденіа моего и въспитаніа, исповѣдах[ъ] и на врѣмена пакы сказовах[ъ] и вѣдаше въсѣ моа, сицеже и тебѣ, ꙗже н[ы]нѣ, по кончини оног[о].. Тъчію се едино не рѣх[ъ] тебѣ,

ꙗко хотѣх[ъ] ѡтрещисѧ и ѡставити сїє [разумѣется, сіе учительства моего званіе и всѣ неотлучныя отъ учительства этого должности писателя и сочинителя]. Нынѣ оубо, понєж[є] не быс[ть] ꙗкож[є] глаголаах[ъ] и ꙗкож[є] непщеваах[ъ], нѫ пач[є] и ꙋтврьдисѧ, не хощѫ съкрывати се, ꙗкож[є] и чинь и послѣдованїє законноположенїа хр[и]стїанскаг[о] имат[ь], пач[є]-же тебе прьвѣе дꙋховнаг[о] моего ѡ[т]ца. Прости мѧ, ѡ[т]че мой, оучителское слово недостойнꙋ ми сѫщу и недовлѣѭщи на се немощи моей. [Это значитъ другими словами: „Прости мя, отче мой, во-первыхъ, за то, что я утаилъ отъ тебя мое намѣреніе отказаться отъ врученнаго мнѣ учительства и отъ всѣхъ другихъ учительскихъ должностей, а во вторыхъ, и за то, что я не остался при намѣреніи этомъ, но взялъ на себя трудъ, который былъ выше моего достоинства и выше моихъ умственныхъ силъ и знаній]. Но, въсещедрый чол[овѣ]колюбець б[ог]ъ не вънѧт[ь] на се, нѫ своим[ь] ѡбычнѣ чол[овѣ]колюбїєм[ь] оусъмотривь имиж[є] сѫдбами, сам[ъ] вѣс[ть], и по скончани бл[а]женаго вл[а]д[ы]кѫ моего и ѡ[т]ца, чол[овѣ]колюбець Г[оспод]ь дарова и въръчи ми слово, ради пр[є]ч[и]стыѧ м[а]т[є]рє его б[огороди]цѧ, не ꙗко достойнꙋ, нѫ ꙗкоже прѣдрекохъ, имиж[є] сѫдбами, вѣс[ть] того ѡбычное чол[овѣ]колюбїє. Потом[ъ]же пакы, при д[ь]нех[ъ] бл[а]женаг[о] патрїарха кvр[ъ] Ѳеѡдосїа, оутврьдисѧ [призванїє то], и въдас[ть] мнє Г[оспод]ь б[ог]ъ съборноѫ церковиѧ [разумѣется, право быть учителемъ божественныхъ истинъ и толкователемъ завѣщаннаго намъ св. апостолами и отцами закона]. И азь оубо, аще и чрѣзь достоинства въръчень бых[ъ] и прїѧх[ъ] се, нѫ, єлико по силѣ моей, б[ог]ꙋ съпоспѣшьствꙋѭщꙋ ми, не ѡблѣнихсѧ, нѫ пръвое оубо, єже б[ог]ъ дас[ть], съписах[ъ] житїа и дѣанїа изрѧдных[ъ] мѫжїй, иже въ сїє врѣмѧ ꙗвлъшихсѧ, и нѣкых[ъ] оубо добродѣтѣли съврьшены, дрꙋгых[ъ] же добродѣтѣли и паденїа смѣшена, разꙋм[ъ] имѣѫ въ н[ы]нѣшнем[ъ] родѣ, да ѡви оубо, вънимаѭще добродѣтѣлем[ъ] же и даровом[ъ] б[о]жїим[ъ], не ѡслаблѣѭтсѧ къ трꙋдѡм[ъ], ни прѣстаѭт[ь] ѡт[ъ] д[ꙋ]ховнаг[о] теченїа, дрꙋѕїи же пакы да не надѣатисѧ на подвигы тъчїѫ и б[о]жїа дарованїа и разслаблѣтисѧ въ сꙋєтѫ помыслом[ъ]. И ꙗко съвръшисѧ до конца [разумѣется, книга сія], искꙋсихъ ю, и не быс[ть] на оустѣх[ъ] [вмѣсто успѣхъ], нѫ паче на врѣд[ъ] поꙋчаема бѣ, [и] съжегохъ сїѧ вьсѧ. И не пощѫдѣх[ъ] трꙋда своего, нѫ сѫдих[ъ] древних[ъ] старець свѣдѣтелствованых[ъ] и ꙗвленых житїа же и съписанїа да трудолꙋбствуѫ и послꙋжѫ искрьним[ъ] и себѣ. И на се чел[овѣ]колюбець Богъ ѡтврьзе дверь недостойномꙋ, ради молитвь б[огороди]цѧ, ѡ ней же и дарь дарова. И пръвое оубо съписах[ъ] великѫѧ книгѫ, прѣимѣщѫ тлъкованїа заповѣдем[ъ] г[оспод]ним[ъ], по послѣдованїю же дѣлнаа оучителства, съравнѣѭщаасѧ къ ним[ъ] и дѣанїа б[о]ж[ь]ственых[ъ] ѡ[тє]цъ и с[вѧ]тыхь съборь, и єщеж[є] и градскыѧ законы. Потом[ъ] же пакы даж[є] до н[ы]нѣ, єлико по силѣ моей, єже дарꙋет[ь] б[ог]ъ, другыѫ книгы и различнаа съписанїа на пол ѕѫ искрьним и мнѣ самомꙋ єлико противѫ силѣ моей [пропущено написати] не ѡблѣних[ъ] сѧ. Н[ы]нѣ же, ѡ[т]че мой, въсхотѣх[ъ] ѡрещихсѧ [sic!] сего, и съборнѣй

церкви прѣдначаствѹѫщеи не простишѫ мѧ, нѫ, егда бѣше ту вл[а]д[ы]ка мой Савеллій и прочіи, позва[шѧ] мѧ и бесѣдовашѫ ми, и азь тѣм[ъ], пач[е] же митрополитѹ аданскому, ꙗко единомѹ ѡт[ъ] сих[ъ] вьсѣх[ъ], и не сьѡтведшхсѧ, въ ꙗже ми рекошѫ. Егда же ми рекошѧ: въ сьборнѫѧ церковь сьгласишѫсѧ, и написашѫ ми писаніе, повелѣваѫщее ми въ ѹчительство же и въ иныѧ вещи, и послашѫ ми то съ митрополитом[ъ] аданском[ъ], и прочьтох[ъ] то, и ꙗви ми сѧ тѧжко, еже ѡбходити горѣ и долу и не съставлѣшисѧ, ꙗкож[е] прѣжде, къ ѹчителем[ъ], и, прости мѧ, не пріѧх[ъ] сіе, нѫ възвратих[ъ] е, ꙗко хотѧщу ми въ безмльвіи, без[ъ] мѧтежи, прѣбывати ѡтсели. И пакы ни въ сем[ъ] простишѫ мѧ, нѫ ѡблигчишѫ е, ꙗкож[е] бѣ лѣпо и ꙗко могѫ без бѣднѣ, и послѫшѫ мне и пач[е] тако писашѫ ми тамо: „ꙗко понѫди тѧ сьборнаа церковь въ таковое служеніе“. И прѣвѣе пакы различна писаніа ми писашѧ, гл[аголѭ]ще: „ꙗко мы къждо ѡт[ъ] церковник[ъ], иниж[е] своа можем[ъ] оуправити въ времена сіа, понѣ ты не ѡтрицайсѧ, нѫ, еже аще ѡбрѧщеши въ б[о]ж[ь]ственых[ъ] писаних[ъ], не ѡблѣнѣйсѧ сьписавати“. И ина многа ми писашѧ, прѣжде даже послати ми сіе повелительное писаніе. И сіа оубо вьсѣ сьвѣды азь, ѡ[т]че мой, ѡт[ъ] начала даж[е] до послѣжде, и оубоавсѧ божіа сѫда, и паче ꙗко безбѣдно бѣ, и прьвое и из[ъ] начала мое съмотреніе не прѣкращаѫще, аще и недостоин[ъ], нѫ, ѡбаче, пріѧх[ъ] повелительное благословеніе и благодать, ꙗк[о] ѡт[ъ] рѫкы г[оспод]а б[ог]а и сп[а]са нашег[о] и пр[е]ч[и]стыѧ его м[а]т[е]ре и вл[а]д[ы]ч[и]цѫ нашѫ и врьховнаго ап[о]с[то]лом[ъ] Петра, егоже престоль [sic!] апостолскым[ь] антіохійскы град[ъ] почьтен[ъ] быс[ть] патріарх[ъ] быти вьсему вьстонѹ. И пакы книгы, ѧже написашѧсѧ, сьбраны бышѧ въ едино ѡт различных[ъ] книг[ъ], [и] благодатіѫ Х[ристо]вѫ без[ъ] трѹда ѡбрѧщет[ь] къждо потрѣбное въ коеждо словѣ. И не мое ест[ъ], ѡ[т]че мой, дѣло, зане, ꙗкоже вьси видѣт[ь], невѣжда есмь и поселѣнинь, и [не] прилич[на] сіа по ес[ть]ствѹ таковых[ъ] сѫт[ь], аще не дѣйствѹет[ь], еже паче ес[ть]ства. И сего ради, ꙗкож[е] мнѧ, не ѡт[ъ] чол[овѣ]чьскыѧ силы сьставлены бышѧ, нѫ ѡт[ъ] б[о]ж[ь]ствьныѧ бл[а]г[о]дати, ꙗкож[е] и прѣдрекѡх[ъ], сказѹѫ вещь ꙗк[о] д[ѹ]ховному моемѹ ѡ[т]цу. Ѡ сих[ъ] оубо вьсѣх[ъ], с[вѧ]тый мой ѡ[т]че, аще наставлѣет[ь] тѧ б[ог]ъ, да молишисѧ ѡ мнѣ, ꙗко да дас[ть] ми б[ог]ъ крѣпост[ь] и силѫ и разум[ъ], да безбѣднѣ послужѫ слѹжителство мое, ꙗко да ѡбрѧщѫ милость ѡт[ъ] б[ог]а, ѡт[ъ]даѫщаго комуждо по своемѹ дѣлѹ. Прости мѧ, с[вѧ]тый ѡ[т]че!“

156) Тѣ же факты, но въ словахъ болѣе сжатыхъ и вразумительныхъ, разсказываются и въ письмѣ къ Герасиму [т. е. въ XXXVI словѣ Тактикона, стран. 467—468] и гласятъ такъ: „Се же вѣждь, д[оу]ховное мое чѧдо, зане, ꙗкож[е] и прѣжде, при д[ь]нех[ъ] бл[а]женаг[о] патріарха кѵр[ъ] Ѳеѡд[о]сіа, врѫчено ми быс[ть] и повелѣно ѹчительство, недостойнѹ сѫщѹ ми, [и] нынѣ же пакы не простишѫ ми ѡставити прѣдначальствуѧщеи и архіе-

рее съборныя и ап[осто]лскыя цр[ъ]кви, нъ пач[е] потвръдишѧ и написашѧ съ оутвръжденіем[ь] повелителное, и послашѧ ми то съ кур[ъ] Самуиломъ[ъ] митрополитωм[ь] аданским[ь]. Да ıак[о] съмотрихъ тѧготно ми быти и пач[е] мѣры моеѧ, не пріѧх[ъ] то, нъ възбраних[ъ] сіе, м[о]лѧсѧ, заеж[е] любити ми безмлъвіе и странничьство. Н[ы]нѣ убо пакы облекчишѧ то, ıакож[е] лѣпо бѣшѧ [и] безбѣднѣ, и послаше ми е съ д[оу]ховныим[ь] братωм[ь] кур[ъ] Козмѧ, кур[ъ] Романовѣм[ь], тоу свщаг[о] затворника. И оубоахсѧ сѧда б[о]жіа пакы второе возвратити то, ıако не имат[ь] нѣкое неудобство, неже пач[е] мѣры моеѧ, ниж[е] забавлѧѭще мѧ, въ иже имѣх[ъ] прѣжде разум[ъ]. Пач[е]же и·писашѧ ми: „ıако принѫждает[ь] тѧ съборнаа цр[ъ]кви на се“. И сего ради пріѧх[ъ] то бл[а]гословиѣ, аще и недостойну сѫщу ми, от[ъ] съборныя и ап[осто]лскыя цр[ъ]кви, ıак[о] от[ъ] рѫкы г[оспо]да и б[ог]а и сп[а]са нашег[о] и преч[ис]тыѧ м[а]т[е]ре ег[о] б[огороди]цѧ и вл[а]д[ы]кы нашег[о] Петра, връховнаг[о] ап[осто]лωм, о нем[ь]же и патріаршьскым[ь] пр[е]ст[о]лωмь всего въстока андіохіискый град[ъ] почьтен[ъ] быс[ть]“ и пр.

157) Что положенія эти [срав. прим. 153] отъ словъ: Егда бо съвъкѫпих[ъ] великоую книгу и пр. до словъ: И тако прѣписана быс[ть] и по инѣх[ь] мѣстох[ъ] и пр. заимствованы въ самомъ дѣлѣ изъ письма къ отцу Іоанну, показываетъ простое ихъ сличеніе съ соотвѣтствующимъ мѣстомъ, которое въ словѣ XXII Тактикона [по львов. списку на стран. 340—341] записано слѣдующимъ образомъ: „И се вѣды аз[ь] оумиленый, обач[е] же не от[ъ] себе, нъ испрьва оумолен[ъ] быв[ъ] от[ъ] нѣкыих[ъ] братей и от[е]цъ, съчетах[ъ] обач[е] великѫѧ книгѫ, и не просто и ıакож[е] прилучисѧ сіѧ въ ıавленіе принесох[ъ] испрьва, нъ въ съборнѣй цр[ъ]кви, рекше патріархіи, истѧзана быс[ть] и показана, и от[ъ] самого сакеліа патріархова, иже и митрополит[ъ] быс[ть] Междорѣчію, егоже и ты вѣси, и прѣписана быс[ть]. И обач[е] не о нѣкыих[ъ] догматох[ъ] имѣше видѣніе, нъ всѣ дѣлна бѣше, и съкръвеныим[ъ] от[ъ] бож[ь]ствных[ъ] писаній и заповѣдемъ г[оспод]ным[ъ] имѣше тлъкованіа. Извѣщеніа же рад[и] моег[о] недос[то]инства же и невѣждства, не тъчію въ съборнѣй цр[ъ]кви, нъ от[ъ] многых[ъ] страны сеѧ разумнѣйших[ъ], испытана быс[ть] и истѧзана, и не обрѣтесѧ ничьсож[е] от[ъ] съпротивных[ъ], бл[а]г[о]датіѧ б[о]жіеѧ. И тако прѣписана быс[ть] и въ другыя страны, къ всѣх[ъ] обдръжителнѣ полѕи.

158) Слова эти: „Сице оглашена бывши“ и пр. прибавлены, по всей вѣроятности, самимъ составителемъ предисловія, ибо не находятся ни въ письмѣ къ игумену Петру, ни въ письмѣ къ отцу Іоанну, ни гдѣ нибудь на иномъ мѣстѣ Тактикона.

159) Это весьма любопытное „Исповѣданіе вѣры“ передано въ свято-онуфріевскомъ спискѣ Пандектовъ Никона [варіанты, означенные скобками, заимствованы по извѣстному намъ львовскому экземпляру Тактикона] слѣдующимъ образомъ: „Азь же, аще и недостоинъ ни единаго слова есмь [ни единому словеси], но обаче, ıакоже мнѧ, мних[ъ] есмь и,

благодатїю б[о]жїею, приближаасѧ всею д[оу]шею моею [нѫ оубо инокь сый и, ꙗже инокѡм[ъ] подобаѭщаа, ꙗкоже непщѹѧ, ѡпасно съвѣды и та хранити истѧѕѹем[ъ], сихъ оуставом[ъ] последѹѧ ѡ г[оспод]и съединенѣ, [и] ради Х[ристо]вы бл[а]г[о]дати, присвоаѧсѧ вьсеѧ моеѧ д[оу]шеѧ] и дыханїем[ь] и прибѣгаѧ къ съборнѣй и ап[о]стольстѣй цр[ъ]кви и, елико [елика] с[вѧ]щенаа писанїа прїать [прѣѩла ес[ть]] ѡт[ъ] с[вѧ]тых[ъ] ап[осто]лъ и с[вѧ]тых[ъ] ѡ[т]ець честных[ъ] съборъ, любезнѣ, ѡт[ъ] глубины сердца и мнѡгою вѣрою прїемлѧ, и вся свѣт[ите]лѧ [с[вѧ]щенникы] и весь причет[ъ] прѣдпочитаю, и недостойный рабь их[ъ] быти исповѣдую, и съ ними хощоу быти не ѡтлѫчен[ъ] [и съ ними ѹдо быти ми] съборьныѧ и ап[осто]льскыѧ цр[ъ]кве; раздранїа же и съньмища [раздоры же и сънмищѧ] бывающаа въ церкви, и паче же ереси [и паче ꙗж[е] ѡт[ъ] произволенїѧ, сице], тако бѣгаю, ꙗкоже кто бѣжить ѡт[ъ] ѕмїѧ. Да аще и съпротивно зло кое прїьмѹ ѡ с[вѧ]тѣй цр[ъ]кви и ѡ законѣ же и оученїю [и аще съпротивно что пострaждѫ ѡ с[вѧ]тѣй цр[ъ]кви и законох[ъ] же и догматѣх[ъ]], ꙗже исъпрьва прїать [их[ъ] же из[ъ] начала прїѧла есть] цр[ъ]кви ѡт[ъ] с[вѧ]тых[ъ] и бл[а]женных[ъ] ѡ[т]ець, сїе плод[ъ] вмѣнѩю и врачевство убоѕѣ ми [сїа плод[ъ] въмѣнѣѫ... и врачеванїа ѹмиленѣй ми] доуши, възмогающоу ми [мѧ] г[оспо]доу Иису[су] Х[рист]оу. И прьвое убо Несторїа, тысѧщами [тысѧщо] проклѧтаго, тьмами проклинаю, ꙗко на пр[е]ч[и]стую ми [моѧ] б[огороди]цу хѫливьша, и, ꙗко пса бѣсна, с[ъ] ним[ь] [же и] Арїа, иже на с[ы]на еѧ и божїа [иже на еѧ и с[ы]на б[о]жїа] хѫлоу рекше, проклинаю такожде. Вѣрѹю же [и] исповѣдоую ѡ[т]ца и с[ы]на и с[вѧ]таго д[оу]ха, тройцоу едїносѫщноую и нераздѣлимоую и несълитнѹю, спроста [просто] оубо тако вѣрѹю всею д[оу]шею моею [и] исповѣдѫѧ, еже ѡ вѣрѣ, ученїе [и еликы въселейскыѧ и помѣстныѧ свѧтыѧ съборы прїѧть съборнѫѧ [sic!] цр[ъ]кви ѡт[ъ] б[о]гоносныхъ ѡт[е]цъ, и сихъ вьистинѫ свѣтилники и наставники чл[овѣ]кѡ[ъ] быти славлѧ; лъжеименитыѧ же тоуждїих[ъ] оучителѧ и съборных[ъ], такожде и въсе тѣх[ъ] мѫдрованїе проклинаѧ]“.

[160]) Мы приводимъ нарочно заглавія эти въ полномъ текстѣ, чтобы тѣмъ, кто захотѣлъ бы заняться ихъ сличеніемъ, доставить пособіе.

[161]) Срав. кромѣ того еще Котелера, Monum. ecclesiae graecae III. 428 слѣд. 459 и 644; Розенкампфа, Обозрѣніе Кормчей книги прибавл. VI стр. 190—195; Строева, Рукописи славянс. и россійскія, принадлежащія И. И. Царскому, Москва, 1848, № 169—172 и пр.

[162]) Источники, изъ которыхъ почерпнуты свидѣтельства Никона, собраны были въ первый разъ Фабриціемъ и, съ дополненіями рус. библіофила Лаптева, напечатаны еще разъ у Розенкампфа въ Обозрѣніи Кормчей книги, прибавл. VI. стр. 196—200.

Мы замѣтимъ съ нашей стороны всего лишь то, что выписки изъ Лавсаическаго Патерика приводятся не только въ XLIII и LVII, но кстати также и въ XXIII словѣ.

[163]) Съ какимъ уваженіемъ принята была книга сія современниками, показываетъ всего лучше патріархъ антіохійскій Іоаннъ IV, который въ письмѣ своемъ къ Никону [въ львов. спискѣ Пандектовъ на лицевой сторонѣ 499 листа] отзывается о ней слѣдующимъ образомъ: „Пріахъ чьстное твое посланіе, б[ог]олюбезнѣйший о[т]че, и съ ним[ь] обдержителнѹю д[оу]шеполезныхъ[ъ] въображеній и ученій книгѹ, юже изложи святини твоя, събравши, яже в[ъ] ней, от[ъ] внѣшнихъ[ъ] же и внѹтрьних[ъ] писаній и съложивши поспѣшеніем[ь] сѫщая [=сѫщыя] въ тебѣ б[о]ж[ь]ственныя бл[а]г[о]дати, въ общѹю христоименитых[ъ] людій ползоу, яко же нѣкая пчела бл[а]горазумнѣ мед[ъ] съложивъ. И по твоему повеленію и [твоей] заповѣди прочтох[ъ] тоу [разумѣется, книгу] и, оужасенъ от[ъ] сѫщая въ ней бл[а]г[о]дати быв[ъ], мнѣх[ъ] ся от[ъ] радости, яко играти и скакати. И рѹцѣ, якоже нѣции крилѣ простеръ, мнѣхся яко птенецъ лѣтати, и лѣтаніе, якоже къ Тебѣ, сътворити. Обаче же паки, къ сіже на се ес[тьс]твоу немощномѹ обративъ помыслъ, инѹю обрѣтох[ъ] къ радованію кознь; съзвавъ бо вся, иже о словесех[ъ] и б[о]ж[ь]ственных[ъ] ученій многое тщаніе имѹщая, и яко многоцѣннѹю трапезѹ тѣм[ъ] сію предложих[ъ] книгоу. И вси присно текѹщаго от[ъ] нея б[о]ж[ь]ственнаго причастишася медоу. Вся бо твоя опасна и без[ъ] порока сѹть, и яко от б[о]ж[ь]ственна источника истѣкающа“.

[164]) Нѣкоторыя извлеченія изъ Пандектовъ Никона разбросаны были, впрочемъ, и по частнымъ [большею частію затерянныхъ уже] запискамъ людей ученыхъ XVI—XVIII вѣка, какъ убѣдиться можемъ въ этомъ изъ упомянутыхъ на другомъ мѣстѣ [срав. статью III настоящаго реферата] записокъ Кирилла Транкв. Ставровецкаго, въ которыхъ, въ числѣ другихъ статей, попадалось намъ также предисловіе новѣйшаго писателя, начинающееся отъ словъ: „Антіохъ ѹбо онь, иже въсячьски въсего мира отврьгіися“ и пр. А такъ какъ Кириллъ Т. Ставровецкій былъ довольно частымъ гостемъ уневскаго монастыря, того самаго, гдѣ Вассіанъ былъ архидіакономъ и уставникомъ, то легко быть можетъ, что предисловіе это заимствовано дословно изъ вышеописаннаго Вассіанова, или свято-онуфріевскаго списка. По крайней мѣрѣ, нѣтъ другихъ болѣе положительныхъ поводовъ, которые заставляли бы сомнѣваться въ высказанномъ здѣсь предположеніи.

[165]) Срав. главу XX и LXX печатнаго изданія Кормчей.

[166]) Выраженіе: „Недостижѫщи до единного златника“, кажется, ошибка, ибо въ Словѣ XXVII [оно приводится сей часъ же послѣ] сказано положительно, что малая книга Пандектовъ Никона стоила одинъ златникъ съ половиной.

[167]) Срав. Ангела Мая, Auctorum veterum collectio nova IV, 158, а кстати также и Описаніе слав. рукоп. москов. синод. библіот. т. II, 3, 43.

[168]) Описаніе слав. рукоп. синод. библ., тамъ же.

[169]) Онъ находится въ библіотекѣ университетской во Львовѣ подъ цифрою I—A—1.

[170]) Монастырь Драгомирна находится тоже въ теперешней Буковинѣ и славится, какъ мѣсто, въ которомъ еще и теперь можно найти нѣсколько замѣчательныхъ славянскихъ и румынскихъ рукописей.

[171]) Срав. сказанное нами въ статьѣ о памятникахъ апокрифической литературы въ Галиціи.

[172]) Въ одномъ изъ сочиненій Петра Могилы [мы не помнимъ уже, въ которомъ именно] названы, напримѣръ, иноки бывшаго манявскаго скита въ Галиціи „аггелами въ человѣческой плоти“, около 200 вмѣстѣ.

[173]) „Потребно же есть съвѣдѣти, свидѣтельствуетъ самъ Никонъ Черногорецъ въ концѣ своего предисловія къ книгѣ Тактиконъ [по львов. списку на стр. 21—22], „іако различны тvпікы, стꙋдійскыѧ же и їер[оу]с[а]л[и]мьскыѧ, прочьтохь и събрахь, и не съгланшѧсѧ одинъ [въ текстѣ поставлено по ошибкѣ: иди] къ дрꙋгомꙋ, ниже стꙋдитскый съ дрꙋзѣмь стꙋдитскымь, ни їер[оу]с[а]л[и]мстїи съ дроузѣми їер[оу]с[а]л[и]мьскыми. Въ сих[ъ] оубо недоꙋмѣвь, испытах[ъ] въ разꙋмных[ъ] и древных[ъ] и вѣдѣніе таковым[ъ] имѫщих[ъ], іако множайше от[ъ] еже искꙋстнѡм[ъ] быти им[ъ] въ обитѣли прѣп[о]д[о]бнаг[о] о[т]ца нашего Савы въ Іер[оу]с[а]л[и]мѡх[ъ], въ цр[ъ]квоначалнѣй же и строителнїй слꙋжбѣ, и даже до самого игꙋменскаго прѣстола дошедших[ъ]. Имѣѧ оубо сих[ъ] разꙋмь же и съвѣть, поискохсѧ о древнемь їер[оу]с[а]л[и]мстѣмь, и ꙋбо о еже о чинѣ цръковном[ь] и пѣнїи, и о инѣх[ъ] нѣкых[ъ] нѫждныхь, не имѫщих[ъ] бѣды от[ъ] б[о]ж[ь]ствнаг[о] писанїа, нъ оубо и о дѣлных[ъ] нѣкыихъ винах[ъ], ради належѫщаго врѣда, и іако ни от[ъ] б[о]ж[ь]ствныхъ писанїй имѣхѫ свѣдѣтелства прѣдıавленїи тvпіци, нъ просто тъчїѫ гл[агол]ѫще сице: „іако се да творим[ъ] и се“. Аз[ъ] же, аще и недостоин[ъ] нъ, іакоже мнѧ, свѧтаа же писанїа и с[вѧ]тыѧ о[т]цѧ паче мѣры люблѧ, не тръпѧ чл[овѣ]ч[ь]скаа прѣданїа прїемати, ниже свой разꙋмь, или своѧ волѧ, нъ, еже по силѣ мое[й], трꙋдолюбствовавь поспѣшествѡмь б[о]жїемь, и оубо іаже бѣдѫ творѧщѫ дѣйствномꙋ житїю отвръгь, избрахъ іаже ꙋспѣшнаа от[ъ] б[о]ж[ь]ствных[ъ] писанїй, и от[ъ] тѣхь же самѣхь тvпикь потрѣбнаа [и съединихъ, разумѣется, въ одно цѣлое]. [И] бысть Х[ристо]воѧ благодѣтїѧ свѣдѣтельствовань [надо прибавить: тvпикъ сьй] от[ъ] б[о]ж[ь]ствных[ь] писанїй, а не от[ъ] мене недостойнаго Нїкѡна; занеже въсе еже без[ъ] свѣдѣтельства, своеволно же и боазнь имѣѧ и въ зазорѣ ес[ть].

[174]) Но мы должны замѣтить, что предполагаемый здѣсь древнѣйшій переводъ Наставленій неизвѣстенъ пока еще ни въ одномъ экземплярѣ.

[175]) Изъ сохранившихся понынѣ славяно-русскихъ списковъ Тактикона всего древнѣе этотъ списокъ, принадлежавшій прежде монастырю на Лисичьей горкѣ въ Новгородѣ [а теперь принадлежитъ публичной С.-петербургской библіотекѣ], списокъ, который, судя по примѣчанію писцевъ, Якова да Пимена, скопированъ былъ въ 1397 году изъ какого-то,

во всякомъ случаѣ, древнѣйшаго слав. апографа, принесеннаго сюда изъ Аѳонской горы игуменомъ Лисичьей горки Иларіономъ [Срав. Срезневскаго, Древніе памятники рус. письма и языка стр. 129—130].

[176]) А всего болѣе съ рукописями, находящимися въ настоящее время въ москов. синодальной библіотекѣ [Срав. Описаніе Невоструева и Горскаго № 226—229 включительно].

[177]) Въ Описаніи Невоструева и Горскаго [II. ч. 3. стр. 28] говорится лишь о предисловіи вообще, какъ бы о статьѣ одного и того же автора. Но мы должны замѣтить, что предисловіе это состоитъ изъ двухъ различныхъ по происхожденію частей: 1) изъ статьи [по львовс. списку Наставленій на стр. 1—6], начинающейся отъ словъ: „Сїє троудолюбїє сеѧ книгы сътворено быс[ть] къ ползи хотѧщим[ъ]" и принадлежащей другому новѣйшему писателю, кажется, тому самому, которымъ составлено было также и предисловіе къ Пандектамъ Никона, и 2) изъ статьи, начинающейся отъ словъ: „Се нынѣ изложено бысть нами бл[а]годатїю б[о]жїєю" и принадлежащей [срав. выписки, сообщенныя въ прим. 159 и 173] самому автору Тактикона. А что мы не ошибаемся, высказывая здѣсь мнѣніе, не выраженное пока еще никѣмъ, доказываетъ всего болѣе то обстоятельство, что въ приписываемой нами новѣйшему издателю статьѣ говорится о сочиненіяхъ Черногорца не въ первомъ [какъ то дѣлается Никономъ постоянно], но въ третьемъ лицѣ, и что книга Пандектовъ названа здѣсь великою и „всекрасною" книгою, т. е. снабжена эпитетомъ, который въ устахъ Никона не только что былъ бы неумѣстнымъ, но противорѣчилъ бы рѣшительно свойственной ему скромности. „Понеже бо, гласитъ мѣсто то дословно, „от[ъ] прѣдварших[ъ] лѣт[ъ] б[о]ж[ь]ствных[ъ] писанїй глаголи [т. е. словеса], ови оубо от[ъ] нѣкыих[ъ] инаю сказаны быша, ови же и от[ъ] невѣдѣнїа—а еже злѣйшее въсѣх[ъ] и от[ъ] прѣшбыданїа и прѣзорства дрѹзїи.. и [тако] въ различны ереси, такожде и прѣлсти распострѣтсѧ лютый сїй недѫгъ, [то] въ врачеванїе же сих въсѣх от[ъ] б[о]ж[ь]ственнаго промысла, iакоже и выше [разумѣется, въ предисловіи къ Пандектамъ того же автора] рѣхом[ъ], сътворена бысть прѣвїе оубо въсекраснаа и великаа книга. И въ ней съчетана быша въ заповѣдем[ъ] г[оспод]ним[ъ] и сих[ъ] истиннаа сказанїа, iаже от[ъ] д[оу]ха с[вѧ]т[а]го с[вѧ]тыми о[т]ци истлъковани быша, такожде и б[о]ж[ь]ственаа правила с[вѧ]тых[ъ] о[т]ецъ и от[ъ] тѣх[ъ] самѣх[ъ] градскых[ъ] закѡнь [они взяты Никономъ почти всѣ изъ Κείμενα Фотіева Номоканона] iако да къждо от[ъ] хотѧщїих[ъ] потрѣбное въключимѣм[ь] чинѣ и своем[ь] врѣмени приплодит[ь] ползѫ. Въ послѣднѣа же пакы от[ъ] сих въсѣх[ъ] по послѣдствѹющїи притчи и истѧзанїю, нѣкых[ъ] взысканїй, или въпрошенїй ради, въ послании[ъ] къ вышьшемѹ разѹмѣнїю и опасномѹ въ сей книзѣ [т. е. въ книгѣ Тактиконъ, или въ книгѣ Наставленій для монаховъ] извѣстно и потънкѹ положена быша от[ъ] б[о]ж[ь]ственых[ъ] и правед-

ныхъ[ъ] писаній пакы, а не ѿт[ъ] иного разѹма [Никонъ здѣсь непремѣнно сказалъ бы: отъ моего разума], или ѿт[ъ] неправедна писанія. Ѿтнюдѹ же, и аще что инако нѣкако, кромѣ сих[ъ] вьсѣх[ъ], мѫдръствѹет[ь] кто, или г[лаго]лѭ, или тлъкѹѭ, или паче истиннѣе рещи развращаѫ по прѣлъсти своего ѹма, ꙗко васнь съмотрителнѣ творѧ, не малѫ вѣдѫ ради сих[ъ] вьсѣх[ъ] на сѣ [вмѣсто на сѧ] привлѣчет[ь], ꙗкоже въ прѣдніих[ъ] прѣдложивь покажет[ь] слово. Ибо не ѿт[ъ] нѣкыих[ъ], плътское имѫщих[ъ] мѫдрованіе, сія положена вышѫ, ꙗкоже прѣдварившие рѣхѡм[ъ], нѫ ꙗже ѿт[ъ] б[о]ж[ь]ствнаго д[оу]ха г[лаго]ленаа, с[вѧ]тыми же ап[о]с[то]лы и б[о]ж[ь]ствными събѡри и вьсѣми с[вѧ]тыми ѿ[т]цы“ и пр. и пр. Но мы идемъ еще дальше, и на основаніи заключительныхъ словъ, присоединенныхъ къ разсматриваемой здѣсь статьѣ, и гласящихъ такъ: „Нѫ сія оубо вьсѣ ѿт[ъ] начѧла даже до зде произыде слово ѡ притчи сеѧ книгы; начнѫ же оубо и оуказа еѧ, ѹрѧждена имѫщѹ [этотъ оборотъ заимствованъ, очевидно, изъ собственныхъ словъ Никона, именно же изъ слова XXVII стр. 391] посланія и притчѧ единаго коегождо посланія къ вѣдѣнію ѹченномюбных[ъ], или пач[е] рещи б[о]голюбных[ъ] и произволѧщих[ъ] на ползѫ; приложити же слово потом[ъ] и съборное“ мы не можемъ не выразить убѣжденія, что тѣмъ же новѣйшимъ писателемъ присовокуплено было тоже и не находящееся въ первоначальномъ изданіи, но весьма удобное для читателей подробное оглавленіе книги, или точнѣе собраніе тѣхъ заглавій, которыя самымъ авторомъ Тактикона предпосланы были каждой статьѣ отдѣльно. А если такъ, то легко быть можетъ, что тому же новѣйшему издателю сочиненій Никона мы обязаны также и присовокупленіемъ той статьи, которая подъ именемъ Синаксарія, или такъ называемой „третьей части“ стала являться съ тѣхъ поръ постоянно во всѣхъ новѣйшихъ греческихъ и славянскихъ спискахъ Пандектовъ Никона.

178) Мы сожалѣемъ лишь о томъ, что не всѣ адресаты Никона названы имъ по имени.

179) Срав. слово I, II, [III], V, [VIII], XII, XV, XVI, XVII, XVIII, XIX, XXVII и пр.

180) Срав. Слово IV, преднаписанное такъ: Къ мнихѹ Кvръ Лѹцѣ, ѡ вѣдѣніи праздник[ъ] и вл[а]д[ы]чных[ъ] пост[ъ] и иных[ъ] винах[ъ] нѫждных[ъ], и о пос[т]ни[ко]вѣ, г[лаго]лемѣм[ь], номоканонѣ.

181) Срав. Слово [IV], VI, VII, X и XIV.

182) Въ Словѣ XI.

183) Въ Словѣ XXI.

184) Срав. Слово XIII и XXXVIII.

185) Въ Словѣ XXIX.

186) О своей учительской и литературной дѣятельности намекаетъ Никонъ Черно-

горецъ едвали не въ каждомъ Словѣ, но всего обширнѣе въ Словѣ XIX, XXII, XXVII, XXXVI, XXXIX и XL.

[187]) Сюда относятся въ особенности извѣстія, сообщенныя имъ по какой-то повѣстной книгѣ въ Словѣ XXI и XXXI.

[188]) О завоеваніи Турками Палестины и Сиріи [а кстати также и о сарацинахъ] содержатся болѣе или менѣе подробные намеки тоже едвали не въ каждомъ Словѣ, но всего чаще въ Словѣ IV, XII, XIX, XXI, XXII, XXXI, XXXVI и пр.

[189]) Прежде всего въ Словѣ XXII, XXXII, XL, а нерѣдко также и на другихъ мѣстахъ.

[190]) Иверамъ, или Грузинамъ посвящено цѣлое XXXVI слово [Срав. Описаніе Невоструева и Горскаго II, ч. 3, 49—50].

[191]) Такъ называемымъ Цатамъ т. е. отшельникамъ армянскаго происхожденія посвящены два посланія Никона, т. е. Слова XXXV и XXXVI. [Срав. тоже Описаніе Невостр. и Горс. тамъ же. стр. 48—49].

[192]) Письма эти помѣщены въ Словѣ XXIII, XXIV и XXV.

[193]) Но мы не можемъ не высказать здѣсь желанія, чтобы свѣдѣнія эти собраны были скорѣе и приведены въ общую извѣстность.

[194]) Въ львовскомъ спискѣ сообщены слова эти съ ошибками и гласятъ такъ: „Оних[ъ] же от[ъ] сего дрьзновенія въземше" и пр.

[195]) Слова: „и послѣжде преданъ бысть всячески въ совершенное вселеніе" внесены другою новѣйшею рукою, тою самою, которою добавлены тоже два недостававшіе въ разсматриваемой рукописи листа [т. е. стран. 11—12 и 529—530], и которою слегка правленъ текстъ цѣлой рукописи, кажется, по печатному почаевскому изданію изъ 1795 года.

[196]) Это письмо Петра антіохійскаго попадается также и въ Кормчей книгѣ, но, лишь въ спискахъ софійскаго или русскаго разряда, въ главѣ LV.

[197]) Преп. Никонъ Черногорецъ ссылается въ статьѣ этой, кромѣ того, и на другія, не названныя по имени, посланія того же Петра антіохійскаго, а кстати также и на письма св. Максима [котораго?], и на изустныя разсказы своего игумена куръ Луки.

[198]) Мнѣ кажется, что выписки эти основаны на тѣхъ же полемическихъ статьяхъ противъ латинянъ, которыя въ извѣстныхъ намъ сербскихъ спискахъ Кормчей приводятся въ главѣ IV и XLI, а въ Кормчихъ русскаго разряда, въ главѣ LVIII, LIX, LX и LXI.

[199]) Да и самъ Котелеръ долженъ былъ въ послѣдствіи убѣдиться, что слово это заимствовано изъ книги Наставленій Никона, и докладываетъ объ этомъ тамъ же, стр. 650.

[200]) О постѣ къ пресв. Богородицѣ, именно о постѣ предъ ея успеніемъ, говоритъ Никонъ, кромѣ того, еще въ Словѣ I и XIX.

[201]) Она озаглавлена въ извѣстномъ намъ свято-онуфріевскомъ спискѣ на лицевой стр. 1 л. слѣдующимъ образомъ: Съчиненіе по съставѣх[ъ] обꙗтіих[ъ] вьсѣх[ъ] винь с[вꙗ]щенных[ъ] и б[о]ж[ь]ственых[ъ] правиль, потроужденно же въкоупѣ и съложено иже въ с[вꙗ]щенноинокых[ъ] послѣднїимь Матѳїомь [Σύνταγμα κατὰ στοιχείων τῶν ἐμπεριειλημμένων ἁπάσων ὑποθεσέων τοῖς ἱεροῖς καὶ θειοῖς κάνοσι и пр.].

[202]) Время написанія Властаріевой Синтагмы означено имъ самимъ прежде всего въ статьѣ объ отысканіи луннаго круга [на стр. 450] словами: „Нъ и вьнегда лоунный кръг[ъ] обрѣсти хощеши, пръсты рꙋчными настоꙗщее лѣто поемли, да лежит[ь] же еже на шестотысꙗщно осмосътно четыредесꙗте третїе“, а также и въ статьѣ объ отысканіи солнечнаго круга [на стр. 452] словами: Також де и о сл[ъ]нци обрѣтаетсꙗ: оудръжи рꙋкама текꙋщее н[ы]нѣ шестотысꙗщное и осмосътное и четыридесꙗте и третїе лѣто [κράτησον ταῖς χερσὶ τὸ τρέχον ἀρτίως ͵ςωμή ἔτος] и пр.

[203]) Ср. извѣстія, сообщенныя Шафарикомъ въ Wiener Jahrbücher LIII. Anz. Bl. 34—38 и въ другихъ мѣстахъ.

[204]) Къ разряду списковъ, происшедшихъ изъ славяно-сербскаго перевода, принадлежитъ, между прочимъ, Списокъ Румянц. Музея подъ № CCXXXVIII, также списокъ москов. синод. библіотеки подъ № 93 [по прежней нумераціи] и пр.

[205]) Къ тому же разряду относится также и переводъ, авторомъ котораго былъ Епифаній.

[206]) Онъ состоитъ изъ 800 страницъ и удержанъ всецѣло, кромѣ 16 листовъ, находившихся между 708 и 709 страницами и содержавшихъ статьи Ц. состава, отъ 1—6 включительно.

[207]) Но мы должны замѣтить, что это новое распредѣленіе книги осуществлено было безъ нарушенія цѣлости каждой отдѣльной статьи, и что затѣмъ въ славянскомъ переводѣ есть столько же отдѣльныхъ статей, сколько и въ греческомъ подлинникѣ.

А если въ славянскомъ текстѣ все таки меньше заглавій, нежели въ греческомъ, то это произошло оттого, что заглавія такія, въ которыхъ содержались только ссылки на другія, полныя статьи, большею частію пропускались.

[208]) Первая запись составлена самимъ авторомъ списка и гласитъ такъ: „Иже оубо тѣсным[ь] и нелюбопытным[ь] д[оу]хом[ь] и не оуставным[ь] и парꙗщим[ь] оумом[ь] проходити мнꙗ сꙗ, иже въ б[о]годъхновенных[ъ] лежꙗща писаниих[ъ], и оумь сих[ъ] любопрꙗсꙗ приꙗти, вьсегда обыче таковый плоды неразоумїа обирати, их же тръпкость д[оу]ши омраченїе прибываетъ и б[о]жїе послѣднее негодованїе наводить. А иже сим[ъ] несытнѣ и люботроуднѣ и вънимателнѣ прилежꙗщим[ъ], скоро сих[ъ] оперначѣет[ь] въ дѣани и горѣ, въ разоум[ъ] видѣнїа, съвъсхыщаетъ. Егоже ради, мнꙗ, оусѣтивъше себе нѣции и, ꙗкоже от[ъ] съна протръгше-

сѧ, царю ѡ сем[ь] въспомѣнѫвше. И царь оубо Іѡ[аннъ] Алеѯандрь, г[осподи]нь въсей земли молдавской, ѡле бл[а]гости твоеѧ, г[оспод]и, велемѫдрьнѣ и съмысльнѣ, въскорѣ ıако прием[ъ], абіе призвана сътвори мене, смѣренаго и послѣднѣго въ епископѣх[ъ] Макаріа романскаго, изволеніем[ь] иже въ нас[ъ] лоучшинствоуѭщаго митрополита кѵрь Григоріа, да, ıаже приснопамѧтьным[ь] до[сто]бл[а]женным[ь], г[лаго]лѧ, с[вѧ]щенным[ь] Матѳеѡм[ь] съчинена и сьложена правила по гръчьских[ъ] съставѣх[ъ], и съкрывшеесѧ и заградившеесѧ, въ ѩзыкь вънад[ъ] блъгарскый и семоу сърѡдным, под[о]бнѣ и мы, наръчно, по нашей силѣ, сътворити и подобным[ъ] подобнаа присъвъкоуплѣти, но иже въ нас[ъ] боуквѣх[ъ], сирѣч[ь], съставѣх[ъ] бл[а]гополоучнѣ такожде съставлѣти, ѡбещнѣ сѫдивше. И нам[ъ] тѧготѫ сїѫ възложити съмотришѧ, ıако да ѿтѫдоу прочее възрок[ъ] лѣности прочитати прѣдлагаѫщим[ъ] ѿѧти, и нектомоу неищевати вины прѣсыщенїю многословїа [что въ собственномъ предисловіи Матоея Властарія читается почти дословно такъ: τὴν πρόφασιν ἐντεῦθεν περιαιρῶν, τῶν ἐντυγχάνειν αὐτοῖς ἀποκνούντων, τὸ προσκορὲς τῆς τούτων πολυεπείας προβαλλομένων τὴν αὐτῶν διάνοιαν καταβαπτιζούσης]. И бѫди оубо [вѣдомо], ıако.. въ тысѧщи лѣт[ъ] седмо соугоубнѣй и шесть пакы десѧторо соугоубнѣй и четворо ношеній прохождааше мирь [т. е. что прошло лѣтъ отъ сотворенія міра 7064, а отъ рождества Хр. лѣтъ 1556], егда сїе съмотрисѧ“.

209) Другая запись присовокуплена по порученію самаго воеводы Александра и состоитъ изъ слѣдующихъ словъ: „Іѡ[аннъ] Алеѯан[ь]дръ, воевода б[о]жїею м[и]л[о]стїю г[о]сп[о]д[а]ръ въсей Молдовлахїйской земли. Ѡже бл[а]гопроизволих[ъ] г[оспо]дс[т]воми нашим[ь] бл[а]гим[ь] произволенїем[ь], ч[и]стим[ь] и свѣтлим[ь] сър[ъ]дцем[ь], и послахом[ъ] сїа книгѫ, рекомаа правила великаа с[вѧ]тых[ъ] ѡ[те]ць въселенских[ъ] православному кнѧꙁꙋ и великомоу ц[а]рю въсеѧ великїѧ Рꙋсїѧ Иваноу Василїевичꙋ в[ъ] л[ѣ]то ҂зѯ҃ѳ, сентеврїа м[ѣ]с[ѧ]ца, і҃і.

210) Есть, правда, глухое извѣстіе, что Синтагму Властарія переводилъ также и знаменитый Максимъ Грекъ. Но, если Іоаннъ Грозный считалъ все таки нужнымъ за славянскимъ спискомъ той же Синтагмы обратиться къ молдавовлахійскому воеводѣ Александру, то надобно допустить, что извѣстіе о переводѣ Максима Грека или невѣрно, или переводъ Максима Грека былъ тоже ничто иное, какъ такое же не годящееся ни къ чему дословное заимствованіе греческаго подлинника. Мнѣ кажется, однако, первое предположеніе вѣроятнѣе.

211) Быть можетъ, что церковныя распри 1551—1580 г., въ которыхъ царь Іоаннъ Грозный принималъ живое участіе, принудили его подумать о пособіи, въ которомъ бы онъ могъ безъ труда [это свидѣтельствуетъ о его ясномъ и практическомъ умѣ] найдти себѣ поученіе о какомъ либо каноническомъ вопросѣ.

212) Ближайшія и болѣе подробныя свѣдѣнія мы сообщимъ о спискѣ этомъ при другомъ случаѣ.

213) Срав. примѣчаніе 209.

214) Мѣсто это переведено Беверегіемъ [ср. прим. 124] слѣдующимъ образомъ: „Quapropter ego cum ad salutaris sententiae confirmationem et utilem omnium [ut dictum est] hominum instructionem divinos omnes collegissem canones, ipsorumque pariter ac eorum, qui ipsos animo religioso interpretati sunt, mentem quoad fieri potuit periphraseos ad instar in compendium redigissem, nihil eorum intelligentiae, quantum in me fuit, deesse arbitratus: quinetiam quaecumque ab eorum interpretibus alicubi praetermissa sunt, nobis autem in mentem venire contigit, necessaria nimirum piisque nimis summa contentione expetita, postulantibus non invidentes promptum pro viribus nostris syntagma perfecimus. Omnium autem collectorum canonum potentiam cum in 24 titulos juxta literarum nostrarum numerum distribuerim et cuilibet eorum materiam subiectam, juxta primam propriae sententiae literam ei congruam, recte accomodaverim, et titulorum etiam capita per arithmetica ostenderim elementa, facilem, ni fallor, et compendiosam ad ipsorum cognitionem ducentem viam secui: praetextum exinde eorum praescindens, quos operam iis assequendis navare piget, fastidiosum eorum multiloquium mentem ipsorum obruens objicientes et praeterea cujusque materiae canones eodem in loco non collocari. Ad haec brevia et concisa legis etiam civilis capita sacris canonibus commilitantia et consona et ex abundantia iis attestantia congruis canonum capitibus appendere pretium duxi“.

215) Срав. примѣчанія 95—97, а кстати также и относящіяся сюда статьи въ Описаніи рукописей Румянц. Музея Востокова, а именно описаніе Кормчихъ подъ № CCXXXIII и подъ № CCXXXIV.

216) Мы встрѣтили, напр., въ библіотекѣ имени Оссолинскихъ одинъ русскій экземпляръ литовс. Статута [срав. прим. 220], одинъ [неполный] латинскій подъ заглавіемъ: Statuta Magni Ducatus Lituaniae Bielscensibus promulgata, in Vilnensibus a[nno] s[alutis] hum. MDLXXVI approbata comitiis, e rutheno sermone in latinum converta“, и два польскіе, изъ которыхъ одинъ [безъ заглавія] присовокупленъ къ предъидущему латинскому и вмѣстѣ съ нимъ помѣщенъ въ рукописи подъ № 370, а другой присовокупленъ къ рукописи подъ № 360, а оглавленъ такъ „Statut wielkiego Xię. Litewskiego, wydany na seymie Wielkim Walnym Wilenskim, Anno Domini MDLX“.

217) Въ земляхъ западно-русскихъ, а именно въ областяхъ, подвластныхъ коронѣ, обязательно было, кромѣ того, право польское, а по городамъ, какъ вообще извѣстно, право магдебургское.

218) Нѣкоторыя весьма интересныя свѣдѣнія о литовскихъ статутахъ сообщены прежде всего Даниловичемъ и Мацѣевскимъ, а въ отношеніи библіографическомъ кромѣ того еще и Востоковымъ въ Описаніи соотвѣтствующаго Румянцевскаго экземпляра.

219) Изъ всѣхъ приведенныхъ въ примѣчаніи 216 экземпляровъ литовс. Статута всего любопытнѣе тотъ, который присовокупленъ къ латинскому переводу, и въ кото

ромъ, кромѣ обыкновенныхъ принадлежностей этого рода списковъ, находятся еще слѣдующія прибавленія: 1) Konstytucya sejmu lubelskiego 1569 roku; 2) Poprawa statutu litewskiego na sejmie warszawskim 1578 r.; 3) Konstytucye Wołyńskie z sejmu Koronacyjnego 1576 r.; 4) Konstytucya Henryka przy koronacyi; 5) Przywileje Wielkiego Xięcia lit. około „uniey"; 6) Potwierdzenie unii z roku 1569; 7) Przywiléj przywrócenia ziemi Wołyńskiej do Korony.

220) Онъ писанъ въ другой половинѣ XVII вѣка и озаглавленъ такъ: Статѹтъ коронный [sic!] великого кнѧзтва литовского писанъ Ѹ Краковѣ, лѣта б[о]ж[о]го нарожена ҂афіїі, мѣсѧца генвара, ки день. Сигисмѹндѹсъ рексъ, Левъ Сапѣга, подканцлеръ вел. кнѧз. лит.— Кгаврнель Война, писаръ" и пр.

221) Онъ, кажется, немножко древнѣе предыдущаго, но писанъ все таки не ранѣе начала XVII вѣка.

222) Сравни примѣчаніе 220.

223) О томъ свидѣтельствуетъ также и замѣчаемое въ статутахъ этихъ распредѣленіе статей, изъ которыхъ для списковъ третьяго періода можно бы составить [числа римскія означаютъ порядокъ „роздѣловъ", а числа арабскія количество „артикуловъ" въ каждой статьѣ отдѣльно] слѣдующій библіографическій ключъ: I, 35; II, 27; III, 51; IV, 105; V, 22; VI, 15; VII, 31; VIII, 9; IX, 32; X, 18; XI, 68; XII, 24; XIII, 14; XIV, 37.

На томъ же основаніи можно бы также и для статутовъ втораго періода изъ 1529 года составить такой же библіографическій ключъ: I, 30; II, 29; III, 41; IV, 70; V, 18; VI, 13; VII, 26 [24]; VIII, 8; IX, 22; X, 17; XI, 35; XII, 14; XIII, 14; XIV, 37.

224) Это значитъ, что извѣстныя на Руси полемическія сочиненія составляютъ одно изъ самыхъ обширныхъ и самыхъ разнородныхъ по содержанію отдѣленій литературы, и что трудно было бы указать на какое либо важнѣйшее отступленіе отъ основоположеній православной вѣры, о которомъ бы сейчасъ же не упомянула и полемическая литература.

225) Болѣе подробныя данныя сообщены въ любой исторіи словесности; но мы пользовались прежде всего данными, сообщенными въ Обзорѣ рус. дух. литературы Филарета, тоже данными, сообщенными въ Исторіи русской словесности Галахова и въ сочиненіи Аскоченскаго о писателяхъ, происшедшихъ изъ Кіевской Академіи [Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ Академіею, 2 тома, 1856] и пр.

226) Въ Кормчей книгѣ и въ другихъ рукописныхъ и печатныхъ изданіяхъ мы встрѣчали изрѣдка также и другія полемическія статьи и сочиненія; но это были все таки предметы, занимавшіе только немногихъ.

[227]) Мы позволимъ себѣ указать всего лишь на такія имена, какъ Стефанъ Зизаній, Іовъ Борецкій, Гедеонъ Балабанъ и др.

[228]) Возьмемъ, напримѣръ, дѣятельность одного Ставропигійскаго братства во Львовѣ.

[229]) Эти послѣднія дѣлятся опять: 1) на сочиненія, составленныя древнѣйшими русскими писателями, въ духѣ тѣхъ же византійскихъ образцевъ, и 2) на сочиненія, составленныя въ новѣйшую эпоху, съ цѣлью противодѣйствовать тому опасному для православія и для народности русской стремленію, которое подъ именемъ „уніи" съ римскимъ престоломъ росло и усиливалось ежегодно.....

[230]) Въ нѣкоторыхъ Кормчихъ сербс. разряда [напр., въ спискѣ унив. библіотеки] онѣ приписываются ошибочно Петру антіохійскому, который писалъ тоже объ опрѣснокахъ тому же архіепископу венетійскому, но писалъ совсѣмъ иначе, какъ убѣдиться можно изъ списковъ рус. разряда, въ которыхъ она составляетъ главу LV и начинается отъ словъ: „Написа ми се свѧтыни твоꙗ, ꙗко с[вѧ]тый бл[а]ж[е]нный патріарх[ъ] Константина града Михаил[ъ], оплаток[ъ] ради, сварит[ь] и проклинает[ь] цр[ъ]ковь свѧтыни твоеꙗ, ꙗко вы оплаткы комкаете ꙗко тѣло Христово и мнитесꙗ, ꙗко свѧтитесꙗ от[ъ] того" и пр.

[231]) Оно начинается отъ словъ: „К[ъ] вам[ъ] слово, о хытріа Римлѧне, ваше разгласіе" и пр.

[232]) Начинается отъ словъ: „Не бехма ѹбо рекѹ, хрыстіане вас[ъ] божіею благодатію из[ъ] начала знаем[ъ]" и пр.

[233]) Въ спискахъ русскаго разряда адресуется посланіе это къ архіепископу римскому; но мы позволили себѣ заглавіе это исправить и вмѣсто словъ: „къ архиепископоу римьскому" поставить слова: „къ архиепископоу венетійскому", ибо посланіе Петра объ опрѣснокахъ [срав. прим. 196 и 230] писано, по выразительному свидѣтельству Никона Черногорца, въ XL словѣ Тактикона [по львов. списку на стр. 518] не къ архіепископу римскому, но къ венетійскому; съ другой стороны, показаніе это подтверждается также и списывателемъ синодальнаго москов. Сборника подъ № 269 [срав. Описаніе Горскаго и Невостр. II, ч. 3, стр. 308], въ которомъ письмо патріарха Петра, начинающееся отъ словъ: „Написа ми се свѧтыни твоꙗ" и пр. адресовано тоже къ архіепископу венетійскому.

[234]) Начало статьи: „Аще ес[ть] въ тобѣ разум[ъ] и прѣмудрост[ь], отвѣщай ближнему" и пр.

[235]) Эта вторая часть Никитиной статьи въ спискахъ сербскаго разряда гораздо полнѣе, нежели въ Кормчихъ рус. разряда.

[236]) Начало статьи: „Папа римскый, еликоже западныꙗ страны христіаны и пр.

[237]) Извлеченіе это гласитъ дословно такъ: „Иже сѹботы съ опрѣснокы хранѧщеи, глаголюще христіане быти, ни жидове, ни христіане чисти сѹт[ь], но подобны суть кожи сѣрѣй, ꙗкоже Великій Василій глаголетъ, еіаже шерсть ни черна есть, ни онѹд[ъ] бѣла".

238) Оно начинается отъ словъ: „Сказа намъ презвитер[ъ] именемъ Петръ, пришедъ от[ъ] Рима, о Григоріи бесѣдовницѣ" и пр.

239) Сборникъ этотъ писанъ въ другой половинѣ XVI вѣка.

240) Мы должны замѣтить, однако, что между статьею этою и указанною подъ ч. 4 и находящеюся въ томъ же свято-онуфріевскомъ сборникѣ статьею Анастасія и Кирилла есть большое сходство въ содержаніи и формѣ, заставляющее думать, что это одно и то же произведеніе, сообщенное лишь подъ двумя различными заглавіями.

241) Это тѣ же свидѣтельства и выписки, которыя повторяются еще разъ въ Сборникѣ XVII стр. 896—908, но съ большими варіантами.

242) Онъ обращается здѣсь уже прямо противъ Латинянъ и противъ ученія ихъ о происхожденіи Духа отъ Отца и Сына вмѣстѣ.

243) Срав. примѣчаніе 240.

244) Начало статьи: „Въ лѣто ҂ѕ҃с҃п҃ѕ. є, бяше же на седмомь съборѣ Андріань, папа римскїй" и пр.

245) Срав. ту же статью въ синод. московскомъ сборникѣ подъ № 269, листъ 26 об.

246) Ср. примѣч. 234.

247) Это кажется статья довольно рѣдкая; по крайней мѣрѣ, я до сихъ поръ не встрѣчался съ нею нигдѣ болѣе.

248) Тоже статья довольно рѣдкая.

249) Онъ писанъ въ половинѣ XV вѣка, а присовокупленныя къ нему полемическія статьи прибавлены другою новѣйшею рукою, но все таки еще въ концѣ XV—XVI вѣка.

250) Въ спискѣ сказано, что статья эта предложена была патріарху Герману „черезъ отвѣтниковъ" папы Григорія.

251) Срав. примѣчаніе 241 и 242.

252) Писанъ гдѣ нибудь въ перемышльской области 1563 года.

253) Подобно статьѣ „на безбожныя латиняны" въ Сборникѣ подъ № IV [на стр. 184], начинается также и разсматриваемая статья отъ словъ: „Латина мовят[ь] блоудяще: Рим[ъ] ест[ь] съборная цр[ъ]ков[ь], и оплаток[ъ] нарецают[ь] тѣло Христово". Но это очевидное сходство вступительныхъ словъ не доказываетъ здѣсь ничего, ибо изъ простаго сличенія самихъ же текстовъ естественно заключать, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ статьями, происшедшими изъ двухъ различныхъ источниковъ, сокращеннаго и полнаго. Въ спискѣ подъ № XVIII содержится именно полный текстъ слова.

254) Въ томъ можно убѣдиться, сравнивая текстъ нашихъ древне-русскихъ статей съ соотвѣтствующими греческими источниками, напечатанными отчасти у Котелера, Monumenta ecclesiae graec. III, 495—509. [Впрочемъ, и сочиненія русскихъ митрополитовъ писаны были первоначально большею частію погречески].

[255]) Мы увѣрены, однако, что у насъ извѣстны были и всѣ другіе этого рода памятники, въ особенности: 1) Посланіе митрополита Льва [† 1007], напечатанное въ Временникѣ общ. ист. 1842 г.; 2) Исповѣданіе каѳол. апостольской вѣры митрополита Илларіона, составленное имъ на славяно-русскомъ языкѣ въ 1051 году и напечатанное въ Прибавленіяхъ къ твореніямъ св. отецъ 1844 и въ Чтен. Общ. Ист. и древностей рос. 1848; 3) Стязаніе съ латиною митроп. Георгія [современника Ѳеодосіева † 1074], открытое преосв. Макаріемъ и напечатанное въ его Исторіи рус. церкви II прим. 273; 4) Посланіе митрополита Никифора [1104—1170] къ князю Владиміру Мономаху о причинахъ отверженія латинянъ отъ православной церкви, напечатанное въ Памятникахъ рос. словесности XII в., изданныхъ Калайдовичемъ, Москва, 1825 г., и другія, указанныя въ Обзорѣ преосв. Филарета произведенія полемической литературы, древней и новѣйшей, а именно произведенія, указанныя имъ въ статьяхъ: 9, 15, 16, 26, 89, 108, 125, 130, 141, 142, 154, 156, 162, 163, 165, 169, 170, 176, 180, 181, 182, 184, 189, 227, 234, 238, 246, 249, 251, 259, 260 и др.

[256]) Это поученіе св. Ѳеодосія являлось уже нѣсколько разъ въ печатномъ видѣ; но мы считаемъ все таки не излишнимъ представить изъ него еще разъ всѣ болѣе существенныя мѣста въ томъ видѣ, въ какомъ оно находится въ львов. спискѣ Кіевопечерскаго Патерика. Оно записано здѣсь слѣдующимъ образомъ: „Пріиде нѣкогда бл[а]говѣрный великій кнѧзь Изѧславъ, сынъ Ярославль, внѫкъ Володимеровъ къ с[вѧ]томȣ о[т]цю нашемȣ Ѳеѡдосію, игѫменȣ печерскомȣ, и рече емѫ: Исповѣждь ми, о[т]че, вѣрȣ варѧжскȣю, какова есть! Преподобный же о[т]ецъ наш Ѳеѡдосіе рече: Послȣшай, бл[а]г[о]ч[е]стивый кнѧже,.. вѣра ихъ зла и законъ ихъ нечистъ естъ, въ Савеліевȣ [бо] вѣрȣ и въ иныѧ многи вкстȣпили сѫть ереси и всю землю осквернили. Ты же, бл[а]говѣрный самодръжче [sic!], блюди себе от[ъ] нихъ, ереси бо их[ъ] сѫтъ сиѧ: а҃, иконъ не цѣлȣють и в҃, мощій с[вѧ]тыхъ не цѣлȣют[ь]; г҃, кр[ъ]стъ, на земли написавши, цѣлȣютъ и, воставше, попирают[ъ] ногами; д҃, в[ъ] постъ мѧсо ıадѧть; є҃, опрѣсноки слѫжатъ; ѕ҃, попове ихъ кр[ъ]щають въ едино погрȣженіе, а мы въ три; мы же мажем[ъ] мирoмъ кр[ъ]щающагосѧ и масломъ, а они кр[ъ]щающомȣсѧ сыплють сѡль въ оуста; з҃, въ имѧже свѧтыхъ не нарицаютъ, но, како възъзовѫтъ родители ихъ, в[ъ] то имѧ и кр[ъ]щают [—Сего ради вѣры латыньское бѣгати лѣпо есть, ни обычаѧ их[ъ] држати, и комканіа их[ъ] не пріимати, и не послȣшати реченное ими, зане неправо вѣрȣют[ь], и [неправо] глаголютъ, и нечисто живȣтъ, ıадѧт бо съ псы и кȣшками]; и҃, піютъ же свой сець, ıаже зло есть и проклѧто сие; ѳ҃, ıадѧтъ желвы и дикіа кони и ослы и оудавленинȣ и медвединȣ и бобрѡвинѫ; і҃, первыѧ же недели великаго постѫ въ вторникъ кȣшаютъ мѧса; аі҃, и мнихи ихъ ıадѧтъ лѡй; ві҃, в[ъ] сѫботȣ же постѧтсѧ [—Христіаном[ъ] же [разумѣется, православнымъ] своихъ дщерей не достоит[ь] за нихъ давати, ни поимати

оу нихъ за себе, ни брататисѧ с ними, ни кꙋмитисѧ, ни цѣлованія с[ъ]ними имѣти, и не ꙗсти с[ъ]ними, ни пити из̾ единаго съсѫда: тѣм[ъ] же, просѧщимъ оу васъ, давайте имъ бога ради ꙗсти, но въ ихъ съсѫдехъ: аще ли не бѫдетъ в[ъ] нихъ сосѫда, во своем̑ дати и потомъ, измывше сосѫдъ, молитвословати]; г҃і, а ѡ съгрѣшеніихъ своихъ не ѿ[ъ] бога просѧт[ь] прощенія, но прощают[ь] ихъ попове по дарѫ их[ъ]; д҃і, попове же ихъ не женѧтъсѧ [съ] законною женою, но съ рабынѧми блоудъ творѧт[ь] и слѫжбꙋ дѣютъ, а грѣха собѣ в[ъ] том[ъ] не творѧтъ; є҃і, бискꙋпы же ихъ дръжат[ь] наложници, и на войнꙋ ходѧтъ, и прьстень на рѫцѣ носѧть; ѕ҃і, мртвеци кладꙋтъ на западъ ногами, а главою на въстѡкъ и рѫцѣ по длинꙋ полагают, ѡчи же и оуши и нѡсъ воском[ъ] залѣплѧютъ; з҃і, и женѧщіисѧ поимают сестреници; и҃і, и мртвымъ тѣломъ слѫжать, ꙗко мртва, господа мнѧще; мы же слꙋжбꙋ творимъ живымъ тѣломъ и самого господа видѧще ѡдеснꙋю сѣдѧща ѿца, и пакы сѫдити пріидетъ живымъ и мр[ъ]твымъ. Ѡни бо латина мрътвам̑ иже мрътвꙋ слꙋжбꙋ съдѣвают; мы же живꙋ б[о]гоу жрътвѫ чистꙋ и непорочнꙋ приносѧще, и животъ вѣчный ѡбрѣсти имамы, ꙗко бо писано есть и пр. Ты же, чадо, таковыхъ дѣаній блюди себе и не присвойсѧ тѣмъ, но бѣгай ихъ. Свою вѣрꙋ непрестанно хвали и, ꙗкоже можеши, подвизайсѧ в[ъ] ней добрими дѣлы. Милостивже бѫди, христолюбче, не токмо до своихъ домочадець, но и до чѫждих̑, и аще видиши нага, одежи и, или гладна или бѣдою содръжима помилꙋй. И аще ти бꙋдетъ ѿ которыѧ вѣры еретикъ или латынинъ, всѧкого помилꙋй и ѿ бѣдъ избави, и мзды отъ бога не погрѣшити и пр.

257) Напеч. въ Памятникахъ рос. словес. XII вѣка стр. 205—218, и въ Ученыхъ Запискахъ II отд. Акад. Н. 1854.

258) Важнѣйшія сочиненія противъ уніи разсмотрѣны въ Исторіи рус. словесности Галахова I, 180 слѣд. и въ Обзорѣ рус. дух. литературы въ статьяхъ: 152, 155, 157, 158, 159, 160, 162, 164, 167, 169, 170, 171, 172, 173, 176, 177, 178 и др. [срав. также и примѣч. 255].

259) Но мы должны замѣтить, что ея нѣтъ въ настоящее время въ архивѣ томъ, и если не отыщется у кого нибудь изъ нашихъ библіомановъ, то должна считаться пропавшею. Къ счастью, при посредствѣ почтенной памяти Дениса Зубрицкаго она удостоилась [въ Актахъ къ исторіи Западной Россіи, IV, № 149 стр. 203—236] напечатанія. [Срав. Обзоръ рус. дух. литерат. статью 159].

260) Это „Описаніе“ состоитъ изъ небольшей книжицы, написанной въ четвертую долю листа [страницъ записанныхъ 193, безъ заглавія], и кажется, что оно есть автографъ сочинителя. Оно писано было имъ въ старости, какъ заключать можно изъ словъ, сказанныхъ имъ самимъ въ главѣ пятой: „А склонѧючисѧ к̑ концꙋ, прошꙋ всѣх[ъ] православных[ъ] и напоминаю, абы апостолскꙋю погрозкꙋ всегда в[ъ] памѧти мѣли, писаннꙋю: „Аще

ми [мы], или ангелъ с[ъ] небесе благовѣстит[ь] вам[ъ] паче, еже пріясте, анаѳема да будетъ". Эти немногія указанія на собственное лице автора представляютъ, однако, такую неопредѣленную точку опоры, что мы не можемъ выводить изъ нея пока еще ничего положительнаго въ этомъ вопросѣ. Мы должны, напротивъ, изъ сообщенныхъ имъ историческихъ фактовъ, а именно изъ того обстоятельства, что о вступленіи Іова Борецкаго на митрополичій Кіевскій престолъ совершенное хранится молчаніе, догадываться, что книга писана не позже 1620 года. А на основаніи тѣхъ же историческихъ и топографическихъ данныхъ мы въ правѣ догадываться также и о томъ, что писатель былъ уроженцемъ бѣлорусскимъ, или точнѣе—уроженцемъ „повѣту луцкого".

[261]) Въ разсматриваемомъ здѣсь львовскомъ спискѣ Палинодіи нѣтъ собственно ни заглавія, ни обычнаго ей предисловія, ни другихъ прямыхъ указаній на ея автора и ея происхожденіе. Но изъ содержанія книги, а также изъ оглавленія и распредѣленія статей мы не могли не догадаться, что въ спискѣ этомъ содержится ничто иное, какъ такъ называемая Палинодія Захарія Копыстенскаго. Все различіе львовскаго списка Палинодіи отъ другихъ того рода экземпляровъ состоитъ только въ томъ, что онъ не дописанъ до конца. Онъ доведенъ всего лишь до части второй, раздѣла 12, артикула 7, и содержитъ изъ этого послѣдняго только первыя шесть строкъ.

[262]) Палинодія Копыстенскаго имѣетъ въ описанномъ у Невоструева и Горскаго синодальномъ экземплярѣ [срав. описаніе рукоп. синод. библ. II, ч. 3, 329] слѣдующее заглавіе: „Палінодіа, или книга обороны каѳолической с[вя]той апостолской всходной церкви и с[вя]тыхъ патріарховъ, и о Грекахъ, и о Россохъ Хр[и]стіанскъ, в[ъ] ласце б[о]жой, за бл[аго]с[ло]веніемъ старших[ъ], през[ъ] архимандрита Захарію Копистенского написана и з[ъ] ревизією учителей видана, а под[ъ] розсудокъ поддана с[вя]тых всходных патріарховъ, року от[ъ] рождества б[о]гаслова Іс[оуса] Х[ри]с[та] ҂ахка го, м[ѣ]с[я]ца ноемвріа кз".

[263]) Книга Товіи Петрашка писана тоже въ 4 долю листа [всѣхъ страницъ 384] и озаглавлена на стр. 1 такъ: „Истинна вѣра стараа церкви святой восточной православно-католической, против[ь] мнимой старой вѣры западной, на оугрызающаа писаніа еретедозовъ, или схизматиковъ противославныхъ: Петра Скарги, Павла Бойма, Цѣховскаго, трибуналисты, и кулешы.. а ко утвержденію сыновъ церкви с[вя]той восточной, [слова тѣ находятся уже на 2 страницѣ, или въ такъ называемомъ второмъ титулѣ] во вѣрѣ истинной православно-католической до днесь цѣле и непорочно пребывающих[ъ], чрезъ нѣкоего ревнителя благочестіа с[вя]таго ревнителемъ въ даръ любезно приносится. Въ лѣто ҂ахѱѕ септемвріа пану Борысу Петровичу Шеремету в[ъ] Кіевѣ отдах[ъ] іеромонахъ Товіа Петрашко К. и Суд. Кон. Игум. Мошн: Гωр. [sic!] [или, Геор:?].

[264]) Онъ былъ, по всей вѣроятности, лице духовное.

[265]) Мы предоставляемъ себѣ право историческую часть этого сочиненія издать вполнѣ.

[266]) Въ синод. спискѣ Палинодіи [ср. Описаніе Невостр. и Горск. II, ч. 3, 331] упомянуты, кромѣ многочисленныхъ писателей, греческихъ и латинскихъ, слѣдующіе русскіе и польскіе авторы и книги: Андрей Мачꙋвскій, Антиграфъ [назв. книги] виленскій, Александеръ Гвагнѣнъ, Кройнѣкаръ, Аѳонской горы соборникъ, Апокрисисъ Христофора Филалета [т. е. Христофора Бронскаго], Керестейского соборꙋ дѣи з[ъ] части [ex parte] православныхъ[ъ], Бꙋскъ, езꙋита, Длꙋгошъ Кройникар[ъ], Діалогъ [явившійся] в Вилнѣ ꙋ Мамонича, Дрꙋкарь[?], Эктезисъ, Исторій словенскій, или ческій, Исторіа Бѣлского, Кромеръ Мартин[ъ], Книжка острозкого дрꙋкꙋ, Кройника словенская з[ъ] грецкого прекладꙋ, Кіевски[й] ꙋпоминникъ, Кройника сръбская, Конститꙋціи от[ъ] ҂ахфзѕ, од[ъ] ѕѕ [и] од[ъ] іин, Конфідирація полского и рꙋского народов[ъ] [и] ста:овъ, Ламентъ ореологовъ, Мартин[ъ] Блажовскій, Орѣховскый, Переводникъ книжки костеловъ краковских[ъ], Патерикъ печерскій, Скарга, Соколовскій, Синазар[ъ] славенскій, Соборникъ празничный, Соборникъ славенскій, Соборникъ с[вя]т[аго] Сергія, Савелникъ Клондꙋс[ъ].

[267]) Къ этой русской вставкѣ прибавлено еще слѣдующее извѣстіе объ уніатѣ Красускомъ: „Его бѣдность ꙋдавили Шведы, бо повѣсивші, билі за гроши и вымучилі ѿ чирвоных[ъ], з[ъ] чого ꙋмеръ в[ъ] лѣто ҂ахнд, когда Львовъ здобꙋли и кровопролитіє сотворилі Шведы“.

[268]) О себѣ самомъ упоминаетъ авторъ подъ 1621 и 1630 годами, но въ такихъ неопредѣленныхъ словахъ, что трудно сказать положительно, былъ ли онъ лице духовное, или свѣтское. Изъ всѣхъ сообщенныхъ имъ данныхъ выходитъ лишь то, что онъ родился въ окрестности Межибожа [въ Подоліи], и что былъ во всякомъ случаѣ человѣкомъ, видѣвшимъ многое и умѣвшимъ высказать то, что слышалъ и видѣлъ.

[269]) Это краковское изданіе лѣтописи совершено латинскими буквами, подъ заглавіемъ: „Kronika ruska“.

[270]) По списку, сообщенному ему Д. Зубрицкимъ.

[271]) Послѣдняя часть львовской лѣтописи сообщена была въ сокращенномъ польскомъ переводѣ еще разъ въ „Ułamkach historycznych“ Мацѣевскаго и напечатана въ томъ же Квартальникѣ науковомъ, стр. 288—320.

[272]) А если это могло случиться теперь, въ новѣйшія времена, то тѣмъ болѣе могли этого рода памятники гибнуть во времена минувшія, когда набѣги турецкіе смѣнялись шведскими, а набѣги шведскіе внутренними безпокойствами.

[273]) Но мы не могли пользоваться ими, такъ какъ этого рода архивы остаются для людей не польскаго происхожденія большею частью вполнѣ недоступными.

[274]) Такъ называемыя приходскія метрики, т. е. списки рожденныхъ, вѣнчанныхъ

и усопшихъ извѣстны уже издавна и вмѣняемы настоятелямъ церквей въ обязанность. Но списки эти велись большею частію безъ надлежащей отчетливости, и лишь со временъ епископа львовскаго Іосифа Шумлянскаго, стали, по изданнымъ въ его собственной печатнѣ формулярамъ [а затѣмъ не ранѣе 1687 года] входить въ употребленіе болѣе точныя метрики, въ которыхъ, если возьмемъ метрики рожденныхъ, кромѣ имени крестника, года и дня его рожденія, вносимы были также имена и характеръ его родителей, а также имена и характеръ его воспріемниковъ и другія этого рода данныя. Одинъ весьма хорошій экземпляръ такихъ новѣйшихъ метрикъ [изъ 1688—1756 года] хранится также и въ библіотекѣ имени Оссолинскихъ подъ № 1603—1604.

275) Онѣ называются также публичными, или шляхетскими метриками и велись большею частію полатыни или попольски.

276) Такъ называемые частные, или семейные помянники были прежде того въ употребленіи только у знатнѣйшихъ родовъ; но съ половины XVII вѣка [кажется, при содѣйствіи братствъ церковныхъ] они вошли уже въ болѣе общее употребленіе, такъ что въ настоящее время едва ли находится въ Галиціи русская фамилія, которая бы въ видѣ маленькой бумажной книжечки, или хотя бы одного лишь листка, не имѣла своего собственнаго помянника.

277) Они находятся въ каждой монастырской обители безъ изъятія, но одинъ изъ самыхъ красивыхъ и любопытныхъ [въ немъ находятся различныя заставки, гербы и пр.] монастырскихъ помянниковъ попадался намъ въ библіотекѣ добромильскаго монастыря подъ № 39.

278) Они содержались тоже каждымъ братствомъ безъ изъятія, но одинъ изъ древнѣйшихъ братскихъ помянниковъ [конца XVI вѣка] находится только въ архивѣ ставропигійскаго Института.

279) Они образовались [кажется, не раньше первой половины XVIII вѣка] такимъ именно образомъ, что разбросанные по особымъ книжечкамъ и листкамъ семейные помянники стали по образцу монастырскихъ и братскихъ помянниковъ сводиться въ одну книгу и распредѣляться такимъ порядкомъ, что первое мѣсто занимала фамилія бывшаго тогда священника, а вслѣдъ за нею фамилія самаго знатнаго и найболѣе заслуженнаго для церкви прихожанина и т. д. Мы должны замѣтить, однако, что эти приходскіе помянники встрѣчаются большею частію только по городамъ, гдѣ они извѣстны были также подъ именемъ горожанскихъ, или „мѣщанскихъ“ помянниковъ, какъ убѣдиться можемъ, напримѣръ, изъ экземпляра, находящагося въ теперешней старосамборской церкви подъ № 25, и озаглавленнаго слѣдующимъ образомъ: „Се поминаніє славетнє ѹрожоныхъ п[ановъ] мещановъ такъ и мещанокь, обополнє єсть и пановь премѣщановъ и предмещокь старосамборскых[ъ].., здє описанныхъ рокѹ б[о]жого ҂аѱнв, м[ѣ]с[ѧ]ца анѹаріа днѧ і҃“.

Изъ помянниковъ приходскихъ, встрѣчаемыхъ по церквамъ сельскимъ, намъ извѣстенъ пока только одинъ экземпляръ, находящійся въ селѣ Коровникахъ, подъ Перемышлемъ. Но мы не сомнѣваемся, что они находятся также и въ другихъ приближенныхъ къ городамъ селамъ; лишь надобно искать ихъ.

289) Изъ такъ называемыхъ цеховыхъ помянниковъ намъ извѣстенъ понынѣ тоже всего лишь одинъ экземпляръ, находящійся въ той же старосамборской церкви подъ № 26 и озаглавленный вотъ какъ: „Сїє поминанїє родителей и сродниковъ славетныхъ пановъ мещанъ братїєв[ъ] ремесла кушнѣрского, цеху старосамборскаго, писан[о] в[ъ] б[о]госпасаемомъ градѣ Старомъ Самборѣ, в[ъ] лѣто от[ъ] созданїѧ мира з҃с҃м, а от[ъ] воплощенїѧ г[оспод]а б[о]га и сп[а]са н[а]шего І[соу]са Хр[и]ста а҃ѱ҃л҃г, м[ѣ]с[ѧ]ца їанварїа, днѧ в҃і.

281) Напримѣръ, списки учениковъ, чиновниковъ, должниковъ и пр.

282) Между записями этими преобладаютъ прежде всего извѣстія метеорологическія; но вмѣстѣ съ ними попадаются весьма нерѣдко извѣстія о походахъ татарскихъ [точнѣе—турецкихъ] и шведскихъ; извѣстія о походахъ козацкихъ и о внутреннихъ междоусобіяхъ въ Польшѣ; извѣстія о смерти болѣе или менѣе заслуженныхъ лицъ—часто съ опредѣленіемъ дня и часа; извѣстія о событіяхъ, случившихся въ той или другой священнической семьѣ; извѣстія о цѣнахъ на различные съѣстные припасы—на крупы, муку, пшеницу, гречку, просо и пр.

283) Онѣ будутъ собраны и войдутъ въ задуманную А. Петрушевичемъ сводную Галицко-русскую лѣтопись, какъ сообщено имъ самимъ въ концѣ предисловія къ львовской лѣтописи.

284) Въ рукописяхъ этихъ содержится составленное въ 1627 году обстоятельное описаніе грамотъ, привильевъ и конфирмацій князей Острожскихъ, а отчасти также и другихъ дѣлъ съ приложеніемъ [въ II томѣ] различныхъ рукописныхъ и печатныхъ [изъ 1618—1761 годовъ] реестровъ, счетовъ, описаній „фаерверковъ" и пр.

285) Онѣ хранятся преимущественно въ архивѣ львовской финансовой прокураторіи.

286) А именно въ рукописяхъ, означенныхъ цифрами: 1 B. 7; 1 F. 17; 1 K. 6; 1 K. 11; 2 B. 33; 2 C. 10; 2 C. 11; 2 D. 27; 2 D. 39.

287) Срав. его статьи, явившіяся въ послѣднихъ выпускахъ Ставропигійскаго Временника.

288) Напримѣръ, ихъ старанія о братской церкви, братскихъ зданіяхъ и заведеніяхъ и пр.

289) Между этого рода „альбумами" занимаетъ первое мѣсто книга, означенная числомъ 581.

290) Но мы должны замѣтить, что редакція актовъ, явившихся въ Сборникѣ и въ Временникѣ, не всегда согласна съ требованіями палеографіи.

291) А преимущественно въ Актахъ, относящихся къ исторіи Западной Россіи.

292) Онѣ находятся тоже прежде всего въ архивѣ львовской финансовой прокураторіи.

293) Онѣ идутъ отъ XIV до конца XVIII вѣка; всѣхъ русскихъ грамотъ вмѣстѣ сорокъ семь.

294) Онѣ описаны довольно обстоятельно въ вышеозначенномъ сочиненіи Б. Дудика [Срав. примѣч. 3].

295) Онѣ принадлежатъ XVI и XVII столѣтію; всѣхъ разомъ девятнадцать и три отрывка.

296) Онѣ описаны тоже отчасти уже г. Б. Дудикомъ, но только нѣкоторыя, и то большею частію не удовлетворительно.

297) Напримѣръ, архивы Дзедушицкихъ, Любомирскихъ, Чарторыскихъ, Потоцкихъ и др.

298) Мы ставимъ ихъ между скобками, такъ какъ грамоты этого разряда попадаются лишь изрѣдка, и тѣ немногія большею частію подложны.

299) Онѣ писаны вообще погречески; но находится также одна, писанная поарабски, и одна писана пославянски съ греческою подписью.

300) Онѣ идутъ съ половины XVI вѣка до временъ новѣйшихъ.

301) Напримѣръ, къ добромильскому монастырю, какъ заключать можно изъ вышеупомянутаго помянника [Срав. примѣч. 277].

302) Онѣ свидѣтельствуютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и о томъ живомъ участіи, съ какимъ тогдашнее молдаво-влахійское общество относилось къ церковнымъ дѣламъ западной Руси, а въ особенности, къ интересамъ преслѣдуемаго здѣсь православія.

303) Всѣхъ этого рода писемъ одиннадцать.

304) Какъ доказываютъ грамоты, находящіяся въ архивѣ городскомъ во Львовѣ [Срав. примѣч. 294].

305) Въ пользу хранящихся въ архивѣ ставроп. актовъ говоритъ, впрочемъ, и то обстоятельство, что онѣ писаны большею частію порусски.

306) Точнѣе, копія грамоты князя Льва, о которой надобно замѣтить то же, что сказано было уже и о другихъ княжескихъ грамотахъ въ примѣчаніи 298.

307) Въ нихъ нерѣдко находится по двѣ, по три, иногда и больше грамотъ.

308) Числа, поставленныя въ скобкахъ, означаютъ день, мѣсяцъ и годъ грамоты.

309) По всей вѣроятности, копія подложна.

310) Всѣхъ писемъ этой группы [вмѣстѣ съ письмами господарынь молдавскихъ] есть шестьдесятъ два.

311) Елисаветы, Маргариты и Анны съ Могиловъ Потоцкой.

[312]) Мы позволяемъ себѣ разъ навсегда замѣтить, что почти всѣ номера, при которыхъ не отмѣченъ отдѣльно день и мѣсяцъ грамоты, состоятъ большею частію изъ свитковъ, содержащихъ въ себѣ по двѣ, по шесть, по одиннадцать, а иногда даже и больше документовъ.

[313]) Записанная подъ номеромъ этимъ грамота Господаря Симеона Могилы не находится въ настоящее время въ архивѣ.

[314]) Въ свиткѣ этомъ находятся двѣ грамоты: одна, изъ 1671 года, принадлежитъ господарю Михаилу Дукѣ [владѣвшему въ первый разъ отъ Января 1666 до Іюля того же года, второй разъ отъ 1668—1672 и въ третій разъ отъ 1678—1683], а другая, изъ 1694 года, господарю Константину Дукѣ, владѣвшему въ первый разъ отъ Іюня 1693 до Декабря 1695, а во второй разъ отъ Сентября 1700 до Іюня 1703 года.

[315]) Церковно-судныя грамоты русскихъ іерарховъ находятся въ грамотахъ и свиткахъ грамотъ подъ №№ 392, 394, 395, 396, 397, 399, 412, 413, 414, 415, 416, 417, 418, 419, 420, 421, 422, 423, 424, 425, 426, 427, 428, 429, 430, 431, 432, 433.

[316]) Между иными также и экскомуника на львовскаго типографа Слезку.

[317]) Акты, означенные № 202, есть въ печати.

О ЗОЛОТЫХЪ ВОРОТАХЪ ВЪ КІЕВѢ.

Сообщено **В. А. Толстымъ**[1]).

Желая обратить вниманіе на Золотыя Ворота, эту почтенную русскую развалину, я считалъ-бы необходимымъ составить планъ, по которому бы иногородный археологъ могъ заняться изслѣдованіемъ этой развалины. Прилагаю при семъ составленный мною по глазомѣру опытъ такого плана, для того, чтобы дать понятіе, какого рода желательно было бы имѣть съемку Золотыхъ Воротъ.

По моему бѣглому обзору, эти ворота должны были быть въ глубину до 11 сажень и состояли первоначально изъ 2-хъ стѣнъ, въ 1 аршинъ шириною, усиленныхъ со внутренней стороны пилястрами, выступавшими на 10 вершковъ. Высота пилястръ кажется была въ 8 аршинъ; а между противуположными пилястрами былъ пролетъ для ѣзды въ $9^1|_2$ аршинъ или въ 9 аршинъ и 7 вершковъ. Всѣхъ пилястръ съ каждой стороны вѣроятно было 8; изъ нихъ, съ городской стороны, теперь видны, на лѣво: 2, 3, 4, 5, 6 и 7 на право: 2, 3 и 4. На 6 пилястрѣ виденъ остатокъ арки, радіусъ которой долженъ былъ быть $4^3|_4$ аршина. Надобно предполагать, что всѣ пары пилястръ соединены были арками, и на аркахъ этихъ покоился сводъ воротъ, соединяющій стѣны, радіусъ котораго вѣроятно былъ до $5^1|_4$ аршинъ. По слѣдамъ, оставшимся съ наружной стороны стѣнъ, видно: что въ разстояніи отъ нихъ на 1 аршинъ 6 вершковъ, съ обѣихъ сторонъ воротъ, были деревянные тарасы, т. е. клѣтчатые срубы, наполненные камнемъ и землею, которые и образовали крѣпостную стѣну. Разстояніе между срубами и воротами было разбучено камнемъ и кирпичемъ на известкѣ. Кладка древнихъ стѣнъ была произведена изъ большихъ камней (между которыми есть лабрадоръ), въ перемежку съ тонкимъ кир-

[1]) См. въ атласѣ таблица I.

пичемъ и бутомъ, слѣдующимъ образомъ: цокуль изъ аршинныхъ камней, на нихъ бутъ изъ мелкаго щебня съ известкой, потомъ рядъ кирпичей въ $^3/_4$ вершка толщиною, потомъ слой известковаго бута въ $2^1/_2$ вершка, опять рядъ кирпича и бутъ; потомъ рядъ большихъ камней, на нихъ 3 ряда кирпича въ перемежку съ бутомъ, потомъ рядъ большихъ камней, на нихъ 4 ряда кирпича въ перемежку съ бутомъ и опять рядъ большихъ камней, на послѣднихъ 2 ряда кирпичей съ бутомъ и рядъ большихъ камней; на нихъ 6 рядовъ кирпича съ бутомъ и рядъ камней, потомъ 2 ряда кирпича и рядъ камней, потомъ 6 рядовъ кирпича и рядъ камней и наконецъ послѣдніе 2 ряда кирпича съ бутомъ; 6 рядовъ кирпича въ перемѣжку съ бутомъ кажется имѣютъ въ высоту 1 арш. 5 вер. Ряды кирпичей выступаютъ изъ за бута на палецъ, для того, чтобы поддерживать штукатурку, которою покрытъ бутовой слой и мѣстами ряды большихъ камней. Штукатурка эта очень замѣчательна по своей прочности, она желтоватаго цвѣта и похожа на портландскій цементъ. Не мѣшало бы сдѣлать геологическій анализъ этой штукатурки. Тарасы состояли изъ 6 вершковыхъ бревенъ, рубленныхъ въ уголъ, клѣтками. Всѣхъ клѣтокъ по длинѣ воротъ вѣроятно было 7 и стѣнки этихъ клѣтокъ отстояли другъ отъ друга на 4 аршина. Нельзя догадаться когда и для чего замазаны и задѣланы слѣды этихъ стѣнокъ, впрочемъ и теперь весьма замѣтные. На лѣвой стѣнѣ ихъ 7; а на правой 4, когда арки и сводъ испортились, или когда надъ воротами построенъ былъ шатеръ для церкви, то нашли нужнымъ изнутри укрѣпить ворота новыми арками, а можетъ быть и новымъ сводомъ, чѣмъ значительно уменьшилась высота воротъ; эта внутренняя новѣйшая кладка гораздо хуже древней, но видно стараніе подражать древней кладкѣ, штукатурки на новой кладкѣ уже нѣтъ и кирпичь худшаго качества. Между пилястрами, на высотѣ $1^1/_2$ арш. отъ земли, были полукруглые окна, ихъ теперь видно 6 на лѣвой стѣнѣ. Вѣроятно назначеніе ихъ было упрочить устойчивость стѣнъ. Круглое окно, изображенное у Закревскаго, есть ничто иное, какъ обвалившееся полукруглое. Въ старой стройкѣ эти окна имѣютъ въ радіусѣ 1 арш., а въ новой постройкѣ только 12 вершковъ.

Свои заключенія я не выдаю за окончательныя, я не могъ осмотрѣть развалины съ верху, хотя желательно-бы было такимъ образомъ изслѣдовать Золотыя Ворота и получить ихъ размѣры, посредствомъ точнаго измѣренія и самаго подробнаго обзора.

Середину воротъ полагаю противъ того мѣста, гдѣ начинается оставшаяся правая стѣна. Часть правой стѣны такъ уничтожена, что говорятъ не осталось даже и фундамента. Замѣчательно еще, что валъ состоялъ изъ *тарасъ*, а не *городней*, употреблявшихся въ древности; слѣдовательно устройство тарасъ не одновременно съ постройкой воротъ и разбутка разновременна съ древнѣйшей постройкой—*городнями* назывался рядъ отдѣльныхъ, другъ подлѣ друга поставленыхъ, срубовъ (Ипат. лѣт. подъ 1188 годомъ) а *тарасами*

непрерывный двойной или тройной рядъ вѣнчатыхъ стѣнъ, расположенныхъ параллельно направленію ограды и соединенныхъ подъ прямымъ угломъ другими поперечными стѣнками. Длина тарасъ была отъ 3 до 4 саж.; тарасы въ $1^1/_2$ сажени назывались *полутарасами.*

I.

Указатель личныхъ именъ.

*

2.

Указатель географическихъ названій.

*

*